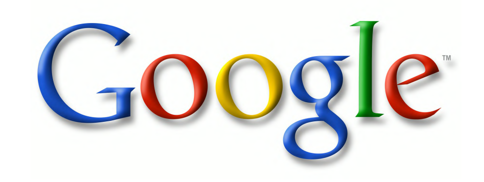
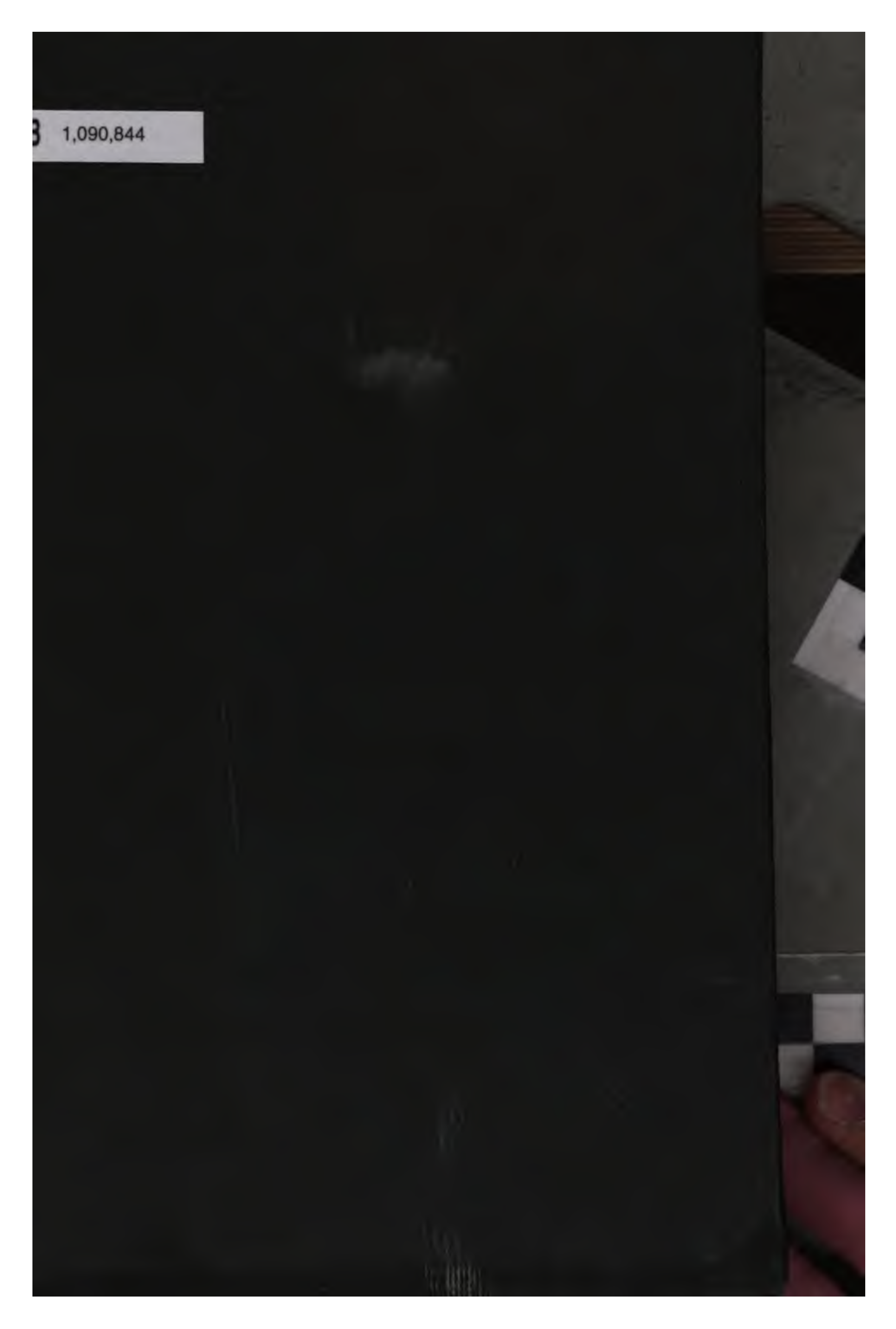
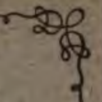

1,090,844

1837
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

СБОРНИКЪ

ТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

(ИМПЕРАТОРСКОЙ) АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

64

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1899.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
. Глазунова, К. Л. Риккера и М. Эггерса и Комп. въ Санктпетербургѣ; Н. П. Кар-
 икова въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; М. В. Клюкина
Москвѣ; Н. Я. Оглоблина въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; Е. П. Распопова въ
ессѣ; М. Н. Шехтера въ Кишиневѣ; Н. Киммеля въ Ригѣ; у Фоссъ (Г. Гессель)
Лейпцигѣ, а также и въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи
Наукъ.

Цѣна этого тома **Сборника** *2 рубля 50 коп.*

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1899.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Ноябрь 1899 года.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ЗА ЯНВАРЬ — МАЙ 1895 Г.

Г. Предсѣдательствующій довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что одинъ изъ сотрудниковъ Словаря русскаго языка д-ръ Л. Ѳ. Змѣевъ, печатающій въ изданіяхъ Общества любителей древней письменности свое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Русскіе Врачебники", обратился къ нему съ просьбою исходатайствовать разрѣшеніе прочитать въ Отдѣленіи выводы, къ коимъ привело его изученіе этихъ памятниковъ древней литературы. Опредѣлено предложить г. Змѣеву прочесть означенное сообщеніе въ слѣдующемъ засѣданіи Отдѣленія, о чемъ и извѣстить его.

Приглашенный въ засѣданіе Отдѣленія д-ръ Л. Ѳ. Змѣевъ прочелъ сообщеніе о „Русскихъ древлеписанныхъ врачебникахъ", въ которомъ познакомилъ присутствующихъ съ содержаніемъ своего сочиненія о такъ называемыхъ „Лѣчебникахъ", печатаемаго Обществомъ любителей древней письменности, и представилъ выводы, къ коимъ привело его изученіе цѣлаго ряда рукописей съ XI-го по XVIII вѣкъ.

Читано обширное письмо д-ра славянской филологіи П. А. Лаврова на имя Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи (отъ 25 марта сего года), въ которомъ онъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о своей поѣздкѣ по славянскимъ землямъ и о наиболѣе любопытныхъ рукописяхъ, видѣнныхъ имъ въ разныхъ библіотекахъ. (Письмо это въ извлеченіи см. ниже въ приложеніи I). Относительно препровожденнаго при письмѣ рукописнаго сборника текстовъ апокрифическаго содержанія,

г. Лавровъ сообщаетъ, что въ немъ заключаются большею частію списки уже извѣстныхъ текстовъ, но за то почти всѣ они *юго-славянскаго* происхожденія. Руководясь примѣромъ Н. С. Тихонравова, который печаталъ одинъ и тотъ же апокрифъ по нѣсколькимъ, даже и позднимъ спискамъ, г. Лавровъ считаетъ свой трудъ не напраснымъ. Имѣя въ виду предварительный просмотръ апокрифовъ Отдѣленіемъ, онъ снабдилъ каждый изъ нихъ краткими замѣчаніями, которыя, если Отдѣленіе согласится напечатать предлагаемые тексты, онъ расширитъ, давъ характеристику языка каждаго апокрифа и указавъ его литературное значеніе въ ряду другихъ текстовъ; онъ вызывается также составить указатель наиболѣе любопытныхъ словъ.

По прочтеніи этого письма и представленіи на просмотръ присланныхъ г. Лавровымъ восьми текстовъ апокрифическихъ сочиненій, съ краткими о нихъ замѣтками, г. Предсѣдательствующій, считая эти предлагаемые къ изданію и нынѣ доставленные на предварительный просмотръ Отдѣленія тексты любопытными по языку, а обнародованіе ихъ полезнымъ для науки, предложилъ Отдѣленію, не найдетъ ли оно возможнымъ согласиться на предложеніе г. Лаврова напечатать собранные имъ тексты въ одномъ изъ ближайшихъ томовъ Сборника съ его замѣчаніями и вводными статьями. По обсужденіи означеннаго предложенія, Отдѣленіе опредѣлило: напечатать тексты, собранные г. Лавровымъ, въ Сборникѣ и просить его снабдить ихъ своими замѣчаніями, вводными статьями и объяснительнымъ указателемъ наиболѣе любопытныхъ словъ, встрѣчающихся въ текстахъ; бывшія же на разсмотрѣніи Отдѣленія тетради возвратить нынѣ г. Лаврову для приготовленія къ изданію.

Читана записка члена-сотрудника Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Г. И. Куликовскаго (отъ 8-го апрѣля сего года изъ Москвы), съ предложеніемъ Отдѣленію напечатать собранные имъ, г. Куликовскимъ, словарные матеріалы по олонецкому нарѣчію. Г. Куликовскій уже давно приступилъ къ ихъ собиранію, и записывалъ слова не только самъ на мѣстѣ, но и извлекалъ ихъ изъ печатныхъ источниковъ и сборниковъ.

Его собраніе словъ, до сводки по гнѣздамъ, заключало въ себѣ до 20000 карточекъ, всего на 20—25 печатныхъ листовъ. Въ настоящее время уже окончательно переписаны и приведены въ порядокъ слова отъ буквы А до К и тѣ буквы, на которыя имѣется ограниченное количество словъ, именно буквы У—Я, всѣ же остальныя необходимо еще сводить вмѣстѣ и переписывать. Дальнѣйшая обработка матеріала задерживается по той причинѣ, что помимо служебныхъ занятій г. Куликовскому приходится брать разныя частныя работы, а потому онъ обращается къ Отдѣленію съ просьбою не отказать ему въ матеріальной помощи на то время, пока имъ будетъ приготовляемъ къ печати его трудъ, чтобы имѣть возможность, отложивъ на время частные заработки, болѣе досуга удѣлять работамъ по обработкѣ и перепискѣ собранныхъ имъ словарныхъ матеріаловъ и тѣмъ самымъ ускорить ихъ обнародованіе.

Въ дополненіе къ означенному письму г. Куликовскаго, А. А. Шахматовъ предложилъ вниманію Отдѣленія образцы его труда, присовокупивъ, что г. Куликовскаго хорошо знаетъ проф. В. Ѳ. Миллеръ, что онъ человѣкъ, живущій исключительно частнымъ заработкомъ, трудолюбивый, вполнѣ заслуживаетъ нравственной и матеріальной поддержки со стороны Отдѣленія, и что онъ, будучи уроженцемъ Олонецкаго края, положилъ много труда на собираніе указаннаго словарнаго матеріала и по мѣрѣ возможности не перестаетъ трудиться надъ нимъ и по настоящее время.

По прочтеніи записки г. Куликовскаго и выслушаніи заявленія А. А. Шахматова, Отдѣленіе опредѣлило просить А. А. Шахматова снестись съ В. Ѳ. Миллеромъ, лично знакомымъ съ Г. И. Куликовскимъ, для сообщенія послѣднему, что Отдѣленіе, по обсужденіи его предложенія, соглашается печатать собранные имъ словарные матеріалы по олонецкому нарѣчію въ алфавитномъ порядкѣ, а не по гнѣздамъ, подобно тому, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ имъ былъ уже изданъ „Словарь областного Архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи“ Подвысоцкаго, и предположило назначить въ пособіе г. Куликовскому до трехсотъ рублей, съ тѣмъ, чтобы эта сумма выдавалась по частямъ, напр. за каждую приготовленную имъ къ печати букву или часть Словаря.

Читано письмо г. Куликовскаго (изъ Москвы отъ 11 мая

сего года), адресованное А. А. Шахматову, въ которомъ онъ, извѣщая о посылкѣ начала рукописи составляемаго имъ Олонецкаго словаря, пишетъ, что она была бы болѣе по объему, еслибъ отъ него не потребовали новой (не погнѣздной, а алфавитной) группировки матеріала и проситъ сооообщить желаетъ ли II-е Отдѣленіе печатать всѣ обозначенія, являющіяся результатомъ сравненій собраннаго имъ матеріала, съ Словаремъ Даля. Если нѣтъ, то, по мнѣнію г. Куликовскаго, вся его работа по сравненію является лишнею и только будетъ тормозить дѣло, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе новой группировки (алфавитной), отличающейся отъ группировки Даля (по гнѣздамъ), и сравнивать съ нимъ становится очень затруднительно. Относительно сроковъ представленія обработаннаго уже матеріала по частямъ, г. Куликовскій назначаетъ 20-е или 1-е число каждаго мѣсяца и съ своей стороны предполагаетъ лѣто остаться въ Москвѣ и продолжать работу надъ словаремъ, а если на іюль мѣсяцъ и предприметъ поѣздку въ Петрозаводскъ, то обѣщаетъ и тамъ не оставлять своей работы.

По выслушаніи означеннаго письма и обсужденіи поставленныхъ въ немъ вопросовъ, Отдѣленіе опредѣлило печатать собранный г. Куликовскимъ словарный матеріалъ въ алфавитномъ порядкѣ безъ всякихъ сличеній съ Толковымъ Словаремъ живого великорусскаго языка Даля.

По прочтеніи г. Предсѣдательствующимъ правилъ объ единовременной преміи за сочиненіе о В. А. Жуковскомъ и составленнаго академикомъ А. Н. Веселовскимъ критическаго отзыва о рукописномъ сочиненіи неизвѣстнаго автора, скрывшаго свое имя подъ девизомъ: „Amat victoria curam,“— подъ заглавіемъ: „Жуковскій какъ переводчикъ Шиллера“, въ виду того, что комиссія, образованная изъ академиковъ М. И. Сухомлинова и А. Н. Веселовскаго признала автора вышеуказаннаго сочиненія заслуживающимъ награжденія преміею въ полномъ размѣрѣ, былъ вскрытъ запечатанный пакетъ, въ коемъ заключалась записка съ именемъ и обозначеніемъ мѣста жительства автора; таковымъ оказался В. Е. Чешихинъ, проживающій въ г. Ригѣ. Отдѣленіе постановило: присудить г. Чешихину полную премію въ тысячу рублей, изъ которой выдать ему теперь же пятьсотъ рублей, а остальные пятьсотъ рублей по

представленіи имъ въ Отдѣленіе печатнаго экземпляра, вмѣстѣ съ рукописью.

Доложено полученное отъ В. Е. Чешихина письмо (отъ 7-го мая с. г.), въ которомъ онъ выражаетъ искреннюю признательность за награжденіе преміею его сочиненія „Жуковскій какъ переводчикъ Шиллера". Принято къ свѣдѣнію.

Академикъ А. Н. Веселовскій представилъ въ Отдѣленіе рукописный трудъ приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго университета Ѳ. А. Брауна при слѣдующей запискѣ: „Прошу позволенія обратить вниманіе Отдѣленія на трудъ приватъ-доцента Санктпетербургскаго университета Ѳ. А. Брауна, приготовленный имъ къ печати подъ заглавіемъ: „Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній", и вмѣстѣ предлагаю его къ напечатанію въ изданіяхъ Отдѣленія. Лишь небольшой его отрывокъ („Готы въ Крыму") появился въ печати въ приложеніи къ годичному отчету Реформатскаго училища и тогда же былъ встрѣченъ одобрительно нѣмецкой критикой; теперь онъ значительно переработанъ Но главный интересъ труда не столько въ его исторической, сколько въ филологической части, и здѣсь онъ отвѣчаетъ задачамъ Отдѣленія.

Содержаніе сочиненія г. Брауна слѣдующее:

Вступленіе: Такъ называемый готскій вопросъ въ связи съ вопросомъ о происхожденіи Руси.

Глава I: Историческія данныя о готахъ въ Россіи. Первый періодъ исторіи готовъ: готы на нижней Вислѣ. Отношенія ихъ къ гаутамъ Скандинавіи и гутамъ острова Готланда.—Второй періодъ: готы въ южной Россіи.

Глава II: Послѣднія судьбы крымскихъ готовъ. Исторія готскаго княжества въ Крыму. Результаты экскурсіи Ѳ. А. Брауна въ Крымъ и на побережье Азовскаго моря.

Глава III: Опытъ сравнительнаго изученія гото-славянскаго именослова.

Глава IV: Германскія заимствованія въ славянскомъ словарѣ. Опытъ хронологическаго опредѣленія наслоеній въ составѣ заимствованныхъ словъ".

Отдѣленіе, разсмотрѣвъ сочиненіе г. Брауна, опредѣлило напечатать его въ Сборникѣ, сдѣлавъ для автора отдѣльные оттиски. Печатаніе труда г. Брауна будетъ производиться подъ наблюденіемъ академика А. Н. Веселовскаго.

Академикъ Л. Н. Майковъ заявилъ, что во время своей недавней поѣздки въ Москву онъ имѣлъ возможность ознакомиться съ нѣкоторыми новыми матеріалами для біографіи Пушкина и для изданія его сочиненій и частію получить эти матеріалы въ свое распоряженіе. Такъ, въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ академикъ Майковъ нашелъ нѣсколько документовъ о службѣ Пушкина въ Иностранной Коллегіи, а въ библіотекѣ этого архива — два письма поэта къ барону М. А. Корфу и Н. А. Дуровой, записки И. И. Пущина о его знакомствѣ съ Пушкинымъ, существующія въ печати лишь съ значительными пропусками, и письмо князя П. А. Вяземскаго о смерти Пушкина; управляющій названнымъ Архивомъ баронъ Ѳ. А. Бюлеръ изъявилъ согласіе выслать всѣ означенные матеріалы въ Академію для пользованія академика Майкова. Затѣмъ, чрезъ посредство А. Н. Гонецкаго академикъ Майковъ имѣлъ случай разсмотрѣть бумаги С. Д. и Н. С. Киселевыхъ. С. Д. Киселевъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ Пушкину, и два письма послѣдняго сохранились въ его бумагахъ. Тутъ же уцѣлѣлъ альбомъ его супруги, Елизаветы Николаевны, рожденной Ушаковой, со множествомъ рисунковъ Пушкина. Въ бумагахъ Н. С. Киселева нашлись его замѣтки о знакомствѣ его родителей съ Пушкинымъ и автобіографическія воспоминанія Е. Н. Киселевой. Всѣ эти бумаги, а равно неизданныя стихотворенія Н. М. Языкова и его письма къ Н. Д. Киселеву, относящіяся ко времени ихъ совмѣстнаго ученія въ Дерптѣ, получены академикомъ Майковымъ въ его пользованіе.

Кромѣ названныхъ матеріаловъ, академикъ Майковъ получилъ отъ служащаго въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ музеѣ А. В. Орѣшникова, свѣдѣніе о существованіи неизданныхъ писемъ Пушкина въ рукахъ г. Карелина, живущаго въ Нижнемъ-Новгородѣ. Наконецъ, графиня П. С. Уварова обѣщала доставить академику Майкову неизданныя автобіографическія воспоминанія своего тестя, графа С. С. Уварова, а г-жа Россолимо—записки своего дѣда, генерала П. С. Пущина, съ которымъ Пушкинъ былъ знакомъ въ бытность свою въ Кишиневѣ.

При этомъ адъюнктъ А. А. Шахматовъ заявилъ, что въ его рукахъ находятся подлинники писемъ Пушкина къ А. А.

Бестужеву и К. Ѳ. Рылѣеву, печатавшихся до сихъ поръ лишь съ копій и въ не полномъ видѣ. А. А. Шахматовъ изъявилъ готовность доставить означенныя письма академику Л. Н. Майкову.

Г. Предсѣдательствующій представилъ Отдѣленію полученные имъ отъ И. И. Куриса принадлежащіе ему автографы А. С. Пушкина. Эти автографы переданы академику Л. Н. Майкову.

ЗА СЕНТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1895 ГОДА.

Нашъ Полномочный и чрезвычайный посолъ въ Константинополѣ А. И. Нелидовъ, представляя на разсмотрѣніе Академіи Наукъ экземпляръ перваго тома болгаро-русскаго словаря, составленнаго бывшимъ нашимъ вице-консуломъ въ Филиппополѣ Найденомъ Геровымъ, обратился съ просьбою оказать пособіе г. Герову, которое дало бы ему возможность продолжать печатаніе этого труда. Отдѣленіе опредѣлило обратиться съ просьбою разсмотрѣть и дать отзывъ о достоинствѣ словаря г. Герова къ знатоку болгарскаго языка, его діалектологіи и исторіи, профессору Императорскаго Харьковскаго университета М. С. Дринову, сообщившему нынѣ Отдѣленію разборъ этого труда, который имѣетъ быть напечатанъ въ одномъ изъ изданій Отдѣленія.

Читано препровожденное при письмѣ г. Непремѣннаго секретаря отношеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія на имя Августѣйшаго Президента Академіи (отъ 25 іюня 1895 года), въ которомъ Его Сіятельство сообщаетъ, что извѣстный этнографъ коллежскій ассесоръ П. В. Шейнъ въ настоящее время озабоченъ изданіемъ подготовленнаго въ теченіе многихъ лѣтъ весьма обширнаго рукописнаго собранія великорусскихъ пѣсенъ, заслуживающаго серьезнаго вниманія не только ученыхъ, но и всего русскаго общества, интересующагося памятниками народной поэзіи и что замѣчательный этотъ трудъ, къ сожалѣнію, не можетъ быть изданъ самимъ собирателемъ, по причинѣ неимѣнія необходимыхъ на то денежныхъ средствъ.—

Въ виду того, что Императорская Академія Наукъ уже разъ отнеслась сочувственно къ дѣятельности г. Шейна и признала его достойнымъ матеріальной поддержки,— графъ И. Д. Деляновъ обращается къ Его Императорскому Высочеству съ покорнѣйшею просьбою, не изволитъ ли Его Высочество признать возможнымъ предложить на обсужденіе Академіи вопросъ объ изданіи на ея средства Сборника великорусскихъ пѣсенъ Шейна. Отдѣленіе, выслушавъ означенное отношеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія и обсудивъ просьбу г. Шейна, опредѣлило сообщить г. Непремѣнному секретарю Академіи, что оно не находитъ возможнымъ высказать въ настоящее время ничего положительнаго до тѣхъ поръ, пока не будетъ представленъ на его разсмотрѣніе сборникъ г. Шейна въ полномъ его составѣ и въ окончательной обработкѣ.

Академикъ А. Н. Веселовскій, подъ наблюденіемъ котораго печатается въ Сборникѣ Отдѣленія трудъ лектора нѣмецкаго языка при Императорскомъ Санктпетербургскомъ университетѣ Ѳ. А. Брауна подъ заглавіемъ: „Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній“, довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія о желаніи автора приложить къ своему сочиненію карту Европы, составленную имъ примѣнительно къ даннымъ, сообщаемымъ Птоломеемъ. Отдѣленіе, сознавая пользу приложенія подобной карты для уясненія текста вышеуказаннаго сочиненія, опредѣлило разрѣшить академику А. Н. Веселовскому сдѣлать заказъ означенной карты.

Г. Предсѣдательствующій прочиталъ полученное имъ отъ академика И. В. Ягича письмо изъ Вѣны отъ 1 октября, въ которомъ онъ, между прочимъ, передаетъ предложеніе одного изъ молодыхъ московскихъ ученыхъ С. Н. Северьянова— снять фотографически хранящуюся въ Люблянѣ (Лайбахѣ) половину славянской рукописи XI в., извѣстной подъ именемъ Супрасльской, и такимъ образомъ обезпечить этотъ замѣчательный памятникъ славянской письменности отъ всѣхъ возможныхъ случайностей. Проѣздомъ въ Венецію г. Северьяновъ вошелъ въ переговоры съ однимъ фотографомъ, который согласился сдѣлать полный фотографическій снимокъ за 500 гульденовъ (т. е. приблизительно за 400 рублей). Если послѣдуетъ согласіе на это предложеніе, г. Северьяновъ го-

товъ снова поѣхать въ Любляну и наблюдать тамъ за ходомъ дѣла. Отдѣленіе вполнѣ сочувственно отнеслось къ предложенію г. Северьянова и, находя сумму 400 р., требующуюся на покрытіе издержекъ по изготовленію снимковъ,— не высокой, выразило желаніе, чтобы за эту сумму, съ нѣкоторою даже къ ней прибавкою, были предоставлены въ полную собственность Отдѣленія и самые негативы. Такое рѣшеніе Отдѣленія было сообщено И. В. Ягичу.

Послѣдній въ письмѣ на имя г. Предсѣдательствующаго отъ 1 сего декабря, проситъ сообщить Отдѣленію, что исполненіе полнаго фотографическаго снимка съ части Супрасльской рукописи, хранящейся въ Люблянѣ, по сообщенію С. Н. Северьянова, обойдется въ 550 руб., включая въ эту же сумму два экземпляра оттисковъ и стоимость негативовъ, которые будутъ предоставлены въ пользу Отдѣленія, но при этомъ Игнатій Викентьевичъ проситъ, въ счетъ этой суммы, поспѣшить высылкой 250 р. авансомъ на расходы, чтобы можно было не медля приступить къ воспроизведенію снимковъ и тѣмъ не задерживать С. Н. Северьянова въ Люблянѣ, гдѣ онъ остановился лишь проѣздомъ и главнымъ образомъ за тѣмъ, чтобы наблюдать за исполненіемъ фотографомъ порученной ему работы, образцы которой были доставлены Отдѣленію. Сверхъ того И. В. Ягичъ сообщаетъ, что онъ отъ имени Имп. Академіи Наукъ намѣренъ обратиться въ Австрійское министерство съ просьбою распорядиться, чтобы фотографъ могъ удобно пользоваться рукописью. Опредѣлено благодарить И. В. Ягича за это его содѣйствіе и выслать ему изъ суммъ Отдѣленія двѣсти пятьдесятъ рублей.

Адъюнктъ А. А. Шахматовъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что имъ изготовлена статья подъ заглавіемъ: „Первая глава исторической грамматики русскаго языка“, и просилъ напечатать ее въ Сборникѣ Отдѣленія. Одобрено.

Г. С. Лихачевъ, приславшій на имя редакціи Словаря русскаго языка собранные имъ оправдательные примѣры для словаря русскаго языка изъ писателей, просилъ Отдѣленіе ихъ разсмотрѣть и сообщить ему свое мнѣніе, а также правила для руководства при продолженіи имъ предпринятаго труда по выборкѣ примѣровъ изъ писателей. Положено передать предста-

вленные г. Лихачевымъ примѣры А. А. Шахматову на разсмотрѣніе.

Профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета И. П. Филевичъ, которому отъ Отдѣленія въ началѣ настоящаго года было выдано пособіе на поѣздку въ Карпаты, Галичину и Буковину, — представилъ краткій отчетъ о результатахъ своего путешествія. Положено принять къ свѣдѣнію и напечатать этотъ отчетъ въ приложеніи къ протоколамъ. (См. Приложеніе II).

Были пересмотрѣны Отдѣленіемъ правила о присужденіи премій имени А. С. Пушкина и по сдѣланнымъ членами Отдѣленія замѣчаніямъ на нѣкоторые пункты составленъ проектъ новыхъ правилъ о преміяхъ А. С. Пушкина, препровожденный г. Министру Народнаго Просвѣщенія, которымъ и были утверждены всѣ сдѣланныя измѣненія въ прежнихъ правилахъ. (См. Приложеніе III).

Адъюнктъ А. А. Шахматовъ, представивъ вниманію сочленовъ Отдѣленія составленную имъ въ 1886 году, по просьбѣ Е. И. Якушкина программу для собиранія свѣдѣній относительно особенностей окающихъ говоровъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія (подъ заглавіемъ: „Программа для собиранія особенностей народныхъ говоровъ. Составлена А. Ш.“) и указавъ, что, благодаря распространенію этой программы среди народныхъ учителей и учительницъ Ярославской губерніи, имъ былъ полученъ рядъ обстоятельныхъ отвѣтовъ, давшихъ богатый матеріалъ, сообщилъ, что нынѣ онъ нѣсколько измѣнилъ и дополнилъ ее согласно указаніямъ опыта, и предложилъ Отдѣленію, отпечатавъ потребное количество экземпляровъ ея, войти въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ объ оказаніи содѣйствія къ разсылкѣ экземпляровъ этой программы по учебнымъ округамъ и распространенію ея среди учебнаго состава подвѣдомственныхъ Министерству училищъ и школъ. Въ случаѣ, если распространеніе экземпляровъ программы для собиранія особенностей сѣверно-великорусскихъ говоровъ увѣнчалось бы успѣхомъ, А. А. Шахматовъ готовъ принять на себя трудъ и по составленію подобной же программы для собиранія особенностей южно-великорусскихъ говоровъ (акающихъ). Отдѣленіе, вполнѣ одоб-

ривъ предложеніе А. А. Шахматова, опредѣлило представленную программу сдать въ типографію для набора и по отпечатаніи предоставить Алексѣю Александровичу право по своему усмотрѣнію разослать для могущихъ послѣдовать поправокъ, дополненій и замѣчаній экземпляры программы какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и учрежденіямъ, отъ коихъ можно надѣяться получить полезныя указанія.

А. А. Шахматовъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія объ отпечатаніи имъ составленной по порученію Отдѣленія I-ой части „Программы для собиранія особенностей говоровъ" подъ заглавіемъ: „Программа для собиранія особенностей говоровъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія" (СПб. 1895 г.). Онъ полагаетъ экземпляры этой программы разослать спеціалистамъ и лицамъ, интересующимся русскою діалектологіею, съ просьбою поправить и дополнить ее, чтобы исправленную затѣмъ по замѣчаніямъ указанныхъ лицъ отпечатать и распространить среди сельскихъ учителей и учительницъ при посредствѣ попечителей учебныхъ округовъ. Принято къ свѣдѣнію и одобрено.

Академикъ А. Ѳ. Бычковъ и адъюнктъ А. А. Шахматовъ вошли въ Отдѣленіе съ представленіемъ о существенной необходимости и пользѣ для науки предпринять при Отдѣленіи сверхъ издающагося Сборника такое повременное изданіе, въ которомъ помѣщались бы изслѣдованія небольшого объема, — матеріалы по русскому языку и литературѣ и разборы выдающихся сочиненій, появляющихся въ отечественной и славянскихъ литературахъ. Въ настоящее время небольшого объема статьи, поступающія въ Отдѣленіе, печатаются нерѣдко по истеченіи довольно продолжительнаго времени, вслѣдствіе чего теряютъ интересъ новизны. Отдѣленіе, согласившись съ доводами, заявленными гг. Бычковымъ и Шахматовымъ, постановило издавать по изложенной выше программѣ отъ 4-хъ до 6-ти разъ въ годъ книжками въ объемѣ отъ 10 до 15 листовъ повременное изданіе, которому дать названіе „Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ", просить принять на себя завѣдываніе редакціею изданія — академика А. Ѳ. Бычкова и адъюнкта А. А. Шахматова и печатать Извѣстія въ числѣ 400 экземпляровъ.

На имѣющіяся свободныя вакансіи членовъ-корреспондентовъ Отдѣленія избраны закрытою баллотировкою шарами слѣ-

кихъ источниковъ, какими представляются приводящія ихъ произведенія литературы, а не обратиться къ прямымъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ надъ живой русской рѣчью? Неужели мѣстныя слова изъ сочиненій Мельникова, гр. Л. Толстого, Григоровича предпочтительнѣе словъ, извѣстныхъ всѣмъ намъ отъ такихъ наблюдателей, какъ Даль, а спеціально Отдѣленію извѣстныхъ отъ такихъ собирателей, какъ А. Н. Островскій, Иваницкій, Куликовскій, Подвысоцкій и др.

Я думаю, что въ настоящее время понятіе письменный языкъ, противоположное языку народному, содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. До сихъ поръ можно съ письменнымъ языкомъ обойти всю Великую Россію и Сибирь и всюду быть понятымъ народомъ; и до сихъ поръ архангелогородецъ и курянинъ, не зная письменнаго языка, могутъ обойтись съ своимъ роднымъ нарѣчіемъ какъ въ столицахъ, такъ и во всякомъ захолустьи, обитаемомъ великорусскимъ племенемъ. Нашъ письменный языкъ — это языкъ нашего народа, а словарное отличіе отдѣльныхъ мѣстностей Россіи столь же значительно, какъ словарное отличіе нашихъ писателей, а особенно тѣхъ изъ нихъ, которые умышленно приближаются въ своемъ языкѣ къ народу. Меня, какъ будущаго редактора Словаря, смущаетъ опредѣлять задачу нашего Словаря, какъ словаря русскаго письменнаго языка, такъ какъ въ томъ опредѣленіи, предполагающемъ противоположеніе между письменной и живой рѣчью, между литературнымъ и народнымъ языкомъ, есть, какъ мнѣ кажется, противорѣчіе. Я не говорю уже о томъ, что ни одинъ редакторъ Словаря, преслѣдующій не однѣ филологическія цѣли, не поступится словами, принадлежащими языку отдѣльныхъ промысловъ, ремеслъ: а гдѣ можно найти границу между этими словами и тѣмъ, что мы называемъ языкомъ? Но пусть задача Словаря сузится: это словарь литературнаго языка. Опредѣленіе, правда, не ясно: о языкѣ какой именно литературы идетъ рѣчь, какой эпохѣ принадлежитъ эта литература? Но въ этомъ, конечно, можно условиться, можно провести искусственныя грани, и Словарь, построенный на такихъ началахъ, будетъ несомнѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу. Мыслимо ли, однако, быстрое его исполненіе и удовлетворитъ ли онъ потребностямъ тѣхъ лицъ, которыя въ Словарѣ будутъ, конечно, отыскивать не объясненіе всѣхъ понятныхъ словъ, а толкованіе рѣдкихъ, темныхъ, мѣстныхъ словъ и выраженій?

Если задачею Словаря мы признаемъ толковое объясненіе всѣхъ словъ великорусскаго живого языка, мы построимъ его на началѣ, не могущемъ вызвать никакихъ сомнѣній и недоразумѣвій. Живой великорусскій языкъ — это и нашъ письменный языкъ, такъ какъ онъ весьма незначительно уклонился отъ языка разговорнаго, и повседневный, обиходный языкъ образованныхъ классовъ общества, и языкъ народа, отъ котораго все еще продолжаетъ получать обновленіе и живительные соки языкъ литературный. Я сравнивалъ Словарь Даля съ изданными выпусками Словаря: и какъ призванный къ продолженію начатаго Словаря, я все время завидовалъ Далю; онъ при работѣ надъ Толковымъ Словаремъ имѣлъ дѣло съ живымъ русскимъ человѣкомъ и при томъ не обезличеннымъ; астраханецъ и вологжанинъ, пермякъ и калужанинъ — вотъ кто создавали и продолжаютъ создавать русскую рѣчь, и это такъ наглядно видно изъ Словаря Даля; я боюсь, что въ будущихъ выпускахъ нашего академическаго Словаря, вмѣсто этихъ живыхъ лицъ, слишкомъ ярко выступитъ личность редактора, который возьметъ на себя неблагодарную, скажу болѣе — крайне тяжкую и вмѣстѣ отвѣтственную задачу обезличить, обезцвѣтить русскій языкъ и сузить понятіе о немъ. На такую работу можно согласиться только въ томъ случаѣ, если всюду и вездѣ авторитетъ живой русской рѣчи можетъ быть замѣненъ авторитетомъ печатнаго слова въ произведеніяхъ нашихъ писателей. Но вѣдь несомнѣнно, что тогда мы опять встрѣтимся съ русскимъ народомъ, съ тѣмъ же куряниномъ и пермякомъ. Зачѣмъ же избѣгать личной съ нимъ встрѣчи и рядомъ съ этимъ стремиться къ знакомству съ нимъ черезъ посредство третьихъ лицъ — нашихъ писателей?

Дѣлаю заключеніе: Отдѣленіе должно нѣсколько расширить задачу Словаря. Всѣ русскія слова, насколько ихъ значеніе и употребленіе извѣстно Отдѣленію, насколько они для него не простые звуки, съ которыми не связывается опредѣленнаго представленія, должны войти въ Словарь и найти тамъ объясненіе. Увѣренъ въ томъ, что это не осложнитъ задачи: правильная постановка подготовительныхъ работъ позволитъ редактору приступить къ изданію, не дожидаясь окончанія кропотливыхъ выписокъ изъ писателей, которые уже не будутъ единственнымъ и исключительнымъ источникомъ словарнаго матеріала. Расширеніе задачи только ускоритъ ея исполне-

ніе: всѣ тѣ минуты колебанія при подборѣ словъ, годныхъ къ внесенію въ Словарь письменнаго языка, будутъ отданы работѣ надъ словами живого русскаго языка.

Словарь — это не личное дѣло одного изъ членовъ Отдѣленія, это задача и работа всего Отдѣленія. Я впередъ подчиняюсь рѣшенію Отдѣленія, но увѣренъ, что оно не оставитъ безъ тщательнаго разсмотрѣнія соображеній того лица, которое избрано имъ редакторомъ Словаря, признавъ, что работа моя можетъ начаться только тогда, когда мнѣ будутъ ясны и смыслъ ея и задача".

Послѣ продолжительнаго обмѣна мыслей въ средѣ членовъ Отдѣленія, имѣя въ виду трудность разграниченія области языка книжнаго отъ языка народнаго (живыхъ великорусскихъ говоровъ), опредѣлено: не исключать изъ матеріаловъ для Словаря русскаго языка словъ областныхъ. Словарь русскаго языка долженъ обнимать какъ книжный языкъ, на сколько онъ представленъ нашими писателями, начиная съ Ломоносова, такъ и живой разговорный языкъ въ устахъ великорусскаго племени.

А. А. Шахматовъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что для II тома „Изслѣдованій по русскому языку" у него имѣются уже три довольно обширныя статьи: 1) переводъ статьи норвежскаго ученаго Олафа Броха, напечатанный въ Archiv für Slavische Philologie (Band XVII) подъ заглавіемъ: „Zum Kleinrussischen in Ungarn", который скоро будетъ самимъ авторомъ доведенъ до конца, 2) изслѣдованіе приватъ-доцента Императорскаго Харьковскаго университета Б. М. Ляпунова „О языкѣ I-й Новгородской Лѣтописи", и 3) А. А. Шахматова „Изъ исторіи согласныхъ въ русскомъ языкѣ". Опредѣлено приступить къ печатанію II-го тома подъ наблюденіемъ А. А. Шахматова.

А. А. Шахматовъ, сообщивъ, что проф. Ѳ. Е. Коршъ недавно читалъ студентамъ Императорскаго Московскаго университета рядъ лекцій „О русскомъ народномъ стихосложеніи", предметѣ, который такъ бѣденъ самостоятельными изслѣдованіями въ нашей ученой литературѣ, а между тѣмъ важность котораго едва ли кто станетъ отрицать, — предложилъ вниманію сочленовъ полученный имъ отъ г. Корша опытъ возстановле-

нія историческихъ пѣсенъ, записанныхъ для Ричарда Джемса, бывшаго въ Москвѣ и Холмогорахъ въ Смутное время (около 1613 г.) и просилъ разрѣшенія обратиться отъ имени Отдѣленія съ просьбою къ г. Коршу, не найдетъ ли онъ возможнымъ доставить объ этомъ предметѣ въ Отдѣленіе статью для напечатанія въ Извѣстіяхъ. Одобрено.

Еще въ началѣ 1895 г. въ Отдѣленіе обратился сынъ покойнаго И. В. Юшкевича, магистрантъ Императорскаго Юрьевскаго университета, Витольдъ Юшкевичъ съ предложеніемъ своихъ услугъ для ускоренія изданія собранныхъ его отцомъ и дядей кс. А. Юшкевичемъ матеріаловъ для литовско-русско-польскаго словаря, которые печатаются подъ редакціею проф. Императорскаго Московскаго университета Ф. Ѳ. Фортунатова. Отдѣленіе, имѣя въ виду, что г. В. Юшкевичъ еще при жизни отца своего помогалъ ему въ чтеніи корректуръ начатаго тогда печатаніемъ Словаря, что литовскій языкъ его родной, и что предметомъ своихъ занятій онъ избралъ сравнительную грамматику, опредѣлило: 1) по соглашенію съ Ф. Ѳ. Фортунатовымъ, поручить г. Юшкевичу веденіе изданія Словаря, начиная со II-го тома (съ буквы *E*), 2) I-ый томъ Словаря, заключающій слова на буквы *A—Dž*, просить Ф. Ѳ. Фортунатова довести до конца и снабдить предисловіемъ. Тогда же былъ возбужденъ вопросъ о необходимости обратиться къ провѣркѣ собранныхъ братьями Юшкевичами матеріаловъ для литовскаго словаря на мѣстѣ ихъ собиранія, какъ единственно вѣрному способу къ установленію правильнаго чтенія текста и устраненію всевозможныхъ въ немъ неточностей. Отдѣленіе воспользовалось командировкою г. Юшкевича въ Сувалкскую губернію отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и просило его по окончаніи этой командировки совершить поѣздку въ Велёну для провѣрки текста Словаря.

Въ письмѣ своемъ изъ Велёны отъ 15 ноября 1895 года, В. И. Юшкевичъ извѣстилъ о ходѣ работъ по повѣркѣ Литовско-русско-польскаго словаря и между прочимъ сообщилъ, что ко времени отсылки письма имъ провѣрено 2232 полулиста (буквы *E—O* включительно и большая часть *P*) и что еще остается провѣрить 1419 полулистовъ. Кромѣ рѣшенія вопросовъ, непосредственно касающихся просмотрѣнныхъ словъ въ отдѣльности, путемъ провѣрки словаря ему удалось установить

еще нѣсколько общихъ положеній, а именно: 1) что употребляемое въ первой редакціи рукописи написаніе İ (видоизмѣненное *j*) безусловно выражаетъ фонему въ произношеніи Велёнскихъ литовцевъ = *ie*, въ другихъ же говорахъ = *i* или *ej*; 2) что звукъ, изображаемый въ написаніи знакомъ (*e*) является долгимъ гласнымъ всегда, 3) что нерѣдко, какъ въ корняхъ словъ, такъ и въ суффиксахъ попадаются чередованія *r* || *l*, *b* || *m*, вызывающія двойныя образованія одного и того же слова.

Г. Предсѣдательствующій довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія о полученіи отъ приватъ-доцента Императорскаго Московскаго университета П. А. Лаврова тетрадей съ текстами апокрифическихъ статей изъ южно-славянскихъ рукописей, предназначенными для напечатанія въ Сборникѣ. Определено сдать въ типографію.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Записка о путешествіи по славянскимъ землямъ

доктора славянской филологіи **П. А. Лаврова.**

Въ первыхъ числахъ марта этого года я имѣлъ честь получить изъ Академіи Наукъ приглашеніе прислать на предварительный просмотръ собранные мною во время путешествія по славянскимъ землямъ тексты. Переписка нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣсколько замедлила отсылку бумагъ, причемъ на первый разъ мною послана наибольшая часть текстовъ, а остальную я приготовляю для высылки въ скорѣйшемъ времени.

Хорошо знакомый съ рукописными южно-славянскими собраніями нашихъ Московскихъ библіотекъ, я направлялъ свой путь на славянскій югъ, около котораго сосредоточивались въ послѣднее время мои занятія. Изъ русскихъ университетскихъ городовъ я остановился въ Одессѣ, куда привлекало меня желаніе познакомиться съ рукописями профессора Григоровича. Несмотря на то, что ихъ количество не велико, между ними оказалось не мало драгоцѣнныхъ южно-славянскихъ текстовъ, какъ старыхъ церковно-славянскихъ, такъ и позднихъ, между которыми мое вниманіе обратили ново-болгарскіе тексты, давшіе мнѣ значительный дополнительный матеріалъ къ тому, который мнѣ удалось собрать и отчасти привести въ извѣстность въ моей книгѣ: „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка“.

Помимо того, поставивъ себѣ цѣлію собирать матеріалы для южнославянской палеографіи, изученіе которой должно быть положено въ основаніе славяно-русской палеографіи, почти изъ всѣхъ наиболѣе интересныхъ въ палеографическомъ отношеніи текстовъ я снялъ довольно значительное—разумѣется для скромныхъ средствъ частнаго человѣка, до сихъ поръ еще несущаго горькую долю приватдоцентства — количество снимковъ.

Изъ Одессы я отправился въ Царьградъ, чтобы оттуда выѣхать на Аѳонъ, куда я стремился, вспоминая Григоровича и многихъ другихъ. Разумѣется, я не обольщалъ себя мечтами, что мнѣ удастся найти въ этихъ мѣстахъ что-либо очень старое. Прошло то время, когда эти находки были удѣломъ перваго пріѣзжаго, но я надѣялся, что внимательное обозрѣніе хотя бы ограниченнаго количества монастырей не останется безплоднымъ, и я не ошибся.

Краткость времени, которымъ я располагалъ для своей поѣздки (выѣхалъ въ апрѣлѣ прошлаго года, а къ 1-му сентябрю долженъ былъ вернуться), заставляла меня очень сузить свои планы. Я рѣшилъ посѣтить только тѣ монастыри, въ которыхъ имѣются обширныя славянскія книгохранилища, отказавшись отъ мысли заниматься греческими рукописями. Такими монастырями, кромѣ Русскаго Пантелеймоновскаго, въ которомъ я остановился и откуда ѣздилъ въ другіе монастыри, являлись для меня Зографъ, Хиландарь и монастырь Св. Павла.

Долженъ при этомъ сказать, что успѣхамъ своихъ занятій на Аѳонѣ я въ значительной степени обязанъ Пантелеймоновскому монастырю. Бывши въ Константинополѣ, я по недоразумѣнію не запасся рекомендательнымъ письмомъ отъ патріарха къ протату, безъ котораго формально нельзя получить доступа въ монастырскія библіотеки. Благодаря этому мнѣ пришлось употребить много хлопотъ на выправленіе этого документа съ Аѳона. Но, быть можетъ, это обстоятельство отчасти послужило къ моей выгодѣ. Отцы Руссика, о гостепріимствѣ которыхъ я всегда буду вспоминать съ глубокою признательностію, выхлопотали мнѣ рекомендацію одного очень вліятельнаго греческаго монаха, представителя всѣхъ Аѳонскихъ монастырей въ Солунѣ, въ монастыри св. Павла и Хиландарскій. Первая моя поѣздка съ этимъ рекомендательнымъ письмомъ убѣдила меня въ томъ, что оно дѣйствительнѣе формальной рекомендаціи

патріарха. Я получилъ полный доступъ къ богатой библіотекѣ Св.-Павловскаго монастыря. Славянскія рукописи помѣщаются въ темной комнатѣ, въ полномъ безпорядкѣ, каталога, по которому бы можно было спрашивать ту или другую рукопись, нѣтъ, пришлось перебрать всѣ по порядку, причемъ я откладывалъ наиболѣе интересовавшія меня и извѣстныя мнѣ по описанію архимандрита Леонида и Петковича. Изъ памятниковъ духовной письменности я выбралъ два апостола: одинъ пергаменный XIV в., другой бумажный (копія съ ресавскаго извода), одну псалтырь на пергаменѣ, первыя восемь книгъ Ветхаго Завѣта на бумагѣ.

О ресавскомъ изводѣ апостола въ монастырѣ св. Павла уже извѣстно изъ сочиненія преосвященнаго Порфирія: „Востокъ христіанскій", ч. I-я, отд. 2-е, стр. 16—22; но я нашелъ не лишнимъ списать интересное послѣсловіе къ этому апостолу вполнѣ и точно, списалъ также и нѣсколько чтеній для характеристики языка и правописанія, а въ интересахъ палеографическихъ снялъ одинъ фотографическій снимокъ. Сдѣлавъ выписки изъ библейскихъ книгъ, я очень сожалѣлъ, что отъ меня укрылся списокъ книги Царствъ, о которомъ было указаніе въ описаніи архимандрита Леонида. Разсмотрѣть этотъ списокъ мнѣ было очень интересно для провѣрки изслѣдованія Попруженка; во всякомъ случаѣ нахожу нужнымъ обратить вниманіе на этотъ списокъ того, кому удастся его разыскать. Нѣсколько сборниковъ описаны мною по статьямъ, но они заключаютъ лишь переведенныя съ греческаго слова, и я напрасно искалъ между ними, напр., поученія Климента Словѣнскаго. Большой интересъ представляетъ одна сербская минея и одинъ средне-болгарскій прологъ, въ которомъ есть статьи о славянскихъ святыхъ.

Если нельзя одобрить небрежное отношеніе монаховъ къ сохраненію славянскихъ рукописей, значительно пострадавшихъ отъ сырости, насѣкомыхъ и проч., то съ другой стороны нельзя не выразить благодарности за удобства занятій. Рукописи выданы были мнѣ въ свѣтлую комнату архондарика, въ которой я и могъ заниматься ими цѣлый день, пользуясь полнымъ довѣріемъ братіи.

Вернувшись изъ монастыря св. Павла, я получилъ присланное по почтѣ рекомендательное письмо патріарха, съ которымъ и отправился въ Карею явиться въ протатъ и получить тамъ

бумагу, открывающую мнѣ доступъ во всѣ Аѳонскіе монастыри. Съ этой бумагой и письмомъ помянутаго выше грека я поѣхалъ въ Хиландарь.

Хиландарская библіотека, самая богатая на Аѳонѣ по количеству славянскихъ рукописей, представила для меня много любопытнаго. Прежде всего мое вниманіе обратилъ сербскій пергаменный сборникъ XIII—XIV вв., о которомъ не упоминаютъ ни арх. Леонидъ, ни Дучић, а между тѣмъ фотографическій снимокъ, снятый съ листковъ Григоровича, сразу убѣдилъ меня, что эта рукопись была въ рукахъ знаменитаго путешественника.

О ней у меня сказано въ посланныхъ въ Академію бумагахъ. — Сборникъ, въ которомъ находится сербскій списокъ Манассіиной лѣтописи, сходится съ Московскимъ Синодальнымъ. Въ началѣ передъ текстомъ Манассіи тѣ же статьи; въ самомъ текстѣ нѣтъ Троянской притчи; но статей слѣдующихъ за Манассіей, нѣтъ [1]). Изъ книгъ Священнаго писанія въ Хиландарской библіотекѣ оказался также апостолъ ресавскаго извода. О Хиландарскомъ спискѣ не говоритъ ни слова преосв. Порфирій, но за то о немъ упоминаетъ архимандритъ Леонидъ въ описаніи Св.-Павловскаго монастыря, въ свою очередь не упоминающій о спискѣ апостола этого монастыря, о которомъ мы знаемъ изъ книги преосв. Порфирія. Для полноты характеристики ресавскихъ изводовъ я списалъ послѣсловіе къ этому тексту и точно также выписалъ изъ него нѣсколько чтеній и снялъ два фотографическихъ снимка. Нужно замѣтить, что обѣ эти копіи съ ресавскихъ изводовъ отличаются чистотой и изяществомъ письма, особенно списокъ Хиландарскій. Если таковы позднія копіи XVII в., то что можно думать о ихъ оригиналахъ! И дѣйствительно, многіе видѣнные нами памятники этой литературной эпохи (деспота Стефана) отличаются высокими достоинствами не только внутренними, но и внѣшними. Такова, напр., Лѣствица, по моему мнѣнію безъ достаточнаго основанія признаваемая архимандритомъ Леонидомъ за переводный трудъ самого деспота, между тѣмъ какъ надпись, на которую ссылается почтенный любитель старины

[1]) Дучић въ книжкѣ „Старине Хиландарске“ описываетъ эту рукопись, нигдѣ къ удивленію не отмѣчая, что находящаяся въ ней лѣтопись есть лѣтопись Манассіина (см. стр. 105—110).

говоритъ лишь о томъ, что рукопись принадлежала библіотекѣ деспота (стр. 27-я). Если припомнить, какими высокими достоинствами отличаются рукописныя наслѣдія отъ эпохи Іоанна Александра въ Болгаріи (разумѣю превосходные списки Манассіиной лѣтописи, великолѣпное съ миніатюрами евангеліе Св.-Павловскаго монастыря, попавшее въ Англію), а въ этой странѣ затѣмъ еще слѣдовала плодотворная дѣятельность патріарха Евѳимія, то какъ не посѣтовать на судьбу, прервавшую возможность дальнѣйшихъ успѣховъ славянскаго юга!

Послѣ этого апостола, наибольшую часть проведеннаго въ Хиландарѣ времени (только двѣ недѣли впрочемъ) потратилъ я на Мирославово евангеліе. Отправляясь въ путешествіе, я имѣлъ намѣреніе списать цѣликомъ этотъ важный текстъ, для того чтобы имѣть два почти одновременныхъ списка — Мирославова и Вуканова евангелій, изъ которыхъ послѣднее было мною переписано вполнѣ, послѣ того какъ этого не успѣлъ сдѣлать Сима Томичъ, для котораго оно было выписано изъ Публичной библіотеки. Въ то время я помышлялъ объ изданіи списаннаго текста. Но, прибывъ на Аѳонъ, я сейчасъ же долженъ былъ усумниться въ томъ, что успѣю исполнить свое намѣреніе. Прежде всего обстоятельства такъ сложились, что я не могъ проѣхать въ Хиландарь прямо съ парохода. Я долженъ былъ для успѣха поѣздки остановиться въ Руссикѣ, а отсюда вышелъ цѣлый рядъ непредвидѣнныхъ послѣдствій. Я занимался сначала въ библіотекѣ Руссика, затѣмъ отправился въ монастырь св. Павла и только, по возвращеніи отсюда, въ Хиландарь. — Здѣсь послѣ бѣглаго осмотра библіотеки я понялъ полную невозможность ограничить свои занятія лишь списываніемъ Мирославова евангелія, помимо котораго было такъ много интереснаго. При такихъ обстоятельствахъ я рѣшился, отказавшись отъ переписки текста, подвести лишь изъ него варіанты къ Вуканову, что и успѣлъ сдѣлать для большей части текста. Кромѣ того мною было снято 14 фотографическихъ снимковъ, заключавшихъ каждый по 2 страницы рукописи. Трудясь надъ этимъ, я однако увидѣлъ, что гораздо важнѣе и даже прямо необходимо было списать весь текстъ этого замѣчательнаго евангелія, такъ какъ, если издавать оба текста вмѣстѣ, то скорѣе слѣдовало бы положить въ основаніе текстъ Мирославова, а не Вуканова, какъ болѣе сохранившій архаизмовъ въ языкѣ. Такимъ образомъ результатомъ моей работы

можетъ быть лишь то, что я могу составить статью съ подробной характеристикой того и другого текста.—Кромѣ этого сербскаго евангелія, для меня представляло большой интересъ средне-болгарское евангеліе 1322 года, о которомъ упоминаетъ Дучичъ (стр. 101—102), такъ какъ изученіе болгарскихъ рукописныхъ текстовъ *съ датой* изъ эпохи *до-Евѳиміевской* чрезвычайно важно для правильной оцѣнки дѣятельности знаменитаго болгарскаго патріарха. Не могу поэтому не сожалѣть, что вышепомянутыя занятія не дали мнѣ возможности обслѣдовать этотъ текстъ, какъ бы мнѣ того хотѣлось, и я принужденъ былъ ограничиться однимъ фотографическимъ снимкомъ. Я снялъ послѣдній лишь съ послѣсловіемъ и записью, которая, вопреки Дучићу, ни въ какомъ случаѣ не глаголическая, а какая то смѣшанная изъ разныхъ алфавитовъ; только двѣ буквы въ ней имѣютъ сходство съ глаголическими.—Кромѣ этой рукописи была еще одна, изъ которой я снялъ снимокъ ради глаголицы. Въ ней, впрочемъ, всего нѣсколько глаголическихъ буквъ, которыми оканчивается одно писанное кириллицей слово и начинается другое, продолженное опять таки кириллицей. Удивительный примѣръ капризнаго употребленія этого загадочнаго алфавита. Интересъ этихъ глаголическихъ буквъ увеличивается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что *по языку* рукопись *сербская*, а глаголица *болгарская круглая* какъ въ отрывкѣ апостола Гршковића. Рукопись, вѣроятно, XIII в., пергаменная, по содержанію представляетъ поученія Іоанна Златоустаго. Я списалъ оглавленіе поученій — и это не было послѣдней любопытной новинкой Хиландарской библіотеки. Предъ самымъ отъѣздомъ изъ Хиландаря, мнѣ удалось замѣтить еще одинъ любопытный текстъ. На корешкѣ рукописи было надписано: „Поученія Іоанна Златоустаго“. Желая посмотрѣть ихъ, я снялъ рукопись съ полки и, заглянувъ въ началѣ и концѣ, сразу понялъ, какой интересъ представляетъ рукопись. Это былъ текстъ —„Толковой Палеи“ съ весьма важнымъ послѣсловіемъ, изъ котораго было видно, что въ XVII в. напрасно искали юго-славянскаго списка этого памятника и должны были воспользоваться русскимъ изводомъ. Позднѣе я узналъ, что рукопись эта была въ рукахъ профессора Пальмова, который, однако, не оцѣнилъ ее по достоинству, назвалъ ее—„Златоструемъ“, и не особенно точно списалъ послѣсловіе; все это произошло отъ незнакомства съ тѣмъ и другимъ лите-

ратурнымъ памятникомъ. Понятное дѣло, какъ хотѣлось одному изъ участниковъ изданія „Толковой Палеи" воспользоваться этимъ спискомъ, но за отсутствіемъ Палеи подъ руками этого нельзя было сдѣлать: опять пришлось ограничиться фотографическимъ снимкомъ, да кромѣ того я списалъ оглавленіе къ тексту и начало его.

Послѣднимъ монастыремъ, который я посѣтилъ, былъ Зографскій. Библіотека его значительно менѣе Хиландарской, но и въ ней есть интересныя вещи. Одна изъ важныхъ рукописей—это служебная минея XII—XIII в. Желая повѣрить выписку изъ службы св. Меѳодію, приведенную архимандритомъ Леонидомъ, я напрасно искалъ ее въ рукописи. Тѣмъ страннѣе послѣ этого мнѣ показались замѣчанія къ тексту, изданному профессоромъ Александровымъ въ Филологическомъ Вѣстникѣ, который утверждаетъ, что нашелъ рукопись въ русскомъ монастырѣ (какъ будто это ясно; вопросъ, гдѣ? въ Пантелеймоновскомъ такого текста нѣтъ, остаются еще скиты Андреевскій и Ильинскій); а между тѣмъ описаніе рукописи заставляетъ думать, что въ изданіи Александрова мы имѣемъ дѣло съ листами, вырванными изъ Зографской рукописи. Языкъ этой рукописи обычный средне-болгарскій. Кромѣ нея я сдѣлалъ выписки изъ любопытныхъ списковъ апостола. Пересмотрѣлъ наиболѣе важные сборники, изъ которыхъ въ одномъ и оказался списанный мною средне-болгарскій текстъ дѣяній апостола Андрея.

Въ русскомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ между славянскими рукописями наиболѣе древни списки евангелій и апостоловъ, изъ которыхъ я сдѣлалъ выписки и снимки.

Покидая Аѳонъ, я очень сожалѣлъ, что обстоятельства не позволили мнѣ изслѣдовать многія изъ упомянутыхъ весьма важныхъ рукописей такъ, какъ бы онѣ того заслуживали; а сколько еще осталось любопытнаго, до чего я едва коснулся. Наконецъ, я посѣтилъ только четыре монастыря, а ими, разумѣется, не исчерпываются богатства славянской письменности на Святой горѣ. Если я чувствовалъ грусть, то какъ понятны чувства волновавшія *въ свое время* профессора Григоровича, когда онъ покидалъ мѣста, изъ которыхъ уѣзжалъ съ такими богатствами.

Съ Аѳона черезъ Солунь я проѣхалъ въ Софію. Въ Болгаріи въ это время уже Стамбулова не было, а потому въѣздъ

обошелся безъ непріятностей. Въ Софіи я сейчасъ познакомился какъ съ старшими литературными дѣятелями, каковы напр., Стояновъ, Балабановъ и др., такъ и съ молодыми, группирующимися около „Болгарскаго Сборника". Не могу съ благодарностію не упомянуть о весьма благопріятныхъ для путешествующаго условіяхъ занятій въ Народной библіотекѣ. Она открыта отъ 10-ти до 12-ти часовъ утра и отъ 2-хъ до 8-ми или 9-ти вечера, если угодно. Въ праздники утромъ на часъ ранѣе, а вечеромъ, какъ и въ будни. Благодаря такому продолжительному сроку, въ короткое время можно успѣть сдѣлать много. Заниматься очень удобно, тѣмъ болѣе, что изъ болгаръ почти никто не интересуется рукописями, и за все время моего пребыванія я сидѣлъ въ отведенной мнѣ комнатѣ одинъ.

Въ библіотекѣ рукописей болѣе двухсотъ. Изъ нихъ, кромѣ многихъ другихъ, я обратилъ вниманіе на поученія воеводы Валашскаго Нѣгоя сыну своему Ѳеодосію на средне-болгарскомъ языкѣ, которыя дошли только въ отрывкахъ и попали въ библіотеку въ два пріема, отчего и записаны подъ двумя нумерами. Бытовой интересъ этихъ наставленій показался мнѣ настолько великъ, что я списалъ почти все, что сохранилось. Позднѣе отъ Я. Богдана, посѣтившаго меня проѣздомъ изъ Петербурга на Рождествѣ, я узналъ, что есть и румынскій текстъ этихъ наставленій, но, насколько онъ могъ судить по прочитаннымъ мною выдержкамъ, менѣе полный. Я обращался къ П. А. Сырку, не найдется ли гдѣ-нибудь въ Петербургѣ печатный румынскій текстъ, котораго у насъ въ Москвѣ нельзя найти, но получилъ отрицательный отвѣтъ. Рѣшаюсь и этотъ текстъ послать въ Академію Наукъ въ надеждѣ, не найдетъ ли Второе Отдѣленіе возможнымъ и его напечатать въ Сборникѣ.

II.

Отчетъ проф. Императорскаго Варшавскаго университета И. П. Филевича.

1-го сентября я вернулся изъ-за границы, пробывъ въ путешествіи ровно три мѣсяца. Прошу позволенія сообщить Отдѣленію о результатахъ моего путешествія, по крайней мѣрѣ въ самыхъ общихъ чертахъ. Прага, Вѣна, Пештъ, Сибинъ (Германштадтъ), Блажовъ (Блазендорфъ), Черновцы, Львовъ, Угорская Русь, Словачина и наконецъ опять Прага — вотъ мой маршрутъ. Въ Прагѣ я изучалъ выставку и работалъ въ музеѣ, въ Вѣнѣ и Пештѣ работалъ въ библіотекахъ, въ Черновцахъ и Львовѣ старался собрать свѣдѣнія о разныхъ мелкихъ работахъ по мѣстной этнографіи и исторіи; изъ Сибина (Германштадта), Блажова (Балашовцовъ) (Блазендорфа), Ужгорода, Турчанскаго св. Мартина дѣлалъ экскурсіи въ сосѣднія села для ближайшаго ознакомленія съ населеніемъ. Не говорю о встрѣчахъ и нерѣдко живыхъ бесѣдахъ съ разными лицами. Видѣно много, и это я считаю своимъ главнымъ пріобрѣтеніемъ. Путешествіе, какъ я и предполагалъ, оттянетъ нѣсколько печатаніе моей работы, но я долженъ рѣшительно заявить, что видѣнное и прочитанное нисколько не измѣнило моего основного взгляда, напротивъ подтвердило его многими живыми подробностями. Я воочію убѣдился, что на рубежахъ русско-словацкомъ, русско-мадьярскомъ и русско-румынскомъ, продолжается не подлежащій никакому сомнѣнію процессъ этнографическаго перерожденія. Что это явленіе не новое доказываютъ свидѣтельства Вольфа и Эдера (въ началѣ нынѣшняго вѣка), Сегеди и Бенко (прошлаго вѣка); что это явленіе не исчерпывается извѣстными до сихъ поръ фактами доказываютъ загадочные этнографическіе острова, въ родѣ такъ называемой „Общины Чанго“—7 сёлъ недалеко отъ Кронштадта (Брашова), слѣдовательно въ сосѣдствѣ съ орумынившимися, такъ называемыми „болгарскими“ островами. Чанго теперь говорятъ по-мадьярски, но Секлеры считаютъ ихъ чужими себѣ. То же представляетъ мадьярско-русскій рубежъ на границѣ съ Угор-

ской Русью. Южная часть Бережскаго комитата представляетъ тому особенно разительныя доказательства. Этотъ именно рубежъ я бы считалъ особенно важнымъ, такъ какъ трансформація мѣстнаго говора можетъ объяснить многое въ исторической трансформаціи языка нынѣшней Угорщины вообще („Свѣте тихій“ поютъ здѣсь такъ: сете тыши. . . . . азъ анодъ чонтя на западъ солнца). Не мало аналогичныхъ фактовъ (въ пользу Словаковъ) на русско-словацкомъ рубежѣ. Что этнографическое перерожденіе происходило въ значительныхъ размѣрахъ въ Малой Польшѣ — это смѣю думать доказано мною въ послѣдней статьѣ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1895, V); такъ же точно подтвердились и нѣкоторыя мои номенклатурныя предположенія: Talabor, напр. дѣйствительно называется Теребля, какъ я и думалъ (тамъ же V, 178). Такимъ образомъ подтвердились два главнѣйшихъ положенія, высказанныя мною въ послѣднихъ статьяхъ: 1) широкій объемъ, относящійся къ вопросу территоріи, 2) необходимость изученія хоро- и топографическихъ названій въ самомъ источникѣ „въ устахъ народа“. Усиленная разработка номенклатурнаго матеріала мадьярскими учеными (укажу два капитальныхъ изданія мадьярской академіи: 1) словарь рѣкъ по документамъ до XIII в. Ортвая Тиводара и 2) Топографическій словарь Cszanki Dezsö за то же время, при чемъ славянскій элементъ почти не принимается во вниманіе) еще болѣе убѣждаетъ въ необходимости такого изученія.

Такимъ образомъ несомнѣнно, что вопросъ о Карпатской Руси не ограничивается одной нынѣшней Угорской Русью, а связанъ съ значительной частью юго-восточной Малой Польши, юго-восточной Словачины и значительнымъ пространствомъ Трансильваніи, т. е. съ громаднымъ сплошнымъ территоріальнымъ комплексомъ, представляющимъ юго-западную окраину такой несомнѣнно исконной Славяно-Русской земли, какою является Волынь съ значительной частью Галича.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ одинаково существуетъ тотъ же самый вопросъ, какой у насъ связывается обыкновенно съ одною лишь Угорской Русью, конечно, потому что съ нею до сихъ поръ соединяется названіе Руси и что въ ней до сихъ поръ удержалось русское населеніе. Вопросъ о русскихъ въ Трансильваніи поднятъ угорскими учеными въ половинѣ XVIII в.; слѣдовательно онъ сверстникъ нашему норманизму и замѣчательно развивался съ нимъ одновременно, по крайней

мѣрѣ главнѣйшіе моменты развитія вполнѣ совпадаютъ. Сегеди и Бенко младшіе современники Байера; одновременно съ Шлецеровымъ „Несторомъ“ появилось въ Германштадтѣ сочиненіе Вольфа „De vestigiis Ruthenorum in Transilvania“, а съ Куниковыми „Родзами“ вполнѣ совпадаютъ по времени извѣстныя статьи Надеждина.

Вопросъ этотъ чувствуется теперь еще сильнѣе, ибо послѣ того, какъ Миклошичъ отказался отъ болгаризма трансильванскихъ славянъ, вопросъ о нихъ остается въ совершенной неопредѣленности; ученые не знаютъ какъ быть съ мнѣніемъ Кочубинскаго и Пича, и въ большинствѣ случаевъ склоняются къ старому мнѣнію Миклошича имъ же самимъ отвергнутому, что уже совсѣмъ непонятно (такъ поступилъ напр. Т. Д. Флоринскій въ своемъ послѣднемъ трудѣ).

Такимъ образомъ вопросъ имѣетъ свою исторію и существуетъ и понынѣ. На это указываютъ: статьи Пича (Die Dacischen Slaven. Prag, 1888 г.), Кочубинскаго (Труды Ярославскаго съѣзда) — относительно русскихъ въ Трансильваніи. Такъ же точно существуетъ вопросъ и о юго-восточныхъ частяхъ Малой Польши, въ видѣ вопроса объ обрядѣ Малопольской Хорватіи, объ Опатовскомъ епископѣ „для Руси“, въ видѣ вопросовъ, связанныхъ съ чертами малопольскаго говора и лемками, наконецъ такъ же точно существуютъ и понынѣ вопросы о русско-словацкомъ, русско-мадьярскомъ и русско-румынскомъ этнографическомъ рубежѣ. Все это, думаю, доказываетъ несомнѣнно, что передъ нами вопросъ крупный и по своему научному значенію и по объему относящейся къ нему территоріи. Такой вопросъ не можетъ быть рѣшенъ по даннымъ одного разряда, напр. филологическими, а лишь по совокупности всѣхъ данныхъ: историческихъ, этнографическихъ, діалектологическихъ, наконецъ археологическихъ. Вотъ почему меня очень удивляютъ аргументы Соболевскаго, приводимые имъ въ доказательство заселенія Угорской Руси лишь въ XII в. Онъ основывается на данныхъ говоровъ: „*у* и *ю* образовалось изъ *о* и *е едва ли* раньше второй половины XII в.... *кы, гы* превратилось въ *ки, ги приблизительно* въ тоже время“. „Едва ли“, „приблизительно“ — какіе солидные аргументы! Какъ же быть однако съ чешско-русской границей Свято-Владимировой Руси, о чемъ прямо говоритъ лѣтопись, какъ быть съ „Русіей“ въ предѣлахъ Угорскаго государства, о которой

упоминаетъ Адамъ Бременскій подъ 1017 г., при чемъ упоминаніе подтверждается цѣлымъ рядомъ другихъ несомнѣнныхъ показаній; какъ быть съ сыномъ Стефана Угорскаго Генрихомъ, который называется „dux Ruizorum" въ 1031?

Нужно внимательно вглядѣться въ карту, тогда станетъ замѣтна и природная связь обоихъ склоновъ горъ, въ центральной части представляющихъ и теперь этнографическое и номенклатурное единство; тогда получитъ значеніе и то обстоятельство, что на важнѣйшихъ рѣчныхъ узлахъ встрѣчаются такіе центры какъ Перемышль, Бужскъ, Звенигородъ, въ началѣ историческаго періода обнаруживающіе какую то межеумочность и захудалость. Объемъ волостей этихъ центровъ неизвѣстенъ. Относительно Бужска и Звенигорода не опредѣлено въ точности даже ихъ положеніе; но широкій объемъ перемышльской епархіи на западномъ склонѣ горъ не можетъ подлежать сомнѣнію, хотя, конечно, древнѣйшія ея границы въ этой сторонѣ не могутъ быть опредѣлены съ точностью.

Такъ же точно получитъ значеніе и безспорно историческій фактъ борьбы между новыми политическими центрами: Русью и Польшей, Польшей и Чехіей, Польшей и Угріей, Угріей и Болгаріей, Русью и Болгаріей. Наконецъ получитъ значеніе и упоминаніе по окраинамъ Карпатской территоріи загадочныхъ политическихъ союзовъ въ видѣ Червенскихъ и подунайскихъ городовъ и несомнѣнное продолжительное существованіе русскаго элемента въ Подунавьѣ, при чемъ начала этого элемента не рѣшился, какъ извѣстно, отнести опредѣленно къ XI вѣку и В. Г. Васильевскій, а теперь послѣ Пича и Кочубинскаго уже рѣшительно невозможно сомнѣваться въ ихъ старинѣ. Что касается упомянутой борьбы между примыкающими къ Карпатамъ государствами, то она доказываетъ несомнѣнно, что съ образованіемъ новыхъ политическихъ центровъ, Карпатская территорія оказалась спорною между всѣми этими центрами, иначе говоря, она находилась съ ними въ тѣсной связи. Что эта связь была чрезвычайно тѣсной доказываетъ обстоятельство, что борьба тянулась очень долго и, можно даже сказать, не завершилась и понынѣ.

Для исторіи этой борьбы имѣются хотя и скудные, но все же достаточно опредѣленныя данныя, но чтобы уразумѣть смыслъ и значеніе, ея необходимо раскрыть этнографическій характеръ Карпатской территоріи, и вотъ тутъ то и обнару-

живается необыкновенное значеніе древне-славянскаго юга, такъ ярко указанное Надеждинымъ и такъ злосчастно замолчанное нашей наукой. Я могъ бы впрочемъ сослаться не на одного Надеждина.

Развѣ самъ Шлецеръ считалъ возможнымъ выдѣлять древнѣйшую русскую исторію изъ славянской „da Slaven das Ganze, das genus, und Russen ein Theil, eine species sind", а гдѣ же можно схватить связь между родомъ и видомъ, какъ не на Карпато-дунайской территоріи?

Правильно понятый Шлецеромъ методъ долженъ былъ вести къ постановкѣ вопроса объ этой связи, если бы русская наука не возвела Шлецера въ боги, а его отдѣльныя положенія (ибо сущности метода она не схватила) въ догматы, благодаря чему оказалось возможнымъ только дальнѣйшее раскрытіе догмата, одностороннее, какъ всякое раскрытіе догмата: однимъ словомъ, Куниковы „Родзы"; правильное же развитіе стало невозможнымъ и взгляды, подводившіе къ нему, должны были остаться непонятными, что и случилось съ Надеждинымъ.

Тридцать или даже двадцать лѣтъ назадъ тяжелое положеніе нашей науки въ вопросѣ о нашей древности не было столь замѣтно, а теперь... Наша древность въ нашей наукѣ представляетъ въ полномъ смыслѣ слова разрушенную храмину: по клокамъ разнесенный норманизмъ и рядомъ шатающаяся поморская теорія; тутъ же безформенные клочки скиѳо-роксолано-болгарской теоріи Иловайскаго, далѣе столь же безформенные клочки скиѳо-гето-дакійскихъ блужданій Самоквасова, наконецъ едва-едва замѣтный готизмъ, который въ наилучшемъ случаѣ—допустимъ—объяснитъ названіе Руси, но никогда не объяснитъ ни взаимоотношенія, ни связи отдѣльныхъ частей славяно-русской массы, которая и при готизмѣ останется такой же rudis indigestaque moles, какою остается и понынѣ.

Смѣю думать, что въ данномъ случаѣ можно съ полнымъ правомъ повторить слова Шлецера: In der ganzen Litteratur ist nur kein Beispiel bekannt, dass das Landes-Geschichts-Studium, unter irgend einem cultivirten Volke, einen so seltsamen Gang genommen hätte, wie hier (Nestor II, 283). Смѣю думать, что въ приложеніи къ Карпатской территоріи слова эти получаютъ гораздо болѣе яркій смыслъ и значеніе, чѣмъ у Шле-

цера, ибо мысль о Карпатахъ и Дунаѣ, начиная съ лѣтописи вьется какъ красная нить по всей нашей литературѣ.

Теперь вопросъ возникъ опять, возбуждаемый не только естественной логикой отношеній вида къ роду, но и какъ результатъ несомнѣннаго факта, что ни на сѣверѣ, ни на югѣ, а лишь на юго-западѣ обнаруживается связь языка земли русской съ землей за предѣлами Россіи, связь племенная и наконецъ культурная.

На почвѣ крайне обострившихся за послѣднее время вопросовъ о славянской древности вообще, на почвѣ тѣхъ грубыхъ противорѣчій въ мнѣніяхъ крупнѣйшихъ представителей науки, противорѣчій, какія теперь невольно поражаютъ даже профановъ, вопросъ о Карпатской Руси получаетъ особенное значеніе, ибо только здѣсь славянская наука можетъ получить твердую основу въ несмѣшанной этнографіи русскаго славянства, а русская наука можетъ пользоваться трудами славянскихъ ученыхъ безъ столь рѣзкаго перескока, какой былъ замѣтенъ доселѣ.

Повторяю съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, передъ нами вопросъ чрезвычайно крупный, и если Вирховъ и Лиссауэръ тщательно изучаютъ коллекціи чешскаго музея, то и намъ, кажется пора обратить серьезное вниманіе на обработку древностей у нашихъ соплеменниковъ. Нашу научную отсталость въ этомъ отношеніи мы не можемъ никакъ извинять, а обычное указаніе на рядъ вопросовъ и полную необработанность нашего домашняго матеріала не извиненіе, а самое тяжкое обвиненіе. Наконецъ, вопросъ о Карпатахъ для насъ тоже свой домашній. Тамъ цѣлые клады, но разница въ томъ, что тогда какъ нашъ матеріалъ можетъ немного и подождать, тамъ, при теперешнемъ режимѣ, эти клады пропадутъ безслѣдно, если мы не подумаемъ о снаряженіи туда экспедиціи не на нѣсколько мѣсяцевъ, а по крайней мѣрѣ на два года изъ 2—3 молодыхъ людей, которые могли бы зимой работать по немногу въ архивахъ и изучать мадьярскій и румынскій языки, а потомъ обслѣдовать подробно румынско-русскій, мадьярско-русскій и наконецъ, словацко-русскій рубежъ.

Не только наша честь, но и прямѣйшіе интересы нашей науки требуютъ скорѣйшаго устраненія нашей доселѣшней безучастности къ научному движенію у славянъ, мадьяръ и румынъ. Русскій ученый, немного ознакомившись съ тѣмъ, что

у нихъ дѣлается, краснѣетъ отъ стыда. Говорю это съ особеннымъ убѣжденіемъ, такъ какъ это призналъ и Д. Н. Анучинъ, съ которымъ я случайно встрѣтился въ Прагѣ; слѣдовательно это уже не личное только впечатлѣніе, а фактъ и очень грустный.

III.

Правила о преміяхъ А. С. Пушкина[1]),

утвержденныя Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, 15-го декабря 1895 года.

1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 17-го августа 1881 года, въ честь Александра Сергѣевича Пушкина учреждены при Императорской Академіи Наукъ преміи его имени за сочиненія, указанныя ниже въ пунктѣ 9-мъ.

2. На упомянутыя въ пунктѣ 1-мъ преміи назначенъ, согласно постановленію Высочайше учрежденнаго для сооруженія памятника Пушкину Комитета, капиталъ въ *двадцать тысячъ рублей*, оставшійся, за всѣми расходами на сей послѣдній предметъ, отъ собранной по подпискѣ суммы.

3. Означенный капиталъ, переданный въ вѣдѣніе Императорской Академіи Наукъ и обращенный въ процентныя бумаги государственныя или гарантированныя Правительствомъ, остается навсегда неприкосновеннымъ; преміи же присуждаются изъ процентовъ съ онаго.

4. За сочиненіе, признанное вполнѣ удовлетворительнымъ, присуждается премія въ 1,000 руб.; за сочиненія же, въ большей или меньшей степени отвѣчающія установленнымъ тре-

---

1) Высочайше учрежденный Комитетъ для сооруженія памятника Пушкину, окончательно завершивъ въ 1880 году свою дѣятельность, передалъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ вѣдѣніе Императорской Академіи Наукъ оставшіеся отъ расходовъ на памятникъ и назначенные на учрежденіе премій имени Пушкина 20,000 рублей.

бованіямъ, могутъ быть назначаемы половинныя преміи въ 500 руб. Комиссія имѣетъ право награждать представленныя на соисканіе премій сочиненія почетнымъ отзывомъ. Каждый разъ можетъ быть присуждаемо не болѣе одной полной или двухъ половинныхъ премій.

5. Преміи, оставшіяся неприсужденными или по какимъ-либо обстоятельствамъ невыданными, присоединяются къ основному капиталу.

6. Могущіе образоваться случайные остатки отъ суммъ, назначенныхъ на преміи не причисляются къ основному капиталу, а употребляются на покрытіе экстренныхъ расходовъ, какъ-то: на заготовленіе медалей для рецензентовъ, на публикаціи и т. п.

7. Пушкинскія преміи присуждаются Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Присужденіе премій, начиная съ 1895 года, производится черезъ одинъ годъ, то есть въ нечетные годы, именно въ 1897, 1899, 1901 и т. д.

8. Для соисканія премій, сочиненія присылаются въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности самими авторами ихъ; но премія можетъ быть присуждаема и за такое сочиненіе, которое по какой-либо причинѣ авторомъ его представлено не было.

9. Пушкинскими преміями награждаются *напечатанныя* на русскомъ языкѣ оригинальныя сочиненія трехъ родовъ: а) ученыя сочиненія по исторіи народной словесности и народнаго языка, по исторіи русской литературы вообще въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, а также и по иностранной литературѣ, насколько таковая имѣла вліяніе на отечественную въ означенномъ пространствѣ времени; б) такія произведенія изящной словесности въ прозѣ или стихахъ, которыя, при довольно значительномъ объемѣ, отличаются высшимъ художественнымъ достоинствомъ, и в) обстоятельные критическіе разборы выдающихся произведеній по русской изящной литературѣ.

Примѣчаніе. Переводы въ стихахъ замѣчательныхъ поэтическихъ произведеній допускаются на конкурсъ наравнѣ съ оригинальными сочиненіями.

10. Изъ категоріи трудовъ, подходящихъ подъ правила Пушкинскихъ премій, исключаются: а) послѣдующія изданія сочиненія, которое уже было увѣнчано этою преміей въ одномъ изъ прежнихъ изданій, если оно не подверглось такой

переработкѣ, что можетъ считаться за новый трудъ; б) сочиненія, уже награжденныя какою-либо другою изъ имѣющихся при Академіи Наукъ премій; в) сочиненія, со времени перваго или вполнѣ переработаннаго изданія которыхъ прошло болѣе трехъ лѣтъ, и г) сочиненія дѣйствительныхъ членовъ Академіи Наукъ. Кромѣ того, Пушкинской преміей не могутъ быть награждаемы сборники необработанныхъ матеріаловъ.

11. Къ участію въ разсмотрѣніи принятыхъ на конкурсъ сочиненій и къ составленію критическихъ разборовъ ихъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности можетъ, по своему усмотрѣнію, приглашать постороннихъ ученыхъ и литераторовъ. Для окончательнаго обсужденія внесенныхъ на соисканіе трудовъ Отдѣленіе приглашаетъ тѣхъ же или другихъ лицъ и вмѣстѣ съ ними образуетъ комиссію, число членовъ которой должно составлять не менѣе семи; для присужденія же преміи требуется не менѣе пяти одобрительныхъ голосовъ, собираемыхъ посредствомъ закрытой баллотировки; при большемъ же составѣ комиссіи, не менѣе двухъ третей числа ея членовъ.

12. Сочиненія могутъ быть представляемы на конкурсъ до 29-го января предшествующаго присужденію премій года. Отчетъ о присужденіи премій имени А. С. Пушкина читается однимъ изъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности въ особомъ публичномъ собраніи Академіи Наукъ, 19-го октября.

13. Преміи выдаются лишь самимъ авторамъ или ихъ законнымъ наслѣдникамъ, но никакъ не издателямъ увѣнчанныхъ сочиненій.

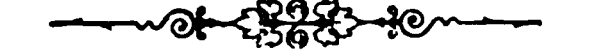
14. Постороннимъ рецензентамъ, въ знакъ признательности Академіи Наукъ, могутъ быть выдаваемы медали.

15. Если бы съ теченіемъ времени, по указанію опыта, то или другое изъ настоящихъ правилъ оказалось не вполнѣ удобнымъ, то объ измѣненіи оныхъ Императорскою Академіею Наукъ, по предложенію Отдѣленія русскаго языка и словесности, испрашивается разрѣшеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, при чемъ однако же самое назначеніе премій не можетъ быть измѣнено.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ LXIV, № 1.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ
О
НЕСТОРОВОМЪ ЖИТІИ СВ. ѲЕОДОСІЯ

СООБЩИЛЪ
А. А. Шахматовъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1896.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Апрѣль 1896 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Нѣсколько словъ о Несторовомъ Житіи Ѳеодосія.

Житіе Ѳеодосія, игумена Печерскаго, является однимъ изъ немногихъ произведеній Нестора, дошедшихъ до насъ въ первоначальномъ видѣ: въ немъ самомъ находимъ указаніе на то, что оно принадлежитъ перу молодого діакона Печерскаго монастыря, который позднѣйшими своими трудами заслужилъ названія лѣтописца и перваго нашего бытописателя. Но Житіе Ѳеодосія, также какъ Чтеніе о житіи и о погубленіи и о чюдесехъ Бориса и Глѣба, принадлежитъ къ юнымъ годамъ литературной дѣятельности Нестора. Ему еще не было тридцати лѣтъ, когда онъ потрудился надъ Житіемъ Ѳеодосія, что видно изъ слѣдующихъ соображеній.

Несторовъ разсказъ о началѣ Печерскаго монастыря, помѣщенный въ Повѣсти временныхъ лѣтъ подъ 1051 годомъ, убѣждаетъ въ томъ, что онъ явился въ монастырь семнадцати лѣтъ отъ роду. Въ указанный лѣтописный сводъ статья Ѿчего прозвася печерскыи монастырь попала по всей вѣроятности изъ Несторова лѣтописанія, подвергшагося передъ этимъ основательной передѣлкѣ въ стѣнахъ Печерскаго монастыря. Въ концѣ этой статьи за словами: «Ѳеодосьеви же живущю в монастыри,

и правящю добродѣтелное житье и чернечьское правило, и приимающю всякого приходящаго к нему» слѣдовало въ Несторовомъ подлинникѣ, вѣроятно, не то что мы читаемъ теперь въ лѣтописи и патерикѣ: сопоставляя разсказы Нестора съ Житіемъ Ѳеодосія, можно думать, что здѣсь говорилось о тѣснотѣ бывшей въ монастырѣ, вслѣдствіе умножившейся братіи, о томъ, что игуменъ Ѳеодосій задумалъ расширить монастырь и построить каменную церковь, далѣе приводился 6581 годъ, годъ основанія церкви, 6582 годъ, годъ смерти Ѳеодосія, и 6583 годъ, годъ окончанія церкви игуменомъ Стефаномъ, «к нему же и азъ придохъ (писалъ Несторъ) худый и недостойный рабъ, и приятъ мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженья моего». Составитель Повѣсти вр. лѣтъ отнесъ все то, что стояло подъ 6581, 6582 и 6583 годами въ дальнѣйшее свое хронологическое повѣствованіе (ср. подъ соотв. годами Лавр. или Ипат. сп. лѣтописи), а заключительная фраза Нестора сохранена и поставлена въ ненадлежащую связь съ Ѳеодосіемъ, котораго онъ въ монастырѣ не засталъ уже въ живыхъ. Слѣдовательно, Нестору, которому было семнадцать лѣтъ во время игуменства Стефана (начало его игуменства — 1074 годъ), родился не ранѣе 1057 года.

Житіе Ѳеодосія написано Несторомъ во время игуменства Никона, что можно заключить какъ изъ того мѣста, гдѣ Несторъ, разсказавъ объ изгнаніи изъ монастыря игумена Стефана, повѣствуетъ объ избраніи игуменомъ великаго Никона, такъ и изъ предшествующаго разсказа о преслушаніи келаремъ приказанія игумена Никона, преслушаніи, повлекшемъ за собою Божіе наказаніе, при чемъ Несторъ заключаетъ свой разсказъ словами: се бо сего ради си въписахъ, да разоумѣюте, ꙗко нѣсть лѣпо намъ ни къ чемь же ослоушатися наставьника игоумена своѥго... ѥго же (бъ) постави намъ старѣишиноу и пастоуха (изд. Попова). Игуменъ Никонъ, по свидѣтельству Ипатской и др. лѣтописей, подтверждаемому и словами Симона въ его разсказѣ о Созданіи печерской церкви, умеръ въ 1088 году. Слѣдовательно, Житіе Ѳеодосія писано до

1088 года[1]): въ авторѣ его — преподобномъ Несторѣ, не достигшемъ еще тридцатилѣтняго возраста, нельзя не видѣть юнаго, начинающаго писателя.

Это обстоятельство дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что первыя два произведенія Нестора, отличающіяся выдающимися литературными достоинствами, составлены не безъ вліянія на нихъ какихъ-либо сочиненій, принадлежавшихъ къ ограниченному кругу богословской литературы того времени. Не подлежитъ сомнѣнію, что Чтеніе о Борисѣ и Глѣбѣ составлено подъ сильнымъ вліяніемъ Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, приписываемаго Іакову мниху. Обширная начитанность Нестора давала ему возможность заимствовать слова и выраженія, а также различныя сравненія изъ сочиненій греческой богословской литературы, извѣстныхъ въ Кіевѣ по древнеболгарскимъ и своимъ русскимъ переводамъ[2]). Начало Чтенія о Борисѣ и Глѣбѣ заимствовано въ весьма сокращенномъ видѣ (ср. нъ да не продолжю рѣчи, нъ воскорѣ извѣщаю) изъ того самаго сочиненія, которое въ болѣе пространномъ видѣ содержится въ повѣствованіи о крещеніи Руси (рѣчь философа); въ томъ же Чтеніи находимъ ссылки на Житія Евстаѳія Плакиды и Димитрія Солунскаго. Весьма вѣроятно найдутся еще

---

[1]) Что Житіе Ѳеодосія писано послѣ 1078 года видно изъ того, что въ немъ упомянуто о смерти Изяслава Ярославовича. Но по всей вѣроятности оно написано послѣ 1079 года. Ко времени послѣ этого года слѣдуетъ относить составленіе болѣе ранняго сочиненія Нестора — Чтенія о Борисѣ и Глѣбѣ, что можно заключить поставивъ въ связь слова Нестора въ концѣ Сказанія о чудесахъ: «мнози бо суть нынѣ дѣтьскы князи не покоряющеся старѣишимъ и супротивящеся имъ и оубиваѥми суть. ти не суть такои благодѣти сподоблени якоже святая сия» — съ событіями 1078 и 1079 года, во время которыхъ убиты Глѣбъ Святославовичъ, Борисъ Вячеславовичъ и Романъ Святославовичъ, напомнившіе Нестору своими именами святыхъ Бориса и Глѣба, принявшихъ при крещеніи имена Романа и Давида.

[2]) Въ числѣ такихъ сочиненій между прочимъ обращаютъ на себя вниманіе Творенія Григорія Амиритскаго, которыя, по указанію рпси С.-Петербургской Духовной Академіи XVII в. № 1210, переведены съ греческаго на русскій языкъ преподобнымъ Антоніемъ (Печерскимъ?), ср. у Помяловскаго въ Житіи Савы с. XVI.

Житія святыхъ, знакомство съ которыми Нестора не подлежитъ сомнѣнію. Здѣсь я укажу на вліяніе Житія св. Савы Освященнаго на Нестора, какъ на автора Житія Θеодосія.

Несторъ въ Житіи Θеодосія самъ свидѣтельствуетъ о томъ, что ему извѣстно Житіе Савы. Разсказавъ о явленіи пламени въ видѣ дуги, соединявшей верхъ старой церкви съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ впослѣдствіи выстроена новая церковь, Несторъ говоритъ: и се же пакы подобьно ѥсть рещи еже ꙗко пишетьсѧ таково о ст҃ѣмь и велицѣмь савѣ. се бо въ ѥдиноѹ нощь такоже томоѹ шьдъшю ис келиꙗ своѥꙗ и молѧщюсѧ и҆ се показасѧ томоѹ стълъпъ огньнъ до нб҃се соѹщь. паче по томь ꙗкоже дошьдъ мѣста того и обрѣте въ немь пещероѹ и тоѹ тако въ мало дьнии сътвори манастырь славьнъ (изд. Попова 30 b). Ср. въ Житіи Савы[1]: Въ дроѹгоую҆ же нощь бл҃женыи сава. излѣзе ис клѣтъцѣ своѥꙗ. и хожаше сквозѣ потокъ ѥ҆динъ поꙗ҆ псалтырю. и видѣ напрасно въ паднѣи странѣ потока (ἐν τῷ δυτικῷ τοῦ χειμάῤῥου κρημνῷ). идеже нынѣ лежить чтьноѥ҆ ѥ҆го тѣло. посрѣдѣ обою црк҃воѹ. стълпъ огньнъ стоꙗ҆щь на земли. ѥ҆го же верхъ тщашесѧ (ἀφικνεῖτο) въ нб҃о... и прѣбывъ мл҃твою въ томь мѣстѣ до зорь. възиде со страхомь. и трепетомь. идеже бѣ огньныи. столпъ. и обрѣте пещероѹ великоѹ и т. д. (изд. 81—85). Тамъ гдѣ въ приведенномъ мѣстѣ мы поставили многоточіе, въ Житіи Савы читается: видѣвъ же страшныи тъ видъ. и страшенъ и радостьнъ бывъ. помышлѧше гл҃аныꙗ книгами. о лѣствици показавъшисѧ иꙗ҆ковоѹ. гл҃а ꙗ҆ко страшно мѣсто се. нѣсть се ничьтоже нъ домъ бж҃ии (изд. 83). Эти слова дали поводъ Нестору сказать приблизительно то же самое о явленіи, бывшемъ въ Печерскомъ монастырѣ, но мѣсто изъ книги Бытія (28, 17) приводится имъ въ исправленномъ сравнительно съ Житіемъ Савы видѣ: тѣмь же ѥсть лѣпо намъ съ бж҃ьствьнымь иꙗковъмь рещи ꙗко ѥсть гь

---

[1]) Житіе Савы издано по рпси XIII в. Обществомъ Любит. Древн. Писм. подъ редакціей И. В. Помяловскаго, снабдившаго изданіе обширными и весьма цѣнными критическими примѣчаніями.

на мѣстѣ семь и ѥсть ст҃о мѣсто се и нѣсть ино нъ се домъ б҃ии и си врата небесьнаꙗ (изд. Попова 30 b).

Вѣроятно находясь подъ впечатлѣніемъ недавно прочитаннаго или изученнаго Житія Савы, Несторъ заимствовалъ изъ него не только отдѣльныя фразы, но также болѣе или менѣе обширные отрывки. Самое начало Житія Ѳеодосія напоминаетъ начало Житія Савы. Кириллъ, авторъ Житія Савы, въ предисловіи къ нему говоритъ, что онъ приступаетъ къ новому сочиненію, окончивъ повѣствованіе о блаженномъ отцѣ Евѳиміи; свои колебанія передъ началомъ предстоящаго труда Кириллъ заключаетъ словами: **нъ прѣслоушаниꙗ блюдъıися осоужениꙗ. и страшнаго оного прѣслоушаниꙗ боıся. и помъıшлаꙗ г҃лющаго. рабе лоукавъıи и лѣнивъıи. лѣпо ти бѣ положити срѣбреникъı моıа прѣдъ коупьци** (изд. 7). Несторъ точно также упоминаетъ въ своемъ предисловіи о предшествующемъ Житію Ѳеодосія сочиненіи своемъ **о житии и о погоублении и о чюдесьхъ ст҃ою и бл҃женою ст҃ратрьпьцю бориса и глѣба** и въ числѣ побудительныхъ причинъ къ написанію житія Печерскаго игумена указываетъ на тоже, что Кириллъ: **къ симъ же и блюдъıи да не къ мнѣ речено боудеть ѕлъıи рабе лѣнивъıи подобаше ти дати сребро моѥ тържьникомъ и азъ пришь(дъ) бъıхъ съ лихвою истѩзалъ ѥ** (изд. Попова 1 d). И въ этомъ случаѣ Несторъ приводитъ текстъ Священнаго Писанія въ болѣе исправномъ видѣ, чѣмъ Житіе Савы.

Приведу здѣсь наиболѣе существенное изъ того, что представляется въ Житіи Ѳеодосія заимствованнымъ изъ Житія Савы. Болѣе тщательное сравненіе вѣроятно откроетъ еще не мало общихъ мѣстъ, подобныхъ нижеслѣдующимъ:

Житіе Ѳеодосія: рпсь XII в. (Изд. Попова).	Житіе Савы: рпсь XIII в. (изд. Помяловскаго).
л. 1 с.: **бѣ бо измолода житиѥмь чистъмь оукрашенъ. добръıими дѣлесъı вѣрою же и съмъıслъмь паче.**	с. 27: (**показати же хотѧ почитающимъ**) **какъ бѧше измлада. вѣрою и съмъıсломь. и добръıми оукрашенъ делесъı.**

л. 5 b.: Тъгда же во слышавъ о бл҃женѣмь антонии живоущимь въ пещерѣ. и окрилатѣвъ же оумъмь оустрьмися въ пещерѣ. и пришьдъ къ прп҃добьноумоу антонию. ѥго же видѣвъ и падъ поклонися ѥмоу съ сльзами молꙗся ѥмоу. да бы оу него былъ. великыи же антонии казаше и гл҃а. чадо видиши ли пещероу сию скрьбьно соуще мѣсто и тѣснѣише паче инѣхъ мѣстъ. ты же оунъ сыи ꙗко же мню и не имаши трьпѣти на мѣстѣ семь скърби.

с. 31—37: Слышии (въ др. сп. слыша, ἀκούων) ѿ вьсѣхъ о бл҃женѣмь еуфимии. подвижющюсѧ тогда. въ въсточьнѣи ст҃го града поустыни... и окрилатѣвъ оумомь. пожада видѣти ст҃го оц҃а .. и пришедъ къ показаномоу мѣстоу... въ соуботоу видѣвъ великаго оц҃а ѥвъфимиꙗ. въ црк҃ви идоуща. молѧшесѧ съ сльзами да бы оу него былъ. великыи же ѥуфимии. казаше и гл҃а. чадо не мьню достоиноу ти быти. оуноу ти и ѥще (въ др. сп. ти ѥще) соущоу въ лаврѣ прѣбывати.

се же не тъкмо искоушаꙗ и глаголаше нъ и прозорочьныма очима прозрꙗ. ѧко тъ хотꙗше въздрадити самъ мѣсто. и манастырь славьнъ сътворити. на събьраниѥ множьствоу чрьньць.

(2) се же оубо. не бе смотрѣниꙗ творѧше. великыи еу҄фимии. нъ прозрачьныма очима прозьрѧ (ἀλλὰ διορατικῷ ὄμματι μᾶλλον· προβλέπων). всѣмъ палестиньскымъ оушельцемъ. архимандритоу быти ѥмоу. не тъкмо же се. нъ и великоую и славноую лавроу. вѧщьшю всѣхъ. палестиньскыхъ лавръ. собьрати хотѧща.

Бо҃дъхновеныи же деодосии ѿвѣща ѥмоу съ оумилениѥмь. вѣжь чьстьныи оч҃е. ꙗко проразоумьникъ всѧчьскыихъ богъ. приведе мѧ къ ст҃о-

(1) бл҃женыи же ѿвѣща сава. вѣжь чт҃ныи оч҃е. ꙗко проразоумникъ всѧчьскыхъ бъ҃. спсти ми сѧ велѧ. приведе мѧ въ ст҃ѣи ти роуцѣ. тѣмьже

сти твоѥи и спсти мꙑ велꙑ. тѣмь же ѥлико ми велиши сътворити сътворю.

ѥлико ми велиши творити. сътворю.

Въ Житіи Савы отмѣченное цифрами 1 и 2 читается въ обратномъ порядкѣ.

Затѣмъ разсказывается въ обоихъ житіяхъ о постриженіи святого въ монахи, при чемъ:

л. 6 с: оц҃ь же нашь ѳеѡдосии предавъсѧ бо҃у и прп҃дбьноуоумоу антонию. и ѿтолѣ подаꙗшесѧ на троудꙑ телесьнꙑꙗ. и бъдꙗше по вьсꙗ нощи въ славословлении бж҃ии.

с. 37: (бꙑвъ же оубо оу блж҃наго ѳеоктиста.) оц҃ь нашь сава. весь сѧ пода бо҃у. и ѥже имѧше о (др. сп. ѿ) своихъ ѥмоу. прѣда в роуцѣ игоуменоу. и подвижесѧ на троудꙑ. дѣломь телеснꙑмь вьсь дн҃ь. бъдѧ же всѧ нощи. въ славлѣньихъ бж҃ихъ.

Непосредственно за этимъ читаемъ въ Житіи Ѳеодосія:

л. 6 с-d: сънꙗноую тѧгость (въ нѣк. сп.: ѿгонѧ) къ въздьржанию же и плътию своѥю троужаꙗсѧ роукама дѣло своѥ дѣлаꙗ. и въспоминаꙗ по вьсꙗ дн҃и псалъмьскоѥ ѡно слово. вижь съмѣрениѥ моѥ и троудъ мои и остави вьсꙗ грѣхꙑ моꙗ. тѣмь вьсь съ вьсѣмь въздьржаниѥмь дш҃ю съмѣрѧаше. тѣло же пакꙑ троудъмь и подвизаниѥмь дроучааше.

с. 21-23: (подаꙗшесѧ въздержанию паче. ꙗко же злꙑꙗ ѿгонѧщю помꙑслꙑ). и соньноую въспоущающю тѧгость. къ въздьржанию же и плътию троужашесѧ. рекъше роукама своима :· На памѧти имѣꙗ двд҃ьскоѥ оно. пс҃ламьскоѥ слово. вижь съмѣрѣниѥ моѥ и троудъ мои. и остави всѧ грѣхꙑ моꙗ. тѣмже всѣмь подвїжениѥмь. дш҃ю смѣрѧше въздьржаниѥмь. тѣло же пакꙑ троудомь и подвижѣниѥмь дроучаше.

Вслѣдъ за этимъ въ Житіи Θеодосія:

л. 6 d: ꙗко дивитиса прп҃бьноуоумоу антонию. и великомоу никоноу. съмѣрению его и покорению. и толикоу его въ оуности бл҃гоправьствоу. и оукрѣплению и бъдрости.	л. 39: ꙗко же чюдитиса манастꙑрьскꙑимъ оц҃мъ. селико его. въ оуности бл҃гоправьство. и оукрѣплѣние и борзость (въ др. сп. хытрость).
л. 7 b-c: обаче и на прочее съказание отрока исправлениꙗ поидоу. съвршение же гл҃ъ ми оукажетьсꙗ. бл҃гоисправлꙗющию бо҃у и словесловоу. Сии оубо оц҃ь нашь θеѡдосии ст҃ꙑи. побѣдоносьць показасꙗ въ пещерѣ на ꙁлꙑꙗ дх҃ꙑ	с. 191-193: (си же оубо о новолаврꙗнехъ. обаче гл҃ахомъ.) нъ азъ на чиньное сказание. ст҃го старьца исправлениꙗ. възвращаюса. свѣтлаго просвѣщениꙗ. оц҃а нашего савꙑ. ст҃аꙗ бл҃годарьства. житие бо славьно. и дѣиства бл҃гоправна. и вѣра исправлена. и се оубо оуже оучастьнѣ гл҃аниими показаса. съвершенѣие же гл҃емꙑими оукажетьса. бл҃гоисправлꙗющию бо҃у. и словоу слово (καὶ τοῦτο μὲν ἤδη ἐκ μέρους διὰ τῶν εἰρημένων ἀπεδείχθη, καὶ αὖθις ἀποδειχθήσεται, εὐοδοῦντος τοῦ θεοῦ λόγου τὸν λόγον). сии оубо ст҃ꙑи сава. побѣдоносець. показавъса. въ кастелии на злꙑꙗ дх҃ꙑ.

Нельзя не замѣтить, что заимствованный изъ Житія Савы отрывокъ не поставленъ въ Житіи Θеодосія въ связь съ послѣдующимъ изложеніемъ. Передъ нимъ находимъ разсказъ о встрѣчѣ преподобнаго Θеодосія съ матерью и о постриженіи послѣдней, а за нимъ читаемъ: по острижени же мт҃ре своꙗ и по ѿвержении всꙗкоꙗ мирьскꙑꙗ печали. большими троудꙑ паче начен҄ подвизатиса на рьвение бж҃ие и т. д.

л. 8 b: и бж҃иѥю помоцию съвръже одежю съ себе. и своима ногама попирашеть ю въ калѣ. попираꙗ съ тѣми и ꙁлꙑꙗ помꙑслꙑ. и лоукаваго врага.	с. 21: поверже ꙗблъко на землю. своима попираше ногама. попираꙗ и с нимь и помꙑслъ.
л. 9 а: тъгда х҃въ воинъ ишедъ иꙁ домоу своѥго. ꙗко птица ис проугла истьргъшисꙗ или ꙗко сърна отъ тенета.	с. 109: да сп҃сешисѧ ꙗко серна ѿ тенета. и̓ а̓кꙑ пътица ѿ проугъла.
л. 9 с: бꙑше бо кротъкъ нравъмь и тихъ съмꙑслъмь. и простъ оумъмь и доуховьнꙑꙗ всеꙗ моудрости испълненъ любовь же непорочьноу имѣꙗ къ всеи братии.	с. 371: Бѧше же ѿц҃ь нашь сава. тихомь смꙑсломь. кротокъ же нравомь простомь (въ др. сп.: простъ) оумомь. исполненъ всѧкоꙗ д҃ховнꙑꙗ прм҃дрти. любовь же непорочноу имѧше къ блаженомоу ѿц҃ю ѳеѡ̓досоу.
л. 10 b: оц҃ь же нашь ѳеѡ̓досии съмѣренъмь съмꙑслъмь и послоушанимь. вьсꙗ преспѣваше троудъмь и подвиꙁаниѥмь. и дѣлъмь телесьнꙑимь.	с. 23: и .ꙁ҃. или .о҃. имꙑи братиꙗ̓. въ гл҃нѣмь флавианьстѣмь манастꙑри (καὶ ἑξήκοντα ἢ καὶ ἑβδομήκοντα ἔχων ἐν τῷ εἰρημένῳ Φλαβιαναῖς μοναστηρίῳ συναγωνιστάς). преодолѣваше всѣмь (вм. всѣмъ: ὑπερηκόντησεν ἅπαντας) смѣреномь съмꙑсломь и послоушаниѥмь. и бл҃гочт҃ьнꙑми и прочими троудꙑ своими. (ср. 37: дѣломь телеснꙑмь, см. выше).
л. 10 b: бꙑше бо и тѣлъмь бл҃гъ. и крѣпъкъ и съпоспѣшьствъмь всѣмъ слоужаше и во-	с. 39: и тѣломь бл҃гъ бѧше и крѣпокъ... и къ семоу же к҃уновинскꙑмъ работникомъ.

доу носꙗ и дръва иꙁ лѣса на своюю плещю.

спосъшениѥмь всѣмъ помагаше. водоу носѧ. и дръва влача. и иноу всю слоужбѹ творѧ.

л. 10 b: бъды же по вьсꙗ нощи въ славословлении бж҃ии.

с. 37: бъдѧ же вьсѧ нощи. въ славлѣньихъ бж҃ихъ.

л. 10 с: и тако преже всѣхъ обрѣташесꙗ въ цр҃кви... ти тако пакы и цр҃кве послѣже всѣхъ иꙁлажаше. Ср. также 16 d: и въ цр҃кви же преже вьсѣхъ обрѣтаꙗсꙗ и послѣже вьсѣхъ иꙁлаꙁѧ.

с. 37: преже всѣхъ въ цр҃квь приходѧ. и послѣже всѣхъ излазѧ.

л. 10 с: бл҃женаго оц҃а нашего ѳеѡдосиꙗ. игоумьнъмь себе нарекоша. ꙗко и чьрньчьскоую жиꙁнь оуправивъша. и бж҃иꙗ иꙁвѣсто ꙁаповѣди иꙁ лиха вѣдоуща.

с. 373: а ст҃ыи сава старѣишина бѧше и законодавець всемоу. имъ же въ кельꙗхъ живоущимъ всѣмъ чернориꙁьцемъ. акы поустынника (вин. п. дв. ч. относится къ Ѳеодосію іерус. и Савѣ). и беꙁимениꙗ (ἀκτήμονας). и бж҃иꙗ писаниꙗ извѣсто вѣдоуща. и черноризечьскоую жизнь оуправлѧюща и многы на бж҃ии разоумъ наводѧща. и бѧше сиꙗ видѣти приходѧща к себе.

л. 10 d: тѣмь же смѣрꙗашесꙗ мьнии всѣхъ сꙗ творꙗ и всѣмъ слоужа. Ср. ниже 16 d.

с. 77: на се показаниѥ възираꙗ смѣрѧшесѧ послѣднии сѧ творѧ всѣхъ. и слоужникъ коѥгождо ихъ.

л. 11 а: пр҃пдбьнъıи же оц҃ь нашь иже по истинѣ. ꙁемльнъıи анг҃лъ и нб҃снъıи чл҃вкъ. ѳеодосии.

с. 343: Земнъıи анг҃лъ нб҃снъıи чл҃вкъ сава.

л. 12 а: видѧ мѣсто скърбьно соущє и тѣсно и юще же и скоудно при всѣмь. и братии мъножащися цр҃кви же малѣ соущи на съвъкоупление имъ. и николи же въпаде о томь въ печаль ни поскърбѣ ѿ мь.

ib: по вьсѧ д҃ни братию всю оутѣшаѩ оучаше. никакоже попечисѧ о плътьнѣмь. нъ г҃нь гласъ въспоминаше имъ г҃лѧ. не пьцѣтесѧ чьто пиємъ или что ѣмъ или въ что облечемъсѧ. вѣсть во оц҃ь вашь н҃бсьнъıи ѩко тревоуєть (вм. тревоуєте) вьсѧ си. обаче ищете цр҃ьства н҃бснаго и си вьсѧ приложатьсѧ вамъ ⁘ Бл҃женъıи же сице помъıшлꙗше в҃ъ же все на потребоу не скоудьно подаваше ємоу. Ср. 19 b: в҃ъ же пакъı нескоудьно подаваше ємоу. єже на потребоу бж҃ествьноуоумоу томоу стадоу.

л. 11 b: и ѩкоже б҃оу помагающю ємоу. въ мало времѧ въздради цр҃ькъвь на мѣстѣ томь... и отътолѣ бж҃ию бл҃гдатию въздрасте мѣсто то и бъıсть манастъıрь славьнъ. се же и донъıнѣ єсть печерьскъıи наричемъ. иже ѿ ст҃го

с. 345: сиѩ седмь (и) манастъıрь строѩ. прилога никакого же творити не хотѧ. нъ вѣрою и надежею въ б҃оу въсланѧѩсѧ. николи же въпаде въ печаль. и паче въ врѣмѧ гладною. Ср. ниже 23 а.

л. 347: тогда оц҃ь нашь сава старѣишинъı оучаше своихъ манастъıрь. николи же попецисѧ ѡ плотнѣмь г҃нь г҃ла. въспоминаше имъ г҃лѧ. нѣ пьцѣтесѧ г҃лще что ѩмъ или что пиємъ. или въ что въблечемъсѧ (др. сп. ѻблечемъсѧ) вѣсть во оц҃ь вашь н҃бнъıи ѩко трѣбоуємъ сихъ всѣхъ (др. сп. тревоуѐте всѧ си: ὅτι χρῄζετε τούτων ἁπάντων). обаче ищете прѣже цѣсарства н҃бнаго. и си всѧ приложатьсѧ вамъ. ст҃ъıи си старець сице смъıшлѧше и оучаше. в҃ъ же все на тревоу нескоуднѣ подаваше ємоу.

с. 195-197: ѝ просто рещи. б҃оу помогъшю. пещерою цр҃квь створи. мѣсто то пещерьнъıи манастъıрь нарекъ (τοῦ σπηλαίου αὐτὸ ὀνομάσας)... и б҃оу бл҃говольшю. въздрасте мѣсто ѝ оумножисѧ зѣло. да чьто много г҃лю. предъ лежить во

ѻц҃а нашего ѳеѡдосиꙗ съставленъ бысть.

прѣдъ очима нашима. пещерьнаꙗ обьщьница. ꙗже со многомь потомь. отъ ст҃го ѻц҃а нашего савъı. съставлена.

л. 12 а: многоу же скърбь и мьчатаниѥ зълии доуси творꙗхоуть ѥмоу въ пещерѣ тои. ѥще же и ранъı наносꙗще ѥмоу ꙗкоже и о ст҃ѣмь и велицѣмь антонии пишетьсѧ. нъ ꙗвивъшися ономоу тъ и семоу невидимо съ нбсе силоу подасть на побѣдоу ихъ. Ср. ниже 12 с: дондеже бл҃тию хр҃вою побѣди ꙗ. и възꙗтъ ѿ ба҃ власть на нїхъ.

с. 119-121. многъı же печалї приꙗ въ мѣстѣ томь ѿ бѣсъ. толико ꙗкоже онъ. ꙗко и чл҃вѣкъ оубоꙗвъсѧ ѿити помысли. нъ ꙗвивъıисѧ великомꙋ антонию. и семоу ꙗвисѧ дерьзати велѧ. силою кр҃тьною. и сице дерьзновѣниѥ приимъ. вѣрою и терпѣниѥмь. одолѣ злъıмъ бѣсомъ.

л. 12 b: нъ и ѥще издалеча мьчьтъı творꙗщемъ ѥмоу... и се слъıшаше гласъ хлопота въ пещерѣ отъ множьства бѣсовъ... ꙗко же трꙗстисꙗ пещерѣ. отъ множьства плища зълъıихъ дх҃овъ.

с. 121-122: начаша напрасно бѣси клопотъı творити. и мьчьтнъıхъ (φαντασίας) казати ѥмоу... ѿидоша скоро ѿ горъı сеꙗ. той нощи. ꙗко и множьство вранъ. кажющесѧ. съ клопотомь великомь. и плачемь бещиньномь.

л. 16 а: таче на послѣдъцѣ ѡ єдиномь блаженѣмь ѻц҃и ѳеодосии словеси поидоу. и ꙗже о немь достоина своꙗ ѥмоу исправлениꙗ. бж҃ию благодатию исповѣдаꙗ свѣтила. просвѣщенаго ѻц҃а нашего ѳеодосиꙗ.

с. 343: и на послѣдцѣ о ѥдиномь ѡ҆ц҃и нашѥмь савѣ. словеси поидоу и ꙗже ѡ нѣмь достоинаꙗ своꙗ ѥмоу оуправлениꙗ блг҃дать (др. ст. блг҃ѡтїю) бж҃ию исповѣдаꙗ.

л. 16 а: бѣаше бо по истинѣ чловѣкъ бж҃ии. свѣтило въ

с. 373: бѧста же по истинѣ оба сн҃а свѣтоу. и сн҃а дн҃и (υἱοὶ

вьсемь мирѣ видимоѥ. и просиꙗвъшеѥ въ всемь (въ др. сп. всѣмъ) чьрноризьцемъ.

φωτὸς καὶ υἱοὶ ἡμέρας) ч҃лвка б҃иꙗ. и вѣрна слоужителѧ. свѣтилѣ въ мирѣ видимѣи. слово жизнь имоуща. стълпъ твердъ истинѣ. ова сиꙗ чернечьство наставлѧюща.

л. 16 d: имꙗаше во съмѣрениѥ и кротость великоу. о семь подражаꙗ христоса истиньнааго б҃а. г҃лавъшааго навыкнѣтеотъ мене ꙗко кротъкъ ѥсмь и съмѣренъ ср҃дцьмь. тѣмьже на таковоѥ подвизаниѥ възираꙗ. съмѣрꙗшесꙗ последьнии сꙗ вьсѣхъ творꙗ. и слоужьбьникъ. Ср. выше 10 d.

с. 77: имѧше во кротость великоу. и смѣрѣниѥ истиньноѥ. подражаꙗ о сѣмь х҃а. истиньнаго б҃а. подавъшагосѧ хотѧщимъ на подражаниѥ. г҃лавъшаго навыкнѣте Ѿ мене. ꙗко кротъкъ ѥсмь и смѣренъ ср҃дцмь. на се показаниѥ (ὑπόδειγμα) възираꙗ смѣрѧшесѧ. послѣдниі сѧ творѧ всѣхъ. и слоужникъ коѥгождо ихъ.

л. 17 d: и ꙗко въ вьсѣхъ искоушенихъ бывъ. оучааше. и наказааше стати крѣпъцѣ противоу диꙗволемъ къзньмъ. никакоже постоупати ни раслабѣтисѧ Ѿ мьчьтании и бѣсовьскыꙗ напасти.

с. 77: ꙗкоже въ вьсѣхъ искоушенъіхъ бывъ (др. сп. искоушеніихъ). оучаше и казаше стати крѣпъцѣ. противоу диꙗволемъ къзнемъ. и никакоже попоустити ни раслабитисѧ. Ѿ мечьтовныꙗ бѣсовъ напасти.

л. 18 d и сл. находимъ въ Житіи Ѳеодосія разсказъ о томъ, какъ однажды къ преподобному Ѳеодосію пришелъ икономъ, объясняя, что ему непачто купить на завтра пищи и другого необходимаго для братіи. Ср. съ этимъ въ Житіи Савы повѣсть о томъ, какъ съ такими же заявленіями обратился однажды къ преподобному Савѣ икономъ великыꙗ лавры. Какъ Сава, такъ и Ѳеодосій, сдѣлавъ нужныя распоряженія, говорятъ иконому:

л. 19 а: тачє вѣрьнъ ѥсть

с. 349: ѡбачє вѣрєнъ ѥсть

гл҃ѭи. не пьцѣтесѧ оутрѣи-нимь.

гл҃ѧи нѣ пьцѣтесѧ оутрѣши-нимь.

Но Господь Богъ явилъ чудо, пославъ преподобному Θеодосію черезъ ангела гривьноу ѕлата, а преподобному Савѣ обозъ съ виномъ, медомъ, хлѣбомъ и пр. Θеодосій передалъ деньги иконому, веля ему купить что нужно, а Сава упрекнулъ иконома въ маловѣріи. Оба обращаются при этомъ къ иконому съ вопросомъ:

л. 19 b: чьто гл҃еши брате анастасе. ꙗко не имамъ чимь коупити братии требованиꙗ.

с. 349: что гл҃ши икономе. възбранимъ ли въ било оударити. имъ же нѣ что оц҃мъ въкоусити.

Затѣмъ въ обоихъ житіяхъ слѣдуетъ:

тъгда же икономъ раѕоумѣвъ падъ поклонисꙗ ѥмоу. бл҃жений же оучааше и гл҃ꙗ николиже не отъчаисꙗ. нъ въ времꙗ (въ др. сп. въ вѣрѣ) крѣпѧсꙗ вьсю печаль свою възвьрѕи къ богоу. ꙗко тъ попечетьсꙗ нами ꙗкоже хощеть.

икономъ же почюдивъсѧ. припаде на ногоу ѥго прощѣниѥ възѧти хотѧ. старець же бл҃женъ ѥго оучаше и гл҃ѧ. николиже ѿчаисѧ нъ въ вѣроу крѣпѧсѧ (ἀλλὰ πίστει κραταιούμενος). всю печаль свою къ бо҃у възверзи. ꙗко тъ сѧ печеть ѿ насъ.

При этомъ Θеодосій приказываетъ иконому: и сътвориши братии праѕдьникъ великъ дн҃ь, ср. въ Житіи Савы въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ: и створиша праздьникъ ѿц҃мъ.

л. 23 а: А иже прп҃дбьныи оц҃ь нашь ѳеѡдосий иже по истинѣ испълънѥнъ дх҃а ст҃аго. тѣмь же и божиꙗ таланта оумъноживъ. иже населивъ мѣсто множьствъмь чьрьноризьць. иже поусто соуще манастырь славьнъ сътвори.

с. 343: (сава)... иже бж҃ꙗ таланта оумноживъ. иже свыше силою ѿволкъсѧ бл҃говолѣниѥмь же б҃а и ѿц҃а помощью х҃вою и въдъхновѣниѥмь ст҃го дх҃а насиꙗвъ (др. сп. населивъ, πολίσας) поустыню множьствомь чернори(рї)зьць. седмью

ib.: тѣмьже не хотѧше никакоже прилога творити въ немь. нъ вѣ вѣрою и надежею къ б҃оу въсклонѧꙗсѧ.

ib.: ꙗкоже паче не имѣти оупованиꙗ неимѣниѥмь. Ср. 29 b: и тако оупованиѥ имѧаше къ г҃оу нашемоу і҃соу х҃оу. ꙗкоже не имѣти надежа о ꙁемьнъıихъ никоѥꙗ же. ни оуповати же ни о чемьже въ мирѣ семь. нъ вѣ вьсею мъıслию и вьсею д҃шею къ б҃оу въсклонꙗꙗсѧ. и на того вьсе оупованиѥ възложь.

л. 23 d: се бо гл҃аше ꙗко не моужьскъıꙗ ѥсть д҃ша ѥже раслабѣти печальнъıими сими напастьми.

л. 24 a: нъ вьсѧ въкоупѣ ꙗко пастоухъ добръıи пакъı пасѧше оуча и оутѣшаꙗ. и словесъı оукрѣплѧваꙗ д҃ша ихъ. кърълѧше и напаꙗꙗ не престаꙗше. тѣмь же и мъногъı на божии раꙁоумъ наводѧше. и къ н҃бсьномоу ц҃рствию направлѧше.

(др. сп. седмь) манастъıрь славенъ ѥюже виною наречесѧ. въ нѣи створи.

с. 345: сиꙗ седмь(и) манастъıрь строꙗ. прилога никакого же творити не хотѧше. нъ вѣрою и надежею къ б҃оу въсланѧꙗсѧ. Ср. выше 11 a.

с. 347: в҃ъ же все на требоу нескоудно подаваше ѥмоу. ꙗкоже паче нѣ имѣти оупованиꙗ оуповающимъ. и обрѣтелию нежели симъ ч҃тномъ мѣстъ (въ др. сп. вм. этого: ꙗкоже паче имѣти оупокающе имѣнїемъ, по греч. ὥστε λείπεσθαι μᾶλλον τοὺς ἐπὶ χρήμασι καὶ προσόδοις πεποιθότας, ἢ τὰ ὑπὸ τούτου μοναστήρια προνοούμενα). Ср. выше 11 a и 19 b.

с. 79: (сава дѣꙗше)... не моужьскъıи бо се ѥсть д҃ша. иже раслабитисѧ печальми (др. сп. печальными) сими (ὑποπίπτειν τοῖς πόνοις).

с. 79: (сими) и сицими делесъı и словесъı (τούτοις καὶ τοῖς τοιούτοις ἔργοις καὶ λόγοις). д҃ша ихъ кормлѧше. и напаꙗꙗ не прѣстаꙗше. и крила имъ даꙗше. и лѣтати ꙗ оучаше. и въıше н҃бсе въсходити ꙗ пооущаше.

ср. с. 373: и многъı на б҃ии ра-

зоумъ наводѧща (про Саву и Θеодосія, ср. выше л. 10 с).

л. 39 а: Несторъ повѣствуетъ о томъ, что по смерти преподобнаго Θеодосія вслѣдствіе его молитвъ все умножается въ монастырѣ его. При этомъ онъ приводитъ то же мѣсто изъ Прем. Сол. (5, 16), какъ Кириллъ вслѣдъ за разсказомъ о смерти Савы:

истиньна бо соуть влⷣꙑкꙑ словеса ꙗкоже рече. ꙗко славѧщаꙗ мѧ прославлю. ꙗкоже бжьствьноѥ писаниѥ глⷭеть. правьдьникъ аще оумьреть живъ боудеть въ вѣкꙑ. ꙗко не прикоснеться ѥмоу съмьрть. и ѿ га мьзда ѥго и надежа ѥго ѿ вꙑшьнѧⷢ҇.

с. 451: Обаче ꙗко не оумре сии стꙑи нъ спить ꙗко нерочно (въ др. сп. непорочное) житье живъ. и боу оугодивъ ꙗкоже пишетьсѧ праведнꙑхъ дша въ роукоу бию и не коснетьсѧ ихъ смерть.

Здѣсь, также какъ въ другихъ случаяхъ, Несторъ приводитъ тексты Священнаго Писанія, заимствованные изъ Житія Савы, въ болѣе исправномъ видѣ. Нельзя не сопоставить и слѣдующихъ отрывковъ. Кириллъ, разсказавъ объ обрѣтеніи нетлѣнными мощей преподобнаго Савы, говоритъ:

л. 39 а: Се бо сии прпдвьнꙑи оць нашь Ѳеодосии. аще и тѣлъмь ѿлоучисѧ ѿ насъ. нъ ꙗкоже самъ рече дхъмь присно съ нами ѥсть. ꙗкоже о семь нꙑнѣ исповѣмь. ѥже и по съмьрти ѥго бꙑсть.

с. 453: си же о стмь ѥмоу тѣлѣ. дхъ же ѥго многа достоинъ ѥсть къ боу оупованиꙗ. ѥго же свѣтъ маломь показати имамъ.

Кириллъ приводитъ разсказъ о томъ, какъ у одного сребропродавца было похищено серебро, и какъ по молитвѣ его онъ узналъ, гдѣ находится похищенное, отъ Христова мученика Θеодора, приходившаго встрѣтить и проводить въ покойное мѣсто душу Савы. Ср. съ этимъ у Нестора (39 с) повѣсть о чудесномъ

возвращеніи украденнаго серебра мужу нѣкоему, обратившемуся съ молитвою къ преподобному Ѳеодосію.

Несторъ заимствовалъ изъ Житія Савы и отдѣльныя выраженія. Въ Житіи Савы злые духи, раздраженные неустрашимостію преподобнаго, стоявшаго на молитвѣ въ пещерѣ, изидоша ѿтоудоу. чл҃вчьскомь гл҃сомь въпиюще. о ноужа ѿ тебе саво (вм. о ноуже, ср. греч.: ὦ βία ἀπὸ σοῦ Σάβα) с. 123. Мать преподобнаго Ѳеодосія, разгнѣвавшись на Антонія, скрывшаго, по ея предположенію, Ѳеодосія въ пещерѣ, съ гнѣвъмь великъмь въпиꙗаше. о ноуже старьцѧ сего ꙗко имъıи сн҃а моѥго и съкръıвъı и въ пещерѣ не рачить ми ѥго ꙗвити (16 с).

Л. 9 b: и тоу обрѣтъ мѣсто чисто близь града сѣде на немь. и б҃жиѥю бл҃гдтию въздрасте мѣсто то, ср. 195: и бо҃у бл҃говольшю. въздрасте мѣсто и оумножисѧ зѣло. — л. 11 d: Оц҃ь же нашь ѳеодосии аще и старѣишиньство примъ, ср. 185: Иже агапитъ. новаго манастъıрѧ. старѣишиньство приѥмъ. — л. 11 b: и ꙗкоже бо҃у помагающю ѥмоу. въ мало времѧ въздради цр҃ькъвь, ср. 195: и просто рещи. бо҃у помогъшю. пещероу цр҃квь створи. — л. 10 d: и цвьтѧше мѣсто то добръıими нравъı. и молитвами ихъ и инѣми бл҃гочьстивъıими нравъı, ср. 285: ꙗже (анастасиꙗ) до нъıнѣшнѧго. въ горѣ елеоньстѣи. черноризечьскъıими добротами цвьтоущи. — л. 24 с: се бо посѣщениѥ бж҃иѥ ѥсть, говоритъ Ѳеодосій, когда совершенно неожиданно ему были присланы въ монастырь три возъı брашьна хлѣбъ и сыръ и ръıбъ. сочиво же и пьшено. ѥще же и медъ, ср. 249: присѣщѣниѥ бж҃ѥ ѥсть. намъ въ сии часъ (слова Савы по поводу чудеснаго преложенія уксуса въ вино).—л. 34 с: Тъгда же оц҃ь нашь ѳеодосии напълнивъсѧ дх҃а ст҃го (тоже 32 b, 11 b), ср. 293: тогда же сава ст҃ъıи исполнивъсѧ ст҃го дх҃а.—л. 38 b: ꙗко ꙗвлениѥ нѣкоѥ видѣвъ, ср. ꙗвлѣниѥ, ꙗвлѣнию 29, 129.

Нерѣдко, заимствуя изъ Житія Савы текстъ Св. Писанія, Несторъ прилагалъ его къ другимъ случаямъ: преподобный Антоній, предостерегая Варлама отъ слишкомъ поспѣшнаго постриженія, говоритъ: нъ блюди чадо да не богатьство и слава мира

сего въꙁврати тѧ въспѧть. Господоу рекъшю. никто же въꙁложь роукъı своѩ на рало. и ꙁрѩ въспѧть оуправленъ ѥсть въ цр҃твии нбс҃нѣмь (л. 33 d), ср. въ Житіи Савы по другому случаю: еванг҃льскоѥ помъıшлаѧ слово. го҃у гл҃щоу. никтоже въꙁлагаѧ роукъı на рало. и обративъсѧ въспѧть оуправлѧѥтьсѧ въ цр҃тво нб҃сьноѥ с. 17. — л. 24 с.: ѿбаче же надѣюсѧ на б҃а иже въ поустъıни людьмъ непокоривъıимъ хлѣбъ нб҃сьнъıи ѿдъжди и источи крастѣли, говоритъ Ѳеодосій келарю, жалующемуся на то, что ему нечего подать на обѣдъ братіи, ср. въ Житіи Савы: часть бо имѣниѩ г҃ь ѥсть. иже въ поустъıни люди непокоривъıѩ. хлѣбъı небеснъıими одъжчивъ. источивъ крастѣли с. 409 (по греч. только: ὁ ἐν ἐρήμῳ λαῷ ἀπειθοῦντι καὶ ἀντιλέγοντι ἄρτον οὐράνιον ὀμβρίσας).

Иногда въ Житіи Ѳеодосія встрѣчаются мѣста лишь издалека напоминающія Житіе Савы, но тѣмъ не менѣе вызванныя именно его вліяніемъ. Напр. л. 39 d: и бѣ видѣти на ꙁемли чл҃вкъı житиѥмь акъı анг҃лъмъ тъчьнъı. и манастъıрь тъ подобьнъ нб҃си и въ немь бл҃женъıи оць҃ нашь ѳеѡдосии паче сл҃нца въсиꙗвъ добръıими дѣлъı, ср. въ Житіи Савы 75: и постиже бл҃гдтию б҃жию. дроужина ѥго до .о҃. моужь. всѣмъ дх҃вьномъ соущемъ. всѣмъ хр҃носьцемъ. ꙗже аще кто наречеть. ликъ анг҃льскъıи ли соборъ трѹдникъ. или градъ ап҃льскъ. или .о҃. ап҃лъ. дроугъıхъ истинъı не погрѣшить. и бѧше игоуменъ имъ. и наставникъ и пастоухъ. Вслѣдъ за этимъ на л. 40 а читаемъ въ Житіи Ѳеодосія: Тѣмьже оубо слъıшаще кнѧꙁи и боꙗре доброѥ ихъ житиѥ. прихожаахоу къ великоуоумоу ѳеѡдосию... ти тако пакъı приношаахоу ѥмоу нѣчьто мало отъ имѣнии своихъ на оутѣшениѥ братии. на състроѥниѥ манастъıрю своѥмоу, ср. въ Житіи Савы 87: многъı идеже (πολλαχοῦ) оубо прошедъши славѣ ѥго. вьси прихожахоу к немоу. много приносѧще. паче же видѧще анг҃льскоѥ ѥго житиѥ. бл҃женикъ же (ὁ δὲ μακαρίστης) множаишаѩ. ѿ приносимъıхъ на ꙁьданиѥ и оустроѥниѥ. манастъıрьскъıхъ коньчаваше. — л. 10 d: и на дѣло преже всѣхъ исходѩ. и въ чиноу ст҃ъıѩ литургиѩ напоминаетъ Житіе Савы 87:

хꙑтръ си (ὢν) въ чинꙋ. ст҃ыꙗ литоургиꙗ. и поспѣшенъ (προθυμώτατος) преже всѣхъ въ ц҃рквь приходѧ и т. д., см. выше 10 c.— л. 7 b: Се же житиѥ бл҃женаго оц҃а нашего деѡдосиꙗ отъ оуны връстꙑ. досде дондеже приде въ пещероу. м҃ти же ѥго съповѣда ѥдиномоу ѿ братиꙗ именьмь деѡдороу. иже бѣ келарь при оц҃и нашемь деодосии. азъ же отъ него вьсꙗ си слꙑшавъ ономоу съповѣдающю ми. и въписахъ на памѧть вьсѣмъ почитающимъ ꙗ, ср. въ Житіи Савы 27: си же оубо съказахъ слꙑшавъ ѿ григориꙗ попа и брата ѥмоу (Савѣ) показати же хотѧ почитающимъ какъ бѧше измлада и т. д.

Весьма любопытно, что въ Житіи Ѳеодосія замѣчаются заимствованія не изъ всѣхъ частей Житія Савы, а главнымъ образомъ лишь изъ нѣсколькихъ отрывковъ, очевидно запомнившихся Нестору. Укажу на наиболѣе обширные отрывки.

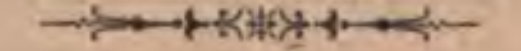
Житіе Савы 21—23, начиная съ разсказа объ искусившемъ Саву яблокѣ: ср. въ Ж. Ѳ. указанныя выше мѣста: 8 b, 6 c-d, 10 b; Ж. С. 27: Ж. Ѳ. 1 c, 7 b; Ж. С. 31—39: Ж. Ѳ. 5 b: 6 c, 6 d, 10 b, 10 c, 10 d; Ж. С. 75—79: Ж. Ѳ. 39 d, 10 d, 16 d, 17 d, 23 d, 24 a; Ж. С. 119—123: Ж. Ѳ. 12 a, 12 c, 12 b, 16 c; Ж. С. 191—195: Ж. Ѳ. 7 b-c, 9 b, 11 b; Ж. С. 343—349: Ж. Ѳ. 11 a, 23 a, 29 b, 16 a, 19 a, 19 b; Ж. С. 371—373: Ж. Ѳ. 9 c, 10 c, 24 a, 16 a; Ж. С. 451—453, Ж. Ѳ. 39 a, 39 c.

Житіе Савы, какъ видно изъ всего предыдущаго, было извѣстно русскимъ людямъ уже въ XI в. Вмѣстѣ съ житіями св. Антонія Великаго, св. Евѳимія (всѣ три житія читаются одно за другимъ въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ, напр. въ Сб. XV в. Публ. библ. № 548) и др. оно принадлежало къ кругу чтенія, представлявшему особый интересъ для монашествующихъ, какъ повѣствованіе о подвигахъ, достойныхъ подражанія, и о первоначальномъ возникновеніи обителей, начинавшихъ устраиваться и множиться въ XI в. и у насъ на Руси. У преподобнаго Ѳеодосія нерѣдко были на устахъ приведенныя выше имена, ср. въ Словѣ его, помѣщенномъ въ Пов. вр. лѣтъ подъ 1074 годомъ:

потомъ явившася отци наша акы свѣтила в мирѣ, иже сияють и по смерти, показавше труды великыя и въздержанье, яко се великыи Антонии, и Еудимии, и Сава и прочии отци, ихже мы поревнуемъ, братья.

Несторъ былъ также знакомъ съ Житіемъ Антонія, что можно заключить изъ приводимаго имъ сравненія преподобнаго Өеодосія съ Антоніемъ Великимъ (вящии прьвыихъ оць явися житиемь во подражаня. стаго и пьрвааго начальника чьрньчьскоуоумоу образоу. великааго мѣнию антония л. 1 с), а также изъ нѣкоторыхъ, впрочемъ весьма рѣдкихъ, общихъ выраженій. Напр. въ Житіи Өеодосія, преподобный игуменъ, разсказывая о бывшемъ ему искушеніи, говоритъ, что однажды злой бѣсъ явился ему въ видѣ чернаго пса: се же азъ постреченъ бывъ хотѣхъ оударити и (18 а), ср. въ Житіи Антонія: антоніе же біемъ и стрѣчѣ отъ нихъ (отъ злыхъ духовъ). На знакомство Нестора съ Житіемъ Евѳимія имѣются также, хотя и не вѣскія, доказательства.

Повидимому, есть возможность предположить, что авторъ Житія Өеодосія, занимавшійся также вопросами о началѣ Печерскаго монастыря, заинтересовался передъ началомъ своего труда Житіемъ Савы по причинѣ, дѣлавшей это Житіе особенно цѣннымъ въ глазахъ инока Печерскаго. Сава Преосвященный въ числѣ прочихъ обителей основалъ пещерьнъіи (также пещерьскъіи по сп. его Житія XIII в.) монастырь, своимъ названіемъ напомнившій Нестору о собственной, дорогой для его сердца, обители.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ LXIV, № 2.

ШВЕДСКАЯ БАЛЛАДА

ОБЪ

УВОЗѢ СОЛОМОНОВОЙ ЖЕНЫ

СООБЩИЛЪ

Акад. А. Н. Веселовскій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1896.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Апрѣль 1896 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Шведская баллада объ увозѣ Соломоновой жены.

I.

Повѣсть объ увозѣ Соломоновой жены сохранилась болѣе или менѣе цѣльно въ славянорусскихъ и средненѣмецкихъ текстахъ; показанія другихъ европейскихъ литературъ, отрывочнаго характера, свидѣтельствуютъ развѣ о древности и относительномъ распространеніи легенды, лишь мало проливая свѣта на ея первоисточникъ. Не рѣдко осталась одна лишь схема сказанія съ новыми именами; такъ въ португальскихъ повѣстяхъ, гдѣ имя Соломона уступило имени Рамиро; такъ и въ слѣдующей шведской балладѣ, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является царь Давидъ [1]).

Баллада эта интересна для насъ вопросомъ, который она возбудила въ ея комментаторѣ, проф. Шюкѣ: о возможности ея происхожденія изъ русскаго, даже пѣсеннаго, утраченнаго пересказа [2]). Прежде чѣмъ высказаться по этому поводу, приведемъ въ переводѣ самую балладу.

---

1) Къ легендѣ объ увозѣ сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ гл. V и VI; Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, гл. V. Къ португальскимъ сказаніямъ сл. еще Baist въ Zs. f. romanische Philologie V, 173 и Carolina Michaëlis de Vasconcellos въ Paul u. Braun'es Beiträge VIII, стр. 315 слѣд.

2) Schück, Ur gamla papper (Stockholm 1892), стр. 111 слѣд.: Marcolfussagan i Sverge; сл. стр. 127.

1. Сольфагеръ («Красное солнышко») была такой красавицей, что не было ея краше на островѣ.

2. Красавицей женой была Сольфагеръ; великая то была опасность для государя Давида.

3. Клалъ онъ золотой крестъ на руку Сольфагеръ, чтобы можно было признать ее въ другихъ странахъ.

4. Сольфагеръ стоитъ у воротъ замка; проѣзжалъ тамъ верхомъ новгородскій конунгъ.

5. «Постой, Сольфагеръ, красавица, статная (fin): дома-ли Давидъ, дорогой твой мужъ».

6. «Государь Давидъ уѣхалъ вчера изъ дома, не вернется въ этомъ году».

7. «Коли хочешь мнѣ заручиться, Сольфагеръ, во всѣ дни будешь ступать по красному золоту»;

8. Заручись мнѣ честнымъ словомъ, Сольфагеръ, и ты во всѣ дни будешь ходить въ золотыхъ башмакахъ».

9. «Долго-ли станете вы держать меня такъ, чтобъ мнѣ во всѣ дни ступать по красному золоту»?

10. «Такъ долго стану я держать тебя такимъ образомъ, пока земля и царство будутъ мои».

11. «Нѣтъ, не сдѣлаю я того ни за что, потому что люблю всѣмъ сердцемъ государя Давида».

12. Давалъ онъ ей тутъ забыдущій напитокъ; она вскрикнула и тутъ-же упала на землю.

13. Давалъ онъ ей тутъ два забыдущихъ напитка, такъ что Сольфагеръ вскрикнула, гдѣ стояла.

14. Оболокли они ее, клали на носилки и понесли на кладбище.

15. Клали они ее въ каменную гробницу, спускали потомъ въ землю.

16. Понесли они её на кладбище; государь Давидъ стоялъ въ рощѣ и смотрѣлъ на это.

17. Клали они въ ротъ Сольфагеръ тростинки, чтобы ей было мѣсто дышать.

18. Вынимали они Сольфагеръ изъ земли и увозили ее изъ страны.

19. Государь Давидъ приказывалъ снарядить себѣ рубище и клюку (pik), ходилъ по всей землѣ въ образѣ паломника.

20. Государь Давидъ вошелъ въ замокъ конунга; на дворѣ стоитъ передъ нимъ конунгъ Новгорода.

21. «Постой, конунгъ, прекрасный, привѣтливый (fin), не дашь-ли ты пристанища бѣдному паломнику»?

22. «Пойди-ка въ горницу, будетъ тебѣ тамъ и медъ и вино».

23. Садились они, паломники, вмѣстѣ, кругомъ, а Сольфагеръ дѣлитъ для нихъ хлѣбъ.

24. «Слышь ты, Сольфагеръ, прекрасная, статная, почему не дѣлишь ты хлѣба голой рукой»?

25. «До-сыта ты наѣлся, старый дурень; коли не хочешь ѣсть, ступай прочь».

26. Конунгъ садился на постель. «Что такое говоритъ дурень»?

27. «Милый государь мой, ложитесь, вѣдь то, что говоритъ дурень, ничего не стоитъ».

28. Заснули они всѣ на своихъ мѣстахъ; тутъ Сольфагеръ уходила домой за государемъ Давидомъ.

II.

Проф. Шюкъ, не указывающій на происхожденіе своего текста, заимствовалъ его изъ сборника Арвидсона, только подновивъ правописаніе (см. стр. 111). У Арвидсона баллада напечатана по ркп. XVI вѣка въ двухъ варьянтахъ: первый (*A*), воспроизведенный Шюкомъ, озаглавленъ: Jungfru Solfager; во второмъ жена названа Solfot (Sölfot, Sölfat) и имена дѣйствующихъ лицъ другія; но изслѣдователь не принялъ его во вниманіе[1]).

1) См. Arvidson, Svenska fornsånger I, стр. 177 слѣд., стр. 180 слѣд. (№ 25). Этимъ указаніемъ я обязанъ В. О. Шишмареву.

Слагателю приведенной пѣсни извѣстно было сказаніе славянорусскаго или нѣмецкаго типа, но онъ обработалъ его въ обычномъ, импрессіонистскомъ стилѣ баллады, останавливаясь лишь на существенныхъ положеніяхъ, переходя отъ одного къ другому скачками, многое подразумѣвая и заставляя подразумѣвать, досказывать. Сравненіе былины о Васильѣ Окульевичѣ съ нашей балладой (особенно съ варіантомъ *B*) можетъ служить характеристикѣ безстрастно-эпическаго, медленно текущаго изложенія, съ одной стороны, и нервной подвижности лирико-эпическаго стиля съ другой [1]). При такихъ условіяхъ раскрытіе первоисточника баллады не можетъ не быть затруднительнымъ, потому что умолчаніе нѣкоторыхъ подробностей нельзя съ увѣренностью вмѣнить особенностямъ подлинника, а съ той же вѣроятностью и стилистическому умолчанію баллады, доходящему иногда до неясности. Можно объяснить иныя изъ этихъ неясностей искаженіемъ поздняго пересказа или списка, но именно стиль баллады не позволяетъ слишкомъ довѣряться этому критерію. Въ строфѣ 6-й, напр., говорится, что Давидъ уѣхалъ (какъ и въ русской версіи Соломона нѣтъ дома, когда похищаютъ его жену) и не вернется въ этомъ году; въ 16-й онъ стоитъ въ рощѣ и видитъ, какъ хоронятъ Сольфагеръ. Онъ, стало быть, вернулся? Баллада орудуетъ широкими штрихами и пятнами и позволяетъ подсказывать.

Шюкъ сравнилъ ея содержаніе съ славянорусскими и нѣмецкими легендами объ увозѣ Соломоновой жены. Къ его замѣчаніямъ я присоединю и свои.

Въ нѣмецкой поэмѣ похититель увозитъ жену съ ея согласія, въ балладѣ она любитъ мужа и взята обманомъ. Шюкъ (стр. 123) приводитъ въ параллель еще былину о Васильѣ Окульевичѣ. Я

1) Въ переводѣ *A* опущены (какъ и въ текстѣ у Шюка) припѣвы послѣ каждой строфы, не имѣющіе ничего общаго съ содержаніемъ баллады. Ихъ два, и они чередуются черезъ строфу. Такъ за первой, третьей и т. д. слѣдуетъ refrain: «Пока вы молоды!»; за второй и всѣми четными: «Охота мнѣ пришла слагать стихъ и риому!» (Migh lyster både dichta och rimma). Въ варьянтѣ *B* припѣвы перемежаютъ стихи: «Пока мы были молоды!» и «Хочется мнѣ выѣхать въ лѣсъ!» (Migh lyster uti lunden att rida).

полагаю, что въ былинѣ мотивъ если не согласія, то увлеченія похитителемъ выраженъ ясно: когда жена, признавъ Соломона, добравшагося до нея въ видѣ калики, говоритъ ему:

Пожалуй-ка, Соломонъ, въ высокъ теремъ,
Мое, сударь, дѣло, *поневольное,* —

это, съ ея стороны, только попытка оправдаться, ибо вслѣдъ за тѣмъ она же выдаетъ Соломона своему похитителю. Такова точка зрѣнія и русской версіи съ именемъ Китовраса[1]).

Въ балладѣ новгородскій конунгъ подпаиваетъ Сольфагеръ забыдущимъ зельемъ; въ славянорусскихъ и нѣмецкихъ версіяхъ то же дѣлаютъ посланцы похитителя. Царица лежитъ замертво, но это и возбуждаетъ подозрѣніе Морольфа въ нѣмецкой поэмѣ, въ русскихъ пересказахъ — Соломона или Давида[2]); и тамъ и здѣсь ей кладутъ на руку знаменіе разожженными клещами или растопленнымъ свинцомъ; по этому знаку на рукѣ она впослѣдствіи и узнана. — Замѣна Соломона Давидомъ въ нашей балладѣ не стоитъ-ли въ связи съ какимъ-нибудь текстомъ вродѣ русскаго, гдѣ такой совѣтъ даетъ именно Давидъ? Только баллада иначе мотивировала эту подробность: Сольфагеръ вѣрна своему мужу, но онъ боится, что ея красота будетъ ему источникомъ бѣдъ, смерти (строфа 2), что Сольфагеръ могутъ похитить, и вотъ онъ кладетъ ей на руку знакъ креста, дабы всюду можно было признать ее, куда бы ее ни увезли. И она, видимо, понимаетъ, къ чему этотъ крестъ, и признаетъ Давида по одному вопросу: почему не рѣжетъ она хлѣбъ голою рукою? (строфа 24). Мы можемъ спросить, наоборотъ: почему она скрываетъ ее и, вѣроятно, носитъ перчатку (какъ въ славянорусскихъ и нѣмецкихъ версіяхъ)[3])? Можетъ быть, въ источникѣ баллады говорилось, что

---

1) Славянскія сказанія и т. д. стр. 239 — 40, 221 — 2; сл. Разысканія l. c. стр. 89 — 90.

2) L. c. стр. 232 — 234, 283 — 4.

3) Въ варьянтѣ *B* положеніе понято такъ: Solfot разливаетъ паломникамъ медъ; мужъ бросаетъ на столъ свои рукавицы и говоритъ дерзкое слово: Не таковъ обычай здѣсь въ странѣ, жены и дѣвушки разливаютъ медъ голой

похищеніе Сольфагеръ совершилось съ ея согласія и она недаромъ прятала знаменіе, которое могло ее обличить; можетъ быть, Давиду, въ самомъ дѣлѣ, грозила смерть, и жена выдавала своего мужа, какъ въ славянорусскихъ и нѣмецкихъ сказаніяхъ и въ былинѣ о Васильѣ Окульевичѣ. Въ такомъ случаѣ новая мотивировка принадлежитъ балладѣ, слѣды древнихъ отношеній остались ненарокомъ въ строфахъ 2-й и 24-й.

Слѣды такихъ же отношеній сквозятъ и еще въ одной подробности. Шюкъ указываетъ (стр. 123—4) на то отличіе баллады отъ славянорусскихъ и нѣмецкихъ сказаній, что въ послѣднихъ жена увезена посланцами похитителя, въ балладѣ же имъ самимъ. Но въ ея источникѣ положеніе было другое, и намеки на это остались: въ строфахъ 12 — 13 конунгъ даетъ Сольфагеръ забыдущаго зелья; въ 14 — 16-й ее хоронятъ, очевидно, люди Давида; въ 17-й являются какіе-то *они*, но, несомнѣнно, посланцы конунга, которые и устраиваютъ такъ, чтобы она не задохлась въ гробу; они же и увозятъ ее въ строфѣ 18-й. — Ясно, стало быть, что эпизодъ посланцевъ существовалъ въ подлинникѣ, но онъ затушеванъ въ балладѣ, введшей въ этотъ эпизодъ и самого похитителя (иначе Шюкъ стр. 123—4).

Шюкъ сближаетъ балладу съ поэмой о Морольфѣ въ той чертѣ, что въ первой посланцы («они») конунга кладутъ въ ротъ обмершей Сольфагеръ тростинки для воздуха, а въ поэмѣ Морольфъ прибѣгаетъ къ той же уловкѣ, когда, уходя отъ преслѣдованія, погружаетъ свой корабль въ море. Эпизодъ этотъ въ поэмѣ чисто внѣшній и, вѣроятно, поздній, въ балладѣ онъ кажется болѣе у мѣста: можетъ быть, здѣсь она сохранила древнія отношенія (Шюкъ стр. 124), но я готовъ приложить тотъ же критерій, и въ виду подобнаго же предположенія, и къ слѣдующему еще эпизоду: въ поэмѣ Морольфъ открылъ, куда увезена

рукою! (De bruka inte sådan sed här på land, — Fruer och jungfrur skifta mjöd med barer hand). Дерзкое слово сказалъ паломникъ! говоритъ похититель, также бросая на столъ рукавицы. Еще болѣе дерзкимъ было выкопать Solfot изъ земли, отвѣчаетъ паломникъ — и тотчасъ же увозитъ жену.

жена Соломона, заточенъ похитителемъ, но спасается, опоивъ всѣхъ соннымъ зельемъ; въ балладѣ на нѣчто подобное намекается въ послѣдней строфѣ: очевидно, Давидъ опоилъ всѣхъ, когда говорится, что всѣ заснули, когда онъ увезъ съ собою Сольфагеръ. Шюкъ (стр. 126) рѣшаетъ въ этомъ случаѣ такъ, что баллада перенесла къ концу, на Давида, что говорилось (согласно съ нѣмецкой поэмой) въ ея источникѣ о развѣдчикахъ мужа (= Морольфъ), избѣгнувшихъ такимъ образомъ кары похитителя [1]). Я не вижу особаго основанія для такого предположенія, тѣмъ болѣе, что и Шюкъ двоится (стр. 126—7), допуская съ одной стороны, что баллада могла забыть эпизодъ о развѣдчикахъ, съ другой указывая, что безъ нихъ обошлась и былина о Васильѣ Окульевичѣ, гдѣ самъ мужъ отправляется на поиски жены. Но можно предположить такое же опущеніе и для былины, которую мы уже заподозрили въ подобномъ. Впрочемъ и въ португальскихъ повѣстяхъ соломоновскаго типа развѣдчикомъ идетъ лишь мужъ.

Замѣчу мимоходомъ, что не только въ нѣмецкомъ, но и въ славянорусскомъ преданіи царицу сначала опаиваютъ, погребаютъ, а затѣмъ уже увозятъ [2]); та же послѣдовательность и въ балладѣ, такъ что въ этой чертѣ между ней и нѣмецкой поэмой нѣтъ спеціальнаго согласія, какъ то утверждаетъ Шюкъ (стр. 124).

Предложенный мною разборъ приводитъ къ заключенію, что въ источникѣ баллады 1) дѣло шло о женѣ-измѣнницѣ, что 2) мужу въ самомъ дѣлѣ грозила смерть, а 3) у похитителя были помощники. Стало быть, какъ въ славянорусскомъ и нѣмецкомъ преданіи; новая мотивировка дѣйствія принадлежитъ балладѣ, сократившей эпизодъ о пособникахъ.

Ничто не поддерживаетъ гипотезу Шюка, что источникомъ баллады могла быть какая-нибудь русская пѣсня—кромѣ названія похитителя конунгомъ Новгорода. Новгородъ могъ просто

1) Сл. въ славянорусскомъ сказаніи: «Волхвъ же той пирова у цр҃я Соломона и омрачи его и вся люди его». См. Разысканія l. c. стр. 89.

2) См. Славянскія сказанія и т. д. стр. 233.

подставиться вмѣсто другого имени, какъ то часто бываетъ въ народныхъ и полународныхъ пересказахъ того же сюжета. Если-бы гипотеза покоилась на болѣе твердыхъ устояхъ, пути воздѣйствія легко было бы намѣтить. Именно на Руси сага о Соломонѣ принадлежитъ къ распространеннымъ въ народѣ[1]); легенда объ увозѣ не только перешла въ сказки, но и въ заговоръ «отъ огненнаго змѣя»[2]), ея схема отразилась на былинѣ о князя Романѣ[3]). Съ другой стороны русскія сказки и былины (объ Ильѣ, Иванѣ Годиновичѣ, Алешѣ и Добрынѣ) заходили въ среду финскаго населенія Кареліи и Ингріи. Шведская пѣсня объ увозѣ Соломоновой жены, записанная въ Финляндіи, была бы доказательнѣе въ смыслѣ нашего пѣсеннаго воздѣйствія, чѣмъ случайное упоминаніе Новгорода въ балладѣ, о которой идетъ рѣчь; въ варьянтѣ *B* Давиду отвѣчаетъ датскій король (Danekung), новгородскому конунгу какой-то Ormekung (царь змѣй). Пока остается вѣроятнымъ, что пѣсня навѣяна тѣми же теченіями, которыя познакомили шведскую литературу и съ «преніемъ Соломона и Маркольфа[4])». Если то была какая-нибудь нѣмецкая пѣсня или по-

---

1) Сл., между прочимъ, въ дополненіе къ библіографіи, приведенной въ моихъ предыдущихъ изслѣдованіяхъ: Чубинскій, Труды и т. д. I, стр. 106 — 7; Этнограф. Обозр. V: П. И., Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ стр. 104—5 (бѣгство жены Соломона къ *своему* брату); XVII, стр. 85 слѣд.; сл. стр. 100 слѣд. (женитьба Соломона; бѣгство жены Соломона къ *своему* брату).

2) См. Слав. сказанія стр. 243. Слѣдующее объясненіе поговорки, записанное въ Олонецкой губерніи, взято изъ соломоновскаго эпизода Палеи: Человѣкъ — нога лошадина, степь (?) человѣчья, скакалъ по граду, дома срывалъ. Выходила вдова къ нему на встрѣчу и говорила: Великій царь Китоврасъ, не заставь меня вѣкъ страдать, не срывай моего дома. Оборотился онъ на нее, взглянулъ, и сказалъ: Покорное слово кость ломитъ! Съ того и пошла поговорка: Покорное слово кость ломитъ. Сл. Этногр. Обозр. XI, 198; Слав. сказанія стр. 210.

3) См. Ждановъ, Русскій былевой эпосъ стр. 463 слѣд., 483 — 5, 491 — 492 слѣд., 498 — 499.

4) См. Schück, l. c. стр. 114 и тамъ же описаніе фресокъ въ одной церкви XIV в. съ изображеніями Маркольфа и его жены. О Соломонѣ и Маркольфѣ въ Португаліи см. сообщеніе Carolina'ы Michaelis de Vasconcellos y Vogt'a, Zu Salman — Marcolphus въ Beiträge z. Gesch. d. deutschen Sprache u. Litteratur, VIII.

вѣсть, то она интересна умолчаніемъ имени Морольфа, обычнаго пособника Соломона въ дошедшемъ до насъ нѣмецкомъ преданіи объ увозѣ. Едва ли мы имѣемъ здѣсь дѣло съ умолчаніемъ баллады.

III.

Гипотезу о русскомъ источникѣ шведской баллады, выставленную Шюкомъ, раздѣляетъ и Чайльдъ[1]), впрочемъ, не обосновывая ее; рядъ новыхъ варьянтовъ, привлеченныхъ имъ къ сравненію и еще не принятыхъ во вниманіе изслѣдователями Соломоновской саги, не измѣняютъ нашего взгляда. Къ двумъ шведскимъ балладамъ у Арвидсона присоединяются теперь двѣ отрывочныя записи XIX вѣка изъ собранія Stephens'а, видимо принадлежащія къ той же редакціи, какъ и знакомый намъ текстъ. Имена тѣ же: Давидъ и Сольфагеръ. Въ варьянтѣ изъ Сёдерманланда когда Сольфагеръ подаетъ паломнику милостыню, онъ говоритъ: Много я странствовалъ по сушѣ и водѣ, никогда еще не подавала мнѣ милостыню рука въ перчаткѣ. Кто же ты, бродяга? спрашиваетъ Сольфагеръ. Не бродяга я, часто цѣловалъ я руку у Сольфагеръ, отвѣчаетъ Давидъ, и жена бросается къ нему въ обьятья. Такъ разрѣшается и шведскій варьянтъ изъ Småland'а[2]).

Норвежская версія у Landstad'а № 56 соединяетъ царя Давида и Сольфагеръ съ Змѣинымъ королемъ, Ormekongin шведской баллады у Арвидсона *B*. Говорится о золотомъ крестѣ, который «они» (?) положили на руку красавицы, чтобы можно было признать ее на чужбинѣ. Когда Ormekongin уговариваетъ Сольфагеръ измѣнить мужу и уйти съ нимъ, она отвѣчаетъ: Никогда тому не бывать, чтобъ я отдалась *двумъ братьямъ;* древняя

1) Fr. J. Child The english and scottish popular ballads, part IX (1894), стр. 1 слѣд., стр. 279 слѣд. Сл. стр. 7.

2) l. c. стр. 280.

черта, не встрѣчавшаяся намъ въ предыдущихъ пересказахъ: въ славянорусскомъ сказаніи похититель (Китоврасъ) также братъ Соломону, какъ и Морольфъ средненѣмецкой поэмы, забывшій свою роль похитителя[1]).—Ormekongin опаиваетъ Сольфагеръ; она лежитъ замертво, о чемъ даютъ знать Давиду; Змѣиный царь выкрадываетъ ее изъ гробницы. Его нѣтъ дома, когда Давидъ является къ его двору въ образѣ паломника; тотъ же вопросъ его къ Сольфагеръ, значеніе котораго мы уже знаемъ: Въ обычаѣ-ли у васъ рѣзать хлѣбъ рукой въ перчаткѣ?—Слѣдуетъ признаніе и увозъ[2]).

Во всѣхъ разобранныхъ до сихъ поръ пересказахъ жена увезена противъ воли; въ датскихъ пѣсняхъ на нее какъ бы падаетъ доля вины. Въ древнѣйшемъ текстѣ (1600 и 1615 гг.)[3]) Давидъ, уѣзжая, предлагаетъ Suol-far остаться при его матери, и когда она на это не согласилась, обвязываетъ ей палецъ золотомъ, чтобы можно было признать ее, гдѣ бы она ни была. Suol-far расчесываетъ свои волосы, когда проѣзжаетъ король Adell. Хочетъ-ли она возложить на голову золотой вѣнецъ? спрашиваетъ онъ ее; но она дождется того и отъ Давида, коли Господь Богъ дастъ ему вернуться съ честью. Она отвергаетъ предложенія

1) См. Славянскія сказанія стр. 247. Я имѣю въ виду такъ называемаго перваго Морольфа. Въ преніяхъ Морольфа съ Соломономъ (= второй Морольфъ) ихъ мудрость объясняется тѣмъ, что Соломонъ съѣлъ сердце ястреба, котораго на кускѣ хлѣба изжарила его мать, а Морольфу достался сухарь (сл. Славянскія сказанія стр. 53—4 прим. 1). Можетъ быть, это лишь видоизмѣненный сказочный мотивъ, по которому нѣсколько женщинъ беременѣютъ, поѣвъ различныхъ частей одного и того же животнаго. Въ такомъ случаѣ указанная подробность «преній» была-бы символическимъ выраженіемъ какого-то родства.—Сводный братъ Соломона, карликъ, является въ одномъ средневѣковомъ сказаніи о Сивиллѣ (= царицѣ Савской), явившейся къ Соломону и преклонившейся передъ будущимъ древомъ распятія. Уѣзжая, она проситъ Соломона дать ей въ спутники его своднаго брата, а царь поручаетъ ему допросить Сивиллу, что̀ побудило ее преклониться передъ древомъ. Сл. Springer, Sagengeschichtliche Parallelen aus dem bab. Talmud въ Zs. d. Vereins für Volkskunde II, 301.

2) Нѣсколько неизданныхъ варьянтовъ норвежской баллады находятся въ собраніи Sophus Bugge и Moltke Moe. Сл. Child l. c. стр. 8.

3) О текстахъ см. Child, стр. 8 и 280.

Adell'a, опоена и похоронена; когда поздно вечеромъ она очнулась, Adell предлагаетъ ей бѣжать; она плачетъ, но подъ конецъ соглашается. Все это подслушалъ какой-то служитель и донесъ Давиду. Въ сценѣ паломника Давидъ спрашиваетъ: Таковъ-ли обычай въ этой странѣ, что милостыню (деньги) подаютъ рукою въ перчаткѣ? Жена снимаетъ ее, Давидъ убиваетъ похитителя, а Suol-far защищается тѣмъ, что ее опоили. — Я знаю, что вина не твоя, говорится въ одномъ варьянтѣ 1719 г., гдѣ Adel является намѣстникомъ Давида на время его отсутствія и соблазняетъ Sulfehr, сообщивъ ей ложную вѣсть о смерти мужа. Въ противорѣчіи съ этою чертою находится слѣдующее: когда Адель предлагаетъ Sulfehr бѣжать съ нимъ, она отвѣчаетъ, что сдѣлаетъ то охотно, если это не будетъ непріятно (или не послѣдуетъ непріятности) царю Давиду.

Отдѣльно отъ всѣхъ приведенныхъ стоитъ англійская баллада о Джонѣ Томсонѣ[1]): она одна сохранила развязку сказанія о похищеніи *невѣрной* жены Соломона; я разумѣю сцену подъ висѣлицей, знакомую и славянорусскимъ и средненѣмецкимъ сказаніямъ, и сербской сказкѣ, и былинѣ о Васильѣ Окульевичѣ и соотвѣтствующему эпизоду въ Li bastard de Bouillon.

Въ началѣ баллада нѣсколько скомкана, первоначальное положеніе было такое: въ отсутствіи мужа жена бѣжитъ съ полюбовникомъ, мужъ идетъ на поиски, узнанъ измѣнницей и выданъ головой похитителю. Все это измѣнено такимъ образомъ: молодой Джонъ Томсонъ три года бьется съ турками, когда однажды видитъ свою жену, оставленную имъ въ Шотландіи, богато разодѣтую. Какъ она сюда явилась?—спрашиваетъ онъ; отвѣта баллада не сохранила.—Нѣсколько дней осталась съ Томсономъ жена, а затѣмъ собралась во свояси; мужъ говоритъ ей, какой путь ей избрать, чтобы не попасть въ руки султана (Hind Soldan) и мерзкаго (base) Violentrie. Султанъ-то былъ убитъ греками, а къ Violentrie жена сама направилась. Ждетъ Томсонъ вѣстей изъ дома,

1) Child, l. c., стр. 9—10.

пишетъ туда письмо; тамъ жены и не видали. Тогда въ одеждѣ паломника онъ пробирается въ замокъ Violentrie и проситъ у жены милостыни. Какія у тебя вѣсти? спрашиваетъ она. — Я недавно съ греческихъ полянъ, изъ шотландскаго войска.—Коли такъ, нѣтъ-ли у тебя вѣстей объ одномъ изъ вождей: давно-ли онъ видѣлъ свою жену? — Вотъ ужъ болѣе года, какъ мы съ нимъ разстались; теперь онъ боится, не попала-ли она въ руки врага.— Не силой и не насильемъ взялъ онъ меня, а я отдалась ему по моему желанію; пусть онъ (Томсонъ) остается въ войскѣ, я намѣрена остаться здѣсь. А коли увидишь Джона Томсона, скажи, что я желаю ему хорошаго сна; его головѣ не было такъ покойно и удобно, какъ той, что лежитъ у моихъ ногъ (His head was not so cosilie Nor yet so well as lies at my feet?). — Тогда паломникъ сбрасываетъ свою одежду и маску, проситъ жену спрятать его, и она обѣщаетъ это сдѣлать во имя старой любви: прячетъ его въ погребъ, гдѣ много лежало убитыхъ. Не часъ, а три просидѣлъ онъ тамъ, слышитъ страшный шумъ, то идетъ Violentrie, велитъ женѣ подать на столъ, разсказываетъ о шотландскомъ вождѣ, который часто обращалъ ихъ въ бѣгство; я далъ бы десять тысячъ секиновъ, лишь бы повидать его. Жена ловитъ его на словѣ, велитъ Томсону показаться, и онъ выходитъ, ломая въ отчаяніи руки. Что бы ты сдѣлалъ, еслибъ я тебѣ попался? спрашиваетъ его турокъ. — А вотъ что: я повѣсилъ бы тебя въ зеленомъ лѣсу и позволилъ бы самому выбрать дерево. Я хотѣлъ заколоть тебя ножемъ за то, что ты цѣловалъ мою жену.— Но та петля, что ты мнѣ готовилъ, скоро сплетется для тебя.— Тогда оба пошли въ лѣсъ, Томсонъ лазитъ съ одного дерева на другое и вздыхаетъ: Пришелъ мой послѣдній день! На каждую вѣтку онъ прикрѣпляетъ по лентѣ, чтобы (его) люди это видѣли; не понялъ того его коварный врагъ, принялъ это за издѣвку. Затрубилъ Томсонъ въ свой рогъ, и три тысячи вооруженныхъ прискакали изъ-за холма. Violentrie проситъ пощады; его помиловали той же милостью, какую онъ хотѣлъ оказать самъ, замокъ его сожгли, а измѣнницу повѣсили на зеленомъ деревѣ.

Такова баллада, почти воспроизводящая содержаніе нашей былины о Васильѣ Окульевичѣ. Ея несомнѣнно западнаго источника мы не знаемъ; имя Violentric загадочно; John Thomson, очевидно, не тождественъ съ Джономъ Томсономъ шотландскаго присловья, гдѣ онъ означаетъ мужа, находящагося подъ башмакомъ жены. Указываютъ на шотландца Джона Томсона, первой половины XIV вѣка, отличившагося въ ирландской войнѣ и приведшаго въ Шотландію остатки арміи Эдварда Брюса[1]). Подобнаго рода отождествленіе въ духѣ народной былевой пѣсни: нашъ Василій Окульевичъ живетъ въ Царьградѣ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ конунгъ шведской баллады царитъ въ Новгородѣ.

IV.

Сцена подъ висѣлицей, съ Соломономъ трубящимъ въ рогъ и войскомъ, спѣшащимъ тремя отрядами къ нему на выручку: таковъ, сказалъ я, эпизодъ, которымъ завершается разсказъ объ «увозѣ» въ славянорусскихъ и средненѣмецкихъ версіяхъ и нѣкоторыхъ изъ ихъ отраженій. Онъ проникнулъ и въ русскую повѣсть «о дѣтствѣ Соломона»[2]) въ такомъ порядкѣ: 1) мальчика Соломона не взлюбила его мать, она велитъ дядькѣ отнести его къ морю и тамъ заколоть, а вмѣсто него выдаетъ за сына другого ребенка. Дядька не исполнилъ возложеннаго на него порученія; Соломонъ выростаетъ у крестьянина и рано проявляетъ свою мудрость, творя судъ и расправу между сверстниками; 2) Давидъ, до котораго дошли о томъ слухи, начинаетъ подозрѣвать, что Соломонъ его сынъ, и приказываетъ разыскать его. Явившись ко двору отца, Соломонъ удивляетъ его рѣшеніемъ мудреныхъ загадокъ; 3) къ этимъ эпизодамъ примыкаетъ разсказъ объ увозѣ Соломоновой жены съ извѣстной намъ

---

1) Child, стр. 8.
2) Славянскія сказанія стр. 51 слѣд., 230 слѣд.

сценой подъ висѣлицей; похититель и жена-измѣнница повѣшены.

Въ такъ называемомъ второмъ Морольфѣ[1]) 1) нѣтъ разсказа о его дѣтствѣ; 2) Морольфъ является ко двору Соломона; слѣдуетъ его состязаніе въ мудрости и рядъ потѣшныхъ выходокъ, которыя забавляютъ, но наконецъ такъ раздражаютъ царя, что онъ рѣшается *повѣсить* Морольфа. Тотъ выпрашиваетъ себѣ одной милости: дозволить ему самому выбрать дерево для казни. Оказывается, что ни одно ему не по нраву, онъ только утомилъ своихъ сторожей, и его пришлось отпустить.—Въ 3-мъ эпизодѣ, когда Соломонъ попалъ въ руки языческаго царя, похитившаго его жену, онъ также проситъ дозволить ему выбрать дерево для *висѣлицы*, трубитъ въ рогъ, и войско является на выручку; въ первомъ Морольфѣ три отряда, отличающіеся цвѣтомъ, какъ и въ русскомъ пересказѣ[2]). Похититель повѣшенъ.

Я привелъ эти параллели, чтобы указать на своеобразный составъ повѣсти о Соломонѣ, записанной въ Смоленской губерніи[3]): 1) повѣсть о дѣтствѣ Соломона, сходная съ извѣстной доселѣ версіей; суды Соломона надъ сверстниками; 2) царь услышалъ о немъ, вызываетъ къ себѣ, испытываетъ въ мудрости; недоволенъ однимъ его рѣшеніемъ и велитъ его повѣсить. Соломонъ подъ висѣлицей; играетъ въ дудочку, и являются его воины, набранные изъ его сверстниковъ, три разноцвѣтныхъ полка; Соломонъ раскрываетъ отцу коварство матери, сбывшей его съ рукъ, и бабушки, которая обо всемъ знала и ничего отцу не сказала, и велитъ ихъ повѣсить.

Эпизодъ, которымъ кончается обыкновенно разсказъ объ увозѣ жены, примкнулъ здѣсь къ повѣсти о дѣтствѣ, а самаго разсказа нѣтъ. Онъ могъ выпасть изъ общей связи, но это и вызываетъ вопросъ: не совпала-ли сцена подъ висѣлицей, завершающая разсказъ о похищеніи, съ другой, гдѣ Морольфа хотятъ повѣсить

---

1) l. c. стр. 264 слѣд.
2) Сл. l. c. стр. 236, 292.
3) Смоленскій этнографическій сборникъ ч. I (1891), стр. 245 слѣд.

за тѣ же продѣлки, за которыя въ нашей сказкѣ готовятся казнить Соломона? Планъ послѣдней отвѣчаетъ второму эпизоду второго Морольфа. Если Шюкъ предположилъ русское происхожденіе для шведской баллады, я вправѣ возобновить вопросъ, поставленный мною давно тому назадъ[1]): не пришли-ли къ намъ нѣкоторыя редакціи соломоновскаго сказанія съ запада, обогащая сходныя, раньше воспринятыя византійскія темы?

---

1) Славянскія сказанія стр. 292.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXIV, № 3.

РУКОПИСНЫЕ ПРОЛОЖНЫЕ ОТРЫВКИ ВЪ СОБРАНІИ ШАФАРИКА.

СООБЩИЛЪ
П. А. Сырку.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1896.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи наукъ.
Декабрь 1896 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Рукописные проложные отрывки въ собраніи Шафарика.

Между рукописями Павла Шафарика, хранящимися въ настоящее время въ Чешскомъ музеѣ въ Прагѣ, находится одна, которая нѣкоторое время считалась потерянной, и вслѣдствіе этого осталась неописанною г. Сперанскимъ; онъ привелъ только описаніе ея, сдѣланное самимъ Шафарикомъ, отмѣчая при этомъ что «рукопись считается отсутствующей изъ музея, найдена быть не могла (1890 г. лѣтомъ), почему мною и не изслѣдована»[1]). По всей вѣроятности, этой рукописи не видѣлъ и проф. Г. А. Воскресенскій, который ограничился только русскимъ переводомъ Шафарикова ея описанія[2]). Въ настоящее время рукопись находится на лицо; но когда она отыскалась, мнѣ неизвѣстно. Во время посѣщенія Праги лѣтомъ 1895 года, я имѣлъ случай видѣть въ числѣ другихъ Шафариковыхъ рукописей и эту и обратилъ на нее особенное вниманіе; она оказалась довольно интересною для русскихъ одною именно статьею, которую я привожу ниже, а также и литературною исторіею этой статьи. Въ виду этого я считаю нужнымъ сказать нѣсколько

1) Рукописи Павла Іосифа Шафарика (нынѣ музея королевства Чешскаго) въ Прагѣ. М. 1892, стр. 36, № 7.

2) Славянскія рукописи, хранящіяся въ заграничныхъ библіотекахъ берлинской, пражской и др. Спб. 1882, стр. 21, № VII.

словъ о рукописи. Я не буду приводить ея описанія Шафарика, такъ какъ оно, какъ я замѣтилъ выше, въ нашей литературѣ извѣстно.

Рукопись представляетъ собой отрывки изъ Пролога. Въ ней 11-ть листовъ листового формата изъ разныхъ мѣстъ книги, въ сербскомъ спискѣ XVI в.; письмо полууставное, довольно тщательное. Въ настоящее время 8-го листа не достаетъ, что и отмѣчено на оберткѣ листовъ, — folium octavum deest. Значитъ, при поступленіи или до поступленія Шафариковыхъ рукописей въ музей отрывки состояли изъ 12-ти листовъ, какъ и отмѣчено въ описаніи Шафарика. Въ отрывкахъ заключаются слѣдующія статьи:

1. Конецъ неизвѣстнаго мнѣ слова[1]).

2. **Слѡво на рожⷭтво прѣстыѥ влⷣчице наше бц҃е и прⷭнодвы марїе** Начало: **Въсакь чл҃кь хотеи похвалити. чтⷪ любо хвалить и ѡномь добрѣишимь прилагаѥ** (л. 1—5).

3. **Иже въ стыⷯ. ѡц҃а нашего Іѡанна златⷪустаго. архїеппа кѡнстантина граⷣ. слⷪ на въздвиженїе чтⷩаго и животворещаго крⷭта гн҃ы.** Начало: **Чтⷪ рекоу, или что въз҃лю. чтⷪ вась нарекꙋ. ѡвьца или пастира. гребца или крьмчїа оученикы** (л. 5—6 б).

4. **Мцⷭа того, л҃. проꙗвленїе крщенїа роускаго ѿ стаго апⷭла андрѣа како пришⷣ вь рꙋсїю. и блⷭви и крⷭть постави. идѣже е нн҃ѣ граⷣ кїевь** (лл. 6[б]—7[б]).

5. **Мцⷭа, декврїа, д҃. мⷱнїе стыѥ великомⷱнице варвары.** Начало: **При маѯимїанѣ цари безаконⷨ. бѣ нѣктⷪ диѡскорь на въсточнѣи странѣ** (л. 7[б]). По видимому, это слово не окончено.

6. Конецъ слова, по видимому, на Рождество Христово.

7. **Въ тъжⷣе днь іѡанна ексарха, слово на рожⷭтво хвⷪ** (лл. 9—12).

и 8. **Въ тъжⷣе днь. сказанїе афродитїана. ѡ бывшемь чюⷣсы въ прьсти земли. о рожⷭтве хвⷪе. слⷪ.** Начало: **Ѿ перⷭь оувѣнь бы хⷭ. испрьва бо не ꙋтаитсе ничтоже. соущїи въ ни книгочїи...**

---

1) Къ сожалѣнію, здѣсь я не могу опредѣлить, какое это слово, такъ какъ у меня въ данную минуту подъ руками нѣтъ сохранившагося отрывка слова.

(л. 12); слово въ отрывкахъ Шафарика конца не имѣетъ. Этою статьею отрывки оканчиваются.

Какъ видно изъ приведенныхъ здѣсь заглавій статей, редакція ихъ — невыдержанная рессавская. Очевидно, что эти отрывки вывезены Шафарикомъ изъ одного изъ фрушкогорскихъ монастырей или изъ какой-нибудь сербской церкви или Бачки, или Баната, или Срѣма. Листы, очевидно, взяты изъ разныхъ мѣстъ рукописей или, вѣрнѣе, изъ разныхъ мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, конецъ 1-й статьи и 2-я взяты изъ сентября мѣсяца, изъ 2-го его числа. Изъ того же мѣсяца взята и 3-я статья; только число здѣсь будетъ 14-е. 4-я статья взята изъ ноября мѣсяца, изъ 30-го числа его, какъ и указывается въ заглавіи ея. Откуда же взята статья 5-я, указано въ самомъ ея заглавіи, т. е. изъ мѣсяца декабря, изъ 4-го числа. Изъ того же мѣсяца, изъ 25-го числа его, взяты статьи 7-я и 6-я, состоящая изъ конца, вѣроятно, другого слова на Рождество Христово. Оттуда же, нужно думать, взята и послѣдняя, — 8-я, статья отрывковъ. Каково было содержаніе 8-го, утеряннаго листа отрывковъ и имѣлъ ли этотъ листъ связь съ сохранившимися листами отрывковъ, или находилась ли въ немъ какая-либо отдѣльная статья и откуда, т. е. изъ какого мѣсяца и числа былъ взятъ этотъ листъ, въ настоящее время сказать нельзя. Отсюда можно предположить, что статьи взяты съ выборомъ изъ рукописи составлявшей часть Пролога на четыре мѣсяца.

Изъ статей Шафариковскихъ отрывковъ я остановлюсь на двухъ, именно на 4-ой и 7-ой. Первая изъ этихъ статей для насъ представляетъ интересъ тѣмъ, что она касается Руси. Она помѣщается въ Прологахъ русской редакціи, сборникахъ[1]) и въ

---

1) Такъ напр. въ Прологѣ XVI в. Супрасльскаго монастыря. Добрянскій, Описаніе рукописей виленской публичной библіотеки церковно-славянскихъ и русскихъ. Вильна. 1882, стр. 192, № 96; или сборникѣ XVI в. виленской публичной библіотеки, № 258. Тамъ же, стр. 428, или сборникѣ XVI в. Соловецкой библіотеки, № 639. Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ казанской духовной академіи. II. Казань. 1885, стр. 481, и друг.

Макарьевскихъ Четьяхъ-Минеяхъ [1]), а также и въ хронографахъ 1-й редакціи [2]). Я не буду здѣсь распространяться о томъ, что содержаніе этой статьи во многомъ разнится отъ разсказа, помѣщеннаго въ лѣтописи, о приходѣ апостола Андрея на Русь и объ его хожденіи по Руси, какъ и о томъ, что изслѣдователи лѣтописнаго разсказа не обращаютъ вниманія до сего времени на эту статью, а укажу на то, что присутствіе ея въ сербскомъ спискѣ указываетъ еще на одинъ фактъ литературныхъ заимствованій южными славянами отъ насъ. Въ этомъ отношеніи статья представляетъ для насъ немаловажный интересъ. Можно полагать, что сербскій книжникъ заимствовалъ эту статью или изъ Пролога, или изъ сборника статей проложныхъ, или изъ Четьи-Минеи, но не изъ хронографа, такъ какъ изложеніе содержанія статьи въ хронографѣ нѣсколько въ иномъ порядкѣ, чѣмъ въ Прологѣ.

Въ виду малоизвѣстности статьи, а также и въ виду того, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ фактомъ изъ исторіи литературныхъ сношеній русскихъ съ южными славянами или, вѣрнѣе, съ фактомъ книжнаго заимствованія сербами у русскихъ, я привожу эту статью здѣсь цѣликомъ.

Мцⷭ҇а то́го (т. е. ноября) л҃. про́ꙗвлєнїє крⷭ҇щєнїа роу́скаго ѿ ст҃аго ап҃ла а́ндрѣа како пришьⷧ҇ вь рѹ́сїю. и́ бл҃ви и́ крⷭ҇ть поста́вїи. и́дѣже є҆ нн҃ѣ граⷣ кїє́вь.

Стмоу ап҃лѹ а́ндрєю живѹщомѹ вь си́нопѣ. и́ оу́чє́щѹ лю́ⷣи, крⷭ҇тєщѹ наро́ды. и́ ѿтоуⷣ прїидѣ вь ко́роунь. слы́ша ꙗ́ко близь є҆ оу́стїє вє́ликїє рѣкы, и́жє наричє́тсє дѣнєпрь. и́сходѣщь ѿ вєли́кыє рѹ́сїє. и́ вьхожда́шє вь вєликоє мо́рѣ. и́ до́бро є҆ тою̀ рѣкою и́тїи вь рѹ́сїю. и́ ѿдѹ вь ри́мь, и́ вьсхо́тєвь, пои́дѣ и́з ва́рагь вь грѣкы. и́ и́з грѣкь по дєнѣпрѹ вь вє́рхь. да́жє до во́лока, и́жє є҆ бли́зь смо́лє́нскаа. и́ ѿ вьло́кы до вьлоти рѣкы. и́ по

[1]) Іосифъ, Подробное ѿглавленїе великихъ четїихъ миней всероссїйскаго митрополїта Макарїа. М. 1892, ст. 209.

[2]) Поповъ, Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи. М. 1869, стр. 2.

вьлоти дойдѣ вь ильмерь ѥзѣро великоє, ис тога во ѥзера вѣли-
каго исходить рѣка вьлховь. и идѣть скрозѣ вѣликы ново-
городь. и вьходи вь ѥзеро великоє нево. ис тога ѥзера оустіє
вьходить въ морѣ вьразское. и по томоу морꙋ поутьшьствіє
даже до рима. и ѿ рима по томꙋже и до константина града. и
ѿ константина града вьходить вь понть морѣ великоє. вь
нѥгоже вьходи рѣка денепарь. томоуже денепрꙋ начело исходь
из волховьскаго лѣса. и течеть на полоудноую страноу. и вьхо-
дить въ понтьское морѣ. ис тогоже леса исходи рѣка дийна[1]).
на полоуноцноую странꙋ. и вьходить въ морѣ варазское. и ис
тога же лѣса исходить рѣка вьлка[2]). и идѣть на вьсточнꙋю
странꙋ. и вьходи семію оусты вь морѣ хвалишьское. и по тои
водѣ поушьствоуе из рꙋсіе вь бльгары. и вь клахисіи[3]), иже ѥ
на вьстокь. и вь жрѣвіи симовь. а по двине вь варагы, и из ва-
рагь вь римꙋ. и до плѣмене хамова. денепрь же вьходи вь по-
нитьско морѣ трими ꙋсты. иже зоветсе морѣ роуское. и по томꙋ
морꙋ оучиль стыи андрей. и ѿтоу бы ѥмꙋ шьствіє вь римь. и
гради[4]) по денепрꙋ вь врь. и по смотренію бжію ста по горами
на брѣзѣ. идѣже ѥ нны гра кіевь. и заоутра вьставь рече вь соу-
щимь съ ни оученико. видѣте ли сіе горы, яко на сій гора вьсі-
лѣть багть бжіа. и боудѣ зѣ гра вѣликь. и црквы многы хо-
щѥ бъ вьздвигноути. и просвѣтить стый крщеніемь вьсю землю
рꙋскоую. и вьшь на горы блві е и помлисе бꙋ. и крть постави.
и ѿтоу сътвори шьствіе вь великомꙋ новогородꙋ. и ѿтоу вь
римꙋ, въ вьпѣлопонѥже[5]) ѿстрове. распеть бы за ха ѿ агеата
антипата. тѣлиже вьсй рьцѣмь, раоуисе стыи апле андрею. блви-
вы и землю нашꙋ. и прооубразивы и намь стое крщеніе. ѥже мы
пріехѡ[6]) ѿ чтнаго кнеза владимира. раоуисе насеякы оученіемь

1) Читай: Двина.
2) Читай: Вьлга.
3) Читай: Хвалисіи.
4) Не слѣдуетъ ли здѣсь читать: греде?
5) Читай: къ пелопонеже.
6) Въ рукописи: пріемѡ.

вьсѹ вьселѥнноую. радуисе оученичє хвь и оучителю нашь. не прѣстаи млисе за ны. съ бцею и сь аплы, съ нимиже вьсе члкы ѡ льсти избависте прѣстоуеще прѣстолоу хвоу. да избоудѣмь ѡ зль славеще стѹю троицѹ. ѡца и сна и стго дха. и нны и прно и вь вѣ : +

Изъ приведеннаго выше текста видно, что сербскій книжникъ или, быть можетъ, позднѣйшій переписчикъ съ сербскаго извода понялъ не всѣ мѣста его, а нѣкоторыя собственныя названія осмыслялъ, хотя на ряду съ осмысленными названіями употребляются и вѣрныя. Такъ, рѣка дикна и по двинѣ, или рѣка вьлка вмѣсто Вьлга (= Волга), или: влахисіи вм. хвалисіє, или: вь понитьско морѣ и вь поитьскоє морѣ и вь понть морѣ. Слово вь ѡпѣлопонєже, по моему разумѣнію, испорчено, но русскимъ ли писцомъ, или сербскимъ книжникомъ-переводчикомъ, сказать трудно. Интересна форма варазское и вьразское произведенная изъ варагь. Впрочемъ, быть можетъ, эта форма вылилась подъ вліяніемъ или, вѣрнѣе, по аналогіи съ греческой формою слова,— βάραγγος.

Не меньше трудностей представляетъ и рѣшеніе вопроса о заимствованіи статьи сербскимъ книжникомъ. Я здѣсь не буду распространяться въ разсужденіяхъ по вопросу о времени сложенія статьи на Руси и объ ея источникахъ[1]); скажу только, что она въ приводимомъ мною здѣсь составѣ является, по моему мнѣнію, въ древнѣйшей редакціи и быть можетъ первоначальной. Это видно изъ слѣдующаго. Прежде всего въ приводимой въ концѣ похвалы ап. Андрею князь Владимиръ называется честнымъ, но не святымъ, какъ это видимъ въ болѣе позднихъ спискахъ статьи. Слѣдовательно, статья могла быть составлена до

1) Желающіе ознакомиться съ этимъ вопросомъ, могутъ обратиться къ изслѣдованіямъ проф. Васильевскаго Хожденіе ап. Андрея въ страны Мирмидонянъ въ Ж. М. Нар. Пр. 1877, январь; Голубинскаго Исторія русской церкви I, 1, стр. 1—16, и Малышевскаго Сказаніе о посѣщеніи русской страны св. ап. Андреемъ во Владимірскомъ Сборникѣ въ память 900-лѣтія крещенія Руси. Кіевъ, 1888, стр. 17 и слѣд.

канонизаціи святого князя, т. е. до XIII столѣтія[1]), или же вскорѣ послѣ этого. Затѣмъ здѣсь нѣтъ разсказа о баняхъ, какъ это видимъ въ лѣтописномъ пересказѣ, что подтверждаетъ мнѣніе проф. Васильевскаго, что этотъ разсказъ является позднѣйшею вставкою въ текстъ статьи. Наконецъ, нѣтъ въ статьѣ и села Грузина, что видимъ въ лѣтописи, — прибавки, несомнѣнно, очень поздней. Приводимый мною текстъ статьи показываетъ, что у южныхъ славянъ, по крайней мѣрѣ, у сербовъ статья была извѣстна въ древнѣйшей редакціи уже въ XVI столѣтіи. Существовала ли она у южныхъ славянъ раньше этого времени, это можно будетъ сказать тогда, когда она найдется въ болѣе раннихъ южно-славянскихъ спискахъ.

Другая интересующая насъ статья отрывковъ — слово Іоанна Екзарха на Рождество Христово. Это же слово только недавно найдено проф. Петровымъ, который его и издалъ, по русскому списку также XVI в. въ рукописи Мѣлецкаго монастыря[2]). Относительно принадлежности слова въ томъ видѣ, въ какомъ оно является въ славянской письменности, извѣстному болгарскому писателю и строителю церковному Болгарскія земли, Іоанну, обыкновенно называемому екзархомъ болгарскимъ, можно принять соображенія, высказанныя проф. Петровымъ[3]). Сербскій текстъ слова въ отрывкахъ Шафарика имѣетъ то преимущество предъ русскимъ, что въ первомъ сохранилось больше старинныхъ чертъ, главнымъ образомъ, въ языкѣ, и въ виду этого слово сообщается здѣсь въ цѣлости.

1) О времени канонизація Владимира Святого см. у Голубинскаго Исторія русской церкви, I, 2, стр. 338—340; у Малышевскаго Когда и гдѣ впервые установлено празднованіе памяти св. Владиміра 15 іюля? въ Труд. Кіевск. Дух. Акад. 1882, № 1, стр. 46; и у Сырку Чествованіе памяти св. равноапостольнаго князя Владиміра въ древней Руси, въ южномъ и западномъ славянствѣ въ Прибавленіяхъ къ Церковнымъ Вѣдомостямъ, издаваемыхъ при Святѣйш. Правительств. Сунодѣ 1888, № 29, стр. 767.

2) Труды Кіевской Духовн. Акад. 1889, № 10, стр. 295, а самое слово на стр. 296—302.

3) Тамъ же, стр. 295—296.

Въ тъже д҃нь, (т. е. 25 декабря) ї҆ѡа́нна е҆кса́рха слово на рож҃ство х҃во.

Хо҃у праве̑ном сл҃нцꙋ. дн҃ь ѿ д҃вы пр҃ечтїе въсїавшꙋ тъ́ма нечъ́стїа ѿбѣже. а҃ свѣть доброве́рный пода́стьсе и҆ ле́дь невѣ́рный разсе́десе. а҆ плъ́ть б҃гооу҆вѣстий про́цвьте. и҆ звѣзда҃ и҆сти́ннаа въсѣмь всїа, днь и҆ плъ́тномꙋ свѣтꙋ възра́сте радо́сть. и҆ д҃ховномꙋ про́сїанїе е҃. народ бо, сѣдѣ вь тьмѣ, видѣ свѣть вѣликь. дн҃ь безь ѡ҆ц҃а с҃нь ро́дисе. и҆ всѧ тва́рь да́ры прино́сить. земли пеще́рꙋ, каме́нїе де́лвы. поу҆стины ꙗ҆́сли. го́ры връ́топь. гра҃ вифлеѐма. вѣтры послоу҆шанїа, мо́рѣ покиновані́а. кирокѣ ри́вы. рѣ́кы ї҆ѡ҆рда́на. пти́це голоу҆ба, влъ́свы да́ры. же́ны ма́рїю. въдо́вы а҆́ннꙋ, непло́ды е҆ли́саветь. д҃вы дв҃цꙋ пр҃ечтꙋю б҃цꙋ. дѣтїе звѣле́ничїе. пасти́ры ꙋ҆дивленїе. а҆́г҃гли хва́лоу. ї҆ерей сѷмеѡ́на. жи́довы па́вла, грѣ́шница мьздоимца. кръвоточивка вѣ́рꙋ, влꙋдница мр҃о. доу҆вїе закхеа, а҃ дрѣво ст҃ртн. кр҃ть развойника. вьсто́кь ѕвѣздꙋ, нб҃а а҆г҃гли. гаврїль цѣлованїе рѣкы. ра́дꙋисе ѡ҆бра́дованнаа г҃ь с то́бою. и҆ ми́ же ꙋ҆возн о҆бра́дꙋющесе р҃цѣ кь ней. ѿ прѣсла́внаа б҃це, ты дн҃ь рай ѿврьза́еши. а҆да́мꙋ прѣде́дꙋ на́шемоу. и҆же затво́ри е҆́вга ѡ҆слꙋша́нїемь. ѿ пр҃ѣстаа ты дн҃ь ража́ешїи тво́рца. и҆ да́вца въсачъскый, прїидѣте, видѣте всестра́нны оу҆тро́бꙋ ши́ршоую нб҃ь. и҆же ꙋ҆бо вь то́ се нб҃о невмѣстими, то҃ вь сїю си вьмѣсти рож҃енїемь, съꙋзы всѐ ра́ссипа и҆ сво́бодꙋ є҆ствꙋ ч҃лчьскꙋ да́сть дрьжавꙋ. ѿ прьва́го ч҃лка и҆ до н҃нѣшнаго. да́ н҃нѣ мы сла́вослови́мь пришъша́го вь своа҃. ѡ҆бра́дꙋемсе е҆мꙋ. ц҃рь бо и҆ пр҃рокь двдь. и҆же зако́нь б҃жи и҆ме́ꙗше ки́вѡть. нь мы сый оу҆ста́вимь нищетою вл҃тка ѡ҆соу҆жени боу҆демь. и҆ли е҆ди́нозачетїе ро́ди и҆ вьдо́вство соу҆ще. злоѐ ѡ҆бо́а тъчно, и҆ вь про́тивнѣ ѡ҆брѣта́етсе. Сице ꙋ҆бо ст҃аа ст҃ый ꙗ҆ко серафими покри́ваютсе и҆ сла́вима соу҆ть тре́ми свойствами, ꙗ҆ко е҆ди́но г҃подство. и҆ вл҃тко събѣсе́довал, прѣже на҃ сп҃а. то҃ ре́кь, до́блѥ е҆же и҆ вышьше. нь поне́же неоу҆по́добленно б҃гости. Сеже движа́етсе свой ѡ҆бразо҃ и҆ видѣнїемь. нь подоба́ше разꙋмꙋ б҃гоѡмꙋ хо́дити. ꙗ҆ко да и҆ мно́жьи и҆мїи быти помлоу҆емїи. се бо вѣ сврьшенной вл҃ти пра́вѣи смы́шлѧти. а҆г҃гльскые си́лы и҆ нб҃нїе. и҆ смы́шленїе вѣ дѣлѡ

испльнꙑемо и дх҃ѡ сьврьшаемо. и тако сътворени выше светлостами. вторoꙗ же слꙋжителы. прьвѣи свѣтлости. или оумнеи дсѣ [1]), или ѡгнь ꙗко безьвещестень. бесплътнь етеројестено. ближнїи что сꙋщима зло едино имꙋщїи повизанїе. заньє о бꙃѣ соущаа. и ревеци ѿ бꙃа сїанїемь, сїа бо втораго сїанїа и невѣнїа прѣпираетъ ме недвижими, и гла имѣти. и тьмницею за свѣтлость, тьма за свѣтлость. и начне пакы. ѿ нїже сѣдимь се иже и вьзглюемь. аще и мьлимь [2]) вышше наче. сице желанїю словесноу. ноужейшомꙋ пришьша видѣвь, лькаствоуѥ раꙋѥсе. ты тѣмь ꙗвивь великоу любовь, имѣющꙋ кь боу. иже днь се закoнь положшаго то. самого видѣще. ꙗко сквозѣ кївоть, сїающꙋ ѿ двы, сьсладимь сїи, вьзвелꙋимь и вьсею силою, благодавца поꙋхвалимь. кївотъ бо законь имѣꙗше, клѣтвꙋ приводѣ и моукꙋ иже и хꙋдѣ пристꙋпаше писанїе. Сиже сьписатель имаѥ законь. искꙋпоующїи на ѿ клѣтвы законное. правꙋ и животь вьсемь подавшаа. цѣлꙋемь оубо днь сїи славнїи. ꙗко бо е многаа добраа. приноситель. вь сїи бо <днь> невимии плътїю ꙗвисе вьсемꙋ мирꙋ. вь сїи бо днь надежда вьсеи твари прїидѣ и вьсѣмь ꙋчимь чловѣкѡ. се бе црь се показаль. плѣникѡ прїидѣ избавлюнїе, оубогыи богатьство и ѡмраченыи свѣть. заблоужьшїимь поуть, хвалимь братїе свѣтлїи сїи празникь. прїидѣ бо вьнь рабо свобода. грѣшнымь проіщенїе. искрьным ѡчищенїе. слѣпїимь прозренїе и глоухымь слышанїе. и хромимь здравїе. лѣнивымь быстрота, тѣготивыи ѡцѣщенїе. лѣжещїимь встанїе, алчнимь насищенїе. желающїимь веселїе. грꙋбымь прѣмꙋдрѡ. мрьтвїимь ѡживлюнїе. славимь пришьшаго на дѣлма га, прїидѣ бо иже сатаноу оумори. иже ада плѣны, прїидѣ же тлѣнїю разоритель. прїидѣ же вѣчнїи жизнодавець, и безьсьмрьтїю датель, прїидѣ вь ризꙋ безь истлѣнїа облачае. вь одеждꙋ славноую ѡдѣвае на. прїидѣ праведныхь похвала. и твары сее радость, прїидѣ притѣкаемимь мирь. прїидѣ бжии члкь ходатаи. прїидѣ бо житїа сего строитель.

1) Въ рукописи или оумні и дсѣ.

2) Не слѣдуетъ ли здѣсь читать: малимь?

прїидѣ иже неприязнивые чл҃кы съ аг҃гли равни творити прїидѣ иже цр҃тво нб҃ное <даа>. да сего дѣлма дн҃ь аг҃глскые силы на земли ликаствовахоу. слава вь вышнїи б҃у вьпїюще, на земли мирь вь чл҃цѣ благоволенїе. видѣше бо. что дивно и оужасно. видѣше вьси рабы г҃а и обрaзь прїемша. образь имоуща. иже вьса мл҃ница вь оутробѣ образоуѥ. видѣше творца адамова, прїемшаа мл҃нство, да адама свободить ѿ зл҃аго. видѣше таиноѥ и великое дн҃ь вь вїдлѣѥме сьтворшѥ се. тогоже г҃а и чл҃ка иже ѥнѣ изьшьша. и д҃воу дѣтище доѥщу и прѣбывшоу д҃воѭ, видѣвше тоу м҃трь бывшую, и мужа незнаюищи. видѣше ново и[1]) прѣславно, невьсажены грозь. безь оц҃а дѣтище, что реку, како ли рекоу, коими ли образы исповѣмь. еже вышз исповѣданїа ѥ. давнѥи[2]) е м҃тры с҃нь. по истинѣ же рѣщи творць м҃три ѥ. соутьство бо б҃жїе рождьство е вьсачьскы неизглаанно. а дроугоѥ изглемое. и глющїимь езыкы и огнемь осыпльїѥ ово прѣжде вѣкь. а дроугоѥ вь послѣдниѩ лѣта. ово ѿ б҃а единого оц҃а. а дроугоѥ ѿ единоѥ д҃вы м҃три. без м҃три ѥ на нб҃ехь, безь оц҃а. ѥ на земли. ни тамо м҃три ни здѣ оц҃а нарожденїе трѣбова. горѣ трѣпещоу аг҃гли. долѣ горѣть чл҃вци. испроста рѣщи, вьса тварь горить и трѣпѣщеть. горѣ хероувїми емоу прѣстоль. долѣ же емоу пещера мѣсто. горѣ вь славѣ неисповѣдимои одѣѩнь. долѣ вь платищѣ повить. горѣ серафими не смѣють зрѣти нань. долѣ же блоудница понозѣ ему дрьжить. горѣ нб҃ныи силы не смѣють кь нему приступити. долѣ же съ грѣшникы ѩсть. горѣ црь ѥ на цри, долѣ оубогь ѥ. не имы гдѣ главы поклонити. горѣ вьса тварь лоучшии ѥ. долѣже ѿ пи<ла>та прѣтелѭ соудь прїемлѥть. се вьсе нашего рода дѣлма мл҃тию сътворь. се вьсе на рай оубогый чл҃кь. вь тмѣ сб҃щїихь. не вѣнь дѣѥть, таковаго бо имами мл҃тива вл҃коу и г҃а да ег҃а прѣболѣ вь нечьстїа вьнидохомь и злѣѥ вьсего сьтворихо. соупостати ему вѣхо ѿбѣгше ѿ него и быхо достоины соудь прїети горкь. тог҃а же великоу мл҃ть чл҃колюбїа ѿ

1) Въ рукописи: видѣшь нѣ кой.
2) Тамъ же: дайшеи.

налъ слова существуетъ и что это слово помѣщено въ числѣ твореній Іоанна Златоустаго. Оно напечатано у Савилія въ изданномъ имъ собраніи твореній указаннаго учителя церкви[1]), отмѣченномъ также Востоковымъ (на стр. 665). Правда, текстъ греческій у Савилія далеко не вездѣ сходится буквально съ текстомъ славянскимъ; но такого сходства и ожидать нельзя; ибо Іоаннъ Екзархъ такъ же, какъ и епископъ Константинъ болгарскій[2]), не переводилъ буквально съ греческаго языка, а перифразировалъ и нерѣдко вставлялъ цѣлыя выраженія, примѣняясь къ времени и пониманію своихъ слушателей, новопросвѣщенныхъ крещеніемъ болгаръ. Кромѣ того, первые староболгарскіе писатели переводили или перифразировали не цѣльныя творенія учителей церкви, но переводили, или пересказывали, или перелагали на староболгарскій языкъ катены, сложенныя изъ цѣльныхъ отдѣльныхъ твореній того или другого учителя, а иногда изъ твореній не одного отца церкви, но двухъ и болѣе. Такія катены не всегда оставались въ одномъ и томъ же видѣ и на греческомъ языкѣ, но нерѣдко нѣсколько видоизмѣнялись, опять сообразно съ потребностями слушателей. Конечно, катены выходили не изъ-подъ пера учителей церкви, изъ твореній которыхъ онѣ слагались, а составлялись позже другими лицами съ цѣлію упрощать слишкомъ сложныя и нерѣдко учено или философски написанныя творенія отцовъ и

---

1) Это изданіе озаглавлено такъ: Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Χρυσοστόμου τῶν εὑρισκομένων τόμος ἕβδομος, διὰ ἐπιμελείας καὶ ἀναλωμάτων Ἐρρίκου τοῦ Σαβιλίου ἐκ παλαιῶν ἀντιγράφων ἐκδοθείς. Etonae. 1612, стр. 367—369. Мнѣ не понятно указаніе страницы,—р. 86, у Востокова, который указываетъ на т. V, этого, по видимому, изданія; но въ этомъ томѣ такого слова нѣтъ. Это же слово повторено и въ изданіи Montfaucon'a. Τοῦ ἐν ἁγίοις ..... εὑρισκόμενα πάντα. T. X. Parisiis. 1732, стр. 790—792, какъ inepta oratio.

2) Смотри объ этомъ у архіеп. Антонія «Изъ исторіи древне-болгарской проповѣди. Константинъ, епископъ болгарскій, и его Учительное Евангеліе,» въ его «Изъ исторіи христіанской проповѣди». Изданіе 2-е. Спб. 1895, стр. 165—168; ср. стр. 169—176, 268—271, и у Горскаго и Невоструева Описаніе рук. Синодальной библ. II, 2, стр. 423—424.

богослововъ церкви, весьма часто непонятныя для простой, но даже и непростой массы. Вотъ почему мы, быть можетъ, не имѣемъ подлиннаго текста греческаго слова, приписываемаго на славянскомъ языкѣ Іоанну Екзарху. Послѣдній, несомнѣнно пересказалъ это слово по катенѣ, сложенной на основаніи обширнаго слова Іоанна Златоустаго или, можетъ быть, даже и не этого учителя церкви, а другого. Рѣшить этотъ вопросъ, а также и то, принадлежитъ ли помѣщенное Савиліемъ въ числѣ твореній Іоанна Златоустаго, довольно короткое слово Εἰς τὴν Χριστοῦ γένεσιν подъ 25-мъ декабря (ex Ms. Augustano въ т. VII, стр. 367—369), или нѣтъ, — предоставляю рѣшить богословамъ, которыхъ эти вопросы могутъ интересовать больше, чѣмъ меня. Для меня важно указать на приблизительный греческій первообразъ или хотя бы на источникъ приведеннаго мною выше славянскаго слова. Чтобы показать отношеніе обоихъ текстовъ славянскаго и греческаго между собою я привожу здѣсь греческое слово цѣликомъ по изданію Савилія, тѣмъ болѣе что греческій текстъ слова не всѣмъ доступенъ и, кромѣ Монфокона, не перепечатанъ въ другихъ изданіяхъ твореній Іоанна Златоустаго.

Εἰς τὴν Χριστοῦ γένεσιν.

Ὁ τῆς δικαιοσύνης ἀνέτειλε σήμερον ἥλιος καὶ τὸν πρὶν ἀνατέλλοντα ἐκάλυψεν· ἐλυτρώθην τοῦ σκότους καὶ οὐ φέρω τὰς ἀκτῖνας· ἐτέχθη μοι πάλιν τὸ φῶς καὶ ἀμαυροῦμαι τῷ φόβῳ· τὸν τόκον ἀγάλλομαι καὶ τὸν τρόπον ταράττομαι· νέαν πηγὴν προϊοῦσαν ὁρῶ καὶ ἀρχαίαν πληγὴν φεύγουσαν· βρέφος εἶδον τικτόμενον καὶ οὐρανὸν κλινόμενον εἰς τὴν τούτου προσκύνησιν· μητέρα τίκτουσαν, καὶ μήτραν μὴ ἀνοίγουσαν· παιδίον τὴν ἰδίαν σφραγίζον κύησιν· γεννήτορα ἄνανδρον καὶ υἱὸν ἀπάτορα· σωτῆρα τικτόμενον καὶ ἀστέρα κτιζόμενον· σπαργανούμενον νήπιον, καὶ βαστάζον τὴν ἄπειρον [1]).

1) Не лучше ли: ἤπειρον?

φάτνην ἐκτυπουμένην εἰς θρόνον ἐπουράνιον καὶ κτήνη ἀπεικάζοντα χερουβικὴν παράστασιν· φωστῆρα φαινόμενον καὶ τὸ θαῦμα φθεγγόμενον· ἀγγέλους προαναγγέλλοντας καὶ ποιμένας προφητεύοντας· μάγους θεολογοῦντας καὶ ἱερεῖς θεομαχοῦντας· Ἡρώδην πίπτοντα καὶ θάνατον θρηνούμενον· τὸν Ἀδὰμ λυόμενον, τὴν Εὔαν χαίρουσαν καὶ τὸν ὄφιν πενθοῦντα· αἰχμαλώτους ἐν ἀφέσει γενομένους καὶ τυράννους ἐν κολάσει· βρέφος γαλουχούμενον καὶ τὸν τρέφοντα τὴν τρέφουσαν· χερσὶ περιφερόμενον καὶ φέροντα τὴν φέρουσαν· τὴν κτίσιν ἐπιγνοῦσαν καὶ τὴν φύσιν δειλιῶσαν. Ὅθεν κἀγὼ ἐξίσταμαι τῷ θαύματι, τρέμων τὸ μυστήριον. θαρρήσω τῷ Γαβριὴλ καὶ φυγαδεύω μου τὸν φόβον. τὰ πρὸς Μαρίαν ῥήματα, ἑρμηνεύοντα θαύματα. ποῖα ταῦτα; καὶ φησί· Χαῖρε[1]), κεχαριτωμένη, οὐρανίου στάχυος ἀθέριστος ἄρουρα· χαῖρε, κεχαριτωμένη, ἀληθινῆς ἀμπέλου ἀψευδὴς μήτηρ παρθένος. χαῖρε, κεχαριτωμένη, ἀτρέπτου θεότητος σαγήνη ἀδιάπτωτος. χαῖρε, κεχαριτωμένη, τῆς ἀχωρήτου φύσεως χωρίον εὐρύχωρον. χαῖρε, κεχαριτωμένη, τοῦ χηρεύοντος κόσμου νύμφιε, τόκε[2]) ἀμίαντε. χαῖρε, κεχαριτωμένη, ἡ τῇ κτίσει ὑφάνασα ἀχειρόπλοκον στέφανον. χαῖρε, κεχαριτωμένη, πυρὸς ἅγιον οἰκητήριον. χαῖρε, κεχαριτωμένη, ἡ τῆς φυγάδος οἰκουμένης ἐπάνοδος. χαῖρε κεχαριτωμένη, τῆς λιμωττούσης κτίσεως ταμιεῖον ἀδαπάνητον. χαῖρε κεχαριτομένη, ἡ χάρις ἡ ἀπέραντος τῆς Ἁγίας Παρθένου. χαῖρε, κεχαριτωμένη, πολλῶν ἀρετῶν κεκοσμημένη λαμπαδηφόρε, τὸ ἄσβεστον καὶ τοῦ ἡλίου λαμπρότερον φῶς· χαῖρε, κεχαριτωμένη, τοῦ νοητοῦ ἀγκίστρου τὸ δέλεαρ· χαῖρε, κεχαριτωμένη, νοερὰ τῆς δόξης κιβωτέ. χεῖρε, καχαριτωμένη, ἡ στάμνος ἡ χρυσῆ, ἡ τὸ οὐράνιον ἔχουσα μάννα. χαῖρε, κεχαριτωμένη, ἡ τὴν γλυκεῖαν πόσιν τῆς ἀεννάου πηγῆς τοὺς διψῶντας ἐμπλήσασα. χαῖρε, κεχαριτωμένη, ἡ νοερὰ θάλασσα καὶ τὸν οὐράνιον ἔχουσα μαργαρίτην Χριστόν. χαῖρε, κεχαριτωμένη, ὁ λαμπρὸς οὐρανός, ἡ τὸν ἀχώρητον ἐν οὐρανοῖς ἐν ἑαυτῇ ἔχουσα Θεὸν ἀχώρητον καὶ ἀστενοχώρητον. χαῖρε, κεχαριτωμένη, στηλοειδὴς νεφέλη, ἡ τὸν Θεὸν ἔχουσα τὸν ἐν τῇ ἐρήμῳ καθοδηγήσαντα τὸν Ἰσραήλ. Τί εἴπω καὶ τί λαλήσω; πῶς μακαρίζω τὴν ὁλόρριζον δόξαν; ὅτι χωρὶς Θεοῦ μο-

1) Лук. I, 28. 2) Не лучше ли: νυμφοτόκε?

νου παντων ἀνωτέρα ὑπάρχεις. Ἡ δὲ ἐπὶ τῷ λόγῳ διεταράχθη καὶ τῷ βλέμματι φεύγουσα τῷ σώματι ἵσταται, σταυροτύπῳ ἱστορίᾳ τυποῦσα τὴν θέαν, ἀμφιβόλοις δὲ ποσὶ παρίστατο τῷ ἀγγέλῳ, μήτε φυγεῖν τολμῶσα, μήτε ἵστασθαι θαρροῦσα. ὁρῶσα τὸν ἀσώματον ἱστάμενον ὡς ἄνθρωπον, παραμένειν ᾐδεῖτο, τιμῶσα τὴν παρθενίαν. ἐρωτᾶν οὐκ ἐτόλμα τὸν ἀνόμοιον. καὶ ἦν τὸ φόβῳ ἔσοπτρον τῆς παρθένου προελθοῦσα τὸ πρόσωπον[1]), λέγουσα ἐν ἑαυτῇ· ποταπὸς εἴη ὁ ἀσπασμὸς οὗτος; ἢ τίς ὁ ἀσπασάμενός με; ὑπεραστράπτει ἥλιον καὶ πηλῷ διαλέγεται· ἐξ οὐρανοῦ κατέδραμε καὶ κόρην ἀσπάζεται. οὐ περιβέβληται σῶμα καὶ γυναικὶ παρίσταται, ὡς ποσὶ ταῖς πτερυξὶ περιπατῶν ἐπὶ τῆς γῆς. τί ζητεῖ πρὸς τὴν ἐκ γῆς; ἄγγελός μοι φαίνεται καὶ ὡς ἄνθρωπος φθέγγεται· ἐξ ἀσωμάτων ἁγίων φωνή μοι προβάλλεται. φωστῆρος φωτεινότερον κεκαλλώπισται πρόσωπον· χιτῶνα προβέβληται· νεανίσκον ὁρῶ σάρκα μὴ περικείμενον, πατοῦντα τὸ ἔδαφος καὶ ἴχνος μὴ ζωγραφοῦντα· γλῶσσαν μὴ κεκτημένον καὶ τὸ χαῖρέ μοι κεκραγότα· χείλη μὴ σαλεύοντα καὶ χαίρειν μοι προφητεύοντα. οὐκ οἶδα τί λογίσωμαι τὴν ἔμφρικτον ὀπτασίαν. εἰ τὸν πεμφθέντα οὐ νοῶ, πῶς γνώσομαι τὸν πέμψαντα; εἰ ὁ μηνύον φοβερός, ὁ μηνυθεὶς φοβερώτερος· εἰ οὕτως ἀπαστράπτων ἠμαύρωσέ μου τὸν νοῦν, ποίῳ σώματι κρύψω δικαιοσύνης τὸν ἥλιον; εἰ τὸ κτίσμα θροεῖ με, πῶς ἐνέγκω τὸν κτίσαντα; εἰ τὸν δοῦλον ἐπτόημαι, τὸν δεσπότην πῶς τέξομαι; Εἶπε δὲ αὐτῇ ὁ ἄγγελος· μὴ φοβοῦ, Μαριάμ· οὐ σκελίζῃ[2]) ὥσπερ ἡ Εὔα· ἐξ ἐκείνης ὁ θάνατος, ἐκ δέ σου ζωὴ ἀθάνατος· ἐξ ἐκείνης καρπὸς νεκρώσεως, ἐκ δέ σου καρπὸς ζωοποιός· ἐξ ἐκείνης ἀπάτη, ἐκ δέ σου ἀγάπη· ἐξ ἐκείνης τοῖς ἀνθρώποις ὁ τοῦ Θεοῦ χωρισμός, ἐκ δέ σου Θεοῦ καὶ σαρκῶν συμπλοκὴ ἀνερμήνευτος· ἐξ ἐκείνης ὁ σκοτεινὸς ὕπνος τοῦ ᾅδου, ἐκ <δέ> σου φωτεινὸς λύχνος τοῦ κόσμου· ἐκ ἐκείνης κατάρα, ἐκ δέ σου εὐλογία· ἐξ ἐκείνης ἡ ἀπόφασις, ἐκ δέ σου ἡ συγχώρησις· ἐξ ἐκείνης ἡ θλίψις, ἐκ δέ σου ἡ πίστις· ἐξ ἐκείνης τὰ δάκρυα, ἐκ δέ σου ποταμοὶ ὕδατος ζῶντος· ἐξ ἐκείνης οἱ ἱδρῶτες, ἐκ δέ σου ἡ ἀνάπαυσις· ἐξ ἐκείνης ἡ ἀρχαία πληγή, ἐκ δέ σου Τριάδος ζωή· ἐξ ἐκείνης μισαδελφία, ἐκ δέ

1) Мѣсто, очевидно, испорченное, какъ полагаетъ и Монфоконъ. 2) Можетъ быть: οὐχ ὑποσκελίζῃ.

σου φιλανθρωπία· ἐξ ἐκείνης κατακλυσμός, ἐκ δέ σου λουτρὸν ἀθανασίας· ἐξ ἐκείνης οἱ φονεῖς, ἐκ δέ σου ἀναγέννησις· ἐξ ἐκείνης ζώντων σφαγαί, ἐκ δέ σου ἡ νεκρῶν ἔγερσις· ἐξ ἐκείνης δωδεκάφυλον μισητόν, ἐκ δέ σου δώδεκα ἀπόστολοι ἀγάπῃ συνηνωμένοι· ἐξ ἐκείνης ὁ θάνατος τὸν κόσμον διατρέχων, εἰς σὲ δὲ προσμόψαν[1]) πεσεῖται· ἐξ ἐκείνης τὸ πτῶμα, ἐκ δέ σου ἡ ἀνάστασις. μὴ φοβοῦ Μαριάμ· εὗρες γὰρ χάριν παρὰ τῷ Θεῷ· καὶ ἰδοὺ συλλήψῃ ἐν γαστρὶ τὸν ἐν Πατρὶ καὶ ἐν σαρκί· καὶ τέξῃ υἱὸν τοῦ Ἀδὰμ ἀρχαιότερον, τέξῃ υἱὸν ἐμοῦ παλαιότερον, τέξῃ υἱὸν οὐρανοῦ ὑψηλότερον, τέξῃ υἱὸν τῶν χερουβὶμ ἀνώτερον, τέξῃ υἱὸν τῶν αἰώνων δημιουργόν, τέξῃ υἱὸν συνάναρχον τῷ Πατρί, τέξῃ υἱὸν συναΐδιον τῷ Πνεύματι, τέξῃ υἱον, οὗ τὰ πάντα ὑπάρχει, τέξῃ υἱόν, ὃν ἡμεῖς μὴ καθορῶμεν· τέξῃ υἱόν, οὗ ἡ μορφὴ λανθάνει με· τέξῃ υἱόν, ᾧ παρίσταμαι ἔντρομος. Καὶ ἐπληρώθησαν αἱ ἡμέραι τοῦ τεκεῖν αὐτὴν καὶ ἔτεκε τὸν υἱὸν αὐτῆς τὸν πρωτότοκον, ὃν οὐκ ἐφύτευσεν ἀνήρ· ἔτεκε τὸν υἱὸν αὐτῆς, ὃν οὐκ ἐβάστασε πατήρ· ἔτεκε τὸν στάχυν, ὃν οὐκ ἔσπειρε σῶμα· ἔτεκε δημιουργὸν γενόμενον ἄνθρωπον· ἔτεκε ἐν σπηλαίῳ, καὶ ἐν Περσίδι ἐφάνη. Τοῦ γε Χριστοῦ γεννηθέντος ἐν Βηθλεὲμ τῆς Ἰουδαίας[2]), ἰδοὺ μάγοι ἀπὸ ἀνατολῶν παρεγένοντο εἰς Ἱεροσόλυμα λέγοντες· ποῦ ἐστιν ὁ τεχθεὶς βασιλεὺς τῶν Ἰουδαίων; ποῦ ἐστιν ὁ μὴ σπαρεὶς καὶ τεχθείς; ὁ πρὸ ἑαυτοῦ τὸν ἑαυτοῦ ἀποστείλας ἀστέρα; ποῦ ἐστιν ὁ διὰ ξένης ἀκτῖνος ἕλκων ἡμᾶς πρὸς φῶς ἀγνοούμενον; ποῦ ἐστιν ὁ ἀμετρήτῳ παλάμῃ τειχίζων τὴν οἰκουμένην; ποῦ ἐστιν ὁ πανταχοῦ φαινόμενος καὶ ἐν σαρκὶ κρυπτόμενος; ποῦ ἐστιν ὁ λύσας ἡμᾶς τῆς πλάνης καὶ ὁδηγῶν πρὸς τὴν χάριν; ποῦ ἐστιν ὁ φανεὶς ὑπὸ τὴν δρῦν εἰς Τριάδα ἀγγέλων; ποῦ ἐστι τὴν βάτον μὴ φλέξας καὶ τὴν μητέρα μὴ φθείρας; ποῦ ἐστιν ὁ ἐκ πατρὸς μὴ ὁρώμενον, καὶ μητρὸς κατεχόμενος[3]); ποῦ ἐστιν ὁ ξηράνας τὴν ἐρυθρὰν θάλασσαν καὶ γαίᾳ ποτιζόμενος[4]); ποῦ ἐστιν ὁ πατάξας τὸν Φαραὼ καὶ Ἡρώδην κρυπτόμενος; ποῦ ἐστιν ὁ τὸν δράκοντα δύσας καὶ ἐν σπαργάνοις κείμενος; ποῦ ἐστιν, ὃν οὐκ εἶδον ἀρχάγγελοι καὶ θεωροῦσιν ἄνθρωποι; Καὶ ἰδοὺ

---

1) Можетъ быть: προσκόψας? 2) Матѳ. II, 1. 3) Можетъ быть: μὴ σπειρόμενος καὶ ἐκ μήτρας κατερχόμενος. 4) ποθιζόμενος=προσιζόμενος;

ὁ ἀστήρ[1]), ὃν εἶδον ἐν τῇ ἀνατολῇ, προῆγεν αὐτούς, ἕως ἐλθὼν ἔστη ἐπάνω, οὗ ἦν τὸ παιδίον· καὶ προσκυνήσαντες, προσήνεγκαν αὐτῷ δῶρα, χρυσὸν καὶ λίβανον καὶ σμύρναν. καὶ χρηματισθέντες μὴ ἀνακάμψαι πρὸς Ἡρώδην δι' ἄλλης ὁδοῦ ἀνεχώρησαν εἰς τὴν χώραν αὐτῶν. τῷ δὲ γεννηθέντι Χριστῷ τῷ Θεῷ ἡμῶν ὑμνῶμεν καὶ δοξάζωμεν, ἅμα τῷ αὐτοῦ Πατρί, σὺν τῷ Ἁγίῳ Πνεύματι, νῦν καὶ ἀεὶ εἰς τοὺς αἰῶνας. Ἀμήν.

Изъ сравненія обоихъ текстовъ выходитъ, что славянинъ не переводилъ и даже почти не перифразировалъ греческій текстъ, и потому не легко уловить мѣста, буквально сходныя въ обоихъ текстахъ Но въ послѣднихъ одна и та же мысль проходитъ чрезъ все слово, почти всѣ отдѣльныя части слова и образы въ немъ не разнятся въ обоихъ текстахъ; за то расположеніе ихъ нерѣдко различно, да и самое ихъ развитіе или разработка также далеко не одинаково. Грекъ обращалъ довольно серьозное вниманіе на панигирическую сторону[2]); славянинъ же похвальныя выраженія сокращаетъ значительно, а иногда и совсѣмъ опускаетъ[3]); онъ любитъ сравненія, но при этомъ не оставляетъ безъ вниманія исторической и догматической стороны. Отсюда можно сдѣлать заключеніе, что или оба составителя имѣли одинъ и тотъ же источникъ, который каждый изъ нихъ сокращалъ или передѣлывалъ по-своему; или же

---

1) Матѳ. II, 9. 2) Ср. архіеп. Антонія Константинъ, стр. 268—271.
3) Для нагляднаго примѣра привожу здѣсь слѣдующее мѣсто:

Греческій текстъ.

. . . . . θαρρήσω τῷ Γαβριὴλ καὶ φυγαδεύω μου τὸν φόβον. τὰ πρὸς Μαρίαν ῥήματα, ἑρμηνεύοντα θαύματα. ποῖα ταῦτα; καὶ φησί· Χαῖρε κεχαριτωμένη, οὐρανίου στάχυος ἀθέριστος ἄρουρα· χαῖρε κεχαριτωμένη, ἀληθινῆς ἀμπέλου ἀψευδὴς μήτηρ παρθένος. χαῖρε κεχαριτωμένη, ἀτρέπτου θεότητος σαγήνη ἀδιάπτωτος. χαῖρε κεχαριτωμένη, τῆς ἀχωρήτου φύσεως χωρίον εὐρύχωρον. χαῖρε κεχαριτωμένη, τοῦ χηρεύοντος κόσμου νύμφιε, τόκε ἀμίαντε. . . . . и т. п. длинный рядъ радованій (см. выше, стр. 15).

Славянскій текстъ.

. . . . гавріиль цѣлованіе рѣкы, радуисе ѡбрадованнаѧ гь с тобою, іми же ѹкози єбрадующесе рцем къ нюи. ѡт прѣславнаа бце, ты днь раи ѿврьзаіши. адамѹ прѣдѣдѹ нашімоу. иже затвори. єѵва ѡслѹшанієм. ѡт прстаа ты днь ражаєшіи творца. и дѣвца исачьскый... и т. д. (см. выше, стр. 8).

славянинъ Іоаннъ экзархъ передѣлалъ по своимъ соображеніямъ и цѣлямъ греческую катену.

Между лексическими особенностями слова можно указать на **и҆ꙁба́вникь: цр҃ꙋ и҆ꙁба́вникоу** (стр. 91); **съсла́дити** (*συγγλυκίζειν): **съсла́дить сїи** (стр. 89), и **прѣтель** (*пръ҇тель,—κριτής) вм. **прѣдатель** (у Петрова): **долѣже ѿ пи́латта прѣтелю соудь прїемлють**; едва ли къ Пилату идетъ эпитетъ предателя (προδότης). По крайней мѣрѣ, мнѣ не приходилось встрѣчать его въ такомъ приложеніи въ памятникахъ. Конечно, значеніе его можно объяснить,—тѣмъ, что Пилатъ предалъ Іисуса евреямъ; но все-таки такое выраженіе необычно, да и незаконно.

Въ заключеніе считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о мѣстѣ написанія рукописи, изъ которой взяты отрывки. Вопросъ этотъ я не возбуждаю искусственно, но онъ напрашивается самъ собою. Какъ въ напечатанныхъ выше статьяхъ, такъ и въ другихъ частяхъ отрывковъ, и, по всей вѣроятности, во всей книгѣ нѣкоторыя слова встрѣчаются въ такихъ написаніяхъ, которыя прямо бросаются въ глаза. Здѣсь я укажу только на слова въ напечатанныхъ мною статьяхъ. Такъ **мьлимъ: мьлимь вы́ше па́че** (стр. 89); **видѣшь нь҃ кой** (стр. 90, примѣч. 1); **вь ꙁла́то мѣ́стꙋ** (стр. 91, примѣч. 1). Эти написанія меня заставляютъ думать, что списокъ Шафариковыхъ отрывковъ приготовленъ не славяниномъ, но скорѣе румыномъ. Еще болѣе утверждаетъ меня въ этой мысли и замѣна **хвалисїи** словомъ **влахисїи** въ первой изъ приведенныхъ выше статей (стр. 85, примѣч. 3); такой замѣны меньше всего можно ожидать отъ славянина, которому **влахїа** не такъ близка, какъ румыну. Быть можетъ, румынскому переписчику принадлежатъ и написанія **вьра́ꙁ҄ское** и **вьлка** (стр. 85), вполнѣ законныя въ его устахъ. Если мое предположеніе вѣрно, то можно думать, что списокъ отрывковъ, слѣдовательно и всей книги, сдѣланъ румыномъ съ сербскаго списка или въ сѣверной Валахіи, или въ Банатѣ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXIV, № 4.

СЕНТЯБРЬСКАЯ МИНЕЯ-ЧЕТЬЯ

ДО-МАКАРЬЕВСКАГО СОСТАВА.

М. Н. Сперанскій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1896.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи наукъ.
Декабрь 1896 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Сентябрьская минея-четья до-макарьевскаго состава.

Минея-четья, какъ сборникъ пространныхъ житій, сказаній и поученій, расположенный по днямъ мѣсяца и сообразно съ этимъ читавшійся въ церкви, необходимо должна была существовать въ обиходѣ церковныхъ книгъ христіанскаго богослуженія. Вмѣстѣ съ синаксаремъ, или прологомъ, мы въ правѣ предполагать существованіе четьей-минеи съ древнѣйшей поры христіанской письменности у славянъ. Существованіе прологовъ на полный годъ мы считаемъ вполнѣ несомнѣннымъ для стараго періода кирилловской письменности [1]). Точно также и для четьей-минеи мы располагаемъ фактическими доказательствами: это супрасльская мартовская книга миней XI в. [2]) и успенская майская XII в. [3]). Но этими двумя древними текстами и ограничивается наше знакомство съ четьей-минеей въ древнее время: за послѣдующее время, XIII—XIV в., списковъ четьей-минеи до насъ не дошло, или они не разысканы [4]).

1) Е. Е. Голубинскій. Исторія церкви I, 1, стр. 607.
2) Изд. Миклошичемъ (Вѣна 1851).
3) Описаніе у А. Н. Попова «Библіограф. мат.» I.
4) Арх. Сергій «Православн. Мѣсяцесловъ Востока» (М. 1875), I, 203.

Списки четьихъ-миней намъ извѣстные, и то въ весьма ограниченномъ количествѣ, далѣе XV в. не восходятъ [1]). Такимъ образомъ по спискамъ XVв. мы должны представлять себѣ четью-минею древнѣйшаго періода славянской письменности; при этомъ намъ, естественно, приходится считаться съ тѣми наслоеніями и измѣненіями, которыя совершились въ составѣ всей минеи и внутри отдѣльныхъ ея частей. До сихъ поръ всѣ извѣстные списки минеи, за исключеніемъ развѣ супрасльской, принадлежатъ русской письменности; поэтому они должны быть поставлены въ связь съ этой письменностію. Теперь стали извѣстны списки минеи и не-русскіе,—именно, сербскіе, которые, естественно, должны быть изучены въ связи съ сербской письменностію. Но въ то же время эти сербскія минеи, на мой взглядъ, представляютъ не малый интересъ и для исторіи минеи старославянской вообще: сопоставляя русскіе списки и сербскіе, мы легче можемъ выдѣлить то, что составляетъ нарощенія той и другой письменности на старомъ составѣ минеи, т. е.: путемъ сравненія и оцѣнки отличій мы можемъ легче представить себѣ, точнѣе возстановить ту первоначальную минею, которая явилась въ славянской письменности въ начальномъ ея періодѣ. Опредѣленіе же состава этой первоначальной минеи стоитъ въ тѣсной связи съ исторіей греческой минеи: вопросъ, что представляла минея-четья греческая въ то время, когда совершенъ былъ ея переводъ на славянскій, вопросъ далеко не лишній, для уясненія состава самой славянской минеи. Поэтому, ограничиваясь на первый разъ возстановленіемъ сентябрьской минеи славянской, я нахожу не лишнимъ коснуться, насколько это представляется мнѣ необходимымъ, исторіи греческой минеи-четьи, какъ она до сихъ поръ рисуется въ глазахъ изслѣдователей.

По самому своему характеру, какъ собраніе сказаній о со-

---

1) Такъ сентябрьской минеи XV в. извѣстны списки: въ библ. Моск. Дух. Акад., Троицкой Лавры, коллекц. В. М. Ундольскаго (Рум. Муз.) по одному; списковъ XVI в.—до-Макарьевскаго состава—также весьма мало: въ Троицк. Серг. Лаврѣ, въ Дух. Акад. Моск. — по одному.

бытіяхъ и лицахъ, память о которыхъ пріурочивается въ церковномъ обиходѣ къ извѣстнымъ числамъ мѣсяца и днямъ года, минея-четья по своему составу тѣсно связана съ другими подобными памятниками: съ календарями древней христіанской церкви, синаксарями (прологами), служебными минеями; подборъ памятей въ четьей-минеѣ обусловливается *до извѣстной степени* подборомъ памятей въ перечисленныхъ памятникахъ. Съ другой стороны есть въ исторіи четьей-минеи *свои* условія состава, полноты или неполноты. Древнѣйшимъ памятникомъ указаннаго характера является несомнѣнно календарь, представляющій видоизмѣненіе, даже иногда неполное, подобнаго же календаря языческаго: таковъ древнѣйшій календарь такъ называемый Полемея Сильвія (около 448 г.), гдѣ находимъ на весь годъ только шесть христіанскихъ памятей святыхъ и три памяти евангельскихъ (Рождество Христово, Распятіе Христа и Его Воскресеніе); въ остальномъ это языческій календарь [1]). Но въ послѣдующее время число памятей постепенно увеличивается (въ чемъ и выражается развитіе календаря), такъ что въ VII—VIII в. мы встрѣчаемъ уже около 80 памятей (святыхъ и праздниковъ) въ годичномъ кругѣ [2]) и довольно значительное количество въ отдѣльныхъ мѣсяцахъ. Такъ въ календарѣ VII—VIII в. въ сентябрѣ помѣщены памяти:

1. Симеона Столпника	15. Муч. Никиты
2. Муч. Маманта	16. Муч. Евфимія
8. Рождество Богородицы	20. Муч. Евстафія
9. Іоакима и Анны	24. Муч. Θеклы
14. Воздвиженіе Креста	26. Іоанна Богослова

30. Григорія Арменскаго [3]).

Это прогрессивное развитіе числа памятей выражается и

1) Арх. Сергій, у. с. I, 5.

2) Арх. Сергій, тамъ же, 20. Эта цифра не вполнѣ точно представляетъ собой число памятей: это результатъ сведенія въ одно различныхъ по объему мѣсяцеслововъ.

3) Арх. Сергій, у. с. I, 17.

позднѣе не только въ окончательномъ заполненіи всѣхъ дней года памятями, но и въ помѣщеніи нѣсколькихъ памятей подъ однимъ числомъ. При этомъ характерной чертой древняго мѣсяцеслова представляются самыя памяти: преобладаютъ въ числѣ этихъ памятей имена мучениковъ (что̀ вполнѣ понятно по общему характеру начальнаго христіанства); напр. въ календарѣ V в. (Полемея Сильвія) всѣ 6 памятей — мучениковъ, въ календарѣ VII—VIII в. на 11 памятей сентября приходится 6 мученическихъ памятей; а исключивши два числа, 8 и 14, какъ памяти евангельскаго цикла, то же число получимъ на 9 дней. Преимущественное помѣщеніе въ календаряхъ памятей мученическихъ отразилось въ распорядкѣ памятей въ позднѣйшее время, когда подъ однимъ числомъ скопляется нѣсколько памятей: память мученика всегда на первомъ мѣстѣ, выше памяти святителя, преподобнаго, даже исповѣдника. Вторымъ отличительнымъ свойствомъ древняго календаря было ограниченное число памятей праздниковъ господскихъ и отсутствіе богородичныхъ, такъ какъ послѣдніе первоначально отсутствовали, какъ самостоятельныя памяти, сливаясь въ одно съ господскими. Такимъ образомъ древность календаря опредѣляется его составомъ; этимъ же опредѣляются до извѣстной степени тѣ наслоенія, которыя съ теченіемъ времени создаютъ позднія редакціи мѣсяцеслова, опредѣляется хронологическая послѣдовательность этихъ наслоеній, т. е.: а) въ древнѣйшихъ мѣсяцесловахъ основную (можетъ быть первоначальную) часть составляютъ памяти мучениковъ — это собственно мартирологій; б) вторымъ слоемъ будетъ появленіе праздниковъ въ честь Спасителя — памяти евангельскаго характера; в) третьими являются праздники богородичные; слѣдующимъ слоемъ — памяти святителей, преподобныхъ, словомъ — памяти немученическія; д) послѣднимъ наконецъ нарощеніемъ — предпразднества, вовсе отсутствующія въ древнихъ мѣсяцесловахъ[1]). Дальнѣйшее развитіе выражается

1) Напр. въ Римскомъ (IV в.) и Карѳагенскомъ (V—VI в.) мѣсяцесловахъ ихъ вовсе нѣтъ; во Фронтоновомъ (VIII в.) только 4; — Арх. Сергій, у. с. I, 12.

съ одной стороны въ заполненіи всѣхъ чиселъ (что естественно идетъ параллельно съ указанными нарощеніями), съ другой стороны въ появленіи нѣсколькихъ памятей на одинъ день, гдѣ эти памяти размѣщаются, какъ было указано, приблизительно въ хронологическомъ порядкѣ нарощеній. Наконецъ исторія мѣсяцеслововъ и ихъ состава обусловливается въ позднѣйшее время вліяніемъ уставовъ церковныхъ (съ X в.): до конца IX в. въ Восточной церкви устава, строго опредѣлявшаго строй церковной жизни, не было; до этого времени руководятся преданіемъ и обычаемъ, причемъ мѣстныя черты не стѣсняются, чѣмъ объясняется колебаніе въ составѣ отдѣльныхъ календарей по памятникамъ. Съ начала X в. начинается дѣйствіе церковнаго устава студійскаго, который пробуетъ, хотя не особенно успѣшно, внести единство въ мѣсяцесловъ и церковную практику; въ XIII в. получаетъ преобладаніе уставъ іерусалимскій, который продолжаетъ то же объединеніе и достигаетъ его успѣшнѣе всего въ Россіи XIV—XV в. [1]).

Тотъ же процессъ, но только съ небольшими отличіями, кои обусловливаются характеромъ самыхъ памятниковъ, входящихъ въ составъ, происходитъ въ исторіи и другихъ связанныхъ календарнымъ планомъ памятниковъ: синаксаріевъ (прологовъ), служебныхъ миней, четьихъ-миней. Разница въ процессѣ объясняется во первыхъ разницею въ характерѣ и положеніи памятниковъ сравнительно съ календарными записями: съ одной стороны рядъ простыхъ именъ, вносимыхъ для поминанія въ церковной службѣ, каковы напр. календари при богослужебныхъ книгахъ (евангеліяхъ и апостолахъ),—съ другой стороны цѣлыя сказанія, хотя и небольшого объема, но все-таки возникающія медленнѣе, съ бо́льшимъ трудомъ получающія литературную обработку путемъ записи устнаго преданія и составляющія сборники, медленнѣе распространяющіеся путемъ размноженія въ спискахъ; таковы, напр., сказанія пролога-синаксарія; поэтому

---

1) Арх. Сергій, I, 21.

синаксаріи, не смотря на обиліе памятей (напр. въ минологіи Василія), не собрали еще многихъ памятей, встрѣчаемыхъ уже въ древнѣйшихъ мѣсяцесловахъ при евангеліяхъ и апостолахъ [1]). То же слѣдуетъ сказать и о служебныхъ минеяхъ, которыя заполняли мѣсяцы только по мѣрѣ созданія каноновъ; поэтому минеи служебныя только сравнительно поздно стали ежедневными [2]). Это условіе является, разумѣется, тѣмъ важнѣе для минеи-четьей, состоящей изъ обширныхъ житій, самое возникновеніе которыхъ затруднительнѣе.

Отсюда ясно, что, чѣмъ крупнѣе и сложнѣе составныя части, тѣмъ медленнѣе и труднѣе идетъ процессъ собиранія; поэтому въ своемъ развитіи прологи, служебныя минеи, а подавно и четьи, всегда и притомъ значительно отставали отъ календарей; съ другой стороны, какъ болѣе развитые памятники, календари были, такъ сказать, программой, которой руководились собиратели прологовъ и миней [3]); и въ свою очередь прологи, какъ болѣе легкіе по возникновенію и по развитію памятники обгоняли, естественно, минею-четью и служили для нея также образчикомъ; поэтому, напр., прологомъ Василія опредѣлялся объемъ четьей-минеи.

Когда же стали соединяться въ мѣсячные сборники отдѣльныя житія, образуя такимъ образомъ мѣсячныя минеи-четьи, сказать едва ли можно, потому что при отсутствіи обязательной формальной нормы процессъ этотъ далеко не вездѣ въ христіанскомъ мірѣ (по крайней мѣрѣ, восточномъ) шелъ одинаково; да и самая постепенность возникновенія подобныхъ спеціальныхъ сборниковъ лишаетъ возможности точно опредѣлить время, когда возникъ первый подобный сборникъ. Во всякомъ случаѣ мы можемъ утверждать, что не позднѣе начала IX в. мы уже имѣемъ право говорить о мѣсячной минеѣ-четьей, ибо о ней говоритъ уже Ѳео-

---

1) Арх. Сергій, I, 145.
2) Не ранѣе конца IX в. (Арх. Сергій, I, 149).
3) Сергій, I, 31.

доръ Студитъ [† 826][1]), а отъ IX в. дошли до насъ и самые списки миней[2]). Эти древнѣйшія минеи-четьи даютъ въ своемъ составѣ совершенно ясныя указанія на свою исторію: подобно древнѣйшимъ календарямъ и прологамъ онѣ даютъ памяти не на всѣ дни[3]), на каждый день почти всегда одна только память[4]); памяти преобладаютъ мученическія[5]). Съ другой стороны есть уже въ этой минеѣ похвальныя слова, но только на праздники (на Преображеніе, Успеніе, Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи), въ дни, на которые памятей иныхъ не положено. Такимъ образомъ древнѣйшая четья-минея соотвѣтствуетъ уже довольно развитому мѣсяцеслову, ибо, хотя въ ней еще сохраняется основной тонъ мартирологія, въ ней уже есть и не мученики, есть не только господскіе, но и богородичные праздники; сверхъ всего есть еще Слова, но какъ замѣна сказанія историческаго характера. Въ этомъ видѣ минея, какъ видимъ, сохраняетъ еще историческій характеръ на первомъ мѣстѣ, назидательный же остается пока въ тѣни. Измѣненіе, расширеніе идеи сборника историческаго въ сборникъ историческо-назидательный произошло позднѣе, когда слова и поученія входятъ въ составъ его, главнымъ образомъ въ качествѣ *вторыхъ статей* на данный день, т. е. когда оказалось полезнымъ давать не только историческія свѣдѣнія на данный день объ одномъ или нѣсколькихъ святыхъ и праздникахъ, но и поучительный элементъ, въ видѣ ли похвальнаго слова, или поученія. Но это совершилось не сразу: эти слова и поученія сначала не входятъ внутрь минеи, а являются дополненіемъ къ ней, почему помѣщаются не подъ числами, а въ концѣ мѣсяца; образецъ этого мы видимъ въ греческихъ минеяхъ и въ древнѣйшихъ славянскихъ въ особенности: въ супрасльской и успенской минеяхъ въ концѣ мѣсяца мы видимъ цѣлый рядъ словъ, которыя

1) Е. Е. Голубинскій. Исторія церкви, I, 1, стр. 745.
2) Май — августъ 890 г. и августъ IX в.—извѣстны Монфокону (Palaeogr. p. 42, 269 и p. 43, 273); см. Сергій, у. с. I, 182.
3) Въ минеѣ 890 г. и IX в. (Монфокона) — въ августѣ только 27 памятей.
4) У Монфокона въ августѣ двойныхъ памятей только три.
5) Изъ 27 памятей 19 мученическихъ въ минеѣ у Монфокона.

позднѣе входятъ въ составъ самой минеи, размѣщаясь подъ отдѣльными числами[1]); въ болѣе позднее время нѣчто подобное наблюдается и въ греческомъ спискѣ XI в. (Сентябрь) Син. библ. (№ 178), гдѣ въ концѣ мѣсяца также находимъ рядъ статей безъ чиселъ [2]).

Въ X в. происходитъ реформа внутри самой минеи, ея житій, именно: старыя редакціи житій замѣняются новыми, болѣе литературными и сообразными съ тогдашними требованіями: Симеонъ Метафрастъ [3]), стоя, вѣроятно, во главѣ цѣлой литературной школы, на основаніи старыхъ текстовъ житій, другихъ историческихъ данныхъ, доступныхъ тогда, перерабатываетъ житія, главнымъ образомъ имѣя въ виду придать имъ бо́льшую историческую достовѣрность. Обработка эта совершалась примѣнительно къ четьей-минеѣ: сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь подверглись основательной передѣлкѣ, остальные мѣсяцы уже меньшей или совсѣмъ незначительной[4]). Редакція миней, созданная С. Метафрастомъ и его сотрудниками, быстро получила права гражданства: уже въ X в. мы имѣемъ дѣло съ минеей, гдѣ житія уже въ редакціи Метафраста вытѣснили старыя: минея X в. (Сентябрь) и XI в. (Октябрь и др. мѣсяцы) Москов. Синодальн. библіотеки (№№ 177, 179, 175, 131, 170, 168, 169, 172, 223, 171, по Указ. преосв. Саввы)[5]) заключаютъ въ себѣ житія, большею частью уже редакціи Метафраста; а Сентябрь (X в. № 177) и Октябрь (XI в., № 175) содержатъ почти исключительно Метафрастовы житія [6]). Съ другой стороны, повидимому, житія

---

1) См. описаніе у Арх. Сергія (I, 199—203).

2) Арх. Владиміръ «Систематическое описаніе рукописей Моск. Син. библ.» (М. 1895), стр. 553—554. Далѣе, за словами, помѣщена память мученицы Епихаріи, имя которой въ древнихъ мѣсяцесловахъ не встрѣчается: она прославлена только въ X в. въ Римѣ (Сергій, II, 307).

3) Общепринятое время его кончины — вторая половина X в. (по Филарету черниг. Истор. ученіе объ отцахъ церкви — около 940 г.). Сергій, I, 184, прим. 1.

4) Мнѣніе Папеброка, см. Acta SS. Mai I, XL (Сергій, I, 184, прим. 2).

5) У Арх. Владиміра, у. с. стр. 540—552.

6) Въ сентябрѣ *одно* только слово на 1-е сентября принадлежитъ Ѳеодо-

Метафрастовой школы не могли, по крайней мѣрѣ, окончательно вытѣснить старыя редакціи, почему рядомъ съ «Метафрастовой» минеей X—XI в. находимъ списки, гдѣ Метафрастъ или вовсе отсутствуетъ, каковъ напр. списокъ XI в. (Сентябрь) Синод. библіот. [№ 178] [1]), или житія въ редакціи Метафраста появляются только случайно: таковъ былъ оригиналъ славянской минеи-четьей, какъ это увидимъ далѣе; то мы имѣемъ дѣло въ X и XI в. съ нѣсколькими редакціями греческихъ миней, по крайней мѣрѣ съ тремя.

Переходя къ опредѣленію состава славянской минеи, точнѣе, ея греческаго оригинала, считаю нужнымъ отмѣтить еще одну сторону, которая можетъ имѣть вліяніе на возстановленіе состава минеи, именно вліяніе уставовъ студійскаго и іерусалимскаго; въ первое время нашей письменности несомнѣнно оказывалъ вліяніе, какъ и въ Византіи, первый уставъ, который, какъ было уже упомянуто, не могъ однако внести полнаго однообразія: изъ самаго студійскаго монастыря выходили на Русь уставы различнаго характера, минеи другъ съ другомъ несогласныя, хотя отличія и не были значительны, почему *въ общемъ* и можемъ назвать первоначальную эпоху въ нашей церковной практикѣ студійскою. Древнѣйшій прологъ (по типу близкій къ прологу Василія, дополненному Ильей) былъ устроенъ по типу студійскому; минея служебная XI в. (напр. типографскія 1096—97 г.) также слѣдуетъ тому же уставу, мѣсяцесловы при евангеліяхъ носятъ тотъ же характеръ [2]); поэтому естественно, что и начальная минея-четья представляетъ тотъ же уставъ студійскій; такова она, дѣйствительно, въ супрасльскомъ и успенскомъ спискахъ [3]).

риту Кипрскому; въ октябрѣ (12 ч.) также одно мученіе не Метафрастовой редакціи. Въ этомъ убѣждаемся, сравнивъ житія миней хотя бы съ перечнемъ Метафрастовыхъ житій у Фабриція (Bibl. graeca. T. IX, 48 и сл.).

1) Арх. Владиміръ, у. с. стр. 553—554. Эта минея содержитъ житія (частію апокрифы) исключительно древнія, судя по отзывамъ о нихъ у Фабриція и Сергія; иныя изъ житій оказались неизвѣстными Фабрицію (напр. 16 сент. Евфимія); есть отличія и въ памятяхъ. Эта минея даетъ въ то же время важныя указанія и для славянской минеи.

2) Арх. Сергій, I, 33, 34.

3) Сергій, тамъ же.

Но во второй половинѣ XIV в., по примѣру Византіи, у насъ начинаетъ дѣйствовать уставъ іерусалимскій, отличающійся по подбору памятей въ мѣсяцесловахъ и въ памятникахъ календарнаго типа отъ студійскаго; въ XV в. іерусалимскому уставу удается достичь объединенія бывшей пестроты въ церковной практикѣ[1]). Но къ этому же вѣку относятся и списки минеи-четьей, по которымъ намъ приходится возстановлять древнюю минею; поэтому нельзя вполнѣ упускать изъ виду и вліянія іерусалимскаго устава.

Обращаясь къ спискамъ миней XV в. и частью XVI-го (домакарьевскаго состава), мы замѣчаемъ въ нихъ большое сходство другъ съ другомъ. Списки сентябрьской четьи-минеи, принятые мною въ изслѣдованіи, слѣдующіе: A) Москов. Духов. Акад. № 192, XV в. [2]), B) Троице-Сергіевой Лавры № 666, XV в. C) Троице-Сергіевой Лавры № 663, XVI в., но по составу до-макарьевскій, D) Москов. Духов. Акад. № 88, XVI в. (до 1547 года) и E) В. М. Ундольскаго № 1187, XVI в., — оба до-макарьевскаго состава; всѣ списки русскаго письма; сюда теперь присоединяю F) списокъ Юго-славянской Академіи XV в. сербскій — III, с. 24 [3]).

На основаніи этихъ списковъ, а также принимая во вниманіе списокъ митр. Макарія (см. описаніе А. В. Горскаго въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древ. 1884 г. кн. I), представимъ себѣ составъ и особенности сентябрьской минеи до-макарьевскаго состава. Такъ какъ цѣль изслѣдованія — возстановленіе первоначальной минеи переведенной съ греческаго, то позднѣйшія нарощенія, очевидныя съ перваго взгляда, каковы добавленія русскихъ памятей и

1) Сергій, I, 34. Сравнительный составъ мѣсяцеслововъ по уставамъ студійскому и іерусалимскому см. у Сергія, I, приложеніе 6 (стр. 24 и слѣд.).

2) Описаніе см. въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. 1881, III, 238 и сл.; Троицкіе списки описаны въ Чтеніяхъ 1879, кн. 2., Моск. Дух. Акад. тамъ же 1884 г.

3) Списокъ въ листъ на 418 л., въ два столбца, полууставомъ XV в., содержитъ минею съ сентября по ноябрь; въ той же библіотекѣ (III, с. 22) продолженіе этого текста, того же времени и той же руки, но не полный текстъ: съ 12 дек. по 29 авг. Въ Моск. Син. библ. есть также списокъ XVI в. (№ 169 по Указателю арх. Саввы), оставшійся, къ сожалѣнію, мнѣ недоступнымъ.

статей, при сравненіи въ разсчетъ не принимаются; да къ тому же подобныхъ добавленій весьма мало, по крайней мѣрѣ въ спискахъ XV в. и тѣхъ XVI в., которые не представляютъ еще рѣзкаго перехода къ типу минеи Макарьевской. Въ основу сравненія кладу списокъ сербскій, какъ не описанный до сихъ поръ и наиболѣе сохранившій первоначальный составъ, какъ мы увидимъ далѣе. Въ параллельномъ столбцѣ приводится соотвѣтствующій составъ греческой минеи.

1. Сент. (л. 1а). **Симеона Столпника** — одинаково во всѣхъ спискахъ; въ М. (Макарія митр.) на л. 11 об.

Συμεῶνος τοῦ στυλίτου. — Ξένον καὶ παράδοξον μυστήριον ʼεγένετο. Слово принадлежитъ Антонію монаху, современнику и ученику Симеона (+451); стало быть, оно старше Метафраста (Fabr. X, 142; Сергій, II, 266); подъ 1-мъ же сент. оно читается въ рѣдкомъ сп. минеи XI в. (Син. библ. № 178, л. 3; ср. выше); въ обычныхъ спискахъ (напр. X в. Син. библ. № 177) иное слово — Өеодора Кипрскаго (л. 2).

2. (л. 5с). **Муч. Мамантa и родителей его Өеодота и Руфины.** — Одинаковое житіе во всѣхъ текстахъ минеи; М. на л. 76. Разница между русскими текстами и сербскимъ (F) заключается въ началѣ.

Μάμαντος — Τοὺς τῶν μαρτύρων πόνους. (Fabr. IX, 108). Слово не Метафраста, повидимому, имѣвшаго въ числѣ источниковъ наше житіе, считающееся древнѣйшимъ (A. SS. III, 423); ср. Сергія, II, 267; А. В. Горскаго (Опис. Мин.), стр. 5. Въ обычныхъ греч. — иное житіе, хотя то же не Метафраста (Син. библ. № 177, л. 25 об.; ср. Fabr. IX, 107).

Рус. сп.	*Серб.*
Святыхъ мучениκъ труди церкви Божіи на подобную реть [1]).	Бѣ ѥтерь моужь пефлагонииськыѥ страни, именемь өеѡть. сь имѣаше женоу именемь рꙋфїноу.

Дѣло объясняется тѣмъ, что въ серб. сп. отброшено ритори-

1) Мин. Макарія, сентябрь, изд. Археогр. Ком., стр. 128 (л. 68 в.); то же въ остальныхъ (А., л. 11 об.).

ческое начало слова; начало сербскаго мы встрѣчаемъ далѣе въ текстѣ: мужь бяше въ она времена отъ Пефлогоньскіа страны, именемъ Феодотъ; той имяше жену именемъ Руфину (Мак. Мин., стр. 128). У Фабр. (IX, 108) упомянуто слово неизвѣстнаго автора съ началомъ: Κατὰ τοὺς καιροὺς ἐκείνους ἦν τις ἀνὴρ ἐν τῇ τῶν Παφλαγόνων χώρᾳ, соотв. сербскому. Если это не случайное совпаденіе, возможно предположить, что и въ греч. это житіе было въ двухъ видахъ — съ риторич. началомъ и безъ него, и что первоначально переводъ былъ сдѣланъ со списка безъ начала, какъ онъ сохранился въ сербскомъ текстѣ, и затѣмъ произошла свѣрка съ болѣе полнымъ текстомъ, что и отразилось въ спискахъ русскихъ. По переводу русскіе и сербскіе тексты сходны, но на сторонѣ сербскаго бо́льшая древность.

3. (л. 9 а) Муч. Анѳима—одинаково во всѣхъ спискахъ; у М. на л. 87.

Ἀνθύμου — (Βασιλεύοντος τότε Μαξιμιανοῦ, οὐ Μαξιμιανοῦ δὲ μόνου, ἀλλὰ καὶ Διοκλητιανοῦ) [1]). На греч. до сихъ поръ не извѣстно (у Fabr. IX, 55 только одно Метафраста, обычное въ минеяхъ—Син. библ. № 177, л. 33 об.); наше житіе древнѣе Метафрастова; см. А. В. Горскаго, стр. 6; ср. Сергія II, 270 (также Acta SS. apr. III, 60, 482).

5. (л. 13 b.) Рождество Іоанна Предт. и пам. Захаріи, его отца; въ М. на л. 145 об.; въ А. В. С. — слово Климента Славянскаго на смерть Захаріи (напеч. въ Правосл. Собесѣд. 1881 г. XII, 352). Въ D. и Е. и то и другое.

Γεν. Ἰώαννου τοῦ Προδρ. καὶ μαρτ. Ζαχαρίου.—Ἔτει τεσσαρακοστῷ Ἡρώδου βασιλεύοντος. Апокрифич. произведеніе; см. Виз. Врем. 1894 г. I, 185; ср. А. В. Васильева Anecdota graeco-byzant. (М. 1893). I, 1 и М. Сперанскаго,

---

1) Переводъ приблизительный съ слав. текста сдѣланъ мною.

Естественно предполагать, что слово Климента внесено позднѣе, хотя, можетъ быть, и весьма давно.

Апокрифич. Еванг. (М. 1895), стр. 125.

6. (л. 14 b.). Чудо архистр. Михаила въ Хонѣхъ. Въ А. В. и Е. этого числа нѣтъ; С. D. статья таже, что въ серб. (Видѣніе Архипа пустынника); статья извѣстна въ торжественникахъ уже въ сп. XIII в. (подъ 8 Ноября, въ рук. Троиц. Лавры № 11); эта память есть въ мѣсяцесловахъ по студійскому и іерусалимскому уставамъ, по служебн. минеямъ XI в. (1096—7), по греч. мин. X в. Въ М. на л. 149 об. [1]).

Θαύματος παρὰ ἀρχιστρ. Μιχαὴλ ἐν Χώναις. Ἡ ἀρχὴ τῶν ἰαμάτων καὶ δωρεῶν (Fabr. IX, 57). Слово старше Метафраста; въ обычн. греч. минеѣ (X в., № 177 л. 44 об.) — уже метафрастово; въ синаксаріяхъ и греч. минеяхъ еще память на этотъ день: Εὐδοξίου, Ρωμύλου, Ζήνωνος καὶ Μακαρίου (Син. № 177, л. 48 об.), принятыя и въ Макарьевскую минею, но въ извѣстныхъ мнѣ спискахъ XV в. и XVI в. (до макарьевскихъ) этой памяти нѣтъ. Сказаніе о чудѣ Михаила метафрастово переведено Максимомъ Грекомъ (Горскій, стр. 8).

7. Созонта — во всѣхъ спискахъ, кромѣ F. (серб.; см. прим.). Въ М. на л. 170, единственная память изъ не-русскихъ. Была-ли она въ первонач. текстѣ, рѣшить трудно; житіе Созонта приводится уже по метафрастову тексту; въ виду общаго отсутствія житій этой редакціи въ минеѣ, можно это житіе счесть дополненіемъ, хотя и раннимъ, изъ миней иной, метафрастовской, редакціи.

Σώζοντος — Μαξιμιανοῦ τῆς Κιλικίας ἡγεμονεύοντος (Fabr. IX, 143, нѣск. испорч. текстъ; см. Син. библ. № 177 л. 53); житіе въ редакціи Метафраста.

8. Рождество Богородицы. Вездѣ помѣщено Первоевангеліе Іакова; кромѣ того въ сп. XVI в. (С. D.) по пяти похвальныхъ словъ, въ томъ числѣ Андрея Критскаго. Въ первонач. составѣ вѣроятнѣе

Γεν. τῆς ὑπεραγ. Θεοτόκου — Ἐν ταῖς ἱστορίαις τῶν ιβ' φυλῶν (см. K. Tischendorf. — Evangel. apocr. (Lips. 1876) p. 1 sq.) Въ минеяхъ метафрастовой редакціи этой древней, общепринятой памяти (см.

---

1) Въ серб. спискѣ конца сказанія нѣтъ, вслѣдствіе пропажи листовъ; по той же причинѣ нѣтъ всего 7-го числа и начала 8-го; на 8-е помѣщенъ какой то отрывокъ слова, которое опредѣлить мнѣ не удалось: Оброучена же бы Їωсифоу дѣвица, да ꙗко и родь чьстию тою ѿ двда познань боудеть и ѡброучитель не вьсприметь попечениꙗ, ѥже вь врѣме рожьстоу (л. 17). По той же причинѣ и слѣд. статья (Первоевангеліе) безъ начала.

всего предполагать, кромѣ «Первоевангелія», развѣ слово Андрея Критскаго, изъ коего, можетъ быть, идетъ отрывокъ въ серб. (см. пред. прим.). Первоев. въ этотъ день полагалось все; см. М. Сперанскаго «Апокрифич. Еванг.», стр. 27. Въ М. на л. 190. «Первоевангеліе» цѣликомъ, въ древнемъ переводѣ. (Горскій, 10).

выше, календарь VII—VIII в.) [1]) нѣтъ (напр. въ № 177. Синод. библ.); но она есть въ мин. особаго состава (№ 178. Син. б.), гдѣ помѣщается на этотъ день слово Андрея Критскаго (нач. Ἀρχὴ μὲν ἡμῖν ἑορτῶν..., л. 24; Fabr. IX, 112). Первоевангеліе принадлежитъ, какъ извѣстно, къ древнѣйшимъ памятникамъ христіанской литературы.

11. (л. 21 d.) Θеодоры — есть во всѣхъ текстахъ; М. на л. 333. Нач.: Во дни Зинона царя и Григорія епарха суща.

Θεοδώρας—Ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις Ζήνωνος τοῦ βασιλέως καὶ Γρηγορίου ἐπάρχου ὄντων. (Fabr. IX, 146); слово не Метафраста. У Горскаго (стр. 12) приводится начало другаго слова: Ζήνων μὲν ἤδη τὴν αὐτοκράτορα Ῥωμαίοις διεῖπεν, которое однако не подходитъ.

14. (л. 26 а.) Воздвиженіе креста. Три статьи: а) Слово Андрея Критскаго на обрѣтеніе креста (въ М. на л. 391), б) Слово Андрея Іерусалимск. по тому же поводу (въ М. на л. 361) и в) слово Панталеона пресвитера на Воздвиженіе (у М. на л. 377 об.). Въ спискахъ XV в. (А. В.) и Е. только одно; начинающееся: «Въ время оно потомь егда же цареви Константину противу Максентію, лютому погану, приближающися бою». Въ сп. XVI в. (D. С.) четыре слова, т. е. три, что въ сербск., и то, что въ сп. XV в. Первонач., вѣроятнѣе всего, слѣдуетъ признать «повѣсть историческую» (=А. В. и Е.) и слово Андрея Критскаго, которое есть въ минеѣ особ. состава греч. (№ 178, л. 29 об.), а можетъ быть и слово Панталеона.

Ὕψωσις τοῦ τιμίου σταυροῦ. а) Ἐν ἔτει ἑβδόμῳ τῆς βασιλείας Κωνσταντίνου (Fabr. IX, 98)=серб. сл. Андр. Іерус. (у Fabr.—incerti) б) Σταυροῦ πανήγυριν ἄγομεν (Fabr. IX, 92)—Андрея Критскаго; есть въ мин. особ. состава. в) Πάλιν ὑψοῦται σταυρὸς (Fabr. IX, 92; Pantaleonis presb. Byzantini).

Въ минеѣ X в. (метафрастовой) это число опущено.

[1]) Ср. Сергія, II, 279.

16. (л. 32 d.) Евфиміи [1] — одинаково во всѣхъ спискахъ; въ М. на л. 635 (нач. — Царьствующу Диоклитияну, Приску же антvпату сущу).

Εὐφημίας. — Διοκλητιανοῦ βασιλεύοντος, ἀνθυπατεύοντός τοῦ Πρίσκου τῆς Εὐρώπης (мин. особ. сост. Синод. библ. № 178, л. 40). У Fabr. этого текста нѣтъ; житіе, повидимому, древнѣе метафрастова (Сергій II, 294); довольно близко подходитъ указ. у Fabr. IX, 76 (нач. Ἐν τῇ χαλκηδονέων πόλει... Πρίσκος ἀνθύπατος), но также incerti autoris. Горскимъ (стр. 16) приведенъ текстъ «болѣе краткой» редакціи — Διοκλητιανοῦ τὰ τῶν Ῥωμαίων σκῆπτρα διέποντος (по сп. Син. № 177, л. 94 об.); текстъ не подходитъ; редакція его Метафраста (Fabr. IX, 76).

17. (л. 35 b.) Софіи, Вѣры, Надежды, Любви — одинаково во всѣхъ спискахъ; въ М. на л. 643; память засвидѣтельствована студійскими и іерусалимскими уставами.

Σοφίας, Πιστέως, Ἐλπίδος καὶ Ἀγάπης — Μετὰ τὸ διαγγελθῆναι πανταχοῦ τὸ σωτήριον κήρυγμα. (Fabr. IX, 143); принадлежитъ Метафрасту; самое житіе извѣстно уже въ VIII в. и было источникомъ для Метафраста; см. Сергія II, 295.

20. (39 d.). Евстафія и Өеописты — вездѣ одинаково; въ М. на л. 678.

Εὐσταθίου καὶ Θεοπίστης — Ἐν ταῖς ἡμέραις βασιλείας Τραϊανοῦ. (Fabr. IX, 77); близко къ нему житіе ред. Метафраста, который имѣлъ, вѣроятно, наше житіе источникомъ. Въ мин. греч. особ. состава (Син. 178. л. 46 об.) иное житіе, считающееся древнѣйшимъ (нач. — Πρόκειται μὲν τοῖς ἀνθρώποις. Fabr. IX, 72).

24. (л. 48 b.) Феклы. Во всѣхъ спискахъ одно сказаніе, древнее, апокрифическое; въ М. на л. 733. Въ Серб. сп. еще два добавленія: а) Похвальное слово св. Феклѣ: По ст҃рти м҃нига апⷭ҇льство прикмши ѿ ст҃го паула (въ М. нѣтъ), и

Θέκλας — Ἀναβαίνοντος Παύλου εἰς Ἰκονίαν. (Мин. особ. сост. (Син. 178, л. 64) = Fabr. IX, 146, изд. K. Tischendorf — Acta app. apocr. p. 40 sq.). Въ мин. обычн. (Син. 177, л. 145) — уже метафрастово (Fabr. IX, 146).

---

1) Подъ 15 ч. въ F. — апокр. муч. Никиты; о немъ ниже.

б) Третиѥ чюдо бывшее вь меросонѣ — Вьшьшй же на гороу, и обрѣте пещерȣ и живѣше вь нѥи лѣта многаа (въ М. нѣтъ). Соотвѣтствующаго нѣтъ въ греч. минеяхъ. Слова, очевидно, прибавлены позднѣе.

25. (л. 53 c.) Евфросиніи (хожденіе и житіе); во всѣхъ спискахъ одинаково; въ М. на л. 746.

Εὐφροσύνης — Ἐγένετο ἐν τῇ τῶν Ἀλεξανδρέων μητροπόλει ἀνὴρ ἔνδοξος ὀνόματι Παφνούτιος (Fabr. XI, 76); по Горскому (23 стр.), старше Метафрастова; въ мин. особ. сост. (Син. 178) этой памяти нѣтъ; въ обычн. мин. (Син. 177, л. 156 об.) — Метафрастово (Fabr. ibid.).

26. (л. 57 b.). Іоанна Богослова. Въ А., Е. и серб. (F.) апокрифич. Хожденіе Іоанна Богослова, трудъ Прохора; въ М. на л. 988. Въ серб. текстъ нѣсколько сокращенъ: въ М. при огромномъ форматѣ рук. текстъ обнимаетъ 35 л., въ А. при меньшемъ форматѣ (но тоже въ листъ) 75 л., въ F. же при небольшомъ форматѣ листа только 20 л. и 3 столбца. Вѣроятно, это сокращеніе объясняется большимъ объемомъ памятника. Въ сп. В. память на этотъ день пропущена, скорѣе всего, случайно: память древняя, находимая во всѣхъ календарныхъ памятникахъ. Въ сп. С. и D. (оба XVI в.) помѣщено уже метафрастово житіе и два похвальныхъ слова Іоанна Златоуста. Можетъ быть эта замѣна вызвана была первоначально большимъ объемомъ «Хожденія», можетъ быть и апокрифич. характеромъ текста; послѣднее менѣе вѣроятно. Слав. текстъ «хожденія» см. изд. арх. Амфилохія. (М. 1879 г.).

Ἰωάννου τοῦ Θεολόγου. — Περίοδοι τοῦ ἁγίου ἀποστόλου καὶ εὐαγγελίστου Ἰωάννου τοῦ Θεολόγου, συγγραφεῖσαι παρὰ Προχόρου τοῦ αὐτοῦ μαθητοῦ. — Ἐγένετο μετὰ χρόνον τινὰ μετὰ τὸ ἀναληφθῆναι τὸν Κύριον ἡμῶν (мин. особ. сост. (Син. 178, л. 75 об.) — Fabr. IX, 256). Въ обычн. минеѣ (Син. 177, л. 164) метафрастово (Fabr. IX, 98; нач. Ὅτι μὴ πολὺ τῶν ἀγγέλων ἀπήστηκεν ὁ ἄνθρωπος). Греч. текстъ по Синод. 178 изданъ арх. Амфилохіемъ — Хожденіе по вознесеніи Г. н. І. Х... (М. 1879).

28. Зосимы или Харитона. Оба въ А. D.; въ В. и Е. одинъ Зосима; въ С. одинъ Харитонъ,

Ζωσίμου — Ἐπιβάντος Δομετιανοῦ τοῦ κόμητος (Fabr. IX, 152); не Метафраста.

въ F. опущена вся память. Памяти обѣ древнія, но также колеблются по памятникамъ; большинство древнихъ мѣсяцеслововъ (Ев. греч. XI в., Ев. греч. 1056 г., Никонъ Черногорецъ, Студійскій устава въ, служебн. мин. слав. 1096 г., Минологій Василія) отдаютъ предпочтеніе Харитону, не имѣя Зосимы [1]); только немногіе памятники имѣютъ Зосиму одного (Ев. VIII — IX в. греч.) [2]) или, обоихъ (Остромирово Ев.). Поэтому надо отдать, повидимому, преимущество Харитону, какъ памяти первоначальной. Житіе Харитона, приписанное Алляціемъ, а за нимъ Фабриціемъ (IX, 65) Метафрасту, по изслѣдованію Болландистовъ (Sept. VII, 607) ему не принадлежитъ, что вполнѣ согласно съ нашей минеей, избѣгающей житій въ редакціи Метафраста.

Χαρίτωνος — Πολλοὶ τῆς διδασκαλίας τῶν εὖ καὶ ὡς θεῷ φίλων· (Fabr. IX, 65); старше Метафраста, не моложе VII вѣка, писано въ Палестинѣ (Сергій, II, 308); есть оно въ обычн. мин. греч. (Син. 177, л. 181 об.). Въ мин. особ. сост. (Син. 178) чиселъ 27—30 не достаетъ.

30. (л. 79 а — 94) Григорія Арменскаго; во всѣхъ спискахъ одинаково; у М. на л. 1092; нач. Царствующю Діоклитіяну Римомъ, Тирпдату же въ Армѣнѣхъ.

Γρηγορίου τῆς Ἀρμενίας — (Διοκλητιανοῦ μὲν τῆς Ῥώμης βασιλεύοντος, Τιριδάτου δὲ τῆς Ἀρμενίας) [3]); вѣроятно, краткое древнее житіе или сокращеніе изъ пространнаго, приписываемаго Агаѳангелу. (Горскій, стр. 26; ср. Сергій II, 311 и Acta SS. Sept. VIII, 295) [4]). Житіе въ обработкѣ Метафраста (Fabr. IX, 81; Син. 177, л. 200) основано на житіи, писанномъ Агаѳангеломъ (Сергій, тамъ же).

Въ такомъ составѣ представляется мнѣ первоначальная славянская минея за сентябрь мѣсяцъ. Къ этому ея возстановленію необходимо, однако, дать еще нѣсколько объясненій, прежде чѣмъ

1) См. Сергія, I: прилож. II, 7; III, 11; IV, 19; VI, 26; VIII, 54; X, 133.

2) Сергій, I прилож. I, 2.

3) Переводъ приблизительный съ славянскаго.

4) Цитата изъ Acta SS. взята у Сергія; Сергій считаетъ слав. текстъ сокращеніемъ Метафраста, что довольно сомнительно.

формулировать выводы изъ обзора. Прежде всего обращаемъ вниманіе на пропущенныя числа, на которыя памятей мною не приведено.

1) Подъ 4 числомъ (Вавилы, еп. Антіохійскаго) ни въ одномъ изъ списковъ XV в. и XVI в. до Макарьевскаго состава памяти на этотъ день нѣтъ; соотвѣтственно съ этимъ этой памяти не положено въ минеѣ греч. особаго состава (Синод. библ. № 178). Впервые появляется эта память въ минеѣ Макарія, гдѣ помѣщенъ переводъ Метафрастова житія (Νουμεριανοῦ τῶν Ρωμαίων σκῆπτρα διέποντος — Fabr. IX, 59, Син. библ. 177, л. 39 об.); но переводъ этотъ *поздній* [1]). Въ виду этого можно считать память Вавилы въ первон. минеѣ отсутствующею.

2) Подъ 9 и 10 числами (Іоакима и Анны—Минодоры, Митродоры и Нимфодоры) есть памяти только въ спискахъ XVI в. (С. D.), нѣтъ въ спискахъ XV в. и Е.; отсутствіе ихъ въ первоначальной минеѣ оправдывается: а) отсутствіемъ ихъ въ минеѣ особ. состава (Син. 178) и б) тѣмъ, что несмотря на популярность памятей Іоакима и Анны, и въ обычной минеѣ (Син. 177, л. 55) положена память Севиріана въ метафрастовой редакціи (Fabr. IX, 141); а на 10-е число положено житіе также въ метафрастовой редакціи (Fabr. IX, 124; Син. 177, л. 61).

3) Подъ 12 ч. всѣ списки памятей съ житіями не имѣютъ, не исключая и Макарьевской минеи, гдѣ приведены только два проложныя сказанія; нѣтъ памяти и въ греч. мин. особ. состава; въ обычной минеѣ греческой — Автономъ, житіе котораго дано въ метафрастовой редакціи (Син. 177, л. 79) [2]).

4) Мученіе Никиты, апокрифъ (изд. у Н. С. Тихонравова; Памятн. II, 112) въ серб. текстѣ помѣщенъ подъ 15 числомъ; память этого Никиты отсутствуетъ во всѣхъ прочихъ спискахъ; въ Макарьев. мин. — Никита Готскій съ житіемъ метафрастовой редакціи (Fabr. IX, 127; Син. 177, л. 91 об.); подобно па-

1) А. В. Горскій, стр. 6.

2) Fabr. IX, 58: inter genuinas Metaphrastae recensetur ab Allatio, съ чѣмъ однако не согласенъ Сергій (II, 282), относя автора къ VI в.

мяти на 12 число, память Никиты, вѣроятно отсутствовала въ первоначальномъ текстѣ.

5) Памяти на 18 и 19 числа (Трофима, Савватія, Доримедонта) отсутствуютъ во всѣхъ славянскихъ спискахъ, даже въ Макарьевскомъ, гдѣ на 18 число только прологъ (Симеона и Евменія), а на 19, кромѣ пролога, однѣ русскія статьи. Въ греч. минеяхъ памятей на 18 число нѣтъ, а на 19 онѣ отсутствуютъ въ мин. особ. состава, въ обычной же (Син. 177, л. 112 об.)— въ метафрастовой редакціи (Fabr. IX, 150). Это даетъ право считать памяти на 18 и 19 числа отсутствующими въ первонач. славянской минеѣ.

6) То же надо сказать о памяти на 21 число; кромѣ того ея нѣтъ даже въ обычной греч. минеѣ.

7) Подъ 22 въ серб. и сп. XVI в. (С. и D.) и Макарьевскомъ (л. 714) житіе муч. Фоки (трудъ Астерія, еп. амасійскаго); въ остальныхъ память отсутствуетъ; греч. текстъ, соотв. славянскимъ, редакціи уже метафрастовой (Fabr. IX, 136, Син. 177, л. 141). Независимо отъ необычнаго для типа слав. начальной минеи житія въ редакціи Метафраста, исключить эту память изъ числа принадлежащихъ къ первоначальному составу минеи заставляетъ то, что въ сербскомъ текстѣ мы имѣемъ иной переводъ, нежели въ русскихъ текстахъ, какъ это видно изъ слѣдующаго сопоставленія:

Сербскій.

и нѣ чю҃дно рымскы҆мь влⷭ҇камь моужемь бл҃гочьстивы҆мь, законоположникомь и законоу дроугомь, таковоу имѣти любовь кь оугоднык҃оу хв҃оу, понеже и вь вар҆вары достиже чюдо и вь сидїи и вь бльгари. и єлико иⷯ обоньполь иєвѯїнопонта. вь полыхь жироующе. и на меѡскѥ҃мь ѐзерѣ и на рѣцѣ оанд҆сцѣ. и ѥлико и вь ѻспорѣ живоуще. и҆ форасїи рѣкы и всѝ же сы҆ приносеть дары граⷭ҇рю...

Русскій.

и не толико чюдно, аще мирьскаго владычества мужіе, благочестіа любителе, правды и закона друзи, сице благоговѣньство имуть о угодницѣ христовѣ, егда в' варвары възвѣстися чюдо, и вси свѣрѣпѣйшіи скифе, елици на об онъ полъ пон'тійскаго моря суши пребываютъ, Рожественнаго блата и рѣкы Танаиды жителе, елици морскаа устіа населяютъ, и до Фасида рѣкы, приходя вси

ѥ̆динь оубо цр҃ь. вѣнꙿць сь глави своѥ̏ сьньмь зла҃ и҆ многоразꙿличны̏мь каменинѥмь оукрашень и щить бранꙿны̏ ѿрѣшивь ѐнеть окова́нь всоу҃ златомь многоцѣнно҃ и посла вь дарь м҃нкоу бж҃ию ѡ̆боѥ̇ и силнь и҆ д҃оинь ꙗвись своѥго поспѣшника (л. 47 d—48a).

сіи даропосятъ врътоградарю... единъ бо князь отъонуду и царь и венець отъ главы снемъ, златомъ и цвѣты каменій свѣтящь, и еже на прьсѣхъ оружіе бранное отрѣшивъ, вещи имящее богатьства, жестоко бо и грѫдостию варварское всеоружіе, посла обоя възложеніа ради мученика Богови, и силы и достоиньства освятивъ вины (столб. 1350—1, по изд. Археогр. Ком.—Спб. 1869).

Это помѣщеніе различныхъ переводовъ одного житія заставляетъ предполагать, что сербскій списокъ и русскіе замѣстили бывшую не занятой память независимо одинъ отъ другихъ позднѣе; съ этимъ согласна и редакція житія — метафрастовская.

8) Зачатія Іоанна Предт. (23 числа) нѣтъ только въ сп. сербскомъ: вездѣ помѣщено по два похвальныхъ слова (1-е: Понеже убо преблагый Богъ... 2-е: Любимици, доброгоденъ день, строинъ праздникъ...); память эта древняя, засвидѣтельствована, студійскимъ уставомъ, оригинальнымъ по уставу календаремъ Остромирова ев. (Сергій I, 92), а также служебной минеей 1096 г. Но сомнительно, чтобы эта память имѣла мѣсто въ первоначальной минеѣ: 1) ея нѣтъ ни въ обычной греческой минеѣ (Син. 177), ни въ минеѣ особ. состава (№ 178); 2) по характеру статьи (похвальныя слова) не подходятъ къ общему строю минеи — историческому и мартирологическому; такія статьи являются обычно въ минеѣ позднѣе; 3) оба слова въ В. и Е. помѣщены въ *концѣ* мѣсяца, т. е. внѣ состава минеи (ср. слова въ концѣ супрасльской и успенской миней). Такимъ образомъ, если эти слова и принадлежали минеѣ первоначальной, то все-таки скорѣе всего они находились внѣ чиселъ.

9) 27 и 29 числа отсутствуютъ въ спискахъ славянскихъ, первое вовсе (у Макарія — одни пролога), второе въ спискахъ XV в. и Е.; въ обычной минеѣ подъ 27 числомъ — Каллистратъ (№ 177, л. 174), въ минеѣ особ. сост. — Епихарія (№ 178, л. 114 об.), римская мученица, прославленная только въ X в. (Сергій,

II, 307); подъ 29 ч. — Кирьякъ, житіе котораго приводится по метафрастовой редакціи (Fabr. IX, 69; Син. 177, л. 190 об.).

Затѣмъ возбуждаетъ нѣкоторое подозрѣніе память св. Созонта (7 числа), приводимая по редакціи Метафраста, явленіе единственное во всемъ мѣсяцѣ; не имѣя возможности доказать (въ виду согласія всѣхъ *русскихъ* списковъ и плохого состоянія сербскаго) появленія этой памяти житія позднѣе, приходится признать, что списокъ минеи, служившій оригиналомъ для славянскаго перевода, былъ уже интерполированъ, подвергся вліянію минеи метафрастовской редакціи, стало-быть по редакціи не могъ восходить ранѣе второй половины X в., если только вставка одной статьи можетъ быть сочтена способной измѣнить редакцію всего памятника.

Какъ бы то ни было, всматриваясь въ характеръ той греческой минеи, которая рисуется передъ нами на основаніи славянской, мы ясно видимъ, что она даетъ намъ образчикъ минеи, отличной отъ той, которая такъ быстро опредѣлилась по редакціи реформой Метафраста и его школы; это была, какъ показываютъ статьи ея, минея по составу *болѣе древняя, нежели метафрастовская*[1]): житія этой минеи большею частію служили источниками для Метафраста и его школы; поэтому мы и видимъ рядъ совпаденій нашей минеи съ минеей особаго состава (Син. 178), представляющей, повидимому, только неполный (можетъ быть даже болѣе древній въ общемъ составѣ) экземпляръ минеи, родственной по редакціи съ оригиналомъ нашей.

Если данное возстановленіе славянской минеи вѣрно, то отсюда можно вывести, что переводъ ея съ греческаго былъ сдѣланъ весьма рано, пока еще метафрастовская редакція не поглотила вполнѣ старшія; а это время опредѣляется приблизительно концомъ X до XII в. Какъ разъ на это время падаетъ переводъ

---

1) За сравнительно значительную древность основной части минеи говоритъ также рядъ недостающихъ памятей, преимущественно мартирологическій характеръ наличныхъ памятей (см. выше).

и другихъ мѣсяцевъ минеи — по текстамъ супрасльскому (XI в.) и успенскому (*русскій* текстъ XII в.). Такимъ образомъ сентябрьская минея, хотя въ спискахъ XV—XVI в., является памятникомъ начальной эпохи славянской письменности и подтверждаетъ предположеніе, высказанное въ началѣ замѣтки, о существованіи полнаго круга четьи-минеи на славянскомъ языкѣ въ древній періодъ письменности.

Сообразно съ этимъ выводомъ можно намѣтить, хотя въ общихъ чертахъ, ходъ развитія минеи въ Россіи, по крайней мѣрѣ, до реформы, совершенной Макаріемъ. Повидимому, въ спискахъ до XVI в. (а частью и въ XVI в. въ спискахъ, буквально повторяющихъ старшіе, каковъ сп. *E.*) составъ минеи измѣнился мало со времени появленія ея въ переводѣ; дополненій было не много: подъ 5 ч. внесено второй статьей слово св. Климента Славянскаго (о Захаріи прор.); подъ 23 числомъ явились вновь, а можетъ быть передвинулись изъ конца мѣсяца, два слова на Зачатіе Іоанна Предтечи; подъ 28 прибавлена память Зосимы. Но зато уже по спискамъ XVI в. до макарьевскихъ (C. и D.) мы видимъ, что какъ разъ въ это время минея начинаетъ значительно наполняться новыми статьями и притомъ частью статьями русскими: подъ 8 сент. появляется уже, кромѣ первоевангелія, еще цѣлыхъ 5 словъ въ честь Богородицы (начало этого пополненія замѣтно, впрочемъ, и въ болѣе раннее время, когда, можетъ быть, попало слово Андрея Критскаго), подъ 14 числомъ прибавляется четвертое слово (два, кромѣ историч. повѣсти, можетъ быть, явились въ первоначальномъ составѣ), подъ 20 появляется сперва одна статья (о Михаилѣ Черниговскомъ), а затѣмъ вторая (о Батыѣ) — обѣ русскія; пропущенная память 22 числа (Фоки) заполняется житіемъ, вѣроятно, существовавшимъ отдѣльно; подъ 25 находимъ уже три статьи въ честь Сергія Радонежскаго, кромѣ старой памяти (Евфросиніи); въ 26 числѣ, вмѣсто стараго апокрифа — Хожденія Іоанна Богослова — видимъ три статьи: два похвальныхъ слова и житіе въ редакціи Метафраста. Макарьевская минея окончательно перевела на новый путь

минею-четью, завершивъ ея исторію измѣненіемъ самой идеи сборника, придавъ ей характеръ собранія «всѣхъ чтомыхъ на Руси божественныхъ книгъ».

М. Сперанскій.

Нѣжинъ, 1896.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXIV, № 5.

АВТОГРАФЫ ПУШКИНА,

ПРИНАДЛЕЖАЩІЕ ГРАФУ П. И. КАПНИСТУ.

СООБЩЕНІЕ

академика Л. Н. Майкова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1896.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи наукъ.
Декабрь 1896 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. И. Капнисту.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Второе Отдѣленіе Академіи наукъ, задумавъ приготовить критическое изданіе сочиненій Пушкина, обратилось къ лицамъ, обладающимъ автографами поэта, съ просьбой сообщить ихъ во временное пользованіе Академіи. Однимъ изъ первыхъ откликнулся на этотъ призывъ каммергеръ Высочайшаго двора графъ Петръ Ивановичъ Капнистъ, любезно доставившій принадлежащую ему тетрадь лирическихъ стихотвореній Пушкина, собственноручно имъ переписанныхъ около 1825 года. Предлагаемъ здѣсь описаніе этой тетради въ виду интереса, который она можетъ представить для исторіи перваго изданія лирическихъ стихотвореній Пушкина, вышедшаго, какъ извѣстно, въ Петербургѣ въ 1826 году.

Принадлежащій графу П. И. Капнисту рукописный сборникъ стихотвореній Пушкина составляетъ тетрадь въ 4-ку, безъ переплета, въ 19 листовъ. Бумага тетради англійская рубчатая, съ водянымъ знакомъ *Gilling & C. 1821* и съ водянымъ же клеймомъ этой фабрики. Сперва тетрадь состояла изъ большаго количества листовъ, но нѣкоторые изъ нихъ были вырѣзаны, а остальные сшиты вновь, притомъ не въ надлежащемъ порядкѣ; вслѣдствіе утраты листовъ одно изъ включенныхъ въ тетрадь

стихотвореній оказалось безъ окончанія, а другое — безъ начала. Вся тетрадь писана Пушкинымъ собственноручно.

Сборникъ этотъ составленъ Пушкинымъ, вѣроятно, въ виду предположеннаго имъ изданія своихъ лирическихъ стихотвореній отдѣльною книгой. Изъ писемъ его видно, что о такомъ изданіи онъ сталъ думать еще съ 1820 года, если не раньше, но болѣе усердно занялся его подготовленіемъ только въ 1825 году, когда поручилъ его печатаніе П. А. Плетневу при содѣйствіи Льва С. Пушкина. Согласно съ такою цѣлью въ описываемую тетрадь внесены не всѣ лирическія стихотворенія, написанныя Пушкинымъ до 1825 года, но лишь тѣ изъ нихъ, которыя онъ считалъ достойными печати; притомъ нѣкоторыя піесы не вписаны въ тетрадь цѣликомъ, а лишь указаны своимъ заглавіемъ или первымъ стихомъ: Плетневу и Л. Пушкину предоставлялось извлечь полный текстъ этихъ произведеній изъ тѣхъ альманаховъ и журналовъ, гдѣ они впервые были напечатаны. Кромѣ того, для руководства Плетнева и брата Пушкинъ сдѣлалъ въ разныхъ мѣстахъ тетради свои замѣтки и при большей части піесъ обозначилъ годы ихъ сочиненія. Само собою разумѣется, что составленный въ такомъ видѣ сборникъ стихотвореній не могъ быть ни представленъ на разсмотрѣніе цензуры, ни сданъ въ типографію для набора; но несомнѣнно, на основаніи этого сборника изготовлена была та рукопись, съ которой печаталось изданіе 1826 года. Сія послѣдняя, какъ видно изъ писемъ Пушкина, была переписана его братомъ Львомъ и затѣмъ, прежде сдачи въ печать, подверглась просмотру автора. Впослѣдствіи имѣлъ ее въ рукахъ П. В. Анненковъ, неоднократно ссылающійся на нее въ своемъ изданіи Пушкина, но намъ она остается неизвѣстною; рукописью же, принадлежащею графу П. И. Капнисту, пользовался П. А. Ефремовъ.

Въ нижеслѣдующемъ описаніи все напечатанное, какъ *прямымъ шрифтомъ*, такъ и *курсивомъ безъ скобокъ*, воспроизводитъ написанное въ тетради рукою Пушкина; напечатанное же *курсивомъ въ прямыхъ скобкахъ* составляетъ наши объясненія.

Лл. 1 — 2. Элегія XII (1823)

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты...

[*вся піеса*].

Лл. 2 об.—3 об. 1821. Гробъ юноши (отрывокъ). Помѣстить въ элегіяхъ.

...... Сокрылся онъ...

[*вся піеса*].

Лл. 5—6 об. Подражанія древнимъ. Или какъ хотите.

I. Доридѣ.

Я вѣрю: я любимъ...

[*вся піеса*].

II. Таврида.

Рѣдѣетъ облаковъ и проч. (безъ 3 послѣдн. стих.).

III. Муза.

Въ младенчествѣ моемъ и проч.

IV. Нереида.

Среди зеленыхъ волнъ и проч.

V. Діонея.

Хромидъ въ тебя влюбленъ...

[*вся піеса*].

VI. Дѣва.

Я говорилъ тебѣ...

[*вся піеса*].

VII. Ночь.

Мой голосъ для тебя...

[*вся піеса*].

VIII. Примѣты.

Старайся наблюдать...

[*вся піеса*].

IX. Земля и море (Идиллія Мосха).

Когда по синевѣ и пр.

X. Красавица передъ зеркаломъ.
Взгляни на милую...
[*вся піеса*].

NB. Есть у меня еще какая-то Дорида. См. *Невскій Зритель*. Если достойно тисненія, то отыщите ее.

Л. 6. Сожженное письмо (отрывокъ). Помѣстить въ элегіяхъ.
Прощай, письмо любви!...
[*вся піеса*].

Лл. 6 об.—7. Подражаніе Андрею Шенье (1824). Помѣстить въ элегіяхъ.
Ты вянешь и молчишь...
[*вся піеса*].

Л. 7 об. Подражаніе (1816). Въ элегіи.
Я видѣлъ смерть...
[*стихотвореніе прерывается на стихѣ:*
Ты, утро, вдохновенья часъ,
ибо слѣдующій листъ тетради утраченъ].

Л. 8. Къ К. 1821 [*вмѣсто зачеркнутаго* 1823].
Кто мнѣ пришлетъ...
[*вся піеса*].

Лл. 8 об.—9. Дочери Карагеоргія.
Гроза луны.....
[*вся піеса*].

NB. Эти 2 штуки можно помѣстить и въ Смѣси. Твоя воля.

Л. 9 об. Смѣсь: Пѣвецъ (1816). Баллада (1819). Къ Щербинину (1819). 2) Къ Т..... (1820). 1) Домовому (1818). Торжество Вакха (1818). Прозерпина (1824) (подражаніе). Гробъ Анакреона (1815). Пѣснь объ Олегѣ. Демонъ 1823. Друзьямъ (1822). Подр. Корану. Къ Морю (послѣднее). Черная шаль (1820). Аделѣ (а не: Въ альбомъ малюткѣ).

Лл. 10—11. Начало Деревни (подъ заглавіемъ: Уединеніе,
до стиха:

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ).

Къ Каверину (1817). Въ посл.

Забудь, любезный....

[*вся піеса*].

NB. Въ Пѣс. о вещ. Ол. строфа

Волхвы не боятся и пр.

должна быть вся означена «—». Это отвѣтъ кудесника, а не мои разсужденія.

Телѣгу жизни напечатать ли?

Годы вездѣ назначены, но думаю, что это лишнее. Вообще въ расположеніи піесъ должно наблюдать нѣкоторое разнообразіе. Заглавіе Смѣсь не нужно.

Лл. 11—11 об. Эпиграммы, надписи и пр.

Пріятелямъ.

Враги мои, покамѣсть....

[*вся піеса*].

1) Надпись къ портрету.

Клеветникъ безъ дарованья и проч.

[*обѣ эти строки зачеркнуты карандашемъ*].

2) Другая.

Охотникъ до журнальной драк...

3) Совѣтъ.

У Клариссы....

[*вся піеса*].

4) Добрый человѣкъ.

[*зачеркнуто*].

5) Добрый человѣкъ.

6) Ист. стихотв.

7) Уединеніе.

8) Лилѣ (Лила, Лила!).

9) Роза.

10) Имянины.

11) Надпись къ пор. Ж.

Л. 12. Напрасно лиру бралъ я въ руки
Брядать веселье на пирахъ
И на ослабленныхъ струнахъ
Будилъ умолкнувшіе звуки.

[*Эти четыре стиха зачеркнуты, а затѣмъ, какъ продолженіе ихъ, слѣдуетъ:*]

Богами вамъ еще даны...

[*вся піеса*].

Л. 12—12 об. Элегія III. Морфею.

Морфей, до утра дай отраду....

[*Написана вся піеса, но затѣмъ вся она зачеркнута, а противъ стиховъ сбоку читается:*]

Если оставить, такъ перенести въ мелк. стихотв.

Лл. 12 об.—13. Элегія IV (1818). Мечтателю.

Ты въ страсти горестной...

[*вся піеса*].

Лл. 13 об.—14. Элегія V. Выздоровленіе (1818).

Тебя ль я видѣлъ....

[*вся піеса*].

Лл. 14 об.—15. Элегія VI. Черное море [*зачеркнуто*]. 1820.

Good nigth, my native land!

Byron.

[*обѣ строки этого эпиграфа зачеркнуты*].

Погасло дневное свѣтило...

[*вся піеса*].

Лл. 15 об.—16. Элегія VII (1820).

Увы! зачѣмъ она блистаетъ...

[*вся пеіса*].

Л. 16—16 об. Элегія VIII (1821).

Мой другъ, забыты мной....

[*вся піеса*].

Л. 17—17 об. Элегія IX. Война (1821).
Война!.. Подъяты наконецъ....
[*вся піеса*].

Л. 18. Элегія X (1821) [*послѣдняя цифра исправлена изъ 2*]
Я пережилъ свои желанья...
[*вся піеса*].

Л. 18 об. Элегія XI (1821) [*послѣдняя цифра исправлена изъ 2*].

Л. 19—19 об. 12) Надпись къ портрету (*Пол. Звѣзд.*).
13) Экспромптъ (Что можемъ наскоро).
14) Эпигр. Иной имѣлъ мою Данаю (а не Аглаю) [*вся строка зачеркнута*].
15) Эпиграмма.
2) Эмилій человѣкъ пустой,
1) Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный.
Да [*зачеркнуто*: А] ты чѣмъ полонъ, шутъ нарядный?
А, понимаю: самъ собой?
Ты полонъ глупости большой.
[*послѣдняя строка зачеркнута*].
16) Въ альбомъ иностранкѣ.
На языкѣ, тебѣ невнятномъ, и проч.
17) Эпиграмма.
Какъ брань тебѣ не надоѣла!
[*вся піеса*].
18) Баратынскому [*зачеркнуто*] (изъ Бессарабіи).
19) Пріятелю (Не притворяйся).

Если найдутся и другія, то тисни. Нѣкоторыя изъ вышеозначенныхъ находятся у Бестужева; возьми ихъ отъ него.

Дай всему этому порядокъ, какой хочешь, но разнообразіе!

Всѣ стихотворенія, помѣщенныя въ описанной трагедіи, вошли въ изданіе 1826 года въ той редакціи, въ какой находятся въ этой тетради, за исключеніемъ впрочемъ нѣсколькихъ стиховъ, подвергшихся еще разъ поправкѣ. Мы не сочли нужнымъ указывать эти отличія, такъ какъ всѣ подобные варіанты найдутъ себѣ мѣсто въ примѣчаніяхъ къ академическому изданію сочиненій Пушкина.

Л. Майковъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXIV, № 6.

СКАЗАНІЯ О ВАВИЛОНѢ, СКИНІИ И СВ. ГРАЛѢ.

НѢСКОЛЬКО МАТЕРІАЛОВЪ И ОБОБЩЕНІЙ.

СООБЩЕНІЕ

академика **А. Н. Веселовскаго.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1896.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи наукъ.

Декабрь 1896 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Сказанія о Вавилонѣ, скиніи и св. Гралѣ.

Нѣсколько матеріаловъ и обобщеній.

(Посвящается проф. И. Н. Жданову и Р. Гейнцелю).

Русская былина поетъ объ Иванѣ Грозномъ, что «повынесъ онъ царенье изъ Царяграда,

А царя-то Перфила онъ подъ мечъ склонилъ,
....
Царскую порфилу на себя одѣлъ,
Царскій костыль да себѣ въ руки взялъ».

(Гильф. 104).

Казань замѣнена здѣсь Царьградомъ, Иванъ Грозный сталъ на мѣсто Владимира, порфира обратилась въ царя Перфила, какъ и русская сказка олицетворила скипетръ въ царевнѣ Скипетрѣ. Въ основѣ пѣсеннаго смѣшенія лежитъ древняя контаминація извѣстнаго на Руси сказанія о перенесеніи къ намъ греческихъ царскихъ утварей—съ переводной повѣстью о томъ, какъ царь Левъ добылъ изъ Вавилона такія же драгоцѣнности, т. е. съ повѣстью о Вавилонскомъ царствѣ. Этой повѣсти, въ связи съ сказаніемъ о князяхъ владимирскихъ, посвящена обширная часть въ трудѣ проф. Жданова (Русскій былевой эпосъ, СПБ. 1895), что и дало мнѣ поводъ еще разъ вернуться къ моимъ прежнимъ работамъ по этому вопросу и предложить нѣсколько но-

выхъ точекъ зрѣнія [1]). Дѣло идетъ о соотвѣтствующемъ нашей повѣсти эпизодѣ сѣверной саги о Конрадѣ [2]), составленной въ Норвегіи или Исландіи до XIV-го вѣка по захожимъ источникамъ, во всякомъ случаѣ не переведенной съ готоваго западнаго оригинала.

I.

Содержаніе саги слѣдующее: Конрадъ, сынъ саксонскаго императора Ричарда (Rikarðr), является въ Царьградъ (Miklagarðr) съ своимъ другомъ Робертомъ, который вскорѣ оказывается предателемъ: пользуясь своимъ знаніемъ греческаго языка, котораго Конрадъ не понималъ, онъ выдаетъ самого себя за царевича, друга — за себя, присватывается къ дочери константинопольскаго конунга, Матильдѣ, отъ которой желалъ бы устранить Конрада, но та полюбила юношу и объясняетъ ему, какіе ковы строитъ ему его пріятель. Между тѣмъ Робертъ застращалъ и конунга силой и храбростью Конрада, которую онъ проявляетъ на турнирахъ и въ другихъ подвигахъ; между прочимъ, на полянахъ пейсиновъ (Peisinavellir) онъ убилъ дракона, схватившаго льва, который и становится впослѣдствіи «помощнымъ» герою животнымъ. Наконецъ Матильда убѣдила царевича объявить всенародно, кто онъ; коли конунгъ тому не повѣритъ, — пусть Конрадъ попроситъ отца возложить на него какую угодно задачу, а за исполненіе вознаградитъ тѣмъ, что Конраду всего дороже. Онъ поступаетъ согласно съ наставленіемъ дѣвушки, а конунгъ велитъ ему достать такой же зеленый камень, какой

1) Мои прежнія работы перечислены у проф. Жданова l. c. стр. 22 и примѣч. 3 и 4. См. еще: Потанинъ, Богдо-Гэсэръ и славянская повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ, Этногр. Обозр., XI, стр. 106 слѣд.; его же: Дочь моря въ степномъ эпосѣ, ibid. XII, 38 слѣд., и XXIV, стр. 127 слѣд. (Этимологія въ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ).

2) Fornsögur Suðrlanda, utg. af G. Cederschiöld (1884). Сл. Inledning, стр. CXXXVIII слѣд., текстъ стр. 42 слѣд.; гл. IX—X, предлагаемыя далѣе въ переводѣ, на стр. 68—77.

у него въ перстнѣ. Гдѣ же мнѣ искать его? спрашиваетъ Конрадъ. Подумай о томъ самъ, отвѣчаетъ конунгъ, но выражаетъ свое согласіе, когда тотъ проситъ у него въ награду руку дочери.

Отправившись къ царевнѣ, Конрадъ сообщаетъ ей о порученіи отца. Неладное это дѣло, говоритъ она: изъ тѣхъ, кого посылали за камнемъ, никто не вернулся. Откуда же долженъ ты достать его? Этого Конрадъ не знаетъ, но признаётъ, что зеленый камень, который показываетъ ему Матильда, совершенно тождественъ съ тѣмъ, какой онъ видѣлъ у конунга. Тогда она даетъ ему свой собственный (кто его носитъ, того не укуситъ змѣя) и наставляетъ витязя, какого пути ему держаться и какъ быть.

Гл. IX... «Съ тобой должна быть вся твоя дружина, и ты правь свои пять кораблей на Эѳіопскіе острова (Blálands eya). Звѣрь (= левъ) пусть пойдетъ съ тобою. Оттуда нельзя далѣе итти на судахъ, они довезутъ тебя и твой скарбъ до матерой земли. Далѣе ты отправишься, пока не придешь въ страну, не обитаемую людьми; въ той странѣ ничего нѣтъ, кромѣ дикихъ звѣрей; они не ходятъ вмѣстѣ въ большомъ числѣ, много вдвоемъ, и то рѣдко; ничего не боятся, развѣ крика бѣлаго пѣтуха. Съ тобой должны быть двѣ свиньи, ибо тамъ, гдѣ кончится страна, въ которой водятся дикія звѣри, начинается область, никѣмъ не обитаемая, кромѣ тѣхъ животныхъ, что зовутъ слонами. Это большой звѣрь, опасный для человѣка, и такъ силенъ, что никогда не ходитъ въ большомъ числѣ. а лишь въ одиночку. Онъ великъ, на высокихъ ногахъ; на ногѣ одинъ суставъ, доходящій до пучка волосъ на копытѣ; другой суставъ вверху подъ срединой рта, очень тугой. Звѣрь тотъ ничего не боится кромѣ свиного хрюканья. А на концѣ той земли каменный мостъ лежитъ черезъ рѣку, ограничивающую ту страну. По сю сторону каменнаго моста оставь своего льва и пѣтуха и свиней, ступай прямо черезъ мостъ, и пусть съ тобой ничего не будетъ, кромѣ твоего платья и оружія. Ты увидишь городъ, какъ бу-

дешь на каменномъ мосту, ибо онъ высоко поднятъ. Устрой такъ, чтобы тебѣ пройти по мосту въ городъ въ день Пятидесятницы [1]). Городъ лежитъ недалеко отъ каменнаго моста и представится тебѣ сіяющимъ всевозможными прекрасными цвѣтами; тамъ и городскія врата и двери въ палату. Въ той странѣ никто не живетъ, кромѣ змѣй и жабъ; въ день Пятидесятницы всѣ ядовитыя животныя въ забытьи и безсильны. Великій змѣй лежитъ у конца моста, а передъ городскими вратами ихъ два, и два же передъ дверями палаты; ворота города и двери въ палату отворены. Высмотри дорогу, что ведетъ къ палатѣ, и когда вступишь въ нее, увидишь всякаго рода звѣрей, увидишь змѣя, лежащаго внутри покоя на самомъ заднемъ мѣстѣ скамьи; его хвостъ занимаетъ одну часть палаты, другую голова; онъ будетъ въ вѣнцѣ, а на головѣ шлемъ Эги [2]). Весь покой полонъ страшныхъ змѣй, хотя ни одинъ изъ нихъ на того не похожъ. На полу покоя внизу передъ скамьей будутъ двѣ змѣи, одна зеленаго, другая бѣлаго цвѣта; между ними камень, и онѣ кидаются имъ и перебрасываютъ его тихонько своими мордами; онъ зеленаго цвѣта и очень красивъ; возьми этотъ камень и — будь таковъ! Такъ ты хорошо исполнишь свое порученіе. А ты о томъ помышляй, чтобы тебѣ никакъ не оглядываться назадъ, какіе бы страхи передъ тобой не приключались. Это путешествіе по тебѣ, если только ты не боязливъ. — На это я и попытаюсь, говоритъ онъ.

Гл. X. Послѣ того правитъ онъ путь свой ладно и скоро и держитъ его на пяти корабляхъ съ блестящей дружиной изъ Миклагарда, пока не присталъ къ Эѳіопскимъ островамъ. Тутъ онъ разстался съ своими людьми и велѣлъ доставить себя на матерую землю. Съ нимъ былъ конь и левъ, свиньи и пѣтухъ и все то, что она наказала. Поѣхалъ онъ, пока не прибылъ туда, гдѣ водились львы, и тотчасъ же сталъ искать пути, но не

1) Hvit drottins dagr = англ. Whitsunday, Dominica in Albis; вар. hvitasunndagr.

2) Aegishjálmr — galea terrifica.

находилъ. Страна была прекраснѣйшая, съ большой травой и лѣсиста, съ плодами всякаго рода. Не видѣлъ онъ признака, чтобы въ той странѣ дикихъ звѣрей водилось болѣе, чѣмъ всякихъ другихъ. И когда онъ прибылъ къ предѣламъ той земли, остановился на почлегъ въ нѣкоемъ мѣстѣ. Утромъ, когда онъ одѣлся, услышалъ трескъ въ лѣсу: подаются большія деревья передъ тѣмъ звѣремъ, и отъ движенія деревьевъ и колебанія листьевъ пала на землю роса, и тогда трава начала издавать настоящій ароматъ и снова зацвѣла; дивнымъ показалось это ему. Затѣмъ явился большой, страшный звѣрь, и онъ призналъ, что это левъ. Тотъ ускорилъ свой шагъ, увидѣвъ человѣка. Тогда (Конрадъ) сказалъ своему звѣрю: Ты, левъ, сильнѣйшій изъ всѣхъ звѣрей, пойди, покажи себя новому пришельцу и такъ устройся, когда запоетъ пѣтухъ, какъ тебѣ то покажется удобнѣе. Такъ левъ и сдѣлалъ; когда пришедшій звѣрь увидѣлъ льва, своего соименника, остановился и дался диву, что онъ слѣдуетъ за человѣкомъ. Въ это мгновеніе Конрадъ заставилъ пѣтуха пропѣть. Какъ услышалъ это звѣрь, весь задрожалъ и пустился въ обратный путь. А Конрадъ сѣлъ на своего коня, поскакалъ за звѣремъ, бросилъ въ него большимъ дротикомъ, и онъ проникъ сзади сквозь плечи и вышелъ изъ груди; звѣрь прошелъ недолго, прежде чѣмъ упалъ мертвымъ. А когда звѣрь Конрада услышалъ пѣніе пѣтуха, уткнулъ свою голову промежъ ногъ, а затѣмъ всталъ и встряхнулся. Конрадъ поѣхалъ туда, гдѣ лежалъ звѣрь, котораго онъ убилъ, снялъ съ него шкуру, а потомъ набросилъ на нее вереска и моха и положилъ по близости воднаго стока, что на границѣ той страны и лѣса.

Тогда онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ, пока не прибылъ въ страну слоновъ. Какъ ни прекрасна и плодоносна была та страна, по которой онъ раньше проѣзжалъ (такъ много въ ней было добра и аромата травы и другихъ плодовъ), эта была лучше. Ѣдетъ онъ, пока не увидѣлъ, что лѣсъ порѣдѣлъ, а впереди его течетъ рѣка, какъ поясняла ему королевна Матильда. Когда онъ выѣхалъ на прогалину, что была передъ нимъ, замѣтилъ, что она поросла

очень густо мхомъ. Онъ увидѣлъ тамъ дубы столь громадные, какъ пять взятыхъ вмѣстѣ; они были съ очень густой листвою, а вокругъ нихъ было большое вытоптанное пространство; они такъ далеко ширились во всѣ стороны, что ихъ листья и вѣтви лежали на землѣ, и подъ ними было столько мѣста, что самъ онъ могъ тамъ сидѣть верхомъ, при немъ его левъ и весь его скарбъ; а съ другой стороны тѣ дубы такъ покачнулись, что они едва или и вовсе не могли выпрямиться; ему представилось, что то, вѣроятно, слонъ пріобыкъ прислоняться къ нимъ, почему дубы и нагнулись, и что по той же причинѣ лежали на землѣ ихъ вѣтви и листва. И вотъ Конрадъ изготовился, затѣмъ взялъ своего коня, снялъ всю ношу съ льва и перенесъ подъ покровъ листвы, помѣстилъ тамъ и своего льва и своего коня и всю свою поклажу; взялъ свиней, крѣпко привязалъ ихъ веревкой за шею, а другой конецъ былъ у него; была у него и другая веревка отъ ногъ обѣихъ свиней; онъ помѣстилъ ихъ подъ вѣтвями въ обратномъ направленіи пути, которымъ обыкновенно проходилъ слонъ, и прикрылъ ихъ мхомъ и верескомъ. Когда онъ все устроилъ, какъ хотѣлъ, услышалъ большой трескъ, и тогда ему показалось, что по сосѣдству дрожитъ земля. Затѣмъ онъ увидѣлъ, откуда бѣжалъ звѣрь; былъ онъ не такого роста, какъ другіе, а такъ высокъ, что его голова приходилась не ниже самой верхней вѣтви тѣхъ деревьевъ, а они были весьма высоки. Его ноги были очень длинны, но не такъ толсты, какъ соотвѣтствовало бы ихъ длинѣ; морда очень длинная и наклонная, а внизу у нея клыкъ; онъ былъ твердъ, какъ рогъ, острый спереди; Конраду казалось, что имъ то онъ и истребляетъ звѣрей. Уши у него были большіе, громадная грива и широкая спина; у того звѣря, повидимому, была скорѣе опашь, чѣмъ хвостъ, и посрединѣ той опаши узелъ; думалось Конраду, что имъ онъ въ состояніи нанести увѣчье, коли захочетъ. Глаза у него были широкіе, и былъ онъ очень страшенъ; весь покрытъ шерстью, гдѣ только можно было разглядѣть, кромѣ рыла, оно казалось совсѣмъ гладкимъ; мнилось Кон-

раду, что едва ли желѣзо возметъ его въ иномъ мѣстѣ, чѣмъ здѣсь, по причинѣ густоты и твердости волоса. Копыта у него были большіе. Онъ шелъ, пока не приблизился къ деревьямъ, сталъ ходить вокругъ, прислоняясь къ каждому; тогда вѣтви стали наклоняться и трещать, и Конраду представилось, что звѣрь наклоняетъ дубы ради той ноши (плодовъ), которая на нихъ была. Когда ему показалось, что все готово, какъ онъ того желалъ, онъ крѣпко потянулъ за веревку, что была на ногахъ свиней; тогда онѣ страшно закричали и стали громко хрюкать. Въ это мгновеніе слонъ круто повернулся, выскочилъ изъ своего убѣжища, и Конрадъ увидѣлъ его искаженное выраженіе. Онъ выбѣжалъ изъ подъ покрова листвы, метнулъ копьемъ въ звѣря, и оно угодило въ рыло. Звѣрь страшно заметался и хотѣлъ уйти, сильно разсвирѣпѣвъ; выбѣжалъ и упалъ. Конрадъ сталъ тотчасъ же наносить ему удары, пока слонъ не околѣлъ; затѣмъ онъ рознялъ его, отнялъ у него клыки и всѣ драгоцѣннѣйшія его кости, положилъ его клыки у дубовъ, чтобы они сохли. — Ѣдетъ онъ теперь, пока не прибылъ къ каменному мосту. Тамъ онъ остановился на ночлегъ. То было вечеромъ передъ Пятидесятницей.

Утромъ на зарѣ онъ собрался, велѣлъ своему звѣрю, пусть стережетъ его добро до вечера, а затѣмъ пойдетъ поискать себѣ убѣжища. Левъ былъ недоволенъ, что остался, но повиновался рѣшенію. Конрадъ скоро снарядился и пошелъ, пока не достигъ каменнаго моста. Тутъ онъ усмотрѣлъ страну по ту сторону рѣки; она была ровна, такъ что нигдѣ онъ не видѣлъ ни холмовъ, ни лѣса; и все тамъ, что ему представлялось камнями, горѣло, казалось, золотомъ; всюду въ той странѣ виденъ былъ высокій верескъ и много овраговъ и ямъ. Увидѣлъ онъ змѣя удивительной величины, лежавшаго у конца моста; увидѣлъ городъ недалеко отъ каменнаго моста; онъ былъ великъ, его башни точно золотого цвѣта, стѣны разноцвѣтныя; въ иныхъ мѣстахъ, казалось, онъ свѣтится точно золото либо ледъ или стекло, въ иныхъ онъ былъ словно серебро или блестящая жесть;

были въ немъ цвѣта всѣхъ красивѣйшихъ камней. Его башни высоки и прекрасны; отъ каменнаго моста до города шла широкая дорога; отъ змѣиной чешуи она показалась Конраду блестящей, какъ серебро. И мнилось ему, что всѣ ямы полны змѣй и что всѣ они покоятся сномъ. Казалось, что страна эта издаетъ солнечный блескъ, точно она лежитъ на краю свѣта. Идетъ онъ къ концу каменнаго моста и скачетъ при помощи своего копьища черезъ змѣя. Прошелъ онъ, пока не прибылъ къ городскимъ вратамъ, тамъ лежали двѣ змѣи, и черезъ нихъ онъ перескочилъ такимъ же образомъ, какъ и прежде. Когда же онъ вступилъ въ городъ, тамъ было въ разныхъ мѣстахъ много прекраснаго, на что посмотрѣть. Отъ городскихъ воротъ ко дворцу лежала широкая каменная улица. Она была ровна и прекрасна, и по обѣимъ сторонамъ пути хвостъ змѣи касался (змѣинаго) хвоста, но, казалось, все было спокойно. Много было въ городѣ высокихъ башенъ, и мнилось Конраду, что и въ самыхъ высокихъ башняхъ не менѣе змѣй, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ той страны, потому что всюду онъ видѣлъ, какъ изъ башенъ сыпятся слитки золота, видѣлъ далѣе и змѣй, свѣсившихся сверху изъ оконъ. Ему представилось, что въ началѣ тамъ жили мощные люди. Пришелъ онъ къ дверямъ покоя, тамъ было все роскошно устроено: большіе мечи находились передъ покоемъ, такъ что они выступали за крышу, рукоятки древнихъ мечей были позолочены, и на все кругомъ пріятно было посмотрѣть. Двѣ змѣи лежали у дверей покоя по сторонамъ, онѣ были большія, но спокойны. Онъ вступилъ въ палату, ибо она была открыта. Какъ ни представлялось ему замѣчательнымъ все, что было внѣ ея, или въ другомъ мѣстѣ города, ему казалось, что все это одна лишь тѣнь въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ покоѣ. Весь онъ былъ внутри оштукатуренъ и выкрашенъ такъ красиво, что ничего нельзя было бы и прибавить, весь обтянутъ бархатомъ и дорогими тканями и убранъ внутри всякими драгоцѣнностями. Окна были большія, прекрасныя. Онъ пошелъ по покою: по обѣ стороны были широкія сидѣнья, и тамъ лежали змѣи такъ густо, что одна

другой касались мордами. Золото было наворошено среди нихъ; оно потекло далеко за сидѣнье и тамъ застыло. Змѣи были всякаго цвѣта: однѣ зеленыя, другія бѣлыя, третьи въ красныхъ пятнахъ, либо черныя или бурыя. Такъ онѣ лежали, и онъ не видѣлъ ни одной, которая бы двинулась на него. Среди покоя, на полу, стоялъ большой сосудъ, надъ нимъ устроенъ прекрасный пологъ, а надъ нимъ большая золотая хартія, превосходно исполненная. Передъ сосудомъ съ одной стороны трапеза [1]), очень красивая и большая, выкрашенная и отлично отдѣланная. Другая трапеза была передъ нимъ съ другой стороны, также устроенная, большая и красивая. На ней стояло очень много сосудовъ и всякаго рода кубковъ для питья. И были три драгоцѣнности, которыя, казалось ему, превышали своею художественностью всѣ остальныя, какія онъ тамъ видѣлъ: то были два рога, прекрасно сдѣланные, какъ только можно себѣ представить, всюду украшенные драгоцѣнными камнями и устроенные съ большимъ великолѣпіемъ; они были велики. Третьей драгоцѣнностью былъ кубокъ; то была прекрасная чаша. Отойдя отъ нихъ, онъ пошелъ внутрь по покою, пока не добрался до высокой скамьи, что находилась внутри покоя; она была широка и роскошно устроена. На скамьѣ лежалъ змѣй, онъ былъ такъ великъ, что его хвостъ занималъ одну сторону покоя, а голова другую. На головѣ у него былъ вѣнецъ и вмѣстѣ съ нимъ шлемъ Эги. Конраду показалось, что онъ спитъ, и былъ онъ очень страшенъ. Онъ занималъ всю ширину скамьи, и не было подъ нимъ недостатка въ золотѣ. Увидѣлъ тамъ Конрадъ небольшой столикъ и, казалось ему, онъ виситъ въ воздухѣ надъ скамьею, ибо онъ не могъ разглядѣть, что̀ его поддерживаетъ, но такъ какъ онъ былъ мужъ мудрый, то, казалось, уразумѣлъ, что въ стѣнахъ, на полу и въ потолкѣ покоя были такіе камни, что столъ могъ ими держаться и что все это могло быть устроено великимъ кузнецкимъ художествомъ. Столъ былъ весь выложенъ

1) Stóll, вар. trapizuna.

драгоцѣнными камнями и скованъ изъ чистаго золота. Передъ скамьей поперекъ покоя завѣса изъ красивѣйшей ткани; двѣ маленькихъ змѣйки были на полу покоя, одна изъ нихъ бѣлая, какъ снѣгъ, другая красная, какъ кровь. Онѣ ловятъ зеленый камень, что между ними, кидаются имъ постоянно, перебрасывая его тихонько своими мордами. Камень тотъ былъ всѣми статьями такой, какъ говорила ему королевна Матильда; и онъ понялъ, что за нимъ то онъ сюда и посланъ. Змѣи не допускали того камня до земли, а ловили его своими мордами осторожно. Не видѣлъ онъ, кромѣ этихъ, другихъ змѣй, которыхъ бы устрашился; и показалось ему, что эти змѣи поставлены здѣсь, чтобы забавлять того, что былъ на скамьѣ, и мнилось, что онъ могъ быть конунгомъ другихъ змѣй. Въ покоѣ было свѣтло и видно все, что тамъ происходило. Время было о завтракѣ (um dagmáls: 9 часовъ по полуночи), когда Конрадъ вступилъ въ покой. Онъ вынулъ мечъ и словилъ на лету камень у бѣлой змѣи, а затѣмъ спряталъ его въ поясѣ (ipus sin). Когда бѣлая змѣя не хватилась камня, сердито поглядѣла на Конрада, затѣмъ повернулась на хвостѣ, свилась и уползла въ землю. Когда она исчезла, онъ вырубилъ другой камень изъ столика и спряталъ его. Въ это мгновеніе вышла бѣлая змѣя съ бѣлымъ камнемъ во рту; онъ былъ бѣлъ, какъ змѣя; и онѣ нѣкоторое время перебрасывались камнемъ. И такъ быстро онѣ бросались, что Конрадъ никакъ не могъ словить камня; случилось однако, что онъ словилъ его, и не хватилась его игравшая змѣя. Она очень сердито поглядѣла на Конрада, свилась и уползла подъ полъ. Тогда Конрадъ выкололъ другой камень изъ столика и спряталъ. Затѣмъ явилась змѣя, у ней во рту камень красный, какъ кровь, замѣчательно красивый; онѣ снова стали играть имъ, но случилось, наконецъ, что онъ схватилъ и его. Когда онъ похитилъ эти камни, онѣ (змѣи) посмотрѣли на него гнѣвно, сильно измѣнили свой видъ (hleyptu miok ham sinum), проявили страшное ожесточеніе, свернулись кольцомъ и уползли въ землю. Тутъ земля задрожала, пошла ходить ходуномъ, такъ что казалось, будто волны поднимаются изъ-подъ пола

покоя. Тогда послышался большой грохотъ и страшный трескъ; Конраду почудилось, что распространился смрадъ и великое смятеніе, но онъ не различалъ точно, что это такое: отъ колебанія ли земли стали безпокойны змѣи, или онѣ отъ него проснулись и задвигались. Онъ сорвалъ сверху завѣсу, взялъ большой кусокъ дорогой ткани и сунулъ себѣ подъ мышку. Быстро вышелъ онъ изъ покоя, опираясь на свое копьище, потому что шатался между разными дверями, и ему казалось, вотъ-вотъ онъ упадетъ. Онъ захватилъ оба рога и кубокъ и взялъ съ собой; взялъ и много золота, хотя неизвѣстно, для чего. Все, мнилось ему, колебалось такъ же, какъ и прежде, и казалось, что оставаться тамъ было-бы непріятно. Сказывалъ онъ послѣ, что онъ убоялся тамъ и змѣинаго яда и всего другого, что приключилось. Грохотъ поднялся тамъ страшный; направился Конрадъ къ дверямъ покоя и вспомнилъ о томъ, что говорила ему королевна Матильда, что ему совсѣмъ не слѣдуетъ оглядываться, какіе бы страхи ни приключились. Казалось ему, что земля дрожитъ и всѣ стѣны города трясутся; слышалъ онъ позади себя вѣтеръ и страшный трескъ, вмѣстѣ съ тѣмъ великій свистъ и грохотъ и всевозможныя страсти. Говорятъ, ему казалось, что поднимаются волны, какъ когда кто находится въ морѣ и встаетъ буря. Онъ перескочилъ черезъ змѣй, что лежали передъ городскими воротами; направился къ тѣмъ самымъ воротамъ, которыми вошелъ сюда, и казалось ему, что вотъ-вотъ ворота на него обрушатся. И онъ увидѣлъ въ каждой ямѣ одну морду возлѣ другой и хвостъ къ хвосту; казалось ему, что змѣи почернѣли. Назадъ онъ вовсе не смотрѣлъ. Такимъ же образомъ перескочилъ онъ черезъ змѣя, что лежалъ у конца каменнаго моста. Когда онъ дошелъ до середины каменнаго моста, онъ оглянулся; казалось ему, когда онъ посмотрѣвъ въ ту сторону, будто одно облако пыли стало противъ другого. Вездѣ, гдѣ ему видѣлся цвѣтъ золота, на городскихъ ли стѣнахъ или въ воротахъ, — все представлялось чернымъ; одинъ дымъ поднимался кверху, такъ что его видно было въ небѣ, другой спускался внизъ.

Всякаго рода страшные звуки слышалъ онъ оттуда и видѣлъ много дивнаго.

Пошелъ онъ теперь, пока не прибылъ къ своей поклажѣ. Тутъ онъ возблагодарилъ Всемогущаго Бога, что Онъ избавилъ его отъ столь великихъ страховъ. Его левъ былъ ему радъ, и онъ положилъ на него весь свой скарбъ, какой не былъ на конѣ. Сѣлъ онъ на коня и поѣхалъ, пока не прибылъ въ страну слоновъ. Когда явился туда, убилъ свиней и далъ своему звѣрю. Взялъ клыки слона и другія его кости. И когда онъ прибылъ въ область дикихъ звѣрей и нашелъ, что шкура дикаго звѣря высохла, онъ понесъ ее съ своей поклажей. Не видѣлъ онъ теперь никакихъ страховъ и ѣхалъ, пока не достигъ Эѳіопскихъ островов. Его дружина обрадовалась ему, и казалось ей, что онъ вернулся чуть не изъ ада; затѣмъ они направили свой корабль къ Миклагарду».

Таковъ эпизодъ саги, отвѣчающій въ сказаніи о Вавилонскомъ царствѣ посланію Льва, царя Греческаго, въ Вавилонъ градъ за знаменіемъ.

Остальное содержаніе саги можно разсказать въ нѣсколькихъ словахъ. Вернувшись въ Миклагардъ, Конрадъ показываетъ Матильдѣ привезенныя имъ диковинки, значеніе которыхъ толкуется съ точки зрѣнія лапидарія и средневѣковыхъ повѣрій. Императоръ удовлетворенъ (зеленый камень оказался смарагдомъ), но прежде, чѣмъ сыграть свадьбу, онъ хочетъ помѣряться съ Конрадомъ на поединкѣ — и побѣжденъ; по желанію царя Конрадъ бьется и съ Робертомъ, надъ которымъ глумится: поднялъ его изъ сѣдла и бросилъ въ болото по поясъ, но щадитъ его жизнь. Между тѣмъ до отца Конрада дошелъ слухъ, что его сынъ погибъ въ Константинополѣ, и онъ сбирается туда походомъ; Конрадъ предупреждаетъ его, ѣдетъ самъ въ Саксонію и возвращается оттуда съ отцомъ и блестящей свитой. Бракъ отпразднованъ торжественно, и совершается раздача драгоцѣнностей, привезенныхъ Конрадомъ. А царь Миклагарда велѣлъ написать эту повѣсть въ трехъ книгахъ: одну послалъ императору

Ричарду въ Саксонію, другую датскому конунгу, третью оставилъ себѣ, дабы память славныхъ подвиговъ не погибла.

Конрадъ наслѣдовалъ своему тестю въ Миклагардѣ, за нимъ правилъ его сынъ отъ Матильды, Генрихъ, у него сынъ Kirialax; онъ былъ мудръ и любимъ и красивъ собою. Сказывали люди, что тотъ городъ, куда Конрадъ ѣздилъ за камнемъ, былъ въ началѣ обитаемъ людьми, но что змѣи и ядовитыя животныя ихъ истребили. — А тотъ царь (Kirialax) долго правилъ своимъ царствомъ, и ходятъ о немъ разныя достопримѣчательныя саги, хотя мы и не говоримъ о нихъ въ этомъ краткомъ разсказѣ.

Нѣкій клерикъ нашелъ эту сагу на пути, писанную совсѣмъ такъ, какъ пріобыкли разсказывать ее теперь мудрые люди.

II.

Составъ саги разнообразный, и Cederschiöld указалъ на параллели къ отдѣльнымъ ея частямъ и мотивамъ. Основная канва, исторія Конрада и Роберта, напоминаетъ нѣмецкій рыцарскій романъ о Loher und Maller; Loher — Конрадъ, Maller — Робертъ; то же предательство и сцена дѣйствія въ Константинополѣ. Болѣе отдаленное сходство мотивовъ представляетъ сага о Göngu-Hrôlf'ѣ. — Другія черты отзываются сказочною схемой или общими мѣстами средневѣковаго эпоса: помощные звѣри, трудныя задачи; страхъ слона передъ хрюканьемъ свиньи извѣстенъ изъ посланія Аристотеля къ Александру и т. д. На отношенія переведеннаго нами эпизода къ сказанію о Вавилонскомъ царствѣ указалъ и Cederchiöld на основаніи нашей статьи въ архивѣ Ягича (II, 1877 г.). Къ этому вопросу я обращусь далѣе, а пока поставлю вопросъ хронологическій: явившись въ Константинополь, Конрадъ совершаетъ разные бранные по-

двиги, между прочимъ, поражаетъ дракона въ долинѣ Пейсиновъ, Peizinavellir; *Peizinavellir* извѣстны и въ другихъ сѣверныхъ памятникахъ (Heimskringla 776, Geisli 52). Разумѣются, несомнѣнно, *печенѣжскія* долины, степи; въ половинѣ XI вѣка печенѣги перешли за Дунай, имъ отведены были земли въ придунайской Болгаріи, они дѣлаютъ набѣги на Ѳракію и Македонію до окрестностей Константинополя. Борьба съ ними заняла всѣ силы византійцевъ. Нашимъ печенѣгамъ отвѣчаютъ греч. Πατζινάκοι, лат. Pincinnati, Pincernati, Pincenates; Pescenaere поэмы о Нибелунгахъ; въ Chanson de Roland—Pinceneis; названіе страны во французскомъ эпосѣ: Pinçernie, Pinçonie.—Peizinir, Pezinir сѣверныхъ сагъ всего ближе къ франц. Pi(n)ceneis; указываетъ ли это на французскій источникъ? Какъ бы то ни было, самое упоминаніе Печенѣговъ является относительнымъ свидѣтельствомъ древности, потому что съ прекращеніемъ исторической роли этой народности исчезло изъ оборота поэтическаго преданія и ея когда то страшное имя.

Седерщёльдъ собралъ нѣсколько сѣверныхъ параллелей къ «вавилонскому» эпизоду саги; всѣ они относятся къ памятникамъ болѣе позднимъ, но едва ли стоятъ въ связи съ сагой, какъ полагаетъ издатель (Inl. CLI). Въ Ingvars saga Vidförla разсказывается, что Вальдимаръ, стоявшій ночью стражемъ на кораблѣ, увидѣлъ на берегу какое то сіяніе; переѣхавъ на берегъ, онъ идетъ по направленію къ нему, видитъ холмъ, освѣщенный золотымъ свѣтомъ; тамъ все полно змѣй; онѣ спятъ. Вальдимаръ пользуется этимъ, чтобы достать древкомъ копья золотое кольцо, но тутъ проснулся одинъ змѣенышъ, разбудилъ другихъ, проснулся и царь змѣй, громадный Jaculus, и погнался за Вальдимаромъ, который спасается на судно; Jaculus взвился надъ нимъ, изрыгаетъ на него ядъ.—Ингваръ также находитъ у истока рѣки громаднаго дракона, лежавшаго на золотѣ; пока онъ идетъ на водопой, Ингваръ съ товарищами похищаетъ часть золота, велитъ своимъ людямъ не смотрѣть на дракона, коли онъ явится, но тѣхъ одолѣло любопытство, и они

падаютъ мертвые. Позже является въ то же змѣиное царство Sveinn, сынъ Ингвара: змѣи спали, Jaculus лежалъ вокругъ ихъ кольцомъ; Свейну удается убить его. — Въ Þáttr Þorsteins forvitna Гаральдъ Гардрадъ посылаетъ Торстейна достать рукоять изъ золотого дерева, похожую на двѣ рукояти къ кинжаламъ, которыя у него были. Гдѣ мнѣ искать ее? спрашиваетъ Торстейнъ? Ищи самъ, отвѣчаетъ король, какъ въ сагѣ о Конрадѣ. Съ помощью св. Олафа Торстейнъ находитъ пустынника, который и указываетъ ему путь къ жилищу змѣя, гдѣ все отливаетъ золотомъ и находится та вѣтка, изъ которой Торстейнъ и вырѣзалъ рукоять, пока змѣй ходилъ на водопой; почуявъ человѣка, змѣй погнался за нимъ, но Торстейну удается спастись молитвами св. Олафа. — Изъ Sturlaugs saga Starfsama Седершёльдъ отмѣчаетъ лишь одинъ мотивъ: Гаральдъ посылаетъ Стурлауга принести ему рогъ зубра; Гдѣ его искать? — Самъ о томъ подумай! Стурлауга наставляетъ воспитательница его жены.

Обратимся къ эпизоду «хожденія» въ нашей сагѣ. Его сходство съ повѣстью о Вавилонѣ несомнѣнно; хотя имени Вавилона нѣтъ, но обстановка змѣинаго царства та же; и тамъ и здѣсь герой проникаетъ туда въ урочное время: въ повѣсти въ воскресный день, когда змѣи лежатъ, какъ мертвые, отъ восхода до захода солнца (въ русской сказкѣ — между обѣдней и заутреней въ Свѣтло Христово воскресеніе), въ сагѣ — въ Пятидесятницу. Если въ сагѣ мотивъ хожденія иной, то это объясняется всей ея схемой: вѣдь Конрадъ долженъ исполнить «трудную задачу», чтобы достать себѣ невѣсту. Въ соотвѣтствующей части «Аполлонія» Генриха Нейштадскаго Лоній обязанъ принести изъ пустыннаго Вавилона «знаменіе», но цѣль посылки не объяснена; вставка въ отреченномъ житіи свв. Кирика и Улиты (по тексту Сырку) о знаменіяхъ ничего не знаетъ, да вставка и не могла имѣть ихъ въ виду. Лишь въ «повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ» добываніе знаменія сводится къ вопросу о перенесеніи регалій.

Посмотримъ, что́ видятъ въ Вавилонѣ и что́ оттуда приносятъ послы царя Льва: царь велитъ имъ достать «глаголъ — знаменіе у святыхъ трехъ отроковъ»; на ихъ гробѣ они видятъ чудесный *кубокъ*, который не трогаютъ; далѣе па одрѣ царскомъ два вѣнца и *грамоту* и *«царскія завѣсы»* (разсыпающіяся въ прахъ); крабицу сердоликовую съ багряницей, два ларца съ драгоцѣнными камнями, *златой кубокъ*, похожій на тотъ, что стоялъ на гробѣ святыхъ отроковъ; послы захватили съ собой и 25 (24) драгоцѣнныхъ камней.

Сага говоритъ о шести *камняхъ, завѣсѣ и кубкѣ;* говорится еще объ одномъ сосудѣ, съ пологомъ надъ нимъ и висящей сверху *золотой хартіей*. Что означаетъ эта хартія, мы такъ и не узнаёмъ; это, несомнѣнно, грамота нашего сказанія, о которой упоминаетъ и путешествіе нашего архіепископа Антонія: будто царь Левъ (Корлей) взялъ *грамоту въ Вавилонѣ* въ гробѣ у пророка Даніила, *кому быть царемъ въ Царьградѣ*, куда она и была принесена. Умолчаніе саги о значеніи хартіи я склоненъ истолковать такъ, что въ какомъ-нибудь ея источникѣ (не непосредственномъ) хартія имѣла дѣйствительно смыслъ «грамоты», въ соотвѣтствіи съ нашей повѣстью, и что лишь въ позднѣйшей переработкѣ (саги или ея непосредственнаго источника?) этотъ смыслъ былъ непонятъ или затушеванъ.

Нѣсколько сопоставленій между сагой, «сказаніемъ» и эпизодомъ житія Кирика и Улиты небезынтересны въ цѣляхъ возстановленія обоюднаго преданія.

Конрадъ прибылъ въ страну львовъ, *не находитъ пути* въ странѣ, покрытой роскошною *травою*; затѣмъ является *левъ*, котораго Конрадъ и *убиваетъ*. Въ сказаніи о Вавилонскомъ царствѣ говорится о томъ, что кругомъ города надалеко все поросло великимъ *быліемъ*; посланцы видятъ *ступню малую, единаго звѣря хожденье*; «и найдоша на пути тецемаго звѣря *зайца*, и поставиша кони свои, и *убили того звѣря*, а сами пойдоша заячьимъ *слѣдомъ* и дошли ко граду Вавилону»; въ варьянтѣ сказано только, что они «обрѣтоша малаго *звѣря*». Трудно

представить себѣ, почему послы «поставили» своихъ коней, чтобы убить зайца; въ сагѣ говорится о львѣ, что понятно. Въ подлинникѣ (предполагаемомъ) сказанія могли прочесть λαγών вм. λέων.

Въ сагѣ громадный змѣй лежитъ на мосту, два змѣя передъ городскими вратами, два передъ палатой. Въ сказаніи гигантскій змѣй облегъ весь городъ, послы переходятъ черезъ него по лѣстницѣ къ церкви трехъ св. отроковъ; далѣе путь къ царскимъ палатамъ; одинъ варіантъ повторяетъ здѣсь эпизодъ о переходѣ по лѣстницѣ: «лѣствица черезъ зміевъ хвостъ лежитъ къ палатамъ царевымъ» (вар. с.). Ошибка ли это писца или слѣдъ древняго текста, гдѣ, какъ въ сагѣ, змѣи лежатъ и у входа въ палату?

Въ повѣсти о Вавилонѣ послы добираются до города среди змѣй — молитвами св. отроковъ, у Лонія съ собой предохранительное волшебное зелье и перстень; я сравнилъ эту подробность съ одной чертой нашей повѣсти: «бысть же по тому былію двѣ травы, а противъ тѣхъ травъ гадовъ всякихъ, зміи и жабы великія»; когда послы возвращались, они снова «обрѣтоша быліе». Въ сагѣ роль охраны принадлежитъ зеленому камню. Этотъ камень былъ извѣстенъ и славянскому сказанію о Вавилонѣ; сага можетъ въ данномъ случаѣ исправить чтеніе житія Кирика и Улиты: говорится о рѣкѣ, черезъ которую, безъ Божія соизволенія, никто не переходитъ; «и тогда придуть въси звѣри, тамъ же *камень зелель;* а мы прѣидохомь въ день четвертокъ повелѣніемъ Божіимъ». Контекстъ житія не внятенъ, но я не сомнѣваюсь, что, согласно съ сагой, слѣдуетъ читать: *камень зеленъ.*

Я предположилъ выше, что въ основѣ «вавилонскаго эпизода» саги было сказаніе, гдѣ основнымъ мотивомъ могло быть добываніе «царскихъ регалій», либо грамоты, «кому быть царемъ въ Царьградѣ». Можетъ быть, въ этомъ сказаніи уже являлись и помощные звѣри, или звѣрь, отвѣчающій льву Конрада. Русскія сказки, приведенныя мною и, въ большемъ оби-

ліи, проф. Ждановымъ, подтверждаютъ это предположеніе; разница та, что помощный звѣрь = левъ (медвѣдь) является не на пути въ Вавилонъ (или мѣсто безъ имени), а на обратномъ [1]). Задача царя въ сказкахъ такая: достать Вавилонскаго царства корону, скипетръ, рукъ державу и книжку при нихъ; либо царевну Скипетру. Вездѣ дѣло идетъ о змѣиномъ царствѣ; уже на обратномъ пути разсказанъ эпизодъ о борьбѣ змѣя со львомъ, котораго герой освобождаетъ; онъ и становится его помощникомъ; въ той же, нѣсколько затушеванной, роли является въ вологодскомъ пересказѣ медвѣдь.

Интереснѣе слѣдующія подробности, совпадающія съ сѣверными параллелями, которыя Седершёльдъ привелъ въ связь съ сагой о Конрадѣ: за уходящимъ героемъ гонятся змѣи, обцѣпили корабль, всѣ мосты облѣпили, либо Василиска Дьябольска (= василискъ), царица змѣинаго царства, сама налетаетъ на корабль. — Всего этого нѣтъ въ сказаніи о Конрадѣ, но нашлось въ приведенныхъ выше выдержкахъ изъ другихъ сагъ. Наоборотъ, сага о Конрадѣ представляетъ любопытное совпаденіе съ одной русской сказкой изъ могилевской губерніи: его герой подвергается у царя экзамену «изъ разныхъ языковъ: «енъ ему отдавъ акзаменты на дванадцати языкахъ дбразу». Въ сагѣ о Конрадѣ на этомъ построена вся завязка дѣйствія, съ тою разницею, что герой, Конрадъ, учится рыцарскимъ доблестямъ, не обращая вниманія на языки, какъ то совѣтуетъ его отецъ; учится имъ и владѣетъ ими другъ-предатель, Робертъ.

Остановимся еще на одной параллели, указанной Седершёльдомъ, между нашей сагою и сагами о Торстейнѣ и Стурлаугѣ: когда витязь, на котораго возложено опасное порученіе, спрашиваетъ посылающаго: гдѣ ему достать то или другое? ему от-

1) Садовниковъ, Сказки и преданія Самарскаго края, стр. 22—27 и вар.; Иваницкій, Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи, стр. 165—6 (Изв. Моск. Общ. Любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, т. LXIX); Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ III, № 28 и 30; пересказъ Барсова у Жданова на стр. 10 слѣд.

вѣчаютъ: Гдѣ самъ знаешь. Сличите сказку у Аѳанасьева № 122: разсказъ идетъ о королѣ, который, желая овладѣть женою стрѣльца, даетъ ему трудныя задачи; послѣдняя такая: Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю, что; задачи исполняются при помощи вѣщей жены и ея матери.—Какъ видно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ отдѣльной чертой, можетъ быть, общимъ мѣстомъ сказочнаго стиля, не бросающимъ свѣта на генеалогическія отношенія варьянтовъ занимающаго насъ сказанія.

Предложенный нами разборъ соотвѣтствующаго эпизода саги даетъ поводъ къ нѣсколькимъ предположительнымъ выводамъ.

1. Путешествіе архіепископа Антонія, съ указаніемъ на грамоту, взятую императоромъ Львомъ въ Вавилонѣ, позволило заключить, что уже въ XII вѣкѣ существовало въ Византіи сказаніе, сходное по типу и по имени императора (Кор-Лей у Антонія) съ посланіемъ русской повѣсти (гдѣ имя императора Левъ, Левуй и т. п.). Если моя догадка о Peizinir = Печенѣгахъ подъ Константинополемъ вѣрна, то упоминаніе ихъ имени подтверждаетъ эту гипотезу. Взаимныя отношенія дѣйствующихъ лицъ, сѣверный витязь, воцаряющійся на мѣсто византійскаго императора — все это напоминаетъ эпоху Комненовъ и норманновъ и боевое самосознаніе варяжскихъ дружинниковъ и авантюристовъ, выразившееся въ Voyage de Charlemagne à Jerusalem, въ легендахъ о Робертѣ Нормандскомъ и королѣ Сигурдѣ [1]). Если Конрадъ бьется съ змѣемъ въ печенѣжскихъ степяхъ, то на него, быть можетъ, типически перенесены отношенія, отвѣчавшія дѣйствительному положенію дѣла при его внукѣ Kirialax'ѣ. Kirialax — это киръ Алексѣй Комненъ [2]), извѣстный своею борьбой съ печенѣгами въ 1085—91 годахъ; въ Heimskringla'ѣ, а именно въ помѣщенной въ ней сагѣ Hakons Herðibreiðs гл. 21, разсказывается о походѣ греческаго конунга (Grikkjakonungr) Kirialax'a = кира Алексѣя въ землѣ Блёкуманновъ

1) Сл. мои Южнорусскія былины II, стр. 231 слѣд.

2) Сл. Кир-алк-си, Киръ Алекси (Алексѣй III) въ Сельджукъ-Намэ. Сл. П. Меліоранскій, Сельджукъ-Намэ, Византійскій временникъ I, вып. 3—4, стр. 632—3.

(Blökumannaland) и его боѣ съ язычниками à Pezinavöllu, при чемъ на сторонѣ грековъ сражаются варяги, франки и флеминги. Издатель Геймскринглы, Унгеръ, толкуетъ Blökumannaland — землей влаховъ, Валахіей, Pezinavöllr = долина рѣки Betzina. И здѣсь, несомнѣнно, разумѣются печенѣги; можетъ быть, и имя Конрада, отброшенное за поколѣніе назадъ, слѣдуетъ искать въ окруженіи Алексѣя Комнена: въ 1102 году въ Никомидіи къ ломбардскимъ крестоносцамъ присталъ съ двумя тысячами *Нѣмцевъ* коннетабль *Конрадъ*, котораго императоръ Алексѣй освобождаетъ впослѣдствіи изъ плѣна у сарацинъ; въ 1071 году византійскіе норманы вызывали къ себѣ извѣстнаго Роберта Фриза (+ 1093), заманивая его, между прочимъ, и императорскимъ вѣнцомъ; сага досказала это, увѣнчавъ своего Конрада.

Kiralex является еще разъ въ седьмой изъ повѣстей, вставленныхъ въ романтическую Magussaga'у (по изданію Тордарсона), въ положеніи, напоминающемъ отношенія Конрада къ безыменному императору; и здѣсь пріѣзжій витязь воцаряется на мѣсто византійскаго конунга. Ежегодно въ праздникъ Пятидесятницы конунгъ давалъ пиръ, во время котораго положены были три запрета: если первое блюдо—лосось, его не переворачивать; не бросать ножа на столѣ такъ, чтобъ онъ зазвенѣлъ; не говорить такъ громко, чтобы слышно было въ другомъ концѣ покоя. Кто проступится противъ всего этого, того черезъ недѣлю казнятъ, но ему дается право заявить три желанія, которыя и будутъ исполнены. Вильгьяльмъ Гейрардсонъ, явившійся ко двору, кичливо нарушаетъ всѣ запреты и выражаетъ три желанія: чтобы въ теченіе недѣли ему предоставили царское достоинство, чтобы за него выдали царевну и въ его рукахъ находилась верховная судейская власть. Это и было исполнено. Въ послѣдній день онъ зоветъ всѣхъ на пиръ и тогда ставитъ вопросъ: видалъ ли кто изъ присутствующихъ, что онъ переворотилъ рыбу? Всѣ отнѣкиваются. Въ такомъ случаѣ я не заслужилъ смерти, говоритъ онъ и, въ качествѣ верховнаго судьи, рѣшаетъ, что царемъ будетъ онъ, а стараго

императора станетъ держать въ чести. Тотъ согласенъ, и Вильгьяльма вѣнчаютъ на царство.

Р. Кёлеръ собралъ нѣсколько варьянтовъ этого сюжета [1]); санъ-галленскій монахъ разсказываетъ его съ нѣкоторыми отличіями о константинопольскомъ императорѣ и посланникѣ Карла Великаго; я привлекъ къ сравненію и русскую повѣсть о Басаргѣ [2]).

Къ повѣсти о вавилонскихъ знаменіяхъ, въ которой дѣйствующимъ лицомъ является Левъ мудрый, Κῦρ Λέων, окруженный цѣлымъ цикломъ другихъ чудесныхъ преданій [3]) — киръ Алексѣй привнесенъ, повидимому, внѣшнимъ образомъ. Еслибы показаніе Густынской лѣтописи, что царскія регаліи присланы были Владиміру Мономаху Алексѣемъ Комненомъ (вмѣсто Константина мономаха другихъ русскихъ извѣстій = Василія повѣсти о Вавилонѣ), не было личной попыткой составителя устранить хронологическую несообразность болѣе древняго преданія, мы поняли бы появленіе имени Kirialax'а въ разсказѣ объ инсигніяхъ, добытыхъ изъ Вавилона.

2. Каковъ бы ни былъ подлинникъ «вавилонскаго» эпизода саги (я указалъ на Peizinir = Pinceneis), въ немъ могла быть намѣчена цѣль хожденія — за царскими инсигніями или знаменіями власти (хартія), участвовалъ помощный звѣрь, какъ въ русскихъ сказкахъ; повѣсть о Вавилонѣ его забыла или затушевала. Наконецъ, судя по повторенному увѣренію саги, что въ таинственномъ городѣ, куда ѣздилъ Конрадъ, когда то жили люди, истребленные змѣями и гадами, можно заключить, что въ византійскихъ сказаніяхъ (и ихъ западныхъ отраженіяхъ?) существовалъ какой нибудь разсказъ, отвѣчавшій первой части нашей повѣсти о Вавилонѣ: о томъ, какъ онъ запустѣлъ. Содержаніе этого отдѣла такое:

---

1) Germania XXI: R. Köhler, Zur Magussaga, стр. 22 слѣд.

2) Въ докладѣ нео-филологическому обществу.

3) См. мои Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: Повѣсть о вавилонскомъ царствѣ, стр. 157.

Навуходоносоръ устраиваетъ вокругъ Вавилона «змій великъ, во главу бо змієву въѣздъ во градъ», велитъ положить знаменіе змѣя на всей утвари, на хоромахъ и дверяхъ и на скотѣ; а самому себѣ сдѣлалъ «мечъ-самосѣкъ, аспидъ-змѣй». Когда на Вавилонъ нашли враги и много вавилонянъ уже было побито, выѣхалъ на помощь своимъ Навуходоносоръ, при бедрѣ его мечъ-самосѣкъ, который самъ выпорхнулъ изъ ноженъ и началъ сѣчь враговъ безъ милости. Они побѣждены, а Навуходоносоръ передъ смертью «повелѣ во градную стѣну мечъ свой самосѣкъ аспидъ-змій замуровати и, закля, не повелѣ вынимати до скончанія вѣка». По смерти Навуходоносора воцаряется его сынъ Василій, и снова нашли на городъ многіе цари съ великими силами; вавилоняне разбиты, просятъ царя помочь имъ, вынуть «изъ градныя стѣны отца своего мечъ-самосѣкъ... царь же Василій, рекъ къ нимъ: Заклятъ мечъ у отца моего до скончанія вѣка, не повелѣлъ его вынимати». Но онъ уступаетъ просьбѣ своихъ витязей; какъ выѣхалъ на брань, «тотъ же часъ самосѣкъ аспидъ-змѣй отъ царя изъ ноженъ выпорхнулъ и отсѣче царю Василію главу и царей великихъ посѣче съ великими силами. А у вавилонскихъ витязей войско все, что у нихъ было знамя на платіи и на оружіи, на коняхъ и на уздахъ и на сѣдлахъ и всякой воиньской сбруѣ зміи, тѣ всѣ зміи живы стали, вавилонское войско всѣ поѣли. А во градѣ, что было знамя зміи, женъ и дѣтей поѣли и всякій скотъ; а что былъ великій змій около града, и тотъ живъ сталъ, свистая и рыкая. Отъ тѣхъ же мѣстъ и до нынѣ царствующій Вавилонъ градъ новый (?) пустъ сталъ».

Иначе разсказана легенда о запустѣніи въ варіантѣ, изданномъ проф. Ждановымъ. «Бысть у царя Новходоносора младъ юноша отъ великаго роду и помниша въ умѣ своемъ с младаго своего ума сотворити змія великаго и страшнаго» вокругъ Вавилона. Царица велѣла украсить того змѣя, а царь пророчествуетъ ей: «наше бо все будетъ подножіе змія того». Въ теченіи двухъ лѣтъ змѣй былъ спокоенъ, на третій годъ онъ сталъ

рыкать и съѣдать по птицѣ въ день. Халдеи вѣщаютъ Навуходоносору, что змѣй пожретъ все въ Вавилонѣ, не останется тамъ ни единаго человѣка, та же участь постигнетъ и царя съ царицей. Халдеевъ велятъ заточить, но пророчество начинаетъ исполняться, «змію же тому вельми рыкающу, а малѣйшия же зміи около того великаго змія множество же, и какъ змій великій тронется с мѣста своего, и ложе его, сиречь мѣсто, полно младыхъ зміевъ и жабъ и скорпіевъ». Дѣло доходитъ до царицы, затѣмъ и до царя; опечаленный грядущей участью, онъ «снятъ зъ главы своея царьскій свой вѣнецъ и положи въ полатѣ царской и у гроба святыхъ трехъ отрокъ, Ананіи, Азаріи и Мисаила». Онъ идетъ къ воротамъ города, гдѣ змѣй пожираетъ его. Съ тѣхъ поръ Вавилонъ опустѣлъ, поросъ лѣсомъ и быліемъ великимъ и служитъ обиталищемъ змѣямъ, жабамъ и скорпіямъ.

Источникъ саги зналъ, очевидно, другой исходъ дѣйствія, въ согласіи съ другими текстами сказанія: его мечи, водруженные подъ кровлей царской палаты, отвѣчаютъ мечу самосѣку-аспиду Навходоносора и Василія.

III.

Если въ западныхъ пересказахъ сохранилось содержаніе третьей части нашего сказанія (посольство въ Вавилонъ), а въ сагѣ намеки на существованіе второй (запустѣніе Вавилона), то для первой встрѣтилось лишь нѣсколько параллельныхъ мотивовъ. Я имѣю въ виду разсказъ о младенцѣ, найденномъ въ лѣсу близъ Вавилона подъ сосною, на которой сидѣла сова, тогда какъ ребенка питала коза. Въ томъ лѣсу жили больные, высланные туда царемъ Аксерксомъ, желавшимъ соблюсти городъ отъ мора или морового пострѣла; признакомъ болѣзни являлось красное пятно на лбу; западные свидѣтельства говорятъ о проказѣ.

Тѣ люди и нашли младенца, дали ему имя Навходъ или Находъ, соединили его съ названіемъ совы: Носоръ (Осоръ) и козы Аха (Ахаизда) — и получилось имя Навходоносоръ. По смерти царя Аксеркса Навуходоносоръ избранъ царемъ, потому что надъ нимъ однимъ вскипѣлъ рогъ съ мѵррой, поставленный въ городскихъ воротахъ (припомнимъ одинъ изъ роговъ саги); Навуходоносоръ и устроилъ вокругъ Вавилона великаго змѣя.

Проф. Ждановъ [1]) нашелъ параллели къ этому разсказу у итальянскаго богослова Менокки (1574—1655: Brevis explicatio sensus littera totius scripturae): говорится in aliquibus historiis, что новорожденный Навуходоносоръ (de novo... natus) былъ брошенъ въ лѣсъ, гдѣ надъ нимъ сидитъ сова, его питаетъ коза, находитъ подъ деревомъ прокаженный. Сова на ихъ языкѣ зовется nabu, коза chodo, прокаженный — nosor; оттуда названіе мальчику. Такъ и въ русскомъ переводѣ этой статьи: наву, ходо, носоръ. Этотъ Навуходоносоръ не тотъ, о которомъ говорится въ книгѣ Юдиѳи. — Ту же легенду приводитъ въ XII вѣкѣ и Готфридъ изъ Витербо въ своемъ Пантеонѣ, въ прозаическомъ и стихотворномъ изложеніяхъ: Навуходоносоръ оказывается natus ex incerto coitu, но ex quadam regiae propaginis foemina (въ стихахъ: foemina moecha?); имя его составлено изъ трехъ: nabus enim id est bubo, chodir — capra, nosor (въ стихахъ: nosora) — lepra; въ прозѣ говорится, что таково значеніе этихъ словъ in lingua Armena et Chaldaea; стихи ограничиваются указаніемъ на армянскій языкъ:

Haec et ab Armenis fateor me sic didicisse.

Лишь для полноты обзора упомяну, вслѣдъ за проф. Ждановымъ, показаніе Азбуковника: Новходоносоръ — прокаженный; съ притчи бо сіе имя дано есть, сказуетъ бо ся: ноу — сова, ходо — коза, носоръ, — прокаженный.

Оріенталистамъ предстоитъ опредѣлить, какому языку принадлежатъ эти слова; намъ важно указаніе Готфрида на устныя

---

1) l. c. стр. 42 слѣд.

сообщенія *армянъ*. Проф. Ждановъ напоминаетъ, что въ одномъ изъ пересказовъ повѣсти о Вавилонѣ супруга цареградскаго императора названа *армянкой*, «арменіей» [1]); укажу съ своей стороны, что въ поэмѣ Генриха Нейштадтскаго Аполлоній, играющій роль пословъ нашего сказанія, роль Конрада въ сагѣ, призванъ на помощь властителямъ *Арменіи*, Валтасаромъ. У Моисея Хоренскаго есть разсказъ объ одной *армянской* царицѣ, пожелавшей овладѣть шапкой-невидимкой, либо волшебнымъ зельемъ, принадлежавшимъ *властителю змѣй*. Она направляетъ на него мужа и сыновей, все *змѣиное отродье* истреблено, но отмщаетъ за себя, подмѣнивъ наслѣдника престола оборотнемъ, который становится причиной гибели и своей и братьевъ [2]).

Легенда о таинственномъ царствѣ могла сложиться или видоизмѣниться въ Арменіи, но мы откроемъ у нея связи съ Эѳіопіей, можетъ быть, на почвѣ общихъ церковно-религіозныхъ теченій, (монофизитство) и отмѣченной изслѣдователями особой предилекціи армянской и коптской церквей къ ветхозавѣтному преданію. Этимъ общеніемъ придется, вѣроятно, объяснить и распространеніе молитвы св. Сисинія [3]), и свѣдѣніе Рубруквиса, что Меѳодій, авторъ извѣстныхъ откровеній, ходящихъ подъ его именемъ, глашатай эѳіопскаго правовѣрія, считался армянскимъ пророкомъ [4]). Соберу нѣсколько данныхъ для рѣшенія этого загадочнаго вопроса.

Отецъ Навуходоносора въ сказаніи не названъ; у Готфрида изъ Витербо его мать царскаго рода. Брунетто Латини отрицаетъ это, утверждая только, что онъ nasqui d'avoutire celéement. Въ Палеѣ — онъ сынъ царицы Южицкой (= Савской):

1) l. c. 47.

2) Alfred v. Gutschmid, Kleine Schriften, II, стр. 393.

3) См. мою статью: Молитва св. Сисинія и Верзилово Коло въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCXCIX (1895 № 5), отд. 2, стр. 230. Сл. съ тѣхъ поръ: Матовъ, Верзиловото коло и навитѣ, въ Български Прѣгледъ, годъ II, кн. IX—X, 1895; Сырку, Визант. Временникъ т. II, вып. 4, стр. 707 слѣд.

4) См. мои Опыты по исторіи развитія христ. легенды I, I стр. 328, прим. 1.

разсказывается, какъ она явилась къ Соломону испытать его мудрость, какъ онъ дознался, что ея ноги обросли волосами, избавилъ ее отъ этого недостатка и совокупился съ ней. Она удалилась въ свою землю, гдѣ и родила Навуходоносора. Въ соотвѣтствующей эѳіопской легендѣ онъ названъ Baina-Hekem или Ebna-Hakim (иначе: Menilek, Давидъ); имя царицы — Македа[1]).

Нѣкоторые тексты Вавилонской повѣсти открываются статьей, отвѣчающей приведенному выше разсказу Палеи въ такомъ обоюдномъ пріуроченіи: явленіе царицы Савской къ Соломону; чудо съ волосами; вернувшись къ себѣ, царица родитъ сына. «І призва к себѣ верна слугу и одари его, и дасть ему злата много, и повелѣ ему отроча своего въ Вавилонскіе предѣлы отвѣсти, на лѣсу положити повелѣ». — Къ этому и примыкаетъ разсказъ объ Аксерксѣ и избраніи Навуходоносора[2]). Очевиднымъ искаженіемъ этого свода является такой варьянтъ повѣсти: первымъ царемъ Вавилона былъ Іоаннъ, именемъ Немвродъ, а за нимъ Навходоносоръ; онъ обручилъ за себя Перскую царевну; чудо съ волосами; царь подпалилъ ихъ.

Соединеніе легенды о Навуходоносорѣ, сынѣ царицы Савской, съ Вавилонскимъ сказаніемъ представляется внѣшней контаминаціей; между тѣмъ уже Откровенія Меѳодія говорятъ, что Навуходоносоръ, сынъ царицы Савской и какого то Лузія (въ лат. текстѣ: Lacedaemonius), былъ въ войскѣ Сенериѳа (Сеннахерима), когда, воюя съ царемъ индійскимъ (эѳіопскимъ), Сенериѳъ опустошилъ всю страну до Савы. Вотъ относящійся сюда текстъ: «Възатъ Сенериѳ женѫ краснѫ некѫѫ ѿ Нафа и ѿ Араниѳы, и роди емоу Авимелеха и Сарасѫ. Сіа же оубиста бца своего и бѣжаста въ земла араратскѫѫ, и цртвова Сароудоумъ (лат. Assaradon) въ Вавилонѣ въ мѣсто бца своего [С]енерива. Навоуходоносоръ же, иже изъ бца Лоузіа родибыса, а ѿ матере

1) Къ легендѣ о царицѣ Савской = Сивиллѣ средневѣковаго преданія сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ гл. VIII; Опыты по исторіи развитія христіанской легенды II, 1: Сивилла — Самовила — reine Pédauque: Берта; Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха X, стр. 370 слѣд.

2) См. Ждановъ l. c., стр. 580—1.

црцѫ Савы, егда вънидє Сенеримъ братися съ цремъ индійскы и даже до Савы опоусти страны многы, изыдє съ ним' и Навоухoдоносоръ, явѣ яко изведшоу емоу и того съ собоѫ, и постави его воеводою себѣ; и прѣмудрости ради същѫжа въ нима и силы дастася емоу црство вавилѡнъское». У него сынъ Валтасаръ [1]).

Къ легендарной связи *Савской земли* = Эѳіопіи съ *Вавилономъ* присоединяется и связь съ *Арменіей*, потому что вмѣсто араратской земли, куда бѣгутъ сыновья Сенерифа-Сеннахерима, его убійцы, надо читать: армянскую. Іосифъ Флавій (Ant. Iud. X, 1, 2) говоритъ о пришествіи сыновей Сеннахерима въ Арменію; то же у Моисея Хоренскаго (I гл. 23): «восьмидесятью годами болѣе или менѣе, прежде царствованія Навуходоносора жилъ Сеннахеримъ, царь ассирійскій. Онъ умерщвленъ сыновьями своими Адромеломъ и Саннасаромъ, которые послѣ того бѣжали въ Арменію». Народная армянская легенда, записанная г. Хахановымъ, дѣлаетъ изъ Сенесара и Сенекерима сыновей египетскаго князя Оханеса, христіанина; когда египетскій царь воздвигъ на христіанъ гоненіе, двое старшихъ сыновей Оханеса были принесены въ жертву кумирамъ, двухъ младшихъ онъ успѣлъ отправить въ монастырь на островъ, «гдѣ жили христіане, исповѣдующіе вѣру по Новому и Ветхому завѣту». Но царь, узнавъ объ ихъ убѣжищѣ, посылаетъ за ними, убѣждаетъ ихъ поклониться египетскимъ богамъ; тогда Сенекеримъ, успѣвшій схватить трехпудовую гирю, опустилъ ее на голову царя, такъ что погрузилъ его въ землю на одинъ аршинъ, а ноги грѣшника стали болтаться на воздухѣ. Разбиты и идолы [2]).

Перейду теперь къ эѳіопской легендѣ о томъ, какъ «царская власть Давида перешла въ руки абессинскаго царя» [3]). Разсказывается извѣстная и въ русскихъ варіантахъ легенда о построеніи Соломономъ храма, причемъ камни не тешутся; тогда

1) Тихонравовъ, Пам. Отр. лит. II, стр. 216.

2) Ср. Этнограф. Обозрѣніе XVII, стр. 160 слѣд.

3) Amélineau, Contes et romans de l'Égypte chrétienne, I, гл. VII, стр. 144 слѣд.; 147 сл.; 156 слѣд.; 159 сл.

разсказывается, какъ она явилась къ Соломону испытать его мудрость, какъ онъ дознался, что ея ноги обросли волосами, избавилъ ее отъ этого недостатка и совокупился съ ней. Она удалилась въ свою землю, гдѣ и родила Навуходоносора. Въ соотвѣтствующей эѳіопской легендѣ онъ названъ Baina-Hekem или Ebna-Hakim (иначе: Menilek, Давидъ); имя царицы — Македа[1]).

Нѣкоторые тексты Вавилонской повѣсти открываются статьей, отвѣчающей приведенному выше разсказу Палеи въ такомъ обоюдномъ пріуроченіи: явленіе царицы Савской къ Соломону; чудо съ волосами; вернувшись къ себѣ, царица родитъ сына. «I призва к себѣ верна слугу и одари его, и дасть ему злата много, и повелѣ ему отроча своего въ Вавилонскіе предѣлы отвѣсти, на лѣсу положити повелѣ». — Къ этому и примыкаетъ разсказъ объ Аксерксѣ и избраніи Навуходоносора[2]). Очевиднымъ искаженіемъ этого свода является такой варьянтъ повѣсти: первымъ царемъ Вавилона былъ Іоаннъ, именемъ Немвродъ, а за нимъ Навходоносоръ; онъ обручилъ за себя Перскую царевну; чудо съ волосами; царь подпалилъ ихъ.

Соединеніе легенды о Навуходоносорѣ, сынѣ царицы Савской, съ Вавилонскимъ сказаніемъ представляется внѣшней контаминаціей; между тѣмъ уже Откровенія Меѳодія говорятъ, что Навуходоносоръ, сынъ царицы Савской и какого то Лузія (въ лат. текстѣ: Lacedaemonius), былъ въ войскѣ Сенериѳа (Сеннахерима), когда, воюя съ царемъ индійскимъ (эѳіопскимъ), Сенериѳъ опустошилъ всю страну до Савы. Вотъ относящійся сюда текстъ: «Възатъ Сенериѳъ женѫ краснѫ некѫѭ ѿ Нафа и ѿ Араниѳы, и роди емоу Авимелеха и Сарасѫ. Сіа же оубиста о҃ца своего и бѣжаста въ земѧ араратскѫѭ, и ц҃рьтвова Сароудоумъ (лат. Assaradon) въ Вавилонѣ въ мѣсто о҃ца своего [С]енерика. Навоуходоносоръ же, иже изъ о҃ца Лоузіа родивыся, а ѿ матере

1) Къ легендѣ о царицѣ Савской = Сивиллѣ средневѣковаго преданія сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ гл. VIII; Опыты по исторіи развитія христіанской легенды II, 1: Сивилла — Самовила — reine Pédauque: Берта; Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха X, стр. 370 слѣд.

2) См. Ждановъ l. c., стр. 580—1.

црцѫ Сабы, егда вънидє Сенєрифъ братися съ црємъ индійскы и даже до Сабы опоусти страны многы, изыде съ нимъ и Навоухѡдоносоръ, ꙗвѣ ꙗко извєдшоу ємоу и того съ собоѫ, и постави єго воєводою себѣ; и прѣмѫдрости ради сѫщѫѧ въ немъ и силы дастъсѧ ємоу црство вавилѡнъскоє». У него сынъ Валтасаръ [1]).

Къ легендарной связи *Савской земли* = Эѳіопіи съ *Вавилономъ* присоединяется и связь съ *Арменій*, потому что вмѣсто араратской земли, куда бѣгутъ сыновья Сенерифа-Сеннахерима, его убійцы, надо читать: армянскую. Іосифъ Флавій (Ant. Iud. X, 1, 2) говоритъ о пришествіи сыновей Сеннахерима въ Арменію; то же у Моисея Хоренскаго (I гл. 23): «восьмидесятью годами, болѣе или менѣе, прежде царствованія Навуходоносора жилъ Сеннахеримъ, царь ассирійскій. Онъ умерщвленъ сыновьями своими Адромеломъ и Саннасаромъ, которые послѣ того бѣжали въ Арменію». Народная армянская легенда, записанная г. Хахановымъ, дѣлаетъ изъ Сенесара и Сенекерима сыновей египетскаго князя Оханеса, христіанина; когда египетскій царь воздвигъ на христіанъ гоненіе, двое старшихъ сыновей Оханеса были принесены въ жертву кумирамъ, двухъ младшихъ онъ успѣлъ отправить въ монастырь на островъ, «гдѣ жили христіане, исповѣдующіе вѣру по Новому и Ветхому завѣту». Но царь, узнавъ объ ихъ убѣжищѣ, посылаетъ за ними, убѣждаетъ ихъ поклониться египетскимъ богамъ; тогда Сенекеримъ, успѣвшій схватить трехпудовую гирю, опустилъ ее на голову царя, такъ что погрузилъ его въ землю на одинъ аршинъ, а ноги грѣшника стали болтаться на воздухѣ. Разбиты и идолы [2]).

Перейду теперь къ эѳіопской легендѣ о томъ, какъ «царская власть Давида перешла въ руки абессинскаго царя» [3]). Разсказывается извѣстная и въ русскихъ варіантахъ легенда о построеніи Соломономъ храма, причемъ камни не тешутся; тогда

1) Тихонравовъ, Пам. Отр. лит. II, стр. 216.

2) Сл. Этнограф. Обозрѣніе XVII, стр. 160 слѣд.

3) Amélineau, Contes et romans de l'Égypte chrétienne, I, гл. VII, стр. 144 слѣд.; 147 сл.; 156 слѣд.; 159 сл.

царь велѣлъ поймать птенца рока и посадить его подъ мѣдный котелъ; старая птица ищетъ птенца и приноситъ изъ Эдема кусокъ дерева, который и бросаетъ на котелъ; онъ разсѣлся на части, птенецъ вылетѣлъ на свободу, а израильтяне научились тесать камни. — Это — разсказъ Палеи о созданіи Соломонова храма и шамирѣ. Къ нему примыкаетъ извѣстная легенда о пришествіи царицы Савской = Сивиллы, которая названа царицей Темана: у нея одна нога козья (потому что ея мать, будучи беременной, залюбовалась красивой козой и похвалила ея ноги); Соломонъ желаетъ убѣдиться въ этомъ недостаткѣ и велитъ напустить воды, чтобы царица приподняла подолъ платья; она вступаетъ на эдемское дерево, и нога принимаетъ человѣческій видъ. Царица велитъ возложить на стволъ серебряный обручъ; впослѣдствіи обручей набралось тридцать, они достаются Іудѣ въ награду за предательство, а на древѣ распятъ Христосъ. — Соломонъ прибѣгаетъ къ хитрости, чтобы овладѣть царицей, которая удаляется къ себѣ; а Соломонъ говоритъ ей: коли у нея родится сынъ, пусть явится къ нему, онъ поставитъ его царемъ; знаменіемъ будетъ это кольцо. Царица родитъ сына; выросши, онъ начинаетъ допрашивать мать объ отцѣ, отправляется въ Іерусалимъ, признанъ Соломономъ и вѣнчанъ на царство подъ именемъ Давида.

Давидъ отвѣчаетъ Навходоносору палейной легенды; онъ не найденышъ, какъ въ повѣсти о Вавилонѣ, но также выростаетъ на сторонѣ и признанъ лишь по знаменію.

Затѣмъ эѳіопская легенда продолжаетъ непосредственно мотивомъ объ увозѣ святыни. Въ храмѣ Господнемъ была скинія Завѣта, гдѣ находился жезлъ Аарона, мѣры манны, обложенныя золотомъ и одѣтыя шелкомъ. Въ этой скиніи представлялось народу нѣчто дивное: когда священники кончали свое молитвословіе и народъ начиналъ молиться, простираясь передъ Всемогущимъ, *скинія поднималась въ воздухъ;* это было знáкомъ, что молитва доходна къ Богу. Если скинія не двигалась, всѣ были увѣрены, что произошло это по ихъ грѣхамъ, и принимались

молиться и плакать, пока чудо не совершалось. Давидъ объявляетъ Соломону, что хочетъ похитить эту святыню и перенести ее въ свою землю. Соломонъ въ началѣ противится, но потомъ говоритъ: если ужъ на то воля Господня, то пусть Давидъ похищаетъ скинію, но ему ничего о томъ не объявляетъ и не прощается съ нимъ, потому что священники заставятъ его поклясться, что онъ о томъ ничего не зналъ, а онъ не хочетъ произнести — ложной клятвы. Похищеніе совершается, при напрасной погонѣ за бѣглецами и разныхъ чудесахъ; когда Давидъ явился къ матери, она уступила ему свою власть, и съ тѣхъ поръ Эѳіопіей стали править наслѣдники Давида, вѣчно владѣющіе скиніей Завѣта; при одномъ изъ его наслѣдниковъ, Bâzên'ѣ, родился Христосъ.

Легенда эта, принадлежащая поздней порѣ среднихъ вѣковъ, развила романтическими мотивами эѳіопское повѣрье, что у царицы савской Македы (сл. I Царствъ 10) былъ отъ Соломона сынъ. Отъ него то идетъ, по преданію, съ перерывомъ въ три слишкомъ столѣтія, вторая абессинская династія, смѣнившая первую, ведшую свое происхожденіе отъ миѳической змѣи арва. Генеалогическая связь съ Соломономъ, какъ и разсказъ о перенесеніи скиніи, указываютъ на извѣстную религіозную подкладку. Это требуетъ объясненія.

Въ южно-арабскихъ надписяхъ встрѣчается названіе Habaschat, народности, жившей въ Іеменѣ — и въ Абессиніи: это Abaseni Уранія, арабск. Habasch, Habaschat, средневѣковое Abassia (Abbasie une grant province у Марка Поло); португальцы проникли изъ береговой полосы Abassia въ горы Abexim, оттуда наша Абессинія. Абессинскіе цари Аксума простирали свою власть и надъ Іеменомъ; судя по одной эѳіопской надписи абессинцы были язычники, поклонялись Mahrem'у = Ἄρης, Astar, въ которомъ видятъ *сабейское* Athtar и др., но уже съ начала III вѣка въ Іеменѣ среди гимьяритовъ пустило корни *іудейство*, тогда какъ въ первой трети слѣдующаго столѣтія *христіанство* проникло въ Абессинію проповѣдью Фрументія и Эдесія; около

того же времени сложилась и легенда о просвѣтительной дѣятельности ап. Матвѣя въ Эѳіопіи. Распространеніе христіанства въ Абессиніи отвѣчало политическимъ цѣлямъ Византіи и аксумской династіи, но вызвало противодѣйствіе народной партіи, въ которой были и язычники и іудействующіе — и войны аксумитскихъ царей съ Іеменомъ, кончившіяся въ 525 году, когда Caleb Elesbaas (Ela — Asbeha) разбилъ гимьяритскаго царя Dhû-Nuwâs'a, гонителя христіанъ въ Неджранѣ. Латинская Passio Matthaei, переносящая эѳіопское христіанство къ апостольскимъ временамъ, говоритъ о царяхъ древнѣйшей абессинской династіи, Aeglippus и Beor (Aglebûl и Bawaris исторіи), но представляетъ ихъ въ чертахъ Элесбааса, christianissimus rex, побѣдителя іудействовавшихъ гимьяритовъ. Отъ нихъ то и могли проникнуть въ Эѳіопію соотвѣтствующія религіозныя теченія; позже благодаря нерадивымъ отношеніямъ Александрійскаго патріархата къ юной эѳіопской церкви, сабеизмъ и еврейство снова подняли тамъ голову; абессинское христіанство и до сихъ поръ представляетъ такія синкретическія явленія, какъ соблюденія субботняго покоя — и совершеніе таинства евхаристіи въ субботу, какъ уживаніе обрѣзанія съ таинствомъ крещенія и т. п.; напомнимъ и Феллаша или Фаллаша — евреевъ субботниковъ, переселившихся въ Абессинію въ первые вѣка христіанской эры. Въ такой средѣ могла создаться и легенда о еврейскомъ происхожденіи эѳіопскихъ династій и святыни. Не только Havila = Іеменъ, но и Kusch = Эѳіопія оказались приверженными ветхозавѣтному закону; такова въ IX вѣкѣ точка зрѣнія Eliud ben Mahli, помѣщавшаго именно тамъ четыре изъ исчезнувшихъ израильскихъ колѣнъ. Но уже въ 470 — 80 годахъ одинъ изъ предшественниковъ Caleb Elesbaas'a обновилъ сношенія съ Византіей и александрійскими патріархами, результатомъ которыхъ явилась посылка Іоанна Парамонарія и обновленіе христіанства въ формахъ монофизитства [1]).

---

1) Сл. Deramey, Introduction et restauration du christianisme en Abyssinie въ Rev. de l'histoire des réligions, XVI ann., t. XXXI № 2; Ignazio Guidi, L'Abis-

Когда въ концѣ дней явится царь избавитель, онъ выйдетъ отъ «моря эѳіопскаго», ἐκ τῆς θαλάσσης Αἰθιωπίας ἤτοι τοῦ Βυζαντίου; въ пророчествахъ Сивиллы у Готфрида изъ Витербо — это rex romanorum, всюду онъ воздвигнетъ крестъ Христовъ, tunc namque preveniet Egyptus Ethyopiam manus dare Deo. Въ житіи св. Андрея Юродиваго, въ отдѣлѣ пророчествъ о послѣднихъ дняхъ, послѣ безбожнаго царя «прїидетъ црь ефиопьскій отъ первааго рода (ὁ ἐκ Αἰθιωπίας ἀπὸ τοῦ πρώτου κέρατος), его же рече Іоаннъ, ако и еще держить црьскую областъ»; онъ возстановитъ разрушенныя церкви и будетъ царствовать съ миромъ; и «простреется любы Господна, того дѣла, по всей вселеннѣй, будетъ радость и веселіе. Да и то цртво проидеть» [1]). Сл. анонимное пророчество о судьбахъ Византіи: въ послѣдніе дни Римъ обратитъ свои взоры на Эѳіопію, Αἰθιωπία ταραχθήσεται ὡς μύρμηξ καὶ σαλεύσει τοὺς πόδας κατὰ τὸ εἰρημένον ὑπὸ τοῦ Κυρίου διὰ τοῦ προφήτου λέγοντος· Αἰθιωπία προφθάσει χεῖρα αὐτῆς τῷ θεῷ. Καὶ ὑμεῖς Αἰθίωπες τραυματίαις Αἰθιώπων ʼρομφαία ἐστὲ εἰς δίκησιν τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ.... καὶ ἐξαναστήσεται αἰφνίδιος βασιλεὺς δίκαιος ἀφωμοιωμένος τῷ υἱῷ τοῦ θεοῦ.... καὶ προσκαλέσεται τὴν Ἰνδίαν χαρίεν (?), συμπαραλάβει αὐτήν· ἔστι δε καὶ ἡ χώρα μεγάλη καὶ ἀβασίλευτος· καὶ ἐξελεύσεται διὰ τῆς θαλάσσης τῆς μεγάλης Αἰθιωπίας. Онъ поразитъ Измаильтянъ [2]). — По «Книгѣ Пчелъ» греческій царь, который во времена Антихриста воззойдетъ на Голгоѳу и возложитъ на крестъ свой вѣнецъ, будетъ потомокъ Kûshath (Χουσὴθ), дочери Pil (Фола), царя Эѳіопіи [3]).

Сдѣлаемъ нѣсколько обобщеній. По эѳіопской легендѣ эѳіопскіе цари — соломонова рода, хранители ветхозавѣтной святыни — скиніи; въ приведенныхъ выше текстахъ они носители христіанскаго преданія, только вмѣсто скиніи ветхаго завѣта

---

1) Опыты по исторіи развитія христ. легенды l. c. стр. 312, 314; ibid. I, II стр. 67; сл. Vassiliev l. c. стр. 53.

2) Vassiliev l. c. стр. 48.

3) Сл. Macler, Les apocalypses apocryphes de Daniel, въ Rev. de l'hist. d. religions, XVII ann., t. XXXIII, № 3, Mai—Juin, стр. 314, прим. 2.

средніе вѣка, съ Арахозіей, южной Аравіей и Абессиніей; а Давидъ направляетъ его на сѣверъ, къ иновѣрцамъ, вѣроятно, въ связи съ той русской приставкой, которую получила у насъ повѣсть о Вавилонѣ въ разсказѣ о новомъ перенесеніи знаменія изъ Царьграда на Русь. — Позволю себѣ попутно еще одинъ вопросъ: за знаменіемъ Вавилона идутъ три посланца, грекъ, славянинъ и обежанинъ: абхазецъ, обезъ, Абазгъ, какъ понимаютъ обыкновенно, или — *абессинецъ*, Abascha?

Дальнѣйшія осложненія сказанія мы можемъ услѣдить на почвѣ легендъ о пророкѣ Іереміи, романа объ Александрѣ и представленій объ Александровой монархіи, какъ смѣшеніи четырехъ великихъ царствъ, обнимавшихъ дотолѣ всемірную исторію.

Отмѣтимъ нѣсколько фактовъ. Маккав. II, гл. 2, ст. 4—8 разсказываетъ о томъ, какъ Іеремія, передъ Вавилонскимъ плѣненіемъ, «нашелъ жилище въ пещерѣ и внесъ туда *скинію* и ковчегъ и жертвенникъ кадильный и заградилъ входъ». Апокрифъ объясняетъ, что положилъ онъ тѣ святыни въ пустынѣ, въ камнѣ, «идѣже первѣе ковчегъ со инѣми положися». Другія отреченныя сказанія пріурочили смерть пророка къ *Египтѣ*, къ Тафнѣ; онъ положенъ былъ у Фараонова дворца, откуда Александръ Македонскій перенесъ его останки въ Александрію; его мощи охраняютъ египтянъ отъ *змѣй-аспидовъ* и крокодиловъ.— По Псевдокалисѳену Александръ скончался въ Вавилонѣ азіатскомъ; старо-французскій романъ еще помнитъ громаднаго змѣя, черезъ котораго онъ переступилъ—змѣя нашей повѣсти. Источникъ такъ-называемой Сербской Александріи переноситъ и смерть Александра изъ Вавилона азіатскаго въ египетскій, въ двухъ миляхъ отъ Каира, въ землю Гесемъ, гдѣ по преданію мученически скончался и Іеремія [1]). Вавилонъ египетскій, т. е. *новый*, сравнительно съ старымъ. Загадочнымъ является въ

---

1) Сл. мои: Изъ исторіи романа и повѣсти I, гл. VII стр. 337, 339 слѣд.; стр. 433 слѣд.

нашей повѣсти о Вавилонѣ заключеніе эпизода о «запустѣніи»: «отъ тѣхъ же мѣстъ и до нынѣ царствующій *Вавилонъ градъ новый* пустъ сталъ». Можетъ быть, и здѣсь совершилась та же замѣна географической мѣстности, какъ въ греко-сербской Александріи; это дало бы намъ возможность связать оба памятника въ ихъ источникахъ и славянскомъ пересказѣ; напомню въ Повѣсти о Вавилонѣ «царей долматинскихъ», «Дятковича властеличника Болгаристра»; осмысленіе: nabu и chodo въ Находѣ=найденышѣ[1]). Такимъ образомъ наше сказаніе вошло бы въ одну группу южнославянскихъ повѣстей съ сербской Александріей, Троянскими дѣяніями, Тристаномъ и Бовой; г. Истринъ включаетъ сюда и южнославянскій текстъ сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ [2]).

Всемірная монархія Александра, соединившая въ себѣ предшествовавшія ей міровыя царства, пріурочилась къ Египту, точнѣе къ Эѳіопіи. Такова точка зрѣнія Откровеній Меѳодія [3]). Навуходоносоръ *Вавилонскій* — сынъ *Лузія* и царицы *Савской*, т. е. Эѳіопской; жена Навуходоносора отъ мидянъ; по смерти его сына Валтасара царствуетъ Дарій *Мидійскій*, отъ него и жены Доуроперсіи родится Киръ *Персидскій*. «Слꙑши же како смѣсишѧсѧ цртвіа междоу собоѫ, вавилѡнъское съ еѳіопьскꙑимъ, перское же съ мидъскꙑимъ, и обладаѫщіе бꙑстъ вавилѡнъское царство Еѳіопіеѫ и Савоѫ и цр҇ми азꙑчьскꙑми ѿ морѣ до

1) См. выше стр. 24.

2) См. И. Истринъ, Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ. Москва, 1893, стр. 61.

3) См. Тихонравовъ, Пам. Отр. литературы II стр. 216 слѣд.; соотвѣтствующіе отрывки греческаго текста въ моихъ Опытахъ по исторіи развитія христіанской легенды I, стр. 308 слѣд.; Vassiliev, Anecdota graeco-byzantina, pars prior, № 5 a. Для хронологіи меѳодіевскихъ откровеній сл. Изъ исторіи развитія христ. легенды l. c.; мой отчетъ о книгѣ Zeschwitz'a въ Журн. М. Н. Просв. ч. CXCIV, отд. 2, стр. 182; Alfr. v. Gutschmid, Kleine Schriften II, 16 прим. (Откровенія въ первой половинѣ VIII вѣка) и V, 504 (между 618 и 678 годами). Klostermann, Analecta zur Septuaginta, Hexapla und Patristik. Lpz., 1895, издавшій въ приложеніи къ своей книгѣ греческій текстъ Даніилова Апокалипсиса, ограничился, въ вопросѣ объ отношеніи къ нему Меѳодіевскихъ откровеній, указаніемъ на Zeschwitz'a и Gutschmid'a.

рѣки еѳратъскъıѧ. еще же и цр҇твомъ Дѣдовѣмъ по Новоходоносорѣ, и аварми и егуптѣны Дарїе убѡ мидскъıи облада цр҇твїе индїискъıимъ и ливїискъıимъ, Киръже перскъıи пѣатъ Ѳракїѫ и свободи с҇ны їзр҇левы и посла ихъ въ земѧ обѣтованнѫѭ заповѣдавъ имъ създати цр҇кве Бж҇ѫ разоренѫѭ Новоходоносоромъ. тѣмже и бы по повелѣнию цр҇ѣ Кира. Слъıши оубѡ съ извѣщенїемъ многъıмъ, како четири съединишѫсѧ цр҇тва, еѳиоплѣне македѡнѣномъ, а гръци елиномъ». Филиппъ македонскій взялъ за себя Хусиѳу (Χουσὴθ), дочь эѳіопскаго (вар. моурскаго) царя Фола; отъ нея родился Александръ; онъ создалъ Александрію, обладалъ градами и многими странами, обошелъ всю землю, заключилъ за горами плѣнные народы, имѣющіе снова выйти въ послѣдніе дни. По смерти Александра его мать Хусиѳа-Олимпіада вернулась къ отцу; за нее сватается Визъ (Βύζας), создатель Визъ-града, т. е. Царьграда. Самъ Фолъ везетъ ее туда, съ нарочитыми индіанами и эѳіоплянами. У Виза и Хусиѳы дочь Византія, на которой женится царь римскій Ромилъ Армалей (ὁ βασιλεῦς Ῥώμης ὁ Ρώμυλος ὁ καὶ τὴν Ῥώμην κτήσας; въ текстѣ, изданномъ Васильевымъ [1]): Ρωμύλος ὁ βασιλεῦς Ρώμης ὁ Ἀρχέλαος); у нихъ три сына: Армалей (въ текстѣ Васильева l. c. Ἀρχέλαος) царитъ въ Римѣ, Оурванъ (Ὀρβανός, Οὐρβανός) въ Визѣ; Клавдій въ Александріи. Оукрѣпиже сѧ сѣмѧ Хоусиѳы, дъщере Фола цр҇ѣ еѳїопьскаго, и поѧтъ македѡнъское и елинское и римское цр҇тво. цр҇тво же елинское, сирѣчь грѣчьское, еже ѥ҇ сѣмене еѳїопьскаго, сїе прѣ҇варитъ рѫкоѫ своеѫ къ Бг҇у въ послѣ҇нїи д҇нь, по прр҇чьстѣмъ пророчени. Нѣцїи же оубѡ възнепщевашѫ ѩко за еѳїопьскаго цр҇тва въспомѣноуѫ с҇тыи прр҇къ Двд҇ъ ре҇ сй. нѫ сългани бъıшѫ ѿ истины сїа оумыслившеи. йже бѡ ѿ сѣмене еѳїопьскаго сй ймать великое и ч҇тное дрѣво кр҇тное, въдрѫзеное посрѣдѣ земѧ. тѣмже и прилежно тъи богооц҇ъ Дв҇ъ глаа҇ше: Еѳїопїа прѣ҇варитъ рѫка еѧ къ Бг҇у».

1) Vassiliev, Anecdota graeco-bysantina, Pars prior, стр. 34.

Когда въ концѣ дней явится царь избавитель, онъ выйдетъ отъ «моря эѳіопскаго», ἐκ τῆς θαλάσσης Αἰθιωπίας ἤτοι τοῦ Βυζαντίου; въ пророчествахъ Сивиллы у Готфрида изъ Витербо — это rex romanorum, всюду онъ воздвигнетъ крестъ Христовъ, tunc namque preveniet Egyptus Ethyopiam manus dare Deo. Въ житіи св. Андрея Юродиваго, въ отдѣлѣ пророчествъ о послѣднихъ дняхъ, послѣ безбожнаго царя «пріидетъ црь ефиопьскій отъ первато рода (ὁ ἐκ Αἰθιωπίας ἀπὸ τοῦ πρώτου κέρατος), его же рече Іоаннъ, ако и еще держить црьскую область»; онъ возстановитъ разрушенныя церкви и будетъ царствовать съ миромъ; и «простретса любы Господна, того дѣла, по всей вселеннѣй, будетъ радость и веселіе. Да и то цртво проидеть» [1]). Сл. анонимное пророчество о судьбахъ Византіи: въ послѣдніе дни Римъ обратитъ свои взоры на Эѳіопію, Αἰθιωπία ταραχθήσεται ὡς μύρμηξ καὶ σαλεύσει τοὺς πόδας κατὰ τὸ εἰρημένον ὑπὸ τοῦ Κυρίου διὰ τοῦ προφήτου λέγοντος· Αἰθιωπία προφθάσει χεῖρα αὐτῆς τῷ θεῷ. Καὶ ὑμεῖς Αἰθίωπες τραυματίαις Αἰθιώπων ʼρομφαία ἐστὲ εἰς δίκησιν τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ.... καὶ ἐξαναστήσεται αἰφνίδιος βασιλεὺς δίκαιος ἀφωμοιωμένος τῷ υἱῷ τοῦ θεοῦ.... καὶ προσκαλέσεται τὴν Ἰνδίαν καριὸν (?), συμπαραλάβει αὐτήν· ἔστι δε καὶ ἡ χώρα μεγάλη καὶ ἀβασίλευτος· καὶ ἐξελεύσεται διὰ τῆς θαλάσσης τῆς μεγάλης Αἰθιωπίας. Онъ поразитъ Измаильтянъ [2]). — По «Книгѣ Пчелъ» греческій царь, который во времена Антихриста воззойдетъ на Голгоѳу и возложитъ на крестъ свой вѣнецъ, будетъ потомокъ Kûshath (Χουσὴθ), дочери Pil (Фола), царя Эѳіопіи [3]).

Сдѣлаемъ нѣсколько обобщеній. По эѳіопской легендѣ эѳіопскіе цари — соломонова рода, хранители ветхозавѣтной святыни — скиніи; въ приведенныхъ выше текстахъ они носители христіанскаго преданія, только вмѣсто скиніи ветхаго завѣта

1) Опыты по исторіи развитія христ. легенды l. c. стр. 312, 314; ibid. I, II стр. 67; сл. Vassiliev l. c. стр. 53.

2) Vassiliev l. c. стр. 48.

3) Сл. Macler, Les apocalypses apocryphes de Daniel, въ Rev. de l'hist. d. religions, XVII ann., t. XXXIII, № 3, Mai—Juin, стр. 314, прим. 2.

явился символъ крестнаго древа: имъ сильно христіанское царство, пошедшее отъ эѳіопскаго рода, сѣмени. Этимъ намѣченъ и еще одинъ моментъ въ видоизмѣнившемся легендарномъ представленіи; я назвалъ его политическимъ: отъ Эѳіопіи пошли цари Византіи, Рима, Александріи; нѣтъ мотива перенесенія царскихъ инсигній, какъ въ сказаніи о Вавилонѣ, куда за ними ходятъ послы царя греческаго, и, знаменательно, отъ трехъ народностей: грекъ, обежанинъ-абессинецъ и славянинъ. Не указываетъ ли эта тройственность на перенесеніе власти къ тремъ народамъ? Это дало бы намъ параллель къ воззрѣніямъ Меѳодіевскихъ откровеній и освѣтило бы внутреннее соотношеніе разобранныхъ нами легендъ. Повѣсть о скиніи — это разсказъ о похищеніи изъ Іерусалима святыни, знаменующемъ, какъ и перенесеніе монголо-тибетскихъ эрдени (драгоцѣнный камень, статуя и т. п.), перенесеніе *культа*. Повѣсть о Вавилонѣ выражаетъ символомъ инсигній и грамоты передачу *верховной власти* изъ древнѣйшаго міроваго царства, Вавилона, къ другимъ народамъ, можетъ быть, и въ Эѳіопію (сл. обежанинъ = абессинецъ); религіозный моментъ не выраженъ; сага о Конрадѣ съ ея висящей въ воздухѣ трапезой (= скиніей?), можетъ быть, и не относится къ Вавилону азіатскому. У Меѳодія религіозный и политическій моменты слились, но нѣтъ символовъ, они замѣнены родовой связью: эѳіопскіе цари — Вавилонскаго рода и призванные блюстители Христіанства. Въ эпизодѣ Палеи Вавилонъ и Іерусалимъ соединены съ Эѳіопіей своеобразной генеалогіей и именемъ Навуходоносора, сына Соломона и царицы Савской. Наконецъ, съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ текстовъ повѣсти о Вавилонѣ именно этотъ Новуходоносоръ и есть дѣйствующее въ ней лицо: вавилонское царство отъ эѳіопской крови.

Я не стану разбираться въ хронологіи и взаимной зависимости этихъ представленій, а остановлюсь лишь на вопросѣ: не послужилъ ли христіанизованный образъ скиніи цѣлямъ обоюднаго, не только религіознаго, но и политическаго символизма?

IV.

Граль западныхъ преданій [1]) — это сосудъ съ кровью Спасителя, впослѣдствіи чаша Тайной вечери, нѣчто таинственное и чудесное, съ отношеніями, болѣе или менѣе ярко выраженными, къ идеямъ евхаристіи, пресуществленія, троичности Божества. Онъ питаетъ и исцѣляетъ, служитъ оберегомъ на судѣ и въ битвѣ, раздѣляетъ праведныхъ отъ грѣшниковъ; свѣтится и витаетъ въ воздухѣ. У него свой ковчегъ — скинія; его первый хранитель Іосифъ Аримаѳейскій, затѣмъ его родичи по нисходящей линіи, священники и цари въ одно и то же время. У Де-Борона первыми названы Brons (женатый на сестрѣ Іосифа), его сынъ Alains, затѣмъ внукъ Bron'a, мѣсто котораго лишь впослѣдствіи замѣнилъ Персеваль, не входившій первоначально въ легенду о Гралѣ. Съ Іосифомъ или Брономъ Граль переносится въ Британнію; такъ выражено символически ея обращеніе къ христіанству. Замѣтимъ, что рядомъ съ Іосифомъ и Brons стоитъ какой то Петръ, можетъ быть, легендарное отраженіе апостола: онъ также отправляется на западъ, въ долины Аварона, и также съ цѣлію проповѣди; у него запечатанное посланіе Господа и въ немъ откровенія Граля, но ихъ онъ не знаетъ, ихъ объяснитъ ему послѣдній стражъ Граля, внукъ Брона.

Для меня ясно противоположеніе двухъ церковно-религіозныхъ теченій: проповѣди Петра, еще ожидающаго откровеній Граля, и ученія, владѣющаго его таинствами.

Въ Grand St. Graal хранители и властители святыни являются въ двухъ генеалогическихъ серіяхъ, съ однимъ и тѣмъ же знаменательнымъ именемъ Галаада [2]).

1) Изъ послѣднихъ работъ въ этой области укажу на замѣчательное изслѣдованіе проф. Heinzel'я, Ueber die französischen Gralromane (Wien 1892).

2) Grand St. Graal знаетъ еще третьяго Галаада, сына Іосифа Аримаѳейскаго.

Первая ведетъ свое начало отъ Seraphe-Nascien. Іосифъ Аримаѳейскій пришелъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Josephe въ страну Sarras (Sarrace у Manessier), между *Babylone* и Salavandre, гдѣ находитъ храмъ солнца. Царствуетъ язычникъ Evalach (Hevalach; Evelac у Manessier) li mesconneus, воевавшій тогда съ египтянами. Преніе Іосифа съ языческими мудрецами приготовляетъ царя къ принятію христіанства. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ чудесныхъ видѣній: Іосифъ молится передъ скиніей Граля, и его сыну представляется тамъ распятый Христосъ, окруженный ангелами и орудіями страданія; нѣкто поразилъ Спасителя копьемъ въ бокъ, и кровь и вода пролились въ чашу, чудесно увеличившуюся. Когда Іосифъ склонилъ колѣна, онъ узрѣлъ алтарь, накрытый краснымъ сукномъ, на немъ окровавленное острie копья, три гвоздя и золотая чаша; явились ангелы съ ладаномъ и ѳиміамомъ, одинъ изъ нихъ несъ на зеленомъ платѣ св. чашу, и самъ Господь предсталъ въ облаченіи пресвитера. Josephe совершаетъ таинство проскомидіи и видитъ вмѣсто освященнаго хлѣба образъ младенца.

Я сблизилъ это видѣніе съ подобнымъ же чудомъ, совершающимся по славяно-русской (греческой) легендѣ передъ сарациномъ Амфилогомъ (=Evalach'омъ); я не стою за предложенную мною этимологію Sarras (сарацинская земля), но желалъ бы возстановить другую, устраненную мною въ виду недостаточнаго, какъ мнѣ казалось, круга сравненій [1]): Evalach, Hevalach отъ Havila: Іеменъ; какой нибудь властитель іудействовавшаго Іемена, съ которымъ вели войны христіанскіе цари Абессиніи.

Вернемся къ первой генеалогіи Grand St. Graal. Іосифъ креститъ Эвалаха, который названъ Mordrain (Nodrans у Manessier, Mordrach у Herbert'а), и его шурина Sérapbe'а (у Manessier: Salafres), которому положено имя Nascien; у него сынъ Célidoine. Célidoine занесенъ въ Британнію, куда переселился

1) Сл. мои Разысканія № XVII, стр. 342, и Журналъ Мин. Народн. Просв. 1889 г. Апрѣль, стр. 377.

и св. Граль, а Nascien'у видится пророческій сонъ, что черезъ 300 лѣтъ послѣдній изъ его рода снова явится съ святой чашей въ Sarras. У Célidoine большое потомство: сынъ Marpus, отъ него Nascien; далѣе Isaies, Jonans, Ban, наконецъ Lancelot и его сынъ Galaad, который и вернется въ *Sarras* съ святыней Граля [1]).

Рядомъ съ этой генеалогіей его хранителей — другая: Josephe передаетъ св. Граль одному изъ 12-ти сыновей своего родственника, Bron, именно Alain li Gros. По смерти Josephe'а Alain отправляется съ чашей въ Terre Foraine, населенной людьми маленькаго роста, ничѣмъ не занимавшимися, кромѣ хлѣбопашества. Ихъ царь Calaphe пораженъ былъ проказой; Alain склоняетъ его къ принятію христіанства обѣщаніемъ избавить его отъ недуга и исцѣляетъ силой св. Граля. Вся страна крестилась, а царь выражаетъ желаніе, чтобы святыня ковчега осталась у него, въ прекрасномъ замкѣ, который онъ велитъ соорудить; его назвали Corbenic, т. е. святой сосудъ; надпись была по халдейски. Слѣдуетъ бракосочетаніе Josue, сына Alain, съ дочерью Calaphe, который получилъ имя Alphasan. Отъ этого брака родился Aminadab; его потомки по прямой линіи: Carceloy, Manuel, Lambor, Pellehan, Pelles; отъ его дочери Hélène и Ланцелота родится Галаадъ, послѣдній хранитель Граля, съ появленіемъ котораго въ Terre Foraine исцѣляется отъ ранъ его прадѣдъ Pellehan [2]).

Галаадъ этой родословной — потомокъ Іосифа Аримаѳейскаго (по Bron'у), и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ Соломонова рода, какъ утверждаетъ романъ; стало быть, по матери. Такова точка и Queste du st. Graal, гдѣ Галааду приписывается происхожденіе отъ Іосифа Аримаѳейскаго и Давида. То, что о немъ разсказывается въ Queste, соединяетъ схемы, распредѣленныя въ Grand St. Graal между двумя соименниками. Замокъ Corbenic находится не въ Terre Foraine, а въ Шотландіи, гдѣ герой видитъ Pelles'а

---

1) Сл. Grand St. Graal ed. Hucher III, 116—117.
2) Сл. Grand St. Graal, ed. Hucher III, 282 слѣд.

связь Соломона съ исторіей крестнаго древа; разсказъ о потирѣ Соломона, обставленный пророчествами о крестѣ, въ пространномъ житіи св. Константина Философа, относится къ тому же кругу *прообразованій* [1]).

Припомнимъ теперь эѳіопскую легенду: ея цари пошли отъ Соломона, они изъ рода въ родъ хранители скиніи, обратившейся впослѣдствіи въ символъ христіанства: крестное древо; отъ ихъ сѣмени пошли и христіанскіе властители Рима, Византіи, Александріи; послѣдній царь, имѣющій явиться въ послѣдніе дни, выйдетъ изъ Эѳіопіи.

Граль, символъ святыни, берегутъ въ ковчегѣ, онъ окруженъ символами распятія, поднимается въ воздухѣ, какъ скинія, хранится въ Соломоновомъ родѣ; хранители въ одно и то же время священники и цари; обратимъ вниманіе на вѣнецъ и мечъ Давида на Соломоновомъ кораблѣ; послѣдній стражъ Граля снова возвратитъ его въ Эѳіопію.

Это та же легенда, но съ бо́льшимъ развитіемъ мотива религіозной пропаганды: Граль переносится съ мѣста на мѣсто, какъ вавилонскія знаменія.

Есть ли въ этой легендѣ что-либо иновѣрческое, напр. монофизитское, въ пониманіи Граля, въ образномъ представленіи таинства евхаристіи, какъ онъ представляется Evalach'у и Galaad'у — этого вопроса я не касаюсь, точно также, какъ и другого, вызваннаго тѣмъ особымъ значеніемъ, которое Эѳіопія получила въ Меѳодіевскихъ откровеніяхъ. Западная церковь заподозрила романы о Гралѣ, какъ зараженные иновѣріемъ, но оно плодилась и далѣе, примѣняя къ старымъ символамъ новыя требованія и чаянія въ области религіозной мысли.

---

1) Сл. А. Н. Петровъ, Апокрифическое пророчество царя Соломона о Христѣ, въ Пам. Древ. письм. CIV, 1894 г.

V.

Если предыдущія соображенія вѣрны, то онѣ бросаютъ свѣтъ на содержаніе одного изъ непосредственныхъ источниковъ поэмы Вольфрама фонъ-Эшенбахъ.

Его герой — Парциваль, искатель и властитель Граля, уже воспѣтый Chrestien'омъ de Troye и его продолжателями. Это европейское, къ Европѣ пріуроченное преданіе о Гралѣ; Chrestiens былъ однимъ изъ источниковъ Вольфрама.

Рядомъ съ нимъ другой: утраченная поэма загадочнаго провансальца Kŷôt'a. О немъ говорится (IX, 611 слѣд.), что онъ нашелъ въ Толедо сказаніе о Гралѣ, написанное языческими письменами; написалъ его язычникъ Flegetanis, язычникъ по отцу, но изъ Соломонова рода; онъ былъ большой звѣздочетецъ (Felek-daneh, по толкованію Гёрреса), и въ звѣздахъ прочелъ тайну Граля. Ознакомившись съ его писаніемъ, Kŷôt принялся искать въ латинскихъ книгахъ (ib. 664), гдѣ бы могъ находиться цѣломудренный народъ, поклонники Граля; перечелъ разныя хроники въ Британніи (ze Bretane 670), Франціи и Ирландіи — и нашелъ искомую повѣсть въ Анжу̂. Къ Анжу̂ онъ и пріурочиваетъ Парциваля: онъ сынъ Gahmuret'a анжуйскаго и Herzeloyde'ы, дочери и сестры властителей Граля, Frimutel'я и Anfortas'a. Все это Kŷôt могъ узнать изъ европейскихъ источниковъ; что Парциваль являлся въ его разсказѣ, тому свидѣтельствомъ Вольфрамъ (XVI 543—50, 1201 слѣд.; см. еще XV, 1270); если въ одномъ случаѣ (VIII, 565 слѣд.) онъ утверждаетъ, что провансалецъ Kioтъ нашелъ повѣсть о Парцивалѣ въ языческой книгѣ (heidensch geschriben), то это, вѣроятно, lapsus memoriae: въ писаніи язычника Флегетаниса, изъ Соломонова рода, и герой и географическая обстановка должны были отзываться другимъ міровоззрѣніемъ. То и другое мы находимъ у Вольфрама въ лицѣ и исторіи Feirefiz'a; это наслѣдіе Kŷôt'a, соединившаго въ своей поэмѣ восточное преданіе о Гралѣ съ

чернокожихъ, въ которой я усматриваю Эѳіопію. Ея властительница Belakane, diu swarze Moerinne (I, 1041), царитъ въ Patelamunt: горѣ сосуда, чаши, что отвѣчаетъ названію того замка, который, по Grand St. Graal, Calaphe велитъ соорудить для Граля: Corbenic = святой сосудъ; въ Calaphe'ѣ мы признали эѳіопскаго царя Caleb Elesbaas'а. Онъ Соломонова рода; такимъ могъ представляться и Feirefiz; я не прочь истолковать въ пользу этого объясненія и то обстоятельство, что изъ Соломонова рода и слагатель повѣсти о Гралѣ — Флегетанисъ. Какъ эѳіопскій властитель, Фейрефисъ былъ естественнымъ обладателемъ святыни, іудейско-христіанской скиніи, patela; если у Вольфрама-Kŷôt'а Граль находится въ другихъ рукахъ и самъ Feirefiz является язычникомъ, то это легко объяснить принадлежащей уже Kŷôt'у контаминаціей Feirefiz'а съ Парцифалемъ, восточной легенды о Гралѣ съ западной — и предпочтеніемъ, которое дано было въ ней типу именно Парциваля. Съ другой стороны Граль Флегетаниса могъ являться въ такомъ религіозномъ освященіи, съ мотивами іудейства и, можетъ быть, сабеизма, что Kŷôt'у тѣмъ легче было представить себѣ Feirefiz'а язычникомъ.

Въ пользу моей эѳіопской гипотезы можно было бы опереться и на то еще, что у Feirefiz сынъ — пресвитеръ Іоаннъ, но именно въ этомъ эпизодѣ толкованіе двоится, можетъ быть, благодаря Kŷôt'у, если ему принадлежитъ введеніе въ составъ поэмы несущественной для ея развитія Секундиллы, царицы Индіи, гдѣ то на Гангѣ. Feirefiz овладѣваетъ ею и ея царствомъ; когда онъ женится на Repanse-de-schoye, онъ забываетъ материнское наслѣдство, Zazamanc и Azagouc, и возвращается съ проповѣдью христіанства въ Индію. Здѣсь у него и родится сынъ, пресвитеръ Іоаннъ, котораго древніе тексты извѣстнаго «посланія» локализуютъ именно въ *Индіи*, in tribus Indiis, въ предѣлахъ которыхъ находился и «пустынный» Вавилонъ съ гробницей пророка Даніила; нѣмецкая передѣлка посланія (по берлинской рукописи) видитъ въ одной изъ трехъ Индій — *Эѳіопію* (der keret eines biz kegen

Moren); позднѣе самого пресвитера представили себѣ властвующимъ именно въ этой странѣ.

Трудно сказать, на сколько раздѣльны были представленія Kŷôt'а объ Индіи на Гангѣ и странахъ Zazamanc и Azagouc. Древнее смѣшеніе Индіи съ Эѳіопіей намъ знакомо. Потомки пресвитера носили его имя, говоритъ Вольфрамъ; по другому извѣстію у него сынъ Израиль, внукъ Давидъ [1]); это напоминаетъ рядъ библейскихъ именъ во французскихъ генеалогіяхъ хранителей Граля: Галаадъ, Аминадабъ, Іона, Исаія, Іисусъ и др.

Когда соединены были сказанія о Feirefiz'ѣ и Парцивалѣ, идея Граля при первомъ была затерта, Feirefiz пріобщился къ Гралю чисто внѣшнимъ образомъ, путемъ брака, св. чаша перешла на западъ въ Munsalvaesche, гдѣ ее охраняетъ другой родъ. Послѣдствіемъ контаминаціи объясняю я себѣ расплывчивый, неопредѣленный образъ Граля въ представленіи Kŷôt-Вольфрама. Нигдѣ не сказано, чтобы это была чаша; скорѣе всего это камень, снесенный съ неба (IX, 654), lapsit (lapis) exillis, силой котораго сгораетъ фениксъ, чтобы возродиться къ новой жизни (IX, 1085 слѣд.), камень, чудесно живящій и питающій. Это не обычное представленіе о Гралѣ; принадлежитъ ли оно Флегетанису? Упоминаніе феникса, если оно не случайно, снова относитъ насъ къ Эѳіопіи.

Эѳіопская легенда отразилась въ сказаніи о Гралѣ путемъ литературныхъ, можетъ быть, и религіозныхъ воздѣйствій; повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ — блѣдное отраженіе тѣхъ же мотивовъ, съ невыясненнымъ религіознымъ моментомъ, не нашедшее широкаго распространенія, но въ основѣ тождественное: «Слышиже како съмѣшишѧсѧ цр҃ствіа междоу собоѭ: вавилѡнъское съ еѳіопьскъіимъ». Всѣ онѣ представляютъ, въ разной степени, разработку, на почвѣ литературы, апокрифическихъ данныхъ, иногда утраченныхъ въ болѣе простыхъ версіяхъ, какъ та «малая» книжка о Гралѣ, которая объявилась пустыннику въ ночь на страстную пятницу 750 года (Grand St. Graal); иногда

1) Zarncke, De rege David, filio Israel filii Johannis presbyteri. Lips. 1875.

еще услѣдимыхъ въ общихъ очертаніяхъ и мотивахъ: укажу лишь на Апокалипсисъ Даніила. Легенды о скиніи, святой чашѣ, крестномъ древѣ, гдѣ вокругъ извѣстнаго символа развивается міровая исторія царствъ и церкви, принадлежатъ къ тому же литературному роду. Повѣсть о крестномъ древѣ отъ его насажденія въ раю до послѣдняго императора, который возложитъ на него свой вѣнецъ, не только попытка философскаго построенія исторіи въ духѣ средневѣковаго христіанства, но и въ большей мѣрѣ, чѣмъ напр. Геліандъ, образчикъ христіанскаго эпоса съ его міровыми задачами и кругозоромъ. Въ этомъ эпосѣ есть и сторона идиллической утопіи, выразившаяся въ своеобразной литературной формѣ: вѣрили, что въ концѣ дней, послѣ вѣковъ страданій и паденій, наступитъ тысячелѣтіе покоя; надежда подсказала его осуществленіе въ предѣлахъ ближайшей исторіи, въ баснословномъ царствѣ пресвитера Іоанна, гдѣ царятъ любовь и правда и свѣтская и духовная власть покоятся въ однихъ рукахъ. Но вѣдь и въ романахъ о Гралѣ его блюстители являются съ тѣмъ же значеніемъ мірскихъ и духовныхъ владыкъ. Эти памятники одновременны, они могли отвѣтить ожиданіямъ извѣстной партіи, стремившейся изъ борьбы папской и императорской власти къ умиротворенію общественныхъ и религіозныхъ отношеній, къ фантастическому идеалу цезаропапизма, въ стилѣ восточнаго и византійскаго. Я царь и священникъ, βασιλεὺς καὶ ἱερεύς, читалось въ эдиктѣ Льва III противъ иконъ (725—6 г.); въ этомъ сочетаніи подчеркивали то тотъ, то другой моментъ; оттуда колеблющійся образъ идеальнаго миротворца, вплоть до дантовскаго Veltro, котораго такъ долго ждали средневѣковые люди.

Эта точка зрѣнія объединяетъ посланіе пресвитера и романы о Гралѣ въ исторіи средневѣковаго сознанія, и мнѣ остается лишь отмѣтить еще разъ, по вопросу о такъ называемыхъ переходныхъ повѣстяхъ, какъ важно изученіе культурныхъ теченій, увлекавшихъ, вмѣстѣ съ идеями и вѣрованіями, и выражавшіе ихъ символы и образы.

Александръ Веселовскій.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ СТАТЬѢ:

СКАЗАНІЯ О ВАВИЛОНѢ, СКИНІИ И СВ. ГРАЛѢ.

Къ стр. 675, отд. оттиска стр. 29. (*Еврейство въ Абессиніи*) Сл. Reinisch, Ein Blick auf Aegypten und Abessinien (Wien, 1896): абессинское государство было въ началѣ колоніей, основанной среди хамитскихъ народностей южноарабской торговой компаніею сабеевъ: Habaschat = общество, товарищество. Къ сабейскимъ купцамъ присоединились и еврейскіе, появляющіеся въ южной Аравіи уже при первыхъ царяхъ Іудеи. Эти то сабейскіе евреи и принесли, вѣроятно, туземцамъ Абессиніи ученіе монотеизма: свидѣтельствомъ сильнаго распространенія тамъ еврейства является не только легенда о происхожденіи мѣстной династіи отъ Соломона, но и то обстоятельство, что и теперь еще въ странѣ насчитываютъ болѣе милліона еврействующихъ и христіанское население придерживается нѣкоторыхъ еврейскихъ обычаевъ, различая, напр., чистую пищу отъ нечистой и т. д.

Къ стр. 679—8. (Отд. отт. стр. 33). О *Меѳодіевскихъ Откровеніяхъ* сл. теперь Bousset, Der Antichrist in der Ueberlieferung des Judenthums, des neuen Testaments und der alten Kirche (Göttingen 1895; сличи указатель именъ). Относительно хронологіи оригинала авторъ повторяетъ (стр. 32) мнѣніе Гут-

шмида (между 676—8 гг.); интересна замѣтка, что лишь въ латинскомъ текстѣ встрѣчается глосса: (Romulus) *qui et Armalaeus dictus;* въ греческомъ ея нѣтъ; мы уже знаемъ, что въ спискѣ, напечатанномъ Васильевымъ, стоитъ Ἀρχέλαος, въ славянскомъ текстѣ Армалей. Въ послѣднемъ имени авторъ видитъ еврейское Armillus, передѣлку Romulus: древнехристіанское представленіе о римскомъ цезарѣ, какъ Антихристѣ, исчезло съ распространеніемъ христіанства, но удержалось среди евреевъ: римлянинъ остался для нихъ исконнымъ врагомъ, Armillus — это Антихристъ; въ «Повѣсти о вѣрѣ и противленіи крестившихся іудей въ Африкіи и Карфагенѣ» Армиллъ (въ слав. текстѣ Ермолай)— предшественникъ Антихриста-Магомета (сл. Сахаровъ, Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древнерусской письменности, стр. 27—8; Барацъ, Слѣды іудейскихъ воззрѣній въ древнерусской письменности, стр. 48 и прим. 1).—Если Армалей, Armalaeus = Armillus, то онъ, очевидно, принадлежалъ, съ этимъ пониманіемъ, одному изъ источниковъ Откровеній, не его составителю, сдѣлавшему Ромила-Армалея зятемъ Хусиѳы, Армалея ея внукомъ внѣ всякой связи съ слѣдующимъ далѣе повѣствованіемъ объ Антихристѣ.

Къ стр. 689 слѣд., отд. от. 43. *(Флегетанисъ изъ Соломонова рода)*. Лишь теперь я могъ познакомиться съ работой М. Гастера о легендѣ Граля (M. Gaster, The legend of the Gral, Folklore v. II, № 1 и 2). Авторъ выдѣляетъ въ ней моментъ *исканія*, въ которомъ видитъ отраженіе разсказа Псевдокаллисѳена о хожденіи Александра Македонскаго ко храму солнца, служитель котораго былъ *эѳіопъ* (III, 28; въ старослв. переводѣ: синецъ). Не останавливаясь на этой гипотезѣ, какъ она ни соблазнительна для поставленнаго мною вопроса, перейду ко *Гралю*. Въ моемъ изслѣдованіи о камнѣ Алатырѣ въ русской народной поэзіи (сл. Разысканія № III), изслѣдованіи, которое цитуетъ и авторъ (l. c. II, стр. 207, прим. 1), я пришелъ, разборомъ легендъ о камнѣ на Сіонѣ и представленія Вольфрама фонъ Эшенбахъ о Гралѣ-камнѣ, къ нѣкоторымъ обобщеніямъ, которыя Гастеръ подтвер-

ждаетъ новыми, еврейскими параллелями. Одно древнее преданіе говоритъ о камнѣ Eben shatya (камень основанія), лежащемъ въ средоточіи міра; на немъ стоитъ іерусалимскій храмъ; это тотъ камень, на которомъ покоился Іаковъ, когда ему было сновидѣніе о лѣствицѣ. Онъ обрѣтался въ храмѣ со временъ пророковъ, на мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ ковчегъ, во Святая Святыхъ; лишь однажды въ году вступалъ туда первосвященникъ и кадилъ; актъ этотъ имѣлъ символическое значеніе, по народному представленію отъ камня исходило Израилю изобиліе пищи.—По другому преданію на этомъ камнѣ стоялъ ковчегъ съ скрижалями, скрывшимися въ него въ пору разрушенія перваго храма.—Есть и еще одна, болѣе развитая легенда о камнѣ, на которомъ, при созданіи свѣта, Господь начерталъ свое святое имя, а камень погрузилъ въ бездну, какъ основаніе водъ. Позднѣе царь Давидъ добылъ его, чтобы положить въ основаніе храма.—Одна антихристіанская легенда, восходящая, быть можетъ, къ 7-му вѣку, досказываетъ, какъ Христосъ проникъ во Святая Святыхъ и прочиталъ святое имя Господне, избѣжавъ опасности: двухъ мѣдныхъ львовъ, которыхъ Давидъ поставилъ тамъ, въ охраненіе страшной тайны.

Гастеръ упоминаетъ и разсказъ 2-й книги Маккавеевъ: о сокрытіи Іереміей священныхъ сосудовъ; разсказъ, развитый въ особомъ апокрифѣ, которымъ занимался и я (сл. выше стр. 678, отд. отт. 32; Изъ исторіи романа и повѣсти I, 341 слѣд. Сл. теперь греческій текстъ апокрифа у Vassiliev, Anecdota graeco-byzantina I, стр. 317 слѣд.). О камнѣ, гдѣ сокрыта была святыня, сказано, что онъ находится въ пустынѣ, «идѣже первѣе ковчегъ со инѣмы положися» (ἔστι δὲ ἡ πέτρα ἐν τῇ ἐρήμῳ, ὅπου τὸ πρότερον ἡ κιβωτὸς κατεσκεύαστο μετὰ τῶν ἄλλων); это связываетъ представленіе іереміиной легенды съ камнемъ предыдущихъ преданій. На эпизодъ апокрифа о семидесятилѣтнемъ снѣ Авимелеха и столь-же долгомъ пребываніи Варуха «во гробѣ» (ἐν τῷ μνημείῳ) мнѣ пришлось обратить вниманіе по другому поводу (Изъ исторіи романа и повѣсти I, стр. 332—3, прим. 3); не эта-ли подроб-

ность легенды побудила Гастера сказать, что и далѣе въ іереміиномъ апокрифѣ встрѣчаются черты, тождественныя съ нѣкоторыми положеніями романовъ о Гралѣ? Я имѣю въ виду ихъ долговѣчныхъ старцевъ, жизнь которыхъ чудеснымъ образомъ поддерживается въ теченіи столѣтій, пока они не дождутся одного изъ своихъ потомковъ, будущаго обладателя святыни. Такимъ является, между прочимъ, Evalach-Mordrain и др. Замѣтимъ, что въ греческомъ текстѣ нашего апокрифа Авимелехъ названъ Эѳіопомъ (Vassiliev, l. c. стр. 311: Ἀβιμέλεχ τῷ Αἰθίωπι), у Тихонравова (Пам. I, 286): мирунъ вм. моуринъ.

Все это идетъ къ моей эѳіопской гипотезѣ: сказанія о священномъ камнѣ въ іерусалимскомъ храмѣ, стоявшемъ на мѣстѣ ковчега, либо служившемъ ему основаніемъ; перенесеніе ковчега въ Эѳіопію; христіанская перелицовка легенды—все это моменты одного и того-же развитія, показателемъ котораго могъ, дѣйствительно, явиться еврей Флегетанисъ, изъ Соломонова рода.

О Corbenic, названіи замка, устроеннаго для храненія Граля (см. выше, стр. 685, отд. отт. 39), говорится, что это халдейское слово означаетъ: святой сосудъ. Гастеръ связываетъ его съ еврейскимъ или халдейскимъ corbona: жертва, жертвоприношеніе (l. c. II, 209).

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXIV, № 7.

КЪ БІОГРАФІИ
ЛОМОНОСОВА.

СООБЩЕНІЕ

Акад. М. И. Сухомлинова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1896.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1896 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Къ біографіи Ломоносова.

Матеріалы для біографіи Ломоносова распадаются на двѣ группы, представляющія различіе между собою и по степени достовѣрности и по другимъ особенностямъ. Свѣдѣнія, относящіяся къ первой половинѣ жизни нашего писателя, нуждаются въ пополненіи и тщательной провѣркѣ; данныя, обнимающія послѣдующій періодъ, требуютъ главнымъ образомъ правильнаго освѣщенія и безпристрастной оцѣнки.

Все, что̀ говорилось, въ разное время и разными лицами, о судьбѣ Ломоносова до начала его общественной дѣятельности, проникнуто сочувствіемъ къ необыкновенному юношѣ, надѣленному блестящими дарованіями, будущему свѣтилу въ умственной жизни своего отечества. Даже непримиримые враги Ломоносова называютъ его истиннымъ геніемъ, обладающимъ даромъ творчества и обширными, разнообразными знаніями. Переходя къ оцѣнкѣ послѣдующей дѣятельности богато одареннаго «холмогорца», враги его замѣчаютъ, что она не оправдала смѣлыхъ надеждъ, и виною этому — пріятели, захвалившіе молодого ученаго: у него закружилась голова, развилось самомнѣніе, и онъ сталъ считать себя великимъ человѣкомъ [1]). Невольно вспоми-

1) Lomonossov war ein wares Genie, das dem ganzen Nord-Pol und Eis-Meer hätte Ehre machen, und für den Satz, dasz das Genie nicht von Länge und Breite abhänge, einen neuen Beweis liefern können. Er fing so spät an, von der Dwina-Insel aufzufliegen, und erwarb sich doch schon in den nächsten 10 Jaren so viele und

нается при этомъ, что почти такимъ же образомъ пытались развѣнчать Пушкина и Гоголя ихъ литературные недоброжелатели, говорившіе: «Друзья и пріятели захвалили Гоголя не въ мѣру, такъ вотъ онъ ужъ теперь, чай, думаетъ о себѣ, что онъ чуть-чуть не Шекспиръ. У насъ всегда пріятели захвалятъ. Вотъ, напримѣръ, и Пушкинъ. Отчего вся Россія теперь говоритъ о немъ? Все пріятели: кричали, кричали, а потомъ вслѣдъ за ними и вся Россія стала кричать» [2]).

По вступленіи Ломоносова въ академическую среду въ качествѣ члена конференціи начинается для него новая дѣятельность, является новая обстановка, новыя связи и отношенія, новые друзья и недруги. Поводы къ разногласію возникали одинъ за другимъ, раздраженіе усиливалось, и затаенная непріязнь переходила въ открытую вражду. Многое объясняется условіями того времени, злобою дня, личными счетами, и т. п.; но многое зависѣло отъ причинъ болѣе важныхъ, вытекало изъ борьбы за идею. Отголоски враждебнаго настроенія слышатся и впослѣдствіи, встрѣчаясь даже тамъ, гдѣ всего менѣе можно было ожидать ихъ. Черезъ сто лѣтъ по смерти Ломоносова изданы были Матеріалы для его біографіи, собранные П. С. Билярскимъ, и біографъ Ломоносова, академикъ Пекарскій дѣлаетъ такое замѣчаніе объ этомъ трудѣ: Билярскій «считалъ какъ бы обязанностью своею въ разныхъ примѣчаніяхъ къ своимъ матеріаламъ высказывать какое-то странное, личное нерасположеніе къ Ломоносову, тѣмъ болѣе неизвинительное, что оно направ-

---

so vielerlei Kenntnisse. Er ist der Schöpfer der neueren russischen Dichtkunst... Seine Klienten vergötterten ihn und sangen, Virgil und Cicero vereinten sich in dem Manne von Kolmogori. Dies verderbte ihn. Seine Eitelkeit artete in Barbaren-Stolz aus... Und eben diese hohe Einbildung von sich, verleitete ihn, sich mit einer Menge der heterogensten Dinge abzugeben. Wär er bei seinen par Fächern geblieben, so wär er warscheinlich gros darinn geworden: nun blieb er selbst in diesen mittelmäszig, und dünkte sich doch in allen übergros.

(August Ludwig Schlözer's Öffentliches und privat-Leben, von ihm selbst beschrieben. 1802, стр. 219).

2) Сочиненія Н. В. Гоголя. Текстъ свѣренъ Н. Тихонравовымъ. 1889. Т. II, стр. 486.

лено противъ историческаго дѣятеля, сто лѣтъ тому назадъ сошедшаго въ могилу и къ которому стало-быть очень возможно относиться спокойно, не примѣшивая разныхъ дрязговъ современной жизни» [3]).

Извѣстія о жизни Ломоносова до вступленія его въ академическій университетъ крайне скудны, въ иныхъ случаяхъ весьма неопредѣленны, въ другихъ оказываются вовсе невѣрными. Неточности и противорѣчія находятся въ показаніяхъ о пребываніи Ломоносова на родинѣ, о переселеніи его въ Москву, о годахъ ученія въ «Спасскихъ школахъ», т. е. въ Славяно-Латинской, или Славяно-Греко-Латинской Академіи. Самый годъ рожденія Ломоносова опредѣляется неодинаково.

Въ біографическомъ очеркѣ, приложенномъ къ академическому изданію сочиненій Ломоносова 1784 года, сказано, что Ломоносовъ родился въ 1711 году. Очеркъ этотъ составленъ по матеріаламъ Штелина, современника Ломоносова и сочлена его по Академіи наукъ [4]).

Въ запискѣ, составленной въ 1788 году и переданной Озерецковскому, посѣтившему родину Ломоносова, говорится, что Ломоносовъ родился въ 1709 году.

Въ ревизской сказкѣ 1722 года показаны: Деревни Мишанинской Василій Дороѳеевъ сынъ Ломоносовъ 38 лѣтъ; у него сынъ Михайло 7 лѣтъ [5]). Слѣдовательно, Михайло Ломоносовъ родился въ 1714 или въ 1715 году.

Въ докладѣ президента Академіи наукъ Корфа, представленномъ въ кабинетъ Ея Величества 5 марта 1736 года, названъ въ числѣ выбранныхъ къ отправленію заграницу «Ми-

3) Исторія Императорской Академіи наукъ въ Петербургѣ, Петра Пекарскаго. 1873. Т. II, стр. 261—262.

4) Полное собраніе сочиненій М. В. Ломоносова. 1784. Ч. I, стр. III.

5) Путешествія академика Ивана Лепехина. Часть IV. 1805, стр. 298 и 301.

хайло Ломоносовъ, крестьянскій сынъ, изъ Архангелогородской губерніи Двиницкаго уѣзда, Куростровской волости, двадцати двухъ лѣтъ» [6]). Слѣдовательно, родился въ 1714 году?

Въ метрическихъ книгахъ Исаакіевскаго собора за 1765 годъ, въ графѣ объ умершихъ записано: «Штатской Совѣтникъ Михайло Васильевичъ Ломоносовъ, пятидесяти лѣтъ, отъ чахотки» [7]). По этой записи можно бы заключить, что Ломоносовъ родился въ 1715 году; но показанія метрическихъ книгъ о возрастѣ умершихъ не всегда отличаются точностью. Другое дѣло показаніе метрикъ о времени рожденія.

Къ сожалѣнію не сохранилось, или по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не отыскано, метрической записи о рожденіи Ломоносова. На родинѣ его, въ архивѣ Куростровской церкви хранятся метрическія книги только начиная съ 1772 года [8]).

Въ рукописной памятной книгѣ Куростровской Димитріевской церкви значится: «Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, сынъ крестьянина Куростровскаго селенія, Денисовской (нынѣ Ломоносовской) волости, родился 1711 года, ноября 8 дня» [9]). Хотя запись эта и весьма поздняго происхожденія; но она вполнѣ подтверждается показаніями, сдѣланными въ разное время самимъ Ломоносовымъ.

Въ сентябрѣ 1734 года Ломоносовъ, бывшій тогда ученикомъ московской славяно-греко-латинской академіи, показалъ, что ему отъ роду двадцать три года [10]). Если онъ родился въ ноябрѣ 1711 года, то въ сентябрѣ 1734 года ему дѣйствительно было двадцать три года.

---

6) Нѣмецкій подлинникъ доклада барона Корфа напечатанъ въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ, изданномъ А. А. Куникомъ. 1865. Часть I, стр. 92—93.

7) Архивъ С.-Петербургской Духовной Консисторіи. Метрическія книги; отдѣлъ объ умершихъ, 1765 года, 8 апрѣля.

8) Донесеніе Причта Куростровской Церкви въ Архангельскую Духовную Консисторію, 11 декабря 1895 года, № 79.

9) Памятная книга Куростровской Церкви. Приложеніе къ ней: Знаменитые Куростровскіе уроженцы.

10) Архивъ Московской Св. Синода Конторы. Дѣло 1734 г., 18 іюля, № 245.

7 мая 1754 года подана была въ Герольдмейстерскую контору Правительствующаго Сената «Вѣдомость о находящихся при Академіи наукъ служителяхъ, состоящихъ въ штабъ и оберъ-офицерскихъ рангахъ, кто съ котораго года, гдѣ и въ какой службѣ служилъ и чинами происходилъ, и въ которыхъ нынѣ состоитъ; *сколько кому отъ роду лѣтъ*», и т. д. Въ этой вѣдомости значится: «Коллежскій Совѣтникъ и профессоръ Михаилъ Васильевъ сынъ Ломоносовъ; отъ роду ему сорокъ два года» [11]). Лѣта обозначены здѣсь по собственноручной запискѣ Ломоносова, изъ которой заимствованы всѣ свѣдѣнія, находящіяся въ Вѣдомости [12]).

По именному указу 27 января 1754 года всѣ учрежденія обязаны были доставлять въ Герольдмейстерскую контору «извѣстія о всѣхъ, находящихся при статскихъ дѣлахъ, для внесенія въ генеральную вѣдомость». Вслѣдствіе этого требованія представлено, въ іюлѣ 1755 года, извѣстіе, въ которомъ показано: «Коллежской Совѣтникъ Михайло Ломоносовъ сорока трехъ лѣтъ» [13]).

Такимъ образомъ, наиболѣе достовѣрныя свидѣтельства приводятъ къ заключенію, что Ломоносовъ родился въ 1711 году. Что касается дня рожденія, то показаніе Куростровской памятной книги представляется довольно вѣроятнымъ: 8 ноября — «соборъ Архистратига Михаила», а издавна ведется обычай давать новорожденному имя святого, празднуемаго въ день рожденія ребенка.

О пребываніи Ломоносова въ «Спасскихъ школахъ» есть нѣсколько извѣстій; одни изъ нихъ сообщены Штелиномъ, другія — земляками Ломоносова, третьи — самимъ Ломоносовымъ.

---

11) Московскій Архивъ министерства юстиціи; по Правительствующему Сенату, книга № 8122, л. 4—6.

12) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ. 1865. Часть II, стр. 370.

13) Московскій Архивъ министерства юстиціи; по Герольдмейстерской Конторѣ, книга № 439, л. 484—489.

Разсказъ, составленный преимущественно по матеріаламъ Штелина, заключается въ слѣдующемъ: «У караваннаго прикащика былъ знакомый монахъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, который часто къ нему хаживалъ. Чрезъ два дни послѣ пріѣзда его въ Москву, пришелъ съ нимъ повидаться. Представя онъ ему молодаго своего земляка, разсказалъ объ его обстоятельствахъ, о чрезмѣрной охотѣ къ ученію, и просилъ усильно постараться, чтобъ приняли его въ Заиконоспасское училище. Монахъ взялъ то на себя, и исполнилъ самымъ дѣломъ. И такъ учинился нашъ Ломоносовъ ученикомъ въ семъ монастырѣ. А какъ не принимаютъ въ сію семинарію положенныхъ въ подушный окладъ, то назвался Ломоносовъ дворяниномъ. Покойный новгородскій архіерей Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ Кіевѣ его узнавъ и полюбя за отмѣнные въ наукахъ успѣхи, призвалъ къ себѣ и сказалъ ему: «Не бойся ничего, хотя бы со звономъ въ большой московскій соборный колоколъ стали тебя публиковать самозванцемъ, я твой защитникъ». Въ монастырѣ обучался Ломоносовъ съ великою охотою, и оказалъ примѣрные успѣхи. По прошествіи перваго полугода перевели его изъ нижняго класса во второй; въ томъ же году изъ втораго въ третій классъ. Чрезъ годъ послѣ того столько сталъ онъ силенъ въ латинскомъ языкѣ, что могъ уже на немъ сочинять небольшіе стихи. Тогда началъ учиться по-гречески, а въ свободные часы, вмѣсто того, что другіе семинаристы проводили ихъ въ рѣзвости, рылся въ монастырской библіотекѣ. Находимыя во оной книги утвердили его въ языкѣ славенскомъ. Тамъ же, сверхъ лѣтописей, сочиненій церковныхъ отцевъ и другихъ богословскихъ книгъ, попалось въ руки его малое число философическихъ, физическихъ и математическихъ книгъ», и т. д. [14]).

Въ запискѣ, за подписью Василія Варѳоломеева, полученной академикомъ Озерецковскимъ отъ Степана Кочнева, находятся

---

14) Полное собраніе сочиненій Михайла Васильевича Ломоносова. 1784 года. Часть I, стр. V—VII.

такія подробности: Ломоносовъ пробывши нѣсколько времени въ Антоніевомъ Сійскомъ монастырѣ, «ушелъ оттолѣ въ Москву, присталъ на Сухареву башню обучиться ариѳметикѣ, которой науки показалось ему мало, то пришелъ онъ къ тогдашнему московскому архіерею, объявя себя поповскимъ сыномъ, просилъ о принятіи себя въ Заиконоспасское училище для обученія славено-греко-латинскихъ наукъ, куда былъ и принятъ и имѣлъ въ обученіи хорошій успѣхъ, а между прочимъ въ томъ монастырѣ отправлялъ пономарскую должность... А какъ уже онъ обучился богословіи, то требовались изъ ученыхъ нѣсколько человѣкъ въ Карелу въ священный чинъ, въ томъ числѣ и онъ, Ломоносовъ, былъ назначенъ; однако онъ въ духовный чинъ не похотѣлъ и отозвался» и т. д. [15]).

Лучшею повѣркою свѣдѣній, сообщаемыхъ другими лицами, могутъ служить собственныя свидѣтельства Ломоносова. Къ сожалѣнію, число ихъ крайне ограничено; но тѣмъ болѣе надо дорожить каждымъ изъ нихъ.

О своей школьной жизни Ломоносовъ высказывался случайно, по тому или другому поводу, неимѣющему ничего общаго съ желаніемъ подѣлиться съ читателями своими воспоминаніями о прошломъ.

Когда ходатайство Ломоносова о заведеніи фабрики для мозаичныхъ работъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, Шуваловъ выразилъ нѣкоторое опасеніе, чтобы занятія фабрикою не отвлекли отъ ученой дѣятельности. Задѣтый заживо Ломоносовъ горячо доказывалъ несостоятельность подобнаго опасенія, и приводилъ примѣры изъ пережитаго имъ въ самую раннюю пору. «Высочайшая щедрота — писалъ онъ Шувалову — можетъ ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла. Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя

15) Путешествія Академика Ивана Лепехина. Часть IV. 1805, стр. 300.

стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство, которое онъ для меня кровавымъ пóтомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ».

На запросъ Сената о времени службы и получаемомъ жалованьи Ломоносовъ отвѣчалъ: «Въ Московскихъ Спасскихъ школахъ записался 1731 года, генваря 15 числа. Жалованья въ шести нижнихъ школахъ по три копейки на день, а въ седмой четыре копейки на день» [16]).

Бѣдность учениковъ Спасской школы была дѣйствительно «несказанная». Нѣкоторымъ изъ нихъ давалось изъ Московской типографіи по двѣ копейки на день человѣку, по третямъ, съ вычетомъ притомъ по двѣ копейки за каждый прогульный день и по одной копейкѣ за половину дня. Къ довершенію бѣдъ жалованье выдавалось неисправно: недѣли, мѣсяцы и даже трети года проходили въ напрасномъ ожиданіи [17]). Учителя славяно-греко-латинской академіи подали, во время пребыванія въ ней Ломоносова, жалобу въ Св. Синодъ, въ которой говорилось: «На нынѣшній 1732 годъ не токмо на майскую, но еще и на генварскую треть жалованья какъ учителямъ, такъ и ученикамъ не выдано, и за долговременною невыдачею жалованья многіе ученики, претерпѣвая гладъ и хладъ, отъ школъ поотставали» [18]). Жалоба подана въ октябрѣ 1732 года.

---

16) Полное собраніе сочиненій М. В. Ломоносова. 1784. Часть I, стр. 324—325. Письмо Ломоносова къ Шувалову, 10 мая 1753.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ. 1865. Часть II, стр. 370.

17) Архивъ Печатнаго Двора (Синодальной Типографіи). Дѣла 1732 года, №№ 235 и 241.

18) Архивъ Святѣйшаго Синода. Дѣла 1732 года. № 328.

Въ высшей степени любопытны показанія, данныя Ломоносовымъ, еще ученикомъ славяно-греко-латинской академіи, по поводу приглашенія его въ такъ называемую Оренбургскую экспедицію, предпринятую по мысли Кирилова.

Иванъ Кириловичъ Кириловъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ людей первой половины восемнадцатаго столѣтія. Трудами его составленъ цѣлый рядъ географическихъ картъ различныхъ мѣстъ Россіи, онъ былъ главнымъ двигателемъ второй камчатской экспедиціи, и т. д. Современники и ближайшіе свидѣтели его трудовъ съ большимъ сочувствіемъ говорятъ о его неутомимой дѣятельности, о его горячей любви къ наукѣ и къ Россіи. Его называютъ «великимъ рачителемъ и любителемъ наукъ», прибавляя: «сію правду поистинѣ надлежитъ ему отдать, что онъ труды къ трудамъ до самой своей кончины прилагалъ, предпочитая интересъ государственный паче своего», и т. д. Kirilow — ein sehr patriotischer mann und liebhaber geographischer und statistischer kenntnisse; grosser liebhaber und auch kenner der geographie seines vaterlandes [19]), и т. д.

Оренбургская экспедиція была осуществленіемъ завѣтной мечты Кирилова. Онъ составилъ проектъ, въ которомъ съ жаромъ и настойчивостью убѣжденнаго человѣка доказывалъ необходимость и пользу экспедиціи, и старался разсѣять малодушныя опасенія и ложные страхи. Онъ говорилъ: «Всегда отъ новаго города прибыль останется на нашей сторонѣ... Когда Гишпанцы счастье сыскали, и лучшими частьми Америки завладѣли, то послѣ всѣмъ жаль стало» [20]), и т. д.

1 мая 1734 года проектъ Кирилова былъ утвержденъ императрицею Анною Іоанновною. 7 іюня того же года данъ указъ «построить городъ при устьѣ *Орь* рѣки, впадающей въ Яикъ. Сему городу, съ Богомъ вновь строиться назначенному, имеповаться *Оренбургъ*».

---

19) Матеріалы для исторіи Императорской Академіи наукъ. 1890. Т. VI, стр. 112, 113, 253, и др.

20) Полное собраніе законовъ. 1830. Т. IX, стр. 309—317.

Экспедиція, во главѣ которой стоялъ Кириловъ, была довольно многочисленна; въ ней находились: инженеры—для строенія города; моряки — «для Аральскаго моря, судовую пристань завести»; геодезисты—для описи и сочиненія ландкартъ; штабъ- и оберъ-офицеры — «для экономическихъ и прочихъ городскихъ дѣлъ» [21]) и т. д.

Не ограничиваясь торговыми и политическими цѣлями, онъ имѣлъ въ виду и нравственные интересы: въ средѣ своихъ спутниковъ онъ желалъ видѣть образованнаго священника-миссіонера. Въ донесеніи Св. Синоду Кириловъ говоритъ о себѣ: «Имѣлъ довольное попеченіе, чтобъ со мною въ экспедицію отправленъ былъ священникъ ученый для важныхъ резоновъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ быть надлежитъ, народъ махометанской и идолаторской, гдѣ могъ бы тотъ священникъ проповѣдь слова Божія имѣть, и ежели кто пожелаетъ принять святую православную каѳоликороссійскую вѣру, тѣмъ наставленіе чинить».

Кириловъ просилъ, чтобы выборъ былъ вполнѣ свободный, безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ,—«кто самоизвольно пожелаетъ ѣхать». Когда предложеніе Кирилова сдѣлалось извѣстнымъ въ славяно-греко-латинской академіи, одинъ изъ учениковъ ея по своей волѣ и охотѣ согласился принять священство и отправиться въ оренбургскую экспедицію. Этотъ ученикъ былъ Ломоносовъ.

2 сентября 1734 года Ломоносовъ представленъ былъ въ Московскую Синодальнаго Правленія Канцелярію; туда приходилъ Кириловъ и заявилъ, что «тѣмъ школьникомъ, по произведеніи его въ священство, будетъ онъ доволенъ, и хотя онъ, Кириловъ, скоро съ Москвы и отъѣзжаетъ, для принятія и отправленія онаго священника оставитъ въ Москвѣ офицера», и т. д.

4 сентября 1734 года въ ставленическомъ столѣ Московской Славяно-греко-латинской академіи допрашиванъ ученикъ

---

21) Сочиненія и переводы, къ пользѣ и удовольствію служащіе. 1759 года. Мартъ, стр. 232—234; январь, стр. 31—35.

школы Риторики Михаилъ Васильевъ сынъ Ломоносовъ, и въ допросѣ сказалъ слѣдующее:

«Отецъ у него города Холмогоръ церкви Введенія Пресвятыя Богородицы попъ Василей Дороѳеевъ, а онъ, Михайло, жилъ при отцѣ своемъ, а кромѣ того нигдѣ не бывалъ; въ драгуны, въ солдаты и въ работу Ея Императорскаго Величества не записанъ; въ плотникахъ въ высылкѣ не былъ. Отъ переписчиковъ написанъ дѣйствительнаго отца сынъ, и въ окладъ не положенъ. А отъ отца своего отлучился въ Москву въ 730 году октября въ первыхъ числѣхъ, а пріѣхавъ въ Москву, въ 731 году въ генварѣ мѣсяцѣ записался въ вышеписанную Академію, въ которой и доднесь пребываетъ, и наукою произошелъ до Риторики. Токмо онъ, Михайло, еще не женатъ. Отъ роду себѣ имѣетъ двадцать три года. И чтобъ ему быть въ попахъ въ порученной по именному Ея Императорскаго Величества указу извѣстной экспедиціи статскаго совѣтника Ивана Кирилова, онъ, Михайло, желаетъ. А расколу, болѣзни, и глухоты, и во удесѣхъ поврежденія никакого не имѣетъ, и скоропись пишетъ. А буде онъ въ семъ допросѣ сказалъ что̀ ложно, и за то священнаго чина будетъ лишенъ и остриженъ и сосланъ въ жестокое подначальство въ дальной монастырь. Къ сему допросу Славеногреколатинской Московской Академіи ученикъ Михайло Ломоносовъ руку приложилъ».

Опредѣлено было истребовать изъ прежней Камеръ-Коллегіи подтвержденіе этихъ свѣдѣній — такъ ли показано при переписи мужескаго пола душъ. При отдачѣ этой справки въ Камеръ-Коллегію Ломоносовъ сказалъ, что онъ не поповичъ, а дворцовый крестьянскій сынъ, и на новомъ допросѣ далъ такое показаніе.

«Рожденіемъ онъ, Михайло, Архангелогородской губерніи Двинскаго уѣзда, дворцовой Куростровской деревни крестьянина Василія Дороѳеева сынъ. И тотъ же его отецъ и понынѣ въ той деревнѣ обрѣтается съ прочими крестьяны, и положенъ въ подушный окладъ. А въ прошломъ 730 году декабря въ 9-мъ числѣ, съ позволенія онаго отца его, отбылъ онъ, Ломоносовъ,

въ Москву, о чемъ данъ былъ ему и пашпортъ, который утратилъ онъ своимъ небреженіемъ, изъ Холмогорской воеводской канцеляріи за рукою бывшаго тогда воеводы Григорья Воробьева. И съ тѣмъ де пашпортомъ пришелъ онъ въ Москву, и жилъ Сыскнаго приказа у подьячего Ивана Дутикова генваря до послѣднихъ чиселъ 731 году, а до котораго именно числа, не упомнитъ. И въ тѣхъ же числѣхъ подалъ онъ прошеніе Заиконоспасскаго монастыря архимандриту, что нынѣ преосвященный архіепископъ архангелогородскій и холмогорскій, Герману, дабы принятъ онъ былъ, Ломоносовъ, въ школу. По которому его прошенію онъ, архимандритъ, его, Михайла, принявъ, приказалъ допросить, и допрашиванъ. А тѣмъ допросомъ въ Академіи показалъ, что онъ, Ломоносовъ, города Холмогоръ дворянскій сынъ. И по тому допросу онъ, архимандритъ, опредѣлилъ его, Михайла, въ школы, и дошелъ до Риторики. А въ экспедицію съ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Кириловымъ пожелалъ онъ, Михайло, ѣхать самохотно. А что онъ въ ставленическомъ столѣ сказался поповичемъ, и то учинилъ съ простоты своей, не надѣясь въ томъ быть причины и препятствія къ произведенію во священство, а никто его, Ломоносова, чтобъ сказался поповичемъ, не научалъ, а нынѣ онъ желаетъ попрежнему учиться въ оной же академіи. И въ семъ допросѣ сказалъ онъ сущую правду, безъ всякія лжи и утайки, а ежели что̀ утаилъ, и за то̀ учинено бъ было ему, Ломоносову, что̀ Московская Синодальнаго Правленія Канцелярія опредѣлитъ. Къ сему допросу Михайло Ломоносовъ руку приложилъ» [22]).

Приведенныя показанія проливаютъ свѣтъ на противорѣчія, встрѣчающіяся въ первыхъ по времени біографическихъ извѣстіяхъ о Ломоносовѣ, послужившихъ источникомъ для всѣхъ послѣдующихъ.

Ломоносовъ вынужденъ былъ скрывать свое крестьянское

22) Архивъ Московской Святѣйшаго Синода Конторы. Дѣло 1734 года, 18 іюля, № 245.

происхожденіе вслѣдствіе того печальнаго обстоятельства, что въ Академію могли поступать лица всѣхъ сословій: дворяне, разночинцы, дѣти солдатъ, новокрещенные инородцы, и пр.; но двери ея были закрыты для однихъ только крестьянъ. Указомъ 1728 года было предписано: «крестьянскихъ дѣтей, также непонятныхъ и злонравныхъ, отъ помянутой школы отрѣшить и впредь таковыхъ не принимать» [23]). Понятно послѣ этого, почему и русскіе просвѣщенные люди и иностранцы видѣли въ словахъ Ломоносова *вынужденный* обманъ [Nothlüge] [24]). Такъ же смотрѣли на это и въ славяно-греко-латинской академіи, какъ можно заключить изъ того, что Ломоносова оставили въ академіи для продолженія курса, и впослѣдствіи выбрали, какъ одного изъ лучшихъ учениковъ, для отправленія въ Петербургъ, въ Академію Наукъ.

М. И. Сухомлиновъ.

---

23) Исторія московской славяно-греко-латинской академіи. Соч. С. Смирнова. 1855, стр. 178—180.

24) Diese Nothlüge, an der vermuthlich schon der Mönch Antheil zu nehmen hatte, ward nachher durch das Gutheiszen eines Mannes, der in vieler Hinsicht die dankbare Verehrung seines Vaterlandes verdient hat, gleichsam geheiligt.

(Journal von Russland, herausgegeben von Joh. Heinrich Busse. 1794. Zweiter Band. Ueber Lomonossows Leben und Schriften, стр. 28—48).

Упоминаемый здѣсь монахъ — знакомый земляка Ломоносова, желавшій опредѣлить Ломоносова въ Академію; мужъ, славный своими заслугами отечеству — Ѳеофанъ Прокоповичъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXIV, № 8.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
за 1895 годъ,

СОСТАВЛЕННЫЙ
ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВУЮЩИМЪ ВЪ ОТДѢЛЕНІИ ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ
А. Ѳ. Бычковымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1896.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1896 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОТЧЕТЪ

о дѣятельности

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1895 годъ,

составленный Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи,

Ординарнымъ Академикомъ **А. Ѳ. Бычковымъ.**

Приступая къ обозрѣнію дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за истекающій годъ, я позволю себѣ обратить ваше вниманіе прежде всего на труды, совершенные и начатые въ средѣ его по отечественному языку, а затѣмъ представить очеркъ того, что сдѣлано каждымъ изъ членовъ Отдѣленія.

По выходѣ въ свѣтъ въ началѣ настоящаго года третьяго выпуска Словаря русскаго языка на букву Д, начатаго покойнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ и оконченнаго подъ руководствомъ академика А. Ѳ. Бычкова, Отдѣленіе возложило продолженіе этого труда на адъюнкта А. А. Шахматова. При разсмотрѣніи имѣющагося въ распоряженіи Отдѣленія матеріала на слѣдующія буквы, оказалось, что онъ недостаточенъ для того, чтобы возможно было немедленно приступить къ печатанію дальнѣйшихъ выпусковъ въ томъ видѣ, въ какомъ явились въ свѣтъ первые три. Поэтому Отдѣленіе положило усилить соби-

раніе нужныхъ для словаря матеріаловъ и въ то же время въ виду того, что весьма трудно провести точную границу между книжнымъ языкомъ и живымъ народнымъ, отъ котораго первый долженъ обогащаться и получать живительные соки, рѣшило собирать одновременно матеріалы для областного словаря русскаго языка. Оно надѣется, впрочемъ, что несмотря на обширность и сложность предпринятыхъ подготовительныхъ работъ для Словаря русскаго языка, будетъ возможно въ непродолжительномъ времени приступить къ безостановочному печатанію новыхъ его выпусковъ.

Оконченъ печатаніемъ, подъ наблюденіемъ академика А. Ѳ. Бычкова, благодаря неутомимой дѣятельности О. И. Срезневской и ея брата Вс. И. Срезневскаго, четвертый выпускъ Матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ, собранныхъ покойнымъ академикомъ И. И. Срезневскимъ. Этимъ выпускомъ, заключающимъ въ себѣ буквы Л, М и Н, начинается второй томъ Матеріаловъ.

Отдѣленіе приступило къ печатанію Областного словаря олонецкаго нарѣчія, составленнаго членомъ-сотрудникомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Г. И. Куликовскимъ, уроженцемъ Олонецкой губерніи. Печатаніе этого словаря производится подъ наблюденіемъ адъюнкта А. А. Шахматова, который къ труду г. Куликовскаго присоединяетъ и собранныя имъ самимъ слова олонецкаго нарѣчія во время своей поѣздки въ 1885 и 1886 годахъ для изученія живыхъ говоровъ въ Петрозаводскомъ, Повѣнецкомъ и Пудожскомъ уѣздахъ.

Оконченъ печатаніемъ первый выпускъ Литовско-русско-польскаго словаря братьевъ Юшкевичей подъ редакціей профессора Императорскаго Московскаго университета Ф. Ѳ. Фортунатова. Въ этотъ выпускъ вошли слова на буквы A — Dz. Сынъ Ивана Юшкевича, одного изъ составителей Словаря, магистрантъ Императорскаго Юрьевскаго университета по сравнительному языкознанію г. Витольдъ Юшкевичъ предложилъ Отдѣленію свои услуги для ускоренія выхода въ свѣтъ словаря.

Отдѣленіе приняло предложеніе г. Юшкевича, и онъ, съ пособіемъ отъ Отдѣленія, былъ командированъ въ Сувалкскую губернію для повѣрки собраннаго отцомъ и дядей матеріала относительно 1) точности постановки ударенія въ тѣхъ словахъ, гдѣ оно не обозначено или обозначено не точно; 2) различенія ударенія въ дифтонгахъ и 3) опредѣленія количества гласныхъ.

Въ виду важности изученія говоровъ русскаго языка, Отдѣленіе просило А. А. Шахматова составить программы для собиранія особенностей русскихъ говоровъ, указавъ при этомъ, что для каждой изъ главныхъ частей, на которыя распалась русская рѣчь, должны быть составлены особыя вопросныя статьи или особыя программы. А. А. Шахматовъ съ знаніемъ и искусствомъ выполнилъ это порученіе, и напечатанная имъ въ видѣ рукописи программа сѣверно-великорусскихъ говоровъ разослана въ настоящее время спеціалистамъ. По полученіи отъ нихъ пополненій и замѣчаній и внесенія ихъ въ текстъ программа сдѣлается общимъ достояніемъ и дастъ богатый матеріалъ для діалектологіи.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ въ отчетномъ 1895 году выпустилъ въ свѣтъ третій томъ Сочиненій Ломоносова съ объяснительными примѣчаніями, которыя потребовали много труда и кропотливыхъ разысканій. Изданный томъ заключаетъ въ себѣ двѣ редакціи Риторики и Разсужденіе Ломоносова о русскомъ стихосложеніи, которое не только имѣло важное значеніе для своего времени, но и послужило руководящимъ началомъ для послѣдующихъ трудовъ по этому предмету. По справедливому замѣчанію академика М. И. Сухомлинова появленіе въ печати Риторики Ломоносова было своего рода событіемъ въ тогдашней литературѣ. Главная заслуга автора заключается въ изобиліи примѣровъ и въ ихъ просвѣтительномъ значеніи для современнаго ему общества. Съ рѣдкимъ умѣньемъ Ломоносовъ приводитъ мѣста изъ сочиненій писателей различныхъ эпохъ и народовъ, отъ Цицерона до Эразма Роттердамскаго и отъ Виргилія до Камоэнса. Книга Ломоносова знакомила читателей съ

разнообразнымъ направленіемъ человѣческой мысли, отъ ученія стоиковъ и отцовъ церкви до философской системы Лейбница и Вольфа.

Подъ редакціею того же академика изданы въ отчетномъ году два тома, седьмой и восьмой, Матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Въ этихъ томахъ находится множество данныхъ, относящихся къ исторіи просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Весьма любопытны свѣдѣнія о научныхъ трудахъ и предпріятіяхъ Академіи; объ ученыхъ путешествіяхъ; о дѣятельности Академіи на пользу Россіи; о лекціяхъ, читанныхъ впервые на русскомъ языкѣ; о лицахъ, получившихъ свое образованіе въ стѣнахъ Академіи, которая была въ то время «академіею наукъ и художествъ». Чтобъ хотя сколько-нибудь познакомить съ содержаніемъ Матеріаловъ, можно указать на предложеніе извѣстнаго Миллера о томъ, какъ должны быть составляемы исторія и географія Россіи. Сочиненія иностранныхъ писателей, касающіяся Русской исторіи, — говоритъ Миллеръ — не имѣютъ большой цѣны уже потому, что авторы, какъ «иностранцы, которые въ Россіи не на долго пребываніе имѣли и россійскаго языка довольно не знали, также иногда, слѣдуя своимъ пристрастіямъ, сущей правды не высмотрили, или иные, и не бывши въ Россіи, къ описанію оной устремились и неосновательнымъ разглашеніямъ повѣрили. Паче всего сожалѣнія достойно, что они разумный свѣтъ толикими неправдами ослѣпили... Что касается до ландкартъ, то и въ чужестранныхъ государствахъ, гдѣ науки уже чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ процвѣтаютъ, едва могутъ похвалиться такимъ раченіемъ, какъ россійскіе геодезисты въ прошедшія тридцать лѣтъ на то положили». Благодаря трудамъ и путешествіямъ нашихъ академиковъ, Сибирь, «сія отдаленная земля, въ разсужденіи всѣхъ ея обстоятельствъ учинилась извѣстнѣе, нежели самая средина Нѣмецкой земли тамошнимъ жителямъ быть можетъ».

Изданные Матеріалы представляютъ много чертъ и для характеристики нашей общественной жизни того времени. Борьба

двухъ началъ: бюрократіи и науки особенно ярко обрисовывается въ надѣлавшемъ много шума процессѣ Шумахера съ представителями науки. Желаніе академиковъ получить уставъ, ограждающій ихъ отъ призвола администраціи, было тѣмъ естественнѣе, что порядки, заведенные лицомъ, въ рукахъ котораго находилось управленіе Академіею, сдѣлались наконецъ невыносимыми. Академическому собранію не объявляли по цѣлымъ годамъ указовъ, получаемыхъ изъ Сената. Съ другой стороны и Сенатъ такъ мало удѣлялъ времени академическимъ дѣламъ, что несмотря на то, что они должны были докладываться каждый четвергъ, случалось, что слушаніе ихъ откладывалось въ теченіе шести четверговъ, а на седьмой объявляли, что нельзя доложить потому, что слушаются такія важныя и притомъ секретныя дѣла, что даже секретарей удалили изъ залы засѣданій. Вообще эти два тома даютъ много любопытныхъ данныхъ для историка XVIII столѣтія.

Академикъ И. В. Ягичъ издалъ въ настоящемъ году первый томъ Изслѣдованій по русскому языку, въ составъ котораго вошелъ собранный имъ обширный матеріалъ, относящійся къ исторіи теоретическаго изученія церковно-славянскаго, отчасти и русскаго языка въ теченіе прошедшихъ столѣтій. Этотъ матеріалъ, озаглавленный: «Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ», извлеченъ болѣе чѣмъ изъ 60 рукописей. Большая часть статей, вошедшихъ въ этотъ сборникъ, найдена И. В. Ягичемъ не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ спискахъ, и поэтому, положивъ въ основаніе одинъ изъ текстовъ, онъ привелъ изъ прочихъ всѣ разночтенія, заслуживающія вниманія. Кромѣ того отдѣльныя статьи академикъ Ягичъ снабдилъ историко-литературными объясненіями въ видѣ введеній и послѣсловій къ нимъ, иногда довольно обширныхъ и требовавшихъ продолжительныхъ и многостороннихъ разысканій, какъ напримѣръ поясненія къ статьѣ, носящей заглавіе: «Книга Константина Философа и граммагика о писменехъ». Для нѣкоторыхъ статей академику Ягичу удалось отыскать греческіе

источники, что стоило ему большихъ трудовъ. Вообще этотъ сборникъ матеріаловъ представляетъ для исторіи церковно-славянскаго языка неоспоримую важность, и теперь, благодаря нашему высокоуважаемому товарищу, является возможность ознакомиться съ воззрѣніями стараго времени на языкъ и уразумѣть различныя тонкости, довольно искусственныя по своему характеру, но строго соблюдавшіяся въ рукописяхъ церковнаго письма въ XV и слѣдующихъ столѣтіяхъ.

Богатый матеріалъ, накопившійся въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій объ употребленіи разныхъ тайныхъ языковъ у славянъ, подалъ академику Ягичу мысль взяться за критическое обозрѣніе этихъ матеріаловъ и подвергнуть ихъ затѣмъ анализу. Плодомъ этого явилось сочиненіе: Die Geheimsprachen bei den Slaven. Такъ какъ въ тайныхъ языкахъ участвуютъ двѣ различныя стихіи: одна домашняя, славянская, представляемая нарочно искаженными или передѣланными общеизвѣстными словами, или новообразованными словами, другая же иностранная, чужеязычная состоящая изъ словъ заимствованныхъ, то академикъ И. В. Ягичъ въ первой вышедшей нынѣ части этого труда остановился преимущественно на разработкѣ первой стихіи, въ которой пришлось разсмотрѣть, между прочимъ, русскій тайный языкъ офеней, старцевъ, шаповаловъ и шерстобитовъ.

Тотъ же академикъ напечаталъ въ Загребѣ сочиненіе: Ruska književnost u osamnaestom stoljeću. Этотъ трудъ представляетъ собою переработку публичныхъ лекцій, которыя академикъ Ягичъ читалъ въ Вѣнскомъ университетѣ и которыя, по усиленной просьбѣ хорватовъ, онъ помѣстилъ въ переводѣ на сербскій языкъ въ изданіи литературнаго Общества «Матица Хорватская», распространяющаго свои изданія въ количествѣ 12000 экземпляровъ. Эта книга, отличающаяся легкимъ и изящнымъ изложеніемъ, познакомитъ южныхъ славянъ съ произведеніями нашихъ главныхъ литературныхъ дѣятелей XVIII вѣка. Кромѣ вышеупомянутыхъ трудовъ, г. Ягичъ помѣстилъ въ изданіи Вѣнской Академіи Наукъ «Anzeiger der philosophisch-histori-

schen Classe» нѣсколько статей, посвященныхъ библіографическимъ разысканіямъ о бревіаріи, напечатанномъ глаголицею въ 1493 году въ Венеціи Андреемъ Торесанскимъ, и издавалъ XVIII томъ Archiv'а für slavische Philologie, въ которомъ напечаталъ много статей, преимущественно отзывовъ о вновь вышедшихъ книгахъ.

Академикъ Л. Н. Майковъ продолжалъ свои приготовительныя работы по критическому изданію сочиненій А. С. Пушкина, порученному ему Отдѣленіемъ.

Основную задачу этого труда составляетъ установленіе правильнаго текста произведеній великаго писателя. Пушкинъ еще при жизни своей жаловался, что стихотворенія его подвергаются типографскимъ искаженіямъ, когда печатаются въ альманахахъ и журналахъ. Первое, вышедшее по его смерти, собраніе его сочиненій (1838—1841 гг., въ 11 томахъ) было издано очень небрежно и увеличило число этихъ искаженій; послѣдующіе издатели принимали мѣры къ ихъ исправленію, но достигли своей цѣли не вполнѣ. Для того, чтобы возстановить правильный текстъ Пушкина, необходимо провѣрить его по изданіямъ, вышедшимъ еще при жизни автора, отчасти подъ его собственнымъ надзоромъ, а также по сохранившимся рукописямъ поэта. Эту работу и принялъ на себя академикъ Майковъ. Для сочиненій Пушкина, вышедшихъ въ свѣтъ при его жизни, будетъ воспроизведенъ тотъ текстъ, который самимъ авторомъ былъ признанъ за окончательный; дополненія къ этому тексту допускаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда написанное Пушкинымъ подвергалось измѣненіямъ и сокращеніямъ со стороны цензуры. Для изданія произведеній Пушкина, напечатанныхъ послѣ его кончины, употреблены будутъ его собственныя рукописи и лишь въ случаѣ отсутствія ихъ — копіи. Изученіе первоначальныхъ изданій произведеній Пушкина а равно его черновыхъ рукописей, значительнѣйшая часть которыхъ хранится въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, дало академику Майкову возможность собрать большое количество варіантовъ къ окончательному тексту, и эти ва-

ріанты, иногда весьма существеннаго значенія, являются драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ того, какъ много труда полагалъ Пушкинъ на отдѣлку своихъ произведеній. Такимъ образомъ раскрываются отчасти и самые пріемы Пушкинскаго творчества.

Изучая рукописи Пушкина въ нашихъ главнѣйшихъ общественныхъ книгохранилищахъ, г. Майковъ вмѣстѣ съ тѣмъ поставилъ себѣ долгомъ разыскивать ихъ и въ другихъ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ. Въ отчетахъ Отдѣленія за предшествовавшіе годы уже были съ признательностью поименованы тѣ лица, которыя по первому призыву Отдѣленія изъявили готовность содѣйствовать его предпріятію сообщеніемъ хранящихся у нихъ рукописей Пушкина, его писемъ и вообще матеріаловъ для его біографіи. Много подобныхъ документовъ проникло уже въ печать, но провѣрка ихъ по сообщеннымъ рукописнымъ подлинникамъ дала академику Майкову возможность собрать не мало дополненій и поправокъ къ тому, что́ было уже издано, и притомъ считалось изданнымъ вполнѣ точно. Но, кромѣ того, въ теченіе настоящаго года Л. Н. Майкову удалось собрать и значительное количество новыхъ матеріаловъ въ томъ же родѣ.

Во главѣ лицъ, сообщившихъ въ 1895 году Майкову матеріалы для приготовляемаго имъ изданія Пушкина, слѣдуетъ поставить Августѣйшаго Президента Академіи Наукъ и двухъ почетныхъ ея членовъ: барона Ѳ. А. Бюлера и графа С. Д. Шереметева. Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ сообщилъ альбомъ Ю. Н. Бартенева, въ который рукою Пушкина вписано его стихотвореніе «Мадонна» съ нѣсколькими варіантами противъ печатнаго текста. Управляющій Московскимъ главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ баронъ Бюлеръ доставилъ на разсмотрѣніе академика Майкова хранящіяся въ этомъ архивѣ дѣла по службѣ Пушкина въ Иностранной Коллегіи и внесенныя самимъ барономъ въ библіотеку того же архива подлинныя письма Пушкина, копію съ Записокъ о немъ И. И. Пущина и

еще нѣсколько другихъ документовъ. Графъ Шереметевъ, обладатель Остафьевскаго архива князей Вяземскихъ, открылъ г. Майкову доступъ въ это драгоцѣнное хранилище матеріаловъ по исторіи русскаго общества и русской литературы прошлаго и текущаго столѣтій, гдѣ между прочимъ находятся письма Пушкина къ князю П. А. и княгинѣ В. Ѳ. Вяземскимъ, а также къ П. В. Нащокину, нѣсколько стихотвореній Пушкина въ его автографахъ и достовѣрныхъ копіяхъ и, наконецъ, множество свѣдѣній о немъ въ перепискѣ другихъ лицъ, особенно А. И. Тургенева. А. И. Киселева, чрезъ обязательное посредство А. В. Верещагина и А. Н. Гонецкаго, любезно доставила г. Майкову возможность воспользоваться бумагами С. Д. и Н. С. Киселевыхъ, на основаніи которыхъ онъ могъ сообщить въ печати новыя свѣдѣнія о знакомствѣ Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ. В. Е. Якушкинъ препроводилъ изъ своей коллекціи нѣсколько стихотвореній Пушкина въ автографахъ и подлинникъ Записокъ о немъ И. И. Пущина. М. Г. и Н. М. Раевскіе также сообщили нѣсколько автографовъ Пушкина изъ бумагъ его друга Н. Н. Раевскаго. П. А. Ефремовъ доставилъ академику Майкову различныя библіографическія указанія и дозволилъ разсмотрѣть хранящіеся у него подлинники писемъ Пушкина къ Гнѣдичу. Адъюнктъ Академіи А. А. Шахматовъ передалъ г. Майкову подлинники писемъ Пушкина къ А. А. Бестужеву и К. Ѳ. Рылѣеву и разныя другія бумаги литературнаго содержанія изъ первой половины двадцатыхъ годовъ. Разнаго рода матеріалы, относящіеся до Пушкина, были доставлены вновь еще отъ слѣдующихъ лицъ: С. С. Бехтѣева (чрезъ посредство В. П. Шнейдеръ), И. И. Куриса, А. И. Станкевича, Ю. А. и С. А. Тепляковыхъ, К. Ѳ. Феттерлейна и князя Н. В. Шаховского. Наконецъ продолжали свои сообщенія: Г. А. Анненкова, П. И. Бартеневъ и П. Я. Дашковъ. Всѣмъ этимъ лицамъ, столь сочувственно отнесшимся къ предпріятію Отдѣленія, оно почитаетъ долгомъ выразить свою глубокую признательность. Вмѣстѣ

съ тѣмъ Отдѣленіе позволяетъ себѣ выразить надежду, что и другія лица, обладающія матеріалами для біографіи Пушкина, и въ особенности его рукописями, не откажутся сообщить ихъ на просмотръ редактору предпринятаго изданія.

Академикъ А. Н. Веселовскій напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія отрывокъ изъ приготовляемой имъ Исторической поэтики, именно интересную статью подъ заглавіемъ: «Изъ исторіи эпитета», которую онъ справедливо считаетъ сокращенною исторіею поэтическаго стиля. Въ томъ же журналѣ А. Н. Веселовскій помѣстилъ замѣтку: «Молитва св. Сисинія и Верзилово коло». Привлеченный въ этой замѣткѣ къ изслѣдованію новый матеріалъ, эѳіопскіе тексты молитвы, привелъ академика къ новымъ соображеніямъ о молитвѣ св. Сисинія. Въ индексѣ отреченныхъ книгъ болгарскаго попа Іеремію обвиняютъ въ сочиненіи нѣкоторыхъ басенъ: «то Іереміа попь бльгар'скы из'льгаль, бывъ *въ навпхъ на верзиловъ колу*». Это послѣднее загадочное выраженіе было различно объясняемо. Эѳіопскіе тексты дали академику Веселовскому матеріалъ къ новому его объясненію.

Академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ написалъ для біографическаго словаря, издаваемаго Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, статью о Карамзинѣ, которая вышла отдѣльнымъ оттискомъ. Въ ней довольно полно, насколько было возможно въ статьѣ, назначенной для словаря, изложена литературная и историческая дѣятельность Н. М. Карамзина и сдѣлана ей справедливая оцѣнка. Въ Русскомъ Обозрѣніи и въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія К. Н. Бестужевъ-Рюминъ помѣстилъ нѣсколько разборовъ новыхъ книгъ и некрологовъ нашихъ ученыхъ

Адъюнктъ А. А. Шахматовъ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ нынѣшняго года совершилъ поѣздку въ Калужскую губернію съ цѣлію изученія мѣстныхъ народныхъ говоровъ. Въ составленной имъ любопытной запискѣ онъ изложилъ результаты своихъ наблюденій, которыя, между прочимъ, привели его къ выводу, что

врядъ ли гдѣ найдется этнографическая граница между бѣлоруссами и южными великоруссами. Бѣлоруссы и южные великоруссы — говоритъ А.А. Шахматовъ — это одно общее племя; характерныя особенности обѣихъ разновидностей этого племени сложились въ тѣхъ политическихъ центрахъ, вокругъ которыхъ группировались когда-то Великая Россія и Бѣлая Русь съ Литвой, и изъ этихъ центровъ онѣ распространялись на сосѣднія мѣстности, создавая въ языкѣ, нравахъ и обычаяхъ населенія, тяготѣвшаго къ тому или другому центру, все болѣе и болѣе рѣзкія отличія.

Сверхъ упомянутыхъ трудовъ членовъ Отдѣленія, они принимали участіе въ засѣданіяхъ комиссій по присужденію разныхъ премій. Кромѣ отзывовъ о сочиненіяхъ, которыя были представлены на соисканіе Пушкинскихъ премій, были напечатаны въ 1895 году слѣдующія рецензіи академикомъ: А. Ѳ. Бычкова о сочиненіи Р. М. Зотова: «О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время» и о сочиненіи В. С. Иконникова: « Опытъ русской исторіографіи»; М. И. Сухомлинова о сочиненіи Н. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина»; И. В. Ягича о сочиненіи А. Карнѣева: «Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога» и о сочиненіи П. А. Кулаковскаго: «Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія»; А. Н. Веселовскаго о сочиненіи В. Е. Чешихина: «Жуковскій какъ переводчикъ Шиллера» и К. Н. Бестужева-Рюмина о сочиненіи Н. А. Бѣлозерской: «Василій Трофимовичъ Нарѣжный. Историко-біографическое изслѣдованіе» и о трудѣ Ѳ. И. Леонтовича: «Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи Литовскаго государства».

Исполняя одну изъ лежащихъ на Отдѣленіи задачъ: изучать родственные намъ славянскіе народы и ихъ литературу, оно въ текущемъ году оказало матеріальное содѣйствіе профессору Варшавскаго университета Филевичу, предпринявшему путешествіе въ Прагу, Вѣну, Буда-Пештъ, Колошъ (Клаузенбургъ), Сибинъ (Германштадтъ) и Черновцы для пополненія матеріалами и окончательной обработки его обширнаго труда, посвященнаго изученію Карпатской Руси. Представленный Отдѣленію отчетъ о результатахъ поѣздки содержитъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ данныхъ.

Отдѣленіе назначило денежное пособіе чешскому этнографу Л. Кубѣ, чтобы онъ имѣлъ возможность совершить заключительную поѣздку въ Сербію для собиранія народныхъ напѣвовъ и пѣсенъ.

Въ 1895 году окончены печатаніемъ на средства Отдѣленія: послѣдній, четвертый томъ собранія сочиненій покойнаго члена-корреспондента А. А. Котляревскаго и трудъ почетнаго члена Академіи Д. А. Ровинскаго: «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI — XIX вѣковъ», которому предпосланъ историческій обзоръ гравированія. Этотъ обзоръ даетъ любопытныя свѣдѣнія о гравюрахъ, приложенныхъ къ старопечатнымъ церковнославянскимъ книгамъ.

Продолжается печатаніе сочиненій: П. А. Ровинскаго — «Черногорія, въ ея прошломъ и настоящемъ»; П. В. Шейна «Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-западнаго края»; оба подъ наблюденіемъ академика А. Ѳ. Бычкова; Ѳ. А. Брауна: «Разысканія въ области Гото-Славянскихъ отношеній» подъ наблюденіемъ академика А. Н. Веселовскаго; второй томъ Онежскихъ былинъ, собранныхъ А. Ѳ. Гильфердингомъ, подъ наблюденіемъ академика К. Н. Бестужева-Рюмина, и Матеріалы для біографіи князя Антіоха Кантемира, доставленные Отдѣленію профессоромъ В. Н. Александренкомъ, подъ наблюденіемъ академика Л. Н. Майкова.

Отдѣленіе съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаетъ, что оно,

по предложенію академика И. В. Ягича, приступило къ воспроизведенію фотографіею хранящейся въ Люблянскомъ музеѣ извѣстной Супрасльской рукописи XI вѣка, содержащей въ себѣ мартовскую минею четію. Наблюденіе за фотографированіемъ любезно принялъ на себя молодой московскій ученый С. Н. Северьяновъ. Отдѣленіе поставило условіемъ, чтобы негативы были предоставлены въ его пользу, и такимъ образомъ оно получитъ возможность снабжать оттисками съ этого замѣчательнаго памятника церковно-славянской письменности какъ ученыя учрежденія, такъ и спеціалистовъ.

Въ истекающемъ году Отдѣленіе понесло горестныя утраты: смерть похитила двухъ его достойныхъ членовъ-корреспондентовъ, Н. Н. Булича и П. И. Савваитова.

Н. Н. Буличъ скончался въ ночь съ 24-го на 25-е мая въ своемъ имѣніи, въ с. Юрткуляхъ Спасскаго уѣзда Казанской губерніи. Онъ родился 5 февраля 1824 г. въ городѣ Курганѣ Тобольской губерніи, гдѣ служилъ его отецъ, потомокъ южно-русскихъ дворянъ, выходцевъ изъ Сербіи. Свое первоначальное образованіе онъ получилъ во 2-й Казанской гимназіи, а довершилъ его въ Казанскомъ университетѣ по 1-му отдѣленію философскаго факультета (нынѣ историко-филологическій), откуда вышелъ въ 1845 году со степенью кандидата. Счастливыя способности, обширныя свѣдѣнія и даръ живого изложенія открыли Буличу дорогу къ занятію каѳедры въ родномъ университетѣ. Въ 1849 году, по защитѣ диссертаціи, онъ получилъ степень магистра философіи и въ началѣ слѣдующаго года былъ избранъ въ адъюнкты по этой каѳедрѣ, которая сдѣлалась свободною послѣ архимандрита Гавріила, извѣстнаго автора Исторіи философіи. Впрочемъ эту каѳедру онъ занималъ недолго, и въ 1850 году, по случаю повелѣнія читать философію профессорамъ богословія, остался за штатомъ. Въ концѣ 1850 г. мы видимъ Н. Н. Булича снова адъюнктомъ, но уже по каѳедрѣ русской словесности. Въ 1854 году Буличъ защитилъ въ Санктпетербургскомъ университетѣ на степень доктора славяно-русской

филологіи диссертацію подъ заглавіемъ: «Сумароковъ и современная ему критика», вызвавшую въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ нѣсколько дѣльныхъ рецензій. По избранному для диссертаціи предмету, такъ какъ о Сумароковѣ знали въ то время очень мало и считали его очень посредственнымъ писателемъ, подражавшимъ французскимъ ложноклассикамъ; по постановкѣ впервые нѣкоторыхъ литературныхъ вопросовъ, до которыхъ до того времени не касались; наконецъ, по высказаннымъ мнѣніямъ, которыя шли въ разрѣзъ мнѣніямъ, тогда господствовавшимъ,— сочиненіе молодого ученаго обратило на себя общее вниманіе. И въ самомъ дѣлѣ выводы, поставленные авторомъ въ число положеній его труда, отличались новизною. Буличъ доказывалъ, что Сумароковъ является представителемъ легкой сатиры нравовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вводителемъ у насъ повременныхъ изданій съ сатирическимъ характеромъ, которыя получили такое большое развитіе въ третьей четверти прошлаго вѣка; онъ утверждалъ, что Сумароковъ представлялъ самое живое литературное лицо эпохи, былъ первымъ нашимъ критикомъ и долженъ стоять на первомъ планѣ въ исторіи русской литературы прошлаго столѣтія и что журналы съ сатирическимъ содержаніемъ въ третьей четверти прошлаго вѣка были продолжателями дѣла Сумарокова и должны быть внесены въ исторію русской литературы. Въ подкрѣпленіе послѣдней мысли онъ сообщилъ довольно подробныя свѣдѣнія о сатирическихъ журналахъ и ихъ содержаніи, которыя не утратили значенія до сихъ поръ. Вообще каждому, кто пожелалъ бы познакомиться съ умственною и общественною жизнію Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія, сочиненіе Булича и теперь представитъ много любопытныхъ данныхъ.

По полученіи докторской степени, Буличъ занялъ каѳедру исторіи русскаго языка и словесности, которую оставилъ въ 1885 году, когда вышелъ въ отставку. Кромѣ своего предмета онъ читалъ студентамъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ исторію философіи и исторію всеобщей литературы. Его курсы всегда

отличались тщательною обработкою; онъ вводилъ въ нихъ все новое и замѣчательное, появлявшееся въ печати по его предмету. По отзывамъ его слушателей лекціи Булича были и богаты по содержанію, и увлекательны по изложенію; тѣмъ же отличались и его публичныя чтенія въ Казани о Державинѣ, о Ломоносовѣ и по исторіи западно-европейскаго искусства.

Хотя всѣ труды Н. Н. Булича за время, когда онъ занималъ каѳедру, и были вызваны внѣшними обстоятельствами, но тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ всегда сообщалъ какія-либо новыя данныя о писателѣ, устанавливалъ на его произведенія новую точку зрѣнія, а въ совокупности они свидѣтельствовали объ его отзывчивости къ событіямъ, совершавшимся въ литературномъ мірѣ. Позволяю себѣ здѣсь перечислить эти труды въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія: «Значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы» (1855); «Къ столѣтней памяти Ломоносова» (1865); «Литература и общество въ Россіи въ послѣднее время» (1865); «Біографическій очеркъ Н. М. Карамзина и развитіе его литературной дѣятельности» (1866); «О миѳическомъ преданіи какъ главномъ содержаніи народной поэзіи» (1870); Ѳ. М. Достоевскій и его сочиненія (1881); Рѣчь, произнесенная на панихидѣ въ память И. С. Тургенева (1883); В. А. Жуковскій (1883); Въ память пятидесятилѣтія смерти Пушкина (1887).

Тѣми же достоинствами, какъ и перечисленные труды, отличаются и его разборы сочиненій, представлявшихся на соисканіе разныхъ премій, которые онъ писалъ по порученію Академіи Наукъ, избравшей его въ 1883 году членомъ-корреспондентомъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Его отзывы о сочиненіи А. И. Артемьева: «Казанскія гимназіи въ XVIII вѣкѣ»; о трудѣ Е. Ф. Шмурло: «Митрополитъ Евгеній какъ ученый. Ранніе годы жизни (1767 — 1804)»; о Сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, изданныхъ подъ редакціею Л. Н. Майкова, заслуживаютъ особеннаго вниманія по своей содержательности.

Капитальнымъ трудомъ Н. Н. Булича, которому онъ посвящалъ послѣдніе годы своей жизни, слѣдуетъ назвать: «Изъ

первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805 — 1819)». Этотъ трудъ, основанный главнымъ образомъ на тщательномъ изученіи архивнаго матеріала, къ сожалѣнію, не доведенъ до конца: онъ прерывается на ревизіи Казанскаго университета, произведенной извѣстнымъ Магницкимъ и остановившей развитіе этого учрежденія на нѣсколько лѣтъ. Трудъ Булича читается съ большимъ интересомъ; онъ содержитъ живое изложеніе событій, совершавшихся въ университетѣ на первыхъ порахъ его основанія; вѣрную характеристику начальствующихъ лицъ и профессоровъ; картину невѣроятнаго для нашего времени произвола начальства и существовавшихъ въ университетѣ порядковъ.

Нельзя пройти молчаніемъ и того, что Буличъ свою обширную и замѣчательную библіотеку, которая служила ему пособіемъ при занятіяхъ и въ которой на многихъ книгахъ находятся его замѣтки, пожертвовалъ Казанскому университету, которому была отдана вся его ученая дѣятельность и котораго ректоромъ онъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Въ заключеніе смѣло можно сказать, что Н. Н. Буличъ оставался всегда вѣренъ наукѣ, что онъ честно исполнялъ все, что требовалъ отъ него долгъ, и что онъ неуклонно старался проводить въ жизнь начала добра и истины.

Павелъ Ивановичъ Савваитовъ скончался въ Петербургѣ 12 іюля. Онъ родился въ Вологдѣ 15 февраля 1815 года. Отецъ его былъ священникъ. Первоначальное образованіе получилъ въ Вологодской семинаріи, откуда поступилъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію. Въ 1837 году онъ кончилъ въ ней курсъ и вскорѣ затѣмъ былъ опредѣленъ наставникомъ философіи въ Вологодскую семинарію и возведенъ въ степень магистра. Среди учебныхъ занятій онъ находилъ время писать небольшія историко-археологическія статьи и собирать памятники старинной письменности, а также произведенія народнаго творчества Вологодскаго края, пѣсни и повѣрья, которыя онъ записывалъ съ точнымъ соблюденіемъ говора. Въ 1842 году онъ покинулъ Вологду и перешелъ въ Санктпетербургскую семинарію профес-

соромъ патристики, священнаго писанія, герменевтики и чтенія отцовъ церкви, восточныхъ и западныхъ. На этой каѳедрѣ онъ оставался болѣе 25 лѣтъ. Одновременно съ занятіями въ семинаріи, онъ читалъ лекціи по русскому языку и русской словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и въ Коммерческомъ училищѣ. Многочисленныя статьи Савваитова археологическаго содержанія, правильное чтеніе актовъ, помѣщенныхъ имъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, наконецъ указаніе на него, какъ на опытнаго археографа, академиковъ Куника, Погодина и другихъ имѣли послѣдствіемъ назначеніе его въ 1858 году членомъ Археографической Коммиссіи, а благодаря благопріятнымъ отзывамъ объ его преподавательской дѣятельности и о разностороннихъ его знаніяхъ, ему было предложено въ 1873 году занять мѣсто правителя дѣлъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія. Эти послѣднія двѣ должности онъ сохранилъ за собою до конца своей жизни. Вотъ краткій очеркъ его скромной, не особенно выдающейся службы, продолжавшейся 58 лѣтъ. Почти столько же лѣтъ Павелъ Ивановичъ трудился и въ области науки; списокъ его сочиненій и изданій отличается разнообразіемъ и многочисленностію. Не стану перечислять всѣхъ его трудовъ, это заняло бы много мѣста, но укажу нѣкоторые, особенно выдающіеся. На основаніи актовъ и рукописей, хранящихся въ мѣстныхъ архивахъ, онъ составилъ описаніе древнихъ монастырей Вологодской епархіи и находящихся въ нихъ ризницъ, именно: Вологодскаго Спасо-Прилуцкаго, Велико-Устюжскаго, Архангельскаго и приписного къ нему Троицкаго Гледенскаго; Тотемскаго Спасо-Суморина и приписной къ нему Дѣдовской Троицкой пустыни; Семигородной Успенской пустыни и упраздненнаго Катромскаго Николаевскаго; Вологодскаго Спасо-Каменскаго Духова. Зная зырянскій языкъ, изученный имъ еще въ юности, онъ напечаталъ для народа нѣсколько книжекъ на зырянскомъ языкѣ, написалъ грамматику зырянскаго языка и составилъ Зырянско-русскій и Русско-зырянскій словарь. За два послѣдніе труда онъ получилъ Демидовскую премію. По званію

профессора въ Санктпетербургской Духовной Семинаріи онъ напечаталъ Библейскую Герменевтику, которая сначала была принята какъ пособіе, а потомъ какъ руководство по классу герменевтики въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Образцово издалъ три выпуска Великихъ Миней Четій за сентябрь мѣсяцъ, надъ которыми не мало потрудился, сличая съ греческими подлинниками славянскіе переводы житій святыхъ и твореній св. отцовъ для объясненія встрѣчающихся въ нихъ темныхъ и невразумительныхъ мѣстъ. Напечаталъ два первые тома и начало третьяго Новгородскихъ писцовыхъ книгъ; въ это изданіе вошли переписная оброчная книга Деревской пятины, древнѣйшая изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ, составленная около 1495 года, и первая половина переписной оброчной книги Вотской пятины, составленной въ 1500 году. Напечаталъ обширное сообщеніе подъ заглавіемъ: Строгоновскіе вклады въ Сольвычегодскій Благовѣщенскій монастырь по надписямъ на нихъ, съ приложеніемъ описи 1579 года. Издалъ Новгородскую лѣтопись по синодальному харатейному списку, который подъ его наблюденіемъ былъ воспроизведенъ и свѣтописью.

Владѣя въ совершенствѣ греческимъ языкомъ Савваитовъ по мысли и на средства А. С. Норова напечаталъ Новый Завѣтъ на славянскомъ языкѣ съ греческимъ текстомъ, подобраннымъ изъ греческихъ рукописей, соотвѣтствующихъ славянскому переводу.

Но особенными достоинствами отличаются слѣдующіе два его труда, которые сохранятъ его имя надолго въ нашей ученой литературѣ: «Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, извлеченное изъ рукописей архива Московской Оружейной палаты», и «Путешествіе новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII вѣка». Описанію Павелъ Ивановичъ далъ форму объяснительнаго указателя, въ которомъ объясняемыя слова расположены въ алфавитномъ порядкѣ. Каждому названію предмета,

каждому термину Савваитовъ старался найти объясненіе въ восточныхъ, греческомъ и другихъ языкахъ, а къ описанію предметовъ привлекъ древніе и старинные тексты, которые даютъ болѣе или менѣе ясное понятіе о формѣ, значеніи и употребленіи предмета. Трудъ этотъ можно назвать драгоцѣннымъ вкладомъ въ русскую археологію, и въ новомъ изданіи, которое предпринято нынѣ Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ, оно несомнѣнно будетъ настольною книгою у всѣхъ занимающихся изученіемъ отечественныхъ древностей.

Путешествіе Антонія, принадлежащее къ важнѣйшимъ памятникамъ русскаго паломничества, напечатано въ первый разъ П. И. Савваитовымъ съ дипломатическою точностью по списку XV вѣка. Онъ снабдилъ его многими историческими и археологическими примѣчаніями, свидѣтельствующими объ его обширныхъ знаніяхъ и близкомъ знакомствѣ съ литературою, изъ которой можно черпать объясненія къ тексту паломниковъ, посѣщавшихъ Царьградъ.

Въ виду ученыхъ заслугъ П. И. Савваитова Академія Наукъ избрала его въ 1872 году членомъ-корреспондентомъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Покойный академикъ И. И. Срезневскій, представляя Отдѣленію записку о трудахъ Павла Ивановича, заключилъ ее слѣдующими словами: «Какъ ученый труженикъ Савваитовъ приготовленъ къ труду очень разнообразными знаніями и между прочимъ знаніемъ языковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и готовностью трудиться—съ увлеченіемъ, безъ устали, денно и нощно. При работѣ имъ овладѣваетъ не желаніе скорѣе добраться до конца начатаго дѣла, а стараніе дойти до полнаго разрѣшенія каждаго частнаго вопроса, до объясненія каждой мелочи. Время для него при этихъ развѣдкахъ какъ будто не существуетъ: онъ не въ силахъ спѣшить и разсчитывать. Не существуетъ для него при этомъ и усталость отъ хлопотъ: занятый какою-нибудь трудностью, представившеюся ему въ работѣ, онъ не полѣнится перебывать въ разныхъ библіотекахъ, архивахъ, кабинетахъ и у разныхъ лицъ, знакомыхъ и незнакомыхъ,

и написать нѣсколько писемъ; онъ успокоится тогда только, когда дѣло покажется ему яснымъ, разрѣшеніе трудности удовлетворительнымъ, или же невозможнымъ. Черта завидная, встрѣчающаяся не очень часто».

Это упорство въ трудѣ, эту энергію въ достиженіи цѣли, эту страсть къ пріобрѣтенію знаній П. И. Савваитовъ сохранилъ до послѣднихъ дней своей жизни. Богатымъ запасомъ свѣдѣній онъ пользовался не исключительно только для себя; онъ охотно дѣлился имъ съ каждымъ, кто приходилъ къ нему искать совѣта и указаній по научнымъ вопросамъ, и это знали всѣ занимающіеся и всѣ за это его уважали.

Въ настоящемъ году Отдѣленію русскаго языка и словесности предстояло присужденіе Ломоносовской преміи, на соисканіе которой поступило нѣсколько сочиненій. Комиссія, образованная изъ академиковъ А. Ѳ. Бычкова и А. А. Шахматова остановила свое вниманіе на сочиненіи Г. К. Ульянова: «Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ» и просила профессора Имп. Московскаго университета Ф. Ѳ. Фортунатова дать о немъ отзывъ.

Профессоръ Варшавскаго университета Г. К. Ульяновъ успѣлъ уже пріобрѣсти себѣ почетную извѣстность первымъ трудомъ своимъ, изданнымъ въ 1888 году и озаглавленнымъ: «Основы настоящаго времени въ старо-славянскомъ и литовскомъ языкахъ». Въ этомъ сочиненіи г. Ульяновъ опредѣлялъ образованія старо-славянскихъ и литовскихъ основъ настоящаго времени въ связи съ основами неопредѣленнаго наклоненія.

Настоящее изслѣдованіе г. Ульянова, посвященное разработкѣ вопроса о значеніяхъ глагольныхъ основъ, обозначающихъ различія по залогамъ и различія по видамъ, тѣсно примыкаетъ къ предыдущему. Въ первой работѣ своей авторъ могъ найти

въ лингвистической литературѣ указанія на методы изслѣдованія, могъ встрѣтиться съ трудами, преслѣдовавшими однородныя съ нимъ задачи, могъ, наконецъ, найти подборъ необходимаго матеріала. Но настоящее сочиненіе автора, представленное имъ на соисканіе Ломоносовской преміи, посвящено совершенно еще нетронутой области — изслѣдованію о видахъ и залогахъ. По указанію почтеннаго рецензента не только значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ не были до сихъ поръ предметомъ сколько-нибудь внимательнаго изученія, но и вообще область значенія основъ въ формахъ словъ остается пока не разработанною въ сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ. Обиліе привлеченнаго къ изслѣдованію матеріала, отличное знакомство съ лингвистическою литературою и строгій критическій анализъ явленій дали возможность профессору Ульянову прійти въ своемъ изслѣдованіи къ цѣлому ряду выводовъ, касающихся значенія глагольныхъ основъ не только въ литовско-славянскомъ языкѣ, но и въ индо-европейскомъ пра-языкѣ; большинство этихъ выводовъ является, по словамъ рецензента, цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для науки. Хотя изслѣдованіе г. Ульянова и вызвало не мало замѣчаній и возраженій со стороны профессора Фортунатова, изложенныхъ въ его рецензіи, но онъ самъ объясняетъ ихъ тѣмъ, что при разработкѣ нелегкой задачи, избранной г. Ульяновымъ, избѣжать неточностей, недомолвокъ и даже ошибокъ едва ли было возможно въ настоящее время. По выслушаніи рецензіи и мнѣнія Комиссіи Второе Отдѣленіе единогласно признало трудъ проф. Ульянова, какъ имѣющій важное научное значеніе, заслуживающимъ награжденія Ломоносовскою преміею.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXIV, № 9.

ОТЧЕТЪ

ОБЪ

ОДИННАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ

ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

ВЪ 1895 ГОДУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин. № 12.
1896.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1896 г.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Одиннадцатое присужденіе премій имени А. С. Пушкина.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

ОДИННАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1895 года предсѣдательствующимъ во II Отдѣленіи, Ординарнымъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ.

На соисканіе въ 1895 году премій А. С. Пушкина поступило въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности 13 сочиненій, къ которымъ было еще присоединено одно, представленное на конкурсъ 1894 года, но отложенное по случаю недоставленія на него рецензіи. Изъ 14-ти сочиненій, подлежавшихъ разсмотрѣнію, одно положено перенести на конкурсъ 1896 года, такъ какъ лицо, которому была поручена его оцѣнка, сообщило Отдѣленію, что оно не можетъ представить рецензію къ назначенному сроку. Въ числѣ подлежавшихъ разсмотрѣнію сочиненій были: три сборника стихотвореній, пять переводовъ въ стихахъ драматическихъ произведеній съ англійскаго, греческаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ и пять сочиненій въ прозѣ.

Послѣ предварительнаго ознакомленія съ представленными на конкурсъ сочиненіями, для ближайшаго и подробнаго ихъ разсмотрѣнія были избраны рецензенты. Критическую оцѣнку шести сочиненій приняли на себя члены Отдѣленія, а для разбора остальныхъ семи были приглашены посторонніе ученые и литераторы.

По полученіи рецензій была образована, согласно съ правилами о Пушкинскихъ преміяхъ, комиссія, состоявшая изъ шести членовъ Отдѣленія и пяти стороннихъ рецензентовъ. На основаніи прочитанныхъ въ комиссіи рецензій, произведена была баллотировка, вслѣдствіе которой удостоенъ половинной преміи переводъ П. И. Вейнберга трагедіи Шиллера «Марія Стюартъ» и признаны заслуживающими почетнаго отзыва: «Сочиненія А. Луговаго», «Историческія картинки». — «Разные разсказы» К. К. Случевскаго и исполненный Л. И. Поливановымъ переводъ въ стихахъ трагедіи Расина «Федра».

Оцѣнку перевода П. И. Вейнберга трагедіи Шиллера «Марія Стюартъ» принялъ на себя членъ-корреспондентъ Отдѣленія, профессоръ Новороссійскаго университета А. И. Кирпичниковъ. Своему разбору онъ предпослалъ очеркъ исторіи возникновенія этого произведенія Шиллера, при чемъ привелъ соображенія, почему избранная Шиллеромъ историческая тема, покинутая имъ въ 1783 году, показалась ему особенно привлекательною въ 1799 году. Перерабатывая эту тему въ драму, Шиллеръ съ одной стороны воспроизвелъ многія мелкія черты, найденныя имъ въ источникахъ и пособіяхъ, а съ другой предоставилъ свободный ходъ своему творчеству: создалъ рядъ мотивовъ, лицъ и сценъ, не бывшихъ въ дѣйствительности, и между прочимъ 45-тилѣтнюю, полусѣдую, изнуренную долгимъ заключеніемъ героиню обратилъ въ цвѣтущую 25-тилѣтнюю красавицу, способную рѣзвиться какъ ребенокъ, а характеръ ея настолько обѣлилъ страданіемъ и раскаяніемъ, что къ концу драмы она напоминаетъ идеально-чистыхъ шекспировскихъ героинь. Какую идею проводилъ Шиллеръ, пересоздавая такимъ образомъ исторію? По мнѣнію рецензента, всякое истинно-художественное произведеніе большого объема систематически

проводитъ прежде всего одну идею — *идею красоты*, преслѣдуетъ прежде всего одну задачу — *воспроизвести жизнь*, освѣтивъ ее *свѣтомъ добра и правды*. Эту же общую задачу рѣшаетъ и Шиллеръ въ «Маріи Стюартъ», и его трагедія является не трагедіей *судьбы*, не *религіозной* и не *политической*, а *этической* драмой, какъ и всякое другое истинно-художественное поэтическое произведеніе этого рода, какъ напримѣръ «Борисъ Годуновъ» Пушкина. Языкъ «Маріи Стюартъ» своею простотою, опредѣленностію и драматическою живостью значительно превосходитъ языкъ прежде появившихся трагедій Шиллера. Каждое дѣйствующее лицо говоритъ сообразно своему характеру и настроенію: не только холодный, сдержанный, часто двусмысленный, почти змѣиный языкъ Елисаветы рѣзко отличается отъ искренняго, то грустнаго, то исполненнаго оскорбленнаго достоинства, и только въ концѣ «свиданія королевъ» язвительно побѣдоноснаго тона Маріи; не только рѣчь Мортимера, исполненная страстности, а въ 6-мъ явленіи III-го дѣйствія полубезумнаго патологическаго возбужденія, но и энергическая, суровая рѣчь Бёрлея характерно отличаются отъ ворчливаго, иногда грубаго, но въ сущности добродушнаго способа выраженія сэра Паулета и отъ ловкой, гибкой, какъ шпага, рѣчи Лейчестера. Только одинъ Шрёсбери говоритъ такъ, какъ говорилъ бы на его мѣстѣ самъ поэтъ, но и въ его тонѣ можно подмѣтить типичный оттѣнокъ старческаго спокойствія.

Слѣдуя примѣру Шекспира, Шиллеръ вставляетъ риѳмованные стихи среди бѣлыхъ, и къ этому вполнѣ художественному средству поднимать тонъ онъ прибѣгаетъ въ «Маріи Стюартъ» довольно часто, и риѳмуетъ, большею частію съ промежутками, цѣлые монологи, произносимые въ состояніи сильнаго душевнаго возбужденія.

«Трагедія «Марія Стюартъ» — говоритъ г. Кирпичниковъ — представляетъ для переводчика задачу привлекательную, но очень не легкую, вслѣдствіе разнообразія тона и стиха; даровитый и опытный переводчикъ можетъ показать на возсозда-

нія ея всю свою силу, но онъ долженъ много поработать надъ пьесой, чтобы красиво и вѣрно передать оттѣнки ея діалоговъ и лирическихъ монологовъ».

Въ общемъ переводъ трагедіи Шиллера, представленный П. И. Вейнбергомъ на соисканіе преміи имени А. С. Пушкина, вполнѣ достоинъ и великаго произведенія и почетной извѣстности переводчика. Переводъ этотъ, правда, не принадлежитъ къ крайне ограниченному во всѣхъ литературахъ числу тѣхъ классически-прекрасныхъ переводовъ, которые каждой поэтической фразой передаютъ всю силу и красоту соотвѣтствующей фразы подлинника; къ созданію такихъ переводовъ способны или первоклассные самостоятельные поэты или такіе талантливые литераторы, которые имѣютъ досугъ посвятить десятки лѣтъ на изученіе и возсозданіе одного классическаго произведенія. Г. Вейнбергъ, безъ сомнѣнія, литераторъ превосходно подготовленный и талантливый, но такого досуга, сколько намъ извѣстно, онъ не имѣетъ, и ему представлялись два пути: или передавать вѣрно смыслъ содержанія и тонъ каждаго отдѣльнаго монолога и реплики, или воспроизводить каждый образъ, каждую фразу стихотворнаго оригинала, не жалѣя при этомъ лишнихъ словъ и даже стиховъ. Онъ избралъ второй путь, по убѣжденію г. Кирпичникова, единственно достойный такихъ поэтовъ, какъ Шекспиръ, Гёте и Шиллеръ, а такъ какъ способъ выраженія переводчика естественно оказывается слабѣе, чѣмъ въ оригиналѣ, то по этому г. Вейнбергъ часто нуждается въ двойномъ числѣ стиховъ, чтобы выразить все то, что находитъ онъ у Шиллера, и потому при подстрочномъ сличеніи переводъ кажется какъ будто водянистымъ, разбавленнымъ. Но переводы дѣлаются не для подстрочнаго сличенія, а для чтенія тѣхъ, кому не вполнѣ доступенъ оригиналъ; забудемъ его на время, и эти 200—300 лишнихъ стиховъ безъ вреда для произведенія органически сольются съ остальными, и общій тонъ благороднаго, дѣвственно-чистаго и философски-вдумчиваго, но несвободнаго отъ нѣкоторой реторичности міровоззрѣнія и соот-

вѣтствующаго ему способа выраженія Шиллера оказывается прекрасно выдержаннымъ. Отлично зная нѣмецкій языкъ, г. Вейнбергъ добросовѣстно изучилъ текстъ и не пренебрегъ даже и комментаріями, а затѣмъ усердно поработалъ надъ переводомъ, при чемъ огромную пользу оказалъ ему его значительный стихотворный талантъ: онъ вполнѣ овладѣлъ техникою свободнаго ямба Шиллера, старательно, безъ замѣтныхъ для читателя усилій, замѣнялъ его другими размѣрами, гдѣ таковые оказывались въ оригиналѣ, и съ замѣчательною настойчивостью и искусствомъ вводилъ звучныя риѳмы во всѣхъ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

Чтобы показать, насколько внимательно и умѣло воспроизвелъ г. Вейнбергъ мелкія частности подлинника, особенно трудныя для перевода, г. Кирпичниковъ привелъ два мѣста, заключающія въ себѣ такъ называемую игру словъ. Во 2-мъ явленіи I-го дѣйствія Марія Стюартъ говоритъ своей кормилицѣ Кеннеди:

Beruhige dich, Hanna. Diese Flitter machen
Die Königin nicht aus. Man kann uns *niedrig*
Behandeln, nicht *erniedrigen.*

Г. Вейнбергъ переводитъ:

— Утѣшься, Анна!
Монаршій санъ не этой мишурой
Дается намъ, и если можно *низко*
Со мною обращаться, то *унизить*
Меня нельзя.

Еще труднѣе для перевода является тотъ рѣзкій и грязный сарказмъ, которымъ королева Елисавета окончательно выводитъ изъ себя несчастную Марію:

Fürwahr! Der Ruhm war wohlfeil zu erlangen,
Es kostet nichts *die allgemeine Schönheit*
Zu sein, als *die gemeine* sein *für alle!*

Г. Вейнбергъ перевелъ его и просто, и точно:

Ну, пріобрѣсть такую славу можно
Не дорого: *всесвѣтной красотой*
Прослыть легко тому, кто *достоянье*
Всесвѣтное.

Мы были бы принуждены — прибавляетъ рецензентъ — выписать по крайней мѣрѣ треть пьесы, если бы вздумали перечислять всѣ мѣста, гдѣ проявляется рѣдкій тактъ переводчика и его способность передавать и общій тонъ и мелкія частности подлинника.

Конечно, нельзя ожидать, чтобы въ переводѣ большой пятиактной трагедіи, заключающей въ себѣ около 7000 стиховъ, не встрѣтилось недосмотровъ и промаховъ. И тѣ и другіе, даже очевидныя опечатки, перечисляетъ рецензентъ не въ упрекъ переводчику, но въ увѣренности, что онъ воспользуется его указаніями при новомъ изданіи своего труда.

Въ заключеніе своей рецензіи г. Кирпичниковъ предлагаетъ Отдѣленію въ виду того, что недостатки перевода г. Вейнберга, сами по себѣ немногочисленные сравнительно съ объемомъ произведенія, съ избыткомъ покрываются его достоинствами, присудить ему премію въ томъ размѣрѣ, въ какомъ Отдѣленіе признаетъ это справедливымъ. Комиссія единогласно присудила г. Вейнбергу половинную премію.

Для оцѣнки сочиненій А. Луговаго, весьма разнообразныхъ и по формѣ, и по содержанію, Отдѣленіе обратилось къ К. К. Арсеньеву, съ готовностію изъявившему на это согласіе. Для удобства разбора уважаемый рецензентъ выдѣлилъ изъ сочиненій Луговаго три группы повѣстей и разсказовъ: 1) анекдотическаго свойства, 2) о маленькихъ людяхъ и ихъ «неза-

мѣтномъ существованіи» и 3) изъ народнаго быта. Затѣмъ отдѣльно разсмотрѣлъ пьесы для театра, стихотворенія и наиболѣе выдающіяся произведенія—«Грани жизни» и «Pollice verso».

Къ разсказамъ анекдотическаго свойства, наименѣе важнымъ между сочиненіями г. Лугового, г. Арсеньевъ отнесъ тѣ, которые, не имѣя притязанія ни на характеристику дѣйствующихъ лицъ, ни на изображеніе той или другой стороны общественной жизни, воспроизводятъ какую-либо сцену или пересказываютъ какія-нибудь событія и представляютъ интересъ чисто внѣшній. При выборѣ подобныхъ темъ все зависитъ отъ ихъ обработки, а г. Луговому, по словамъ рецензента, не дано умѣнья заставить забыть, при помощи художественнаго выполненія, незначительности содержанія. Изъ этого отдѣла разсказовъ, которые всѣ разсмотрѣны подробно, по своей основной мысли, но не по исполненію, выдѣляется «Алльмірором», герой котораго скромный учитель, работающій надъ созданіемъ новаго всемірнаго языка, болѣе благозвучнаго, чѣмъ волапюкъ, болѣе простого, чѣмъ эсперанто, — и «Счастливецъ» — самый удачный изъ разсказовъ. Главному дѣйствующему лицу — разорившемуся барину, «опростившемуся» не въ смыслѣ героевъ Тургеневской «Нови» и не по образцу Льва Толстого, а скорѣе по примѣру древнихъ циниковъ, — нельзя отказать въ оригинальности. Это только силуэтъ, но силуэтъ типичный, и «Счастливецъ» надолго останется въ памяти читателя.

Второй отдѣлъ разсказовъ отличается отъ перваго бо̀льшею серьезностію замысла, бо̀льшею тщательностію отдѣлки. Это болѣе или менѣе законченныя картины, въ которыхъ авторъ желаетъ проникнуть въ тѣ общественныя низины, гдѣ жизнь течетъ медленно, однообразно, но все же приноситъ съ собой и радость, и невзгоды. Рецензентъ, указавъ на нѣкоторые недостатки произведеній, отнесенныхъ имъ къ этому отдѣлу, останавливаетъ вниманіе на разсказѣ «Тепломъ повѣяло». Передъ нами проходитъ здѣсь только одинъ день изъ жизни Порфирія Ивановича, но этотъ день бросаетъ яркій свѣтъ на все его про-

шедшее. Къ старику, рано овдовѣвшему и оттолкнувшему отъ себя единственную дочь, потому что она задумала выйти замужъ противъ его воли, пріѣзжаетъ неожиданно внучка, которой онъ никогда не видалъ и о самомъ существованіи которой ничего не зналъ. Онъ застылъ въ своемъ равнодушіи ко всему и ко всѣмъ, въ спокойствіи своего безвреднаго, но столь же безполезнаго одиночества. Безхитростные разсказы внучки, ея простая, откровенная бесѣда пробуждаютъ его отъ этого полусна и наводятъ его на мысль, что вся прежняя его жизнь была сплошною ошибкою, что онъ гораздо болѣе виноватъ передъ умершей дочерью, чѣмъ дочь — передъ нимъ. Конечно, раскаяніе Порфирія Петровича не можетъ быть особенно горькимъ, поворотъ его къ другому настроенію особенно рѣзкимъ; но все же мимоходомъ «повѣявшее тепло» оставляетъ его не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ раньше. Разсказъ проникнутъ искреннею задушевностью и вмѣстѣ съ тѣмъ большою сдержанностію; нѣтъ ничего натянутаго, ничего лишняго; очень тонко намѣчено отсутствіе внутренней связи между дѣдомъ и внучкой, которые, по наивному выраженію послѣдней, въ одинъ день, несмотря на радость встрѣчи, «все переговорили».

Къ третьей категоріи разсказовъ г. Луговаго — изъ народнаго быта — принадлежатъ: «Не судилъ Богъ», «Однимъ часомъ», «За грозой вёдро» и «Швейцаръ». «Не судилъ Богъ» — первый опытъ г. Луговаго въ области беллетристики — до сихъ поръ остается однимъ изъ лучшихъ его разсказовъ. Нельзя не пожалѣть, что г. Луговой съ 1889 года ни разу не возвращался къ разсказамъ изъ народнаго быта, которые имѣютъ несомнѣнныя достоинства. Послѣ этихъ разсказовъ г. Арсеньевъ разсматриваетъ двѣ пьесы, написанныя для театра. «За золотымъ руномъ» есть рядъ сценъ удачныхъ именно по столько, по сколько идетъ рѣчь о «Золотомъ рунѣ» въ образѣ никому, кромѣ самихъ аргонавтовъ, ненужной желѣзной дороги. Безмѣрное легкомысліе, съ которымъ задумываются подобныя предпріятія, жадность однихъ, наивность другихъ, мелкая расчетливость

третьихъ изображены мѣстами не дурно; особенно удачно совѣщаніе «предпринимателей» въ первомъ дѣйствіи и составленіе по азбучному порядку списка товаровъ, которые будетъ перевозить новая дорога — во второмъ. Новаго впрочемъ, замѣчаетъ г. Арсеньевъ, во всемъ этомъ мало; спекулятивная горячка — тема довольно избитая. Выпукло очерченныхъ характеровъ нѣтъ. Второстепенное дѣйствіе, переплетенное съ главнымъ — сватовство у Косолаповыхъ — ничего не прибавляетъ къ интересу пьесы; превращеніе молодого Коломнина изъ пустѣйшаго хлыща и искателя фортуны въ человѣка способнаго полюбить искренно и безкорыстно остается совершенно не обоснованнымъ.

Драма «Озимь» хотя по замыслу серьезнѣе только что разсмотрѣнной, но много теряетъ отъ господствующей въ ней тенденціозности. Содержаніе ея избитая исторія неравнаго брака — выходъ сравнительно образованной дѣвушки въ замужество за добродушнаго, но мало развитого, безхарактернаго сына богатаго кулака-виноторговца, чтобы спасти отъ разоренія нѣжно любимаго ею отца. Приносимая ею жертва должна составить своего рода «служеніе родинѣ», такъ какъ на ней будетъ лежать обязанность вдохнуть въ мужа новую жизнь, подчинивъ его своему вліянію, воспитать новое лучшее поколѣніе, а для всего этого можно пожертвовать и личнымъ счастіемъ, и даже жизнью, не требуя себѣ за то награды. Но вѣрность такого положенія сомнительна и нѣтъ основанія для увѣренности, что такая перемѣна совершится.

Стихотворенія г. Луговаго, по мнѣнію рецензента, едва ли могутъ что-нибудь прибавить къ его литературной извѣстности. Одни изъ нихъ очень напоминаютъ Некрасова, Гейне, Бенедиктова, а другія написаны на темы давно знакомыя. Впрочемъ, встрѣчаются между его стихотвореніями и удачныя, какъ напримѣръ «Юморъ».

Юморъ, какъ рѣзвый ребенокъ, игривъ и безпеченъ,
Дерзокъ, какъ мощный титанъ, Громовержца хулитель,

Глубокомысленъ, какъ вѣщій поэтъ и мыслитель,
Разнообразенъ, какъ жизнь,—и, какъ міръ, безконеченъ.

Въ своемъ разборѣ г. Арсеньевъ долѣе остановился на «Pollice verso» и на «Граняхъ жизни». Мысль перваго произведенія дѣйствительно очень счастливая. Показать, какъ люди развѣнчиваютъ своего кумира, передъ которымъ они преклонялись, за одинъ неудачный его шагъ, за одинъ промахъ, и иногда рукоплещутъ его гибели и даже требуютъ ея. Въ рядѣ сценъ, относящихся къ различнымъ странамъ и эпохамъ, проведена очень удачно эта мысль. Сначала передъ читателемъ изображается римскій циркъ временъ имперіи, бой гладіаторовъ, паденіе одного изъ нихъ и осужденіе его на смерть еще недавно восторгавшимися имъ зрителями. Затѣмъ авторъ переноситъ читателя въ Испанію и живо рисуетъ передъ нимъ бой быковъ въ Мадритѣ; любимому популярному матадору, «первой шпагѣ Испаніи», не удается сразу убить быка по всѣмъ правиламъ искусства—и его осыпаютъ оскорбленіями, называютъ мясникомъ, убійцею, бросаютъ въ него окурки и апельсинныя корки и даже обвиняютъ въ трусости; третья сцена происходитъ въ Антверпенѣ, въ театрѣ: публика требуетъ отъ директора, чтобы онъ возобновилъ ангажементъ съ излюбленнымъ ею пѣвцомъ, и не хочетъ слушать дебютанта, приглашеннаго на его мѣсто; директоръ настаиваетъ на дебютѣ — и несчастный пѣвецъ, разстроенный и больной, поетъ черезъ силу, терпитъ полнѣйшее фіаско и умираетъ чрезъ нѣсколько дней отъ воспаленія легкихъ. Наконецъ дѣйствіе переносится въ Россію, въ наше время. Молодому хирургу, быстро достигшему знаменитости, не удается операція, отчасти вслѣдствіе ошибки въ діагнозѣ, отчасти по винѣ завидующаго ему товарища; больная умираетъ подъ ножемъ. Въ довершеніе бѣды, операторъ, замѣтивъ устроенную ему ловушку, тутъ же, не окончивъ операціи, даетъ пощечину своему сопернику. За неудачей начинается рядъ невзгодъ для доктора. Мужъ умершей называетъ его убійцей и бросаетъ ему деньги; въ печати появляются

статьи, излагающія дѣло въ самомъ неблагопріятномъ для него свѣтѣ; паціенты одинъ за другимъ его оставляютъ; ему приходится оправдываться передъ факультетомъ; даже въ женѣ, имъ любимой, онъ не находитъ поддержки и сочувствія. Переносить все это и бороться приходится ему не по силамъ — и онъ рѣшается на самоубійство.

Кромѣ третьей картины, которая плохо вяжется съ цѣлымъ, такъ какъ публика ничѣмъ не связана съ пѣвцомъ и смерть его развѣ въ самой незначительной степени зависѣла отъ понесенной имъ неудачи, всѣ остальныя обрисовываютъ какъ нельзя лучше основную мысль произведенія. Римскій циркъ, мадритская арена изображены рельефно и ярко; безсердечное легкомысліе праздной толпы, совершенно одинаковое на протяженіи многихъ столѣтій, развертывается передъ нами во всѣхъ оттѣнкахъ и переходахъ отъ преклоненія передъ успѣхомъ до жестокаго vae victis. Эту же толпу мы узнаемъ и въ обществѣ, такъ быстро отворачивающемся отъ своего недавняго медицинскаго кумира. Сводя счеты съ своимъ прошедшимъ, докторъ выведенный на сцену г. Луговымъ, не только строгъ по отношенію къ другимъ, но онъ творитъ судъ и надъ самимъ собою, и именно потому такъ суровъ произносимый имъ приговоръ. Страницы, посвященныя этому ретроспективному анализу, принадлежатъ къ числу самыхъ сильныхъ въ «Pollice verso»; жаль, что ихъ нѣсколько портятъ длинныя выписки изъ Шопенгауера.

«Грани жизни»—единственный романъ, написанный г. Луговымъ. Главныя дѣйствующія лица романа: Нерамова и Сарматовъ. Заурядная эгоистка въ первой части, кандидатка въ камелію—во второй, потомъ, въ качествѣ модной портнихи, систематически грабящая своихъ заказчицъ, думающая только о себѣ, Нерамова превращается подъ конецъ въ самоотверженно любящую женщину и радѣтельницу о народѣ. Сарматовъ, еще въ 40 лѣтъ отличавшійся отъ «праздныхъ шалопаевъ» только тѣмъ, что онъ «мыслилъ», а потомъ уставшій и мыслить, также возвышается однимъ скачкомъ до стремленій къ общественному благу

и умираетъ ихъ мученикомъ, наканунѣ осуществленія еще болѣе широкихъ плановъ. «Все это очень симпатично—говоритъ рецензентъ,—но мало правдоподобно; въ рѣчахъ и поступкахъ Нерамовой и Сарматова, послѣ ихъ обновленія, мы слышимъ и видимъ гораздо меньше ихъ самихъ, чѣмъ автора». Г. Арсеньевъ, весьма подробно разсмотрѣвшій романъ, находитъ, что отдѣльныя части его соединены между собою больше внѣшнею, чѣмъ внутреннею связью. Въ «Граняхъ жизни» рѣзко обнаруживается наклонность автора къ роли проповѣдника или лектора, что во многомъ вредитъ достоинству романа. Теоретическія воззрѣнія самого автора, его надежды, его мечты, чужіе взгляды, поразившіе его своей оригинальностью, сдѣланныя имъ наблюденія въ разныхъ сферахъ общественной жизни—все это не слито въ одно гармоническое цѣлое. Подавляющее обиліе матеріала затемняетъ основную мысль романа, выраженную, повидимому, въ слѣдующихъ словахъ Сарматова, сказанныхъ на фабрикѣ, при видѣ старика гравера, подъ рукой котораго на поверхности хрустальной чаши появляются все новыя грани и новые узоры: «Жизнь человѣка въ рукахъ Сатурна, какъ чаша въ рукахъ гравера. И въ нашемъ сердцѣ время проводитъ грани за гранями, и чѣмъ ихъ больше, чѣмъ онѣ тоньше, тѣмъ драгоцѣннѣе чаша жизни. Но грани — предѣлы. Немножко въ сторону, немножко за грань, и красота нарушена; немножко глубже чѣмъ слѣдуетъ—и, вмѣсто грани—трещина. Перекрещиваются между собою тысячи граней, и звонкая чаша горитъ алмазами; нѣсколько трещинъ на ней — и она разбита».

Несмотря на нѣкоторые недостатки Сочиненій г. Луговото, комиссія, принимая во вниманіе имѣющіяся въ нихъ достоинства, постановила удостоить ихъ почетнаго отзыва.

Разсмотрѣніе книги К. К. Случевскаго «Историческія картинки. — Разные разсказы» принялъ на себя, по просьбѣ Отдѣленія, Вл. С. Соловьевъ.

«Книга г. Случевскаго — говоритъ рецензентъ — весьма замѣчательна разнообразіемъ своего содержанія. Жизнь до-историческая, міръ древне-греческій, евангельская исторія и эпоха мучениковъ, средніе вѣка во Франціи и въ Италіи, введеніе христіанства въ Россіи, эпоха Возрожденія, Московская Русь, жизнь италіанскихъ художниковъ новаго времени, эпоха Императрицы Екатерины II, древніе миѳы Восточной Азіи и современная миѳологія мурманскихъ поморовъ, міръ дѣтей и міръ военныхъ, древній Вавилонъ и современная финская деревня, петербургскій свѣтъ и міръ провинціальныхъ чудаковъ — вотъ области, мимолетно освѣщаемыя фантазіею г. Случевскаго. Сверхъ того авторъ счелъ нужнымъ прибавить къ «Донъ-Кихоту» Сервантеса новую главу собственнаго сочиненія, а также дополнить сказки «1001 ночи» еще одною, «тысяча-второю ночью».

К. К. Случевскій—писатель заслуженный. Болѣе 30 лѣтъ тому назадъ онъ обратилъ на себя вниманіе литературныхъ круговъ какъ начинающій, и съ того времени имя его весьма часто появляется въ печати.

Г. Соловьевъ прежде всего разсматриваетъ тѣ произведенія, которыя помѣщены въ концѣ книги въ трехъ отдѣлахъ: «Мурманскіе очерки», «Изъ свѣтской жизни», «Сцены и наброски».

Мурманскіе очерки почти безукоризненны. И природа, и бытъ людей нашей полярной окраины, гдѣ тяжелыя климатическія условія не только не придавили русскаго человѣка, а, напротивъ, вызвали къ проявленію лучшія стороны его характера, — представлены г. Случевскимъ очень живо и просто. Свой языкъ онъ очень удачно и въ мѣру обогащаетъ выразительными словами мѣстнаго поморскаго нарѣчія.

Послѣ «Мурманскихъ очерковъ» слѣдуетъ отнестись съ похвалой къ автору за нѣкоторые разсказы «изъ свѣтской жизни» и за нѣкоторые изъ «сценъ и набросковъ». «Вообще при достаточно тонкой наблюдательности — говоритъ г. Соловьевъ, — авторъ обладаетъ душевною чувствительностію, и, когда ему приходится отзываться на «впечатлѣнья бытія» не очень сложныя

и мудреныя, затрогивающія въ его сердцѣ лирическія струны, ему удается создавать произведенія съ истиннымъ художественнымъ достоинствомъ».

Разсказы подъ двумя рубриками: «Типы» и «Фантазіи» отличаются главнымъ образомъ оригинальностью сюжетовъ; достоинство этихъ разсказовъ составляютъ описанія и въ особенности разговоры, изложенные живымъ, естественнымъ языкомъ, иногда съ примѣсью легкаго юмора.

Изъ отдѣла «Фантазій» наиболѣе удачною со стороны художественности должна быть признана «Альгоя»—поэтическая сказка изъ южно-сибирскихъ преданій. Повидимому, здѣсь случайно соединены два различныхъ сказанія — одно о гибели какой-то доисторической цивилизаціи, развратнаго города въ родѣ Содома и Гоморы, и другое чисто-миѳологическое, о похожденіяхъ богини цвѣтовъ. Между этими двумя сюжетами нѣтъ внутренней связи, что̀ вредитъ общему впечатлѣнію.

Въ разсказѣ «Ѳеклуша» г. Случевскому удалось немногими живыми чертами создать образъ забитой полу-русской, полуфинской крестьянки, сохраняющей въ своей забитости и человѣчность, и женственность, но, къ сожалѣнію, мысль придѣлать къ этому образу историческія похожденія души древняго Вавилонянина испортила цѣльность этого маленькаго разсказа. Кромѣ того г. Соловьевъ указываетъ въ немъ ошибки и обмолвки по части исторіи.

За симъ рецензентъ переходитъ къ разсмотрѣнію отдѣла «Историческихъ картинокъ» и усматриваетъ въ нихъ, такъ же, какъ и въ другихъ произведеніяхъ г. Случевскаго, противохудожественную склонность къ разсужденіямъ, что и составляетъ главный недостатокъ автора.

Очеркъ «На мѣсто!» — есть самый интересный по замыслу между «историческими картинками» г. Случевскаго. Италіанскій художникъ эпохи Возрожденія съ природнымъ талантомъ къ миніатюрной живописи, мучимый чрезмѣрнымъ честолюбіемъ, хочетъ соперничать съ великанами искусства и пишетъ на библей-

скіе и классическіе сюжеты огромные холсты, не имѣющіе никакого достоинства. Въ настойчивой и безуспѣшной погонѣ за славою онъ мимоходомъ губитъ любящую его женщину и только подъ конецъ жизни, когда ему уже ничего не нужно, приходитъ къ самопознанію и нравственному возрожденію. «Какой прекрасный сюжетъ — говоритъ рецензентъ — и какимъ поучительнымъ произведеніемъ обогатилъ бы почтенный авторъ нашу литературу, если бы какъ слѣдуетъ сосредоточился на художественномъ исполненіи своего замысла, а таланта для такого исполненія у него навѣрное бы хватило». Но неправильно понимая задачу «исторической картинки», онъ раздѣлилъ свой холстъ на двѣ половины: на одной набросано нѣсколько фигуръ и положеній, болѣе или менѣе удачно воплощающихъ идею разсказа, а вся другая половина картины занята каѳедрой, съ которой авторъ преподаетъ не безъ ошибокъ урокъ изъ исторіи.

Крайне неудаченъ по мысли и по исполненію разсказъ изъ евангельской исторіи «Великіе дни». Г. Соловьевъ подробно его разсматриваетъ и указываетъ его недостатки.

Наполнивъ большую часть своего произведенія ненужнымъ пересказомъ евангельскаго повѣствованія съ неудачными дополненіями и замѣчаніями, г. Случевскій удѣлилъ слишкомъ мало мѣста для изображенія тѣхъ лицъ, которыя могли бы дать смыслъ его разсказу, именно римскаго легіонера, обращающагося ко Христу, и вдовы хозяйки того дома въ Эммаусѣ, гдѣ остановился воскресшій Спаситель съ двумя учениками. Эти два лица могли бы быть интересными, если бы авторъ сдѣлалъ ихъ средоточіемъ своего изложенія, но въ теперешнемъ своемъ видѣ, поспѣшно и мимоходомъ набросанныя, они являются только лишнимъ придаткомъ.

Несмотря на нѣкоторые недостатки, сильное впечатлѣніе производитъ разсказъ изъ временъ царя Іоанна Грознаго «Въ скудельницѣ», — въ которомъ изображается наѣздъ опричниковъ на село скудельничье. Это одно изъ самыхъ талантливыхъ и серьёзныхъ произведеній г. Случевскаго.

Изъ произведеній, вошедшихъ въ разбираемую книгу, самое большое и, повидимому, самое значительное въ глазахъ автора, носитъ заглавіе: «Профессоръ безсмертія».

Въ этомъ разсказѣ въ уста доктора медицины, Петра Ивановича Абатулова, чудака перваго разбора, авторомъ вложенъ цѣлый рядъ идей, относящихся къ предметамъ въ высшей степени интереснымъ и важнымъ — къ загробной жизни, къ молитвѣ, къ значенію Іисуса Христа и Церкви. Большая часть разсказа посвящена изложенію идей Петра Ивановича по его «тетрадкѣ», а также въ разговорахъ съ гостемъ, посѣтившимъ его. Удовлетворить требованіямъ отчетливой и послѣдовательной мысли авторъ разсказа, конечно, не имѣлъ и притязанія; никакихъ прозрѣній въ глубь предмета, никакихъ мыслей, разомъ озаряющихъ темные вопросы, мы здѣсь не находимъ. Да и самъ авторъ, очевидно, не полагался на силу своего творчества въ этой области, потому что на каждомъ шагу, вмѣсто того чтобы говорить о дѣлѣ, онъ только ссылается на разные дѣйствительные и мнимые авторитеты. Изъ полусотни именъ развѣ только три или четыре приведены кстати, всѣ остальные потревожены совершенно напрасно и успѣшно могли бы быть замѣнены другими или же и вовсе опущены.

На профессора безсмертія можно было бы смотрѣть просто какъ на *типъ* «естественника» и медика, собственнымъ умомъ доходящаго до основныхъ истинъ метафизики и религіи. Такой типъ, представлявшійся прежде лишь единичными лицами, за послѣднее время начинаетъ все болѣе и болѣе распространяться, и г. Случевскій, остановившись на немъ, показалъ похвальную отзывчивость на явленія дѣйствительности. Но ошибочно представивъ проповѣдь Петра Ивановича, какъ нѣчто оригинальное и значительное само по себѣ, и наполнивъ ею бо́льшую часть своего разсказа, авторъ существенно повредилъ художественному его характеру.

Петръ Ивановичъ есть лицо живое и правдиво очерченное въ повѣствовательной и описательной части разсказа, но отно-

шеніе къ нему автора основано на заблужденіи; свое справедливое уваженіе къ нравственному характеру своего героя г. Случевскій перенесъ и на его идеи, которыя сами по себѣ нисколько не замѣчательны.

Указавъ въ книгѣ г. Случевскаго какъ то, что̀ въ ней имѣется талантливаго, такъ и то, что̀ въ ней является слабымъ и неудачнымъ, рецензентъ заключаетъ свой разборъ замѣчаніемъ, что, несмотря на всѣ недостатки, онъ находитъ въ произведеніяхъ К. К. Случевскаго литературный талантъ, заслуживающій вниманія и признанія.

Комиссія, выслушавъ отзывъ рецензента, постановила наградить книгу г. Случевскаго почетнымъ отзывомъ.

Почетнымъ отзывомъ также удостоенъ исполненный Л. И. Поливановымъ переводъ въ стихахъ трагедіи Расина «Федра».

Г. Поливановъ уже нѣсколько лѣтъ трудится надъ переводами французскихъ классиковъ, и его дѣятельность въ этомъ направленіи неоднократно заслуживала одобреніе Отдѣленія. На этотъ разъ неутомимый переводчикъ избралъ для перевода трагедію Расина «Федра», которая уже была нѣсколько разъ переводима на русскій языкъ. Сравнительно съ предшествовавшими переводами трудъ г. Поливанова стоитъ неизмѣримо выше, и поэтому Ѳ. Д. Батюшковъ, котораго Отдѣленіе просило дать отзывъ объ этомъ новомъ переводѣ, устранилъ отъ сравненія всѣ старинные переводы, какъ не отвѣчающіе современнымъ требованіямъ и представленіямъ о правильномъ, выработанномъ литературномъ языкѣ, и въ доказательство того привелъ изъ этихъ переводовъ нѣсколько примѣровъ. Языкъ Расина считается образцовымъ по выработанности, мелодичности, изумительной простотѣ и ясности. Эти качества облегчаютъ, повидимому, какъ справедливо замѣтилъ рецензентъ, трудъ переводчика въ томъ

отношеніи, что ему не приходится заботиться о передачѣ какихъ-либо своеобразныхъ особенностей языка подлинника, но въ то же время налагаютъ на переводчика большую отвѣтственность, предъявляютъ къ нему строгія требованія. Конечно переводъ г. Поливанова исполненъ добросовѣстно, старательно, безъ нарушенія смысла подлинника и съ соблюденіемъ его размѣра, но онъ не передаетъ вполнѣ языка Расина и мелодичности его стиха. Врядъ ли русскій читатель «Федры» въ переводѣ г. Поливанова повторитъ вмѣстѣ съ Эмилемъ Фагэ, что при чтеніи данной трагедіи «ни разу не остановишься надъ несообразностью, неясностью или слабостью выраженія, небрежностью или неблагозвучіемъ», а подобными качествами долженъ былъ бы отличаться вполнѣ безупречный, художественный переводъ Расина. Г. Батюшковъ приводитъ изъ перевода г. Поливанова стихи довольно заурядные, безцвѣтные, иногда напоминающіе языкъ переводовъ XVIII и начала XIX столѣтій, но такіе стихи, правда, попадаются довольно рѣдко, и, конечно, безъ нихъ можно было бы обойтись. Рецензентъ указываетъ также встрѣчающуюся мѣстами нѣкоторую небрежность слога, искусственную перестановку словъ и неправильную конструкцію, чѣмъ затемняются мысли подлинника.

Вообще, замѣчаетъ г. Батюшковъ, и въ самомъ языкѣ Расина заключается весьма тонкая и глубоко-правдивая психологія, такъ что даже съ виду незначительныя отступленія отъ подлинника въ переводѣ могутъ привести къ нарушенію вѣрно выраженной, жизненной правды. Г. Поливановъ не избѣжалъ такихъ отступленій, и въ доказательство этого рецензентъ указываетъ на сцену Федры съ Энопой, когда послѣдняя допрашиваетъ свою госпожу объ ея тайномъ недугѣ, заставляющемъ ее искать смерти, и почти насильно вырываетъ у нея признаніе въ роковой преступной страсти къ пасынку, и Федра, хотя и высказывается, но стыдится своего чувства и потому избѣгаетъ прямыхъ отвѣтовъ; она какъ бы страшится называть вещи ихъ именами и прибѣгаетъ къ описательнымъ оборотамъ. Г. же По-

ливановъ описательному обороту отвѣта придалъ слишкомъ грубо откровенную форму. Далѣе, когда Федра дѣйствительно говоритъ, что она любитъ, но не рѣшается назвать по имени предметъ своей страсти и опять ищетъ обхода, начинаетъ издалека и придаетъ своему признанію форму вопроса, — что̀ необходимо слѣдовало бы удержать, — г. Поливановъ пренебрегъ указаннымъ соображеніемъ и заставилъ Федру отвѣтить — на вопросъ Эноны: кто ею любимъ? — прямо и рѣшительно. Но такое откровенное признаніе не соотвѣтствуетъ ни характеру, ни настроенію Федры. Такія подробности врядъ ли могутъ быть названы мелочными, такъ какъ онѣ представляются какъ бы бликами на картинѣ, написанными съ натуры рукою мастера, который знаетъ имъ мѣсто, въ переводѣ же онѣ оказываются сглаженными или перестановленными, такъ что картина теряетъ рельефъ и тускнѣетъ.

Рецензентъ, указавъ на найденныя имъ въ переводѣ перестановки фразъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводитъ къ нарушенію психологически вѣрной послѣдовательности мысли, заключаетъ свой разборъ слѣдующими словами: «Хотя г. Поливанову не удалось сообщить своему переводу трагедіи Расина всѣ тѣ качества языка, которыми отличается подлинникъ, немаловажною заслугою его представляется попытка приблизиться къ простотѣ и естественности выраженій, при соблюденіи размѣра подлинника и довольно близкой передачѣ содержанія. Въ этомъ отношеніи переводъ г. Поливанова имѣетъ безспорныя преимущества предъ всѣми прежними переводами на русскій языкъ данной трагедіи Расина. Въ общемъ языкъ г. Поливанова правильный, литературный, слогъ безъ особой напыщенности, столь несвойственной Расину, вопреки утвердившемуся у насъ мнѣнію, и хотя, конечно, стихи г. Поливанова не могутъ соперничать съ мелодичными «точеными» стихами Расина, хотя оригинальный текстъ нѣсколько обезцвѣченъ въ передачѣ, не всѣ выраженія безупречны, тѣмъ не менѣе переводъ не лишенъ и многихъ достоинствъ». Въ виду вышесказаннаго г. Батюш-

ковъ считалъ переводъ г. Поливанова заслуживающимъ Пушкинской поощрительной преміи.

Въ заключеніе Отдѣленіе считаетъ долгомъ выразить здѣсь глубокую благодарность ученымъ и литераторамъ, которые съ полною, какъ всегда, готовностію согласились раздѣлить его труды по разсмотрѣнію представленныхъ на Пушкинскій конкурсъ сочиненій. Въ изъявленіе этой искренней признательности Отдѣленіе присудило золотыя Пушкинскія медали: экстраординарному академику III-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ П. В. Никитину; члену-корреспонденту Отдѣленія, профессору Императорскаго Новороссійскаго университета А. И. Кирпичникову; дѣйствительному статскому совѣтнику К. К. Арсеньеву; Вл. С. Соловьеву; приватъ-доценту Императорскаго Санктпетербургскаго университета Ѳ. Д. Батюшкову и библіотекарю Императорской Публичной Библіотеки И. М. Болдакову.

I.

Разборъ перевода П. И. Вейнберга трагедіи Шиллера: «Марія Стюартъ»,

составленный членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ, проф. А. И. Кирпичниковымъ.

Трагедія Шиллера «Марія Стюартъ» не принадлежитъ къ числу характернѣйшихъ произведеній классическаго періода нѣмецкой словесности: не говоря уже о юношескихъ произведеніяхъ Шиллера: «Разбойникахъ» и «Донъ-Карлосѣ», поэтъ не отдалъ ей и пятой доли того напряженія творчества, какое положилъ на «Валленштейна», непосредственно ей предшествовавшаго, и не вложилъ въ нее столько собственной души и сердца, какъ въ «Орлеанскую Дѣву», которая непосредственно за ней слѣдовала. Тѣмъ не менѣе исторія возникновенія этого произведенія и довольно продолжительна и не лишена поучительности.

Въ раннемъ дѣтствѣ, проживая въ Лорхѣ, Шиллеръ зналъ только одну историческую книгу — Библію; въ латинской школѣ Людвигсбурга, гдѣ Шиллеръ учился отъ 1768 до 1772 г., почти единственнымъ предметомъ преподаванія была латынь, и сюжеты, надъ которыми могъ задумываться будущій великій драматургъ, были или изъ древняго міра или изъ той же Библіи. Въ «Военной Академіи» Карла Евгенія преподаваніе исторіи

было сперва поручено ректору людвигсбургской школы Яну, но скоро (въ 1772 г.) оно перешло въ руки молодого учителя Іог. Готтлиба Шотта, который, по словамъ вѣнскаго профессора Минора, автора лучшей монографіи о Шиллерѣ[1]), смотрѣлъ на исторію съ чисто человѣческой точки зрѣнія и «патетическимъ разсказомъ о несчастной судьбѣ юнаго Конрадина или *Маріи Стюартъ* старался извлекать слезы изъ глазъ слушателей»[2]). Шиллеръ не выдвигался среди учениковъ Шотта, такъ какъ вообще во время своего пребыванія въ педагогической теплицѣ герцога Вюртенбергскаго, по разнообразнымъ причинамъ, учился только «посредственно»; но нѣтъ сомнѣнія, что краснорѣчивый, нѣсколько театральный разсказъ (etwas theatralisch gefärbter Vortrag l. c.) Шотта глубоко запалъ въ его впечатлительную душу; а такъ какъ Шиллеръ съ первыхъ посѣщеній людвигсбургскаго театра, куда его довольно часто бралъ отецъ его, имѣвшій въ качествѣ капитана вюртенбергской службы туда свободный входъ, мечтаетъ о сочиненіи театральныхъ пьесъ[3]), весьма возможно, что онъ тогда же, подъ вліяніемъ лекціи Шотта, думалъ о судьбѣ казненной шотландской королевы, какъ о прекрасномъ сюжетѣ для трагедіи. Но это только предположеніе, если не особенно смѣлое, за то и не плодотворное; если и были у мальчика Шиллера такія мысли, на этотъ разъ изъ нихъ ничего не вышло.

Проходитъ нѣсколько лѣтъ; Шиллеръ, уже авторъ «Разбойниковъ» и «Фіеско», полный вѣры въ свои силы, несмотря на нѣкоторыя разочарованія и стѣсненное матеріальное положеніе, ищетъ сюжета для новой драмы и останавливается на Маріи Стюартъ. 9 декабря 1782 г. онъ пишетъ изъ Бауэрбаха, гдѣ фонъ Вольцогенъ предоставила ему покойное убѣжище, своему покровителю мейнингенскому библіотекарю Рейнгольду: «При-

---

1) 1-й томъ вышелъ въ 1890 г.: Schiller, sein Leben und seine Werke dargestellt v. J. Minor. Berl. Теперь ожидается 3-й томъ.

2) l. c. стр. 112.

3) Minor o. c. стр. 60.

шлите мнѣ историческихъ книгъ для моей *Маріи Стюартъ*; Камбденъ[1]) прекрасная книга, но было бы хорошо, еслибъ я имѣлъ возможно большее число пособій». Въ концѣ февраля 1783 г. онъ условливается съ лейпцигскимъ книгопродавцемъ Вейгандомъ (Weygand) относительно печатанія своей будущей пьесы. Но и на этотъ разъ планъ остался безъ исполненія, такъ какъ поэтъ взялся съ жаромъ за Донъ-Карлоса; если для Стюартъ и было что нибудь набросано Шиллеромъ, эти бумаги пропали безслѣдно.

Проходитъ 16 плодотворныхъ лѣтъ; Шиллеръ—уже прославленный, великій поэтъ, близкій другъ и сотрудникъ Гете; его скитанія и умственныя, и физическія, уже окончились, и онъ живетъ спокойно въ Іенѣ, въ кругу возлюбленной семьи, всецѣло отдавшись творчеству; но, какъ будто чувствуя, что ему не долго жить, онъ усиленно спѣшитъ работать и немедленно, безъ отдыха, переходитъ отъ одного обширнаго труда къ другому. Окончивъ въ началѣ 1799 г. «Смерть Валленштейна», онъ сейчасъ-же ищетъ сюжета для новой драмы. Теперь онъ думаетъ остановиться на чемъ нибудь вымышленномъ; 19 марта онъ пишетъ Гёте: «Я пресытился солдатами, героями и властителями». Нѣкоторое время онъ обдумываетъ планъ «Мессинской невѣсты», но уже въ апрѣлѣ онъ окончательно рѣшился остановиться на *Маріи Стюартъ* и сейчасъ же принялся за подготовительныя работы: онъ перечиталъ знакомыя ему статьи и книги и просмотрѣлъ много новыхъ[2]). Съ такой же изумительной энергіей идетъ и самый процессъ творчества: въ іюнѣ совсѣмъ готовъ планъ и набросанъ скелетъ пьесы, а 24 іюля уже написанъ весь первый актъ и начатъ второй; 9 августа Шиллеръ пишетъ Кёрнеру, что важнѣйшая треть работы уже сдѣлана; дѣйствительно,

1) Cambden: Annales rerum Anglicarum et Hibernicarum regnante Elizabetha 1615.

2) Подробную исторію работы Шиллера надъ Маріей Стюартъ см. у Дюнтцера: Heinrich Düntzer: Erläuterungen zu den deutschen Klassikern. 48. 49 Bändchen. 4-te Aufl. Lpz. 1892, стр. 1—50.

26 августа оконченъ 2-ой актъ и приступлено къ обработкѣ 3-ьяго; еслибы такъ пошло дѣло далѣе, Шиллеръ исполнилъ бы свое первоначальное намѣреніе: совсѣмъ закончить пьесу къ концу зимы. Но теперь начались разнообразныя задержки и препятствія: другія работы (Musenalmanach и пр.), рожденіе дочери, болѣзнь жены, переѣздъ въ Веймаръ, наконецъ серьезная собственная болѣзнь. Все же 9 іюня 1800 г. трагедія совсѣмъ окончена, и черезъ 5 дней поставлена въ первый разъ на сцену. Пьеса, какъ извѣстно, имѣла успѣхъ, но не совсѣмъ въ томъ объемѣ, какъ мечталъ авторъ, а англійскій переводъ, о возможно скорѣйшемъ появленіи котораго такъ хлопоталъ Шиллеръ, совсѣмъ потерпѣлъ неудачу.

Для пониманія задачи пьесы, мы считаемъ очень важнымъ вопросъ, почему Шиллеръ такъ легко разстался съ этимъ сюжетомъ въ 1783 г. и почему онъ, несмотря на свое пресыщеніе *героями и властителями*, съ такой энергіей взялся за него теперь? Обстоятельный отвѣтъ на него можетъ дать матеріалъ для цѣлой монографіи; здѣсь же мы считаемъ не лишнимъ только намѣтить тотъ путь, которымъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ итти къ его рѣшенію.

Доказывать, что великія политическія событія послѣднихъ годовъ прошлаго вѣка имѣли сильное вліяніе на міровоззрѣніе даже и такого ненавистника политики, какъ Гёте, было бы по малой мѣрѣ наивно. Шиллеръ былъ живѣе и впечатлительнѣй своего великаго друга, и тотъ изслѣдователь его произведеній, который всегда будетъ имѣть въ виду эти событія и ими обусловливать его взгляды, думаемъ мы, погрѣшитъ менѣе, нежели тотъ, кто совсѣмъ забудетъ, что Шиллеръ переживалъ революцію и директорію. Шиллеръ былъ отъ юности горячимъ проповѣдникомъ дѣятельной любви къ человѣчеству, *гуманистомъ* въ лучшемъ значеніи этого слова и оставался такимъ до конца дней своихъ; но его политическія убѣжденія не могли не измѣняться подъ вліяніемъ переживаемаго. Въ 1783 г. онъ былъ пылкимъ либераломъ и демократомъ, и несчастная судьба шотланд-

ской королевы, возбуждавшая его жалость «по человѣчеству», не могла воодушевить его настолько, чтобы создать изъ нея трагедію. Жалко, конечно, женщину, которая, нагрѣшивъ въ дни юности по легкомыслію и женской страстности, расплачивается за это 19-лѣтнимъ плѣномъ и, наконецъ, эшафотомъ; интересна эпоха, когда религіозная борьба жестоко волнуетъ народы и служитъ канвою для сильныхъ страстей властителей; поэтична фигура заключенницы, которая изъ глубины тюрьмы внушаетъ пылкую любовь и колеблетъ троны; трогательна смерть наслѣдницы двухъ коронъ, которая, послѣ всѣхъ грѣховъ своихъ и долгихъ лѣтъ страданія, сумѣла проявить на послѣднемъ судѣ столько ума и силы воли, а передъ плахой—столько геройскаго самообладанія, женскаго изящества и доброты и высокаго чувства. Но Марія Стюартъ, фанатически преданная католицизму, способная къ энергичной борьбѣ только за личное благосостояніе и власть и за династическіе или партійные интересы, Марія Стюартъ, дѣятельность которой была столь опасна для свободы англійскаго народа, что и смертный приговоръ ей и казнь ея были отпразднованы въ Лондонѣ и др. городахъ, какъ національное торжество, не могла быть *героиней* Шиллера въ началѣ 80-хъ годовъ; не могъ онъ вложить въ уста ея свои вольнолюбивыя и высокогуманныя мечты.

Не то было въ послѣдній годъ столѣтія. Событія 1791 — 1794 гг. значительно разочаровали Шиллера въ добросердечіи и разумности народной массы, и онъ уже готовъ сказать устами Сапѣги въ «Дмитріи»:

Was ist die Mehrheit? Mehrheit ist der Unsinn!
Verstand ist stets bei wen'gen nur gewesen.

Онъ разочаровался и въ вожакахъ этой массы и вообще въ «людяхъ успѣха»; искусство управлять толпой онъ готовъ отождествить съ отсутствіемъ нравственнаго чувства, по-просту сказать, съ безсовѣстностью, и того, кто, для достиженія личнаго благосостоянія, ссылается на волю народную и «общее благо» — при-

знать безчеловѣчнымъ эгоистомъ и лицемѣромъ[1]). Кто изъ расчета и ненависти отнимаетъ жизнь у своего ближняго, для того нѣтъ никакихъ извиненій; предполагаемое общее благо—только безчестная маска, и жертва его заслуживаетъ всеобщей симпатіи. Въ борьбѣ двухъ королевъ Елисавета опирается на волю парламента и интересы народа, а на самомъ дѣлѣ, по представленію Шиллера и его пособій, главнымъ образомъ Архенгольца (Archenholz: Geschichte der Königin Elisabeth v. England въ Hist. Kalender für Damen für d. Jahr 1790, 1—189[2]), руководствуется личными интересами и злобными чувствами; вотъ отчего въ глазахъ Шиллера почти при началѣ его работы Елисавета—«царственная лицемѣрка» (königliche Heuchlerin), съ которой онъ желаетъ сорвать маску величія; ея жертва, Марія Стюартъ — грѣшная, но живая и добрая женщина, возбуждающая симпатію поэта; возвышенныхъ монологовъ говорить она не будетъ; но будетъ жить и страдать, страданіемъ искупитъ вину свою и умретъ, примиривъ зрителя съ собой и возвысивъ его вѣру въ человѣка. Эпоха реформаціонной борьбы, когда фанатизмъ дѣлаетъ увлекающихся людей убійцами изъ-за угла (у Шиллера Мортимеръ), а спокойныхъ и разумныхъ — безжалостными притѣснителями (Бёрлей), сильно напоминаетъ ему борьбу революціонную, въ такой же степени озлобляющую и отдѣльныя лица и цѣлые народы. Но идеалистъ Шиллеръ увѣренъ, что это бѣдствіе скоропреходяще, что и въ массѣ добрые инстинкты должны взять верхъ надъ злыми, и устами Шресбери, представителя общественной совѣсти (IV дѣйствіе, явленіе 9), убѣждаетъ Елисавету не расчитывать на продолжительность народной злобы и мститель-

---

1) Какъ извѣстно, графъ Левъ Толстой идетъ въ этомъ направленіи гораздо дальше Шиллера; въ «Войнѣ и Мирѣ» (V, 110—111 по изд. 1868—9 г.) онъ говоритъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ и люди убиваютъ другъ друга, никогда ни одинъ человѣкъ не совершилъ преступленія надъ себѣ подобнымъ, не успокоивая себя мыслію о bien public, предполагаемомъ благѣ другихъ людей».

2) См. выписки у Duntzer'a l. c.; къ другимъ пособіямъ Шиллеръ обращался за подробностями и «мѣстнымъ колоритомъ».

ности; пройдетъ возбужденіе, и тираны всѣхъ родовъ и видовъ будутъ внушать только отвращеніе.

Таковы, по нашему мнѣнію, внутреннія основанія (внѣшнее указалъ предположительно Дюнцеръ l. c., стр. 2), по которымъ эта историческая тема, покинутая Шиллеромъ въ 1783 г., показалась ему особенно привлекательной въ 1799 г. и поглотила почти полтора года его жизни. Переработывая ее въ драму, Шиллеръ съ одной стороны воспроизвелъ многія мелкія черты, найденныя имъ въ источникахъ и пособіяхъ, а съ другой предоставилъ свободный ходъ своему творчеству: создалъ рядъ мотивовъ, лицъ и сценъ, небывалыхъ въ дѣйствительности (въ томъ числѣ и центральную сцену—свиданія королевъ), сконцентрировалъ къ 3-мъ днямъ событія, отстоявшія другъ отъ друга на нѣсколько лѣтъ (сватовство французскаго принца за Елисавету происходило за 7 лѣтъ) или мѣсяцевъ (между объявленіемъ Маріи приговора и казнью прошло около 3-хъ мѣсяцевъ) и 45-лѣтнюю полусѣдую, отяжелѣвшую отъ долгаго заключенія героиню обратилъ въ цвѣтущую 25-лѣтнюю красавицу, способную рѣзвиться, какъ ребенокъ; характеръ же ея настолько обѣлилъ страданіемъ и раскаяніемъ, что къ концу драмы она напоминаетъ идеально чистыхъ шекспировскихъ героинь [1]).

Какую идею проводилъ Шиллеръ, пересоздавая такимъ образомъ исторію? Надъ этимъ не мало поработала нѣмецкая критика [2]) и поработала, конечно, съ пользою, такъ какъ всѣ подобныя изслѣдованія, если только они основаны на историко-литературныхъ данныхъ и текстѣ произведенія, способствуютъ его всестороннему уясненію, *хотя бы даже они и противорѣчили другъ другу*: въ каждомъ образѣ, созданномъ истиннымъ художникомъ,

1) Да и всю пьесу можно разсматривать, какъ развитіе самоопредѣленія героини: Ich bin besser, als mein Ruf (III, 4 явл.).

2) Интересное, но не вполнѣ объективное изложеніе выдающихся мнѣній и оригинальное собственное объясненіе см. въ книжкѣ: Wilh. Fielitz, Studien zu Schillers Dramen. Lpz. 1876, стр. 44—71. Ср. также у Дюнцера гл. III. Gestaltung des Stoffes u. Ausführung (стр. 86 и слѣд.).

заключается въ зародышѣ множество наблюденій и обобщеній, которыя съ полной опредѣленностью часто могутъ раскрыться только послѣдующимъ поколѣніямъ. Но пререканія комментаторовъ о томъ, что основная задача произведенія выражена именно въ такихъ, а не иныхъ стихахъ, что пьеса проводитъ именно такую то, а не иную идею, едва-ли могутъ считаться полезными. По нашему мнѣнію, всякое истинно художественное произведеніе бóльшаго объема систематически проводитъ прежде всего одну идею—*идею красоты* и преслѣдуетъ прежде всего одну задачу—*воспроизвести жизнь, освѣтивъ ее свѣтомъ добра и правды.* Эту же общую задачу рѣшаетъ и Шиллеръ въ «Маріи Стюартъ», и его трагедія является не *трагедіей судьбы* (W. Fielitz l. c. 56), не *религіозной* (Юл. Шмидтъ см. Düntzer l. c., стр. 104) и не *политической* (ib. 106), а *этической* драмой, какъ и всякое другое истинно художественное поэтическое произведеніе этого рода, какъ «Борисъ Годуновъ» Пушкина, напримѣръ. Между этими двумя произведеніями много общаго не вслѣдствіе вліянія Шиллера на Пушкина, а вслѣдствіе единства задачи и формы: и тамъ и здѣсь за предѣлами пьесы совершено преступленіе, и тамъ и здѣсь изображается нравственная казнь преступника; и все, что задумано во благо ему, обращается ему же во вредъ; и тамъ и здѣсь передъ зрителемъ два несходныхъ, во многихъ отношеніяхъ противуположныхъ человѣка, борьба которыхъ составляетъ историческій фактъ[1]); и тамъ и здѣсь побѣдитель, являющійся орудіемъ высшей справедливости, перейдя мѣру ея, самъ становится преступникомъ, и ему за предѣлами пьесы предстоитъ неизбѣжная, вполнѣ ясная для зрителя казнь. (Знаменитая ремарка Пушкина: «Народъ безмолствуетъ» соотвѣтствуетъ той

---

1) Эту вполнѣ естественную систему парныхъ противуположностей легко прослѣдить и на второстепенныхъ лицахъ обѣихъ трагедій: у Шиллера—гуманный Шресбери и безжалостный политикъ Бёрлей, расчетливый, холодный Лейчестеръ и до полубезумія увлекающійся Мортимеръ; у Пушкина: патріархъ и юродивый, Ксенія и Марина Мнишекъ, Воротынскій и Шуйскій.

пустотѣ, которая образовалась вокругъ Елисаветы въ самый моментъ ея торжества).

Сходно отношеніе обоихъ поэтовъ къ исторической темѣ: оба они принимаютъ за фактъ недоказанное преступленіе своихъ героевъ и оба смягчаютъ вину ихъ мученіями совѣсти и проявленіями доброты и гуманности; оба пополняютъ дѣйствительность творчествомъ, чтобы придать полную реальность и рельефность характерамъ историческихъ лицъ; оба они воспроизводятъ эпоху черезъ созданіе типичныхъ и живыхъ фигуръ; оба они, позволяя себѣ проявлять симпатію и антипатію къ отдѣльнымъ личностямъ, безусловно объективны по отношенію къ цѣлымъ партіямъ [1]): кто любитъ человѣка, не можетъ унизить міровоззрѣніе массы; въ его глазахъ, то, во что люди вѣруютъ, что любятъ они, не можетъ не заключать въ себѣ частицы добра и правды.

Отношеніе сходно, но не тождественно. Пушкинъ, создававшій свою трагедію въ эпоху господства романтической критики, болѣе заботится о *мѣстномъ колоритѣ* (Localfarbe), чѣмъ авторъ «Маріи Стюартъ» [2]) и не позволяетъ себѣ въ такой степени измѣнять историческіе факты. Въ трехъ драмахъ Шиллера, непосредственно слѣдовавшихъ другъ за другомъ: «Валленштейнъ», «Марія Стюартъ» и «Орлеанская Дѣва», нельзя не замѣтить постепенное уклоненіе поэта отъ точности въ воспроизведеніи историческихъ фактовъ.

Въ письмѣ отъ 8 мая 1799 г. Шиллеръ самъ опредѣляетъ значеніе «Валленштейна» для пьесы, надъ которой онъ въ то время работаетъ, т. е. для «Маріи Стюартъ»: на огромномъ и сложномъ сюжетѣ «Валленштейна» онъ выработалъ себѣ технику (das Handwerk gelernt habe) и теперь будетъ работать быстрѣе.

---

1) Нельзя не согласится съ Дюнцеромъ (l. c. 104), что Юліанъ Шмидтъ проявилъ собственную протестантскую нетерпимость, обвиняя Шиллера за «Марію Стюартъ» въ пристрастіи къ католикамъ.

2) Но и Шиллера было бы несправедливо обвинять въ полномъ равнодушіи къ нему: независимый духъ англичанъ рельефно выраженъ въ Паулетѣ и Шрёсбери, ихъ суровая дѣловитость въ Бёрлеѣ и т. д.

Технику онъ, дѣйствительно, себѣ выработалъ, но отразилось это, къ счастію, не столько на скорости работы, сколько на совершенствѣ ея. Нельзя не согласиться съ Дюнцеромъ[1]), что характеры въ «Маріи Стюартъ» закругленнѣе и жизненнѣе, нежели въ «Валленштейнѣ»[2]). Усовершенствованіе техники еще нагляднѣй отразилось на языкѣ пьесы, который своею простотой, опредѣленностью и драматической живостью значительно превосходитъ языкъ трилогіи. Въ общемъ, отъ перваго стиха до послѣдняго это характерный языкъ Шиллера, характерный своимъ искреннимъ паѳосомъ и, если можно такъ выразиться, задушевнымъ благородствомъ; но въ этихъ неизбѣжныхъ предѣлахъ каждое дѣйствующее лицо говоритъ сообразно своему характеру и настроенію: не только холодный, сдержанный, часто двусмысленный, почти змѣиный языкъ Елисаветы рѣзко отличается отъ искренняго, то грустнаго, то исполненнаго оскорбленнаго достоинства и только въ концѣ «свиданія королевъ» язвительно-побѣдоноснаго тона Маріи; не только рѣчь Мортимера выдается изо всѣхъ своею страстностью, а въ 6-мъ явленіи III-го дѣйствія — полубезумнымъ, патологическимъ возбужденіемъ, но и энергичная, суровая рѣчь Бёрлея характерно отличается отъ ворчливаго, иногда грубаго, но въ сущности добродушнаго спо-

1) l. c. 112.

2) Но едва ли можно признать вмѣстѣ съ нимъ, что характеръ Лейчестера не удался (ib. 113). По нашему мнѣнію, почтеннаго комментатора нѣмецкихъ классиковъ смущаетъ противорѣчіе между Лейчестеромъ историческимъ и Лейчестеромъ Шиллера. Но если мы совершенно отрѣшимся отъ перваго, второй окажется однимъ изъ самыхъ тонкихъ драматическихъ типовъ. Онъ самый умный и ловкій человѣкъ изъ окружающихъ Елисавету; онъ равнодушенъ къ идеямъ, но превосходно понимаетъ людей и умѣетъ пользоваться ихъ слабостями. Онъ живетъ, какъ и Елисавета, не чувствомъ, а исключительно расчетомъ; оттого онъ такъ близко и сошелся съ ней. Но онъ воспитывался не въ такой суровой школѣ, какъ Елисавета, и къ тому же мужчина никогда не можетъ дойти до той степени безсердечія, до какой доходитъ женщина, если она отрѣшится отъ свойственной ей впечатлительности и мягкости. Оттого онъ иногда и именно въ то время, когда ему, какъ говорится, не везетъ, можетъ отдаться чувству, что̀ и ставитъ себѣ въ великую заслугу. Но именно тогда-то такіе люди и оказываются «между двухъ стульевъ», въ самомъ жалкомъ положеніи, которое, однако, мало возбуждаетъ сочувствія.

соба выраженія сэра Паулета и отъ ловкой, гибкой, какъ шпага, рѣчи Лейчестера. Только одинъ Шрёсбери говоритъ такъ, какъ говорилъ бы на его мѣстѣ самъ поэтъ; но и въ его тонѣ можно подмѣтить «типичный» оттѣнокъ старческаго спокойствія.

Стихъ въ «Маріи Стюартъ» свободнѣе, чѣмъ въ «Донъ-Карлосѣ» и «Валленштейнѣ»[1]), но эта свобода не есть слѣдствіе произвола и недостатка отдѣлки, а именно бо́льшаго совершенства техники: кто не согласится, что укороченные стихи на концѣ длинныхъ рѣчей представляютъ большую выгоду и для актера и для зрителя?

Слѣдуя примѣру Шекспира, Шиллеръ еще въ «Валленштейнѣ» началъ вставлять риѳмованные стихи среди бѣлыхъ. Въ «Маріи Стюартъ» онъ прибѣгаетъ къ этому вполнѣ художественному средству поднимать тонъ значительно чаще и риѳмуетъ, большею частію съ промежутками[2]), цѣлые монологи, произносимые въ состояніи сильнаго душевнаго возбужденія; выраженія чувствъ героини въ 1-мъ явленіи III-го дѣйствія—почти такое же высокопоэтическое созданіе, какъ знаменитый монологъ Орлеанской Дѣвы: «Ахъ, почто за мечъ воинственный»....

Для переводчика «Марія Стюартъ» представляетъ задачу привлекательную, но очень нелегкую, именно вслѣдствіе разнообразія тона и стиха; талантливый и опытный переводчикъ можетъ показать на возсозданіи ея всю свою силу, но онъ долженъ много поработать надъ пьесой, чтобы красиво и вѣрно передать оттѣнки ея діалоговъ и лирическихъ монологовъ.

Въ общемъ переводъ трагедіи Шиллера, представленный П. И. Вейнбергомъ на соисканіе преміи имени А. С. Пушкина, вполнѣ достоинъ и великаго произведенія и почетной извѣстности опытнаго и талантливаго переводчика. Переводъ этотъ, правда, не принадлежитъ къ крайне ограниченному во всѣхъ литературахъ числу тѣхъ классически-прекрасныхъ переводовъ, которые каждой поэтической фразой передаютъ всю силу и кра-

1) Подробности см. у Дюнцера l. c. стр. 113—114.
2) Перечисленіе всѣхъ случаевъ см. у Дюнцера l. c. 116.

соту соотвѣтствующей фразы подлинника; къ созданію такихъ переводовъ способны или первоклассные самостоятельные поэты или такіе талантливые литераторы, которые имѣютъ досугъ посвятить десятки лѣтъ на изученіе и возсозданіе одного классическаго произведенія. Г. Вейнбергъ, безъ сомнѣнія, литераторъ, превосходно подготовленный и талантливый, но такого досуга, сколько намъ извѣстно, онъ не имѣетъ, и ему представлялись два пути, вовсе не одинакіе по своей цѣлесообразности: или передавать вѣрно смыслъ, содержаніе и тонъ каждаго отдѣльнаго монолога и реплики, или воспроизводить каждый образъ, каждую фразу стихотворнаго оригинала, не жалѣя при этомъ лишнихъ словъ и даже стиховъ. Онъ избралъ второй путь, по нашему убѣжденію, единственно достойный такихъ поэтовъ, какъ Шекспиръ, Гете и Шиллеръ. А такъ какъ способъ выраженія переводчика, естественно, оказывается слабѣе, чѣмъ въ оригиналѣ, г. Вейнбергъ часто нуждается въ двойномъ числѣ стиховъ, чтобы выразить все то, что находитъ онъ у Шиллера [1]), и потому *при подстрочномъ сличеніи* переводъ кажется какъ будто водянистымъ, разбавленнымъ. Но переводы дѣлаются не для подстрочнаго сличенія, а для чтенія тѣхъ, кому не вполнѣ доступенъ оригиналъ; забудемъ на время его, и эти 200—300 лишнихъ стиховъ безъ вреда для произведенія органически сольются съ остальными, и общій тонъ благороднаго, дѣвственно-чистаго и философски вдумчиваго, но не свободнаго отъ нѣкоторой реторичности міровоззрѣнія и соотвѣтствующаго ему способа выраженія Шиллера оказывается прекрасно выдержаннымъ. Средства, которыми переводчикъ достигъ этого, просты и вполнѣ цѣлесообразны. Отлично зная нѣмецкій языкъ, г. Вейнбергъ добросовѣстно изучилъ текстъ и не пренебрегъ даже и коммен-

---

1) Такъ напр. на стр. 161 (II дѣйств. 4-ое явл.) два стиха Тальбота: Wenn die Monarchin sie beglücken will, Wollt Ihr der Gnade sanfte Regung hindern? переданы четырьмя стихами. На стр. 172 (III, 3) шесть стиховъ рѣчи того же Шресбери (Gebietet Eurem wild empörten Blut и пр.) переданы восемью стихами съ половиной. На стр. 173 (III, 4) три стиха Лейчестера (Es ist geschehen,

таріями[1]), а за тѣмъ усердно поработалъ надъ переводомъ, причемъ огромную пользу оказалъ ему его значительный стихотворный талантъ, развитый многолѣтнимъ упражненіемъ: онъ вполнѣ овладѣлъ техникой свободнаго ямба Шиллера[2]), старательно, но безъ замѣтныхъ для читателя усилій замѣнялъ его другими размѣрами, гдѣ таковые оказывались въ оригиналѣ, и съ замѣчательной настойчивостью и виртуозностью вводилъ звучныя риѳмы во всѣхъ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

Чтобы показать, насколько внимательно и умѣло воспроизвелъ г. Вейнбергъ детали оригинала, особенно трудныя для перевода, намъ достаточно привести два важныхъ мѣста съ такъ называемою непереводимою игрою словъ. Въ I дѣйствіи (2 явленіе) Марія Стюартъ говоритъ своей кормилицѣ Кеннеди:

> Beruhige dich, Hanna. Diese Flitter machen
> Die Königin nicht aus. Man kann uns *niedrieg*
> *Behandeln*, *nicht erniedrigen*.

Königin и пр.) переданы четырьмя съ половиною стихами и т. д. и т. д. Иногда, чтобы сообщить соотвѣтствующую силу рѣчи извѣстнаго лица, переводчикъ принужденъ пополнять ее образами и фразами собственнаго измышленія (такъ напр. въ той же знаменитой сценѣ королевъ, въ гнѣвный монологъ Маріи, начинающійся словами: «Ich habe menschlich, jugendlich gefehlt», г. Вейнбергъ вставляетъ стихъ: «И вамъ и всѣмъ я смѣло говорю» и ниже сравненіе: «со лживостью змѣи», см. стр. 175), но такъ какъ его измышленія удачны и въ духѣ оригинала, читатель не имѣетъ права быть недовольнымъ этими вставками.

1) Ясное доказательство этого мы видимъ между прочимъ въ началѣ той-же сцены королевъ, гдѣ вульгата до сихъ поръ сохраняетъ явную описку въ ремаркѣ автора: Talbot entfernt das Gefolge. Sie (Елисавета) fixiert mit den Augen die Maria, indem Sie zu Paulet weiter spricht. Здѣсь zu Paulet стоитъ вмѣсто zu Leicester, какъ это и исправлено самимъ Шиллеромъ въ переработкѣ для театра (H. Düntzer: Erläuterungen zu den deutschen Klassikern. 48. 49 Bändchen. S's Maria Stuart 4-te Aufl. Lpz. 1892, стр. 186 прим.). Г. Вейнбергъ переводитъ (стр. 173): «продолжаетъ говорить Лейчестеру».

2) Я могу отмѣтить только одинъ неправильный стихъ на стр. 141 (5-й отъ начала 1-го столбца): «Мучительно тянувшійся мѣсяцъ». Можно еще, пожалуй, замѣтить, что въ послѣднихъ стихахъ 1-го явленія III дѣйствія переводчикъ допускаетъ метрическія вольности, на которыя не давалъ ему права оригиналъ.

Г. Вейнбергъ переводитъ:

— Утѣшься. Анна!
Монаршій санъ не этой мишурой
Дается намъ, и если можно *низко*
Со мною обращаться, то *унизить*
Меня нельзя.

Еще важнѣе тотъ рѣзкій и грязный сарказмъ, которымъ королева Елисавета окончательно выводитъ изъ себя несчастную Марію:

Fürwahr! Der Ruhm war wohlfeil zu erlangen,
Es kostet nichts, *die allgemeine Schönheit*
Zu sein, als *die gemeine* sein für alle!

Г. Вейнбергъ переводитъ и просто и точно (стр. 175):

Ну, пріобрѣсть такую славу можно
Недорого: *всесвѣтной красотой*
Прослыть легко тому, кто *достоянье*
Всесвѣтное.

Мы были бы принуждены выписать по крайней мѣрѣ треть пьесы, если бы вздумали перечислять всѣ мѣста, гдѣ проявляется рѣдкій тактъ переводчика и его способность передавать и общій тонъ и мелкія частности оригинала. Чтобы не удлинять безъ особой нужды нашего отзыва, мы ограничимся только указаніемъ на прекрасно выдержанный тонъ злобнаго презрѣнія въ рѣчахъ Елисаветы (въ сценѣ королевъ), который, кажется, и ангела могъ бы вывести изъ терпѣнія, и на тонкую и вѣрную передачу двусмысленныхъ рѣчей Елисаветы къ Девисону (IV-ое дѣйствіе, явленіе II-ое), которыя для перевода труднѣй всякихъ каламбуровъ (у г. Вейнберга, стр. 190—191). А чтобы дать образчикъ слога и стиха г. Вейнберга и вмѣстѣ съ тѣмъ близости его перевода къ оригиналу въ особенно трудныхъ лирическихъ мѣ-

стахъ, мы выпишемъ начало 1-го явленія III-го дѣйствія параллельно съ оригиналомъ.

Марія *быстро выбѣгаетъ изъ-за деревьевъ*, Анна Кеннеди *медленно слѣдуетъ за нею.*	*Maria* tritt in schnellem Lauf hinter Bäumen hervor. *Hanna Kennedy* folgt langsam.
Кеннеди.	Kennedy.
Постойте-же! Вы мчитесь, точно крылья У васъ нашлись... За вами не поспѣть!	Ihr eilet ja, als wenn Ihr Flügel hättet, So kann ich Euch nicht folgen, wartet doch!
Марія.	Maria.
Дай насладиться мнѣ новою волей, Дай быть ребенкомъ — и будь имъ со мной; Дай на коврѣ разноцвѣтнаго поля Бѣгъ мой испробовать легкій, живой. Да неужли же раскрылась темница? Вырвалась я изъ могилы своей? Дай же мнѣ жадно, полнѣй и полнѣй, Воздухомъ чуднымъ, свободнымъ упиться!	Lass mich der neuen Freiheit geniessen, Lass mich ein Kind sein, sei es mit, Und auf dem grünen Teppich der Wiesen Prüfen den leichten, geflügelten Schritt. Bin ich dem finstern Gefängnis entstiegen? Hält sie mich nicht mehr, die traurige Gruft? Lass mich in vollen, in durstigen Zügen Trinken die freie, die himmlische Luft.
Кеннеди.	Kennedy.
Ахъ, леди дорогая, это только	O meine teure Lady! Euer Kerker

Расширили немного вамъ тюрьму,	Ist nur um ein klein weniges erweitert.
И стѣнъ ея вы оттого здѣсь только	Ihr seht nur nicht die Mauer, die uns einschliesst,
Не видите, что закрываютъ ихъ	Weil sie der Bäume dicht Gesträuch versteckt.
Отъ вашихъ глазъ деревъ густыя вѣтви.	

Марія.	Maria.
Благодарю, благодарю, что ты,	O Dank, Dank diesen freundlich grünen Bäumen,
О, зелень милая, тюрьму мою закрыла!	Die meines Kerkers Mauern mir verstecken!
Свободу, счастье вновь мнѣ греза возвратила.	Ich will mich frei und glücklich träumen,
Зачѣмъ будить меня отъ сладостной мечты?	Warum aus meinem süssen Wahn mich wecken?
Раскинутъ надо мной съ своимъ просторомъ	Umfängt mich nicht der weite Himmelsschoss?
Небесный сводъ; свободнымъ взоромъ	Die Blicke, frei und fessellos,
Даль необъятную могу окинуть я. . . .	Ergehen sich in ungemessnen Räumen.
Тамъ, гдѣ встаетъ, одѣтая туманомъ,	Dort, wo die grauen Nebelberge ragen,
Цѣпь горъ сѣдыхъ — мое ужъ царство тамъ;	Fängt meines Reiches Grenze an,
И тучки тѣ, что мчатся къ южнымъ странамъ,	Und diese Wolken, die nach Mittag jagen,
Вѣдь ищутъ путь къ французскимъ берегамъ!	Sie suchen Frankreichs fernen Ozean.
Быстрыя тучки, воздушнаго моря пловцы!	Elende Wolken, Segler der Lüfte!

Кто съ вами странствовалъ въ дальніе свѣта концы?	Wer mit euch wanderte, mit euch schiffte?
Въ край, гдѣ цвѣла моя юность, снесите поклонъ мой сердечный! и т. д.	Grüsset mir freundlich mein Jugendland! и т. д.

Но нельзя ожидать, чтобы въ переводѣ большой 5-актной драмы, заключающей въ себѣ около 7000 стиховъ, при вышеуказанномъ условіи (невозможности держать его десятки лѣтъ въ портфелѣ), не встрѣтилось недосмотровъ и промаховъ, и мы считаемъ своимъ долгомъ перечислить всѣ нами замѣченныя неточности и lapsus calami, хотя бы и самые незначительные, не столько въ упрекъ переводчику, сколько въ увѣренности, что русской публикѣ понадобится не одно изданіе хорошаго перевода «Маріи Стюартъ» и въ надеждѣ, что г. Вейнбергъ согласится съ небезполезностью хоть нѣкоторой части нашихъ указаній.

Въ I-мъ дѣйствіи, 1-мъ явленіи (переводъ стр. 138) Кеннеди говоритъ, что Марія Стюартъ привыкла къ роскоши.

Am üpp'gen Hof *der Medicäerin*, т. е. при французскомъ дворѣ, гдѣ въ то время властвовала Екатерина Медичи, супруга короля Генриха II. Г. Вейнбергъ переводитъ:

И при дворѣ роскошномъ *Медичисовъ*.... Читатель можетъ подумать, что рѣчь идетъ о флорентійскомъ дворѣ.

Ib. немного ниже Паулетъ говоритъ о предметахъ роскоши:

Sie wenden nur das Herz dem Eiteln zu. Г. Вейнбергъ переводитъ:

Онѣ[1]) родятъ тщеславье только въ сердцѣ.

Но Паулетъ слишкомъ убѣжденъ въ природномъ тщеславьѣ Маріи, чтобы такъ выразиться. Было бы вѣрнѣе перевести:

Онѣ къ тщеславью обращаютъ сердце.

---

1) Бездѣлки, «что скрашиваютъ жизнь».

Въ самомъ концѣ 2-го явленія (стр. 141) Паулетъ говоритъ:

Was die Gerechtigkeit gesprochen, *furchtlos*
Vor aller Welt wird es die Macht vollziehn.

Г. Вейнбергъ переводитъ: —

Что справедливый судъ произнесетъ, то предъ глазами міра
Исполнитъ власть.

Слѣдовало бы прибавить: «безъ страха», что вовсе не нарушило бы стиха[1]).

I-е дѣйствіе 5-ое явленіе (стр. 143). Мортимеръ передаетъ Маріи eine Karte (все ея содержаніе — рекомендація подателя въ 2-хъ строкахъ); г. Вейнбергъ здѣсь и въ началѣ 6-го явленія переводитъ это словомъ: письмо.

I, 6 (стр. 144) Мортимеръ говоритъ о себѣ:

In strengen *Pflichten* war ich aufgewachsen

Г. Вейнбергъ переводитъ:

Я, вскормленный на строгомъ *чувствѣ вѣры*....

Но о его религіозныхъ убѣжденіяхъ рѣчь идетъ въ слѣд. стихѣ; было бы и точнѣе и лучше по-русски: «на строгомъ *чувствѣ долга*». По словамъ Мортимера (ib. переводъ стр. 145), кардиналъ де Гизъ доказалъ ему,

dass der Geist der Wahrheit
Geruht hat auf *den Satzungen* der Väter.

Г. Вейнбергъ переводитъ:

— Что на всѣхъ
Ученіяхъ святыхъ отцевъ духъ правды
Покоился.

1) Можетъ быть это опечатка. Въ томъ же явленіи въ словахъ Маріи (стр. 140) «Болѣзнію тревожимаго сердца» явная опечатка; надо читать: *Боязнію* тревожимаго сердца (mein geängstigt fürchtend Herz).

Уже и безъ сличенія съ оригиналомъ прош. вр. примѣнительно къ ученію св. отцевъ неумѣстно. H. Düntzer[1]) читаетъ здѣсь *Sitzungen* и говоритъ: Körner schrieb wider den Sinn des Dichters, der an Konzile denkt, *Satzungen*. Проф. I. W. Schäfer въ своемъ изданіи Маріи Стюартъ (Stuttg. 1886) читаетъ: *Satzungen*, но объясняетъ (стр. 155) — den Beschlüssen der Kirchenversammlungen. Вм.: *ученіяхъ* было бы вѣрнѣе поставить: рѣшеніяхъ.

Въ той же сценѣ и на той же страницѣ мы встрѣчаемъ явный недосмотръ. Мортимеръ перечисляетъ друзей Маріи въ Реймсѣ:

Den edlen Schotten Morgan fand ich hier,
Auch Euren treuen Lesslay, den gelehrten
Bischof von Rosse. . . .

Г. Вейнбергъ переводитъ:

Тутъ встрѣтилъ
Я Мóргана, достойнаго шотландца,
И вѣрнаго вамъ Лесли, *и еще*
Ученаго епископа изъ Россе. . . .

Стало быть рѣчь идетъ о трехъ особахъ; но Лесли и былъ епископомъ Россе; Cambden называетъ его Iohannes Leslaeus, episcopus Rossensis[2]). Ib. стр. 146 Мортимеръ говоритъ Маріи:

Raubt Euch
Des Kerkers Schmach von Eurem Schönheitsglanze?

Г. Вейнбергъ переводитъ:

Кто бъ могъ сказать. . . .
Что ни частицы вашей
Чудесной красоты *не истребилъ*
Позоръ тюрьмы?

---

1) Erläuterungen zu den deutschen Klassikern. 48. 49 Bändchen. Schillers Maria Stuart. 4-te Aufl. Lpz. 1892, стр. 134.

2) Düntzer o. c. 185 прим.

Это неумѣстное отрицаніе придаетъ похвалѣ Мортимера совершенно противуположный смыслъ. Въ слѣд. (7-мъ) явленіи, стр. 149 Марія называетъ Генриха VIII своимъ двоюроднымъ *дядюшкой*; очевидно, слѣдуетъ читать: *дѣдушкой.*

Ib., стр. 151 Марія спрашиваетъ Бёрлея:

Warum ward Babington mir nicht vor Augen
Gestellt?

Г. Вейнбергъ переводитъ: — Почему
Мнѣ свидѣться не дали съ Бабингтономъ?

Здѣсь, безъ сомнѣнія, рѣчь идетъ не о свиданіи, а объ очной ставкѣ на судѣ.

I, 8 (стр. 153) на заявленіе Бёрлея о тяжеломъ положеніи королевы Паулетъ отвѣчаетъ:

Das ist nun die Notwendigkeit, steht nicht zu ändern.

Онъ разумѣетъ данный частный случай. Г. Вейнбергъ едва ли умѣстно, въ виду связи съ послѣдующимъ, обобщаетъ его слова:

Гдѣ дѣйствуетъ необходимость — тамъ
Перемѣнить нельзя.

Во II-мъ дѣйствіи, явл. 2 (стр. 155) Елисавета говоритъ:

Mein Wunsch war's immer unvermählt zu sterben.

Г. Вейнбергъ переводитъ: — У меня
Всегдашнее желаніе — безбрачной
Окончить жизнь. . . .

Настоящее вр. неумѣстно здѣсь, въ виду ея близкаго согласія на бракъ съ французскимъ принцемъ. Было бы ближе и лучше:

Всегда было желанье — безбрачной и пр.

Здѣсь же (стр. 156) чрезвычайный посолъ Франціи, получивъ для принца орденъ Подвязки говоритъ:

Empfang ich knieend dies Geschenk und drücke
Den Kuss der Huldigung auf *meiner Fürstin* Hand.

Онъ дѣлаетъ удареніе на *meiner*, спѣша подчеркнуть предстоящую связь Елисаветы съ французскимъ королевскимъ домомъ[1]).

Г. Вейнбергъ не сохранилъ въ переводѣ этого оттѣнка:

. . . . и поцѣлуй почтенья
Глубокаго на царственной рукѣ
Напечатлѣть дерзаю.

II, 3 явл. (стр. 159) Лейчестеръ говоритъ Елисаветѣ:

Da du den Königssohn mit deiner Hand
Beglücken willst. . . .

Г. Вейнбергъ переводитъ: — когда ты осчастливить

Рѣшаешься *дофина* ихъ земли. . . .
Но Monsieur дофиномъ не былъ.

II, 6 явл. (стр. 163) Мортимеръ говоритъ въ своемъ монологѣ о Елисаветѣ:

Erhöhen willst du mich, zeigst mir von ferne
Bedeutend einen kostbarn Preis. Und wärst
Du selbst der Preis und deine Frauengunst,
Wer bist du, Ärmste и пр.

Елисавета выражалась очень осторожно и только позволяла догадываться о томъ, что̀ обѣщаетъ она[2]); поэтому и Мортимеръ вовсе не увѣренъ въ смыслѣ ея словъ. Не такъ у г. Вейнберга:

Ты хочешь высоко
Вознесть меня — наградой драгоцѣнной
Издалека, но явственно манишь,
Давъ мнѣ понять, что ты сама, и съ *женской*[3])

---

1) Düntzer l. c. 158. Nachdem Bellievre mit einem Kusse auf die Hand der Königin, die er schon als seine Fürstin betrachtet etc.

2) Düntzer l. c. 169.

3) Курсивъ у г. Вейнберга.

Своею благосклонностью ко мнѣ
Награда та! и пр.

Здѣсь же Мортимеръ говоритъ:

Nie hast du liebend einen Mann beglückt, т. е. ты искренно и сильно никого не любила и потому никого изъ мужчинъ не сдѣлала счастливымъ. По г. Вейнбергу Мортимеръ ставитъ ей въ вину, что она замужъ не вышла: — супругу

Не отдала ты чувства всѣ свои...

II, 8 явл. (стр. 164) Лейчестеръ у г. Вейнберга говоритъ Мортимеру: — при дворѣ въ двухъ лицахъ вы *всегда*

Являетесь. . . .

Но читателю извѣстно, что Мортимеръ сегодня въ первый разъ попалъ къ англійскому двору. Это наблюденіе Лейчестера преждевременно и въ оригиналѣ, но тамъ оно выражено осторожнѣе:

Ich seh'Euch zweierlei Gesichter zeigen
An diesem Hofe [1]).

Во II-мъ дѣйствіи, явленіе 9 (168) можетъ быть, по недосмотру корректора, пропущена ремарка автора при словахъ Лейчестера: fasst sich (овладѣваетъ собою), безъ которой измѣненіе его тона является непонятнымъ. Здѣсь же стр. 169 Елисавета говоритъ о Маріи:

So oft musst'ich *die Larve* rühmen hören

У г. Вейнберга мы читаемъ:

— Мнѣ о лицѣ ея
Ужъ столько разъ трубили восхваленья. . . .

Переводъ вѣренъ (хотя и тяжелъ немного), но въ немъ не выражено презрительное *Larve* [2]).

1) Ср. Düntzer l. c. 171—2.
2) Можно бы перевести: «О рожицѣ ея
Мнѣ столько разъ» и пр.

Въ III-мъ дѣйствіи явленіе 4-ое (стр. 173) Марія говоритъ себѣ:

Fahr hin, ohnmächt'ger Stolz der *edeln* Seele!

Г. Вейнбергъ переводитъ:

Оставь меня, о гордость
Безсильная души *прекрасной*!

Благородной свою душу могла назвать Марія, имѣя въ виду свое благородное происхожденіе; но назвать ее *прекрасной* было бы ужъ слишкомъ самомнительно.

Здѣсь же (стр. 174) Елисавета говоритъ Маріи:

Klagt an die wilde Ehrsucht *Eures Hauses*.

Г. Вейнбергъ переводитъ: — обвиняйте. . . .

. . . . Духъ честолюбья дикій
Всѣхъ Стюартовъ.

Но далѣе Елисавета возводитъ рядъ страшныхъ обвиненій на кардинала Гиза; очевидно, она скорѣй имѣетъ въ виду «домъ» Маріи со стороны матери, чѣмъ со стороны отца.

Здѣсь же (стр. 175) почему то пропущена важная ремарка автора (Елисавета sieht sie lange mit einem Blick stolzer Verachtung an), которая подготовляетъ читателя къ ея обиднымъ словамъ и въ соединеніи съ послѣдними мотивируетъ вспышку Маріи[1]).

Въ IV-мъ дѣйствіи, явл. 2-ое (стр. 180) въ переводѣ не ясно выражено здѣсь очень важное различіе между изобрѣтателемъ преступленія и его исполнителемъ. Въ оригиналѣ Обепинъ говоритъ:

---

1) Въ той же сценѣ (стр. 174) явная опечатка. Марія говоритъ:

— Ihr werdet Euch
So *blutig* Eurer Macht nicht ueberheben.

Въ переводѣ мы читаемъ: Не захотите

Коварно такъ воспользоваться...

Слѣдуетъ читать: *Кроваво*.

Mög'ihn Gott verdammen,
Den Thäter dieser fluchenswerten That!
— Den Thäter und den schändlichen Erfinder —

прибавляетъ Бёрлей, рѣзко намекая на самого Обепина.

Уг. Вейнберга: Да проклянетъ Господь *свершившаго* (sic) гнуснѣйшее злодѣйство

— И низкаго виновника его.

IV, явл. 5 (стр. 183) — Ueberführt.

Ihn nicht der Brief? говоритъ Елисавета о Лейчестерѣ, разумѣя письмо Маріи Стюартъ къ нему. Г. Вейнбергъ переводитъ:

Вотъ
Его письмо

IV, 6 (стр. 185) «Armer Prahler» переведено: «Смѣшной *болтунъ*»; но Prahler — хвастунъ, да Лейчестеръ и обвиняетъ Бёрлея въ хвастовствѣ своими подвигами. Здѣсь же на стр. 186 слова Бёрлея:

. . . . Als wenn Ihr sie, die Ihr geliebt zu haben
Beschuldigt werdet, selbst enthaupten lasset

переведены:

. . . . Какъ собственной рукой на эшафотъ
Ту возведя, въ любви къ кому вы *свѣтомъ*
Обвинены.

Но *свѣтъ* еще ничего не знаетъ о любви Лейчестера къ Маріи; его обвиняютъ только Елисавета и Бёрлей.

IV, явл. 10 (стр. 189): Елисавета говоритъ о Маріи:

Sie *entriess* mir den Geliebten,
Den Bräutigam *raubt* sie mir.

Г. Вейнбергъ, наоборотъ, ставитъ первый глаголъ въ настоящемъ времени, а второй въ прошедшемъ

Любовника *лишаетъ*; *отняла*
И жениха.

Но если Елисавета вѣритъ въ измѣну Лейчестера (а теперь

она вѣритъ въ нее, чтобы оправдать свой поступокъ), то эта измѣна совершилась уже давно; французскому же посланнику отказано только сегодня.

IV, 11-ое явл. (стр. 190): Девисонъ разсказываетъ Елисаветѣ:

Das Toben war auch *augenblicks* gestillt,
Sobald der Graf von Shrewsbury sich zeigte.

Г. Вейнбергъ переводитъ:

На нѣсколько мгновеній шумъ толпы
И точно смолкъ. . . . ,

изъ чего читатель можетъ заключить, что потомъ шумъ возобновился снова, а между тѣмъ въ оригиналѣ шумъ смолкъ, и толпа мирно разошлась, вслѣдствіе чего Елисавета и жалуется на ея неустойчивость и легкомысліе.

Въ V-мъ дѣйствіи 6-го явл. (стр. 195) явный недосмотръ. Марія Стюартъ говоритъ: — ich segne

Den allerchristlichsten König, meinen *Schwager*,
Und Frankreichs ganzes königliches Haus.

Г. Вейнбергъ переводитъ: — благословляю я
Любезнѣйшаго *тестя* государя
И Франціи весь августѣйшій домъ.

Тестемъ Маріи былъ Генрихъ II, скончавшійся еще въ 1559 г.; а съ 1574 г. государемъ Франціи былъ ея деверь — Генрихъ III.

V, явл. 7 (стр. 198) Марія говоритъ:

Noch eh'sich der *Minutenzeiger* wendet,
Werd'ich vor meines Richters Throne stehen.

Въ переводѣ здѣсь слишкомъ сильная гипербола:

Мигъ не пройдетъ — и я предстану, знаю,
Передъ моимъ Судьей[1]).

1) Можно бы сказать:
«Часъ не пройдетъ» или
«Не минетъ часъ, и я предстану...»

Въ 8-мъ явл. V-го дѣйствія (стр. 199) были бы не лишними двѣ поправки. Марія говоритъ о Елисаветѣ:—Sagt ihr

Dass ich *ihr* meinen Tod von ganzem Herzen
Vergebe. . . .

Г. Вейнбергъ переводитъ:

Скажите ей, что я
Отъ всей души за смерть мою прощаю (кого?),
Что въ рѣзкости вчерашней и пр.

Можно бы измѣнить такъ:

Отъ всей души ей смерть мою прощаю.

Въ вопросѣ Бёрлея: «Verschmäht Ihr noch den Beistand des Dechanten»? der Dechant переведенъ словомъ *священникъ*; но послѣ того, какъ Марія только что причастилась у католическаго священника, желателенъ былъ бы терминъ, указывающій на служителя протестантской церкви.

Въ 12-мъ явленіи V-го дѣйствія (стр. 201) пропущена очень важная ремарка автора. Пажъ говоритъ королевѣ:

Vor Tagesanbruch hätten beide Lords (Лейчестеръ и Бёрлей, назначенные присутствовать при казни Маріи)
Eilfertig und geheimnisvoll die Stadt verlassen.
Elisabeth (lebhaft ausbrechend). Ich bin Königin von England!
(*Auf und niedergehend in der höchsten Bewegung*).
Geh! Rufe mir etc.

У г. Вейнберга:

Таинственно и спѣшно оба лорда
Оставили съ разсвѣтомъ городъ. . . .
Елисавета (порывисто).
Я —
Монархиня Британніи! . . . Скорѣе. . . .
Зови ко мнѣ и пр.

Отсутствіе знаменательной паузы, на которую указываетъ ремарка, можетъ заставить читателя думать, что восклицаніе Елисаветы: «Я — монархиня Британніи» имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, нежели въ оригиналѣ, напр. выражаетъ ея негодованіе, что она не знаетъ о томъ, что̀ дѣлается въ ея столицѣ и т. п.

Вотъ и всѣ неточности, нами замѣченныя. Говорить о томъ, что старый опытный литераторъ и не безызвѣстный еще въ шестидесятыхъ годахъ поэтъ, перевелъ драму Шиллера не только правильнымъ, вполнѣ литературнымъ, но и красивымъ языкомъ, было бы излишне. Но въ виду уже высказанныхъ соображеній, считаемъ не безполезнымъ отмѣтить всѣ, даже малѣйшія стилистическія неточности или неловкости, какія мы могли найти привнимательномъ двукратномъ чтеніи перевода г. Вейнберга.

На стр. 139 (I-е дѣйствіе 1-е явленіе) г. Вейнбергъ употребляетъ едва ли литературную форму: *отректись* вм. *отречься* или *отрещись*[1]).

На стр. 140 (I, 2-е явленіе) у г. Вейнберга Марія отвѣчаетъ на предложеніе Паулета:

Никакихъ
Пасторовъ мнѣ! Священника отъ церкви
Моей *родной* я требую[2]).

Родная церковь необычное выраженіе; «*никакихъ пасторовъ мнѣ*» звучитъ не по-русски.

На стр. 142 (I, 4) слова Кеннеди о Дарнлеѣ: «онъ, *вами сотворенный*» .... было бы лучше замѣнить такъ: «а онъ, созданье ваше» ....

---

1) Что это не опечатка, доказываетъ сходное отсутствіе смягченія въ III, 6 (стр. 176):

Я умертвлю его

2) Ich will nichts vom Dechanten. Einen Priester.
Von meiner eignen Kirche fordre ich.

На стр. 146 (I, 6) Мортимеръ говоритъ:

— Въ распоряженьѣ этомъ
Чудесное спасеніе небесъ
Я усмотрѣлъ.

Было бы и лучше по-русски и также близко къ оригиналу[1]).

Чудесное участіе небесъ.

На стр. 147 (ib.) Мортимеръ обѣщаетъ Маріи, что 12 «достойнѣйшихъ *туземцевъ* молодыхъ»[2]) увезутъ ее *насильно* (mit starkem Arm); *насильно* по употребленію значитъ: «противъ воли».

Ib. Не дремлетъ врагъ и *властью*
Владѣетъ онъ.

Было бы лучше: «силой владѣетъ онъ».

На стр. 149 (I, 7) необычное согласованіе по смыслу:

Сенатъ страны, *подобные* рабамъ
Турецкаго сераля[3]). . . .

На стр. 155 (II, 2) Елисавета говоритъ:

Мнѣ очень жаль
За этихъ всѣхъ вельможъ. . . .

Тамъ же, по словамъ Бельльевра, принцъ

Сердечнымъ нетерпѣньемъ
Сгораемый[4]), въ Парижѣ не хотѣлъ остаться. . . .

Стр. 158 (II, 3) Тальботъ говоритъ:

Позволь мнѣ заступиться
За *кинутую* всѣми[5]).

---

1) Des Himmels wundervolle *Rettungshand*...

2) Слово: *туземецъ*, къ сожалѣнію, получило у насъ слишкомъ узкое значеніе.

3) Можно бы сказать: Сенатъ страны, какъ будто бы рабы...

4) Можетъ быть, опечатка вм. *сжигаемый*?

5) Dass ich die Aufgegebene beschütze
Можно бы перевести: Позволь мнѣ защитить
Покинутую всѣми.

Стр. 161 (II, 4) Елисавета говоритъ о Маріи:

О, *какъ ея языкъ*
Теперешній совсѣмъ иной, чѣмъ прежній[1]). . . .

Стр. 168 (II, 9) Лейчестеръ говоритъ Елисаветѣ:

Анжуйскій принцъ тебя,
Твое лицо не видѣлъ.

Тамъ же Елисавета говоритъ:

Мнѣ *счастіе такое*
Не выпало на долю. . . .[2]).

Стр. 172 (III, 3) слова Маріи: «Nie ist zwischen uns Versöhnung» г. Вейнбергъ переводитъ:

Межъ насъ не можетъ быть *навѣки* примиренья;

но *навѣки* значитъ: *навсегда*; здѣсь же надо поставить: *во вѣки.*

Тамъ же Шресбери говоритъ Маріи о Лейчестерѣ:

Желаетъ вашу гибель
Совсѣмъ не онъ[3])

На стр. 181 (IV, 2-е явл.) Бёрлей говоритъ Лейчестеру:

— смотрите, какъ бы тамъ
Не *кинуло васъ краснорѣчье ваше*[4]).

На стр. 183 (IV, 5 явл.) Елисавета спрашиваетъ Бёрлея:

Велѣли ль вы *не допустить его*,
Когда придетъ?

---

1) Welch andre Sprache führt Sie jetzt, als damals!

2) Род. пад. не разрушилъ бы стиха:
Мнѣ счастія такого
Не выпало и пр.

3) Можно бы сказать:
Желаетъ погубить васъ
Совсѣмъ не онъ

4) Можно бы сказать:
— Смотрите, тамъ, пожалуй,
Покинетъ васъ все краснорѣчье ваше.

Правильное: *Не допускать* не повредитъ и стиху[1]).

На стр. 189 (IV, 9-е явл.) Елисавета говоритъ:

— Въ великомъ этомъ дѣлѣ
Совѣтъ и утѣшенье у людей
Мнѣ не найти [2]).

На стр. 190 (IV, 11-е явл.) Девисонъ разсказываетъ:

усмирилось все
И въ тишинѣ мало-по-малу площадь
Очистило [3]).

На стр. 198 (V, явл. 7) слова Маріи:

So schenke mir die ew'ge Gnade Sieg
Im letzten Kampf, als ich dir wissend nichts verschwiege.

Г. Вейнбергъ переводитъ:

Пусть благодать Господня такъ даруетъ
Побѣду мнѣ въ послѣдней ужъ борьбѣ,
Какъ я во всемъ, что душу мнѣ волнуетъ,
Умышленно *не* созналась тебѣ.

Здѣсь слѣдуетъ или вмѣсто *какъ* поставить *коль* (= если), или надо въ послѣднемъ стихѣ опустить отрицаніе, придающее словамъ героини совершенно извращенный смыслъ.

---

1) Также ошибочно поставленъ совершенный видъ вм. несовершеннаго въ словахъ Елисаветы въ V дѣйствіи, 15 явленіи (стр. 203):

Но вамъ, милордъ, но вамъ
Предупредить не подобало кротость
Моей души.

2) Можно бы сказать:

Совѣта, утѣшенья.....
Мнѣ не найти.

3) Можетъ быть, здѣсь двѣ опечатки: пропущена запятая послѣ *все* и *очистило* стоитъ вм. *очистилась?*

Имѣя въ виду, что означенные недостатки перевода П. И. Вейнберга, сами по себѣ немногочисленные сравнительно съ объемомъ произведенія, съ избыткомъ покрываются вышеуказанными его достоинствами, имѣю честь предложить Отдѣленію, на основаніи § 4 и прим. къ § 9 Правилъ о преміяхъ А. С. Пушкина, присудить П. И. Вейнбергу премію въ томъ размѣрѣ, въ какомъ Отдѣленіе признаетъ это справедливымъ.

II.

Сочиненія А. Лугового.

Три тома. СПБ., 1895 г.—

Рецензія, составленная К. К. Арсеньевымъ.

Сочиненія г. Лугового очень разнообразны и по формѣ, и по содержанію. Для удобства разбора можно выдѣлить изъ нихъ, прежде всего, три группы повѣстей и разсказовъ: 1) анекдотическаго свойства, 2) о маленькихъ людяхъ и ихъ «незамѣтномъ существованіи» и 3) изъ народнаго быта. Останутся, затѣмъ, театральныя пьесы и стихотворенія, а также наиболѣе выдающіяся произведенія г. Лугового — «Грани жизни» и «Pollice verso».

Къ разсказамъ анекдотическаго свойства, наименѣе важнымъ между сочиненіями г. Лугового, мы относимъ — независимо отъ ихъ размѣровъ, иногда довольно значительныхъ — всѣ тѣ, которые, не претендуя ни на характеристику дѣйствующихъ лицъ, ни на изображеніе той или другой стороны общественной жизни, сводятся къ воспроизведенію какой-либо сцены или къ пересказу какихъ-нибудь событій, и представляютъ интересъ чисто-внѣшній. Такова, безспорно, «Простая случайность» —

исторія нерѣшительнаго молодого человѣка и энергичной дѣвицы, свадьба которыхъ устраивается только благодаря тому, что *она* случайно подслушала разговоръ *его* съ его матерью; таковъ «Музыкантъ въ своемъ родѣ» — анекдотъ о неудачникѣ-дилеттантѣ, желающемъ научиться игрѣ на какомъ-нибудь инструментѣ и покупающемъ скрипку, которая затѣмъ, путемъ постепенныхъ промѣновъ, обращается въ флютъ-гармонію, въ гитару, въ флейту, въ окарину — и наконецъ въ концертный билетъ; такова «Нервная ночь» — монологъ чахоточной дѣвушки, произносимый отрывками, подъ гнетомъ безсонницы, во всѣхъ возможныхъ темпахъ и оттѣнкахъ, юмористически обозначаемыхъ музыкальными терминами; такова «Ольга Ярославна» — легкій абрисъ капризной и свѣтской барыни, отдыхающей въ деревнѣ отъ заграничныхъ приключеній и находящей неожиданное счастье въ любви къ человѣку «не изъ общества»; таковъ «Nocturne», нѣсколько претенціозно озаглавленный: «этюдъ plein air» — бесѣда двухъ пустенькихъ дамъ, изъ которыхъ одна, уже знакомая съ запретной любовью, слегка подталкиваетъ другую на ту же дорогу; такова «quasi una fantasia» — «Не отъ міра сего», повѣствующая о томъ, какъ слабонервная, малокровная барышня, ѣдущая лѣчиться на Кавказъ, надѣется встрѣтить тамъ олицетвореніе своего идеала — лермонтовскаго Демона, и умираетъ отъ разрыва сердца, услышавъ ночью, при романтической обстановкѣ, красиво спѣтую арію изъ «Демона» Рубинштейна; таковъ, наконецъ, и длинный разсказъ «Нѣсколько поцѣлуевъ», хотя герой его считаетъ себя новѣйшимъ Донъ-Жуаномъ и даже обзавелся своимъ Лепорелло. При выборѣ подобныхъ темъ все зависитъ отъ ихъ обработки — а г. Луговому не дано умѣнье заставить забыть, съ помощью художественной рамки, незначительность сюжета. По своей основной мысли, но не по исполненію, изъ разсматриваемой нами категоріи разсказовъ нѣсколько выдѣляется «Алльміроръ», герой котораго — скромный учитель, работающій надъ созданіемъ новаго всемірнаго языка, болѣе благозвучнаго, чѣмъ Эсперанто. — Онъ

воображаетъ себя, въ силу этой работы, «однимъ изъ артели настоящихъ вольныхъ каменьщиковъ, строившихъ и строющихъ вавилонскую башню человѣческаго благополучія» — не спитъ ночей, переутомляется физически и нравственно и доходитъ до состоянія, близкаго къ помѣшательству. Какъ *психіатрическій* этюдъ, «Алльміроръ» не представляетъ ничего законченнаго и цѣльнаго, потому что мы не видимъ начала болѣзни, не знаемъ, что предрасположило къ ней Өедора Николаевича, почему мысль, у другихъ уживающаяся съ здоровою дѣятельностью, у него обратилась въ мономанію. Какъ этюдъ *психологическій*, какъ очеркъ постепеннаго подчиненія человѣка подъ власть идеи, «Алльміроръ» не можетъ произвести сильнаго впечатлѣнія, потому что самая идея, овладѣвающая Өедоромъ Николаевичемъ, не принадлежитъ къ числу тѣхъ, деспотическое единовластіе которыхъ — надъ нормальнымъ умомъ — естественно и законно. Когда Өедоръ Николаевичъ сравниваетъ себя мысленно съ Архимедомъ и Франклиномъ, когда онъ «чувствуетъ себя титаномъ», испытываетъ «кажущійся полетъ и приковывающія цѣпи, безграничную силу и головокруженіе паденія» — насъ поражаетъ явное противорѣчіе между значеніемъ изобрѣтенія и настроеніемъ изобрѣтателя. Жалѣя о послѣднемъ, какъ о несчастномъ больномъ, мы не можемъ сочувствовать ему, какъ мученику мысли, изнемогающему подъ бременемъ дѣйствительно великой задачи. Всемірный языкъ — это своего рода стенографія, совокупность знаковъ, съ которыми согласились соединять извѣстныя понятія; все дѣло здѣсь именно въ всеобщности соглашенія, а не въ самыхъ знакахъ, всегда условныхъ и произвольныхъ... Самый удачный изъ разсказовъ-анекдотовъ — «Счастливецъ». Центральной его фигурѣ — разорившемуся барину, «опростившемуся» не въ смыслѣ героевъ тургеневской «Нови» и не по образцу Льва Толстого, а скорѣе на манеръ древнихъ циниковъ — нельзя отказать въ оригинальности. Это только силуетъ, но силуетъ типичный; «счастливецъ» остается въ памяти читателя, изъ которой быстро исчезаютъ дѣйству-

ющія лица другихъ названныхъ нами до сихъ поръ произведеній.

Вторая категорія разсказовъ отличается отъ первой бóльшею серьезностью замысла, бóльшею тщательностью отдѣлки. Это уже не эскизы, а болѣе или менѣе законченныя картины, связанныя между собою желаніемъ проникнуть въ тѣ общественныя низины, гдѣ жизнь течетъ медленно, однообразно, но все же приноситъ съ собой и радости, и невзгоды. На рубежѣ между обѣими группами стоитъ разсказъ: «Тепломъ повѣяло». Предъ нами проходитъ здѣсь только одинъ день изъ жизни Порфирія Ивановича — но этотъ день бросаетъ яркій ретроспективный свѣтъ на все его прошедшее. Къ старику, рано овдовѣвшему и оттолкнувшему отъ себя единственную дочь, потому что она задумала выйти замужъ противъ его воли, пріѣзжаетъ внезапно внучка, которую онъ никогда не видалъ и о самомъ существованіи которой ничего не зналъ. Онъ застылъ въ своемъ равнодушіи ко всему и ко всѣмъ, въ спокойствіи своего безвреднаго, но столь же безполезнаго одиночества. Безхитростные разсказы внучки, ея простая, откровенная бесѣда пробуждаетъ его отъ этого полу-сна и наводятъ его на мысль, что вся прежняя его жизнь была сплошною ошибкой, что онъ гораздо болѣе виноватъ передъ умершей дочерью, чѣмъ дочь — передъ нимъ. Конечно, раскаяніе Порфирія Петровича не можетъ быть особенно горькимъ, поворотъ его къ другому настроенію — особенно рѣзкимъ; но все же мимоходомъ «повѣявшее тепло» оставляетъ его не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ раньше. Разсказъ проникнутъ искренней задушевностью и вмѣстѣ съ тѣмъ большою сдержанностью; нѣтъ ничего натянутаго, ничего лишняго; очень тонко намѣчено отсутствіе внутренней связи между дѣдомъ и внучкой, которые, по наивнымъ словамъ послѣдней, въ одинъ день, несмотря на радость встрѣчи, «все переговорили»... Шире задуманы, но во многихъ отношеніяхъ слабѣе разсказы: «На куриномъ насѣстѣ» и «Исполнили», основная мысль которыхъ выражена въ слѣдующихъ словахъ самого

автора (т. I, 175): «горе, горе! Гдѣ родилось ты, зачѣмъ выросло на этомъ бѣломъ свѣтѣ? Гдѣ счастливецъ тотъ, кого ни разу не давило ты своимъ тяжелымъ гнетомъ? Какъ громадная лавина, сорвавшаяся съ недосягаемыхъ вершинъ, катится съ возрастающей быстротой къ подножію горы, захватывая въ свои ледяныя объятія и высокія деревья, и мелкій кустарникъ, и орлиныя гнѣзда, и *куриные насѣсты*, — такъ и ты, горе! несешься по бѣлу свѣту, налетая невѣдомо откуда, и захватываешь на пути своемъ и богатыхъ, и бѣдныхъ, и молодыхъ, и старыхъ». Да, это совершенно вѣрно; можно было бы продолжить сравненіе и сказать, что разрушеніе лавиною, реальною или метафорическою, жалкой хижины нищаго — бѣдствіе отнюдь не меньшее, чѣмъ разрушеніе ею великолѣпныхъ палатъ богача или вельможи. Особенно крупную роль горе, испытываемое «на куриномъ насѣстѣ», играетъ именно въ русской литературѣ. Начиная съ «Станціоннаго Смотрителя» Пушкина, съ Максима Максимовича въ «Героѣ нашего времени», особенно съ «Шинели» и «Бѣдныхъ людей», оно внушаетъ нашимъ великимъ писателямъ нѣкоторыя изъ самыхъ замѣчательныхъ ихъ произведеній. Если, однако, присмотрѣться поближе къ тому, что именно плѣняетъ и трогаетъ насъ въ этихъ произведеніяхъ, то не трудно замѣтить одну общую имъ черту: горе, которое они изображаютъ, коренится въ самой глубинѣ человѣческаго сердца, или прямо задѣвая самыя отзывчивыя его струны, или заимствуя особую силу отъ всего прежде пережитаго и перечувствованнаго. Другими словами — оно не поверхностно и зависитъ не только отъ случая. Такъ напримѣръ, горе Дѣвушкина въ «Бѣдныхъ людяхъ» вытекаетъ изъ старческой любви, тѣмъ болѣе мучительной, что она была его первымъ и единственнымъ сильнымъ чувствомъ; къ этому присоединяется ощущеніе приниженности, сознаніе нравственнаго упадка, страхъ передъ дальнѣйшимъ паденіемъ. Горе Акакія Акакіевича по своему источнику болѣе мелко, но оно захватываетъ все его существо, потому что его жизнь, сѣрая, непривѣтная и мертвенно-

скучная, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ была озарена и скрашена исключительно ожиданіемъ новой шинели. Ничего подобнаго мы не видимъ въ разсказахъ г. Луговаго. Горе, постигающее семью Гордѣевыхъ («На куриномъ насѣстѣ») или семью Мироновыхъ («Исполнили»), имѣетъ чисто случайную причину: тамъ — несостоятельность торговца, которому мать Григорія Гордѣича ввѣрила свои послѣднія деньги, и затѣмъ смерть Григорія Гордѣича отъ простуды, здѣсь — неисправность товарища, за которого поручился Иванъ Ивановичъ. Конечно, можно посмотрѣть на оба разсказа и не съ той точки зрѣнія, съ которой они, по видимому, задуманы авторомъ; въ одномъ изъ нихъ («На куриномъ насѣстѣ») можно видѣть исторію постепеннаго умиранія еще при жизни, вслѣдствіе страшной умственной пустоты и полнѣйшаго отсутствія высшихъ интересовъ, въ другомъ («Исполнили») — повѣствованье о непрочномъ счастьѣ «маленькихъ людей», безсильномъ устоять не только противъ лавины, но даже противъ одной снѣжинки. Обѣ задачи сами по себѣ далеко не лишены интереса, но исполненіе ихъ г. Луговымъ едва ли можно признать удачнымъ. Григорій Гордѣичъ выступаетъ на сцену совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, сходитъ съ нея почти старикомъ — но за все это время онъ не мѣняется вовсе; болото, въ которое онъ попалъ, засасываетъ его сразу; онъ не борется съ своей судьбой и даже доволенъ ею, находя, что «достигъ всего, чего хотѣлъ, и еще достигать будетъ». Отсюда крайнее однообразіе разсказа, растянутаго на сотню страницъ. Существованіе такихъ людей, какъ Григорій Гордѣичъ, не имѣетъ исторіи; оно всегда равно самому себѣ, въ какой бы моментъ ни было взято. Для маленькаго жанроваго рисунка оно могло бы дать хорошій матеріалъ — но авторъ предпочелъ взять большое полотно, и картина вышла тусклой и блѣдной. Такъ же непомѣрно и несоотвѣтственно сюжету растянутъ и разсказъ: «Исполнили». Въ дѣйствительной жизни насъ тронуло бы, безъ сомнѣнія, зрѣлище невзгодъ, обрушивающихся, одна за другою, на ни въ чемъ неповинныхъ людей; мы задумались бы, быть

можетъ, надъ общественными условіями, при которыхъ, изъ-за сущей бездѣлицы, гибнетъ цѣлая семья; но въ изложеніи г. Лугового участь Мироновыхъ оставляетъ насъ совершенно равнодушными. Авторъ какъ будто самъ чувствуетъ это, прибѣгая, для усиленія эффекта, къ несвойственнымъ ему, вообще, мелодраматическимъ пріемамъ: рѣшимость Ивана Ивановича покончить съ собою созрѣваетъ при звукахъ площадной пѣсни, которую поетъ въ сосѣдней комнатѣ мальчишка-маляръ, отдирая обои...

На одинъ рядъ съ разсказами «Исполнили» и «На куриномъ насѣстѣ» можно поставить и «Между двухъ смутныхъ идеаловъ». Къ «маленькимъ людямъ» принадлежатъ не только Свіягинъ, слабый и вялый маменькинъ сынокъ, погрязшій по уши въ мелочахъ узко-разсчетливаго, а иногда до гадости скупого хозяйства, — но и Касаткинъ, старающійся хотя немного приподнять своего опустившагося пріятеля. У Свіягина нѣтъ никакого идеала, даже «смутнаго»; вѣдь нельзя же считать идеаломъ ни формулу: «будь бережливъ и сокращай свои потребности» (если единственная цѣль сокращенія — безцѣльное и безплодное «накопленіе»), — ни «землевладѣльческіе и общедворянскіе интересы», отстаиваемые «когда нужно» и «по общепринятому шаблону», — ни принятые на вѣру обрывки славянофильскихъ теорій. Свіягинъ — просто подголосокъ своей матери, этого Плюшкина въ юбкѣ, хотя и въ миніатюрныхъ размѣрахъ. Правда, Касаткину удается вызвать въ немъ какіе-то «порывы» — но они угасаютъ безслѣдно. Напрасно авторъ приписываетъ это, въ концѣ разсказа, «безволію» Свіягина; еслибы у него и было больше энергіи, ему не къ чему было бы приложить ее, за отсутствіемъ ясно сознанной цѣли. Полу-трагическая окраска финала вообще, какъ намъ кажется, мало вяжется со всѣмъ предыдущимъ: Свіягину было слишкомъ уютно и спокойно въ пыльномъ и душномъ уголкѣ, уготованномъ для него матерью, чтобы слова Касаткина — одни слова — могли перевернуть вверхъ дномъ его душевный строй и подсказать жестокій приговоръ, произноси-

мый имъ надъ матерью и надъ самимъ собою («что такое былъ я всю жизнь? объектъ любви для мамаши... а въ сущности — первый номеръ живого инвентаря свіягинской усадьбы!»). Правда, къ словамъ Касаткина присоединился отказъ, полученный Свіягинымъ отъ Сони — но вѣдь любовь не имѣла глубокихъ корней въ его сердцѣ, столь же дрябломъ, какъ и его воля... Мы только что сказали, что единственнымъ средствомъ вліянія Касаткина на Свіягина были *слова*. Безспорно, слово — орудіе могучее, но только тогда, когда за нимъ виднѣется хотя бы возможность дѣла. Рудинъ, напримѣръ, магически дѣйствуетъ на слушателей, но лишь до тѣхъ поръ, пока они ожидаютъ отъ него чего-то бо́льшаго; прекращается это ожиданіе — исчезаетъ и чарующая сила слова. Между тѣмъ, Свіягинъ съ самаго начала называетъ Касаткина «пассивнымъ зрителемъ» жизни, «суфлеромъ» — и Касаткинъ признаетъ примѣнимость къ нему этой клички, обостряя её еще болѣе обидными придатками: «суфлеръ-доброволецъ, суфлеръ въ любительскомъ спектаклѣ у добрыхъ знакомыхъ»! Чтò обрекло его на роль суфлера — этого мы не узнаемъ; о прошедшемъ Касаткина авторъ не говоритъ почти ничего. А между тѣмъ въ этомъ вся суть: зная Касаткина по однимъ разговорамъ съ Свіягиными и Мальковыми, мы видимъ въ немъ только manivelle à sentences, а не живое лицо. Его идеалы болѣе чѣмъ смутны — они банальны: онъ проповѣдуетъ культуру, трудъ, одновременное стремленіе къ своему и чужому счастью. Попадаются, въ его безконечныхъ рѣчахъ, замѣчанія мѣткія и вѣрныя, но есть и неудачныя претензіи на остроуміе или глубокомысліе. Такъ напримѣръ, онъ называетъ пессимизмъ Шопенгауера *скверномыслиемъ*, и это выраженіе такъ нравится ему, что онъ черезъ нѣсколько страницъ опять его повторяетъ. А вотъ опредѣленіе культуры, предлагаемое Касаткинымъ: «Культура — это широкій кругозоръ съ каждой маленькой точки, на которой бы ни стоялъ человѣкъ; это умѣнье понимать свое значеніе въ безпредѣльномъ времени и пространствѣ, умѣнье пользоваться опытомъ прошедшаго для лучшаго будущаго. Куль-

тура для меня — синонимъ прогресса». Но развѣ прогрессъ — синонимъ высшаго философскаго пониманія, съ которымъ Касаткинъ такъ произвольно отождествляетъ культуру? Культура, въ обычномъ смыслѣ слова — возможное достояніе всѣхъ и каждаго; въ натянутой формулѣ Касаткина — она удѣлъ немногихъ избранныхъ... Замѣтимъ, въ заключеніе, что авторъ, неизвѣстно для чего, сдѣлалъ обоихъ своихъ героевъ неизлѣчимо-больными, еще болѣе уменьшивъ, этимъ самымъ, и безъ того слабую ихъ типичность.

Къ *третьей* категоріи разсказовъ г. Луговаго — изъ народнаго быта — принадлежатъ «Не судилъ Богъ», «Однимъ часомъ», «За грозой — вёдро» и «Швейцаръ»; сюда же примыкаютъ очерки «Изъ поѣздки къ голодающимъ», вносящіе немного новаго и характеристичнаго въ литературу «голоднаго года». «Не судилъ Богъ» — дебютъ г. Лугового въ области беллетристики — до сихъ поръ остается однимъ изъ лучшихъ его разсказовъ. Очень хорошъ волжскій пейзажъ; очень симпатична любовная идиллія, скоро уступающая мѣсто драмѣ. Гибель Петра, въ то время, какъ онъ ѣдетъ на свиданіе съ Матреной, изображена съ большою сдержанностью и силой. «Однимъ часомъ» — прекрасно нарисованная картина деревни, сначала изнемогающей отъ засухи, потомъ разоряемой внезапно налетѣвшимъ градомъ. Въ разсказѣ «За грозой — вёдро» автору одинаково удались обѣ главныя фигуры: удалого ямщика Ильи и строгой, серьезной Дуни, долго не дающей воли своему чувству. Въ ихъ простую исторію искусно вставленъ забавный эпизодъ запряганія генеральскаго тарантаса. Не измѣняетъ успѣхъ г. Луговому и тогда, когда мѣсто дѣйствія разсказа переносится въ городъ. Въ «Швейцарѣ» какъ живой встаетъ передъ нами одинокій, больной старикъ, переброшенный изъ деревни и казармы въ каморку подъ лѣстницей большого столичнаго дома и спокойно ждущій смерти, какъ избавленія отъ мелкихъ булавочныхъ уколовъ безотраднаго существованія. Жаль, что г. Луговой съ 1889 г. ни разу не возвращался къ народному быту; все сдѣ-

скучная, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ была озарена и скрашена исключительно ожиданіемъ новой шинели. Ничего подобнаго мы не видимъ въ разсказахъ г. Луговаго. Горе, постигающее семью Гордѣевыхъ («На куриномъ насѣстѣ») или семью Мироновыхъ («Исполнили»), имѣетъ чисто случайную причину: тамъ — несостоятельность торговца, которому мать Григорія Гордѣича ввѣрила свои послѣднія деньги, и затѣмъ смерть Григорія Гордѣича отъ простуды, здѣсь — неисправность товарища, за котораго поручился Иванъ Ивановичъ. Конечно, можно посмотрѣть на оба разсказа и не съ той точки зрѣнія, съ которой они, по видимому, задуманы авторомъ; въ одномъ изъ нихъ («На куриномъ насѣстѣ») можно видѣть исторію постепеннаго умиранія еще при жизни, вслѣдствіе страшной умственной пустоты и полнѣйшаго отсутствія высшихъ интересовъ, въ другомъ («Исполнили») — повѣствованье о непрочномъ счастьѣ «маленькихъ людей», безсильномъ устоять не только противъ лавины, но даже противъ одной снѣжинки. Обѣ задачи сами по себѣ далеко не лишены интереса, но исполненіе ихъ г. Луговымъ едва ли можно признать удачнымъ. Григорій Гордѣичъ выступаетъ на сцену совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, сходитъ съ нея почти старикомъ — но за все это время онъ не мѣняется вовсе; болото, въ которое онъ попалъ, засасываетъ его сразу; онъ не борется съ своей судьбой и даже доволенъ ею, находя, что «достигъ всего, чего хотѣлъ, и еще достигать будетъ». Отсюда крайнее однообразіе разсказа, растянутаго на сотню страницъ. Существованіе такихъ людей, какъ Григорій Гордѣичъ, не имѣетъ исторіи; оно всегда равно самому себѣ, въ какой бы моментъ ни было взято. Для маленькаго жанроваго рисунка оно могло бы дать хорошій матеріалъ — но авторъ предпочелъ взять большое полотно, и картина вышла тусклой и блѣдной. Такъ же непомѣрно и несоотвѣтственно сюжету растянутъ и разсказъ: «Исполнили». Въ дѣйствительной жизни насъ тронуло бы, безъ сомнѣнія, зрѣлище невзгодъ, обрушивающихся, одна за другою, на ни въ чемъ неповинныхъ людей; мы задумались бы, быть

можетъ, надъ общественными условіями, при которыхъ, изъ-за сущей бездѣлицы, гибнетъ цѣлая семья; но въ изложеніи г. Лугового участь Мироновыхъ оставляетъ насъ совершенно равнодушными. Авторъ какъ будто самъ чувствуетъ это, прибѣгая, для усиленія эффекта, къ несвойственнымъ ему, вообще, мелодраматическимъ пріемамъ: рѣшимость Ивана Ивановича покончить съ собою созрѣваетъ при звукахъ площадной пѣсни, которую поетъ въ сосѣдней комнатѣ мальчишка-маляръ, отдирая обои...

На одинъ рядъ съ разсказами «Исполнили» и «На куриномъ насѣстѣ» можно поставить и «Между двухъ смутныхъ идеаловъ». Къ «маленькимъ людямъ» принадлежатъ не только Свіягинъ, слабый и вялый маменькинъ сынокъ, погрязшій по уши въ мелочахъ узко-разсчетливаго, а иногда до гадости скупого хозяйства, — но и Касаткинъ, старающійся хотя немного приподнять своего опустившагося пріятеля. У Свіягина нѣтъ никакого идеала, даже «смутнаго»; вѣдь нельзя же считать идеаломъ ни формулу: «будь бережливъ и сокращай свои потребности» (если единственная цѣль сокращенія — безцѣльное и безплодное «накопленіе»), — ни «землевладѣльческіе и общедворянскіе интересы», отстаиваемые «когда нужно» и «по общепринятому шаблону», — ни принятые на вѣру обрывки славянофильскихъ теорій. Свіягинъ — просто подголосокъ своей матери, этого Плюшкина въ юбкѣ, хотя и въ миніатюрныхъ размѣрахъ. Правда, Касаткину удается вызвать въ немъ какіе-то «порывы» — но они угасаютъ безслѣдно. Напрасно авторъ приписываетъ это, въ концѣ разсказа, «безволію» Свіягина; еслибы у него и было больше энергіи, ему не къ чему было бы приложить ее, за отсутствіемъ ясно сознанной цѣли. Полу-трагическая окраска финала вообще, какъ намъ кажется, мало вяжется со всѣмъ предыдущимъ: Свіягину было слишкомъ уютно и спокойно въ пыльномъ и душномъ уголкѣ, уготованномъ для него матерью, чтобы слова Касаткина — одни слова — могли перевернуть вверхъ дномъ его душевный строй и подсказать жестокій приговоръ, произноси-

мый имъ надъ матерью и надъ самимъ собою («что такое былъ я всю жизнь? объектъ любви для мамаши... а въ сущности — первый номеръ живого инвентаря свіягинской усадьбы!»). Правда, къ словамъ Касаткина присоединился отказъ, полученный Свіягинымъ отъ Сони — но вѣдь любовь не имѣла глубокихъ корней въ его сердцѣ, столь же дрябломъ, какъ и его воля... Мы только что сказали, что единственнымъ средствомъ вліянія Касаткина на Свіягина были *слова*. Безспорно, слово — орудіе могучее, но только тогда, когда за нимъ виднѣется хотя бы возможность дѣла. Рудинъ, напримѣръ, магически дѣйствуетъ на слушателей, но лишь до тѣхъ поръ, пока они ожидаютъ отъ него чего-то бóльшаго; прекращается это ожиданіе — исчезаетъ и чарующая сила слова. Между тѣмъ, Свіягинъ съ самаго начала называетъ Касаткина «пассивнымъ зрителемъ» жизни, «суфлеромъ» — и Касаткинъ признаетъ примѣнимость къ нему этой клички, обостряя её еще болѣе обидными придатками: «суфлеръ-доброволецъ, суфлеръ въ любительскомъ спектаклѣ у добрыхъ знакомыхъ»! Чтò обрекло его на роль суфлера — этого мы не узнаемъ; о прошедшемъ Касаткина авторъ не говоритъ почти ничего. А между тѣмъ въ этомъ вся суть: зная Касаткина по однимъ разговорамъ съ Свіягиными и Мальковыми, мы видимъ въ немъ только manivelle à sentences, а не живое лицо. Его идеалы болѣе чѣмъ смутны — они банальны: онъ проповѣдуетъ культуру, трудъ, одновременное стремленіе къ своему и чужому счастью. Попадаются, въ его безконечныхъ рѣчахъ, замѣчанія мѣткія и вѣрныя, но есть и неудачныя претензіи на остроуміе или глубокомысліе. Такъ напримѣръ, онъ называетъ пессимизмъ Шопенгауера *сквернизмомъ*, и это выраженіе такъ нравится ему, что онъ черезъ нѣсколько страницъ опять его повторяетъ. А вотъ опредѣленіе культуры, предлагаемое Касаткинымъ: «Культура — это широкій кругозоръ съ каждой маленькой точки, на которой бы ни стоялъ человѣкъ; это умѣнье понимать свое значеніе въ безпредѣльномъ времени и пространствѣ, умѣнье пользоваться опытомъ прошедшаго для лучшаго будущаго. Куль-

тура для меня — синонимъ прогресса». Но развѣ прогрессъ — синонимъ высшаго философскаго пониманія, съ которымъ Касаткинъ такъ произвольно отождествляетъ культуру? Культура, въ обычномъ смыслѣ слова — возможное достояніе всѣхъ и каждаго; въ натянутой формулѣ Касаткина — она удѣлъ немногихъ избранныхъ... Замѣтимъ, въ заключеніе, что авторъ, неизвѣстно для чего, сдѣлалъ обоихъ своихъ героевъ неизлѣчимобольными, еще болѣе уменьшивъ, этимъ самымъ, и безъ того слабую ихъ типичность.

Къ *третьей* категоріи разсказовъ г. Лугового — изъ народнаго быта — принадлежатъ «Не судилъ Богъ», «Однимъ часомъ», «За грозой — вёдро» и «Швейцаръ»; сюда же примыкаютъ очерки «Изъ поѣздки къ голодающимъ», вносящіе немного новаго и характеристичнаго въ литературу «голоднаго года». «Не судилъ Богъ» — дебютъ г. Луговаго въ области беллетристики — до сихъ поръ остается однимъ изъ лучшихъ его разсказовъ. Очень хорошъ волжскій пейзажъ; очень симпатична любовная идиллія, скоро уступающая мѣсто драмѣ. Гибель Петра, въ то время, какъ онъ ѣдетъ на свиданіе съ Матреной, изображена съ большою сдержанностью и силой. «Однимъ часомъ» — прекрасно нарисованная картина деревни, сначала изнемогающей отъ засухи, потомъ разоряемой внезапно налетѣвшимъ градомъ. Въ разсказѣ «За грозой — вёдро» автору одинаково удались обѣ главныя фигуры: удалого ямщика Ильи и строгой, серьезной Дуни, долго не дающей воли своему чувству. Въ ихъ простую исторію искусно вставленъ забавный эпизодъ запряганія генеральскаго тарантаса. Не измѣняетъ успѣхъ г. Луговому и тогда, когда мѣсто дѣйствія разсказа переносится въ городъ. Въ «Швейцарѣ» какъ живой встаетъ передъ нами одинокій, больной старикъ, переброшенный изъ деревни и казармы въ каморку подъ лѣстницей большого столичнаго дома и спокойно ждущій смерти, какъ избавленія отъ мелкихъ булавочныхъ уколовъ безотраднаго существованія. Жаль, что г. Луговой съ 1889 г. ни разу не возвращался къ народному быту; все сдѣ-

данное имъ въ этой сферѣ стоитъ выше средняго уровня его произведеній.

Изъ двухъ пьесъ, написанныхъ г. Луговымъ для театра, первая по времени, «За золотымъ руномъ», совершенно правильно названа имъ «сценами изъ похода современныхъ аргонавтовъ». Это дѣйствительно рядъ сценъ, удачныхъ именно постольку, поскольку идетъ рѣчь о «золотомъ рунѣ», въ образѣ никому, кромѣ самихъ аргонавтовъ, не нужной желѣзной дороги. Безмѣрное легкомысліе, съ которымъ задумываются подобныя предпріятія, жадность однихъ, наивность другихъ, мелкая разсчетливость третьихъ изображены, мѣстами, недурно; особенно удачно совѣщаніе «предпринимателей» въ первомъ дѣйствіи и составленіе, по алфавиту, списка товаровъ, которые будетъ перевозить новая дорога — во второмъ. Новаго, впрочемъ, во всемъ этомъ мало; спекулятивная горячка — тема довольно избитая въ нашей литературѣ. Рельефно очерченныхъ характеровъ нѣтъ. Второстепенное дѣйствіе, переплетенное съ главнымъ — сватовство у Косолаповыхъ — ничего не прибавляетъ къ интересу пьесы; превращеніе молодого Коломнина изъ пустѣйшаго хлыща и искателя фортуны, какимъ мы его видимъ въ первомъ дѣйствіи, въ человѣка способнаго полюбить искренно и безкорыстно, остается совершенно не мотивированнымъ. Серьезнѣе замыселъ драмы «Озимь»: здѣсь есть, на подобіе пьесъ Дюма-сына, резонеръ (акцизный чиновникъ Васильевъ), разъясняющій намѣренія автора. Въ Любовь Андреевну Корюхину, сравнительно образованную дѣвушку, влюбленъ добродушный, но мало развитой и безхарактерный сынъ богатаго кулака-виноторговца Бочарова. Она къ нему равнодушна, но знаетъ, что, согласясь выйти за него замужъ, можетъ спасти отъ разоренія нѣжно любимаго ею отца. Колебаніямъ ея кладетъ конецъ Васильевъ, развертывая передъ ея глазами картину благихъ послѣдствій, которыя повлечетъ за собою ея вступленіе въ семью Бочаровыхъ — этотъ своего рода «крестъ», своего рода «служеніе родинѣ». Изъ Ивана Данилыча, предоставленнаго са-

мому себѣ, выйдетъ «Данило Макарычъ номеръ второй»—а подъ ея вліяніемъ онъ можетъ сдѣлаться «достойнымъ мужемъ и отцемъ». «На мѣста учительницъ, акушерокъ, врачей» — такъ вразумляетъ Васильевъ Любовь Андреевну, мечтавшую объ отъѣздѣ въ Петербургъ на медицинскіе курсы, — «пойдутъ многія и кромѣ васъ; пойдутъ даже и землю пахать, и сѣно съ бабами косить. Но въ жены Иванамъ Данилычамъ имъ попасть гораздо труднѣе; съ одной стороны, по великому заблужденію, онѣ будутъ считать это не подвигомъ, а нравственнымъ паденіемъ, а съ другой стороны и Данилы Макарычи не будутъ брать ихъ въ жены своимъ сыновьямъ, потому что онѣ пришлыя, чужія, не родныя... Любите вы, горячѣй любите тотъ городъ, тотъ клочекъ земли, гдѣ вы родная, и помните: святое это чувство... Вотъ здѣсь, въ глухой провинціи, вы одна изъ тѣхъ молодыхъ русскихъ женщинъ, въ рукахъ которыхъ будущее нашей родины. Вы должны воспитать здѣсь новое, лучшее поколѣніе и, если будетъ нужно, принести ему въ жертву и ваше личное счастье, и всю вашу жизнь, не требуя себѣ за это награды. Вы знаете — *у насъ на сѣверѣ мы не сѣемъ весной рожь, чтобы собрать къ осени урожай отъ нея. Мы прежде сѣемъ озимь и пережидаемъ зиму*. Будьте же и вы этой озимью, укрѣпите корни, а жатву соберутъ ваши дѣти и внуки». Къ этому сравненію Васильевъ возвращается годъ спустя, когда, несмотря на бракъ Любови Андреевны и Ивана Данилыча, не только все осталось по прежнему въ домѣ Бочаровыхъ, но даже не улучшилось положеніе Корюхина, арестованнаго за долгъ Данилѣ Макарычу. Отчаянію и гнѣву Любови Андреевны Васильевъ противопоставляетъ ссылку на жатву, виднѣющуюся въ отдаленномъ будущемъ, и когда Любовь Андреевна останавливаетъ его словами: «это красивая фраза», онъ восклицаетъ: «Фразы совершали перевороты въ исторіи, заставляли тысячи сердецъ биться въ тактъ, какъ одно сердце» (опять та же вѣра въ силу слова, взятаго an und für sich, какую мы видѣли въ разсказѣ: «Между двухъ смутныхъ идеаловъ»). «Озимь можетъ

вымерзнуть» — возражаетъ Любовь Андреевна, — «и ничего изъ нея не выростетъ». «Любите вашу новую семью, держитесь ея крѣпко» — отвѣчаетъ Васильевъ — «и тогда озимь не вымерзнетъ». Хотя Любовь Андреевна и замѣчаетъ, въ концѣ концовъ, что Васильевъ «не то успокоилъ ее, не то съ толку сбилъ», все же надо думать, что устами Васильева говоритъ авторъ; на это указываетъ и самое заглавіе пьесы, къ которому разсужденія Васильева служатъ комментаріемъ. Ходъ дѣйствія, однако, скорѣе опровергаетъ, чѣмъ подтверждаетъ теорію озими, примѣненную къ неравному браку. Легко сказать: «держитесь вашей новой семьи» — но не всегда легко слѣдовать этому совѣту. Любовь Андреевна очевидно не уважаетъ мужа, безсильнаго выбиться изъ-подъ отцовской опеки; не только онъ — даже ихъ ребенокъ начинаетъ, въ тяжелую минуту, казаться ей чужимъ; она тяготится притворствомъ и ложью, которыми проникнуты ея отношенія къ свекру. Что вышло бы изъ этого, еслибы не внезапная смерть Данилы Макарыча — сказать трудно; весьма вѣроятно, что «озимь» вымерзла бы еще осенью... Двѣ основныя мысли, проводимыя Васильевымъ, очень слабо, вдобавокъ, связаны между собою. Можно любить, горячо любить «родной клочекъ земли» и доказать эту любовь всею своею жизнью, не принося опасной, рискованной жертвы, на которую Васильевъ подбиваетъ Любовь Андреевну. Возвратясь на родину фельдшерицей или акушеркой, Любовь Андреевна могла бы принести ей не меньше пользы, чѣмъ женою Ивана Данилыча, даже передѣланнаго на ея ладъ — а гдѣ основанія для увѣренности, что такая передѣлка совершится, что женѣ, даже послѣ смерти свекра, удастся вдохнуть въ мужа новую жизнь или всецѣло подчинить его своему вліянію?... «Озимь» страдаетъ, въ нашихъ глазахъ, всѣми недостатками тенденціозности, не имѣя ея достоинствъ: тема, выбранная авторомъ, не можетъ быть названа крупной и важной, вѣрность ея по меньшей мѣрѣ сомнительна — а между тѣмъ она мечется въ глаза, усиленно подчеркивается, проводится съ утомительною настойчивостью. Естественно ли, чтобы Ва-

сильевъ, на разстояніи цѣлаго года, вспомнилъ сравненіе, когда-то пущенное имъ въ ходъ, и сталъ бы сызнова развивать его, хотя собесѣдницѣ его не до сравненій?... Фигура Бочарова ничего не прибавляетъ къ столь извѣстному типу самодура; фигура его сына — одна изъ самыхъ блѣдныхъ между многочисленными жертвами самодурства. Весьма слабо мотивированъ, наконецъ, и поворотный пунктъ драмы — рѣшимость Бочарова довести Корюхина до личнаго задержанія. Опаснымъ для него соперникомъ Корюхинъ давно уже пересталъ быть; итти на встрѣчу неизбѣжной семейной бурѣ у Бочарова не было никакой серьезной причины.

Стихотворенія г. Луговото едва ли могутъ что-нибудь прибавить къ его литературной извѣстности. Нѣкоторыя изъ нихъ очень напоминаютъ другихъ поэтовъ: «Утомленный борьбою безплодною» и «Опять на Волгѣ» — Некрасова, «Русь» — его же, вперемѣшку съ Хомяковымъ, «Съ чужбины» — Гейне, «Зачѣмъ я встрѣтилъ васъ», «Крымскіе пейзажи» — Бенедиктова; во-второмъ изъ «Крымскихъ пейзажей» («Горы») попадаются строки, точно скопированныя съ прогремѣвшаго когда-то «Утеса» (у Бенедиктова: «отъ времени только бразды вдоль чела»; у г. Луговото: «морщины легли на скалистомъ челѣ». У Бенедиктова: «ему не живителенъ солнечный лучъ»; у г. Луговото: «полдневнаго солнца живительный лучъ»). Другія стихотворенія труднѣе пріурочить къ опредѣленному имени, но они производятъ впечатлѣніе сто-первой варіаціи на давно знакомую тему: таковы «Кавказъ», «Ялта», «Милой шуткой дразня и ласкaя», «Ни облачка», «Не ищите въ жизни цѣли», «Помню васъ дѣвочкой», «Памяти друга-поэта», «Taedium vitae». Немногимъ выше «Секстина», отличающаяся только довольно искуснымъ примѣненіемъ трудной стихотворной формы (однѣ и тѣже рифмы, въ измѣняющемся лишь порядкѣ, во всѣхъ шести шестистрочныхъ строфахъ). Чѣмъ глубже мысль, которую авторъ хочетъ выразить въ стихотвореніи, тѣмъ меньше, обыкновенно, оно ему удается. Весьма слабо, напримѣръ, поэтическое profession de foi

г. Лугового: «Credo... quia absurdum» (заглавіе — вовсе не соотвѣтствующее содержанію), гдѣ попадаются такіе, напримѣръ, стихи: «не требуй, чтобъ я былъ сухимъ педантомъ и твердо шелъ обдуманнымъ путемъ» (какъ будто бы итти обдуманнымъ путемъ — тоже самое, что быть педантомъ! Послѣднее слово очевидно употреблено только какъ риѳмующее съ являющимся далѣе Кантомъ); «пойдемъ страдать, гдѣ пролетарій голый ждетъ помощи, участія и молитвъ»; «смотри: вѣнкомъ лавровымъ я украшу того, кто трезво жить научитъ насъ, и весело съ нимъ (съ учителемъ трезвости?!) выпью яда чашу изъ буйныхъ рукъ вакханки въ пьяный часъ». Намъ кажется, что г. Луговой, какъ писатель — вовсе не такое вмѣстилище противоположныхъ крайностей, какимъ онъ себя выставляетъ: въ его сочиненіяхъ не встрѣчается ни «хвалы грѣхамъ», ни «равнодушія къ добру и злу», ни вакхическихъ чашъ съ сладкимъ ядомъ — какъ не встрѣчается, съ другой стороны, и «языка страстей» или «гордаго міра чудесъ...» Контрастъ между намѣреніемъ и исполненіемъ доходитъ до nec plus ultra въ «Сумасшедшемъ проклятіи»: оно должно навести ужасъ, а вызываетъ только улыбку... Лучшее изъ числа «идейныхъ» стихотвореній г. Лугового — «Жалко Гуса», очень удачно примыкающее къ извѣстному «Приговору» А. Н. Майкова. Больше по мысли, чѣмъ по исполненію недурны «Двѣ октавы»; есть хорошенькія мѣста въ поэмѣ «Боръ». Наконецъ, очень мило стихотвореніе «Юморъ»:

«Юморъ, какъ рѣзвый ребенокъ, игривъ и безпеченъ,
Дерзокъ, какъ мощный титанъ, Громовержца хулитель,
Глубокомысленъ, какъ вѣщій поэтъ и мыслитель,
Разнообразенъ, какъ жизнь, — и, какъ міръ, безконеченъ».

Читающей публикѣ г. Луговой извѣстенъ, думается намъ, всего больше какъ авторъ «Pollice verso» [1]). Мысль этого произ-

1) Въ римскомъ циркѣ опущенный книзу большой палецъ означалъ желаніе публики, чтобы павшему гладіатору былъ нанесенъ смертельный ударъ. Этотъ жестъ назывался pollice verso.

веденія, дѣйствительно, очень счастливая. Въ цѣломъ рядѣ сценъ, относящихся къ различнымъ странамъ и эпохамъ, мы видимъ толпу, преклоняющуяся передъ побѣдителемъ, жестокую къ побѣжденному, всегда готовую рукоплескать его гибели или даже требовать ея. Сначала передъ нами проходитъ римскій циркъ временъ имперіи, бой гладіаторовъ, паденіе одного изъ нихъ и осужденіе его на смерть еще недавно восторгавшимися имъ зрителями. Затѣмъ идетъ бой быковъ въ Мадритѣ; любимому, популярному матадору, «первой шпагѣ Испаніи», не удается сразу убить быка по всѣмъ законамъ искусства — и его осыпаютъ оскорбленіями, называютъ мясникомъ, убійцей, кидаютъ въ него окурки, апельсинныя корки. Какая-то старуха громко обвиняетъ его въ трусости — и къ ней внимательно прислушивается масса, очевидно раздѣляя ея мнѣніе: «пусть быкъ убьетъ матадора, лишь бы только матадоръ строго держался правилъ!» Третья сцена происходитъ въ Антверпенѣ, въ театрѣ: публика требуетъ отъ директора, чтобы онъ возобновилъ ангажементъ излюбленнаго ею пѣвца, и не хочетъ слушать дебютанта, приглашеннаго на его мѣсто; директоръ настаиваетъ на дебютѣ — и несчастный пѣвецъ, разстроенный и больной, поетъ черезъ силу, терпитъ полнѣйшее фіаско и умираетъ, черезъ нѣсколько дней, отъ воспаленія въ легкихъ. Наконецъ, дѣйствіе переносится въ Россію, въ наше время. Молодому хирургу, быстро достигшему знаменитости, не удается операція, отчасти вслѣдствіе ошибки въ діагнозѣ, отчасти по винѣ завидующаго ему коллеги: больная умираетъ подъ ножемъ. Въ довершеніе бѣды, операторъ, замѣтивъ устроенную ему ловушку, тутъ же, не окончивъ операціи, даетъ пощечину своему сопернику. За неудачей тотчасъ же слѣдуетъ для доктора рядъ мученій. Мужъ умершей называетъ его убійцей, кидаетъ ему подъ ноги деньги, выговоренныя за операцію; въ печати появляются статьи, выставляющія все дѣло въ самомъ неблагопріятномъ для него свѣтѣ; паціенты, одинъ за другимъ, оставляютъ его или, понижая цифру вознагражденія, даютъ ему понять, на сколько онъ

упалъ въ ихъ глазахъ; ему предстоитъ оправдываться передъ факультетомъ; даже въ женѣ, которую онъ любитъ, но съ которой у него, въ сущности, мало общаго, онъ не находитъ настоящей поддержки, искренняго и беззавѣтнаго сочувствія и пониманія. Натискъ «враждующихъ судебъ» оказывается ему не по силамъ — и онъ рѣшается на самоубійство. Изъ этихъ четырехъ картинъ (panneaux, какъ называетъ ихъ авторъ) одна — третья — плохо вяжется съ цѣлымъ. Дебютантъ — чужой для слушающей его публики; она ничѣмъ ему не обязана, ничѣмъ не связана съ нимъ и имѣетъ полное право выразить ему неодобреніе, разъ что онъ поетъ плохо; о его болѣзни она ничего не знаетъ, да и самая болѣзнь, а слѣдовательно и смерть пѣвца, въ очень развѣ небольшой степени зависитъ отъ понесенной имъ неудачи. Всѣ остальныя сцены, за то, иллюстрируютъ какъ нельзя лучше основную мысль произведенія. Римскій циркъ, мадритская арена изображены рельефно и ярко; безсердечное легкомысліе праздной толпы, совершенно одинаковое на разстояніи многихъ столѣтій, развертывается передъ нами во всѣхъ своихъ фазисахъ и оттѣнкахъ, во всѣхъ переходахъ отъ преклоненія передъ успѣхомъ до жестокаго «vae victis». Эту же толпу мы узнаемъ, mutatis mutandis, и въ обществѣ, такъ быстро отворачивающемся отъ своего недавняго медицинскаго кумира. Говоря словами одной изъ паціентокъ оператора, оно радуется тому, что человѣкъ, считавшійся непогрѣшимымъ, «оплошалъ, сорвался съ пьедестала»; со всѣхъ сторонъ «бѣгутъ смотрѣть, какъ это онъ полетѣлъ». Если бы операція удалась, никто не подумалъ бы поставить ему въ вину пощечину, данную коллегѣ: его дерзость «была бы названа смѣлостью, была бы новымъ лавромъ въ вѣнкѣ его непогрѣшимости, чуть не геройскимъ поступкомъ»; вѣдь «побѣдителей не судятъ». Все это — черты общечеловѣческія, но нигдѣ, можетъ быть, онѣ не обнаруживаются съ такою ясностью, какъ именно въ русскомъ обществѣ. Припомнимъ слова Некрасова: «у русскаго особый взглядъ, преданьямъ рабства страшно вѣренъ; всегда побитый виноватъ, а битымъ — счетъ потерянъ...» Не

всегда, конечно, современное pollice verso имѣетъ такой трагическій исходъ, какъ въ разсказѣ г. Луговаго — но оно никогда не проходитъ безслѣдно для побѣжденныхъ. Не лучше положеніе ихъ и тогда, когда они сами сознаютъ себя не безусловно правыми. Сводя счеты съ своимъ прошедшимъ, докторъ, выведенный на сцену г. Луговымъ, строгъ не только по отношенію къ другимъ; онъ творитъ судъ и надъ самимъ собою — и именно потому такъ суровъ произносимый имъ приговоръ. Страницы, посвященныя этому ретроспективному анализу, принадлежатъ къ числу самыхъ сильныхъ въ «Pollice verso». Онѣ испорчены только длинными выписками изъ Шопенгауера, слова котораго служатъ для доктора послѣдней каплей, переполняющей чашу. Не особенно вѣроятно, чтобы человѣкъ, переживающій предсмертныя муки, сталъ перечитывать сочиненіе философа, котораго онъ считаетъ софистомъ; еще менѣе вѣроятно, чтобы онъ занялся мысленной полемикой съ нимъ («дешевое остроуміе, жонглированіе словами, которое ты, почтенный философъ, порядкомъ-таки любишь») или подробными комментаріями къ нему. Только въ самомъ концѣ, въ описаніи послѣднихъ минутъ передъ самоубійствомъ, художникъ, въ г. Луговомъ, опять беретъ верхъ надъ резонеромъ... Чисто внѣшнею связью соединена со всѣмъ предыдущимъ заключительная глава «Pollice verso» — горячо написанная лирическая инвектива противъ *Сплетни*. «Носится по свѣту гнусная тварь. Имя ей — Сплетня. Она родилась отъ матери Славы (?), отцемъ было Безсиліе, Зависть была ея воспріемницей. Нѣтъ у нея цѣли, нѣтъ у ней облика, нѣтъ ей преградъ и предѣловъ. Всюду, гдѣ люди, тамъ и она. То въ легкомъ нарядѣ Шутки, то въ тогѣ негодующей Правды, то подъ знаменемъ Сочувствія, вторгается она всюду, гдѣ ей быть не должно, и всѣ передъ ней разступаются, даютъ ей дорогу, вездѣ бѣгутъ по стопамъ ея обманутые ею безсмысленные люди. И она всюду дѣлаетъ свое дѣло: язвитъ, заражаетъ, несетъ разрушеніе». Все это было бы очень хорошо какъ финалъ картинъ, представляющихъ, въ реальныхъ образахъ разрушительное дѣйствіе сплетни;

но вѣдь вовсе не о ней идетъ рѣчь въ данномъ произведеніи. Не сплетня губила гладіаторовъ въ Римѣ, губитъ матадоровъ въ Испаніи, отравляетъ жизнь освистаннымъ пѣвцамъ; не сплетня — главная причина гибели доктора. Pollice verso — это не шопотъ злорадства, старающагося опорочить, исподтишка, доброе имя: это громкій крикъ стихійнаго инстинкта, жаждущаго сильныхъ ощущеній, это девизъ толпы, терзающей своихъ недавнихъ героевъ, съ любопытствомъ слѣдящей за чужимъ страданіемъ и горемъ.... Ничто не мѣшаетъ, впрочемъ, отдѣлить отъ «Pollice verso» г. Луговаго три послѣднія страницы и разсматривать ихъ какъ небольшую «сатиру въ прозѣ», не лишенную оригинальности и силы.

Въ «Граняхъ жизни» — единственномъ романѣ, написанномъ г. Луговымъ—отдѣльныя части соединены между собою больше внѣшнею, чѣмъ внутреннею связью. Героиня и герой — Нерамова и Сарматовъ—имѣются на лицо, но къ ихъ исторіи пришито, на скорую руку, много постороннихъ эпизодовъ, да и перемѣны въ нихъ самихъ совершаются, отчасти, по произвольному велѣнію автора. Заурядная эгоистка въ первой части, кандидатка въ камеліи — во второй, потомъ, въ качествѣ модной портнихи, систематическая «грабительница» своихъ кліентокъ, думающая только о себѣ во время своей связи съ Елкинымъ, Лидія Александровна превращается, подъ конецъ, въ самоотверженно любящую женщину и радѣтельницу о народѣ. У нея, по крайней мѣрѣ, это превращеніе хоть сколько-нибудь подготовлено заботливостью о ея мастерицахъ и ученицахъ, хотя и болѣе разсудочною, чѣмъ сердечною; но Сарматовъ, еще въ 40 лѣтъ отличавшійся отъ «праздныхъ шелопаевъ» только тѣмъ, что онъ «мыслилъ», а потомъ уставшій и мыслить, также возвышается однимъ скачкомъ до стремленій къ общественному благу и умираетъ ихъ мученикомъ, наканунѣ осуществленія еще болѣе широкихъ плановъ. Все это очень симпатично, но мало правдоподобно; въ рѣчахъ и поступкахъ Нерамовой и Сарматова, послѣ ихъ обновленія, мы слышимъ и видимъ гораздо меньше ихъ самихъ, чѣмъ

автора. Автору, а не Сарматову, принадлежитъ выборъ девиза, завѣщаемаго послѣднимъ своимъ наслѣдникамъ (слова Сенъ-Симона: «l'âge d'or, qu'une aveugle tradition a placé jusqu'ici dans le passé, est devant nous»); авторъ, а не Нерамова, рѣшаетъ вопросъ о «такъ называемомъ нравственномъ уровнѣ» въ духѣ Бокля («прочна только та нравственность, которая стоитъ непоколебимо на основахъ разума, и всякое умственное развитіе ведетъ къ укрѣпленію нравственности»); авторъ, а не Сарматовъ, мечтаетъ о томъ, «чтобы въ каждой деревнѣ были и столяры, и печники, и кузнецы, умѣющіе работать не только грубо, по кустарному, но съ пріемами доступными наиболѣе цивилизованному европейцу». Въ «Граняхъ жизни» болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было выступаетъ на видъ наклонность г. Лугового къ роли проповѣдника или лектора, какимъ мы его уже видѣли въ «Озими» и «Между двухъ смутныхъ идеаловъ». Ему приходитъ на мысль, напримѣръ, подѣлиться съ читателями своими взглядами на ревность—и вотъ, онъ не только заставляетъ Нерамову ревновать Сарматова къ княжнѣ, Сарматова—Нерамову къ Черкалову, чтобы создать положенія, могущія иллюстрировать эти взгляды, но и влагаетъ въ уста Сарматова цѣлые монологи, которыми тотъ убѣждаетъ себя, что ревновать не слѣдуетъ. Отсюда изобиліе разсужденій, до крайности замедляющихъ движеніе. Иногда они подтверждаются цѣлымъ рядомъ историческихъ данныхъ и такъ называемыхъ (выраженіе Ауербаха) gelehrte Curiositäten (стр. 95—104), иногда—анекдотами и выписками изъ газетныхъ объявленій (стр. 107, 109), иногда—цитатами изъ какой-то Французской брошюры (стр. 469—471). Ближе подходятъ къ разсказу мысли о модахъ, о значеніи костюма (стр. 185, 220—222, 255, 496), такъ какъ онѣ непосредственно отражаются на дѣятельности Нерамовой; но и тутъ *намѣреніе* автора просвѣчиваетъ слишкомъ сильно и подчеркивается слишкомъ настойчиво. Man merkt die Absicht und man ist verstimmt, тѣмъ болѣе, что и самый тезисъ, проводимый авторомъ, принадлежитъ—подобно теоріи объ «озими»—къ числу весьма спор-

ныхъ и сравнительно неважныхъ. Попадаются, вслѣдствіе этого, страницы, написанныя, повидимому, совершенно серьезно, но вызывающія вовсе не серьезное настроеніе. «Обдумывая, какого цвѣта взять матерію на платье» — читаемъ мы, напримѣръ, на стр. 255,—«Лидія Александровна и здѣсь не хотѣла подчиняться господствовавшей модѣ. Наше время — время господства золота, думаетъ она; это должно будетъ отразиться модой на желтый цвѣтъ. Что еще? Пессимизмъ? Черное. Еще? Стремленіе къ загробному, таинственному... Что жъ, развѣ бѣлое?» (почему, однако, бѣлое, а не черное или сѣрое?). Руководствуясь такими соображеніями, Лидія Александровна беретъ «тончайшій crêpe de Chine maïs, чехолъ изъ дорогой сюры оттѣнка vieil or, черную ленту, оживленную двумя узкими полосками бѣлой» — и составляетъ изъ всего этого, по образцу костюма madame Рекамье (временъ директоріи), платье — для кого? Для пустенькой танцовщицы, едва ли слыхавшей слово *пессимизмъ* и знакомой съ таинственностью развѣ въ образѣ лѣшаго или домового. Выходитъ немножко смѣшно, между тѣмъ какъ авторъ едва ли имѣлъ въ виду разсмѣшить читателей... Между сценами и лицами, играющими въ «Граняхъ жизни» роль аксессуаровъ, нѣкоторыя интересны сами по себѣ, и это служитъ для нихъ своего рода raison d'être: таковы картины жизни въ швейныхъ мастерскихъ, таковы фигуры заказчицъ (Тюрина, Ельцова), такова сантиментальная Лялечка или фрондирующая Петрова. Ко многимъ другимъ деталямъ непримѣнимо и это оправданіе. Совершенно ненуженъ, напримѣръ, эпизодъ убійства Саши; совершенно ненужны братъ и тетка Лидіи Александровны; неизвѣстно почему и зачѣмъ появляется, подъ концемъ романа, княжна Сухорѣцкая... Намъ кажется, что въ «Граняхъ жизни» нарушено драгоцѣнное правило: non multa, sed multum. Теоретическія воззрѣнія самого автора, его надежды, его мечты, поразившіе его своей оригинальностью чужіе взгляды, наблюденія, сдѣланныя имъ въ разныхъ сферахъ общественной жизни, заинтересовавшія его лица — все это здѣсь соединено, но не слито въ одно гармониче-

ское цѣлое. Подавляющимъ обиліемъ матеріала затемняется основная мысль романа, выраженная, повидимому, въ слѣдующихъ словахъ Сарматова (сказанныхъ на фабрикѣ, при видѣ старика-гравёра — «ветхаго деньми Сатурна», — подъ рукой котораго на поверхности хрустальной чаши появляются все новыя *грани* и новые узоры): «такъ жизнь человѣка въ рукахъ Сатурна, какъ чаша въ рукахъ гравёра. И въ нашемъ сердцѣ время проводитъ *грани за гранями*, и чѣмъ ихъ больше, чѣмъ онѣ тоньше, тѣмъ драгоцѣннѣе чаша жизни. Но грани — предѣлы. Немножко въ сторону, немножко за грань, и красота нарушена; немножко глубже, чѣмъ слѣдуетъ — и, *вмѣсто грани, трещина*. Перекрещиваются между собою тысячи граней, и звонкая чаша горитъ алмазами; нѣсколько трещинъ на ней — и она разбита». Въ жизни Нерамовой, да и Сарматова, нѣкоторыя *грани* безъ сомнѣнія имѣли характеръ *трещинъ*; въ глазахъ автора, однако, и та, и другая все больше и больше «горитъ алмазами», звучитъ все чище и чище... Самое опредѣленіе «граней жизни» несвободно отъ неточностей и противорѣчій. Борозды, проводимыя въ насъ временемъ, далеко не всегда имѣютъ значеніе *предѣловъ*; онѣ ложатся, сплошь и рядомъ, одна подлѣ другой или даже одна на другую. Драгоцѣннѣе «чаша жизни» становится скорѣе отъ «глубокихъ», чѣмъ отъ «тонкихъ» граней...

Общее заключеніе изъ всего сказаннаго нами вытекаетъ само собою. При всѣхъ отдѣльныхъ достоинствахъ сочиненій г. Луговаго, они не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя — говоря его словами — проводятъ замѣтную *грань* въ *чашѣ* литературной жизни.

III.

Разборъ книги г. К. Случевскаго —

«Историческія картинки. — Разные разсказы» (Изд. 2-е, значительно дополненное, СПБ. 1894 г.),

составленный Влад. Серг. Соловьевымъ.

Книга г. Случевскаго весьма замѣчательна разнообразіемъ своего содержанія. Жизнь до-историческая, міръ древне-греческій, евангельская исторія и эпоха мучениковъ, средніе вѣка во Франціи и въ Италіи, введеніе христіанства въ Россіи, эпоха Возрожденія, Московская Русь, жизнь итальянскихъ художниковъ новаго времени, эпоха Императрицы Екатерины II, древніе миѳы Восточной Азіи и современная миѳологія мурманскихъ поморовъ, міръ дѣтей и міръ военныхъ, древній Вавилонъ и современная финская деревня, Петербургскій свѣтъ и міръ провинціальныхъ чудаковъ — вотъ области, мимолетно освѣщаемыя фантазіею г. Случевскаго. Сверхъ того нашъ авторъ счелъ нужнымъ прибавить отъ себя къ Донъ-Кихоту Сервантеса новую главу, а также дополнить сказки 1001 ночи еще одною, тысяча-второю ночью.

К. К. Случевскій писатель заслуженный. Болѣе 30 лѣтъ тому назадъ онъ обратилъ на себя вниманіе литературныхъ круговъ какъ начинающій стихотворецъ. Его стихотворенія (собранныя теперь въ четырехъ книжкахъ), при несомнѣнномъ ли-

рическомъ дарованіи, показываютъ недостаточно критическое отношеніе автора къ своему вдохновенію, и едвали у какого другого поэта рядомъ съ истинно прекрасными произведеніями, можно найти такія и столькія странности, какъ у г. Случевскаго. И проза его пострадала отъ того же недостатка критики, хотя, быть можетъ, и въ меньшей степени. Особенно чувствуется этотъ недостатокъ въ тѣхъ случаяхъ, когда описаніе или повѣствованіе прерывается разсужденіями или замѣчаніями автора, который при этомъ слишкомъ часто забываетъ, что не всякая мысль, мелькнувшая въ головѣ человѣка, заслуживаетъ быть запечатлѣнною литературнымъ выраженіемъ. Примѣры печальныхъ послѣдствій такого забвенія будутъ представлены ниже.

Если бы г. Случевскій, вмѣсто того, чтобы обращать свою разсудочную способность на лица и событія, о которыхъ онъ разсказываетъ — и которыя должны бы говорить сами за себя, — пользовался ею для литературной критики собственныхъ своихъ произведеній, то они отъ этого выиграли бы вдвойнѣ. — Впрочемъ, то обстоятельство, что нашъ авторъ безъ всякихъ критическихъ задержекъ изливаетъ свою душу въ своихъ писаніяхъ, имѣетъ и хорошую сторону, сохраняя за этими писаніями тонъ какого-то своеобразнаго простодушія, составляющій ихъ отличительную особенность. Въ нихъ всегда есть что-то свое, и г. Случевскій, не будучи, быть можетъ, писателемъ образцовымъ, есть, во всякомъ случаѣ, одинъ изъ оригинальнѣйшихъ русскихъ писателей.

Въ книгѣ, подлежащей моему разбору, самое лучшее собрано въ концѣ, въ трехъ отдѣлахъ: «Мурманскіе очерки», «изъ свѣтской жизни», «сцены и наброски».

«Мурманскіе очерки» почти безукоризненны, и можно пожалѣть лишь о томъ, что они составляютъ такую малую часть всей книги. И природа, и людской бытъ нашей полярной окраины, гдѣ тяжелыя климатическія условія не только не придавили русскаго человѣка, а, напротивъ, вызвали къ проявленію лучшія

стороны его характера, представлены г. Случевскимъ очень живо и просто. Онъ здѣсь почти вовсе не разсуждаетъ, а только описываетъ и разсказываетъ. Свой языкъ онъ очень удачно и въ мѣру обогащаетъ выразительными словами мѣстнаго поморскаго нарѣчія. Повидимому, онъ не замѣчаетъ, однако, что между этими словами есть иностранныя. Живое народное творчество въ области языка настолько увѣрено въ своей силѣ, что нисколько не боится заимствованій и даже иногда щеголяетъ ими безъ всякой надобности. Какъ-бы, казалось, не имѣть своего русскаго слова для обозначенія *лодки,* той самой лодки, которая для поморовъ служитъ главнымъ условіемъ пропитанія, а на добрую треть года и жилищемъ? Между тѣмъ они какъ и родоначальники ихъ, Новгородцы, называютъ свои лодки *шняками*—любопытное воспоминаніе о тѣхъ норвежскихъ ладьяхъ съ головами и хвостами драконовъ и змѣй (снэки, нѣм. schnecke, англійское snake), которыя нѣкогда наводили ужасъ на всю Европу. Любопытно также, что поморы, живущіе болѣе чисто, чѣмъ большинство русскаго крестьянства, *мыло* называютъ по норвежски — *сайпа.* Зато какое великолѣпное слово *бéзымень* для обозначенія безформенныхъ привидѣній, того, что нѣмцы выражаютъ безличнымъ глаголомъ es spukt. Можно подосадовать на автора, что онъ своими стремительными вопросами съ неумѣстнымъ требованіемъ опредѣленныхъ отвѣтовъ помѣшалъ помору Степану разсказать по-своему про эту «бéзымень».

Послѣ «Мурманскихъ очерковъ» слѣдуетъ похвалить нѣкоторые разсказы «изъ свѣтской жизни» и нѣкоторые изъ «сценъ и набросковъ». Вообще, при достаточно тонкой наблюдательности нашъ авторъ обладаетъ душевною чувствительностью, и когда ему приходится отзываться на «впечатлѣнья бытія» не очень сложныя, затрогивающія въ его сердцѣ лирическія струны, ему удается создавать произведенія съ истиннымъ художественнымъ достоинствомъ. Очень поэтиченъ разсказъ «Два тура вальса—двѣ елки»—на извѣстный мотивъ о невысказанныхъ чувствахъ: «Sie liebten sich beide, doch keiner wollt'es dem andern gestehn».

Хороши также: «Случай», «Воскресшіе», «Завянетъ ли?» Передавать содержаніе этихъ прекрасныхъ маленькихъ вещицъ или подвергать ихъ подробному разбору было бы неумѣстно. Отмѣтимъ только, что нашъ авторъ обнаруживаетъ здѣсь въ извѣстной мѣрѣ цѣнную способность — воспринимать неуловимыя тѣни предметовъ, отношенія ничѣмъ осязательнымъ не сказывающіяся, лишенныя воплощенія, однако существующія. Безъ сомнѣнія, это есть самое лучшее изъ тѣхъ свойствъ г. Случевскаго, отъ которыхъ зависитъ своеобразность его литературнаго облика.

Разсказы подъ двумя рубриками «Типы» и «Фантазіи» отличаются главнымъ образомъ оригинальностью сюжетовъ. Въ разсказѣ «Капитанъ и его лошадь» изображенъ отставной военный, поселившійся въ степномъ хуторѣ и лучшую часть своего помѣщенія отдавшій своей лошади изъ дружбы и признательности къ ней. По словамъ ямщика, «она у него первый человѣкъ въ домѣ, ей всякая почесть». Этимъ указаніемъ авторъ могъ бы собственно и ограничиться, такъ какъ ничего болѣе интереснаго далѣе мы не узнаемъ. Замѣчательно только вступленіе къ разсказу, гдѣ, между прочимъ, встрѣчается такой періодъ: «довольно вѣрна примѣта, на основаніи которой можете вы разсчитывать на успѣхъ вашего желанія разспросить, а именно: подобно тому, какъ горный инженеръ по нѣкоторымъ особенностямъ почвы, по ея обнаженности, даже по характеру растительности опредѣляетъ иногда то мѣсто, на которомъ надо производить изысканія, весьма вѣрно, что съ разспросами надо обращаться преимущественно къ людямъ молчаливымъ, держащимся въ сторонѣ, особнякомъ».

Счастливый контрастъ съ подобными разсужденіями у г. Случевскаго составляютъ описанія и въ особенности разговоры, изложенные живымъ, естественнымъ языкомъ, иногда съ примѣсью легкаго юмора. Очень хороша въ своемъ родѣ безпритязательная сатирическая картинка «Два Сидоровыхъ». Два уѣздныхъ обывателя однофамильца: «одинъ въ фуражкѣ съ крас-

нымъ околышемъ, другой безъ фуражки и безъ волосъ» сошлись на желѣзнодорожномъ вокзалѣ. Одинъ собирается ѣхать въ Петербургъ, другой въ Памиръ, и спорятъ о томъ, гдѣ лучше. «Околышекъ слушалъ лысину и какъ она за Петербургъ ратовала — и насупился.

«Все это правда, сказалъ, наконецъ, околышекъ, да свѣжести-то тамъ нѣтъ, первобытности, непосредственности нѣтъ. Въ Памирѣ, по крайней мѣрѣ, аулъ сожжешь или китайца убьешь,— это все-таки свѣжесть, подвигъ, какой ни на есть, а все подвигъ. А въ Петербургѣ кого убьешь?

Но «лысина» не уступала, находя, что Петербургъ имѣетъ свои преимущества: «... въ Петербургѣ эти Аркадіи и Акваріумы, эти женщины, жаждущія любви. Нѣтъ, ты подумай только, что это за женщины! И сколько ихъ, и сравни съ тѣми, что у насъ подъ рукой! Жена уѣзднаго начальника — это одно; жена священника — это другое; потомъ эта съ картофельнымъ носомъ, вдова; потомъ двѣ дочери станціоннаго смотрителя.... Ѣдемъ, братецъ, вмѣстѣ.

— Нѣтъ, я въ Памиръ.

Споръ рѣшаетъ третье лицо — проѣзжій петербургскій чиновникъ, отправляющійся въ Черниговскую губернію заниматься статистикой, въ сопровожденіи дамы легкаго поведенія. Онъ убѣждаетъ Сидоровыхъ, что настоящее дѣло и настоящая жизнь въ провинціи. Впрочемъ, они и такъ должны бы были остаться на мѣстѣ, за неимѣніемъ денегъ на какую-бы то ни было поѣздку.

Разсказы «Бабушкины пузыри», «Человѣкъ и картоны», «Ищутъ клоуновъ», «Новый Дулькамара», «Воображающіе» хотя очень оригинальны по темамъ и очень малы по объему, не производятъ, однако, необходимаго при такихъ размѣрахъ впечатлѣнія легкости. Это происходитъ, надо полагать, отъ того, что авторъ не далъ опредѣленнаго литературнаго характера своей работѣ. Выбранные имъ странные сюжеты слѣдовало или развить въ серьезные этюды, или разсказать просто анекдотически. Но г. Случевскій остановился на полдорогѣ между анекдотомъ

и психологическою повѣстью, вслѣдствіе чего получается впечатлѣніе чего-то не то недосказаннаго, не то растянутаго и лишняго.

Изъ отдѣла «Фантазій» наиболѣе удачною со стороны художественности должна быть признана «Альгоя — поэтическая сказка изъ южно-сибирскихъ преданій. Повидимому, здѣсь случайно соединены два различныхъ сказанія — одно о гибели какой-то доисторической цивилизаціи, — развратнаго города въ родѣ Содома и Гоморры, — и другое, чисто миѳологическое, о похожденіяхъ богини цвѣтовъ. Между этими двумя сюжетами нѣтъ внутренней связи, что вредитъ общему впечатлѣнію. — Разсказъ «Ѳеклуша» былъ бы хорошъ, еслибы не былъ испорченъ авторомъ. Ему удалось немногими живыми чертами создать образъ забитой полу-русской, полу-финской крестьянки, сохраняющей въ своей забитости и человѣчность, и женственность, чего казалось бы совершенно довольно для маленькаго разсказа, но несчастная мысль придѣлать къ этому образу историческія похожденія души древняго Вавилонянина привели къ послѣдствіямъ по-истинѣ плачевнымъ.

«Ѳеклуша, хотя это совершенно невѣроятно, была потомкомъ одного изъ тѣхъ ветхозавѣтныхъ людей, что строили вавилонскій столбъ. Когда Господь, въ справедливомъ гнѣвѣ Своемъ, разрушилъ дерзкое и нечестивое человѣческое предпріятіе, постройку вавилонскаго столба, то проклялъ Онъ всѣхъ участвовавшихъ въ постройкѣ, повелѣвъ имъ скитаться до окончанія вѣка и не имѣть входа ни въ адъ, ни въ рай, ни въ чистилище. Слова Бога не прошли даромъ: поумирали одинъ за другимъ строители, и безпокойныя души ихъ начали скитаться въ подлунной». Во-первыхъ, почему авторъ находитъ невѣроятнымъ, что его Ѳеклуша происходитъ отъ одного изъ строителей вавилонскаго столба? Вѣдь и самъ г. Случевскій, и всѣ мы ведемъ свой родъ оттуда же, ибо по библейскому сказанію (которое здѣсь имѣется въ виду) созданіе вавилонской башни было дѣломъ родоначальниковъ всего послѣпотопнаго человѣче-

ства, составлявшихъ тогда одинъ народъ и одинъ языкъ, и лишь послѣдствіемъ этого предпріятія, или наказаніемъ за него, явилось раздѣленіе языковъ и разсѣяніе народовъ по различнымъ странамъ. Если нашъ авторъ счелъ нужнымъ касаться этого библейскаго преданія, то ему слѣдовало, по крайней мѣрѣ, справиться съ XI главой книги Бытія. Это удержало бы его и отъ сочиненія небывалыхъ проклятій, которыя онъ съ прискорбною смѣлостью приписываетъ Самому Господу Богу.

«Одна изъ этихъ душъ, читаемъ далѣе, урожденная вавилонянка, принадлежала нѣкогда бородатому родичу тѣхъ знаменитыхъ до-историческихъ халдейскихъ волхвовъ, которые почти присутствовали при потопѣ и писали на тѣхъ пергаментахъ, кусочки которыхъ дошли до насъ въ твореніяхъ Верозія». Ну ужъ и дошли! Иной довѣрчивый читатель подумаетъ въ самомъ дѣлѣ, что г. Случевскій видѣлъ своими глазами какіе-то кусочки пергамента, которые нѣкій «Верозій» пришивалъ или приклеивалъ къ своимъ «твореніямъ». Отъ этихъ твореній «кусочки» до насъ дошли въ позднѣйшихъ цитатахъ, но отъ древне-халдейскихъ пергаментовъ не дошло ничего, да и не могло дойти, по той простой причинѣ, что такихъ пергаментовъ вовсе не существовало, ибо халдеи не только въ до-историческія, но и въ историческія времена писали, какъ извѣстно, не на пергаментахъ, а на кирпичахъ.

«Рожденная въ плодоносной Месопотаміи, такъ красиво и ярко описанной Геродотомъ, огненная и жгучая по природѣ, какъ пески степей, окружавшихъ ея родину, подвижная и сильная, какъ вѣтеръ пустыни»... *Всякій* вѣтеръ есть *движеніе* воздуха, а потому г. Случевскій напрасно полагаетъ, что подвижность есть признакъ сколько-нибудь характерный для вѣтра пустыни; сильнымъ вѣтеръ бываетъ тоже независимо отъ мѣста.

.... «душа — вавилонянка, покинувъ бренное тѣло, стала скитаться по бѣлому свѣту. Незримая и неуловимая, побывала она вездѣ, — и вздумалось бѣдной проклятой душѣ отъ безконечной грусти, несомнѣнно присущей безконечной свободѣ и ни-

чего-недѣланію, создать себѣ какое-нибудь дѣло. Это оказалось не легко».... «Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, что душѣ, для непосредственнаго участія въ жизни, не хватало простого знанія языковъ!»... «Какимъ способомъ могла бы она осилить жаргонъ гастонца (sic) или бердичевскаго еврея? Теперь, въ наши дни, конечно, работа эта оказалась бы легче и возможнѣе послѣ появленія сравнительныхъ грамматикъ и трудовъ Буслаева, Боппа, Макса Миллера и другихъ». Безъ сомнѣнія, *гастонецъ* есть опечатка, но координація «сравнительныхъ грамматикъ» и «трудовъ» остается на отвѣтственности автора.

Не предвидя появленія сравнительной грамматики гастонскаго и бердичевскаго языковъ, вавилонская героиня г. Случевскаго рѣшается вмѣсто лингвистики заняться исторіей, а именно, слѣдить за измѣняющимися судьбами своего рода.

«Удивительныя вещи могла бы разсказать душа о подвижности и запутанности всякихъ семейныхъ и родовыхъ отношеній, о томъ, кто и какъ является кажущимся или настоящимъ отцомъ или матерью, о томъ, какъ мало правды во всѣхъ разсчетахъ жизни, и какое громадное значеніе имѣютъ въ жизни и исторіи случаи и мелочи. Въ этомъ отношеніи между душою — вавилонянкою и научными доказательствами англичанина Бокля выяснилась бы значительная связь».

Послѣ этого замѣчанія, болѣе неожиданнаго, чѣмъ понятнаго, авторъ переходитъ къ изложенію событій.

«Занимая довольно видныя и очень доходныя мѣста въ царствахъ старо- и ново-вавилонскихъ, родъ нашей души удержался на этой высотѣ и ко времени знаменитаго Персидскаго царя Кира. Только къ третьему вѣку до Христа очень раннее и таинственное исканіе чего-то лучшаго въ жизни сокрушило этотъ родъ: члены его стали дружить съ жившими тогда во множествѣ въ Персидской монархіи греками; они, якобы во имя спасенія своего отечества, Персіи, отъ тираніи своихъ родныхъ властителей, поклонились восходившей тогда греческой звѣздѣ Алексан-

дра Македонскаго, за что и принуждены были покинуть Персію и переселиться къ мудрымъ египетскимъ Птоломеямъ. Перемѣна климата, грусть по родинѣ, а также и другія чисто физіологическія причины повліяли на то, что въ Египтѣ родъ этотъ сильно захирѣлъ». Все это разсказано совершенно напрасно, такъ какъ ничего этого не было, а — главное, и быть не могло. Начать съ того, что «звѣзда Александра Македонскаго» не только всходила, но и зашла не въ III-емъ, а въ IV-омъ вѣкѣ до Р. X. (умеръ въ 323 г.). Далѣе, г. Случевскій забылъ, что быстрый восходъ этой звѣзды состоялъ не въ чемъ иномъ, какъ въ покореніи Персидскаго царства, а потому Персидскимъ приверженцамъ Александра Македонскаго не зачѣмъ было переселяться изъ Персіи, — имъ оставалось только торжествовать побѣду. Наконецъ, какимъ образомъ могъ кто-нибудь при «восходящей звѣздѣ Александра Македонскаго» переселиться къ мудрымъ египетскимъ Птоломеямъ, когда эта династія воцарилась въ Египтѣ лишь послѣ смерти Александра, вслѣдствіе раздѣла его царства?

Изъ Египта единственный живучій отпрыскъ халдейскаго рода попалъ въ Германію. «Душа-родоначальница не уставала слѣдить за нимъ. Она привыкла къ жизни странницы, и эта жизнь нравилась ей. Но съ переходомъ въ Германію душѣ стало какъ-то неловко. Все, что знала она до сихъ поръ, все это не имѣло ничего общаго съ германскимъ міровоззрѣніемъ. Прежде всего пришлось душѣ заняться изученіемъ нѣмецкаго языка! Къ счастію, заведеніе, открытое Карломъ Великимъ въ Ахенѣ, помогло ей въ этомъ дѣлѣ; гнѣздясь подъ арками знаменитой schola Palatina, она вытверживала склоненія и спряженія новаго для нея говора и совершенно чуждыхъ формъ его, и кое-какъ научилась ему». Удивительно, что халдейская душа могла кое-какъ научиться нѣмецкому языку даже въ такой школѣ, въ которой его никогда не преподавали.... Странное дѣло! Латинское названіе знаменитаго ахенскаго «заведенія» г. Случевскій сообщаетъ, а какого языка была эта школа не догадывается, преспо-

койно воображая, что тамъ занимались склоненіемъ der, die, das.

Не слѣдуя за г. Случевскимъ въ его дальнѣйшихъ историческихъ воспоминаніяхъ, замѣтимъ только, что и о ближайшей современности онъ сообщаетъ иногда свѣдѣнія столь же неточныя, какъ и о временахъ минувшихъ. Едва-ли, напримѣръ, существуетъ въ Россіи такой окружной судъ, въ которомъ послѣ засѣданія по дѣлу объ истязаніи жены мужемъ «рѣшили, и такъ это впослѣдствіе пропечатали, что такъ какъ мужъ и жена одно и то-же, то и оскорбленія чести между ними быть не можетъ».

Главный недостатокъ нашего автора — его противохудожественная склонность къ безконтрольнымъ разсужденіямъ — особенно вредитъ ему въ отдѣлѣ «историческихъ картинокъ», ибо здѣсь менѣе всего умѣстно появленіе литературнаго «я» съ его случайною рефлексіей среди образовъ, вдвойнѣ отчеканенныхъ исторіей и искусствомъ. Средневѣковые художники имѣли обыкновеніе на своихъ картинахъ или скульптурныхъ группахъ помѣщать свое собственное изображеніе. Это нисколько не портило дѣла, потому что скромно стоявшая на колѣняхъ въ какомъ-нибудь уголку фигура художника по духу и стилю гармонировала съ идеей самого произведенія. Но еслибы на исторической картинѣ изъ древней жизни, изъ среднихъ вѣковъ или изъ эпохи Возрожденія, написанной современнымъ русскимъ художникомъ, былъ помѣщенъ на самомъ видномъ мѣстѣ, заслоняя все прочее, портретъ автора въ сюртукѣ или вицъ-мундирѣ, указывающаго обѣими руками на созданные имъ образы, то такимъ дополненіемъ, конечно, было-бы испорчено даже геніальное произведеніе.

Очеркъ «На мѣсто!» есть самый интересный по замыслу между историческими картинками г. Случевскаго. Итальянскій художникъ эпохи Возрожденія съ природнымъ талантомъ къ миніатюрной живописи, мучимый чрезмѣрнымъ честолюбіемъ, хочетъ соперничать съ великанами искусства и пишетъ на биб-

лейскіе и классическіе сюжеты огромные холсты, не имѣющіе никакого достоинства. Въ настойчивой и безуспѣшной погонѣ за славою онъ мимоходомъ губитъ любящую его женщину и только подъ конецъ жизни, когда ему уже ничего не нужно, приходитъ къ самопознанію и нравственному возрожденію. Какой прекрасный сюжетъ, и какимъ поучительнымъ произведеніемъ обогатилъ-бы почтенный авторъ нашу литературу, еслибы какъ слѣдуетъ сосредоточился на художественномъ исполненіи своего замысла, а таланта для такого исполненія у него навѣрное-бы хватило. Но несчастная невнимательность къ характеру своего дарованія и предѣламъ своего призванія — особенность, отчасти сближающая г. Случевскаго съ его героемъ — испортила все дѣло. Неправильно понимая задачу «исторической картинки», онъ раздѣлилъ свой холстъ на двѣ половины: на одной набросано нѣсколько фигуръ и положеній, болѣе или менѣе удачно воплощающихъ идею разсказа, а вся другая половина картины занята каѳедрой, съ которой г. Случевскій читаетъ намъ такой урокъ изъ исторіи:

«Въ то время во Флоренціи, богатѣйшей республикѣ міра, герцогствовали знаменитые Медичи, бывшіе банкиры, и надъ Италіею загорался въ полномъ блескѣ несравненный вѣкъ Возрожденія. Это шестнадцатый вѣкъ послѣ Христа». Почему-же, однако, шестнадцатый? Въ Италіи Возрожденіе загоралось гораздо раньше; развѣ Чимабуэ и Джотто были современниками Медичисовъ, развѣ Данте и Петрарка писали въ XVI вѣкѣ? Въ дальнѣйшемъ своемъ обзорѣ самъ г. Случевскій возвращается отъ XVI вѣка къ болѣе раннимъ временамъ, но и тутъ онъ не обходится безъ ошибки, относя Коло ди-Ріензи къ XIV вѣку.

«Еще учитель Данте, читаемъ далѣе, былъ составителемъ энциклопедіи наукъ, а появленіе подобной энциклопедіи Дидро во Франціи обозначило, какъ извѣстно, время первой революціи». Подъ учителемъ Данте г. Случевскій разумѣетъ, очевидно, Брунетто Латини, которому, хотя и ошибочно, приписывалось это значеніе, но причемъ тутъ Дидро и энциклопедія XVIII

вѣка? Неужели нашъ авторъ думаетъ, что «сокровище» Брунетто Латини было составлено въ духѣ французскихъ энциклопедистовъ?

«Никогда вполнѣ недремавшая любовь къ наукѣ, гражданственности и свободѣ начинаетъ проявляться съ особенною силою: «uomo singolare» выдвигается изъ толпы и побѣждаетъ ее окончательно.

«Отъ всего этого очень близко къ исканію славы, къ поклоненію гробницамъ великихъ людей, къ тріумфамъ. Флоренція требуетъ отъ Равенны прахъ Данте; Александръ VI Борджіа съ высоты престола намѣстника Христова высматриваетъ своихъ любовницъ, задумываетъ убійства и планы міровой монархіи; Юлій II опоясывается мечемъ, осаждаетъ крѣпости, даетъ сраженія»..... Совершенно непонятно, почему «высматриваніе» любовницъ и осада крѣпостей приравниваются здѣсь, къ поклоненію гробницамъ великихъ людей.

«Исчезли мрачныя рѣшетки, бойницы и подъемные мосты многихъ городскихъ зданій, еще недавно служившихъ крѣпостцами, — изчезли они съ первымъ дымомъ пушки и щелкнувшаго арбалета, изчезли, какъ привидѣнія передъ ширью, красотою и правдою дѣйствительной жизни». Выходитъ, что бойницы и подъемные мосты не принадлежатъ къ дѣйствительной жизни, а пушки и арбалеты принадлежатъ. Непонятно также, что общаго у этого оружія съ красотою и правдою: древнее вооруженіе было красивѣе, да и правды, пожалуй, у старыхъ рыцарей было больше, чѣмъ у итальянскихъ кондотьери переходной эпохи.

Свой длинный урокъ исторіи г. Случевскій дополняетъ маленькимъ урокомъ морали: «Слезъ въ глазахъ и на сердцѣ недостаточно для того, чтобы сдѣлать великимъ то или другое свое художественное созданіе; самолюбіе не творчество; поспѣшность не залогъ успѣха; обѣщаніе не исполненіе». Вотъ это совершенно справедливо!

Въ «Исчезнувшемъ сверткѣ» разсказывается извѣстный поступокъ графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, который

сжегъ документы о своемъ тайномъ бракѣ съ Императрицею Елизаветою Петровной. Въ этомъ разсказѣ г. Случевскому почти удалось сохранить историческій стиль, и только въ двухъ мѣстахъ вниманіе читателя развлекается указательнымъ пальцемъ автора.

Крайне неудаченъ по мысли и по исполненію разсказъ изъ евангельской исторіи «Великіе дни». Безъ сомнѣнія г. Случевскій, рѣшаясь писать разсказъ изъ евангельской исторіи, имѣлъ самыя лучшія намѣренія и менѣе всего желалъ оскорбить чье-нибудь религіозное чувство. О священныхъ лицахъ онъ говоритъ тономъ искренняго благоговѣнія, и нигдѣ не видно чтобы онъ сомнѣвался въ полной дѣйствительности и великомъ значеніи описываемыхъ имъ событій. Но этого еще мало. Въ отношеніи къ извѣстнымъ предметамъ серьезный писатель обязанъ принимать мѣры предосторожности и противъ *невольныхъ* грѣховъ съ своей стороны. Самая лучшая и общедоступная изъ предупредительныхъ мѣръ состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы вовсе не браться за такія темы, если не имѣешь особаго призванія и подготовки къ этому дѣлу и не смотришь на него, какъ на главную задачу своей жизни.

Г. Случевскій не принялъ этой необходимой предупредительной мѣры противъ невольныхъ грѣховъ, и вотъ какъ-бы въ наказаніе за это всѣ отличительные недостатки его произведеній: невыдержанность тона, нетвердость историческаго стиля, склонность къ неумѣстнымъ и необдуманнымъ замѣчаніямъ, неясность мыслей и небрежность языка, — все это въ усиленной степени, какъ-бы на показъ, соединилось въ его очеркѣ изъ евангельской исторіи. А между тѣмъ какъ легко было замѣтить всю ненужность этого разсказа! Для исторіи земной жизни Христа не существуетъ никакихъ другихъ настоящихъ источниковъ кромѣ нашихъ всѣмъ доступныхъ и всѣмъ извѣстныхъ евангелій, а въ нихъ эта исторія изложена какъ нельзя лучше, съ истинною художественною простотою и объективностью. Но вотъ въ какомъ стилѣ г. Случевскій дополняетъ евангелія:

«По узкимъ улицамъ, въ особенности по направленію къ Голгоѳѣ, толпа въ тѣ часы дня была какъ бы неподвижна, потому что перемѣщеніе въ ней *отдѣльныхъ личностей (!)* не двигало ея. Большинство, какъ объясняетъ евангелистъ Лука, были женщины». Въ тотъ историческій моментъ, который изображается авторомъ, Лука еще не былъ евангелистомъ и ничего не объяснялъ, — зачѣмъ же о немъ упомянуто? Когда пишется историческая картина, а не трактатъ или изслѣдованіе, то нужно описывать прямо то, что происходило, то, что читатель видѣлъ бы своими глазами, еслибы былъ перенесенъ въ то мѣсто и въ тотъ моментъ. А когда вмѣсто этого авторъ сажаетъ читателя за свой письменный столъ и начинаетъ передъ нимъ перелистывать свою записную книжку, то въ замѣнъ эстетическаго удовольствія онъ можетъ вызвать только справедливую досаду.

Къ этому досадному противохудожественному пріему г. Случевскій прибѣгаетъ во все продолженіе своего разсказа, до самаго его конца. «Изъ евангелій несомнѣнно извѣстно, сообщаетъ онъ намъ, что́, какъ и въ какой послѣдовательности происходило, но въ тѣ заповѣдные (?) дни никто не зналъ ничего полностью (!)». «По словамъ Матѳея, говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Случевскій, Спаситель воскресъ на разсвѣтѣ перваго дня недѣли; по Марку, по прошествіи субботы... весьма рано; Лука повѣствуетъ, что воскресеніе послѣдовало въ первый же день недѣли, очень рано; согласно Іоанну, когда было еще темно».

«Евангелистъ Лука, читаемъ далѣе, очень подробно повѣствуетъ о томъ, какъ въ третій день по смерти Спасителя двое изъ Его учениковъ шли въ Еммаусъ и разговаривали о событіяхъ дня», и затѣмъ на двухъ страницахъ г. Случевскій своими словами воспроизводитъ этотъ разсказъ, вставляя отъ себя замѣчанія такого рода: «Изъ подробностей бесѣды, изъ объясненія Спасителемъ «всего писанія» необходимо заключить о продолжительности явленія, о томъ, что онъ шелъ съ учениками долго. Евангелистъ не говоритъ о томъ, видѣли ли Его, какъ третьяго

путника, встрѣчные люди, которыхъ въ этотъ вечеръ *имѣлось* много?» Въ этомъ случаѣ нашъ авторъ ограничивается указаніемъ того, о чемъ не говоритъ евангелистъ, въ другихъ случаяхъ въ изложеніе евангельскихъ событій онъ вставляетъ подробности собственнаго сочиненія, чѣмъ, конечно, только оттѣняется несравненная правдивость и художественность священнаго текста.

Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ г. Случевскій женщинъ, «во тьмѣ и молчаніи ночи» шедшихъ къ саду Іосифа Аримаѳейскаго: «На одной изъ женщинъ, постоянно опережавшей другую, обозначался *гиматій* желтаго цвѣта; она плотно обвернула имъ голову, плечи, станъ; изъ-подъ гиматія снизу, почти касаясь пыльнаго пути, виднѣлась шерстяная зеленая *туника*. Другая женщина была вся въ голубомъ; она тоже закуталась вплотную и шла въ подвижныхъ складкахъ [1]).

«Это были двѣ женщины изъ народа, простыя женщины, жены мvроносицы: Марія Магдалина и съ нею другая Марія».

Увѣренность, съ которою г. Случевскій относитъ этихъ женщинъ къ низшему классу народа, не имѣетъ никакихъ основаній; въ евангеліяхъ этого про нихъ не сказано, а изъ того, что говорится, можно, скорѣе, вывести другое заключеніе; посторонниихъ же источниковъ по этому предмету мы не имѣемъ. Напрасно также авторъ, сказавши, что это были *простыя женщины*, тутъ же, какъ бы въ поясненіе, прибавляетъ *жены мvроносицы;* во-первыхъ, между этими выраженіями нѣтъ никакой

---

1) Когда русскій писатель говоритъ о древне-еврейской одеждѣ и не хочетъ ограничиться простымъ ея описаніемъ, а непремѣнно желаетъ ввести древнія названія, то, очевидно, это должны быть названія еврейскія. Но г. Случевскій почему-то употребляетъ въ этомъ случаѣ греческій языкъ съ латинскимъ пополамъ. Это можетъ ввести въ заблужденіе иного читателя, который подумаетъ, что евреи заимствовали свою верхнюю одежду у грековъ, а исподнюю у римлянъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ, благодаря финикіянамъ, семитическій *хуттонетъ* послужилъ первообразомъ для греческаго хитона и римской туники. Также и для верхней одежды евреи имѣли издревле свое названіе (*симлà*) и свою форму, болѣе близкую къ верхней одеждѣ нынѣшнихъ феллаховъ и бедуиновъ (a'bâja) нежели къ греческому гиматію.

логической связи, во-вторыхъ, читатель и безъ того уже догадался, о комъ идетъ рѣчь, а въ третьихъ, въ описываемое время эти женщины не назывались женами мvроносицами, а получили это почетное названіе лишь въ позднѣйшей церковной терминологіи. Не станетъ же писатель-художникъ, изображающій, напримѣръ, императора Константина въ его молодости, называть его святымъ и равноапостольнымъ.

Неумѣстны также рѣшительныя указанія г. Случевскаго на цвѣта одеждъ. Совершенно-ли увѣренъ онъ въ томъ, что женщины, шедшія ночью плакать на гробъ только что умершаго, — не боясь нарушить тѣмъ святыню праздника, — были въ обыкновенныхъ цвѣтныхъ платьяхъ, а не въ траурномъ *сакѣ?* Да и помимо этого, зачѣмъ говорить о цвѣтахъ, когда онѣ шли въ темнотѣ? Хотя г. Случевскій и замѣчаетъ, что «чуть-чуть теплился разсвѣтъ и начиналъ вызывать повсюду поблекшія на ночь краски жизни», но, по евангельскому свидѣтельству, на которое онъ же ссылается въ другомъ мѣстѣ, дѣло было «тьмѣ еще сущей» (σκοτίας ἔτι οὔσης), когда различать цвѣта, особенно же зеленый отъ голубого, никакъ невозможно; слѣдовательно, это упоминаніе о цвѣтахъ есть ошибка и съ точки зрѣнія картинности.

Распятіе Христа въ разсказѣ нашего автора почему-то помѣщено послѣ Воскресенія; было бы лучше, еслибы онъ вовсе о немъ умолчалъ.

«Обычнымъ пріемомъ для ускоренія смерти было перебиваніе голеней; относительно Сына Человѣческаго, смерть Котораго наступила быстро, вѣроятно, вслѣдствіе *длившагося цѣлую ночь и часть предшествовавшаго дня неистоваго бичеванія,* а также вслѣдствіе того, что душа Его скорбѣла смертельно. Пріемомъ отсѣканія голеней не пришлось воспользоваться, чѣмъ исполнилось пророчество: кость не сокрушится отъ Него». Подчеркнутыя слова поразительны какъ по своей внутренней нелѣпости, такъ и по той крайней смѣлости и легкости, съ какими здѣсь о такихъ предметахъ сообщается небывалое и невоз-

можное. Сравнительно съ этимъ можно счесть простительнымъ грѣхомъ ссылку на несуществующее пророчество. У какого пророка прочелъ г. Случевскій слова «кость не сокрушится отъ Него?» На самомъ дѣлѣ они находятся въ обрядовомъ законѣ (кн. Исходъ), относятся къ пасхальному агнцу и приведены евангелистомъ Іоанномъ не какъ пророчество, а какъ писаніе (γραφή) символически толкуемое. Не всякое писаніе, хотя бы и священное, есть пророчество.

Г. Случевскій украшаетъ свой разсказъ не только дополненіями отъ себя, но также изрѣдка ссылками на талмудъ и І. Флавія.

«Чрезвычайно пестрое населеніе (Іерусалима) было громадно. Описывая взятіе Іерусалима Титомъ, Флавій насчитываетъ, что число погибшихъ во время осады достигало 1,000,000 человѣкъ. Для подтвержденія своихъ словъ и предвидя недовѣріе, Флавій сообщаетъ, что когда одинъ изъ правителей, желая убѣдить кесаря Нерона въ этомъ чудовищномъ многолюдствѣ, приказалъ однажды сосчитать число пасхальныхъ жертвъ, то ихъ оказалось 256500; такъ какъ каждая изъ нихъ приносилась обыкновенно семьями, обществами человѣкъ въ десять, то многолюдство тогдашняго Іерусалима, кажущееся намъ невѣроятнымъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно». Для кого это написано? Люди, свѣдущіе въ исторіи, лучше г. Случевскаго знакомы съ писаніями І. Флавія и знаютъ степень достовѣрности этого историка; а люди несвѣдущіе будутъ введены въ заблужденіе этими «несомнѣнными» показаніями. Топографія тогдашняго Іерусалима достаточно извѣстна, размѣры его были менѣе теперешнихъ и, даже предполагая и вдвое бóльшую плотность населенія, оно не могло достигать и ста тысячъ человѣкъ. Число пасхальныхъ агнцевъ, на которомъ основывается І. Флавій, совершенно фантастично: при существованіи храма эти агнцы должны были закаляться священниками при храмѣ, и ясно, что нельзя было успѣть заколоть такое количество агнцевъ въ назначенный для этого закономъ короткій срокъ (вечернія сумерки наканунѣ Пасхи).

Еще менѣе посчастливилось г. Случевскому съ талмудомъ. «Талмудъ даетъ основаніе заключить о нѣкоторомъ исключительномъ положеніи исчезнувшаго Еммауса; онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что народные еврейскіе учители, желавшіе оставаться постоянно вблизи Іерусалима, имѣли здѣсь свой forum disputationum. Въ талмудѣ же существуетъ рядъ постановленій, нося-щихъ имя Еммаусскихъ *Галъ*». Какіе «Галы», почему «Галы»? Очевидно, авторъ прочелъ въ какой-нибудь справочной книгѣ такое выраженіе: die Hal. von Emmaus, или the hal. of Emmaus, или les hal. d'Emmaus, и, не зная, въ чемъ дѣло, и что это hal. есть сокращенное halachoth, создалъ, ничтоже сумняся, свои «Галы».

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя странности въ этомъ разсказѣ.

«Никодимъ и Іосифъ, могучіе, бородатые, *древніе,* въ длинныхъ темныхъ синдонахъ, были двумя главными носильщиками драгоцѣнной ноши Распятаго, прикрытой длиннымъ бѣлымъ льнянымъ пологомъ». Что значитъ «драгоцѣнная ноша Распятаго»? Выходитъ, будто Распятый несъ драгоцѣнную ношу, прикрытую бѣлымъ пологомъ. И въ какомъ смыслѣ Никодимъ и Іосифъ называются «древними»? въ смыслѣ ли своего возраста? но изъ Евангелія не видно, чтобы они были уже такъ престарѣлы; или въ смыслѣ времени, когда они жили? но такъ какъ повѣсть переноситъ насъ именно въ это время, то относительно него они не могли быть древними, ибо всякій человѣкъ по необходимости долженъ быть современенъ самому себѣ и своей эпохѣ.

Говоря о встрѣчѣ римскаго воина съ апостолами въ день Воскресенія, г. Случевскій дѣлаетъ слѣдующее безспорное, но неожиданное замѣчаніе. «Еще не сложилось въ тотъ давній день крестное знаменіе, еще не получило вещественнаго знака благословеніе, еще не существовало ни рукоположенія, ни преемственности священства». Удивительный литературный пріемъ по поводу какого-нибудь дня перечислять различные предметы, которыхъ тогда еще не было.

«И объяты ученики не осмѣливающимся облечься въ слово сомнѣніемъ, и нужно имъ знать, нужно провѣдать, нельзя не знать, что же дѣлается въ самомъ дѣлѣ въ Іерусалимѣ». Объ апостолахъ Христовыхъ писать такимъ слогомъ едва ли удобно.

«Передъ тѣмъ, чтобы выйти на дорогу, связывавшую селеніе Силоамское съ городомъ, всѣ они, чтобы сговориться окончательно, какъ, что и гдѣ разузнать, сѣли, раздѣлили скудную пищу, имѣвшуюся въ запасѣ, *уничтожили* ее и двинулись дальше». Почему раздѣленіе скудной пищи есть средство къ тому, чтобы сговориться относительно развѣдокъ, и зачѣмъ они «уничтожили» этотъ скудный запасъ, который они взяли, конечно, не для того, чтобы его уничтожить, а для того, чтобы его съѣсть, а ужъ если они рѣшили его уничтожить, то зачѣмъ же они раньше его раздѣлили? При томъ въ художественномъ произведеніи нельзя ограничиваться такимъ отвлеченнымъ указаніемъ, нужно, чтобы дѣйствіе являлось въ конкретномъ образѣ; какъ уничтожили они пищу? бросили-ли они ее въ воду, или сожгли огнемъ, или какъ-нибудь иначе предали разрушенію? Еслибы разсказъ былъ написанъ не такимъ изящнымъ и образованнымъ писателемъ, какъ г. Случевскій, а какимъ-нибудь репортеромъ уличнаго листка, то ясно было бы, что подъ выраженіемъ *уничтожили* онъ разумѣлъ просто *съѣли*, но въ настоящемъ случаѣ такое объясненіе было бы невѣроятно.

«Въ ближайшіе вслѣдъ за казнью на Голгоѳѣ дни всѣ пути отъ Іерусалима отличались необыкновеннымъ оживленіемъ: густыя волны народныя, пришедшія на Пасху, убывали.... по степнымъ каменистымъ путямъ двигались крупные, важные, задумчивые, почтенные лица ветхозавѣтныхъ евреевъ, тѣхъ людей, изъ которыхъ вышли пророки, о которыхъ повѣствуетъ Библія, а не большинство современнаго намъ еврейства, продажнаго, выродившагося и грязнаго». Не говоря уже о грамматическихъ изъянахъ этой фразы, непонятно, почему г. Случевскій называетъ «ветхозавѣтными» именно тѣхъ евреевъ, которые были свидѣтелями новозавѣтнаго откровенія? Еще менѣе

понятно, какимъ образомъ изъ этихъ евреевъ, современниковъ Христа и апостоловъ, могли выйти библейскіе пророки, жившіе, какъ извѣстно, за много вѣковъ до Р. Х., а большинство современнаго еврейства, по мнѣнію г. Случевскаго, изъ этихъ евреевъ не вышло. По истинѣ удивительные люди, которые были родоначальниками своихъ предковъ и не были родоначальниками своихъ потомковъ!

Вотъ и еще мѣсто, показывающее, насколько своеобразно отражается въ мысляхъ нашего писателя временная связь явленій. «И вотъ уже близка мvроносица къ гробницѣ и помнится Маріи, что здѣсь, гдѣ теперь брезжетъ утренній свѣтъ, лежала глубокая тьма... горѣли тогда факелы... гробница зіяла открытою... вотъ положили въ нее тѣло... сама она помогла обвить его плащаницею, сама трепетно оправила... «не рыдай Мене, Мати» звучатъ въ воспоминаніи Маріи какія-то слова... кто сказалъ ихъ, гдѣ слыхала она ихъ?..». «Не рыдай Мене, Мати» это слова изъ нашей церковной пѣсни, которая поется въ послѣдніе дни Страстной недѣли; какимъ образомъ эти слова могли пройти въ воспоминаніи Маріи Магдалины на другой день послѣ распятія? Вотъ тутъ умѣстно было бы автору припомнить, что не было тогда ни церквей православныхъ, ни великопостной службы, ни пѣснопѣній въ память страстей Христовыхъ, ни даже церковнославянскаго языка.

Наполнивъ бо́льшую часть своего произведенія ненужнымъ пересказомъ евангельскаго повѣствованія съ неудачными дополненіями и необдуманными замѣчаніями, г. Случевскій оставилъ себѣ слишкомъ мало мѣста для изображенія тѣхъ лицъ, которыя могли-бы дать смыслъ его разсказу, именно римскаго легіонера, обращающагося ко Христу, и вдовы,—хозяйки того дома въ Еммаусѣ, гдѣ остановился воскресшій Христосъ съ двумя учениками. Эти два лица могли бы быть интересными, еслибы авторъ сдѣлалъ ихъ средоточіемъ своего изложенія, но въ теперешнемъ своемъ видѣ, поспѣшно и мимоходомъ набросанныя, они являются только лишнимъ придаткомъ къ лишнему разсказу.

Несмотря на нѣкоторыя неизбѣжныя у г. Случевскаго странности, сильное впечатлѣніе производитъ разсказъ изъ временъ Іоанна Грознаго «Въ скудельницѣ». Изображается наѣздъ опричниковъ на село Скудельничье.

«Въ четвертокъ передъ Троицынимъ днемъ люди добролюбивые сходились сюда отовсюду рыть могилы для странниковъ и пѣть панихиды объ успокоеніи душъ тѣхъ, имя, отчество и вѣра которыхъ были неизвѣстны; они не умѣли назвать ихъ, этихъ людей, но думали, что Богъ слышитъ и знаетъ, за кого возносятъ молитвы. Впрочемъ, не одни безъименные люди погребались въ скудельницахъ: попаленные молніею, замерзшіе, утопшіе, разбойники, отравленные, самоубійцы, иноземцы, люди, замученные пыткою и умершіе въ темницѣ, въ опалѣ, всѣ, всѣ свозились сюда въ ожиданіи погребенія, а мало-ли было такихъ и подобныхъ за истекшую зиму? Тѣла доставлялись отовсюду, изъ Москвы и окрестностей; ихъ складывали или во временно вырытыя ямы, или въ убогія дома, иногда въ подземелья со сводами. Надъ этими временными помѣщеніями ставились будки для чтенія надъ покойниками, и особые люди, Божьи люди, божедомы, шли на службу къ ожидающимъ погребенія». Далѣе внутренность одной изъ такихъ скудельницъ и смерть молодого опричника, погнавшагося туда за красивой дѣвушкой и задохнувшагося отъ трупнаго смрада, изображены мастерски. Это одно изъ самыхъ талантливыхъ и серьезныхъ произведеній г. Случевскаго.

Нельзя сказать того-же о маленькомъ разсказѣ «Форнарина». Этотъ анекдотъ изъ жизни Рафаэля болѣе непристоенъ, нежели интересенъ. Замѣчательны здѣсь только нѣкоторыя выраженія автора. «Священнослужитель алтаря», — какъ будто бываютъ еще другіе священнослужители! «Я знаю, чье высокое ходатайство хочетъ твоей свадьбы», — ходатайство есть само дѣйствіе чьей-нибудь воли, а быть субъектомъ хотѣнія ему вовсе не свойственно.

Изъ произведеній, вошедшихъ въ разбираемую книгу, самое

большое и, повидимому, самое значительное, въ глазахъ автора, называется «Профессоръ безсмертія».

«Лѣтъ десять тому назадъ, Семену Андреевичу Подгорскому, молодому человѣку, красивому и не бѣдному, вышедшему изъ Московскаго университета кандидатомъ и служившему въ одномъ изъ министерствъ, предстояла на лѣто командировка въ калмыцкія степи. Командировки требуютъ нѣкотораго подготовленія къ предстоящему дѣлу, и Семенъ Андреевичъ занимался ими. Между прочимъ обратился онъ и къ бывшему попечителю калмыцкаго народа, за старостью лѣтъ вышедшему въ отставку, и получилъ отъ него много матеріаловъ, справокъ, совѣтовъ».

«Между прочимъ, бывшій попечитель калмыковъ сказалъ ему, что въ степяхъ познакомится онъ, даже непремѣнно долженъ познакомиться, съ чудакомъ перваго разбора, докторомъ медицины Петромъ Ивановичемъ Абатуловымъ; что небольшая усадьба его, на берегу Волги, это рай земной и, какъ мѣсто отдохновенія, самое лучшее; что жена его, Наталья Петровна, женщина красивая, но очень вольная и даже, какъ выразился попечитель, можетъ быть преступная; что самъ Абатуловъ посвятилъ себя даровому леченію всякихъ больныхъ, и что онъ «проповѣдуетъ» что-то очень дикое, а именно доказываетъ, какъ онъ выражается, по даннымъ совсѣмъ научнымъ, что душа человѣка не можетъ не быть безсмертной, но въ то-же время, самъ въ церковь не ходитъ».

«— Я случайно какъ-то, объяснилъ бывшій попечитель калмыцкаго народа, — присутствовалъ при одномъ подобномъ его разговорѣ и, помню очень хорошо, доказывалъ онъ намъ какъ-то очень странно безсмертіе души человѣческой! Чудакъ! его такъ и можно назвать «профессоромъ безсмертія».

«Бывшій попечитель калмыковъ снабдилъ Семена Андреевича письмомъ къ Абатулову».

«— Смотрите, не попадитесь на удочку къ Натальѣ Петровнѣ, — сказалъ онъ, отдавая письмо».

«Всѣ эти сообщенія не пропали для Семена Андреевича и,

выработывая свой маршрутъ по калмыцкимъ степямъ, онъ устроилъ такъ, чтобы ему побывать въ Родниковкѣ два раза вмѣсто одного».

Этою завязкою да случайною катастрофой — смертью Натальи Петровны, утонувшей во время катанья по Волгѣ, — собственно и ограничивается *дѣйствіе* въ разсказѣ. Бóльшая его часть занята изложеніемъ идей Петра Ивановича по его «тетрадкѣ», а также въ разговорахъ съ гостемъ. Такой нехудожественный пріемъ можетъ, конечно, искупаться занимательностью и важностью самихъ мыслей. Идеи Петра Ивановича относятся къ предметамъ въ высшей степени интереснымъ и важнымъ — къ загробной жизни, къ молитвѣ, къ значенію Христа и церкви.

Всякому хорошо думать о такихъ предметахъ; эти размышленія приносятъ, конечно, душевную пользу г. Случевскому, и самые выводы, къ которымъ онъ приходитъ, вообще заслуживаютъ одобренія. Совершенно другой вопросъ,—насколько призванъ и подготовленъ авторъ для всенароднаго оглашенія своихъ размышленій? Достойно и съ пользою предлагать общему вниманію *свое слово* по предметамъ такой важности можно въ двоякомъ видѣ: или какъ результатъ систематической умственной работы, къ которой призваны философы и ученые, имѣющіе для этого и спеціальную подготовку, или же какъ плодъ творческаго вдохновенія свободно проникающаго въ самое средоточіе предмета, — что свойственно истиннымъ поэтамъ. Если эти два фактора духовной производительности гармонически соединяются вмѣстѣ,—тѣмъ лучше, но по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ непремѣнно долженъ присутствовать въ достаточной мѣрѣ. Въ трактатѣ г. Случевскаго мы не замѣчаемъ ни того, ни другого. Удовлетворить требованіямъ отчетливой и послѣдовательной мысли авторъ, конечно, не имѣлъ и притязанія, а съ другой стороны, хотя онъ и способенъ вообще къ вдохновенію, но въ настоящемъ случаѣ оно его не посѣтило.

Никакихъ прозрѣній въ глубь предмета, никакихъ мыслей, разомъ озаряющихъ темные вопросы мы здѣсь не находимъ. Да

и самъ авторъ, очевидно, не полагался на силу своего творчества въ этой области, потому что на каждомъ шагу, вмѣсто того, чтобы говорить о дѣлѣ, онъ только ссылается на разные дѣйствительные и мнимые авторитеты. Вотъ полный списокъ этихъ разнородныхъ и, такъ сказать, «разнокалиберныхъ» именъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они размѣщены въ разсказѣ: Погодинъ, Гельмгольцъ, Вундтъ, Шлоссеръ, Штраусъ, Гервинусъ, Миттермайеръ, Кирхгофъ, Бунзенъ, Блюнчли, Тьеръ, Кантъ, Дарвинъ, царь Соломонъ, блаженный Августинъ, Грюнъ, Спенсеръ, Максъ Мюллеръ, Винкельманъ, Бэръ, Шиллеръ, Геккель, Данилевскій, Ньютонъ, Шекспиръ, Бетховенъ, Будда, Тиндаль, Шопенгауеръ, Гартманъ, Бернштейнъ, Эрстедъ, Гумбольдъ, Гегель, Лобачевскій, Риманъ, Шмицъ-Дюмонъ, Карно, Томсонъ, Сведенборгъ, Андрей Муравьевъ, Гризингеръ, Достоевскій, Магометъ, Редстокъ и Пашковъ. Изъ этой полусотни именъ развѣ только три, или четыре приведены кстати и натурально, всѣ остальныя потревожены совершенно напрасно и успѣшно могли бы быть замѣнены другими, а еще лучше вовсе опущены. Нѣкоторые изъ авторитетовъ приведены до крайности неудачно. Вотъ образчикъ.

«Припоминаю я, что по смерти знаменитаго маленькаго Тьера, было гдѣ то напечатано, если не ошибаюсь въ газетѣ Liberté, что въ бумагахъ его найдена рукопись, задачею которой было доказать безсмертіе души естественно-научнымъ путемъ. Это думалъ сдѣлать Тьеръ, а Кантъ,—какъ вы это знаете, конечно, лучше меня,—писалъ, что безсмертіе души должно быть отнюдь не созданьемъ вѣрованія, а логическою несомнѣнностью. Оба они глубоко справедливы, очень глубоко, и это можно доказать».

Сочиненіе Тьера, какъ лица «глубоко, очень глубоко» некомпетентнаго въ этихъ вопросахъ, никакого значенія имѣть не можетъ. Что касается до дѣйствительно-авторитетнаго Канта, то къ сожалѣнію онъ «писалъ» какъ разъ противуположное тому, что приписываетъ ему г. Случевскій. Какъ извѣстно всякому знакомому съ исторіей философіи Кантъ утверждалъ именно, что

безсмертіе души, равно какъ и существованіе Божіе, — логически недоказуемы, что это не истины теоретическаго познанія, а только постулаты *практическаго* разума, или предметы разумной *вѣры*.

При такомъ полномъ незнакомствѣ съ Кантомъ, зачѣмъ на него ссылаться, — да еще въ такой рѣшительной формѣ: «какъ вы это знаете, конечно, лучше меня». Ясно, что оба собесѣдника объ этомъ, «конечно», ничего не знаютъ, и кому же они обязаны этимъ незнаніемъ, какъ не г. Случевскому?

На профессора безсмертія можно было бы смотрѣть просто какъ на типъ — типъ «естественника» и медика, собственнымъ умомъ доходящаго до основныхъ истинъ метафизики и религіи. Такой типъ, представлявшійся прежде лишь единичными лицами, за послѣднее время начинаетъ все болѣе и болѣе распространяться, и г. Случевскій, остановившись на немъ, показалъ похвальную отзывчивость на явленія дѣйствительности. Но ошибочно представивъ проповѣдь Петра Ивановича, какъ нѣчто оригинальное и значительное само по себѣ, и наполнивъ ею бо́льшую часть своего разсказа, авторъ существенно повредилъ художественному его характеру. Петръ Ивановичъ есть лицо живое и правдиво очерченное въ повѣствовательной и описательной части разсказа, но отношеніе къ нему автора основано на заблужденіи; свое справедливое уваженіе къ нравственному характеру своего героя, г. Случевскій перенесъ и на его идеи, которыя сами по себѣ нисколько не замѣчательны. Если бы какой-нибудь беллетристъ съ плохо скрываемымъ благоговѣніемъ сталъ на десяткахъ страницъ передавать разсужденія какого-нибудь добродѣтельнаго чудака, который въ концѣ XIX-го столѣтія своимъ умомъ и съ грѣхомъ пополамъ додумался до той истины, что земля вращается вокругъ солнца, то всякій нашелъ бы это очень страннымъ. Но въ области философскихъ и религіозныхъ идей излагаемыя нашимъ авторомъ разсужденія, насколько въ нихъ видна ясная мысль, не менѣе вѣрны, но еще болѣе стары, чѣмъ Коперникова система въ астрономіи.

Въ предыдущемъ разборѣ я указалъ и на лучшее въ книгѣ г. Случевскаго и остановился на самомъ слабомъ и неудачномъ. Отдѣльныя погрѣшности, мною отмѣченныя, легко могутъ быть исправлены при новомъ изданіи этой интересной книги — къ большой выгодѣ для общаго впечатлѣнія, ею производимаго. Справедливость требуетъ замѣтить въ заключеніе, что если всѣмъ хорошимъ въ своихъ произведеніяхъ нашъ авторъ обязанъ своему собственному таланту, то въ указанныхъ недостаткахъ и странностяхъ, при всей ихъ своеобразности виноваты главнымъ образомъ особыя внѣшнія условія его литературной дѣятельности. По обстоятельствамъ времени талантъ г. Случевскаго не могъ получить никакого литературно-критическаго *воспитанія*. Съ этимъ лирическимъ и отчасти сентиментальнымъ талантомъ онъ выступилъ въ самый неблагопріятный для него моментъ — въ началѣ дѣловой преобразовательной эпохи Александра II. Сразу запуганный безпощадно-отрицательнымъ отношеніемъ къ чистой поэзіи со стороны тогдашней критики, имѣвшей свои исторически объяснимыя, но эстетически неправильныя требованія, г. Случевскій литературно замкнулся въ себѣ и хотя, конечно, не переставалъ писать, но пересталъ печатать въ продолженіе, если не ошибаюсь, около 20 лѣтъ. Такимъ образомъ какъ разъ въ ту пору, когда зрѣетъ и окончательно складывается литературный талантъ, нашъ писатель былъ предоставленъ самому себѣ и совершенно лишенъ всякихъ исправляющихъ воздѣйствій, въ которыхъ онъ весьма нуждался.

Но если мы находимъ у К. К. Случевскаго *талантъ невоспитанный*, то во всякомъ случаѣ это — настоящій талантъ, заслуживающій вниманія и признанія.

Владимиръ Соловьевъ.

VI.

„Федра", трагедія въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ Ж. Расина. Переводъ въ стихахъ размѣромъ подлинника Льва Поливанова, Москва. 1895.

Рецензія, составленная Ѳ. Д. Батюшковымъ.

Г. Л. Поливановъ съ похвальнымъ постоянствомъ продолжаетъ свою полезную дѣятельность переводчика французскихъ классиковъ по-русски, заслуживъ уже дважды за свои переводы въ стихахъ поощреніе Императорской Академіи Наукъ. Мнѣ приходилось уже давать отзывъ о переводѣ г. Поливановымъ Мольерова «Мизантропа», отмѣчая его сравнительныя достоинства и недостатки, при сличеніи съ другими русскими переводами того же произведенія, при чемъ указано было, что главными преимуществами перевода г. Поливанова представляются его крайняя добросовѣстность, близость подлиннику и правильный, литературный языкъ, при соблюденіи размѣра оригинальнаго текста. Въ тоже время нельзя было не отмѣтить и нѣкоторой безцвѣтности перевода, посредственныхъ стиховъ, скудости риѳмъ и т. п. Переводъ во всякомъ случаѣ значительно ослабляетъ впечатлѣніе подлинника, но не даромъ о языкѣ Мольера сложилось убѣжденіе, что «онъ способенъ привести въ отчаянье всякаго подражателя

и превосходитъ силы любого переводчика». Языкъ Расина отличается иными качествами, которыя въ нѣкоторомъ отношеніи облегчаютъ задачу переводчика, но только отчасти. Это прежде всего вполнѣ правильный, чистый, въ высшей степени ясный и простой языкъ, при чемъ Расинъ, какъ указано Эмилемъ Фагэ въ его очеркѣ объ этомъ писателѣ, «не создалъ новаго стиля: его языкъ не отмѣченъ какъ бы особымъ клеймомъ, которое въ другихъ случаяхъ заставляетъ васъ сказать, встрѣтивъ извѣстное выраженіе или оборотъ: «это слогъ Паскаля», или: «это стихи Корнеля». Достоинствомъ Расина, какъ писателя (достоинствомъ во всякомъ случаѣ изумительнымъ) является полное отсутствіе недостатковъ слога. Любую изъ его трагедій читаешь, ни разу не останавливаясь надъ несообразностью, неясностью или слабостью выраженія, небрежностью или неблагозвучіемъ». Не отъ того ли Расинъ самый любимый, самый популярный поэтъ во Франціи? Когда впервые Вильг. Шлегель, еще въ 1807 г., рѣшился выступить съ критикой противъ Расиновой «Федры» по сравненію съ «Ипполитомъ» Эврипида, «Федрой», которую онъ самъ признавалъ наиболѣе цѣнимой изъ произведеній Расина, то нѣмецкій критикъ заботливо отстранилъ вопросъ объ общепризнанныхъ достоинствахъ языка данной трагедіи. По его мнѣнію, именно эти достоинства заслоняли французскимъ поклонникамъ Расина оцѣнку его произведенія по существу, ибо французы всего болѣе склонны увлечься красивыми оборотами фразъ, отдѣльными превосходными стихами, теряя изъ виду общее впечатлѣніе трагедіи. Оспаривая ея значеніе въ цѣломъ, В. Шлегель не дерзнулъ коснуться того, что составляетъ главный предметъ поклоненія Расину: «несравненныхъ красотъ поэтической и гармоничной дикціи». Въ настоящее время Тэнъ въ своемъ блестящемъ очеркѣ о Расинѣ, установилъ иную точку зрѣнія на оцѣнку произведеній французскаго поэта и «по существу», признавая, несмотря на свое предубѣжденіе противъ литературы XVII вѣка, что Расинъ является во всякомъ случаѣ самымъ яркимъ представителемъ національно-французскаго склада мысли. Расинъ нынѣ заслужилъ (для

многихъ неожиданно) названіе народнаго поэта, въ широкомъ смыслѣ слова «народный», независимо отъ выбора не-національныхъ сюжетовъ его пьесъ и условной формы его трагедій, предназначенныхъ для ограниченнаго круга зрителей. Явленіе это знаменательное, подтверждающее справедливость афоризма Гёте:

Wer für den besten seiner Zeit gelebt
Der hat gelebt für alle Zeiten.

Вышеприведенныя замѣчанія Э. Фагэ о языкѣ Расина, отсутствіе рѣзкой индивидуальности его слога (ея нѣтъ и въ рѣчахъ разныхъ дѣйствующихъ лицъ его трагедій), который, по общему признанію критиковъ, просто «превосходенъ», облегчаютъ, повидимому, задачу переводчика въ томъ отношеніи, что ему не приходится заботиться о передачѣ какихъ-либо своеобразныхъ особенностей языка подлинника. Но въ тоже время эти качества стиля налагаютъ большую отвѣтственность на переводчика Расина. Изъ русскихъ поэтовъ едва ли не одинъ лишь Пушкинъ сумѣлъ достичь такой «объективной» красоты стиха; въ своей прозѣ Пушкинъ болѣе индивидуаленъ, но въ стихахъ онъ именно установилъ тотъ типъ образцоваго стиля, къ которому не примѣнимъ даже эпитетъ «Пушкинскаго»; это что-то большее, высшее даже индивидуальности генія: стихи величайшаго нашего народнаго поэта, такъ же какъ и стихи Расина, просто превосходны. И хотя Расинъ, какъ замѣтилъ Фагэ, и не создалъ «новаго» стиля, но до него никто во Франціи такъ не писалъ, такъ же какъ и у Пушкина впервые нашъ литературный языкъ пріобрѣлъ какъ бы окончательную шлифовку, впервые достигъ той выработанности и цѣльности, при изумительной простотѣ и ясности, — тѣхъ качествъ, которыя устанавливаютъ норму образцоваго языка. Когда примѣръ данъ, то слѣдовать ему легче, чѣмъ выступать піонеромъ даже въ такомъ дѣлѣ, которое со временемъ должно стать общимъ достояніемъ. Такимъ образомъ, въ нашей быстро расцвѣтшей поэзіи послѣ-Пушкинскаго періода даже и у второстепенныхъ поэтовъ встрѣчаются прекрасные

стихи именно потому, что извѣстный типъ поэтическаго языка сталъ общимъ достояніемъ, что наши poëtae minores прошли школу, что получили въ свое распоряженіе выработанную поэтическую технику.

Приравнивая, по совершенству стихотворнаго языка, Пушкина Расину, мы, при оцѣнкѣ новѣйшаго перевода Расина, тѣмъ самымъ отстраняемъ отъ сравненія всѣ старинные переводы до-Пушкинскаго періода, ибо они не могутъ отвѣчать нашимъ требованіямъ и представленіямъ о правильномъ, выработанномъ литературномъ языкѣ. Каково бы ни было историческое значеніе переводовъ Сумарокова и Державина, мы не можемъ теперь безъ улыбки прочесть стихи въ родѣ слѣдующихъ:

(Сумароковъ) Печальные стражи́ вокругъ его текли
И горесть такъ, какъ онъ, въ молчаніи влекли...
...Взыванію его послушны завсегда
...Земля изъ чреслъ своихъ подобно восклицала...
(Державинъ) Прекрасные кони́, бывъ прежде горделивы...
Шли преклоня главы, и тускомъ ихъ очей...
...сей страшный видъ
По гробѣ мой жалости слезъ токи источитъ...
...Хотѣлъ остановить, но гласомъ ихъ пужалъ...

Въ началѣ нынѣшняго вѣка у насъ появилось нѣсколько переводовъ «Федры», которые, кстати замѣтить, далеко не всѣ указаны г. Поливановымъ въ его перечнѣ русскихъ переводовъ данной трагедіи. Уже въ 1824 году г. Окуловъ сообщаетъ въ предисловіи къ своему переводу «Федры», что онъ является двѣнадцатымъ по счету «изъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ переводовъ» этой трагедіи Расина, между тѣмъ г. Поливановъ насчитываетъ съ новѣйшими (въ числѣ которыхъ опущенъ переводъ г. Буланина, 1887 г., и невѣрно датированъ переводъ г. С-го— 1889 вмѣсто 1890 г.) всего лишь девять переводовъ: если довѣрять Окулову, ихъ не менѣе шестнадцати (полныхъ и отрывковъ) причемъ не всѣ повидимому напечатаны. Но, исправляя эту библіо-

графическую неточность г. Поливанова, мы все же не рѣшимся привлечь прежніе переводы къ сравненію съ новѣйшимъ. Ихъ общимъ недостаткомъ (за исключеніемъ переводовъ гг. Буланина и С-го, не выдерживающихъ критики по другимъ причинамъ) является крайнее несовершенство языка, напыщенный слогъ, насильственныя конструкціи, цѣлый рядъ устарѣвшихъ выраженій, словомъ всѣ тѣ аттрибуты нашего «псевдо-классицизма», которые не мало повредили репутаціи французскихъ классиковъ въ Россіи. Ограничимся нѣсколькими примѣрами изъ наиболѣе извѣстныхъ переводовъ первой четверти нынѣшняго вѣка:

(Анастасевичъ, 1805 г.): Кряжъ влаги къ берегу пришедъ и треснувъ взору...
...Отъ боли, ярости ужасный сдѣлавъ скокъ,
Предъ коньми вержется чудовище у ногъ...
...Стремглавъ межъ скалъ женетъ ихъ страхъ неукротимый...

(Тучковъ, 1814 г.): Коні, которыхъ могъ смирять его лишь гласъ,
Повѣся головы, шли скучно въ оный часъ...
...Грызомы удила въ кровавой зрятся пѣнѣ.
Вѣщаютъ: видѣли въ ужасной сей премѣнѣ...

(анонимъ, 1821 г.): Познай же Федру днесь и все въ ней иступленье.
...Принесшій его валъ отъ страха вспять стремился

(Лобановъ, 1823 г.): Внезапно, на хребтѣ текучія равнины
Встаетъ кипящій холмъ изъ зыблемой пучины...

... Одинъ лишь Ипполитъ, рожденіе
твое (т. е. сынъ)...

(Окуловъ, 1824 г.): ...Два моря я обтекъ...
...Прешелъ Елиду всю и бывъ въ виду
Тенара
Зрѣлъ море: бурный гробъ продерз-
каго Икара,
...Чія рука узлы составила сіи
И ими такъ власы препутала мои?

(Чеславскій, 1827 г.); Возмогъ либъ онъ имѣть препоны
столь презрѣнны...
...Взлютѣло, прянуло чудовище прон-
зенно...
...Ахъ, остановимся, Энона, здѣсь —
я млѣю!
...Преплывъ пространство двухъ мо-
рей... Тоскою ль ты влекомъ?

Наконецъ даже въ отрывкѣ, переведенномъ П. Катенинымъ въ 1828 году:

Межъ тѣмъ ключами бья кипущаго
сребра
Съ равнины влажныя вздымается
гора...
...Отвратенъ небесамъ сей бездны из-
вергъ злой
...И нѣкій богъ, гласятъ, для вящего
ихъ страха... и пр.

Ничто такъ не отдаляло отъ пониманія истиннаго Расина, безподобнаго поэта и стилиста, какъ то мишурное одѣяніе, въ которое его облачали наши старинные переводчики. Правда, и въ этихъ переводахъ попадаются отдѣльные стихи, которые представляются болѣе удачными и нельзя не припомнить трогательнаго по своей скромности и въ общемъ вполнѣ вѣрнаго

замѣчанія Чеславскаго въ предисловіи къ его переводу «Федры» (1827 г.). Переводчикъ заявляетъ, что онъ издаетъ свой трудъ «не отъ побужденія самолюбія, но точно въ тѣхъ мысляхъ, съ какими живописецъ, воспламененный произведеніемъ Тиціана и съ безкорыстной жадностью ловящій черты его подъ кисть, представляетъ публикѣ свою копію — не мечтая о превосходствѣ ея передъ другими, но думая только, что и въ ней найдутся можетъ мѣста, хотя слабо озаренныя свѣтомъ прекраснаго образца своего». Такія мѣста безспорно находятся, но «озарены» они все-таки весьма слабо и, въ общемъ, языкъ названныхъ переводовъ слишкомъ несовершененъ, слишкомъ неуклюжъ и архаиченъ, такъ что съ точки зрѣнія художественной передача подлинника оказывается въ совершенно фальшивой окраскѣ. Дѣло въ томъ, что архаизмовъ въ языкѣ Расина весьма немного и съ точки зрѣнія ново-французскаго, современнаго языка, и они не на столь характерны, чтобы представлялась надобность передавать ихъ русскими архаизмами, въ ущербъ главнымъ качествамъ стиховъ Расина—простоты, легкости и мелодичности; простоты, конечно, не въ смыслѣ небрежности, неупорядоченной непосредственности, а напротивъ того, выработанной, обдуманной простоты, которая представляется результатомъ самой тщательной отдѣлки (вѣдь, по преданію, Буало наставлялъ Расина «искусству съ трудомъ писать легкіе стихи» и надъ одной трагедіей Расинъ работалъ около двухъ лѣтъ). При этомъ стихи Расина — не будничный языкъ и передавать ихъ вольнымъ размѣромъ, упразднивъ музыкальный ритмъ александринскаго стиха и созвучіе риѳмъ, представлялось бы тоже ошибочнымъ. Въ эту погрѣшность впали два новѣйшіе переводчика «Федры» г. Буланинъ [1]) и г. М. П. С. [2]). Стихи г. Буланина едва ли даже заслуживаютъ названія стиховъ, а стиль порою забавно-наивенъ: «Такъ значитъ живъ Тезей? — спрашиваетъ Федра Энону въ 3-ей сценѣ, III дѣйствія, послѣ того какъ роковое признанье въ преступной стра-

1) Изданіе Новикова, въ Самарѣ, 1887 г.
2) Помѣщенъ въ «Артистѣ» за 1890 г.

сти къ Ипполиту сорвалось съ ея устъ, и продолжаетъ: «Ну, хорошо. Тебѣ въ позорной страсти я призналась! Онъ живъ!... Мнѣ только это надо знать». Это полное искаженіе подлинника:

Mon époux est vivant Oenone; c'est assez.
J'ai fait l'indigne aveu d'un amour qui l'outrage:
Il vit; je ne veux pas en savoir davantage.

Нельзя же передавать «c'est assez»: «ну хорошо!» Признанье въ позорной страсти Федра сдѣлала самому Ипполиту, а не одной Энонѣ («тебѣ»), что измѣняетъ положеніе дѣлъ; «en savoir davantage» т. е. слушать дальнѣйшихъ разсужденій Эноны, а не то, что «только это надо знать». Въ другомъ мѣстѣ перевода г. Буланина Федра говоритъ, что боги въ ней «кровь огнемъ проклятымъ разожгли». Такіе вульгаризмы врядъ ли умѣстны. Знаменитый стихъ: «Hé bien! Connais donc Phedre et toute sa fureur», переданъ г. Буланинымъ совсѣмъ не классическимъ оборотомъ: «Ну что же? Изступленье Федры знай». Не менѣе знаменитый возгласъ Федры, обращенный къ Энонѣ:

Detestables flatteurs, présent le plus funeste
Que puisse faire aux roix la colère céleste —

переиначенъ, обезцвѣченъ и утратилъ въ переводѣ г. Буланина характеръ обращенія, правда обобщеннаго, но все же обращенія одного лица къ другому:

«Льстецовъ презрѣнныхъ посылаютъ боги | царямъ, чтобъ гнѣвъ свой грозный проявить». Развѣ это стихи? Переводъ г. С-го, помѣщенный въ «Артистѣ» за 1890 г., тоже исполненный бѣлыми стихами, не многимъ лучше перевода г. Буланина. Выше приведенный стихъ г-нъ С. переводитъ: «Теперь узнай же Федру и порывы ея страстей». Это опять таки вполнѣ прозаичный оборотъ, а второй возгласъ перефразированъ имъ слѣдующимъ образомъ: «Всѣ подлые льстецы царей караютъ | гораздо больше, чѣмъ

небесный гнѣвъ» [1]). Г. С. весьма часто отступаетъ отъ точнаго смысла подлинника для болѣе или менѣе вольной его передачи, а нѣкоторые стихи совсѣмъ пропускаетъ. Такъ, опущенъ имъ извѣстный стихъ изъ разсказа Терамена, завершающій мастерски намѣченную въ трехъ стихахъ картину ужаса всей природы— неба, земли, воздуха и моря — при видѣ чудовища, посланнаго Нептуномъ на погибель Ипполита:

Le ciel avec horreur voit ce monstre sauvage,
La terre s'en émeut, l'air en est infecté,
Le flot qui l'apporta recule épouvanté.

Послѣдній стихъ, въ которомъ Расинъ воспользовался реально-правдивой картиной набѣжавшей и отхлынувшей назадъ волны, лишь «одухотворивъ» ее, представивъ какъ бы сознательнымъ актомъ естественное явленіе природы, вообще не удался ни одному изъ русскихъ переводчиковъ Расина. Ближе всѣхъ сохраненъ образъ въ переводѣ Державина:

Померкли небеса, его зря подъ собой;
Земля содрогнулась, весь воздухъ заразился,
Принесшій валъ его вспять съ ревомъ откатился.

А вотъ другіе переводы послѣдняго стиха:

(Сумароковъ) И валъ, что несъ ево, со страхомъ утекалъ.
(Анастасевичъ) Извергнувъ зыбь его отъ страха шла назадъ.
(Тучковъ) А валъ, что несъ его, со страхомъ отступилъ.
(Лобановъ) Его извергшій валъ со страхомъ отбѣжалъ.
(Окуловъ) Извергшій валъ его вспять съ трепетомъ бѣжалъ.
(Чеславскій) Его извергшій валъ отхлынулъ устрашенный.
(Катенинъ) Валъ, выбросивъ его, испуганъ отступаетъ.

---

[1]) Всего точнѣе переданы эти два стиха въ переводѣ 1821 г.:

Презрѣнные льстецы, страшнѣйшій изъ даровъ,
Ниспосланныхъ царямъ отмщеніемъ боговъ.

Но форма прошедш. прич. «ниспосланныхъ» вмѣсто «ниспосылаемыхъ, какъ требуется по смыслу, и неупотребительное въ современномъ литературномъ языкѣ слово «отмщеніе»—портятъ стихъ.

Г. Буланинъ ограничился передачей естественнаго явленія природы, лишивъ картину лирической окраски:

Волна приплывшая отхлынула назадъ.

Наконецъ, какъ указано, г. С. совсѣмъ опустилъ этотъ стихъ, а г. Поливановъ, послѣдній переводчикъ «Федры», достигъ если и не вполнѣ безупречнаго перевода всѣхъ трехъ стиховъ (слабѣе всѣхъ первый: «самъ отвращенье онъ и небесамъ внушалъ»— почему «самъ»?), то все же удовлетворительной передачи послѣдней фразы, — столь затруднявшей его предшественниковъ:

Его принесшій валъ въ испугѣ въ море скрылся.

У Державина «откатился» лучше сказано, образнѣе, чѣмъ «скрылся»; но волна набѣгаетъ «съ ревомъ», а откатывается — именно какъ бы въ испугѣ, такъ что у Державина выраженіе «съ ревомъ» неумѣстно и лучшимъ переводомъ стиха Расина представляется намъ лишь возможное сочетаніе стиха Державина съ поправкой г. Поливанова, который первую часть стиха все же заимствовалъ у Державина.

Какъ бы то ни было по отношенію къ отдѣльнымъ стихамъ, фразамъ и полу-фразамъ, между которыми, какъ было замѣчено Чеславскимъ, могутъ найтись и въ прежнихъ переводахъ Расина «мѣста, хотя слабо озаренныя свѣтомъ прекраснаго образца своего», мы считаемъ излишнимъ продолжать детальное сближеніе всѣхъ этихъ переводовъ съ новѣйшимъ переводомъ г. Поливанова, по вышеуказаннымъ соображеніямъ объ ихъ неудовлетворительности въ общемъ. Разумѣется, необходимо нѣсколько понизить наши требованія и при оцѣнкѣ послѣдняго перевода, исполненнаго добросовѣстно, старательно, безъ нарушенія смысла подлинника, и съ соблюденіемъ его размѣра, но врядъ ли передающаго всѣ превосходства языка Расина и мелодичность его стиха. Врядъ ли русскій читатель «Федры» въ переводѣ г. Поливанова, повторитъ вмѣстѣ съ Э. Фагэ, что при чтеніи данной трагедіи «ни разу не остановишься надъ несообразностью, неясностью, или слабостью выраженія, небрежностью или неблаго-

звучіемъ» — а подобными качествами долженъ былъ бы отличаться вполнѣ безупречный, художественный переводъ Расина. Но, конечно, это лишь идеальная норма для оцѣнки.

Уже при самомъ началѣ чтенія трагедіи, въ первомъ явленіи перваго дѣйствія, встрѣчаются стихи, отнюдь не отличающіеся «превосходствомъ», а довольно заурядные:

Ипполитъ: Въ сомнѣньи тяжкомъ я такъ долго изнываю,
Что праздности своей стыдиться начинаю.

Они и не вполнѣ точно передаютъ текстъ подлинника:

Dans le doute mortel dont je suis agité
Je commence à rougir de mon oisiveté,

хотя, конечно, такія незначительныя отступленія допустимы. Но на ряду съ нѣсколько безцвѣтными, заурядными стихами, г. Поливановъ порою тоже сбивается на «псевдо-классическій» стиль, что, какъ уже было замѣчено, вполнѣ неправильно при переводѣ Расина:

I, 16. До моря, зрѣвшаго паденіе Икара.
45. Лихая мачеха, едва предсталъ ты ей,
Явила власти знакъ немедленно своей
87. ...Мой отецъ, свершитель дѣлъ великихъ и т. п.

Правда, такіе стихи довольно рѣдки въ переводѣ г. Поливанова, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше ихъ [1]), но можно было бы и совсѣмъ безъ нихъ обойтись. Не отличаются благозвучіемъ и слѣдующіе стихи:

I ......Будемъ жить, коль къ жизни есть возвратъ,
Коль чувства матери мнѣ душу возвратятъ...

---

[1]) Однако, и въ III д., 49: Слѣдъ дикихъ въ немъ лѣсовъ, гдѣ онъ возросъ, остался.
IV д., 79 Очисть мои предѣлы
Отъ своего лица.

Въ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, и Расинъ употребилъ архаичное выраженіе «purge» (глаголъ «purger» былъ очень распространенъ въ языкѣ XVII в.), такъ что данный стихъ: «De ton horrible aspect purge tous mes états» не изъ лучшихъ и въ подлинникѣ; все же «своего лица» не соотвѣтствуетъ выраженію «horrible aspect».

II Обиду большую коль ждетъ и кара строже,
Коль за вражду мою воздашь враждой ты тоже...
IV Любовью я горю. Хоть тѣмъ завѣтъ я рушу,
Но только ей одной могу отдать я душу.

Завѣты «нарушаютъ», но не рушатъ, и кромѣ того, по грамматической конструкціи фразы, «ей» относится къ «любви», тогда какъ по смыслу оно должно относиться къ Арисіи. Это небрежность слога. Слѣдующій отвѣтъ Ипполита Тезею представляетъ еще бо́льшую неясность, вслѣдствіе искусственной перестановки словъ и неправильной конструкціи:

Тезей: Не докучай же мнѣ, коль средствъ другихъ не знаетъ
Душа, лишенная не ложной чистоты.

Ипполитъ: Притворною ее во мнѣ считаешь ты:
Во глубинѣ души къ ней въ Федрѣ больше вѣры.

Смысла послѣдней фразы приходится доискиваться, тогда какъ у Расина такъ просто и ясно сказано:

Phedre au fond de son coeur me rend plus de justice.

Переводчикъ затемнилъ значеніе фразы: во 1-хъ, необычнымъ сочетаніемъ — «во глубинѣ души... въ Федрѣ» вмѣсто «Федры», во 2-хъ, употребленіемъ безличнаго оборота тамъ, гдѣ «Федра» должна была служить подлежащимъ, и въ 3-хъ, перестановкой словъ, слишкомъ перепутанныхъ. Качественное различіе слога перевода и подлинника обнаруживается и при сравненіи слѣдующаго нѣсколько длиннаго періода, который мы выписываемъ цѣликомъ изъ монолога Ипполита въ 1 явленіи I дѣйствія:

...Tu me contais alors l'histoire de mon père.	Ты, мнѣ столь преданный, своимъ повѣствованьемъ
Tu sais combien mon âme, attentive à ta voix,	О подвигахъ отца мой духъ воспламенялъ,

S'échauffait au récit de ses nobles exploits,	Когда разсказывалъ, какъ смертнымъ замѣнялъ
Quand tu me depeignais ce heros intrepide	Алкида мой отецъ, свершитель дѣлъ великихъ,
Consolant les mortels de l'absence d'Alcide,	На благо общее крушилъ чудовищъ дикихъ,
Les monstres étouffés, et les brigands punis,	Какъ собственной рукой каралъ злодѣевъ онъ.
Procruste, Cercyon, et Sciron, et Sinnis,	Убиты имъ Прокрустъ, Керкіонъ и Скиронъ,
Et les os dispersés du géant d' Epidaure,	Критъ жаркой обагрилъ онъ кровью Минотавра,
Et la Crete fumant du sang du Minotaure:	И кости разметалъ гиганта Эпидавра...
Mais quand tu récitais des faits moins glorieux	Когда же ты къ дѣламъ отца переходилъ,
Sa foi par-tout offerte et reçue en cent lieux,	Которыми свою онъ славу омрачилъ:
Helène à ses parents dans Sparte derobée,	Какъ всюду расточалъ въ любви онъ увѣренья,
Salamine témoin des pleurs de Peribée,	Какъ въ Спартѣ совершилъ Елены похищенье,
Tant d'autres, dont les noms lui sont même échappés,	Какъ Перибею онъ заставилъ слезы лить
Trop credules esprits que sa flamme a trompés!	И воплемъ Саламинъ печальнымъ огласить,
Ariane aux rochers contant ses injustices,	И сколькимъ измѣнилъ другимъ, уже забытымъ,
Phedre enlevée enfin sous de meilleurs auspices,	Довѣрчивымъ сердцамъ, его любви открытымъ,
Tu sais comme à regret écoutant ce discours	Какъ слала жалобы къ утесамъ горъ нѣмымъ
Je te pressais souvent d'en abreger le cours,	И Аріадна, тамъ (гдѣ ?) покинутая имъ,

Heureux si j'avais pu ravir à la mémoire Cette indigne moitié d'une si belle histoire.	А наконецъ и то, какъ въ часъ благопріятный Похитилъ Федру онъ, — разсказъ тотъ непріятный Едва дослушивать я въ силахъ былъ всегда, И сократить его тебя просилъ тогда (когда ?), Желая позабыть о слабости несчастной, Позорящей отца въ той повѣсти прекрасной.

Въ русскомъ переводѣ есть кое-какія погрѣшности противъ стиля, небрежность и неясность слога, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ. Прежде всего нарушена общая гармонія періода, въ высшей степени стройнаго, цѣльнаго и правильнаго во французскомъ текстѣ: антитеза доблестныхъ подвиговъ Тезея и его «менѣе славныхъ дѣлъ» выдержана Расиномъ почти въ одинаковомъ числѣ стиховъ, посвященныхъ перечню тѣхъ и другихъ дѣяній отца Ипполита, такъ что заключительный стихъ: «cette indigne moitié d'une si belle histoire», дѣйствительно какъ бы подводитъ итогъ обѣимъ «половинамъ» повѣствованія о жизни Тезея. Всѣ отдѣльныя предложенія въ обѣихъ частяхъ періода поставлены въ правильную зависимость отъ союза — quand, повтореннаго при переходѣ ко второй части повѣствованія, и только одно вводное предложеніе во второй части (trop credules esprits que sa flamme a trompés), служащее и опредѣленіемъ къ перечисленнымъ жертвамъ легкомысленной любви Тезея и въ тоже время лирическимъ возгласомъ Ипполита, подготовляетъ выводъ послѣдняго: «tu sais comme à regret écoutant ce discours — je te pressais souvent d'en abreger le cours». У г. Поливанова классически-правильная конструкція періода не соблюдена: не говоря уже о замедленіи темпа въ быстромъ перечнѣ дѣяній Тезея,

которыя только намѣчаются, замедленіи — вставками въ родѣ: «свершитель дѣлъ великихъ», «на благо общее», «собственной рукой», мы видимъ, что переводчикъ, начавъ рядъ предложеній съ союза «какъ», по временамъ опускаетъ союзъ и чередуетъ придаточныя предложенія съ главными, самостоятельными, затѣмъ опять съ союзомъ: «какъ смертнымъ замѣнялъ...», «на благо общее крушилъ...», «какъ собственной рукой...» и снова самостоятельно: «Убиты имъ Прокрустъ»... и пр. Во второй части періода получается неправильное согласованіе предложеній: «когда же ты къ дѣламъ отца переходилъ... какъ всюду расточалъ... какъ въ Спартѣ... а, наконецъ, и то, какъ въ часъ благопріятный». Уже оборотъ: «переходилъ къ дѣламъ, какъ» не вполнѣ правиленъ, а съ конструкціей «переходить... и то, какъ» мы отнюдь не можемъ согласиться, ибо такая небрежность слога не соотвѣтствуетъ характеру изложенія въ подлинникѣ.

На ряду съ крайней выработанностью и законченностью слога, преимущественно въ болѣе длинныхъ монологахъ лирико-эпическаго характера, Расинъ прекрасно передаетъ и отрывистую страстную рѣчь человѣка въ минуты аффекта. Эмиль Фагэ привелъ нѣсколько примѣровъ изъ «Андромахи» и «Британника» такихъ откровенно-правдивыхъ выраженій, поражающихъ своею естественностью («тою естественностью, которую Расинъ такъ сильно любилъ»), при чемъ правильно замѣтилъ, что — «при такихъ условіяхъ точное слово, ходячее выраженіе, прозаическій оборотъ не кажутся, какъ у Корнеля, да и совсѣмъ не могутъ казаться небрежностью (до такой степени зритель привыкъ къ неизмѣнному изяществу поэта); своею противоположностью эти выраженія производятъ впечатлѣніе правды, наивности и того именно, что и хотѣлъ изобразить авторъ». Вообще, замѣтимъ, и въ самомъ языкѣ Расина заключается весьма тонкая и глубоко-правдивая психологія, такъ что даже съ виду незначительныя отступленія отъ подлинника въ переводѣ могутъ привести къ нарушенію вѣрно выраженной, жизненной правды. Г. Поливановъ не избѣжалъ такихъ отступленій. Такъ, въ первой сценѣ Федры

съ Энoной, когда послѣдняя допрашиваетъ свою госпожу объ ея тайномъ недугѣ, заставляющемъ ее искать смерти, и почти насильно вырываетъ у нея признанье въ роковой, преступной страсти къ пасынку, — Федра, хотя и высказывается, но избѣгаетъ категоричныхъ отвѣтовъ; она какъ бы страшится называть вещи ихъ именами и прибѣгаетъ къ описательнымъ оборотамъ.

На вопросъ Эноны: «aimez vous?» — Федра отвѣчаетъ: «de l'amour j'ai toutes les fureurs». Это не реторика: Федра стыдится своего чувства, желала бы въ немъ сомнѣваться, не смѣетъ сразу сказать, что любитъ, но признаетъ, что ощущаетъ всѣ муки, всѣ терзанія любви, какъ бы всѣ ея симптомы. Этотъ описательный оборотъ сохраненъ въ переводѣ Чеславскаго:

«Любви терзанья всѣ терплю»

Между тѣмъ, г. Поливановъ придалъ слишкомъ грубо-откровенную форму отвѣту Федры:

Да, люблю. Горю любовью страстной.

Далѣе Федра, дѣйствительно, уже отъ себя говоритъ «j'aime» и дважды повторяетъ это слово, все же не рѣшаясь назвать по имени предметъ своей страсти («à ce nom fatal je tremble, je frissone»: русскій переводъ: «Мнѣ имя то одно внушаетъ страхъ великій» гораздо слабѣе выражено, чѣмъ страстная, прерывистая рѣчь подлинника: je tremble, je frissone). Она опять-таки ищетъ обхода, начинаетъ издалека и придаетъ своему признанію форму вопроса, которую необходимо было удержать:

Tu connais ce fils de l'amazone
Ce prince si longtemps par moi-même opprimé?

Г. Поливановъ пренебрегъ указаннымъ соображеніемъ и заставляетъ Федру отвѣтить на вопросъ Эноны—кто ею любимъ? — прямо и категорично:

Сынъ амазонки дикой,
Котораго сама я такъ всегда гнала.

Но такое откровенное признаніе не соотвѣтствуетъ ни характеру, ни настроенію Федры и къ тому же ослабляетъ впечатлѣніе слѣдующаго затѣмъ возгласа:

Энона: О небо, Ипполитъ?
Федра: Его *ты* назвала.

У Расина Федра дѣйствительно еще не дала отвѣта на вопросъ, кого она любитъ? и посему, когда Энона, перебивая ея рѣчь, вдругъ догадалась къ чему она клонитъ — «Hippolyte? grands dieux!» — то Федра съ колнымъ правомъ говоритъ: «c'est toi qui l'a nommé!» Такія подробности врядъ ли могутъ быть названы мелочными, ибо они представляются какъ бы «бликами» на картинѣ, списанными съ натуры рукою мастера, который знаетъ имъ мѣсто; въ переводѣ же они оказываются сглаженными или перестановленными, такъ что картина теряетъ рельефъ и тускнѣетъ. Даже простая перестановка фразъ приводитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ нарушенію психологически-вѣрной послѣдовательности мысли. Такъ, когда Федра, уступая просьбамъ Эноны, рѣшается высказать ей свою тайну, она тотчасъ же опять колеблется и говоритъ: Ciel, que lui vais je dire? et par ou commencer? Г. Поливановъ переставилъ эти фразы: «О небо, какъ начну? ужель я все открою?» Но логичнѣе, чтобы Федра сперва подумала о томъ — чтó она скажетъ? — а затѣмъ — съ чего начать?, въ XVII же вѣкѣ разуму, т. е. логикѣ придавалось особое значеніе и тотъ же Расинъ признавалъ главной заслугой Корнеля, что — «il fit voir sur la scène la raison». Подобнымъ образомъ во II дѣйствіи, въ сценѣ объясненія Федры съ Ипполитомъ, когда первая говоритъ своему пасынку, что вполнѣ заслужила его ненависть, такъ какъ сама всячески преслѣдовала его, она потомъ дѣлаетъ оговорку: «dans le fond de mon coeur vous ne pouviez pas lire». Г. Поливановъ поставилъ эту фразу раньше: «въ сердечной глубинѣ моей ты не читалъ», а затѣмъ: «ты могъ всегда лишь видѣть вражду къ себѣ мою» и пр. Мы противъ такихъ перестановокъ, потому что послѣдова-

тельность мыслей не случайное явленіе и вторая фраза непосредственно должна примыкать къ словамъ Федры: «когда бъ ты ненависть питалъ къ одной лишь мнѣ («одной лишь» совершенно излишне; нужно просто «ко мнѣ», а «лишь» должно было стоять передъ «ненависть»), не сѣтовала бъ я», являясь отвѣтомъ на вопросъ: почему не сѣтовала бы? Во 2-й сценѣ II-го дѣйствія, когда Ипполитъ сообщаетъ Арисіи о смерти Тезея, какъ бы забывшись, что онъ говоритъ съ его плѣнницей, и поминая отца лишь добромъ, онъ нѣсколько горячо восхваляетъ его, какъ друга, спутника и преемника Алкида, и тутъ же, спохватившись, передъ кѣмъ онъ говоритъ, извиняется, выражая надежду, что, какія бы Арисія ни имѣла основанія ненавидѣть Тезея, она сознаетъ и его доблести, и выслушаетъ безъ горечи всѣ эти «имена» или прозвища, которыя онъ заслужилъ. У Расина стихъ: «l'ami, le compagnon, le successeur d'Alcide» является въ концѣ извѣщенія о смерти Тезея и тогда вполнѣ понятно о какихъ «именахъ» идетъ рѣчь. Г. Поливановъ сдѣлалъ перестановку:

Онъ, Геркулеса другъ, преемникъ и союзникъ (опять-таки послѣдовательность неправильная: сперва «союзникъ», потомъ «преемникъ»)

Богами Паркѣ сданъ и сталъ Аида узникъ.

Потомъ вводное восклицаніе: Пусть пощадитъ твой гнѣвъ
достоинства его!

и наконецъ: Всѣ эти имена владыки твоего (своего?),

Надѣюсь, выслушать безъ горечи ты можешь
И памяти его печальной не встревожишь.

Какія «эти имена»? Послѣднимъ является «Аида узникъ», которое, напротивъ, представлялось пріятнымъ извѣстіемъ для Арисіи, такъ что просьба выслушать «безъ горечи» звучитъ неожиданной и, конечно, вполнѣ неумѣстной ироніей...

Мы позволили себѣ напослѣдокъ нѣсколько придирчивыя замѣчанія къ переводу г. Поливанова (двусмысленность, очевидно, заключается лишь въ выраженіяхъ, общій смыслъ кото-

рыхъ легко понять) потому, что къ подлиннику они не примѣнимы, и, казалось бы, не должно было бы имъ имѣть мѣсто и по отношенію къ безупречно-художественному переводу. Однако, хотя г. Поливанову не удалось сообщить своему переводу трагедіи Расина всѣ тѣ качества языка, которыми отличается подлинникъ, немаловажною заслугою его, на нашъ взглядъ, представляется попытка приблизиться къ простотѣ и естественности выраженій, при соблюденіи размѣра подлинника и довольно близкой передачѣ содержанія. Въ этомъ отношеніи переводъ г. Поливанова имѣетъ безспорныя преимущества надъ всѣми прежними переводами на русскій языкъ данной трагедіи Расина. Въ общемъ языкъ г. Поливанова правильный, литературный, слогъ безъ особой напыщенности, столь несвойственной Расину, вопреки утвердившемуся у насъ мнѣнію, и хотя, конечно, стихи г. Поливанова не могутъ соперничать съ мелодичными, «точеными» стихами Расина, хотя оригинальный текстъ нѣсколько обезцвѣченъ въ передачѣ, не всѣ выраженія безупречны, тѣмъ не менѣе переводъ не лишенъ и достоинствъ, которыя, быть-можетъ, помогутъ разсѣять заблужденіе, столь распространенное у насъ въ обществѣ, о «псевдо-классицизмѣ» истаго французскаго классика Расина. Объяснительныя статьи (Патена, Дешанеля, П. Менара, Брюнетьера и два отчета объ игрѣ Рашели въ Федрѣ), приложенныя къ переводу, содѣйствуютъ той же благой цѣли.

Въ виду вышесказаннаго считаю переводъ г. Поливанова заслуживающимъ Пушкинской поощрительной преміи.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXIV, № 10.

ОТЧЕТЪ
о
ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ

Проф. КОТЛЯРЕВСКАГО

ВЪ 1895 ГОДУ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1896.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1896 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Содержаніе.

ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНИИ ПРЕМІЙ ПРОФ. КОТЛЯРЕВСКАГО,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1895 г., предсѣдательствующимъ во II Отдѣленіи, ординарнымъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ.

На соисканіе премій покойнаго профессора Императорскаго университета св. Владимира А. А. Котляревскаго, назначенныхъ за изслѣдованія по славянскимъ древностямъ, по исторіи славянскихъ литературъ и по славянскимъ нарѣчіямъ въ грамматическомъ или лексическомъ отношеніи, было представлено на настоящій конкурсъ три сочиненія, изъ коихъ одно удостоено полной, а остальныя два — половинной преміи каждое.

Разборъ сочиненія профессора Императорскаго Варшавскаго университета П. А. Кулаковскаго подъ заглавіемъ: «Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія» принялъ на себя нашъ многоуважаемый сочленъ И. В. Ягичъ.

Авторъ разсматриваемаго труда извѣстенъ въ русской литературѣ своимъ изслѣдованіемъ о Вукѣ Караджичѣ и о Лукіанѣ Мушицкомъ, двухъ видныхъ представителяхъ сербской литера-

туры въ началѣ и первой половинѣ XIX столѣтія. Его новый трудъ касается также исторіи культурной жизни южныхъ славянъ, только въ немъ г. Кулаковскій пошелъ далѣе на западъ, и его вниманіе остановилось на самомъ блестящемъ послѣ Вука Караджича періодѣ культурныхъ стремленій южнаго славянства въ теченіе XIX столѣтія, извѣстномъ въ исторіи славянскихъ литературъ подъ именемъ «иллиризма». Дѣйствительно, послѣ Вука Караджича, направившаго весь ходъ сербской литературы на новый путь націонализма, какъ въ языкѣ, такъ особенно въ содержаніи поэзіи, не было и нѣтъ въ культурной исторіи южныхъ славянъ XIX столѣтія другого болѣе выдающагося явленія, какъ иллиризмъ, который сильно отпечатлѣлся на всемъ организмѣ народнаго бытія и оставилъ по себѣ очень глубокіе слѣды. Опредѣливъ, что́ слѣдуетъ разумѣть подъ названіемъ «иллиризмъ», и указавъ, что это многозначительное движеніе имѣетъ свою культурно-политическую, свою литературно-поэтическую, даже свою грамматико-ороографическую сторону, рецензентъ не могъ согласиться съ г. Кулаковскимъ въ томъ, что будто иллиризмъ представляетъ періодъ возрожденія въ литературѣ только хорватовъ XIX столѣтія. Движеніе это увлекло въ свой водоворотъ всѣ южно-славянскія племена, за исключеніемъ болгаръ. Идея иллиризма — духовное единеніе южныхъ славянъ; и если она не осуществилась въ полномъ объемѣ первоначальныхъ замысловъ, то по крайней мѣрѣ проложила путь къ объединенію сербовъ и хорватовъ. Если иллиризмъ въ послѣднемъ своемъ проявленіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ возникъ спеціально на почвѣ хорватской, то нельзя отрицать того, что дѣйствіе его отразилось далеко за предѣлами Хорватіи, на сербахъ и словенцахъ, языкъ и литература которыхъ подъ вліяніемъ того же иллиризма приняли въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій совсѣмъ иной видъ. Впрочемъ, въ трудѣ г. Кулаковскаго можно найти много дѣльныхъ замѣчаній и относительно вліянія иллиризма на сербовъ и словенцовъ, но вообще эта сторона вопроса въ его изслѣдованіи не вполнѣ исчерпана.

Иллиризмъ въ сочиненіи г. Кулаковскаго разработанъ преимущественно съ точки зрѣнія загребской по даннымъ и матеріаламъ, доставленнымъ ему хорватской литературой и источниками, хранящимися въ библіотекахъ Загреба. Онъ вышелъ бы всестороннѣе и полнѣе, если бы авторъ нашелъ возможность освѣтить иллиризмъ съ точки зрѣнія матеріаловъ, хранящихся въ Новомъ Садѣ, въ Карловцахъ, въ Будапештѣ и въ Люблянѣ; но относительно загребскаго иллиризма авторъ сдѣлалъ очень внимательный и добросовѣстный подборъ всѣхъ относящихся къ нему подробностей и мелочей, и его даже можно упрекнуть въ нѣкоторомъ ихъ излишествѣ. Нельзя не пожалѣть, что г. Кулаковскій рѣдко прибѣгаетъ къ критической провѣркѣ данныхъ, извлеченныхъ изъ современной литературы иллиризма, состоящей изъ газетныхъ статей, летучихъ листковъ, брошюръ и памфлетовъ. «Существенный недостатокъ сочиненія — говоритъ г. Ягичъ — составляетъ изобиліе неважныхъ подробностей, мѣшающее слѣдить за главнымъ предметомъ этого изслѣдованія. Не всякій читатель будетъ въ состояніи оцѣнить значеніе иллиризма, понять его стремленія и уловить результаты по свѣдѣніямъ, доставляемымъ ему этимъ много, но и черезчуръ многосодержательнымъ трудомъ». Въ этихъ словахъ рецензента похвала и упрекъ стоятъ рядомъ. Нельзя не пожалѣть, что изложенію политической борьбы, завязавшейся вскорѣ послѣ кончины австрійскаго императора Іосифа, съ тѣхъ поръ, какъ мадьяры стали вводить во всѣ отрасли государственнаго организма Венгріи свой языкъ вмѣсто латинскаго и мало-по-малу требовать того же самаго также относительно Хорватіи и Славоніи, авторъ не предпослалъ краткаго введенія, въ которомъ было бы исторически изложено давнишнее знакомство южныхъ славянъ съ названіями «иллирскій языкъ» и «иллирская нація», а это было гораздо ранѣе борьбы хорватовъ за права своего языка.

Указавъ еще на нѣкоторые недочеты въ трудѣ г. Кулаковскаго, академикъ Ягичъ заключилъ свой разборъ такъ: «за авторомъ «Иллиризма» остается неотъемлемая заслуга, что онъ пер-

вый подарилъ русской и всѣмъ славянскимъ литературамъ исторію столь знаменитаго иллиризма, въ свое время надѣлавшаго такъ много шума. Онъ создалъ свой почтенный трудъ, требовавшій многихъ усилій, очень старательно; отнесся къ своей задачѣ съ любовію, вниманіемъ и съ научнымъ безпристрастіемъ, добиваясь вездѣ раскрытія истины». Поэтому многоуважаемый рецензентъ считаетъ сочиненіе г. Кулаковскаго достойнымъ увѣнчанія преміею профессора Котляревскаго. Отдѣленіе, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ И. В. Ягича, близко знакомаго съ предметомъ, изложеннымъ въ представленномъ на конкурсъ сочиненіи, присудило г. Кулаковскому полную премію въ тысячу рублей.

Сочиненіе приватъ-доцента Императорскаго Московскаго университета, доктора славянской филологіи, П. А. Лаврова: «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка» было поручено разсмотрѣть помощнику хранителя Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея, В. Н. Щепкину. Въ обширной и обстоятельной рецензіи, въ началѣ которой указано, что̀ было сдѣлано по изученію болгарскаго языка до появленія труда Лаврова, г. Щепкинъ пришелъ къ заключенію, что разсмотрѣнное имъ сочиненіе является цѣннымъ вкладомъ въ историческое изученіе болгарскаго языка. Отличное знакомство автора съ современными болгарскими нарѣчіями дало ему возможность связать звуки и формы современнаго живого языка съ письменными выраженіями ихъ въ болгарскихъ памятникахъ XII—XVIII вѣковъ. Тонкая наблюдательность и неутомимое прилежаніе способствовали г. Лаврову обогатить исторію болгарскаго языка обильнымъ матеріаломъ, извлеченнымъ изъ многочисленныхъ рукописей. Матеріаломъ этимъ не преминутъ воспользоваться будущіе изслѣдователи судебъ болгарскаго языка, но онъ уже нашелъ оцѣнку и освѣщеніе въ разсматриваемомъ трудѣ г. Лаврова. Отмѣтивъ однако въ сочиненіи нѣкоторые спорные вопросы и недостаточное знакомство автора съ лингви-

стическимъ методомъ, единственно плодотворнымъ при объясненіи явленій языка, рецензентъ въ заключеніе говоритъ: «книга Лаврова при своемъ появленіи обратила на себя вниманіе какъ въ русской, такъ и въ иностранной ученой литературѣ. Трудъ, исполненный г. Лавровымъ, далъ новую пищу историческому изученію болгарскаго языка и установилъ новыя точки соприкосновенія между болгарскими нарѣчіями, современными и старыми, и языкомъ древнѣйшихъ старославянскихъ памятниковъ, и по своему характеру и по своимъ результатамъ отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ правилъ о соисканіи премій профессора Котляревскаго». Отдѣленіе, раздѣляя это заключеніе рецензента и признавая научное значеніе труда г. Лаврова, хотя ему слѣдовало бы строже сообразоваться какъ съ данными сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, такъ и съ лингвистическимъ методомъ, требующимъ прежде всего критическаго отношенія къ явленіямъ языка, постановило увѣнчать изслѣдованіе г. Лаврова половинною преміею.

О трудѣ профессора Императорскаго Московскаго университета А. Л. Дювернуа, подъ заглавіемъ: «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка», по приглашенію Отдѣленія далъ отзывъ его членъ-корреспондентъ, профессоръ Императорскаго Санктпетербургскаго университета А. И. Соболевскій.

«До сихъ поръ мы еще не имѣемъ — говоритъ г. Соболевскій — ничего, что можно было бы съ достаточнымъ основаніемъ назвать Словаремъ древне-русскаго языка. Въ виду этого трудъ покойнаго Дювернуа, изданный его вдовою, несмотря на свой скромный объемъ, вполнѣ заслуживаетъ вниманія». Къ сожалѣнію, этотъ трудъ не былъ обработанъ самимъ Дювернуа; послѣ него остался лишь сырой матеріалъ, то-есть карточки, на которыя были нанесены имъ слова, казавшіяся ему по чему-либо замѣчательными, иногда безъ всякихъ объясненій. Наибольшее количество этихъ словъ заимствовано изъ документовъ Москов-

ской Руси XV — XVII столѣтій; затѣмъ вошли сюда слова изъ лѣтописей, житій святыхъ и разныхъ статей, находящихся въ рукописныхъ сборникахъ.

Извлеченныя данныя постоянно сопровождаются въ «Матеріалахъ» цитатами изъ текстовъ, съ удержаніемъ въ полной неприкосновенности ихъ правописанія.

Главный недостатокъ «Матеріаловъ» заключается въ томъ, что словарныя данныя не вполнѣ извлечены изъ разсмотрѣнныхъ источниковъ. Впрочемъ, это объясняется тѣмъ, что г. Дювернуа, прочитывая какой-либо документъ или книгу, вносилъ на карточки преимущественно слова болѣе рѣдкія или написанныя необычною орѳографіею, а другія менѣе рѣдкія и обычнымъ образомъ написанныя оставлялъ безъ вниманія.

Другой недостатокъ «Матеріаловъ» составляетъ излишнее довѣріе къ печатнымъ источникамъ, въ которыхъ иногда попадаются слова, неправильно прочтенныя редакторами и въ такомъ видѣ нашедшія мѣсто въ «Матеріалахъ». Быть можетъ, эти недостатки были бы устранены г. Дювернуа, если бы онъ самъ редактировалъ «Матеріалы», изъ которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, были бы устранены и неправильные, а иногда даже лишенные смысла переводы значенія словъ на латинскій языкъ.

Кромѣ этого, лицо, редактировавшее словарь, имѣя подъ руками массу сырого матеріала, не избѣгло погрѣшностей. Однѣ изъ нихъ касаются внѣшней стороны словъ, какъ напримѣръ: *ищей* вмѣсто *ищея*, *яма* вмѣсто *ямъ* (почтовая станція); другія — относительно значенія словъ. Рецензентъ приводитъ болѣе крупныя ошибки, не упоминая о мелкихъ.

Разборъ «Матеріаловъ» А. И. Соболевскій заключаетъ такъ: «Трудъ составленія словаря — трудъ столь тяжелый и малоблагодарный, что необходимо самое снисходительное отношеніе къ его недостаткамъ и погрѣшностямъ». Поэтому г. рецензентъ счелъ себя въ правѣ высказаться за присужденіе издательницѣ «Матеріаловъ» полной преміи профессора Котляревскаго.

Отдѣленіе въ виду, съ одной стороны, незначительнаго объема труда и тѣхъ недостатковъ, которые въ немъ указаны г. Соболевскимъ, а съ другой, принимая во вниманіе пользу, которую этотъ трудъ можетъ принести, большинствомъ голосовъ присудило г-жѣ Дювернуа за изданные ею «Матеріалы» покойнаго ея мужа, надъ приведеніемъ которыхъ въ порядокъ она не мало потрудилась, половинную премію профессора Котляревскаго.

Основаніемъ для настоящаго присужденія премій проф. Котляревскаго послужили нижеслѣдующіе критическіе разборы:

I.

Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія. Варшава, 1894.

Разборъ орд. ак. **И. В. Ягича.**

Платонъ Андреевичъ Кулаковскій, авторъ обширной монографіи объ «Иллиризмѣ», извѣстенъ въ русской литературѣ своимъ изслѣдованіемъ о Вукѣ Караджичѣ и о Лукіанѣ Мушицкомъ, двухъ видныхъ представителяхъ сербской литературы въ началѣ и первой половинѣ XIX столѣтія. И этимъ новымъ трудомъ, превышающимъ уже внѣшнимъ объемомъ все до сихъ поръ имъ написанное, онъ не вышелъ изъ намѣченныхъ себѣ уже давно предѣловъ, изъ исторіи культурной жизни южныхъ славянъ; только теперь взоры его обратились дальше на западъ, его вниманіе остановилось на самомъ блестящемъ послѣ Вука Караджича періодѣ культурныхъ стремленій южнаго славянства въ теченіе XIX столѣтія, извѣстномъ въ исторіи славянскихъ литературъ подъ именемъ «Иллиризма». Дѣйствительно послѣ Вука Караджича, направившаго весь ходъ сербской литературы на новый путь націонализма, какъ въ языкѣ, такъ и въ содержаніи, въ особенности въ поэзіи, не было и нѣтъ въ культурной исторіи южныхъ славянъ XIX столѣтія другого

болѣе выдающагося явленія, чѣмъ Иллиризмъ; ни одно событіе не отпечатлѣлось такъ сильно на всемъ организмѣ народнаго бытія, не оставило по себѣ столь глубокихъ слѣдовъ, какъ Иллиризмъ.

Что такое Иллиризмъ? Если судить по заглавію книги г. Кулаковскаго, это страничка изъ «исторіи хорватской литературы возрожденія», и только. По моему мнѣнію такого рода опредѣленіе слишкомъ узко, оно не исчерпываетъ всѣхъ сторонъ многознаменательнаго движенія, которое принято въ исторіи литературы южныхъ славянъ называть Иллиризмомъ. У этого движенія есть своя культурно-политическая, своя литературно-поэтическая, есть даже своя грамматико-орѳографическая сторона. Если уже допустить, что можно уразумѣть суть Иллиризма, не вдаваясь въ его главную и выдающуюся политическую сторону — признаться, въ такомъ случаѣ очеркъ Иллиризма выйдетъ очень не полнымъ — все же трудно согласиться съ авторомъ, что Иллиризмъ представляетъ только періодъ возрожденія въ литературѣ хорватовъ XIX столѣтія. Движеніе это пошло гораздо дальше, оно вовлекло въ свой круговоротъ всѣ южно-славянскія племена, если исключить болгаръ, стенавшихъ тогда еще подъ игомъ турецкимъ. Самъ авторъ вѣрнѣе обозначаетъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія идею Иллиризма, говоря, что «иллирская теорія объединяла всѣхъ юго-славянъ какъ въ прошломъ, такъ и въ предположеніяхъ будущаго». Въ самомъ дѣлѣ, хотя Иллиризмъ въ послѣднемъ своемъ проявленіи — это загребскій Иллиризмъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, было же и раньше нѣсколько фазисовъ Иллиризма — возникъ на почвѣ спеціально хорватской, въ тогдашнемъ смыслѣ провинціальной или кайкавской Хорватіи, нельзя однакожъ отрицать, что дѣйствіе его отразилось, далеко за предѣлами Хорватіи, не только на той части южныхъ славянъ, которая нынѣ называетъ себя хорватами, но также на сосѣднихъ племенахъ, на сербахъ и словенцахъ. Иллиризмъ, если искать идею его въ духовномъ единеніи южныхъ славянъ, удался если не въ пол-

номъ объемѣ первоначальныхъ замысловъ, такъ по крайней мѣрѣ въ большей части. Онъ проложилъ путь къ объединенію по крайней мѣрѣ двухъ ближайшихъ племенъ, сербовъ и хорватовъ, нужды нѣтъ, что названіе пропало, нужды нѣтъ, что именно въ наши дни ведется ожесточенный споръ между сербами и хорватами изъ-за имени и разныхъ другихъ пустяковъ. Названіе «иллирскій языкъ» вышло изъ употребленія, оно оборвалось сначала на нежеланіи сербовъ усвоить это имя, потомъ же отбросили его и хорваты; но идея живетъ, хотя пока безъ названія—что на дѣлѣ не совсѣмъ удобно—и двигаетъ впередъ сербовъ и хорватовъ, она преобразовала даже и словенцевъ, языкъ и литература которыхъ подъ вліяніемъ того же Иллиризма приняли въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій совсѣмъ иной видъ, чѣмъ можно было предвидѣть или ожидать по произведеніямъ ихъ литературы XVIII столѣтія. Дальнѣйшіе успѣхи словенцевъ въ этомъ направленіи, несмотря на остановку въ настоящую минуту, могутъ считаться вопросомъ времени.

Возражая противъ слишкомъ узкаго опредѣленія Иллиризма въ заглавіи труда г. Кулаковскаго, я не хочу этимъ сказать, что онъ не обращалъ никакого вниманія на отраженіе Иллиризма у сербовъ и словенцевъ. Въ сочиненіи его найдется много дѣльныхъ замѣчаній и по этой части, но эти стороны вопроса въ его изслѣдованіи не исчерпаны. Иллиризмъ въ сочиненіи г-на Кулаковскаго разработанъ все-таки преимущественно, чтобы не сказать исключительно, съ точки зрѣнія загребской, по даннымъ и матеріаламъ, доставленнымъ ему литературой хорватской и источниками, хранящимися въ библіотекахъ Загреба. Я не ошибусь, кажется, если скажу, что почтенный трудъ его вышелъ бы гораздо полнѣе, всестороннѣе и нагляднѣе, еслибъ онъ имѣлъ возможность хотя бы часть того усердія, которое онъ примѣнилъ къ изученію предмета въ Загребѣ, посвятить также къ освѣщенію Иллиризма съ точки зрѣнія матеріаловъ, хранящихся въ Новомъ Садѣ, въ Карловцахъ, въ Будапештѣ и въ Люблянѣ.

Но чего недостаетъ труду г. Кулаковскаго по отношенію къ сербамъ и словенцамъ — послѣдніе вошли въ сочиненіе главнымъ образомъ спорными вопросами ороографическими, — то вознаграждается очень внимательнымъ и добросовѣстнымъ подборомъ всѣхъ подробностей и мелочей, относящихся къ Иллиризму загребскому. Усердіе автора въ этомъ отношеніи выше всякой похвалы, можно бы даже упрекнуть его въ нѣкоторомъ излишествѣ. Онъ загромождаетъ иногда ходъ разсказа пустячными мелочами въ ущербъ важности главной задачи. Ему была знакома и внимательно имъ же разобрана вся современная литература Иллиризма, состоящая изъ газетныхъ статей, летучихъ листковъ, брошюръ и памфлетовъ; онъ изучилъ всѣ позднѣйшія статьи, біографіи, записки и замѣтки хорватской литературы по данному вопросу. Но и только. Очень рѣдко или почти нигдѣ не замѣтно критической провѣрки данныхъ, доставленныхъ ему этими не всегда вполнѣ надежными источниками. Еще же болѣе должно жалѣть, что автору не были, повидимому, доступны какіе-либо до сихъ поръ неизданные мемуары, относящіеся къ тому времени. Жаль, что это не оговорено въ предисловіи.

Пестрое разнообразіе источниковъ, по большей части очень мелкихъ, отразилось на характерѣ сочиненія. Оно носитъ всѣ признаки очень кропотливой мозаической работы, но не рисуетъ одной крупными чертами очерченной картины. Правда, самъ предметъ страдаетъ отсутствіемъ единства. Иллиризмъ отличался коллективизмомъ. Главный герой его, Гай, дѣйствовалъ по большей части изъ-за кулисъ, дѣйствовалъ силою живого слова, прибѣгая очень рѣдко къ перу и письму. Разсказываютъ, что онъ самъ оправдывалъ свое отвращеніе отъ письменныхъ сообщеній ссылкою на пророковъ и реформаторовъ, дѣйствовавшихъ всегда только живой рѣчью! При такомъ характерѣ главнаго лица изложеніе предмета легко становится расплывчивымъ. Дѣйствительно и противъ плана изложенія можно бы очень много возразить. Одинъ существенный недостатокъ сочиненія — обиліе неважныхъ подробностей, мѣшающее глав-

ному предмету. Я опасаюсь, что не всякій читатель будетъ въ состояніи оцѣнить значеніе Иллиризма, понять его стремленія и уловить результаты по свѣдѣніямъ, доставляемымъ ему этимъ много, но и черезъ-чуръ многосодержательнымъ трудомъ. Какъ видите, похвала и упрекъ стоятъ рядомъ.

Авторъ начинаетъ свой разсказъ съ изложенія политической борьбы, завязавшейся между Хорватіею и Венгріею вскорѣ послѣ кончины императора Іосифа, съ тѣхъ поръ какъ мадьяры стали вводить во всѣ отрасли государственнаго организма Венгріи свой мадьярскій языкъ вмѣсто латинскаго и мало-по-малу требовать того же самаго также относительно Хорватіи и Славоніи. Очеркъ этотъ написанъ очень живо, по полемическимъ отзывамъ того времени, съ нѣкоторымъ вполнѣ понятнымъ пристрастіемъ въ пользу славянъ, хотя, если стать на критическую точку зрѣнія, нельзя, кажется, исключительно обвинять мадьяръ: ихъ самоуправство было отчасти вызываемо слабостью и неумѣніемъ хорватовъ отстаивать дружно свои права. Но мнѣ кажется, этому очерку должно было предшествовать коротенькое введеніе, въ которомъ было бы исторически изложено давнишнее знакомство южныхъ славянъ съ названіемъ «иллирскій языкъ» и «иллирская нація»; оно гораздо старше борьбы хорватовъ за права своего языка, а безъ такого предварительнаго поясненія становится непонятнымъ, какъ могъ напр. уже въ 1791 году хорватскій сеймъ поручить своимъ делегатамъ требовать введенія «иллирскаго» языка рядомъ съ мадьярскимъ во всѣ венгерскія и хорватскія гимназіи, академіи и въ пештскій университетъ, или же какъ могъ епископъ загребскій Максимиліанъ Верховацъ въ своемъ объявленіи духовенству въ 1813 году говорить о прекрасныхъ качествахъ «иллирскаго» языка. Видно «Иллиризмъ» уже давно существовалъ, только это не былъ еще литературно-политическій Иллиризмъ 30-ыхъ и 40-ыхъ годовъ XIX столѣтія, а наслѣдіе и преданіе предыдущихъ столѣтій, привыкшее называть языкъ жителей древняго Иллирика, хотя они теперь уже были славяне, стариннымъ иллирскимъ

именемъ. Отъ этого стараго, теоретическаго Иллиризма перешло названіе потомъ на созданное Наполеономъ «королевство иллирское». Новѣйшаго же загребскаго Иллиризма главная идея заключалась въ сознательномъ желаніи объединенія всѣхъ южныхъ славянъ (преимущественно хорватовъ, сербовъ и словенцевъ) въ одномъ литературномъ языкѣ. Идея эта возникла среди тѣхъ же кайкавскихъ хорватовъ (жителей провинціальной Хорватіи съ ихъ центромъ въ Загребѣ), которые уже давно вели борьбу съ мадьярами, отражая по возможности ихъ притязанія, но она родилась сравнительно поздно, подъ вліяніемъ общеславянскаго движенія и возрожденія. Въ этомъ заключалась ея сила, но этимъ она накликала на себя подозрѣніе не только со стороны мадьяръ, но и у себя дома, со стороны такъ называемыхъ мадьяроновъ, обрисовка которыхъ у автора представлена не совсѣмъ вѣрно. Мадьяроны не были враги народнаго языка (съ единичными исключеніями), они только не хотѣли ничего слышать о замѣнѣ своего родного кайкавскаго нарѣчія штокавщиною, о замѣнѣ названія «хорватъ» именемъ «иллиръ» и о братствѣ хорватовъ съ прочими славянами, опасаясь, что такимъ путемъ Хорватія могла бы потерять свои старинныя конституціонныя права. Эти противоположныя теченія, это смѣшеніе вопросовъ чисто литературныхъ, если хотите даже чисто грамматическихъ, съ политикою, не представлено, мнѣ кажется, довольно ясно въ сочиненіи г-на Кулаковскаго.

Несправедливо также, какъ я думаю, авторъ уменьшаетъ (въ главѣ второй) значеніе литературной дѣятельности кайкавскихъ хорватовъ наканунѣ возникновенія Иллиризма. Онъ говоритъ, что ихъ литература находилась въ крайнемъ упадкѣ (стр. 50). Это не вѣрно сказано. Напротивъ кайкавская литература никогда и не была въ лучшемъ состояніи, чѣмъ тогда. Объ упадкѣ можно говорить только относительно Далмаціи и Дубровника, но никакъ нельзя распространять этого упрека на литературную дѣятельность кайкавскихъ хорватовъ. Что авторъ говоритъ будто бы въ доказательство упадка, что «блестящій пе-

ріодъ дубровницкой словесности былъ почти совершенно забытъ въ Хорватіи, самыя имена писателей той эпохи не были извѣстны» (стр. 56—7), на это можно ему отвѣтить, что какъ разъ наоборотъ, въ Хорватіи до тѣхъ поръ ничего и не знали о литературѣ дубровницкой и что именно теперь являются первые проблески сознанія единства между находившимися въ разбродѣ членами. Или развѣ первые иллиры не были преимущественно кайкавцы? Развѣ Михановичъ, Гай, Вукотиновичъ, Раковецъ, Штосъ не писали сначала по-кайкавски? Но вотъ это и дѣлаетъ честь этимъ благороднымъ идеалистамъ тридцатыхъ годовъ, въ этомъ и заключается ихъ великая заслуга, что они заблаговременно опомнились, что они увидѣли ограниченность (численную) и уединенность своего нарѣчія, что они сознательно и съ большимъ самоотверженіемъ отказались отъ своего хотя дорогого имъ кайкавскаго нарѣчія и примкнули къ штокавщинѣ, которою сначала очень плохо владѣли, все же это сдѣлали они вслѣдствіе убѣжденія въ необходимости расширить почву своей литературной дѣятельности, улучшить условія литературы и увеличить свою силу самозащиты и сопротивленія противъ натисковъ мадьяризма.

Съ этого многознаменательнаго момента начинается новая эпоха, начинается новый литературно-политическій, загребскій Иллиризмъ, разсказать судьбу котораго предпринялъ авторъ настоящаго сочиненія. Если въ этомъ заключается суть Иллиризма, въ чемъ повидимому авторъ согласенъ со мною, въ такомъ случаѣ слѣдовало на этомъ моментѣ остановиться съ возможною подробностью. Вопросу о переходѣ отъ кайкавскаго нарѣчія къ штокавскому надо было посвятить особую главу, напр. рядомъ съ изложеніемъ мыслей, иногда довольно туманныхъ, о «великой» Иллиріи. Если авторъ говоритъ на одномъ мѣстѣ: «патріотамъ-хорватамъ предстояло или создать письменность на кайкавскомъ нарѣчіи провинціальной Хорватіи или примкнуть къ имѣющему уже значительную литературу штокавскому нарѣчію», — то можно ему возразить, что такой дилеммы на дѣлѣ не было и не могло

быть; идея Иллиризма не допускала ея. Вѣдь литература на кайкавскомъ нарѣчіи существовала уже давно, ея не приходилось создавать, она была даже гораздо богаче, по крайней мѣрѣ числомъ произведеній, литературы словенской; но именно сознаніе невозможности этимъ ограниченнымъ средствомъ, не воплощавшимъ въ себѣ всѣхъ силъ народа, успѣшно бороться противъ болѣе сильнаго сосѣда и желаніе создать новую литературу на болѣе широкой почвѣ и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, внушило хорватамъ-кайкавцамъ единственно вѣрную и спасительную мысль дать предпочтеніе штокавщинѣ.

Для изслѣдователя тутъ возникаетъ рядъ любопытныхъ и важныхъ вопросовъ: легко ли было сдѣлать этотъ поворотъ, не нужно ли было опасаться оппозиціи, что указывало въ предшествовавшей литературной жизни на этотъ путь, какіе существовали уже готовые примѣры, кто принималъ живѣйшее участіе въ исполненіи задуманной мысли, чья заслуга почина въ этомъ дѣлѣ, и т. д. Вотъ рядъ вопросовъ, на которые ожидали бы отвѣта въ изслѣдованіи объ Иллиризмѣ, а между тѣмъ отвѣта, вполнѣ удовлетворяющаго, въ сочиненіи г-на Кулаковскаго нѣтъ. Есть кое-что разбросанное въ разныхъ мѣстахъ сочиненія, но прямого отвѣта ни на одинъ изъ упомянутыхъ вопросовъ не отыщешь. Надѣялись бы скорѣе всего наткнуться на разсужденія подобнаго рода тамъ, гдѣ спеціально рѣчь идетъ о Гаѣ. Но хотя о немъ въ двухъ разныхъ мѣстахъ разсказывается очень много, есть даже такія мелочи изъ его жизни, которыя просто можно считать поэтическими прибаутками (Гай любилъ напускать на себя важность, окружать себя ореоломъ), все-таки самый существенный вопросъ, ему ли принадлежитъ починъ въ замѣнѣ нарѣчій, оставленъ совсѣмъ безъ отвѣта. Авторъ приводитъ одну рукопись, написанную Гаемъ будто бы въ 1830 году «Ueber die Vereinigung der in altillyrischen Districten wohnenden Slaven zu einer Büchersprache»; на этой загадочной тетради стоило остановиться. Содержанія ея мы, правда, не знаемъ, но рядомъ другихъ фактовъ мы въ состояніи доказать, что Гай

въ 1830 году еще не имѣлъ ясныхъ представленій о литературномъ единствѣ всѣхъ «иллировъ». Какъ извѣстно, въ 1830 году вышла брошюра его о введеніи новаго (чешскаго) правописанія въ хорватское (кайкавское) нарѣчіе, но объ Иллиризмѣ въ смыслѣ господства штокавщины тутъ еще и помину нѣтъ. Далѣе мы знаемъ, что Гай въ 1834 году напечаталъ объявленіе (Oglasz) объ изданіи первой политической газеты съ литературнымъ приложеніемъ и это объявленіе написано на кайкавскомъ нарѣчіи, хотя въ немъ уже допускается печатаніе статей также на прочихъ «иллирскихъ» нарѣчіяхъ для литературнаго приложенія «Даницы». Наконецъ мы знаемъ, что въ той же «Даницѣ» еще въ 1835 году Гай напечаталъ статью о правописаніи (Pravopisz), опять на кайкавскомъ нарѣчіи. Только съ 32-го номера того же года «Даницы» сталъ и Гай употреблять штокавское нарѣчіе, которое сначала у него нисколько не отличалось правильностью. Очень можетъ быть, что эта сдержанность у Гая была отчасти только благоразумнымъ разсчетомъ; чтобы не запугать своихъ «хорватовъ» (кайкавцевъ), онъ постарался вести дѣло очень осторожно. Но несомнѣнно была тутъ еще и другая, болѣе простая и естественная причина: не легко было Гаю или Раковцу или Штосу и прочимъ кайкавцамъ сразу начать писать нарѣчіемъ штокавскимъ. Итакъ если Гай и былъ въ ряду первыхъ, сознававшихъ необходимость поворота съ кайкавщины на штокавщину, если у него, можетъ быть, впервые даже зародилась эта счастливая мысль (въ чемъ впрочемъ можно сомнѣваться), все же должно выставить какъ несомнѣнный историческій фактъ, что въ употребленіи штокавщины въ печати другіе сотрудники «Даницы» опередили Гая. Къ числу лучшихъ знатоковъ правильной (славонской) штокавщины принадлежалъ въ кружкѣ Гаевомъ несомнѣнно Бабукичъ, занимавшійся уже тогда грамматическими вопросами, поэтому онъ и выступилъ вскорѣ какъ офиціальный грамматикъ «иллирскаго» нарѣчія. Еслибъ я не зналъ его мягкаго характера (онъ же вѣдь былъ въ теченіе пяти лѣтъ моимъ добрымъ наставникомъ въ загребской гимназіи, съ

1851 по 1856 г.), я рѣшился бы утверждать, что именно ему надо приписать починъ въ дѣлѣ штокавщины. Во всякомъ случаѣ онъ игралъ тутъ не послѣднюю роль. Изъ кайкавцевъ первый сталъ защищать штокавщину графъ Янко Драшковичъ, замѣчательная политическая брошюра котораго подробно изложена въ сочиненіи г. Кулаковскаго. Пока не будутъ обнародованы какія нибудь специальныя извѣстія объ интимной дѣятельности кружка, собиравшагося въ 1834, 1835 и слѣдующихъ годахъ около Гая, мы въ правѣ считать графа Драшковича первымъ писателемъ изъ числа кайкавскихъ хорватовъ, поднявшимъ публично свой голосъ въ пользу штокавщины. Но обстоятельства сложились такъ, что въ Гаевомъ кружкѣ рядомъ съ кайкавцами и съ однимъ по крайней мѣрѣ штокавцемъ очутились также чакавцы въ лицѣ двухъ братьевъ Мажураничей, Антона и Ивана. Изъ разсказовъ покойнаго Антона Мажуранича я припоминаю, что онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ составленіи «Огласа» (объявленія) относительно первой политической и литературной газеты. Какъ онъ мнѣ разсказывалъ, имъ приходилось бороться съ неимовѣрными трудностями по части языка, пока они составили и написали упомянутый «Oglasz».

Г-нъ Кулаковскій посвятилъ каждому изъ первыхъ дѣятелей Иллиризма по-нѣсколько строкъ въ отдѣльной главѣ, воспользовавшись для этой цѣли очень добросовѣстно всѣмъ доступнымъ біографическимъ и библіографическимъ матеріаломъ. Отдавая и тутъ полную справедливость его усердію я долженъ однакожъ замѣтить, что изъ самыхъ отзывовъ его видно, что дѣятельность всѣхъ тѣхъ лицъ ему извѣстна не вполнѣ, онъ знаетъ ее такъ сказать лишь изъ вторыхъ рукъ; эти лица не сгруппированы у него такъ, какъ требовала того реальная обстановка Иллиризма, ихъ значеніе и участіе въ исторіи этого движенія. Хорошо исполнить эту задачу конечно дѣло нелегкое. Тутъ могли бы автору быть полезны разными указаніями тѣ изъ современныхъ литературныхъ дѣятелей, которые еще лично знали большинство первыхъ представителей Иллиризма, сошедшихъ только

недавно въ могилу. Къ сожалѣнію не видно, чтобы г. Кулаковскій былъ въ состояніи воспользоваться подобнаго рода совѣтами, за исключеніемъ одного ветерана иллирской литературы г-на Шулека (скончавшагося тоже недавно). Жаль, если вина этого пробѣла заключается въ недостаткѣ предупредительности со стороны мѣстныхъ литераторовъ и ученыхъ.

Прислушиваясь въ молодые годы къ разсказамъ тогдашнихъ товарищей по службѣ (въ гимназіи въ Загребѣ, въ началѣ 1860 годовъ), въ числѣ которыхъ были Антонъ Мажураничъ и Вѣкославъ Бабукичъ, принадлежавшіе какъ извѣстно къ первому кружку «иллирійцевъ», я узналъ кое-что отъ нихъ, запомнилъ и со словъ Антона Мажуранича записалъ себѣ на память нѣсколько замѣтокъ, отысканныхъ теперь мною между старыми бумагами. Пользуясь рѣдкимъ случаемъ, заставившимъ и меня заговорить объ Иллиризмѣ, я считаю позволительнымъ сообщить эти замѣтки здѣсь.

А. Мажураничъ сообщалъ мнѣ (и это вѣрно), что въ самомъ раннемъ кружкѣ загребскихъ иллирійцевъ Гая еще не было. Онъ находился тогда въ Градцѣ (въ Штиріи), гдѣ сошелся между прочими съ Вакановичемъ и Вразомъ. О жизни сербовъ и хорватовъ въ Градцѣ въ 1826—1828 годахъ можно найти маленькую статейку въ Новосадской «Даницѣ» за 1870 годъ въ № 1 подъ заглавіемъ: «Србска влада у Грацу».

Членами (первыми) кружка загребскаго, собиравшагося то у Лавослава Жупана, то у Курельца, были по словамъ А. Мажуранича: самъ А. Мажураничъ, В. Бабукичъ, Мараковичъ (учитель бывшаго въ то время въ Загребѣ варшавскаго слависта Кухарскаго), Маричъ (клирикъ), Курелацъ, Деркосъ и Лавославъ Жупанъ.

Разговоры и разсужденія молодыхъ людей касались во-первыхъ національности вообще, потомъ они переходили на вопросъ о языкѣ и наконецъ зашла рѣчь о правописаніи. А. Мажураничъ вмѣнялъ прямо себѣ въ заслугу, что онъ, главнымъ образомъ, толкалъ Гая на штокавское нарѣчіе, въ которомъ-де

и обучалъ его. Но мнѣ сдается, что тутъ безъ Бабукича не обошлось.

Книгу свою о правописаніи привезъ Гай изъ Пешты, она же была написана по внушенію Яна Коллара. На Бабукича, по словамъ А. Мажуранича, сильно вліяла книга Шафарика: Geschichte der slav. Literaturen. Деркосъ стоялъ подъ вліяніемъ другой книги Шафарика: Ueber die Abkunft der Slaven. Про книжечку Коллара: «Sollen wir Madyaren werden» передавалъ мнѣ А. Мажураничъ, что она произвела громадное впечатлѣніе. Клобучаричъ постарался о напечатаніи ея во множествѣ экземпляровъ. Возбужденію умовъ содѣйствовала также книга Кушевича: Iura municipalia.

О выше упомянутомъ Oglasz-ѣ у меня замѣчено, что въ составленіи его главное участіе приняли А. Мажураничъ, Бабукичъ и Мойзесъ.

И на принятіе названія «Иллирскій языкъ» уговаривалъ Гая преимущественно А. Мажураничъ. Оно было принято безъ позволенія свыше, потомъ же было запрещено, но 15 апрѣля 1845 опять разрѣшено. У меня отмѣчено, что еще во время колебанія между выборомъ названія «хорватскаго» или «иллирскаго» языка Гай получилъ чей-то анонимный, на латинскомъ языкѣ написанный, разборъ этого вопроса, въ которомъ рекомендовалось ему принять названіе «иллирскаго языка».

Относительно самого правописанія А. Мажураничъ передавалъ мнѣ, что они съ Бабукичемъ и Мойзесомъ главнымъ образомъ настаивали на принятіи буквы *ě*. Водвореніе новаго правописанія въ Даницу опередила книга, изданная въ то время въ Вѣнѣ: изданіе народныхъ пѣсенъ А. Качича.

Интересны были разсказы Антона Мажуранича о нерасположеніи тогдашнихъ профессоровъ загребской гимназіи къ Иллиризму, доходившемъ иногда до бѣшенства. Напр. профессоръ Грегоричъ рвалъ и бросалъ всѣ хорватскія рукописи. А. Мажураничъ нашелъ на извѣстномъ мѣстѣ рукопись, заключавшую въ себѣ оду Витезовича на Петра Великаго, и подарилъ ее Гаю.

Профессоръ Швалекъ, хотя сталъ со временемъ нѣсколько уступчивѣе, все же доказывалъ въ защиту кайкавскаго нарѣчія, что *е* въ словѣ *отец* гораздо гармоничнѣе чѣмъ *а* въ *отац*. Профессора Дегориція и Хергешичъ не были прямо противниками, но и не поддерживали «иллирійцевъ». Литературнымъ врагомъ штокавщины былъ извѣстный Кристіановичъ, котораго за это и полюбилъ Копитаръ, злѣйшій врагъ Иллиризма.

Въ то время почитали латинскій языкъ какъ lingua academica, мадьярскій какъ lingua patria, а хорватское нарѣчіе какъ lingua exotica! Конечно такъ относились только въ офиціальныхъ, правительственныхъ кружкахъ. Антону Мажураничу, сдѣлавшемуся преподавателемъ въ 1834—35 году, дѣлали замѣчанія и даже письменные выговоры (Шуфляй и Клеменичъ) за его усердіе, что онъ въ первомъ классѣ гимназіи по два урока недѣльные посвящалъ частнымъ образомъ преподаванію народнаго языка, которое было посѣщаемо очень многочисленною публикою.

Вотъ и все, что я нашелъ въ моихъ замѣткахъ по этому вопросу.

Не считаю удобнымъ входить въ подробности. За П. А. Кулаковскимъ остается неотъемлемая заслуга, что онъ первый подарилъ русской и всѣмъ славянскимъ литературамъ исторію столь знаменитаго и столь много шуму въ свое время надѣлавшаго Иллиризма. Онъ создалъ этотъ почтенный трудъ очень старательно, приложилъ къ нему много усилій, отнесся къ своей задачѣ съ любовью, вниманіемъ и съ научнымъ безпристрастіемъ. Онъ взялся за свой трудъ безъ предвзятыхъ мыслей, добивался вездѣ раскрытія истины. Я считаю сочиненіе его вполнѣ достойнымъ присужденія ему преміи Котляревскаго.

Вѣна, $^{5}/_{17}$ октября 1895.

II.

Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка.

Составилъ **П. А. Лавровъ.**

Рецензія, составленная **В. Н. Щепкинымъ.**

Въ послѣднее десятилѣтіе изученіе болгарскаго языка сдѣлало громадные успѣхи. Почти одновременно съ выходомъ въ свѣтъ перваго значительнаго словаря болгарскаго языка въ изобиліи стали появляться изданія произведеній болгарской народной словесности, собираемой по большей части самими болгарами во всѣхъ областяхъ, населенныхъ болгарскимъ племенемъ. Эти изданія, среди которыхъ видное мѣсто принадлежитъ «Сборникамъ» болгарскаго министерства народнаго просвѣщенія, передаютъ живой языкъ въ записяхъ, обыкновенно, весьма тщательныхъ, съ точнымъ соблюденіемъ различныхъ діалектическихъ особенностей, съ обозначеніемъ ударенія и указаніемъ мѣстности, гдѣ записи сдѣланы.

Громадный матеріалъ, собранный такимъ образомъ въ сравнительно короткое время, впервые открылъ для научнаго изслѣдованія обширную область болгарскихъ говоровъ, чрезвычайная важность которыхъ для славянскаго языкознанія сознавалась и ранѣе, когда свѣдѣнія о нихъ были еще весьма неполны. За обнародованіемъ обширнаго лингвистическаго матеріала очень скоро послѣдовали первыя попытки обработки его. Появились болѣе или менѣе замѣчательныя монографіи, принадлежащія перу главнымъ образомъ молодыхъ болгарскихъ филологовъ, посвященныя отдѣльнымъ говорамъ или отдѣльнымъ вопросамъ

болгарскаго языка. Изслѣдованіе болгарскаго языка вмѣстѣ съ тѣмъ стало пріобрѣтать историческій характеръ: масса новыхъ фактовъ, открытыхъ въ живыхъ говорахъ, заставляетъ изслѣдователей чаще и чаще обращаться къ прошлому болгарскаго языка и искать въ этомъ прошломъ объясненія различныхъ особенностей современныхъ говоровъ. Первую попытку изобразить весь ходъ историческаго развитія болгарскаго языка—попытку, какъ вѣрно отмѣтила критика, нѣсколько преждевременную — представляетъ двухтомное сочиненіе Львовскаго профессора Калины «Studyja nad historyją języka Bulgarskiego».

«Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка», составленный П. А. Лавровымъ, ставитъ себѣ болѣе скромную цѣль. Задача автора состоитъ въ систематическомъ сопоставленіи особенностей живого языка съ показаніями его старой письменности: «настоящій трудъ, читаемъ мы въ предисловіи «Обзора», основанъ на рукописныхъ источникахъ съ одной стороны и образцахъ народнаго языка съ другой». Такимъ образомъ «Обзоръ» представляетъ наблюденія надъ сходными явленіями разныхъ эпохъ языка безъ притязанія на окончательное уясненіе всего историческаго процесса.

Всякій, кто знакомъ съ характеромъ старой болгарской письменности, согласится, что на такое сопоставленіе прежде всего должны быть направлены усилія современнаго изслѣдователя. Болгарскіе памятники XIII, XII, отчасти уже XI-го вѣка свидѣтельствуютъ о томъ, что языкъ пережилъ—главнымъ образомъ въ своемъ вокализмѣ — глубокія фонетическія перемѣны, вслѣдствіе которыхъ традиціонное старославянское правописаніе стало представлять чрезвычайныя неудобства. Образованію новой, общеболгарской ороографіи мѣшалъ, кромѣ большого разнообразія говоровъ, также особый характеръ болгарскихъ звуковъ: многіе изъ нихъ, не совпадая вполнѣ по выговору, тѣмъ не менѣе легко смѣшивались ухомъ. Отсюда неустойчивая ороографія, съ трудомъ позволяющая открывать живую рѣчь подъ неточными написаніями. При такомъ состояніи

старой болгарской графики современный языкъ является необходимымъ ключемъ для уясненія стараго языка, и изложенію хода историческихъ процессовъ языка необходимо долженъ предшествовать навыкъ въ правильномъ пониманіи фактовъ старой письменности и ихъ тщательный подборъ.

У своихъ предшественниковъ въ изслѣдованіи болгарскихъ памятниковъ съ этой точки зрѣнія г. Лавровъ нашелъ нѣсколько цѣнныхъ работъ, которыя, однако, посвящены изученію лишь немногихъ, спеціальныхъ явленій. Всестороннее изученіе отдѣльныхъ памятниковъ старой болгарской письменности находится еще почти въ зародышѣ. «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка» требовалъ поэтому прежде всего самостоятельнаго изученія памятниковъ. «Богатыя книгохранилища Москвы, замѣчаетъ авторъ по этому поводу въ введеніи, имѣютъ столь обильный рукописный матеріалъ по языкамъ югославянскимъ, что изученіе его требуетъ продолжительнаго времени и превышаетъ силы отдѣльнаго лица. А между тѣмъ каждая новая рукопись прибавляетъ новые факты». Въ виду этого авторъ ограничилъ кругъ старыхъ памятниковъ, введенныхъ имъ въ изслѣдованіе, извѣстнымъ количествомъ рукописей, дающихъ бо́льшій просторъ живому языку и заключающихъ такимъ образомъ болѣе обильный матеріалъ. «Мы, на сколько это было возможно, читаемъ въ концѣ введенія, старались исчерпать тѣ источники, которые нами указаны, и въ собраніи извлеченныхъ изъ нихъ фактовъ заключается главнымъ образомъ значеніе нашего труда». Отдавая полную справедливость труду г. Лаврова, мы не можемъ не пожалѣть только о томъ, что изслѣдованныя имъ рукописи не нашли въ «Обзорѣ» каждая хотя бы краткой, но связной характеристики по отношенію къ своему языку. Такая характеристика несомнѣнно дала бы болѣе цѣльное освѣщеніе отдѣльнымъ фактамъ этихъ рукописей, разнесеннымъ по соотвѣтствующимъ главамъ «Обзора».

Книга г. Лаврова содержитъ болѣе 400 страницъ въ большую восьмушку. Изъ нихъ нѣсколько болѣе половины занимаетъ

обзоръ фонетики и морфологіи болгарскаго языка. Другую, нѣсколько меньшую часть книги составляютъ приложенія, распадающіяся на два отдѣла; первый заключаетъ образцы среднеболгарскаго и новоболгарскаго языка: 1) два отрывка изъ Манассіиной лѣтописи, по рукописи Синодальной библіотеки № 38 — 1345 года; 2) отрывокъ изъ сборника Имп. Публичной Библіотеки—1348 года. 3) Нѣсколько небольшихъ отрывковъ изъ Паремейника Лобкова (Хлудовской библіотеки № 142, XIII—XIV в.). 4) Двѣ статьи по рукописи изъ собранія акад. Тихонравова, XVII вѣка, и одна статья по рукописи XVIII вѣка изъ того же собранія. 5) Нѣсколько болгарскихъ пѣсенъ, записанныхъ весьма точно Т. Влайковымъ на его родинѣ (с. Пирдопъ, Софійскаго округа); пѣсни представляютъ образецъ одного изъ срединныхъ болгарскихъ говоровъ. Второй отдѣлъ приложеній представляетъ словарь; въ него вошли такія слова изъ изслѣдованныхъ г. Лавровымъ памятниковъ, которыя совершенно отсутствуютъ въ старославянскомъ словарѣ Миклошича (Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum), или отмѣчены въ немъ въ другой формѣ или съ другимъ значеніемъ, — въ общемъ болѣе 2000 словъ. — Предъ началомъ изслѣдованія помѣщенъ обзоръ источниковъ, которыми пользовался авторъ. Кромѣ печатныхъ изданій новыхъ и старыхъ текстовъ и различныхъ спеціальныхъ изслѣдованій здѣсь указано около двадцати рукописей, относящихся преимущественно къ XII—XV вѣкамъ и по большей части подробно изслѣдованныхъ авторомъ.

Въ фонетикѣ, которою начинается изслѣдованіе г. Лаврова (стр. 13—122), значительно бо́льшая часть посвящена исторіи болгарскихъ гласныхъ. Существенные отдѣлы этой главы составляетъ изложеніе судьбы древнихъ носовыхъ гласныхъ ѫ и ѧ и такъ называемыхъ «глухихъ» ъ и ь.

Два главныхъ вопроса представляются изслѣдователю по отношенію къ юсамъ: какимъ путемъ шло измѣненіе этихъ звуковъ въ болгарскомъ языкѣ и какія явленія языка скрываются подъ графическимъ явленіемъ, которое принято называть сред-

неболгарскимъ «смѣшеніемъ» или «смѣной» юсовъ. Г. Лавровъ на основаніи собраннаго имъ матеріала разрѣшаетъ первый изъ этихъ вопросовъ слѣдующимъ образомъ: носовыя гласныя очень рано распались на группу «неносовая гласная + носовая согласная»; носовая согласная такихъ группъ вслѣдъ за тѣмъ исчезала въ большинствѣ говоровъ. Кромѣ того авторъ «Обзора» допускаетъ, что въ группѣ «неносовая гласная + носовая согласная», полученной изъ ѫ, гласная въ различныхъ говорахъ болгарскаго языка была уже различная, каковое различіе сохранилось и по исчезновеніи носовой согласной. Такому взгляду противорѣчатъ однако какъ теоретическія соображенія, такъ и показанія болгарскихъ говоровъ. Въ судьбѣ носовыхъ гласныхъ наблюдается или переходъ въ гласныя неносовыя или распаденіе на группу «гласная неносовая + носовая согласная». Но эта группа обыкновенно не обнаруживаетъ наклонности къ утратѣ носовой согласной. Такимъ образомъ обычное болгарское *мъдър* нельзя выводить изъ діалектическаго *мъндър*, или *гледам* изъ *глендам;* и тѣ и другія формы одинаково восходятъ къ общеболгарскимъ *мъ̨дър* и *глѐ̨дам* съ носовыми ъ и ѐ [1]). Равнымъ образомъ діалектическое *мадар* не восходитъ къ предполагаемому г. Лавровымъ **мандар*, а діалектическое *модор* — къ **мондор*. Группа «гласная неносовая + носовая согласная», если оставить въ сторонѣ спорадическіе случаи, составляетъ діалектическую особенность нѣсколькихъ македонскихъ говоровъ. Для всей остальной массы болгарскихъ говоровъ слѣдуетъ принять простой переходъ носовыхъ гласныхъ въ гласныя неносовыя. Самъ авторъ «Обзора» отмѣчаетъ фактъ, что во всѣхъ говорахъ, не знающихъ группы *ън* изъ ѫ или *ен* изъ ѧ, юсъ большой совпалъ со старымъ ъ (насколько это послѣднее не перешло въ болѣе раннюю эпоху въ *о*) и имѣлъ съ нимъ общую судьбу, т. е. испыталъ напр. діалектическій переходъ въ *а* и *о*. Я не касаюсь этихъ вопросовъ подробнѣе, потому что они получили обстоя-

---

1) О звукѣ, обозначаемомъ чрезъ ѐ, рѣчь идетъ ниже.

тельное разъясненіе въ статьяхъ И. Облака[1]), установившаго также фактъ болѣе ранней утраты носоваго характера юсовъ въ открытомъ конечномъ слогѣ.

Среднеболгарской смѣны юсовъ авторъ «Обзора» касается на стр. 30—34. Изложивъ результаты извѣстныхъ наблюденій профессора Лескина надъ употребленіемъ юсовъ въ среднеболгарской письменности, г. Лавровъ обращается къ показаніямъ современныхъ говоровъ. Изъ того, что изслѣдователь говоритъ о сущности (стр. 20 и 33) среднеболгарской смѣны юсовъ, можно заключить, что онъ приписываетъ этому явленію безусловно фонетическія причины. Такому взгляду безъ сомнѣнія и слѣдуетъ отдать предпочтеніе предъ различными, отчасти весьма неловкими, попытками объяснить смѣну юсовъ графически. При этомъ однако г. Лавровъ замѣчаетъ, что смѣна юсовъ не обозначаетъ ихъ полнаго отожествленія въ выговорѣ. Теоретически это дѣйствительно должно принять для извѣстной эпохи и, какъ увидимъ далѣе, для нѣкоторыхъ спорадическихъ случаевъ смѣны. Однако можно думать, что въ болгарскихъ памятникахъ XII и послѣдующихъ вѣковъ написанія шѫ, жѫ, штѫ, ждѫ и др. (вм. старыхъ шѧ, жѧ, штѧ, ждѧ) и написанія рѧ, лѧ, нѧ и др. (вм. старыхъ рѭ, лѭ, нѭ) вполнѣ точно передавали выговоръ, т. е., что при извѣстныхъ условіяхъ ѧ въ эту эпоху вполнѣ совпало съ ѫ и наоборотъ. На это указываетъ съ одной стороны постоянство, съ которымъ упомянутыя написанія появляются въ среднеболгарской письменности, съ другой — тѣ изъ современныхъ говоровъ, которые сохранили слѣды этого явленія: въ этихъ говорахъ ъ такихъ формъ, какъ *жътва*, *шътам*, *ізикъ* (изъ жѧ-, шѧ-, ѩ-) раздѣляетъ судьбу стараго ъ и совпавшаго съ нимъ ѫ; поэтому изъ *іъ-*, *жъ-*, *шъ-* діалектически получается *іа-*, *жа-*, *ша-*, *іо-*: *іазик* и *іозик*, *жадни* и т. п., — совершенно такъ же, какъ изъ стараго ѫ находимъ ъ, *а* и *о*. Переходъ ѧ въ ѫ долженъ былъ, слѣдовательно, произойти въ очень раннюю эпоху.

1) Archiv für slavische Philologie томы XVI. 481 и XVII, «Сборникъ» болг. минист., т. XI.

Въ этомъ отношеніи любопытно сравнить графику среднеболгарскихъ памятниковъ съ графикой древнѣйшихъ кирилловскихъ и глаголическихъ рукописей въ одномъ спеціальномъ случаѣ.

Однимъ изъ отличій ѧ отъ ѫ была нѣкоторая мягкость согласныхъ, предшествовавшихъ юсу малому. Но въ языкѣ древнѣйшихъ старославянскихъ памятниковъ есть грамматическая форма, въ которой подъ вліяніемъ аналогіи появился звукъ ѧ безъ предшествующей мягкости; это — формы им. пад. ед. ч. муж. рода въ причастіяхъ настоящаго времени отъ твердыхъ глагольныхъ основъ (I кл. и V кл.): живꙙ, грѧдꙙ, несꙙ, сꙙ, ѣдꙙ, заступающія мѣсто болѣе первоначальныхъ формъ живъı, грѧдъı, несъı, съı, ѣдъı. Эта замѣна предполагаетъ еще существующей систему флективныхъ формъ склоненія и принадлежитъ слѣдовательно къ очень древней эпохѣ: живꙙ появилось при косвенныхъ падежахъ живѫщіа, живѫщіоу и т. д. по аналогіи мягкихъ основъ (III кл.), гдѣ при косвенныхъ падежахъ пишѫшта, дѣлаѭшта и т. д. существовали именительные пишѧ, дѣлаѩ съ юсомъ малымъ. Звукъ ѧ безъ предшествовавшей мягкости (въ кирилловской транскрипціи глаголическихъ текстовъ для него принято обозначеніе чрезъ ꙙ) древнѣйшими кирилловскими памятниками на письмѣ совершенно не отличается отъ ѧ; древніе глаголическіе памятники при обозначеніи этого звука также исходятъ отъ начертанія юса малаго є; но обозначаютъ фонетическое отличіе вновь полученнаго звука отъ стараго юса малаго особой скобой передъ знакомъ є. Обычнымъ написаніемъ среднеболгарской графики въ занимающемъ насъ случаѣ является не ѧ, а ѫ: живѫи, орѫи, връхѫи, могѫи, сѫи. Такое правописаніе, хорошо извѣстное изъ болгарскихъ памятниковъ начиная съ XII вѣка, въ отдѣльныхъ случаяхъ проникло и въ древнѣйшіе старославянскіе памятники. Можно думать, что въ болгарскихъ говорахъ юсъ малый такихъ формъ при утратѣ носового характера перешелъ въ ѫ именно вслѣдствіе отсутствія предшествующей мягкости.

Фонетическій случай того же рода въ живыхъ болгарскихъ говорахъ представляютъ вѣроятно мѣстоименныя формы *мъ, тъ, съ* (Цанк. *тй, ťй, sй*), откуда въ говорахъ и *ма, та, са,* — изъ среднеболгарскихъ мѫ, тѫ, сѫ съ неносовымъ ѫ=ъ; формы *ме, те, се,* встрѣчаемыя въ другихъ говорахъ, восходятъ непосредственно къ мѧ, тѧ, сѧ. Діалектическая утрата мягкости передъ ѧ въ этомъ случаѣ объясняется вѣроятно энклитическимъ употребленіемъ этихъ формъ; выводить ихъ *ъ* (*й*) прямо изъ ѧ не представляется возможности. Родопскіе говоры, развившіе, какъ мы увидимъ далѣе, значительную мягкость согласныхъ передъ ѧ, въ этихъ энклитическихъ формахъ мягкости не имѣютъ; онѣ звучатъ въ Родопахъ *ма, та, са,* при чемъ родопское *а* восходитъ здѣсь къ неударяемому *ъ* изъ ѫ. Переходъ ѧ въ ѫ вслѣдствіе утраты предшествующей мягкости представляетъ рѣдкій случай. Обращаюсь теперь къ главнымъ условіямъ, вызывавшимъ въ среднеболгарскомъ переходъ ѧ въ ѫ и ѫ въ ѧ.

Отъ автора «Обзора» не ускользнуло неполное соотвѣтствіе фактовъ старой письменности съ фактами живого языка по отношенію къ смѣнѣ юсовъ. Такъ напр. переходъ ѧ въ ѫ наблюдается въ среднеболгарскихъ памятникахъ довольно послѣдовательно послѣ согласныхъ ш, ж, шт, жд, между тѣмъ какъ послѣ *j* мы не наблюдаемъ такой правильности: въ этомъ случаѣ—смотря по памятнику—можно найти ѫ вмѣсто стараго ѩ и ѧ вм. стараго ѭ. Между тѣмъ въ современныхъ болгарскихъ говорахъ переходъ ѧ въ ѫ наблюдается послѣ *ш, ж* и *j*, — послѣдній звукъ дѣйствуетъ совершенно также, какъ шипящія. Поэтому нельзя не принять прекраснаго объясненія И. Облака, который въ колебаніи среднеболгарскихъ писцовъ по отношенію къ ѧ и ѫ послѣ *j* видитъ въ значительной степени безпомощность графики для изображенія группы *jъ* (*jй*). Отсутствіе въ живыхъ говорахъ случаевъ перехода ѧ въ ѫ послѣ шт и жд объясняется вѣроятно случайными причинами. Въ старомъ языкѣ примѣры этого рода, за исключеніемъ развѣ корня штѧд-, являются въ грамматическихъ окончаніяхъ, теперь утраченныхъ или измѣненныхъ

аналогіей. По той же причинѣ всѣ достовѣрные примѣры перехода ѧ въ ж послѣ ш и ж ограничиваются въ живыхъ говорахъ также коренными слогами.

Авторъ «Обзора», не изслѣдуя причинъ неполнаго соотвѣтствія между среднеболгарскимъ и новоболгарскимъ явленіемъ, тѣмъ не менѣе высказывается въ пользу существованія фонетическаго преемства между ними.

Переходъ ѧ въ ж послѣ слитныхъ согласныхъ ч, ц, ѕ уже въ среднеболгарскомъ языкѣ носитъ явно діалектическій характеръ, сообразно съ чѣмъ и современные говоры почти не представляютъ примѣровъ этого рода. И. Облакъ приводитъ напр. форму *чъсто* (=чѧсто) и *чъдо* (=чѧдо). Правда, г. Лавровъ относитъ сюда-же родопскія формы *чоста гора*, *зачоха*, *чодо;* но на самомъ дѣлѣ эти формы должны быть объясняемы иначе, такъ какъ въ Родопахъ, въ противуположность другимъ болгарскимъ говорамъ, ѧ переходитъ въ *'о*, *'оа* (=*о* и *а*° съ предшествующей мягкой согласной) послѣ всевозможныхъ согласныхъ; самъ авторъ «Обзора» приводитъ напр. родопскую форму *гліоданіе*. Этотъ родопскій процессъ не можетъ быть отождествляемъ съ среднеболгарской смѣной юсовъ, хотя и бросаетъ свѣтъ на ея причины.

Нельзя не пожалѣть, что г. Лавровъ не включилъ въ свою книгу связной характеристики по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, наиболѣе характерныхъ, болгарскихъ говоровъ. Родопскіе говоры, рано обособившіеся и сохранившіе много старины, представили бы при этомъ особенно благодарный матеріалъ. Основныя фонетическія черты этихъ говоровъ безъ большихъ затрудненій извлекаются изъ родопскихъ текстовъ, изданныхъ въ большомъ количествѣ.

Въ Родопахъ при извѣстномъ условіи развилась довольно сильная мягкость согласныхъ передъ гласными небными. Съ другой стороны родопскіе говоры, подобно прочимъ болгарскимъ говорамъ, указываютъ на раннее совпаденіе звуковъ ж и ъ. Подъ удареніемъ изъ ж и ъ получилось *о* или *оа*, — звукъ

опредѣляемый, какъ открытое *о* (*а*°). Внѣ ударенія изъ ж, ъ́, получилось *а*: *рóка*, *прóт*, *кóща* или въ др. говорахъ *роáка*, *проáт*, *коáшта*, но *ракоá-та*, *воáтакан* («утокъ», членная форма). Если родопскому ж, ъ предшествовала мягкая согласная, то мягкость сохранилась: подъ удареніемъ получилось *'о*, *'оа*, внѣ ударенія — *'а*° (=открытое *е*; пишется *е*, *я*, *еа*): *душьóса* («душа», членная форма), *мажьóт* («мужъ», членная форма), но *вéчереа* (=вєчєрѫ, cas. gener.), *комшíеа*, глаголы, 1. s. praes., *са пóмачеа* («помучусь»), *íздиреа*, членныя формы *кóнеат*, *цáреат*. Совершенно также, какъ *'ъ* (изъ ѭ и *'ъ*), измѣняется въ Родопахъ и старый ѧ: *гльоáдам*, *срьоáшнеа*, *путьоáглим*, *стьоáгнал*, *зьóт*, *тьóшка* (утрата мягкости наблюдается часто въ формахъ глагола възѧти: *зоáл*, *зоáх*); внѣ ударенія изъ ѧ получается *а*°: *тéлеану* («теленокъ», членная форма), *пáмеат*, *прíглеат* (= — д), *три зáеака*. Законъ этотъ проведенъ въ такой массѣ случаевъ, что встрѣчающіяся порой отклоненія не могутъ поколебать его. Изрѣдка встрѣчаемыя формы какъ *глéдам*, *лéгнува*, *са тресе* объясняются вѣроятно заимствованіемъ изъ другихъ говоровъ или иногда — неточностью записи; есть тексты, не знающіе такихъ отклоненій отъ общаго закона. Въ неударяемыхъ слогахъ ѧ иногда имѣетъ закрытый выговоръ: *зáици*; это также вѣроятно объясняется заимствованіемъ изъ другихъ говоровъ, также какъ и закрытый выговоръ неударяемаго *е* и *ѣ*: *лижи* («лежитъ»), *сидеала* («сидѣла»). Такія формы заимствовались изъ говоровъ, обращавшихъ въ *і* неударяемое *е* всякаго происхожденія (изъ є стараго, изъ ѧ, изъ ѣ и изъ ь). Вообще-же слѣдуетъ признать, что въ Родопахъ ѧ отличался отъ ж только мягкостью предшествовавшей согласной, а не качествомъ самаго звука своего: ѧ перешелъ здѣсь въ *'ъ* и совершенно совпалъ съ *'ъ* всякаго другого происхожденія. Съ теченіемъ времени родопскіе ъ и *'ъ* утратили свой среднеязычный характеръ и перешли въ звуки заднеязычные: ъ въ *о*, *оа* подъ удареніемъ, въ *а* внѣ ударенія, *'ъ* — въ *'о*, *'оа* подъ удареніемъ, въ *'а* внѣ ударенія; можно думать, что еще родопскіе ъ и *'ъ* имѣли подъ удареніемъ болѣе закрытый звукъ, чѣмъ

внѣ ударенія; во многихъ восточноболгарскихъ говорахъ до сихъ поръ существуетъ такая разница между ударяемымъ и неударяемымъ *ъ*. Что касается звука *'а*, полученнаго изъ неударяемаго *'ѫ* различнаго происхожденія, то это *'а*, подобно всякому другому *'а* перешло въ Родопахъ въ *'а*ᵉ (пишется *е, я, еа*). Ту же судьбу имѣло въ Родопахъ *'а* изъ ударяемаго ѣ и ударяемаго стараго *'ѧ*: *хлеáп, теáсну; чеáкаітеа, уфчеáреат, чеáша, жеáлну.*

Въ родопскихъ говорахъ есть случаи перехода стараго є въ *'о, 'оа*. Но такіе случаи сравнительно рѣдки и не могутъ быть отождествляемы съ систематическимъ переходомъ юса малаго въ *'о, 'оа*. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что ударяемое родопское *е* не отличается по звуку отъ обычнаго болгарскаго *е;* по внѣ ударенія родопское *е* имѣетъ открытый характеръ; оно изображается чрезъ *еа* и по звуку совершенно совпадаетъ съ тѣмъ *еа*, которое получилось въ Родопахъ изъ ѣ, *'ѧ* и неударяемаго *'ѫ*. Это позволяетъ думать, что въ неударяемыхъ слогахъ звуки є, ѣ, *'ѧ* обратились первоначально въ *'ъ*, откуда далѣе *'а*, къ которому восходитъ современное родопское *еа*. Только въ ударяемыхъ слогахъ ѣ и *'ѧ* старое перешли въ *еа* непосредственно, безъ промежуточной стадіи *'ъ*. Изслѣдователи отмѣтили уже различныя черты, роднящія родопскіе говоры съ восточноболгарскимъ нарѣчіемъ. Къ такимъ чертамъ относилось-бы и предполагаемое измѣненіе родопскихъ неударяемыхъ *е, ѣ, 'а* въ *'ъ*. Діалектически въ Родопахъ и теперь извѣстенъ переходъ неударяемаго *е* (и *і*) въ *ъ* (съ утратой предшествующей мягкости). Таковъ говоръ въ мѣстности Рупчосъ. Въ восточноболгарскомъ нарѣчіи есть говоры, знающіе переходъ неударяемаго *е* въ *'ъ* въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Таковъ напр. говоръ Пещерскій [1]), географически близкій къ родопскимъ горамъ: онъ обратилъ нѣкогда въ *'ъ* всякое первоначально неударяемое *е;* изъ такого *'ъ*, какъ и во многихъ другихъ говорахъ получилось современное Пещерское «глухое» ê,— звукъ среднеязычнаго ряда,

1) Пещера лежитъ въ Восточной Румеліи, къ югу отъ Татаръ-Пазарджика.

по общему акустическому впечатлѣнію напоминающій *е*. Общую черту Пещерскаго и родопскихъ говоровъ составляетъ также своеобразный переносъ ударенія влѣво, наступившій уже послѣ того, какъ неударяемое *е* перешло въ *'ъ: е*, вновь утрачивавшее удареніе въ силу этого переноса, уже не переходило въ *'ъ, 'а, 'а°*; поэтому напр. *іу́ме* («имя», изъ *іуме́*), а не *іу́меа*. Когда новое удареніе падало на *'ъ*, полученное изъ неударяемаго *е* или *ѣ*, это *'ъ* измѣнялось, какъ и всякое ударяемое *'ъ*, въ *'о, 'оа*. Такъ напр. изъ *ела́, ела́те* («прійди», «прійдите») чрезъ посредство *іъла́, іъла́те* явилась современная родопская форма *іо́ла* и *іоа́лате* съ перенесеннымъ удареніемъ. Такимъ же образомъ родопское *прутио́кла* получилось изъ *протекла́*. Энклитическое *е* (= est) перешло въ *іъ*, откуда развилась ударяемая форма *іоа́* при неударяемой *еа*. Въ формѣ *бьо́ха* (=бѣхж) *ьо* трудно объяснить фонетическимъ путемъ; быть можетъ оно возникло по аналогіи **бьо* (изъ бѣ), которое первоначально было энклитическимъ. Въ родопскихъ говорахъ есть также слѣды стараго перехода неударяемыхъ *а* и *о* въ *ъ*. Такъ напр. вопросительная частица *доа́ли* должна восходить къ формѣ **дъ́ли*, а эта къ *дъли́*, получившейся изъ обычнаго болгарскаго *дали́* (=да-ли); *сроа́мути* возникло при переносѣ ударенія изъ *сръмути́*, а это изъ *срамоти́*. Слѣды перехода *о* въ *ъ*, откуда при неударяемости *а*, гораздо многочисленнѣе. Авторъ «Обзора» сопоставляетъ ихъ на стр. 71 подъ заглавіемъ «случаи аканья». Изъ примѣровъ, тамъ собранныхъ, можно заключить, что въ *ъ* и далѣе въ *а* переходило нѣкогда неударяемое *о* начальнаго слога: *астарсал, адьвел, аставил, атишли, пасрьошнали, пагльодали, паслала, пащеа* (ср. *nošt̂ê* у Цанк.), *наштуваxме*. Сюда же слѣдуетъ, вѣроятно, относить и форму *ба́лну* при *бо́лну* («мен ни ми еа ништу балну» при «какво му еа бо́лпуту») «больно, болитъ»; удареніе на *а* конечно не первоначальное.

Къ сравнительно позднимъ процессамъ родопскихъ говоровъ принадлежитъ переходъ неударяемаго *о* въ *у*, *'о* въ *'у*: ему подвергается не только старое *о*, но также *о* изъ среднеязычныхъ

звуковъ, получавшееся первоначально только подъ удареніемъ. Такъ напр. энклитическое *врьуть, врьут, врут* «подъ рядъ», «всѣ» восходитъ къ формѣ къ рѧдъ, откуда получилось *врьдд* и далѣе, въ энклизѣ, *врьут*.

Говоря (на стр. 32) о переходѣ ѫ въ ѧ авторъ «Обзора» указываетъ, что и въ этомъ случаѣ факты среднеболгарской письменности не вполнѣ совпадаютъ съ фактами живого языка. Въ среднеболгарскомъ ѫ переходитъ въ ѧ послѣ этимологическихъ *рј*, *лј*, *нј* и *пј*, *бј*, *вј*, *мј*, т. е., какъ можно предполагать для языка той эпохи, послѣ мягкихъ л̑, р̑, н̑ и послѣ пл̑, бл̑, вл̑, мл̑ (или *пі̯*, *бі̯*, *ві̯*, *мі̯*). Подобное явленіе наблюдается въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ. Въ разложскомъ говорѣ, впервые описанномъ Вукомъ Караджичемъ (Додатак к санктпетербургским сравнительним рјечницима), это явленіе имѣетъ всѣ признаки древности; здѣсь мы постоянно находимъ чистое *е* въ именит. пад. единств. ж. р. такихъ словъ какъ *неделе, вечере, дуне* (изъ *casus generalis* недѣлѭ, вечерѭ и т. д.) и въ 1 лицѣ ед. наст. времени такихъ глаголовъ, какъ *гоне, горе, моле, удаве, губе* (гонѭ, горѭ, молѭ, оудавлѭ, гоублѭ). Но въ томъ же говорѣ находимъ *е* и послѣ другихъ согласныхъ въ такихъ формахъ 1 л. ед. наст. вр., какъ *прате, воде, расквасе, венче, искаче, служе* («Обзоръ» стр. 32—33). Эти формы безъ сомнѣнія вызваны вліяніемъ грамматической аналогіи: при *моле* существовало *молиш, моли* и т. д., вслѣдствіе чего при *пратиш, прати* возникло 1 л. ед. *прате*. Во всякомъ случаѣ разложскій говоръ не зналъ позднѣйшаго закона, который измѣнялъ-бы *'а* (въ данномъ случаѣ изъ *'ѫ*) въ *е*: этому противорѣчили бы приводимыя Вукомъ разложскія формы *свиња, земја* (изъ *cas. gener.* свинѩѫ, *землѩѫ). Вліяніе аналогіи со стороны *моле, горе* и т. д. на *прате, воде* и т. д. могло быть очень старымъ. Нѣкоторое сомнѣніе можетъ быть только относительно формъ какъ *венче, искаче:* г. Лавровъ приводитъ форму им. п. ед. ж. р. *неренче;* изслѣдователь приводитъ ее въ доказательство того, что въ нѣкоторыхъ говорахъ въ эпоху смѣны юсовъ ч было мягкимъ и дѣйствовало

также, какъ и ѧ̑, ѹ̑, ѩ̑ и т. д. Г. Лавровъ приводитъ напримѣръ форму притчѧ (вин. ед.) изъ одной болгарской рукописи XV вѣка. Слѣдуетъ однако замѣтить, что говоръ этой рукописи не можетъ быть сравниваемъ непосредственно съ разложскимъ: эта рукопись имѣетъ также формы дꙋшѧ, чашѧ (вин. ед.) и кꙑпрошѧ, ловжѧ (1 л. ед.); между тѣмъ ш и ж въ разложскомъ говорѣ не вліяли на измѣненіе слѣдущаго ѫ въ ѧ; напротивъ, послѣ *ж* находимъ въ Разлогѣ даже обратное явленіе — среднеболгарскій переходъ ѧ въ ѫ: *зажаднее* (статья И. Облака, Сб. XI. 544), гдѣ *а* получилось изъ ъ = ѫ; такой же переходъ имѣемъ въ разложскомъ говорѣ и послѣ *j* въ словѣ *јазик*, но послѣ *ш* старое ѧ не переходило въ ѫ: *шеташ, шетнала* (Вук, Додатак, стр. 37 и 41, — изъ шѧт-). Всѣ эти факты позволяютъ думать, что въ среднеболгарской смѣнѣ юсовъ было несравненно болѣе діалектическихъ варіацій, чѣмъ принималъ напр. проф. Лескинъ. Только тщательное изученіе среднеболгарскихъ рукописей можетъ внести полную ясность въ этотъ вопросъ.

Какъ-бы то ни было, разложскій говоръ, съ его двоякой смѣной юсовъ, представляется характернымъ потомкомъ нарѣчія, господствовавшаго въ среднеболгарской письменности. При этомъ и по своему географическому положенію разложскій говоръ относится къ мѣстностямъ, которыя несомнѣнно были захвачены литературной дѣятельностью среднеболгарской эпохи.

Переходъ ѧ въ ѫ, восходящій къ среднеболгарской смѣнѣ, г. Лавровъ указываетъ и въ другихъ болгарскихъ говорахъ, между прочимъ и въ восточныхъ. Обратнаго явленія, среднеболгарскаго перехода ѫ въ ѧ, откуда *е*, восточное нарѣчіе б. м. не знало совершенно. Формы *вόле, дйне, свинѐ, глистé, зъмé,* приводимыя Цоневымъ (Сб. III. 322) изъ шумненскаго говора, если даже допустить, что въ нихъ слышится настоящее *е*, не могутъ быть отдѣляемы отъ цанковскихъ и вообще восточноболгарскихъ формъ, *vólè, dínè, sfinè́, glistè́, zŭmè́*. Очень вѣроятно однако, что въ этихъ шуменскихъ формахъ мы имѣемъ дѣло не съ чистымъ *е*, а съ особымъ восточноболгарскимъ звукомъ,

который непосредственно получался изъ 'ъ различнаго происхожденія. Обозначеніе этого звука очень разнообразно, при чемъ полагаться на точность записей и на точность акустическаго воспріятія этого звука записывающими нельзя. Степень его распространенности въ говорахъ очень различна. Въ говорѣ Цанковыхъ (Свищовскомъ) этотъ звукъ возникаетъ подъ вліяніемъ предшествующей мягкости только изъ стараго ѣ и ѫ, въ другихъ восточныхъ говорахъ онъ получается также изъ болѣе новаго 'ъ, восходящаго къ неударяемымъ *'а, ѣ, е,* даже *і*. Вѣроятно по говорамъ существуютъ также различія въ качествѣ этого звука. Цанковы обозначаютъ этотъ звукъ чрезъ *è* и приравниваютъ его къ нѣмецкому *ä*. Въ извѣстномъ мнѣ рущукскомъ произношеніи здѣсь слышится очень открытое *е* особаго оттѣнка, который заставляетъ отнести этотъ звукъ къ среднеязычному ряду, что̀ вполнѣ соотвѣтствуетъ происхожденію этого звука изъ ъ. Восточноболгарское *è* по условіямъ образованія всего ближе къ англійской гласной, которая слышится въ словѣ *bird* (æ[1], см. Sievers, Grundzüge der Phonetik[4], 96) или въ *how* въ первой части дифтонга (æ[2]); только, подъ вліяніемъ предшествующей мягкости, болгарскій звукъ заключаетъ нѣкоторую склонность къ переднеязычному ряду (звукамъ *і—е*): въ его образованіи участвуетъ не только средняя, но отчасти и передняя часть языка. Звукъ *è* есть особенность спеціально восточноболгарская, которую нельзя отожествлять съ среднеболгарской (ограничивавшейся вѣроятно только западными говорами) смѣной 'ѫ въ ѧ, откуда *е*. Но восточноболгарское явленіе представляетъ прекрасную аналогію для среднеболгарскаго процесса; слѣдуетъ только помнить, что оно происходило въ другую эпоху, кромѣ юса большаго отразилось также на глухихъ (т. е. среднеязычныхъ) звукахъ другаго происхожденія (на ъ старомъ, на неударяемомъ *'а, ѣ, е, і*) и въ своихъ результатахъ вообще еще не дошло до чистаго е.

Причины среднеболгарской смѣны юсовъ станутъ яснѣе, если допустить, что при потерѣ носоваго характера оба юса

перешли въ гласныя среднеязычнаго ряда. Какъ мы видѣли, въ родопскихъ говорахъ юсы даже совпали по звуку: ѧ отличалось здѣсь отъ ѫ только предшествующей мягкостью. Но въ остальныхъ болгарскихъ говорахъ такого совпаденія не было: ѧ съ самаго начала перешло въ гласную, несравненно болѣе открытую, чѣмъ ѫ. Подобное отношеніе *въ степени открытости* между звуками, полученными изъ старыхъ носовыхъ гласныхъ, обнаруживается и въ другихъ славянскихъ языкахъ, напр. въ русскомъ, чешскомъ, словацкомъ. Среднеязычные звуки, полученные болгарскимъ языкомъ изъ ѫ и ѧ, кромѣ физіологическаго родства должны были имѣть первоначально и значительное акустическое сходство вслѣдствіе общаго оттѣнка (*timbre*), который сообщало имъ среднеязычное произношеніе. На физіологическомъ родствѣ основано измѣненіе ѧ въ ѫ и ѫ въ ѧ при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ, на акустическомъ родствѣ — графическое смѣшеніе юсовъ внѣ этихъ условій. Къ послѣднему случаю относится замѣна юса большаго юсомъ малымъ послѣ твердыхъ согласныхъ: **сьсѧдь** («сосудъ»), **застѧпникь**, **вь гл̃ѣ трѧбнѣ** (= **тржбнѣ**), **голѧбь** и еще нѣкоторые примѣры изъ приводимыхъ г. Лавровымъ на стр. 33. Кромѣ того нѣкоторые, менѣе точные, писцы среднеболгарской эпохи употребляютъ для обоихъ звуковъ — ѫ и ѧ — одинъ общій знакъ: ѫ или ъ, ь. Подобное употребленіе знака ѫ г. Лавровъ отмѣчаетъ (на стр. 34) въ одномъ изъ почерковъ Охридскаго апостола XII вѣка.

Нѣкоторая мягкость, первоначально предшествовавшая всякому ѧ, была причиной того, что этотъ среднеязычный звукъ сталъ измѣняться въ направленіи современнаго восточноболгарскаго *ȅ*, т. е. получилъ нѣкоторую склонность къ переднеязычному ряду. Постепенное развитіе этой склонности закончилось переходомъ этого звука въ *е* чистое, между тѣмъ какъ отсутствіе мягкости въ такихъ случаяхъ, какъ причастія **орѧи**, **сѧи** и энклитич. мѣстоим. **мѧ**, **тѧ**, **сѧ**, содѣйствовало сохраненію среднеязычнаго характера и дальнѣйшему совпаденію такого ѧ съ ѫ. Звукъ ѧ въ **орѧи**, **сѧи** и въ **мѧ**, **тѧ**, **сѧ** долженъ былъ по-

ходить на діалектическій тетевенскій выговоръ болгарскаго ѫ и ѣ и на діалектическое черногорско-которское произношеніе звука ѣ: въ обоихъ случаяхъ слышится среднеязычный звукъ безъ предшествующей мягкости, отличающійся отъ обычнаго болгарскаго ъ только своею открытостью[1]).

При указанномъ характерѣ среднеболгарскаго ѧ становится особенно понятной и причина его графическаго смѣшенія съ среднеболгарскимъ ѣ; ѣ должно было звучать тогда какъ дифтонгическое сочетаніе 'e͡a, которое и теперь, тамъ гдѣ оно произносится, имѣетъ для уха нѣкоторое сходство съ ѐ: при произношеніи дифтонга e͡a языкъ переходитъ изъ передняго положенія въ заднее, при чемъ, необходимо проходя чрезъ среднеязычный рядъ, окрашиваетъ среднюю часть дифтонга оттѣнкомъ этого ряда.

Переходъ среднеболгарскихъ р̂ѫ, л̂ѫ, н̂ѫ и т. д. въ рѧ, лѧ, нѧ совершенно аналогиченъ восточноболгарскому переходу 'ъ въ ѐ и обнаруживается отчасти въ тѣхъ же грамматическихъ категоріяхъ, какъ и этотъ послѣдній. Различіе между обоими процессами заключается въ согласныхъ, вліявшихъ на измѣненіе слѣдующей гласной. Въ среднеболгарскомъ вліяли только смягченныя плавныя, носовыя и губныя, мягкость которыхъ должна была быть сильная.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что нѣтъ основанія ограничивать переходъ ѫ въ ѧ конечными слогами. Если въ живыхъ болгарскихъ говорахъ примѣры этого явленія представляются наблюденію главнымъ образомъ въ конечныхъ слогахъ, то это — такая же случайность, какъ сосредоточеніе случаевъ обратнаго явленія, перехода ѧ въ ѫ, въ слогахъ начальныхъ и коренныхъ. Наибольшее количество примѣровъ для перехода ѫ въ ѧ всегда представляли извѣстныя грамматическія окончанія, часть которыхъ сохранилась и въ новоболгарскомъ языкѣ (1 л. ед. наст. вр. на — ѭ, вин. ед. ж. р. на — ѭ). Но такой случай, какъ

1) Я имѣю въ виду тѣ говоры, гдѣ ъ является вполнѣ среднеязычномъ звукомъ; въ очень многихъ говорахъ въ образованіи звука ъ участвуетъ также задняя часть языка.

среднеболгарское **вьнѧтрь и вънетреныѧ** при новоболгарскомъ діалектическомъ *внетре*, *нетре* (Обзоръ, стр. 33), доказываетъ, что положеніе слога въ словѣ не имѣло вліянія на переходъ **ѫ** въ **ѧ**. Толко что приведенныя формы восходятъ къ формѣ **вънѭтрь**, гдѣ **ѭ** возникло подъ вліяніемъ начальнаго **ѭ** въ ***ѭтрь**, ср. прилаг. **ѭтрьнь** въ Супрасльской рукописи.

Относительно причинъ перехода **ѫ** въ **ѧ** существуетъ только одно мнѣніе. Менѣе опредѣленны причины обратнаго явленія, перехода **ѧ** въ **ѫ**. Изслѣдователи, признающіе за этимъ явленіемъ фонетическое значеніе, объясняютъ его: одни—раннимъ отвердѣніемъ тѣхъ звуковъ, послѣ которыхъ **ѧ** переходило въ **ѫ**, другіе, наоборотъ, ихъ значительной мягкостью. Оба объясненія подрываются однако очень простыми соображеніями: въ новоболгарскомъ переходъ **ѧ** въ **ѫ** (т. е. появленіе *ъ* вм. *е*) извѣстенъ говорамъ какъ съ твердыми, такъ и съ мягкими шипящими; кромѣ того объ отвердѣніи *j*'а, дѣйствующаго въ данномъ случаѣ совершенно одинаково съ шипящими, не можетъ быть рѣчи. Это говоритъ противъ вліянія твердости предшествующихъ звуковъ[1]). Ихъ мягкость также не могла вліять на переходъ **ѧ** въ **ѫ**: мы видѣли, что въ одновременномъ фонетическомъ процессѣ мягкость плавныхъ, носовыхъ и губныхъ вызывала въ среднеболгарскомъ явленія какъ разъ обратныя. Остается искать причины занимающаго насъ процесса въ самой природѣ вызывавшихъ его звуковъ, независимо отъ ихъ возможной твердости или мягкости.

Вліяніе этихъ звуковъ было въ болгарскомъ языкѣ шире, чѣтъ принимаютъ обыкновенно. На немъ основаны слѣдующія явленія:

1. Переходъ среднеязычнаго неносоваго **ѧ** (=*è*) въ **ѫ** (=*ŭ*), извѣстный многимъ говорамъ, въ большинствѣ изъ нихъ вызы-

---

1) Въ пользу діалектической мягкости слога **-шѫ** изъ **-шѧ** можетъ быть свидѣтельствуетъ написаніе **вѣровашєѫ** (3 л. мн. аор.), находимое въ Охридскомъ апостолѣ: знакъ **є** вообще является замѣной знака **ѥ**.

вавшійся только предшествующими ж, ш, шт, жд и *j*, въ меньшинствѣ — также согласными слитными ч, ц и ѕ.

2. Переходъ звука ѩ въ особый среднеязычный звукъ, обозначаемый болгарскими филологами чрезъ $ъ_2$. Переходъ этотъ въ живыхъ говорахъ оставилъ слѣды послѣ согласныхъ ч, ж, ш; о вліяніи остальныхъ согласныхъ нельзя судить за неимѣніемъ достовѣрныхъ примѣровъ. Звукъ $ъ_2$ съ теченіемъ времени совпалъ по большей части со старымъ *ъ*, но все-же говоры представляютъ по отношенію къ судьбѣ $ъ_2$ значительныя различія, при чемъ не всѣ три указанныя согласныя дѣйствовали въ говорахъ одинаково. Я подробнѣе говорю объ этомъ явленіи въ главѣ объ *ъ* и *ь*.

3. Переходъ *и* (і) и *е* въ *ю* (='*у*), составляющій діалектическое явленіе болѣе рѣдкое и болѣе позднее, чѣмъ два предыдущихъ; и распространеніе его нѣсколько иное: оно наблюдается не только послѣ *ш, ж, ч, шт, j*, но отчасти также послѣ согласныхъ, не дѣйствовавшихъ на ѧ и ѩ. Пестрый матеріалъ, приводимый г. Лавровымъ на стр. 70, представляетъ явленія различныхъ говоровъ и вѣроятно различныхъ эпохъ. Въ виду того, что примѣры перехода *е* въ *ю* относятся къ слогамъ неударяемымъ, автора «Обзора» выводитъ и такое *ю* непосредственно изъ *і*. Заимствую нѣсколько примѣровъ изъ книги г. Лаврова: въ современныхъ говорахъ находимъ: *жюв* съ производными, *жумж'* («жму»), *шюрок* съ производными, *чюрешья, чюляк; чуфутин, чуфчиі*. Формы *юме* (= име) и *юзур* (= извор) заставляютъ предполагать начальное *jі*—. Изъ рукописи XVII в. г. Лавровъ приводитъ слово воцꙋна = «вощина».

Послѣ другихъ гласныхъ, въ рукописи XVIII в. г. Лавровъ указываетъ *ю* въ формѣ стꙋгнахми (= стиг-), въ живыхъ говорахъ: *свитюлник, пристюлк, сюрмах, сюнюгър* (= снигер, «снигирь»), *тютюва, льувада, льутуриж* и др. примѣры. Можно думать, что нѣкоторые случаи этого перехода — послѣ *ш, ж, шт, j*, относятся къ старымъ явленіямъ языка. Любопытно, что послѣ мягкаго *л*, какъ и при юсахъ, наблюдается также

обратное явленіе: въ говорахъ находимъ формы *либе, клич* и т. п. Калина (Hist. język. B. § 24) приводитъ изъ памятниковъ XII—XIV вѣковъ довольно многочисленные случаи написанія ы вм. *і* послѣ ж, ш, ц, ѕ, также послѣ губныхъ; послѣ другихъ согласныхъ — значительно рѣже. Книга г. Лаврова не объясняетъ причинъ такого правописанія, т. к. «Обзоръ» вообще не посвящаетъ особой главы судьбѣ звука ы на болгарской почвѣ. Можно думать, что во многихъ случаяхъ написаніе ы вм. *і* выражаетъ особое качество звука. Интересно, что среди примѣровъ, приводимыхъ Калиной, мы не находимъ чы- вм. чи-. Этотъ фактъ можно сравнивать съ рѣдкостью среднеболгарскихъ написаній чѫ вм. чѧ.

Древнѣйшіе случаи перехода *і* въ *ю* (=*'у*) должны быть отнесены къ той-же категоріи явленій, какъ и переходъ ѧ въ ѫ, ѣ въ *ъ₂*, *ъ*; при томъ они бросаютъ свѣтъ на весь ходъ этого процесса. Подобно тому, какъ *'у* могло образоваться изъ *і* только чрезъ посредство *ӥ*, т. е. путемъ лабіализаціи звука *і*, такъ точно, можно думать, ѧ и ѣ перешли въ ѫ и ъ при посредствѣ лабіализованныхъ ѧ и ѣ.

Изслѣдованія Ф. Ѳ. Фортунатова и А. А. Шахматова показали, что лабіализація была исходной точкой многихъ аналогичныхъ процессовъ общеславянскаго и общерусскаго языка, гдѣ всѣ гласныя, подвергшіяся этимъ процессамъ, прошли стадію *ӧ* или *ӥ*. Подобное явленіе можно предполагать и въ болгарскомъ языкѣ; при этомъ за лабіализаціей, т. е. измѣненіемъ въ положеніи губъ, послѣдовала перемѣна въ положеніи языка. Какъ *ӧ* измѣнялось въ направленіи къ заднеязычному ряду (русское *о*) или среднеязычному ряду (малорусское э), такъ и болгарское *ӥ* (изъ *і*) перешло въ заднеязычное *у* съ предшествующей мягкостью (*ю*), лабіализованное ѣ перешло въ среднеязычный рядъ (звукъ *ъ*), среднеязычное ѧ лабіализованное усвоило себѣ болѣе закрытый выговоръ ѫ, т. е., оставаясь въ среднеязычномъ ряду, измѣнило до извѣстной степени положеніе языка, при чемъ была утрачена склонность ѧ къ переднему ряду.

Но если въ общеславянскомъ и общерусскомъ языкахъ причиной лабіализаціи была мягкость предшествующихъ звуковъ, то въ болгарскомъ причина была иная. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что лабіализація послѣ слитныхъ согласныхъ **ч**, **ц**, **ѕ** была очень слабая, отразившаяся лишь въ немногихъ говорахъ; мягкія **ρ̂**, **λ̂**, **н̂** и т. д., какъ мы видѣли, въ среднеболгарскомъ совершенно не имѣли лабіализующаго вліянія. Способность сильной лабіализаціи имѣли лишь фрикативныя *j*, **ш**, **ж** и группы **шт**, **жд**, начинавшіяся съ фрикативной. Фрикативныя изъ класса **ш** (т. е. различныя *ш* и *ж*) вообще склонны соединяться съ лабіализаціей (Sievers, Grundzüge[4] § 315, 316): вѣроятно въ болгарскомъ языкѣ этой особенностью обладали въ большей или меньшей мѣрѣ и другія фрикативныя. Въ группахъ **шт**, **жд** лабіализація распространилась съ первой части группы согласныхъ на вторую ея часть и чрезъ посредство этой послѣдней передавалась слѣдующей гласной. Въ слитныхъ согласныхъ **ч**, **ц**, **ѕ** вторая часть подчинилась въ большинствѣ говоровъ вліянію первой, нелабіализованной части слитной согласной.

Въ главѣ, посвященной гласнымъ **ъ** и **ь** авторъ «Обзора» говоритъ о слѣдующихъ явленіяхъ: 1) о выпаденіи **ъ** и **ь**; 2) о переходѣ **ъ** въ **о** и **ь** въ **е**; 3) о переходѣ **ь** въ **ъ** и **ъ** въ **ь**.

Судьба гласныхъ **ъ** и **ь** на болгарской почвѣ изслѣдована гораздо менѣе, чѣмъ судьба болгарскихъ юсовъ. Современные говоры по отношенію къ **ъ** и **ь** представляютъ большое разнообразіе, а графика старыхъ памятниковъ весьма неопредѣленна. Все это не могло не отразиться на изложеніи относящихся сюда вопросовъ въ книгѣ г. Лаврова. Впрочемъ усилія г. Лаврова постоянно были направлены на то, чтобы открыть фонетическія явленія, скрывающіяся подъ графикой старыхъ памятниковъ. При этомъ многія предположенія изслѣдователя, какъ увидимъ, заслуживаютъ полнаго вниманія.

Авторъ «Обзора» не останавливается подробно на условіяхъ, при которыхъ гласныя **ъ** и **ь** выпадали въ болгарскомъ языкѣ, и не сопоставляетъ всего матеріала, который могли дать въ

этомъ отношеніи изслѣдованные имъ памятники. Систематическій перечень всѣхъ группъ согласныхъ, допускавшихъ выпаденіе ъ и ь, представилъ-бы значительный интересъ. Такіе примѣры, какъ болгарское *дъно*, съ сохранившимся старымъ ъ, при *днес*, *днеска*, *неска* съ выпавшимъ ь въ той-же группѣ д+н, позволяютъ думать, что условія выпаденія для ъ и ь были отчасти различныя. Съ другой стороны по отношенію къ обѣимъ гласнымъ могли быть діалектическія различія. На эту мысль наводятъ такія параллельныя формы, какъ *дъщеря́* и *щéрка* (изъ *дщерка*), *тъкж́* и *ткаам* («тку»), *тънък* и *тнок*, *діал. кнок*; во всѣхъ трехъ случаяхъ формы съ сохраненнымъ *ъ* принадлежатъ восточнымъ говорамъ, съ утраченнымъ *ъ* — западнымъ.

Нельзя не убѣдиться, что болгарскій языкъ долженъ былъ получить изъ общеславянскаго какъ ирраціональныя *ъ* и *ь*, именно въ конечномъ открытомъ слогѣ и передъ слогомъ съ гласными полнаго образованія (между прочимъ и передъ слогами съ раціональными *ъ* и *ь*), такъ и раціональныя *ъ* и *ь* — передъ слогомъ съ ирраціональными гласными. Въ общеслав. яз. по мѣрѣ увеличенія ирраціональности звуковъ *ъ* и *ь*, находившихся въ извѣстномъ положеніи, т. е. по мѣрѣ ихъ качественнаго и количественнаго ослабленія, усиливались какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи *ъ* и *ь* предшествующаго слога. Увеличеніе ирраціональности звуковъ *ъ* и *ь* заканчивалось обыкновенно утратой слоговаго характера и выпаденіемъ этихъ звуковъ на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ. Качеств. и колич. усиленіе *ъ* и *ь* при извѣстномъ положеніи заканчивалось ихъ переходомъ въ классъ звуковъ раціональныхъ, т. е. звуковъ полнаго образованія. При этомъ можно говорить именно о раціональныхъ *ъ* и *ь*, пока эти звуки не совпадали съ другими звуками полнаго образованія. Въ болгарскомъ, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, исчезновенію подвергались только ирраціональныя *ъ* и *ъ*. Но между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ ирраціональныя *ъ* и *ь* исчезали весьма послѣдовательно, въ болгарскомъ многія группы

согласныхъ и извѣстное положеніе въ словѣ препятствовали исчезновенію. Въ этомъ болгарскій языкъ даже въ сравненіи съ ближайшими къ нему югославянскими языками, обнаруживающими ту-же склонность, идетъ своими собственными путями.

Слѣдуя книгѣ г. Лаврова и пользуясь собраннымъ въ ней матеріаломъ, я изложу сначала судьбу болгарскаго *ь*, потомъ судьбу болгарскаго *ъ*.

Слѣдуетъ принять, что раціональное *ь* во всѣхъ нарѣчіяхъ и говорахъ[1]) болгарскаго языка обратилось въ *е*. «Обычной и правильной замѣной *ь*, говоритъ авторъ «Обзора» на стр. 38-ой, является въ современномъ языкѣ *е*». Примѣры, приводимые затѣмъ г. Лавровымъ, представляютъ случаи двухъ родовъ: или случаи фонетическаго перехода раціональнаго *ь* въ *е*, или случаи переноса такого *е* путемъ аналогіи въ родственныя образованія, которыя фонетически должны были получить *ь* ирраціональное. Переходъ раціональнаго *ь* въ *е* доказывается такими примѣрами, какъ *ден, везден, днес, овес, овен, нощес, лев, есенес*, суфф. —*ец* и т. п. Перенесеннымъ по аналогіи *е* является въ такихъ формахъ, какъ прилаг. *ленѐн, овесѐн*, нарѣч. *деня́* (ср. фонетич. выпаденіе *ь* въ *надница* «поденщина»), суфф. —*ец* въ членной формѣ ед. ч. м. р. (*кладенецът* и т. п.), мн. ч. *лѐвове*. Въ такихъ глагольныхъ формахъ, какъ *жѐнѫ, чѐнѫ, четѫ́* (изъ *четѫ́*), *жумѫ́* (изъ *жемѫ́* чрезъ посредство формы *жимѫ́*) *е* возникало подъ вліяніемъ аналогіи другаго рода. При чьнѫ, чьтѫ, жьнѫ, жьмѫ существовали формы -чинам, -читам, -жинам, -жимам (соврем. болг. *начинам, почитам*); на появленіе формъ съ *е* вм. *ь* должно было подѣйствовать существованіе (очень распространенныхъ въ болгарскомъ языкѣ) образованій — *-грибам, -бирам, -плитам, -нисам*, при *гребѫ, берѫ, плетѫ, несѫ* съ старымъ *е*. При формахъ, вызванныхъ такою аналогіей, болгарскій языкъ сохраняетъ еще въ говорахъ фонетическія *начнѫ, жънѫ, чътѫ*.

---

1) Кромѣ нѣкоторыхъ, граничащихъ съ сербской областью.

Кромѣ положенія передъ слогомъ съ ирраціональной гласной вѣроятно были и другія, болѣе рѣдкія, условія для возникновенія раціональнаго *ь*. Къ такимъ случаямъ могло бы быть отнесено болгарское *стебло* при чешскомъ *stéblo*, польскомъ *źdźiobło*, *źdźiebło*, если бы параллельныя формы чеш. *zblo*, польск. *źdźbło*, *dźbło*, *źbło* не заставляли предполагать одновременное существованіе общеславянскихъ формъ **стьбло** и **стьбьло**.

Что касается *ь* ирраціональнаго, то оно во всѣхъ нарѣчіяхъ и говорахъ болгарскаго языка перешло въ *ъ*; при этомъ, по вѣрному наблюденію г. Лаврова, показанія старыхъ памятниковъ языка заставляютъ предположить первоначальный переходъ *ь* въ *ъ* и въ такомъ положеніи, въ которомъ оно позднѣе выпадало. Всего легче наблюдать такое *ъ* изъ *ь* въ начальномъ слогѣ слова, такъ какъ при положеніи въ начальномъ слогѣ *ъ* изъ *ь* удерживалось и въ такихъ группахъ, которыя при положеніи въ срединныхъ слогахъ допускали его исчезновеніе[1]). Сюда относятся такіе примѣры какъ *мъгла, стъкло, тъма, мъзда, тъща, мъстѫ, пъстрина, пъстрѫ, клънѫ* и др.

Съ теченіемъ времени *ъ*, полученное изъ *ь* ирраціональнаго, было переносимо въ такія формы, гдѣ по своему положенію *ь* должно было быть раціональнымъ и слѣдовательно переходило въ *е*. Такое *е* очень часто и слышится при *ъ* во многихъ словахъ, иногда даже въ одномъ и томъ-же говорѣ. Такъ напр. фонетическія формы *темнина*, *темница*, *затемнявам* еще слышатся при *тъмнина*, *тъмница*, *затъмнявам*, подчинившихся вліянію формы *тъма*, гдѣ *ъ* фонетическаго происхожденія. При *тънък*, гдѣ первое ъ получилось фонетически изъ иррац. *ь* (ср. макед. діалектич. *тнок* и *кнок*) возникли формы *тънка* (ж. р.), *тънко* (ср. р.) вмѣсто болѣе первоначальныхъ *тенка, тенко*. Цанковы приводятъ еще параллельныя формы *тенчина*, *истенчавам* и

---

1) Такъ напр. при *пóдпнѫ*, *óпнѫ*, *óтпнѫ*, *разóпнѫ* существуютъ *припъ'нѫ*, *отпъ'нѫ*, образованныя по аналогіи *пънѫ*. Была такая же разница въ судьбѣ начальнаго и неначальнаго слога съ старымъ *ъ*, ср. *дънó* и *задни́вамъ*.

тънчина, истънчавам[1]). Выше я указалъ уже, что аналогія имѣла и обратное вліяніе: при *тъмен, тънък* находимъ у Цанковыхъ также *темен, тенък,* гдѣ *е* кореннаго слога перенесено изъ такихъ формъ, какъ *темна, темно, темни, тенка, тенко, тенки.* Въ отдѣльныхъ случаяхъ одна изъ двухъ параллельныхъ формъ слова совершенно вытѣсняла другую; такъ при *пън* («пень») обыкновенно не находимъ основы *пен-*, при *ден* («день») — основы *дън-*; въ первомъ случаѣ взяла верхъ форма косвенныхъ падежей, въ послѣднемъ — форма именительнаго. — Съ теченіемъ времени *ъ*, полученное изъ ирраціональнаго ь, во многихъ случахъ выпадало (напр. почти всюду въ неначальныхъ слогахъ), но и въ такихъ случаяхъ *ъ* нѣкогда переносилось по аналогіи въ положеніе, гдѣ фонетически должно было существовать *ь* раціональное. Этимъ цѣннымъ наблюденіемъ мы обязаны г. Лаврову, который (на стр. 39) обращаетъ вниманіе на среднеболгарскія формы им. ед. **врътопъ** (= **врьтьпъ**) и род. мн. **сѫдѡбъ** (= **сѫдьбъ**); звукъ *о* въ обоихъ случаяхъ представляетъ фонетическую (западно-болгарскую) замѣну раціональнаго *ъ*, которое могло возникнуть только по аналогіи ирраціональнаго *ъ*, полученнаго фонетически изъ ирраціональнаго *ь* въ остальныхъ формахъ обоихъ приведенныхъ словъ: **врътъпа**, **врътъпоу**, **сѫдъба**, **сѫдъбы** и т. д., откуда со временемъ **врътпа**, **врътпоу**, **сѫдба**, **сѫдбы** и. т д. Для опредѣленія древности этихъ процессовъ важно, что уже въ Синайской Псалтыри слово **сѫдьба** имѣетъ постоянно **ъ** вм. **ь**, кромѣ род. пад. мн. ч., который всегда звучитъ **сѫдобъ** (Geitler, Psalt. стр. XVIII). Въ живомъ языкѣ только благодаря вліянію аналогіи при *камен, камене* и т. п. могли сохраниться варіанты *камън, камъне* и т. п. (основа **камьн-**), т. к. фонетически въ формѣ **камьнь** срединное *ь* должно было перейти въ *е*, а въ формѣ **камъне** (изъ **камьне**) оно должно было исчезнуть; ср. *подземница, пламник, питомна, питомно.*

---

1) Изъ стараго языка г. Лавровъ приводитъ **лъвъ, лъвски**, представляющія полную аналогію къ современному *пъс* (при *пес*).

Ирраціональное *ь* при своемъ переходѣ въ *ъ* совершенно совпало съ *ъ* старымъ и дѣлитъ всю судьбу послѣдняго въ болгарскихъ говорахъ. Какъ мы уже видѣли *ъ* изъ *ь*, попадая въ положеніе *ъ* раціональнаго, перешло въ западныхъ говорахъ въ *о*. Въ болѣе позднюю эпоху оно переходило въ *а* въ тѣхъ западныхъ и срединныхъ говорахъ, которые знаютъ переходъ стараго *ъ* въ *а*: при сан, даш (**сънъ, дъждь**) въ такихъ говорахъ находимъ и *магла, танка*[1]) *пастро* (**мъгла, тънъка, пъстро**). Дебрскіе говоры, какъ и изъ стараго *ъ*, имѣютъ въ такихъ случаяхъ (спеціально дебрское) *о*; *могла, постро* (Обз. стр. 37). При переходѣ ирраціональнаго *ь* въ *ъ* утратилась та слабая степень мягкости, которая существовала передъ всякимъ *ь*. Только кажущееся исключеніе представляютъ въ этомъ отношеніи родопскіе говоры, ибо мы уже видѣли, что родопскія формы *тйовна* (пишется также *тьовна* и *тіовна*) и т. п. восходятъ не къ **т'ъмна* (удар. на *'ъ*) изъ **тьмна*, а къ **т'ъмна́* изъ *темна́* съ переносомъ ударенія влѣво. Непосредственно изъ ирраціональнаго *ь* и въ Родопахъ получалось *ъ* безъ предшествующей мягкости, какъ то доказываетъ родопская форма *могла, моа́гла*[2]). Отсутствіе мягкости позволяетъ отличать старое *ъ* изъ *ь* отъ болѣе поздняго *ъ* изъ неударяемаго *ѣ*, *'а*, *е* или *і* восточныхъ говоровъ; послѣднему предшествуетъ мягкость; такъ напр. Ловчанскій говоръ при *слав'ъі, греб'ън, до неб'ъс, пам'ът* и т. п. имѣетъ формы *камъне, мънън* (***мьньнъ**) съ болѣе древнимъ *ъ* изъ *ь*, удержавшимся благодаря аналогіи; новое *'ъ* изъ неударяемыхъ звуковъ восточнаго нарѣчія отвердѣвало только діалекти-

---

1) ъ (изъ ь) перенесено здѣсь аналогіей въ положеніе ъ раціональнаго, откуда діалектич. (македонское) *о*: *то́нка, тонко, истонче* (Сб. Мин. XI. 556). — Форма *танка* получалась въ говорахъ, не знавшихъ въ болѣе раннюю эпоху перехода раціональнаго ъ въ *о*.

2) Теодоровъ (Пер. Спис. 1883, кн. V. 28) приводитъ изъ одного стараго изданія формы *вьоршіе, префьорка*. Новыя изданія родопскихъ текстовъ такихъ формъ не содержатъ. Что касается родопскаго *дльога*, то мягкость получилась здѣсь до перестановки подъ вліяніемъ слѣдующей гортанной, ср. родопское *воальк* «волкъ», гдѣ *л* получило мягкость подъ вліяніемъ слѣдующей гортанной.

*

чески, иногда лишь въ извѣстномъ положеніи (напр. ловчанское *ѣ* передъ *р*: *грѣдъ'* (= греда, грѧда), *ръшетáринъ* (= ре-, рѣ-).

Выше, говоря о смѣнѣ юсовъ, я коснулся уже вліянія предшествующихъ согласныхъ *ч*, *ж*, *ш* и др. на болгарское *ь*. Подъ лабіализующимъ вліяніемъ этихъ согласныхъ *ь* перешло со временемъ съ особый звукъ ($ъ_2$), который въ концѣ концовъ по большей части (но не всегда) совпадалъ съ *ъ* старымъ. Этотъ процессъ наблюдается уже во многихъ древнѣйшихъ памятникахъ старославянскаго языка. Въ болгарскомъ языкѣ, гдѣ всякое ирраціональное *ь* перешло въ *ъ*, измѣненіе *ь* въ $ъ_2$ и *ъ* подъ вліяніемъ предшествующихъ согласныхъ *ч*, *ж*, *ш* и др. можетъ быть наблюдаемо съ точностью только въ слогахъ, имѣвшихъ *ь* раціональное. Я приведу факты изъ нѣсколькихъ говоровъ.

Въ говорѣ Цанковыхъ (Свищово) послѣ *ч* и *ж* находимъ звукъ *ẻ*: *méčẻk*, *míličẻk*; *téžẻk*. Такъ какъ *ẻ* вообще получается непосредственно изъ *'ъ* (*ъ* съ предшествующей мягкой согласной), то слѣдуетъ принять, что $ъ_2$ перешло въ говорѣ Цанковыхъ послѣ *ч* и *ж* въ *ъ*. Что касается цанковскихъ формъ *obíčen*, *mŭ'čen*, *dlŭ'žen*, то чистое *е* вм. *ẻ* получилось здѣсь по аналогіи формъ *dróben*, *dŭždóven*, *grehóven*, *imóten* и т. д. Но послѣ *ш* у Цанковыхъ всегда находимъ чистое *е*: не только въ словахъ *támšen*, *vŭ'nšen*, *segášen* и т. п., то также въ *došél*, *otišél*, въ *šéf* и *šev-ŭ't*, гдѣ не могло быть вліянія аналогіи. Здѣсь слѣдовательно $ъ_2$ не перешло въ *ъ*; но что оно и въ этомъ случаѣ отличалось нѣкогда отъ чистаго *ь* позволяютъ думать другіе говоры.

Въ говорѣ Цонева (Ловча) находимъ *самúчък*, *тéжък*, но всегда *душóл* съ *о*. Цоневъ приводитъ также формы *шъв*, *шъвъ'т* (Сб. III, 317) съ *ъ* послѣ *ш*, но это *ъ* можетъ быть такого-же происхожденія, какъ въ *пън*, *пъс*, *тъмница* и т. п.

Въ говорѣ Влайкова (Пирдопъ, Софійскаго округа) существуетъ нѣкоторая разница въ выговорѣ словъ *дошáл*, *тéжак* съ одной стороны и *мúличак* съ другой: *а* въ двухъ первыхъ словахъ имѣетъ легкую склонность къ *ъ*, *ӑ*, какую имѣетъ, повидимому, въ этомъ говорѣ всякое неударяемое *а* и всякое *а*

изъ стараго ъ и ж. Въ *мйлигак,* напротивъ, *а* имѣетъ склонность къ цанковскому *ѐ*. Быть можетъ это различіе не первоначально и связано съ тѣмъ обстоятельствомъ, что пирдопское *ч* представляется уху нѣсколько болѣе мягкимъ, чѣмъ *ж* и *ш*. Пирдопскій говоръ, какъ и большинство западныхъ и срединныхъ, могъ измѣнить $ъ_3$ въ чистое ъ при всякомъ положеніи.

Родопскіе говоры имѣютъ изъ $ъ_2$: подъ удареніемъ *'о*, *'оа*, внѣ ударенія *еа* ($=е^а$); и то и другое указываетъ непосредственно на ъ съ предшествующей мягкой согласной.

Въ западныхъ (македонскихъ) говорахъ *о* такихъ формъ, какъ *тежок, тешок* (Обз. стр. 39) можетъ восходитъ не прямо къ $ъ_2$, какъ ловчанское *о* въ *душбл*, а къ ъ изъ $ъ_2$, т. к. западные (македонскіе) говоры измѣняли всякое раціональное ъ въ *о*.

На стр. 39—40 авторъ «Обзора» говоритъ о переходѣ болгарскаго ъ въ ь, относя къ этому явленію такія діалектическія формы, какъ софійское *везе, везело*, солунское и сересское *везми*, македонское *дещера, дещеря*; авторъ приводитъ эти формы въ связь съ тѣмъ старославянскимъ явленіемъ ассимиляціи, которое впервые подробно изслѣдовано Ягичемъ (Archiv für slav. Phil. I и II). Г. Лавровъ не касается вопроса о томъ, почему это явленіе, такъ широко распространенное въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ, оставило такой слабый слѣдъ въ современныхъ болгарскихъ говорахъ, и не указываетъ, въ какомъ отношеніи находится къ нему обратное явленіе — болгарскій переходъ ирраціональнаго ь въ ъ. Старославянскіе памятники позволяютъ сдѣлать выводъ, что и переходъ ъ въ ь коснулся фонетически только ъ ирраціональнаго, передъ мягкими слогами съ гласными полнаго образованія. Въ этомъ и заключается отвѣтъ на недоумѣніе проф. Лескина, спрашивающаго (Handbuch², стр. 22, прим.), почему ь, ассимилированное въ ъ, и ъ, ассимилированное въ ь, никогда не вокализуются въ старославянскихъ памятникахъ первое въ *о*, послѣднее въ *е*: ирраціональныя ъ и ь вообще не переходили въ *о* и *е*, а ъ изъ ь и ь изъ ъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, были звуками ирраціо-

нальными. Если въ памятникахъ тѣмъ не менѣе встрѣчаются отдѣльные случаи такой вокализаціи, то они не могутъ быть объясняемы исключительно фонетическимъ путемъ. Выше мы видѣли, какого рода аналогія дѣйствовала на появленіе формъ **крътопъ**, **сѫдовъ**. Аналогія того-же рода переносила и *ь*, полученное изъ ирраціональнаго *ъ*, въ такое положеніе, гдѣ старое *ъ* было раціональнымъ и слѣдовательно фонетически не должно было переходить въ *ь*. Утвердившись въ такомъ положеніи, *ь* изъ *ъ*, какъ и старое *ь*, переходило далѣе въ *е*. Такъ возникло напр. старославянское **кьпль**, среднеболгарское **кепль**, гдѣ **ь**, обратившееся далѣе въ *е*, перенесено въ им. п. сд. **къпль** изъ косвенныхъ падежей **кьплꙗ**, **кьплю** и т. д., въ которыхъ *ь* получилось фонетически изъ *ъ* ирраціональнаго. Другія слова, приводимыя г. Лавровымъ, — **репетъ**, **ведръ**, повидимому не могутъ быть объясняемы такимъ образомъ. Что касается новоболгарскихъ діалектическихъ формъ *дещера, везе, везело, везми,* то послѣдняя изъ нихъ несомнѣнно основана на формѣ **кьзьми**, въ которой первое **ь** замѣнило гласную *ъ* раціональное подъ вліяніемъ аналогіи большинства формъ **кьзѧти**, **кьзѧхъ** и т. д. съ **ь** изъ *ъ* ирраціональнаго. Предлоги **къ** и **късъ**, по свидѣтельству старославянскихъ памятниковъ, особенно часто подвергались ассимиляціи въ **кь**; въ формахъ глагола **кьзѧти** такое **кь** могло стать господствующимъ. Въ формѣ *дещера, дещеря* первое *е*, повидимому, фонетическаго происхожденія: оно могло возникнуть въ говорахъ, не допускавшихъ выпаденія полугласной въ начальной группѣ *дъщ-*, и въ то-же время знавшихъ переходъ ирраціональнаго *ъ* въ *ь* передъ мягкимъ слогомъ. Въ эпоху, когда всѣ невыпавшія ирраціональныя гласныя становились раціональными въ болгарскомъ языкѣ, *ь* такаго происхожденія должно было перейти въ *е*. Напротивъ того формы *везе*, *везело* врядъ-ли могутъ быть объясняемы фонетически. Группа *вз-*, откуда далѣе одно *з-*, не представляла затрудненія для выговора и была извѣстна какъ восточнымъ такъ и западнымъ говорамъ въ формахъ (*в*)*зéмѫ*, (*в*)*земам* [гдѣ *е* возникло подъ вліяніемъ

такихъ формъ, какъ *зех*, *зел* (е изъ ѧ)]. Остается предположить, что діалектическія формы *везе*, *везело* возникли подъ вліяніемъ обратной аналогіи со стороны такихъ формъ, какъ *везми*. Какъ бы то ни было, всѣ эти случаи съ *е* вм. ъ указываютъ на то, что сохранившіе ихъ говоры въ древности должны были знать процессъ ассимиляціи ъ въ ь, столь распространенный въ старославянскихъ памятникахъ. Любопытно, что всѣ эти говоры относятся къ западной, точнѣе югозападной, группѣ. Восточноболгарское нарѣчіе по видимому не сохранило слѣдовъ этого процесса.

Изъ всего сказаннаго о переходѣ ирраціональныхъ: ъ въ ь и ь въ ъ ясно, что эти процессы должны были предшествовать переходу ь въ *е* и ъ въ *о*.

Выше мы видѣли, что раціональное ь во всѣхъ областяхъ болгарскаго языка перешло въ *е*. Судьба раціональнаго ъ на болгарской почвѣ представляетъ діалектическія различія. Авторъ «Обзора» на стр. 37 обращаетъ вниманіе на то, что случаи перехода ъ въ *о* въ восточномъ нарѣчіи очень рѣдки, м. т. к. на западѣ этотъ переходъ, напротивъ, очень распространенъ. Дѣйствительно, говоры, знающіе въ обширныхъ размѣрахъ переходъ ъ въ *о*, лежатъ къ югу отъ Софіи и къ западу отъ Родопскихъ горъ, т. е. занимаютъ собственную Македонію и прилегающій къ ней югозападный уголъ княжества Болгаріи. Нельзя не замѣтить, что въ этомъ районѣ ъ перешло въ *о* совершенно при тѣхъ-же условіяхъ, при которыхъ во всемъ болгарскомъ языкѣ ь переходитъ въ *е*. Если оставить въ сторонѣ дебрскіе говоры, не допускающіе точныхъ наблюденій въ виду послѣдующаго измѣненія всякаго ъ (и ѫ) въ о, всѣ остальные говоры очерченнаго района приводятъ къ слѣдующему выводу: ъ раціональное перешло въ *о;* ъ ирраціональное или осталось безъ измѣненія (большинство македонскихъ говоровъ) или въ болѣе позднюю эпоху перешло въ *а* (юго-западный уголъ кн. Болгаріи и прилегающіе къ нему македонскіе и восточнорумелійскіе говоры). Фонетическій переходъ раціональнаго ъ въ своемъ первоначаль-

номъ видѣ можетъ быть наблюдаемъ во многихъ изъ старославянскихъ памятниковъ: **народо-сь, рабо-тъ, црькова, любовь** въ Зогр. Ев.; **конъ, любовь, плодо-сь, можето-сь, домо-тъ, свѧто-и** въ Мар. Ев.; **начѧтокъ, ложь** въ Ассем. Ев. и т. п. Но уже Синайская псалтырь среди огромной массы примѣровъ съ *о* фонетическаго происхожденія представляетъ также случаи нарушенія фонетическаго закона подъ вліяніемъ аналогіи: *о* переносится въ такое положеніе, гдѣ фонетически оно не могло возникнуть: **соблазни** (Geitler, стр. XVIII). Въ живыхъ говорахъ болгарскаго языка эта аналогія дѣйствовала гораздо сильнѣе. При сущ. *сон* (о изъ рац. ъ) появилось уменьшительное *сонок* и глаголъ *сонувам*, *сонам*. Въ предлогахъ *о*, возникшее фонетически въ удвоенной формѣ: *сос*, *вов* (**вовь вѣкъ** уже въ Син. Пс., Geitler, стр. XXIV) и въ такихъ сочетаніяхъ, какъ *соб(ъ)рати, со що, во що* (**съ чьто, въ чьто**), было за тѣмъ перенесено въ сочетанія *во вино, во вода, во очи-те, согледа*; при им. ед. на *-окъ* (изъ **-ъкъ**) стали появляться им. мн. на *-оци: четвъртом — четвъртоци*. Для наблюденія всѣхъ этихъ явленій книга г. Лаврова даетъ достаточный матеріалъ. Въ отдѣльныхъ говорахъ вліяніе аналогіи было незначительно, и фонетическая основа явленія представляется ясно. Таковъ напр. кюстендильскій говоръ, которому посвящена монографія Йордана Иванова въ X т. Сборника болг. минист.; здѣсь мы находимъ формы *воз-, сон, зол, собран, бочва, дош, золва, вонка, лакот, кроток, ретоk, сламок* (*т* перенесено изъ формъ *слатка, слатко* и т. д.), *песо́к, пето́к, опи́нок*, — *о* во всѣхъ случаяхъ изъ *ъ* раціональнаго. Съ другой стороны въ Кюстендилѣ слышится *лага, даска, макнем, лажица, сна'а, сахне*, гдѣ *а* изъ *ъ* ирраціональнаго; и только *вашка* («вошь») и *такмен* имѣютъ *а* вм. *о* вопреки фонетическимъ условіямъ этого говора. Есть однако говоры, не представляющіе такой правильности и въ то-же время не обнаруживающіе вліянія аналогіи на нарушеніе фонетическаго процесса. Таковъ напр. говоръ Пирдопскій и др. софійскіе, которые или являются говорами, смѣшанными по отношенію къ за-

нимающимъ насъ явленіямъ, или фонетически обращаютъ въ *о* не всякое раціональное *ъ*.

Благодаря переходу раціональнаго *ъ* въ *о*, въ предѣлахъ югозападнаго района болгарскихъ говоровъ является господствующей членная форма *-от, -о* въ ед. ч. именъ м. рода. Это видно изъ перечня говоровъ съ членными формами *-ът, -ъ, -ат, -а, -от, -о,* приводимаго Милетичемъ въ его монографіи «O članu u bugarskom jeziku», стр. 41—42. Древнѣйшіе примѣры такого *-от* въ сочетаніи сущ. м. р. на *-ъ* съ мѣстоименіями *тъ, сь* представляютъ уже старославянскіе памятники. Тѣ-же памятники представляютъ древнѣйшіе примѣры окончанія **-ои** въ полной формѣ прилагательныхъ въ им. ед. м. р. Эта форма, восходящая къ болѣе древней на **-ъи**[1]) и до сихъ поръ живетъ въ нѣкоторыхъ говорахъ югозападнаго района (Обзоръ, стр. 179).

Что касается членной формы на *-о*, то ея происхожденіе не можетъ быть чисто фонетическимъ. Членная форма муж. р. безъ конечнаго *т* извѣстна во всѣхъ частяхъ Болгаріи и въ Македоніи; ничто не позволяетъ думать о томъ, что она получилась изъ *-ът, -ат, -от* вслѣдствіе отпаденія конечнаго *т;* иногда обѣ формы, на *т* и безъ *т* являются въ одномъ и томъ-же говорѣ. Многое указываетъ на ихъ старинное сосуществованіе. Можно предположить, что въ эпоху, когда сочетаніе существительныхъ съ мѣстоименіями стало сильно распространяться въ языкѣ и конечный **ъ** существительныхъ въ сочетаніяхъ **рабъ-тъ, сынъ-тъ** уже получилъ раціональный характеръ, форма существительнаго съ раціональнымъ конечнымъ **ъ** была, безъ утраты значенія членной формы, отвлекаема отъ сочетанія съ послѣдующимъ мѣстоименіемъ: при нечленной формѣ **рабъ**, съ ирраціональнымъ, слабо звучавшимъ конечнымъ **ъ**, возникла членная форма **рабъ** съ сильно звучавшимъ раціональнымъ конечнымъ **ъ**. Такимъ образомъ получились двѣ однозначующія членныя формы, съ **-тъ** и безъ **-тъ**, которыя съ теченіемъ времени вы-

1) Форма на -ъи появилась при болѣе древней формѣ на -ыи подъ вліяніемъ аналогіи. Объясненіе этого явленія принадлежитъ Ф. Ѳ. Фортунатову.

тѣсняли другъ друга въ различныхъ говорахъ болгарскаго языка.

Изъ восточныхъ говоровъ г. Лавровъ, вслѣдъ за Цоневымъ, приводитъ лишь слѣдующія слова, имѣющія *о* вм. *ъ*: *кој*, *тој*, *този*; *куги*, *тугизи*; *нуштуви*; *любов*, *упувание* (*у* всюду изъ неударяемаго *о*). Допуская вмѣстѣ съ Цоневымъ церковное происхожденіе послѣдняго изъ этихъ словъ, г. Лавровъ думаетъ, что слово *любов* не было заимствованіемъ изъ стараго книжнаго языка. Слово это, съ своими производными, въ концѣ концовъ все таки можетъ оказаться заимствованнымъ восточными говорами въ той фонетической формѣ, какую оно получило на югозападѣ и сохраняло далѣе въ книжной традиціи; быть можетъ и сейчасъ слово *любов* болѣе употребительно на югозападѣ, чѣмъ на востокѣ, гдѣ при пѣсенномъ архаизмѣ *първо либе* (или *любе*) и глаголѣ *либѭ* очень распространено чисто народное *óбич*, *обúчам*. Слова *куги*, *туги* не могутъ быть выводимы изъ *къги*, *тъги*: формы съ *о* являются независимыми старыми варіантами, какъ старославянскія **когда**, **тогда** при **къгда**, **тъгда**. Слово *нуштуви* (старослав. **нѣштѣкъı**) существуетъ въ восточноболгарскомъ нарѣчіи также въ формѣ *нѣштови*, *нѣштви* (Цанк.). Вѣроятно въ этомъ общеславянскомъ словѣ, заимствованномъ изъ германскихъ языковъ, существовало старое колебаніе по отношенію къ гласной кореннаго слога. Миклошичъ (Etym. Wört.) указываетъ слѣдующіе словенскіе варіанты этого слова: *nèške*, *načke*, *neške*; *ničke*, *niške*; *nuškje*, *nuške*. Остаются мѣстоименныя формы *кој*, *тој* и *този*, въ которыхъ происхожденіе звука *о* неясно; послѣдняя изъ нихъ восходитъ вѣроятно къ *тој-зи*; по крайней мѣрѣ въ «Обзорѣ» древнѣйшіе примѣры этого слова имѣютъ именно такую форму: **тоизи** — въ памятникахъ XII, XIV, XVII вѣковъ, *този* — въ рукописи XVIII столѣтія (Обзоръ стр. 158). Мѣстоименія *кој*, *тој* (и отчасти *овој*, *оној*) распространены въ такой формѣ во всѣхъ частяхъ болгарскаго племени; только изъ кратовскаго говора Милетичъ (О članu) приводитъ формы съ *ъ*: *тъј*, *овъј*, *онъј* (м. р.); солунскій говоръ

вмѣсто *кој* употребляетъ старое *кто*. Старославянскіе памятники не даютъ вполнѣ ясныхъ указаній относительно происхожденія болгарскихъ формъ съ *о*. Въ болгарскихъ памятникахъ **тои** находимъ уже въ глаголической припискѣ къ Болонской Псалтыри XII в. (**ⰕⰑⰉ**, Срезн., Пам. Юс. письма стр. 49), въ грамотѣ XIII в., въ Троянской притчѣ XIV в. (при **тъи**); **тоизи** — въ Еванг. Григоровича XII в., въ Троянской притчѣ и позднѣе (Обзоръ, стр. 158); **кои** встрѣчается въ грамотѣ XIII в.; въ Тр. притчѣ и позднѣе (Обзоръ, стр. 159). Вѣроятно оба слова представляютъ мѣстоименныя прилагательныя съ такой-же основой, какъ притяжательныя *мой, твой, свой*. По крайней мѣрѣ при *кој* существуютъ формы ж. и ср. р. *којá, којé,* при *оној — онојá* (Цанк.). Сербское вопросительное мѣст. *кој* представляетъ такое-же образованіе. Въ среднемъ родѣ болгарское *какво́* (при старомъ *що*) представляетъ несомнѣнный примѣръ употребленія мѣстоименнаго прилагательнаго въ смыслѣ существительнаго.

Гораздо болѣе правъ на фонетическое происхожденіе имѣютъ восточноболгарскія членныя формы на *-о* и восточноболгарскій суффиксъ *-ок* (изъ -ъкъ), о которыхъ не говоритъ авторъ «Обзора».

Діалектическую членную форму на *-о* Дриновъ указываетъ въ восточныхъ говорахъ: въ Шумлѣ, Разградѣ, Рущукѣ, въ восточномъ Тырновѣ, въ Лесковцѣ, въ Бабадагѣ (Добруджа) и др. Восточноболгарскій говоръ съ той-же особенностью находимъ въ Тихонравовской рукописи XVIII в., изъ которой г. Лавровъ сообщилъ обширный отрывокъ въ приложеніи (стр. 38—52). Въ говорѣ этой замѣчательной рукописи, несомнѣнно восточноболгарскомъ, членная форма м. р. оканчивается: подъ удареніемъ — на *-о*, внѣ ударенія на *-у*, *ю*: три венци сведливи, *идино́* ут злато, *фто́рию* от бисцян камак, пък *трѐтию* от смесену цвети райску (стр. 38), и такъ постоянно: у *едо́* 42, зарат *плачо́* 43, на *едо́* 44, на *рудо́* 44, пу *свето́* 46, от *сано́* 51, пут *крако́* 52; безъ ударенія: *проро́ку*

*

40, *ангелу* 42, *гробу* 43, *диявалу* 43 и т. д. Окончаніе *-а*, встрѣчающееся въ той же рукописи, не должно быть смѣшиваемо съ членомъ: это есть остатокъ флективныхъ формъ, появляющійся только тогда, когда слово стоитъ въ косвенномъ падежѣ; форму на *-а* (именную) принимаютъ въ такомъ случаѣ и прилагательныя: *умрелиятукъ (тукъ = того)* 40, *ангелатукъ* 43, *сюрмахатукъ* 47, *на идниго просека* 47, *тарговицатукъ*, *чилякатукъ*. Интересно, что тотъ-же говоръ имѣетъ и другую изъ занимающихъ насъ особенностей — суффиксъ *-окъ* изъ **-ъкъ**: *млатъ момокъ* 41. Вообще-же, надо замѣтить, обѣ эти особенности не всегда встрѣчаются вмѣстѣ: такъ напр. Ловчанскій говоръ не знаетъ членной формы на *-о*, но имѣетъ суффиксъ *-ок*, напр. въ *сл'ъпок* (Цоневъ, Сб. III); переносъ ударенія на конечный слогъ произошелъ подъ вліяніемъ стараго ударяемаго суффикса **-о́къ**; подъ вліяніемъ того-же суффикса, *о* могло появляться и во множественномъ числѣ, гдѣ фонетически оно не могло возникнуть.

Для обоихъ случаевъ восточноболгарскаго *о* вм. *ъ* можно указать одно общее фонетическое условіе: въ обоихъ случаяхъ *ъ* было нѣкогда конечнымъ и позднѣе очутилось въ срединѣ слова, въ положеніи, при которомъ *ъ* и *ь* были раціональными. Членная форма *родо́, крако́, свето́* не можетъ быть отдѣляема отъ *родо́т, крако́т, свето́т*: ея *о*, какъ я указалъ выше, могло возникнуть фонетически только въ сочетаніи *родъ-тъ, кракъ-тъ, свѣтъ-тъ*. Подобнымъ образомъ и окончаніе — *ъкъ* во многихъ случаяхъ является позднѣйшимъ распространеніемъ окончанія *-ъ*. Я конечно имѣю здѣсь въ виду не общеславянскіе случаи **жзъкъ, кратъкъ, льгъкъ, сладъкъ**, для которыхъ родственные языки указываютъ первоначальную форму ***жзъ**, ***кратъ**, ***льгъ**, ***сладъ** съ основой на краткое *у* (*й*) *); явленіе, о которомъ я говорю,

1) Такое-же распространеніе происходило въ общеславянскомъ языкѣ и въ другихъ случаяхъ. Старославянскія крѣпъкъ при крѣпъ, лѣпъкъ при лѣпъ, рѣдъкъ при нарѣчіи порѣды, а также ырълъ при ыръ въ связи съ показаніями другихъ славянскихъ языковъ, имѣющихъ въ этихъ случаяхъ то форму съ *-къ*, то безъ *-къ*, заставляютъ принять такое-же колебаніе и для общеславянскаго языка.

имѣло мѣсто въ болгарскомъ языкѣ, гдѣ окончаніе *-къ* продолжало присоединяться къ различнымъ двусложнымъ прилагательнымъ на -ъ. Въ современныхъ говорахъ такія распространенныя формы очень многочисленны; заимствуемъ изъ словаря А. Л. Дювернуа слѣдующіе примѣры: *благатък* (основано на *благат*), *бръзък* (при *бръз*), *витък* (при *вит*), *гжстък* (при *гжст*), восточноболг. *малък* (при Софійскомъ и Македонскомъ *мал*), *милък* (у Раковскаго), *новък* (при *нов*), *слабáк* (изъ *слáбак, слáбък*, по аналогіи старыхъ словъ на ударяемое *-áк*) при *слаб; тихок* (при *тих*) [1].

На болгарской почвѣ продолжалось вѣроятно и образованіе существительныхъ на *-ък* изъ прилагательныхъ на *-ъ*: на ряду съ старымъ **пѫтъкъ** при **пѫтъ** появлялись формы какъ *слѣпък* (при *слѣп*) «слѣпецъ», откуда *слепóк; млáдък* (при *млад*) «молодой побѣгъ», откуда *младóк*; въ говорахъ, измѣнявшихъ *ъ* въ *а*, появились формы *босáк, голáк* изъ *бóсък, бóсак, гóлък, гóлак* по аналогіи словъ на ударяемое старое *-áк*. Во всѣхъ этихъ случаяхъ окончаніе *-къ* присоединялось разумѣется не къ основѣ, которая не существовала отдѣльно, а къ именительному падежу ед. ч., конечное *ъ* котораго должно было имѣть какую-то особенность звука, благопріятствовавшую переходу въ *о*, какъ скоро такое *ъ* попадало въ положеніе, при которомъ *ъ* и *ь* вообще были раціональными. Трудно сказать при какихъ условіяхъ конечное *ъ* пріобрѣтало такое качество и въ какой степени это явленіе носило діалектическій характеръ. Для Ловчанскаго говора можно бы было принять, что *о* въ *сл'ѣпóк* получилось непосредственно изъ того-же звука, какъ *о* (послѣ *ш*) въ *душóл, утишóл*. — Въ старыхъ образованіяхъ на *-ъкъ* суффиксальное *ъ*, никогда не бывшее конечнымъ, не должно было имѣть такого особаго характера. Поэтому при *-ок*, получившемся во многихъ словахъ, въ другихъ должно было удерживаться старое *-ък*. Съ теченіемъ времени въ отдѣльныхъ говорахъ послѣдняя форма

1) Распространеніе происходило въ болгарскомъ языкѣ также при помощи суфф. **-ьнъ**: *витен, храбрен*.

могла совершенно вытѣснять первую[1]). Вотъ почему быть можетъ въ отдѣльныхъ восточныхъ говорахъ при членной формѣ на *-о* суффиксъ *-ѫк* и не представляетъ непремѣнно формы *-ок*. Быть можетъ подобная борьба двухъ формъ происходила и въ членномъ окончаніи. Если предположить, что въ эпоху распространенія члена въ болгарскомъ языкѣ конечное *ѫ* уже пріобрѣло тотъ особый выговоръ, о которомъ я только что говорилъ, и котораго конечное *ѫ* не имѣло въ болѣе раннюю эпоху, то при старыхъ (общеславянскихъ) сочетаніяхъ **рабъ-тъ**, **родъ-сь** и т. п. слѣдуетъ допустить появленіе цѣлаго ряда новыхъ сочетаній, въ которыхъ конечно *ѫ* существительнаго имѣло уже особый выговоръ; въ новыхъ сочетаніяхъ такое *ѫ* переходило въ *о*, въ старыхъ удерживалось. Съ теченіемъ времени въ отдѣльныхъ говорахъ одна изъ двухъ формъ вытѣсняла другую.

Мѣстоименныя формы *кој*, *тој*, *овој* также могли-бы быть включены въ число фонетическихъ случаевъ восточноболгарскаго *о* вм. *ѫ*. Въ такомъ случаѣ ихъ слѣдовало-бы объяснять изъ новообразованій *кѫ-јь*, *тѫ-јь*, *овѫ-јь*. Но затрудненіе представила-бы при этомъ форма *кој*, въ виду того, что *ѫ* слова *кѫ* очень рано пересталъ быть конечнымъ (ср. **къто**, **кыи**).

На стр. 43—47 авторъ «Обзора» разсматриваетъ судьбу сочетаній **ръ**, **лъ**, **рь**, **ль**, а также сочет. **ъл**, **ър**, **ьл**, **ьр** въ такомъ положеніи въ словѣ, при которомъ плавныя **р**, **л** уже въ старославянскомъ языкѣ имѣли вѣроятно слоговой характеръ, а *ъ* и *ь* — неслоговой. Г. Лавровъ излагаетъ позднѣйшую судьбу этихъ группъ въ современныхъ болгарскихъ говорахъ, не касаясь вопросовъ, связанныхъ съ ихъ древнѣйшей исторіей.

Изъ вопросовъ, которыхъ авторъ «Обзора» касается въ концѣ главы о звукахъ *ъ* и *ь*, особаго вниманія заслуживаетъ судьба группы *«согласная зубная + в + ирраціональное ъ въ началѣ слова»*. Есть основаніе думать, что при такомъ положеніи въ словѣ эта группа подверглась измѣненію еще въ общемъ

---

1) Сколько знаю въ восточноболгарскихъ говорахъ существуетъ лишь спорадическое *-ок* при *-ѫк*.

южнославянскомъ языкѣ[1]). Я сопоставляю примѣры, приводимые г. Лавровымъ изъ стараго и новаго болгарскаго языка, а также нѣкоторые другіе, съ соотвѣтствующими сербскими и словенскими словами.

Старослав. мн. ч. **двьри**, среднеболг. **дъври, при дъврехъ** и **двреи, дверемъ** (послѣднія двѣ формы въ Струмицкомъ октоихѣ), словенск. *dveri* (на востокѣ), *duri*, *dovri*, *davri* (на западѣ), *davre* (Рибница, въ Нижней Крайнѣ).

Ст. сл. **ѕвьнѣти**, ср. болг. **по-ѕъкнѣ**, слов. *zveneti* съ другой гласной.

Соврем. болгарское *дъвчѫ* изъ ***двьч-**, слов. *dvečiti*.

Ст. сл. **свьтѣти, свьнѫти**, ср. болг. **сьвтить, просьвтѣ**, новоболг. *съвне* (откуда *съмне*) при макед. діалект. *усунало,* серб. *сванути, савнути, самнути*.

Ст. слав. **цвьтѫ**, ср. болг. **цьвтеть, цъвтеше**, новоболг. *цъфтѭ*, *цъфнѫ*, *цафтокъ* (изъ *цъф-*) при макед. діалект. *цутим*, *цут,* серб. *цвасти*, *цватјети* и *цавтјети*[2]).

Можно думать, что еще въ говорахъ общаго югославянскаго языка *ь* ирраціональное въ разсматриваемомъ положеніи стало неслоговымъ, при чемъ предшествующее *в* получило слоговой характеръ; это *в* должно было заимствовать отъ предшествовавшихъ зубныхъ болѣе пассивное положеніе губъ, т. е. вмѣсто губно-зубнаго произношенія получило чисто губное (билабіальное) произношеніе съ болѣе слабой степенью фрикаціи, чѣмъ и дана была возможность возникновенія слоговаго w̥ въ такомъ положеніи. Группа «w̥ + *ь* иррац. неслоговое», полученная въ говорахъ общаго югославянскаго языка, вѣроятно еще до распаденія этого языка подверглась перестановкѣ въ группу «*ь* иррац. неслоговое + w̥», откуда далѣе — въ однихъ говорахъ

---

1) Сходныя явленія существовали въ югославянскихъ языкахъ въ срединныхъ слогахъ, но по скудости матеріала въ этомъ случаѣ нельзя сдѣлать опредѣленныхъ обобщеній.

2) Болгарское *тъфряз* представляетъ, по указанію русскихъ нарѣчій, нѣсколько отличный случай: основной формой здѣсь было **тврѣзъ** (изъ *tverzъ*, безъ *ь* между *в* и *р*; но конечные результаты были тѣ-же.

получалось со временемъ *у* (словен., макед.), въ другихъ *ъв* съ дальнѣйшими измѣненіями *ъ* (болг. серб. словен.).

Въ главѣ, озаглавленной «глухіе вмѣсто чистыхъ» (стр. 47—49) авторъ «Обзора» говоритъ о появленіи въ говорахъ болгарскаго языка новыхъ среднеязычныхъ звуковъ изъ неударяемыхъ звуковъ переднеязычнаго и заднеязычнаго ряда. Это явленіе имѣло мѣсто главнымъ образомъ въ восточномъ нарѣчіи болгарскаго языка. Восточноболгарскіе среднеязычные звуки изъ неударяемаго *е* (различнаго происхожденія) и *і* разсмотрѣны г. Лавровымъ чрезвычайно кратко. Въ этомъ случаѣ авторъ «Обзора» не воспользовался всѣмъ матеріаломъ, который имѣлъ предъ собою въ изслѣдованіяхъ болгарскихъ филологовъ и въ изданныхъ болгарскихъ текстахъ. Въ этомъ сказывается отчасти общая система, которой держится г. Лавровъ, исходящій всюду отъ показаній старыхъ памятниковъ и прежде всего заботящійся о самостоятельномъ извлеченіи новыхъ данныхъ изъ первоисточниковъ. Но выигрывая въ самостоятельности, трудъ г. Лаврова, т. о. нерѣдко проигрываетъ въ полнотѣ. Между тѣмъ включеніе всего, что уже было добыто ранѣе другими изслѣдователями, было-бы желательно изъ практическихъ соображеній: это придало-бы, и безъ того весьма цѣнной, книгѣ г. Лаврова характеръ общаго руководства, систематическаго справочнаго труда по болгарскому языку.

По отношенію къ неударяемому *е* восточноболгарскіе говоры распадаются на два разряда: одни обращаютъ его въ *і*, другіе въ *ъ*. Въ говорахъ втораго разряда то-же явленіе, но въ болѣе слабой степени, наблюдается и по отношенію къ неударяемому *і*. Согласная, предшествующая звуку *ъ* такого происхожденія, почти во всѣхъ говорахъ сохранила извѣстную мягкость. Это *ъ* съ предшествующей мягкостью (*'ъ*) совпало въ восточныхъ говорахъ съ *'ъ* другаго происхожденія (изъ ѫ, неударяемаго *'а*, неударяемаго ѣ) и имѣло съ нимъ одинаковую судьбу: во многихъ говорахъ *'ъ* перешло въ открытый среднеязычный звукъ, имѣющій склонность къ переднеязычному ряду (Цанк. *ѐ*, Иліевъ

ê, *é*, Безсоновъ *ѫ̆*). Условія, при которыхъ неударяемое *е* замѣняется звуками *ʼъ*, *è*, діалектически очень различны. Вѣроятно въ извѣстную эпоху всякое неударяемое *е* получало въ восточныхъ говорахъ втораго разряда склонность къ среднеязычному ряду, но затѣмъ по говорамъ эта склонность удерживалась только при извѣстныхъ условіяхъ, т. е. напр. въ сосѣдствѣ извѣстныхъ звуковъ, въ слогахъ нѣкогда долгихъ (какъ принимаетъ Цоневъ для Ловчанскаго говора) и т. п. Выше я старался показать, что родопскіе говоры должны были получить *ʼъ* изъ всякаго первоначально неударяемаго *е*. Это *ʼъ* исчезло въ эпоху, когда всѣ звуки среднеязычнаго ряда исчезли въ этихъ говорахъ. Пещерскій говоръ и теперь имѣетъ среднеязычный звукъ изъ всякаго первоначально неударяемаго *е*; чистое *е* внѣ ударенія восходитъ здѣсь всегда къ болѣе древнему ударяемому *е*, такъ напр. повелит. *за́плѐтетѐ (е* изъ *ѣ)* восходитъ къ *заплете́те*, членная форма *о́ржшету* («орѣхъ») восходитъ къ *оржше́ту*, м. т. к. нечленная форма того же слова *о́ржшѐ* указываетъ на *ора́ше* съ неударяемымъ *е*.

Детальное изложеніе всѣхъ этихъ явленій было бы очень желательно въ такой книгѣ, какъ «Обзоръ» г. Лаврова. Можно думать, что исходя въ данномъ вопросѣ не отъ старыхъ памятниковъ, а отъ живыхъ говоровъ, изслѣдователь нашелъ бы способъ открыть звуки *ʼъ*, *è* и подъ неопредѣленной графикой среднеболгарской эпохи, быть можетъ уже съ XV вѣка.

Открыть присутствіе звука *ʼъ*, *è* въ текстахъ XVIII вѣка не представляетъ большаго труда. Такъ напр. въ Приложеніяхъ къ «Обзору», въ отрывкѣ изъ Тихонравовской рукописи XVIII вѣка, уже упомянутой мною по поводу восточноболгарскаго *о* изъ *ъ*, мы находимъ повидимому и звукъ *è*.

Въ этой рукописи, подъ вліяніемъ русской графики, употребляется **ѧ** для выраженія открытаго выговора *ѣ*: **гулѧ́мъ**, **заварта́** (3 л. ед. аор.), **бѧ́гатъ** (3 л. мн. наст.), **скѧ́тъ** и т. д. Далѣе, подобно тому какъ **а** употребляется въ этой рукописи для выраженія звука *ъ*, такъ **ѧ** — для выраженія *ʼъ* (различнаго

происхожденія); но при этомъ многочисленные варіанты съ *е* заставляютъ принять, что *ʼъ* уже измѣнилось въ направленіи къ *ѐ*. Мы находимъ напр. **банѧ** и **бане**, **моѧ** и **мое рака**, **ѹмрелиѧтѹкъ** и **ѹмрелиетѹкъ**. На одной и той-же страницѣ рукописи (стр. 45) находимъ написанія **зимата**, **зимѧта**, **зимета**, всѣ три формы — въ значеніи «земля» и вѣроятно съ произношеніемъ Цанковскаго *zìmèʼ*. Такое же **а**, **ѧ** для выраженія звука *ѐ* изъ неударяемаго *е* находимъ въ словахъ **кечаръ** 38, **разѹмѧнъ** 41.

Въ главѣ о болгарскомъ ѣ (стр. 62—71) г. Лавровъ излагаетъ судьбу этого звука въ живыхъ говорахъ и приводитъ показанія памятниковъ стараго языка.

О фактахъ, относящихся къ живымъ говорамъ, слѣдуетъ замѣтить, что авторъ черпалъ свой матеріалъ изъ печатныхъ текстовъ, а не изъ живой рѣчи, вслѣдствіе чего нѣкоторыя неточности въ опредѣленіи звуковъ были неизбѣжны.

Открытый выговоръ звука *ѣ* въ восточныхъ и нѣкоторыхъ срединныхъ говорахъ авторъ «Обзора» передаетъ русскимъ написаніемъ *я*. Такая передача, довольно обычная въ болгарскихъ текстахъ, не вполнѣ соотвѣтствуетъ живому выговору. Цанковы, обозначающіе звуки своего говора съ большою точностью, указываютъ для открытаго *ѣ (ȇ)* выговоръ *e͡a*, т. е. дифтонгическій. Такой выговоръ даетъ открытому *ѣ* также Цоневъ, замѣчающій при этомъ, что дифтонгу *e͡a* предшествуетъ средняя мягкость согласныхъ, какая наблюдается передъ *е*.

Наоборотъ, авторъ «Обзора» ошибочно видитъ дифтонгъ въ написаніи *еа*, употребляемомъ новѣйшими издателями родопскихъ и разложскихъ текстовъ. Здѣсь *еа* обозначаетъ e^a, т. е. открытое *е*. Это ясно изъ родопскихъ текстовъ иной записки, напр. изданныхъ у Иліева. Для разложскаго говора можно сослаться на авторитетъ Вука Караджича: въ «Додаткѣ», на стр. 4 и 49, Вукъ говоритъ о существованіи двухъ *е* въ разложскомъ говорѣ; одно изъ нихъ, *е*, звучитъ, какъ сербское *е*, другое, обозначаемое Вукомъ чрезъ *ѐ*, звучитъ по его словамъ, какъ француз-

ское *ѐ*. Изъ примѣровъ видно, что это *ѐ* = *ѣ*: *човѐк, вѐжди, млѐко, рѐч, вѐтр, снѐг, лѐто* и т. д.

Говоря о «переходѣ» *е* въ *о*, слѣдовало высказать опредѣленнѣе, что *о* въ грамматическихъ окончаніяхъ (**рекъшомоу**, **прѣбѣгажірои** и т. п.) и въ словосложеніи (**сръдцовѣдець**) не фонетическаго происхожденія: оно вызвано вліяніемъ аналогіи со стороны твердыхъ основъ (**добромоу**, **доброи** = дат. ед. ж. р. по мѣстоим. склоненію; **боголюбець**). Самъ авторъ обращаетъ вниманіе на то, что въ коренномъ слогѣ такой «переходъ» *е* въ *о* не наблюдается.

Исторія болгарскихъ согласныхъ несравненно проще исторіи болгарскихъ гласныхъ, и изложеніе ея въ книгѣ г. Лаврова представляетъ гораздо менѣе поводовъ для замѣчаній.

На стр. 90 г. Лавровъ говоритъ о переходѣ *в* въ *у*. Точнѣе было бы говорить о переходѣ начальнаго *въ* въ *у*, такъ какъ примѣры ограничиваются предлогами *възъ* и *въ*, въ сложеніи и въ отдѣльномъ употребленіи, и словами **вънoукъ**, **вънoука**. Въ различныхъ говорахъ болгарскаго языка появленіе *у* изъ начальнаго *въ* зависитъ повидимому отъ различныхъ условій. Въ грамматикѣ Цанковыхъ предлогъ *въ* имѣетъ напримѣръ въ отдѣльномъ употребленіи всегда форму *у*, но удвоенная форма того-же предлога всегда *въф (vŭf)*, подобно тому, какъ предлогъ *възъ* всегда пишется *vŭz*, *vŭs*. Въ сложеніи *въ* принимаетъ различный видъ; чаще всего является *ф*: *fkaram*, *fkorenêvam sŭ, fléjŭ*, *flétè*, *flitam*, *flêžuvam*, *fméstjuvam*, *fméstè*, *fredè'*, *fréždam, frekŭ'*, *fríčam*, *fret*, *ftóri*, *fčéra*. Фонетически *ф* должно было возникать только въ положеніи передъ глухими согласными, откуда оно распространялось далѣе аналогіей. Изрѣдка при *f-* у Цанковыхъ появляется и *u-*: *ukáruvam, ukorenêvam sŭ* (со ссылкой на *fk-*). Формы *uvedŭ'*, *uvéždam* (hineinführen), при которыхъ не указано варіантовъ съ *f*, и слова *unúк*, *unúка* позволяютъ думать, что въ сложеніи *u* получалось фонетически только передъ извѣстными согласными.

На стр. 93, говоря о болгарскомъ *мл* изъ *мн*, г. Лавровъ указываетъ на существованіе этого явленія въ говорахъ сербскаго языка. Слѣдовало отмѣтить, что этотъ переходъ извѣстенъ діалектически и въ словенскомъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о переходѣ *мн* въ *вн* и *вн* въ *мн*.

Въ главѣ о смягченіи зубныхъ изложеніе г. Лаврова представляетъ нѣкоторые пробѣлы и неточности. Это уже было отмѣчено критикой ранѣе.

Въ главѣ о выпаденіи согласныхъ г. Лавровъ не всегда точно различаетъ старыя явленія этого рода отъ позднѣйшихъ. Такъ напр. глаголы *канѫ, потънѫ, погинѫ*, приводимые авторомъ на стр. 104, утратили конечную согласную корня еще въ общеславянскую эпоху. Формы, какъ погыбнеть, приводимыя г. Лавровымъ, представляютъ позднѣйшія подновленія. Нефонетическій характеръ этого послѣдняго явленія доказываютъ всего лучше такіе случаи, какъ польское *stygnąć*, гдѣ вмѣсто кореннаго *д*, исчезнувшаго фонетически, аналогіей такихъ формъ, какъ *biegać — biegnąć*, *dźwigać — dźwignąć*, внесена согласная *g*.

Наоборотъ, нефонетическимъ путемъ исчезло *з* въ формахъ глагола лѣзѫ: наст. *изляне, фляне*, повелит. *излени, влявжй*, причаст. *флянжли, излялж, излела, сляли* (Обзоръ, 110). Къ этимъ формамъ должно быть примѣнено то-же объясненіе, которое Миклошичъ даетъ болгарскому *нъл* при *несъл, разнѐло, донеле* и т. п. и сербскому *ниjети, риjети*. Эти формы возникли подъ вліяніемъ старыхъ аористовъ безъ соединительной гласной: рѣхъ, *нѣхъ (вм. нѣсъ) и т. д.

Въ главѣ о призвукахъ, развивающихся предъ гласными, г. Лавровъ говоритъ также о зіяніи. По наблюденію изслѣдователя одной семьѣ среднеболгарскихъ рукописей, знающей зіяніе въ широкихъ размѣрахъ, соотвѣтствуетъ группа живыхъ говоровъ съ такою-же фонетической особенностью.

Морфологія (стр. 122—215) составляетъ несомнѣнно лучшую часть «Обзора». Авторъ извлекъ изъ своихъ источниковъ

особенно цѣнный и обильный матеріалъ для исторіи болгарскихъ формъ. Выше, при обсужденіи различныхъ вопросовъ болгарской фонетики, намъ много разъ приходилось уже пользоваться данными, собранными г. Лавровымъ въ отдѣлѣ о морфологіи.

Не подвергая детальному разбору эту часть труда г. Лаврова, представляющую значительно менѣе спорныхъ вопросовъ, чѣмъ фонетика, я остановлюсь на одной главѣ, которая можетъ служить прекраснымъ образцомъ того, какія важныя данныя извлечены изслѣдователемъ изъ старыхъ болгарскихъ памятниковъ. На стр. 185—190 г. Лавровъ говоритъ о постпозитивномъ членѣ болгарскаго языка. Новыя доказательства, собранныя авторомъ въ пользу глубокой древности постпозитивнаго члена, представляютъ чрезвычайный интересъ. Сличеніе нѣкоторыхъ частей Шестоднева Іоанна Экзарха болгарскаго съ ихъ греческимъ оригиналомъ позволило г. Лаврову сдѣлать выводъ, что существованіе болгарскаго постпозитивнаго члена вполнѣ ясно отражается на этомъ памятникѣ «Золотаго вѣка» болгарской литературы. Къ тому же выводу о древности постпозитивнаго члена приводитъ автора и наблюденіе надъ оригинальными произведеніями другаго писателя «Золотаго вѣка», — Климента, епископа Величскаго. Далѣе г. Лавровъ установляетъ присутствіе постпозитивнаго члена въ дипломатическомъ языкѣ древней эпохи, сравнивая сходныя мѣста древнѣйшихъ болгарскихъ и современныхъ имъ сербскихъ грамотъ.

Нѣсколько смѣлой кажется намъ только рѣшительность, съ которой авторъ «Обзора» отрицаетъ возможность иноязычнаго вліянія на образованіе постпозитивнаго члена въ болгарскомъ языкѣ. Указаніе на общеславянскіе *задатки* этого явленія и другія, болѣе или менѣе случайныя, соображенія, приводимыя г. Лавровымъ въ пользу своего взгляда, не устраняютъ того факта, что наиболѣе измѣнившіеся въ своемъ строѣ языки *балканской группы* (румынскій, болгарскій, албанскій) въ числѣ другихъ общихъ особенностей своего новаго строя представляютъ также развитіе постпозитивнаго члена.

Этимъ я заключаю замѣтки о книгѣ г. Лаврова. При своемъ появленіи она обратила на себя вниманіе какъ въ русской, такъ и въ иностранной ученой литературѣ. Ея значеніе достаточно выяснилось: трудъ, произведенный г. Лавровымъ, далъ новую пищу историческому изученію болгарскаго языка и установилъ новыя точки соприкосновенія между болгарскими нарѣчіями, современными и старыми, и языкомъ древнѣйшихъ старославянскихъ памятниковъ. На выясненіе этой научной заслуги «Обзора», выкупающей отсутствіе вполнѣ строгаго сравнительнаго метода въ изслѣдованіи фонетическихъ вопросовъ, были направлены главнымъ образомъ и усилія пишущаго эти строки.

По своему характеру и по своимъ результатамъ трудъ г. Лаврова отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ, какія ставятъ сочиненіямъ этого рода утвержденныя правила о соисканіи премій профессора Котляревскаго.

III.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ ДРЕВНЕ-РУССКАГО ЯЗЫКА.

Составилъ **А. Дюверкуа.** М. 1894.

Разборъ профессора **А. И. Соболевскаго.**

Мы до сихъ поръ еще не имѣемъ ничего, что можно бы было съ достаточнымъ основаніемъ назвать словаремъ древне-русскаго языка. «Матеріалы» покойнаго И. И. Срезневскаго извлечены изъ памятниковъ XI—XIV вѣковъ, большинство которыхъ—списки съ древнихъ церковно-славянскихъ оригиналовъ; данныя памятниковъ XV—XVII вѣковъ какъ московской Руси, такъ и Руси литовской, многочисленныя и разнообразныя, въ нихъ, за ничтожными исключеніями, не вошли. Другихъ же сборниковъ словарныхъ данныхъ, сборниковъ, о которыхъ стоило бы упомянуть, не существуетъ. Въ виду этого трудъ покойнаго А. Л. Дювернуа, изданный вдовою его Г. А. Дювернуа, не смотря на свой скромный объемъ вполнѣ заслуживаетъ вниманія.

Наибольшее количество данныхъ вошло въ «Матеріалы» изъ документовъ московской Руси XV—XVII столѣтій. Составитель воспользовался Актами Юридическими, Сборникомъ Муханова, отчасти Актами Историческими, Собраніемъ государственныхъ грамотъ и договоровъ и матеріалами изъ портфелей Г. Ф. Миллера. Затѣмъ, значительное количество данныхъ взято изъ лѣтописей, главнымъ образомъ изъ Новгородской первой, изъ Псковскихъ, изъ такъ называемаго Лѣтописца Переяславля Суздальскаго, отчасти даже изъ Несторовой, — по Полному собранію русскихъ лѣтописей и по изданіямъ

Погодина и князя Оболенскаго. Затѣмъ, нѣкоторое количество данныхъ доставлено составителю житіями русскихъ святыхъ почти исключительно поздними, по спискамъ Румянцевскаго музея и Синодальной библіотеки. Наконецъ, небольшое количество данныхъ взято изъ разныхъ статей рукописныхъ сборниковъ тѣхъ же книгохранилищъ — изъ повѣсти объ Акирѣ позднѣйшей редакціи, изъ апокрифическихъ сказаній о Соломонѣ, изъ словъ митрополита Даніила и т. п.

Извлеченныя данныя постоянно сопровождаются въ «Матеріалахъ» цитатами изъ текстовъ, въ которыхъ они находятся. Вслѣдствіе этого читатель можетъ пользоваться трудомъ Дювернуа и тамъ, гдѣ онъ не даетъ объясненій данныхъ (что нерѣдко), и тамъ, гдѣ его объясненія болѣе или менѣе неудачны.

Цитаты приводятся съ большою точностью, въ томъ видѣ, какой онѣ имѣютъ въ источникахъ. Составитель удержалъ мѣстныя особенности словъ (и вообще орѳографію) въ полной неприкосновенности, такъ что мы находимъ у него слова *дъжгь*, *двьнадчать*, *дичкой* (= дѣтскій), *дитинечь*, *дъци* (= дъчи), *сестникъ*, *узвозъ*, *узгонъ* и т. п. Это до нѣкоторой степени облегчаетъ пользованіе словаремъ тому читателю, который мало знакомъ съ древне-русскою діалектологіею.

Главный недостатокъ «Матеріаловъ», за который отвѣтственность лежитъ на самомъ составителѣ, заключается въ томъ, что словарныя данныя источниковъ въ нихъ отнюдь не исчерпаны. Составитель, извлекая данныя, одни слова, преимущественно болѣе рѣдкія или по крайней мѣрѣ написанныя необычною орѳографіею, внесъ въ свой трудъ, а другія, менѣе рѣдкія и обычнымъ образомъ написанныя, оставилъ безъ вниманія. Такъ, напримѣръ, онъ взялъ изъ духовной Ивана Калиты рѣдкое слово *сердониченъ* и пренебрегъ стоящимъ съ нимъ рядомъ обычнымъ словомъ *поясъ;* или, онъ помѣстилъ написанныя необычною орѳографіею *боранъ*, *судокъ*, *ездити* и не далъ мѣста обычно написаннымъ *баранъ*, *судакъ*, *ѣздити*. Вслѣдствіе этого «Матеріалы» представляютъ сборникъ по преимуществу рѣдкихъ или не-

обычно написанныхъ словъ, что̀, можетъ быть, увеличиваетъ ихъ цѣну въ практическомъ отношеніи, но во всякомъ случаѣ уменьшаетъ ихъ научное значеніе.

Другой недостатокъ «Матеріаловъ», касающійся впрочемъ очень ограниченнаго числа случаевъ, — излишнее довѣріе составителя къ печатнымъ источникамъ. Онъ оставилъ безъ измѣненія очевидныя погрѣшности послѣднихъ. У него явились слова *Врамковъ* Abrahami и *зеро* lacus вслѣдствіе того, что редакторъ Актовъ Юридическихъ въ текстѣ двинскихъ грамотъ № 15 и № 20, XIV—XV вѣка, напечаталъ *отъ Врамковы* земли, вмѣсто *от Ѣврамковы*, и *къ зеру,* вмѣсто *к ѣзеру* (ѣ вмѣсто *о* въ нѣкоторыхъ двинскихъ грамотахъ не рѣдкость). Такъ же у него оказались слова и выраженія: *вымене* praeter, — *Елферий жидъ славичь*, — вслѣдствіе того, что редакторъ I-го тома Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ въ текстѣ грамотъ 1305 и 1317 годовъ принялъ *вы* (форму дательнаго падежа) и *мене* (форму родительнаго пад.) за одно слово, а patronymicum *Жидьславичь* (съ новгородскимъ *л* вмѣсто *вл*) за два; *ного* (пострѣляти ного въ что, иного въ ногу, иныхъ въ хребетъ), *выдати пошлинъ и старинъ*, — вслѣдствіе того, что Погодинъ въ своемъ изданіи Псковской лѣтописи прочелъ *ного,* вмѣсто *кого*, и пропустилъ передъ *пошлинъ* предлогъ *по.*

Наконецъ, «Матеріалы» представляютъ нѣкоторое неудобство для русскаго читателя. Составитель истолковалъ древнерусскія слова латинскими, иногда классическими, но нерѣдко (и не всегда въ силу необходимости) позднѣйшими, мало понятными даже читателю съ хорошимъ знаніемъ латинскаго языка; причемъ и самъ онъ допустилъ кое-какія неточности (слово *сосна* у него переведено: abies, вмѣсто pinus, слово *ездити* — vehere, вмѣсто vehi и т. п.), и издательница не вездѣ справилась съ его латынью (напримѣръ, слово *стоячій* у него оказалось истолковано чрезъ безсмысленное radices in terra captus)[1].

1) Конечно, это неудобство для русскаго читателя есть удобство для читателя иностранца.

Только что указанное неудобство не есть, къ сожалѣнію, единственное. Другое неудобство произошло отъ того, что составитель «Матеріаловъ» скончался прежде, чѣмъ успѣлъ обработать свой трудъ, и послѣдній увидѣлъ свѣтъ подъ редакціей малоопытной въ словарномъ дѣлѣ издательницы. Оно заключается въ слѣдующемъ. Одно и то же слово, являющееся въ источникахъ съ разною орѳографіею, помѣщено составителемъ въ двухъ или болѣе мѣстахъ его труда, безъ указанія, что передъ читателемъ одно и то же слово. Такъ напримѣръ *дождь* находится на страницѣ 42-й; а *дъжгь* — на страницѣ 48-й; *дочи* — на стр. 44-й, а *дъщи* — на стр. 48; *держати* — на стр. 39-й, а *дръжати* и *дрьжати* — на стр. 45; и при *дъжгь* нѣтъ ссылки на *дождь* при *дъщи* нѣтъ ссылки на *дочи*, при *дръжати* и *дрьжати* нѣтъ ссылокъ на *держати*, и наоборотъ [1]). Или, одно и то же слово, являющееся въ источникахъ съ разною ороографіею, помѣщено лишь въ одномъ мѣстѣ, съ необычной орѳографіей. Такъ напримѣръ, въ «Матеріалахъ» имѣется *боранъ*, но нѣтъ *баранъ*, съ ссылкой на *боранъ*; имѣются *ребина*, *резатися*, но нѣтъ *рябина*, *рѣзатися*, съ ссылкою на *ребина*, *резатися*. Вслѣдствіе этого не всякій читатель сумѣетъ найти въ «Матеріалахъ» нужное ему слово . . . .

Само собою разумѣется, составитель, не имѣвшій передъ собою ничего, кромѣ массы сырого матеріала, не избѣгъ мелкихъ погрѣшностей. Онѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы.

Первая группа — погрѣшности, касающіяся внѣшней стороны словъ. Читатель находитъ въ «Матеріалахъ» слова:

ближикъ малой cognatus remotior, вмѣсто *ближика*;
вымести, вмѣсто *выметати*;
Гриди, вмѣсто *Гридя* (личное имя);
Ждань гора, вмѣсто *Жданя*;
жерло, вмѣсто *жерело*;

1) Впрочемъ нѣкоторое количество ссылокъ въ «Матеріалахъ» есть; такъ, при *дитинечь* предлагается сравнить *дѣтинецъ*, при *дичкой* указывается, что обычная форма этого слова — *дѣцкой*, при *боаринъ* есть ссылка на *болринъ*, и т. п.

заколь, вмѣсто *заколъ;*

зашлый, вмѣсто *заити* (составитель во фразѣ: «которое село зашло бес кунъ», принялъ форму прошедшаго времени *зашло* за прилагательное);

зятя, вмѣсто *зять* (составитель во фразѣ: «внука Иванна Паліолога, а князя великого Василья Дмитреевича зятя, нарицаемая Софія», принялъ *зятя* за форму именит. ед. женскаго рода, съ значеніемъ nurus);

исада, вмѣсто *исадъ;*

ищей, вмѣсто *ищея;*

Льтъ, названіе рѣки, вмѣсто *Льто;*

одину, вмѣсто *одинъ* (составитель во фразѣ: «посадницявъ семь мѣсяць одину», принялъ форму винит. п. женск. р. за нарѣчіе);

паузка, вмѣсто *паузокъ;*

поклажея, вмѣсто *покладжей, поклажай*;

присночной, вмѣсто *оприсночной;*

притеребь, вмѣсто *притеребъ;*

пчагъ, вмѣсто *чпагъ;*

пятинадцать, вмѣсто *пятьнадцать*;

рядка, вмѣсто *рядокъ;*

селничья, вмѣсто *иселничей, яселничей;*

словутній, вмѣсто *словутный;*

четья, вмѣсто *четь;*

яма, вмѣсто *ямъ* (почтовая станція).

Подобныя погрѣшности сравнительно многочисленны.

Другая группа — погрѣшности относительно значенія словъ. На болѣе крупныхъ изъ нихъ мы нѣсколько остановимся. Слово

артуть въ «Матеріалахъ» опредѣляется: aliquod panni genus. Но передъ нами названіе скандинавской монеты;

бечата: «безъ цѧта? а voce цѧта, цѧтъ nummus?» — Слово *бечета* или *бечата*, женскаго рода, — названіе драгоцѣннаго камня: «а бечеты за лалъ не купите, а бечета (именит. ед.) знати — къ свѣту въ ней какъ пузырьки (тор-

говая книга XVII вѣка по рукописи Имп. Публичной библіотеки Q. IX. 43);

водоточь: flumen. Это слово значитъ: канава;

волога: potus. И Домострой, и современные великорусскіе говоры употребляютъ это слово въ значеніи — жиръ, масло;

воспода: pagus. Это слово (которое въ приведенномъ въ «Матеріалахъ» мѣстѣ Псковской лѣтописи, можно читать также *оспода*) — не что иное, какъ собирательное *господа*, женскаго р.;

възводье: inundatio. Это слово значитъ: истокъ, начало воды;

вѣжа: nom. pl. castra munita. Это слово значитъ чаще: шатеръ, палатка, кибитка кочевника, рѣже: башня, кухня;

вѣникъ: foeni mensura. Въ приведенномъ въ «Матеріалахъ» мѣстѣ Псковской лѣтописи: «а сѣно дорого велми, а вѣникъ по мордкѣ бяше», *вѣникъ,* вѣроятно, значитъ то же, что и теперь;

голова: caput humanum. Въ приведенномъ составителемъ мѣстѣ договора съ греками *голова* значитъ: мертвое тѣло, убитый;

грѣшити: perdere. Во фразѣ: «надежа не грѣшиши», *грѣшити* значитъ: обмануться, ошибиться (сравни въ Несторовой лѣтописи: грѣшися ока = промахнулся, не попалъ въ глазъ и т. п.);

душка: pelliculo subsuta. Во фразѣ: «шапку, а подъ нею душки лисьи», *душка* значитъ: мѣхъ съ груди звѣря;

емчужное дѣло: margaritarum politio, confectio? Слово *емчуга* значитъ: селитра;

жаловати: agere lege cum aliquo. Въ приведенномъ составителемъ мѣстѣ договора съ греками это слово значитъ: жаловаться;

знатба: signum originis. Во фразѣ: «городнѣ без знатбѣ занесе», *знатьба* значитъ: вѣсть;

въ то *мѣсто:* simul. Это выраженіе значитъ: вмѣсто того, взамѣнъ;

одинецъ: lapis pretiosus. Въ цитатахъ составителя: «одинцы жемчюжные, серги серебряны одинци, серги двоичны да одинци красное каменье», *одинецъ* значитъ: серьга безъ привѣсокъ, въ отличіе отъ серьги двоичной, или двусоставной;

оже: si quod. Во фразѣ: «князь възрѣлъ въ грамоту, оже въ грамотѣ пишетъ такъ»; *оже* значитъ: вотъ же, а вотъ;

понятися за поле: litem intendere, inferre. Это выраженіе значитъ: согласиться на поединокъ;

приставъ: obses? Во фразѣ: «держа за приставы», это слово значитъ: приставникъ, приставленный для стражи чиновникъ;

просити поля: judicium petere. Это выраженіе значитъ: просить поединка;

проща: peccatorum absolutio, remissio. Это слово обыкновенно значитъ: чудесное исцѣленіе (сравни *прощати* = исцѣлять, *прощеникъ* = исцѣленный);

путикъ: semita. Это слово означаетъ особаго рода загородку въ лѣсу, оканчивающуюся прикрытыми ямами, которая устраивается для ловли звѣрей;

путь: tributum viaticum, quod nobilibus viatores atque venatores exsolvunt. Въ приведенномъ составителемъ мѣстѣ духовной 1389 года, *путь* значитъ: отдѣлъ, часть;

роскатъ: oppugnatio. Въ приведенныхъ составителемъ фразахъ это слово означаетъ часть городской стѣны, приспособленную для постановки пушекъ;

росоль: aqua medicata, salubris. Это слово значитъ то же, что *росолъ*, то есть соленую воду, годную для выварки соли;

рубсти: bellum gerere. Во фразѣ: «рубоша новгородьць за моремъ», этотъ глаголъ значитъ: заключить въ порубъ, въ темницу;

рудометъ: fossor. Это слово значитъ: цирюльникъ, бросающій кровь;

ручати: manu signare. Во фразѣ: «Игнашка ручалъ, руку приложилъ», это слово значитъ: ручаться, быть поручителемъ.

рьли, pl. t.: tempus arandi. Слово *рьль* = поемный лугъ;

ушь: n. pr. Въ указанномъ составителемъ мѣстѣ Новгородской лѣтописи: «мъхъ ядяху, ушь, сосну (во время голода)», *ушь* не можетъ быть собственнымъ именемъ. Изъ житія св. Никандра Псковскаго, XVII вѣка, видно, что это слово — названіе какой-то травы, «былія», употреблявшейся какъ хлѣбный суррогатъ;

ѧзъ: agger. Это слово значитъ: заколъ въ рѣкѣ для ловли рыбы.

Мелкія погрѣшности въ опредѣленіи значенія словъ въ «Матеріалахъ» не рѣдки.

Готфридъ Германнъ когда-то сказалъ: «Duae res longe sunt difficillimae — lexicon scribere et grammaticam». И дѣйствительно, трудъ составленія словаря — трудъ столь тяжелый и малоблагодарный, что необходимо самое снисходительное отношеніе къ его недостаткамъ и погрѣшностямъ. Въ виду этого я считаю себя въ правѣ высказаться за присужденіе издательницѣ «Матеріаловъ» полной преміи профессора Котляревскаго.

Отдѣленіе въ знакъ признательности постановило выдать рецензентамъ: члену-корреспонденту Императорской Академіи Наукъ, профессору А. И. Соболевскому и помощнику хранителя Императорскаго Россійскаго Историческаго музея въ Москвѣ В. Н. Щепкину установленныя золотыя медали.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXIV, № 11.

ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМІИ

въ 1895 году.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1897.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1897 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНИИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМІИ,

читанный въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1895 года Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Ордин. акад. А. Ѳ. Бычковымъ.

Въ настоящемъ году Отдѣленію русскаго языка и словесности предстояло присужденіе Ломоносовской преміи, на соисканіе которой поступило нѣсколько сочиненій. Комиссія, образованная изъ академиковъ А. Ѳ. Бычкова и А. А. Шахматова остановила свое вниманіе на сочиненіи Г. К. Ульянова: «Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ» и просила профессора Имп. Московскаго университета Ф. Ѳ. Фортунатова дать о немъ отзывъ.

Профессоръ Имп. Варшавскаго университета Г. К. Ульяновъ успѣлъ уже пріобрѣсти себѣ почетную извѣстность первымъ трудомъ своимъ, изданнымъ въ 1888 году и озаглавленнымъ: «Основы настоящаго времени въ старо-славянскомъ и литовскомъ языкахъ». Въ этомъ сочиненіи г. Ульяновъ опредѣлялъ образованія старо-славянскихъ и литовскихъ основъ настоящаго времени въ связи съ основами неопредѣленнаго наклоненія.

Настоящее изслѣдованіе г. Ульянова, посвященное разработкѣ вопроса о значеніяхъ глагольныхъ основъ, обозначающихъ различія по залогамъ и различія по видамъ, тѣсно примыкаетъ къ предыдущему. Въ первой работѣ своей авторъ могъ найти

въ лингвистической литературѣ указанія на методы изслѣдованія, могъ встрѣтиться съ трудами, преслѣдовавшими однородныя съ нимъ задачи, могъ, наконецъ, найти подборъ необходимаго матеріала. Но настоящее сочиненіе автора, представленное имъ на соисканіе Ломоносовской преміи, посвящено совершенно еще нетронутой области—изслѣдованію о видахъ и залогахъ. По указанію почтеннаго рецензента не только значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ не были до сихъ поръ предметомъ сколько-нибудь внимательнаго изученія, но и вообще область значенія основъ въ формахъ словъ остается пока не разработанною въ сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ. Обиліе привлеченнаго къ изслѣдованію матеріала, отличное знакомство съ лингвистическою литературою и строгій критическій анализъ явленій дали возможность профессору Ульянову прійти въ своемъ изслѣдованіи къ цѣлому ряду выводовъ, касающихся значенія глагольныхъ основъ не только въ литовско-славянскомъ языкѣ, но и въ индо-европейскомъ пра-языкѣ; большинство этихъ выводовъ является, по словамъ рецензента, цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для науки. Хотя изслѣдованіе г. Ульянова и вызвало не мало замѣчаній и возраженій со стороны профессора Фортунатова, изложенныхъ въ его рецензіи, но онъ самъ объясняетъ ихъ тѣмъ, что при разработкѣ не легкой задачи, избранной г. Ульяновымъ, избѣжать неточностей, недомолвокъ и даже ошибокъ едва ли было возможно въ настоящее время.

По выслушаніи рецензіи и мнѣнія Комиссіи Второе Отдѣленіе единогласно признало трудъ проф. Ульянова, какъ имѣющій важное научное значеніе, заслуживающимъ награжденія Ломоносовскою преміею.

Разборъ сочиненія Г. К. Ульянова: Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ. I часть: Основы, обозначающія различія по залогамъ. Варшава. 1891. Стр. 4, V, 306 и V. II часть: Основы, обозначающія различія по видамъ. Варшава. 1895. Стр. IV, 341 и VIII.

Изслѣдованіе проф. Ульянова «Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ» по самому содержанію должно занимать выдающееся мѣсто въ современной лингвистической литературѣ: не только значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ не были до сихъ поръ предметомъ сколько-нибудь внимательнаго изученія, но и вообще область значеній основъ въ формахъ словъ остается пока неразработанною въ сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ, такъ что разсматриваемое сочиненіе является едва-ли не первою подробною монографіею въ этомъ важномъ отдѣлѣ сравнительной грамматики. Новый трудъ проф. Ульянова тѣсно связанъ съ его изслѣдованіемъ «Основы настоящаго времени въ старославянскомъ и литовскомъ языкахъ» (Варшава. 1888.); тамъ онъ опредѣлялъ образованія старославянскихъ и литовскихъ основъ настоящаго времени въ связи съ извѣстными основами инфинитива, а здѣсь, въ новомъ своемъ сочиненіи, авторъ останавливается на

значеніяхъ тѣхъ-же основъ, при чемъ изъ балтійскихъ языковъ онъ беретъ здѣсь, кромѣ литовскаго, также и латышскій языкъ, главнымъ образомъ для провѣрки и дополненія фактовъ, извлекаемыхъ изъ литовскаго языка, а изъ славянскихъ языковъ входятъ въ это изслѣдованіе, кромѣ старославянскаго языка, также сербскій, польскій и русскій языки, частью же, въ отдѣльныхъ случаяхъ, авторъ обращается и къ другимъ славянскимъ языкамъ. «Ограничивая матеріалъ для изслѣдованія», говоритъ проф. Ульяновъ въ предисловіи къ первой части (стр. IV), «я сводилъ свою задачу къ тому, чтобы выдѣлить лишь тѣ общія значенія глагольныхъ основъ, которыя и при такомъ ограниченномъ сравненіи могутъ быть объясняемы только какъ факты, существовавшіе уже въ общемъ литовско-славянскомъ языкѣ. Слѣдовательно, настоящее сочиненіе представляетъ въ себѣ лишь общій очеркъ значеній глагольныхъ основъ литовско-славянскаго языка; я не задавался цѣлью ни опредѣлить *всѣ* значенія глагольныхъ основъ этого общаго языка, ни описать подробно *развитіе* первоначальныхъ значеній въ отдѣльныхъ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ». Затѣмъ авторъ разъясняетъ въ предисловіи, что «основной пунктъ, съ котораго» онъ отправляется въ этомъ изслѣдованіи, есть «чередованіе различныхъ формъ основъ въ одномъ и томъже глаголѣ», т. е. чередованіе различныхъ основъ, образуемыхъ отъ одной и той-же основы, и показываетъ на примѣрахъ, что именно два рода чередованія глагольныхъ основъ въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ составляютъ предметъ дальнѣйшаго изслѣдованія: во-первыхъ, то чередованіе основъ, съ которымъ соединяется, по мнѣнію автора, «различіе по залогамъ», напр. въ литовск. kalù, kálti «ковать» и kaliù, 3 л. kãli, kalḗti «быть закованнымъ, сидѣть въ темницѣ» или напр. въ старослав. вѧжеть (вѧзати) и вѧзить, вѧзѣти; во-вторыхъ, чередованія, при которыхъ являются различія глаголовъ по видамъ, напр. въ старослав. мететь и (въ-)мѣтаѥть, а также напр. въ растеть и въздрастеть. Хотя проф. Ульяновъ вообще ограничиваетъ свою задачу опредѣленіемъ только фактовъ литовско-сла-

вянскаго языка, тѣмъ не менѣе, однако, тамъ, гдѣ позволяютъ существующія пособія и собранный имъ самимъ матеріалъ изъ текстовъ другихъ индоевропейскихъ языковъ, онъ идетъ и дальше и возводитъ факты литовско-славянскаго языка, «съ извѣстными предосторожностями», къ болѣе древней эпохѣ, т. е. къ эпохѣ общаго индоевропейскаго языка; правда, авторъ скромно замѣчаетъ въ предисловіи, что придаетъ такимъ общимъ выводамъ «лишь относительное и временное значеніе», но въ дѣйствительности и эти выводы заключаютъ въ себѣ кое-что, имѣющее, я думаю, не одно только временное значеніе.

Уже при первомъ, общемъ знакомствѣ съ обѣими частями новаго сочиненія проф. Ульянова не трудно замѣтить два достоинства въ этомъ трудѣ: обиліе матеріала и постоянную работу мысли автора, вполнѣ знакомаго съ тѣмъ, что сдѣлано въ наукѣ, а при этихъ данныхъ изслѣдованіе въ области новой, почти нетронутой до сихъ поръ, не можетъ не быть цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для науки, хотя бы многія соображенія автора представлялись спорными или частью невѣрными. Признавая очень важными нѣкоторые выводы автора, я вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу въ сочиненіи проф. Ульянова не мало и такихъ пунктовъ, гдѣ не могу согласиться со взглядами автора, какъ покажетъ этотъ разборъ. Совершенно понятно, однако, что при изслѣдованіи тѣхъ вопросовъ, которые занимаютъ автора, избѣжать неясностей, недомолвокъ и даже ошибокъ едва-ли возможно въ настоящее время; самое опредѣленіе истинныхъ, дѣйствительныхъ значеній въ грамматическихъ фактахъ языка, при существующемъ положеніи этихъ вопросовъ, — задача часто не легкая, хотя и настоятельно необходимая, конечно. Авторъ самъ очень хорошо сознаётъ, какъ легко ошибиться при опредѣленіи значеній грамматическихъ фактовъ, и добросовѣстно исправляетъ во второй части изслѣдованія нѣкоторыя объясненія, предложенныя имъ въ первой части. Не можетъ и рецензентъ не сознавать того, что и въ его возраженіяхъ авторъ откроетъ ошибочные взгляды, но если только въ случаяхъ этого рода поводъ для

возраженій даетъ тѣмъ не менѣе самъ авторъ, своими недостаточно обоснованными или неудовлетворительно разъясненными положеніями, то возраженія все-таки будутъ сдѣланы не напрасно и вполнѣ достигнутъ той цѣли, какую имѣетъ въ виду рецензентъ, какъ скоро вызовутъ новое, болѣе обстоятельное изложеніе оспариваемыхъ взглядовъ.

I.

Первая часть изслѣдованія проф. Ульянова имѣетъ свое особое заглавіе: «Основы, обозначающія различія по залогамъ». Здѣсь въ первой главѣ авторъ разсматриваетъ основы балтійскихъ языковъ и на страницахъ 2—33 даетъ длинный рядъ примѣровъ, собранныхъ изъ различныхъ текстовъ, для чередованія литовскихъ и латышскихъ основъ извѣстнаго образованія съ другими основами. Этотъ рядъ примѣровъ показываетъ, по словамъ автора, «что въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ существуютъ (въ глаголахъ) особаго рода производныя основы съ суффиксами $i : \bar{e} : \bar{a}$ [1]), которыя находятся въ опредѣленномъ соотношеніи по значенію съ извѣстными непроизводными основами» (стр. 33). Надо замѣтить, что здѣсь и вообще въ этомъ изслѣдованіи подъ непроизводными основами глаголовъ проф. Ульяновъ понимаетъ почему-то основы такъ-называемыхъ непроизводныхъ глаголовъ, т. е. тѣхъ глаголовъ, которые имѣютъ непроизводную основу инфинитива, хотя бы въ настоящемъ времени эти глаголы представляли такого-же рода производныя основы, какъ и тѣ основы на *i* (въ настоящемъ времени), которыя и авторъ называетъ производными; поэтому неточное выраженіе автора «непроизводныя основы» я замѣняю въ своемъ раз-

---

1) Т. е. литовск. *i* : *ė* : *o*.

борѣ словами «основы непроизводныхъ глаголовъ». Затѣмъ, на основаніи значеній глаголовъ въ приведенныхъ примѣрахъ чередованія основъ, авторъ выставляетъ такое положеніе «для языковъ литовскаго и латышскаго и, слѣдовательно, для языка общебалтійскаго: *основы на i : ē : ā являются словообразовательными формами, различающими глаголы состоянія отъ глаголовъ дѣйствія»* (стр. 35). Это опредѣленіе является во всякомъ случаѣ неполнымъ, такъ какъ въ немъ не указано, какое именно отношеніе между состояніемъ и дѣйствіемъ обозначается при посредствѣ такихъ словообразовательныхъ формъ. Проф. Ульяновъ и самъ находитъ данное опредѣленіе значеній этихъ балтійскихъ основъ неполнымъ, но съ другой стороны: онъ думаетъ, что эти основы должны быть разсматриваемы и по отношенію къ синтактическому употребленію формъ, образованныхъ отъ нихъ, такъ какъ, говоритъ авторъ, «значенія глагольныхъ основъ въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ опредѣляются вообще или по отношенію къ реальнымъ значеніямъ [1]) глаголовъ, или по отноше-

---

1) Въ примѣчаніи къ этому мѣсту авторъ говоритъ, что онъ употребляетъ терминъ «реальное» значеніе слова, въ отличіе отъ «формальнаго», «въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ему (имъ?) проф. Фортунатовъ», при чемъ онъ имѣетъ въ виду мои университетскія лекціи начала восьмидесятыхъ годовъ. Слѣдовало бы, думаю я, пояснить для читателей эти термины, такъ какъ мои лекціи не были напечатаны, да и для меня лично такое разъясненіе было бы не лишнимъ вслѣдствіе того, что отъ реальнаго и формальнаго значеній авторъ какъ-то отличаетъ далѣе еще «неформальное» значеніе (см. главнымъ образомъ I, 295). Мое опредѣленіе реальнаго и формальнаго значеній словъ было слѣдующее: реальнымъ значеніемъ слова я называлъ значеніе принадлежащее слову какъ знаку предмета мысли, а формальное значеніе слова я опредѣлялъ по отношенію къ тому именно, что въ словахъ, имѣющихъ формы, этими формами обозначаются различія и между самими словами какъ между различнаго рода знаками предметовъ мысли. Терминъ «формальное значеніе» въ такомъ смыслѣ кажется мнѣ теперь неудачнымъ, такъ какъ тотъ-же терминъ въ принятомъ употребленіи имѣетъ и другой смыслъ (формальнымъ значеніемъ называютъ значеніе видоизмѣняющее собою другія значенія, а такое формальное значеніе существуетъ и тамъ, гдѣ нѣтъ формы въ самихъ словахъ); поэтому я называю теперь «словеснымъ значеніемъ» ту сторону значенія словъ, имѣющихъ формы, которая является въ томъ, что въ данныхъ словахъ обозначены ихъ формами различія между самими словами. Подобнымъ-

нію къ синтаксическому употребленію формъ, образованныхъ отъ данныхъ основъ» (стр. 34). Это общее разсужденіе автора заключаетъ въ себѣ, мнѣ кажется, какое-то недоразумѣніе. Въ формахъ словъ различаются по значеніямъ, какъ извѣстно, два класса: формы словообразовательныя (будутъ ли онѣ по образованію формами основъ, или формами цѣлыхъ словъ) и формы словоизмѣненія; первыя принадлежатъ словамъ какъ отдѣльнымъ знакамъ предметовъ мысли, а вторыя существуютъ въ словахъ (въ знакахъ) какъ въ частяхъ предложенія и, слѣдовательно, какъ въ частяхъ словосочетанія, поскольку предложеніемъ является словосочетаніе. Значенія какихъ бы то ни было словообразовательныхъ формъ не опредѣляются поэтому изъ значеній формъ словоизмѣненія въ тѣхъ-же словахъ, точно такъ-же какъ и наоборотъ, значенія формъ словоизмѣненія могутъ быть опредѣляемы только изъ самихъ этихъ формъ, а не изъ словообразовательныхъ формъ тѣхъ-же словъ. Съ этимъ взаимнымъ от-

---

же образомъ и по отношенію къ формамъ словъ надо различать въ одной и той-же формѣ двоякаго рода значеніе: реальное и словесное, т. е., во-первыхъ, обозначеніе въ формѣ извѣстнаго различія по отношенію къ предметамъ мысли, обозначаемымъ данными словами, и, во-вторыхъ, обозначеніе въ формѣ различія между самими словами, получающими формы. Затѣмъ въ словахъ, имѣющихъ формы, помимо различія между реальнымъ и словеснымъ значеніемъ, существуетъ и другаго рода различіе, въ самомъ реальномъ значеніи, а именно здѣсь различаются значеніе, принадлежащее такому слову независимо отъ формы (данное въ основѣ формы), и значеніе, вносимое въ слово формою. Послѣдняго рода значеніе слова называютъ (по крайней мѣрѣ, между прочимъ) грамматическомъ значеніемъ слова, и, соотвѣтственно съ этимъ, значеніе перваго рода можетъ быть называемо неграмматическимъ значеніемъ слова. Терминъ «грамматическое значеніе» употребляется и по отношенію къ извѣстному реальному значенію формъ словъ (напр. когда говорятъ, что такіе-то индоевропейскіе падежи имѣли только грамматическое значеніе), а именно грамматическимъ значеніемъ формы называютъ такое значеніе, при которомъ въ данныхъ предметахъ мысли различаются классы, образуемые грамматическими классами словъ, обозначающихъ эти предметы мысли; напр. значеніе формы рода въ прилагательныхъ именахъ есть значеніе грамматическое въ этомъ смыслѣ, такъ какъ этою формою рода различаются въ самостоятельныхъ предметахъ мысли, обозначенныхъ существительными именами, такіе классы, которые образуются извѣстными грамматическими классами именъ существительныхъ.

ношеніемъ тѣхъ и другихъ формъ въ словахъ не слѣдуетъ смѣшивать, конечно, тотъ фактъ, что значеніе извѣстной формы словъ (будетъ ли то форма словообразованія, или форма словоизмѣненія) можетъ не допускаться извѣстнымъ значеніемъ основъ, хотя самыя слова съ такими основами въ другихъ отношеніяхъ однородны со словами, получающими данную форму; напр. въ глаголѣ значеніе формы недлительнаго вида въ основѣ не допускаетъ сочетанія съ значеніемъ формы praesens'а какъ дѣйствительнаго настоящаго времени или напр. въ существительныхъ именахъ извѣстное значеніе основы можетъ не допускать сочетанія съ значеніемъ формы (словообразовательной) множественнаго числа. Проф. Ульяновъ думаетъ, однако, что разсматриваемыя имъ словообразовательныя формы глагольныхъ основъ, различающія глаголы состоянія и дѣйствія, вносятъ извѣстныя различія въ значенія формъ словоизмѣненія глагола, именно въ формы лица (формы сказуемости глагола, т. е. времени и наклоненія, авторъ оставляетъ въ сторонѣ). Я приведу здѣсь все разсужденіе проф. Ульянова по этому поводу, такъ какъ оно является существенно важнымъ для опредѣленія взгляда автора на тѣ формы дѣйствительнаго и средняго залога, о которыхъ онъ постоянно говоритъ въ этой книгѣ.

«Глагольныя формы», говоритъ авторъ, «обозначая формальное отношеніе глагола къ другимъ словамъ, своимъ существованіемъ даютъ возможность различать и неформальное отношеніе признака, выражаемаго глаголомъ, къ субъекту» [1]) (т. е. къ

---

1) Правильнѣе было бы, конечно, дать такое опредѣленіе личнымъ формамъ глагола: эти формы, обозначая отношеніе признака, обозначаемаго глагольною основою, къ извѣстному субъекту признака, по этому самому обозначаютъ и отношеніе глагола къ другому слову, которымъ обозначается въ словосочетаніи данный субъектъ признака, хотя формы лица могутъ принадлежать глаголу и не въ словосочетаніи, при чемъ данный субъектъ признака не обозначается отдѣльнымъ словомъ въ предложеніи, но является обозначеннымъ, хотя и не полно, въ самой формѣ лица (таковы формы 1-го и 2-го лица въ древнихъ индоевропейскихъ языкахъ, таковы же формы 2-го лица повелительнаго наклоненія въ русскомъ языкѣ).

субъекту признака); «какого рода это неформальное отношеніе признака къ субъекту, глагольныя формы сами по себѣ не могутъ обозначать; но, по моему мнѣнію, какъ скоро въ основахъ, отъ которыхъ производятся глагольныя формы, являются извѣстныя различія по отношенію къ реальнымъ значеніямъ глаголовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ является возможность и въ глагольныхъ формахъ различать опредѣленно неформальныя отношенія признака къ субъекту. Мы уже видѣли, что въ общебалтійскомъ языкѣ глаголы по своимъ реальнымъ значеніямъ извѣстными формами основъ различались на глаголы дѣйствія и глаголы состоянія; но такъ какъ эти различныя основы являлись въ общебалтійскомъ основами глагольныхъ формъ, то и глагольныя формы получали отсюда возможность различать неформальныя отношенія признака къ субъекту: формы отъ основъ непроизводныхъ обозначали, что признакъ выражаемый глаголомъ *производится субъектомъ;* формы отъ основъ производныхъ обозначали, что признакъ въ сочетаніи съ субъектомъ *происходитъ* или *существуетъ*. Такое различіе глагольныхъ формъ по ихъ неформальнымъ значеніямъ есть различіе по *залогамъ;* такимъ образомъ для общебалтійскаго языка я принимаю различіе между двумя залогами: *дѣйствительнымъ* (activum) и *среднимъ* (neutrum); въ значеніи дѣйствительнаго залога употреблялись формы отъ непроизводныхъ основъ, обозначавшія, что признакъ производится субъектомъ; въ значеніи средняго залога употреблялись формы отъ извѣстныхъ производныхъ основъ, обозначавшія, что признакъ въ сочетаніи съ субъектомъ происходитъ или существуетъ» (стр. 44—46).

Итакъ, оставляя въ сторонѣ въ этомъ разсужденіи неясность выраженій «формальное отношеніе», «неформальныя отношенія», мы видимъ, что по мнѣнію автора глагольныя формы лица въ соединеніи съ основами, обозначающими при посредствѣ извѣстныхъ формъ различіе между дѣйствіями и состояніями, получаютъ новыя значенія, не принадлежащія личнымъ формамъ самимъ по себѣ, равно какъ не принадлежащія и формамъ основъ

самимъ по себѣ, вслѣдствіе чего и такія формы основъ по отношенію къ сочетанію съ личными формами глагола являются съ извѣстными новыми значеніями. Но въ дѣйствительности этого, конечно, нѣтъ: значенія, которыя находитъ авторъ въ глагольныхъ формахъ отъ основъ, различающихъ глаголы дѣйствія и состоянія, должны заключаться уже въ самихъ этихъ основахъ, такъ какъ вѣдь различіе между признакомъ - дѣйствіемъ и признакомъ - состояніемъ есть то-же самое, что различіе между признакомъ, который производится субъектомъ, и признакомъ, который происходитъ, существуетъ въ субъектѣ. Глагольныя основы по ихъ неграмматическому значенію, независимо отъ того, имѣютъ ли онѣ какія нибудь формы, или нѣтъ, обозначаютъ признаки въ ихъ временномъ отношеніи къ субъектамъ признаковъ, т. е. въ ихъ возникающей во времени связи съ субъектами признаковъ, при чемъ именно по отношенію къ образованію этой связи признака съ субъектомъ различаются въ такихъ признакахъ дѣйствія и состоянія. Если глагольныя основы заключаютъ въ себѣ формы, обозначающія въ данныхъ признакахъ различіе между дѣйствіями и состояніями (какъ предполагаетъ проф. Ульяновъ относительно чередованія извѣстныхъ глагольныхъ основъ въ балтійскихъ языкахъ), эти формы обозначаютъ, слѣдовательно, сами по себѣ, безъ отношенія ихъ къ формамъ словоизмѣненія глагола, различіе между признаками, которые производятся субъектами этихъ признаковъ, и признаками, которые происходятъ въ субъектахъ, хотя при этомъ самые субъекты признаковъ этими формами не обозначаются; формы лица въ глаголѣ сами по себѣ обозначаютъ извѣстныя различія въ субъектахъ тѣхъ признаковъ, какіе обозначаются глагольными основами въ ихъ возникающей во времени связи съ какими бы то ни было субъектами, но при этомъ формы лица не вносятъ обозначенія какого нибудь различія въ отношеніе, существующее между признакомъ и его субъектомъ. Слѣдовательно, въ глагольныхъ формахъ отъ основъ, заключающихъ въ себѣ словообразовательныя формы глаголовъ дѣйствія и состоянія,

не могутъ быть различаемы тѣ залоги, о которыхъ говоритъ авторъ, какъ особыя формы глаголовъ, не тождественныя съ формами основъ.

При опредѣленіи формъ дѣйствительнаго и средняго залога въ личныхъ формахъ глагола въ балтійскихъ языкахъ проф. Ульяновъ не упоминаетъ о причастіяхъ и потому даетъ поводъ думать, что формы такихъ залоговъ составляютъ, по мнѣнію автора, отличіе глагола въ личныхъ формахъ отъ причастій. Впослѣдствіи, возвращаясь къ опредѣленію формъ дѣйствительнаго и средняго залога по поводу нѣкоторыхъ фактовъ общаго индоевропейскаго языка, авторъ, дѣйствительно, говоритъ, что въ причастіяхъ значеніе отношенія признака къ субъекту «не есть ихъ собственное значеніе» и «можетъ являться въ нихъ лишь по связи съ личными формами, т. е. это значеніе въ причастіяхъ есть такое же вторичное, какъ и значеніе времени, напр., въ греческихъ причастіяхъ» (стр. 296). Поэтому формы «дѣйствительнаго и средняго залога» въ причастіяхъ (а эти залоги въ личныхъ формахъ глагола опредѣляются на стр. 297 какъ обозначающіе «родъ отношенія признака къ субъекту») должны быть однородны на взглядъ проф. Ульянова съ формами времени причастій, по однородному отношенію тѣхъ и другихъ къ формамъ залога и времени въ глаголахъ съ личными формами. Но вѣдь формы времени причастій отличаются по самому значенію отъ формъ времени въ собственныхъ глаголахъ (т. е. въ глаголахъ съ личными формами): формы времени въ причастіяхъ обозначаютъ отношеніе времени сочетанія даннаго признака съ его субъектомъ къ тому времени, которое обозначается въ предложеніи въ сочетаніи сказуемаго предложенія съ подлежащимъ; но какъ скоро причастія имѣютъ въ основахъ формы, различающія въ признакахъ дѣйствія и состоянія, эти значенія причастій не зависятъ, конечно, отъ тѣхъ формъ глагола въ предложеніяхъ, которыя авторъ называетъ формами дѣйствительнаго и средняго залога, т. е. при этомъ вовсе не обозначается въ причастіяхъ какое либо отношеніе къ различію, обозначаемому въ сказуемомъ предло-

женія между признакомъ какъ дѣйствіемъ и признакомъ какъ состояніемъ. Авторъ напрасно думаетъ, будто прилагательныя имена вообще, а потому и причастія (внѣ связи причастій съ личными формами глагола), не обозначаютъ отношенія даннаго признака къ субъекту и этимъ отличаются отъ глагола въ личныхъ формахъ; проф. Ульяновъ смѣшиваетъ при этомъ съ значеніями самихъ личныхъ формъ въ глаголѣ тѣ значенія, которыя принадлежатъ формамъ сказуемости глагола, т. е. формамъ времени и наклоненія. Формы словоизмѣненія въ грамматическомъ родѣ прилагательныхъ именъ обозначаютъ извѣстныя различія въ субъектахъ данныхъ признаковъ, а основы прилагательныхъ[1]), какъ и основы глагольныя, сами обозначаютъ (независимо отъ того, имѣютъ ли онѣ формы, или нѣтъ) признаки въ ихъ отношеніи къ субъектамъ признаковъ (не въ отвлеченіи отъ субъектовъ), но при этомъ является существенное различіе между признаками, обозначаемыми основами прилагательныхъ, и признаками, обозначаемыми глагольными основами: основами прилагательныхъ именъ данный признакъ обозначается въ данной принадлежности его субъектамъ, а не въ возникающемъ во времени сочетаніи его съ субъектами, между тѣмъ какъ глагольныя основы имѣютъ это послѣднее значеніе. Въ причастіяхъ, т. е. въ извѣстнаго рода прилагательныхъ именахъ, основы формъ словоизмѣненія также обозначаютъ поэтому данный признакъ въ данной принадлежности его субъектамъ, но при этомъ въ формахъ основъ причастій, т. е. въ формахъ глагольныхъ основъ, данный признакъ обозначается въ возникающемъ во времени сочетаніи его съ субъектами; слѣдовательно, причастіе обозначаетъ *такой* признакъ въ данной принадлежности его субъектамъ признаковъ, который формами основы причастія обозначенъ какъ сочетающійся во времени съ субъектами признаковъ.

Итакъ, я не могу признать существованіе тѣхъ формъ дѣйствительнаго и средняго залога, о которыхъ говоритъ проф.

---

1) Т. е. основы формъ словоизмѣненія прилагательныхъ.

Ульяновъ и которыя онъ находитъ какъ въ балтійскихъ языкахъ, такъ и въ славянскихъ, а равно и въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ; во всѣхъ этихъ случаяхъ я не отличаю такія формы отъ тѣхъ словообразовательныхъ формъ въ основахъ, которыя авторъ называетъ по ихъ значеніямъ формами обозначающими различіе глаголовъ состоянія и дѣйствія[1]). Поэтому названіе «формы дѣйствительнаго и средняго залога» могло бы быть дано этимъ-же словообразовательнымъ формамъ основъ, но конечно лишь при томъ условіи, еслибъ авторъ признавалъ, что такими формами обозначается различіе между дѣйствіемъ и состояніемъ въ одномъ и томъ-же признакѣ, обозначаемомъ непроизводною глагольною основою (глагольнымъ корнемъ), а я говорилъ уже, что проф. Ульяновъ не поясняетъ, какъ именно онъ понимаетъ соотношеніе глаголовъ дѣйствія и состоянія, когда даетъ приведенное мною выше опредѣленіе значенія извѣстныхъ балтійскихъ глагольныхъ основъ, чередующихся между собою. Въ дѣйствительности, однако, эти формы основъ, какъ мы увидимъ, не обозначаютъ различія между дѣйствіемъ и состояніемъ въ одномъ и томъ-же признакѣ (да и не могли бы, конечно, имѣть такое значеніе), и потому нѣтъ никакого основанія признавать въ глаголахъ, представляющихъ такія формы основъ, дѣйствительный и средній *залоги*, такъ какъ подъ формами залога понимаются вообще формы обозначающія какія либо различія въ самомъ отношеніи, существующемъ между

---

1) Для общаго индоевропейскаго языка соотвѣтственныя формы основъ въ глаголахъ «средняго залога» авторъ признаетъ «собственно основами личныхъ глагольныхъ формъ» (стр. 298), хотя при этомъ указываетъ и на существованіе ихъ въ причастіяхъ. Эти индоевропейскія основы были, конечно, такими-же словообразовательными формами, какъ и происшедшія изъ нихъ литовско-славянскія основы, и то обстоятельство, что въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ эти основы не переносились еще въ именныя образованія такъ, какъ переносились онѣ, по мнѣнію автора, въ литовско-славянскомъ языкѣ, не имѣетъ никакого значенія при опредѣленіи того, являлись ли данныя формы словообразовательными, или нѣтъ (см. сказанное мною выше о словообразовательныхъ формахъ).

признакомъ, обозначаемымъ глагольною основою, и субъектами этого признака.

Я разсмотрю теперь на основаніи фактовъ, собранныхъ авторомъ на стр. 2—33, выставленное имъ положеніе относительно того, что балтійскія глагольныя основы «на $i:\bar{e}:\bar{a}$», т. е. на общебалтійскія $i:\bar{e}:\bar{a}$ (точнѣе $\bar{a}^0$), «являются словообразовательными формами, различающими глаголы состоянія отъ глаголовъ дѣйствія». При этомъ только вмѣсто общебалтійскаго языка, о которомъ упоминаетъ здѣсь авторъ, я буду имѣть въ виду эпоху единства литовскаго и латышскаго языковъ, такъ какъ заключенія, дѣлаемыя на основаніи сопоставленія языковъ литовскаго и латышскаго, относятся непосредственно лишь къ этой эпохѣ, хотя бы мы не рѣшали пока, было ли единство литовскаго и латышскаго языковъ литовско-латышскимъ діалектомъ въ общебалтійскомъ языкѣ, или отдѣльнымъ литовсколатышскимъ языкомъ; прусскій языкъ, говоритъ авторъ въ предисловіи (стр. II), «по самому качеству его памятниковъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могъ быть привлекаемъ къ сравненію». Основы на литовско-латышскія $i:\bar{e}$, т. е. на литовскія $i:ė$, я разсмотрю отдѣльно отъ основъ на литовск. *o* изъ $\bar{a}^0$, такъ какъ послѣднія въ данныхъ глаголахъ являются во всѣхъ формахъ спряженія глагола, между тѣмъ какъ основы на i и на $\bar{e}$, т. е. на литовск. *ė*, распредѣляются въ одномъ и томъ-же глаголѣ по различнымъ его формамъ, а именно образованія на i существуютъ въ основѣ настоящаго времени, а основы на $\bar{e}$, литовск. *ė*, представляютъ собою основу инфинитива (подъ условнымъ названіемъ «основа инфинитива» подразумѣвается основа общая инфинитиву съ извѣстными формами спряженія). Въ латышскомъ языкѣ основы наст. вр. на i, при основахъ инфинитива на $\bar{e}$, не сохранились, какъ указываетъ проф. Ульяновъ, и замѣнились основами на *ja*, вмѣсто которыхъ часто являются основы на *a*; въ литовскомъ языкѣ въ жемайтскомъ нарѣчіи основы наст. вр. на i также замѣнились основами на *ja*

(чтò, повидимому, осталось неизвѣстнымъ автору) [1]), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ другихъ діалектахъ основы на *i* имѣютъ при себѣ параллельныя образованія на *ja* и частью вполнѣ вытѣснены основами на *ja* (см. Шлейхера Litauische Grammatik, § 116) [2]). При основахъ на *i* въ нѣкоторыхъ глаголахъ въ литовскомъ языкѣ извѣстны и основы на *a*, и авторъ думаетъ, что въ приводимыхъ имъ примѣрахъ чередованія основъ по значеніямъ онъ можетъ «брать безразлично основы на *i* и на *a*, имѣющія одинаковое значеніе» (стр. 2, примѣч. 1); такъ какъ, однако, во многихъ случаяхъ при основахъ на *a* въ наст. вр. и на *ė* въ инфинитивѣ не существуютъ параллельныя основы наст. вр. на *i*, на что обращаетъ вниманіе и авторъ на стр. 72, то правильнѣе, я думаю, при опредѣленіи чередованія различныхъ основъ по значеніямъ отдѣлять вообще основы на *a*:*ė* отъ основъ на *i*:*ė*, хотя въ нѣкоторыхъ глаголахъ основы на *i* смѣшиваются съ основами на *a*.

Авторъ не останавливается на образованіи основы наст. вр. въ тѣхъ балтійскихъ глаголахъ дѣйствія, которые онъ находитъ въ чередованіи по основамъ съ глаголами состоянія, имѣющими указываемыя имъ основы, и называетъ основы такихъ глаголовъ дѣйствія вообще основами непроизводными, какъ я говорилъ уже, хотя эти глаголы имѣютъ непроизводныя основы только въ основѣ инфинитива, а не въ основѣ наст. вр; но если мы обратимъ вниманіе на образованіе основы наст. вр. въ тѣхъ ли-

1) Впрочемъ, статья ксендза Явниса въ Памятной книжкѣ Ковенской губерніи на 1893 г., гдѣ указано на утрату въ жемайтскомъ нарѣчіи образованія на *i* въ основахъ наст. вр., напечатана послѣ выхода въ свѣтъ первой части изслѣдованія проф. Ульянова.

2) Въ дополненіе къ фактамъ, указаннымъ у Шлейхера, проф. Ульяновъ въ примѣчаніи на стр. 72 приводитъ и другіе примѣры основъ на *ja* вмѣсто *i*, но надо замѣтить, что turia, žiuria, beregięnt взяты изъ жемайтскихъ текстовъ (Довконта и Волончевскаго) и что причастныя формы съ такими основами изъ восточно-литовскаго говора Ширвида (на -iunt-) не доказываютъ еще существованія основъ на *ja* вмѣсто *i* и въ личныхъ формахъ тѣхъ-же глаголовъ. Форма kvepie принадлежитъ глаголу kvepiù, kvẽpti, указанному Шлейхеромъ при kvepiù, kvepė́ti.

товскихъ глаголахъ, которые являются въ указываемомъ авторомъ чередованіи съ глаголами, имѣющими основу наст. вр. на *i* (при основѣ инфинитива на *ė*), то увидимъ, что такіе глаголы заключаютъ въ себѣ въ основѣ наст. вр. именно образованіе на *ja*. Напр. guliù, gulė́ti «лежать» и guliù, gul̃ti (чаще въ возвратной формѣ) «ложиться»; kaliù, kalė́ti «быть въ оковахъ, сидѣть въ темницѣ» и kaliù [1]) (при kalù), kálti «ковать»; linkiù, linkė́ti «гнуться, клониться» и lenkiù, leñkti «гнуть, наклонять»; skérdžiu (при skérdėju), skérdėti «трескаться» и skerdžiù, sker̃sti (при этомъ другое качество ударенія *er*) «закалывать» (свинью); stóviu, stovė̃ti «стоять» [2]) и stóju, stóti «ступить, стать», stójȗs, stótis «становиться»; tūpiù, tūpė̃ti «сидѣть на корточкахъ, скорчившись» и tūpiù, tū̃pti (часто въ возвратной формѣ) «садиться на корточки» (а также «садиться» о птицахъ); turiù, turė̃ti «держать, имѣть» и tveriù, tvérti «схватывать» (а также «огораживать»); trìnkiu (при trìnku), trinkė̃ti «дребезжать» (напр. о повозкѣ при ѣздѣ по камнямъ) и trenkiù, treñkti «толкать, ударять съ шумомъ». Въ этихъ

---

1) Сравн. латышск. kaľu.

2) Напрасно думаетъ авторъ (стр. 14), будто форма 3-го л. stó «стоитъ» должна объясняться независимо отъ stóvi. Конечное (всюду неударяемое) *i* въ 3-мъ лицѣ глаголовъ съ такими основами получено подвижнымъ изъ пралитовскаго языка (въ настоящее время это *i* часто отсутствуетъ даже и въ тѣхъ южныхъ говорахъ, которые сохраняютъ обыкновенно конечное подвижное *a*), а изъ stóvi при отпаденіи *i* произошло stoṷ (*v* въ положеніи не передъ гласною не существовало въ пралитовскомъ языкѣ), такъ-же какъ изъ дательныхъ tavi, savi «тебѣ», «себѣ» явились táu, sáu (діалектическія táv, sáv, какъ свидѣтельствуетъ и нисходящее удареніе на *a*, замѣнили собою táu, sáu, можетъ быть подъ вліяніемъ tav-, sav- передъ гласною въ другихъ падежныхъ формахъ); фонетическое различіе между táu, sáu, сохраняющими *ṷ*, и stó, изъ stoṷ, объясняется различіемъ въ качествѣ слоговой долгой гласной и совершенно однородно съ тѣмъ различіемъ, какое существуетъ въ мѣстномъ пад. ед. ч. между формою на oi̯ (пишутъ oj) изъ oje и формами тѣхъ же діалектовъ на *ė*, *y* изъ ėjė, yje, черезъ посредство ėi̯, yi̯. Форма stó «стоитъ» не можетъ допускать никакого другаго объясненія; между прочимъ, надо имѣть въ виду здѣсь и долготу гласной съ нисходящимъ удареніемъ (эта гласная, значитъ, получена не въ первоначальномъ концѣ слова).

примѣрахъ я указалъ на такіе литовскіе непроизводные глаголы съ основою наст. вр. на *ja*, которые представляютъ извѣстное соотношеніе по значенію съ родственными по корню глаголами, имѣющими основу наст. вр. на *i* при основѣ инфинитива на *ė*, при чемъ именно глаголы съ основою наст. вр. на *ja* обозначаютъ дѣйствіе, производящее то состояніе, какое обозначается соотвѣтственными глаголами съ основою наст. вр. на *i*; въ такихъ случаяхъ, какъ gulių̀, gulių̃s «ложусь» при gulių̀ «лежу», 3 л. gùli, и stójůs «становлюсь» при stóviu «стою», 3 л. stóvi, соотношеніе по значенію могло образоваться еще тогда, когда глаголы, изъ которыхъ произошли gulių̀, gulių̃s «ложусь» и stójůs «становлюсь», имѣли невозвратную форму съ невозвратнымъ значеніемъ, т. е. обозначали «кладу» (или «бросаю», если gulių̀ родственно съ греч. βάλλω) и «становлю». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ при глаголахъ съ основою наст. вр. на *i*, въ инфинитивѣ на *ė*, родственные по корню непроизводные глаголы имѣютъ основу наст. вр. на *ja*, существовавшее нѣкогда соотношеніе по значеніямъ утрачено. Таковы напр.: dūsių̀, dūsė́ti «тяжело дышать, вздыхать» и dvesių̀, dvẽsti «дышать, издыхать»; lyczių̀ (при lytù), lytė́ti «трогать, касаться» и lëcziu, lësti съ тѣмъ-же значеніемъ (употребляются, вѣроятно, не въ одномъ и томъ-же діалектѣ); lydżių̀, lydė́ti «провожать» и léidżiu, léisti «пускать, посылать» (о происхожденіи значенія въ lydė́ti см. у автора, стр. 5); сюда-же принадлежитъ kenczių̀, kentė́ti «терпѣть, выносить боль, бѣдствіе» при kenczių̀, kę̃sti «терпѣть»[1]), хотя въ kentė́ti основа наст. вр. kenti- вытѣснена вполнѣ основою kenczia- глагола kę̃sti. Затѣмъ надо замѣтить, что для нѣкоторыхъ непроизводныхъ глаголовъ, представляющихъ указанное выше соотношеніе по значенію съ глаголами, имѣющими основу наст. вр. на *i* при основѣ инфинитива

---

1) Съ опредѣленіемъ значеній этихъ глаголовъ у проф. Ульянова, стр. 12, надо сопоставить то, что говоритъ Куршатъ въ литовско-нѣмецкомъ словарѣ.

на *ė*, основа наст. вр. на *ja*, не сохранившаяся въ самомъ литовскомъ языкѣ, засвидѣтельствована родственными языками. Такъ, при aviù, avė́ti «носить обувь» въ литовскомъ языкѣ мы находимъ глаголъ aunù, aũti «обувать», т. е. съ основою наст. вр. на *na*, но въ латышскомъ языкѣ и въ славянскихъ языкахъ сохранилась въ этомъ глаголѣ основа наст. вр. на *ja*, *je*: латышск. aũju (при aũnu) «обуваю», старослав. -оуѭ напр. въ обоуѭ, русск. обую; при глаголѣ sė̃džiu, sėdė́ti «сидѣть» литовскій языкъ имѣетъ глаголъ sė́du, sė́sti «садиться, сѣсть» (въ соединеніи съ приставками часто въ возвратной формѣ), а въ латышскомъ языкѣ въ глаголѣ sē̂st «садиться» сохраняется основа наст. вр. на старое *ja* въ sē̂žu «сажусь» (сравн. также греч. ἕζομαι). При dėviù, dėvė́ti «носить платье» литовскій языкъ не сохранилъ вообще непроизводнаго глагола съ значеніемъ «одѣвать» (dedù, dė́ti значитъ «класть»), но глаголъ *dėju, утраченный литовскимъ языкомъ, засвидѣтельствованъ, однако, латышскимъ dẽju «кладу» и старославянскимъ дѣѭ напр. въ одѣѭ [1]). Особо стоитъ по отношенію къ разсматриваемому чередованію основъ литовскій глаголъ vilkė́ti «носить одежду, быть одѣтымъ», для котораго Куршатъ указываетъ форму наст. времени vilkiù, между тѣмъ какъ въ соотвѣтственномъ по корню непроизводномъ глаголѣ дѣйствія vil̃kti извѣстна только основа наст. вр. на *a* (не на *ja*), въ velkù «волоку», сравн. старослав. влѣкѫ; простой глаголъ velkù, vil̃kti не имѣетъ, однако, значенія «одѣвать», т. е. не находится въ соотношеніи по значенію съ vilkė́ti, хотя apvil̃kti значитъ и «одѣвать». Возможно и то, что въ глаголѣ vilkė́ti форма наст.

1) Отношеніе литовск. dėv- въ dėviù, dėvė́ti къ dė- въ dė́ti, латышск. dẽju однородно по происхожденію съ отношеніемъ литовск. stov- въ stóviu, stovė́ti къ sto- въ stóju, stóti, т. е. какъ stov- указываетъ на индоевроп. глагольный корень stā°u (см. Ульянова Основы настоящаго времени, стр. 149 — 150), такъ и dėv- предполагаетъ индоевроп. корень dā°u (сравн. Фика Wörterbuch, четвертое изданіе, I, 72). Иначе смотритъ на происхожденіе *v* въ литовск. dėviù, dėvė́ti проф. Ульяновъ (Основы, стр. 150).

вр. vilkiù (извѣстная мнѣ только изъ словарей) представляетъ собою новообразованіе; Нессельманъ при vilkiu съ тѣмъ-же значеніемъ приводитъ и vilkėju.

Соотношеніе между литовскими глагольными основами на *ja* и на *i* указываетъ по звуковой сторонѣ на то, что оно получено изъ общаго индоевропейскаго языка, такъ какъ литовскія основы наст. вр. на *i* (и соотвѣтствующія имъ старославянскія основы на *и*, т. е. на общеславянское *ī*, глаголовъ съ основою на *ѣ* въ инфинитивѣ) образовались изъ индоевропейскихъ основъ на *i̯a*$^{e/o}$, чередовавшихся съ основами на *ja*$^{e/o}$ вслѣдствіе того, что въ тѣхъ и другихъ основахъ *i̯a*$^{e/o}$ и *ja*$^{e/o}$ были по происхожденію однимъ и тѣмъ-же суффиксомъ съ его фонетическими видоизмѣненіями, вызывавшимися различіемъ въ извѣстныхъ условіяхъ: суффиксъ *ja*$^{e/o}$ существовалъ въ положеніи безъ ударенія, при чемъ предшествовавшій глагольный корень подъ удареніемъ имѣлъ сильный звуковой видъ, а суффиксъ *i̯a*$^{e/o}$ являлся подъ удареніемъ (на *a*$^{e/o}$), между тѣмъ какъ глагольный корень безъ ударенія представлялъ при этомъ слабый звуковой видъ [1]). Эти индоевропейскія различія въ звуковомъ видѣ корня тѣхъ и другихъ основъ сохраняются нерѣдко и въ литовскомъ языкѣ, что̀ по отношенію къ литовскимъ глаголамъ съ основою наст. вр. на *i* отмѣчено и проф. Ульяновымъ (стр. 68 и слѣд.). Итакъ, фактъ чередованія въ литовскомъ языкѣ въ извѣстныхъ слу-

---

1) Проф. Ульяновъ согласенъ со мною во взглядѣ какъ на различіе между индоевроп. *ja*$^{e/o}$ и *i̯a*$^{e/o}$, такъ и на происхожденіе балтійскаго *ĭ*, общеславянскаго *ī* въ такихъ основахъ изъ индоевроп. *i̯a*$^{e/o}$, непосредственно изъ *i̯a*^{e}; см. его Основы настоящ. врем., стр. 199—200. Я не могу останавливаться здѣсь на подробномъ изложеніи моего мнѣнія относительно происхожденія этого балтійскаго *i*, общеславянск. *ī* (гласная *e* еще въ литовско-славянскомъ языкѣ въ положеніи послѣ *i* и *i̯* измѣнялась въ направленіи къ *ė*) и замѣчу лишь, что и до сихъ поръ я держусь того-же мнѣнія, такъ какъ объясненіе этого балтійск. *i*, общеслав. *ī*, предложенное Штрейтбергомъ (Paul-Braune's Beiträge XIV, 201) не представляется мнѣ убѣдительнымъ, между прочимъ потому, что оно все-таки не разъясняетъ различія между общеславянск. *ī* и балтійскимъ *ĭ* въ этихъ основахъ.

чаяхъ основъ наст. вр. на *ja* и на *i* имѣетъ большое значеніе для сравнительной грамматики, такъ какъ по звуковой сторонѣ это чередованіе должно было возникнуть еще въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ; слѣдовательно, и различіе тѣхъ и другихъ литовскихъ образованій по значенію восходитъ въ его началахъ также еще къ общему индоевропейскому языку, и сопоставленіе такихъ фактовъ литовскаго языка съ фактами другихъ индоевропейскихъ языковъ можетъ показать, было ли въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ различіе въ значеніи тѣхъ и другихъ формъ глагольныхъ основъ такимъ-же, какимъ оно является въ литовскомъ языкѣ. Изъ приведенныхъ мною выше примѣровъ видно, что соотношеніе по значенію литовскихъ непроизводныхъ глаголовъ съ основою наст. вр. на *ja* и глаголовъ съ основою наст. вр. на *i* (при основѣ инфинитива на *ė*) можетъ быть опредѣлено такъ: глаголы съ основами наст. вр. на *ja* въ такомъ ихъ соотношеніи обозначаютъ, какъ я замѣтилъ уже, дѣйствія, производящія тѣ состоянія, какія обозначаются глаголами съ основами наст. вр. на *i*; поэтому глаголы съ основами наст. вр. на *i* въ этомъ ихъ соотношеніи являются обозначающими состоянія по отношенію къ тѣмъ дѣйствіямъ, производящимъ состоянія, какія обозначаются въ глаголахъ съ основами наст. вр. на *ja*. Слѣдовательно, словообразовательныя формы, давшія существованіе тѣмъ и другимъ глагольнымъ основамъ, обозначали дѣйствіе по отношенію къ состоянію, производимому дѣйствіемъ, и состояніе по отношенію къ производящему его дѣйствію. Проф. Ульяновъ самъ замѣчаетъ, что въ числѣ указанныхъ имъ литовскихъ глаголовъ «дѣйствительнаго залога» есть такіе, которые въ этой формѣ обозначаютъ, что «субъектъ производитъ то состояніе, которое обозначается производными основами тѣхъ же глаголовъ въ формѣ средняго залога» (стр. 50); авторъ думаетъ, однако, что такое значеніе этихъ глаголовъ, называемое имъ «фактитивнымъ», въ отличіе отъ значенія собственно каузативнаго, есть неперьоначальное, развившееся «въ формахъ отъ непроизводныхъ основъ только по соотношенію ихъ съ соотвѣтствующими формами отъ

производныхъ основъ»; «притомъ», говоритъ онъ, «и не всякій непроизводный глаголъ, при которомъ есть соотвѣтствующій производный, получалъ фактитивное значеніе». Такимъ образомъ все-таки остается неяснымъ взглядъ автора на соотношеніе по значенію глаголовъ дѣйствія и состоянія въ формахъ, называемыхъ имъ формами «дѣйствительнаго и средняго залога».

Литовскіе непроизводные глаголы дѣйствія съ основами наст. вр. на *ja* находятся въ соотношеніи не только съ глаголами состоянія, имѣющими основу наст. вр. на *i*, но также, и притомъ въ бо́льшемъ числѣ случаевъ, съ тѣми непроизводными глаголами состоянія, въ которыхъ основа наст. вр. заключаетъ въ себѣ или суффиксъ *sta*, или суффиксъ *a* съ носовымъ инфиксомъ, и которые собственно имѣютъ въ такихъ образованіяхъ «начинательное» значеніе, именно значеніе наступающаго, возникающаго состоянія, хотя въ части глаголовъ это начинательное значеніе измѣнилось въ значеніе неначинательное, т. е. въ значеніе существующаго состоянія. Такое-же соотношеніе между собою глаголовъ дѣйствія съ основою наст. вр. на *ja* и глаголовъ состоянія, имѣющихъ основу наст. вр. на *sta* или съ носовымъ инфиксомъ (въ его фонетическихъ измѣненіяхъ) на *a*, является и въ латышскомъ языкѣ и давно уже указано для этого языка какъ различіе въ грамматическихъ классахъ глаголовъ дѣйствія и состоянія (см. Биленштейна Die lettische Sprache II, § 509). Относящіеся сюда факты чередованія основъ въ литовскомъ языкѣ, а частью и въ латышскомъ, собраны у Лескина въ его Ablaut, стр. 119 и слѣд. Таковы напр. литовск. mirkstù, mir̃kti «мокнуть» и merkiù, mer̃kti «мочить»; lúžtu, lúžti «ломаться» и láužiu, láužti «ломать»; runkù, rùkti «становиться морщинистымъ» и raukiù, raũkti «плоить, дѣлать морщины»; dumbù, dùbti «становиться впалымъ» и důbiù, dů̃bti «выдалбливать» и др. Въ такихъ случаяхъ значеніе формы основъ наст. вр. на *sta* и съ носовымъ инфиксомъ на *a* (тѣ и другія основы не различаются по значенію формы) состоитъ въ томъ, что этою формою данный признакъ обозначается какъ возникающее состояніе

по отношенію къ тому дѣйствію, которое обозначено непроизводнымъ глаголомъ отъ того-же корня съ основою наст. вр. на *ja*, а значеніе формы основъ наст. вр. на *ja* здѣсь то-же, что и въ соотношеніи съ основами наст. вр. на *i*, т. е. формою основъ на *ja* данный признакъ обозначается какъ дѣйствіе, производящее то состояніе, которое обозначено другими основами наст. вр. отъ того-же корня[1]). Вслѣдствіе того, что въ балтійскихъ языкахъ глаголы состоянія неначинательнаго и начинательнаго, т. е. съ основою наст. вр. на *i* и съ основами наст. вр. на *sta* и на *a* съ носовымъ инфиксомъ, одинаково являются въ соотношеніи съ непроизводными глаголами дѣйствія, имѣющими основу наст. вр. на *ja*, возможно и чередованіе между собою глаголовъ состоянія съ основою наст. вр. на *i*, съ одной стороны, и съ основами на *sta* и съ носовымъ инфиксомъ на *a*, съ другой стороны; въ дѣйствительности, однако, такое чередованіе является лишь въ рѣдкихъ случахъ, и при томъ именно тамъ, гдѣ при такихъ глаголахъ не существуетъ непроизводный глаголъ дѣйствія съ основою наст. вр. на *ja*. Сюда принадлежатъ въ литовскомъ языкѣ такіе случаи, какъ: isz-girstù, isz-gir̃sti «услышать» при girdżiù, girdė́ti «слышать»; smìrstu, smìrsti «становиться вонючимъ» при smìrdżiu, smirdė́ti «вонять»; spį̀stu, sp[illegible]sti «становиться блистающимъ» при spìndziu, spindė́ti «блестѣть, сіять»; tìngstu, tìngti «становиться лѣнивымъ» при tìngiu, tingė́ti «быть лѣнивымъ». Иногда мы находимъ въ литовскомъ языкѣ чередованіе глаголовъ съ основами наст. вр. на *sta* и съ носовымъ инфиксомъ на *a* съ тѣми глаголами состоянія, которые имѣютъ основу наст. вр. на *a* при основѣ инфинитива на *ė*; и здѣсь обыкновенно не существуетъ соотвѣтственный по корню непроизводный глаголъ дѣйствія съ основою наст. вр. на *ja*. Напр. jundù, jùsti «приходить въ движеніе»

1) Не вездѣ, однако, непроизводный глаголъ съ основою наст. вр. на *ja*, чередующійся съ непроизводнымъ глаголомъ, имѣющимъ основу наст. вр. на *sta* или на *a* съ носовымъ инфиксомъ, представляетъ значеніе дѣйствія; см. примѣч. на стр. 23.

при judù, judëti «двигаться»; kimbù, kìbti «повиснуть на чемъ, прицѣпиться» при kabù, kabëti «висѣть»; skęstù, skẽsti «тонуть» при skéndu (и skéndėju), skéndėti «тонуть». При szvintù, szvìsti «становиться свѣтлымъ, свѣтать» литовскій языкъ имѣетъ отъ того-же корня, кромѣ szvitù, szvitëti «свѣтиться, сверкать» (по Куршату съ значеніемъ кратнаго вида), также и непроизводный глаголъ съ основою наст. вр. на *ja*, именно szvẽczìù, szvẽsti «свѣтить», но въ этомъ глаголѣ нѣтъ «фактитивнаго» значенія[1]).

Проф. Ульяновъ разсматриваетъ литовскія и латышскія основы наст. вр. на *sta* и съ носовымъ инфиксомъ на *a* по ихъ связи съ основами «средняго залога» и вовсе не останавливается на соотношеніи ихъ съ основами наст. вр. на *ja* глаголовъ дѣйствія; онъ думаетъ даже, что «соотношеніе между глаголами съ *st* и съ инфиксомъ и между глаголами дѣйствительнаго залога не будетъ прямымъ, но косвеннымъ, т. е. черезъ посредство глаголовъ средняго залога вообще» (стр. 66). Противъ такого заключенія свидѣтельствуютъ, однако, самые факты балтійскихъ языковъ, такъ какъ здѣсь основы на *sta* и съ носовымъ инфиксомъ на *a* существуютъ главнымъ образомъ именно въ соотношеніи съ основами наст. вр. на *ja* непроизводныхъ глаголовъ дѣйствія, т. е. глаголовъ «дѣйствительнаго залога», по терминологіи проф. Ульянова. Авторъ знаетъ, что «не въ каждомъ случаѣ» (надо бы было сказать: рѣдко) рядомъ съ основами на *sta* и съ носовымъ инфиксомъ на *a* являются основы на *i* и на *a* (т. е. въ глаголахъ съ основою инфинитива на *ė*), но, замѣчаетъ онъ, «не говоря уже о томъ, что эти послѣднія могутъ быть утраченными только въ позднѣйшей жизни литовскаго и латышскаго языковъ, или даже общебалтійскаго языка, многіе

1) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и непроизводный глаголъ съ основою наст. вр. на *ja*, чередующійся съ глаголомъ, имѣющимъ основу наст. вр. на *sta* или на *a* съ носовымъ инфиксомъ, представляетъ самъ значеніе состоянія, напр. siauczìù, siaũsti «бѣситься въ гнѣвѣ» и siuntù, siùsti «становиться бѣшенымъ, шальнымъ».

глаголы могли получать формы средняго залога прямо съ видовымъ» (начинательнымъ) «значеніемъ и не имѣть при этомъ формъ безъ этого значенія, благодаря какимъ-нибудь специальнымъ реальнымъ значеніямъ» (стр. 66). Это разсужденіе для меня непонятно, т. е. я не могу понять, что такое форма основы внѣ соотношенія данныхъ основъ съ другими основами, родственными по образованію, но не имѣющими этой формы. Начинательное значеніе балтійскихъ основъ наст. вр. на *sta* и на *a* съ носовымъ инфиксомъ въ его отличіи отъ неначинательнаго значенія другихъ основъ наст. вр. въ глаголахъ состоянія авторъ называетъ значеніемъ видовымъ, хотя и прибавляетъ, что это есть значеніе видовое «въ извѣстномъ смыслѣ» (стр. 64); поэтому объ основахъ на *sta* и на *a* съ носовымъ инфиксомъ проф. Ульяновъ снова говоритъ и во второй части изслѣдованія, которая занимается именно основами, обозначающими различія по видамъ. Въ дѣйствительности, однако, различіе между даннымъ начинательнымъ и неначинательнымъ значеніемъ основъ въ глаголахъ состоянія вовсе не есть различіе въ значеніи «вида»; въ этомъ легко убѣдиться уже изъ того факта, что начинательное значеніе балтійскихъ основъ на *sta* и на *a* съ носовымъ инфиксомъ существуетъ именно въ глаголахъ состоянія, между тѣмъ какъ для вида въ глаголѣ не имѣетъ значенія различіе между состояніемъ и дѣйствіемъ: видомъ обозначаются въ глаголѣ различія во времени самого признака, обозначаемаго глагольною основою, какого бы рода ни былъ этотъ признакъ по образованію его связи съ субъектами признаковъ. Различіе между даннымъ начинательнымъ и неначинательнымъ значеніемъ въ глаголахъ состоянія есть извѣстное различіе въ значеніи состоянія: глагольныя основы съ значеніемъ начинательнаго состоянія обозначаютъ данный признакъ во время образующейся, возникающей связи его какъ состоянія съ субъектами признаковъ, а глагольныя основы съ значеніемъ неначинательнаго состоянія обозначаютъ признакъ во время образовавшейся, возникшей уже связи его какъ состоянія съ субъектами признаковъ.

Съ тѣмъ, что говоритъ проф. Ульяновъ о происхожденіи значенія балтійскихъ основъ на *sta* и съ носовымъ инфиксомъ на *a* въ ихъ соотношеніи съ основами такъ-называемаго имъ «средняго залога», я рѣшительно не могу согласиться. По мнѣнію автора, значеніе этихъ балтійскихъ основъ развилось въ сложныхъ словосочетаніяхъ, которыя заключали въ себѣ обозначеніе признаковъ сосуществующихъ въ преемственности, при чемъ такими основами обозначалось наступленіе извѣстнаго признака по отношенію къ другому признаку, обозначенному въ сложномъ словосочетаніи (стр. 61 и 64). Для меня остается непонятнымъ, что̀ именно побудило автора искать въ синтактическихъ причинахъ объясненія извѣстной словообразовательной формы глаголовъ, тѣмъ болѣе что проф. Ульяновъ самъ признаетъ, что существующее теперь значеніе этихъ балтійскихъ глагольныхъ основъ вовсе не то, о какомъ онъ говоритъ здѣсь, такъ какъ эти основы обозначаютъ теперь «наступленіе признака и внѣ указанныхъ словосочетаній» (стр. 64—65).

По поводу литовскихъ основъ на *a* съ носовымъ инфиксомъ замѣчу, что къ нимъ должны быть относимы и основы, являющіяся въ глаголахъ: griūvù, griúti «разрушаться, валиться» (сравн. основу на *ja* въ griáuju, griáuti «разрушать, разваливать»), kliūvù, kliúti «прицѣпляться къ чему, виснуть на чемъ» (сравн. основу на *ja* въ латышскомъ kľaūjûs, kľaūtës «клониться, прислоняться»), pūvù, púti «гнить», żūvù, żúti «гибнуть» и въ нѣкоторыхъ другихъ, т. е. *ū* (подъ удареніемъ *ũ*) въ основѣ наст. вр. этихъ глаголовъ произошло изъ *ų*, вслѣдствіе чего надо писать griųvù и т. д. Проф. Ульяновъ въ первой части своего изслѣдованія объясняетъ эти литовскія основы такъ-же, какъ онъ объяснялъ ихъ и прежде (см. Основы настоящаго времени, стр. 105), а именно онъ возводитъ ихъ здѣсь къ индоевропейскимъ основамъ на *ūįa^{e/o}*, т. е. съ суффиксомъ *įa^{e/o}*, но впослѣдствіи, во второй части изслѣдованія, авторъ признаетъ, что «нѣкоторыя основы такого образованія какъ żūva- однородны съ основами bąla-, bįra- и т. п., т. е. имѣли

нѣкогда инфиксъ, и *ū* въ нихъ явилось изъ *ų*» (II, 104, примѣч.)[1]); я не вижу, однако, надобности предполагать происхожденіе изъ *ūįa^e/o* для какихъ бы то ни было литовскихъ основъ наст. вр. на *ūva*, тѣмъ болѣе что при объясненіи, предложенномъ проф. Ульяновымъ, остается непонятнымъ, почему *ū* въ этихъ основахъ отличалось по качеству долготы (подъ удареніемъ *ū̃*) отъ *ū* въ самомъ глагольномъ корнѣ (подъ удареніемъ *ū́*). Точно такъ-же и въ литовскихъ основахъ наст. вр. на *yja* (гдѣ *y* подъ удареніемъ представляетъ восходящее качество ударенія) глаголовъ gyjù, gýti «оживать, выздоравливать», lỹja (инфин. lýti) «идетъ дождь», ryjù, rýti «глотать» надо признавать, я думаю, основы съ носовымъ инфиксомъ, т. е. gįja- и т. д.[2]). Проф. Ульяновъ видитъ и здѣсь основы съ индоевропейскимъ суффиксомъ *įa^e/o*, т. е. на *īįa^e/o* (сравн. его Основы настоящаго времени, стр. 108—109), при чемъ и въ этихъ случаяхъ при такомъ объясненіи остается непонятнымъ образованіе восходящаго ударенія въ gỹja, lỹja, rỹja при нисходящемъ удареніи въ gýti, lýti, rýti. Всѣ эти литовскія основы наст. вр. на *ųva* и *įja*, такъ-же какъ и основы съ носовымъ инфиксомъ отъ глагольныхъ корней на плавную согласную, напр.

---

1) По поводу ссылки проф. Ульянова на устное сообщеніе, сдѣланное мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ кс. Явнисомъ, надо замѣтить, что кс. Явнисъ въ напечатанной послѣ того статьѣ «Діалектологическія особенности литовскаго языка въ Россіенскомъ уѣздѣ» (въ Памятной книжкѣ Ковенской губерніи на 1893 г.) указываетъ на носовое *u* такихъ основъ не въ какихъ-либо современныхъ говорахъ, но лишь у Даукшаса, въ формахъ глаголовъ żūvù, griūvù, напр. żųwa, griųwa. Языкъ Даукшаса, впрочемъ, самъ по себѣ ничего не рѣшаетъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ въ этомъ говорѣ (восточно-литовскомъ) извѣстны были носовыя *u* и *i* иногда и изъ старыхъ *ū* и *ī* при такомъ ихъ фонетическомъ положеніи въ словахъ, при какомъ существовали старыя носовыя гласныя. Подобное-же явленіе представляютъ и нѣкоторые современные жемайтскіе говоры по отношенію къ įn, ųn; напр. trins, juns въ этихъ говорахъ, trįs, jųs у Даукшаса, вмѣсто trỹs, jūs, именит. мн. ч. sunųs у Даукшаса, вмѣсто súnūs, діалектич. жемайтск. ginsla, вмѣсто gýsla, и др.

2) Даукшасъ, какъ указываетъ кс. Явнисъ, писалъ здѣсь į, напр. rįie, prarįia.

въ глаголахъ sząlù, bįrù, kįlù и др., представляютъ собою новообразованія, явившіяся въ отдѣльномъ существованіи литовскаго языка (въ латышскомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтственныхъ образованій) по аналогіи старыхъ основъ съ носовымъ инфиксомъ; при этомъ важно замѣтить, что во всѣхъ этихъ случаяхъ въ діалектахъ литовскаго языка извѣстны параллельныя образованія основы наст. вр. на *na* (что свидѣтельствуетъ объ однородности по происхожденію основъ въ żūvù, gyjù, sząlù и т. д.), и напр. въ Куртувянахъ (жемайтскій говоръ) вмѣсто żūvù, pūvù, sząlù, kįlù и др. являются: żūnu, pūnu, szalnu, kilnu и др. Основы на *ųva*, *įja* возникли, надо думать, изъ основъ наст. вр. на *ŭva*, *ĭja* отъ глагольныхъ корней на *ū* и *ī* (*y*), т. е. изъ основъ того-же типа, какъ siŭva- въ глаголѣ siúti «шить»; въ этомъ глаголѣ при основѣ siŭva- извѣстна и основа siūva-, явившаяся подъ вліяніемъ аналогіи со стороны основъ на *ųva*.

Я разсмотрѣлъ пока одну часть приведеннаго мною выше положенія проф. Ульянова относительно значеній извѣстныхъ глагольныхъ основъ въ балтійскихъ языкахъ, именно ту часть, которая касается балтійскихъ основъ на *i* : *ē* (литовск. *ė*) въ ихъ соотношеніи съ основами непроизводныхъ глаголовъ. Дѣйствительно, это образованіе балтійскихъ глагольныхъ основъ обозначаетъ въ данныхъ признакахъ состоянія, и, слѣдовательно, самые глаголы съ такими основами являются обозначенными въ качествѣ глаголовъ состоянія, но такое значеніе принадлежитъ этимъ глагольнымъ основамъ не въ соотношеніи ихъ съ основами непроизводныхъ глаголовъ вообще, а въ соотношеніи съ основами такихъ непроизводныхъ глаголовъ, которые представляютъ извѣстнаго рода образованіе основы наст. вр., именно образованіе этой основы на *ja*. При этомъ соотношеніе по значенію тѣхъ и другихъ образованій въ глаголѣ является не различіемъ между состояніемъ и дѣйствіемъ въ одномъ и томъ-же признакѣ, обозначаемомъ глагольною основою (а такъ, повидимому, представляетъ себѣ авторъ это соотношеніе

по значенію), но различіемъ между состояніемъ и тѣмъ дѣйствіемъ, которое производитъ данное состояніе. Затѣмъ мы видѣли, что балтійскіе непроизводные глаголы съ основою наст. вр. на *ja* обозначаютъ дѣйствіе, производящее извѣстное состояніе, также и въ соотношеніи съ непроизводными глаголами, имѣющими основу наст. вр. на *sta* или на *a* съ носовымъ инфиксомъ и обозначающими начинательныя состоянія. Такимъ образомъ въ балтійскихъ глаголахъ состоянія различаются по словообразовательнымъ формамъ грамматическіе классы глаголовъ начинательнаго и неначинательнаго состоянія, находящіеся въ соотношеніи съ грамматическимъ классомъ глаголовъ съ «фактитивнымъ» значеніемъ, т. е. съ значеніемъ дѣйствія производящаго состояніе, при чемъ глаголы, принадлежащіе къ грамматическимъ классамъ глаголовъ начинательнаго и неначинательнаго состоянія, могутъ вступать въ соотношеніе и между собою.

Теперь я перейду ко второй части приведеннаго выше положенія проф. Ульянова: въ чередованіи съ балтійскими основами на *i* : *ē* (литовск. *ė*) авторъ находитъ и основы на *ā* (литовск. *o*) въ качествѣ словообразовательной формы глаголовъ состоянія, при чемъ относительно собственно литовскаго языка онъ замѣчаетъ, что здѣсь изрѣдка являются и случаи чередованія основъ на *o* (изъ *ā*, точнѣе изъ *ā̊*) съ основами на *ŭ̊* въ глаголахъ, обозначающихъ состоянія (стр. 34). Однако, въ тѣхъ примѣрахъ, какіе даны на стр. 2 — 33, вовсе не доказано существованіе литовско-латышскихъ основъ на *ā* (точнѣе на *ā̊*) какъ словообразовательной формы, отличающей глаголы состоянія отъ глаголовъ дѣйствія, а подъ чередованіемъ нѣкоторыхъ литовскихъ основъ на *o* съ основами на *ŭ̊* авторъ подразумѣваетъ случаи, въ которыхъ намъ извѣстны изъ различныхъ діалектовъ основы на *o* и на *ŭ̊* съ однимъ и тѣмъ-же значеніемъ. Связь литовскаго глагола, имѣющаго основу на *o*, съ такимъ глаголомъ, основа котораго оканчивается на *i* : *ė*, указана авторомъ только для kýszau, kýszoti «оставаться воткнутымъ» при восточно-литов-

скомъ kiszi, 3 л. наст. вр., «tkwi co w czym. haeret alqd» (изъ словаря Ширвида), но этотъ исключительный случай объясняется утратою здѣсь, по крайней мѣрѣ въ современномъ литовскомъ языкѣ (насколько мы его знаемъ), соотвѣтственнаго по корню глагола съ значеніемъ начинательнаго состоянія, т. е. глагола *kįsztu или *kįszu, инфинит. *kiszti «втыкаться», а такой глаголъ, предполагаемый образованіемъ основы въ kýszau, kýszoti (см. далѣе), могъ вступать въ соотношеніе и съ глаголомъ kiszi, kiszėti (сравн. примѣры, приведенные мною выше). Глаголъ skyloju, skyloti «быть въ трещинахъ, рыхлымъ» по самому корню не находится въ соотношеніи, по крайней мѣрѣ прямомъ, съ глаголомъ skéldziu (при skéldėju), skéldėti «раскалываться, трескаться», а по образованію это могъ бы быть такой-же глаголъ, какъ svyrόju, svyróti, о которомъ я говорю далѣе. Глаголъ mirksaũ, mirksóti «оставаться съ полуоткрытыми глазами» и mìrksiu, mirksėti «мигать» не чередуются между собою по значенію; mirksaũ, mirksóti принадлежитъ по образованію и по значенію къ тѣмъ глаголамъ, которые проф. Ульяновъ разсматриваетъ далѣе, въ § 4, и которые, какъ мы увидимъ, находятся въ соотношеніи съ глаголами начинательнаго состоянія. Прочіе примѣры, указанные авторомъ въ § 3 (озаглавленномъ: «основы на *i* : *ė*, чередующіяся съ основами на *o*»), вовсе не заключаютъ въ себѣ глаголовъ съ основами на *i* : *ė* и вмѣстѣ съ тѣмъ не показываютъ соотношенія между собою основъ на *ė* (при основѣ наст. вр. не на *i*) и на *o* въ качествѣ различныхъ словообразовательныхъ формъ, обозначающихъ одинаково глаголы состоянія въ ихъ отличіи отъ глаголовъ дѣйствія. Основу svirė- или svyrė- (вѣроятно, надо писать svyrė-) въ формѣ nusvirėju (= nusvyrėjo) изъ сборника пѣсенъ Юшкевича авторъ переводитъ «висѣть, качаться», а въ nusvirėju въ данномъ мѣстѣ (ta kuskélė.... nusvirėju mãnu petélį) онъ видитъ значеніе «отвисѣлъ», т. е. «утомилъ вися»; однако, svyrė- здѣсь можетъ быть и основою глагола съ фактитивнымъ значеніемъ (сравн. напр. фактитивное значеніе въ производномъ гла-

голѣ kylėju, kylėti), и въ рукописномъ словарѣ Юшкевича я нахожу, дѣйствительно, svirė́ti (т. е. svyrė́ti) «cięźyć». Различіе между svirė́ti (svyrė́ti) «висѣть, качаться» въ другихъ мѣстахъ изъ Юшкевича, приведенныхъ у автора, и svyrů́ti, у Куршата svyróti, должно быть по происхожденію различіемъ въ видѣ[1]); по Куршату, svyróju, svyróti значитъ приблизительно то-же, что svįrinė́ti (svyrinė́ti), а послѣдній глаголъ имѣетъ кратный видъ съ оттѣнкомъ деминутивнаго значенія. То-же можно предполагать и относительно различія между siubė́ti «качаться» и siubů́ti, subů́ti, у Куршата sūbóju, sūbóti; эти глаголы, впрочемъ, ничего не могутъ доказывать въ данномъ случаѣ и потому, что при нихъ не существуетъ въ литовскомъ языкѣ непроизводный глаголъ отъ того-же корня (въ supù, sùpti «качать» другой, хотя и родственный, корень). Въ формѣ nuvirżė́ju (=nuvirżė́jo) изъ сборника пѣсенъ Юшкевича можно предполагать простой глаголъ virżė́ti съ фактитивнымъ значеніемъ (сравн. сказанное мною выше относительно формы nusvirė́ju), т. е. kaspinė́lei nuvirżė́ju mánu kasė́les можетъ значить: «косники стянули мои косы» (по автору: «будучи повязаны утомили»); что же касается формы nuvarżóju (=nuvàrżójo), то по самому образованію основы varżó- надо думать, что это глаголъ кратнаго вида (сравн. varżýti) при глаголѣ verżiù, veȓżti «стягивать, сжимать» и что, слѣдовательно, nuvarżóju въ данномъ мѣстѣ значитъ: «стягивала» (по автору: «утомила будучи обмотана», именно «уздечка»). Въ żė̃bso «свѣтитъ, горитъ» (изъ Бродовскаго) основа по ея образованію не находится въ чередованіи съ основами родственныхъ по корню глаголовъ żibù, żibė́ti «сверкать, блестѣть» и żëbiù, żė̃bti «разводить огонь»; по происхожденію основа żė̃bso- однородна,

---

1) Форма svyru (=svyro), приведенная авторомъ изъ сборника пѣсенъ Юшкевича, принадлежитъ глаголу svýrau, svýroti и значитъ въ данномъ мѣстѣ «качаются» (не «качались»); этотъ глаголъ (у Куршата и у Шлейхера его нѣтъ) однороденъ по образованію основы съ тѣми глаголами, которые авторъ разсматриваетъ въ слѣдующемъ параграфѣ.

надо думать, съ тѣми основами глаголовъ на *-sau*, *-soti*, которыя авторъ разсматриваетъ въ слѣдующемъ параграфѣ (Шлейхеръ приводитъ żëbsaũ, żëbsóti)[1]), и въ такомъ случаѣ этотъ глаголъ находился въ соотношеніи съ утраченнымъ (или, по крайней мѣрѣ, не извѣстнымъ намъ) глаголомъ *żimbù, żìbti «становиться сверкающимъ», который сохранился въ латышскомъ zibu (изъ *zimbu), zibt «сверкать»[2]), а *ë* въ żëbsóti вмѣсто ожидаемаго *y* (сравн. szypsóti) явилось, можетъ быть, подъ вліяніемъ *ë* въ żëbiù, żẽbti. Діалектическій глаголъ stypsáti (stypsóti) «оставаться въ покоѣ» авторъ связываетъ по корню съ глаголами stėbiũs, stẽbtis «выпрямляться; становиться на цыпочки»[3]) и stebiũs, stebėti3 «удивляться»; въ дѣйствительности, однако, глаголъ stypsóti имѣетъ другой корень, съ первоначальнымъ *i*, и по образованію и значенію основы находится въ соотношеніи съ stimpù, stìpti «цѣпенѣть, становиться неподвижнымъ», сравн. stëpiũs, stẽptis «тянуться, становиться на цыпочки», латышск. stêpju, stëpt «вытягивать». Различіе между szvitù, szvitė́ti «свѣтиться, сверкать» и szvytũti по происхожденію было, надо думать, въ видѣ (въ szvytũti кратный видъ), но Куршатъ въ литовско-нѣмецкомъ словарѣ и для szvitù, szvitė́ti указываетъ только кратное значеніе, какъ и для szvitũti (т. е. szvytũti) и szvytrũti; поэтому и szvytoja въ: auszta auszrélė, szvýtoja, изъ сборника пѣсенъ Юшкевича, значитъ, вѣроятно, «посвѣчиваетъ» (во всякомъ случаѣ не «свѣтаетъ», какъ переводитъ проф. Ульяновъ). Глаголъ tvoskóju, tvoskóti «пылать» по образованію основы не можетъ быть приводимъ въ непосредственную связь съ tvaskù, tvaskė́ti «свѣ-

1) См. также литовско-нѣмецкій словарь Куршата.

2) На глаголъ *żimbù, żìbti или *żibstù, żìbti указываетъ въ литовскомъ языкѣ и связь между żibù, żibė́ti и żëbiù, żẽbti, которая по происхожденію не была, я думаю, непосредственною.

3) Повидимому, однако, Куршатъ ошибочно писалъ stėbiũs, stẽptis (т. е. stẽbtis) въ этомъ значеніи вмѣсто stëbiũs, stẽbtis; сравн. приводимый мною далѣе глаголъ stẽptis.

титься, блестѣть»; по происхожденію tvoskóti, вѣроятно, глаголъ кратнаго вида, сравн. у Куршата tvoskù, tvõksti «трещать = болтать», а по связи значеній сравн. другія образованія отъ того-же корня.

Что касается литовскихъ глагольныхъ основъ на *o*, приведенныхъ въ § 4, то при нихъ и самъ авторъ не указываетъ какихъ-либо основъ на *i : ė* или на *ėja : ė*, такъ какъ здѣсь имѣются въ виду основы глаголовъ состоянія типа rýmau, rýmoti «сидѣть, стоять опершись, подпершись» и типа timpsaũ, timpsóti «лежать растянувшись (лѣниво)». Эти глаголы по формѣ основы, въ дѣйствительности, находятся въ связи съ тѣми непроизводными глаголами начинательнаго состоянія, которые имѣютъ основу настоящаго времени на *sta* или на *a* съ носовымъ инфиксомъ: формою основы такихъ глаголовъ на *-au*, *-oti* и на *-saũ*, *-sóti* обозначается интенсивное пребываніе въ томъ состояніи, возникновеніе котораго обозначено въ основахъ непроизводныхъ глаголовъ, имѣющихъ въ наст. вр. образованіе на *sta* или на *a* съ носовымъ инфиксомъ. Напр. klúpau, klúpoti «продолжать стоять на колѣнахъ» при klumpù, klùpti «становиться на колѣни» (обыкновенное значеніе: «спотыкаться»); stýgau, stýgoti «оставаться спокойно на мѣстѣ» при stingù, stìgti «innerlich ruhig werden zum Bleiben und Weilen an einer Stelle; ruhig sein» (Куршатъ) [1]); tįsau, tįsoti «лежать растянувшись» при tįstù, tį̃sti «становиться тянущимся, тянуться»; другаго образованія, именно на *-saũ*, *-sóti*, напр. timpsaũ, timpsóti «лежать растянувшись (лѣниво)» при timpstù, tim̃pti «становиться тянущимся, тянуться»; vypsaũ, vypsóti, а также vėpsaũ, vėpsóti [2]) «оставаться съ полуоткрытыми губами, съ искривленнымъ ртомъ (кисло улыбаясь)», сравн. at-vimpu, at-

---

1) Проф. Ульяновъ считаетъ глаголъ stýgoti родственнымъ съ steigti «спѣшить» и т. д. (сравн. также Leskien, Ablaut, стр. 23), но я не могу согласиться съ этимъ мнѣніемъ.

2) Авторъ пишетъ vẽpsaũ, vẽpsóti, но здѣсь *iė* (=*ė̃*) у Куршата, при *ė*, — ошибочное написаніе; см. Leskien, Ablaut, стр. 93.

vipti «повиснуть» (о губахъ)[1]). Сюда-же принадлежитъ по происхожденію напр. и отношеніе rýmau, rýmoti «пребывать (стоять или сидѣть) подпершись, опершись» къ rìmstu, rìmti «успокоиваться, быть спокойнымъ». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при такомъ глаголѣ на *-au*, *-oti* или *-saũ*, *-sóti* соотвѣтственный непроизводный глаголъ съ основою наст. вр. на *sta* или на *a* съ носовымъ инфиксомъ не сохранился, напр. при lìndau, lìndoti «залѣзши куда сидѣть, скрываться» (сравн. отъ того-же корня lendù, lį̃sti «ползти») или при žiopsaũ, žiopsóti «оставаться съ разинутымъ ртомъ» (сравн. ziopsnu въ словарѣ Нессельмана). Проф. Ульяновъ не обращаетъ вниманія на связь этихъ глаголовъ на *-au*, *-oti* и на *-saũ*, *-sóti* съ непроизводными глаголами, имѣющими основу наст. вр. на *sta* или на *a* съ носовымъ инфиксомъ, и называетъ основы, являющіяся въ rýmoti, timpsóti и т. д., произведенными отъ тѣхъ основъ, какія существуютъ въ соотвѣтственныхъ по корню глаголахъ дѣйствія, напр. въ remiù, rem̃ti «подпирать», tempiù, tem̃pti «натягивать», хотя въ дѣйствительности между этими глаголами и глаголами типа rýmoti или timpsóti нѣтъ непосредственной связи ни въ образованіи основъ въ rýmoti, timpsóti и т. д., ни въ значеніи, принадлежащемъ этому образованію; связь напр. между timpsóti и tempiù, tem̃pti произошла при посредствѣ глагола timpstù, tim̃pti, который, какъ мы знаемъ, по формѣ основы предполагаетъ чередованіе съ такимъ глаголомъ, какъ tempiù, tem̃pti. Значеніе формы основъ въ литовскихъ глаголахъ типа rýmoti или timpsóti опредѣлено авторомъ невѣрно въ первой части его изслѣдованія (стр. 73), и впослѣдствіи (II, стр. 25) проф. Ульяновъ самъ указалъ на ошибочность своего прежняго взгляда; я не могу, однако, согласиться и съ тѣмъ опредѣленіемъ, какое авторъ даетъ формѣ этихъ основъ во второй части изслѣдованія. По мнѣнію, изложенному здѣсь, форма такихъ основъ обозначаетъ длительность

---

1) См. Leskien, Ablaut, стр. 93.

времени признака, т. е. является формою вида длительнаго, но, какъ я объяснялъ уже прежде, извѣстная словообразовательная форма, существующая лишь въ глаголахъ состоянія, не можетъ быть формою вида и обозначаетъ извѣстное различіе въ признакахъ какъ въ состояніяхъ, т. е. по отношенію къ связи признака какъ состоянія съ субъектами признака. Мой взглядъ на значеніе этой формы литовскихъ глагольныхъ основъ я высказалъ выше; по моему мнѣнію, слѣдовательно, глаголы съ такими основами представляютъ собою особый грамматическій классъ глаголовъ состоянія, именно такой классъ, въ которомъ словообразовательною формою основы обозначается интенсивно-сохраняющаяся связь съ субъектами тѣхъ состояній, которыя въ ихъ возникновеніи обозначены непроизводными глаголами съ формою основы наст. вр. на *sta* или на *a* съ носовымъ инфиксомъ. Въ литовскихъ основахъ этихъ «интенсивно-длительныхъ» глаголовъ состоянія надо признавать, конечно, новообразованія, какъ свидѣтельствуетъ новая долгота гласной корня, имѣющаго первоначальный слабый звуковой видъ, въ такихъ основахъ (при этомъ въ образованіи на *-au*, *-oti*, безъ *s*, является нисходящее удареніе на корнѣ), хотя самый процессъ появленія этихъ новообразованій можетъ оставаться для насъ неяснымъ; во всякомъ случаѣ нельзя считать основательнымъ мнѣніе автора (стр. 78), будто такія основы произошли изъ тѣхъ основъ (по происхожденію основъ аориста, думаетъ авторъ), которыя существуютъ въ литовскомъ прошедшемъ времени, напр. въ rimaũ, klupaũ, tįsaũ (глаголовъ rim̃ti, klùpti, tį̃sti) и т. д., при чемъ появленіе *ī* и *ū* (съ нисходящимъ удареніемъ!) въ rýmau, klúpau и т. д. изъ *ĭ* и *ŭ* и измѣненіе качества долготы (у автора «качества») носовыхъ и плавныхъ согласныхъ въ дифтонгическихъ сочетаніяхъ вызывалось, «вѣроятно», по мнѣнію проф. Ульянова, перенесеніемъ ударенія съ послѣдующаго слога (гдѣ, однако, однородные случаи для такихъ *ī* и *ū* и для такого перенесенія ударенія?). Какъ бы то ни было, эти литовскія глагольныя основы, представляющія собою несомнѣнныя новообразова-

нія, мы не имѣемъ права переносить даже въ литовско-латышскую эпоху, такъ какъ изъ латышскаго языка онѣ не извѣстны и вмѣстѣ съ тѣмъ не засвидѣтельствованы ни прусскимъ языкомъ, ни славянскими языками; поэтому на основаніи такихъ литовскихъ основъ нельзя дѣлать никакихъ заключеній относительно формъ глагольныхъ основъ на общебалтійское или литовско-славянское $\bar{a}$ ($\bar{a}^{o}$).

Въ числѣ литовскихъ глаголовъ, приведенныхъ авторомъ въ § 4, находится глаголъ karau, karoti «висѣть» (изъ старыхъ восточно-литовскихъ текстовъ), занимающій особое мѣсто по образованію основы (съ гласною *a* въ корнѣ), а можетъ быть и по значенію, если значеніе «висѣть» не изъ значенія «оставаться повиснувшимъ»; сравн. отъ того-же корня kariù, kárti «вѣшать». Надо замѣтить, что въ литовскомъ языкѣ при основѣ karo- «висѣть» существуетъ и karo- «вѣшать», въ глаголѣ karoju, karoti «вѣшать»; отсюда напр. форма karo, изъ karoja, въ томъ мѣстѣ изъ «Palągos Juze», которое имѣетъ въ виду проф. Ульяновъ на стр. 19 примѣч. и на стр. 53 (авторъ беретъ цитату изъ Litauische Forschungen Бецценбергера, стр. 69), при чемъ онъ ошибочно выводитъ на основаніи этой формы karo «вѣшаетъ» глаголъ karau, karoti съ значеніемъ «вѣшать», не karoju, karoti (форма karo глагола karau въ данномъ діалектѣ измѣнилась бы въ kara, такъ какъ неударяемая долгая гласная въ старомъ концѣ слова здѣсь сократилась, сравн. напр. vara, dara тамъ-же). Съ этимъ литовскимъ производнымъ глаголомъ karoju, karoti «вѣшать» полное тождество представляетъ латышскій глаголъ *karāju, karāt, сохранившійся лишь въ возвратной формѣ karājûs, karātês, вслѣдствіе чего значеніе «вѣшать» измѣнилось въ значеніе «висѣть». Проф. Ульяновъ, стр. 32—33, видитъ въ этомъ латышскомъ глаголѣ указаніе на то, что и латышскій языкъ получилъ глагольныя основы на $\bar{a}$ съ особымъ значеніемъ по отношенію къ «залогу», т. е. въ качествѣ основъ глаголовъ состоянія, но къ такому заключенію авторъ приходитъ потому, что сопоставляетъ этотъ латышскій

глаголъ съ литовскимъ karau, karoti «висѣть», а не съ литовскимъ глаголомъ karoju, karoti «вѣшать», который былъ ему не извѣстенъ. Другихъ какихъ-либо случаевъ латышскихъ глагольныхъ основъ на *ā* какъ основъ «средняго залога» (т. е. основъ глаголовъ состоянія) авторъ не приводитъ [1]) и, слѣдовательно, вовсе не открываетъ въ латышскомъ языкѣ такихъ основъ, такъ какъ въ karātēs основа имѣла фактитивное значеніе. Поэтому положеніе проф. Ульянова относительно того, что въ литовско-латышскую, и даже въ общебалтійскую, эпоху при формѣ основъ глаголовъ состоянія на *i : ē* (литовск. *ė*) существовала съ подобнымъ-же значеніемъ и форма основъ на *ā* (*ā°*), осталось недоказаннымъ. Я не отрицаю, понятно, того факта, что основы на балтійское *ā°*, литовское *o*, были получены, между прочимъ, и въ глаголахъ состоянія, но я не вижу никакихъ указаній на то, что самое образованіе глагольныхъ основъ на балтійское *ā°* существовало въ литовско-латышскую эпоху или еще ранѣе въ качествѣ словообразовательной формы, отличавшей глаголы состоянія отъ глаголовъ дѣйствія, или въ качествѣ такой словообразовательной формы, которою различались въ глаголахъ состоянія извѣстные классы такихъ глаголовъ (т. е. безъ отношенія къ различіямъ въ формѣ вида).

По вопросу о литовско-латышскихъ формахъ основъ глаголовъ состоянія мнѣ остается сказать еще объ основахъ на *a : ē* (литовск. *ė*), т. е. объ основахъ наст. вр. на *a* при основахъ инфинитива на *ē* (лит. *ė*), напр. въ литовск. szvitù, szvitėti «свѣтиться, сверкать», drebù, drebėti «дрожать». Глаголы и съ этими основами по бо̀льшей части обозначаютъ различныя состоянія; въ латышскомъ языкѣ эти основы смѣшиваются съ основами на старыя *i : ē* (вслѣдствіе утраты здѣсь образованій на *i*), но въ литовскомъ языкѣ, какъ я замѣтилъ уже, основы на *i : ė* и на *a : ė*, хотя въ нѣкоторыхъ глаголахъ также смѣшиваются, должны

1) Онъ предполагаетъ, правда, что такая основа вошла въ составъ и литовскаго bijótis «бояться», латышск. bijātēs, но изъ самихъ балтійскихъ языковъ такое происхожденіе этой основы ничѣмъ не доказывается.

быть отдѣляемы вообще однѣ отъ другихъ. Въ литовскихъ основахъ на *a:ė* является иногда чередованіе съ основами начинательнаго состоянія, т. е. съ основами тѣхъ непроизводныхъ глаголовъ, которые въ наст. вр. имѣютъ образованіе на *sta* или на *a* съ посовымъ инфиксомъ; сравн., кромѣ приведенныхъ выше примѣровъ, такіе случаи, какъ: brizgù, brizgė́ti «растеребливаться, раздергиваться по ниткамъ» (о ткани) при brįzgù, brìgsti; kabù, kabė́ti «висѣть» при kimbù, kìbti «прицѣпляться»; mirgù, mirgė́ti «рябить (въ глазахъ)» при латышск. mir̃gstu, mir̃gt «мелькать»; merszu, merszė́ti (и mirszė́ju, mirszė́ti) «оставлять безъ вниманія, не имѣть въ памяти» при mirsztù, mir̃szti (обыкновенно въ сложеніи съ приставками) «забывать». Я думаю, что форма основъ на *a:ē* (литовск. *ė*) возникла именно въ этомъ чередованіи основъ, т. е. что этою формою въ данномъ признакѣ обозначалось состояніе неначинательное по отношенію къ начинательному состоянію; отсюда и другіе глаголы съ основами наст. вр. на *a*, обозначавшіе состоянія, могли получать основу инфинитива на *ē* (литовск. *ė*), подъ вліяніемъ однородности ихъ въ значеніи съ глаголами, уже имѣвшими основы на *a:ē*, а однородность существовала, можетъ быть, и въ одинаковомъ отношеніи по значенію тѣхъ и другихъ къ производнымъ глаголамъ съ основами на *in*, въ наст. вр. на *ina*, съ значеніемъ фактитивнымъ: сравн. напр. kabù, kabė́ti «висѣть» (при kimbù, kìbti) въ его отношеніи къ kabinù, kabìnti «вѣшать» и напр. skámbu, skambė́ti «звенѣть» по отношенію къ skámbinu, skámbinti «производить звонъ, звонить» [1]). Въ нѣкоторыхъ,

---

1) Производныя глагольныя основы на *in*, въ наст. вр. на *ina*, имѣютъ какъ фактитивное, такъ и каузативное значеніе; попытку автора объяснить это *ina* изъ *i* въ окончаніи основъ наст. вр. глаголовъ состоянія + *na* (стр. 54) нельзя, конечно, признать удачною, какъ и его объясненіе литовск. производныхъ глагольныхъ основъ на *en*, въ наст. вр. на *ena*, изъ *ē* + *na* (стр. 56) не убѣдительно, по моему мнѣнію. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ этихъ образованіяхъ *en* и *in* (сравн. греч. αν въ глаголахъ на -ανω) представляютъ различные звуковые виды одного и того-же суффикса, т. е. изъ индоевроп. $a^e n$ и ḁn̥.

рѣдкихъ, случаяхъ глаголы съ основами на *a* (безъ варіанта *i*): *ē*, обозначающіе состоянія, находятся въ соотношеніи съ непроизводными глаголами, имѣющими фактитивное значеніе и представляющими въ основѣ наст. вр. образованіе на *ja*; таковы: bìldu, bildė́ti «издавать шумъ» (частью, впрочемъ, и «производить шумъ») при bė́ldziu, bė́lsti «стучать»; teszkù, teszkė́ti «капать» при teszkiù, tė̃kszti «брызгать». Въ случаяхъ этого рода связующимъ звеномъ между тѣми и другими глаголами могъ быть глаголъ начинательнаго состоянія съ основою наст. вр. на *sta* или на *a* съ носовымъ инфиксомъ; сравн. замѣченное мною выше, въ примѣчаніи на стр. 31, по поводу žibù, žibė́ti при žėbiù, žė̃bti.

Въ числѣ литовскихъ глаголовъ съ основами на *i*:*ė* и на *a*:*ė* существуютъ и такіе, которые имѣютъ значеніе дѣйствія, развившееся изъ значенія состоянія или являющееся при значеніи состоянія; такъ, въ глаголахъ, обозначающихъ различныя движенія или звуки, оба эти значенія (т. е. напр. значенія произвольнаго и непроизвольнаго движенія), понятно, связываются одно съ другимъ. Кромѣ того, нѣкоторые литовскіе глаголы съ основами на *i*:*ė* и на *a*:*ė*, не сохраняющіе значенія формы основы, представляютъ даже и фактитивное значеніе, напр. указанный авторомъ восточно-литовскій глаголъ kaliù, kalė́ti «сажать въ темницу» (сравн. выше kaliù, kalė́ti «быть въ оковахъ, сидѣть въ темницѣ») или напр. penù (восточно-литовск. и peniu), penė́ti «питать, кормить». Относительно случаевъ этого рода проф. Ульяновъ думаетъ, что такіе глаголы съ основами на *i*:*ė* явились вслѣдствіе смѣшенія образованія основы наст. вр. на *i* съ образованіемъ на *ėja* (сравн. напр. при geniù, genė́ti «обрѣзывать сучья» діалектич. genėju, genė́ti) подъ вліяніемъ образованія на *ėja* при *i* въ основѣ наст. вр. и нѣкоторыхъ глаголовъ состоянія съ основою инфинитива на *ė* (напр. skérdžiu и skérdėju, skérdėti «трескаться»). Такъ-же можетъ объясняться и основа наст. вр. на *a* въ глаголахъ съ основою инфинитива на *ė*, имѣющихъ фактитивное значеніе; сравн. въ

глаголахъ, обозначающихъ состоянія, съ основами на *a* : *ė* такіе случаи, какъ skéndu, skéndėti «тонуть» и skéndėju, skéndėti.

Я не буду разсматривать здѣсь подробно содержаніе другихъ параграфовъ первой главы, посвященной балтійскимъ языкамъ (на нѣкоторыхъ мѣстахъ въ дальнѣйшихъ параграфахъ я уже останавливался, впрочемъ) и замѣчу лишь, что въ этой главѣ авторъ занимается вообще изслѣдованіемъ именно тѣхъ глагольныхъ основъ въ балтійскихъ языкахъ, которыя онъ называетъ основами «средняго залога», между тѣмъ какъ глаголы «дѣйствительнаго залога» обращаютъ на себя вниманіе автора лишь постольку, поскольку они принадлежатъ къ глаголамъ производнымъ «фактитивнымъ» (т. е. съ основами отъ основъ «средняго залога») или поскольку авторъ открываетъ въ нихъ образованія, создавшіяся подъ вліяніемъ глаголовъ «средняго залога». Совершенно однородно въ общемъ содержаніе и слѣдующей главы, о глагольныхъ основахъ въ славянскихъ языкахъ. Впослѣдствіи проф. Ульяновъ самъ замѣтилъ, что въ первой части своего изслѣдованія онъ придавалъ преувеличенное значеніе вліянію основъ «средняго залога» и «сводилъ всякія литовско-славянскія основы на индоевроп. $\bar{a}^a$ къ извѣстнымъ основамъ средняго залога» (предисловіе ко второй части, I). Во второй части изслѣдованія авторъ исправилъ нѣкоторые выводы, сдѣланные имъ въ первой части, и призналъ «полную самостоятельность по происхожденію основъ на индоевроп. $\bar{a}^a$ и $\bar{a}^e$ въ глаголахъ дѣйствительнаго залога» (ibid.). Однако, и во второй части проф. Ульяновъ не отказывается отъ того мнѣнія, какое онъ высказываетъ въ первой части относительно происхожденія балтійскихъ основъ прошедшаго времени (нѣкогда имперфекта), равно какъ и славянскихъ основъ имперфекта, хотя и это объясненіе (важное для другихъ выводовъ автора) основывается несомнѣнно на томъ, что авторъ вообще придавалъ преувеличенное значеніе вліянію основъ «средняго залога». По мнѣнію проф. Ульянова, основы балтійскаго прош. вр. на $\bar{a}$ (точнѣе $\bar{a}^o$), $\bar{e}$, слѣдовательно на литовск. *o*, *ė*, по ихъ происхожденію представляютъ собою

основы аориста глаголовъ «средняго залога», т. е. окончанія $\bar{a}$ ($\bar{a}^o$), $\bar{e}$ въ основахъ балтійскаго прош. вр. авторъ считаетъ тождественными напр. съ литовскими *o*, *ė* въ окончаніи основъ глаголовъ «средняго залога», напр. въ lìndoti или въ avėti; «аналогіи глаголовъ средняго залога послѣдовали и глаголы дѣйствительнаго залога и также замѣнили формы прошедшаго времени (стараго имперфекта) отъ основъ на *a* формами (аориста) отъ основъ на $\bar{a}$ и $\bar{e}$» (стр. 84—85). Такое мнѣніе автора относительно происхожденія балтійскаго образованія прош. вр. въ глаголахъ дѣйствія едва-ли можетъ казаться сколько-нибудь убѣдительнымъ и само по себѣ, тѣмъ болѣе что авторъ, какъ мы видѣли, вовсе не доказалъ существованія старыхъ балтійскихъ основъ на $\bar{a}$ ($\bar{a}^o$) въ качествѣ основъ «средняго залога», т. е. въ качествѣ такихъ основъ, въ которыхъ формою основы обозначаются въ данныхъ признакахъ состоянія. Но прежде всего я не могу согласиться съ исходнымъ пунктомъ въ этомъ разсужденіи автора, именно съ его мнѣніемъ о томъ, будто-бы въ балтійскомъ прошедшемъ времени, изъ имперфекта, является древній аористъ съ основами на индоевроп. $\bar{a}^a$ и $\bar{a}^e$; противъ этого свидѣтельствуютъ извѣстные фонетическіе факты, на которые авторъ не обратилъ вниманія. Въ балтійскихъ глаголахъ съ основами инфинитива (слѣдовательно, съ основами стараго аориста) на $\bar{a}^o$, лит. *o*, и $\bar{e}$, лит. *ė*, изъ индоевроп. $\bar{a}^a$ и $\bar{a}^e$, эти гласныя получены были съ такого рода долготою (съ долготою «длительною»), которая въ литовскомъ языкѣ еще въ пралитовскую эпоху при положеніи подъ удареніемъ не въ конечномъ слогѣ словъ образовала нисходящее качество ударенія («gestossene Betonung»), а въ конечномъ слогѣ словъ сократилась (въ открытомъ концѣ словъ, а равно безъ ударенія въ закрытомъ концѣ словъ, перешла въ краткость, а подъ удареніемъ въ закрытомъ концѣ словъ обратилась въ полудолготу съ восходящимъ качествомъ ударенія, откуда напр. въ среднелитовскомъ нарѣчіи долгота съ восходящимъ удареніемъ). Но въ балтійскомъ прошедшемъ времени гласныя $\bar{a}^o$ (литовск. *o*) и $\bar{e}$ (литовск. *ė*) въ окончаніи основы имѣли другаго рода

долготу («прерывистую»), какъ свидѣтельствуетъ напр. отсутствіе сокращенія въ литовскомъ языкѣ этихъ *o* и *ė* въ концѣ словъ въ формѣ 3-го лица [1]). Слѣдовательно, балтійскія $\bar{a}^{o}$ и $\bar{e}$ въ окончаніи основы прош. вр. не тождественны съ балтійскими $\bar{a}^{o}$ и $\bar{e}$ въ окончаніи основы инфинитива извѣстныхъ глаголовъ и не восходятъ къ индоевропейскимъ $\bar{a}^{a}$ и $\bar{a}^{e}$ въ концѣ производныхъ глагольныхъ основъ; поэтому надо думать, что эти балтійскія $\bar{a}^{o}$ и $\bar{e}$, литовск. *o* и *ė*, явились вслѣдствіе стяженія гласныхъ въ долгой гласной, а такое происхожденіе они имѣли бы въ томъ случаѣ, еслибъ образовались изъ индоевроп. $\bar{a}^{a}$ i̯ $a^{e/o}$ и $\bar{a}^{e}$ i̯ $a^{e/o}$, съ фонетическою утратою i̯ (не *j*) между гласными и со стяженіемъ долгой и краткой гласной (между которыми исчезло i̯) въ одну долгую гласную [2]). По моему мнѣнію балтійское прошедшее время по его первоначальному происхожденію представляетъ собою имперфектъ [3]) производныхъ глаголовъ съ основами наст. вр. и имперфекта на индоевроп. $\bar{a}^{a}$ i̯ $a^{e/o}$ и $\bar{a}^{e}$ i̯ $a^{e/o}$, замѣнившій собою старый имперфектъ соотвѣтственныхъ непроизводныхъ глаголовъ, а равно и тѣхъ первично-производныхъ глаголовъ, при которыхъ существовали вторично-производные глаголы съ такими основами; подъ вліяніемъ этихъ случаевъ и прочіе глаголы получили въ имперфектѣ такого-же рода новообразованія. Производные глаголы съ основами наст. вр. и имперф. на индоевроп. $\bar{a}^{a}$ i̯ $a^{e/o}$ и $\bar{a}^{e}$ i̯ $a^{e/o}$, давшіе существованіе еще въ литовско-славянскомъ языкѣ формѣ балтійскаго прошедшаго времени, были, я думаю, глаголами вида длительнаго (съ значеніемъ длительности или продолженности), т. е. съ самымъ образованіемъ этихъ гла-

---

1) Подобнаго-же рода указаніе на «прерывистую» долготу балтійскаго $\bar{e}$ въ окончаніи основы прошедшаго времени я извлекаю и изъ прусскаго языка; см. мою статью въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ (1895 г.), т. XXXIII, стр. 285—286. Въ той-же статьѣ см. и общія замѣчанія относительно прерывистой и длительной долготы.

2) См. въ той-же статьѣ стр. 288 и слѣд.

3) Въ первомъ и второмъ лицахъ ед. ч. литовскаго и латышскаго прошедшаго времени окончанія перенесены изъ формы настоящаго времени; такъ думаетъ и проф. Ульяновъ.

гольныхъ основъ на индоевроп. $\bar{a}^{a}$ и $\bar{a}^{e}$ при извѣстномъ звуковомъ видѣ корня ($\underset{\frown}{i}a^{e/o}$ являлось суффиксомъ основы наст. вр. и имперф.) соединялось, я думаю, значеніе словообразовательной формы вида длительнаго; ни въ балтійскихъ, ни въ славянскихъ языкахъ мы не находимъ этихъ производныхъ глаголовъ, именно потому, что еще въ литовско-славянскую эпоху такіе глаголы, получивъ новое употребленіе въ формѣ имперфекта (а также въ формѣ сигматическаго аориста, давшей существованіе славянскому имперфекту), не могли поэтому сохраняться какъ особый классъ глаголовъ. Изъ значенія длительности или продолженности этихъ глаголовъ легко объясняется тотъ фактъ, что именно они въ формѣ имперфекта послужили для замѣны стараго имперфекта въ другихъ глаголахъ, какъ скоро явилась потребность въ новообразованіи для имперфекта извѣстныхъ непроизводныхъ глаголовъ [1]); имперфектъ производныхъ глаголовъ длительнаго вида, если даже этотъ видъ обозначалъ продолженность, долженъ былъ быть очень близокъ по значенію къ имперфекту соотвѣтственныхъ непроизводныхъ глаголовъ, не имѣвшихъ этого вида, такъ какъ вѣдь имперфектъ въ его основномъ по происхожденію отличіи отъ аориста представляетъ собою именно форму прошедшаго времени въ его длительности.

Проф. Ульяновъ согласно со своимъ взглядомъ на происхожденіе балтійской формы прошедшаго времени, нѣкогда имперфекта, и въ литовской формѣ прошедшаго времени различаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ древнія значенія имперфекта и аориста, но литовская форма прош. вр. не есть имперфектъ и не есть аористъ (вслѣдствіе отсутствія различія формъ имперфекта и аориста въ литовскомъ языкѣ), и потому въ ней не различаются

---

1) Я думаю, что поводомъ, вызывавшимъ новообразованія имперфекта въ литовско-славянскомъ языкѣ, служило совпаденіе по звуковой сторонѣ имперфекта и простаго (несигматическаго) аориста въ извѣстномъ классѣ непроизводныхъ глаголовъ, являвшееся вслѣдствіе утраты чередованія между сильнымъ и слабымъ звуковыми видами корня тамъ, гдѣ нѣкогда именно съ этимъ различіемъ связывалось различіе въ значеніи данной формы прош. вр. какъ имперфекта и какъ аориста. Сравн. мнѣніе проф. Ульянова на стр. 208.

вообще тѣ значенія, которыя въ языкахъ, имѣющихъ формы имперфекта и аориста, образуютъ различіе между этими формами. Крайне искусственною является попытка автора объяснить въ литовскомъ глаголѣ lẽkù, lìkti совпаденіе значеній состоянія («оставаться») и дѣйствія («оставлять») изъ смѣшенія въ прош. вр. значеній стараго имперфекта «дѣйствительнаго залога» и аориста съ основою на балтійское $\bar{a}$ ($\bar{a}^o$), т. е., по мнѣнію проф. Ульянова, съ основою «средняго залога» (стр. 81). Но вѣдь автору извѣстны случаи такого совпаденія значеній въ одномъ глаголѣ и изъ другихъ языковъ, къ которымъ не примѣняется, однако, подобное объясненіе. Что же касается литовскаго глагола telpù, tìl̃pti, то онъ имѣетъ всегда (не «обыкновенно») значеніе состоянія: «помѣщаться, вмѣщаться въ чемъ нибудь», а предполагаемое авторомъ значеніе «вмѣстилъ» для tìl̃po въ одномъ мѣстѣ изъ пѣсни (стр. 82) основывается на томъ, что форму мѣстн. пад. skrynelė̃, изъ skrynelė̃je (сравн. въ той-же пѣснѣ напр. naujoje stajnelė̃), авторъ принялъ ошибочно за именит. пад.

Я признаю немаловажную заслугу автора въ томъ, что онъ еще въ своемъ сочиненіи «Основы настоящаго времени», стр. 184, а затѣмъ и въ разбираемомъ мною изслѣдованіи указалъ на происхожденіе балтійской формы прошедшаго времени (нѣкогда имперфекта) изъ индоевропейской формы прош. вр. глаголовъ съ производными основами на $\bar{a}^a$ и $\bar{a}^e$, но, какъ я замѣтилъ, на основаніи фонетическихъ данныхъ я не могу признать въ этой балтійской формѣ прош. вр. индоевропейскій аористъ или вообще индоевропейскую форму прош. вр. нетематическаго спряженія [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ я не вижу сколько-нибудь достаточнаго основанія предполагать въ этихъ индоевропейскихъ глагольныхъ основахъ на $\bar{a}^a$ и на $\bar{a}^e$ словообразовательную форму глаголовъ

---

1) Съ мнѣніемъ автора, высказаннымъ впервые въ 1888 г., сходится и мнѣніе Видемана относительно происхожденія формы литовскаго прошедшаго времени; см. Видемана Das litauische Präteritum (1891 г.).

состоянія, т. е. форму такъ-называемаго авторомъ «средняго залога».

Содержаніе второй главы: «Основы славянскихъ языковъ» опредѣляется въ общемъ изъ содержанія первой главы, т. е. авторъ приступаетъ къ изслѣдованію значеній основъ въ славянскихъ глаголахъ съ тѣми вопросами, къ которымъ его приводятъ заключенія, сдѣланныя имъ относительно балтійскихъ основъ «обозначающихъ различія по залогамъ». Проф. Ульяновъ разсматриваетъ здѣсь факты сперва старославянскаго языка, а затѣмъ русскаго, сербскаго и польскаго языковъ; такой пріемъ изслѣдованія нѣсколько неудобенъ, конечно, такъ какъ въ отдѣлахъ о русскихъ, сербскихъ и польскихъ глагольныхъ основахъ автору приходится говорить о фактахъ частью тождественныхъ съ тѣми, которые онъ уже опредѣлилъ въ старославянскомъ языкѣ, частью однородныхъ. Впослѣдствіи и самъ авторъ созналъ неудобство такого пріема изслѣдованія, и во второй части онъ разсматриваетъ славянскіе языки вмѣстѣ по отношенію къ каждому изъ представлявшихся вопросовъ.

Съ балтійскими глагольными основами на *i* : *ē* тождественны по образованію, какъ извѣстно, славянскія основы на старославянскія *и* : *ѣ*[1]) въ глаголахъ, которые по большей части также обозначаютъ состоянія, но въ славянскихъ языкахъ не сохранилось чередованіе этихъ глаголовъ по значенію съ глаголами непроизводными, и вмѣсто того мы находимъ здѣсь въ связи съ основами на *и* : *ѣ* основы такихъ производныхъ глаголовъ съ фактитивнымъ значеніемъ, какъ боудити (при бъдѣти), варити (при вьрѣти). Автору слѣдовало бы подробнѣе разсмотрѣть эти случаи, такъ какъ отсюда онъ могъ бы извлечь указаніе на то, что глагольныя основы на *и* : *ѣ* были словообразовательною формою глаголовъ состоянія. Но проф. Ульяновъ лишь

---

1) Я беру здѣсь и далѣе старославянскій языкъ въ качествѣ представителя различныхъ славянскихъ языковъ.

мимоходомъ упоминаетъ объ этихъ фактахъ, при чемъ вовсе не останавливается на существующемъ въ этихъ случаяхъ соотношеніи значеній, а именно онъ говоритъ такъ: «Вообще по отношенію къ старослав. глаголамъ съ основами на *и*:*ѣ* мы должны имѣть въ виду, что лишь въ рѣдкихъ случаяхъ они являются также съ основами корневыми (напр. видѣти, видить:видомъ, вижд҄ь; вѧзѣти:оу-вѧзеть, оу-вѧсти; ньзѣти:въ-ньзеть); большею частью производнымъ основамъ на *и*:*ѣ* соотвѣтствуютъ также различныя производныя основы; ср. напр. бъдѣти: боудити; вьрѣти:варити и т. п.» (стр. 93). Здѣсь сопоставленіе такого чередованія глаголовъ, какъ боудити : бъдѣти, со случаями въ родѣ вижд҄ь:видѣти показываетъ, что соотношенію между боудити и бъдѣти и т. п. авторъ не придавалъ того значенія, какое оно должно бы было имѣть для него. «Но», продолжаетъ авторъ, «несмотря на утрату непроизводныхъ основъ, соотвѣтствовавшихъ извѣстнымъ производнымъ, старославянскій языкъ представляетъ въ послѣднихъ основахъ тѣ-же значенія, какія мы находимъ въ балтійскихъ основахъ на *ī*:*ē*; такимъ образомъ и въ старослав. языкѣ основы на *и* и *ѣ* являются основами глаголовъ, обозначающихъ состояніе; личныя и неличныя формы отъ этихъ основъ являются и здѣсь формами средняго залога». Однако, тотъ фактъ, что извѣстные глаголы, однородные въ окончаніи вошедшихъ въ ихъ составъ основъ, однородны вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ, изслѣдователей фактовъ языка, и въ ихъ значеніяхъ, не доказываетъ еще того, что эти основы имѣютъ въ языкѣ общую имъ форму, такъ какъ форма основъ можетъ существовать, понятно, лишь въ соотношеніи данныхъ основъ съ другими основами, представляющими другое образованіе основы отъ тѣхъ-же корней. Такимъ образомъ надо признать, что авторъ вовсе не показалъ того, что славянскіе глаголы съ основами на старослав. *и*:*ѣ* (а слѣдовательно и съ соотвѣтственными основами другихъ славянскихъ языковъ) сохраняютъ въ себѣ форму, обозначающую извѣстное различіе въ томъ, что онъ называетъ залогомъ. Тѣ примѣры, какіе приводитъ далѣе

проф. Ульяновъ въ подтвержденіе высказанной имъ мысли, выбраны неудачно. Онъ говоритъ: «Напр. бѣго- обозначаетъ «обращаться въ бѣгство» (ср. отъбѣгѫ Синайск. молитв. 88, 3); бѣжа-, бѣжи- обозначаетъ «быть въ бѣгствѣ» (напр. сльньце бѣжѧште Супр. рук. 328, 18), «избѣжать чего н.» (напр. бѣжати отъ грѧдѫштааго гнѣва Лук. III, 7 въ Мар. ев., Остром. и др.)». Въ дѣйствительности между бѣго- и бѣжа-, бѣжи- вовсе нѣтъ указаннаго здѣсь различія значеній, и въ бѣжа-, бѣжи- соединяются значеніе бѣга какъ извѣстнаго рода движенія и значеніе «обращаться въ бѣгство», сравн. напр. видѣвъше же пасѫштеи бывъшеѥ бѣжашѧ (т. е. «обратились въ бѣгство») Лук. VIII, 34, да и въ приведенномъ авторомъ «бѣжати отъ грѧдѫштааго гнѣва» бѣжати не обозначаетъ состоянія, а кромѣ того и вообще значеніе бѣга какъ извѣстнаго рода движенія въ бѣжати не есть необходимо значеніе состоянія «быть въ бѣгствѣ»; что же касается отъбѣгѫ, отъ основы аориста бѣго-, то значеніе «обращаться въ бѣгство» обусловливается здѣсь приставкою отъ-, сравн. прибѣгъ въ Синайск. молитв. 155, 24. Далѣе проф. Ульяновъ указываетъ на то, что глаголъ жити, «различающій два рода основъ» (авторъ имѣетъ въ виду и основу живѣ-), «различаетъ и два рода значеній: 1) «вести какой нибудь образъ жизни (напр. живъı блѫдьно), 2) обитать, жить гдѣ нибудь», болѣе общее значеніе — «проводить жизнь, быть живымъ»; но, во-первыхъ, не видно, чтобы съ этимъ различіемъ въ значеніи связывалось различіе въ образованіи основъ, а во-вторыхъ, почему значеніе жити напр. въ живъı блѫдьно не есть значеніе состоянія? Глаголъ тешти, по словамъ автора, при двухъ основахъ различаетъ значенія «бѣжать» и «течь»; но подъ другою основою этого глагола авторъ подразумѣваетъ теча- въ имперфектѣ (т. е. въ основѣ течаа-), а это теча- онъ отождествляетъ съ литовскимъ tekė- въ глаголѣ tekėti «бѣжать, течь», такъ какъ славянск. *ѣ* въ основѣ имперфекта проф. Ульяновъ не отдѣляетъ отъ *ѣ* въ основѣ инфинитива такихъ глаголовъ, какъ бъдѣти, съ чѣмъ,

однако, я не могу согласиться (сравн. сказанное мною выше и см. также далѣе). «Глаголъ жьдати», говоритъ авторъ, «имѣетъ обыкновенно значеніе «ожидать», но въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ является съ значеніями «предстоять кому нибудь», «быть обреченнымъ чему нибудь»; «въ виду этого», думаетъ авторъ, «можно предполагать, что основа жидѣ-, жьдѣ-, являющаяся въ формахъ жідѣахѫ, жьдѣаше, жьдѣахѫ (изъ Супр. рук.) есть основа старая, являвшаяся первоначально съ значеніемъ средняго залога». Здѣсь опять изъ основы имперфекта, и притомъ въ діалектическомъ старославянскомъ образованіи (сравн. въ той-же Супр. рук. зовѣаше и т. п.), авторъ извлекаетъ основу глагола состоянія на *ѣ*. Всѣ эти неудачные примѣры свидѣтельствуютъ о томъ, что и въ славянскихъ языкахъ, какъ и въ балтійскихъ, въ чередованіи съ глагольными основами, обозначающими состоянія, проф. Ульяновъ предполагаетъ существованіе основъ, обозначающихъ дѣйствія вообще, а не дѣйствія производящія данныя состоянія; попытки автора найти такое чередованіе не могли поэтому увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ подобнаго чередованія основъ нѣтъ, конечно, ни въ балтійскихъ языкахъ, ни въ славянскихъ: какъ скоро въ соотношеніи съ основами, обозначающими состоянія, являются такія основы, которыя обозначаютъ дѣйствія, эти послѣднія основы могутъ имѣть лишь фактитивное значеніе, т. е. обозначаютъ дѣйствія производящія данныя состоянія.

Авторъ не перечисляетъ всѣхъ старославянскихъ глагольныхъ основъ на *и:ѣ*, такъ какъ обзоръ ихъ можно найти въ грамматикахъ Лескина и Миклошича, и отмѣчаетъ только нѣкоторые случаи, гдѣ именно старославянскій и балтійскіе языки совпадаютъ межіу собою (стр. 91—92). При этомъ рядомъ со случаями дѣйствительнаго тождества славянскихъ и балтійскихъ основъ здѣсь приведены: основа теча- (изъ имперфекта течаахъ), о которой я уже упоминалъ, и основа мьрѣ- изъ діалектическихъ формъ мьрѣти, мьрѣхъ, будто-бы вполнѣ соотвѣтствующая литовской основѣ mirė- въ прош. вр. miriaũ и

т. д. (при чемъ основа литовскаго прош. вр. отождествляется съ основами инфинитива на литовское *ė*, старослав. *ѣ*), хотя автору извѣстно объясненіе, данное Лескиномъ для этихъ старославянскихъ образованій, и хотя онъ самъ отмѣчаетъ далѣе (стр. 101), что въ глаголѣ мрѣти въ наст. вр. является исключительно основа на *о* и нѣтъ никакихъ слѣдовъ основы на *и*. Старославянская основа живѣ-, въ формѣ аориста живѣ, совершенно вѣрно сопоставлена проф. Ульяновымъ съ прусскою основою въ глаголѣ giwīt «жить», гдѣ *ī* изъ *ē*. Къ основамъ на *и:ѣ* принадлежитъ, по мнѣнію автора, и основа гаси- въ негасимъ, неоугасимъ, такъ какъ «производить это причастіе отъ каузативной основы на *и* (въ гасити) затруднительно на томъ основаніи, что оно не имѣетъ страдательнаго значенія» (стр. 92); но см. Миклошича Vergl. Gramm. IV, 832, гдѣ указанъ рядъ случаевъ употребленія причастій на *-мъ* съ значеніемъ латинскихъ прилагательныхъ на -bilis.

Въ числѣ старославянскихъ глаголовъ съ основами на *и:ѣ* были нѣкоторые глаголы и съ значеніемъ фактитивнымъ. Авторъ перечисляетъ такіе старославянскіе глаголы на стр. 96, но въ дѣйствительности ихъ меньше, а именно сюда принадлежатъ только обидѣти[1]), врьтѣти и мъчати, которые мы находимъ съ тѣми-же значеніями и въ другихъ славянскихъ языкахъ; но обидѣти, какъ глаголъ, заключающій въ себѣ предложную приставку, занимаетъ особое мѣсто, такъ какъ фактитивное значеніе могло быть внесено здѣсь сочетаніемъ приставки съ глаголомъ, обозначавшимъ состояніе (сравн. у автора вѣрныя замѣчанія о такихъ случаяхъ напр. въ первой части, стр. 59 примѣч.), и такимъ образомъ остаются только врьтѣти и мъчати. Относительно глагола движати, приводимаго авторомъ, я желалъ бы знать, извѣстна ли изъ текстовъ основа инфинитива движа- при засвидѣтельствованной текстами основѣ наст. вр. движи-;

---

1) Проф. Ульяновъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что это глаголъ не отъименный (а отъименнымъ признавалъ его Лескинъ въ грамматикѣ), и указываетъ на прѣобидомо у Григ. Наз.

Лескинъ въ грамматикѣ, § 90, среди глаголовъ съ основами на *и:ѣ* приводитъ, правда, и глаголъ движати, но въ словарѣ при движати онъ помѣщаетъ въ скобкахъ движити съ вопросительнымъ знакомъ. Глаголъ питѣти не принадлежитъ сюда по самому образованію основы наст. вр. (питѣѥ-), на которое указываетъ далѣе и авторъ. Глаголъ пополѣти, приведенный авторомъ съ вопросительнымъ знакомъ, также не принадлежитъ сюда, какъ показываетъ основа наст. вр. въ пополѣѩ (Синайск. молитв. 102, 4), а кромѣ того и самое слово пополѣѩ, съ *о* въ корнѣ, конечно, сомнительно, въ виду попалѣетъ въ Синайск. псалт. 186, 1. Въ просвьти ἐπίφανον, одинъ разъ въ Синайск. псалт. (59, 19), если дѣйствительно существовало такое образованіе, фактитивное значеніе можетъ объясняться такъ-же, какъ и въ обидѣти. Не ясно для меня, почему авторъ сюда-же относитъ по происхожденію и глаголъ ставити, т. е. думаетъ, что въ этомъ глаголѣ основа наст. вр. на *и* проникла и въ инфинитивъ, между тѣмъ какъ старая основа инфинитива на *и* здѣсь по самому значенію глагола вполнѣ понятна; ссылка на литовск. stóviu, stovė́ti «стоять» ничего не разъясняетъ, точно такъ-же какъ и въ стави сѧ «остановился» авторъ напрасно видитъ указаніе на предполагаемое имъ происхожденіе ставити. Проф. Ульяновъ не говоритъ, какъ именно онъ смотритъ на появленіе фактитивнаго значенія въ такихъ глаголахъ, какъ врьтѣти, мъчати; онъ припоминаетъ по этому поводу напр. литовск. діалектич. kaliù, 3 л. kãli, kalė́ti «сажать въ темницу» (kylė́ju, kylė́ti «поднимать» сюда не идетъ, такъ какъ основа въ kylė́ju по самому ея образованію могла имѣть фактитивное значеніе), но тѣ условія, какія могли дѣйствовать при образованіи такихъ литовскихъ глаголовъ съ основами на *i:ė* (см. выше), не существовали въ славянскихъ языкахъ. Мнѣ казалось бы, что фактитивное значеніе для врьтѣти, мъчати, полученное еще изъ общеславянскаго языка (какъ показываютъ другіе славянскіе языки), могло быть извлечено изъ тѣхъ образованій, какія являются въ старослав. врьтѣти сѧ, русск. вертѣться, мчаться,

гдѣ глаголъ, соединявшійся съ сѧ, обозначалъ состояніе, подобно тому какъ въ старослав. языкѣ мы находимъ всегда стыдѣти сѧ, льштати сѧ, свьтѣти сѧ (за исключеніемъ свьтѧ, тождественнаго съ свѣтѧ, а это свьтѧ могло быть извлечено изъ свьтѧ сѧ, сравн. свѣтѧ сѧ при свѣтѧ). Проф. Ульяновъ думаетъ относительно этихъ случаевъ какъ разъ наоборотъ: по его мнѣнію, сѧ присоединялось здѣсь для обозначенія «средняго залога» въ глаголахъ, уже имѣвшихъ два значенія (значеніе состоянія и значеніе фактитивное), и потому напр. на основаніи стыдѣти сѧ онъ долженъ предполагать стыдѣти съ фактитивнымъ значеніемъ (хотя въ боюти сѧ онъ видитъ особый случай). Я вполнѣ согласенъ съ авторомъ въ томъ, что возвратная форма глагола въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ, равно какъ и форма индоевропейскаго medium'а, представляетъ собою извѣстную форму глаголовъ дѣйствія и обозначаетъ, что предметъ мысли, являющійся субъектомъ даннаго дѣйствія, находится и въ другомъ отношеніи къ тому-же дѣйствію (сравн. у автора стр. 302) [1]), но многіе глаголы въ такой формѣ (и въ общемъ индоевроп. языкѣ, и въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ) получали затѣмъ вслѣдствіе значенія, внесеннаго въ нихъ этою формою, такое измѣненіе значенія, при которомъ данный признакъ, обозначаемый основою глагола, имѣющаго эту форму, сознавался именно какъ признакъ непереходный, по отношенію къ переходному признаку, обозначаемому тою-же основою глагола въ формѣ невозвратной. Можно понять, мнѣ кажется, что подъ вліяніемъ такого употребленія глаголовъ въ возвратной формѣ и другіе глаголы, обозначавшіе въ основахъ непереходные признаки, вступая въ тѣсную связь по основамъ (или по неграмматическому значенію основъ) съ извѣстными глаголами, имѣвшими такое употребленіе возвратной формы, могли заимствовать отъ нихъ это образованіе въ качествѣ принадлеж-

---

1) Проф. Ульяновъ вполнѣ основательно не соглашается съ моимъ прежнимъ взглядомъ на значеніе формы индоевроп. medium'а (стр. 303).

ности глаголовъ съ непереходнымъ значеніемъ; напр. подъ вліяніемъ того образованія (еще въ общеславянскомъ языкѣ), которое является въ старослав. вратити сѧ, и при врьтѣти съ непереходнымъ значеніемъ могло получиться врьтѣти сѧ, вытѣснившее собою врьтѣти, а затѣмъ по аналогіи напр. съ вратити при вратити сѧ и изъ врьтѣти сѧ могъ быть извлеченъ глаголъ врьтѣти съ переходнымъ значеніемъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть здѣсь значеніе фактитивное.

Со старославянскими глаголами, имѣющими основы на *и:ѣ*, авторъ считаетъ однородными по происхожденію основъ наст. вр. и такіе глаголы съ корнями на *и* и *ы*, какъ гниѭ, по-чиѭ, оу-пыѭ, оу-тыѭ, соотвѣтствующіе, какъ онъ думаетъ, литовскимъ lȳja, grīūva (сравн. Основы настоящаго времени, стр. 106—109). Но и въ литовскихъ lȳja, grīūva я не вижу старыхъ основъ наст. вр. на индоевроп. *i̯a*$^{e/o}$ (см. выше), и точно такъ-же старославянскія основы въ оу-пыѭ, оу-тыѭ не допускаютъ, мнѣ кажется, такого объясненія, а образованіе, являющееся въ по-чиѭ (и, вѣроятно, въ гниѭ), можетъ имѣть старую основу на индоевроп. *a*$^{e/o}$, присоединенное къ *ii̯* изъ *ī* (передъ гласною) глагольнаго корня.

Въ § 12 авторъ говоритъ о старославянскихъ производныхъ основахъ на *а* въ глаголахъ «средняго залога». Нѣкоторые взгляды автора, изложеные здѣсь, впослѣдствіи измѣнены имъ, такъ что въ настоящее время этотъ параграфъ получилъ бы у автора другой видъ; поэтому я не буду останавливаться на подробномъ разборѣ мнѣній, изложенныхъ здѣсь. Проф. Ульяновъ различаетъ въ старославянскихъ основахъ на *а* въ глаголахъ «средняго залога» двѣ категоріи: «1) основы на *а* существующія въ старославянскомъ языкѣ параллельно съ основами на *ѣ*:*и* и 2) основы на *а* не имѣющія параллельныхъ основъ на *ѣ* : *и*». Въ дѣйствительности, однако, лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ изъ числа тѣхъ, на какіе указываетъ авторъ для основъ на *а* первой категоріи, при такой основѣ извѣстна отъ того-же корня и основа на *ѣ*:*и* (напр. про-зира- при зьрѣ-, съ-гара-

при горѣ-), при чемъ всюду, за исключеніямъ глѧда- и жѧда-, эти основы на *а* являются въ соединеніи съ предложными приставками въ сложныхъ основахъ, имѣющихъ форму извѣстнаго вида (см. далѣе). Относительно основы глѧда- [1]) проф. Ульяновъ допускаетъ впослѣдствіи (вторая часть, стр. 137), что эта основа при некратномъ значеніи могла получать и кратное значеніе, а я думаю, что основа глѧда- по самому образованію могла быть основою кратнаго вида; такова-же и основа жѧда- при основѣ наст. вр. жѧдаѥ-, а основа жѧда- при основѣ наст. вр. жѧжде- однородна, понятно, по ея происхожденію съ прочими основами инфинитива на *а* глаголовъ съ основами наст. вр. на ѥ и не представляетъ поэтому никакой связи между такимъ образованіемъ основы и значеніемъ состоянія, такъ какъ глаголы съ основою наст. вр. на ѥ (и, слѣдовательно, на *е* послѣ смягченной согласной) по бо́льшей части обозначаютъ различныя дѣйствія. Для значительнаго большинства старославянскихъ основъ на *а*, разсматриваемыхъ авторомъ въ качествѣ параллельныхъ съ основами на *ѣ* : *и*, вовсе не извѣстны въ дѣйствительности основы на *ѣ* : *и* отъ тѣхъ-же корней; проф. Ульяновъ приводитъ здѣсь не только такіе случаи, какъ напр. жела- : желѣ- (основа наст. вр. не на *и*), вита- : *витѣ- (основу *витѣ- авторъ извлекаетъ изъ обитѣль), но также напр. ис-тѣка- : теча- (послѣдняя основа извлечена имъ изъ имперфекта течаахъ, см. выше), оу-мира- : мьрѣ- (см. сказанное выше относительно этого мьрѣ-), оу-гаса- : гаси- (см. выше мнѣніе автора относительно гаси- въ негасимъ). Къ старославянскимъ основамъ на *а* второй категоріи, не чередующимся съ основами на *ѣ* : *и*, авторъ относитъ преимущественно такія основы, имѣющія по ихъ чередованіямъ различныя видовыя значенія, какъ на-выца-, дыха- [2]) и т. п., а также пъва-, сиꙑ-, не находившіяся въ че-

---

1) Напрасно думаетъ авторъ, стр. 110, будто при основѣ инфинитива глѧда- существовала основа наст. вр. глѧди-; вѣдь тексты не свидѣтельствуютъ объ этомъ.

2) На стр. 113 первой части авторъ говоритъ, что въ вѣтроу дъıхаѭ-

редованіи съ какими-либо другими основами; мнѣніе автора относительно происхожденія пъва-, сиꙑ- (стр. 107—108) не представляется мнѣ убѣдительнымъ. — Итакъ, старославянскія производныя основы на *а* глаголовъ «средняго залога», разсматриваемыя проф. Ульяновымъ въ § 12, являются по большей части основами имѣющими формы съ значеніями вида, а кромѣ того авторъ называетъ здѣсь и такія основы, которыя могли быть отъименными по происхожденію (напр. вита-, сравн. литовск. vëtà «мѣсто»), а равно и нѣкоторыя основы инфинитива на *а* глаголовъ съ основами наст. вр. на ѥ (жѧда- при жѧжде-, алъка-, гъıба-), хотя къ глаголамъ этого класса принадлежатъ по бо́льшей части не глаголы состоянія. Нигдѣ при этомъ проф. Ульяновъ не указываетъ такого чередованія основъ на *а* съ другими основами, которое свидѣтельствовало бы о томъ, что образованіе основъ на *а* обозначало или состоянія по отношенію къ дѣйствіямъ, или извѣстное различіе въ самихъ состояніяхъ (безъ отношенія, конечно, къ различіямъ вида). Особое мѣсто занимаетъ въ старославянскомъ языкѣ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, какъ извѣстно, основа инфинитива съпа- при основѣ наст. вр. съпи- (о съпа-:съпи- говоритъ и авторъ), но въ языкѣ нѣтъ никакихъ указаній на то, что основа съпа- при съпи- получила такое образованіе въ качествѣ основы глагола обозначающаго состояніе; я думаю, что въ этомъ глаголѣ смѣшались еще въ общеславянскомъ языкѣ основа наст. вр. съпи-, существовавшая при основѣ инфинитива съпѣ- (сравн. русск., изъ пѣсенъ, спѣла, пріуспѣла, приведенныя авторомъ, стр. 138, изъ грамматики Миклошича), съ основою инфинитива съпа-, существовавшею прежде при основѣ наст. вр. *съпе- (сравн. напр. съса- при съсе- и см. далѣе). Съ съпа-:съпи- однородны по образованію русск. сца-:сцы- (см. у автора стр.

штоу форма отъ основы дъıха- ничѣмъ не отличается по значенію отъ формъ съ основами на ѣ:*и*, но во второй части стр. 119 тотъ-же примѣръ указанъ для «несомнѣнно кратнаго значенія» основы дъıха-.

145), изъ сьца-:сьчи-[1]), извѣстныхъ также и изъ другихъ славянскихъ языковъ.

По поводу параграфа 13-го: «Старославянскія основы средняго залога съ видовымъ значеніемъ» мнѣ приходится повторить то, что я говорилъ относительно балтійскихъ основъ начинательнаго состоянія въ изслѣдованіи проф. Ульянова. И въ славянскихъ глаголахъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ § 13, авторъ неправильно, къ моему мнѣнію, находитъ «видовое» значеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ и здѣсь проф. Ульяновъ не останавливается на чередованіи такихъ основъ съ основами другаго образованія, вслѣдствіе чего и по отношенію къ славянскимъ глаголамъ съ основами начинательнаго состоянія остается невыясненною авторомъ принадлежность этихъ глаголовъ по самой формѣ основъ къ извѣстному классу глаголовъ состоянія. Чередованіе и здѣсь такого-же рода, какъ и въ соотвѣтственныхъ по значенію (и частью по образованію) балтійскихъ основахъ, т. е. во-первыхъ, съ основами имѣющими фактитивное значеніе (напр. выкнѫти : оучити; -грѧзнѫти : -грѧзити) и, во-вторыхъ, съ основами неначинательнаго состоянія на *и* : *ѣ* (-бънѫти : бъдѣти, сравн. также боудити; трьпнѫти : трьпѣти; -льпнѫти : льпѣти, сравн. также -лѣпити).

Послѣ обзора основъ, соотвѣтствующихъ разсмотрѣннымъ старославянскимъ основамъ въ языкахъ русскомъ, сербскомъ и польскомъ (я не останавливаюсь на этомъ обзорѣ, такъ какъ мои общія замѣчанія были бы здѣсь тѣ-же, что и по поводу старославянскихъ основъ), авторъ переходитъ къ общимъ заключеніямъ и выводамъ относительно этихъ славянскихъ основъ, при чемъ говоритъ именно о формахъ прошедшаго времени отъ основъ на *ĕ* (знакъ для *ѣ* въ различныхъ славянскихъ языкахъ)

---

1) Общеслав. *c* въ основѣ *sьcā- образовалось изъ *k*, которое получило смягченіе въ положеніи послѣ ь, какъ напр. и изъ *otьkъ явилось *otьcь, старослав. отьць (звательная форма *otьče, отьче указываетъ на форму именит. пад. *otьkъ). Сравн. статью Бодуэна-де-Куртенэ въ Indogermanische Forschungen IV, 45.

и *a*, о вліяніи глаголовъ «средняго залога» на глаголы «дѣйствительнаго залога» и о формахъ глаголовъ «средняго залога» въ общеславянскомъ языкѣ. Вліяніе глаголовъ «средняго залога» на глаголы «дѣйствительнаго залога» авторъ видитъ, между прочимъ, въ томъ, что глаголы «дѣйствительнаго залога» и въ общеславянскомъ языкѣ, какъ и въ общебалтійскомъ, въ образованіи имперфекта послѣдовали аналогіи глаголовъ «средняго залога», такъ какъ по мнѣнію автора основы на старыя $\bar{e}$ и $\bar{a}$ въ славянскомъ имперфектѣ, какъ и въ балтійскомъ, должны быть по ихъ происхожденію основами «средняго залога», хотя по отношенію къ основамъ на $\bar{a}$ авторъ и для славянскихъ языковъ, какъ и для балтійскихъ, не доказалъ существованія въ нихъ словообразовательной формы глаголовъ состоянія, т. е. формы такъназываемаго имъ «средняго залога». Я схожусь съ проф. Ульяновымъ въ общемъ взглядѣ на происхожденіе прототиповъ славянскаго имперфекта изъ формъ сигматическаго аориста глаголовъ съ индоевропейскими производными основами на $\bar{a}^e$ и $\bar{a}^a$ (см. Основы настоящаго времени, стр. 186 и слѣд.), но далѣе наши мнѣнія расходятся. Относительно производныхъ глагольныхъ основъ, образовавшихъ основы славянскаго имперфекта, а равно и основы балтійскаго прошедшаго времени (изъ имперфекта), я уже говорилъ, что предполагаю въ нихъ основы глаголовъ вида длительнаго или продолженнаго; въ связи съ этимъ ихъ значеніемъ я объясняю себѣ и тотъ фактъ, что форма аориста такихъ глаголовъ, перенесенная въ спряженіе соотвѣтственныхъ непроизводныхъ глаголовъ, не имѣвшихъ этого вида, могла получить здѣсь значеніе имперфекта[1]). Расходясь съ авторомъ во взглядѣ на значеніе формы тѣхъ производныхъ глагольныхъ основъ, которыя въ сочетаніи съ формою сигматическаго аориста дали начало образованію основъ славянскаго имперфекта, я вмѣстѣ съ

---

1) Вѣроятно, аористъ въ глаголахъ длительнаго или продолженнаго вида обозначалъ конечный или начальный моментъ сочетанія съ извѣстнымъ субъектомъ даннаго признака въ его длительности или въ его продолженности.

тѣмъ иначе представляю себѣ и процессы тѣхъ новообразованій, какія являются въ *аа* и *ѣа* старославянскихъ и соотвѣтственныхъ общеславянскихъ основъ имперфекта. Въ имперфектѣ глаголовъ съ производными основами инфинитива на старославянское *а* я не могъ бы объяснить *аа*, т. е. общеслав. *āā*, изъ соединенія глагольной основы на *ā* съ *ā*, извлеченнымъ изъ другаго образованія имперфекта извѣстныхъ глаголовъ въ качествѣ суффикса этой формы (какъ думаетъ авторъ, стр. 205), такъ какъ въ этомъ случаѣ я ждалъ бы въ результатѣ одно общеслав. *ā*, и думаю, что это *āā* произошло изъ *āē*, гдѣ къ глагольной основѣ на *ā* присоединено было *ē* по аналогіи основъ имперфекта на *ē* (позднѣйшее *i͡e*, ст. слав. *ѣ*) въ извѣстныхъ непроизводныхъ глаголахъ, а измѣненіе *āē* въ *āā* было бы однородно съ измѣненіемъ въ общеславянскомъ языкѣ *āe* въ *āa* въ тѣхъ основахъ наст. вр., которыя являются въ старослав. бываатъ, бывааши и т. п.[1]). Въ глаголахъ съ производными основами инфинитива на старослав. *ѣ* основы имперфекта съ *ѣа*, т. е. общеслав. *i͡eā* изъ *ēā*, могли получиться изъ соединенія *ē* въ окончаніи глагольной основы съ *ā* по аналогіи тѣхъ непроизводныхъ глаголовъ, которые нѣкогда имѣли въ имперфектѣ основу съ *ā*, не съ *ē*. Въ непроизводныхъ глаголахъ старослав. *ѣа* въ имперфектѣ представляетъ собою, по моему мнѣнію, новообразованіе, явившееся еще въ общеславянскомъ языкѣ (*i͡eā*), гдѣ вмѣсто *ē* въ имперфектѣ такихъ глаголовъ стало употребляться *ēā* подъ вліяніемъ образованія имперфекта въ производныхъ глаголахъ, съ *ēā* и съ *āā*, т. е. съ двумя гласными, изъ которыхъ вторая была *ā*; старая основа имперфекта съ *ē*, не измѣненнымъ въ *ēā*, и при томъ со старымъ нетематическимъ спряженіемъ славянскаго имперфекта въ формахъ не 1-го лица, сохранилась въ бѣхъ, бѣ и т. д. Совпаденіе славянскихъ несѣ-, ведѣ- и т. п. въ основахъ имперфекта въ несѣахъ, ведѣахъ съ литовскими neszė-, vedė- въ

1) О происхожденіи этихъ основъ наст. вр. см. мою статью въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ, томъ XXXIII, стр. 287.

основахъ литовскаго прош. вр. я не считаю случайнымъ, между тѣмъ какъ проф. Ульянова нѣсколько затрудняютъ такого рода факты, хотя вслѣдствіе его общаго взгляда на происхожденіе основъ славянскаго имперфекта и балтійскаго прошедшаго времени ему приходится склоняться здѣсь къ тому мнѣнію, что напр. несѣ- въ несѣахъ и литовск. neszė- въ nesziaũ, nēszė образовались въ отдѣльной жизни общеславянскаго и общебалтійскаго языковъ (стр. 207—208). Но въ литовско-славянскомъ языкѣ производныя основы на $\bar{e}$ и на $\bar{a}^o$ (общеслав. $\bar{a}$), давшія существованіе основамъ новыхъ формъ имперфекта, хотя и были тождественны въ значеніи, принадлежавшемъ тому и другому образованію этихъ основъ, строго различались, однако, въ употребленіи въ зависимости отъ извѣстныхъ различій въ звуковой сторонѣ такихъ основъ. Точно такъ-же напр. и въ литовскомъ языкѣ и въ старославянскомъ происшедшія отсюда образованія основъ прошедшаго времени со старыми $\bar{e}$ и $\bar{a}^o$ вообще не смѣшивались (хотя авторъ говоритъ, будто-бы въ балтійскихъ языкахъ факты смѣшенія этихъ основъ наблюдаются очень часто, стр. 208) [1]. Если мы возьмемъ литовско-славянскіе непроизводные глаголы съ основами наст. вр. на суфф. e/a^o, т. е. тѣ непроизводные глаголы, въ которыхъ возникли образованія новаго имперфекта (переносившіяся отсюда и въ другіе глаголы), то увидимъ слѣдующее различіе въ употребленіи $\bar{e}$ и $\bar{a}^o$ въ суффиксѣ основъ новаго имперфекта. Литовско-славянскіе непроизводные глаголы съ основами наст. вр. на e/a^o, имѣвшіе въ формахъ новаго им-

---

1) Въ литовскомъ языкѣ въ очень значительномъ большинствѣ случаевъ мы можемъ даже на основаніи формъ настоящаго времени и инфинитива опредѣлить въ данномъ глаголѣ образованіе прошедшаго времени по отношенію къ различію между *ė* и *o* въ окончаніи основы литовск. прошедшаго, и такой случай, какъ прош. вр. tapiaũ, вмѣсто ожидаемаго *tapaũ, глагола tampù, tàpti, принадлежитъ къ очень рѣдкимъ исключеніямъ; форма tapiaũ явилась, безъ сомнѣнія, не при настоящемъ вр. tampù, но при глаголѣ съ другимъ образованіемъ основы наст. вр. Такого-же рода и другіе случаи, приведенные авторомъ на стр. 86; напр. при reĩkė и reikėjo сравн. различіе въ инфинитивѣ: reĩkti и reikéti.

перфекта гласную *e* или *a°* въ корнѣ (сильный звуковой видъ корня), представляли въ суффиксѣ основы имперфекта гласную *ē*, не *ā°*; отсюда напр. литовскія (я беру форму 3-го лица) nēszė, vēdė, vēžė, kēpė, sēkė, kāsė, lākė и т. п., старослав. несѣахъ, ведѣахъ, везѣахъ, течаахъ, можаахъ и т. п. [1]). Нѣтъ поэтому никакого основанія думать вмѣстѣ съ авторомъ (стр. 160), будто сербск. мо̏га̄х имѣетъ старую основу на *a*, полученную изъ общеславянскаго языка. Тѣ литовско-славянскіе непроизводные глаголы съ основами наст. вр. на *e/a°*, которые въ формахъ новаго имперфекта имѣли въ корнѣ гласныя *i* и *u* изъ первоначальныхъ *i* и *u* (слабый звуковой видъ корня), представляли въ суффиксѣ основы имперфекта гласную *ā°*, не *ē*; отсюда напр. литовск. lìpo, kìszo, rìszo, bùvo, lùpo, sùko и т. п. (исключеніе mùszė при настоящемъ muszù), старославянск. жьдаахъ (жьдѣахъ болѣе новая діалектическая форма) при наст. жьдѫ и жидѫ (форма прош. вр. жидѣахъ могла бы быть старою по отношенію къ *ѣ*, но гласная въ корнѣ здѣсь подъ вліяніемъ основы наст. вр.), съсаахъ при наст. съсѫ, тъкаахъ при наст. тъкѫ, зъваахъ при наст. зовѫ (подъ вліяніемъ основы наст. вр. новое, діалектическое образованіе имперфекта въ зовѣахъ); сюда-же принадлежитъ съпаахъ «спалъ» при утраченномъ наст. вр. *съпѫ (см. выше). Надо замѣтить, что еще въ общеславянскомъ языкѣ такіе непроизводные глаголы съ имперфектомъ, имѣвшимъ въ суффиксѣ основы *ā*, можетъ быть послѣ того, какъ *ā* въ имперфектѣ измѣнилось въ *āā* по аналогіи образованія имперфекта въ производныхъ глаголахъ (сравн. *ēā* изъ *ē* въ имперфектѣ другихъ непроизводныхъ глаго-

---

1) Такія старослав. образованія имперфекта, какъ словѣахъ при наст. словѫ и инфинит. слоути или блюдѣахъ при наст. блюдѫ (гдѣ въ корнѣ изъ литовско-славянск. языка полученъ дифтонгъ *eu*), имѣютъ сильный звуковой видъ корня подъ позднѣйшимъ вліяніемъ основы наст. вр., между тѣмъ какъ въ литовско-славянскомъ языкѣ въ этихъ случаяхъ основа имперфекта заключала въ себѣ слабый звуковой видъ корня (сравн. литовск. прош. вр. vìjo, liko при наст. вр. vejù, lĕkù).

ловъ), получили и въ основѣ инфинитива *ā* въ концѣ подъ вліяніемъ производныхъ глаголовъ съ основами на *ā* [1]). Только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ основа имперфекта такихъ непроизводныхъ глаголовъ отличалась въ гласной корня отъ основы инфинитива и при этомъ совпадала по отношенію къ гласной корня съ основою наст. вр., основа инфинитива не переходила въ основу на *ā*, а въ имперфектѣ вмѣсто *ā* являлось *ē*, по аналогіи другихъ глаголовъ, имѣвшихъ въ имперфектѣ гласную корня тождественную съ гласною корня въ наст. вр.; таковы старослав. чьтѣахъ при наст. чьтѫ и инфинитивѣ чисти и цвьтѣахъ при наст. цвьтѫ и инфинит. цвисти. Тѣ литовско-славянскіе непроизводные глаголы съ основами наст. вр. на *e/a°*, которые въ формахъ новаго имперфекта имѣли въ корнѣ такой слабый звуковой видъ, при которомъ являлась именно гласная *i* или *u* (непосредственно изъ ь и ъ, т. е. *i* и *u* ирраціональныхъ) изъ индоевропейской неслоговой ирраціональной гласной передъ сонорными согласными, находившимися въ положеніи передъ гласными, представляли также *ā°*, не *ē*, въ суффиксѣ основы имперфекта. Отсюда старослав. бьраахъ при наст. берѫ, дьраахъ при наст. дерѫ, гънаахъ при наст. женѫ и т. п.; и здѣсь еще въ общеславянскомъ языкѣ основа инфинитива получила въ концѣ *ā*, подъ вліяніямъ того, что такіе глаголы въ формѣ имперфекта совпадали съ производными глаголами, имѣвшими основы на *ā*. Въ тѣхъ случаяхъ, однако, гдѣ основа имперфекта такихъ глаголовъ по гласной корня отличалась отъ основы инфинитива и совпадала въ этомъ отношеніи съ основою наст. вр., и здѣсь основа инфинитива не измѣнялась въ основу на *ā*, а въ имперфектѣ и здѣсь вмѣсто *ā* въ суффиксѣ основы являлось *ē*; отсюда

---

1) Но производные глаголы съ основами инфинитива на *ē* (откуда *i͡e*) не оказывали подобнаго вліянія на непроизводные глаголы, имѣвшіе въ имперфектѣ *ē* (*i͡e*), можетъ быть потому, что въ глагольныхъ основахъ не *ē* сознавалась словообразовательная форма глаголовъ состоянія, между тѣмъ какъ непроизводные глаголы, имѣвшіе *ē* въ суффиксѣ основы имперфекта, по большей части обозначали различныя дѣйствія.

напр. старослав. жьрѣахъ при наст. жьрѫ и инфинит. жрѣти (со старослав. перестановкою гласной и плавной), пьнѣахъ при наст. пьнѫ и инфинит. пѧти (гдѣ общеслав. ę изъ en, не изъ ьn̥ [1]) и т. п. Въ литовскомъ языкѣ въ непроизводныхъ глаголахъ съ соотвѣтственнымъ образованіемъ корня въ прош. вр. не сохранились основы прош. вр. на *o*, и вмѣсто того являются основы на *ė*; при этомъ, однако, тѣ глаголы, въ которыхъ инфинитивъ представляетъ нисходящее удареніе на корнѣ, какъ pìnti «плести», pìlti «сыпать, лить», имѣютъ въ прош. вр. несомнѣнныя новообразованія, какъ свидѣтельствуетъ непервоначальная долгота гласной корня въ прош. вр., напр. въ pýnė, pýlė; вѣроятно, и относящіеся сюда глаголы съ восходящимъ удареніемъ корня въ инфинитивѣ представляютъ въ прош. вр. какое-то новообразованіе, напр. gìmė при инфинит. gim̃ti «рождаться» (наст. вр. gemù). Что касается, наконецъ, тѣхъ литовско-славянскихъ непроизводныхъ глаголовъ съ основами наст. вр. на *e*/*a°*, которые въ формахъ новаго имперфекта имѣли въ корнѣ со слабымъ звуковымъ видомъ *ь* или *ъ* съ послѣдующею сонорною согласною (вѣроятно, слоговою) передъ согласн. изъ индоевроп. сочетаній «неслоговая ирраціональная гласная + слоговая сонорная согласная», то и въ нихъ существовали также образованія имперфекта съ *ā°*, не съ *ē*, въ суффиксѣ основы; отсюда въ литовскомъ языкѣ въ прош. вр. напр. kir̃to, pir̃ko, vil̃ko, liñdo, krim̃to и т. п. Въ общеславянскомъ языкѣ въ соотвѣтственныхъ глаголахъ съ плавною согласною въ корнѣ основа имперфекта по гласной корня отличалась отъ основы инфинитива (имѣвшей слабый звуковой видъ корня) и совпадала въ этомъ отношеніи съ основою наст. вр.; поэтому и здѣсь, какъ и въ указанныхъ выше случаяхъ подобнаго рода, имперфектъ получалъ въ суффиксѣ основы *ē* вмѣсто

---

1) Различіе между пѧти и литовск. pìnti («плести») такое-же, слѣдовательно, какъ напр. между чрѣсти, при наст. чрьтѫ, и литовск. kir̃sti или между млѣсти и литовск. mìlžti. Общесл. *pętī имѣло удареніе на конечной гласной, какъ показываетъ сербск. пе́ти, а изъ *pьn̥tī я ждалъ бы *pътī, подобно напр. *sътò изъ *sьn̥tò, сравн. лит. szim̃tas.

ā, напр. въ старослав. -врьзѣахъ (изъ текстовъ я не знаю этого образованія) при наст. -врьзѫ и инфинит. -врѣсти. Въ соотвѣтственныхъ по первоначальному происхожденію глаголахъ съ носовою согласною въ корнѣ общеславянскій языкъ не сохранялъ различія между сильнымъ и слабымъ звуковымъ видомъ корня и имѣлъ всюду, я думаю, сильный звуковой видъ корня (напр. въ старослав. блѧдѫ, блѧсти); поэтому въ суффиксѣ основы имперфекта являлось здѣсь общеслав. *ē* (*i͡e*). — Въ тѣхъ литовско-славянскихъ непроизводныхъ глаголахъ съ основами наст. вр. на *e*/*a*°, которые въ формахъ новаго имперфекта имѣли въ корнѣ долгую гласную (съ «длительною» долготою), суффиксъ основы имперфекта заключалъ въ себѣ частью *ē*, частью *ā*°. Въ старослав. языкѣ мы находимъ въ имперфектѣ этихъ глаголовъ только -ѣа-, т. е. старое *ē* въ суффиксѣ основы, напр. въ ѣдѣахъ, ꙗдѣахъ (различіе по отношенію къ начальному *ѣ* и ꙗ изъ *ѣ* діалектическое), крадѣахъ, живѣахъ (съ живѫ сравн. латинск. vīvo, др. индійск. ǧīvāmi), но въ литовскомъ языкѣ глаголы такого образованія имѣютъ въ прош. вр. въ однихъ случаяхъ *ė*, въ другихъ *o* въ суффиксѣ основы, напр. ė́dė (у Шлейхера ė́do), pŷlė и bė́go, sė́do. Я думаю, что различіе въ образованіи между литовскими основами прош. вр. ė́dė- и bė́go- зависѣло по происхожденію отъ бывшаго различія въ положеніи ударенія: въ литовск. bė́go- удареніе перенесено со втораго слога, не имѣвшаго длительной долготы въ гласной, на первый слогъ съ длительною долготою (отсюда нисходящее качество ударенія), а такое перенесеніе ударенія я вижу въ литовскомъ языкѣ и въ другихъ случаяхъ, и напр. въ формѣ наст. вр. bė́gu я также предполагаю старое удареніе на конечномъ слогѣ, сравн. русск. бѣгу́ и латышск. bȇgu, гдѣ прерывистая долгота гласной *ē* въ ея отношеніи къ литовскому нисходящему ударенію на *ė* въ bė́gu объясняется, по моему мнѣнію, именно этимъ путемъ.

На основаніи того, что въ литовско-славянскихъ образованіяхъ новаго имперфекта непроизводныхъ глаголовъ съ основами наст. вр. на *e*/*a*° при слабомъ звуковомъ видѣ корня въ им-

перфектѣ являлось въ суффиксѣ основы именно *ā°*, не *ē*, надо заключать, что это *ā°* имѣло на себѣ удареніе (слабый звуковой видъ корня полученъ былъ въ положеніи безъ ударенія); къ такому-же заключенію относительно ударенія на этомъ *ā°* приводятъ, какъ мы видѣли, и такія образованія литовскаго прош. вр. съ долгою гласною въ корнѣ, какъ bégo [1]). Слѣдовательно, различіе между литовско-славянскими *ā°* и *ē* въ суффиксѣ тѣхъ производныхъ глагольныхъ основъ, которыя вошли въ составъ новыхъ образованій имперфекта, связывалось съ различіемъ въ мѣстѣ ударенія: такія глагольныя основы на *ā°* имѣли удареніе на этомъ *ā°*, а основы на *ē* получены были съ удареніемъ на корнѣ (вслѣдствіе чего въ корняхъ, сохранявшихъ различіе между сильнымъ и слабымъ звуковымъ видомъ, здѣсь являлся сильный звуковой видъ); но въ эпоху распаденія литовско-славянскаго языка и въ этихъ основахъ съ *ē* удареніе должно было существовать на *ē* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ предшествовавшій слогъ, т. е. слогъ корня, не заключалъ въ себѣ длительной долготы, такъ какъ эти *ē* и *ā°* въ суффиксѣ основъ имѣли длительную долготу, а длительная долгота еще въ литовско-славянскомъ языкѣ переносила на себя удареніе съ предшествовавшаго слога, если послѣдній не имѣлъ самъ длительной долготы [2]): поэтому общеславянскій языкъ имѣлъ напр. *tečá́āχъ, откуда сербск. тѐча̄х, или поэтому въ общебалтійскомъ языкѣ существовало напр. *vedē̋ (знакъ ̋ для прерывистой долготы), какъ свидѣтельствуетъ прусское weddē [3]), между тѣмъ какъ въ литовскомъ vẽdė новое мѣсто ударенія.

---

1) Въ литовскомъ языкѣ основы прош. вр. на *o* являются и въ тѣхъ непроизводныхъ глаголахъ съ основами наст. вр. на *a* (изъ литовско-слав. *a°* при *e*), которые въ корнѣ имѣютъ дифтонгъ или дифтонгическое сочетаніе на сонорную согласную съ нисходящимъ удареніемъ, напр. въ прош. вр. áugo, kándo; и здѣсь я вывожу то-же заключеніе относительно стараго мѣста ударенія. Сравн. литовск. наст. вр. áugu при латышск. aũgu (какъ bégu при bẽgu).

2) Изъ этого-же фонетическаго закона, дѣйствовавшаго въ литовско-славянскомъ языкѣ, объясняется мѣсто ударенія напр. въ общеславянскомъ *vezǫ́ (русск. везу̑) и литовскомъ vežù, между тѣмъ какъ изъ индоевропейскаго языка получено было здѣсь удареніе на первомъ слогѣ.

3) См. Русскій Филологич. Вѣстникъ, т. XXXIII, стр. 284—285.

Въ послѣдней главѣ первой части: «Общіе выводы о залогахъ въ литовско-славянскомъ языкѣ» проф. Ульяновъ сперва опредѣляетъ формы глаголовъ «средняго залога» въ литовско-славянскомъ языкѣ, затѣмъ разсматриваетъ соотвѣтственныя формы въ греческомъ языкѣ, преимущественно у Гомера, и нѣкоторыя изъ такихъ формъ въ языкахъ латинскомъ и древнеиндійскомъ и, наконецъ, изъ сопоставленія фактовъ всѣхъ этихъ языковъ выводитъ нѣкоторыя заключенія относительно формъ глагольныхъ основъ въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ. Я не буду излагать здѣсь содержаніе этой главы, интересной по многимъ подробностямъ и показывающей вмѣстѣ съ тѣмъ хорошія лингвистическія знанія автора также и въ области другихъ индоевропейскихъ языковъ, не однихъ только балтійскихъ и славянскихъ, но я долженъ отмѣтить, въ чемъ именно я вижу главный, основной выводъ первой части изслѣдованія проф. Ульянова. Еще въ своей книгѣ «Основы настоящаго времени въ старославянскомъ и литовскомъ языкахъ», стр. 150 и слѣд., авторъ высказалъ вполнѣ вѣрное мнѣніе относительно тождества по образованію литовско-славянскихъ основъ на *ē* въ такихъ глаголахъ, какъ литовск. sėdėti, старослав. сѣдѣти, съ греческими основами на η (*ē* общегреческое) въ формахъ такъ-называемаго страдательнаго аориста, напр. въ ερρύην, ἐχάρην и т. п. При этомъ тогда-же проф. Ульяновъ замѣтилъ, что «аналогія этихъ греческихъ основъ на η съ литовско-славянскими на *ē* подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ греческомъ языкѣ, какъ и въ старославянскомъ и литовскомъ языкахъ, при этихъ основахъ въ формахъ ненастоящаго времени мы находимъ часто параллельныя основы на *i̯o/i̯e* въ формахъ наст. времени; ср. ἐφάνην: φαίνω, φαίνομαι; ἐχάρην: χαίρω; ἐρρύην: гесіод. ῥείω; ἐκάην: καίω: ἐτύπην: τύπτω [1]); ἐσφάγην: σφάζω и нѣкоторые другіе случаи». Объ этой связи литовско-славянскихъ основъ на нѣ-

---

1) Примѣръ «ἐτύπην: τύπτω» я бы исключилъ, такъ какъ въ τύπτω основа во всякомъ случаѣ не на *i̯o/i̯e*.

когда бывшее *i̯e* въ наст. вр. и на *ē* въ инфинитивѣ съ греческими основами на *i̯o/i̯e* въ наст. вр. и на *η* въ аористѣ авторъ говоритъ и въ разбираемомъ мною сочиненіи и указываетъ на то, что значеніе такихъ греческихъ основъ аориста образовалось изъ того значенія, которое представляютъ и литовско-славянскія основы на *ē*, а по отношенію къ греческимъ глаголамъ съ основами наст. вр. на *i̯o/i̯e* онъ отмѣчаетъ существованіе въ нихъ значенія состоянія (по автору, значенія «средняго залога») во многихъ и изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ такіе глаголы не сохранили формы аориста на ην; вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ обращаетъ вниманіе и на то обстоятельство, что греческіе глаголы съ основами наст. вр. на *i̯o/i̯e* имѣли также и значеніе фактитивное, и сопоставляетъ случаи этого рода съ существованіемъ фактитивнаго значенія въ нѣкоторыхъ балтійскихъ и славянскихъ глаголахъ съ основами наст. вр. на нѣкогда бывшее *i̯e* [1]).

Такимъ образомъ при посредствѣ сопоставленія указанныхъ литовско-славянскихъ глагольныхъ основъ съ греческими проф. Ульяновъ открываетъ тотъ важный фактъ, что чередованіе литовско-славянскихъ основъ ненастоящ. вр. на *ē* съ основами наст. вр. на индоевроп. *i̯a*$^{e/o}$ въ спряженіи однихъ и тѣхъ-же глаголовъ получено изъ общаго индоевропейскаго языка, гдѣ такія основы

1) Я думаю (не соглашаясь съ авторомъ), что и въ греческомъ языкѣ глаголы съ основами наст. вр. на *i̯o/i̯e*, получившіе фактитивное значеніе, были извлечены изъ формы medium'а глаголовъ съ тѣми-же основами, сохранявшими значеніе состоянія, а форма medium'а являлась въ такихъ глаголахъ по аналогіи съ другими глаголами, имѣвшими въ этой формѣ непереходное значеніе; сравн. сказанное мною выше относительно славянскихъ врьтѣти, вертѣть и мъчати, мчать. Напр. μαίνω съ фактитивнымъ значеніемъ представляетъ собою болѣе новое образованіе сравнительно съ μαίνομαι, а въ μαίνομαι форма medium'а явилась (можетъ быть, въ эпоху очень древнюю) подъ вліяніемъ какихъ-то глаголовъ, имѣвшихъ въ этой формѣ непереходное значеніе (изъ возвратнаго значенія). Чередованіе основъ μαινο- | μαινε-, изъ μανi̯ο- | μανi̯ε-, съ основою μανη- въ ἐμάνην интересно, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что эти основы по происхожденію тождественны со старослав. основами мьни- : мьнѣ- и литовскими mini- (діалектич.): minė-, хотя и представляютъ извѣстное различіе въ неграмматическомъ значеніи; см. Бругмана Grundriss II, стр. 1064.

на $\bar{a}^e$ (лит.-слав. $\bar{e}$) являлись именно въ аористѣ; при этомъ значенія греческихъ основъ, въ особенности основъ на η, въ сопоставленіи съ значеніями соотвѣтственныхъ литовско-славянскихъ основъ свидѣтельствуютъ, что еще въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ образованіе такихъ основъ представляло собою словообразовательную форму глаголовъ состоянія. Въ настоящее время подобный-же выводъ мы находимъ у Бругмана въ Grundriss, II, § 708 (эта часть сочиненія Бругмана вышла въ свѣтъ въ 1892 г., т. е. послѣ книги проф. Ульянова), но Бругманъ опредѣляетъ значеніе индоевропейскихъ глагольныхъ основъ такого образованія какъ главнымъ образомъ непереходное, между тѣмъ какъ проф. Ульяновъ видитъ здѣсь, какъ мы знаемъ, значеніе состоянія, и въ этомъ онъ правъ, конечно, такъ какъ на это значеніе указываетъ чередованіе такихъ основъ съ основами глаголовъ съ фактитивнымъ значеніемъ въ балтійскихъ языкахъ (а это чередованіе по самому образованію основъ должно было быть получено изъ общаго индоевропейскаго языка), и изъ этого значенія ближайшимъ образомъ объясняется значеніе греческихъ основъ аориста на η, а также и древнеиндійскихъ основъ наст. вр. страдательной формы на *ya* (т. е. древнеиндійск. *i̯a*). Авторъ не извлекъ, мнѣ кажется, изъ древнеиндійскаго языка всѣхъ тѣхъ указаній, какія этотъ языкъ можетъ дать относительно индоевроп. основъ наст. вр. на $i̯a^{e/o}$ и на $ja^{e/o}$. Совершенно вѣрно мнѣніе проф. Ульянова касательно того, что въ древнеиндійскомъ языкѣ глаголы съ индоевропейскими основами наст. вр. на $i̯a^{e/o}$ и на $ja^{e/o}$ смѣшались, но отсюда вовсе не слѣдуетъ выставляемое авторомъ положеніе, будто различіе между древнеиндійскими страдательными глаголами и глаголами 4-го класса «какъ со стороны формальной (удареніе и медіальные аффиксы), такъ и со стороны значенія установилось опредѣленно въ отдѣльной жизни, вѣроятно, самого др.-индійскаго языка; отчасти это различіе могло являться, можетъ быть, и въ индо-иранскомъ» (стр. 283). Извѣстное различіе въ самомъ образованіи тѣхъ и другихъ глаголовъ получено, конечно, изъ общаго индоевропейскаго

языка: древнеиндійскія основы на *ya* съ нѣкогда сильнымъ звуковымъ корня, имѣвшаго на себѣ удареніе, восходятъ къ индоевроп. основамъ на $ja^{e/o}$, а древнеиндійскія основы на *yá* со старымъ слабымъ звуковымъ видомъ корня образовались изъ индоевропейскихъ основъ на $\underset{\circ}{i}a^{e/o}$; тотъ фактъ, что въ древнеиндійскомъ языкѣ страдательное значеніе соединилось именно съ основами на *yá*, т. е. на индоевроп. $\underset{\circ}{i}a^{e/o}$, въ связи со свидѣтельствомъ литовско-славянскаго языка и частью греческаго не можетъ не указывать на то, что въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ съ образованіемъ основъ наст. вр. на $\underset{\circ}{i}a^{e/o}$ соединялось именно значеніе состоянія. Но древнеиндійскій языкъ даетъ и другое важное указаніе. Смѣшеніе въ древнеиндійскомъ языкѣ глаголовъ съ индоевроп. основами на $ja^{e/o}$ и на $\underset{\circ}{i}a^{e/o}$ (хотя извѣстное различіе въ самомъ образованіи тѣхъ и другихъ основъ сохранялось) заставляетъ думать, что тѣ и другіе глаголы были получены въ соотношеніи ихъ между собою по значеніямъ, а соотношеніе между собою тѣхъ и другихъ основъ какъ заключающихъ въ себѣ словообразовательныя формы глаголовъ состоянія и глаголовъ фактитивныхъ засвидѣтельствовано, мы видѣли, балтійскими языками, главнымъ образомъ литовскимъ языкомъ. Поэтому въ фактахъ древнеиндійскаго языка я вижу подтвержденіе для того мнѣнія, какое я высказалъ выше по поводу литовскихъ основъ: въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ основы наст. вр. на $\underset{\circ}{i}a^{e/o}$ (и, слѣдовательно, основы аориста на $\bar{a}^{e}$) заключали въ себѣ словообразовательную форму глаголовъ состоянія по соотношенію именно съ основами наст. вр. на $ja^{e/o}$, представлявшими словообразовательную форму глаголовъ фактитивныхъ.

Еще нѣсколько словъ по поводу предполагаемыхъ авторомъ индоевропейскихъ основъ аориста на $\bar{a}^{o}$ въ глаголахъ «средняго залога», при основахъ на $\bar{a}^{e}$. Я говорилъ уже, что положеніе автора относительно существованія въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ старыхъ основъ на литовско-славянское $\bar{a}^{o}$ (у автора $\bar{a}$) изъ индоевроп. $\bar{a}^{a}$ въ качествѣ словообразовательной формы гла-

головъ состоянія не представляется мнѣ доказаннымъ; интересно то, что и въ греческомъ языкѣ проф. Ульяновъ не находитъ такихъ основъ, по крайней мѣрѣ несомнѣнныхъ, хотя и дѣлаетъ попытки открыть ихъ (стр. 234 и слѣд.). Неосновательно предположеніе автора, будто «въ формахъ ед. ч. ἐγήρᾰν, -ᾰς, -ᾰ [1]), быть можетъ, слѣдуетъ принимать ᾰ какъ результатъ фонетическаго сокращенія ᾱ въ конечныхъ слогахъ въ самомъ греческомъ языкѣ»; «аналогію для этого явленія», продолжаетъ проф. Ульяновъ, «могутъ представлять формы какъ δός, θές (изъ *δως, *θης)» и ссылается въ примѣчаніи къ этому мѣсту на мое мнѣніе (извѣстное ему изъ лекцій) относительно фонетическаго сокращенія долгой гласной въ δός, θές (стр. 239). Автору слѣдовало бы, однако, точнѣе привести это мнѣніе. Я сближалъ греческія δός и θές съ древнеиндійскими dās и dhās (въ формѣ сослагательнаго наклоненія), которыя имѣли въ ведійскомъ нарѣчіи *ā* распадавшееся на два слога, что̀ указываетъ на индоевропейскую прерывистую долготу гласной (а долгая гласная здѣсь изъ соединенія двухъ гласныхъ), и высказывалъ предположеніе, не сокращалась ли въ греческомъ языкѣ прерывистая долгота отдѣльныхъ долгихъ гласныхъ (не въ дифтонгахъ и не въ дифтонгич. сочетаніяхъ) по крайней мѣрѣ въ конечномъ слогѣ словъ; при этомъ я имѣлъ въ виду и то, что при такомъ-же предположеніи объяснялась бы краткость α въ именит.-винит. пад. множ. ч. средн. р. ζυγᾰ̆ (допускать здѣсь какое-нибудь вліяніе со стороны именъ съ основами на согласныя я никакъ не могу). Но для предполагаемыхъ авторомъ индоевропейскихъ основъ аориста на $\bar{a}^a$ въ глаголахъ «средняго залога» нѣтъ никакого основанія опредѣлять долготу этой гласной какъ прерывистую; сравн. длительную долготу въ индоевроп. $\bar{a}^e$ (литовск. ė) въ основахъ аориста, а также и то обстоятельство, что литовскія глагольныя основы, принимаемыя авторомъ (хотя и невѣрно) за старыя основы аориста на индоевроп. $\bar{a}^a$ въ глаголахъ «средняго залога», свидѣтель-

---

1) Въ дѣйствительности извѣстно только ἐγήρᾰ (сравн. у автора стр. 235).

ствуютъ о происхожденіи здѣсь литовскаго *o* (съ нисходящимъ удареніемъ, напр. въ инфинитивѣ на -óti) изъ индоевроп. $\bar{a}^a$ съ долготою не прерывистою, но длительною.

II.

Вторая часть изслѣдованія проф. Ульянова: «Основы, обозначающія различія по видамъ» даетъ гораздо болѣе того, что обѣщаетъ ея заглавіе, и представляется мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе обработанною сравнительно съ первою частью. Въ связи съ балтійскими и славянскими основами, обозначающими различія по видамъ, здѣсь разсматриваются въ тѣхъ-же языкахъ глагольныя формы отъ основъ съ извѣстными видовыми различіями, в въ послѣдней, очень большой главѣ, посвященной вопросу о происхожденіи видовыхъ различій въ литовско-славянскомъ глаголѣ, авторъ, указывая на соотвѣтственные факты другихъ индоевропейскихъ языковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ останавливается и на различныхъ формахъ времени и наклоненія общаго индоевропейскаго языка въ ихъ значеніяхъ и происхожденіи, а именно онъ говоритъ здѣсь объ индоевропейскомъ аористѣ въ его различныхъ значеніяхъ, о происхожденіи индоевропейской формы будущаго времени (въ связи съ происхожденіемъ формы сигматическаго аориста) и о различіяхъ въ образованіи и значеніи индоевропейскихъ формъ инъюнктива. Общій планъ изложенія во второй части изслѣдованія проф. Ульянова тотъ-же, что и въ первой части, т. е. и здѣсь авторъ въ первой главѣ говоритъ о балтійскихъ языкахъ, во второй — о славянскихъ, а третья глава заключаетъ въ себѣ общіе выводы о видовыхъ значеніяхъ въ литовско-славянскомъ языкѣ. Только въ одномъ отношеніи авторъ измѣняетъ здѣсь прежній планъ изложенія, а именно во второй части онъ разсматриваетъ факты обоихъ балтійскихъ языковъ вмѣстѣ, точно такъ-же какъ вмѣстѣ излагаются здѣсь и факты

четырехъ славянскихъ языковъ, что̀ устраняетъ неизбѣжныя иначе повторенія. Къ сожалѣнію, и во второй части, какъ и въ первой, проф. Ульяновъ не предпосылаетъ въ началѣ никакого вступленія, въ которомъ были бы опредѣлены въ общихъ чертахъ факты, составляющіе предметъ дальнѣйшаго изслѣдованія, а по отношенію къ различіямъ въ «видѣ» предварительное общее опредѣленіе являлось бы тѣмъ болѣе важнымъ, что въ значеніи вида и въ балтійскихъ и въ славянскихъ языкахъ различаются въ свою очередь совершенно разнородныя значенія, не соотносительныя между собою, при чемъ значеніе вида можетъ принадлежать не только грамматическимъ образованіямъ глагольныхъ основъ (формы вида), но и образованіямъ неграмматическимъ.

Я остановлюсь на первой и на второй главѣ. Первая глава: «Основы балтійскихъ языковъ» начинается съ отдѣла: «Основы, обозначающія кратность»; здѣсь въ первомъ параграфѣ авторъ разсматриваетъ въ примѣрахъ различныя образованія такихъ балтійскихъ основъ, а во второмъ параграфѣ онъ опредѣляетъ извѣстныя различія въ значеніи кратности въ балтійскихъ языкахъ и поясняетъ эти различія на разборѣ примѣровъ. Въ балтійскихъ глагольныхъ основахъ, обозначающихъ кратность, проф. Ульяновъ различаетъ: А) основы, обозначающія «кратность правильную», т. е., какъ опредѣляетъ авторъ, «непрерывную смѣну времени признака», и В) основы, обозначающія «кратность неправильную», т. е. «непрерывную смѣну времени признака»; въ основахъ А) въ свою очередь различаются, по мнѣнію автора: а) основы, обозначающія «сложное время» признака, т. е. «непрерывную повторяемость длительнаго времени признака», b) основы, обозначающія «сложно-составное время» признака, т. е. «повторяемость недлительнаго цѣльнаго времени признака» и с) основы, обозначающія «составное время» признака, т. е. «повторяемость отдѣльнаго момента цѣльнаго времени». Эта классификація значеній кратности является, однако, излишнею по отношенію къ фактамъ балтійскихъ языковъ, такъ какъ въ дѣйствительности здѣсь существуютъ, я думаю, только тѣ основы,

обозначающія въ признакѣ кратность, которыя авторъ относитъ къ основамъ А. а., т. е. къ основамъ, обозначающимъ такъ-называемое имъ «сложное время» признака. Основы В., обозначающія «кратность неправильную», проф. Ульяновъ находитъ въ такихъ литовскихъ образованіяхъ, какъ sùkdavau, sùkdavęs (въ латышскомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтственныхъ образованій), т. е. въ той формѣ прошедшаго времени, которую Куршатъ называетъ «Gewohnheitsimperfectum» (у Шлейхера здѣсь неточный терминъ: «имперфектъ»). Въ этой формѣ, однако, вовсе нѣтъ вида кратности въ основѣ, такъ какъ здѣсь обозначается не повторяемость самого признака, обозначеннаго въ глагольной основѣ, но повторяемость или даже обычная повторяемость сочетанія даннаго признака съ извѣстнымъ субъектомъ по отношенію къ отдѣльнымъ временамъ въ прошломъ, т. е. эта форма не есть форма какого-либо вида, но особая форма прошедшаго времени, именно форма кратнаго прошедшаго времени. Отсутствіе значенія вида въ такихъ образованіяхъ ясно опредѣляется изъ того факта, что эти основы на *davo* существуютъ лишь въ формѣ прош. вр. глагола и причастія (въ причастіи форма времени вообще имѣетъ свое особое значеніе, какъ я замѣтилъ выше) и даже не переносятся въ инфинитивъ; съ другой стороны, существованіе образованій на *davo* и отъ основъ, имѣющихъ уже форму кратнаго вида, напр. въ mětydavos, также возможно лишь вслѣдствіе того, что образованія на *davo* сами не принадлежатъ къ образованіямъ вида. По мнѣнію автора, въ такихъ случаяхъ, какъ mětydavos, являются основы «сложно-кратныя» (стр. 22); но что-же такое эти «сложно-кратныя» основы, которымъ приходится обозначать, слѣдовательно, непрерывную повторяемость непрерывно повторяющагося признака?! Относительно значенія формъ типа sùkdavo, sùkdavęs авторъ, признавая здѣсь форму вида, думаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что значеніе «обычности» или «постоянства» въ повтореніи [1]), которое приписываютъ Кур-

---

1) Но не «въ повтореніи признака», какъ сказано у автора; ни Куршатъ,

шатъ и Шлейхеръ такому литовскому прошедшему времени, не является необходимымъ въ этой формѣ, а когда это «побочное» значеніе и является здѣсь, оно «не выражается самой основой этой формы, но опредѣляется значеніемъ цѣлаго словосочетанія» (стр. 12). Однако, значеніе обычности, дѣйствительно, существуетъ здѣсь въ самой формѣ, и напр. отдѣльное слово sùkdavo понимается именно съ этимъ оттѣнкомъ въ значеніи («вертѣлъ, крутилъ обыкновенно»), хотя мы при переводѣ извѣстныхъ словосочетаній, въ составъ которыхъ входитъ глаголъ въ такой формѣ, не можемъ передавать точно это значеніе.

Основы А. Ь., т. е. основы, обозначающія такъ-называемое авторомъ «сложно-составное время» признака, существуютъ, по его мнѣнію, въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ въ извѣстныхъ случаяхъ въ сложныхъ основахъ, заключающихъ въ себѣ приставку pa-, хотя обыкновенно pa- вноситъ другія значенія Проф. Ульяновъ замѣчаетъ при этомъ, что для литовскаго языка ни Шлейхеръ, ни Куршатъ не указываютъ совсѣмъ основъ съ pa- въ значеніи кратнаго вида, точно такъ-же какъ и для латышскаго языка онъ не находитъ указаній на такое значеніе pa-. Но и въ тѣхъ примѣрахъ, какіе даны у автора, я не вижу случаевъ, гдѣ требовалось бы значеніе кратности. Разсмотрю здѣсь литовскіе примѣры (стр. 6). Въ palója (по автору, «полаиваетъ») въ данномъ мѣстѣ изъ сборника пѣсенъ Юшкевича нѣтъ значенія дѣйствительнаго настоящаго времени [1]), а по смыслу здѣсь можно ждать скорѣе форму прош. вр. (сравн. далѣе mëgójei); я думаю, что вмѣсто palója (и dabója) надо читать palóju = palójo (и dabóju = dabójo) «пролаяла». Тоже должно быть замѣчено и относительно paszalnója (по автору, «померзаютъ») изъ сборника Юшкевича (Ej szála, szála Ir pa-

---

ни Шлейхеръ не могли имѣть въ виду повтореніе самого признака, такъ какъ оба они опредѣляли форму типа sùkdavo исключительно какъ извѣстную форму времени.

1) Слѣдовательно, въ этомъ palója могла бы быть и форма наст. вр. совершеннаго вида.

szalnója Daržė žálios rutélės); и здѣсь нѣтъ значенія дѣйствительнаго настоящаго времени, а на форму прош. вр., т. е. на paszalnóju = paszalnójo вмѣсто paszalnója, а также на szálu=szálo вмѣсто szála [1]), могутъ указывать параллельныя мѣста, напр. въ пѣснѣ № 752 изъ того-же сборника (Ej szálu, szálu O ir paszálu Daržė žálios rutužėlės). Въ стихѣ: Nors áusti ji ne móka, Bilė gražčj paszóka я вижу въ paszóka (у автора «поплясываетъ») форму наст. вр. совершеннаго вида и понимаю здѣсь paszóka въ значеніи «можетъ, способна проплясать» (см. у автора подобные примѣры употребленія глаголовъ въ формѣ наст. вр. соверш. вида на стр. 68 и слѣд.); сравн. предшествующее ne móka по отношенію къ áusti. Въ parùcziama, pamùszama, pavažiũjąs, pasìszneka въ указанныхъ у автора мѣстахъ нѣтъ значенія дѣйствительнаго настоящаго времени, и ничто не мѣшаетъ видѣть здѣсь формы совершеннаго вида. Parúpi изъ пѣсни въ сборникѣ Бецценбергера «Litauische Forschungen» № 58 не вполнѣ ясно (у Бецценбергера опечатка: parúpí), но я думаю, что это форма прош. вр., т. е. = parupė́, изъ parupė́jo (см. тамъ-же *у* вмѣсто *е* въ pagynė́su), такъ какъ я не ждалъ бы формы на *і* въ наст. вр. въ данномъ говорѣ и такъ какъ этотъ глаголъ въ сложеніи съ pa- употребляется, повидимому, именно въ прош. вр. (см. словарь Куршата). Для pàganau въ данномъ мѣстѣ значеніе «попасываю» не подходитъ по общему смыслу этого мѣста; употребленіе здѣсь наст. вр. соверш. вида съ значеніемъ близкимъ къ значенію будущ. вр. однородно съ тѣми случаями, о которыхъ говоритъ авторъ на стр. 72, b) (сравн. напр. pasakaũ въ примѣрѣ у автора) [2]). Также и въ padė́kavoju въ указанномъ мѣстѣ можно

---

1) Въ формѣ наст. вр. этого глагола въ данномъ говорѣ можно ждать sząnlu (въ 1-мъ л.), но глаголъ szalu, съ краткимъ *a* безъ стараго ударенія (т. е. не изъ *a* носоваго), дѣйствительно, существуетъ въ говорахъ, по крайней мѣрѣ въ жемайтскихъ.

2) Это значеніе есть именно значеніе существующей въ настоящее время готовности сочетанія признака съ извѣстнымъ субъектомъ; при такомъ упо-

видѣть такое-же употребленіе глагола въ наст. вр. соверш. вида. Pàkreikę и самъ авторъ приводитъ съ вопросительнымъ знакомъ; и дѣйствительно, трудно сомнѣваться въ томъ, что здѣсь является форма прош. вр. соверш. вида. Въ pagedáuja «тоскуетъ», изъ сборника Юшкевича, утрачено всякое значеніе въ pa-, такъ какъ простой глаголъ, безъ pa-, кажется, не употребляется. Что касается такихъ случаевъ, какъ paláisczіau «поливала», pawaikszczioiu «pochadzam sobie» (изъ словаря Ширвида), то авторъ самъ признаетъ, что они ничего не доказываютъ, такъ какъ въ соединеніи съ глаголами, уже имѣющими значеніе кратнаго вида, приставка pa-, «повидимому, не измѣняетъ значенія кратной основы». Глаголъ pasiklonioju надо исключить и потому, что pasiklõnioju, какъ и klõniojûs, — слова, заимствованныя изъ славянскихъ языковъ (кланяюсь, покланяюсь).

Основы А. с., обозначающія «составное время» признака, т. е. извѣстнаго рода кратность, проф. Ульяновъ находитъ въ литовскихъ глаголахъ на *-teriu*, *-terëti* и *-teliu*, *-telëti* и въ латышскихъ глаголахъ на *-erēt*, *-elēt*, хотя на этихъ латышскихъ глаголахъ авторъ не останавливается. Мнѣніе проф. Ульянова относительно извѣстнаго рода кратнаго значенія литовскихъ глаголовъ на *-terëti* и *-telëti* основано на какомъ-то недоразумѣніи; въ дѣйствительности такіе литовскіе глаголы принадлежатъ къ тому классу, который Куршатъ называетъ «Punctiva», и обозначаютъ, по опредѣленію Куршата, «ein kurzes einmaliges Geschehen» или «kurz und leicht abgebrochen etwas thun», т. е. соотвѣтствуютъ въ значительной степени нашимъ «моментальнымъ» глаголамъ (напр. махнуть, хлопнуть), хотя и отличаются отъ послѣднихъ присутствіемъ деминутивнаго значенія, а также отсутствіемъ значенія совершеннаго вида. Авторъ самъ замѣ-

---

требленіи форма наст. вр. отъ основы соверш. вида есть, слѣдовательно, форма дѣйствительнаго наст. вр. (что не отмѣчено авторомъ), но только при этомъ вносится въ форму наст. вр. новое значеніе.

чаетъ (стр. 17), что эти литовскія глагольныя основы, «кромѣ указаннаго значенія», т. е. значенія извѣстной кратности, «представляютъ еще другое, которое можно бы было назвать значеніемъ однократности» (точнѣе, однако, оно можетъ быть называемо значеніемъ «моментальнымъ», на что указываетъ и авторъ далѣе, стр. 57, по поводу однородныхъ случаевъ); я не вполнѣ понимаю изъ дальнѣйшаго разсужденія проф. Ульянова (стр. 18), какъ именно связываются на его взглядъ оба эти значенія въ такихъ литовскихъ основахъ, но не считаю нужнымъ останавливаться на этомъ вопросѣ по тому самому, что кратнаго значенія эти основы вовсе не имѣютъ. Авторъ для подтвержденія своего мнѣнія о кратномъ значеніи такихъ основъ беретъ прежде всего слѣдующій примѣръ изъ сказки, напечатанной Бругманомъ (въ сборникѣ литовскихъ пѣсенъ и сказокъ Лескина и Бругмана, стр. 175): maskólius móstelie (у Бругмана móstele, такъ какъ *l* у него обозначаетъ мягкое *l*, т. е. въ данномъ случаѣ соотвѣтствуетъ написанію *li* у проф. Ульянова) su lazdà ir pasákė; «здѣсь», говоритъ проф. Ульяновъ (стр. 16), «móstelie значитъ или «постукиваетъ» (по Бругману), или «помахиваетъ» (ср. слов. Куршата)», но это не вѣрно, такъ какъ ни Куршатъ, ни Бругманъ не говорятъ о кратномъ значеніи такихъ глаголовъ, и въ переводѣ этой сказки у Бругмана móstele su lazdà въ данномъ мѣстѣ передано по-нѣмецки: «schwippte mit dem Stecken ein bischen»[1]). Я не могу сомнѣваться въ томъ, что móstele у Бругмана (т. е. móstelie въ правописаніи проф. Ульянова) въ этомъ мѣстѣ литовскаго текста представляетъ собою или опечатку, или описку, вмѣсто móstelė (прош. вр.) «махнулъ слегка», на что указываетъ и соединеніе этого слова съ pasákė; сравн. выше въ той-же сказкѣ móstelė su lazdà. Правда, Бругманъ приводитъ móstele изъ этой сказки и въ описаніи годлевскаго нарѣчія, стр.

---

1) Въ описаніи годлевскаго нарѣчія, стр. 314, Бругманъ, указывая на различныя формы этого глагола, переводитъ его такъ: «mit einem Stock u. dgl. in der Luft hin und herfahren, fuchteln».

314, но это móstelė — единственный случай формы наст. вр. глаголовъ съ такимъ образованіемъ основы, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ указанныхъ здѣсь случаяхъ употребленія этихъ глаголовъ въ годлевскихъ сказкахъ и пѣсняхъ является форма или прош. вр. (между прочимъ, три раза móstelė), или будущ. вр., или повелит. наклон., а это обстоятельство опять таки заставляетъ думать, что вмѣсто единичнаго móstele надо читать móstelė. Глаголы на *-teliu*, *-teriu* очень рѣдко, кажется, употребляются въ литовскомъ языкѣ въ формѣ наст. вр., при чемъ вслѣдствіе присутствія въ такихъ основахъ моментальнаго значенія форма наст. вр. такихъ глаголовъ не имѣетъ значенія дѣйствительнаго настоящаго времени. И въ другихъ примѣрахъ, указанныхъ проф. Ульяновымъ для глаголовъ на *-teriu*, *-teliu*, нѣтъ кратнаго значенія, т. е. и въ другихъ примѣрахъ является также деминутивно-моментальное значеніе; напр. lyžtelėjo значитъ «лизнула немножко» (корова). Относительно «моментальнаго» значенія этихъ литовскихъ основъ надо замѣтить, что оно вообще не есть какое-либо «видовое» значеніе, т. е., что при этомъ значеніи не обозначается какое-либо различіе во времени признака. Словообразовательную форму съ моментальнымъ значеніемъ, образующую особый грамматическій классъ «моментальныхъ» глаголовъ, получаютъ основы, имѣющія извѣстнаго рода неграмматическое значеніе, а именно обозначающія такъ-называемые авторомъ «составные» признаки, т. е. такія явленія, которыя разлагаются на отдѣльныя тождественныя явленія, слѣдующія непосредственно одно за другимъ; формою «моментальности» этихъ основъ обозначается въ данномъ признакѣ отдѣльный «моментъ» какъ отдѣльная составная часть такого явленія (сравн. въ русскомъ языкѣ напр. махнуть по отношенію къ махать). Понятно, что и оттѣнокъ деминутивнаго значенія въ этихъ литовскихъ основахъ не имѣетъ ничего общаго съ «видовыми» значеніями, такъ какъ при деминутивномъ значеніи обозначается извѣстное различіе въ степени проявленія признака (слабая степень проявленія признака); деминутивное зна-

ченіе можетъ соединяться въ литовскомъ языкѣ и съ кратнымъ значеніемъ въ извѣстныхъ образованіяхъ кратнаго вида, напр. нерѣдко въ кратныхъ глаголахъ на *-inėti* (срав. у автора стр. 23).—Латышскіе глаголы на *-erēt*, *-elēt*, сопоставляемые проф. Ульяновымъ по значенію съ литовскими глаголами на *-terėti*, *-telėti*, Биленштейнъ (Die lettische Sprache I, 405 и 411) относитъ къ классу «Deminutiva» и помѣщаетъ ихъ здѣсь вмѣстѣ съ глаголами, имѣющими другія образованія основы, при чемъ замѣчаетъ, что нерѣдко въ классѣ «Deminutiva» являются глаголы кратнаго вида; я не вижу, однако, какихъ-либо различій въ самой кратности этихъ глаголовъ, представляющихъ различное образованіе основы, да и проф. Ульяновъ, хотя относитъ латышскіе глаголы на *-erēt*, *-elēt* къ глаголамъ, обозначающимъ кратность извѣстнаго рода, не доказываетъ, однако, своего мнѣнія, такъ какъ не останавливается на этихъ латышскихъ глаголахъ.

Второй отдѣлъ первой главы носитъ названіе: «Основы, обозначающія длительность». Въ главѣ о славянскихъ основахъ съ видовыми различіями нѣтъ соотвѣтственнаго отдѣла, да и въ балтійскихъ языкахъ авторъ находитъ такія основы только въ литовскомъ языкѣ, не въ латышскомъ, а именно онъ относитъ сюда литовскія основы съ приставкою be- и основы съ суффиксомъ *o* въ глаголахъ типа rýmau, rýmoti; timpsaũ, timpsóti. Ни въ тѣхъ, ни въ другихъ образованіяхъ нельзя, однако, признавать основы длительнаго вида, и я думаю, что и въ литовскомъ языкѣ вообще нѣтъ основъ длительнаго вида. Относительно литовскихъ глаголовъ типа rýmau, rýmoti; timpsaũ, timpsóti я уже говорилъ, что они образуютъ грамматическій классъ «интенсивно-длительныхъ» глаголовъ состоянія, находящійся въ связи съ грамматическимъ классомъ глаголовъ начинательнаго состоянія, при чемъ я пояснилъ, что различіе въ значеніи тѣхъ и другихъ глаголовъ не имѣетъ отношенія къ виду. Что же касается литовскихъ глагольныхъ образованій съ be- (напр. besė́d на стр. 27 «продолжаетъ сидѣть», beneszant jei ibid. «въ то

время какъ она несла»), то изъ нихъ вообще не могутъ быть извлекаемы основы съ приставкою be-, такъ какъ be- соединяется не съ основами, но съ глаголомъ или причастіемъ въ ихъ формахъ словоизмѣненія (поэтому нѣтъ такой приставки be- въ инфинитивѣ глагола). Приставка be- въ сочетаніи съ глаголомъ въ формахъ словоизмѣненія обозначаетъ не длительность или продолженность признака, обозначеннаго глагольною основою, но продолженность сочетанія этого признака съ извѣстнымъ субъектомъ; соотвѣтственно съ этимъ опредѣляется значеніе be- и въ соединеніи съ причастіями. Вслѣдствіе различія въ значеніи глаголовъ типа rýmoti, timpsóti и тѣхъ образованій, которыя заключаютъ въ себѣ приставку be- въ соединеніи съ формами словоизмѣненія глагола и причастія, та-же приставка съ тѣмъ-же значеніемъ можетъ соединяться, между прочимъ, и съ глаголами (или съ причастіями) типа rýmoti, timpsóti, напр. berýmojei; авторъ упоминаетъ объ этихъ случаяхъ (стр. 28), но для него они представляются вызванными вліяніемъ аналогіи со стороны тѣхъ образованій, гдѣ be- соединяется съ другими глаголами.

Въ третьемъ отдѣлѣ первой главы: «Основы сложныя» проф. Ульяновъ высказываетъ новый и, я думаю, вѣрный въ основаніи взглядъ на два рода литовскихъ и латышскихъ основъ, сложенныхъ съ приставками; онъ говоритъ, что здѣсь надо различать: «1) основы, сложенныя съ приставками, не отличающіяся по видовымъ значеніямъ отъ соотвѣтствующихъ простыхъ основъ, и 2) основы, сложенныя съ приставками, отличающіяся по видовымъ значеніямъ отъ соотвѣтствующихъ простыхъ основъ». Различіе между двумя этими родами литовскихъ и латышскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ (т. е. глагольныхъ основъ, сложенныхъ съ приставками) пояснено у автора, по моему мнѣнію, не вполнѣ удовлетворительно. Онъ говоритъ, что «основы 1-го рода получаются изъ простыхъ основъ посредствомъ сочетанія съ такими приставками, которыя измѣняютъ какимъ нибудь образомъ реальныя значенія простыхъ основъ; а именно, приставки

въ основахъ этого рода выражаютъ тѣ различія въ глагольныхъ признакахъ, которыя обусловливаются различными отношеніями ихъ къ объектамъ или субъектамъ» (стр. 29). «Основы 2-го рода», по словамъ автора, «получаются изъ простыхъ основъ посредствомъ сочетанія съ такими приставками, которыя, не измѣняя реальныхъ значеній простыхъ основъ, измѣняютъ ихъ видовыя значенія» (стр. 30); приставки съ такимъ значеніемъ, а самою обыкновенною изъ нихъ является ра-, авторъ называетъ приставками «чисто формальными». Здѣсь неясность кроется прежде всего въ томъ, что «видовыя» значенія простыхъ основъ, измѣняемыя приставками въ сложныхъ основахъ 2-го рода, проф. Ульяновъ совершенно отдѣляетъ отъ реальныхъ значеній основъ, что̀ даетъ поводъ думать, будто «видовыя» значенія простыхъ основъ, измѣняемыя приставками, являются сами значеніями грамматическими, т. е. такими, которыя внесены грамматическими формами, но вѣдь въ дѣйствительности простыя основы, соединяющіяся съ приставками, въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ сами или вовсе не имѣютъ какой либо формы вида, или имѣютъ форму вида кратнаго, которая, однако, остается безразличною для значенія сложныхъ основъ 2-го рода, такъ какъ приставки измѣняютъ здѣсь значенія простыхъ основъ не по отношенію къ кратности. Слѣдовательно, то, что авторъ называетъ «видовымъ» значеніемъ простыхъ основъ, измѣняемымъ приставками въ сложныхъ основахъ 2-го рода, существуетъ въ самомъ реальномъ (неграмматическомъ) значеніи основъ какъ составная часть этого значенія; вѣдь реальное (неграмматическое) значеніе глагольныхъ основъ и состоитъ въ томъ, что такія основы обозначаютъ признаки во времени, и вотъ это время признака, въ которомъ обозначаются извѣстныя различія приставками сложныхъ основъ 2-го рода, авторъ и называетъ «видовыми» значеніями простыхъ основъ (что̀, конечно, не точно, какъ скоро въ простыхъ основахъ не обозначаются какія либо различія, какіе либо виды въ этомъ времени). Поэтому нѣтъ основанія опредѣлять приставки въ этихъ основахъ какъ приставки чисто фор-

мальныя, въ отличіе отъ приставокъ въ сложныхъ основахъ 1-го рода; что значитъ здѣсь терминъ «чисто формальныя»? Авторъ какъ будто представляетъ себѣ, что литовскія и латышскія сложныя основы 2-го рода принадлежатъ по ихъ образованію, т. е. по существующему въ нихъ соединенію приставки съ основою, къ грамматическимъ фактамъ языка и заключаютъ въ себѣ, слѣдовательно, грамматическую форму вида; но это — образованія вовсе не грамматическія (въ нихъ нѣтъ грамматической формы), а касаются они области грамматики потому, что представляютъ собою неграмматическія образованія въ грамматическихъ фактахъ языка, въ основахъ словъ. Въ этомъ-то обстоятельствѣ, т. е. въ неграмматическомъ характерѣ этихъ образованій, надо видѣть объясненіе того, почему мы до сихъ поръ имѣли такое смутное представленіе о значеніяхъ литовскихъ и латышскихъ основъ, сложенныхъ съ приставками; грамматика почти не говоритъ объ этихъ фактахъ, упоминаетъ объ нихъ лишь мимоходомъ.— Затѣмъ въ приведенномъ мною выше опредѣленіи двоякаго рода сложныхъ глагольныхъ основъ въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ есть и другая неточность. Въ сложныхъ основахъ 2-го рода приставки, по словамъ автора, «не измѣняя реальныхъ значеній основъ, измѣняютъ ихъ видовыя значенія», т. е. измѣняютъ значеніе времени признака (такой смыслъ, какъ я говорилъ, долженъ имѣть здѣсь терминъ «видовыя значенія»). Но изъ примѣровъ, указываемыхъ авторомъ для этихъ сложныхъ основъ, видно, что приставки, измѣняющія значеніе времени признака въ простыхъ основахъ, могутъ вмѣстѣ съ этимъ видовымъ значеніемъ вносить и другія значенія въ простыя основы; таковы напр. приставки во всѣхъ тѣхъ сложныхъ основахъ 2-го рода, которыя авторъ называетъ основами съ «суммарнымъ» значеніемъ (стр. 34 и слѣд.), да и самъ онъ признаетъ это относительно приставки nu-, обозначающей прекращеніе признака въ такихъ основахъ (стр. 39) [1]; или напр. въ сложныхъ основахъ

1) Я не нахожу, однако, такого значенія въ приставкѣ *nu*-; см. ниже.

2-го рода съ значеніями «перфективнымъ» и «результативнымъ» авторъ указываетъ на приставку pri- какъ сохраняющую «реальное» значеніе (стр. 47). Дѣйствительное различіе между двумя родами сложныхъ основъ въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ состоитъ, я думаю, въ томъ, что въ однѣхъ изъ нихъ, въ основахъ 1-го рода, приставки сохраняютъ «предложное» значеніе, т. е. въ этихъ сложныхъ основахъ приставки обозначаютъ различныя отношенія субъекта или объекта даннаго признака къ другимъ предметамъ, вещамъ (поэтому приведенное выше опредѣленіе проф. Ульянова я бы измѣнилъ), между тѣмъ какъ въ сложныхъ основахъ 2-го рода приставки обозначаютъ нѣчто во времени признака (значеніе видовое), или безъ всякаго другаго опредѣленія этого признака, или съ извѣстнымъ опредѣленіемъ этого признака при посредствѣ той-же приставки.

Итакъ, мнѣніе проф. Ульянова относительно двухъ родовъ сложныхъ глагольныхъ основъ въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ могло бы быть выражено, я думаю, слѣдующимъ образомъ: въ сложныхъ основахъ 1-го рода приставки, имѣющія здѣсь «предложное», значеніе, т. е. обозначающія отношенія субъектовъ или объектовъ признака, не измѣняютъ при этомъ значенія времени признака въ значеніи глагольной основы, а въ сложныхъ основахъ 2-го рода приставки, не обозначающія здѣсь отношеній субъектовъ или объектовъ признака, т. е. не имѣющія «предложнаго» значенія, измѣняютъ извѣстнымъ образомъ именно значеніе времени признака въ значеніи глагольной основы, при чемъ въ связи съ такимъ значеніемъ могутъ обозначать и другія различія въ самомъ признакѣ, и потому въ этомъ случаѣ получаются такія сложныя глагольныя основы, которыя по видовому значенію отличаются отъ соотвѣтственныхъ простыхъ глагольныхъ основъ. Эту мысль проф. Ульянова я считаю вѣрною и чрезвычайно важною для правильнаго пониманія литовскихъ и латышскихъ глагольныхъ основъ, сложенныхъ съ приставками; въ положеніи, выставленномъ проф. Ульяновымъ относительно двухъ родовъ сложныхъ основъ въ балтійскихъ языкахъ я при-

знаю поэтому крупную заслугу автора. До сихъ поръ на это существенное различіе въ сложныхъ глагольныхъ основахъ въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ не было указаній въ лингвистической литературѣ. Шлейхеръ довольно неопредѣленно говорилъ, что въ литовскомъ языкѣ «нерѣдко» соединеніе глагола съ предлогомъ (т. е. съ частицею тождественною по происхожденію съ предлогомъ) служитъ для измѣненія значенія той длительности, какая существуетъ въ обозначенномъ глаголомъ дѣйствіи, въ значеніе законченности (Vollendung); при этомъ Шлейхеръ указывалъ на нѣкоторые примѣры и обращалъ вниманіе на то, что въ особенности часто является въ такомъ употребленіи pa- (Litauische Grammatik, стр. 138—139). Такимъ образомъ Шлейхеръ признавалъ, совершенно правильно, существованіе въ литовскомъ языкѣ, между прочимъ, такихъ глаголовъ, сложенныхъ съ предложными приставками, которые по ихъ отличію въ значеніи отъ соотвѣтственныхъ простыхъ глаголовъ однородны съ глаголами совершеннаго вида въ славянскихъ языкахъ (онъ самъ замѣчаетъ далѣе, что у славянъ существуетъ «dieselbe aussdruksweise»), но при этомъ онъ не опредѣлялъ тѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ появленіе такого значенія въ литовскихъ глаголахъ, сложенныхъ съ приставками; это опредѣленіе, впрочемъ, и не входило прямо въ задачи Шлейхера при изложеніи грамматики литовскаго языка, такъ какъ въ данномъ случаѣ самые факты не принадлежатъ къ грамматическимъ. Биленштейнъ при обзорѣ приставокъ, сложенныхъ съ глаголами въ латышскомъ языкѣ, указывалъ для различныхъ приставокъ, между прочимъ, и на такое употребленіе ихъ, при которомъ онѣ обозначаютъ законченность (Vollendung) дѣйствія, обозначаемаго глаголомъ (Die lettische Sprache I, стр. 462 и слѣд.). Ни Шлейхеръ, ни Биленштейнъ не сознавали такимъ образомъ присутствія въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ тѣхъ двухъ классовъ сложныхъ глагольныхъ основъ, о которыхъ говоритъ проф. Ульяновъ. Въ вопросъ о видовомъ значеніи литовскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ значительную неясность внесъ Куршатъ своими «результатив-

ными» глаголами (Resultativa). О литовскихъ результативныхъ глаголахъ онъ говорилъ сперва въ предисловіи къ нѣмецко-литовскому словарю, стр. XVI—XVII, а затѣмъ въ литовской грамматикѣ, § 463; терминъ «resultativ» въ примѣненіи къ глаголамъ мы находимъ у Куршата и въ его литовско-нѣмецкомъ словарѣ (вышедшемъ въ свѣтъ послѣ нѣмецко-литовскаго словаря и послѣ грамматики), но здѣсь такое названіе получаютъ только такіе глаголы, сложенные съ приставками, которые имѣютъ извѣстное значеніе совершеннаго вида, именно такъ-называемое мною (см. далѣе) результативное значеніе совершеннаго вида, между тѣмъ какъ по опредѣленію, данному въ предисловіи къ нѣмецко-литовскому словарю и въ литовской грамматикѣ, § 463, подъ результативными глаголами надо понимать вообще литовскіе сложные глаголы (т. е. глаголы, сложенные съ приставками) или, какъ говоритъ Куршатъ въ § 1149 грамматики, сложные глаголы обыкновенно (in der Regel) имѣютъ результативное значеніе. Напр. въ литовской грамматикѣ Куршата глаголъ iszgýdyti «вылѣчить» (съ результативнымъ значеніемъ совершеннаго вида по отношенію къ gýdyti «лѣчить») и įeĩti «входить» (безъ отличія въ видовомъ значеніи отъ eĩti «идти») называются одинаково глаголами результативными, но въ литовско-нѣмецкомъ словарѣ Куршата įeĩti, въ отличіе отъ iszgýdyti, не опредѣляется какъ результативный глаголъ. Въ литовской грамматикѣ, какъ и въ предисловіи къ нѣмецко-литовскому словарю, по отношенію къ такимъ глаголамъ, сложеннымъ въ приставками, какъ įeĩti, Куршатъ понималъ подъ результативностью ихъ то именно, что напр. įeĩti значитъ не «идти (eĩti) въ (į)», но «входить» и потому говорилъ: «Die Bedeutung der Verba composita setzt sich im Litauischen daher zusammen aus der Bedeutung des Verbums selbst, aus der der Präpos. und aus der des Erfolgs» (Gramm. d. litt. Spr. § 463). Съ этими случаями онъ считалъ однородными и такіе, какъ jìs jį̃ iszgýdė «онъ его вылѣчилъ» по отношенію къ jìs jį̃ gýdė «онъ его лѣчилъ», хотя въ дѣйствительности здѣсь значеніе предложной приставки уже не можетъ быть отдѣляемо отъ того значенія,

которое Куршатъ называетъ значеніемъ «послѣдствія» (Erfolg). Такимъ образомъ приходится думать, что Куршатъ смѣшивалъ прежде результативное значеніе совершеннаго вида съ другаго рода «результативнымъ» значеніемъ въ литовскихъ глаголахъ, сложенныхъ съ приставками, именно съ значеніемъ результативности самого признака (по отношенію къ признаку, обозначенному соотвѣтственною простою глагольною основою), и поводъ для этого данъ былъ, конечно, въ томъ, что и съ результативнымъ видовымъ значеніемъ можетъ соединяться значеніе результативности самого признака, напр. въ iszgýdyti. Впослѣдствіи, однако, Куршатъ сознаэъ, мнѣ кажется, неудовлетворительность своего прежняго взгляда (хотя самъ онъ не говоритъ объ этомъ), и потому-то въ его литовско-нѣмецкомъ словарѣ терминъ «результативные глаголы» имѣетъ уже другой смыслъ и употребляется лишь въ примѣненіи къ извѣстнымъ глаголамъ съ значеніемъ совершеннаго вида [1]), именно по отношенію къ такимъ глаголамъ, въ которыхъ приставка вноситъ одно только результативное видовое значеніе. Проф. Ульяновъ, возражая противъ мнѣнія Куршата относительно результативнаго значенія всякихъ сложныхъ глагольныхъ основъ въ литовскомъ языкѣ, не обращаетъ вниманія на особый смыслъ термина «результативное значеніе» въ литовской грамматикѣ Куршата, т. е. предполагаетъ, что Куршатъ понималъ подъ такимъ названіемъ извѣстное видовое значеніе; частью, впрочемъ, авторъ соглашается съ Куршатомъ и думаетъ только, что въ литовскихъ глагольныхъ основахъ, сложенныхъ съ приставками, «сохраняющими свои реальныя значенія, видовое значеніе длительности, общее имъ съ простыми основами, столь же обыкновенно, какъ и то видовое значеніе, которое Куршатъ называетъ результа-

---

1) Мы не должны забывать, что Куршатъ не былъ знакомъ съ глаголами совершеннаго вида въ славянскихъ языкахъ и даже думалъ почему-то на основаніи лишь названія «verba perfecta», что такіе славянскіе глаголы обозначаютъ только прекращеніе дѣйствія (см. предисловіе къ нѣмецко-литовскому словарю, стр. XVI).

чій въ значеніи глагольныхъ словъ, но все это — такія различія, которыя существуютъ въ познаваемыхъ нами предметахъ мысли, обозначаемыхъ данными словами; различіями въ значеніяхъ словъ они становятся тогда, когда мы различаемъ ихъ въ названіяхъ, а для того, чтобы слово при тождествѣ звуковой стороны могло представлять собою названія различныхъ соотносительныхъ между собою предметовъ мысли, т. е. могло имѣть соотносительныя значенія (въ данномъ случаѣ длительное и недлительное значеніе), необходимо, чтобы въ языкѣ существовало уже въ другихъ случаяхъ обозначеніе этого различія въ различныхъ названіяхъ или въ извѣстномъ различіи названія, вслѣдствіе чего значеніе такого слова могло бы ассоціироваться съ существующимъ уже въ языкѣ обозначеніемъ извѣстнаго различія въ другихъ, однородныхъ предметахъ мысли. Въ балтійскихъ языкахъ я не вижу вообще въ глагольныхъ основахъ обозначенія различія между длительностью и недлительностью даннаго признака самими по себѣ [1]) и потому не могу предполагать здѣсь существованіе двухъ этихъ значеній въ какихъ бы то ни было глагольныхъ основахъ.

Признавая за авторомъ большую заслугу въ томъ, что онъ различилъ въ балтійскихъ языкахъ два рода глагольныхъ основъ, сложенныхъ съ приставками, я не могу, однако, согласиться съ нимъ во взглядѣ на видовое значеніе сложныхъ основъ 2-го рода, какъ не соглашаюсь и съ его мнѣніемъ относительно присутствія видовыхъ значеній длительности и недлительности въ сложныхъ основахъ 1-го рода, о чемъ я уже говорилъ. Въ литовскихъ и латышскихъ сложныхъ глагольныхъ основахъ 2-го рода проф. Ульяновъ различаетъ по различіямъ въ видовомъ значеніи слѣдующія основы (стр. 31—62): 1) основы съ детерминативнымъ значеніемъ, обозначающія «предѣльность длительнаго и сложнаго времени признака», напр. [2]) въ литовск. palukėk «пожди»,

1) Авторъ думаетъ, однако, иначе; см. далѣе.

2) Проф. Ульяновъ даетъ для каждаго изъ этихъ классовъ основъ длинный рядъ примѣровъ, взятыхъ изъ текстовъ.

pakukũti «покуковать», parýmoti «постоять опершись»; 2) основы съ суммарнымъ значеніемъ, обозначающія «цѣльность сочетанія всѣхъ отдѣльныхъ моментовъ времени признака», напр. въ литовск. iszlankstýki «посогни» («кусты»), iszstovė̃jęs «выстоявъ» или «простоявъ», supelė́siu «весь проплеснѣю», pakilnóti «поснимать»; 3) основы, обозначающія «законченность времени признака», именно основы съ значеніями a) результативнымъ и b) перфективнымъ: a) основы съ результативнымъ значеніемъ, обозначающія законченность времени «по отношенію къ достиженію результата проявленія признака», напр. въ литовск. pavýti «догнать», suvýti «догнать», pabė́gti «убѣжать», pamokìnti «выучить», iszmokìnti «выучить»; b) основы съ перфективнымъ значеніемъ, обозначающія законченность времени признака «безъ отношенія къ результату проявленія признака», напр. въ литовск. parë̃szusi «написавши» (т. е. «закончивъ писанье»), iszkèpti «испечь», suszìldyti «согрѣть», numylė́ti «полюбить»; 4) a) основы съ значеніемъ «недлительности», обозначающія «признакъ не въ его развитіи, но въ его проявленіи», напр. въ paeĩti «пойти», pasakýti «сказать», pakláusti «спросить», paveizdė́ti «посмотрѣть»; b) основы съ значеніемъ «моментальности», какъ особымъ видоизмѣненіемъ значенія недлительности, напр. въ литовск. paszókterėjau «прыгнулъ», paspýriau «толкнулъ», pastumė́k «толкни»; c) основы съ значеніемъ недлительнымъ «единичнымъ», обозначающія «проявленіе признака въ одинъ изъ многихъ моментовъ времени», напр. въ литовск. neprasznekė́jo «ни разу не проговорилъ» въ словосочетаніи per nãktį jìs neprasznekė́jo; 5) основы съ «ингрессивнымъ» значеніемъ, обозначающія «наступленіе цѣлаго времени признака въ его недлительности», напр. въ литовск. pražvìngti «заржать», sukukũti «закуковать», užgë́dóti «запѣть». Классы 4 и 5 [1]), представляютъ значеніе «недлительности» въ его видоизмѣненіяхъ, а классы 1—3 обозначаютъ «извѣстныя различія въ длительномъ времени признака»

---

1) Цифры при классахъ основъ поставлены мною; у автора ихъ нѣтъ.

(стр. 51); поэтому, по словамъ автора, между основами классовъ 1—3 и 4—5 нѣтъ прямаго соотношенія, но существуетъ, однако, соотношеніе косвенное, именно по отношенію къ формѣ такъ-называемаго настоящаго времени, а эта форма отъ всѣхъ такихъ основъ не обозначаетъ времени (какъ разъясняетъ авторъ далѣе), и потому въ этой формѣ «значеніе ограниченности времени признака въ однихъ основахъ и значеніе недлительности времени признака въ другихъ совпадаютъ въ одномъ значеніи недлительности» (стр. 52). Тѣ-же классы основъ, съ тѣми-же значеніями и въ томъ-же соотношеніи ихъ между собою, проф. Ульяновъ находитъ далѣе и въ славянскихъ глагольныхъ основахъ, сложенныхъ съ приставками, при чемъ здѣсь къ основамъ съ значеніемъ недлительности (т. е. къ классу 4) онъ относитъ также и основы, сложенныя съ приставками «сохраняющими реальныя значенія»; въ славянскихъ языкахъ (по мнѣнію автора, лишь въ новомъ періодѣ ихъ жизни) самое сочетаніе предложныхъ приставокъ съ глагольными основами вноситъ особое видовое значеніе, по отношенію къ значенію соотвѣтственныхъ простыхъ основъ, между тѣмъ какъ въ балтійскихъ языкахъ этого явленія нѣтъ, какъ мы видѣли.—Итакъ, ни въ видовыхъ значеніяхъ балтійскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ 2-го рода, ни въ видовыхъ значеніяхъ славянскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ проф. Ульяновъ не находитъ никакого элемента, общаго всѣмъ имъ, и допускаетъ только косвенную связь между собою всѣхъ этихъ основъ, по отношенію именно къ формѣ настоящаго времени, но и эта связь опредѣлена у автора такъ (см. выше), что едва-ли можно съ нимъ согласиться; литовскія и латышскія сложныя основы съ значеніемъ детерминативнымъ и при сочетаніи ихъ съ формою наст. вр. не могутъ не сохранять принадлежащаго имъ значенія извѣстной (именно законченной) длительности, такъ какъ иначе исчезло бы отличіе этихъ основъ отъ другихъ сложныхъ основъ съ видовымъ значеніемъ, и точно такъ-же въ соотвѣтствующихъ случаяхъ въ славянскихъ языкахъ никакъ нельзя усмотрѣть значеніе недлительности, напр. въ русск. поговоритъ, попоетъ, поси-

дитъ и т. п. Съ другой стороны, хотя проф. Ульяновъ связываетъ между собою по значеніямъ нѣкоторые изъ этихъ классовъ основъ, опредѣленіе такой ихъ связи у автора для меня не вездѣ понятно; я не вижу, какъ основы съ значеніями результативнымъ и перфективнымъ могутъ быть соединяемы съ основами, имѣющими детерминативное значеніе, въ качествѣ основъ обозначающихъ «ограниченіе длительнаго времени признака въ томъ или иномъ отношеніи» (стр. 52). Впослѣдствіи, разсматривая происхожденіе различій въ видовомъ значеніи сложныхъ глагольныхъ основъ въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ, авторъ находитъ связь между собою всѣхъ этихъ различій въ ихъ общемъ происхожденіи изъ значенія недлительнаго вида въ индоевропейскомъ аористѣ, и даже для литовско-славянскаго языка онъ сводитъ всѣ эти различныя значенія въ одно общее значеніе вида недлительнаго съ его видовыми различіями (см. напр. стр. 297). Теперь оказывается, что еще въ аористическихъ основахъ общаго индоевропейскаго языка значеніе недлительности могло получать «извѣстныя видоизмѣненія, при которыхъ оно являлось то моментальнымъ, то суммарнымъ, то результативнымъ или перфективнымъ» (стр. 277), а далѣе, стр. 280, авторъ говоритъ, что «и значеніе детерминативное, которое мы находимъ въ извѣстныхъ литовско-славянскихъ основахъ (но которое, можетъ быть, не существовало еще въ индоевроп. аористическихъ основахъ), должно быть также объясняемо какъ видоизмѣненіе общаго значенія недлительности».

Нельзя не поблагодарить проф. Ульянова за представленный имъ *первый* опытъ изслѣдованія видоваго значенія въ тѣхъ балтійскихъ сложныхъ глагольныхъ основахъ, которыя онъ называетъ сложными основами 2-го рода: большое собраніе примѣровъ, извлеченныхъ авторомъ изъ текстовъ, и его классификація значеній такихъ основъ, несомнѣнно, должны способствовать въ значительной степени дальнѣйшей разработкѣ этихъ нелегкихъ вопросовъ; надо отмѣтить также и то, что теперь, на основаніи тѣхъ данныхъ, какія мы находимъ въ книгѣ проф. Ульянова,

стала очевидною тѣсная связь между такими балтійскими и соотвѣтственными славянскими сложными глагольными основами по отношенію къ самымъ разновидностямъ въ видовомъ значеніи. Я не могу, однако, признать вѣрнымъ общій взглядъ автора на значеніе этихъ основъ въ балтійскихъ языкахъ, а также и въ славянскихъ, и потому долженъ расходиться съ нимъ и въ подробностяхъ классификаціи такихъ основъ, равно какъ поэтому-же, между прочимъ, мнѣ не представляется убѣдительнымъ мнѣніе проф. Ульянова относительно происхожденія видоваго значенія этихъ основъ изъ видоваго значенія недлительности въ основахъ индоевропейскаго аориста. На мой взглядъ всѣ балтійскія сложныя глагольныя основы 2-го рода, какъ и всѣ славянскія сложныя глагольныя основы, связываются между собою какъ основы «совершеннаго вида» [1]). Общее значеніе совершеннаго вида состоитъ въ томъ, что всѣ эти основы въ такомъ ихъ образованіи обозначаютъ законченность (приведеніе въ исполненіе) въ признакѣ, обозначаемомъ простою глагольною основою, при чемъ, однако, существуютъ и такія различія въ этомъ значеніи, которыя не позволяютъ думать, будто всѣ такія основы и для сознанія самихъ говорящихъ соединяются въ одномъ общемъ значеніи; тѣмъ не менѣе мы можемъ объединять эти различія въ общемъ названіи «совершенный видъ» для такихъ образованій, основываясь на томъ, что при общемъ элементѣ значенія здѣсь является и тождество въ самомъ образованіи такихъ основъ, такъ какъ напр. сочетаніе глагольныхъ основъ съ одною и тою-же приставкою балтійск. pa-, славянск. po- (т. е. русск. по- и т. д.) можетъ соединять въ себѣ всѣ главныя различія въ видовомъ значеніи этихъ сложныхъ глагольныхъ основъ. Я различаю въ балтійскихъ сложныхъ глагольныхъ основахъ 2-го рода (какъ и въ соотвѣтственныхъ славянскихъ глагольныхъ основахъ)

---

1) Названіе «перфективныя основы» даетъ и авторъ этимъ балтійскимъ и славянскимъ глагольнымъ основамъ, но при этомъ терминъ «перфективныя» имѣетъ у него совершенно условное значеніе, т. е. подъ «перфективными» основами онъ понимаетъ основы недлительнаго вида; см. напр. § 24 въ началѣ.

два главныхъ значенія: такое образованіе основъ обозначаетъ, во-первыхъ, время законченности признака какъ время результата въ проявленіи признака, и, во-вторыхъ, въ такомъ образованіи основъ обозначается законченность данной длительности признака. Простыя глагольныя основы какъ основы «несовершеннаго вида» въ ихъ отношеніи къ сложнымъ основамъ совершеннаго вида представляютъ исключительно отрицательное значеніе, т. е. въ случаяхъ перваго рода они обозначаютъ признакъ безъ отношенія къ времени законченности, а въ случаяхъ втораго рода данный признакъ обозначается въ нихъ безъ отношенія къ законченности въ длительности признака. Такимъ образомъ въ значеніи совершеннаго вида въ балтійскихъ языкахъ (а также и въ славянскихъ) выдѣляются, по моему мнѣнію, два значенія, изъ которыхъ первое можетъ быть называемо результативнымъ, а второе я назову детерминативнымъ значеніемъ, заимствуя этотъ терминъ у проф. Ульянова. Далѣе, въ результативномъ значеніи совершеннаго вида въ балтійскихъ языкахъ (какъ и въ славянскихъ) въ свою очередь выдѣляются два значенія, а именно въ основахъ совершеннаго вида съ результативнымъ значеніемъ можетъ обозначаться или время результата въ дѣйствительномъ существованіи признака, т. е. по отношенію къ предшествовавшему его проявленію, или время результата въ наступленіи признака, т. е. по отношенію къ предшествовавшей готовности, способности проявиться; первое изъ этихъ значеній я назову (за неимѣніемъ принятыхъ терминовъ) результативнымъ значеніемъ перваго рода, а второе — результативнымъ значеніемъ втораго рода или значеніемъ результативно-ингрессивнымъ [1]). Въ балтійскихъ результативныхъ основахъ 1-го рода (т. е. съ результативнымъ значеніемъ 1-го рода) нерѣдко являются такія основы,

---

1) Совершенный видъ въ балтійскихъ и славянскихъ глагольныхъ основахъ надо не смѣшивать, конечно, съ перфективнымъ или совершеннымъ видомъ въ глагольныхъ основахъ общаго индоевропейскаго языка; здѣсь формою перфективнаго вида (напр. въ перфектѣ, т. е. въ формѣ настоящ. вр. перфективнаго вида) данный признакъ обозначался въ полнотѣ его проявленія во времени, т. е. въ законченности всего его проявленія во времени.

которыя обозначаютъ не только время результата въ признакѣ, но и самый результатъ признака, т. е. обозначаютъ время законченности, результата въ признакѣ результативномъ по отношенію къ тому, какой обозначается простою глагольною основою, какъ мы видимъ это напр. въ литовск. iszgýdyti «вылѣчить» по отношенію къ gýdyti «лѣчить» или въ pavýti «догнать» по отношенію къ výti «гнаться за, преслѣдовать». Это различіе въ значеніи глаголовъ съ результативными основами 1-го рода не образуетъ, однако, различія въ самомъ видовомъ значеніи, т. е. видовое значеніе и въ тѣхъ и въ другихъ основахъ одно и то-же; вмѣстѣ съ тѣмъ это различіе въ значеніи не принадлежитъ здѣсь и приставкамъ, соединяющимся съ глагольными основами, такъ какъ самыя приставки не измѣняютъ значенія даннаго признака въ значеніе признака результативнаго, но въ существующихъ уже результативныхъ основахъ 1-го рода значеніе извѣстнаго признака можетъ измѣниться въ значеніе соотвѣтственнаго результативнаго признака, подъ вліяніемъ видоваго результативнаго значенія. Приставки въ балтійскихъ результативныхъ основахъ 1-го рода могутъ вносить вмѣстѣ съ видовымъ результативнымъ значеніемъ также и другое измѣненіе въ значеніе глагольной основы, т. е. балтійскими результативными основами 1-го рода (какъ и соотвѣтственными славянскими основами) обозначается, между прочимъ, время результата въ такомъ существованіи признака, которое получаетъ извѣстное опредѣленіе при посредствѣ приставки, какъ мы это видимъ напр. въ лит. atsiẽsti «нажраться», isztupěti съ значеніемъ «высидѣть до конца» (см. примѣръ у автора на стр. 35), péralkti «переголодать» (у автора нѣтъ подобныхъ примѣровъ) и т. п. Поэтому во всѣхъ такихъ результативныхъ основахъ 1-го рода обозначается въ данномъ признакѣ и самое существованіе его во времени, т. е. его длительность (поскольку такія основы не получаютъ далѣе значенія результативнаго признака), и, слѣдовательно, всѣ эти основы по значенію, вносимому въ нихъ приставками, могутъ быть называемы «длительно-результативными». Нельзя, мнѣ кажется, со-

мнѣваться, что и въ тѣхъ балтійскихъ результативныхъ основахъ 1-го рода, гдѣ приставки вносятъ теперь одно только видовое значеніе, нѣкогда (частью еще въ литовско-славянскомъ языкѣ) онѣ имѣли при этомъ и другія, спеціальныя значенія, и такимъ образомъ надо думать, что вообще въ балтійскихъ результативныхъ основахъ 1-го рода (какъ и въ соотвѣтственныхъ славянскихъ основахъ) данное видовое значеніе по его происхожденію принадлежало не приставкамъ, но сочетанію глагольныхъ основъ со всякими приставками, не имѣвшими предложнаго значенія, т. е. вносившими извѣстное опредѣленіе въ значеніе самого признака. Проф. Ульяновъ, какъ я замѣтилъ уже, иначе смотритъ на значеніе приставокъ въ балтійскихъ сложныхъ глагольныхъ основахъ совершеннаго вида и останавливается не на всѣхъ тѣхъ приставкахъ, которыя въ основахъ, называемыхъ мною результативными основами 1-го рода, сохраняютъ извѣстныя спеціальныя значенія.

Итакъ, опредѣляемыя мною значенія балтійскихъ глагольныхъ основъ совершеннаго вида находятся въ слѣдующемъ отношеніи къ классификаціи значеній этихъ основъ у проф. Ульянова [1]). Основы съ детерминативнымъ значеніемъ, или основы детерминативныя, напр. въ лит. palukėk «пожди», pakukŭti «покуковать», я такъ-же, какъ и авторъ, отдѣляю отъ другихъ основъ совершеннаго вида, хотя нѣсколько иначе опредѣляю ихъ видовое значеніе (см. выше). Основы съ значеніями результативнымъ и перфективнымъ по автору, напр. въ лит. pavýti «догнать», iszkèpti «испечь», я называю результативными основами 1-го рода. Различая значенія результативное и перфективное въ этихъ основахъ, проф. Ульяновъ имѣетъ въ виду именно то, что въ однѣхъ изъ такихъ основъ обозначается также и результативность самого признака, а въ другихъ нѣтъ, но, какъ я за-

1) Мой взглядъ на значенія разновидностей въ балтійскихъ основахъ совершеннаго вида, хотя и отличается отъ взгляда проф. Ульянова, сложился, однако, подъ значительнымъ вліяніемъ тѣхъ указаній, какія я находилъ у автора.

мѣтилъ уже выше, это различіе не вносится въ основы приставками и не принадлежитъ само къ различіямъ видовымъ; при томъ-же, нерѣдко встрѣчаются здѣсь и такіе случаи, въ которыхъ трудно различать оба эти значенія основъ. Къ основамъ съ значеніями результативнымъ и перфективнымъ авторъ правильно относитъ и такія основы, какія мы находимъ напр. въ лит. atsigérti «напиться вполнѣ, досыта», prisië́sti «нажраться», гдѣ приставка вноситъ и извѣстное специальное значеніе, именно, на мой взглядъ, значеніе количественной полноты, достигаемой признакомъ въ его существованіи, но основы, являющіяся напр. въ лит. iszjëszkóti «обыскать (вездѣ)», isztupë́jau «высидѣлъ (до конца)», iszstovë́jęs «выстоявшій», проф. Ульяновъ совершенно отдѣляетъ отъ основъ съ значеніями результативнымъ и перфективнымъ и называетъ основами съ суммарнымъ значеніемъ. Я вижу здѣсь длительно-результативныя основы, отличающіяся отъ другихъ длительно-результативныхъ основъ (напр. въ prisië́sti) лишь въ спеціальномъ значеніи, вносимомъ приставками, хотя и не могу согласиться съ тѣмъ опредѣленіемъ, какое даетъ авторъ значенію этихъ основъ, называемому имъ суммарнымъ (см. выше). Приставки въ такихъ основахъ вносятъ, во-первыхъ, значеніе полноты длительности признака по отношенію ко всему данному пространству или по отношенію ко всему количеству даннаго времени, напр. въ iszjëszkóti «обыскать (вездѣ)», iszsivadżiót «выводить себя» (visur «вездѣ»), isztupë́jau «высидѣлъ (до конца)», iszstovë́jęs «выстоявшій», atbuvaũ «отбылъ (до конца)», atstovë́jau «отстоялъ» (проф. Ульяновъ не указываетъ на основы съ приставкою at-); въ сочетаніи такихъ приставокъ съ кратными глагольными основами можетъ являться и значеніе распространенія признака на всѣ данные объекты, напр. въ vaĩkus iszgáudys «ребятъ изловятъ», по автору «переловятъ» (стр. 35). Во-вторыхъ, приставки въ основахъ, разсматриваемыхъ здѣсь авторомъ, вносятъ также значеніе сильной или полной степени проявленія, достигаемой въ длительности признака; напр. это значеніе можетъ существовать въ

sûbarė «изругалъ» или напр. латышск. nûlī̃t, nûsvī̃zt Биленштейнъ переводитъ: «tüchtig regnen», «stark beschwitzen» (Die lettische Sprache I, 465). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ основахъ, относимыхъ проф. Ульяновымъ къ основамъ съ суммарнымъ значеніемъ, я нахожу общее результативное значеніе 1-го рода, т. е. не вижу въ приставкѣ никакого спеціальнаго значенія; напр. лит. nustãtė, nuklójo и т. д. въ примѣрѣ изъ пѣсни на стр. 38 сами по себѣ значатъ, я думаю: «поставили», «постлали» или «настлали» и т. д. (у автора: «понаставили», «понастлали» и т. д.). Есть и такіе примѣры у автора, относительно которыхъ можетъ быть вопросъ, имѣетъ ли въ нихъ приставка спеціальное значеніе, или нѣтъ (напр. supelėsiu на стр. 36); впрочемъ, проф. Ульяновъ самъ признаетъ, что «въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ возникать затрудненіе при опредѣленіи значеній суммарнаго и перфективнаго» (стр. 46).—Относительно основъ, заключающихъ въ себѣ приставку лит. nu-, латышск. nû-, авторъ замѣчаетъ, что иногда эта приставка обозначаетъ «прекращеніе времени признака» (стр. 39); такое значеніе основъ съ nu-, nû- я назвалъ бы финитивнымъ длительно-результативнымъ (см. далѣе о видовомъ значеніи въ русск. отцвѣсти и т. п.), но примѣры, указываемые авторомъ, не убѣждаютъ меня въ томъ, что такія основы, дѣйствительно, существуютъ въ балтійскихъ языкахъ. Изъ литовскаго языка проф. Ульяновъ приводитъ только одинъ примѣръ, именно nugëdóti «отпѣть», но въ данномъ мѣстѣ (trejì gaidéj nugejdója, kad matûszė kėlė, изъ сборника Юшкевича) этотъ глаголъ можетъ имѣть общее результативное значеніе 1-го рода (т. е. собственно «спѣть», хотя бы мы переводили и глаголомъ «пропѣть»); то-же надо замѣтить и относительно соотвѣтственнаго латышскаго глагола nûdzêdāt. Латыш. nûsprī̃d «проблеститъ» въ указанномъ мѣстѣ (Трейланда Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, Дополненія, Заклинанія, 53) не имѣетъ значенія «перестанетъ блестѣть, потеряетъ блескъ» (сравн. тамъ-же nûbâlē); nûsên «перевяжешь» точнѣе было бы перевести черезъ «свяжешь» (и у Трейланда здѣсь

«свяжешь»); для nůzė̃dėt «отцвѣсти» авторъ не даетъ примѣровъ (въ словарѣ Ульмана: «abblühen, verblühen; sich mit Schimmel überziehn»), но я думаю, что въ этомъ глаголѣ основа по образованію имѣетъ общее результативное значеніе 1-го рода, причемъ въ основѣ обозначается также и результативность самого признака (сравн. значеніе результативнаго признака въ нашемъ «процвѣсти»).— Въ числѣ балтійскихъ основъ съ «суммарнымъ» значеніемъ проф. Ульяновъ приводитъ, между прочимъ, такія, въ составъ которыхъ входятъ кратныя глагольныя основы, напр. въ приведенномъ мною выше iszsivadżiót; также и среди тѣхъ основъ съ значеніями «результативнымъ» и «перфективнымъ», въ которыхъ приставки вносятъ извѣстное специальное значеніе, авторъ указываетъ и на основы, заключающія въ себѣ форму кратнаго вида, напр. въ pasibėgióti «набѣгаться»; но для прочихъ основъ съ значеніями «результативнымъ» и «перфективнымъ», гдѣ приставки вносятъ только общее видовое значеніе, авторъ не даетъ такихъ примѣровъ, въ которыхъ глагольная основа заключала бы въ себѣ форму кратности. Мнѣ кажется, что въ балтійскихъ языкахъ, какъ и въ славянскихъ (см. далѣе), кратныя глагольныя основы, сохраняющія значеніе кратности, могутъ входить въ составъ только тѣхъ результативныхъ основъ 1-го рода, которыя я называю длительно-результативными основами, т. е. въ которыхъ приставки сверхъ видоваго результативнаго значенія вносятъ и другое значеніе; отсюда слѣдуетъ, что тѣ балтійскія результативныя основы 1-го рода, въ которыхъ приставки даютъ только видовое результативное значеніе, представляютъ сами именно недлительно-результативное значеніе, т. е. являются основами «недлительно-результативными». Въ соединеніи съ приставкою, вносящею только видовое результативное значеніе 1-го рода, балтійская кратная глагольная основа обозначаетъ, повидимому, данный признакъ въ его принадлежности нѣсколькимъ субъектамъ. Такъ понимаю я pabėgiójo на стр. 40 въ примѣрѣ изъ сборника Юшкевича: żmónis (=żmónys) visì pabėgióju (=pabėgiójo); авторъ переводитъ «поразбѣжались»,

но приставка pa- сама не вноситъ вообще этого значенія и таже здѣсь, конечно, что и въ pabė́gti «убѣжать». Въ другихъ примѣрахъ, указанныхъ авторомъ на стр. 40 для «суммарныхъ» основъ, заключающихъ въ себѣ pa- въ соединеніи съ кратными глагольными основами, можно видѣть основы детерминативныя; для pakilnóti изъ сборника Юшкевича (Lietuv. Dajnos, № 335, 2 и 3) на детерминативное значеніе указываютъ parу́moti и paplesnóti въ той-же пѣснѣ. Для лит. приставки pa- въ сочетаніи съ некратною глагольною основою авторъ предполагаетъ «суммарное» значеніе въ parirkaũ въ примѣрѣ: vìsą tùrgų parìrkaũ (изъ сборниковъ Юшкевича), «покупилъ» (?); въ дѣйствительности parirkaũ значитъ здѣсь «откупилъ», «скупилъ (все въ однѣ руки)».

Изъ тѣхъ балтійскихъ сложныхъ основъ, въ которыхъ проф. Ульяновъ находитъ общее видовое значеніе недлительности и которыя онъ отдѣляетъ отъ прочихъ сложныхъ основъ съ видовымъ значеніемъ, многія принадлежатъ, по моему мнѣнію, къ результативнымъ основамъ 1-го рода, съ приставкою pa- не имѣющею спеціальнаго значенія, напр. въ лит. pasakу́ti «сказать», pakláusti «спросить», pasisė́sti «сѣсть» и т. д., но, кромѣ того, къ основамъ съ значеніемъ недлительности отнесены у проф. Ульянова также и нѣкоторыя результативныя основы 2-го рода (результативно-ингрессивныя), именно такія основы съ pa- глаголовъ, обозначающихъ движеніе, какія являются напр. въ лит. paeĩti съ значеніемъ «пойти», pavèžti «повезти». Къ результативнымъ основамъ 2-го рода (результативно-ингрессивнымъ) принадлежатъ также и балтійскія сложныя основы съ тѣмъ значеніемъ, которое авторъ называетъ ингрессивнымъ, напр. въ лит. prakalbė́ti «заговорить» («стать говорящимъ»), prażydė́ti «зацвѣсти» [1]), użkukũti «закуковать», sukukũti «закуковать»,

---

1) Я оставляю въ сторонѣ такіе примѣры у автора, какъ prażvìngti «заржать», prasidziùgti «обрадоваться», pralõbti «сдѣлаться богатымъ», pravìrkti «заплакать» (въ praverkdama въ сборникѣ пѣсенъ Фортуна-

suplóti (į rankàs) «захлопать»; въ латышскомъ языкѣ авторъ находитъ такое употребленіе преимущественно въ основахъ съ приставкою nů-[1]). Относительно латышскихъ основъ съ приставкою ё- проф. Ульяновъ говоритъ, что онѣ, хотя и могутъ употребляться, повидимому, съ ингрессивнымъ значеніемъ, по бóльшей части, однако, имѣютъ значеніе «начинательное», т. е. такое, при которомъ обозначается «наступленіе начальнаго момента въ длительномъ времени признака» (стр. 61) и ссылается на Биленштейна Die lettische Sprache I, 464, 5, b. Замѣчу съ своей стороны, что и эти латышскія основы не составляютъ исключенія изъ того общаго правила, по которому въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ глагольныя основы, сложенныя со всякими приставками не имѣющими предложнаго значенія, получаютъ значеніе совершеннаго вида, т. е. напр. и латыш. ёar̃t (какъ показываетъ употребленіе формы наст. вр.) имѣетъ совершенный видъ и можетъ быть переводимо русск. «запахать», хотя по значенію, принадлежащему самому образованію основы, латыш. ёar̃t не тождественно съ русск. «запахать». Мнѣ кажется, что эти латышскія основы съ ё- обозначаютъ въ данномъ признакѣ время результата въ наступленіи безотносительнаго начала признака, т. е. напр. ёńem̃t значитъ «начать брать тамъ, гдѣ еще не брали» (напр. масло изъ нетронутаго пока запаса), ёar̃t—«начать пахать тамъ, гдѣ еще не пахали», ёmigt—«заснуть первымъ сномъ» и т. п.

Тѣ литовскія и латышскія сложныя глагольныя основы, въ которыхъ проф. Ульяновъ находитъ значеніе моментальности какъ особое видоизмѣненіе значенія недлительности (стр. 57),

---

това и Миллера, № 62, 6, вѣроятно, ошибочно написано *e* вмѣсто *i* открытаго), такъ какъ здѣсь въ глаголѣ является въ наст. вр. основа начинательнаго состоянія (см. далѣе о совершенномъ видѣ отъ такихъ основъ), а, кромѣ того, при pražvìngti, prasidziùgti, pravìrkti не существуютъ теперь простые глаголы *žvìngti, *dziùgtis, *vìrkti.

1) Сравн. въ литовскомъ языкѣ результативное значеніе 2-го рода напр. въ numylė́ti «полюбить» (проф. Ульяновъ видитъ здѣсь «перфективное» значеніе, стр. 45).

принадлежатъ въ дѣйствительности къ обыкновеннымъ результативнымъ основамъ 1-го рода, образуемымъ въ данномъ случаѣ отъ тѣхъ простыхъ глагольныхъ основъ, которыя обозначаютъ такъ-называемые авторомъ составные признаки (см. выше), напр. въ лит. paspýriau «толкнулъ»; въ результативныхъ основахъ 1-го рода, не заключающихъ въ себѣ приставки съ спеціальнымъ значеніемъ, данный признакъ обозначается вообще, какъ я замѣтилъ уже, безъ отношенія къ длительности, а потому и безъ отношенія къ сочетанію отдѣльныхъ «моментовъ» въ признакѣ составномъ, и отсюда можетъ получиться далѣе въ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ случаяхъ значеніе моментальное, напр. въ латыш. pamit «сдѣлать одинъ шагъ» («ступить»), при mit «ступать». Лит. paszókterėjau «прыгнулъ» слѣдовало бы отдѣлить отъ другихъ примѣровъ, такъ какъ здѣсь глагольная основа, входящая въ составъ сложной основы, заключаетъ въ себѣ словообразовательную форму моментальности.—Наконецъ, что касается тѣхъ балтійскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ, въ которыхъ проф. Ульяновъ открываетъ значеніе «единичное», т. е. такое, при которомъ обозначается «проявленіе признака въ одинъ изъ многихъ моментовъ времени» (стр. 58), то я нахожу здѣсь въ самихъ глаголахъ обыкновенныя основы совершеннаго вида (результативныя) и не думаю, чтобы напр. pamatýcziau въ kas-dēn pamatýcziau получало само видоизмѣненіе въ значеніи. Въ per nãktį jis neprasz'nekėjo авторъ переводитъ ne-prasznekėjo: «ни разу не проговорилъ», но можно понимать и такъ: «не проговорилъ ни слова».

Отдѣльно отъ всѣхъ другихъ глагольныхъ основъ съ видовымъ значеніемъ проф. Ульяновъ разсматриваетъ балтійскія основы глаголовъ, имѣющихъ въ наст. вр. образованія на *sta* и на *a* съ носовымъ инфиксомъ, такъ какъ эти основы, по его мнѣнію, «представляютъ такія различія видовыхъ значеній, которыя не наблюдаются вообще въ основахъ другихъ глаголовъ» (стр. 102), но я указывалъ уже на то, что такія балтійскія основы по значенію ихъ формы вовсе не принадлежатъ къ основамъ

съ видовымъ значеніемъ и являются основами начинательнаго состоянія, въ ихъ соотношеніи съ основами фактитивными и частью съ основами неначинательнаго состоянія. То опредѣленіе, какое даетъ здѣсь проф. Ульяновъ начинательному значенію этихъ основъ, принимаемому имъ за видовое, не кажется мнѣ вѣрнымъ; «это значеніе», говоритъ авторъ, «состоитъ въ томъ, что они обозначаютъ начальный моментъ въ длительномъ времени признака» (стр. 103) [1]). Поэтому я не могу согласиться и съ тѣмъ, какъ переводитъ авторъ литовскіе и латышскіе глаголы съ такими основами, и напр. въ kį̀lù я вижу значеніе «поднимаюсь» (собственно «становлюсь поднимающимся»), а не «начинаю подниматься». Нѣкоторые изъ примѣровъ, указанныхъ здѣсь, не удовлетворительны и въ томъ отношеніи, что данные глаголы съ такими основами уже утратили начинательное значеніе, внесенное въ нихъ формою основы: напр. литовск. krintù, латышск. krĩtu имѣетъ значеніе «падаю», не «становлюсь падающимъ» (и, конечно, не «начинаю падать»); и въ литовск. kį̀lù «поднимаюсь» не выступаетъ ясно начинательное значеніе; или напр. drimbù значитъ «валюсь, падаю», никакъ не «начинаю валиться» [2]).— Балтійскія глагольныя основы наст. вр. на *sta* и съ носовымъ инфиксомъ на *a*, по мнѣнію проф. Ульянова, рядомъ съ начинательнымъ значеніемъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ его понимаетъ, имѣютъ также значеніе ингрессивное (стр. 106), а при ингрессивномъ значеніи, по опредѣленію автора, обозначается наступленіе цѣлаго времени признака въ его недлительности. Я думаю, что сознаваемая авторомъ необходимость видѣть въ балтійскихъ глагольныхъ основахъ съ этимъ образованіемъ

---

1) Точнѣе опредѣлялъ авторъ значеніе этихъ основъ въ первой части изслѣдованія, когда говорилъ, что онѣ обозначаютъ наступленіе признака (первая часть, стр. 64).

2) Въ сказкѣ, изъ которой беретъ авторъ примѣръ drim̃ba, въ другихъ мѣстахъ о томъ-же говорится ẽmė drìbt, но отсюда не слѣдуетъ предполагаемое авторомъ тождество drim̃ba и ẽmė drìbt (такъ какъ вѣдь drìbt есть инфинитивъ глагола drimbù).

два такія значенія, которыя вообще, по его мнѣнію, должны быть строго различаемы, свидѣтельствуетъ о томъ, что настоящее значеніе этого образованія балтійскихъ основъ, вовсе не видовое, имъ не опредѣлено. Не убѣдительно для меня и то, что говоритъ проф. Ульяновъ о «весьма важномъ различіи» балтійскихъ глагольныхъ основъ на *sta* и съ носовымъ инфиксомъ на *a* по отношенію къ принимаемому имъ ингрессивному значенію: ингрессивныя основы съ инфиксомъ обозначаютъ будто-бы наступающее цѣлое время признака, которое другими основами, безъ инфикса, обозначается какъ длительное время, вслѣдствіе чего такія основы съ инфиксомъ становятся основами недлительнаго вида, а основы на *sta* находятся будто-бы въ соотношеніи съ основами, обозначающими законченность времени признака, и сами обозначаютъ время признака въ его законченности какъ наступающее. Я не понимаю, почему напр. lim̃pa въ данномъ примѣрѣ (стр. 106) авторъ переводитъ «прильнутъ», а не «прилипаютъ, пристаютъ», или почему klum̃p напр. въ поговоркѣ arklȳs ir kèturems kā́jems klump должно значить, по мнѣнію автора, «споткнется», а не «спотыкается» (сравн. у насъ: «конь о четырехъ ногахъ, да спотыкается»). То, что̀ проф. Ульяновъ называетъ ингрессивнымъ значеніемъ простыхъ глагольныхъ основъ на *sta*, есть ихъ невидовое значеніе начинательнаго состоянія, а изъ сложныхъ основъ на *sta* авторъ приводитъ между прочимъ такія основы, которыя по значенію обратились уже въ основы несложныя, такъ какъ простыя основы на *sta*, вошедшія въ ихъ составъ, не употребляются, вслѣдствіе чего могло исчезать въ этихъ сложныхъ по происхожденію основахъ ихъ видовое значеніе; таковы основы въ глаголахъ pažį́stu «узнаю̀, знаю» (простой глаголъ žį́stu не употребляется), użmirsztù «забываю» (простой глаголъ mirsztù встрѣчается очень рѣдко, а во многихъ діалектахъ, вѣроятно, утраченъ). Но въ pràżyst, въ пѣснѣ изъ сборника Бецценбергера, № 51, и въ pragý-stancziu изъ Lietuv. Dajnos Юшкевича, № 233, сохраняется значеніе совершеннаго вида (иначе думаетъ авторъ), хотя простые

глаголы žýstu и gýstu не извѣстны; сравн. совершенный видъ въ nůžyd, являющемся параллельно съ prà̃žyst, и въ suczìůl-bauczìu, параллельно съ pragýstauczìu. Совершенный видъ я нахожу и въ iszdžiůsta въ примѣрѣ у автора («высохнетъ», а не «высыхаетъ»); см. однородные случаи, приведенные авторомъ на стр. 82. Въ įjùnkstu, įjùnkti «sich eingewöhnen» (Куршатъ) приставка į- имѣетъ предложное значеніе (įjùnksta į žìrnius въ томъ мѣстѣ, на которое ссылается авторъ), и потому здѣсь сложная основа не принадлежитъ къ основамъ съ видовымъ значеніемъ; также и въ составъ praszoksta «проходитъ, исчезаетъ» вошла приставка съ предложнымъ значеніемъ. Тѣ литовскія и латышскія сложныя глагольныя основы *sta* и на *a* съ носовымъ инфиксомъ, которыя остаются въ языкѣ сложными основами, принадлежатъ къ образованіямъ совершеннаго вида (какъ и другія сложныя основы 2-го рода), и при томъ именно онѣ являются основами результативными, такъ какъ детерминативное значеніе исключается здѣсь значеніемъ словообразовательной формы основы, а особенность этихъ результативныхъ основъ состоитъ въ томъ, что, обозначая время результата въ начинательности состоянія, онѣ отличаются поэтому и отъ результативныхъ основъ 1-го рода и отъ результативныхъ основъ 2-го рода. Понятно, это касается тѣхъ именно случаевъ, гдѣ основа на *sta* или на *a* съ носовымъ инфиксомъ сохраняетъ значеніе начинательнаго состоянія.

Во второй главѣ, объ основахъ съ видовыми значеніями въ славянскихъ языкахъ, планъ изложенія тотъ-же, что и въ первой главѣ. Въ первомъ отдѣлѣ этой главы и здѣсь авторъ разсматриваетъ основы, обозначающія кратность, и останавливается сперва на различіяхъ въ образованіи этихъ основъ, а затѣмъ говоритъ о различіяхъ въ значеніи кратности. Въ образованіи этихъ славянскихъ глагольныхъ основъ проф. Ульяновъ различаетъ основы, образуемыя извѣстными суффиксами, и основы, заключающія въ себѣ приставку po- (старослав. по- и т. д.). Авторъ

признаетъ, что въ кратныхъ основахъ послѣдняго типа приставка ро- является вообще въ сочетаніи съ такими глагольными основами, которыя заключаютъ въ себѣ суффиксъ, образующій такія кратныя основы, но при этомъ онъ думаетъ, что въ славянскихъ языкахъ, «повидимому», могутъ существовать также кратныя основы съ ро-, въ которыхъ сама глагольная основа не имѣетъ такого суффикса; однако, примѣры, указываемые авторомъ, не убѣдительны. Изъ старославянскаго языка онъ приводитъ для подтвержденія этой мысли слѣдующіе случаи изъ Супр. рук.: порѣк 323,11 (и напльньмъ цръкве и дроугъ дроуга порѣк); посмѣюште сѧ и порадоуюште сѧ 95, 27—28; порадоуктъ сѧ 21, 18 (веселитъ сѧ пакы—, иже оубо зъла ненавидитъ и о добрѣ порадоуктъ сѧ); похвалимъ «ὑμνούμενος» 389, 27; не похвалѧште 378, 29. Въ порѣк авторъ видитъ описку, вмѣсто порѣкмъ или порѣкмъ «ὠθοῦμεν», но въ дѣйствительности это форма 3-го л. ед. ч. наст. вр., согласованная съ именит. пад. дроугъ; сравн. 353, 1—2: въ коупѣ противънъıѩ силъı бѣствоу сѧ ѩшѧ, дроугъ дроуга рѣѩ. Глаголъ порѣѭ не заключалъ въ себѣ основы кратнаго вида (сравн. кратную основу въ пориваахѫ 32, 16, у проф. Ульянова на стр. 122) и не былъ также глаголомъ совершеннаго вида: глагольная основа рѣк- въ соотношеніи съ основою рине- имѣла значеніе длительно-несовершеннаго вида, подобно напр. дак- при дад-, а потому и въ порѣкть, порѣк, въ соотношеніи съ поринеть, сохранялся тотъ-же видъ, такъ-же какъ напр. и подакть, поимлкть имѣли длительно-несовершенный видъ, при совершенномъ видѣ въ подасть, поиметь (см. объ этихъ случаяхъ далѣе). Сравн. длительно-несовершенный видъ въ отърѣѭ Супр. рук. 321, 12, ѿрѣѭште Слова Григ. Бог. л. 118, α, въ рѣкмь «ὠθούμενος» ibid. л. 166, γ. Въ посмѣюште сѧ и порадоуюште сѧ я предполагаю для посмѣюште сѧ значеніе несовершеннаго вида (т. е. отсутствіе значенія совершеннаго вида); указаніе на то, что глаголъ посмиюти сѧ по самому значенію смѣха (насмѣшки) отдѣлялся отъ

глагола смиꙑти сѧ (и потому могъ не находиться въ соотношеніи по виду съ смиꙑти сѧ) я вижу въ слѣдующемъ мѣстѣ Супр. рук. (263, 12): врѣмѧ смиꙑти сѧ съпасению, смиꙑти сѧ а не посмиꙑти сѧ, ино бо смѣхъ поржганиꙑ, инъ же на оуспѣхъ. Поэтому и для порадоуѭште сѧ при посмѣѭште сѧ я предполагаю употребленіе съ значеніемъ несовершеннаго вида; сравн. порадоуѥтъ сѧ въ указанномъ выше мѣстѣ. Наконецъ, что касается похвалимъ и не похвалѧште, то и самъ авторъ говоритъ только, что здѣсь «можно принимать краткое значеніе», а такъ какъ подобнаго рода кратныя основы не засвидѣтельствованы несомнѣнными примѣрами въ старославянскихъ текстахъ (и не извѣстны изъ другихъ славянскихъ языковъ), то потому, я думаю, и здѣсь нѣтъ основанія предполагать кратное значеніе. Изъ русскаго языка авторъ относитъ сюда такіе случаи, какъ ждетъ-пождетъ, бѣгутъ-побѣгутъ, сидѣлъ да посидѣлъ, но, по моему мнѣнію, ничто не указываетъ здѣсь на кратное значеніе, и я вижу въ такихъ образованіяхъ совершенный видъ. Древнерусск. поболаетъ, «съ несомнѣнно кратнымъ значеніемъ», имѣетъ въ самой глагольной основѣ форму кратнаго вида, т. е. вовсе не однородно напр. съ пождетъ въ ждетъ-пождетъ [1]).

Славянскія кратныя глагольныя основы безъ приставки ро- и съ приставкою ро- представляютъ и по значенію два класса кратныхъ основъ, какъ вѣрно замѣчаетъ проф. Ульяновъ; въ основахъ съ приставкою ро- онъ видитъ «основы обозначающія повторяемость недлительнаго времени признака», а прочія кратныя основы, т. е. безъ приставки ро-, обозначаютъ, по его мнѣнію, «повторяемость длительнаго времени признака» (стр. 125). Я опредѣлилъ бы это различіе нѣсколько иначе. Кратныя основы съ ро- обозначаютъ въ данномъ признакѣ время распадающееся на отдѣльныя времена, и потому онѣ могли бы быть называемы «прерывисто-длительными» основами, какъ и называлъ, дѣйстви-

1) О происхожденіи славянскихъ кратныхъ основъ съ ро- см. у меня ниже.

тельно, Павскій глаголы съ такими основами «продолжительными прерывистыми» глаголами; вмѣстѣ съ тѣмъ въ такихъ основахъ можетъ являться и значеніе деминутивное (по Ломоносову, значеніе «умалительнаго учащенія»), которое само не есть значеніе видовое. Проф. Ульяновъ соглашается съ такого рода опредѣленіемъ значенія кратныхъ основъ съ приставкою ро- для большинства случаемъ, но только онъ видитъ при этомъ такъ-называемое имъ «собственно-составное» время признаковъ, т. е. длительное время, распадающееся на отдѣльные моменты; я думаю, однако, что и къ другимъ случаямъ, гдѣ по автору обозначается «сложно-составное» время признаковъ, подходитъ то-же опредѣленіе «прерывисто-длительныхъ» глагольныхъ основъ, какъ такихъ, которыя обозначаютъ время распадающееся на отдѣльныя времена (какъ бы ни были велики промежутки между отдѣльными временами), напр. въ русск. побаливать, сербск. поболиjѐвати польск. pobolewać.— Въ значеніи тѣхъ славянскихъ кратныхъ основъ, которыя не заключаютъ въ себѣ приставки ро-, авторъ различаетъ кратность (повторяемость) правильную, непрерывную и кратность неправильную, непрерывную и говоритъ, что это различіе «выработалось болѣе или менѣе опредѣленно, кажется, только въ русскомъ языкѣ; именно въ этомъ языкѣ получили большое распространеніе сложныя производныя основы на -ыва- (-ива-), которыя и обозначаютъ неправильную повторяемость времени признака» (стр. 126). Я не могу, однако, признать вѣрнымъ это опредѣленіе различій въ значеніи кратности, и то, что̀ авторъ называетъ кратностью правильною, я называю кратностью неопредѣленною; напр. въ русскомъ языкѣ водить, носить, ѣздить обозначаютъ, по мнѣнію автора, правильную, т. е. непрерывную кратность, но вѣдь въ дѣйствительности напр. ѣздить можетъ обозначать также и кратность непрерывную (напр. «онъ ѣздитъ туда», т. е. «бываетъ тамъ»). Поэтому такую кратность я называю неопредѣленною, а самыя основы съ такимъ значеніемъ— «неопредѣленно-кратными», имѣя въ виду то, что здѣсь не обозначается различіе между кратностью непрерывною и непрерывною,

но обозначается вообще повторяемость признака во времени. Неопредѣленно-кратными являются въ славянскихъ языкахъ тѣ кратныя глагольныя основы, которыя обозначаютъ различныя движенія, и здѣсь съ значеніемъ кратности соединяется вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе разнообразія, неопредѣленности въ направленіи движенія (сравн. у Павскаго глаголы «разнообразные неопредѣленные» и см. Миклошича Verg. Gramm. d. slav. Sprach. IV, стр. 277), именно потому, что въ такихъ основахъ можетъ обозначаться между прочимъ кратность непрерывная, т. е. непрерывное продолженіе движенія совершающагося въ различныхъ направленіяхъ; поэтому соотвѣтственныя некратныя основы, не обозначая кратности, вмѣстѣ съ тѣмъ являются съ значеніемъ «однообразія» (сравн. у Павскаго глаголы «единообразные») въ томъ смыслѣ, что обозначаютъ движенія совершающіяся въ одномъ направленіи, напр. русск. ѣхать по отношенію къ ѣздить или летѣть по отношенію къ летать. — Опредѣленною или раздѣльною кратностью я называю ту кратность, въ которой проф. Ульяновъ видитъ кратность неправильную, ненепрерывную, т. е. подъ опредѣленною кратностью даннаго признака я понимаю повторяемость признака въ различныя отдѣльныя времена, при чемъ съ этимъ значеніемъ можетъ соединяться и значеніе отношенія даннаго признака къ различнымъ объектамъ или значеніе существованія даннаго признака въ различныхъ мѣстахъ; поэтому кратныя основы съ такимъ значеніемъ кратности могутъ быть называемы «опредѣленно-кратными» или «раздѣльно-кратными». Миклошичъ, какъ извѣстно, различалъ въ славянскихъ кратныхъ глаголахъ iterativa первой степени и iterativa второй степени; послѣдніе, по его мнѣнію, обозначаютъ кратность кратныхъ глаголовъ первой степени. Проф. Ульяновъ высказываетъ сомнѣніе въ правильности этого опредѣленія и говоритъ, что онъ рѣшительно не понимаетъ, какимъ образомъ напр. русск. ѣжжать можетъ обозначать, такъ сказать, кратность кратности ѣздить (стр. 127). Я согласенъ съ авторомъ въ томъ, что опредѣленіе, данное Миклошичемъ, не удовлетворительно, но только

мнѣ кажется страннымъ то, что авторъ отождествляетъ вообще по значенію ѣжжать и ѣздить (онъ говоритъ: «ѣжжать и ѣздить по своему значенію тождественны»[1])). Различіе въ значеніи между ѣздить и ѣжжать такое-же, конечно, какъ напр. и между ходить и хаживать, а именно здѣсь является различіе въ самой кратности, такъ какъ въ ѣжжать, хаживать обозначается кратность опредѣленная, раздѣльная, т. е. повторяемость признака въ различныя отдѣльныя времена[2]). Также и польск. jeżdżać, chadzać (теперь chodziwać), о которыхъ упоминаетъ здѣсь авторъ, вовсе не тождественны по значенію съ jeździć, chodzić. Опредѣленно-кратныя основы образуются въ славянскихъ языкахъ какъ въ глаголахъ, обозначающихъ движенія и имѣющихъ при этомъ другія, неопредѣленно-кратныя основы (напр. русск. хаживать и ходить, нашивать и носить, чешск. chodívati, chodívávati[3]) и choditi, польск. chadzać, chodziwać и chodzić), такъ и въ другихъ глаголахъ, не обозначающихъ движеній, и эти послѣдніе глаголы, поскольку они имѣютъ кратныя основы, допускаютъ именно лишь основы съ опредѣленно-кратнымъ значеніемъ, напр. въ русск. говаривать, игрывать, ставать, чешск. volávati, lovívati и lovívávati, польск. ławiać, mawiać, widywać. Въ русскомъ языкѣ, какъ извѣстно, кратныя основы на *ыва*, *ива* и частью на *ва*, *а* (напр. пива-, ѣда-) безъ соединенія съ отрицаніемъ употребляются вообще только въ сочетаніи съ формою прош. вр., напр. въ нашивалъ, говаривалъ, пивалъ (но видаю, бываю при видалъ, бывалъ[4]); однако, эти русскія образованія не имѣютъ

1) И литовскія skraidýti и skráidżioti, на которыя ссылается здѣсь авторъ, также не тождественны по значенію, хотя и не различаются по отношенію къ самой кратности; по Куршату, въ skráidżioti существуетъ деминутивное значеніе.

2) По Далю, у донскихъ и уральскихъ казаковъ ѣжжать употребляется вмѣсто ѣздить.

3) Такого рода чешскія основы, какъ chodívá va-, обозначаютъ повторяемость признака съ бóльшими промежутками времени или болѣе рѣдкую сравнительно съ повторяемостью, обозначаемою основами типа chodíva-.

4) Впрочемъ, въ видаю, бываю нѣтъ теперь (для сознанія говорящихъ)

значенія кратнаго прош. вр., т. е. не совпадаютъ съ литовскою формою кратнаго прош. вр. на *-davau* (иначе думаетъ проф. Ульяновъ, который, впрочемъ, иначе представляетъ себѣ, какъ я говорилъ выше, значеніе этой литовской формы), но сохраняютъ въ основахъ форму кратнаго вида, какъ это засвидѣтельствовано тѣмъ обстоятельствомъ, что тѣ-же основы являются и въ сочетаніи съ формою инфинитива, и хотя инфинитивы съ такими основами имѣютъ у насъ очень ограниченное употребленіе (именно въ соединеніи съ отрицаніемъ [1]) въ безличныхъ предложеніяхъ [2])), тѣмъ не менѣе мы сознаемъ тождество формы основы напр. въ нашивалъ и въ нашивать; въ народныхъ пѣсняхъ извѣстны и дѣепричастія наст. вр. отъ такихъ основъ въ соединеніи съ отрицаніемъ (напр. не пиваючи, см. у автора стр. 131). Кромѣ того, основы въ говаривалъ, пивалъ и т. п. связываются для сознанія говорящихъ въ качествѣ видовыхъ кратныхъ основъ и съ основами «прерывисто-длительными»(т. е. также кратными, особаго рода) въ поговаривать, попивать и т. п. Нѣкогда общеславянскій языкъ имѣлъ также и кратныя глагольныя основы съ значеніемъ непрерывной кратности; такія основы, однако, впослѣдствіи, поскольку онѣ не перешли въ глаголахъ движенія въ кратныя основы съ значеніемъ неопредѣленной кратности, измѣнили значеніе кратнаго вида въ значеніе длительно-несовершеннаго вида, въ соотношеніи съ другими глагольными основами, получившими значеніе совершеннаго вида (см. ниже). Такова напр. основа въ старослав. стѫпати, русск. ступать, при соверш. видѣ въ стѫ-

---

кратнаго вида, т. е. значеніе повторяющагося признака принадлежитъ здѣсь теперь неграмматическому значенію этихъ основъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ и соотвѣтственныя основы соверш. вида (результативныя) въ повидаю, побываю, между тѣмъ какъ вообще раздѣльно кратныя глагольныя основы не входятъ въ составъ основъ соверш. вида.

1) Отрицаніе въ соединеніи съ глаголами, имѣющими такія основы, вноситъ значеніе «ни разу, никогда» (см. у автора стр. 130), что̀ обусловливается раздѣльно-кратнымъ значеніемъ этихъ основъ.

2) Миклошичъ въ Vergl. Gramm. d. slav. Spr. IV, 278, приводитъ говаривать ли мнѣ?, но я не знаю въ русскомъ языкѣ такого употребленія этихъ инфинитивовъ.

пити, русск. ступить, или въ русск. бросать, при соверш. видѣ въ бросить; такъ-же я смотрю напр. на старослав. основу въ свитати, сравн. соверш. видъ въ церковнослав. свьнеть «разсвѣтетъ», сербск. сва̏не̄; подобнымъ-же образомъ можетъ объясняться напр. и основа глѧда- въ глѧдати, сравн. соверш. видъ въ русск. гляну̑, сербск. гле̏дне̄м и т. д. Проф. Ульяновъ на стр. 119 приводитъ напр. русск. ступать въ числѣ глаголовъ съ кратными основами, но впослѣдствіи, на стр. 183, онъ самъ замѣчаетъ, что «основы какъ stǫpa- въ славянскихъ языкахъ уже не являются кратными».

На стр. 133 и слѣд. авторъ говоритъ о такихъ славянскихъ глагольныхъ основахъ на *a*, «которыя нерѣдко считаются основами кратными, но которыя въ дѣйствительности не принадлежатъ сюда», хотя въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ могутъ смѣшиваться съ основами собственно кратными. Проф. Ульяновъ не относитъ къ кратнымъ основамъ напр. старослав. глѧда-, лѣга-, бѣга- и думаетъ, что эти основы «представляютъ собою замѣну почти совсѣмъ утраченныхъ непроизводныхъ основъ (корневыхъ или съ *e/o*), происшедшую путемъ обобщенія основъ формъ ненастоящаго времени». Но въ глаголахъ съ основами наст. вр. на *e/o* или корневыми при такомъ звуковомъ видѣ корня, какой является въ старослав. глѧда-, лѣга-, бѣга-, не существовали вообще въ общеславянскомъ языкѣ основы инфинитива (т. е. основы формъ ненастоящаго времени) на *ā*, и потому нѣтъ никакого основанія думать, будто напр. старослав. бѣга-, русск. бѣга- есть основа не кратная по происхожденію. Въ такихъ глагольныхъ основахъ, какъ старослав. жела-, свита-, проф. Ульяновъ видитъ основы глаголовъ «средняго залога», чередующіяся съ основами на старое *ē*, но, какъ я объяснилъ выше, авторъ, по моему мнѣнію, вовсе не доказалъ существованія славянскихъ глагольныхъ основъ на *a* (общеслав. *ā*) въ качествѣ основъ глаголовъ состоянія, т. е. въ качествѣ основъ такъ-называемаго имъ «средняго залога».

Въ отдѣлѣ о славянскихъ сложныхъ глагольныхъ основахъ

проф. Ульяновъ прежде всего ставитъ вопросъ о томъ, «были ли эти основы уже въ древнѣйшія эпохи славянскихъ языковъ безусловно «перфективными» [1]), или нѣтъ» (стр. 138). Относительно старославянскаго языка «значительное количество фактовъ заставляетъ», по мнѣнію автора, придти къ тому заключенію, что здѣсь «сложеніе глагольныхъ основъ съ приставками, сохраняющими реальныя значенія, производило вообще двойственность видового значенія, т. е. такія основы могли имѣть какъ перфективное, такъ и имперфективное значеніе» (стр. 139). Затѣмъ, указавъ также на нѣкоторые факты въ русскомъ языкѣ, проф. Ульяновъ высказываетъ убѣжденіе въ томъ, что въ древнѣйшія эпохи вообще во всѣхъ славянскихъ языкахъ глагольныя основы, «вступая въ сложеніе съ приставками, сохранявшими въ сложеніи свои реальныя значенія, *не измѣняли необходимо имперфективнаго значенія въ перфективное*» (стр. 147). Изъ старославянскихъ текстовъ авторъ приводитъ здѣсь очень много примѣровъ, но тѣмъ не менѣе его общее положеніе остается, по моему мнѣнію, недоказаннымъ уже потому, что далеко не для всѣхъ этихъ случаевъ требуется то толкованіе, какое считаетъ необходимымъ проф. Ульяновъ, имѣющій въ виду при этомъ греческій текстъ; кромѣ того, многіе примѣры должны быть исключены изъ этого списка, такъ какъ данныя глагольныя основы заключаютъ въ себѣ приставки, не имѣющія того значенія, которое авторъ называетъ реальнымъ (т. е. значенія предложнаго). Такъ, относительно непочоужште, помыслите, помолѧщю сѧ авторъ самъ замѣчаетъ, что здѣсь «не ясно собственное значеніе приставки» (стр. 143); я думаю, однако, что трудно сомнѣваться въ тождествѣ этого по- съ по- въ основахъ перфективныхъ, гдѣ по- не имѣетъ «реальнаго» (предложнаго) значенія, и точно также относительно напр. послоушати едва-ли можно согласиться

---

1) Объ условномъ употребленіи у автора термина «перфективныя основы» (а потому и термина «имперфективныя основы») см. сказанное мною выше.

съ мнѣніемъ автора, будто въ по- здѣсь болѣе или менѣе ясно выступаетъ значеніе близкое къ значенію «подъ». Такіе случаи показывали бы, слѣдовательно, что и для тѣхъ старославянскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ, которыя по самому образованію ихъ должны были имѣть, и по мнѣнію автора, только перфективное видовое значеніе, извѣстно въ текстахъ употребленіе также и съ значеніемъ имперфективнымъ, если вѣрно то, что въ указанныхъ примѣрахъ является, дѣйствительно, между прочимъ имперфективное значеніе. Подобнымъ-же образомъ для съвѣмь «ἐπίσταμαι», съвѣси и т. д. проф. Ульяновъ не показалъ, что здѣсь приставка съ- имѣла «реальное» значеніе; по моему мнѣнію, этотъ глаголъ въ какомъ-то его отличіи отъ вѣмь утратилъ значеніе совершеннаго вида, нѣкогда принадлежавшее ему по образованію основы. Въ надѣꙗти сѧ основа по ея значенію не разлагалась уже на приставку и простую глагольную основу, а, кромѣ того, и по происхожденію основа въ надѣꙗти сѧ не могла имѣть совершенный видъ [1]), такъ какъ простая глагольная основа dě̌je- въ наст. вр., dě̌ja- въ инфинитивѣ, заключала въ себѣ длительно-несовершенный видъ (см. ниже и сравн. тотъже видъ напр. въ одѣѭ). Въ примѣрѣ: симонъ, иже наречетъ сѧ петръ греческое ὁ λεγόμενος ничего не рѣшаетъ относительно видоваго значенія въ наречетъ сѧ (гдѣ при томъ трудно признать въ приставкѣ «реальное» значеніе), а вмѣстѣ съ тѣмъ форма наст. вр. въ наречетъ сѧ имѣетъ такое значеніе (не обозначаетъ дѣйствительнаго настоящаго времени), при которомъ вполнѣ возможна здѣсь основа перфективная, т. е. совершеннаго вида; сравн. такое-же употребленіе формы наст. вр. въ древнерусскихъ географическихъ описаніяхъ, напр. «рѣчьки

---

1) Проф. Ульяновъ (стр. 142) предполагаетъ въ этомъ глаголѣ при обыкновенномъ имперфективномъ значеніи также и рѣдкое перфективное, именно въ надѣите сѧ ἐλπίσατε, надѣѭ сѧ ἐλπιῶ, надѣѭтъ сѧ ἐλπιοῦσι, изъ Синайск. псалт.; но надѣите сѧ ничего не доказываетъ (какъ-же иначе могло бы быть переведено греч. ἐλπίσατε?), а въ надѣѭ сѧ и надѣѭтъ сѧ едва-ли можно видѣть точное соотвѣтствіе греч. ἐλπιῶ, ἐλπιοῦσι. Въ нѣмецкомъ переводѣ псалмовъ (Лютера) въ обоихъ этихъ случаяхъ—форма наст. вр.

проф. Ульяновъ прежде всего ставитъ вопросъ о томъ, «были ли эти основы уже въ древнѣйшія эпохи славянскихъ языковъ безусловно «перфективными» [1]), или нѣтъ» (стр. 138). Относительно старославянскаго языка «значительное количество фактовъ заставляетъ», по мнѣнію автора, придти къ тому заключенію, что здѣсь «сложеніе глагольныхъ основъ съ приставками, сохраняющими реальныя значенія, производило вообще двойственность видового значенія, т. е. такія основы могли имѣть какъ перфективное, такъ и имперфективное значеніе» (стр. 139). Затѣмъ, указавъ также на нѣкоторые факты въ русскомъ языкѣ, проф. Ульяновъ высказываетъ убѣжденіе въ томъ, что въ древнѣйшія эпохи вообще во всѣхъ славянскихъ языкахъ глагольныя основы, «вступая въ сложеніе съ приставками, сохранявшими въ сложеніи свои реальныя значенія, *не измѣняли необходимо имперфективнаго значенія въ перфективное*» (стр. 147). Изъ старославянскихъ текстовъ авторъ приводитъ здѣсь очень много примѣровъ, но тѣмъ не менѣе его общее положеніе остается, по моему мнѣнію, недоказаннымъ уже потому, что далеко не для всѣхъ этихъ случаевъ требуется то толкованіе, какое считаетъ необходимымъ проф. Ульяновъ, имѣющій въ виду при этомъ греческій текстъ; кромѣ того, многіе примѣры должны быть исключены изъ этого списка, такъ какъ данныя глагольныя основы заключаютъ въ себѣ приставки, не имѣющія того значенія, которое авторъ называетъ реальнымъ (т. е. значенія предложнаго). Такъ, относительно непочоуѭште, помꙑслите, помолѩщю сѧ авторъ самъ замѣчаетъ, что здѣсь «не ясно собственное значеніе приставки» (стр. 143); я думаю, однако, что трудно сомнѣваться въ тождествѣ этого по- съ по- въ основахъ перфективныхъ, гдѣ по- не имѣетъ «реальнаго» (предложнаго) значенія, и точно также относительно напр. послоушати едва-ли можно согласиться

---

1) Объ условномъ употребленіи у автора термина «перфективныя основы» (а потому и термина «имперфективныя основы») см. сказанное мною выше.

съ мнѣніемъ автора, будто въ по- здѣсь болѣе или менѣе ясно выступаетъ значеніе близкое къ значенію «подъ». Такіе случаи показывали бы, слѣдовательно, что и для тѣхъ старославянскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ, которыя по самому образованію ихъ должны были имѣть, и по мнѣнію автора, только перфективное видовое значеніе, извѣстно въ текстахъ употребленіе также и съ значеніемъ имперфективнымъ, если вѣрно то, что въ указанныхъ примѣрахъ является, дѣйствительно, между прочимъ имперфективное значеніе. Подобнымъ-же образомъ для съвѣмь «ἐπίσταμαι», съвѣси и т. д. проф. Ульяновъ не показалъ, что здѣсь приставка съ- имѣла «реальное» значеніе; по моему мнѣнію, этотъ глаголъ въ какомъ-то его отличіи отъ вѣмь утратилъ значеніе совершеннаго вида, нѣкогда принадлежавшее ему по образованію основы. Въ надѣꙗти сѧ основа по ея значенію не разлагалась уже на приставку и простую глагольную основу, а, кромѣ того, и по происхожденію основа въ надѣꙗти сѧ не могла имѣть совершенный видъ [1]), такъ какъ простая глагольная основа děje- въ наст. вр., děja- въ инфинитивѣ, заключала въ себѣ длительно-несовершенный видъ (см. ниже и сравн. тотъже видъ напр. въ одѣѭ). Въ примѣрѣ: симонъ, иже наречетъ сѧ петръ греческое ὁ λεγόμενος ничего не рѣшаетъ относительно видоваго значенія въ наречетъ сѧ (гдѣ при томъ трудно признать въ приставкѣ «реальное» значеніе), а вмѣстѣ съ тѣмъ форма наст. вр. въ наречетъ сѧ имѣетъ такое значеніе (не обозначаетъ дѣйствительнаго настоящаго времени), при которомъ вполнѣ возможна здѣсь основа перфективная, т. е. совершеннаго вида; сравн. такое-же употребленіе формы наст. вр. въ древнерусскихъ географическихъ описаніяхъ, напр. «рѣчьки

---

1) Проф. Ульяновъ (стр. 142) предполагаетъ въ этомъ глаголѣ при обыкновенномъ имперфективномъ значеніи также и рѣдкое перфективное, именно въ надѣите сѧ ἐλπίσατε, надѣѭ сѧ ἐλπιῶ, надѣѭтъ сѧ ἐλπιοῦσι, изъ Синайск. псалт.; но надѣите сѧ ничего не доказываетъ (какъ-же иначе могло бы быть переведено греч. ἐλπίσατε?), а въ надѣѭ сѧ и надѣѭтъ сѧ едва-ли можно видѣть точное соотвѣтствіе греч. ἐλπιῶ, ἐλπιοῦσι. Въ нѣмецкомъ переводѣ псалмовъ (Лютера) въ обоихъ этихъ случаяхъ—форма наст. вр.

ради, яже втечеть въ Двину» (см. у автора стр. 145), гдѣ, по моему мнѣнію, нѣтъ основанія видѣть имперфективное значеніе, т. е. значеніе несовершеннаго вида. Наконецъ, что касается тѣхъ случаевъ въ старославянскихъ текстахъ, гдѣ форма наст. вр. въ глаголѣ, имѣющемъ сложную основу, соотвѣтствуетъ греческой формѣ наст. вр. (напр. отърѣшить «λύει»), то самъ авторъ признаетъ, что можно соглашаться съ мнѣніемъ Миклошича относительно такихъ случаевъ и не придавать имъ слишкомъ большаго значенія (стр. 138); при этомъ надо замѣтить, что среди этихъ случаевъ много и такихъ, въ которыхъ приставка въ сложной основѣ вовсе не имѣетъ такъ-называемаго авторомъ «реальнаго» значенія, напр. въ възмогѫ, сътворитъ, съмѫтимъ сѧ, оуспѣатъ, оунъıемъ и др. Примѣры изъ русскаго языка въ общемъ также не доказываютъ того, что хотѣлъ бы извлечь изъ нихъ проф. Ульяновъ. И здѣсь очень часто является въ сложной основѣ приставка, не имѣющая «реальнаго» (предложнаго) значенія, напр. въ смогу, спою, свѣдаешь, скажется, спряташеть, постояти, начаю, начаюсь («простой глаголъ рѣдокъ»; слѣдовательно, основа въ начаю, начаюсь можетъ не сознаваться какъ сложная) и др. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ я вижу при томъ значеніе совершеннаго вида, напр. въ «съѣсть не смогу, а покинуть жаль», «много сможется, вдвое хочется» «скоро скажется, тихо сдѣется» и др.; между прочимъ и въ примѣрѣ, взятомъ изъ Исторической Грамматики Буслаева: «азъ у нихъ ту деревню выкупаю, и они мнѣ, Господине, тое деревни не отдадутъ, а денегъ не возмутъ» (Юрид. Акт. подъ 1511 г.) я нахожу въ отдадутъ и возмутъ основы совершеннаго вида и думаю, что «не возмутъ» (а потому и «не отдадутъ») въ этомъ мѣстѣ однородно съ «не въз'мѫ» (ου λαμβάνω) въ Супр. рук. 401, 10, гдѣ и проф. Ульяновъ признаетъ основу перфективную (стр. 195). Относительно втечеть (таковы-же потечеть, внидеть) въ географическихъ описаніяхъ я уже говорилъ, что при такомъ употребленіи формы наст. вр. нѣтъ основанія видѣть здѣсь имперфективное значеніе.

Итакъ, авторъ, я думаю, вовсе не доказалъ того, что въ старославянскомъ языкѣ или нѣкогда вообще въ славянскихъ языкахъ сложныя глагольныя основы, заключавшія въ себѣ приставки съ «реальнымъ» (предложнымъ) значеніемъ, соединяли видовыя значенія перфективное и имперфективное, въ отличіе отъ другихъ сложныхъ глагольныхъ основъ, имѣвшихъ лишь перфективное значеніе; и тѣ и другія сложныя глагольныя основы въ славянскихъ языкахъ являются одинаково основами перфективными, т. е. основами совершеннаго вида, а въ отдѣльныхъ случаяхъ (понятно, при особыхъ условіяхъ) глаголы и съ тѣми и съ другими основами могутъ получать имперфективное значеніе вмѣсто перфективнаго или могутъ имѣть при перфективномъ значеніи и имперфективное. Слѣдовательно, славянскіе языки въ соотвѣтствіи съ тѣми двумя классами балтійскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ, о которыхъ я говорилъ выше, представляютъ вообще одинъ классъ основъ по отношенію къ видовому значенію, именно классъ основъ перфективныхъ, т. е. совершеннаго вида.

Проф. Ульяновъ смотритъ на значенія славянскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ такъ-же, какъ и на значенія балтійскихъ сложныхъ основъ 2-го рода, т. е. хотя онъ и называетъ условно эти основы «перфективными», при этомъ, однако, не находитъ въ нихъ общаго значенія совершеннаго вида, но, какъ и въ балтійскихъ «перфективныхъ» основахъ, различаетъ: a) основы, обозначающія ограниченіе длительнаго времени признака и b) основы, обозначающія время признака какъ недлительное (стр. 154); въ основахъ a., какъ и въ соотвѣтственныхъ балтійскихъ глагольныхъ основахъ, различаются, по мнѣнію автора, основы 1) детерминативныя, 2) суммарныя и 3) результативныя и собственно перфективныя, а въ основахъ b. онъ находитъ основы недлительныя и основы ингрессивныя (стр. 154—170). Я не буду повторять здѣсь того, что сказано мною выше относительно такого взгляда автора на видовыя значенія тѣхъ балтійскихъ и славянскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ, въ которыхъ я вижу основы совершен-

наго вида; замѣчу, однако, что и здѣсь, по отношенію къ славянскимъ основамъ, я нахожу нѣкоторыя цѣнныя указанія въ представленной авторомъ классификаціи значеній этихъ основъ. Въ славянскихъ сложныхъ основахъ совершеннаго вида, какъ и въ балтійскихъ, я различаю по различіямъ въ видовомъ значеніи прежде всего основы съ результативнымъ значеніемъ и основы съ детерминативнымъ значеніемъ, а въ основахъ съ результативнымъ значеніемъ и здѣсь я нахожу основы съ результативнымъ значеніемъ перваго рода, обозначающія данные признаки во время результата ихъ существованія, и основы съ результативнымъ значеніемъ втораго рода (съ значеніемъ результативно-ингрессивнымъ), обозначающія признаки во время результата ихъ наступленія, т. е. по отношенію къ предшествующей готовности проявиться. Къ славянскимъ сложнымъ детерминативнымъ основамъ, обозначающимъ признаки съ законченностью данной длительности (при чемъ длительность обозначается нерѣдко какъ незначительная), принадлежатъ тѣ основы съ приставкою ро-, которыя и проф. Ульяновъ называетъ детерминативными, напр. въ русск. посидѣть, пожить, попить, старослав. побьдѣти (побъдѣти) въ: тако ли не възможе единого часа побьдѣти съ мъноѭ (Зогр. и Мар. ев. Матѳ. 26, 40); въ русск. походить, поѣздить, полетать глагольная основа, входящая въ составъ сложной основы, является кратною, именно неопредѣленно-кратною [1]), и потому такія детерминативныя основы обозначаютъ данные признаки съ законченностью кратной длительности. Славянскія результативныя основы 2-го рода (или основы результативно-ингрессивныя) я вижу въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ сложныхъ основъ, которыя проф. Ульяновъ называетъ недлительными, напр. въ старослав. повести, поити, повелѣти, русск. повести, пойти и т. д. (но сюда не принадлежатъ напр. основы въ старослав. сътворити,

---

1) Славянскія опредѣленно-кратныя, или раздѣльно-кратныя глагольныя основы по самому значенію раздѣльной кратности вообще не входятъ въ составъ основъ совершеннаго вида.

съдѣлати, русск. сдѣлать, а также и основы съ приставками, сохраняющими предложныя значенія), а, кромѣ того, я отношу сюда-же тѣ сложныя основы, которыя авторъ опредѣляетъ какъ ингрессивныя, напр. въ старослав. възалъкати, въжделѣти, прозьрѣти, русск. закричать, запѣть, промолвить и др. Основы съ приставкою za-, не имѣющею предложнаго значенія, употребляются въ славянскихъ языкахъ и съ другимъ значеніемъ совершеннаго вида, именно какъ основы начинательныя-результативныя, и принадлежатъ въ этомъ случаѣ къ результативнымъ основамъ 1-го рода; см. о такихъ основахъ далѣе. Кратныя глагольныя основы не входятъ въ составъ результативныхъ основъ 2-го рода.

Всѣ прочія сложныя основы совершеннаго вида, т. е. помимо основъ детерминативныхъ и результативныхъ 2-го рода, являются результативными основами 1-го рода, при чемъ по отношенію къ приставкамъ въ нихъ различаются основы съ приставками, не имѣющими предложнаго значенія, и основы съ приставками, сохраняющими предложное значеніе. Славянскія результативныя основы 1-го рода съ приставками, не имѣющими предложнаго значенія, какъ и соотвѣтственныя сложныя основы балтійскихъ языковъ, могутъ имѣть, сверхъ результативнаго видоваго значенія, также и значеніе результативности въ самомъ признакѣ, т. е. могутъ обозначать время результата въ признакѣ результативномъ по отношенію къ тому, какой обозначается простою глагольною основою, напр. въ русск. зарѣзать, вылѣчить и т. п. [1]); это значеніе и здѣсь, какъ и въ подобныхъ балтійскихъ глагольныхъ основахъ, не вносится самими приставками, но развивается въ существующихъ уже результативныхъ основахъ 1-го рода подъ вліяніемъ результативнаго ви-

1) Отсюда у проф. Ульянова различіе между «результативными» и собственно «перфективными» основами; терминъ «перфективныя основы» употребляется у него, впрочемъ, какъ мы видѣли, и съ болѣе общимъ значеніемъ, по отношенію ко всѣмъ тѣмъ основамъ, которыя я называю основами соверш. вида.

доваго значенія. Затѣмъ, въ славянскихъ результативныхъ основахъ 1-го рода съ приставками, не имѣющими предложнаго значенія, какъ и въ соотвѣтственныхъ балтійскихъ основахъ, приставки могутъ вносить, сверхъ общаго для всѣхъ ихъ видоваго результативнаго значенія, также и другія, специальныя значенія, т. е. могутъ обозначать время результата въ такомъ существованіи признака, которое получаетъ извѣстное опредѣленіе при посредствѣ приставки. Поэтому во всѣхъ такихъ результативныхъ основахъ 1-го рода, гдѣ приставки, не имѣющія предложнаго значенія, вносятъ извѣстное специальное значеніе, сверхъ общаго результативнаго, данный признакъ обозначается въ его существованіи во времени, т. е. въ его длительности (поскольку такая основа не получаетъ значенія результативнаго признака), и, слѣдовательно, всѣ такія основы могутъ быть называемы длительно-результативными. Сюда принадлежатъ напр. въ русскомъ языкѣ, не смотря на различія въ специальномъ значеніи приставокъ: напиться (поскольку не обозначается результативность самого признака), нажраться; пересолить; избить; настрѣлять; перестрѣлять и т. д. Во взглядѣ проф. Ульянова на эти основы я нахожу такую-же непослѣдовательность, какъ и по отношенію къ соотвѣтственнымъ балтійскимъ основамъ; напр. основы въ русск. наѣсться, наговориться авторъ относитъ къ такъ-называемымъ имъ «результативнымъ» основамъ (стр. 162), между тѣмъ какъ основы, являющіяся напр. въ русск. избить, настрѣлять, онъ отдѣляетъ отъ «результативныхъ» и называетъ «суммарными» основами, хотя и наговориться и избить, настрѣлять, несмотря на извѣстныя различія въ специальномъ значеніи приставокъ, одинаково имѣютъ то видовое значеніе, которое я опредѣляю какъ результативное 1-го рода, и хотя въ наговориться, какъ и въ избить, настрѣлять, признакъ обозначается въ его длительности. Въ славянскихъ сложныхъ основахъ, называемыхъ авторомъ «суммарными», я различаю по различіямъ въ специальномъ значеніи приставокъ, во-первыхъ, такія основы, въ которыхъ приставка обозначаетъ

полноту длительности признака по отношенію ко всему количеству даннаго времени или по отношенію ко всему данному пространству, напр. въ русск. высидѣть (все время до конца), просидѣть (въ продолженіе всего времени), исходить (всѣ мѣста), избить (всего), и т. д.; сравн. выше подобныя-же основы въ балтійскихъ языкахъ. Во-вторыхъ, приставка въ такихъ основахъ можетъ обозначать сильную или полную степень проявленія, достигаемую въ длительности признака, напр. въ русск. изругать, испоститься, а также напр. и въ избить можетъ выступать это значеніе («сильно побить»); подобныя основы, какъ мы видѣли, извѣстны и въ балтійскихъ языкахъ. Въ-третьихъ, сюда принадлежатъ основы, въ которыхъ приставка обозначаетъ или постепенное распространеніе признака на сумму объектовъ и на отдѣльные объекты въ цѣлой суммѣ, или постепенное сочетаніе признака съ суммою субъектовъ и съ отдѣльными субъектами въ цѣлой суммѣ, напр. въ русск. настрѣлять, перестрѣлять, наѣхали гости, повскакать и т. д.; въ балтійскихъ языкахъ, насколько мнѣ извѣстно, не существуютъ результативныя основы съ такимъ значеніемъ. Особыми подклассами длительно-результативныхъ основъ въ славянскихъ языкахъ являются основы начинательныя-результативныя и финитивныя-результативныя, такъ какъ и въ тѣхъ и въ другихъ при посредствѣ спеціальнаго значенія приставки обозначается время результата не по отношенію ко всему признаку, но или по отношенію къ процессу начинанія признака или по отношенію къ процессу окончанія, прекращенія признака; и тѣ и другія основы не извѣстны мнѣ изъ балтійскихъ языковъ. Начинательныя-результативныя основы въ славянскихъ языкахъ образуются сочетаніемъ глагольной основы съ приставкою za-, хотя приставка za-, съ другимъ значеніемъ, является также въ результативныхъ основахъ 2-го рода; напр. въ русск. закурить ясно различаются оба эти значенія, т. е. значеніе времени результата въ наступленіи признака (закурили = «стали курить») и значеніе времени результата въ начинающемся признакѣ (въ послѣднемъ

случаѣ закурить находится въ соотношеніи съ закуривать), такъ-же какъ напр. запѣть, зацвѣсти въ соотношеніи съ запѣвать, зацвѣтать являются начинательными-результативными основами или напр. сюда-же принадлежитъ забѣгать «начать бѣгать». Сравн. у автора стр. 169—170, гдѣ такія основы опредѣляются какъ «ингрессивныя съ начинательнымъ значеніемъ» [1]. Финитивныя-результативныя основы образуются въ славянскихъ языкахъ сочетаніемъ глагольной основы съ приставкою otъ-, напр. въ русск. отцвѣсти (въ соотношеніи съ отцвѣтать), отобѣдать, отбѣгать и т. д.; такія основы должны быть отличаемы, понятно, отъ тѣхъ основъ съ otъ-, въ которыхъ приставкою обозначается полнота длительности признака, напр. въ русск. отстоять обѣдню (всю, до конца), отсидѣть срокъ (до конца).

На существованіе въ славянскихъ результативныхъ основахъ 1-го рода двухъ классовъ: длительно-результативныхъ и недлительно-результативныхъ основъ ясно указываетъ употребленіе кратныхъ глагольныхъ основъ въ результативныхъ основахъ 1-го рода. Кратныя глагольныя основы, и при томъ именно неопредѣленно-кратныя глагольныя основы, сохраняютъ значеніе кратности лишь въ тѣхъ сложныхъ результативныхъ основахъ 1-го рода, которыя заключаютъ въ себѣ приставки, имѣющія спеціальныя непредложныя значенія, а мы видѣли, что именно такія результативныя основы 1-го рода принадлежатъ къ длительно-результативнымъ основамъ; напр. въ русскомъ языкѣ кратныя глагольныя основы мы находимъ въ набѣгаться, выходить,

---

1) Проф. Ульяновъ указываетъ на такія основы только въ русскомъ языкѣ, но онѣ извѣстны и въ другихъ славянскихъ языкахъ. Напр. въ польскомъ zaboleć Линде различаетъ значеніе «zacząć boleć, anfangen wehe zu thun» и значеніе «erkranken» или напр. чешское zaboleti, опредѣляемое у Юнгмана въ значеніи «anfangen wehe zu thun», должно имѣть, дѣйствительно, начинательное результативное значеніе въ соотношеніи съ zabolivati («заболѣвать»). См. также Миклошича Vergl. Gramm. d. slav. Sprach. IV, стр. 206 и слѣд., гдѣ, впрочемъ, въ основахъ съ za- не указано различіе между результативными основами 1-го рода (начинательными-результативными) и результативными основами 2-го рода.

исходить, забѣгать, отбѣгать и т. д. Что же касается недлительно-результативныхъ основъ, то въ нихъ не допускаются кратныя глагольныя основы, сохраняющія кратное значеніе, и въ такихъ случаяхъ, какъ сбѣгать куда, слетать куда, является связь по значенію уже не съ кратными глаголами бѣгать, летать, но съ соотвѣтственными некратными бѣжать, летѣть, т. е. сбѣгать, слетать куда заключаютъ въ себѣ по значенію основы совершеннаго вида (результативныя 1-го рода) по отношенію къ тѣмъ основамъ несовершеннаго вида, какія даны въ бѣжать, летѣть, вслѣдствіе чего напр. въ слетать куда основа является теперь (независимо отъ происхожденія) производно-сложною, т. е. получающею въ сочетаніи съ приставкою видоизмѣненіе простой глагольной основы (данной въ летѣть). — Всякія длительно-результативныя основы въ славянскихъ языкахъ, т. е. результативныя основы 1-го рода, обозначающія признаки во время результата длительности, не должны быть смѣшиваемы, конечно, съ основами детерминативными, которыя обозначаютъ, какъ мы знаемъ, данные признаки въ законченности данной ихъ длительности, т. е. во всей данной длительности, имѣющей законченность (а не во время законченности длительности). То-же надо имѣть въ виду, понятно, и къ отношенію къ соотвѣтственнымъ балтійскимъ основамъ [1]).

Въ тѣхъ славянскихъ результативныхъ основахъ 1-го рода, гдѣ приставки сохраняютъ предложныя значенія, видовое значеніе вносится не самою приставкою, но сочетаніемъ такой частицы съ глагольными основами въ извѣстномъ ихъ образованіи; эти сложныя основы представляютъ собою, слѣдовательно, по отно-

---

1) Миклошичъ различалъ въ славянскихъ глаголахъ совершеннаго вида «unbedingt perfective Verba» и «bedingt perfective Verba» (Vgl. Gramm. d. slav. Sprach. IV, стр. 279); подъ послѣдними онъ понималъ такіе глаголы, которые обозначаютъ «Vollendung» по отношенію къ длительности дѣйствія (именно по отношенію къ присутствію или отсутствію длительности), но при этомъ онъ соединялъ въ одномъ классѣ глаголы съ основами, называемыми мною длительно-результативными, и глаголы съ тѣми основами, которыя я называю детерминативными.

шенію къ видовому значенію извѣстное грамматическое образованіе, т. е. имѣютъ форму совершеннаго вида, находящуюся въ соотношеніи съ образованіемъ сложно-производныхъ основъ какъ съ формою несовершеннаго вида, напр. въ русск. привести, увести въ ихъ соотношеніи съ приводить, уводить или напр. въ собрать при собирать и т. д. Такія результативныя основы 1-го рода принадлежатъ къ основамъ недлительно-результативнымъ, т. е. обозначаютъ данный признакъ во время его результата безъ отношенія къ длительности признака; поэтому кратныя глагольныя основы не сочетаются съ приставками, имѣющими предложныя значенія, въ сложныхъ основахъ совершеннаго вида. Въ балтійскихъ языкахъ сложныя основы, заключающія въ себѣ приставки съ предложными значеніями, не получаютъ, какъ мы знаемъ, значенія совершеннаго вида, но въ балтійскихъ языкахъ не существуютъ также и сложно-производныя основы несовершеннаго вида.

Славянскія сложно-производныя глагольныя основы, т. е. основы образуемыя отъ сложныхъ основъ, не должны быть принимаемы за основы сложныя, хотя по происхожденію прототиповъ такихъ основъ, дѣйствительно, были нѣкогда основами сложными. Проф. Ульяновъ вполнѣ правъ, замѣчая, что «Миклошичъ несправедливо обобщаетъ такіе случаи, какъ привлачити, вамѣтати, и для всѣхъ сложныхъ основъ, какъ старослав. постилати, простирати, достигати, вьжагати, вьзбыдати и т. п., предполагаетъ соотвѣтствующія простыя кратныя основы» (стр. 152). Дѣйствительно, по бо́льшей части такія основы въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ не только по значенію, но и по образованію не разлагаются непосредственно на приставки и простыя глагольныя основы [1]); поэтому и одно-

1) Сюда относятся, между прочимъ, и такіе случаи, какъ русск. выбѣга̀ть, убѣга̀ть при бѣгать, между тѣмъ какъ напр. въ вы́бѣгать является основа производно-сложная (соверш. вида), т. е. такая, которая разлагается непосредственно на приставку и простую глагольную основу съ извѣстнымъ ея видоизмѣненіемъ (въ данномъ случаѣ по отношенію къ ударенію). Иначе смотритъ на эти случаи проф. Ульяновъ (стр. 150), но я не могу согласиться съ нимъ.

родныя съ ними по значенію основы въ такихъ глаголахъ, какъ старослав. привлачити, приносити, русск. приносить, являются для сознанія говорящихъ не сложными, но сложно-производными, т. е. образуемыми отъ сложныхъ основъ (данныхъ въ нашихъ примѣрахъ въ старослав. привлѣшти, принести, русск. принести)[1]). Славянскія сложно-производныя глагольныя основы образуются не только отъ тѣхъ сложныхъ результативныхъ основъ 1-го рода, которыя заключаютъ въ себѣ приставки съ предложными значеніями, но также и отъ другихъ результативныхъ основъ 1-го рода, именно отъ такихъ, въ которыхъ приставки, сверхъ видоваго результативнаго значенія, вносятъ и другое (не предложное) значеніе. Сравн. напр. русск. выучивать, вылѣчивать, изнашивать (платье), отсиживать (срокъ), перековеркивать, зацвѣтать, отцвѣтать.

Всякія сложно-производныя глагольныя основы въ славянскихъ языкахъ по самому образованію ихъ отъ сложныхъ основъ, т. е. по самой словообразовательной формѣ, обозначаютъ незаконченную длительность тѣхъ признаковъ, которые во время ихъ законченности (результата) обозначаются соотвѣтственными сложными основами. Поэтому значеніе несовершеннаго вида, принадлежащее словообразовательной формѣ сложно-производныхъ основъ, можетъ быть опредѣляемо какъ значеніе «длительно-несовершеннаго» вида. Понятно, что и въ сложныхъ глагольныхъ основахъ (результативныхъ 1-го рода), отъ которыхъ образуются сложно-производныя основы, отличіе въ значеніи вида отъ соотвѣт-

---

2) По мнѣнію автора, «привлачити находится также въ отношеніи къ влачити, и обѣ основы поэтому являются кратными, различаясь только по реальнымъ значеніямъ» (стр. 153 примѣч.); но между привлачити (въ которомъ нельзя открыть кратное значеніе) и влачити не существуетъ никакого отношенія по виду, такъ-же какъ напр. и привлѣшти по виду не находится въ соотношеніи съ влѣшти. «Несомнѣнное краткое значеніе въ сложной основѣ» авторъ находитъ въ такихъ случаяхъ, какъ русск. «изъ куста въ кустъ перебродитъ», но значеніе повторяющагося признака въ перебродитъ не есть видовое, а представляетъ собою неграмматическое значеніе данной основы, т. е. образуется сочетаніемъ значенія (предложнаго) «пере-» съ значеніемъ «бродить».

ственныхъ сложно-производныхъ основъ является принадлежностью образованія основъ (въ ихъ соотношеніи съ основами сложно-производными), т. е. значеніемъ формы основъ. Относительно тѣхъ славянскихъ результативныхъ основъ 1-го рода, въ которыхъ приставки имѣютъ предложныя значенія, я говорилъ уже, что въ нихъ это видовое значеніе существуетъ исключительно въ соотношеніи съ значеніемъ формы несовершеннаго вида въ сложно-производныхъ основахъ, т. е. представляетъ собою исключительно значеніе формы основъ; напр. русск. принести по значенію совершеннаго вида находится въ отношеніи лишь къ приносить, но не къ нести. Что же касается другихъ сложныхъ результативныхъ основъ 1-го рода, при которыхъ существуютъ сложно-производныя основы, то онѣ являются въ соотношеніи по виду какъ съ послѣдними, такъ и съ простыми глагольными основами, а простыя глагольныя основы по отношенію къ соотвѣтственнымъ сложнымъ основамъ совершеннаго вида, заключающимъ въ себѣ приставки не имѣющія предложнаго значенія, представляютъ собою основы несовершеннаго вида съ отрицательнымъ видовымъ значеніемъ, т. е. являются основами не обозначающими законченности въ данныхъ признакахъ. Различіе между простыми и сложными глагольными основами не есть различіе грамматическое, такъ какъ приставка (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ префиксомъ какъ извѣстнаго рода аффиксомъ) не образуетъ грамматической части словъ; поэтому и различіе въ видовомъ значеніи между сложными глагольными основами совершеннаго вида и соотвѣтственными простыми глагольными основами не есть различіе грамматическое, т. е. не касается формы основъ. Въ соотношеніи съ простыми глагольными основами сложныя результативныя основы 1-го рода (съ приставками, не имѣющими предложнаго значенія) обозначаютъ время законченности, результата въ признакѣ, обозначаемомъ соотвѣтственною простою глагольною основою (напр. выучить по отношенію къ учить), а въ соотношеніи со сложно-производными основами сложныя результативныя основы 1-го рода обо-

значаютъ время законченности, результата въ томъ признакѣ, который въ его незаконченной длительности обозначается соотвѣтственною сложно-производною основою (напр. выучить по отношенію къ выучивать).

При прочихъ сложныхъ глагольныхъ основахъ совершеннаго вида въ славянскихъ языкахъ, т. е. при основахъ результативныхъ 2-го рода и основахъ детерминативныхъ, не существуютъ сложно-производныя основы, такъ какъ въ этихъ сложныхъ основахъ приставки вносятъ только извѣстное значеніе совершеннаго вида; поэтому въ соотношеніи съ такими сложными основами по видовому значенію являются исключительно соотвѣтственныя простыя глагольныя основы (напр. въ русск. понести при нести или въ посидѣть при сидѣть). Однако, и при сложныхъ детерминативныхъ основахъ, а также и при результативныхъ 2-го рода мы находимъ въ славянскихъ языкахъ основы однородныя по происхожденію со сложно-производными основами отъ результативныхъ основъ 1-го рода, но по значенію эти основы, бывшія производными отъ детерминативныхъ и результативныхъ 2-го рода, отдѣлились отъ сложныхъ основъ совершеннаго вида и вступили въ соотношеніе съ соотвѣтственными простыми глагольными основами, такъ что онѣ представляютъ собою по значенію извѣстныя производно-сложныя основы при соотвѣтственныхъ простыхъ глагольныхъ основахъ. Такого рода основы, образованныя отъ сложныхъ результативныхъ основъ 2-го рода, извѣстны, впрочемъ, лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно въ глаголахъ движенія: сюда принадлежатъ въ русскомъ языкѣ напр. основы въ походить съ значеніемъ «собираться идти», поѣжжать «собираться ѣхать» въ ихъ отношеніи по происхожденію къ результативнымъ основамъ 2-го рода въ пойти, поѣхать и въ ихъ связи по значенію съ простыми глагольными основами въ идти, ѣхать; см. объ этихъ и подобныхъ случаяхъ въ другихъ славянскихъ языкахъ у проф. Ульянова стр. 188, гдѣ, однако, иначе объясняются такія образованія. Основы, образованныя отъ сложныхъ детерминативныхъ основъ и всту-

пившія въ извѣстную связь по значенію съ соотвѣтственными простыми глагольными основами, являются въ прерывисто-длительныхъ основахъ, о которыхъ я говорилъ уже выше, т. е. напр. въ русск. похаживать, поговаривать, побаливать и т. д., сравн. детерминативныя основы въ походить, поговорить, поболѣть и т. д.; можетъ быть, основы этого типа получались сперва при тѣхъ именно сложныхъ детерминативныхъ основахъ, въ составъ которыхъ входятъ кратныя глагольныя основы. Такъ объясняется, я думаю, существованіе приставки po- (русск. по-) въ прерывисто-длительныхъ, т. е. извѣстнаго рода кратныхъ, основахъ, и отсюда видно вмѣстѣ съ тѣмъ, почему глагольныя основы, входящія въ составъ прерывисто-длительныхъ основъ, не могутъ быть основами не отглагольными, хотя проф. Ульянову кажутся возможными здѣсь основы не-отглагольныя (см. выше). Впрочемъ, и изъ числа другихъ примѣровъ, указываемыхъ авторомъ для этихъ кратныхъ основъ, нѣкоторые, я думаю, должны быть исключены. Такъ, русск. поѣздилъ въ ѣздилъ-поѣздилъ (стр. 123) не принадлежитъ сюда, но заключаетъ въ себѣ детерминативную основу совершеннаго вида; то-же должно быть замѣчено и относительно нижне-лужицкаго pójězdźiś «in einzelnen Ansätzen fahren» (стр. 124), такъ какъ Муке, на котораго ссылается здѣсь авторъ, приводитъ этотъ глаголъ въ числѣ глаголовъ совершеннаго вида; верхне-лужицк. poběhać извѣстно мнѣ изъ словаря Пфуля только съ значеніемъ «eine Weile laufen», т. е. съ основою детерминативною.

Различіе между славянскими сложными основами совершеннаго вида съ результативнымъ значеніемъ 1-го рода и соотвѣтственными сложно-производными основами несовершеннаго вида, именно длительно-несовершеннаго вида (см. выше), является различіемъ грамматическимъ, заключающимся въ различномъ образованіи основъ, и потому такое различіе, какъ скоро оно уже возникло, не предполагаетъ само существованія приставокъ въ глагольныхъ основахъ и можетъ сохраняться и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ основа совершеннаго вида,

бывшая сложною по происхожденію, обратилась затѣмъ въ языкѣ въ основу простую (вслѣдствіе ли утраты соотвѣтственной простой основы, или вслѣдствіе полнаго отдѣленія ея въ значеніи отъ простой основы), какъ мы это видимъ напр. въ русск. начать и начинать, понять и понимать и т. п. Поэтому то-же различіе между извѣстнымъ значеніемъ совершеннаго вида, именно результативнымъ значеніемъ 1-го рода, и значеніемъ длительно-несовершеннаго вида могло соединяться въ славянскихъ языкахъ и съ извѣстными различіями въ образованіи простыхъ глагольныхъ основъ, какъ скоро соотношеніе между собою данныхъ значеній этихъ глагольныхъ основъ допускало ассоціацію съ различіемъ въ видовомъ значеніи между сложными результативными основами 1-го рода и основами сложно-производными; при этомъ одна и та-же простая основа въ ея соотношеніи съ различными основами могла получать и значеніе совершеннаго вида и значеніе длительно-несовершеннаго вида, а затѣмъ оба эти значенія могли сохраняться въ такой глагольной основѣ и тогда, когда уже утрачены были тѣ основы, въ соотношенія съ которыми данная основа получила это различіе въ видовомъ значеніи. Простыя глагольныя основы совершеннаго вида съ результативнымъ значеніемъ 1-го рода мы находимъ напр. въ старослав. дамь, станѫ, имѫ, падѫ, сѧдѫ, русск. дамъ, стану, иму, паду, сяду, а напр. въ старослав. рекѫ, крьштѫ или въ русск. велю, крещу, женю соединяются оба видовыя значенія. Кромѣ того, въ простыхъ глагольныхъ основахъ совершеннаго вида существуетъ въ славянскихъ языкахъ и такое значеніе совершеннаго вида, какое не извѣстно въ сложныхъ основахъ, именно значеніе результативно-моментальное; основы съ этимъ значеніемъ являются въ глаголахъ, обозначающихъ «составные» признаки, и сами обозначаютъ въ данномъ признакѣ время результата въ отдѣльномъ «моментѣ» какъ въ отдѣльной части такого признака, между тѣмъ какъ въ соотвѣтственныхъ основахъ длительно-несовершеннаго вида данный признакъ обозначается въ незаконченной кратности его отдѣльныхъ «моментовъ», т. е. отдѣльныхъ

явленій, образующихъ въ ихъ непосредственной послѣдовательности этотъ составной признакъ. И въ этихъ случаяхъ различіе между совершеннымъ и длительно-несовершеннымъ видомъ простыхъ глагольныхъ основъ образовалось, конечно, подъ вліяніемъ видоваго различія между сложными результативными основами 1-го рода и соотвѣтственными сложно-производными основами; изъ сочетанія результативнаго значенія 1-го рода съ моментальнымъ значеніемъ, даннымъ въ глагольныхъ основахъ, должно было получиться значеніе результативно-моментальное, при чемъ результативное значеніе стало общимъ результативнымъ значеніемъ, не результативнымъ значеніемъ 1-го рода, такъ какъ моментальное значеніе, съ которымъ соединилось результативное, не даетъ возможности отличать результативное значеніе 1-го рода отъ результативнаго значенія 2-го рода. Результативно-моментальное значеніе принадлежитъ въ славянскихъ языкахъ, какъ извѣстно, глагольнымъ основамъ совершеннаго вида на *не* въ наст. вр. и на *нǫ* въ инфинитивѣ, напр. въ русск. дернетъ, толкнетъ, блеснетъ, хотя основы совершеннаго вида на *не* въ наст. вр., на *нǫ* въ инфинитивѣ, могутъ имѣть также и результативное значеніе 1-го рода, какъ скоро данные признаки не сознаются какъ составные, и напр. въ крикнетъ (старослав. крькнѫти въ Супр. рук.) можетъ не выступать результативно-моментальное значеніе, а напр. въ станетъ, старослав. станеть, станетъ вовсе нѣтъ результативно-моментальнаго значенія. Съ другой стороны, и въ славянскихъ глагольныхъ основахъ совершеннаго вида съ другимъ образованіемъ, именно въ основахъ совершеннаго вида производныхъ глаголовъ на *i*, можетъ являться значеніе результативно-моментальное, какъ скоро данные признаки сознаются какъ составные, напр. въ русск. хватитъ, ступитъ (старослав. стѫпить, стѫпитъ); сравн. у проф. Ульянова стр. 182. Въ простыхъ глагольныхъ основахъ длительно-несовершеннаго вида нерѣдко встрѣчаются въ славянскихъ языкахъ образованія основъ производныхъ глаголовъ на *a*; мы находимъ ихъ въ соотношеніи съ основами совершеннаго вида на *i*, напр.

въ старослав. стѫпаѥть, варꙗѥть, при совершенномъ видѣ въ стѫпить, варить, или въ русск. ступаетъ, бросаетъ, хватаетъ, при соверш. видѣ въ ступитъ, броситъ, хватитъ, а, кромѣ того, основы длительно-несовершеннаго вида на *а* являются и въ чередованіи съ основами совершеннаго вида, представляющими другія образованія, напр. въ старослав. падаѥть, русск. падаетъ, при соверш. видѣ въ падеть, русск. падетъ, или въ старослав. свитаѥть, при соверш. видѣ въ церковнослав. свьнеть, сербск. сва̏не̄, въ русск. толкаетъ, дергаетъ, при соверш. видѣ въ толкнетъ, дернетъ. Основы длительно-несовершеннаго вида на *а* получились, надо думать, изъ основъ кратнаго вида съ значеніемъ непрерывной кратности, какъ я замѣтилъ уже выше, и самое измѣненіе значенія здѣсь вполнѣ понятно, конечно, въ особенности въ глаголахъ, обозначающихъ составные признаки; сравн. у проф. Ульянова стр. 183. Впрочемъ, при старыхъ славянскихъ основахъ совершеннаго вида на *ne* въ наст. вр. мы находимъ въ глаголахъ дѣйствія въ длительно-несовершенномъ видѣ основы непроизводныхъ глаголовъ на *je* въ наст. вр., и, какъ показываетъ сопоставленіе славянскихъ языковъ съ балтійскими, основы на *ne* въ наст. вр. съ славянскимъ значеніемъ совершеннаго вида получены были въ глаголахъ дѣйствія въ извѣстномъ чередованіи ихъ по значенію именно съ основами непроизводныхъ глаголовъ на *je* въ наст. вр. (см. ниже); сюда принадлежатъ основы: stane- [1]) и staje-, děne- (напр. въ русск. дѣнетъ, сербск. дје̏не̄) и děje- (напр.

1) Основа инфинитива sta- въ этомъ глаголѣ, напр. въ старослав. стати, русск. стать (изъ церковнослав. языка извѣстно и новообразованіе станоути), показываетъ, что при основѣ наст. вр. stane- съ тѣмъ-же значеніемъ употреблялась и другая основа, именно, какъ я думаю, sta- съ нетематическимъ спряженіемъ (сравн. совершенный видъ въ основѣ нетематическаго спряженія da-, dad-); изъ Грязовецкаго уѣзда Вологодской губерніи я знаю статъ въ значеніи «станетъ», Миклошичъ въ грамматикѣ старославянскаго языка приводитъ церковнослав. въстаси «surges» (см. русскій переводъ морфологіи, первое изданіе, стр. 161; въстатъ, приведенное тамъ-же изъ Сав. кн., есть ошибка или опечатка въ изданіи Срезневскаго: рукопись имѣетъ въстанетъ). Сравн. въ прусскомъ языкѣ po-stāsei «du wirst» при po-stānai «wird»,

въ старослав. о-дѣѭть), kl̆une- и kl̆uje-, pl̆une-, pline- (общеслав. ī здѣсь изъ jū) и pl̆uje-, sune- и suje-, kyne- (старослав. кынеть «кивнетъ») и kyje-, rine- и rěje-, mine- и *mije- (сравн. чешскій производный глаголъ míjeti «проходить мимо, проѣжжать мимо»).

Вслѣдствіе существованія въ славянскихъ языкахъ простыхъ глагольныхъ основъ, различающихъ виды совершенный и длительно-несовершенный, являются возможными и такія сложныя глагольныя основы, которыя, въ отличіе отъ обыкновенныхъ сложныхъ глагольныхъ основъ, имѣютъ видъ длительно-несовершенный. Сложныя основы длительно-несовершеннаго вида мы находимъ именно при сочетаніи простыхъ глагольныхъ основъ длительно-несовершеннаго вида съ приставками, имѣющими предложныя значенія, а также съ приставкою po-, поскольку она не образуетъ длительно-результативныхъ и детерминативныхъ основъ; соотвѣтственныя основы совершеннаго вида, недлительно-результативныя, заключаютъ въ себѣ простыя глагольныя основы совершеннаго вида въ сочетаніи съ тѣми-же приставками. Въ этихъ случаяхъ различіе между совершеннымъ и несовершеннымъ (длительно-несовершеннымъ) видомъ сложныхъ основъ образуется, слѣдовательно, не въ самихъ сложныхъ основахъ, но вносится въ нихъ простыми глагольными основами; при этомъ надо замѣтить, что случаи такого рода извѣстны намъ по отношенію къ тѣмъ простымъ глагольнымъ основамъ, которыя давно уже (еще въ общеславянскомъ языкѣ) получили различіе между совершеннымъ и длительно-несовершеннымъ видомъ. Сюда принадлежатъ напр. въ старославянскомъ языкѣ сложныя основы длительно-несовершеннаго вида въ отъдаѭ (русск. отдаю),

---

po-stānimai «wir werden». Подобнымъ-же образомъ основа инфинитива dě- въ русск. дѣть при основѣ наст. вр. dēne- (въ сербскомъ при дје̏сти существуетъ и дје̏нути, въ словинскомъ — denuti) объясняется тѣмъ, что въ одномъ значеніи съ dēne- употреблялась и другая основа; сравн. старослав. одеждѫ, тождественное по значенію съ нашимъ одѣну, и сербск. дје̏де̄м при дје̏не̄м.

подаѭ (русск. подаю), одѣѭ, въстаѭ (русск. встаю), отърѣѭ, порѣѭ (см. выше), въземлѭ, приѥмлѭ, поѥмлѭ[1]), пристѫпаѭ (русск. приступаю), русск. поступаю (старослав. постѫпати «procedere» въ словарѣ Миклошича), при соотвѣтственныхъ сложныхъ основахъ совершеннаго вида въ отъдамь (русск. отдамъ), подамь (русск. подамъ), одеждѫ (въ русскомъ другое образованіе: одѣну), въстанѫ (русск. встану), отъринѫ, поринѫ, възьмѫ (русск. возьму), приимѫ [2]) (русск. приму), поимѫ (сравн. русск. пойму), пристѫплѭ (русск. приступлю), русск. поступлю (церковнослав. постѫпити «procedere» въ словарѣ Миклошича). Но напр. въ русск. надаю, попа̀даютъ являются длительно-результативныя основы совершеннаго вида, образованныя изъ соединенія приставокъ съ такими простыми глагольными основами, которыя сами по себѣ имѣютъ видъ длительно-несовершенный, при чемъ такая глагольная основа въ сочетаніи съ приставками (не имѣющими предложнаго значенія) теряетъ въ этихъ случаяхъ соотношеніе съ простою глагольною основою совершеннаго вида.

О существованіи различія между совершеннымъ и несовершеннымъ видомъ въ извѣстныхъ простыхъ глагольныхъ основахъ въ славянскихъ языкахъ проф. Ульяновъ говоритъ въ §§ 24 и 25, хотя онъ смотритъ на эти видовыя значенія и здѣсь такъ-же, какъ и выше, и называетъ ихъ даже прямо видовыми значеніями недлительности и длительности; при этомъ авторъ ничего не говоритъ о происхожденіи этого различія въ простыхъ глагольныхъ основахъ, т. е. не указываетъ на вліяніе въ этомъ

---

1) Проф. Ульяновъ думаетъ (стр. 144), что поемлѭтъ въ Мар. ев. Лук. 17, 34 и 35 имѣетъ значеніе будущаго времени, такъ какъ въ греческомъ текстѣ здѣсь «παραληφθήσεται», но оставлѣѭтъ тамъ-же въ соотвѣтствіи съ греческ. ἀφεθήσεται показываетъ, что и въ поемлѭтъ является форма наст. вр.

2) Такіе случаи, какъ напр. прииметъ въ Мар. ев., възъметъ въ Савв. кн. въ соотвѣтствіи съ греческ. λαμβάνει, Матѳ. 10, 38, при приѥмлеть въ Остром. ев. (см. у автора стр. 141), не доказываютъ, конечно, что прииметъ могло употребляться вмѣсто приѥмлеть.

отношеніи со стороны сложныхъ (результативныхъ 1-го рода) и сложно-производныхъ основъ. Въ § 24 проф. Ульяновъ останавливается на тѣхъ простыхъ глагольныхъ основахъ, которыя соединяютъ въ себѣ оба эти видовыя значенія, и разсматриваетъ вмѣстѣ случаи, въ которыхъ такое совпаденіе значеній въ одной основѣ существуетъ одновременно въ одномъ и томъ-же діалектѣ языка (напр. въ старослав. решти, въ русск. велѣть, женить), и тѣ случаи, гдѣ одно изъ этихъ значеній является въ одномъ языкѣ или въ одномъ діалектѣ языка, а другое значеніе въ другомъ языкѣ или въ другомъ діалектѣ языкѣ (напр. основа klad-, klade- имѣетъ значеніе совершеннаго вида, по автору недлительное, въ сербскомъ языкѣ и частью въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ[1]), въ отличіе напр. отъ русскаго литературнаго языка). Изъ старославянскихъ текстовъ авторъ приводитъ немало примѣровъ для глаголовъ съ такими простыми основами, которыя соединяютъ въ себѣ оба видовыя значенія, но многіе изъ этихъ примѣровъ не представляются мнѣ убѣдительными. Такъ напр. относительно основы дад-, да- въ старославянскомъ языкѣ проф. Ульяновъ думаетъ, что при обыкновенномъ «недлительномъ» значеніи (т. е. при значеніи совершеннаго вида) она имѣла также и «длительное» значеніе (т. е. значеніе длительно-несовершеннаго вида) и ссылается на указатель Ягича къ Мар. ев., но мнѣ кажется, что этотъ указатель вовсе не подтверждаетъ мнѣнія автора. Напр. для дамь, дамъ «δώσω» мы находимъ здѣсь 9 мѣстъ[2]), а для дамъ въ соотвѣтствіи съ греч. δίδωμι только одно мѣсто (Лук. 19,8), гдѣ при томъ дамъ имѣетъ несомнѣнно значеніе будущ. вр., какъ показываетъ възвращѫ тамъ-же (въ греческомъ текстѣ ἀποδίδωμι); подобнымъ-же образомъ напр. форма 3-го л. ед. ч. стараго настоящ. вр. дасть, дастъ въ старославянскихъ

---

1) Въ соотношеніи съ кладетъ въ значеніи совершеннаго вида (въ пѣсняхъ) находится кладываетъ какъ глаголъ длительно-несовершеннаго вида; см. примѣръ для кладываетъ у автора на стр. 129.

2) Между прочимъ, сюда принадлежитъ Лук. 21,15, хотя изъ указателя это не видно.

евангельскихъ текстахъ соотвѣтствуетъ вообще греческому δώσει (дасть сѧ, дастъ сѧ «δοθήσεται»), а въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ дасть, дастъ является въ соотвѣтствіи съ греч. δίδωσιν, я вижу въ славянской формѣ 3-е л. ед. ч. аориста (такое значеніе вполнѣ ясно для двухъ мѣстъ, именно для Іоан. 21, 13, гдѣ передъ дасть, дастъ находится приѩтъ, хотя въ греческомъ текстѣ здѣсь λαμβάνει, и для Іоан. 13, 26, гдѣ Зогр. ев. имѣетъ приѩтъ ı дастъ, а Мар. ев. только дастъ[1])). Или напр. авторъ думаетъ, будто въ старославянск. глаголати соединялись оба видовыя значенія, хотя изъ указателя Ягича къ Мар. ев. видно, что напр. форма 1-го л. ед. ч. глаголѭ болѣе чѣмъ въ 100 случаяхъ является въ соотвѣтствіи съ греческ. λέγω, λαλῶ и только два раза стоитъ тамъ, гдѣ греческій текстъ имѣетъ λαλήσω; для одного изъ этихъ мѣстъ: «юже не м̇ъного гл҃ѭ съ вами» (Іоан. 14,30) сравн. подобное-же употребленіе формы наст. вр. въ « еште мало врѣмѧ съ вами есмъ» (Іоан. 7,33), гдѣ и греческій текстъ имѣетъ форму наст. вр. Или напр. невѣроятнымъ кажется мнѣ, будто въ «ımъ же бо сѫдомъ сѫдите, сѫдѧтъ вамъ» форма въ сѫдѧтъ имѣетъ значеніе будущ. вр. (въ греческ. текстѣ κριθήσεσθε), между тѣмъ какъ въ сѫдите форма наст. вр. (греческ. κρίνετε); я вижу здѣсь и въ сѫдѧтъ форму наст. вр. съ общимъ значеніемъ изъявит. наклоненія, и только такъ, я думаю, можетъ быть понимаемо сѫдѧтъ изъ самого славянскаго текста. Нельзя также, кажется мнѣ, на основаніи такихъ случаевъ, какъ сѫди, между прочимъ въ соотвѣтствіи съ греч. κρῖνον (Син. Псалт. 7, 9, но тамъ-же 119,17 сѫдите «κρίνετε»), или видѣтъ, между прочимъ въ соотвѣтствіи съ греч. θεάσασθαι, и т. п. заключать о существованіи здѣсь «недлительнаго» значенія (т. е. значенія совершеннаго вида) въ старославянскихъ глаголахъ, такъ какъ

1) Въ одномъ мѣстѣ, Іоан. 6,32, Мар. и Ассем. ев. имѣютъ дастъ (Ассем. даст) въ соотвѣтствіи съ даѩть, даетъ въ Остр. и Зогр. ев. (въ греческ. текстѣ δίδωσιν), но и здѣсь дастъ не тождественно въ значеніи съ даѩть и явилось подъ вліяніемъ предшествующаго дастъ (3 л. аориста) въ «не моси дастъ», сравн. также дастъ (3 л. аориста) въ 31 ст.

вѣдь вообще греческія формы повелительнаго наклоненія и инфинитива отъ основы аориста не могли быть вполнѣ точно передаваемы формами старославянскаго глагола.

Въ § 25 авторъ разсматриваетъ славянскія простыя глагольныя основы съ однимъ «недлительнымъ» значеніемъ, т. е. съ однимъ значеніемъ совершеннаго вида. Онъ указываетъ здѣсь сперва на основы съ носовымъ инфиксомъ, напр. въ старослав. сѧдж, бѫдж, которыя по происхожденію были, какъ я опредѣляю, основами начинательнаго состоянія, а затѣмъ говоритъ объ основахъ глаголовъ на *не* въ наст. вр. (*нǫ* въ инфинитивѣ), имѣющихъ «недлительное» значеніе. Въ такихъ основахъ, какъ русск. крикне-, кивне-, прыгне-, сербск. лизне-, викне- и др., проф. Ульяновъ называетъ видовое значеніе «моментальнымъ» и считаетъ его особымъ видоизмѣненіемъ «недлительнаго» значенія; мой взглядъ на эти и подобныя основы изложенъ мною выше (см. у меня стр. 125 и слѣд., сравн. также стр. 75). Въ русск. вѣнули въ «вѣнули вѣтры» (Шейнъ 464, у автора стр. 181) и въ старослав. мрькнеть «σκοτισθήσεται» (Матѳ. 24, 29, у автора стр. 179) проф. Ульяновъ находитъ «ингрессивное» значеніе, но русск. вѣнули однородно, конечно, съ дунули, а со старославянск. мрькнеть (при длительно-несовершенномъ видѣ въ мрьцати) сравн. церковнослав. свьнеть «разсвѣтетъ» (при длительно-несовершенномъ видѣ въ старослав. свитати), а также напр. русск. блеснетъ (съ «моментальнымъ» значеніемъ по автору, стр. 182), т. е. основы, являющіяся въ русск. вѣнули и въ старослав. мрькнеть, не представляютъ никакой особенности въ значеніи сравнительно съ другими основами совершеннаго вида на *не* въ наст. вр. Славянскія глагольныя основы совершеннаго вида на *не* въ наст. вр. (на *нǫ* въ инфинитивѣ) должны быть отдѣляемы, конечно, отъ тѣхъ глагольныхъ основъ на *не* въ наст. вр. (на *нǫ* въ инфинитивѣ), которыя обозначаютъ начинательныя состоянія, при чемъ въ глаголахъ съ такими основами это значеніе можетъ измѣняться въ значеніе неначинательнаго состоянія. О такихъ славянскихъ глагольныхъ основахъ, напр.

въ старослав. выкнѫ, съхнѫ, я упоминалъ уже, когда разсматривалъ первую часть изслѣдованія проф. Ульянова, гдѣ эти основы опредѣляются какъ обозначающія наступленіе признака. Я говорилъ, что значеніе «наступленія признака» въ этихъ основахъ есть именно значеніе начинательнаго состоянія и потому не принадлежитъ къ значеніямъ видовымъ, но при разборѣ первой части сочиненія проф. Ульянова я не остановился на мнѣніи автора, будто въ славянскихъ языкахъ и глаголы «дѣйствительнаго залога» съ основами наст. вр. на *не* имѣютъ то-же самое видовое значеніе наступленія признака (первая часть, стр. 122), не остановился потому, что тамъ проф. Ульяновъ разсматриваетъ глаголы такъ-называемаго имъ «средняго залога». Однако, и во второй части сочиненія проф. Ульянова это мнѣніе остается недоказаннымъ. Въ значеніи «наступленія признака» славянскихъ глагольныхъ основъ на *не* въ наст. вр. авторъ различаетъ здѣсь значеніе «ингрессивное» и значеніе «начинательное» (см. объ этихъ терминахъ автора у меня стр. 100); въ глаголахъ «средняго залога», по мнѣнію автора, эти основы являются обыкновенно съ значеніемъ «начинательнымъ» (вторая часть, стр. 189), т. е. подъ «начинательнымъ» значеніемъ проф. Ульяновъ понимаетъ здѣсь то, что я называю значеніемъ начинательнаго состоянія, хотя опредѣляетъ это значеніе не точно (онъ говоритъ, что въ такихъ основахъ обозначается «начальный моментъ въ длительномъ времени признака»), а для ингрессивнаго значенія простыхъ глагольныхъ основъ на *не* въ наст. вр. авторъ даетъ одинъ примѣръ глагола «средняго залога», именно старослав. мрькнеть «σκοτισθήσεται», и одинъ примѣръ глагола «дѣйствительнаго залога», русск. вѣнули въ «вѣнули вѣтры», но относительно обоихъ этихъ примѣровъ я говорилъ уже, что они вполнѣ однородны съ другими случаями, гдѣ глагольная основа на *не* имѣетъ значеніе совершеннаго вида. Такимъ образомъ славянскія глагольныя основы начинательнаго состоянія на *не* и глагольныя основы совершеннаго вида на *не* не могутъ быть соединяемы по значенію ихъ въ славянскихъ

языкахъ въ одномъ общемъ классѣ основъ, и я думаю, что и по происхожденію эти глагольныя основы не тождественны (вопросъ о происхожденіи основы инфинитива на *nǫ* при тѣхъ и другихъ основахъ наст. вр. я оставляю въ сторонѣ). Проф. Ульяновъ предполагаетъ, что въ глаголахъ «средняго залога» основы на *пе*, обозначающія «наступленіе признака», заимствовали это образованіе отъ глаголовъ «дѣйствительнаго залога», имѣющихъ основы на *пе* съ тѣмъ-же значеніемъ (первая часть, стр. 122), и приходитъ къ такому заключенію на основаніи того, что въ балтійскихъ языкахъ будто-бы не извѣстны въ глаголахъ «средняго залога» основы на *па* съ значеніемъ «наступленія признака» (т. е. съ значеніемъ начинательнаго состоянія); но такъ какъ авторъ не показалъ, что тѣ и другія славянскія глагольныя основы на *пе*, дѣйствительно, представляютъ одно общее значеніе, то потому и мнѣніе его относительно происхожденія основъ на *пе* въ глаголахъ «средняго залога» не убѣдительно, тѣмъ болѣе что и изъ родственныхъ языковъ извѣстны соотвѣтствія для такихъ славянскихъ основъ. И литовскому языку не чужды основы наст. вр. на *па* въ глаголахъ начинательнаго состоянія (при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ значеніе начинательнаго состоянія измѣнилось въ значеніе неначинательнаго состоянія), какъ показываютъ діалектическія образованія на *па* въ соотвѣтствіи съ образованіями на *a* съ носовымъ инфиксомъ въ другихъ діалектахъ, именно отъ корней на гласную и на плавную согласную, напр. въ żūnu «гибну», pūnu «гнію», balnu «становлюсь бѣлымъ» и т. д. (см. выше); еще полнѣе засвидѣтельствованы такія основы германскими языками въ глаголахъ начинательнаго состоянія, такъ какъ я думаю, что напр. старослав. гыбнѫ, сънѫ, възбънѫ, въскрьснѫ родственны по суффиксу и по значенію формы простой глагольной основы напр. съ готскими aukna «умножаюсь», af-lifna «остаюсь», ga-vakna «пробуждаюсь» (соверш. видъ) [1]) и т. п. Что же касается славянскихъ

1) Въ прош. вр. эти глаголы имѣютъ основы на готск. *no*, т. е. на первоначальное *nā*. Бругманъ въ Grundriss II, стр. 990, говоритъ, что напр. въ

глагольныхъ основъ наст. вр. на *ne* съ формою соверш. вида, то я думаю, что эти основы, получившія значеніе совершеннаго вида, понятно, лишь въ общеславянскомъ языкѣ, перешли въ общеславянскій языкъ изъ литовско-славянскаго языка именно въ глаголахъ, обозначавшихъ дѣйствія, въ какомъ-то чередованіи ихъ по значенію съ основами наст. вр. на *je*, хотя затѣмъ и въ тѣхъ славянскихъ основахъ начинательнаго состоянія на *ne* въ наст. вр., которыя принадлежали глаголамъ, обозначавшимъ составные признаки, стало возможнымъ употребленіе съ значеніемъ результативно-моментальнымъ (подъ вліяніемъ основъ на *ne* въ глаголахъ дѣйствія, обозначавшихъ составные признаки), какъ показываетъ напр. старослав. мрькнеть «σκοτισθήσεται» или напр. русск. дрогнетъ съ значеніемъ будущ. вр. (при дрогнетъ съ значеніемъ наст. вр.). Сравн. въ балтійскихъ языкахъ чередованіе основъ наст. вр. на *ja* и на *na* отъ корней на извѣстныя гласныя въ непроизводныхъ глаголахъ, обозначающихъ дѣйствія, и напр. различіе между старослав. плюѭ и плюнѫ (при плинѫ), русск. плюю и плюну однородно по отношенію къ образованію основъ съ балтійскимъ различіемъ между литовск. spjáuju и spjáunu, латышск. spľaũju и spľaũnu; старослав. стаѭ (русск.-стаю) тождественно по основѣ съ литовск. stóju, латышск. stãju, а въ старослав. станѫ, русск. стану основа та-же, что въ прусск. stānintei, stāninti «стоя», po-stānimai «становимся, дѣлаемся». Въ балтійскихъ языкахъ, однако, такія глагольныя основы наст. вр. на *ja* и *na* вполнѣ совпали въ значеніи (въ литовск. и латышск. языкахъ различіе между этими

готск. gavaknan, др. исландск. vakna отсутствіе уподобленія *n* предшествующей взрывной согласной свидѣтельствуетъ объ утратѣ гласной передъ *n*, но причина утраты гласной была бы здѣсь непонятна, и я думаю, что такія образованія, какъ готск. -vaknan, при vakan «бодрствовать», еще въ общегерманскомъ языкѣ получили *n* подъ вліяніемъ аналогіи со стороны тѣхъ случаевъ, гдѣ *n* въ такой основѣ фонетически сохранялось, напр. въ готск. fralusnan «погибать», при fra-liusan «терять». Сравн. въ славянскихъ языкахъ новообразованія по отношенію къ согласной передъ *n* въ глагольныхъ основахъ на *ne*, *nǫ*, напр. въ старослав. гыбнѫ, русск. гибну (но сгину) или въ русск. кивну (но старослав. кынѫ) или въ сербск. па̏днēм.

основами вообще діалектическое, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ литовск. языкѣ, именно въ *aunù* и *gáunu*, основа на *ja* почему-то вполнѣ вытѣснена основою на *na*); поэтому на основаніи балтійскихъ языковъ нельзя опредѣлить, какое именно различіе въ значеніи получено было общеславянскимъ языкомъ въ чередованіи между собою основъ наст. вр. на *je* и *ne*, и для приблизительнаго рѣшенія этого вопроса должно требоваться сопоставленіе такихъ славянскихъ и балтійскихъ глагольныхъ основъ съ родственными основами другихъ индоевропейскихъ языковъ (см. напр. Бругмана Grundriss II, стр. 967 и слѣд.).

Съ тѣмъ, что говоритъ проф. Ульяновъ на стр. 184—189 о «производныхъ основахъ съ аффиксами *a* и *ne*», я по большей части не могу согласиться. Разсужденіе автора о видовомъ значеніи основъ на *a*, произведенныхъ «отъ результативныхъ или перфективныхъ основъ», представляется мнѣ неудачнымъ; напр. въ оумира- я вижу основу съ формою несовершеннаго вида (см. выше) и не нахожу здѣсь въ самой формѣ никакого значенія «готовности». Греческ. τῶν κεκοιμημένων въ старославянскомъ языкѣ всего ближе могло быть переведено черезъ почиваѭштиихъ, но отсюда не слѣдуетъ какая либо связь значенія старославянскихъ основъ на *a* такого образованія съ греческими основами перфекта. Не ясно для меня и то, что говоритъ авторъ о славянскихъ «ингрессивныхъ» основахъ на *ne*, «производимыхъ отъ результативныхъ или перфективныхъ основъ» и «замѣняющихъ собою основы на *a*»; такія основы проф. Ульяновъ находитъ напр. въ старослав. погꙑбне-, оугасне- (сравн. также въ первой части стр. 125—126) и думаетъ, что напр. погꙑбнеть, съ такою основою погꙑбне-, «не обозначаетъ будущаго времени». Все это требовало бы разъясненія. На основаніи того, что напр. погꙑбнемъ въ старославянскихъ текстахъ встрѣчается въ соотвѣтствіи съ греческ. ἀπολλύμεθα, нельзя, конечно, дѣлать заключеніе о какой-то особенности въ значеніи данной глагольной основы, такъ какъ вѣдь и для старославянскихъ глаголовъ съ другимъ образованіемъ основы намъ извѣ-

стны изъ текстовъ подобные-же случаи употребленія формы наст. вр. соверш. вида въ соотвѣтствіи съ греческою формою наст. вр.; см. примѣры у автора, стр. 191—192 (между прочимъ, погыбнетъ въ соотвѣтствіи съ греческ. ἀπόλλυται). По моему мнѣнію, основы погыбне-, оугасне- и т. п. принадлежатъ къ сложнымъ основамъ совершеннаго вида и имѣютъ общее результативное значеніе, поскольку простыя глагольныя основы, входящія въ ихъ составъ, сохраняютъ значеніе начинательнаго состоянія, такъ какъ значеніе детерминативное не сочетается съ значеніемъ начинательнаго состоянія, а значеніе результативное въ соединеніи съ значеніемъ начинательнаго состоянія можетъ быть только общимъ результативнымъ значеніемъ, т. е. такимъ, въ которомъ не различаются результативное значеніе 1-го рода и результативное значеніе 2-го рода. Сравн. сказанное мною выше по поводу балтійскихъ сложныхъ основъ совершеннаго вида, заключающихъ въ себѣ простыя глагольныя основы начинательнаго состоянія.

Въ связи съ балтійскими и славянскими глагольными основами «недлительнаго», т. е., по моему опредѣленію, совершеннаго, вида проф. Ульяновъ разсматриваетъ также и значенія личныхъ и неличныхъ формъ въ глагольныхъ словахъ, имѣющихъ такія основы (стр. 66—102 и 198—228). И здѣсь авторъ собралъ матеріалъ изъ текстовъ и высказалъ много новыхъ соображеній, которыя и тамъ, гдѣ не кажутся убѣдительными, во всякомъ случаѣ заставляютъ читателя подумать надъ фактами, до сихъ поръ очень мало изслѣдованными.

Я не буду останавливаться на подробномъ разборѣ этихъ страницъ въ изслѣдованіи проф. Ульянова и ограничусь лишь нѣкоторыми замѣчаніями по поводу того, что говоритъ авторъ о значеніи балтійскихъ и славянскихъ глаголовъ съ такими осно-

вами въ формѣ настоящаго времени въ простыхъ предложеніяхъ. Въ балтійскихъ языкахъ проф. Ульяновъ находитъ самымъ обычнымъ значеніемъ въ этихъ случаяхъ значеніе «сочетаемости признака съ субъектомъ» («при отрицаніи — несочетаемость», стр. 68); также и въ славянскихъ языкахъ онъ прежде всего указываетъ въ такихъ случаяхъ на то-же значеніе «сочетаемости (resp. несочетаемости) признака съ субъектомъ» (стр. 190). Это значеніе, являющееся лишь въ глаголахъ отъ основъ съ «недлительнымъ» значеніемъ (т. е. совершеннаго вида, по моему опредѣленію), авторъ отдѣляетъ отъ употребленія формы наст. вр. какъ такой, которая не обозначаетъ времени, въ глаголахъ отъ основъ съ «длительнымъ» значеніемъ (т. е. несовершеннаго вида), а равно и отъ основъ, имѣющихъ въ чередованіи значенія «недлительности» и «длительности» [1]); значеніе сочетаемости признака съ субъектомъ уже не заключается, по мнѣнію проф. Ульянова, въ этой глагольной формѣ, не обозначающей времени (стр. 72). Едва-ли, однако, можно согласиться съ авторомъ. Вѣдь и глаголы отъ основъ несовершеннаго вида, съ «длительнымъ» значеніемъ по автору, могутъ обозначать въ формѣ наст. вр. сочетаемость признака съ извѣстнымъ субъектомъ (напр. «онъ читаетъ» = «онъ можетъ читать», «онъ не пишетъ» = «онъ не можетъ писать»), и въ этомъ отношеніи нѣтъ, я думаю, различія между глаголами несовершеннаго и совершеннаго вида. Форма наст. вр., не имѣющая значенія времени, т. е. форма наст. вр. съ общимъ значеніемъ изъявительнаго наклоненія, обозначаетъ открываемое въ мысли (въ сужденіи) говорящаго сочетаніе признака съ извѣстнымъ субъектомъ (съ извѣстнымъ классомъ субъектовъ) какъ существующее въ дѣйствительности, т. е. собственно не какъ только представляемое въ мысли говорящаго, въ отличіе отъ формы всякаго косвеннаго наклоненія, обозначающей сочетаніе признака съ извѣстнымъ субъектомъ какъ представляемое

---

1) Я не нахожу въ балтійскихъ глагольныхъ основахъ этого чередованія значеній; см. стр. 84.

лишь въ мысли говорящаго, не какъ извѣстное изъ дѣйствительности. Понятно, что въ значеніе сочетанія признака съ извѣстнымъ субъектомъ внѣ какого-либо опредѣленнаго времени входятъ и значеніе повторяющихся случаевъ сочетанія этого признака съ даннымъ субъектомъ (съ даннымъ классомъ субъектовъ) и значеніе сочетаемости признака съ этимъ субъектомъ. Поэтому въ глаголахъ, имѣющихъ форму наст. вр. съ общимъ значеніемъ изъявительнаго наклоненія, можетъ выдѣляться та или другая изъ составныхъ частей значенія этой формы, безъ отношенія къ различію между совершеннымъ и несовершеннымъ видомъ глагола, а различіе въ употребленіи этой формы наст. вр. въ тѣхъ и другихъ глаголахъ состоитъ, я думаю, въ томъ, что глаголы совершеннаго вида въ такой формѣ наст. вр. обозначаютъ или отдѣльный случай сочетанія признака съ извѣстнымъ субъектомъ или сочетаемость признака съ даннымъ субъектомъ по отношенію къ отдѣльному случаю, между тѣмъ какъ глаголами несовершеннаго вида въ той-же формѣ наст. вр. не обозначается отдѣльный случай въ сочетаніи признака съ субъектомъ, и точно такъ-же сочетаемость признака съ субъектомъ является обозначаемою безъ отношенія къ отдѣльному случаю.

Форма наст. вр., обозначающая, дѣйствительно, настоящее время, и при томъ именно въ ея обычномъ значеніи, не можетъ употребляться въ глаголахъ совершеннаго вида, такъ какъ при обычномъ значеніи наст. вр. въ глаголахъ сочетаніе признака съ извѣстнымъ субъектомъ обозначается какъ относимое говорящимъ къ продолжающейся теперь смѣнѣ моментовъ времени, вслѣдствіе чего и оба результативныя значенія и детерминативное значеніе совершеннаго вида не соединяются съ обычнымъ значеніемъ наст. вр. въ глаголѣ. Однако, и въ балтійскихъ и въ славянскихъ языкахъ глаголы совершеннаго вида въ формѣ наст. вр. могутъ получать также и значеніе дѣйствительнаго настоящаго времени, но только не то, которое я назвалъ обычнымъ значеніемъ наст. вр. въ глаголахъ, а именно глаголы совершеннаго вида въ формѣ наст. вр. могутъ обозначать готовность со-

четанія признака съ извѣстнымъ субъектомъ какъ относимую говорящимъ къ настоящему времени, т. е. ту готовность (при отрицаніи неготовность и неспособность), которая переходитъ далѣе въ дѣйствительное сочетаніе признака съ даннымъ субъектомъ. Случаи такого употребленія формы наст. вр. въ глаголахъ совершеннаго вида (отъ основъ съ «недлительнымъ» значеніемъ, по автору) указаны проф. Ульяновымъ на стр. 72 и 195—196, и я долженъ замѣтить, что я пришелъ къ высказываемому мною здѣсь мнѣнію подъ непосредственнымъ вліяніемъ указаній автора, хотя проф. Ульяновъ нѣсколько иначе опредѣляетъ значеніе, принадлежащее такому употребленію формы наст. вр., а именно онъ находитъ въ этихъ случаяхъ значеніе готовности сочетанія признака съ субъектомъ и прибавляетъ, что это значеніе иногда совпадаетъ съ значеніемъ будущаго времени, но на присутствіе въ такихъ случаяхъ значенія наст. вр. авторъ не обратилъ вниманія. Ясно, однако, что напр. литовск. pasakaũ въ указанномъ у автора мѣстѣ (изъ Lietuv. Dajnos Юшкевича № 755, 3—5): Bernužëli,.... Pasakýk ma tësą; — Merguželė,.... Taj pasakaú tësą имѣетъ значеніе существующей въ настоящее время готовности сочетанія признака съ даннымъ субъектомъ; проф. Ульяновъ переводитъ здѣсь pasakaú (pasakaũ): «готовъ сказать» или «скажу». Замѣчу, что сюда-же принадлежатъ и нѣкоторые литовскіе примѣры, отнесенные авторомъ къ случаямъ употребленія формы наст. вр. въ значеніи сочетаемости признака съ субъектомъ; напр. ne pasédžiu «не могу усидѣть», «не усижу» (теперь) въ стихѣ: Szirdìs álpsta, ákys témsta, Ne pasédžiu ant žirgéliu (=žirgélio) (Lietuv. Dajnos Юшкевича № 199, 22) или ne pàsiuva «не можетъ сшить», «не сошьетъ» (dabar̃, теперь) въ примѣрѣ изъ сказки: tìk dabàr nëkas nepàsiuva sùkniu (Litauische Volkslieder und Märchen Лескина и Бругмана, стр. 249). Сравн. также сказанное мною выше, стр. 72, относительно pàganau, которое встрѣчается именно въ одномъ мѣстѣ въ сборникѣ Бецценбергера «Litauische Forschungen», стр. 93: gànu, gànu àvëlis...., vèlks

stån ùsz tvårås, àsz tå vèlk' nèbejaus, sàvo àvis pàganau (близко къ значенію «буду пасти»). Изъ славянскихъ языковъ проф. Ульяновъ приводитъ случаи такого употребленія формы наст. вр. въ глаголахъ совершеннаго вида (отъ основъ съ «недлительнымъ» значеніемъ, по автору) преимущественно въ соединеніи съ отрицаніемъ [1]), напр. въ русск. «Ужь ты что же, Иванушка Г., хлѣба-соли со мной не покушаешь?» Сравн. не отдадутъ и не возмутъ въ томъ мѣстѣ изъ русскаго текста XVI в., которое приведено мною выше, стр. 112, изъ Исторической Грамматики Буслаева; такъ-же объясняются не дадутъ и не дадите въ примѣрахъ, указанныхъ въ томъ-же параграфѣ въ Исторической Грамматикѣ (II, 130, изъ грамоты 1483 г.): «Игуменъ Лаврентей и старцы Кузмодемьянскіе насъ шестой части въ Перервѣ рѣки лишаютъ, а проѣзду намъ не дадутъ»; «отвѣчайте, почему вы игумена Тарасья и старцовъ Снѣтогорскихъ въ Перервѣ рѣки лишаете шестой доли, а проѣзда имъ не дадите [2])». Совершенно вѣрно замѣчаніе проф. Ульянова относительно того, что съ этимъ значеніемъ «готовности» (но только, прибавлю, съ значеніемъ «готовности, существующей въ настоящее время») находится въ связи и значеніе будущаго времени въ славянскихъ языкахъ въ той формѣ глаголовъ совершеннаго вида (отъ основъ съ значеніемъ «недлительнымъ», по автору), которая по происхожденію была формою наст. вр. Тотъ-же процессъ образованія значенія будущ. вр. изъ значенія «готовности, существующей въ настоящее время», мы на-

---

1) Примѣры, указываемые авторомъ для глаголовъ безъ отрицанія, могутъ быть понимаемы и иначе, съ значеніемъ будущаго времени.

2) Кромѣ того, въ Исторической Грамматикѣ приведены изъ памятниковъ съ XIV в. и такіе случаи, какъ: «се дасть Иванъ Михайловичь»; «се дастъ Посадникъ Великаго Новагорода», гдѣ дасть, дастъ будто-бы вмѣсто «даетъ», но, вѣроятно, въ дасть, дастъ здѣсь форма аориста, не наст. вр. Поэтому ссылка проф. Ульянова (стр. 170) на это мѣсто въ Историч. Грамматикѣ для доказательства того, что основа дад-, да- въ древнерусскомъ языкѣ довольно часто являлась «длительною» (т. е. несовершеннаго вида), не имѣетъ значенія, а съ не дадущимъ въ примѣрѣ у автора на стр. 170 сравн. такіе случаи, какъ «что вдадуче» на стр. 216.

ходимъ и въ такъ-называемыхъ описательныхъ формахъ будущ. вр. въ различныхъ языкахъ, напр. въ старославянскихъ образованіяхъ будущ. вр. при посредствѣ глаголовъ хоштѫ, имамь. Сходный, хотя и не тождественный, процессъ образованія значенія будущ. вр. существовалъ и въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ; здѣсь эта форма произошла изъ формы наст. вр. глаголовъ, имѣвшихъ въ основѣ такую словообразовательную форму (съ суффиксомъ $si̯a^{e/}$), которою въ данномъ признакѣ обозначалась готовность сочетанія съ субъектомъ; въ причастіи отъ той-же основы, а также и въ формѣ прош. вр. (являющейся въ др. индійск. языкѣ напр. въ abharișyat) эта словообразовательная форма продолжала сохраняться и въ эпоху распаденія общаго индоевропейскаго языка. Сравн. у проф. Ульянова стр. 270 и слѣд.; взглядъ автора на происхожденіе индоевропейской формы будущ. вр. близокъ къ моему, но я не вижу основанія признавать въ этой формѣ принадлежность только нѣкоторыхъ глаголовъ (съ основами «недлительными ингрессивными», по автору) и продолжаю думать, что значеніе «готовности» существовало здѣсь въ самой словообразовательной формѣ, а не въ особаго рода формахъ наст. и прош. вр., какъ думаетъ авторъ. Въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ употребленіе формы наст. вр. глаголовъ совершеннаго вида съ значеніемъ «готовности, существующей въ настоящее время», т. е. съ значеніемъ извѣстнаго рода наст. вр. (такое наст. вр. могло бы быть называемо «предбудущимъ» временемъ), произошло, вѣроятно, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, тѣхъ случаевъ, въ которыхъ глаголы совершеннаго вида въ формѣ наст. вр. обозначаютъ сочетаемость признака съ извѣстнымъ субъектомъ (безъ отношенія къ времени), и подъ вліяніемъ, съ другой стороны, употребленія формы наст. вр. съ обычнымъ значеніемъ наст. вр. въ глаголахъ несовершеннаго вида. Иначе думаетъ авторъ, на взглядъ котораго «литовско-славянское перфективное praesens» въ его различныхъ значеніяхъ «по происхожденію есть injunctivus отъ аористическихъ основъ» (см. стр. 315 и слѣд., 326 и слѣд.), а въ индоевропейскомъ

инъюнктивѣ проф. Ульяновъ видитъ форму общаго косвеннаго наклоненія, отличавшуюся отъ формъ сослагательнаго и желательнаго наклоненія, выражавшихъ «частныя различія» общаго значенія косвеннаго наклоненія (стр. 321); и съ этимъ мнѣніемъ автора, относительно значенія индоевропейскаго инъюнктива, я также не могу согласиться (инъюнктивъ въ тѣхъ образованіяхъ, которыя не получили значенія повелительнаго наклоненія, совпадалъ по значенію съ конъюнктивомъ, сослагательнымъ наклоненіемъ) [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе косвеннаго наклоненія (см. у меня выше, стр. 138) я отличаю отъ того значенія сочетаемости признака съ извѣстнымъ субъектомъ, какое можетъ являться въ глаголахъ (совершеннаго и несовершеннаго вида), имѣющихъ форму наст. вр. съ общимъ значеніемъ изъявительнаго, т. е. не косвеннаго, наклоненія, безъ отношенія къ времени, да и самъ авторъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. на стр. 192—193 и на стр. 313, не смѣшиваетъ эти значенія.

Неудачными кажутся мнѣ попытки проф. Ульянова объяснить латышскія повелительныя формы 2-го л. ед. ч. и 2-го л. множ. ч., а также и литовскія образованія повелительной формы 2-го л. ед. ч. безъ -ki, напр. въ ved, důdi, изъ формъ наст. вр. глаголовъ совершеннаго вида, т. е., по автору, глаголовъ съ «недлительными» основами (стр. 72 и слѣд.). Проф. Ульяновъ не показалъ, что эти повелительныя образованія возникли сперва именно въ глаголахъ съ такими основами (а въ основахъ несложныхъ въ балтійскихъ языкахъ я вообще не вижу основъ совершеннаго вида) и, кромѣ того, оставилъ безъ разъясненія тотъ фактъ, что во 2-мъ л. ед. ч. этихъ повелительныхъ формъ конечное *i* изъ *ĕ* является подвижнымъ, отпадающимъ, и въ литовскомъ и въ ла-

---

1) Авторъ въ примѣчаніи на стр. 321 говоритъ, что и я (въ лекціяхъ) считаю вѣроятнымъ признавать за формою инъюнктива значеніе «формы общаго косвеннаго наклоненія», но я высказывалъ такое предположеніе относительно той эпохи, когда не различались еще въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ сослагательное и желательное наклоненіе, т. е. когда инъюнктивъ могъ быть единственною формою косвеннаго наклоненія.

тышскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ фонетически конечное *i* изъ сокращенія *ē* не должно здѣсь отпадать (и не отпадаетъ напр. во 2-мъ л. ед. ч. наст. вр.); не убѣдительно и мнѣніе автора относительно происхожденія латышск. -it и -ët во 2-мъ л. множ. ч. изъ -at подъ вліяніемъ формы 2-го л. ед. ч. Мой взглядъ на всѣ эти образованія совершенно иной. Въ повелительной формѣ глаголовъ тематическаго спряженія въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ, по моему мнѣнію, совпали индоевропейскія формы повелительнаго и желательнаго наклоненія; въ литовскомъ языкѣ сюда принадлежатъ именно повелительныя образованія 2-го л. ед. ч. безъ -ki, а въ латышскомъ повелительныя образованія 2-го л. ед. ч. и 2-го л. множ. ч. [1]). Индоевропейскія повелительныя формы 2-го л. ед. ч. и 2-го л. множ. ч. въ литовско-латышскую эпоху существовали въ образованіяхъ на -*a* въ ед. ч., на -ate во множ. ч. глаголовъ съ основами на литовско-латышское *a* (изъ индоевроп. основъ на $a^{e/o}$) и въ образованіяхъ на -*i*, -ite глаголовъ съ основами на литовско-латышское *i* (изъ индоевроп. основъ на $\underset{\circ}{i}a^{e/o}$); въ производныхъ глаголахъ тематическаго спряженія съ основами наст. вр. на литовско-латышск. $\bar{a}^{o}$ (изъ индоевроп. основъ на $\bar{a}^{a}\,\underset{\circ}{i}a^{e/o}$) соотвѣтственныя образованія оканчивались, вѣроятно, на литовско-латышск. -$\bar{a}^{o}$, -$\bar{a}^{o}$te. Въ повелительной формѣ 2-го л. множ. ч. изъ литовско-латышск. -ate, -ite получились латышскія -at, -it, которыя здѣсь смѣшались, т. е. являются въ однихъ и тѣхъ-же глаголахъ (-it, впрочемъ, не употребляется въ тѣхъ глаголахъ, которые имѣютъ корень оканчивающійся на *k* или *g*), точно такъ же какъ и въ наст. вр. во 2-мъ и 1-мъ лицахъ множ. ч. мы находимъ въ латышскомъ языкѣ при образованіяхъ на -at, -am также и образованія на -it, -im (послѣд-

---

1) Въ литовскомъ языкѣ повелительная форма 2-го л. множ. ч. безъ -ki- извѣстна изъ старыхъ текстовъ только изъ żinait (въ одномъ текстѣ); основа здѣсь изъ индоевроп. основы желательнаго наклоненія (см. Бецценбергера Beiträge zur Geschichte der lit. Sprache, стр. 223). Свенцянская повелительная форма 2-го л. множ. ч. безъ -ki- въ тѣхъ примѣрахъ, какіе указаны у Вольтера (Литовскій катихизисъ Даукши, стр. LXXXV), образована изъ формы 2-го л. ед. числа.

нія въ глаголахъ съ корнемъ не на *k* или *g*), объясняющіяся смѣшеніемъ основъ на *a* и *i*. Литовско-латышск. -ā°te во 2-мъ л. множ. ч. повелительной формы производныхъ глаголовъ съ основами наст. вр. на литовско-латышск. *ā°* въ латышскомъ языкѣ не сохранилось и замѣнено новообразованіемъ по аналогіи непроизводныхъ глаголовъ, такъ-же какъ и въ 1-мъ и 2-мъ лицахъ множ. ч. наст. вр. старыя формы этихъ глаголовъ замѣнены подобными-же новообразованіями. Въ литовско-латышской повелительной формѣ 2-го л. ед. ч. на *-a*, *-i* эти гласныя въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ должны были стать подвижными [1]); такъ объясняется напр. литовск. и латышск. ved изъ *veda, съ удареніемъ на первомъ слогѣ, или литовск. veizd (weyzd въ старомъ текстѣ) изъ *veizdi, съ удареніемъ на первомъ слогѣ, а также напр. stā̄ въ свенцянскомъ говорѣ (см. Вольтера Литовскій катихизисъ Даукши, стр. LXXXV) изъ *stovi, *stou̯, сравн. литовск. stó изъ stóvi, stou̯ въ 3-мъ л. наст. вр. (см. выше, стр. 16 прим.) [2]). Литовско-латышская повелительная форма 2-го л. ед. ч. на *-ā°* производныхъ глаголовъ съ литовско-латышскими основами наст. вр. на *ā°* въ латышскомъ языкѣ не сохранилась, а въ литовскомъ, можетъ быть, вошла въ составъ новаго образованія повелительной формы на -ki, если по образцу именно формы на -oki глаголовъ на -au, -oti явились въ другихъ глаголахъ подобныя-же новообразованія повелительной формы съ -ki, приставлявшимся къ основѣ инфинитива (поэтому

---

1) Относительно литовскаго языка надо замѣтить, что подвижность этихъ гласныхъ должна была быть здѣсь бо́льшею, чѣмъ подвижность конечнаго *a* въ формѣ 3-го л. наст. вр., такъ какъ въ послѣдней формѣ *-a* было защищаемо вліяніемъ аналогіи со стороны другихъ формъ (множ. и двойств. ч.) отъ той-же основы; *-i* въ окончаніи 3-го л. наст. вр. имѣетъ бо́льшую подвижность, чѣмъ *-a*, вслѣдствіе стремленія отличать форму 3-го л. на *-i*, съ подвижнымъ *i*, отъ формы 2-го л. ед. ч.

2) Повелит. форма 2-го л. ед. ч., подобная свенцянск. stā̄, извѣстна была и Михалону (въ XVI в.), который въ числѣ латинскихъ словъ, сходныхъ съ литовскими, указывалъ на латинск. sta; см. мою замѣтку въ Kuhn's Beiträge VIII, 113 и слѣд. (на стр. 113 въ цитатѣ изъ Михалона здѣсь опечатки въ meretus и immeretus, надо читать: merctus и immerctus).

напр. veȓski отъ основы инфинитива vers- въ veȓsti). Въ литовско-латышскихъ образованіяхъ повелительной формы изъ индоевроп. желательнаго наклоненія форма 2-го л. множ. ч. глаголовъ тематическаго спряженія оканчивалась на -ēte, гдѣ *ē* съ прерывистою долготою изъ индоевроп. a°į (сравн. литовск. -*ẽ* въ окончаніи 3-го л. permissiv'а), а въ производныхъ глаголахъ съ основами наст. вр. на литовско-латышск. *ā°* изъ -ā°-ēte получалось фонетически -aįte (изъ -ā°įte). Въ латышскомъ языкѣ отсюда -ēt и -ait, которыя смѣшиваются въ употребленіи, т. е. напр. въ непроизводныхъ глаголахъ при -ēt извѣстно и -ait, а такъ какъ латышская повелительная форма 2-го л. множ. ч. въ другихъ окончаніяхъ, -at и -it, совпадаетъ по звуковой сторонѣ съ формою 2-го л. множ. ч. наст. вр. на -at и -it, то потому понятно, что окончанія -ēt и -ait получили возможность переноситься и въ форму наст. вр. Литовско-латышская повелительная форма 2-го л. ед. ч. изъ индоевроп. формы желательнаго наклоненія оканчивалась въ глаголахъ тематическаго спряженія на -*ē*, имѣвшее длительную долготу, а это образованіе, вмѣсто образованія на -ēs, гдѣ *ē* должно было имѣть прерывистую долготу (какъ и вообще въ основѣ стараго желательнаго наклоненія), явилось вслѣдствіе того, что окончаніе 2-го л. ед. ч. изъ индоевроп. -*s* здѣсь, какъ и въ формѣ прошедшаго времени (см. выше, стр. 41 прим.), замѣнилось въ балтійскихъ языкахъ окончаніемъ 2-го л. ед. ч. въ наст. вр.; въ производныхъ глаголахъ тематическаго спряженія съ основами наст. вр. на литовско-латышск. *ā°* повелительная форма 2-го л. ед. ч. при такомъ образованіи оканчивалась поэтому на -aį, изъ -ā°-ē. Изъ литовско-латышской повелительной формы на -aį этихъ производныхъ глаголовъ мы находимъ и въ литовскомъ языкѣ форму на -ai, напр. въ ischklausai въ старомъ текстѣ (см. Бецценбергера Beiträge zur Geschichte der lit. Sprache, стр. 223), а литовско-латышская повелительная форма на -*ē*, имѣвшее длительную долготу, должна была и въ латышскомъ и въ литовскомъ языкѣ фонетически измѣниться въ форму на -*i* неподвижное (въ литов-

скомъ это *i* изъ сокращенія конечнаго *ė* именно съ длительною долготою); сравн. то-же явленіе въ тождественной по звуковой сторонѣ формѣ 2-го л. ед. ч. наст. вр. Понятно, что въ глаголахъ съ основами наст. вр. на *i* эта повелительная форма 2-го л. ед. ч. на -*i* изъ -*ė* должна была совпасть съ тою повелительною формою на подвижное -*i*, о которой я говорилъ выше, и потому въ этихъ глаголахъ получилось въ результатѣ одно образованіе повелительной формы 2-го л. ед. ч., именно на подвижное -*i*. Легко понять также и то, что и въ глаголахъ съ основами наст. вр. на *a* образованіе повелительной формы на -*i*, изъ -*ė*, могло совпасть съ образованіемъ повелительной формы безъ гласной въ концѣ, т. е. съ отпавшимъ конечнымъ *a*, въ одной формѣ; напр. въ литовскомъ языкѣ параллельныя образованія повелительной формы *bėgi и *bėg (изъ *bėga), а также *vedì и ved (изъ *veda) могли являться однородными для сознанія говорящихъ съ такими случаями, какъ *sėdi и *sėd въ повелительной формѣ 2-го л. ед. ч. и sėdi и sėd въ формѣ 3-го л. наст. вр., и вслѣдствіе этого повелительныя образованія на *a*, напр. *veda, бывшія въ данную эпоху болѣе рѣдкими, чѣмъ образованія типа ved (изъ *veda), вышли изъ употребленія, такъ какъ ved связалось съ vedi какъ сокращеніе формы vedi. Эти литовскія образованія 2-го л. ед. ч. повелительной формы глаголовъ тематическаго спряженія извѣстны намъ по бóльшей части безъ гласной въ концѣ, напр. ved, gelb и др., и въ старыхъ текстахъ, кажется, только одинъ разъ встрѣчается форма на *i*, именно въ vedi въ Forma chrikstima (uschrischi въ ne uschrischi напр. въ катихизисѣ 1547 г. допускаетъ другое объясненіе, см. у Бецценбергера тамъ-же, стр. 222 примѣч.)[1]). Въ повелительной формѣ dů̂di въ старыхъ текстахъ конечное *i* обыкновенно сохранялось (хотя извѣстно было и dů̂d, подъ влія-

---

1) Впрочемъ, Михалонъ долженъ былъ знать въ литовскомъ языкѣ повелительныя образованія *sėdi и *verti, такъ какъ онъ приводитъ латинск. sede и verte какъ слова имѣющія то-же значеніе и въ литовскомъ языкѣ; сравн. примѣч. на стр. 145.

ніемъ ved при vedi и т. д.), но dûdi и по происхожденію должно быть отдѣляемо отъ vedi, ved и т. д.; при повелительной формѣ dûdi не было получено параллельное образованіе *dûda, *dûd, такъ какъ это dûdi по происхожденію есть форма стараго желательнаго наклоненія отъ основы нетематическаго спряженія, литовск. dûd-, и находится въ связи, слѣдовательно, съ формою 3-го л. permissiv'а te-dûdi въ старыхъ текстахъ (см. примѣры для tedûdi у Бецценбергера тамъ-же, стр. 209); въ повелит. формѣ 2-го л. ед. ч. dûdi, изъ стараго желательнаго наклоненія, конечное *i* непосредственно изъ *ë* съ длительною долготою, такъ какъ и здѣсь индоевроп. окончаніе 2-го л. ед. ч. *-s* было замѣнено окончаніемъ 2-го л. ед. ч. наст. вр. Съ этими литовскими dûdi, te-dûdi сравн. старослав. повелительныя формы, изъ старыхъ формъ желательнаго наклоненія, въ дадите и даждь; объ отношеніи по происхожденію общеслав. ịь въ старослав. даждь къ общеслав. *ī* въ старослав. дадите, а также въ старослав. би въ условномъ наклоненіи глагола быти, и о связи этого общеслав. *ī* съ балтійскимъ *i* въ te-dûdi и въ основѣ желательнаго наклоненія на *tumbi* я надѣюсь говорить въ другомъ мѣстѣ (сравн. общеслав. *ī* въ основахъ наст. вр., напр. въ старослав. сѣди-, при балтійскомъ *i*, напр. въ литовск. sėdi-).

Итакъ, мнѣніе проф. Ульянова о происхожденіи повелительной формы въ латышскомъ и литовскомъ языкахъ изъ формы наст. вр. глаголовъ съ «недлительными» основами», т. е. съ основами совершеннаго вида, не представляется мнѣ вѣроятнымъ. Авторъ думаетъ, что и въ славянскихъ языкахъ форма наст. вр. именно глаголовъ съ «недлительными» основами (или съ такими, которыя могутъ соединять въ себѣ значенія «недлительности» и «длительности») получала въ нѣкоторыхъ случаяхъ значеніе повелительной формы (стр. 197 и слѣд.), но и это положеніе проф. Ульянова остается на мой взглядъ недоказаннымъ; такъ, изъ примѣровъ, указанныхъ авторомъ на стр. 197, видно, что въ старославянскихъ текстахъ употребленіе формы наст. вр. съ значеніемъ повелительной формы встрѣчается также и въ глаголахъ

несовершеннаго вида, т. е. не находится въ связи съ тѣмъ видовымъ значеніемъ, которое авторъ называетъ «недлительнымъ», а случаи, приведенные на стр. 198 и слѣд., допускаютъ и другое толкованіе, и напр. въ слѣдующемъ мѣстѣ въ Мар. ев. (Матѳ. 15,4): иже зълословитъ о҃тца ли матерь, съмрътьѭ оумьретъ едва-ли можно видѣть въ оумьретъ повелительное значеніе, «τελευτάτω», и предполагать, что это оумьретъ тождественно по значенію съ да оумьретъ въ томъ-же мѣстѣ въ Зогр. ев.

Изслѣдованіе проф. Ульянова о значеніяхъ глагольныхъ основъ въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ содержитъ въ себѣ такъ много новыхъ взглядовъ на различные факты этихъ языковъ, а частью и другихъ въ индоевропейской семьѣ, что мой предшествующій разборъ далеко не знакомитъ еще со всѣмъ тѣмъ, что даетъ трудъ почтеннаго профессора; думаю, однако, что я не оставилъ безъ вниманія главнѣйшія положенія автора относительно значеній балтійскихъ и славянскихъ глагольныхъ основъ и при этомъ въ достаточной степени указалъ на то, что далеко не все въ общихъ и частныхъ положеніяхъ автора представляется мнѣ доказаннымъ или не требующимъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ поправокъ. При оцѣнкѣ труда проф. Ульянова необходимо принимать во вниманіе прежде всего то обстоятельство, что автору приходилось здѣсь очень часто пролагать новые пути, т. е. собирать матеріалъ и сопоставлять его съ совершенно новыхъ точекъ зрѣнія; только для главы о славянскихъ глагольныхъ основахъ, обозначающихъ различія по видамъ, авторъ имѣлъ передъ собою область до нѣкоторой степени разработанную, хотя и здѣсь онъ внесъ новое освѣщеніе фактовъ и собралъ самъ новый матеріалъ, а въ прочихъ главахъ, посвященныхъ балтійскимъ и славянскимъ глагольнымъ основамъ, проф. Ульяновъ долженъ былъ создавать почти все вновь, такъ какъ относительно литовскихъ и латышскихъ основъ, обозначающихъ различія по видамъ, онъ находилъ въ существующей лингвистической литера-

турѣ лишь очень краткія и далеко не ясныя указанія, а въ главахъ о балтійскихъ и славянскихъ глагольныхъ основахъ, обозначающихъ различіе между глаголами состоянія и дѣйствія, самое опредѣленіе такого соотношенія по значенію извѣстныхъ основъ впервые дано авторомъ, вслѣдствіе чего здѣсь требовался и новый подборъ матеріала. Значеніе труда проф. Ульянова я оцѣниваю не только со стороны тѣхъ выводовъ, къ какимъ приходитъ авторъ, но и по отношенію къ самому процессу изслѣдованія въ новой, неразработанной области; авторъ нерѣдко и тамъ, гдѣ не убѣждаетъ, наводитъ читателя на новыя мысли, открываетъ новыя перспективы. Вмѣстѣ съ тѣмъ я признаю очень цѣнными и нѣкоторые главные результаты изслѣдованія проф. Ульянова, хотя и расхожусь съ авторомъ во взглядѣ на тѣ или другія стороны опредѣляемыхъ имъ фактовъ. Такъ, по моему мнѣнію, важнымъ и вѣрнымъ въ значительной степени является одно изъ главнѣйшихъ положеній, доказываемыхъ авторомъ въ первой части изслѣдованія, именно относительно значенія формы балтійскихъ глагольныхъ основъ на *i* : *ē* (литовск. *ė*), славянскихъ на *i* : *ė* (старослав. *и* : *ѣ*), равно какъ и относительно связи этихъ литовско-славянскихъ основъ съ образованіями другихъ индоевропейскихъ языковъ, хотя я не согласенъ съ авторомъ въ томъ, что̀ онъ говоритъ о залогѣ въ глаголахъ съ такими основами. Изъ основъ глаголовъ состоянія проф. Ульяновъ выводитъ и основы прошедшаго времени въ балтійскихъ языкахъ и имперфекта въ славянскихъ; я не раздѣляю этого взгляда автора, но схожусь съ нимъ въ мнѣніи относительно того, что форма прошедшаго времени въ балтійскихъ языкахъ образовалась изъ формы прошедшаго времени (не аориста, однако, какъ думаетъ авторъ) глаголовъ съ производными основами на индоевроп. $\bar{a}^e$ и $\bar{a}^a$ и что славянскій имперфектъ находится въ связи по происхожденію со старымъ аористомъ глаголовъ съ тѣми-же производными основами, хотя въ подробностяхъ наши взгляды на эти вопросы значительно разнятся между собою. Во второй части изслѣдованія проф. Ульянова я признаю чрезвычайно важнымъ впервые

данное здѣсь указаніе на то, что въ балтійскихъ сложныхъ (т. е. сложенныхъ съ приставками) глагольныхъ основахъ должны быть различаемы по отношенію къ виду въ глаголѣ два класса основъ, въ связи съ извѣстнымъ общимъ различіемъ въ значеніи приставокъ. Только теперь, послѣ этого указанія, становится возможнымъ изученіе «перфективнаго» («совершеннаго») вида въ славянскомъ глаголѣ въ соотношеніи съ «перфективнымъ» видомъ глагола въ балтійскихъ языкахъ; но я не могу согласиться со взглядомъ автора на общее значеніе этого вида, опредѣляемаго имъ въ качествѣ вида недлительнаго, въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ. Цѣннымъ и по большей части совершенно новымъ является въ двухъ главахъ второй части анализъ значеній балтійскихъ и славянскихъ формъ глагола, образуемыхъ отъ основъ «перфективнаго» вида. По вопросу о происхожденіи балтійскихъ и славянскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ съ значеніемъ «перфективнаго» вида, равно какъ и соотвѣтствующихъ имъ готскихъ сложныхъ основъ, я считаю вѣрнымъ указаніе проф. Ульянова на связь этихъ образованій съ тѣмъ употребленіемъ предложныхъ частицъ въ сочетаніи съ глаголами, какое существовало еще въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ, такъ какъ еще здѣсь, конечно, предложныя частицы въ сочетаніи съ глаголами опредѣляли, между прочимъ, «различныя направленія въ самомъ развитіи признака», обозначавшагося глагольною основою (вторая часть, стр. 305 и слѣд.).

Признавая вмѣстѣ съ учеными спеціалистами [1]) важное значеніе труда проф. Ульянова для изслѣдованія балтійскихъ и славянскихъ языковъ, я осмѣливаюсь выразить надежду, что Академія Наукъ найдетъ справедливымъ наградить это сочиненіе Ломоносовскою преміею, какъ такой трудъ, который существенно обогащаетъ науку.

1) См. рецензіи этого сочиненія въ Archiv für slavische Philologie XIV, 613; XVII, 607 и въ Indogermanische Forschungen III, 155 (здѣсь разборъ первой части).

Ф. Фортунатовъ.

Дополнительныя примѣчанія.

Въ латышскихъ словахъ я обозначаю различіе между прерывистою и длительною долготою только въ слогѣ подъ главнымъ удареніемъ (въ слогѣ безъ главнаго ударенія качество долготы опредѣляется общими правилами); при этомъ для обозначенія прерывистой долготы я употребляю знакъ ¯̓ надъ долгими гласными (напр. ā̓) и знакъ ’ надъ «сложными» гласными (напр. e̓) и надъ неслоговою частью дифтонговъ и дифтонгическихъ сочетаній на сонорную согласную (напр. ai̓, ar̓), а длительную долготу я обозначаю знакомъ ^ надъ долгими и надъ «сложными» гласными (напр. â, ê) и знакомъ ¯ надъ неслоговою частью дифтонговъ и дифтонгическихъ сочетаній на сонорную согласную (напр. aī, ar̄), хотя неслоговая гласная дифтонга съ длительною долготою не имѣетъ сама полной долготы.

Къ стр. 8, строк. 11 сн. Авторъ имѣетъ въ виду здѣсь именно формы лица въ глаголѣ; сравн. на стр. 295: «личныя глагольныя формы, имѣя сами по себѣ формальное значеніе, именно обозначая отношеніе глагола къ самостоятельному слову въ формѣ N — v'a, получаютъ еще другое значеніе — обозначаютъ отношеніе признака къ субъекту».

Къ стр. 12, строк. 4 сн. Относительно инфинитивовъ авторъ ничего не говоритъ о томъ, какъ именно онъ опредѣляетъ въ нихъ значенія формъ «дѣйствительнаго» и «средняго» залога.

Къ стр. 14, строк. 4 сн. Въ латышскомъ языкѣ основы наст. вр. на *i* не сохранились именно какъ особый классъ основъ, отличающійся отъ основъ на *a* и на *ja*, но самое образованіе основъ на *i* здѣсь не исчезло вполнѣ, а смѣшалось съ образованіемъ основъ на *a* и на *ja*, такъ что напр. въ глаголахъ со старыми основами наст. вр. на *a* существуетъ и параллельное образованіе основъ на *i* (въ формахъ 1-го и 2-го л. мн. ч.); см. у меня на стр. 144.

Къ стр. 30, строк. 17 св. У Куршата въ литовско-нѣмецкомъ словарѣ приведенъ (въ скобкахъ) глаголъ virżiu, virżėti «mit Stricken binden».

Къ стр. 40, строк. 3 сн. Среднелитовская долгота съ восходящимъ удареніемъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ изъ нѣкогда бывшей длительной долготы подъ удареніемъ является напр. въ jũs «вы» (при júsų), въ mẽs «мы (*ẽ*, не *ẽ̆*, изъ пралитовскаго полудолгаго *e* съ восходящимъ удареніемъ, а это полудолгое *e* изъ литовско-латышскаго *ē* съ длительною долготою, замѣнившаго собою *ĕ* подъ вліяніемъ *ū* съ длительною долготою въ литовсколатышск. *jūs «вы»), въ именит. пад. ед. ч. на -ỹs, напр. въ arklỹs (при -ĭs въ положеніи безъ ударенія)[1]), а также напр. въ окончаніи 3-го л. будущ. вр. въ такихъ случаяхъ, какъ: ar̃s, keliaũs, sėdẽs[2]) żinõs и т. под. (напр. въ Владиславовскомъ уѣздѣ Сувалкской губ.), при ársiu, keliáusiu, sėdésiu, żinósiu и т. д., между тѣмъ какъ въ bŭs и діалектич. rĭs, lĭs (напр. въ годлевскомъ говорѣ) краткая гласная изъ долгой, имѣвшей длительную долготу (сравн. búsiu, lýsiu, rýsiu и т. д.), образовалась фонетически въ положеніи безъ ударенія. Въ другихъ говорахъ, напр. у Куршата, вмѣсто ar̃s, keliaũs, sėdẽs, żinõs и т. под. явились árs, keliáus, sėdés, żinós, подъ вліяніемъ аналогіи со стороны такихъ формъ, какъ ársiu, keliáusiu и т. д. Замѣчу по этому поводу, что и составитель литовской грам-

1) Въ didỹsis *ỹ* однородно съ *à*, не *ã*, въ geràsis.
2) Здѣсь -ẽs вмѣсто -ẽs подъ вліяніемъ *é* въ sėdésiu и т. д.

матики 1737 г. «Universitas linguarum Lituaniae in principali ducatus ejusdem dialecto grammaticis legibus circumscripta» (Vilnae), вновь изданной въ Вильнѣ въ 1829 г.[1]), зналъ въ формѣ 3-го л. будущ. вр. въ этихъ случаяхъ также восходящее удареніе, которое онъ передавалъ знакомъ ^ (а опредѣлялъ почти такъ-же, какъ опредѣляетъ Куршатъ «geschliffene Betonung»: «accentus circumflexus notat syllabam longam pronunciandam quasi duplicando vocalem»); мы находимъ здѣсь *kalbês*, *dalîs*, т. е. съ восходящимъ удареніемъ, при *kalbesiu*, *dalisiu* и т. д., съ нисходящимъ удареніемъ («litera antiqua inter cursiva posita notat syllabam longam quidem, sed diversae longitudinis a circumflexa, et cum attenuatione quadam vocis efferendam»), хотя напр. при *girsiu* (т. е. gìrsiu) и въ формѣ 3-го л. здѣсь обозначено нисходящее удареніе: *girs*. Извѣстно, что въ этой грамматикѣ впервые указано было на различные виды литовскаго долгаго ударенія, и при томъ именно на три вида долгаго ударенія (данное здѣсь опредѣленіе литовскихъ ударепій перепечатано Вольтеромъ въ книгѣ «Литовскій катихизисъ Н. Даукши», стр. XXXII). Третій видъ долгаго ударенія опредѣляется здѣсь такъ: «accentus gravis non in ultima syllaba notat etiam longam ab utroque ex prioribus diversae longitudinis, et durius pronunciandam *vg. kàlba*» (съ перенесеннымъ удареніемъ сѣверныхъ говоровъ, изъ kalbà). Мнѣ кажется, что подъ третьимъ видомъ долгаго ударенія авторъ грамматики 1737 г. понималъ именно восходящее удареніе полудолгихъ гласныхъ, какъ отдѣльныхъ (*a*, *e*, *i*, *u* подъ удареніемъ изъ первоначальныхъ краткихъ гласныхъ въ слогѣ неконечномъ), такъ и въ дифтонгахъ и дифтонгическихъ сочетаніяхъ съ восходящимъ удареніемъ; сравн. въ жемайтскихъ говорахъ удлиненіе слоговыхъ гласныхъ въ дифтонгическ. сочетаніяхъ (и въ дифтонгахъ?) съ восходящимъ удареніемъ (см. Барановскаго и Вебера Ostlitauische Texte, стр. XXIII), хотя говоръ, описываемый въграмматикѣ 1737 г.,

---

1) Я пользуюсь экземпляромъ изданія 1829 г.

принадлежитъ не къ жемайтскимъ, но къ восточнолитовскимъ. Впрочемъ, въ словахъ, приводимыхъ въ грамматикѣ, вмѣсто ` въ этомъ значеніи употребляется и знакъ ^ (т. е. знакъ долгаго восходящаго ударенія), а съ другой стороны, знакъ ` надъ гласною неконечнаго слога иногда поставленъ и тамъ, гдѣ данная гласная имѣетъ нисходящее удареніе; однако, надъ *a* подъ удареніемъ, между прочимъ и въ соотвѣтствіи со среднелитовскимъ *ā*, здѣсь послѣдовательно употребляется знакъ `, не ^, а среднелитовскимъ *ā*, *ē*, съ полною долготою, въ восточнолитовскихъ говорахъ соотвѣтствуютъ, дѣйствительно, полудолгія гласныя съ восходящимъ удареніемъ. Что же касается колебанія въ употребленіи знаковъ ` и ^ надъ *e* въ соотвѣтствіи со среднелитовскимъ *ė*, то оно объясняется тѣмъ, что звукъ *e* извѣстенъ былъ автору этой грамматики, между прочимъ, и долгій, именно тамъ, гдѣ гласная, которую онъ передаетъ тою-же буквою *e*, произошла изъ *ė* (знакъ ` при ^ мы находимъ и надъ *e* въ соотвѣтствіи со среднелитовск. *ẽ*), между тѣмъ какъ *a* съ полною долготою не существовало въ этомъ говорѣ. Въ отдѣльныхъ гласныхъ (т. е. не въ дифтонгахъ и не въ дифтонгическихъ сочетаніяхъ) конечнаго слога авторъ грамматики не могъ обозначать полудолгое восходящее удареніе при посредствѣ знака ` и долженъ былъ употреблять вмѣсто того знакъ ^ (собственно знакъ долгаго восходящаго ударенія), такъ какъ грависъ надъ отдѣльными гласными конечнаго слога выражаетъ у него ирраціональность гласной подъ удареніемъ: «gravis accentus in ultimis syllabis positus notat eas singulari brevitate pronunciandas *vg. awis*». Поэтому въ такихъ случаяхъ, какъ *dalîs*, *kalbês* (см. выше), *jûs*, *mês*, *arklîs* (среднелит. jūs, mẽs, arklỹs) и др. нѣтъ надобности видѣть въ знакѣ ^ обозначеніе именно долгаго, а не полудолгаго, восходящаго ударенія; сравн. опредѣленія Барановскаго относительно количества гласныхъ конечныхъ слоговъ въ восточнолитовскихъ говорахъ. Надо замѣтить, что ученіе Барановскаго о количествѣ въ литовскомъ языкѣ гласныхъ, дифтонговъ и дифтонгическихъ сочетаній выведено главнымъ образомъ изъ говоровъ

восточнолитовскаго нарѣчія и частью не примѣняется къ среднелитовскому нарѣчію; ошибаются поэтому тѣ лингвисты, которые на основаніи ученія Барановскаго исправляютъ показанія Куршата, имѣвшаго въ виду говоры среднелитовскаго нарѣчія (напр. среднелитовск. *ā* въ rãtas представляетъ, дѣйствительно, полную долготу и отличается по количеству отъ *ì* въ vìsas). Кромѣ того, мнѣ кажется, что Барановскій при опредѣленіи различій въ количествѣ принялъ за мору (˘) количество ирраціональныхъ (очень краткихъ) восточнолитовскихъ гласныхъ; поэтому его «среднее количество» («Mittelzeitigkeit»), опредѣляемое имъ какъ равное двумъ морамъ, въ дѣйствительности есть полудолгота, равняющаяся приблизительно двумъ ирраціональнымъ количествамъ (или одному краткому количеству съ дробью), а его долгота, опредѣляемая какъ равная тремъ морамъ, въ дѣйствительности равняется приблизительно тремъ ирраціональнымъ количествамъ (т. е. приблизительно двумъ краткимъ количествамъ). Отсюда объясняется и то, почему Куршатъ (который, несомнѣнно, владѣлъ тонкимъ слухомъ) опредѣлялъ напр. въ kòrtis (среднелитовск. kártis) въ говорѣ Оникштъ гласную *o* подъ удареніемъ какъ краткую, между тѣмъ какъ по Барановскому, который пишетъ kórtis, это *o* имѣетъ «Mittelzeitigkeit» и равняется двумъ морамъ; Куршатъ и въ среднелитовскихъ говорахъ принималъ полудолгую гласную (т. е. равняющуюся краткой съ дробью) за краткую и не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что напр. въ сочетаніяхъ ìr, ìn (т. е. съ нисходящимъ удареніемъ) гласная *i* имѣетъ нѣсколько бо́льшее количество, чѣмъ *i* напр. въ vìsas.

Говоръ, описываемый въ грамматикѣ 1737 г. [1]), принадлежитъ, какъ я сказалъ, къ восточнолитовскимъ, а именно это одинъ изъ тѣхъ сѣверныхъ восточнолитовскихъ говоровъ, которые имѣютъ an, не on или un, въ соотвѣтствіи со среднелитовскимъ an (поэтому въ грамматикѣ и ą, не ǫ или ų, въ соот-

1) Изъ отдѣльныхъ словъ, приведенныхъ въ этой грамматикѣ, особенно интересны глаголы *jeszku* «szukam» и *raudu* «płaczę» (стр. 47).

вѣтствіи со среднелит. *ą* и его измѣненіями). Признаки этого говора какъ восточнолитовскаго слѣдующіе: *ł* передъ *e* (напр. въ *łėkiu* «lecę», *słegiu* «przyciskam», *płeszk*), глаголъ *łaydžiu* (среднелит. léidžiu), полудолгота *a* въ соотвѣтствіи со среднелит. *ā* (и, конечно, также полудолгота *e*, соотвѣтствующаго среднелит. *ē*), ирраціональность первоначальныхъ краткихъ гласныхъ въ конечномъ слогѣ (см. приведенное выше опредѣленіе относительно количества *i* въ *awis*); а перенесеніе ударенія съ конечнаго слога, напр. въ *kàłba*, *sùnkus*, *sûnus* (т. е. sũnus изъ sũnùs, при именит. пад. мн. ч. *sunus*, т. е. súnus), показываетъ, что этотъ восточнолитовскій говоръ — одинъ изъ сѣверныхъ. Кромѣ того, и слѣдующее замѣчаніе автора грамматики: «si 1-ma syllaba habet accentum quemcunque, reliquae breves sunt» надо понимать, конечно, въ связи съ извѣстнымъ намъ явленіемъ сокращенія слоговъ безъ ударенія въ нѣкоторыхъ восточнолитовскихъ говорахъ (см. Барановскаго и Вебера Ostlitauische Texte).

Къ стр. 44, строк. 9 сн. Съ чередованіемъ въ литовскомъ языкѣ основъ наст. вр. на *ja* и на *i* однородно по происхожденію чередованіе основъ въ старослав. вѧжеть и въ (церк.слав.) вѧзить; авторъ упоминаетъ объ этомъ случаѣ въ предисловіи, стр. IV (см. у меня стр. 2).

Къ стр. 58, строк. 13 сн. Такого-же происхожденія основа на *a* въ русск. скать глагола ску, изъ *sъkǫ, прош. вр. *sъkāāχъ, сравн. литовск. sukù «кручу, верчу», прош. вр. sukaũ.

Къ стр. 67, строк. 16 сн. Надо замѣтить, однако, что ведійскія dās и dhās и съ значеніемъ косвеннаго наклоненія лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ имѣютъ *ā* распадающееся на два слога, между тѣмъ какъ обыкновенно *ā* здѣсь образуетъ одинъ слогъ; можетъ быть, въ этихъ dās и dhās совпали образованія инъюнктива, заключавшія въ себѣ *ā* со старою длительною долготою (не распадавшееся въ ведійскомъ нарѣчіи на два слога), и образованія сослагательнаго наклоненія, конъюнктива, въ которыхъ *ā*, изъ соединенія двухъ гласныхъ, имѣло нѣкогда прерывистую долготу.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXIV, № 12.

Ѳ. Браунъ.

РАЗЫСКАНІЯ
ВЪ ОБЛАСТИ ГОТО-СЛАВЯНСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ.

I.

ГОТЫ И ИХЪ СОСѢДИ ДО V ВѢКА.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ: ГОТЫ НА ВИСЛѢ.

СЪ ДВУМЯ КАРТАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1899.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1899 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Александру Николаевичу

ВЕСЕЛОВСКОМУ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое изслѣдованіе было задумано какъ вступительная глава къ болѣе широкому труду съ инымъ горизонтомъ, инымъ матеріаломъ. Глава эта, расчитанная приблизительно на 6 печатныхъ листовъ, должна была лишь подготовить дальнѣйшее разсужденіе о вліяніи готовъ на славянскій міръ, главнымъ образомъ, на почвѣ языка; она имѣла цѣлью вкратцѣ выяснить географическія и этнологическія условія, при которыхъ сказалось это вліяніе, т. е. опредѣлить, откуда и когда явились готы въ Великую Сарматію и въ какой группировкѣ они застали здѣсь славянъ и финновъ.

Но — habent sua fata libelli!

Когда четыре первые листа уже были отпечатаны, я, при чтеніи корректуры пятаго счелъ необходимымъ нѣсколько расширить свое разсужденіе о скиѳахъ, чтобы создать болѣе широкій базисъ для дальнѣйшихъ географическихъ и этнологическихъ построеній. Мнѣ казалось тогда, что я вношу этимъ лишь небольшое, сравнительно, редакціонное дополненіе; на самомъ же дѣлѣ я вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, что пробилъ въ своемъ планѣ брешь, которую я уже не въ силахъ былъ заполнить: черезъ нее за скиѳами прошли сарматы, и длинной вереницей потянулись аланы, бастарны, скиры, геты, кельты. Все это требовало пере-

смотра, и я не могъ отказаться отъ него, такъ какъ, дѣйствительно, вскорѣ убѣдился, что матеріалъ и кругъ возможныхъ рѣшеній по относящимся сюда вопросамъ далеко не исчерпаны; что, напр., Птолемей можетъ внести существеннѣйшія поправки и дополненія въ наши географическія и этнологическія знанія о Сарматіи и прилегающихъ областяхъ, если только съумѣть воспользоваться его богатымъ матеріаломъ.

Разъ я убѣдился въ этомъ, я уже не могъ сохранить прежній планъ: научная честность требовала, чтобы я отказался отъ него. Я такъ и сдѣлалъ,— скрѣпя сердце, такъ какъ я этимъ выпускалъ изъ рукъ власть надъ своей работой: она зажила какъ-то своею собственною жизнью, независимо отъ меня, увлекая меня за собою подчасъ въ такія области, въ которыя я до того времени никогда не заглядывалъ и заглядывать не хотѣлъ, такъ какъ онѣ лежали далеко за предѣлами моихъ научныхъ интересовъ и плановъ. Сюда относятся, напр., значительные географическіе экскурсы, основанные отчасти на математическихъ вычисленіяхъ.

Если моя книга попадетъ въ руки математика, онъ, вѣроятно, улыбнется наивнымъ пріемамъ филолога, сводящаго все къ простѣйшимъ геометрическимъ и алгебраическимъ формуламъ и достигающаго путемъ длинныхъ и утомительныхъ обходовъ такихъ результатовъ, которыхъ онъ инымъ путемъ, можетъ быть, достигъ бы скорѣе и проще. Надѣюсь, что отъ этого пострадалъ лишь я одинъ, а не сама работа.

Но не только эти части получили иной видъ, чѣмъ предполагалось раньше: онѣ навели меня на рядъ соображеній, которыхъ я не могъ оставить безъ разработки во второй половинѣ своего труда. И вотъ — вступительная глава, болѣе или менѣе компилятивнаго характера, разрослась — уже на типографскомъ станкѣ — въ самостоятельное изслѣдованіе, обнимающее цѣлую книгу.

Такова исторія моей работы.

Оглядываясь на пройденный путь и замѣчая многочисленные

зигзаги и скачки въ сторону, я утѣшаю себя тѣмъ, что, въ общемъ, взятый мною курсъ всетаки оказался вѣрнымъ: намѣченные въ началѣ важнѣйшіе вопросы легко и безъ натяжекъ нашли рѣшеніе въ концѣ, притомъ рѣшеніе иное, чѣмъ я самъ ожидалъ. Вѣрно-ли оно или нѣтъ,— вопросъ иной; во всякомъ случаѣ, для меня и моей работы эти зизгзаги и экскурсы оказались необходимыми.

Съ другой стороны, однако, я не могу не замѣтить, какой ущербъ они нанесли цѣльности моей книги. Прежде всего, конечно, пострадала композиція. Еслибы я могъ перестроить свою работу, я, конечно, расположилъ бы разработанный въ ней матеріалъ иначе и расчленилъ бы его по частямъ и главамъ. Не имѣя возможности исправить этотъ недостатокъ въ корнѣ, я старался загладить его подробнымъ оглавленіемъ и не менѣе подробнымъ указателемъ, при помощи которыхъ читатель, надѣюсь, легко разберется въ сложной мозаикѣ моего текста.

Пришлось примириться еще съ другимъ недостаткомъ, вызваннымъ тою-же причиною.

Перемѣна въ планѣ работы и перенесеніе центра тяжести ея на другой пунктъ не могли не замедлить печатаніе: первые листы напечатаны лѣтомъ 1895 года,— а подписываю я эти строки 20-го сентября 1899 года. Такой значительный промежутокъ времени долженъ былъ отразиться на моей работѣ, тѣмъ болѣе, что послѣдняя велась почти исключительно въ лѣтніе мѣсяцы, зимою же лишь урывками. На счетъ этихъ обстоятельствъ я прошу отнести неровности въ изложеніи, не всегда равномѣрное распредѣленіе рабочей энергіи и интенсивности; наконецъ, и тѣ мелкія противорѣчія и непослѣдовательности, напр., въ транскрипціи именъ[1]), которыя являются необходимымъ слѣдствіемъ медленной работы съ длинными — иногда въ нѣсколько мѣсяцевъ — перерывами.

1) Въ этомъ частномъ вопросѣ противорѣчія возникли отчасти потому, что я въ нѣкоторыхъ случаяхъ считалъ необходимымъ придерживаться общепринятой транскрипціи, въ другихъ старался по возможности точно передать звуки транскрибируемаго языка.

Существенно-важное противорѣчіе я замѣчаю только въ одномъ: вопросу о венедахъ на балтійскомъ побережьѣ я даю въ концѣ книги (стр. 331—336) иное рѣшеніе, чѣмъ въ началѣ ея. Между этими двумя рѣшеніями прошло четыре года добросовѣстной работы. Такъ какъ въ «поправкахъ и дополненіяхъ» на стр. 369 сл. заключаются и нѣкоторыя другія немаловажныя добавленія и исправленія, то я включилъ указаніе на нихъ въ оглавленіе, гдѣ читатель найдетъ ихъ отмѣченными въ скобкахъ курсивомъ.

Читатель, спеціально интересующійся географической стороной дѣла, хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ просмотрѣлъ приложеніе I, раньше чѣмъ приняться за чтеніе самой книги: онъ найдетъ тамъ теоретическое оправданіе пріемовъ, которыми я пользовался.

Полагаю, что мнѣ не поставятъ въ упрекъ сравнительно незначительное число ссылокъ и цитатъ. Всякій, хотя сколько-нибудь знакомый съ трактуемыми мною вопросами, знаетъ, какая огромная литература существуетъ по нѣкоторымъ изъ нихъ. Я не могъ, да и не хотѣлъ приводить ее всю, даже тамъ, гдѣ мои результаты случайно совпадали съ тѣмъ, что достигнуто моими предшественниками въ этой области. Но я тщательно отмѣчалъ всѣ пункты, въ которыхъ я сознавалъ хотя нѣкоторую зависимость отъ нихъ, и надѣюсь, что въ этихъ указаніяхъ нѣтъ существенныхъ недочетовъ. Въ большинствѣ же вопросовъ, затронутыхъ мною, у меня, къ счастью, вовсе не было предшественниковъ, по крайней мѣрѣ при той постановкѣ, которую я долженъ былъ дать этимъ вопросамъ въ общемъ теченіи моего изслѣдованія. Говорю «къ счастью»: многіе изъ моихъ читателей знаютъ, какъ весело и бодро работается въ полѣ вполнѣ еще дѣвственномъ.

Моя орѳографія древнегерманскихъ и другихъ формъ, полагаю, понятна и не требуетъ спеціальнаго разъясненія. Замѣчу лишь, что руна þ обозначаетъ собою глухой зубной спирантъ (=англ. глухому th); ему соотвѣтствуетъ, какъ звонкій спирантъ,

ð (=англ. звонкому th). Знакъ ƀ попалъ въ текстъ по нѣкоторому недоразумѣнію: я пропустилъ его, когда онъ встрѣтился въ первый разъ, и долженъ былъ оставить его и въ дальнѣйшемъ, чтобы не вносить пестроты и противорѣчій въ обозначеніе одного и того же звука. Знакъ этотъ обозначаетъ звонкій губной спирантъ (такъ наз. durchstrichenes b), которому, въ группѣ глухихъ спирантовъ, соотвѣтствуетъ f. Наконецъ, z всегда равно русск. з, за исключеніемъ древневерхненѣмецкихъ формъ, гдѣ оно въ началѣ словъ и послѣ согласныхъ обозначаетъ аффрикату (=ts); изъ него произошелъ звукъ, обозначаемый знакомъ R и встрѣчающійся только въ прасѣверныхъ формахъ: это, вѣроятно, небное r, въ противоположность къ индоевропейскому альвеолярному r.

Переводъ немногихъ древнегерманскихъ цитатъ читатель найдетъ въ «Поправкахъ и дополненіяхъ».

Выпуская въ свѣтъ мою книгу, я съ грустью вспоминаю, что ее уже не увидятъ ни А. А. Куникъ, ни В. Г. Васильевскій, которые съ такимъ участіемъ относились къ ея начаткамъ. Я надѣялся тогда видѣть ихъ въ ряду моихъ критиковъ. Этой надеждѣ не суждено было осуществиться, и я могу лишь преклониться передъ ихъ памятью, съ чувствомъ глубокой благодарности за все то многое, чѣмъ я имъ обязанъ.

Много встрѣчалъ я участія къ своей работѣ и въ другихъ лицахъ. Всѣмъ имъ приношу искреннюю признательность. Не могу не выразить также глубокую благодарность II Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ. Я высоко цѣню честь, которую оно мнѣ оказало, удѣливъ моей работѣ мѣсто въ своемъ Сборникѣ. Каковъ бы ни былъ отзывъ компетентной критики о моей книгѣ, я могу сказать, что я честно старался оправдать оказанное мнѣ довѣріе.

Послѣднее и самое вѣское слово благодарности я долженъ

сказать моему учителю А. Н. Веселовскому. Посвящая ему свою книгу, я лишь закрѣпляю уже совершившійся фактъ: книга, дѣйствительно, принадлежитъ ему во всѣхъ отношеніяхъ, будучи обязана ему какъ своимъ возникновеніемъ, такъ и своимъ появленіемъ въ свѣтъ. Еще на студенческой скамьѣ, въ его аудиторіи и подъ его непосредственнымъ вліяніемъ, я задумалъ ту цѣпь работъ, первымъ звеномъ которой нынѣ появляется эта книга. Когда, много лѣтъ спустя, моя мечта стала воплощаться, то онъ же былъ моимъ ходатаемъ передъ ученымъ учрежденіемъ, гостепріимно открывшимъ моей скромной работѣ доступъ къ своимъ изданіямъ. Подъ его наблюденіемъ печаталась она; жертвуя временемъ и трудомъ, онъ держалъ послѣднюю корректуру всѣхъ ея листовъ; наконецъ, онъ-же былъ, такъ сказать, ея воспріемникомъ, давъ ей то названіе, подъ которымъ она появляется. Все это даетъ мнѣ нѣкоторое право поднять на моей мачтѣ его флагъ — посвятить именно ему мою книгу. Курсъ, котораго держится мое изслѣдованіе, нѣсколько иной, чѣмъ тотъ, въ которомъ идетъ его собственная работа. Тѣмъ не менѣе оно вышло изъ созданной имъ-же среды и служитъ общему дѣлу.

Да приметъ онъ мою книгу какъ скромное выраженіе искренней и глубокой благодарности сердечно преданнаго ему ученика, научные интересы котораго обязаны ему своимъ возникновеніемъ и развитіемъ.

Ѳ. Браунъ.

С.-Петербургъ.
20-го сентября, 1899 г.

Содержаніе.

Списокъ сокращеній *).

авест. языкъ Зендъ-Авесты.
агс. англосаксонскій.
англ. англійскій.
вульф. языкъ Вульфилы.
гутск. гутскій, готландскій.
дрбрет. древнебретонскій.
дрверхнњм. древневерхненѣмецкій.
дринд. древнеиндійскій.
дрир(л.) древнеирландскій.
дрисл. древнеисландскій.
дрнижненњм. древненижненѣмецкій.
дрсакс. древнесаксонскій.
дрсњв. древнесѣверный.
дршв(едск.) древнешведскій.
ир(л.) ирландскій.
кимр. кимрскій.
корн. корнійскій.
крготск. крымско-готскій.
нд(р)л. нидерландскій.
прасњв. прасѣверный.
срверхнњм. средневерхненѣмецкій.

Барсовъ. — Очерки русской исторической географіи. Географія начальной (Несторовой) лѣтописи. Изд. 2-ое. Варшава, 1885.
Беккеръ. — Берегъ Понта Эвксинскаго отъ Истра до Борисѳена въ отношеніи къ древнимъ колоніямъ. Одесса 1851.
Брунъ. — Черноморье. Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи. 2 тома. Одесса, 1879—1880.
Желеховскій. — Малоруско-німецкий словар. 2 т. Львовъ, 1886.
Зап. Од. Общ. — Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, съ 1844 г.
Каспій. — О походахъ древнихъ Русскихъ на Табаристанъ. Б. Дорна. Спб. 1875. (Прилож. къ XXVI т. Зап. Имп. Ак. Наукъ № 1).
Лаппо-Данилевскій. — Скиѳскія древности. Спб. 1887 (Зап. Отд. Русск. и Слав. Археологіи Имп. Русск. Археол. Общ. т. IV).
Латышевъ, Извѣстія. — Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. Собр. и изд. съ русск. перев. В. В. Латышевъ. Томъ I Греческіе Писатели. Выпускъ 1-ый. Спб. 1893.
Латышевъ, Изслѣдованія. — Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ гор. Ольвіи. Спб. 1887.
Миллеръ Вс.— Статья Вс. Миллера въ Ж. М. Н. Пр. ч. 247 (1886) стр. 232 сл.

---

*) При составленіи списка авторъ руководствовался чисто практическими соображеніями. Сокращенія и цитаты, понятныя сами собою, опущены.

Надеждинъ. — Статья Надеждина: «Опытъ исторической географіи русскаго міра» въ Библіотекѣ для Чтенія за 1837 г., кн. 6-ая (т. XXII).

Осет. эт.— Вс. Миллеръ. Осетинскіе этюды. 3 части. Москва, 1881—1887.

Потоцкій. — Записка о новомъ периплѣ Понта Эвксинскаго, равно какъ и о древнѣйшей исторіи народовъ Тавриды, Кавказа и Скиѳіи, составленная гр. Ив. Потоцкимъ. Москва 1850.

П. С. Р. Л. — Полное собраніе русскихъ лѣтописей изд. Археографическою Коммиссіею.

Терещенко. — Очерки Новороссійскаго края. Спб. 1854.

Уваровъ. — Гр. А. Уваровъ. Изслѣдованія о древностяхъ Южной Россіи и береговъ Чернаго Моря. Спб. 1851—1856.

Черноморье. — См. Брунъ.

Эварницкій. — Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа. 2 части. Спб., 1888.

An. Gr.—A. Noreen. Altnordische Grammatik. I Altisländische und altnorwegische Grammatik. 2 Aufl. Halle 1892; II, 1 Altschwedische Grammatik mit Einschluss des Altgutnischen. 1-te Lieferung. Halle 1897.

AfdA.—Anzeiger für deutsches Altertum, выходящій съ 1876 г. при ZfdA.

Ags. Gr.[2]—E. Sievers. Angelsächsische Grammatik. 2 Aufl. Halle 1886.

Arkiv.—Arkiv för Nordisk Filologi. Christiania 1883 ss.

ATfS.—Antiquarisk Tidskrift för Sverige. Stockholm 1864 ss.

Behaghel DS.—Die deutsche Sprache, von O. Behaghel. Leipzg u. Prag. 1886.

Bezzenberger, A-Reihe.—Ueber die A-Reihe der gotischen Sprache. Eine grammatische Studie von A. Bezzenberger. Göttingen 1874.

Bielenstein. — Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. Ein Beitrag zur ethnologischen Geographie und Geschichte Russlands. St.-Petersburg 1892. (Изд. Имп. Акад. Наукъ).

Binding.—Das burgundisch—romanische Königreich 443 bis 532. Bd. I Leipzig 1868.—Pag. 329—404: W. Wackernagel. Sprache und Sprachdenkmäler der Burgunden.

Bluhme.—Die Gens Langobardorum und ihre Herkunft. Bonn 1868.

Böckh CJG.—Corpus inscriptionum graecarum, auctoritate et impensis Academiae Litterar. Regiae Boruss. 4 voll. 1828—1877.

Braune Ahd. Gr.—Althochdeutsche Grammatik von W. Braune. Halle 1886.

Bruckner.—Die Sprache der Langobarden. Strasburg 1895 (QF. 75).

Brugmann Gr. —Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen von Karl Brugmann. 6 voll. Strassburg 1886—1893.

Bunbury.—History of ancient Geography among the Greeks and Romans. 2 ed. 2 voll. London 1883.

Burg.—Die älteren nordischen Runeninschriften. Eine sprachwissenschaftliche Untersuchung von Fritz B. Berlin 1885.

CIL.—Corpus inscriptionum latinarum. Berol. 1863 ss.

Cuno.—Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde I. Die Skythen. Berlin, 1871.

DA.—Deutsche Altertumskunde, von Karl Müllenhoff. Berlin. I, neuer Abdruck 1890, II 1887, III 1892.

Dietrich. — Ueber die Aussprache des Gotischen. Eine sprachgeschichtliche Abhandlung von Franz D. Marburg 1862.
Donner.—Vergleichendes Wörterbuch der Finnisch-Ugrischen Sprachen. 3 Thle. Helsingfors 1874—1888.
Duncker.—Origines Germanicae. Berol. 1840.
Egilsson, Lex. poet.—Sv. Egilsson. Lexicon poeticum antiquae linguae septentrionalis. Kopenh. 1860.
Egli.—Nomina Geographica. 2. Aufl. Leipzig 1893.
Erdmann.—Статья въ ATfS. XI, 4 (1891).
Feist.—Grundriss der gotischen Etymologie. Strassburg 1888.
Fick II[4].—A. Fick. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. 4. Aufl. Zweiter Theil: Wortschatz der keltischen Spracheinheit, von W. Stokes und A. Bezzenberger. Göttingen 1894.
Förstemann Gdd Sprst.—Geschichte des deutschen Sprachstammes II Nordhausen 1875.
GGN.—Göttinger Gelehrte Nachrichten.
Graff Diutiska.—Diutiska. Denkmäler deutscher Sprache und Literatur. Stuttgart 1826—1829.
Grimm DM.[4]—Deutsche Mythologie von Jacob Grimm. 4-te Ausg. besorgt von E. H. Meyer. 3 Bde. Berlin 1875—1878.
Grimm DS.—Deutsche Sagen, herausgegeben von den Brüdern Grimm. 2 Thle. Berlin 1816—1818.
Grimm GDS.—Geschichte der deutschen Sprache, von Jacob Grimm. 2 Bde. Leipzig 1848.
Grundtvig.—Danmarks gamle Folkeviser. I 1853, III 1862. Kjöbenhavn.
Henning.—Die deutschen Runendenkmäler. Strassburg 1889.
Holder.—Alt-Celtischer Sprachschatz. Bd. I, Leipzig 1896.
Holtzmann Ad. Gr.—Altdeutsche Grammatik von Adolf H. Band I Lpzg. 1870—1875.
Holz.—Beiträge zur deutschen Altertumskunde von G. Holz. I Heft: Ueber die germanische Völkertafel bei Ptolemaeus. Halle 1894.
IF.—Indogermanische Forschungen. Strassburg 1892 ss.
Justi.—Ferdinand Justi. Iranisches Namenbuch. Marburg 1895.
Kögel GddL.—Geschichte der deutschen Litteratur bis zum Ausgange des Mittelalters, von R. K. I Bd. (2 Thle) Strassburg. 1894—1897.
Köpke.—Die Anfänge des Königthums bei den Gothen. Berlin 1859.
Kossinna.—Die ethnologische Stellung der Ostgermanen, въ IF. VII (1896).
Krek.—Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. 2 Ausg. Graz. 1887.
Kruse.—De Istri ostiis. Wratisl. 1820.
KZ.—Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, herausgeg. v. Kuhn. Berlin 1852 ss.
Latyschew Inscrpt. — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Petropoli 1885. 1890.
Leo Beów.—Beówulf. Halle 1839.
Linde.—Słownik języka Polskiego. VI tt. 2 wyd. Lwow. 1854—1861.
Lindström.—Anteckningar om Gotlands Medeltid I Stockholm 1892.
Lipsky.—Repertorium къ картѣ Венгріи и т. д. Joh. von Lipsky. Ofen 1808.

Loewe.—Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere. Eine ethnologische Untersuchung von R. Loewe. Halle 1896.

Mair. G.—Das Land der Scythen bei Herodot. 2 Thle. Saatz 1884—1885.

Meyer GM.—Germanische Mythologie von E. H. Meyer. Berlin 1891.

Meyer, Leo.—Die gotische Sprache. Berlin 1869.

Miklosich Etym. Wört.—Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien. 1886.

Miklosich Vergl. Gram.[2]—Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. 2-te Ausg. Wien 1879.

Möller.—Das altenglische Volksepos in der ursprünglichen strophischen Form. Kiel. 1883.

Much.—Статьи Муха: Die Südmark der Germanen; Die Germanen am Niederrhein; Goten und Ingvaeonen. въ PBB. XVII (1892), 1 ss.

Müllenhoff Beówulf.—Beovulf. Untersuchungen über das angelsächsische Epos und die älteste Geschichte der germanischen Seevölker. Berlin 1889.

Müller.—Claudii Ptolemaei Geographia, ed. C. Müller. Vol. I pars 1. Parisiis 1883.

Neumann.—Die Hellenen im Skythenlande. Bd. I. Berlin 1855.

NI.—Norges Indskrifter med de ældre Runer. Udgivne... ved Sophus Bugge. Christiania 1891—1895.

Nordalb. Stud.—Nordalbingische Studien. I Kiel 1844.

Obermüller.—Deutch-keltisches geschichtlich-geographisches Wörterbuch. 2 Bde. Leipzig 1868—Berlin 1872.

ON[2].—E. Förstemann. Altdeutsches Namenbuch. Bd. II Ortsnamen. 2 Bearbeitung. Nordhausen 1872.

Pallmann.—Die Geschichte der Völkerwanderung nach den Quellen dargestellt. 2 Thle. Gotha u. Weimar 1863—1864.

Paul Gr.—Grundriss der germanischen Philologie... herausgegeben von H. Paul. Strassburg 1889—1893.

PBB.—Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Litteratur, herausgegeben von H. Paul und W. Braune. Halle 1874 ss.

PN.—E. Förstemann. Altdeutsches Namenbuch. Bd. I. Personennamen. Nordhausen 1856.

QF.—Quellen und Forschungen zur Sprach- und Culturgeschichte der germanischen Völker, herausg. v. Brandl, Martin, Schmidt. Strassburg 1874 ss.

Roesler. Romänische Studien. Leipzig 1871.

Sadowski.—Die Handelsstrassen der Griechen und Römer durch das Flussgebiet der Oder, Weichsel, des Dniepr und Niemen an die Gestade des Baltischen Meeres. Aus dem Polnischen von Alb. Kohn. Jena 1877.

Säve.—Gutniska Urkunder: Guta Lag, Guta Saga och Gotlands Runinskrifter språkligt behandlade. Stockholm 1859.

Schade. Altdeutsches Wörterbuch. 2. Aufl. Halle 1872—1882.

Schleicher DS[3].—Die Deutsche Sprache. 3. Aufl. Stuttgart 1874.

Schlyter Gloss.—Ordbok till samlingen af Sveriges gamla lagar (Samling af Sveriges gamla lagar, XIII bandet) Lund 1877.

Schmidt Ält. Gesch. — Älteste Geschichte der Langobarden. Ein Beitrag zur Geschichte der Völkerwanderung. Inaugur.-Diss. Leipzig 1884.

Seelmann Aussprache.—Die Aussprache des Latein nach physiologisch-historischen Grundsätzen. Heilbronn 1885.

Simrock HddM[5].—Handbuch der deutscheu Mythologie mit Einschluss der nordischen. 5. Aufl. Bonn 1878.

Söderberg. Forngutnisk Ljudlära. Lunds Universitets Ars-Skrift. tom. XV. 1878—1879. Lund.

Streitberg Urg. Gr.—Urgermanische Grammatik. Heidelberg 1896.

ten Brink.—Beowulf. Untersuchungen von B. ten Brink. Strassburg 1888 (QF. 62).

Tomaschek.—Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden II. Die Nachrichten Herodots über den skythischen Karawanenzug nach Innerasien. WSB. Philos.-hist. Classe Bd. 117 (1888) p. 1 ss.

Tomaschek GGA.—Критическій отзывъ о DA. II въ Göttinger Gelehrter Anzeiger 1888.

Uhland.—Schriften zur Geschichte der Dichtung und Sage. 8 Bde. Stuttgart 1865—1873.

Urg. Ltl.—Abriss der urgermanischen Lautlehre... von A. Noreen. Deutsche Bearbeitung. Strassburg 1894.

Vocal.—Joh. Schmidt. Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus. 2 Thle. Weimar 1871—1875.

Wrede Ostgot.—Ueber die Sprache der Ostgoten in Italien. Strassburg 1891 (QF. 68).

Wrede Wand.—Ueber die Sprache der Wandalen. Strassburg 1886 (QF. 59).

WSB.—Sitzungsberichte Вѣнской Академіи Наукъ философско-историч. отдѣленія.

Zeuss.—Die Deutschen und die Nachbarstämme. München 1837.

Zeuss Gramm. Celt.—Grammatica Celtica. 2 ed. (Ebel) Berlin 1871.

ZfdA.—Zeitschrift für deutsches Altertum, съ 1841 г.

ZGDS.[2]—Zur Geschichte der deutschen Sprache, von W. Scherer. 2. Ausg. Berlin 1878.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ недавнемъ прошломъ русской исторической наукой былъ поднятъ такъ называемый «готскій вопросъ».

Готы искони жили въ предѣлахъ нынѣшней Европейской Россіи; изъ всѣхъ германскихъ племенъ они были ближайшими сосѣдями славянъ въ эпоху, когда послѣдніе составляли еще одно этнографическое и культурное цѣлое на верховьяхъ Днѣпра и Волги; они основали впослѣдствіи въ припонтійскихъ степяхъ сильное государство, которое подчинило себѣ большую часть славянскихъ и финскихъ племенъ между Вислой и Волгой. Въ виду этихъ данныхъ готы не могли не обратить на себя издавна вниманіе ученыхъ, изучавшихъ древнѣйшую исторію и бытъ славянскаго міра. Такъ напомнимъ, что уже Шафарикъ отмѣчалъ слова, заимствованныя по его мнѣнію славянами у готовъ и готами у славянъ; академикъ Куникъ, стараясь пролить свѣтъ на первыя страницы русской политической и бытовой исторіи, никогда не теряетъ изъ виду готовъ и «готскій періодъ»; А. Н. Веселовскій прислушивается къ отголоскамъ готской старины въ скандинавскихъ сагахъ, повѣствующихъ о событіяхъ въ южной Россіи, и ищетъ слѣдовъ готской пѣсни и сказанія въ нашемъ былинномъ эпосѣ. Всѣ названные изслѣдователи имѣютъ въ виду главнымъ образомъ культурное вліяніе готовъ на славянъ вообще и русскихъ славянъ въ частности. Начало же русскаго *го-*

сударства они ведутъ отъ призванія норманской Руси изъ-за моря.

На этомъ однако не останавливаются ученые, возбудившіе упомянутый выше «готскій вопросъ». Они идутъ дальше и хотятъ связать съ пребываніемъ готовъ на югѣ Россіи начало русской государственной жизни. Уже Иловайскій, неудовлетворенный построеніями норманнистовъ, искалъ исхода въ «готской теоріи», но, по собственнымъ его словамъ, долженъ былъ въ концѣ-концовъ отказаться отъ нея, такъ какъ и она также не могла отвѣтить на всѣ вопросы и сомнѣнія, хотя, по словамъ автора, она была гораздо удовлетворительнѣе теоріи норманской [1]).

Въ наиболѣе рѣзкой и рѣшительной формѣ вопросъ о готскомъ происхожденіи Руси былъ затѣмъ поднятъ Будиловичемъ на восьмомъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ [2]) въ докладѣ, озаглавленномъ: «Къ вопросу о происхожденіи слова Русь». Е. Ф. Шмурло, подчеркивая въ попыткѣ Будиловича энергическій шагъ въ новомъ направленіи, заканчиваетъ свой отчетъ о его докладѣ слѣдующими словами [3]): «Происхожденіе Русскаго государства уже породило школы норманскую и славянскую. Кто знаетъ, можетъ быть, мы присутствуемъ при зарожденіи школы готской?»

Мы позволимъ себѣ отвѣтить на этотъ вопросъ рѣшительнымъ «нѣтъ». Готской школы, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ объясненія начала русскаго государства, никогда не будетъ и быть не можетъ. А не можетъ ся быть по той причинѣ, что теорія норманнистовъ давнымъ давно уже перестала быть простой болѣе или менѣе смѣлой гипотезой и стала теоремой, неоспоримо доказанной фактами лингвистическими.

Мы не говоримъ, чтобы можно было успокоиться на добытыхъ норманнистами результатахъ и считать вопросъ всесторонне рѣ-

---

[1]) Разысканія о началѣ Руси. Москва. 1876, стр. 266.

[2]) Отчетъ Шмурло въ *Жур. Мин. Нар. Пр.* Май 1890 г., стр. 25—29.

[3]) Въ указ. статьѣ, стр. 29.

шеннымъ: много еще остается неясныхъ, темныхъ или спорныхъ пунктовъ въ подробностяхъ, и не скоро еще наука будетъ въ правѣ подвести окончательные итоги по этому вопросу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ содѣйствуютъ рѣшенію вопроса противники норманнизма лучше сторонниковъ его, мѣтко указывая на слабые и спорные пункты въ подробностяхъ теоріи норманнистовъ. Но именно только въ подробностяхъ. Основнаго тезиса ихъ никто еще не поколебалъ; да онъ и непоколебимъ, какъ непоколебима теорема о томъ, что сумма угловъ треугольника равна двумъ прямымъ. Отвергать основное положеніе норманнистовъ можетъ только человѣкъ, либо вовсе не знакомый съ древнегерманскими языками, либо закрывающій глаза передъ очевидными фактами. Русское государство, какъ таковое, основано норманнами, и всякая попытка объяснить начало Руси иначе будетъ напраснымъ, празднымъ трудомъ.

Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе важнѣйшихъ положеній и доказательствъ норманнистовъ: извѣстные труды Погодина, Куника и Томсена всѣмъ доступны [1]). По нимъ всякому легко провѣрить сказанное выше.

Спорнымъ является, на нашъ взглядъ, лишь хронологическое опредѣленіе появленія Руси въ южной Россіи, и вопросъ о происхожденіи самого наименованія «Руси». Противъ этихъ-то слабѣйшихъ пунктовъ норманской позиціи дѣйствительно направлены, главнымъ образомъ, нападки противниковъ, выступившихъ за послѣднее время на арену: В. Г. Васильевскаго и А. С. Будиловича.

Что касается перваго пункта, хронологіи, то онъ, по характеру своему, не подлежитъ разсмотрѣнію въ нашемъ изслѣдованіи. Замѣтимъ только, что принципіальнаго значенія ему придавать не слѣдуетъ. Еслибъ даже удалось неоспоримо доказать

---

[1]) Хорошую краткую характеристику важнѣйшихъ фазисовъ варягоборства даетъ Крекъ (Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte[2] Graz 1887, p. 335 ss. n. [2]) и Бестужевъ-Рюминъ Исторія Россіи, т. I (Спб. 1872), стр. 88 сcл.

ошибочность Несторовой хронологіи и этимъ подорвать довѣріе къ нашей первоначальной лѣтописи, то все-же Русь останется Русью норманскою, пришедшею изъ-за моря. Вѣдь не лѣтопись одна доказываетъ это основное положеніе норманнизма.

Гораздо важнѣе пунктъ второй. Въ самомъ дѣлѣ, норманская теорія требуетъ, повидимому, скандинавскаго происхожденія названія «Русь», тѣмъ болѣе, что члены этой народности сами называли себя этимъ именемъ. (См. впрочемъ ниже стр. 17). Еслибъ противникамъ удалось доказать нескандинавское происхожденіе его, то они этимъ поколебали бы самую основу норманизма, и сторонникамъ его пришлось бы начать работу сначала. Какъ извѣстно, по этому поводу былъ высказанъ цѣлый рядъ соображеній и догадокъ. Ни одно изъ нихъ, пока, критики не выдерживаетъ. Вдаваться въ разсмотрѣніе ихъ мы не станемъ, такъ какъ не на защиту норманской теоріи выступаемъ мы въ настоящемъ трудѣ: она въ защитѣ не нуждается. Мы остановимся только на упомянутомъ докладѣ А. С. Будиловича, имѣя въ виду провѣрить предлагаемую имъ этимологію слова «Русь». Имъ очень рѣзко и, на нашъ взглядъ, невѣрно формулируется «готскій вопросъ», а правильная постановка послѣдняго является нашей первой и важнѣйшей задачей.

По словамъ уважаемаго профессора, его гипотеза «представляетъ не какую-либо теорію, а только попытку разсмотрѣть дѣло съ нѣсколько иной точки зрѣнія». «Предоставляя другимъ говорить о Руси, какъ *народѣ*, онъ подходитъ къ ней, какъ филологъ, и изучаетъ ее, какъ *слово*» [1]). Слѣдовательно, на лингвистическомъ разборѣ названія «Русь» держится вся догадка А. С. Будиловича; если этимологія, предложенная имъ, вѣрна или по крайней мѣрѣ имѣетъ нѣкоторую сте-

---

[1]) Указ. отчетъ Шмурло, стр. 25. На него можно положиться, такъ какъ по статьѣ «Варшавскаго дневника», изъ котораго перепечатанъ относящійся сюда отдѣлъ отчета, прошла, кажется, рука самого автора. См. стр. 25, примѣчаніе 2.

пень вѣроятія, то тогда можно будетъ обратиться къ исторіи за фактами, подтверждающими готское происхожденіе Руси какъ народа; если же этимологія невѣрна и невозможна, то всякая попытка подойти къ этому вопросу съ другой стороны потеряетъ твердую почву. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія лингвистики должны и мы приступить къ разбору этимологіи, предложенной Будиловичемъ.

Прежде всего нужно замѣтить, что она, собственно, не новая: уже А. А. Куникъ въ примѣчаніяхъ къ «Каспію» Дорна[1]), стр. 55, 430 прим., 438 и т. д. указываетъ на возможность производства имени «Русь» отъ древнегерманскаго *hrōþ-, *hrōð-. Новымъ въ догадкѣ г. Будиловича является лишь этническое отожествленіе Руси съ готами.

Чтобы разобраться въ этомъ довольно запутанномъ вопросѣ, не безполезно будетъ представить общій сводъ формъ, въ которыхъ встрѣчается спорное слово въ древнегерманскихъ нарѣчіяхъ. Многія изъ этихъ формъ пригодятся намъ при дальнѣйшемъ изложеніи.

Въ готскомъ языкѣ: имени существительнаго *hrōþs случайно не сохранилось, но оно можетъ быть съ достовѣрностью возстановлено изъ прилагательнаго hrōþeigs, встрѣчающагося одинъ разъ въ вин. п. мн. ч. (II Кор. 2, 14: guþa ..þamma... ustaiknjandin hroþeigans uns=греч. ориг. τῷ θριαμβεύοντι ἡμᾶς) въ значеніи «торжествующій, побѣдоносный, славный». Прилагательное это допускаетъ двоякую основу сущ. *hrōþs: *hrōþi- (ср. ansteigs отъ ansts, осн. ansti-) и *hrōþa- (ср. þiuþeigs отъ þiuþ, осн. þiuþa-). Обѣ формы поддерживаются параллельными формами другихъ германскихъ нарѣчій.

Въ древне-сѣверномъ языкѣ: hróðr m. слава (род. hróðrs

---

[1]) Б. Дорнъ, Каспій. О походахъ древнихъ русскихъ на Табаристанъ. Приложеніе къ XXVI тому Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 1. Спб. 1875. Еще подробнѣе въ нѣмецкомъ изданіи той же книги Caspia, Mém. de l'Acad. Impér. des Sciences. VII série, tome XXIII, № 1, p. 381 not. Тутъ разбирается вопросъ объ отношеніи hrōþ— къ hraiþ—.

или hróðrar, осн. *hrōðra-изъ -z-, ср. прил. hróðrfullr славный); снова *hrōða- сохранилась въ прил. hróðigr, hróðugr славный, гордый славой, и въ собственныхъ именахъ какъ Hróaldr изъ *Hróðvaldr, др.-русск. Раулдъ.

Въ *англосаксонскомъ* языкѣ: hréð m? n? слава (осн. *hrēði-, é перегласовка изъ ō), прил. hréðiʒ славный; hróðor m. радость. Послѣднее слово, какъ дрс. hróðr, представляетъ древнюю основу на -os [1] (греч.-ος γένος, лат.-os,-er-: genus, generis), перешедшую уже на германской почвѣ въ основу на-а (hróðra). Согласная тема сохранилась, однако, въ древнемъ dat. instr. sing. hróðor, рядомъ съ новой формой hróðre, ср. Sievers Ags. Gram.[2] 1886 p. 134 § 289.

Основа *hrōða—сохранилась на агс. почвѣ только въ личныхъ собственныхъ именахъ, напр.: Hróðgár, Hróðmund, Hróðulf въ поэмѣ о Беовульфѣ.

Въ *древневерхненѣмецкомъ яз.*, наконецъ, находимъ также двѣ формы темы: *hrōda- и *hrōdi-, но не въ самостоятельныхъ сущ. им., а лишь въ сложныхъ личныхъ именахъ: Hrôdulf, поздн. Ruodulf, Rudolf (готск. *Hrōþawulfs), и *Hrôdigêr, поздн. Ruodigêr, Rüedcgêr, Rüdiger (гот. *Hrōþigais) [2].

По приведеннымъ формамъ мы въ правѣ возстановить для прагерманскаго языка слѣдующія три сущ. основы: *hrōþa-, hrōþi- и hrōþoz-, -iz- [3].

Отъ этого-то слова, въ сочетаніи съ племеннымъ названіемъ, было образовано эпическое прозвище готовъ. Если такъ, то древнѣйшая, полная форма его была несомнѣнно *Hrōþigutōs

---

[1]) На существованіе такой же основы въ готскомъ языкѣ указываетъ собств. имя гота Ῥωϑεστέος (гот. *Hrōþisþius), отца извѣстнаго Атанарика временъ Вульфилы. См. уже у Куника l. c., стр. 435.

[2]) Вмѣсто hruod нѣм. яз. употребляетъ другое слово, образованное отъ тогоже корня: hruom, нынѣ Ruhm, др.-сакс. hrôm, идл. roem.

[3]) Въ основѣ лежитъ индоевр. корень qer—qr̥ ср. санскр. kar вспоминать, kārú— пѣвецъ. Можетъ быть герм. *hrōþi-=санскр. kīrti—слава изъ индоевр. *qr̥̄ti- съ долгимъ гласнымъ r? См. Feist, Grundriss der got. Etymologie, Strassburg 1888, p. 56.

или *Hrōþagutōs, resp.-ans «славные готы». Называли-ли готы сами себя такимъ образомъ, или же указанное почетное прозвище было имъ дано лишь въ пѣсняхъ сосѣднихъ племенъ, этого мы не знаемъ. Къ сожалѣнію, древнѣйшая форма до насъ не дошла, но мы находимъ вполнѣ соотвѣтствующую въ агс. эпосѣ, а именно Hrêðgotan. Въ «пѣснѣ странника» (Widsið), древнѣйшемъ памятникѣ англосаксонской поэзіи, они стоятъ рядомъ съ гуннами, стихъ 57: ic wæs mid Húnum and mid Hrêðgotum [1]).

Точно также въ «Elene», эпосѣ Киневульфа (VIII в.) ст. 20: Húna leóde and Hrêðgotan [2]). Иногда они просто называются Hrêðas: Elene v. 58 Húna and Hrêða here; представитель готской славы Эрманарикъ называется Widsið v. 7: Hrêðcyning, въ другомъ стихѣ 89 просто Gotena cyning, v. 18: Eormanríc (weóld) Gotum. Замѣтимъ однако тутъ же, что рядомъ съ этими вполнѣ ясными формами мы находимъ v. 120 такую, которая какъ въ вокализмѣ такъ и въ согласномъ сильно отклоняется: Hrǽda here. Можетъ быть она лишь описка вм. Hrêða? Ettmüller въ своемъ изданіи (Zürich 1839) въ этомъ смыслѣ дѣйствительно измѣняетъ рукописное чтеніе. Но послѣднее находитъ нѣкоторую поддержку въ дрсѣв. формахъ, къ которымъ мы теперь и обратимся.

Дѣло въ томъ, что въ дрсѣв. памятникахъ мы нигдѣ не находимъ ожидаемой формы *Hróðgotaland, а всегда лишь Reiðgotaland, для которой, впрочемъ, можно возстановить болѣе древнее Hreiðgotaland, такъ какъ въ старшей Эддѣ, Vafþrúðnismál 12 (ed. Hildebrand 1876, p. 61) начальное h- требуется аллитераціей и къ тому-же встрѣчается въ Рёкской надписи: Hraiþkutum [3]). Господствующая-же и единственно сохраненная пись-

[1]) Bibliothek der ags. Poesie, begr. v. Grein, neu bearb. v. R. P. Wülcker Bd. I, 1. Kassel 1881, p. 3.

[2]) Bibl. d. ags. Poesie ed. Grein. Bd. II (1858), p. 105.

[3]) Надпись эта найдена въ Rök'ѣ, въ юго-западной части Остгётланда и относится по Bugge къ серединѣ или концу X вѣка, по Noreen'у (Grundriss der germ. Philologie, ed. Paul I, 2 Strassburg 1889, p. 421) къ началу того-же вѣка.

менной традиціей, кромѣ Рёкской надписи, форма есть Reiðgotaland, напр. въ младшей Эддѣ, въ Hervararsaga, въ такъ называемой географіи изъ Скальголта и т. д. [1]).

Привлекая древнесѣверную форму къ объясненію «Руси», мы наталкиваемся однако на затрудненіе, на которое г. Будиловичъ не обратилъ, кажется, надлежащаго вниманія. Я не говорю о неопредѣленности географическаго положенія Reiðgotaland'а, которое совпадаетъ въ понятіи скандинавовъ то съ Даніей, то съ Помераніей, то съ Швеціей, то, наконецъ, съ частью нынѣшней Россіи [2]). Послѣднее, точно засвидѣтельствованное опредѣленіе этого географическаго названія—т. е. что страна Рейдготовъ лежитъ на востокѣ отъ Польши (austr frá Pólena), что главный городъ ихъ «градъ Днѣпра (т. е. вѣроятно Кіевъ) въ рѣчной области» (Danparstaðir или Dampstaðir í Árheimum... hofuðborg á Reiðgotalandi í þann tíma) [3])—одно только это опредѣленіе важно для насъ пока. Другое также весьма распространенное отожествленіе Reiðgotaland'а съ Даніей произошло, вѣроятно, вслѣдствіе ошибочнаго отожествленія Дона Ивановича русскихъ былинъ съ Даномъ, родоначальникомъ Дановъ — Датчанъ; по той же причинѣ въ датскія генеалогіи былъ перенесенъ и Danpr = Днѣпръ [4]), и готскій царь Эрманарикъ (Saxo

---

Надпись объяснилъ — не во всѣхъ ея частяхъ, впрочемъ, удовлетворительно— Bugge, Tolkning af Runeindskriften på Rökstenen i Östergötland, въ Antiqvarisk Tidskrift för Sverige V (1878). О Hraiþkutum тамъ-же стр. 35 ss. (отдѣльнаго оттиска).

[1]) Точныя указанія см. Heinzel, Ueber die Hervararsaga. Sitzungsberichte der philos.-histor. Classe der kais. Ak. d. Wiss. Bd. 114. Wien 1887, p. 469 ss.

[2]) Heinzel l. c. p. 469 s.

[3]) Fornaldar Sögur... útg. af Rafn. I (Kaupmannahöfn 1829), p. 499.—Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves, éditées par la Soc. des antiquaires du Nord II (Copenhague 1852) pp. 438, 447.—Ср. Дашкевичъ, Приднѣпровье и Кіевъ по нѣк. памятн. др. сѣв. лит. Кіевскія Универс. Извѣстія. 1886, № 11, стр. 220 и слѣд.—Веселовскій, Кіевъ—Градъ Днѣпра. Записки Романо-Германск. Отдѣленія Филолог. Общ. при Имп. Спб. Университетѣ. Вып. I. Спб. 1888.

[4]) Гильфердингъ. Онежскія былины (1873) стр. 252, № 50: Нѣпра и Донъ; Рыбниковъ, Пѣсни I (1861), стр. 194 № 32: Днѣпра Королевична и Донъ Ивановичъ; Heinzel, p. 473 ss. 497; Веселовскій, стр. 64 ss.

Grammaticus ed. Müller I Havniae 1839, p. 411; Chronicon Erici Regis ed. Langebeck I 1772 p. 155).

Перенесеніе названія на Данію могло произойти, конечно, не раньше X вѣка, когда скандинавы успѣли познакомиться съ Дономъ Ивановичемъ и Нѣпрой Королевичной, а можетъ быть, и съ соотвѣтствующимъ ей и существовавшимъ тогда мужскимъ олицствореніемъ той же рѣки — Днѣпромъ.

Не подлежитъ сомнѣнію важный для г. Будиловича и для насъ фактъ, что Reiðgotaland, resp. Hreiðgotaland первоначально обозначаетъ страну готовъ въ нынѣшней Россіи, въ области верхняго и средняго Днѣпра.

Затрудненіе, на которое мы указали выше, заключается въ томъ, что Hreiðgotaland по формѣ своей не совпадаетъ съ агс. Hréðgotan и возстановленнымъ нами готск. *Hrōþigutōs, которое должно было бы дать въ др.-сѣв. обязательно *Hróðgotar (resp. *Hrǿðgotar?), а никакъ не Hreið —; послѣднему соотвѣтствовало бы въ готскомъ *Hraiþ—, и въ вокализмѣ соотвѣтствуетъ подчеркнутое нами выше агс. Hrǽda here (Widsið v. 120).

Поставить эти два типа hrōþ- и hraiþ- въ генетическую связь и видѣть въ др.-сѣв. Hreið—лишь діалектическую разновидность вм. *Hrōð, какъ это попытался сдѣлать акад. Куникъ [1]),— невозможно, такъ какъ нигдѣ, ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ нарѣчій мы не находимъ перехода ō resp. ǿ въ ai. Не вполнѣ удачной слѣдуетъ также назвать попытку Kern'а подвести оба слова подъ одно общее значеніе [2]). Наконецъ, и предположеніе Jessen'а [3]), что Hreiðgotar есть ничто иное какъ заимствованіе изъ агс. (Hréðgotan), невозможно, въ виду широкаго распространенія уже въ очень древнее время др.-сѣв. прозвища; притомъ-же и фактъ заимствованія такого прозвища самъ по себѣ больше чѣмъ невѣроятенъ. Мы должны примириться съ

---

[1]) «Каспій», стр. 433 прим.

[2]) H. Kern, Hrêdh en Hrêdgotan въ Taalkundige Bijdragen за 1876 г.

[3]) Jessen, Ueber die Eddalieder. Zeitschrift f. deutsche Philologie III (1871), p. 72 not [1].

двойственностью эпическаго названія готовъ: *Hróðgotar (Hréð-gotan) и Hreiðgotar, и можемъ развѣ только попытаться уяснить, существовали-ли оба прозвища одновременно, въ *одной* области, или-же одно изъ нихъ древнѣе и было по чему бы то ни было впослѣдствіи замѣнено другимъ. Въ послѣднемъ случаѣ важенъ, конечно, и вопросъ о томъ, почему именно произошла эта замѣна.

Исходной точкой мы можемъ, очевидно, взять и ту и другую форму.

Если древнѣйшею формой дѣйствительно была *Hróðgotar, то ей, какъ мы видѣли выше, вполнѣ соотвѣтствуютъ агс. Hréð-gotan, Hréðas, Hréðcyning. Совершенно подобное же образованіе находимъ мы въ поэмѣ о Беовульфѣ, гдѣ въ стихѣ 445 Даны называются Hréðmen, т. е. славные мужи [1]); тамъ-же, наконецъ, находимъ мы собственное личное имя царя геатовъ, дѣда Беовульфа: Hréðel (напр. ст. 374, 1848, 2192 и т. д.): это уменьшительная форма, которой соотвѣтствовало бы въ готскомъ *Hrōþila.

Съ этой точки зрѣнія, форма Hraéda (Widsið 120) должна быть описка вм. *Hréða. Можетъ быть, é замѣнено здѣсь посредствомъ æ подъ вліяніемъ прилаг. hræd быстрый, проворный? Смѣна ð—d какъ въ томъ-же прилаг.: hræð, hreð рядомъ съ hræd, hred (древневерхненѣмецкомъ hrad [основа-а] — hredi [осн.-ja]). Ничто не мѣшаетъ намъ принять Hræda, а не Hrǽda. Такъ-же объяснились-бы рукописныя формы hrædlan и Hrædles (Беовульфъ 454, 1486) вм. Hréðlan, Hréðles [2]). Въ такомъ случаѣ связь съ др.-сѣв. Hreiðgotar конечно будетъ пор-

---

[1]) Я цитую Беовульфа по изданію M. Heyne, Beówulf. Mit ausführlichem Glossar. 4 Aufl. Paderborn 1879 (Bibliothek der ältesten deutschen Litteratur-Denkmäler. Bd. III, 1).

[2]) Послѣднія формы возстановляются всѣми издателями. Противъ нихъ 7 формъ съ -éð-. Двойныя формы основъ на - а - и на - n - встрѣчаются и въ нѣмецкомъ: Hruodil — Hruodilo, Wentil — Wentilo. cf. Müllenhoff, Zeugnisse und Excurse zur deutschen Heldensage. Zeitschrift f. deutsches Alterthum. Bd. XII (1865), p. 260.

вана. Но откуда въ такомъ случаѣ Hreið-? Такого слова сѣверный языкъ не знаетъ, какъ самостоятельнаго существительнаго. Позднѣйшее Reiðgotar не есть его продолженіе, а возникло само уже подъ вліяніемъ народной этимологіи: hreið-, ставшее непонятнымъ, было замѣнено посредствомъ reið f. поѣздка верхомъ, карета (нѣм. reita)[1]). Что именно въ этомъ смыслѣ толковалось Reiðgotar, въ противуположность къ Eygotaland, странѣ островныхъ готовъ, видно изъ младшей Эдды: «Í þann tíma var kallat allt meginland, þat er hann (Óðinn) átti, Reiðgotaland, en eyjar allar Eygotaland, þat er nú kallat Danaveldi ok Svíaveldi»[2]). Что hreið нѣкогда существовало, доказывается не только вышеприведенными формами Эдды и Рёкской надписи, но также и собственными личными именами Hreiðmarr, Hraiþulfr (Рёкской надп.), Hreiþarr (*Hraiþaharji-), и нѣмецкими Hreidkêr, Hreidperht, Hreitolf. Такъ какъ однако и въ другихъ германскихъ нарѣчіяхъ мы не находимъ — внѣ собственныхъ именъ — этого слова, несомнѣнно давно уже исчезнувшаго изъ языка, то мы, оставаясь на германской почвѣ, должны отказаться отъ разгадки. Но тѣмъ самымъ отказываемся мы и отъ рѣшенія главнаго вопроса: если *hreið стало уже непонятнымъ, то и замѣна этимъ словомъ формы *hróð- путемъ народной этимологіи немыслима, тѣмъ болѣе что hróð- всѣми понималось и поддерживалось такими словами какъ hróðr, hróðigr и т. д.

Совершенно иное получимъ мы, если мы примемъ за основную и первоначальную форму именно это hreið. Его значеніе станетъ намъ яснымъ, если мы обратимся къ другимъ индоевропейскимъ языкамъ и сопоставимъ его съ санскритск. çrī сіять, блестѣть, subst. fem. блескъ, красота, счастье, восходящимъ къ индоевропейскому корню *k̂rei̯, первоначальное значеніе котораго,

---

[1]) Въ связи съ rīða, reið, нѣм. reiten, никогда не имѣвшимъ h: Hildebrand въ своемъ изданіи Эдды (Paderborn 1876) неправъ, возстановляя въ Sigrdrífumál 15, 6 (p. 206) hreið вм. рукописн. reið. Требуемое аллитераціей h — лучше всего дается чтеніемъ Hrǫgnis (Bugge) вм. рукописн. raugnis.

[2]) Snorra Edda I, 530, cf. Heinzel l. c., p. 470.

можетъ быть, «раскаливаться, горѣть» [1]). Отъ него мыслимо существительное *k̂roi̯tis, въ значеніи «блескъ». Суффиксъ неопредѣлимъ, такъ какъ сѣверн. hreið- единственная имѣющаяся на лицо форма. Можетъ быть, впрочемъ, сюда же относится древнегерманское имя марта мѣсяца, передаваемое Бедой (de temporum ratione cap. 13): «Rhedmonath a dea illorum Rheda» [2]), то-есть, *Hrǽda? То же названіе сохранилось почти до нашихъ дней въ Швейцаріи: стихотворная хроника Аппенцелля называетъ его Redimonet [3]). Эта форма не можетъ основываться на *hrōþi-, которое дало бы *Rüede-, и мы, можетъ быть, не ошибемся, если поймемъ ее какъ отраженіе *Reidi-. Въ такомъ случаѣ она явится поддержкой образованнаго выше существительнаго *k̂roi̯tis, откуда получилось бы прагерм. *hraiþis, а это, съ своей стороны, вполнѣ вѣрно отразилось бы въ древнесѣв. Hreið- и агс. Hrǽdas. Если это такъ, то мы получимъ, какъ первоначальное эпическое прозвище *Hraiþigutōs: «блестящіе готы», по значенію вполнѣ подходящее. Вспомнимъ, напримѣръ, что въ Беовульфѣ (стихъ 427 и 610) Даны называются сложнымъ словомъ Beorht-Dene отъ прилагательнаго beorht, блестящій, сверкающій. Любопытно, что тотъ же корень *k̂rei̯ и на индійской почвѣ употребляется для образованія почетныхъ прозвищъ, имѣя въ началѣ собственныхъ именъ значеніе «блестящій, славный, почтенный»; напр. Çrîganêça «summe venerandus Ganesus» [4]) и друг. Можетъ быть,

---

[1]) Grassmann, Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig. 1873, col. 1424. На çrī указалъ уже Kern, l. c. p. 15. Сомнительна, вслѣдствіе значенія, связь этого корня съ герм. *hrainis, гот. hrains, дрврхнѣм. (h) reini изъ индоевр. *k̂roi̯nis; корень k̂rei̯ «выдѣлять, отдѣлять, раздѣлять»; отъ него же нѣм. Reiter, дрврхнѣм. hrītara, агс. hridder (рѣшето=лат. cribrum < *crīdhrum; ср. ruber — ἐρυθρός), индоевр *k̂rīdhrom: сюда же греч. κρίνειν. Ср., впрочемъ, наше «отборный» въ значеніи лучшій и греческія собственныя имена Κριτοκλῆς, Κριτόλαος, Κριτόφιλος, Κρῖνος и друг.

[2]) J. Grimm, Deutsche Mythologie 4 Ausg. v. E. H. Meyer B. I. (Berlin 1875), p. 240.

[3]) Appenzeller Reimchronik, p. 174; другія формы XV и XVII вѣковъ: Retmonat, Redtmonet. См. Grimm, l. c.

[4]) Bopp, Glossarium comparativum linguae sanscritae 3 ed. 1867, p. 396 s. v. çrî.

это употребленіе корня восходитъ къ индоевропейской древности? Характерно, что оно на германской почвѣ сохранилось только въ собственныхъ личныхъ именахъ и въ разбираемомъ племенномъ названіи.

Изъ этого основнаго hreiđ- безъ натяжки объясняется, какъ мы видѣли, сѣверное Reiđ-, ему соотвѣтствовало бы агс. Hrǽdas (Hrǽđas?). Что же касается агс. формъ Hréđas и т. д., то мы должны видѣть въ нихъ также попытку осмыслить слово, ставшее непонятнымъ, то-есть, здѣсь повторился процессъ, давшій въ сѣверномъ языкѣ Reiđ-, съ той только разницей, что вмѣсто reiđ,—телѣги, въ прозвище готовъ было введено болѣе эпическое hréđ—слава. Точно также въ сѣверныхъ (да и нѣмецкихъ) личныхъ именахъ частыя и понятныя Hróđmarr, Hróđulfr и т. д. почти вполнѣ вытѣснили непонятныя Hreiđmarr и т. д. Это было тѣмъ болѣе возможно, что оба слова, по значенію своему, очень близки другъ къ другу [1]).

Ясно, что при такой постановкѣ вопроса мы можемъ съ гораздо меньшими натяжками объяснить всѣ формы, имѣющіяся на лицо. Мы такимъ образомъ возвращаемся къ рѣшенію, къ которому пришелъ уже въ 1860 г. Мюлленгофъ: въ указанной выше статьѣ (Zeitschrift für deutsches Alterthum, XII, стр. 259 ss.) онъ уже приходитъ къ заключенію, что Hreiđ—древнѣе hróđ- въ прозвищѣ готовъ, хотя онъ и не владѣлъ тѣмъ матеріаломъ, который теперь передъ нами. Вопроса о значеніи hreiđ онъ, впрочемъ, не затрогиваетъ. Впослѣдствіи онъ отказался отъ своего мнѣнія, и перешелъ на сторону Куника, стоявшаго за hróđ- [2]).

Мы не считаемъ этотъ вопросъ окончательно рѣшеннымъ. Нашей задачей было, прежде всего, указать на то, что отожде-

---

[1]) Можетъ быть, такому же процессу обязаны своимъ происхожденіемъ Даны—Hréðmen (Беовульфъ, 445) вм. *Hrædmen отъ hræd—быстрый? Вспомнимъ прозвище Dani veloces у Титмара Мерзебургскаго ed. Curze (Hannov. 1889) lib. IX, 32 и Анонима Равеннскаго, ed. Pinder u. Parthey, p. 212.

[2]) См. Куникъ, Каспій, стр. 430 прим.

ствленіе (по формѣ) сѣверныхъ Hreiđgot'овъ съ агс. Hréđgotan, которое мы находимъ у Будиловича, невозможно безъ предварительнаго тщательнаго изслѣдованія. Мы съ своей стороны— и этимъ мы подводимъ итогъ подъ все сказанное нами по этому поводу — скорѣе склоняемся къ тому окончательному заключенію, что сами готы въ своихъ пѣсняхъ и пѣсняхъ сосѣднихъ германскихъ племенъ назывались *Hraiþigutōs, то-есть, «блестящими готами», и что агс. Hréđgotan есть уже поздній результатъ народной этимологіи. Если наше мнѣніе основательно, то догадка Будиловича о происхожденіи слова «Русь» вообще теряетъ всякую почву.

Съ другой стороны мы, однако, не отрицаемъ возможности существованія обоихъ прозвищъ *Hraiþ- и *Hrōþ- одновременно. Одно могло сохраниться только въ скандинавской поэзіи, другое въ англосаксонской. Хотя это и мало вѣроятно, все-же оно возможно. Вѣдь носятъ же Даны въ Беовульфѣ самыя разнообразныя прозвища одновременно: Gár-Dene «копьеносные даны» (1. 602 и т. д.), Hring-Dene «кольчужные даны» (116, 1280 и т. д.), Beorht-Dene «блестящіе даны» (427, 610); и шведы (скильфинги): Heađoscilfingas (63, 2206); Gúđscilfingas (2928) «боевые скильфинги».

Допустимъ, слѣдовательно, что готы дѣйствительно носили нѣкогда прозвище *Hrōþigutōs или, въ сокращенной формѣ, *Hrōþeis, агс. Hréđas. Тогда только мы можемъ вернуться къ исходному пункту нашего разбора и поставить вопросъ такъ: могла ли изъ готскаго *hrōþi- получиться славянская форма Русь, Россъ?

Что касается двойственности корневой вокализаціи, то она нисколько не мѣшаетъ этому предположенію, а скорѣе поддерживаетъ его. Готское ō произносилось очень закрыто, т. е. было близко къ u, вслѣдствіе чего уже на почвѣ готскаго языка замѣчаются колебанія въ эту сторону, отразившіяся и въ графической передачѣ этого звука. Въ cod. arg. вмѣсто ō нѣсколько разъ написано u: supuda вмѣсто supōda (Marc. IX, 50), uhtēdun

вмѣсто ōhtēdun (Marc. XI, 32), gakrōtuda вмѣсто gakrōtōda (Luc. XX, 18); наоборотъ, напримѣръ, faiho вмѣсто faihu (Marc. X, 23) и др. Точно также Iodas = Ἰούδας (Luc. III, 26). Въ дальнѣйшей исторіи готскаго языка это колебаніе въ сторону u кончилось развитіемъ чистаго u. Въ вандальскомъ языкѣ колебаніе держится подъ главнымъ удареніемъ: Gōdagisl, Blūmarīþ, тогда какъ внѣ этого ударенія повсюду u: Gamūþ, Frōnimūþ изъ готскаго - mōþs [1]). Въ языкѣ остготовъ Италіи: Dumilda (вульф. *Dōmahildi, надпись 531 г.), Ebremuþ (изъ - mōþs), Butila (изъ *Bōtila) и т. д. [2]).

Въ словахъ, несомнѣнно заимствованныхъ славянами у готовъ, готскому ō всегда соотвѣтствуетъ славянское у: ср. готское bōka, у слав. букы, нашъ букъ и буква; готское dōms, dōmjan=дума, думати (лит. duma, латышское padōms—совѣтъ).

Вокализмъ Руси, слѣдовательно, прекрасно подходитъ. Того же, однако, нельзя сказать о консонантизмѣ. Начальное h передъ r и l можетъ быть уже успѣло перейти въ простое придыханіе изъ прагерманскаго x; но во всякомъ случаѣ оно въ произношеніи ясно слышалось, такъ какъ во *всѣхъ* словахъ, заимствованныхъ славянами именно изъ *готскаго* языка, оно сохранилось въ видѣ х; ср. хлѣбъ изъ готскаго hlaifs (основа hlaiba-), хлѣвъ изъ готскаго hlaiw (пещера, могила, основа hlaiwa-), хоржгы, хоругвь изъ готскаго hrugga (палка, трость; или изъ *harihrugga?). Сохранилось оно и передъ гласными: готское hus дало хызъ, хижина; готское handugs дало у славянъ хѫдогъ, худогій. Нѣтъ ни одного случая древняго заимствованія, гдѣ начальное h- исчезло безслѣдно, такъ какъ усерѧгъ изъ готскаго *ausahriggs, конечно, ничего не доказываетъ. Въ періодъ норманскій въ заимствованіяхъ изъ древнесѣвернаго языка h въ началѣ слова

---

[1]) Ср. F. Wrede, Ueber die Sprache der Wandalen. Ein Beitrag zur germ. Namen-und Dialektforschung. Strassburg. 1886 (Quellen und Forschungen, Heft 59), p. 93 ss.

[2]) Id. Ueber die Sprache der Ostgoten in Italien. Strassburg. 1891 (Q. u. F. Heft. 68), p. 86, 94, 113 s.

передъ согласными дѣйствительно исчезаетъ, ср. древнерусскія имена въ договорѣ Олега Руаръ = древнесѣверному Hróarr < *Hróϑhari, Руалдъ = Hróaldr < *Hróϑwaldr, готскія *Hrōþa-harjis, *Hrōþawalds.

Точно также невѣроятенъ переходъ þ въ s. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ни одного славянскаго слова, несомнѣнно заимствованнаго изъ готскаго, на которомъ мы бы могли провѣрить это. Славянское чадо, наше чадо, вѣроятно, взято изъ готскаго, но основа *kinþa-, которую можно возстановить для готскаго изъ нѣмецкаго языка (kind), къ сожалѣнію не сохранилась въ переводѣ Вульфилы. Если вѣрна блестящая мысль Будиловича, что названіе Бескидъ — водораздѣльнаго кряжа Карпатскихъ горъ—готскаго происхожденія (*bi-skaiþan), то онъ этимъ самъ далъ опроверженіе главной своей гипотезѣ *hrōþa=Русь[1]). Допустимъ даже, что литературная форма skaidan была въ это время уже господствующею, все же мы будемъ имѣть дѣло не съ media d, а съ звонкимъ спирантомъ ϑ; извѣстно, что въ готскомъ языкѣ d послѣ гласныхъ имѣетъ именно это значеніе. Если þ могло перейти въ с, то слѣдовало бы ожидать соотвѣтствующій переходъ ϑ>з, котораго, однако, мы не находимъ.

Если бъ мы знали названіе Руси только изъ греческихъ источниковъ ('Ρῶς), то связь съ готскимъ *hrōþ- была бы возможна: дѣло въ томъ, что греческая орѳографія, отличающаяся вообще большой неточностью при передачѣ древнегерманскихъ именъ, никогда не передаетъ начальное h передъ согласными, а þ въ концѣ слова часто передаетъ черезъ s. Такъ, напримѣръ, имя одного знатнаго остгота, служившаго въ войскѣ царя Тотилы и убитаго въ 546 г., готское *Hrōþareiks, передается Прокопіемъ

---

[1]) Гот. skaidan литературнаго языка образовалось вслѣдствіе уничтоженія такъ называемой грамматической смѣны. Первоначальныя формы: *skaiþan *skaískáiþ *skaiskáidum *gaskaidans; затѣмъ d перенесено на всѣ остальныя формы. Въ нѣмецкомъ языкѣ, наоборотъ, d<þ распространилось на весь глаголъ: sceidan, sciad, sciadum, gisceidan; но встрѣчается еще нѣсколько разъ правильное partic. praet. kisceitan, zasceitan. См. *Braune* Ahd. Grammatik (Halle, 1886), p. 240.

Кесарійскимъ (De bello gothico III, 19 ed. Bonn. p. 358 ss.) формой Ῥουδέριχος, а сражавшійся также въ войскѣ Тотилы остготъ *Wiljarēþs названъ тѣмъ же Прокопіемъ Οὐιλίαρις (De bel. got. III, 4, p. 296 s.); въ родительномъ же падежѣ опять ближе къ готскому оригиналу Οὐιλιάριδος (ibid., p. 297). Съ другимъ діалектическимъ оттѣнкомъ находимъ мы то же имя De bel. got. II, 16, p. 213 въ формѣ Οὐλιάρης: такъ названъ одинъ изъ офицеровъ въ войскѣ Велизарія, несомнѣнно германецъ (готъ? вандалъ?) по происхожденію.

Итакъ, греческое Ῥῶς могло бы передавать готское *hrōþ-, славянское же Русь—никогда.

Догадка г. Будиловича можетъ, однако, сохранить свое значеніе при другой постановкѣ вопроса, то-есть, съ точки зрѣнія норманнистовъ. Если и невозможно прямое заимствованіе слова «Русь» изъ готскаго, то все-таки оно возможно, если предположить, что названіе это прошло черезъ финскіе языки и затѣмъ уже перешло къ славянамъ. Финское обозначеніе шведовъ: Ruotsi (у ливовъ), Rôťs (у эстовъ), Rôtsi (въ Ватландѣ), Ruotsi, Ruossi, Ruohti и Ruotti (въ Ингерманландіи и Финляндіи) дѣйствительно могло произойти изъ *hrōþ-, на что указалъ уже Куникъ[1]). Оно могло быть первоначально названіемъ материковыхъ готовъ и перенесено финнами сперва на готовъ острова Готландіи, а затѣмъ и на гаутовъ южной Швеціи. Отсюда шагъ къ обозначенію этимъ именемъ шведовъ вообще былъ очень легокъ, почти необходимъ. Дальнѣйшая возможная судьба этого слова, однако, насъ здѣсь не касается: вопросъ этотъ принадлежитъ уже къ области норманской школы, въ которую мы пока не намѣрены входить. Можетъ быть, норманнисты воспользуются этимологической догадкой проф. Будиловича въ вышеуказанномъ смыслѣ; для послѣдней, однако, окончательное рѣшеніе этого вопроса безразлично: если готское *hrōþ- не могло непосредственно дать славянской «Руси», то,

1) *Куникъ*, Каспій, стр. 437 и сл.

какъ мы уже указали выше, предположеніе о готскомъ происхожденіи Руси, какъ народа и государства, теряетъ всякую почву.

Съ этимъ мы возвращаемся къ исходному пункту нашего изслѣдованія.

Отрицая возможность готской теоріи при объясненіи происхожденія *русскаго* государства Рюрика и его славныхъ преемниковъ, мы однако полагаемъ, что «готскій вопросъ» не только имѣетъ raison d'être въ русской исторической наукѣ, но и является однимъ изъ важнѣйшихъ въ исторіи дорюриковскаго періода русской жизни и жизни славянскаго міра вообще. Въ послѣдней ясно и отчетливо выдѣляется «готская эпоха», время сильнаго культурнаго вліянія и отчасти политическаго господства готовъ надъ доброй половиной нынѣшней Европейской Россіи. Этотъ періодъ не могъ не оставить глубокихъ слѣдовъ въ жизни славянства.

Готы были безспорно самый талантливый народъ эпохи великаго переселенія народовъ. Христіанство нашло къ нимъ доступъ и окрѣпло въ ихъ средѣ раньше и быстрѣе, чѣмъ у другихъ германскихъ племенъ; высоко развитая греко-римская культура встрѣтила въ нихъ болѣе глубокое сочувствіе и была воспринята ими лучше, чѣмъ дикими франками, суровыми лангобардами или неповоротливыми алеманнами. Имена остготовъ Теодорика и Тотилы окружены ореоломъ терпимости и гуманности и въ то же время славой героизма и мужества. Такихъ личностей не создалъ ни одинъ германскій народъ той варварской поры. То, что ученый Dubois de Montpéreux сказалъ по поводу Крымскихъ готовъ въ частности [1]), мы въ правѣ обобщить и примѣнить къ характеристикѣ готскаго племени вообще: «Les Goths furent de tous les peuples... les seuls qui apportèrent la paix et l'instinct de la civilisation au lieu de la guerre, du despo tisme et de la barbarie».

---

[1]) Voyáge autour du Caucase... et en Crimée. t. VI, p. 222.

Но именно эта податливость высшему культурному вліянію, доказывающая присутствіе въ нихъ лучшихъ зародышей дальнѣйшаго развитія, была причиной ихъ ранней гибели: быстро двигаясь впередъ, они оставили далеко за собой всѣхъ своихъ соплеменниковъ, потеряли культурную связь съ послѣдними, и когда для остготскаго царства въ Италіи, смѣло созданнаго въ центрѣ и на развалинахъ римскаго міра, наступило время послѣдней борьбы съ восточной имперіей, борьбы на жизнь и на смерть, долженствовавшей рѣшить судьбу всего народа и зарождавшейся блестящей гото-римской культуры, основанной на высокомъ принципѣ примиренія германскаго и античнаго бытовыхъ началъ — тогда, въ эту рѣшительную минуту, отчужденіе готовъ отъ остальнаго германскаго міра сказалось самыми трагическими послѣдствіями. Отдѣленные отъ родичей бездной культурной противуположности, они не нашли въ нихъ ни сочувствія, ни поддержки: Нарзесъ, полководецъ Юстиніана, въ битвѣ при Везувіи 555 г. разгромилъ царство, созданное Теодорикомъ Великимъ, и готы, утомленные многолѣтней борьбой, пали почти до послѣдняго мужа. Уцѣлѣвшіе немногочисленные остатки ихъ, послѣ безнадежнаго сопротивленія, простились съ Италіей, ставшей имъ второй родиной, и безслѣдно исчезли за Альпами.

Еще раньше, въ 535 г., пало въ Африкѣ царство вандаловъ, ближайшихъ родичей готовъ. Правда, борьба ихъ съ Византіей не похожа на геройскую защиту Италіи остготами. Но и здѣсь, какъ тамъ, хотя въ нѣсколько иной формѣ, послѣдней и главной причиной быстраго паденія и безслѣднаго исчезновенія цѣлаго народа было тó же роковое стремленіе къ быстрому усвоенію чуждой высшей культуры; здѣсь она привела не къ примиренію, какъ у остготовъ въ Италіи, а лишь къ полному физическому и нравственному истощенію всего народа, за исключеніемъ царственныхъ Аздинговъ въ лицѣ Гелимера и его родичей. Слиштскомъ быстръ и непосредственъ былъ здѣсь переломъ въ куль урной жизни. Но основная причина тá же: не допускающая-

сопротивленія таинственная сила, которою притягивается мотылекъ къ пламени на неминуемую гибель.

Царство вестготовъ въ Испаніи просуществовало дольше, оно пережило даже эпоху великаго переселенія народовъ, хотя не надолго. Его судьба въ общемъ скорѣе сходна съ судьбой вандаловъ, чѣмъ остготовъ. Промѣнявъ въ 586 г. аріанство на католичество, цари вестготовъ, а съ ними и народъ ихъ, подпали полному вліянію фанатичнаго духовенства; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла подъ ихъ ногами та твердая національная почва, которая одна только можетъ дать прочный базисъ для дальнѣйшаго культурнаго и политическаго развитія народа. Забывъ о геройствѣ славныхъ предковъ, сильно разслабленное внутренними раздорами, вестготское царство пало жертвой дикаго могаметанскаго фанатизма. Битва при Xeres de la Frontera 711 г. обозначаетъ здѣсь почти полное уничтоженіе готской мощи. Ей, правда, было суждено еще разъ возродиться: она сказалась съ новой силой въ блестя щемъ разцвѣтѣ кастильскаго рыцарства въ борьбѣ съ маврами; положимъ, не надолго, такъ какъ и на этотъ разъ религіозный фанатизмъ помѣшалъ здравому и нормальному развитію. Тó же пламя, которое на тысячахъ костровъ сжигало мнимыхъ еретиковъ, истребило и лучшія силы народа, уничтожило корни, обѣщавшіе дать лучшіе отростки, и наложило на народную жизнь мрачную тѣнь, которая тяготѣла надъ нею въ теченіи многихъ вѣковъ. Конечно, мы не считаемъ ни кастильское рыцарство, ни позднѣйшую инквизицію прямымъ продолженіемъ готской жизни: она сказалась въ нихъ лишь послѣдними своими отблесками. Въ общемъ мы можемъ утверждать, что уже въ первой половинѣ VIII вѣка имя готовъ исчезаетъ изъ анналовъ всемірной исторіи, а вмѣстѣ съ нимъ исчезли и готская жизнь и готскій языкъ среди народовъ, которымъ принадлежало и принадлежитъ будущность Европы. Только на дальнемъ востокѣ, въ захолустьѣ крымскихъ горъ, удержалась еще почти тысячелѣтіе всѣми забытая горсть готовъ, послѣдніе остатки славнаго нѣкогда племени: это такъ называемые крымскіе готы. О нихъ мы скажемъ подробнѣе

ниже; теперь же, послѣ столь значительнаго отклоненія въ сторону въ цѣляхъ общей характеристики исторіи готскихъ народностей, вернемся къ главной нашей задачѣ, на востокъ, въ южно-русскія степи.

Отклоненіе не было произвольнымъ: оно приводитъ насъ къ мысли, что въ готскомъ народѣ, имѣвшемъ такую блестящую и вмѣстѣ трагическую судьбу, не могли не сказаться уже гораздо раньше, еще въ эпоху пребыванія ихъ въ Россіи, зародыши и задатки ихъ позднѣйшаго могучаго развитія. Мы достовѣрно знаемъ изъ Тацита Герм. гл. 43, что готы уже въ низовьяхъ Вислы имѣли сильно окрѣпшую царскую власть, вслѣдствіе чего мы въ правѣ предположить, что и національное самосознаніе было въ нихъ сильнѣе и развитѣе, чѣмъ у другихъ сосѣднихъ племенъ. Уже это одно должно было дать готамъ значительный культурный и политическій перевѣсъ надъ разрозненными славянскими племенами и общинами, не имѣвшими ни культурнаго, ни политическаго центра; уже одно это служитъ намъ порукой, что готы, сперва просто какъ сосѣди, затѣмъ и какъ побѣдители славянъ, имѣли въ обоихъ отношеніяхъ сильное вліяніе на славянскій міръ. Мы могли бы это утверждать апріорно, даже еслибъ не имѣли въ общеславянскомъ словарѣ многочисленныхъ слѣдовъ этого вліянія. Но какимъ путемъ можемъ мы опредѣлить послѣднее точнѣе и по возможности всесторонне?

Точныхъ историческихъ свѣдѣній о «готскомъ періодѣ» у насъ сравнительно мало. Если мы и можемъ составить себѣ общую картину событій на Руси отъ конца второго до конца четвертаго вѣковъ, то все таки она рисуетъ намъ собственно только внѣшнія судьбы готскаго государства, да и то не сполна. Главный нашъ источникъ, историкъ VI вѣка Іорданъ, черпалъ свои свѣдѣнія изъ утеряннаго большого историческаго труда Кассіодора; послѣдній же, царедворецъ и министръ Теодорика Великаго, пользовался, конечно, главнымъ образомъ устной традиціей, жившей въ VI вѣкѣ въ остготскомъ народѣ.

Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ славяне и другія

подчиненныя нѣкогда готамъ народности оставались совершенно въ тѣни, такъ какъ, кромѣ самого факта подчиненія, они вовсе не интересовали ни Кассіодора, ни его списателя Іордана. Мы должны разъ на всегда отказаться отъ надежды почерпнуть изъ дошедшихъ до насъ историческихъ источниковъ что-нибудь большее, кромѣ нѣсколькихъ слабыхъ, блѣдныхъ намековъ на интересующія насъ отношенія между готами и славянами. Для рѣшенія же занимающаго насъ вопроса надо искать иного пути.

Послѣдній представляется намъ двоякимъ: мы можемъ искать слѣдовъ готскаго вліянія либо археологическимъ, либо лингвистическимъ путемъ. И тотъ и другой возможенъ и необходимъ. Но пока еще рано идти по первому, по пути археологіи. Послѣдняя никогда не давала и не даетъ новыхъ и точныхъ историческихъ результатовъ въ вопросѣ совершенно еще темномъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она можетъ дѣйствительно нѣсколько видоизмѣнять результаты, полученные инымъ способомъ; въ большинствѣ же случаевъ она лишь подтверждаетъ или пополняетъ въ бытовомъ отношеніи и мѣтко иллюстрируетъ данныя, добытыя исторіей въ узкомъ смыслѣ этого слова. Она необходима для провѣрки, но крайне опасна и шатка въ томъ случаѣ, когда захочешь одной только ею пользоваться при историческихъ изслѣдованіяхъ; результатъ будетъ похожъ на зданіе, построенное на болотѣ безъ фундамента: оно можетъ быть красиво, крѣпко на видъ, но благоразумный человѣкъ все-таки не согласится поселиться въ немъ. Археологія шьетъ узоры на подготовленной раньше канвѣ; самой канвы она дать не можетъ. Начинать съ нея въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, не годится.

Намъ остается пока только путь лингвистическаго изысканія; по нему мы теперь и пойдемъ. Одна только лингвистика можетъ дать твердую основу дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ археологическаго, а можетъ быть и историколитературнаго и юридическаго характера.

Создать эту основу — составляетъ главную задачу нашего труда.

Но и здѣсь необходима нѣкоторая подготовительная работа. Мы должны прежде всего уяснить себѣ по доступнымъ намъ источникамъ, когда именно, и въ силу какихъ географическихъ и политическихъ условій могло сказаться на языкѣ и жизни славянскихъ племенъ вліяніе готовъ?

Только отвѣтивъ на эти вопросы, мы можемъ взяться за лингвистическое изслѣдованіе и надѣяться, что окончательные выводы наши дѣйствительно примутъ форму доказанныхъ фактовъ.

Этими соображеніями опредѣляется планъ и программа нашей работы.

Готы и ихъ сосѣди до V вѣка.

Исторія готовъ до начала V вѣка распадается на два періода, отчетливо разъединенныхъ великимъ событіемъ. Мы назовемъ ихъ для краткости первымъ и вторымъ. Въ первый періодъ (до конца II в. по Р. Хр.) готы жили на нижней Вислѣ, во второй— на югѣ въ припонтійскихъ степяхъ, съ политическимъ центромъ, вѣроятно, на Днѣпрѣ.

I. Первый періодъ.

Готы на Вислѣ.

Географическое положеніе земли готовъ въ первый періодъ ихъ исторической жизни опредѣляется словами Тацита, Птолемея и Іордана.

Перечисляя восточно-германскія народности, Тацитъ (Germ. c. 43) называетъ къ сѣверу отъ многочисленнаго племени лугіевъ, которое распадается на нѣсколько государствъ — Lygiorum (Lugiorum) nomen in plures civitates diffusum—, готовъ: trans Lygios Gotones regnantur. . . .

Лугіи занимаютъ область верхняго и средняго Одера и простираются на востокъ до средняго и верхняго теченія Вислы, т. е. ихъ земли обнимаютъ нынѣшнюю Силезію, Познань и западную Польшу. Въ ихъ составъ входятъ и бургунды въ сѣ-

верной Познани, которыхъ не знаетъ Тацитъ. Такъ какъ побережье Балтійскаго моря на западъ отъ нижней Вислы занято ругами (см. ниже), то готовъ, очевидно, нужно помѣстить на востокъ отъ этой рѣки, внутри большой дуги, образуемой ея теченіемъ отъ Буга до впаденія въ море. Это нисколько не противорѣчитъ словамъ Тацита, хотя онъ и не говоритъ объ этомъ. Изъ его словъ скорѣе можно заключить, что, по его мнѣнію, готы жили по лѣвую сторону Вислы между лугіями и ругами, къ которымъ онъ непосредственно и переходитъ отъ готовъ. Но онъ зналъ, что и за Вислой также живутъ германцы. Правда, на востокъ отъ нижняго теченія этой рѣки имъ помѣщаются айсты Germ. c. 45: dextro Suebici maris litore Aestiorum gentes alluuntur; но онъ относитъ ихъ еще къ суевамъ (лишь послѣ нихъ cap. 46: hic Suebiae finis), и онъ спеціально отмѣчаетъ, что у нихъ ritus habitusque Sueborum. Его свѣдѣнія, очевидно, еще шатки и неясны: римляне не успѣли еще достаточно познакомиться съ этническимъ составомъ населенія этого дальняго уголка, въ которомъ германцы сталкивались съ славяно-литовскимъ племенемъ.

Извѣстно, что въ это время — впервые въ царствованіе Нерона, ср. Plin. H. N. XXXVII § 45 — уже начались прямыя торговыя сношенія Италіи съ Балтійскимъ побережьемъ между нынѣшнимъ Кенигсбергомъ и Мемелемъ [1]), куда римскіе купцы отправлялись за янтаремъ, все болѣе входившимъ въ моду и потому высоко цѣнившимся въ Римѣ.

Эти сношенія не прерывались вплоть до начала Маркоманской войны во второй половинѣ II вѣка. На основаніи топографическихъ соображеній, подтверждаемыхъ археологическими находками, мы можемъ даже опредѣлить пути, по которымъ двигались итальянскіе торговые караваны [2]). Намъ придется

---

1) Ср. Sadowski 30 ss., Müllenhoff D A. I, 215 ss.

2) Sadowski, p. 5—28; выводы 18 ss. Въ этой части своей книги Садовскій даетъ вполнѣ надежный матеріалъ, и выводы его убѣдительны. Къ сожалѣнію, онъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ этнологію изучаемой области,

воспользоваться этими данными ниже, при изученіи этнологіи области между Вислой и Одеромъ.

Въ виду этихъ непрерывныхъ торговыхъ сношеній Италіи съ германскимъ сѣверо-востокомъ, мы въ правѣ ожидать какъ у Тацита, такъ и у писателей II вѣка болѣе точныхъ свѣдѣній о системахъ Вислы и Одера, такъ какъ они могли черпать ихъ изъ устныхъ разсказовъ купцовъ и воспользоваться ихъ итинераріями.

Дѣйствительно, по всему видно, что уже Тацитъ лучше знакомъ съ областью Вислы, чѣмъ напр. съ землями между Одеромъ и Эльбой; а у Птолемея именно восточной Германіи принадлежитъ довольно много такъ называемыхъ πόλεις. Это, конечно, не города въ нашемъ смыслѣ; и не во всѣхъ даже мы имѣемъ право видѣть действительно поселенія туземцевъ (ср. Tac. Germ., c. 16). Въ большинствѣ случаевъ мы должны усматривать въ нихъ болѣе или менѣе постоянныя стоянки и склады римскихъ купцовъ [1]).

Слѣдуетъ полагать, что уже Тацитъ могъ воспользоваться нѣкоторыми новыми данными о восточной Германіи. Птолемей же, или Маринъ Тирскій, трудъ котораго легъ въ основу Птолемеевой географіи, уже всецѣло находится въ зависимости отъ этихъ новыхъ источниковъ. Большинство промаховъ Птолемея объясняется его стремленіемъ согласовать новыя данныя съ тѣмъ, что говорили прежніе авторитеты, какъ напр. Тацитъ, труды котораго онъ, конечно, зналъ.

И вотъ у Птолемея мы находимъ готовъ на правомъ берегу

а изслѣдователи, интересовавшіеся этнологіей, слишкомъ мало воспользовались матеріаломъ и выводами Садовскаго, вслѣдствіе чего получаемые ими результаты частью неопредѣленны, частью прямо противорѣчатъ топографіи страны.

[1]) Чисто латинская форма города Φηλιxία Ptol. II, 11, 15 не можетъ быть приведена какъ иллюстрація этого положенія. По Птол. онъ лежитъ подъ 39° долг. и 48°30′ шир. что соотвѣтствуетъ на нашей картѣ приблизительно 16°38′ долг. 47°57′ шир., т. е. городъ этотъ попалъ въ Germania Magna Птолемея только потому, что среднее теченіе Дуная обозначено имъ невѣрно; на самомъ дѣлѣ онъ лежитъ въ Pannonia superior. См. карту.

Вислы по прямой линіи между лугіями (Λοῦγοι Ὀμανοί) и землею янтаря (III, 5, 8: παρὰ μὲν τὸν Οὐΐστούλαν ποταμὸν ὑπὸ τοὺς Οὐενέδας Γύθωνες). Но они живутъ не на морѣ: между послѣднимъ и готами помѣщаются венеды, т. е. славяне, которымъ здѣсь не мѣсто. Недоразумѣніе, въ силу котораго они попали сюда, на мой взглядъ, выяснить не трудно, если мы станемъ на точку зрѣнія Птолемея и всмотримся въ матеріалъ, имѣвшійся подъ его рукой, матеріалъ часто противорѣчивый, который нужно было во что бы то ни стало свести къ одной стройной картинѣ.

Изъ разсказовъ купцовъ онъ зналъ, что за готами на берегу моря живетъ народъ не германскій. У Тацита здѣсь — айсты, но они ritu habituque суевы, т. е. германцы, и страна ихъ принадлежитъ къ Suebia. Очевидно Тацитъ ошибся: вѣдь суевовъ онъ, Птолемей, зналъ гораздо дальше за западъ, за Одеромъ. И вотъ Птолемей вноситъ поправку въ Тацитову карту и помѣщаетъ въ самый центръ древней Суевіи, между средними теченіями Одера и Эльбы, тамъ гдѣ живутъ семноны, vetustissimi nobilissimique Sueborum (Germ. 39), городъ Αἰστουία [2]), не находя здѣсь мѣста для цѣлаго народа айстовъ (II, 11, 12). Этотъ пріемъ практикуется имъ не разъ. Такъ напр. онъ зналъ, что на западъ отъ нижней Вислы живутъ руги; но въ одномъ изъ письменныхъ источниковъ (у Марина?) онъ находилъ на ихъ мѣстѣ загадочныхъ рутиклеевъ; для примиренія этихъ противорѣчивыхъ данныхъ онъ отмѣчаетъ на своей картѣ у западныхъ границъ рутиклейской земли «городъ» Ῥούγιον (см. ниже). Такъ онъ поступилъ и съ айстами, и этимъ, повидимому, примирялись противорѣчивыя данныя его источниковъ. Но за то надъ готами оставалось пустое мѣсто, которое нужно было заполнить народомъ близкимъ, но не германскимъ. Наиболѣе подходящими для

---

[2]) Я принимаю, какъ Zeuss 267 not., чтеніе рукописей BEZ, хотя Müller (p. 267) предпочелъ Κιστουία, очевидно, ради отожествленія его съ нынѣшнимъ Küstrin. Положеніе его опредѣляется Птолемеемъ 37°20′ долг. и 54°30′ шир., т. е. по нашему расчету 13°52′ долг. и 52°35 шир. См. карту.

этой цѣли должны были казаться венеды — славяне, которыхъ Птолемей не могъ не знать какъ ближайшихъ сосѣдей германцевъ на востокѣ.

Онъ просто передвинулъ ихъ на сѣверъ; это было тѣмъ болѣе удобно, что на его картѣ ихъ дѣйствительная родина въ центрѣ великой Сарматіи была уже занята народностями, взятыми имъ изъ другихъ болѣе древнихъ источниковъ. Это пріемъ, опять-таки часто встрѣчающійся у Птолемея: такъ онъ поступилъ съ силингами, передвинувъ ихъ на западъ, и съ другими. Вотъ почему въ эту часть Птолемеевой карты попала непонятная на первый взглядъ ошибка: ὑπὸ τοὺς Οὐενέδας Γύθωνες [1]). Она поддерживалась, можетъ быть, еще близостью языковъ литовскаго и славянскаго, бóльшею, конечно, въ то время, чѣмъ теперь.

Какъ бы то ни было, для насъ важно то, что готы Птолемея живутъ на правомъ берегу Вислы, и что онъ отодвинулъ ихъ отъ моря лишь по недоразумѣнію.

На берегу моря знаетъ ихъ, наконецъ, Іорданъ.

По Іордану (VI вѣка), черпавшему изъ Кассіодора, пользовавшагося живымъ народнымъ преданіемъ остготовъ въ Италіи, древнѣйшимъ владѣніемъ готовъ на материкѣ была приморская страна на нижней Вислѣ: они изгнали отсюда ульмеруговъ, т. е. «островныхъ руговъ» (ср. дрсѣв. hólmr, дрсакс. агс. англ. holm), жившихъ на островахъ, образуемыхъ этой рѣкой. Iord. De orig. act. get. c. 3: Gothi. . . . promoventes ad sedes Ulmerugorum, qui tunc Oceani ripas insidebant, ... eos. . . commisso proelio propriis sedibus pepulerunt.

Ясно на основаніи всего этого, что земля готовъ обнимала восточный уголъ западной Пруссіи, восточную Пруссію и сѣверную Польшу, доходя на западѣ до Вислы, а на югѣ до Буга, приблизительно.

---

[1]) Къ тому же результату относительно Αἰστουία и венедовъ приходитъ теперь и Holz 52. 58., хотя инымъ путемъ. Ср. также Müllenhoff D A. II 16ss.; Zeuss 266. Всѣ приходятъ къ одному и тому же выводу по разнымъ путямъ.

Что касается восточной ея границы, то ее, къ сожалѣнію, нельзя опредѣлить съ точностью. Ее составляла, вѣроятно, рѣка Прегель, такъ какъ до нея нѣтъ естественной границы, а область между этой рѣкой и Нѣманомъ заселена, кажется, уже не готами, а айстами, предками литовцевъ, о чемъ подробнѣе ниже.

Плиній H. N. IV, 14, 100 называетъ на востокъ отъ Вислы только одну значительную рѣку: Amnes clari in oceanum defluunt Guthalus (var. Gythalus), Visculus sive Vistla, Albis. .... По всей вѣроятности, Guthalus есть именно Прегель, какъ думаетъ большинство изслѣдователей [1]). Если это пріуроченіе вѣрно, то наша догадка относительно восточной границы готской земли становится еще вѣроятнѣе: дѣло въ томъ, что всѣ семь названныхъ Пдиніемъ въ указанномъ мѣстѣ рѣкъ составляютъ важныя этнографическія границы. Во всякомъ случаѣ, германское происхожденіе этого имени едва-ли подлежитъ сомнѣнію. Guthalus = готск. *gutals, имя прилагательное, правильно образованное отъ корня giut — gut лить (гот. giutan, дрврхнѣм. giozan, нѣм. giessen). Ср. готск. slahals къ slahan, агс. flugol къ fleón, др.-сѣв. þagall, þǫgull къ þegja. Мухъ 182 привлекаетъ къ сравненію исл. gutla клокотать. Сходство съ именемъ готовъ, вѣроятно, только случайное, на что указалъ уже Мюлленгофъ DA II. 209.

У Птолемея мы, къ сожалѣнію, не находимъ никакихъ указаній на счетъ восточныхъ предѣловъ готской области. Но если мы всмотримся въ сѣверозападный уголъ его Сарматіи, то придемъ къ тому же выводу.

Подъ его венедами живутъ не одни только готы III, 5, 8, но еще Γαλίνδαι καὶ Σουδινοί καὶ Σταυανοί III, 5, 9. Послѣдніе, въ свою очередь, сосѣдятъ съ аланами (μέχρι τῶν Ἀλανῶν), область которыхъ начинается приблизительно на 60° долг. (III, 5, 5 τὸ Ἀλανὸν ὄρος 62°30′ долг. и 55° шир.). Названныя че-

---

[1]) Zeuss 16: Memel oder Pregel; Müllenhoff DA II 209. Pregel; Much Beitr. XVII, 182: Pregel или Alle (притокъ Прегеля).

тыре народности обнимаютъ, слѣдовательно, приблизительно 15° долг. Птолемея. При его пріемахъ схематизаціи, на долю готовъ падаетъ очевидно $3^1/_2$—4°, а отъ устья Вислы до Прегеля на его картѣ именно 3 resp. 4 градуса.

Отожествлять съ Прегелемъ же рѣку Χρόνος Птолемея, какъ это дѣлаетъ Müllenhoff DA II, 19 и другіе, нѣтъ никакой возможности. Χρόνος можетъ быть только нашимъ Нѣманомъ. По Птолемею, его устье лежитъ на 50° долг. и 56° шир., т. е. отстоитъ отъ устья Вислы на 5 Птолемеевыхъ градусовъ, дѣйствительное же разстояніе отъ Вислы до Нѣмана по прямой береговой линіи 4°39′. Незначительная ошибка въ 21′ легко объясняется изгибами берега. Вѣдь въ основѣ географическихъ опредѣленій Птолемея на этомъ далекомъ сѣверовостокѣ лежатъ, конечно, не точныя астрономическія наблюденія, а приблизительный расчетъ по времени переѣзда. Тамъ, гдѣ береговая линія пряма, расчетъ вѣрнѣе, подчасъ точенъ до минуты.

Такъ, отъ Χρόνος до слѣдующей рѣки Ῥούδων у Птолемея ровно 3° долг. разстоянія, что равняется нашимъ 2°6′: а отъ Нѣмана до Виндавы по береговой линіи разстояніе равняется ровно 2°6′ нашего счета, 3° Птолемея.

Этотъ фактъ съ одной стороны подтверждаетъ нашу догадку относительно Χρόνος, а съ другой доказываетъ, что въ Ῥούδων мы должны видѣть Виндаву. Сходство этого имени съ Russ, Rusne, главнымъ рукавомъ дельты Нѣмана, только случайное; при томъ передъ нами лишь сходство, не тожество.

Литовское Rusne изъ *Rudne произойти не могло, а мѣнять изъ за этого чтеніе Ῥούδων у Птолемея III, 5, 1 въ Ῥούσων, какъ предлагаетъ Мюлленгофъ DA II, 351 — едва-ли возможно, такъ какъ первая форма съ δ хорошо засвидѣтельствована рукописями. Ῥούσων ни одна рукопись не даетъ.

Ограничивая готскую область на востокѣ рѣкою Прегель, мы имѣемъ въ виду лишь пространство, дѣйствительно заселенное готскимъ народомъ, и оставляемъ, пока, совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, не простиралась-ли политическая

власть готовъ дальше на востокъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ, можетъ быть, удастся рѣшить этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, теперь же намъ предстоитъ прежде всего познакомиться съ ближайшими сосѣдями готовъ, т. е. попытаться выяснить географическое расположеніе народностей какъ германскихъ, такъ и негерманскихъ въ системахъ Одера, Вислы, Двины и верхняго Днѣпра въ I и началѣ II вѣка по Р. Х. Выясненіе это имѣетъ первостепенное значеніе для дальнѣйшаго хода нашего изслѣдованія.

Начинаю съ запада.

На островахъ, образуемыхъ дельтой Вислы, поселились гепиды, ближайшіе родичи готовъ Iord. 17, 95 s. Gepidae..... ex Gothorum prosapie.. trahent originem..... Hi ergo Gepidae.... commanerent in insulam Visclae amnis vadibus circumactam, quam patrio sermone dicebant Gepedoios.

Это фактъ, не внушающій недовѣрія, тѣмъ болѣе, что Gepidoios совершенно правильно образованная готская форма: —oios <готск. *aujōs, nom. pl. отъ *awi f. островъ, ср. дрсѣв. ey, агс. ēȝ, дрврхнѣм. auwa, ouwa. Они, слѣдовательно, заняли страну, въ которой прежде жили руги.

Послѣдніе, въ свою очередь, заселили приморскую землю на западъ отъ Вислы, гдѣ ихъ знаетъ, какъ ближайшихъ сосѣдей готовъ, Тацитъ Germ. 43: protinus deinde ab oceano Rugii et Lemovii. Сюда же относитъ ихъ и Птолемей II, 11, 7: *καὶ μετ' αὐτοὺς (Σιδινούς) Ῥουτίκλειοι μέχρι τοῦ Οὐιστούλα ποταμοῦ.* Едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что въ рукописномъ чтеніи Ῥουτίκλειοι слѣдуетъ видѣть описку вм. Ῥουγίκλειοι [1]).

Послѣднее имя — правильно образованная уменьшительная форма отъ прагерм. *Rugīz: ср. дрврхнѣм. eni(n)klî внукъ отъ ano дѣдъ, дрнжненѣм. nessiklî червячекъ отъ nesso; въ готскомъ похожее, но не тожественное образованіе ainakls одино-

---

[1]) Эту поправку предлагаетъ Мюллеръ 258, за нимъ Мухъ 183.

кій отъ ains [1]). Это, очевидно, прозвище, данное побѣжденнымъ ругамъ сосѣдями въ насмѣшку. Что Рутиклеи дѣйствительно тѣ же руги, доказывается тѣмъ, что Птолемей II, 11, 12 отмѣчаетъ въ ихъ странѣ подъ 42°30′ долг. и 55°40′ шир., т. е. въ 20′ отъ морскаго берега, городъ Ῥούγιον. Тожественъ ли послѣдній съ нынѣшн. Rügenwalde въ Помераніи недалеко отъ устья рѣки Wipper, подъ 16°25′ долг. и 54°25′ шир., какъ думаетъ Мюллеръ въ своемъ изданіи Птолемея стр. 267, это для насъ безразлично. Разстояніе между обоими городами, дѣйствительно, не велико, всего на 36′ долг. и 27′ шир.; эту неточность можно было бы объяснить неправильностью очертаній берега въ данномъ мѣстѣ Птолемеевой карты. Важно также совпаденіе въ томъ отношеніи, что оба города нѣсколько отстоятъ отъ берега. Но съ другой стороны возможно, что Ῥούγιον обязанъ своимъ существованіемъ желанію примирить два противорѣчивыхъ данныхъ, на что нами уже было указано выше стр. 28.

Западную границу руговъ составляетъ, по Птолемею II, 11, 7 рѣка Οὐιαδούα, пріуроченіе которой представляетъ большія трудности. Мнѣнія изслѣдователей, занимавшихся этимъ вопросомъ, сильно расходятся. Большинство отожествляетъ ее съ Одеромъ (Zeuss 16; Müllenhoff DA II, 209; Holz 31) и думаетъ, что это та же рѣка, которую Птолемей тутъ же (II, 11, 7) называетъ Σουῆβος, отдѣляя ее по ошибкѣ отъ Οὐιαδούα и ставя ее границей между Φαραδεινοί и Σιδινοί. Одинъ только Зельманъ [2]), считая Οὐιαδούα Одеромъ, видитъ въ Σουῆβος рѣку Warnow. Наконецъ, Мухъ 185 предлагаетъ для Οὐιαδούα рѣки Grabow, Wipper или Persante (въ нынѣшн. Помераніи), отожествляя Одеръ только съ Σουῆβος. Уже простой перечень этихъ мнѣній указываетъ, на какой шаткой почвѣ мы стоимъ, изслѣ-

---

[1]) См. Kluge. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. Halle 1886, p. 30.

[2]) Seelmann. Zur Gesch. der deutschen Volksstämme Norddeutschlands u. Dänemarks 1887, p. 44 s.

дуя этотъ вопросъ; и положеніе нисколько не улучшается, если мы всмотримся въ доводы, приводимые названными учеными въ пользу ихъ мнѣній.

Этимологія Οὐιαδούα, предлагаемая Мюлленгофомъ 210, фонетически возможна и допустима, хотя не безъ натяжки, такъ какъ параллели готск. frijaþva, fijaþva къ предполагаемому *Vijaþva далеко не безукоризненны [1]). Но за то нѣтъ положительно никакихъ данныхъ ни лингвистическихъ, ни историческихъ, говорящихъ въ пользу тожества этого имени съ позднѣйшимъ славянскимъ названіемъ той же рѣки (въ древнѣйшей формѣ Odagra, Odogra въ Annal. fuldens. ad a. 892), тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ славянскаго міра встрѣчается Одра, какъ названіе ручья (въ Хорватіи) [2]), что доказываетъ возможность самостоятельнаго возникновенія этого имени на славянской почвѣ. Скачекъ отъ *Vijaþva къ Odagra невозможенъ, даже при самомъ широкомъ примѣненіи народно-этимологическаго принципа, и Мюлленгофъ также мало обосновалъ свою идею, какъ Zeuss свою догадку, высказанную имъ мимоходомъ. Такимъ путемъ ничего не достигнешь. Если же мы безъ предубѣжденія всмотримся въ матеріалъ, имѣющійся на лицо, то получимъ слѣдующее.

Συῆβος ποταμός долженъ быть, во всякомъ случаѣ, отожествленъ съ Одеромъ. Это — не приморская рѣчка въ родѣ Warnow; она выходитъ изъ глубины страны, отдѣляя, по Птолемею II, 11, 8, далеко отъ моря семноновъ отъ бургундовъ. Другой такой значительной рѣки, кромѣ Одера, нѣтъ между Вислой и Эльбой. Источники ея — въ Ἀσκιβούργιον ὄρος, т. е. въ Исполиновыхъ и Судетскихъ горахъ: ясно, что и это говоритъ

---

[1]) Слова, образуемые посредствомъ суфф. герм. *-twō- <индоевр. *-tu̯ā- служатъ исключительно для обозначенія отвлеченныхъ понятій. См. примѣры у Kluge, Nom. Stammb. p. 63.

[2]) См. Miklosich. Die Slavischen Ortsnamen aus Appellativen II (Denkschriften Вѣнской академіи XXIII) № 385. Ср. также Одрьскъ, на рѣкѣ Одровъ, притокѣ Днѣпра. Барсовъ, Очерки русской исторической географіи, изд. 2-е Варшава 1885, стр. 186 сл.

въ пользу Одера. Что касается страннаго, на первый взглядъ, названія Σουῆβος, то оно производитъ впечатлѣніе ученой фикціи за незнаніемъ его туземнаго имени. Дѣйствительно, вѣдь до Одера римляне никогда не доходили, и среднее и нижнее теченія этой рѣки принадлежатъ къ областямъ наименѣе знакомымъ ихъ географамъ и историкамъ. Но съ суевами-семнонами римляне могли и должны были познакомиться на Эльбѣ, и могли узнать отъ нихъ, что ихъ земля на востокѣ отдѣляется отъ бургундской области большой рѣкой. Не находя въ источникахъ названія для этой рѣки, Птолемей или, вѣрнѣе, одинъ изъ его предшественниковъ назвалъ ее именемъ того народа, который казался наиболѣе могущественнымъ въ этой области [1]). На ту же самую искусственность указываетъ, можетъ быть, и форма Σουῆβος, вмѣсто ожидаемаго и болѣе естественнаго Σουηβικὸς ποταμός.

Но какъ называлась эта рѣка туземцами?

Неужели ея настоящее имя ускользнуло отъ вниманія римскихъ путешественниковъ-купцовъ?

Вышеназванные ученые даютъ на это опредѣленный отвѣтъ, отожествляя Σουῆβος съ Οὐιαδούα, и Holz 31 s. предлагаетъ очень простое и остроумное объясненіе этой двойственности именъ, на основаніи двойственности матеріала, которымъ пользовался Птолемей. Но это объясненіе находится, очевидно, подъ давленіемъ авторитета Мюлленгофа. Я не вижу ни одного факта, говорящаго въ пользу этого тожества. Напротивъ того, всѣ имѣющіяся на лицо данныя приводятъ насъ къ другому выводу.

Прежде всего нужно помнить, что Οὐιαδούα упоминается Птолемеемъ только какъ приморская рѣка: она отдѣляетъ сидиновъ отъ рутиклеевъ, въ этомъ вся ея роль. Но рѣшающее значеніе имѣетъ опредѣленность географическаго по-

---

[1]) Такъ объясняетъ происхожденіе этого названія и Holz 31. Мюллеръ 250 предлагаетъ читать Συῆνος, напоминающее нын. Swine, главный рукавъ дельты Одера.

ложенія ея устья. Еслибъ ея въ дѣйствительности въ данномъ мѣстѣ не было, то Птолемей безъ сомнѣнія помѣстилъ бы ее на серединѣ между Вислой и Одеромъ. Онъ этого однако не дѣлаетъ: устье Віадуи находится у него подъ 42°30′ долг. и 56° шир., т. е. оно отстоитъ отъ Одера на 3°, а отъ Вислы на 2°30′ долг. Очевидно, что въ его источникѣ имѣлись точныя указанія, которыми онъ и воспользовался. Принимая во вниманіе указанное разстояніе отъ Одера (3° = 2°6′) и отъ Вислы (2°30′ = 1°45′) мы придемъ къ заключенію, что Οὐιαδούα должна быть нынѣшн. Wipper или Stolpe. Одна изъ этихъ двухъ рѣкъ, слѣдовательно, составляла, по Птолемею, западную границу ружской земли.

У Тацита, къ сожалѣнію, эта граница не обозначена. Говорится только Germ. 43: protinus deinde ab oceano Rugii et Lemovii.

Чтò это за лемовіи? Въ пользу отожествленія ихъ съ Ῥουτίκλειοι Птолемея (Zeuss 155) нѣтъ никакихъ данныхъ. Такое отожествленіе прямо невозможно, если наша догадка относительно послѣдняго имени вѣрна. Holz 45 ищетъ исхода въ предположеніи, что Ῥουτίκλειοι испорчено изъ Rugii : : Le : : : ii. Но натяжка, заключающаяся въ этомъ объясненіи, бросается въ глаза. Наконецъ, Much 186 думаетъ, что лемовіи тожественны съ Φαραδεινοί Птолемея II, 11, 7 (между Χάλουσος ποταμός и Σουῆβος) или обнимали, кромѣ этой народности, еще сидиновъ Ptol. ibid. (Σιδινοί); онъ же 190, на основаніи очень смѣлой этимологической комбинаціи [1]), отожествляетъ ихъ съ туркилингами, народностью, которая въ эпоху великаго переселенія является въ сообществѣ руговъ. Что касается сидиновъ, то въ нихъ обыкновенно узнаютъ народность Σιβινοί (вм. Σίδινοί?),

[1]) Lemovii <прагерм. *lǣmewjaz къ срврхнѣм. lüeme, слабый, вялый, въ связи съ нѣм. lahm. Turcilingi отъ прил. праг. *turkilaz, ср. дрврхнѣм. zorkolôn, быть тяжко больнымъ. Значитъ въ обоихъ случаяхъ получается одно и то же значеніе, насмѣшливое прозвище «слабый человѣкъ, нѣженка»!

входившую по Страбону (VII, 1,3) въ составъ государства Маробода. Zeuss 154, кромѣ того, думаетъ, что это тѣ же руги.

Ясно, что тутъ догадка на догадкѣ, и одна рискованнѣе другой.

Мнѣ кажется, что вопросъ можетъ быть рѣшенъ проще, если мы позволимъ себя прибѣгнуть, въ видѣ исключенія, къ этимологическому пріему. Примѣненіе его къ рѣшенію этнологическихъ вопросовъ внушаетъ намъ глубокое недовѣріе, по многимъ причинамъ. Но на этотъ разъ этимологія, которую мы имѣемъ въ виду, такъ наглядна и напрашивается сама на мысль, что мы едва-ли рискуемъ впасть въ ошибку, принимая ее во вниманіе при нашемъ предположеніи.

Я исхожу отъ имени Σειδινοί (Σιδινοί) Птолемея. Оно принадлежитъ къ немногимъ именамъ древнегерманскаго этнографическаго имекослова, которыя этимологически совершенно ясны. Въ основѣ лежитъ несомнѣнно прагерм. *sīðō^{n}, готск. *seidō, дрсѣв. síða, дрсакс. sîda, агс. síðe, англ. side, ндрл. zijde, дрврхнѣм. sîta, нын. Seite, въ значеніи (бокъ) край, берегъ (ср. ндрл. и дрсѣв.). Имя Σιδινοί образовано отсюда совершенно правильно: *Sīðīnōz или *Seiðīnōz (*sīð- < *sejð-), ср. дрсѣв. Heiðnir < *Haiðīnōz.

Понятое въ такомъ смыслѣ, имя сидиновъ означаетъ только «поморскихъ жителей, поморянъ», и, не заключая въ себѣ болѣе точнаго обозначенія какой-нибудь одной народности, съ точки зрѣнія германской можетъ быть понято какъ имя нарицательное, а у готовъ могло служить названіемъ для всѣхъ мелкихъ приморскихъ племенъ на западъ отъ руговъ, ближайшихъ ихъ сосѣдей. Съ другой стороны, римлянину оно должно было казаться именемъ собственнымъ, и въ этомъ, именно, смыслѣ оно перешло къ римскимъ ученымъ. Птолемей, нашедши это имя въ источникахъ съ однимъ только общимъ замѣчаніемъ, что они живутъ на западъ отъ руговъ, не могъ долго колебаться относительно ихъ географическаго пріуроченія. На его картѣ именно въ ближайшемъ западномъ сосѣдствѣ съ ругами оказы-

валось пустое мѣсто между Οὐιαδούα и Σουῆβος ποταμός; онъ заполнилъ этотъ пробѣлъ именемъ сидиновъ, которыхъ онъ не могъ пріурочить къ другому мѣсту. Почему онъ обошелъ молчаніемъ лемовіевъ, мы услѣдить не можемъ. Можетъ быть, потому, что для нихъ уже не оставалось мѣста? Или онъ предпочелъ имъ сидиновъ изъ бо́льшаго довѣрія къ болѣе современному источнику? Выяснить это мы уже не имѣемъ возможности. Впрочемъ, для нашихъ цѣлей этотъ вопросъ и не такъ важенъ, такъ какъ мы обо всѣхъ этихъ народностяхъ, за исключеніемъ руговъ, ничего кромѣ имени не знаемъ.

Значеніе имѣетъ для насъ только опредѣленіе ружской земли, которая, какъ мы видѣли, доходила на западѣ до Виппера или Стольпе, а естественную границу ея на югѣ составляетъ нижнее теченіе Варты, ея притокъ Netze и окружающія его болота. Теченіемъ Одера, по крайней мѣрѣ въ нижней и средней его частяхъ, вообще ограничивается на западѣ интересующая насъ область.

Обратимся, поэтому, теперь къ разсмотрѣнію юго-западныхъ сосѣдей готскаго народа, имѣющихъ для насъ, какъ мы увидимъ, болѣе важное значеніе.

Вотъ что говоритъ Тацитъ Germ. 43 о земляхъ на верхнемъ Одерѣ и Вислѣ и смежныхъ съ ними областяхъ, начиная съ юга:

Retro (т. е. на сѣверъ за квадами и маркоманами въ нын. Богеміи, Моравіи и отчасти Венгріи) Marsigni, Cotini, Osi, Buri terga Marcomanorum Quadorumque claudunt, e quibus Marsigni et Buri sermone cultuque Suebos referunt: Cotinos Gallica, Osos pannonica lingua coarguit non esse germanos..... omnesque hi populi pauca campestrium, ceterum saltus et vertices montium iugumque insederunt. Dirimit enim scinditque Suebiam continuum montium iugum, ultra quod plurimae gentes agunt, ex quibus latissime patet Lygiorum nomen in plures civitates diffusum. Valentissimas nominasse sufficiet, Harios, Helveconas, Manimos, Elisios, Nahanarvalos. Apud Nahanarvalos

antiquae religionis lucus ostenditur. Praesidet sacerdos muliebri ornatu..... Trans Lygios Gotones.....

Это — самая полная картина интересующей насъ области отъ Дуная вплоть до готовъ. Совершенно ясна первая ея часть, перечисляющая народности Моравіи, австрійской Силезіи и сѣверозападной Венгріи. Marsingi (такъ вмѣсто Marsigni Тацита, ср. Reudigni вм. Reudingi Germ. c. 40) незначительная народность. Правъ-ли Much 109 ss., 112, 116 s. переводя ихъ имя «слабые» и отожествляя ихъ съ Κορκονγοί (вм. Κορκοντοί) Птолемея II, 11, 10 и съ позднѣйшими лакрингами, участвовавшими въ маркоманской войнѣ (Capitolinus, M. Aurel. 22)— это для насъ не важно. Важнѣе было бы, еслибъ мы могли выяснить ихъ происхожденіе. Къ сожалѣнію, у насъ на это слишкомъ мало данныхъ.

Вѣроятно, что они заняли свои земли до переселенія маркомановъ въ I в. до Р. Хр. Въ составъ послѣднихъ они не входятъ, это ясно; но они могли быть одного съ ними происхожденія, т. е. суевскаго. Съ другой стороны есть возможность предположить, что они вандильскаго, т. е. лугійскаго происхожденія. Правда, Тацитъ называетъ ихъ sermone cultuque Suebos; но вспомнимъ, въ какомъ широкомъ значеніи этотъ писатель употребляетъ имена Suebi, Suebia: они обнимаютъ у него почти всю неримскую Германію. Что вандиліи дѣйствительно уже успѣли нѣсколько передвинуться на югъ, въ этомъ мы сейчасъ убѣдимся.

Что касается географическаго положенія земли марсинговъ, то ихъ, по моему, нельзя отдѣлять отъ Моравы, древн. Marus. (Plin. IV, 12, 81; Tac. Ann. II, 63). На западномъ берегу ея средняго теченія, въ юго-восточной Моравіи, лежатъ Марсовы горы (Mars-Gebirge), въ названіи которыхъ сохранился, мнѣ кажется, на столько ясный слѣдъ существованія марсинговъ, что мы не имѣемъ право искать землю послѣднихъ въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ на средней Моравѣ. Они оказываются, такимъ образомъ, южными сосѣдями буровъ (см. ниже), и мы можемъ

видѣть въ нихъ, можетъ быть, крайній южный аванпостъ вандильскаго племени.

Слѣдующіе за марсингами котины и осы уже не германцы: по ясному свидѣтельству Тацита, мы должны видѣть въ первыхъ — остатокъ кельтовъ, нѣкогда населявшихъ эти области, а въ осахъ — народность паннонскаго происхожденія. Они упоминаются и Птолемеемъ, но относящееся сюда мѣсто его труда (II, 11, 10 и 11) нуждается въ разъясненіи, раньше чѣмъ мы можемъ воспользоваться имъ для своихъ цѣлей. Вотъ оно цѣликомъ:

Ὑπὸ δὲ τούτους (т. е. буровъ у верховьевъ Вислы) πρῶτοι Σίδωνες, εἶτα Κῶγνοι, εἶτα Οὐισβούργιοι ὑπὲρ τὸν Ὀρκύνιον δρυμόν..... ὑπὸ δὲ τὸν Ὀρκύνιον δρυμὸν Κούαδοι, ὑφ' οὓς τὰ σιδηρωρυχεῖα καὶ ἡ Λοῦνα ὕλη, ὑφ' ἣν μέγα ἔθνος οἱ Βαῖμοι μέχρι τοῦ Δανουβίου.

Ясно, что на небольшомъ, сравнительно, пространствѣ между среднимъ Дунаемъ и источникомъ Вислы, т. е. приблизительно между 48° и 49°30′ сѣв. шир. не могло умѣститься такое большое число народностей, какое называетъ Птолемей въ приведенномъ спискѣ. Взглядъ на нашу карту объяснитъ намъ, какимъ образомъ такое размѣщеніе стало возможнымъ.

На интересующемъ насъ пространствѣ между среднимъ Дунаемъ и Балтійскимъ моремъ Птолемей называетъ 5 горныхъ цѣпей: Σαρματικὰ ὄρη (II, 11, 4: 42°30′ долг. 48°30′ шир. до 43°30′ долг. 50°30′ шир.); Ἀσκιβούργιον ὄρος (ibid. 5: 39° долг. 54° шир. до 44° долг. 52°30′ шир.); Σούδητα ὄρη (ibid 34° долг. 50° шир. до 40° долг. 50° шир.); Γαβρῆτα ὕλη (ibid.) къ югу отъ Судетскихъ горъ, безъ болѣе точнаго опредѣленія; и, наконецъ, Ὀρκύνιος δρυμός (ibid.) между Судетскими и Сарматскими горами. Кромѣ того, онъ отмѣчаетъ ἡ Λοῦνα ὕλη, мимо которой протекаетъ рѣка, впадающая подъ 39°20′ долг. въ Дунай (Морава). Изъ всѣхъ этихъ именъ однѣ только Сарматскія горы нигдѣ, кромѣ Птолемея, не встрѣчаются. Но пріурочить ихъ не трудно: наша карта доказываетъ, что подъ ними Птолемей

разумѣлъ длинную непрерывную горную цѣпь, которую составляютъ Малые и Бѣлые Карпаты и западные Бескиды, огибающіе съ юга верховья Вислы; широта южной и сѣверной оконечности отмѣчена точно и вѣрно; вѣрно также направленіе ихъ съ югозапада на сѣверовостокъ. Неточно только то, что южный конецъ отодвинутъ почти на 2° на востокъ, очевидно для того, чтобы выгадать мѣсто для баймовъ (II, 11, 11 μέγα ἔθνος οἱ Βαῖμοι), т. е. суевовъ Ваннія (Tac. Ann. XII, 63, 29). Вѣдь Сарматскія горы составляютъ по Птолемею границу Германіи въ этой области, и баймамъ, въ дѣйствительности заходившимъ за этотъ хребетъ, нужно было найти мѣсто на западѣ отъ него.

Λοῦνα ὕλη я безъ колебанія отожествляю съ нын. Manhart въ нижней Австріи, сохранившимъ до нашихъ дней древнее названіе (Mân-hart лѣсъ луны) [1]. Что это лишь незначительная возвышенность, а не важная горная цѣпь, доказывается незначительностью ея роли на Птолемеевой картѣ.

Ясна также Γαβρήτα ὕλη: она отдѣляетъ по Птолемею II, 11, 11 варистовъ въ восточной Баваріи [2]) отъ маркоманновъ въ Богеміи, т. е. мы должны видѣть въ ней Богемскій лѣсъ (Шумаву). Это подтверждается Страбономъ VII, 1, 5: ὕλη μεγάλη Γαβρῆτα ἐπίταδε τῶν Σοήβων (т. е. маркоманновъ), ἐπέκεινα δ' ὁ Ἑρκύνιος δρυμός. Протяженіе и направленіе ея Птолемеемъ не обозначены, очевидно потому, что въ его источникахъ не было данныхъ на этотъ счетъ. Изъ контекста явствуетъ, повидимому, что она по его мнѣнію тянулась съ запада на востокъ, вм. сѣверо-запада и юго-востока. Если мы дадимъ ей вѣрное направленіе, то она примкнетъ на сѣверѣ къ Σούδητα ὄρη, которыя, такимъ образомъ, обозначаютъ совокупность горъ, отдѣляющихъ Богемію отъ Саксоніи, т. е. Фихтель и Рудныхъ горъ. Съ этимъ вполнѣ согласуется, что на сѣверныхъ склонахъ ихъ

[1]) Это объясненіе, принадлежащее Мюлленгофу DA. II, 324, не опровергнуто возраженіями Муха 129 вв.

[2]) Къ югу отъ Фихтель Zeuss 117, DA II 302, или на рѣкѣ Regen Мухъ 69 в., безразлично.

помѣщены Τευριοχαῖμοι (II, 11, 11), т. е. эрмундуры, ср. Мухъ 58 ss. Направленіе и протяженіе обозначены въ общемъ вѣрно; ошибка однако въ томъ, что онѣ отодвинуты на югъ, на цѣлыхъ два градуса, что находится въ зависимости отъ размѣщенія народовъ въ центральной части Птолемеевой Германіи и объясняется общимъ рисункомъ ея.

Между судетскими и сарматскими горами, въ неопредѣленномъ направленіи и протяженіи, повидимому съ запада на востокъ, составляя продолженіе Судетъ, тянется Ὀρκύνιος δρυμός, на южныхъ склонахъ котораго живутъ квады. Не подлежитъ сомнѣнію, что это — система Судетъ въ нашемъ смыслѣ, т. е. Исполиновыя горы, Судеты въ узкомъ смыслѣ и такъ наз. Gesenke, примыкающее на востокѣ къ западнымъ Бескидамъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ не только приведенное выше мѣсто изъ Страбона (VII, 1, 5), но и все, что говоритъ о немъ Птолемей: Ὀρκύνιος δρυμός дѣйствительно примыкаетъ съ одной стороны къ Руднымъ горамъ (Σούδητα ὄρη), съ другой къ Бескидамъ на широтѣ приблизительно Яблунковыхъ горъ (сѣверная часть Σαρματικὰ ὄρη).

Разобравшись въ этой части Птолемеевой карты, мы получаемъ, въ видѣ продолговатаго четыреугольника, фигуру Богеміи и Моравіи, сильно съуженную перенесеніемъ Судетскихъ горъ; но главныя народности размѣщены въ ней вѣрно: на западѣ маркоманны, на востокѣ квады. Вся эта область оріентирована очевидно съ юга, вѣроятно, не безъ вліянія Страбона. Тутъ, у восточной оконечности Ὀρκύνιος, гдѣ онъ примыкаетъ къ Сарматскимъ горамъ, т. е. подъ 43°7′ долг. и 50°8′10″ шир. (Птолемея) долженъ бы быть отмѣченъ на Птолемеевой картѣ источникъ Вислы: здѣсь онъ находится въ дѣйствительности (19° долг. 49°36′ шир.). Вмѣсто этого у Птолемея онъ лежитъ подъ 44° долг. 52°30′ шир., т. е. долгота обозначена почти вѣрно (разница въ 5′ нашего счета), тогда какъ широта опредѣлена невѣрно почти на 2 градуса (1°54′). Отсюда на сѣверо-западъ тянется длинная цѣпь Ἀσκιβούργιον ὄρος. Что послѣдняя равна

той же системѣ Судетъ, которая уже разъ нанесена Птолемеемъ на карту въ неполномъ протяженіи, подъ именемъ 'Ορκύνιος δρυμός — фактъ неоспоримый[1]). Здѣсь рисунокъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности гораздо больше, чѣмъ на югѣ; ошибка только въ обозначеніи широты. Птолемей пользовался, очевидно, двумя источниками, дававшими противорѣчивыя показанія; изъ нихъ второй, оріентировавшій страну съ сѣвера, опредѣлялъ разстояніе между устьемъ и источникомъ Вислы въ 3°30' вм. 4°45', и называлъ Судетскую цѣпь Аскибургіевымъ хребтомъ, тогда какъ первый, совпадающій, можетъ быть, съ Страбономъ, оріентируя съ юга, не давалъ показанія относительно источника Вислы и доходилъ вообще только до Ορκύνιος δρυμός. Птолемей, не съумѣвшій разобраться въ этихъ данныхъ и отожествить 'Ορκύνιος съ 'Ασκιβούργιον, внесъ и то и другое въ свою карту, и въ результатѣ у него получились — двѣ Богеміи и Моравіи: одна къ югу отъ 'Ορκύνιος, другая — къ сѣверу; въ первой — вѣрно размѣщены народности, во второй — рѣки, т. е. источникъ Вислы, Эльба и Влтава (Moldau)[2]), причемъ Σούδητα ὄρη въ первой обозначаютъ Рудныя горы, во второй — Шумаву, такъ какъ они даютъ начало Влтавѣ, т. е. верхней Эльбѣ Птолемея. Наконецъ, двойственность источниковъ сказывается и въ народности Βαινοχαῖμαι, помѣщаемыхъ Птолемеемъ II, 11, 10 въ центрѣ второй, т. е. сѣверной Богеміи. Имя это, въ болѣе точ-

---

1) Мухъ, посвящающій 'Ασκιβούργιον ὄρος очень остроумную статью Zfd A. XXXIII (1889) p. 1 ss., думаетъ, что 'Ασκιβ. ὄρ. обозначаетъ только нын. Gesenke, т. е. юго-восточные отроги всей системы, и выводитъ нѣм. Gesenke путемъ народной этимологіи изъ слав. Jasenik, Jesenik отъ «ясень». Мнѣ кажется, наоборотъ, что «Ясеникъ» обозначаетъ всю цѣпь и есть переводъ герм. 'Ασκιβούργιον отъ *aski-, дрсѣв. askr, нѣм. Esche=ясень. Что касается Gesenke, то это несомнѣнно древнее названіе, означающее «спускъ», и вполнѣ соотвѣтствующее топографіи данной мѣстности, настолько низкой, что можно бы соединить Мораву и Одеръ каналомъ. У Птолемея подъ 43° долг. 50°20' шир., т. е. именно тамъ, гдѣ Gesenke примыкаетъ къ Бескидамъ, отмѣченъ городъ 'Ασάνκα; въ имени котораго, можетъ быть, сохранилось то же названіе. Вспомнимъ, что Gesenke <*Gasánki.

2) Онъ считаетъ только Влтаву за верхнюю Эльбу (II, 11, 1), а верхнюю Эльбу за притокъ послѣдней (ibid. 2).

ной формѣ Βαιο — или Βοιοχαῖμαι обозначаетъ жителей Boiohaim'a, «страны боевъ», т. е. того кельтскаго народа, который нѣкогда занималъ Богемію и далъ своимъ германскимъ сосѣдямъ поводъ назвать эту страну Boiohaim = дрнѣм. Böhaim, откуда этническое имя Böhmen «жители Богеміи», перенесенное впослѣдствіи на страну. Сравн. Franken, Bayern и т. под.. Птолемеева форма Βαι(ν)οχαῖμαι, слѣдовательно, какъ по формѣ, такъ и по содержанію соотвѣтствуетъ нѣм. Böhmen «богемцы», а богемцами въ то время были маркоманны. Не подлежитъ сомнѣнію, что именно послѣдніе кроются подъ байнохаймами; подъ этимъ именемъ они были извѣстны жителямъ сѣвера, остававшимся на старыхъ мѣстахъ, помнившимъ своихъ прежнихъ сосѣдей боевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ знавшимъ, что область послѣднихъ уже занята теперь другою народностью, которую они и назвали «богемцами». Только съ ихъ точки зрѣнія мы поймемъ странное на первый взглядъ названіе Βαι(ν)οχαῖμαι. Съ другой стороны, первый источникъ Птолемея, собиравшій свои свѣдѣнія на среднемъ Дунаѣ, могъ и долженъ былъ знать настоящее имя маркоманновъ, стоя къ нимъ ближе.

Но, вслѣдствіе той же двойственности, на картѣ Птолемея оказывалось свободное мѣсто между лугійскими бурами у верховьевъ Вислы, и Ὀρκύνιος δρυμός, и вотъ этотъ-то пробѣлъ онъ заполнилъ сидонами, когнами и висбургіями, которымъ здѣсь вовсе не мѣсто. Онъ взялъ ихъ, какъ мы увидимъ, изъ новаго источника, отчасти изъ Тацита.

Сидоновъ мы находимъ у Страбона VII, 3, 17: Σιδόνες, какъ часть бастарновъ, главная масса которыхъ жила по ту сторону Карпатскихъ горъ[1]). (См. ниже). Если отожествленіе страбоновыхъ сидоновъ съ птолемеевыми вѣрно — и мнѣ кажется, что оно не можетъ подлежать сомнѣнію — то Мюлленгофъ, DA. II, 325 неправъ, ища ихъ землю въ Нейтрскомъ комитатѣ на р. Нейтрѣ (Nyitra); тутъ они слишкомъ далеки отъ бастарновъ;

[1]) Мюлленгофъ DA. II 105 not. 3 приводитъ еще Sidonicas habenas въ бастарнскомъ войскѣ, у Валерія Флакка Argon. 6, 95 ss.

да кромѣ того и порядокъ, въ которомъ Птолемей называетъ эти народности, мѣшаетъ такому пріуроченію. Ихъ несомнѣнно нужно передвинуть на сѣверъ: ихъ мѣсто на южныхъ склонахъ западныхъ Бескидовъ и Яблунковыхъ горъ, въ областяхъ верхней Вааги и Арвы. Только тутъ они окажутся «ὑπὸ τοὺς Βούρους» и вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ быть какъ бы юго-западнымъ авангардомъ бастарновъ. Если Тацитъ не называетъ ихъ здѣсь, то очевидно именно потому, что они бастарны, а онъ въ указанномъ мѣстѣ говоритъ о суевскихъ, въ узкомъ смыслѣ, народностяхъ и ихъ ближайшихъ сосѣдяхъ, тогда какъ о бастарнахъ у него рѣчь лишь въ главѣ 46.

Имя когновъ, которые у Птолемея стоятъ рядомъ съ сидонами, представляетъ несомнѣнно описку вм. ΚΟΤΝΟΙ, какъ догадался уже Zeuss 123. Это тѣже Cotini Тацита [1]), которые «ferrum effodiunt». Мы имѣемъ тутъ очевидно намекъ на σιδηρωρυχεῖα Птолемея, въ странѣ квадовъ. Тацитъ въ данномъ случаѣ болѣе точенъ, а недоразумѣніе у Птолемея объясняется тѣмъ, что котины были данниками квадовъ (Germ. 43). Это рудники въ области верхняго Грана, въ Венгерскихъ Рудныхъ горахъ, гдѣ древность горнаго промысла не подлежитъ сомнѣнію. Тутъ-то несомнѣнно и слѣдуетъ искать землю котиновъ. Эта догадка Мюлленгофа, DA. II, 326 была подтверждена проф. Suess'омъ на основаніи другого матеріала (см. тамъ же 334 s.), такъ что вопросъ можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Ясно также положеніе паннонскихъ осовъ, подъ котинами, на Эйпель, въ Гонтскомъ и Ноградскомъ комитатахъ. Это тѣже висбургіи Птолемея. Сомнѣніе внушаетъ только имя Οὐισβούργιοι, носящее на первый взглядъ чисто германскій характеръ, а на самомъ дѣлѣ представляющее невозможное образованіе, какъ по смыслу, такъ и по формѣ. Муху 133 пытающемуся тѣмъ не менѣе объяснить его этимологически, приходится допустить разныя натяжки. Оно мыслимо только какъ названіе мѣстности (укрѣпленнаго города?),

---

[1]) Κοτινοί Dio Cass. 71, 12 союзники Марка Аврелія въ Маркоманской войнѣ.

отъ герм. *u̯esu — хорошій, и *burgiz укрѣпленное мѣсто, городъ, да и то нужно помнить, что герм. *u̯esu- только предполагается нами на основаніи дринд. vásu-, зенд. vohu-, и не встрѣчается въ германскихъ нарѣчіяхъ [1]); притомъ остается неяснымъ, почему недостаетъ тематическаго гласнаго въ первой составной части имени. Принимая во вниманіе изложенныя соображенія, мы скорѣе приходимъ къ заключенію, что въ имени висбургіевъ заключается какая-нибудь ошибка или описка, или что мы имѣемъ дѣло съ ученой передѣлкой. Возможно и то и другое вмѣстѣ. У Тацита мы находимъ рядъ Cotini Osi Buri. Если допустить, что въ рукописи, которою пользовался Птолемей, была описка Osiburi, то изъ этой формы легко могли возникнуть Птолемеевы Οὐισβούργιοι [2]), по образцу Ἀσκιβούργιον и другихъ подобныхъ именъ, извѣстныхъ Птолемею. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ Тацитовомъ перечисленіи не соблюденъ географическій порядокъ: слѣдовало бы ожидать Buri Cotini Osi, вслѣдствіе чего Птолемей и не отожествилъ его буровъ со своими Λοῦγοι Βοῦροι, такъ какъ вѣдь буры, по его совершенно вѣрному мнѣнію, живутъ къ сѣверу отъ котиновъ.

Мы можемъ теперь вернуться къ исходному пункту этой части нашего изслѣдованія, къ лугійскимъ народностямъ. Списокъ ихъ въ Германіи Тацита мы привели выше. Подобный же списокъ мы находимъ и у Птолемея. Южные сосѣди рутиклеевъ — эльвеоны II, 11, 9: Ῥουτικλείων δὲ καὶ Βουργουντῶν (μεταξὺ κεῖνται) Αἰλουαίωνες. Бургунды въ свою очередь живутъ между семнонами и Вислой II, 11, 8: τὸ τῶν Βουργουντῶν (ἔθνος) τὰ ἐφεξῆς (μετὰ τοὺς Σέμνονας) καὶ μέχρι τοῦ Οὐιστούλα κατεχόντων. Подъ ними оманы и дидуны II, 11, 10: ὑπὸ δὲ τοὺς Βουργοῦντας

---

[1]) Wisu — въ собств. личныхъ именахъ (Kögel, Litteraturblatt 8, 108) въ родѣ дрврхнѣм. Wisumâr можетъ быть другого происхожденія.

[2]) Догадка относительно Οὐισβούργιοι <Osi Buri высказана уже въ книгѣ Wislicenus, Die Geschichte der Elbgermanen 1868, p. 9, не знаю, по какимъ соображеніямъ, такъ какъ я этой работы не читалъ, а цитирую только по отмѣткѣ у Holz'a 77 not. 35.

Λοῦγοι οἱ Ὀμανοί, ὑφ'οὓς Λοῦγοι οἱ Διδοῦνοι μέχρι τοῦ Ἀσκιβουργίου ὄρους. Наконецъ, подъ Аскибургіевымъ хребтомъ — буры ibid: ὑπὸ τῷ Ἀσκιβουργίῳ ὄρει... Λοῦγοι οἱ Βοῦροι μέχρι τῆς κεφαλῆς τοῦ Οὐιστούλα ποταμοῦ.

Въ тотъ же списокъ необходимо включить и силинговъ, передвинутыхъ Птолемеемъ на западъ и оказывающихся такимъ образомъ южными сосѣдями семноновъ II, 11, 10: πάλιν ὑπὸ μὲν τοὺς Σέμνονας οἰκοῦσιν Σιλίγγαι, въ то время какъ они на самомъ дѣлѣ были ихъ юго-восточными сосѣдями и жили въ нын. Силезіи, провинціи, которая до сихъ поръ сохранила ихъ имя [1]). Это тѣже силинги, которые вмѣстѣ съ аздингами извѣстны впослѣдствіи подъ именемъ вандаловъ, впервые выступающихъ въ Маркоманской войнѣ врагами Рима и переселившихся въ V вѣкѣ въ Испанію. Не совсѣмъ ясно, почему Птолемей отдѣлилъ ихъ отъ прочихъ лугіевъ, къ которымъ они во всякомъ случаѣ принадлежатъ, и перенесъ ихъ за Ἀσκιβούργιον ὄρος. Вѣроятно, что на его картѣ уже не оставалось для нихъ мѣста рядомъ съ дидунами. Вѣдь область Одера была съужена невѣрнымъ опредѣленіемъ положенія аскибургіевой цѣпи; а съ другой стороны онъ, вѣроятно, зналъ, что силинги ближайшіе сосѣди семноновъ. Такія перенесенія встрѣчаются у него нерѣдко.

Плиній не знаетъ имени лугіевъ; но зато мы находимъ у него другое собирательное имя, вандиліевъ: Hist. Nat. IV, 14: Vandili quorum pars Burgodiones, Varinnae, Charini, Gutones. Отношеніе имени вандиліевъ къ лугіямъ мы подробно разберемъ ниже; намъ пока важны только имена перечисляемыхъ Плиніемъ народностей, которыя въ своей совокупности обнимаютъ, очевидно, ту же область между Богеміей и готами.

Итакъ, передъ нами три списка народовъ, населяющихъ

---

[1]) Средневѣковой pagus Silensis; Mons Zlenz, mons Silentii въ грамотахъ XII и XIII в., т. е. Слѧзь изъ герм. *Silingis, нынѣ Zobtenberg; рѣка Слѧза, < * Silingia нын. Lobe, притокъ Одера. Такъ уже Zeuss 663 и прим.[1]; Miklosich, Denkschriften Вѣнской Академіи, Phil-histor. Classe, Bd. XV (1867), p. 126; Müllenhoff D A. II, 92.

пространство между источникомъ Вислы на югѣ и землею готовъ resp. руговъ на сѣверѣ. Они, очевидно, передаютъ въ общемъ одну и ту же этническую группировку, такъ какъ массовыя передвиженія начались въ этой области лишь во вторую половину II вѣка, т. е. со времени Маркоманской войны. Мы, поэтому, имѣемъ право сопоставить ихъ и, путемъ сравненія, попытаться выяснить ихъ взаимоотношеніе. Вотъ они въ сводной картинѣ:

Плиній	Тацитъ	Птолемей
Burgodiones	Buri	Λοῦγοι Βοῦροι
Varinnae	Nahanarvali	Σιλίγγαι
Charini	Elisii	Λοῦγοι Διδοῦνοι
	Manimi	Λοῦγοι Ὀμανοί
	Helveconae	Βουργοῦντες
	Harii	Αἰλουαίωνες
(Gutones)	(Gotones)	(Ρουτίκλειοι resp. Γύθωνες)

При первомъ же взглядѣ на эти списки намъ бросаются въ глаза слѣдующія обстоятельства:

Всего меньше именъ даетъ Плиній. Это произошло либо отъ того, что у него, какъ болѣе ранняго писателя, было меньше свѣдѣній о земляхъ па Одерѣ и Вислѣ, либо потому, что онъ съ самаго начала не имѣлъ въ виду исчерпать весь составъ вандильскаго племени, и что онъ назвалъ только важнѣйшіе отдѣлы его, какъ Тацитъ, который прямо объ этомъ заявляетъ.

Во-вторыхъ, ни одно названіе не повторяется во всѣхъ трехъ спискахъ. Мы и тутъ также допускаемъ двѣ возможности. Либо несхожія имена обозначаютъ разныя, не тожественныя народности, такъ какъ наши писатели выбирали изъ имѣвшагося матеріала тѣ изъ нихъ, которыя казались имъ поважнѣе. Такъ несомнѣнно поступаетъ Тацитъ, какъ мы видѣли, и на тó же, повидимому, указываетъ совпаденіе нѣкоторыхъ именъ, о чемъ ниже. Или же, несмотря на несходство именъ, народности обозначенныя ими, однѣ и тѣ же; въ такомъ случаѣ

нужно допустить, что источники всѣхъ трехъ писателей сходились въ оцѣнкѣ сравнительной важности и значенія мелкихъ народныхъ единицъ разбираемой области, и что разность въ названіяхъ отражаетъ въ себѣ фактическую двойственность наименованія, причемъ одно названіе могло быть племенное, а другое — по мѣстности, занимаемой данной народностью. Такъ, дѣйствительно, полагаетъ Мухъ 25 ss., и въ пользу этого предположенія говоритъ, повидимому, то обстоятельство, что у Тацита и Птолемѣя число именъ одинаково: и здѣсь и тамъ по шести народовъ, на одномъ и томъ-же пространствѣ.

Тѣмъ не менѣе, первое предположеніе кажется намъ единственно возможнымъ и допустимымъ. Оно во всякомъ случаѣ проще и естественнѣе уже потому, что опредѣленіе относительной важности того или другого народа должно было быть, въ концѣ концовъ, субъективно и зависѣло отъ маршрута римскихъ путешественниковъ (а такихъ маршрутовъ было, безъ всякаго сомнѣнія, нѣсколько) и отъ случайныхъ столкновеній ихъ съ туземцами. Вѣдь эта отдаленная отъ центра древняго міра область не входила еще въ сферу римскихъ политическихъ интересовъ и вліянія, римское правительство не вмѣшивалось въ государственную жизнь населявшихъ ее народностей и не имѣло, поэтому, повода интересоваться политическимъ взаимоотношеніемъ ихъ и собирать болѣе точныя и надежныя свѣдѣнія объ ихъ относительномъ государственномъ значеніи или численности.

Поэтому, не оффиціальныя данныя передаютъ списки Тацита и Птолемея, а свѣдѣнія, полученныя отъ частныхъ лицъ, путешественниковъ-купцовъ, притомъ не одного, а многихъ, шедшихъ по разнымъ путямъ, а что это источникъ не надежный, особенно когда рѣчь идетъ о сравнительной важности того или другого народа — это едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. Однимъ словомъ, я думаю, что, выдѣливъ имена тожественныя въ разбираемыхъ спискахъ, какъ несомнѣнно принадлежащія однѣмъ и тѣмъ-же народнымъ единицамъ, мы въ правѣ видѣть

въ остальныхъ именахъ названія разныхъ, не тожественныхъ народностей. Ясно, что въ такомъ случаѣ у насъ въ окончательномъ выводѣ получится списокъ, превосходящій численностью именъ частные списки Тацита и Птолемея, а тѣмъ болѣе Плинія; а это, въ свою очередь, подтверждается свидѣтельствомъ Тацита, что Lugiorum nomen in plures civitates diffusum, и что на самомъ дѣлѣ ихъ было гораздо больше названныхъ въ его спискѣ.

Наконецъ, въ третьихъ, уже при бѣгломъ сравненіи вышеприведенныхъ таблицъ мы приходимъ къ апріорному заключенію, что географическій порядокъ въ нихъ не соблюденъ строго. Дальнѣйшее изложеніе наше докажетъ эту мысль положительными доводами; а пока намъ достаточно этого общаго замѣчанія, такъ какъ оно даетъ намъ право переставлять имена въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такая перестановка можетъ помочь выясненію интересующаго насъ вопроса.

Наибольшее довѣріе внушаетъ намъ въ этомъ отношеніи Птолемей, во-первыхъ потому, что онъ писалъ позже другихъ и уже въ силу этого имѣлъ больше свѣдѣній, а во-вторыхъ потому, что мы у него одного находимъ болѣе точныя географическія опредѣленія, въ родѣ того, что дидуны живутъ южнѣе омановъ, надъ аскибургіевымъ хребтомъ, а буры подъ послѣднимъ и т. д.

Чтобы упростить нашу задачу, мы можемъ, прежде всего, выдѣлить буровъ, въ силу того, что они, встрѣчаясь у Тацита и Птолемея, географически точно опредѣлимы. Они занимаютъ нын. такъ наз. Gesenke, верховья Одера, и доходятъ на востокѣ до источниковъ Вислы (ὑπὸ τῷ Ἀσκιβουργίῳ ὄρει μέχρι τῆς κεφαλῆς τοῦ Οὐΐστούλα ποταμοῦ), иначе говоря, ихъ земля обнимаетъ сѣверную Моравію и австрійскую Силезію (на нашей картѣ XIII). Въ ихъ рукахъ находилась, слѣдовательно, дорога въ Германію, по которой часто ходили римскіе купцы, и этимъ объясняется точность географическаго опредѣленія ихъ страны. Впослѣдствіи они, повидимому, были оттѣснены дальше на востокъ надвигав-

шимися на нихъ съ сѣвера вандалами. Мы узнаемъ ихъ въ Βοῦροι, упоминаемыхъ Dio Cass. 68,8 въ качествѣ союзниковъ даковъ во время борьбы послѣднихъ съ Римомъ при Траянѣ. Наконецъ, это, можетъ быть, тѣ же бораны (Zosim. 1, 27, 31 Βορανοί), которые два раза, при Галлѣ и при Галліенѣ, участвуютъ въ нашествіи готовъ на римскія владѣнія [1]). Что съ ними сталось потомъ, мы не знаемъ. Они, вѣроятно, отчасти погибли, подобно многимъ другимъ народамъ, въ бурное время великаго переселенія, отчасти слились съ близко-родственными имъ вандалами и готами.

Слѣдуя вышеуказанному пріему, мы можемъ теперь выдѣлить изъ трехъ списковъ слѣдующія имена, какъ несомнѣнно или вѣроятно тожественныя:

Burgodiones Плинія, конечно, тѣ-же Βουργοῦντες Птолемея, т. е. извѣстные въ исторіи бургунды. Точно также мы имѣемъ право отожествить Charini Плинія съ Harii Тацита. Смѣна суффиксовъ-o-,resp.-jo- и -īno-, повторяется въ Amantes Плинія = Ἀμαντινοί Птолемея (Мухъ 29). Какъ на аналогичное явленіе можно было-бы указать и здѣсь также на Goti — Gotones, т. е. *Gutōz — *Gutanez. Несомнѣнно вѣрно также уравненіе Helveconae = Αἰλουαίωνες. Ошибка въ написаніи вѣроятно на сторонѣ Птолемея, имена котораго въ этомъ спискѣ вообще являются въ очень испорченномъ видѣ [2]). На основаніи этого же наблюденія мы считаемъ себя въ правѣ отожествить Manimi Тацита съ Λοῦγοι Ὀμανοί Птолемея, не заботясь о формальномъ соотношеніи этихъ двухъ именъ: фантастическія этимологіи Муха 26 s. совершенно лишни.

Этимъ ограничивается число схожихъ именъ, и мы получаемъ, слѣдовательно, въ итогѣ 9 различныхъ этническихъ названій для интересующей насъ области, если мы исключимъ буровъ, относительно которыхъ мы уже пришли къ опредѣлен-

---

[1]) Отношеніе Βοῦροι: Βορανοί можетъ быть = Goti: Gotones; ср. также Lugii—Λογίωνες (Zosim.), Burgundi—Burgundiones.

[2]) См. варіанты въ изданіи Птолемея Müller'a.

пому выводу. Вотъ эти названія: Burgodiones (Βουργοῦντες), Charini (Harii), Helveconae (Αἰλουαίωνες), Manimi (Λ. 'Ομανοί), Varinnae, Nahanarvali, Elisii, Σιλίγγαι, Λοῦγοι Διδοῦνοι.

Къ этому списку можно еще прибавить азринговъ, входящихъ въ составъ позднѣйшихъ вандаловъ и вышедшихъ, поэтому, несомнѣнно изъ той же области. Они упоминаются впервые въ царствованіе Марка Аврелія около 170 г. у Dio Cass. 71,12 ("Αστιγγοι): они вторгаются въ сѣверную Дакію; но въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, они несомнѣнно сидѣли еще за Карпатскими горами. Изъ ихъ среды вышла впослѣдствіи королевская династія вандаловъ.

Наконецъ, сюда же относятся, вѣроятно, виктовалы (Victovali Capitolin. Marc. 14; Victohali Ammian. 17,12), появляющіеся въ тылу маркоманновъ въ концѣ II вѣка. Впослѣдствіи они, впрочемъ, не играютъ никакой роли.

Нашей задачей будетъ теперь, опредѣлить географическое расположеніе этихъ народностей. Къ сожалѣнію, это возможно съ большей или меньшей вѣроятностью лишь для немногихъ; относительно большинства намъ придется ограничиться догадками.

Точно пріурочить можно бургундовъ. На основаніи приведенныхъ уже мѣстъ мы безъ колебаній ограничиваемъ ихъ область на сѣверѣ нижнимъ теченіемъ Варты и ея притокомъ Netze, на югѣ — болотами, окружающими среднюю Варту и тянущимися на западѣ до Одера (такъ наз. Obra-Bruch), на западѣ Одеромъ, а на востокѣ Вислой или, лучше, верхнею Netze, которая и теперь еще окружена значительными болотами, а прежде была еще гораздо болѣе значительной рѣкой, чѣмъ теперь [1]), что доказывается массою мелкихъ озеръ, расположенныхъ около ея верхняго теченія. Иначе говоря, область бургундовъ обнимаетъ сѣверную и среднюю Познань и часть восточнаго Бранденбурга (на картѣ V).

---

[1]) Ср. Sadowski. 13.

Вполнѣ точно опредѣляется также земля силинговъ, къ югу отъ средняго теченія Одера. Къ ней, во всякомъ случаѣ, принадлежалъ нын. Zobtenberg, см. выше стр. 47. Ея границу на западѣ составляетъ, вѣроятно, притокъ Одера Боберъ или западная Нейсса, такъ что они оказываются сосѣдями семноновъ (въ Бранденбургѣ); на востокѣ они доходили, можетъ быть, до Lohe, получившей отъ этого свое названіе (Слʌза, см. выше стр. 47 прим.). Естественную границу на югѣ составляютъ Исполиновыя горы, на сѣверовостокѣ—Одеръ (на картѣ VIII).

Въ сосѣдствѣ съ ними слѣдуетъ искать аздинговъ, ближайшихъ ихъ родичей, вошедшихъ вмѣстѣ съ ними въ составъ вандальскаго народа.

Съ именемъ аздинговъ связанъ вопросъ о мѣстоположеніи древняго святилища лугійскихъ народностей, священной рощи, находящейся, по Тациту, въ землѣ наганарваловъ Germ. 43: apud Nahanarvalos antiquae religionis lucus ostenditur [1]). Дѣло въ томъ, что въ религіозныхъ обрядахъ совершавшагося здѣсь культа praesidet sacerdos muliebri ornatu; а имя аздинговъ, готск. *Hazdiggōs несомнѣнно означаетъ длинноволосыхъ, «capillati». Ср. готск. *hazds, дрсѣв. haddr женскіе волосы [2]), какъ дрсѣв. gaddr жало = готск. gazds.

Память о нихъ сохранилась въ германскомъ героическомъ эпосѣ въ именахъ дрверхненѣм. Hartungâ, агс. Heardingas, дрсѣв. Haddingjar. Ср. Мюлленгофъ ZfdA. XII (1865), p. 346 ss.

Между аздингами и sacerdos muliebri ornatu, очевидно, есть связь. Но какую роль играютъ тогда Nahanarvali? Разгадку могла бы дать этимологія этого слова, еслибъ она была ясна.

---

1) Это, повидимому, такой же центръ лугійскаго религіознаго культа, какъ въ странѣ семноновъ—центральный пунктъ суевскаго культа (Germ. 39).

2) Волосы вообще, не только женскіе, обозначаются во всѣхъ герм. нар. другимъ словомъ: праг. *hǣza-, дрсѣв. hár, агс. hǣr, англ. hair, дрврхнѣм. hâr, голл.нѣм. haar. Въ готскомъ оно замѣнено словами skuft n. волосы на головѣ, tagl n. волосъ вообще.

Къ сожалѣнію, всѣ попытки выяснить значеніе этого имени — а ихъ было сдѣлано очень много [1]) — ни къ чему не привели, и мы съ своей стороны отказываемся прибавить къ многочисленнымъ догадкамъ еще новую, столь же фантастическую. Замѣчу только, что въ рукописяхъ одинаково хорошо засвидѣтельствованы двѣ формы: Nahanarvali и Naharvali.

Если мы примемъ во вниманіе, что имя наганарваловъ встрѣчается исключительно только у Тацита, тогда какъ аздинги играютъ видную роль впослѣдствіи, то мы невольно придемъ къ заключенію, что первое имя обозначало не народъ, а имѣло исключительно гieратическое значеніе, служа названіемъ того рода, въ рукахъ котораго находилась священная роща, и игравшаго, поэтому, первенствующую роль въ религіозныхъ обрядахъ. Понятые такимъ образомъ, наганарвалы, можетъ быть, входили въ составъ аздинговъ, и искать ихъ на картѣ нельзя; достаточно будетъ пріурочить аздинговъ [2]). Я уже замѣтилъ выше, что ихъ нужно искать рядомъ съ силингами, а такъ какъ они уже рано выходятъ въ Карпатскую область (см. выше стр. 52), то ихъ земля должна лежать не слишкомъ далеко на сѣверѣ отъ прохода между верхними Одеромъ и Вислой, можетъ быть между Судетами и Одеромъ, отъ силинговъ до буровъ (на картѣ XI).

Что касается виктоваловъ [3]), то изъ сравненія Capitolin. Marc. Aur. 14,22 съ Dio Cass. 71,12 явствуетъ, что они либо совпадаютъ съ аздингами, либо что ихъ имя обозначаетъ весь народъ, во главѣ котораго стоялъ царскій родъ аздинговъ, имя котораго впослѣдствіи было перенесено на весь народъ. Послѣднее, пожалуй, самое вѣроятное.

---

[1]) См. между проч. толкованіе Detter'a ZfdA. т. XXXI (1887), p. 207; Much l. c. 31 s.; L. Laistner, German. Völkernamen въ Württembergische Vierteljahrshefte f. Landesgeschichte, Neue Folge I (1892), p. 25; Kögel, Anzeig. f. deutsch. Alterthum XIX (1892), p. 7 и 345.

[2]) О родовомъ и народномъ значеніи этого имени см. F. Dahn, Könige der Germanen I p. 183 s.

[3]) О формѣ ихъ имени см. Мюлленгофъ, ZfdA. IX (1853), p. 133 s., Much 29 ss.

Окончательное ихъ наименованіе «вандалы» мы находимъ уже у Capitolin. Marc. Aur. c. 17. Это такое-же собирательное имя, какъ имена франковъ, алеманновъ и т. д. на западѣ.

Къ сѣверу отъ буровъ, начиная отъ верховьевъ Вислы, находится, по опредѣленію Птолемея, земля лугіевъ дидуновъ, доходящая на сѣверѣ до манимовъ (Ὀμανοί), оказывающихся, такимъ образомъ, въ самомъ центрѣ лугійскихъ областей.

Имя дидуновъ передается рукописями въ очень разнообразныхъ формахъ, см. варіанты въ изданіи Müller'а, стр. 262, который возстановляетъ для своего текста, какъ исходную форму, Λοῦγοι οἱ Διδοῦνοι, несуществующую ни въ одной рукописи. Другія попытки въ томъ-же направленіи дали разные результаты. Zeuss 125 читаетъ Λούγιοι Δοῦνοι, такъ-же Мухъ ZfdA. XXXI, 8; Мюлленгофъ German. antiqua 129 Λούγιοι Διδούνιοι и т. д. Такъ какъ разбираемое имя ни у одного писателя, кромѣ Птолемея, не встрѣчается — вѣдь поправка Δούνους вм. Σούμους у Страбона p. 290 ничѣмъ не подтверждается — то всѣ попытки возстановить первоначальную форму будутъ лишены твердаго базиса.

Наибольшую степень вѣроятія имѣетъ за себя чтеніе Zeuss'а, которое легко выводится изъ ΛΟΥΓΙΔΙΔΟΥΝΟΙ, формы, встрѣчающейся въ десяти рукописяхъ.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы мы ни возстановляли разбираемое имя, въ немъ окажется элементъ -dun-, resp. -dūn-, сильно напоминающій Dúnheiðr въ Hervararsag'ѣ (ed. Bugge 1873, pp. 283 ss.). Въ первой составной части этого имени кроется вѣроятно этническое названіе, такъ какъ имени нарицательнаго *dūn- древнегерманскія нарѣчія не знаютъ [1]), а кельтскаго dūno- (ср. дрирл. dún холмъ, городъ, имена городовъ на -dūnum) никто, конечно, въ этомъ несомнѣнно герман-

---

[1]) Агс. dún холмъ, англ. down заимствовано изъ кельтскаго. Англійск. слово перешло въ голл. duin, нижненѣм. dûne, откуда ново-нѣм. литерат. Düne. Средне-вѣковой нѣм. яз. этого слова не имѣетъ, какъ не имѣютъ его и остальныя германскія нарѣчія.

скомъ имени искать не станетъ. Ср. дрсѣв. Finneiði, т. е. Finnheiði (=Finnaithae Jord. c. 3), дршведск. Finnhéð «финская пустошь», Finnvið или Finnved «финскій лѣсъ» между Halland'омъ и Småland'омъ въ южной Швеціи; и ἡ τῶν Ἐλουητίων ἔρημος Ptol. II, 11, 6. Въ виду этого мы, я думаю, въ правѣ переводить Dúnheiðr «пустошь дуновъ» [1]). Земля лугіевъ (ди)-дуновъ опредѣлялась бы, слѣдовательно, положеніемъ Dúnheiðr. Мухъ ZfdA. XXXIII, 4 ss., рядомъ остроумныхъ комбинацій, приходитъ къ заключенію, что «Dúnheiðr undir Jǫsurfjǫllum» Герварарсаги слѣдуетъ искать на сѣверныхъ склонахъ такъ наз. Gesenke, т. е. именно тамъ, гдѣ, по точному смыслу словъ Птолемея, живутъ лугіи (ди)дуны, и что разсказъ саги о происходившей здѣсь битвѣ между готами и гуннами отражаетъ въ себѣ историческій фактъ, битву лангобардовъ съ гуннами (Vulgares), о которой повѣствуетъ Павелъ Діаконъ Hist. Lang. I. 16, 17.

Такое опредѣленіе какъ нельзя болѣе подходитъ къ словамъ Птолемея. Если оно вѣрно, то земля (ди)дуновъ занимаетъ южную полосу интересующей насъ области, т. е. обнимаетъ пространство къ сѣверу отъ буровъ, на верхнемъ Одерѣ и верхней же Вислѣ, можетъ быть до верхней Варты на востокѣ и Барчъ на сѣверѣ.

Но нельзя считать полученный такимъ образомъ результатъ неоспоримымъ. Разсказъ Герварарсаги въ полномъ своемъ составѣ подлежитъ новому разбору по отношенію къ источникамъ и историческимъ событіямъ, легшимъ въ основу преданій, отразившихся въ немъ. Пріемъ Муха, выдѣляющаго изъ контекста одинъ мелкій фактъ и строющаго на немъ свою гипотезу, можетъ привести къ выводамъ невѣрнымъ или приводитъ, по меньшей мѣрѣ, къ заключеніямъ ненадежнымъ.

Но къ опредѣленію земли (ди)дуновъ мы можемъ привлечь

---

[1]) Толкованіе Heinzel'я (Sitzungsberichte [Wien], т. 114, 1887, p. 484): «Donauebene» не имѣетъ параллели.

еще одинъ фактъ изъ Птолемея-же: послѣдній II, 11, 13 называетъ подъ 39°30′долг. 52°30′шир. городъ Λουγίδουνον. На нашей картѣ онъ приходится приблизительно подъ 15°50′ долг. 51°12′ шир., т. е. недалеко отъ нын. Liegnitz въ Силезіи (16°10′ долг. 51°12′ шир.), съ которымъ, дѣйствительно, отожествляютъ его почти всѣ изслѣдователи, повидимому, только на основаніи отдаленнаго сходства именъ (Lugi- > *Lügi- > Lieg-?). Но факты говорятъ противъ такого отожествленія. Связь между Λουγίδουνον и лугіями (ди)дунами слишкомъ ясна, чтобы можно было искать этотъ городъ въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ именно въ странѣ послѣднихъ[1]). Около Liegnitz'а, однако, ихъ искать нельзя: онъ лежитъ несомнѣнно въ странѣ силинговъ (см. выше стр. 53): это одинъ изъ наиболѣе обезпеченныхъ результатовъ нашего изслѣдованія. Отожествленіе было бы возможно только въ томъ случаѣ, еслибъ (ди)дуны совпадали съ силингами, а это невозможно уже потому, что Птолемей называетъ оба имени, какъ мы видѣли. Въ опредѣленіе положенія Λουγίδουνον вкралась, очевидно, ошибка; городъ этотъ подъ 39°30′ долг. 52°30′ шир. лежать не могъ, и мнѣ кажется, что источникъ ошибки ясенъ.

Въ область между Одеромъ и Вислой вели съ юга два пути: первый, черезъ Моравію и сѣверо-восточную Богемію, пересѣкалъ систему Судетъ по долинѣ рѣки Neisse, притока Одера, около нын. Glatz'а (Sadowski 17); второй шелъ черезъ землю лугіевъ буровъ, достигая верховьевъ Вислы либо по Моравѣ, огибая Бескиды съ запада, либо по Ваагъ, пересѣкая Бескиды въ Яблунковомъ ущельѣ (Jablunka-Pass) въ Австрійской Силезіи. По обѣимъ дорогамъ ходили римскіе купцы, и обѣ были, конечно, извѣстны Птолемею, пользовавшемуся итинераріями

---

[1]) Схожая форма встрѣчается нѣсколько разъ въ кельтскихъ областяхъ: Lugdunum нын. Laon Caesar B. G. II, 4; Λούγδουνον Ptol. II, 7, 13 нын. Luchon и тамъ же 8, 12 нын. Lyon; наконецъ Λουγόδουνον (-δεινον) Βαταούων Ptol. II, 9, 1, нын. Leyden. Всѣ эти имена кельтскаго происхожденія и по этимологіи ничего общаго съ нашимъ Λουγίδουνον не имѣютъ. Въ первой части этого имени правильно сохранилось тематическое i: Lugii, Λούγιοι указываютъ на прагерм. «Lugi̯ōz, осн. -i̯o-; ср. готск. arbi-numja, осн. *arbi̯o-.

этихъ купцовъ. Имя (ди)дуновъ взято имъ, безъ сомнѣнія, изъ итинерарія, имѣвшаго въ виду второй путь; здѣсь-же долженъ былъ значиться и Λουγίδουνον, положеніе котораго опредѣлялось, конечно, не градусами и минутами долготы и широты, а разстояніемъ отъ извѣстнаго пункта въ зависимости отъ числа дневныхъ переходовъ. Норма послѣднихъ была, вѣроятно, та-же, что въ римскомъ войскѣ: нормальнымъ дневнымъ переходомъ считалось разстояніе, равное, приблизительно, 21 нашей верстѣ. По нимъ расчитаны затѣмъ уже Птолемеемъ градусы, причемъ на 1° у него приходится здѣсь приблизительно $3^1/_2$ дневныхъ перехода.

Принимая это во вниманіе, мы, при массѣ матеріала, имѣвшагося передъ нимъ, легко можемъ допустить на его картѣ ошибку въ томъ смыслѣ, что онъ перенесъ Λουγίδουνον на другую линію, т. е. на дорогу изъ Глаца. Отъ того мѣста, гдѣ Нейсса покидаетъ горы, до того, гдѣ на его картѣ значится Λουγίδουνον, приблизительно 110 километровъ = 103 версты, по прямой линіи. Если мы исправимъ предполагаемую ошибку Птолемея, т. е. перенесемъ то-же разстояніе (около 5 дневныхъ переходовъ) на второй путь, ведущій черезъ землю буровъ прямо на сѣверъ, и будемъ считать отъ того мѣста, гдѣ онъ покидаетъ Бескиды, т. е. недалеко отъ гор. Тешена (древній Ἀσάνκα, см. ниже), то проведенная здѣсь линія приведетъ насъ приблизительно на сотой верстѣ въ Петроковскую губернію, на среднее теченіе Лисъ-Варты, гдѣ она, верстахъ въ 30-ти на западъ отъ Ченстохова, описываетъ полукругъ, направляясь на сѣверо-востокъ. Если наше предположеніе вѣрно, то здѣсь, т. е. подъ 18°40′ долг. и 50°50′ шир. находилось Λουγίδουνον Птолемея, въ положеніи очень выгодномъ: на высокомъ холмѣ, близко подступающемъ къ рѣкѣ и съ трехъ сторонъ защищенномъ теченіемъ послѣдней. И именно здѣсь, на склонѣ холма, стоитъ еще теперь деревня Луги, въ имени которой древнее названіе сохранилось почти безъ измѣненій, очевидно подъ вліяніемъ народной этимологіи.

Земля (ди)дуновъ опредѣляется, такимъ образомъ, областью верхней Варты; на югѣ они сосѣдили, по Птолемею, съ бурами, на западѣ границу составлялъ, безъ сомнѣнія, Одеръ; на сѣверѣ Барчъ и окружающія его болота. На востокѣ граница неопредѣлима (на картѣ IX).

Изъ ихъ страны, черезъ нын. Острово (Sadowski 10 s.) ведетъ дорога на Калишъ. Это — Καλισία Ptol. II, 11, 13 подъ 43°45′ долг. и 52°50′ шир., т. е. по нашему счету 18°38′ долг. 51°45′ шир. Птолемей ошибся въ долготѣ всего верстъ на 25, а широта опредѣлена вполнѣ точно и вѣрно.

Калишъ находится, очевидно, уже въ землѣ лугіевъ манимовъ (Ὀμανοί), а такъ какъ по Птолемею ихъ сѣверные сосѣди — бургунды, землю которыхъ мы уже опредѣлили, то область манимовъ, въ зависимости отъ топографіи данной мѣстности, должна лежать между Obra-Bruch и средней Вартой на сѣверѣ, Барчъ на югѣ, Одеромъ на западѣ и болотами средней Варты на востокѣ (на картѣ VII).

Подъ Калишемъ путь развѣтвляется. Одна дорога, западная, направляется черезъ нынѣшнюю Лиссу къ Unruhstadt на Обрѣ, вторая черезъ Pleschen къ Schrimm на Вартѣ, третья къ Конину (Калишск. губ.) на Вартѣ же. Эти три города: Unruhstadt, Schrimm и890Конинъ лежатъ на единственно доступныхъ въ то время переходахъ черезъ болота Обры и Варты (Sadowski 11 s.). Всѣ означенныя дороги ведутъ, очевидно, отъ манимовъ къ бургундамъ.

Но существовала еще четвертая дорога, исходный пунктъ которой также Калишъ: она вела на сѣверо-востокъ, переправлялась около нын. Кола (Калишск. губ.) черезъ болота Варты и приводила путешественника въ треугольникъ, образуемый Вислой, Гоплинскими и Слезинскими болотами (Sadowski 12) и Бзурой. Гоплинскія болота и ихъ продолженія настолько значительны, что они могли и даже должны были служить границей бургундовъ на востокѣ, хотя Птолемей и ставитъ восточной границей ихъ Вислу. Узкое пространство между послѣдней рѣ-

кой и означенными болотами могло быть заселено уже другою народностью, всего вѣроятнѣе гельвеконами (Helveconae), что не только не находится въ противорѣчіи, но вполнѣ согласуется со словами Тацита и Птолемея: у перваго они отмѣчены рядомъ съ бургундами [1]), у второго они слѣдуютъ непосредственно за манимами; и то и другое вѣрно, если вѣрна наша догадка (на картѣ VI).

Намъ удалось, такимъ образомъ, опредѣлить земли 8-ми народностей интересующей насъ области. Неопредѣленными остаются земли трехъ народовъ: Charini (Harii) Varinnae и Elisii. Они, очевидно, должны быть размѣщены на оставшемся свободнымъ пространствѣ по лѣвому берегу верхней и средней Вислы. Но какъ? Для рѣшенія этого вопроса у насъ нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ.

Изъ порядка, въ которомъ Тацитъ перечисляетъ лугійскія народности, мы ничего не можемъ вывести. Такъ Elisii значутся между наганарвалами (несомнѣнно южнѣйшими изъ перечисляемыхъ имъ народовъ, см. выше) и манимами: но это мѣсто уже занято (ди)дунами. Или, можетъ быть, Elisii часть послѣднихъ, какъ наганарвалы — аздинговъ, и отголосокъ ихъ имени сохранился въ Лисъ-Вартѣ??

Не соблюденъ географическій порядокъ и у Плинія: между бургундами и готами нѣтъ мѣста для его Charini и Varinnae.

Послѣднее имя (Varini Müllenh.) напоминаетъ Αὐαρινοί Птолемея (вмѣсто Οὐαρινοί? Ср. II, 11, 9 Αὐάρποι вмѣсто Οὐάρνοι?), но народъ этотъ помѣщается Птолемеемъ на правомъ берегу Вислы. Здѣсь, отъ устья до источника, мы находимъ на Птолемеевой картѣ шесть народностей, т. е. столько-же, сколько на лѣвомъ берегу III, 5, 8: παρὰ τὸν Οὐΐστούλαν ποταμὸν ὑπὸ τοὺς Οὐενέδας Γύθωνες, εἶτα Φίννοι, εἶτα Σούλωνες· ὑφ' οὓς Φρουγουνδίωνες, εἶτα Αὐαρινοὶ παρὰ τὴν κεφαλὴν τοῦ Οὐΐστούλα ποταμοῦ.

[1]) Точнѣе: надъ бургундами, но тутъ имъ мѣста нѣтъ: вѣдь земля къ сѣверу отъ бургундовъ заселена, насколько она вообще была обитаема (ср. Sadowski p. 17) ругіями. Ошибка произошла отъ невѣрнаго опредѣленія восточныхъ границъ бургундской земли.

Въ этомъ спискѣ бросаются въ глаза два промаха: венеды не были сѣверными сосѣдями готовъ, и финны не могутъ быть ихъ южными. А эти промахи подрываютъ довѣріе ко всему ряду, производящему впечатлѣніе искусственности, ученой фикціи. Попытка Муха 39 ss. спасти его и видѣть въ этомъ спискѣ, начиная съ сулоновъ, «eine Specialdiathese der zwischen Weichsel und Karpathen sesshaften Hauptabteilung der Bastarnen» не можетъ считаться удачной, и Holz 51 s. вѣроятно правъ, возвращаясь къ идеѣ Мюлленгофа DA II, 79 s., по которой Φρουγουνδίωνες и Αὐαρινοί повторяютъ Burgodiones и Varinnae Плинія, только на правомъ берегу Вислы. Дѣйствительно, совпаденіе этихъ двухъ именъ, рядомъ стоящихъ у обоихъ авторовъ, едва-ли случайно, хотя F вмѣсто B въ первомъ имени внушаетъ нѣкоторое подозрѣніе: мы должны, можетъ быть принять описку въ томъ экземплярѣ Плинія, которымъ пользовался Птолемей? Или-же Птолемей и Плиній пользовались однимъ и тѣмъ-же источникомъ, ошибку котораго Плиній исправилъ на основаніи новыхъ данныхъ, тогда какъ Птолемей не съумѣлъ отожествить фругундіоновъ съ бургундами, тѣмъ болѣе, что и слѣдующіе за ф звуки не совпадали? Для насъ послѣднее обстоятельство не можетъ служить препятствіемъ къ отожествленію: -ur- и -ru- одинаково развиваются изъ r̥ въ прагерм. Изъ того же источника взято, можетъ быть, указаніе на то, что Αὐαρινοί живутъ παρὰ τὴν κεφαλὴν τοῦ Οὐίστοὐλα ποταμοῦ; мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ, что Птолемей, всегда осторожный и осмотрительный, едва-ли далъ-бы такое точное указаніе, еслибъ у него на это не было опредѣленныхъ данныхъ. Если это такъ, то мы вправѣ видѣть въ варинахъ восточныхъ сосѣдей (ди)дуновъ на верхней Вислѣ, конечно внутри большой дуги, образуемой теченіемъ послѣдней. У Птолемея они оказались внѣ этой дуги, т. е. на правомъ берегу Вислы, по той простой причинѣ, что онъ не зналъ изгиба ея, а представлялъ себѣ ея теченіе, какъ всюду, гдѣ онъ не имѣетъ точныхъ указаній, въ видѣ прямой линіи, идущей на сѣверо-востокъ. Если мы дадимъ Вислѣ на

его картѣ надлежащее направленіе, то его аварины окажутся именно тамъ, куда мы ихъ отнесли по другимъ соображеніямъ, т. е. приблизительно въ нашей губерніи Келецкой и въ южной части Петроковской (на картѣ XII). Въ такомъ случаѣ на долю Harii (Charini), народности несомнѣнно сильной, потому что Тацитъ выдѣляетъ ихъ изъ общаго состава лугійской группы и передаетъ нѣкоторыя подробности ихъ военнаго быта — на долю Harii, говоримъ мы, остаются только губерніи Радомская, часть Варшавской до Бзуры, и сѣверъ Петроковской (на картѣ X).

Я вполнѣ сознаю шаткость моихъ опредѣленій, но думаю, тѣмъ не менѣе, что они не лишены основанія; во всякомъ случаѣ, они не произвольны, и въ ихъ пользу говоритъ еще и то обстоятельство, что порядокъ у Плинія: Varini Charini Gutones оказывается теперь вполнѣ соотвѣтствующимъ дѣйствительному расположенію этихъ народностей. Едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что здѣсь, т. е. внизъ по Вислѣ, ходили римскіе купцы: это даже наиболѣе удобный путь, не представляющій такихъ значительныхъ препятствій, какъ дорога черезъ земли (ди)дуновъ, манимовъ и бургундовъ. Мы только не можемъ опредѣлить его точнѣе, за неимѣніемъ достаточныхъ археологическихъ данныхъ. Плиній и Птолемей или ихъ общій источникъ получили относящійся сюда матеріалъ очевидно отъ людей, ходившихъ именно по этой дорогѣ.

Если мы теперь еще разъ оглянемся на полученные нами результаты, то убѣдимся, что три приведенныхъ выше списка лугійскихъ народностей въ общемъ отражаютъ въ себѣ три разныхъ итинерарія. Всѣхъ точнѣе Птолемей: путешественникъ, шедшій по центральному пути, долженъ былъ, дѣйствительно, пройти земли буровъ, дидуновъ, омановъ (манимовъ), бургундовъ, именно въ этомъ порядкѣ, и коснуться границъ земли гельвеконовъ. Менѣе точенъ Плиній, пристегивающій бургундовъ очевидно изъ другаго источника, но во всемъ остальномъ передающій крайній восточный итинерарій: черезъ земли вариновъ и хариновъ прямо въ область готовъ. Наконецъ, наименѣе точенъ Тацитъ, хотя и

у него замѣчается нѣкоторая послѣдовательность: гельвеконы дѣйствительно сосѣдятъ съ одной стороны съ Manimi, съ другой съ Harii. Изъ его словъ, впрочемъ, явствуетъ, что онъ и не хотѣлъ вовсе дать картину географическаго распредѣленія народовъ лугійской области: онъ называетъ только важнѣйшихъ (valentissimas civitates) и пользуется для этого, естественно, всѣми тремя итинераріями. Что касается крайняго западнаго пути (черезъ Glatz), то по нему ходили, повидимому, всего рѣже: онъ, дѣйствительно, представляетъ наибольшія трудности на всемъ своемъ протяженіи. Тѣмъ не менѣе онъ далъ этнографіи имя силинговъ.

Намъ остается еще коснуться городовъ, лежащихъ, по Птолемею, въ области лугійскихъ народностей. Нѣкоторые изъ нихъ нами уже пріурочены: Λουγίδουνον = Луги, Καλισία = Калишъ. Мы, конечно, не можемъ ожидать во всѣхъ случаяхъ, какъ въ этихъ двухъ, тожества именъ древняго и современнаго. Что оно вообще встрѣчается, хотя и рѣдко, — это фактъ многознаменательный: мы выводимъ изъ него заключеніе, что выселеніе германцевъ изъ этихъ областей во II и слѣдующихъ вѣкахъ было не поголовное, что тутъ оставалось еще нѣкоторое, хотя бы и незначительное число ихъ, слившееся впослѣдствіи съ пришлымъ славянскимъ элементомъ и передавшее послѣднему нѣкоторыя мѣстныя названія. На это указываетъ и сохраненіе именъ силинговъ въ названіи Силезіи. Въ такихъ случаяхъ, какъ Καλισία = Калишъ, возможно еще другое объясненіе: этотъ городъ, не очень далеко отстоящій отъ границы тогдашняго славянскаго міра, былъ, вѣроятно, уже тогда центромъ обширной торговли, въ которой могли принимать участіе славяне, и узнать, такимъ образомъ, это имя еще до начала передвиженій.

Въ общемъ, мы, отыскивая на нашей картѣ мѣстоположеніе Птолемеевыхъ городовъ, не должны требовать обязательно тожественныхъ или схожихъ именъ, а должны руководиться исключительно данными самого Птолемея и топографическими особенностями мѣстности.

Другое указаніе на пріемы, которые мы должны примѣнять въ данномъ случаѣ, мы находимъ въ охарактеризованномъ выше методѣ, при помощи котораго Птолемей опредѣлилъ въ градусахъ и минутахъ долготу и широту каждой отдѣльной мѣстности. Не астрономическія наблюденія, а исключительно только приблизительныя данныя о разстояніяхъ лежатъ въ основѣ его расчета. Неточности при этомъ, конечно, неизбѣжны; полная точность является результатомъ скорѣе случая, чѣмъ вѣрнаго расчета, и требовать ее, значило бы требовать невозможнаго. Дороги шли, конечно, не прямыми линіями, а изгибы ихъ, въ значительной степени вліяющіе на опредѣленіе разстояній и осложнявшіе задачу географа при расчетѣ по градусамъ и минутамъ, въ рѣдкихъ только случаяхъ, при очень значительныхъ отклоненіяхъ, могли доходить до свѣдѣнія Птолемея. Дѣйствительно, по всему видно, что послѣдній представлялъ себѣ эти дороги въ видѣ прямыхъ линій; на центральной дорогѣ всѣ города отмѣчены почти на одномъ меридіанѣ (между 43 и 44-мъ). Характерно, въ этомъ отношеніи, и то, что наибольшія неточности встрѣчаются въ опредѣленіяхъ широты: городъ оказывается у него обыкновенно сѣвернѣе, чѣмъ въ дѣйствительности.

Принимая все это во вниманіе, мы считаемъ неточность въ 20 — 25 верстъ незначительною, не препятствующею отожествленію. Наибольшая неточность, допускаемая нами въ нижеслѣдующемъ, — 40 верстъ.

Всего больше городовъ (8) отмѣчено Птолемеемъ по среднему пути, ведущему черезъ землю буровъ и (ди)дуновъ прямо на сѣверъ. Этотъ путь былъ ему, очевидно, лучше извѣстенъ, чѣмъ западный и восточный.

Послѣдній перевалъ до перехода черезъ Бескиды дѣлался въ Σετουία 42°30′ долготы 50° широты, т. е. 18°30′—49°23′: онъ лежитъ на лѣвомъ берегу рѣчки Кизуцы, притока Ваага, въ землѣ сидоновъ, вѣроятно тамъ, гдѣ начинался подъемъ изъ долины къ Яблункову ущелью. Прошедши послѣднее, караванъ спускался въ долину верхней Вислы по теченію рѣчки Ольсы, и достигалъ

перваго лугійскаго города 'Ασάνκα 43° долг. 50°20′ шир., т. е. 18°45′—49°41′, въ землѣ буровъ, верстахъ въ 10-ти отъ нынѣшняго Teschen'a (18°38′—49°45′) въ австрійской Силезіи, съ которымъ онъ, можетъ быть, тожественъ.

Отсюда дорога шла прямо на сѣверозападъ, черезъ землю (ди)дуновъ, и приводила, дней черезъ пять (105 кил.), въ Καρρόδουνον (Κρόδουνον) 42°40′ долг. 51°30′ шир., т. е. 18°15′—50°35′. Здѣсь 18°14′ д. 50°35′ ш. лежитъ еще теперь деревня Grodisko, т. е. «городище», названная такъ, очевидно, потому, что расположилась на мѣстѣ древняго поселенія. Вліяніе могло имѣть, въ данномъ случаѣ, и древнее наименованіе [1]). Повернувъ на сѣверовостокъ, караванъ приходилъ дня черезъ два (40 килом.) въ Λουγίδουνον, о которомъ см. выше, стр. 58; затѣмъ, снова черезъ 2 дня, въ 'Αρσόνιον 43°30′ долг. 52°20′ шир., т. е. 18°37′—51°19′, на Вартѣ близъ нын. Велюна Калишск. губ. 18°30′—50°12′, по дорогѣ въ Калишъ. Послѣдняго города (Καλισία, см. стр. 59) путешественники достигали дня черезъ 3 (65 верстъ), а отсюда, направляясь дальше на сѣверъ, встрѣчали черезъ два дня первое серьезное препятствіе въ топкихъ болотахъ, широкой лентой окаймляющихъ здѣсь берега Варты. Въ двухъ только мѣстахъ можно было перебраться черезъ нихъ: около нын. Конина (18°15′ д. 52°12′ ш.) или около Кола (18°42′—52°12′), оба въ Калишской губ.; Птолемей знаетъ, повидимому, только второй бродъ: онъ отмѣчаетъ въ 10 верстахъ отъ Кола, 44° долг. 53°30′ шир., т. е. 18°38′—52°18′, городъ Σετίδαυα, который либо совпадаетъ съ названнымъ польскимъ городомъ, либо обозначаетъ стоянку римскихъ купцовъ, по переходѣ черезъ болота, въ странѣ гельвеконовъ. Отъ Сетидавы, снова дня черезъ три, они приходили въ 'Ασκαυκαλίς 44° долг. 54°15 шир., т. е. 18°27′—52°53′. Мнѣ кажется, что это нын. деревня Скульскъ въ сѣверной части Калишск. губ. 18°22′ долг. 52°29′ шир. Если

1) Верстахъ въ 18-ти отъ Grodisko лежитъ дер. Sackrau, гдѣ въ 1886 г. найденъ богатый кладъ IV вѣка. См. Grempler, Der Fund von Sackrau. Brandenburg 1887.

мы примемъ Сетидаву за Коло, то разница въ разстояніи между послѣднимъ и Скульскомъ (40 верстъ) съ одной и Сетидавой — 'Ασκαυκαλίς (60 верстъ) съ другой стороны покажется намъ не слишкомъ значительною, въ виду того, что эта часть пути, ведущая черезъ болота Варты, Слезинскаго и Гоплинскаго озеръ, составляетъ труднѣйшую часть всего путешествія. Птолемей отодвинулъ 'Ασκαυκαλίς верстъ на 40 на сѣверъ, что объясняется соображеніями, приведенными нами уже на стр. 64. Гораздо непонятнѣе было-бы, еслибъ его Аскаукалисъ былъ отмѣченъ южнѣе Скульска.

Этотъ городъ, лежащій, повидимому, въ землѣ гельвеконовъ, составляетъ послѣднюю лугійскую станцію. Отсюда дорога вела либо черезъ нын. Влоцлавскъ (Варш. губ.) прямо къ готамъ, либо направлялась на сѣверозападъ и пересѣкала около нын. Бромберга болота рѣки Netze, а затѣмъ шла по правому берегу этой рѣки и достигала, дней черезъ пять, города Σκοῦργον 43° долг. 55° шир., т. е. 17°35′—53°25′ въ землѣ руговъ, на южной окраинѣ непроходимыхъ въ то время лѣсовъ, такъ наз. Tucheler Heide (ср. Sadowski p. 17) въ западной Пруссіи. Огибая эти лѣса съ запада, дорога шла отсюда широкой дугой къ устью Вислы подъ Данцигомъ (Sadowski p. 19 слѣд.) и, пройдя землю гепидовъ, достигала наконецъ готской области. Но въ этихъ мѣстностяхъ Птолемей не называетъ уже ни одного «города».

Мы прослѣдили, такимъ образомъ, путь римскихъ торговыхъ каравановъ отъ верховьевъ Вислы до земли готовъ. Разбросанные по этому пути города-стоянки находятся другъ отъ друга въ разстояніи двухъ — трехъ, много пяти дневныхъ переходовъ.

На востокъ отъ этой центральной линіи, т. е. въ землѣ вариновъ и хариновъ (гаріевъ), Птолемей никакихъ городовъ не знаетъ. А что касается западной части лугійской области, то хотя тутъ у него и отмѣчено довольно много городовъ (6), но они не расположены по одной ясной путевой линіи. Мы, поэтому, сгруппируемъ ихъ при разборѣ по тѣмъ народностямъ, въ земляхъ ко-

торыхъ они, повидимому, лежали. Мы и тутъ также замѣтимъ, что всѣ они находятся близъ важныхъ бродовъ черезъ рѣки или болота.

Раньше чѣмъ перейти къ ихъ разбору, мы должны исключить изъ ихъ числа Στράγονα, который въ Мюллеровскомъ изданіи Птолемея значится подъ 39°40′ долг. 52°20′ шир., т. е. въ землѣ силинговъ, тогда какъ всѣ безъ исключенія рукописи даютъ число λϑ′γ″—να′γο″ = 39°20′ долг. 51°40′ шир., т. е. 15°58′—50°32′. Στράγονα лежитъ, слѣдовательно, въ сѣверной Богеміи, верстахъ въ 5 отъ нын. Trautenau, отсюда ведетъ удобная дорога черезъ горы къ верховьямъ Бобра, т. е. къ силингамъ [1]). Въ наше время именно здѣсь проведена желѣзнодорожная линія, соединяющая Богемію съ Силезіею.

Другой переходъ черезъ Судеты, мимо нын. Glatz, отмѣченъ Птолемеемъ городомъ Ἡγητματία 39°40′ долг. 51° шир., т. е. 16°20′—50°: онъ находится недалеко отъ того мѣста, гдѣ дорога вступаетъ въ горы между двумя хребтами, такъ наз. Богемскимъ (Böhmischer Kamm) и Глатцскимъ снѣжнымъ хребтомъ (Glatzer Schnee-Gebirge). Городъ этотъ соотвѣтствуетъ, слѣдовательно, Σετουία центральнаго пути. Но дальнѣйшій путь по городамъ прослѣдить нельзя.

Странѣ силинговъ принадлежитъ, можетъ быть, Κολάγκορον 39° долг. 53°30′ шир., т. е. 15° 17′—51° 57′: онъ отмѣченъ въ 15 верстахъ отъ Krossen'a (15° 7′—52° 2′) у впаденія Бобра въ Одеръ, гдѣ находился одинъ изъ удобнѣйшихъ переходовъ черезъ послѣднюю рѣку (Sadowski p. 10). Нѣсколько ниже по Одеру же, въ бургундской землѣ, отмѣченъ городъ Σουσουδάτα 38° 30′ долг. 53°50′ шир., т. е. 14° 51′—52°12′: вѣроятно Франкфуртъ на Одерѣ (14°34′—52°20′), гдѣ также находился древній бродъ, на что указываетъ само названіе. Разстояніе между Κολάγκορον и Σουσουδάτα (40 верстъ) почти равно разстоянію

1) Мюллеръ измѣнилъ рукописное чтеніе ради отожествленія Στράγονα съ Striegau въ Силезіи.

отъ Krossen'а до Франкфурта (46 верстъ), что подтверждаетъ нашу догадку.

Ближе къ центру, въ землѣ (ди)дуновъ, лежатъ два города: Βουδόριγον 41° долг. 52°40′ шир., т. е. 16°45′—51°27′, верстахъ въ 12-ти отъ нын. Herrenstadt, древняго брода черезъ Барчъ (Sadowski p. 10), и Λευκάριστος 41°45′ долг. 52°40′ шир., т. е. 17°18′—51°30′. Не знаю, куда его пріурочить. Не Острово ли это? Послѣдній городъ, очень важный для торговли (см. выше стр. 59), лежитъ подъ 17°50′ долг. 51°38′ шир., т. е. верстахъ въ 35 отъ Λευκάριστος.

Нѣсколько сѣвернѣе, подъ 41° долг. 53°30′ шир., т. е. 16°33′—52°5′, отмѣченъ Птолемеемъ въ землѣ бургундской городъ Λιμιοσάλειον: это, мнѣ кажется, нын. Schrimm на Вартѣ, одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ по дорогѣ на сѣверъ (ср. Sadowski p. 12). Что это дѣйствительно такъ и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, наша догадка относительно Βουδόριγον = Herrenstadt вѣрна, доказывается разстояніемъ между этими городами у Птолемея (70 верстъ) и въ дѣйствительности (65 верстъ).

Наконецъ, бургундскимъ же «городомъ» слѣдуетъ считать Οὐιρίτιον 41° долг. 54°30′ шир., т. е. 16°20′—52°52′: онъ отмѣченъ на картѣ верстахъ въ 16 отъ нын. Czarnikau (16°33′—52°55′), лежащаго на важномъ переходѣ черезъ Netze (Sadowski p. 13). Разстояніе между Λιμιοσάλειον и Οὐιρίτιον равно разстоянію отъ Schrimm'а до Czarnikau (85 верстъ, приблизительно). — Остальные 3 города, т. е. Οὐίρουνον, Βουνίτιον, Ῥούγιον, принадлежатъ уже ругамъ.

Мы подробно разобрали всѣ свѣдѣнія, имѣющіяся о западныхъ сосѣдяхъ и ближайшихъ родичахъ готовъ, и въ итогѣ у насъ получилась ясная этнографическая карта восточной Германіи конца I — начала II вѣка по Р. Хр. Дѣломъ археологіи будетъ провѣрить и дополнить наши результаты, добытые ис-

ключительно на основаніи географическаго и историческаго, въ узкомъ смыслѣ, матеріала. Мы сами вернемся еще разъ къ лугійскимъ народамъ ниже, при разборѣ имѣющагося на лицо лингвистическаго матеріала, скуднаго, къ сожалѣнію, но всетаки достаточнаго для освѣщенія нашей карты съ этой стороны.

Раньше чѣмъ приступить къ этому, мы должны, однако, познакомиться съ восточными сосѣдями готовъ и выяснить тѣмъже путемъ, какъ выше, географическую группировку народовъ «Европейской Сарматіи» Птолемея къ концу I и началу II вѣка. Съ этимъ вмѣстѣ мы вступаемъ въ область славяно-литовскаго міра.

Передъ нами огромная территорія Сарматской низменности. Съ незапамятныхъ временъ она заселена множествомъ народовъ разнороднѣйшихъ этническихъ и бытовыхъ типовъ. Разобраться въ этомъ хаосѣ — составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ исторической этнографіи, задачу тѣмъ болѣе трудную, что на всемъ громадномъ пространствѣ отъ Вислы до Урала, отъ Чернаго моря до Финскаго залива почти вовсе нѣтъ естественныхъ границъ, которыми могли опредѣляться области народовъ, населявшихъ его въ древности.

Первые лучи исторіи освѣщаютъ только южно-русскія степи; все, что лежитъ на сѣверѣ отъ нихъ, остается въ тѣни. Геродотъ знаетъ только ближайшихъ сѣверныхъ сосѣдей скиѳовъ: невровъ, андрофаговъ и меланхленовъ; за ними лежитъ уже необитаемая страна, гдѣ падающія съ неба перья, т. е. снѣгъ, какъ поясняетъ самъ Геродотъ, покрываютъ всю землю и наполняютъ воздухъ (IV, 7. 31).

Географическій горизонтъ Геродота, очевидно, довольно узокъ. Верхнее теченіе Днѣпра ему неизвѣстно: онъ разспрашивалъ о немъ, но никто (ἀνθρώπων οὐδείς) не могъ дать ему отвѣта (IV, 53). Источники Буга и Днѣстра указаны имъ не-

точно. Большія озера, изъ которыхъ они, по Геродоту (IV, 51. 52), берутъ начало, соотвѣтствуютъ, вѣроятно, припетскимъ болотамъ, которыми замыкалась на сѣверѣ скиѳская земля [1]). Объ этихъ сѣверныхъ окраинахъ послѣдней Геродотъ имѣлъ, очевидно, лишь очень неточныя свѣдѣнія.

Тѣмъ не менѣе, собранный имъ матеріалъ очень богатъ и, въ общемъ, надеженъ. По всему видно, что Геродотъ не принималъ на вѣру, а старался провѣрять то, что ему говорили; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ самъ не успѣвалъ убѣдиться въ истинѣ, онъ очень остороженъ въ своихъ выраженіяхъ. Разсказывая о томъ, что на сѣверъ отъ невровъ, андрофаговъ и меланхленовъ лежитъ безлюдная пустыня, ἔρημος ἀνθρώπων, онъ всякій разъ прибавляетъ: «насколько намъ извѣстно», ὅσον ἡμεῖς ἴδμεν (IV, 17. 18. 20) [2]). Кромѣ того, слѣдуетъ имѣть въ виду, что онъ лично побывалъ въ Скиѳіи и не оставался въ приморскихъ греческихъ колоніяхъ, а проникалъ довольно далеко въ глубь страны: онъ бывалъ напр. въ нын. Подоліи (IV, 81, ср. Cuno p. 85). Довольно часто въ его изложеніи мы наталкиваемся на черты, изобличающія человѣка, лично бывавшаго на мѣстѣ [3]). Однимъ словомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Геродотъ могъ провѣрить полученное свѣдѣніе путемъ личнаго опыта или многократныхъ разспросовъ, мы имѣемъ право довѣрять ему. Мы должны теперь

---

1) Ср. Pomp. Mela II, 7, гдѣ Бугъ ex grandi palude oritur quam matrem eius accolae appellant.

2) Весьма характерно, въ этомъ отношеніи, одно мѣсто, а именно IV, 105. Каждый невръ, разсказываетъ онъ здѣсь, разъ въ году превращается въ волка на нѣсколько дней. «Мнѣ этому не вѣрится, продолжаетъ онъ, но они (т. е. скиѳы и эллины) такъ говорятъ, и даже клянутся, что это такъ (καὶ ὀμνῦσι δὲ λέγοντες)». Очевидно, скептицизмъ Геродота долго и горячо протестовалъ противъ этой небылицы, добиваясь истины въ разговорѣ съ мѣстными жителями, пока одинъ изъ послѣднихъ не заставилъ его замолчать, поклявшись въ истинѣ своихъ словъ. Сомнѣніе, однако, осталось въ силѣ.

3) Вода Днѣпра, говоритъ онъ напр. IV, 53, очень сладка на вкусъ: πίνεσθαί τε ἥδιστός ἐστι. Ср. статью Мищенка: Былъ-ли Геродотъ въ предѣлахъ южной Россіи? Кіевск. Стар. 1886.

же установить эту принципіальную точку зрѣнія на данныя, сообщаемыя Геродотомъ, такъ какъ отъ нея зависитъ рѣшеніе многихъ вопросовъ, поднятыхъ въ наукѣ на ихъ основаніи.

Извѣстно, что изученіе ихъ привело ученыхъ къ выводамъ, небезъинтереснымъ и для насъ [1]). Мы не можемъ обойти ихъ молчаніемъ, такъ какъ они находятся въ прямой связи съ главнымъ вопросомъ этой части нашего изслѣдованія: съ вопросомъ о древнѣйшей научно установимой родинѣ славяно-литовскаго племени.

Вдаваться въ разборъ всѣхъ мнѣній, высказанныхъ по поводу пресловутаго «скиѳскаго вопроса», я, конечно, не стану, тѣмъ болѣе, что разногласія между учеными зависятъ, на мой взглядъ, здѣсь, какъ и въ «варяжскомъ вопросѣ», не столько отъ неточности или неясности матеріала, сколько отъ методологическихъ ошибокъ нѣкоторыхъ ученыхъ, бравшихся за изслѣдованіе, а часто и отъ тѣхъ предвзятыхъ идей и тенденцій, съ которыми они приступали къ нему и которыя заставляли ихъ мириться съ явными натяжками. Новый трудъ по «скиѳскому вопросу» долженъ будетъ носить характеръ по преимуществу полемическій. Для нашихъ же цѣлей достаточно будетъ дать по возможности объективное рѣшеніе важнѣйшимъ пунктамъ на основаніи одного только текста Геродота, съ отстраненіемъ всѣхъ подробностей. «Скиѳскій вопросъ», самъ по себѣ, интересуетъ насъ въ данномъ случаѣ лишь постольку, поскольку его рѣшеніе можетъ дать твердый базисъ нашему дальнѣйшему изслѣдованію.

Относясь, вообще, съ довѣріемъ къ разсказу Геродота о Скиѳіи, мы считаемъ правильными — въ общихъ чертахъ, ко-

1) Хорошій краткій обзоръ ихъ съ полными библіографическими указаніями даетъ А. Лаппо-Данилевскій. Скиѳскія древности 1887 (Зап. Отд. Русск. и Слав. археол. Импер. Русск. Археол. Общ. т. IV). Кромѣ того см. Бруна, Опытъ соглашенія противуположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѳіи и смежныхъ съ ней земляхъ. Черноморье II, 1—104; G. Mair, Das Land der Skythen bei Herodot. Saaz 1884—1885. (двѣ программы гимназіи въ Saaz'ѣ, Чехія).

печно, — и тѣ указанія, которыя онъ даетъ относительно географическаго распредѣленія скиѳскихъ народностей и ихъ ближайшихъ сосѣдей. Указанія эти довольно ясны во всѣхъ важныхъ для насъ пунктахъ.

Страна скиѳовъ лежитъ между Карпатами и нижнимъ Дунаемъ на западѣ, Чернымъ и Азовскимъ морями на югѣ и Дономъ на востокѣ, тогда какъ сѣверную границу составляетъ линія, о которой см. ниже. Заключенная въ этихъ границахъ область представляется Геродоту (IV, 101) прямоугольникомъ, каждая сторона котораго равна 4000 стадіямъ, т. е. 100 геогр. милямъ = 700 верстъ. Этотъ счетъ неточенъ для южной линіи только верстъ на 60, что, конечно, очень немного, если принять во вниманіе значительность разстоянія отъ устьевъ Дуная до устья Дона и несовершенство счета по дневнымъ переходамъ [1]). Перенося это же разстояніе на боковую линію, принимая за основаніе приблиз. параллель 46° шир., мы получаемъ приблиз. 52° шир., какъ сѣверную границу скиѳской земли. Этому не противорѣчатъ болѣе подробныя указанія, которыя Геродотъ даетъ о сѣверныхъ сосѣдяхъ скиѳовъ.

Сами скиѳы дѣлятся Днѣпромъ на западныхъ, осѣдлыхъ, отчасти переходящихъ и на лѣвый берегъ этой рѣки, и восточныхъ, кочевыхъ. Вполнѣ ясно распредѣленіе скиѳскихъ народностей по Бугу и Днѣстру. Тутъ, на берегу моря, т. е. главнымъ образомъ въ нын. Херсонской губ., живутъ каллиппиды (IV, 17); за ними, сѣвернѣе, алазоны, въ странѣ которыхъ всего ближе сходятся Бугъ и Днѣстръ (IV, 52): очевидно, что земля алазоновъ обнимала, между прочимъ, Подольскую губ. На сѣверо-востокъ отъ нихъ, т. е. въ Кіевской и сѣверной части

---

1) Расчетъ у Сипор. 83 not. мнѣ совершенно непонятенъ, даже если принять, что устье Дона лежитъ на одномъ меридіанѣ съ Керченскимъ проливомъ. Онъ упускаетъ изъ виду, что въ основѣ всѣхъ указаній подобнаго рода могъ лежать только счетъ по числу дневныхъ переходовъ. Послѣдніе представляютъ, въ данномъ случаѣ, весьма ясную величину (1 дневной переходъ = 200 стадіямъ IV, 101=35 верстамъ), которую мы должны, конечно, наносить на нашу современную карту, если захотимъ опредѣлить точность Геродотова счета.

Херсонской губ. мы находимъ скиѳовъ оратаевъ (ἀροτῆρες IV, 17.52), къ которымъ непосредственно примыкаютъ невры въ области Припети (IV, 17. 51).

Гораздо менѣе ясна поднѣпровская линія. Часть нижняго теченія Днѣпра населяютъ скиѳы земледѣльцы (γεωργοί), въ Екатеринославской губ. (ср. IV, 18. 53). На сѣверѣ ихъ отдѣляетъ пустыня отъ андрофаговъ (IV, 18): послѣднихъ мы должны, слѣдовательно, искать въ нын. Черниговской губ. и смежныхъ областяхъ.

Въ степяхъ между Днѣпромъ и Дономъ кочуютъ на югѣ скиѳы номады (Таврич. и Екатериносл. губ.?), восточнѣе царскіе скиѳы (часть Харьковск. губ. и Обл. Войска Донскаго, ср. IV, 19. 20). Надъ ними, на разстояніи 20 дневнаго пути отъ моря, меланхлены (IV, 101), т. е. приблиз. въ Курской и Орловской губ. Къ нимъ на востокѣ, за Дономъ, примыкаютъ будины, сѣверные сосѣди савроматовъ, на разстояніи 15 дней пути (= 525 верст.) отъ устья Дона (IV, 21): очевидно, въ нын. Тамбовской и Саратовской губ.

Таково географическое распредѣленіе скиѳскихъ народностей и ихъ ближайшихъ сосѣдей на сѣверѣ. Оно возстановляется по нашей картѣ довольно легко. Центральныя народности невровъ, андрофаговъ, меланхленовъ и будиновъ составляютъ непрерывную цѣпь, ведущую приблизительно на одной и той же широтѣ отъ Карпатскихъ горъ (за которыми — агаѳирсы IV, 100. 104) вплоть до средней Волги.

Гораздо болѣе труднымъ представляется вопросъ этнографическій.

Скиѳы восточные между Днѣпромъ и Дономъ — несомнѣнно иранцы: это мы считаемъ доказаннымъ съ одной стороны полемикой Шифнера противъ монгольской теоріи Неймана въ 1856 г. [1]), съ другой — положительными доводами Мюллен-

1) K. Neumann, Die Hellenen im Skythenlande. Berlin 1855. — Schiefner, Bulletin de la classe hist.-phil. нашей Академіи, томъ XIII (1856), col. 194 слѣд.: Sprachliche Bedenken gegen das Mongolenthum der Skythen.

гофа [1]). А изъ этого слѣдуетъ, что славяне не могутъ быть потомками *этихъ* скиѳовъ. Но имѣемъ ли мы право распространить этотъ выводъ и на западныхъ скиѳовъ между Днѣпромъ съ одной, Карпатами и нижнимъ Дунаемъ съ другой стороны, т. е. на каллипидовъ, алазоновъ, оратаевъ и земледѣльцевъ? Весь вопросъ въ томъ, можемъ-ли мы считать скиѳовъ Геродота народомъ этнографически цѣльнымъ, или этому имени уже въ V вѣкѣ до Р. Хр. присуще такое-же собирательное, чисто географическое значенiе, какое оно имѣетъ впослѣдствiи, напр. у Страбона и Плинiя? Извѣстно, что многiе ученые, начиная съ Шафарика, держались и держатся именно этого мнѣнiя, указывая на особенности въ образѣ жизни, религiи, антропологическомъ типѣ, отличающiя, будто-бы, западныхъ отъ восточныхъ скиѳскихъ народностей и усматривая въ скиѳахъ западныхъ — предковъ славянъ, либо считая ихъ иранцами, въ противуположность къ скиѳамъ восточнымъ, якобы Монголамъ. Въ пользу послѣдняго мнѣнiя высказался недавно еще Мищенко, и съ нимъ соглашается, повидимому, Вс. Миллеръ.

Ясно, что этимъ опредѣляется вся этнографическая карта восточной Европы. Если западные скиѳы — славяне, то ихъ сѣверныхъ сосѣдей, которыхъ Геродотъ (IV, 51 pass.) строго отличаетъ отъ скиѳовъ, придется отнести къ другимъ племенамъ [2]). Дѣйствительно, съ этой точки зрѣнiя невры на верховьяхъ Днѣстра и Буга оказались-бы напр. литовскимъ племе-

---

1) Его докладъ: Ueber die Herkunft und Sprache der Pontischen Scythen und Sarmaten, читанный въ Берлинской Академiи въ августѣ 1866 г., вошелъ въ Monatsberichte того-же года и перепечатанъ теперь въ DA. III (1892) р. 101—125. Его выводъ не опровергается доводами Cuno, passim (см. въ особенности стр. 307—323) и осторожнымъ скептицизмомъ Вс. Миллера въ Ж. М. Н. Пр. ч. 247 (1886). Много новаго матерiала, говорящаго въ пользу нашего мнѣнiя, даетъ теперь и F. Justi Iranisches Namenbuch. Marburg 1895. Послѣднимъ устраняются между проч. многiя сомнѣнiя, оставляемыя Миллеромъ.

2) Считать скиѳовъ и невровъ и т. д. предками славянъ, какъ это дѣлаетъ напр. Шафарикъ и друг., идетъ въ разрѣзъ съ ясными, неоднократно повторяемыми указанiями Геродота.

немъ. Но, во-первыхъ, въ текстѣ Геродота нѣтъ данныхъ, которыя могли бы оправдать такіе выводы. Мы видимъ въ этомъ роковой методологическій промахъ упомянутыхъ ученыхъ, что они, добровольно отказываясь отъ твердаго базиса историческихъ данныхъ, уходятъ въ область предположеній и догадокъ, гдѣ невозможны ни научныя доказательства, ни опроверженія. Поставленные на такую шаткую почву, относящіеся сюда вопросы могутъ получить самыя разнообразныя рѣшенія, предоставляя безграничный просторъ произвольнымъ комбинаціямъ и соображеніямъ, подчасъ очень остроумнымъ, но лишеннымъ базиса, и потому теряющимъ значеніе научныхъ гипотезъ. Во вторыхъ, эти выводы противорѣчатъ, какъ мы увидимъ, всему, что мы знаемъ достовѣрнаго о позднѣйшемъ разселеніи славяно-литовскихъ племенъ въ I и II вв. по Р. Хр. Плиній, Тацитъ, Птолемей не знаютъ славянъ на нижнемъ Дунаѣ; относящіяся къ этому времени, якобы славянскія, географическія названія въ придунайскихъ и прикарпатскихъ областяхъ (Cuno стр. 230 слѣд.) при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются призраками; а область айстовъ никогда не доходила до верховьевъ Днѣстра и Буга. Наконецъ, мнѣ a priori кажется невозможнымъ, чтобы славяне, занимая еще въ IV в., когда скиоское могущество стало клониться къ упадку, такое сравнительно небольшое пространство, могли впослѣдствіи, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ столѣтій, заселить огромное пространство, обнимавшее добрую половину Европы. Такой небывало быстрый ростъ народонаселенія мыслимъ только при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ спокойнаго, мирнаго развитія, а между тѣмъ, именно поднѣстровье и побужье въ теченіе вѣковъ, т. е. вплоть до распаденія гуннскаго государства, были ареной почти безпрерывныхъ насильственныхъ переворотовъ: вспомнимъ нашествія сарматскихъ ордъ, бастарновъ, готовъ, гунновъ. Въ этихъ переворотахъ погибли всѣ народности, участвовавшія въ нихъ, за исключеніемъ готовъ, спасшихся бѣгствомъ. Неужели-же одни только славяне не только уцѣлѣли, но и разрослись въ ту

огромную по численности народную массу, которая въ V и VI вѣкахъ по Р. Хр. широкимъ моремъ разлилась не только по восточной и центральной Европѣ, но захватила и балканскій полуостровъ и выслала часть своихъ членовъ даже въ Малую Азію? Простая логика — если только она не затемнена предвзятымъ мнѣніемъ — приводитъ насъ къ заключенію, что родина славянъ или, по крайней мѣрѣ, центръ ея, вплоть до начала великаго переселенія народовъ должна была находиться внѣ сферы переворотовъ, постигшихъ южнорусскія степи начиная IV вѣкомъ до Р. Хр. и кончая IV вѣкомъ нашей эры. Только послѣ спокойнаго развитія въ теченіе этого продолжительнаго періода времени, выступая послѣдними на историческую арену, славяне могли сыграть ту роль, которую они сыграли на самомъ дѣлѣ.

Мы приходимъ, поэтому, къ апріорному предположенію, что родина славянъ не доходила до степной полосы, и это предположеніе, которое мы надѣемся доказать ниже положительными данными, станетъ уже теперь еще болѣе вѣроятнымъ, если мы примемъ во вниманіе историческія аналогіи, говорящія намъ, что сильныя народныя передвиженія идутъ всегда въ одномъ направленіи. Я не знаю народа, который двигался бы — завоевателемъ, не колонизаторомъ — одновременно во всѣ четыре стороны; а вѣдь такую аномалію пришлось бы допустить, еслибъ родина славянъ находилась между Дунаемъ и Днѣпромъ.

Въ глазахъ припонтійскихъ грековъ — колонистовъ, находившихся въ безпрерывныхъ и оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ со всѣми народностями скиѳовъ, послѣдніе составляли одно этнографическое цѣлое. На собирательное значеніе ихъ имени нѣтъ ни одного намека въ изложеніи Геродота, бравшаго свои свѣдѣнія, конечно, главнымъ образомъ изъ этого источника. Это — фактъ первостепенной важности, и отстраненіе его составляетъ, именно, ту важную методологическую ошибку, на которую мы указали выше. Геродотъ объединяетъ всѣ народности отъ нижняго Дуная до Дона не только въ одномъ имени, но и въ одной этнографической характеристикѣ, противуполагая ихъ

сосѣдямъ на западѣ и сѣверѣ и даже близкимъ родичамъ на востокѣ, за Дономъ — сарматамъ (см. ниже). Единственная твердая точка, на которую могутъ опираться сторонники разноплеменности скиѳовъ, это — земледѣльческій бытъ западныхъ скиѳскихъ народностей въ противуположность къ кочевому быту восточныхъ. Всѣ остальные доводы взяты отчасти изъ области археологическихъ находокъ, недостаточныхъ и ни въ какомъ случаѣ не могущихъ рѣшить такой важный вопросъ [1]), отчасти же изъ словъ другихъ авторовъ, относящихся къ позднѣйшему времени (Страбонъ и друг.) и имѣющихъ въ виду совсѣмъ другую этническую группировку. А одного упомянутаго факта, конечно, не достаточно: историческая этнографія знаетъ много такихъ примѣровъ, гдѣ одна часть народа ведетъ кочевую жизнь, тогда какъ другая обработываетъ землю; ср., напр., персовъ у Геродота-же I, 125 и сарматовъ у Страбона VII, 3, 17.

Текстъ Геродота допускаетъ въ данномъ случаѣ только выводъ, сдѣланный нами выше, объ этническомъ единствѣ скиѳскаго народа. Такъ, онъ называетъ IV, 99 именно западную Скиѳію ἀρχαίη Σκυθική, очевидно, потому, что эти западные скиѳы явились въ южнорусскія степи дѣйствительно раньше восточныхъ. Иначе и быть не могло, и всякое другое объясненіе этого имени будетъ натяжкой, противорѣчащей естественному ходу событій и, къ тому-же, предполагающей, что мы въ этомъ вопросѣ компетентнѣе припонтійскихъ грековъ, имѣвшихъ ежедневно возможность провѣрить свои воззрѣнія. Этногоническое сказаніе IV, 8 слѣд., слышанное Геродотомъ отъ черноморскихъ грековъ, о трехъ сыновьяхъ Геракла и чудовища Ехидны, Агаѳирсѣ, Гелонѣ и Скиѳѣ, объединяетъ всю совокупность скиѳовъ въ одномъ родоначальникѣ — эпонимѣ и очень ясно проти-

---

1) Тутъ кстати будетъ замѣтить, что всѣ курганныя находки такъ называемой скиѳской поры относятся къ эпохѣ болѣе поздней, чѣмъ Геродотъ. Среди изслѣдованныхъ до сихъ поръ «скиѳскихъ» кургановъ нѣтъ ни одного, который можно было бы съ увѣренностью считать современнымъ Геродоту или относящимся къ болѣе раннему періоду.

вуполагаетъ ихъ сосѣдямъ на западѣ и востокѣ. Другой, туземный этногоническій миѳъ IV, 5 слѣд. называетъ трехъ братьевъ Λιπόξαϊς, Ἀρπόξαϊς и Κολάξαϊς, сыновей Таргитая, родоначальниками скиѳскихъ народностей аухатовъ, катіаровъ, траспіевъ и паралатовъ, σύμπασι δὲ (λέγουσιν) εἶναι οὔνομα Σκολότους, τοῦ βασιλέος ἐπωνυμίην.

Повидимому, тутъ идетъ рѣчь объ однихъ только сколотахъ, которые выдѣляются, такимъ образомъ, изъ общаго состава скиѳскаго племени. Но, къ сожалѣнію, изложеніе Геродота въ данномъ мѣстѣ, т. е. IV, 6, такъ неясно, что основывать на немъ какой бы то ни было выводъ было-бы крайне легкомысленно. Имена катіаровъ, траспіевъ, паралатовъ совершенно неясны по своему содержанію. Аухаты встрѣчаются только еще у Плинія Hist. Nat. IV, 12, 88: Auchetae; но они помѣщаются имъ на верховьяхъ Буга (apud quos Hypanis oritur), т. е. совпадаютъ, повидимому, со скиѳами алазонами или оратаями (ἀροτῆρες); ср. Cuno p. 82. Къ тому-же, текстъ вышеприведеннаго предложенія, кажется, испорченъ: въ немъ или передъ нимъ ощущается пробѣлъ, такъ какъ объясненіе Cuno p. 324, видящаго въ этомъ доказательство народно-этимологическаго производства имени сколотовъ отъ Κολάξαϊς, едва-ли убѣдитъ кого-нибудь. Но если даже мы допустимъ, что данное преданіе относится къ однимъ только сколотамъ, то и тогда оно не можетъ служить доказательствомъ въ пользу разноплеменности западныхъ и восточныхъ скиѳовъ. Что сколоты сами выдѣляли себя изъ общаго состава, считая себя лучшими, а всѣхъ остальныхъ *скиѳовъ* своими рабами, это мы знаемъ, напр., изъ IV, 20. Такого рода отношеніе господствующей народности къ подчиненнымъ единоплеменникамъ замѣчается и у другихъ народовъ; оно даже естественно и необходимо на извѣстной ступени государственнаго развитія. Среди персовъ лучшими считались пасаргады, потому что къ нимъ принадлежалъ царскій родъ ахеменидовъ Herod. I, 125; такое-же отношеніе къ покореннымъ нѣмецкимъ-же народностямъ должно было развиться, напр., среди Фран-

ковъ въ эпоху меровинговъ и первыхъ каролинговъ, хотя оно и не сказалось такъ рѣзко, какъ у скиѳовъ [1]).

Но рѣшающее значеніе имѣетъ здѣсь, какъ почти во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, языкъ.

Скиѳскій языкъ былъ, конечно, хорошо извѣстенъ греческимъ колонистамъ сѣвернаго побережья Чернаго моря. Ихъ города представляютъ собою первоначально вѣдь только эмпоріи торговли со скиѳами. Сношенія ихъ съ западными, осѣдлыми скиѳами начались, безъ сомнѣнія, раньше и отличались, конечно, не меньшимъ оживленіемъ, чѣмъ сношенія со скиѳами восточными. Вѣдь главнымъ предметомъ экспорта въ Грецію былъ хлѣбъ, ср. Лаппо-Данилевскій, стр. 25 сл. G. и Mair II, 37 слѣд.

Съ другой стороны, всѣ скиѳскія слова и собственныя имена, сохраненныя Геродотомъ, носятъ явно иранскій характеръ, ближе всего подходящій къ древне-персидскому, DA. III, 113. Если всѣ они принадлежатъ однимъ только восточнымъ скиѳамъ, тогда какъ западные говорили на другомъ, славянскомъ, языкѣ, то нужно допустить, либо что греки, знавшіе, напр., что у андрофаговъ γλῶσσα ἰδίη Herod. IV, 106, не замѣтили этого отличія западно-скиѳскаго отъ восточно-скиѳскаго языка, либо что Геродотъ сознательно умалчиваетъ о языкѣ скиѳовъ западныхъ, ближайшихъ сосѣдей большинства ихъ колоній, съ которыми послѣднія были наиболѣе тѣсно связаны торговыми интересами. И то и другое одинаково невѣроятно. Во всей IV книгѣ нѣтъ ни одного намека на разность въ языкѣ, и принимать таковую кажется мнѣ полнымъ произволомъ, ничѣмъ не оправдываемымъ. Если же западные скиѳы говорили на томъ-же языкѣ, образчики котораго даетъ Геродотъ, то и въ нихъ также мы должны видѣть иранцевъ.

Наконецъ, если западные скиѳы были славянами, то какъ

---

1) Ср. Mon. Sangall. Gesta Caroli Magni I, 10; Graff. Diutiska II, 370: глосса VIII вѣка Germania = Franchōno lant. Ясно сказывается гордость франка въ предисловіяхъ Отфрида къ его поэмѣ (IX в.), какъ въ нѣмецкомъ стихотворномъ, такъ и въ латинскомъ прозаическомъ.

объяснить тотъ фактъ, что новыя названія Днѣстра, Буга, Днѣпра впервые появляются съ IV вѣка по Р. Хр., тогда какъ до этого господствуютъ исключительно скиѳскія имена Τύρας, Ὕπανις, Βορυσθένης? [1]). На это указалъ уже Мюлленгофъ D A. III, 30, и мнѣ кажется, что одного этого факта достаточно, чтобы доказать неосновательность славянской гипотезы. Перемѣна въ географическихъ названіяхъ всегда предполагаетъ смѣну населенія; если-же славяне исконные жители поднѣстровья, то тутъ коренной перемѣны не было.

Можно было бы привести еще цѣлый рядъ фактовъ въ пользу нашего мнѣнія, какъ, напр., названіе волоховъ, полученное славянами отъ готовъ и т. под. Но намъ кажется, что приведенныхъ доводовъ достаточно, и мы можемъ, поэтому, обратиться къ другимъ вопросамъ.

Къ какому племени принадлежали невры, андрофаги, меланхлены и будины? Ихъ образъ жизни сходенъ со скиѳскимъ: невры и меланхлены νόμοισι Σκυθικοῖσι χρέωνται IV, 105. 107, андрофаги ἐσθῆτα φορέουσι τῇ Σκυθικῇ ὁμοίην ibid. 106. Но тѣмъ не менѣе меланхлены ἄλλο ἔθνος καὶ οὐ Σκυθικόν ib. 20, андрофаги ἔθνος ἴδιον καὶ οὐδαμῶς Σκυθικόν 18, и у нихъ γλῶσσα ἰδίη 106.

Строго отличаются отъ скиѳовъ и невры 51. 100. 102 pass. и будины 21. 108 слѣд. Если въ относящихся къ нимъ мѣстахъ Геродотъ и не выражается такъ рѣзко, какъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о меланхленахъ и андрофагахъ, то все-же грань проведена имъ очень ясно. Черезъ землю невровъ пролегалъ путь къ берегамъ Балтійскаго моря ср. Sadowski 77 слѣд. 171 слѣд., черезъ область будиновъ шла дорога къ Уралу и въ среднюю

---

1) Съ Τύρας ср. скр. turá сильный, которое встрѣчается нѣсколько разъ какъ личное имя, Justi 328. Ὕπανις (два раза какъ личное имя въ надписяхъ): guten Schutz (der Götter) habend, Justi 133. Ср. Hyponis=Кубанъ. Относительно Βορυσθένης Мюлленгофъ DA. III 122 (зенд. vouru — çtāna) едва-ли правъ; скорѣе=*baru—stena? ср. зенд. bar рѣзать, сверлить, и корень sti толкаться, стремиться, откуда греч. στενός узкій.

Азію; о нихъ не могли, поэтому, сложиться такіе чудовищные разсказы, какъ, напр., о каннибализмѣ андрофаговъ IV, 106, въ лѣсныя дебри которыхъ рѣдко, вѣроятно, заходили греческіе купцы [1]). Послѣднимъ земля невровъ и будиновъ была, безъ сомнѣнія, лучше извѣстна; они знали, что невры — народъ мирный, земледѣльческій, и сходство ихъ быта съ бытомъ западныхъ скиѳовъ бросалось въ глаза. Сказка о томъ, что каждый невръ разъ въ году превращается на нѣсколько дней въ волка, передаетъ лишь въ обобщенной формѣ мѣстное суевѣріе, распространенное среди невровъ-же. Распространенность вѣры въ оборотней среди славяно-литовскихъ народностей — общеизвѣстный фактъ. Еслибъ между неврами и скиѳами было что-нибудь общее, кромѣ общихъ основъ земледѣльческаго быта, то оно, конечно, было-бы отмѣчено Геродотомъ. Вѣдь отмѣчаетъ-же онъ IV, 117 сходство языка савроматовъ со скиѳскимъ, хотя сарматы и не входятъ у него въ составъ скиѳскаго народа, ср. IV, 21.

Точно также и характеристика будиновъ 108 s. такова, что не оставляетъ сомнѣнія въ племенномъ отличіи ихъ отъ иранскихъ скиѳовъ и сарматовъ, свидѣтельствуя вмѣстѣ съ тѣмъ о хорошемъ знакомствѣ грековъ съ ихъ страной и бытомъ. У нихъ другой языкъ, чѣмъ у гелоновъ, живущихъ въ ихъ землѣ, 109, а послѣдніе говорятъ то по еллински, то по скиѳски. Къ сожалѣнію, въ этой характеристикѣ неясно одно слово: Βουδῖνοι, говоритъ Геродотъ, φθειροτραγέουσι μοῦνοι τῶν ταύτῃ. Обычный переводъ (ср., напр., Латышева, Извѣстія древн. писат., стр. 42) тотъ, что будины «одни изъ мѣстныхъ племенъ питаются сосновыми шишками». Но значеніе φθείρ — вошь, и какъ ни дика, на первый взглядъ, мысль о томъ, что будины «ѣли вшей», тѣмъ не менѣе она поддерживается, нѣкоторыми данными, приводимыми, между прочимъ, Томашкомъ стр. 25. Своеобразный вкусъ будиновъ могъ и долженъ былъ поразить греческихъ купцовъ,

1) Объ андрофагахъ и меланхленахъ Геродотъ знаетъ вообще гораздо меньше, чѣмъ о неврахъ съ одной, будинахъ съ другой стороны

отчасти жившихъ въ ихъ средѣ. Можетъ быть, и меланхлены и андрофаги были φθειροτραγέοντες въ этомъ, именно, смыслѣ; по съ ними греки сходились рѣже, а потому и не могли замѣтить эту мелкую подробность ихъ нравовъ.

Вопросъ этотъ, впрочемъ, не имѣетъ важнаго значенія для насъ. Гораздо важнѣе — опредѣленіе этнологическаго характера.

Съ перваго же взгляда ясно, что изъ всей цѣпи сѣверныхъ сосѣдей скиѳовъ лишь крайніе западные — невры — и крайніе восточные — будины — сохранили въ изложеніи Геродота свои туземныя названія: это можетъ служить новымъ доказательствомъ лучшаго знакомства грековъ съ ними, чѣмъ съ центральными андрофагами и меланхленами. Вѣроятно, Томашекъ 8 правъ, видя въ Ἀμάδοκοι Лже-Гелланика (Steph. Byz. s. v. p. 36) и Птолемея III, 5, 10 другое названіе андрофаговъ и связывая это имя съ санскр. âmâd «ѣдящій сырое мясо». Суфф. -ака очень употребителенъ въ иранскихъ языкахъ и часто встрѣчается въ собственныхъ именахъ на южно-русскихъ надписяхъ, то въ формѣ -ak-, то въ формѣ -ag-, ср., напр., Σάρακος, Βώρακος, Δάδαγος, Ἄβραγος и т. п. Это не что иное, какъ осетинск. суф. -äg, ср. Вс. Миллеръ 271.

Но принимая это толкованіе, мы получаемъ иранское, т. е. скиѳское имя, не туземное, употребляемое самими андрофагами. Еслибъ послѣднее до насъ дошло, то вопросъ о ихъ принадлежности къ тому или другому племени былъ бы ясенъ самъ по себѣ; при настоящемъ же положеніи дѣла мы должны искать рѣшенія въ другихъ соображеніяхъ.

Что невры — славяне, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Шафарикъ I, 196 ss. первый обосновалъ это мнѣніе научно и вполнѣ убѣдительно. Къ этому позднѣйшіе изслѣдователи (Куно и друг.) добавили кое-какія дополнительныя данныя, и теперь это положеніе можетъ считаться общепринятымъ. Сохраненіе цѣлаго ряда топографическихъ названій въ родѣ Неръ, Нуръ, Нурецъ, Наревъ, Нурьская земля и т. д. въ области Припети и

Нѣмана, т. е. именно въ странѣ геродотовыхъ невровъ, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ въ его пользу. Не сохранилась-ли память объ этомъ древнемъ этническомъ наименованіи въ «норцахъ» нашей лѣтописи: Норци (al. Норци), еже суть словѣне Лавр. 3.? Единичное употребленіе его внушаетъ намъ нѣкоторое недовѣріе къ обычному отожествленію ихъ съ иллирцами. Провинція Noricum далеко не совпадаетъ съ Илліріей, да къ тому же въ данномъ мѣстѣ имя норцевъ, несомнѣнно, обозначаетъ славянъ вообще.

Восточныхъ сосѣдей невровъ, андрофаговъ, Мюлленгофъ DA. III, 18 также считаетъ славянами, какъ и меланхленовъ. Съ этимъ мы, однако, согласиться не можемъ: географическая номенклатура областей, лежащихъ на востокъ отъ верхняго и средняго Днѣпра неопровержимо доказываетъ, что первоначальное населеніе было здѣсь не славянское, а финское. Мы вернемся къ этому вопросу ниже, когда поведемъ рѣчь о болѣе точномъ опредѣленіи предѣловъ славянской прародины. Теперь же замѣтимъ только, что въ пользу финскаго происхожденія андрофаговъ говорятъ и другія соображенія. Томашекъ 7 ss. приводитъ рядъ фактовъ лингвистическихъ, этнографическихъ и археологическихъ, которые, независимо отъ данныхъ номенклатуры, не только вполнѣ убѣдительно доказываютъ, что андрофаги — дѣйствительно финны, но даже дѣлаютъ вѣроятнымъ, что ихъ слѣдуетъ считать предками мордвы, сидѣвшей нѣкогда на Деснѣ. Не повторяемъ здѣсь его доказательствъ, такъ какъ его блестящая статья — лучшее, что до сихъ поръ написано о внѣ-скиѳскихъ народахъ Геродота — всѣмъ доступна. Намъ кажется только, что его производство имени мордвы отъ скиѳск. *mareta — χwā «людоѣдъ» (стр. 10) невѣроятно какъ по формѣ, такъ — еще болѣе — по содержанію: по формѣ потому, что оно предполагаетъ звуковые переходы, которые нигдѣ въ дошедшихъ до насъ остаткахъ скиѳо-сарматскаго языка не наблюдаются, а по содержанію едва-ли мыслимо, чтобы мордва, сама называющая себя этимъ именемъ, переняла послѣднее отъ скиѳовъ, да еще съ

такимъ значеніемъ, которое врядъ-ли передавалодѣй ствительный фактъ, какъ сознаетъ самъ Томашекъ 9. Я бы скорѣе думалъ о самостоятельномъ возникновеніи этого имени на туземной почвѣ, отъ mord «человѣкъ» (перм. mord, зыр. mort, вот. murt и т. д), при чемъ совершенно безразлично, заимствовано-ли оно изъ иранскаго или нѣтъ. Словообразовательный элементъ -va — очень распространенъ въ финскихъ языкахъ, ср. эст. odaw отъ ода, суом. kor-va отъ kar и друг.

Если андрофаги — финны, то таковыми же должны считаться и меланхлены, непосредственно примыкающіе къ нимъ на востокѣ: тюркскихъ народностей въ это время еще не было по сю сторону Урала и Каспійскаго моря, а принять андрофаговъ за финскую энклаву среди славянъ никто, конечно, не рѣшится. Вотъ почему, въ данномъ случаѣ, отсутствіе ясныхъ доказательствъ не играетъ существенной роли. Провѣрить догадку Томашка 17 s., видящаго въ меланхленахъ предковъ мерянъ и черемисовъ, нельзя потому, что мерянскій языкъ намъ неизвѣстенъ, а языкъ и бытъ черемисовъ подверглись такому сильному тюркскому вліянію, что совершенно потеряли свой первоначальный чисто финскій обликъ. Въ пользу этой догадки говорятъ только общія соображенія и тотъ фактъ, что до прошлаго столѣтія черемисы носили кафтаны исключительно чернаго цвѣта (Томашекъ 18).

Яснѣе будины, по Томашку 19 предки вотяковъ, пермяковъ и зырянъ. Что эти три народности жили нѣкогда гораздо южнѣе и приходили въ частое и непосредственное столкновеніе съ иранцами, доказывается большимъ количествомъ имѣющихся въ ихъ языкѣ иранскихъ заимствованій. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что весь бассейнъ Волги вплоть до степной полосы на югѣ былъ занятъ нѣкогда финнами: не только наше слово Волга финскаго происхожденія (ср. суом. walkia, черем. wol'godo, перм. wol'kyd блестящій, гладкій), но подъ финскимъ же именемъ Ῥᾶς является эта рѣка, какъ извѣстно, у Птолемея, ср. морд. Raw = Волга, rawo вода, море; отсюда *Rawakš

приволжскій житель = Ῥοβοσκοί Птолемея? Наконецъ, единственное дошедшее до насъ будинское географическое названіе Καρίσκος (ἐν τοῖς περὶ τὸν Καρίσκον Βουδινοῖς Aelian. hist. an. XVI, 33 изъ Аристотеля) несомнѣнно финское слово, ср. перм. kar укрѣпленіе, городъ, *karysok маленькая крѣпость. Обо всемъ этомъ см. Томашекъ 20 ss.

Не сохранилось-ли названіе будиновъ въ Udy, Udmurt, имени, которымъ сами называютъ себя вотяки? Ud < wud, ср. черем. wüd, морд. wed, вог. wyt', uti и т. д. «вода».

О финнахъ на Дону мы имѣемъ, можетъ быть, еще одно свидѣтельство, до сихъ поръ незамѣченное. Въ периплѣ, приписываемомъ Скилаку Каріандскому и во всякомъ случаѣ возникшемъ въ IV вѣкѣ и не зависящемъ отъ Геродота (DA. III, 33 s.), мы находимъ въ § 68 народъ сирматовъ: μετὰ δὲ Σκύθας Συρμάται ἔθνος καὶ ποταμὸς Τάναϊς. Они сидятъ на правомъ берегу Дона, т. е. еще въ Европѣ, и *не* совпадаютъ съ сарматами, которые называются тутъ же въ § 70: Ἀπὸ Τανάϊδος δὲ ποταμοῦ ἄρχεται ἡ Ἀσία καὶ πρῶτον ἔθνος αὐτῆς ἐστὶν ἐν τῷ Πόντῳ Σαυρομάται. Эти сирматы повторяются затѣмъ еще одинъ только разъ у Евдокса Книдскаго (IV в. до Р. Хр.), котораго цитируетъ (въ V в. по Р. Хр.?) Стефанъ Византійскій. Правда, послѣдній, какъ и всѣ новѣйшіе ученые, отожествляетъ ихъ съ сарматами: Συρμάται — οἱ Σαυρομάται, ὡς Εὔδοξος πρώτῳ. Но въ приводимой имъ тутъ же подлинной фразѣ Евдокса этого отожествленія еще нѣтъ: πλησίον τοῦ Τανάϊδος Συρμάτας κατοικεῖν.

Повтореніе одной и той же формы у двухъ различныхъ и независимыхъ другъ отъ друга авторовъ исключаетъ мысль объ опискѣ, а приведенныя мѣста перипла IV вѣка до Р. Хр. доказываютъ, что сирматы не совпадаютъ съ савроматами и что ихъ въ то время еще не отожествляли съ послѣдними. Имя савроматовъ, часто встрѣчающееся и какъ личное имя, можно сопоставить съ авест. *saorōmant «снабженный мечемъ» (Justi 293); отсюда имя *сар*матовъ возникло позже (впервые у Полибія) путемъ сокращенія. Форма-же Συρμάται предполагаетъ основное

sura- и подходящимъ явилось бы только авест. sūra сильный (ср. греч. ἄ-κῡρος); но соединеніе съ нимъ суффикса- mañt- уже по значенію представляетъ затрудненіе, не говоря уже о томъ, что послѣ основы на -а- слѣдовало бы ожидать -vañt. Скорѣе можно было-бы считать Συρ- за неточную передачу sār- и принять за основу Sairima (ai = ā, ср. Justi 289), которымъ въ Авестѣ обозначаются «страны, лежащія на западѣ». Такъ, безъ сомнѣнія, объясняются среднеазіатскіе Syrmatae Плинія VI, 16, 48, если послѣдній, не отличающійся точностью передачи именъ, на этотъ разъ вѣрно передалъ туземное слово: они являются крайнею западною народностью въ длинномъ рядѣ, который тянется отъ низовьевъ Аму-Дарьи въ глубь Бактріаны. Они ничего общаго съ нашими сирматами, конечно, не имѣютъ, но все-же учатъ насъ, что этническое названіе сирматовъ на иранской почвѣ возможно [1]). Перенося этотъ выводъ на европейскихъ сирматовъ Скилака и Евдокса, мы должны прежде всего замѣтить, что они не могутъ быть скиѳскою ордою, такъ какъ оказались бы здѣсь на крайнемъ востокѣ скиѳской области. Не могутъ они также совпадать съ сарматами вообще, такъ какъ двойственность наименованія сама по себѣ невѣроятна. Скорѣе они могли быть передовымъ отрядомъ сарматовъ въ ихъ движеніи на западъ.

Дѣйствительно, во 2-ой половинѣ IV в. скиѳы производятъ давленіе на нижній Дунай (ср. ниже стр. 89), можетъ быть, подъ напоромъ другихъ ордъ, надвигавшихся съ востока. Но при такомъ объясненіи мы должны примириться съ нѣкоторою натяжкою, такъ какъ наше имя въ значеніи «людей, занявшихъ западныя земли» предполагаетъ скорѣе нѣкоторую давность занятія этихъ земель, между тѣмъ какъ ясные слѣды сарматовъ по сю сторону Дона появляются лишь со II в. до Р. Хр. (ниже стр. 90). Въ виду всего этого мы возвращаемся къ мнѣнію первоисточника, перипла IV в., строго отличающаго сирматовъ

1) О суфф. -ta-, осет. -tā, служащемъ къ образованію множ. числа, см. Вс. Миллеръ 282.

отъ скиѳовъ съ одной, отъ сарматовъ съ другой стороны, и полагаемъ, что сирматы дѣйствительно не имѣли ничего общаго ни съ тѣми, ни съ другими: они составляли крайнюю южную часть финскихъ будиновъ и имя ихъ образовано отъ *sürma суом. sür-jä, морд. šir-ä край, бокъ, (Donner I, 183), откуда Syria-laiset зыряне=украинцы. Суффиксъ -ma, какъ въ финск. sor-ma, вес. sur-ma смерть отъ sur (Donner I, 189) или какъ въ суом. harmā<*harmatā «grau, graues Pferd» отъ sar (Donner I, 191). Окончаніе -ta можетъ быть сарматскаго происхожденія (выше стр. 86) или финскаго, ср. Вс. Миллеръ 283.

Заброшенная ураганомъ великаго переселенія народовъ на крайній сѣверо-востокъ Европы, эта часть будиновъ въ тундрахъ Архангельской губерніи сохранила имя зырянъ, гораздо болѣе подходящее къ ихъ жилищамъ за 500 лѣтъ до Р. Хр., нежели къ ихъ кочевьямъ въ наше время. Что финскіе будины были нѣкогда непосредственными сосѣдями сарматовъ, доказывается осетинскимъ языкомъ, имѣющимъ рядъ словъ, заимствованныхъ изъ финскаго. См. Осет. эт. III, 12.

Изъ остальныхъ народовъ, черезъ области которыхъ пролегалъ путь въ Среднюю Азію, одни только оиссагеты относятся еще къ Европѣ. Они живутъ за пустынею, которая тянется на 7 дней пути (=245 верстъ) къ сѣверо-востоку отъ будиновъ, IV, 22. 123, т. е. на средней Камѣ, гдѣ въ названіи Чусовой до сихъ поръ живетъ память о нихъ, какъ догадался уже Шафарикъ и подтвердилъ Томашекъ 34 (*Čussagāthā). Нѣтъ сомнѣнія, что и они финская народность, точно также какъ и ихъ восточные сосѣди іирки IV, 22 въ южной части Тобольской губерніи. Ἰύρκαι стоитъ вм. Ἰύκραι, а это = Jugra, угры, предки мадьяръ (Томашекъ 44).

Тюрки въ эпоху Геродота кочевали еще въ степяхъ за Алтаемъ. Ихъ передовую орду мы узнаемъ въ геродотовыхъ аргимпеяхъ, на южныхъ склонахъ Алтая (ὄρεα ὑψηλά IV, 23. 24). Характеристика ихъ внѣшняго вида и образа жизни IV, 23 не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что въ лицѣ

аргимпеевъ мы имѣемъ дѣло съ тюркскою пародностью, даже еслибъ Геродотъ не сохранилъ намъ слово ἄσχυ, названіе напитка, который аргимпеи готовили изъ плодовъ дерева ποντικόν. Ἄσχυ — древнѣйшее тюркское слово, дошедшее до насъ. Мюлленгофъ DA. III, 15, слѣдуя Эрману, объясняетъ его указаніемъ на atschi, atschui, встрѣчающееся еще теперь у казанскихъ татаръ въ схожемъ значеніи (ср. тур. aǧy, aču горькій); Томашекъ 60 возстановляетъ *asghu отъ корня as питать + суфф. -ghu, монг. χu. А что касается дерева ποντικόν, то названіе это (скиѳское, отъ pantham, panthi дорога? ср. Παντικάπης) обозначаетъ либо лохвину (Elaeagnus angustifolia, v. Baer), либо черемуху (Prunus padus, Heeren). Ср. Томашекъ 58 ss., Мищенко въ Ж. М. Н. Пр. ч. 308 (декабрь 1896) стр. 116.

Таковы свѣдѣнія, которыя мы могли извлечь для нашихъ цѣлей изъ повѣствованія Геродота. Во всѣхъ важныхъ для насъ пунктахъ его разсказъ оказался вполнѣ надежнымъ и могъ быть провѣренъ данными лингвистическими и этнологическими, лежащими внѣ его научнаго горизонта. Это лишній разъ оправдываетъ наше довѣріе къ нему. Ниже, при опредѣленіи прародины славянъ, мы воспользуемся этимъ результатомъ, который дастъ намъ возможно стьопредѣлить terminus a quo исторіи славянскаго міра.

Но свѣдѣнія Геродота простираются на сѣверъ лишь до верхняго теченія Днѣпра, приблизительно. Между его неврами, андрофагами, меланхленами съ одной, и балтійскимъ побережьемъ съ другой стороны лежитъ еще широкая область, совершенно невѣдомая ему. A priori вѣроятно, что и она также была отчасти заселена славянами.

Изученіе этнографическихъ данныхъ болѣе позднихъ, чѣмъ Геродотъ, дастъ намъ не только возможность провѣрки послѣдняго, но и свѣдѣнія объ этомъ сѣверномъ краѣ. Къ сожалѣнію, исходная хронологическая точка здѣсь иная: извѣстія о побережьяхъ Балтійскаго моря и о смежныхъ областяхъ начинаются, какъ мы уже знаемъ, гораздо позже, т. е. лишь съ I вѣка по Р. Хр. Въ виду этого мы, для установленія хронологической

связи, разсмотримъ теперь-же исторію южно-русскихъ степей, насколько она намъ доступна, отъ Геродота до III в. нашей эры, т. е. до прихода сюда готовъ, въ краткомъ очеркѣ, конечно, отмѣчая лишь тѣ факты, которыя могутъ намъ пригодиться въ позднѣйшихъ частяхъ нашего изслѣдованія.

Обрисованное Геродотомъ положеніе дѣлъ на югѣ Россіи оставалось, повидимому, безъ измѣненія до IV вѣка. Скиѳы успѣли занять устья Дуная и овладѣть Добруджею, получившей отъ этого названіе Малой Скиѳіи, Μικρὰ Σκυθία Strabo VII, 4, 5; 5, 12. Дмитрій изъ Каллатиса (II в. до Р. Хр.) знаетъ скиѳовъ около Діонисополя и Томи, Scymn. 755 s. 764 s. p. 399, ср. D A. III, 36. Когда, именно, они явились сюда, мы не знаемъ: можетъ быть уже въ IV вѣкѣ, когда царь Аѳія (Atheas) перенесъ центръ тяжести своего могущества на нижній Дунай; а можетъ быть и позже, подъ напоромъ сарматскихъ ордъ.

Борьба царя Аѳіи противъ Филиппа Македонскаго, въ 339 г., кончившаяся страшнымъ пораженіемъ скиѳовъ, ср. Iustin. IX, 2, есть послѣднее проявленіе скиѳскаго могущества. Съ этого времени оно стало, повидимому, клониться къ упадку. Извѣстія о внѣшнихъ судьбахъ скиѳовъ становятся все рѣже и рѣже; культурный міръ Греціи теряетъ ихъ совершенно изъ виду; южно-русскія степи вновь становятся такою же невѣдомой страною, какъ до Геродота. А когда черезъ два столѣтія, во II в. до Р. Хр., историческія данныя вновь начинаютъ проливать нѣкоторый свѣтъ на этотъ далекій край, то нашему взору представляется уже совершенно иная этнографическая картина: мѣсто скиѳовъ заняли сарматскія народности, рядомъ съ ними — бастарны; а остатки скиѳскаго населенія сохранились, повидимому, лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: мы находимъ ихъ, напр., близь Ольвіи [1]) и на нижнемъ Дунаѣ [2]).

Когда и какъ произошелъ этотъ переворотъ—мы не знаемъ [3]).

1) Въ Протогеновомъ псефизмѣ, Inscrpt. orae septentr. Pont. Eux. ed. Latyschew, I Petrop. 1885, № 16 p. 30 ss.
2) Дмитрій изъ Каллатиса, см. выше.
3) Ср. В. Латышевъ, Изслѣдованія стр. 89; Осет. Этюды III, 84 сл.

Въ эпоху Геродота сарматы (Σαυρομάται) жили на востокъ отъ нижняго Дона IV, 21. 116; они состоятъ въ родствѣ со скиөами; ихъ языкъ — скиөскій, хотя они коверкаютъ его IV, 117: φωνῇ δὲ οἱ Σαυρομάται νομίζουσι Σκυθικῇ, σολοικίζοντες αὐτῇ ἀπὸ τοῦ ἀρχαίου, ἐπεὶ οὐ χρηστῶς ἐξέμαθον αὐτὴν αἱ Ἀμαζόνες. Преданіе о происхожденіи ихъ отъ амазонокъ см. IV, 110 ss.

Только что приведенное нами замѣчаніе Геродота о языкѣ сарматовъ отражаетъ, очевидно, отношеніе къ нему скиөовъ. Дошедшія до насъ сарматскія слова, къ которымъ относится между проч. большинство варварскихъ именъ въ ольвійскихъ и танаидскихъ надписяхъ, также какъ и скиөскія, явно иранскаго происхожденія, см. DÅ. III, 110 s. и указ. статью Вс. Миллера, а также Justi Iran. Namenb.

Первый хронологически точно опредѣлимый признакъ присутствія сарматовъ на западъ отъ Дона даетъ Поливій XXVI, 6, 13, называющій, по поводу одного событія 179 г., Γάταλος ὁ Σαρμάτης, какъ государя въ Европѣ: извѣстно, что границу Европы и Азіи составлялъ, по представленію древнихъ, Донъ[1]). Еслибъ мы могли хронологически точно пріурочить упомянутый нами ольвійскій псефизмъ въ честь Протогена, то мы имѣли бы въ немъ интересное указаніе на то, когда сарматскія полчища стояли уже на Бугѣ. Упоминаемые въ этой надписи саи (см. ниже стр. 92) и ихъ царь Саитафарнъ (ср. Justi 279) принадлежатъ, по всей вѣроятности, уже къ сарматамъ; а өизаматы и саудараты, которые, по той же надписи, намѣрены были овладѣть Ольвіей, должны также считаться сарматскими народностями: собственныя личныя имена на — φάρνης и этническія имена на — μάται встрѣчаются, преимущественно, у сарматовъ, ср. DA. III, 38. 111, а саудараты легко объясняются изъ осет. sau черный и daras одежда. Не меланхлены-ли это, увлеченные сарматами?

1) О враждѣ сарматовъ со скиөами и о побѣдахъ первыхъ говоритъ Diod. Sic. II, 43, 7. Но время, къ которому это извѣстіе относится, остается совершенно неяснымъ. Ср. впрочемъ выше о сирматахъ, стр. 86.

Нѣсколько позже, кажется, появились главныя полчища сарматовъ, язиги и роксоланы. Попытка Мюлленгофа DA. III, 41 опредѣлить появленіе ихъ на Черномъ морѣ временемъ между 150 и 130 гг., неубѣдительна [1]). Но хронологія этихъ событій не важна для насъ. Достаточно замѣтить, что къ началу христіанской эры переворотъ уже вполнѣ законченъ: на всемъ протяженіи южно-русскихъ степей господствуютъ исключительно сарматы, а отъ скиѳовъ не осталось другаго слѣда, кромѣ ихъ имени, получившаго теперь географическое, собирательное значеніе, удержавшись въ употребленіи въ силу историческихъ и литературныхъ традицій.

Первую діатезу восточной Европы, вполнѣ независимую отъ Геродота и ясно передающую новое положеніе вещей въ припонтійскихъ степяхъ, мы находимъ у Страбона VII, 3, 17: ἡ δὲ ὑπερκειμένη πᾶσα χώρα τοῦ λεχθέντος μεταξὺ Βορυσθένους καὶ Ἴστρου πρώτη μέν ἐστιν ἡ τῶν Γετῶν ἐρημία. ἔπειτα οἱ Τυρεγέται [2]), μεθ ’οὓς οἱ Ἰάζυγες Σαρμάται καὶ οἱ Βασίλειοι λεγόμενοι καὶ Οὖργοι, τὸ μὲν πλέον νομάδες, ὀλίγοι δὲ καὶ γεωργίας ἐπιμελούμενοι. τούτους φασὶ καὶ παρὰ τὸν Ἴστρον οἰκεῖν, ἐφ’ ἑκάτερα πολλάκις... Ῥωξολανοὶ δ’ἀρκτικώτατοι τὰ μεταξὺ τοῦ Ταναΐδος καὶ τοῦ Βορυσθένους νεμόμενοι πεδία... ὑπὲρ δὲ τῶν Ῥωξολανῶν εἴ τινες οἰκοῦσιν, οὐκ ἴσμεν (стр. II, 5, 7).

Въ названіи «гетской степи» отъ устьевъ Дуная до Днѣстра сохранилось воспоминаніе о гетахъ, нѣкогда здѣсь обитавшихъ [3]). Остатки ихъ мы узнаемъ въ бессахъ, біессахъ Птолемея, о которыхъ см. ниже. Тирагеты занимаютъ, очевидно, то же мѣсто, на устьѣ Днѣстра, которое у Геродота IV, 51 занято греческими колонистами тиритами: Ἕλληνες, οἳ Τυρῖται καλέονται. Но съ послѣдними они ничего общаго не имѣютъ, такъ какъ ихъ знаетъ и Плиній IV, 12, 82 Tyragetae и Птолемей III, 5, 11

1) Ср. ibid. 41 not. 2.

2) Codd. Τυρρε-, Τυρα-, Τυριγέται.

3) Краткій очеркъ ихъ исторіи см. у Латышева, Изслѣдованія стр. 72 сл. примѣч. 12.

Τυραγέται (codd. Τυραγγέται, -εῖται, -ίται, Ταραγγεῖται), ср. III, 10, 7; наконецъ, у того же Страбона II, 5, 12. 30; VII, 1, 1; 3, 1, повторяется то же имя. Оно легко объясняется изъ скиθосарматскаго *turagā-thā т. е. жители (береговъ) Тираса. Ср. Θυσσαγέται < Čussagāthā, выше стр. 87. Слѣдуетъ-ли видѣть въ нихъ остатокъ прежняго скиθскаго населенія или вновь прибывшую сарматскую орду — остается подъ вопросомъ. Послѣднее предположеніе поддерживается Птолемеемъ III, 10, 7: Τυραγέτας Σαρμάτας. Этимъ опровергается догадка Мюлленгоφа DA. III, 31, по которой ἔθνος Σκυθικὸν Μυργέται Гекатея Милетскаго, [Γυργ]έται Геродіана Steph. Byz. s. v. p. 204 описка вм. Τυργέται. Составная часть mur- повторяется, кажется, въ имени Ольвійскаго стратега Μούρ-δαγ-ος Inscr. Pont. Eux. I № 81.

За тирагетами у Страбона слѣдуютъ сарматы язиги, вѣроятно по Бугу. Принадлежность ихъ къ сарматамъ не подлежитъ сомнѣнію, даже если они не тожественны съ Ἰαξαμάται Дмитрія изъ Каллатиса и Эфора Scymn. 885 ss. p. 410 s., а, можетъ быть, и Гекатея, на востокъ отъ Дона, Steph. Byz. s. v. Ἰξιβάται p. 147: Ἰξ. ἔθνος πρὸς τῷ Πόντῳ προσεχὲς τῇ Ἰνδικῇ. Ἑκαταῖος Ἀσίᾳ [1]). За язигами, очевидно ближе къ Днѣпру, царскіе сарматы. Они — не остатокъ царскихъ скиθовъ, какъ полагалъ Zeuss 281, такъ какъ ихъ знаетъ и Аппіанъ Mithrid. 69, какъ союзниковъ Митридата, подчеркивая ихъ принадлежность къ сарматамъ: Σαυροματῶν οἵ τε Βασίλειοι καὶ Ἰάζυγες καὶ Κόραλλοι. Не сохранилось-ли въ саяхъ (Σάιοι) Протогеновой надписи сарматское названіе этихъ «царскихъ» сарматовъ? Ср. зенд. χ̌šaya властный человѣкъ, герой, отъ корня χ̌ši, санскр. kši властвовать, откуда дрперс. χ̌šayaθiya царь и т. д. Правда, иранск. χ̌š передается обыкновенно греческимъ Ξ: Ξέρξης = Xšayāršā и т. под. Но сарматская діалектологія намъ совершенно неизвѣстна; вполнѣ возможно, что переходъ χ̌š > š, общій почти всѣмъ

---

1) Варіанты и коньектуры см. D A. III, 32 et nota.

иранскимъ нарѣчіямъ, прошелъ въ нѣкоторыхъ діалектахъ раньше. Иранское-же š должно было дать греч. σ: Σαΐτος, Σάηνος = иранск. Šāhēn, Justi 274. Вспомнимъ, кстати, что ольвійцы посылаютъ дары, очевидно Саитафарну, имя котораго едва ли можно отдѣлять отъ саіевъ, εἰς βασίλεια, не τὰ βασίλεια.

Совершенно неясны Οὖργοι. Нельзя, конечно, сопоставлять ихъ съ позднѣйшими уругундами, бургундами и т. д. Zeuss 280. 695. Слишкомъ смѣло также отожествленіе ихъ имени съ γεωργοί у Геродота, DA. III, 35. Ихъ имя, однако, ясно: оно значитъ «сильные», могучіе», ср. санскр. ugra, зенд. ughra. Перестановка -rg- вм. -gr- какъ въ Ταργίταος Herod. IV, 5, Τιργαταώ Plyaen VIII, 55 вм. tighra-, Ἰύρκαι вм. Ἰύκραι Томашекъ 44 и т. д. Такихъ случаевъ очень много. То-же слово повторяется въ Οὐργβαζος «сильнорукій» въ ольвійской надписи, Латышевъ I, № 59, и въ Μουλίουργος, въ Ольвіи-же.

Наконецъ, самая значительная сарматская народность, повидимому, роксоланы между Днѣпромъ и Дономъ.

Таково расположеніе важнѣйшихъ сарматскихъ народовъ въ Геродотовой Скиѳіи, къ началу христіанскаго лѣтосчисленія.

По перечисленнымъ у Страбона народностями не исчерпывается, конечно, составъ сарматскаго племени: рядомъ съ ними существовали, безъ сомнѣнія, еще другія мелкія народныя единицы, которыя либо входили въ составъ болѣе значительныхъ народностей язиговъ и т. под., либо были такъ мелки, что не играли никакой видной роли и случайно только попадали въ труды историковъ и географовъ. Ср. слова Плинія VI, 7, 19: Sarmatae... in multa genera divisi. Нѣсколько относящихся сюда именъ мы уже знаемъ. Такъ, кораллы Аппіана (см. выше) примкнули, вѣроятно, къ язигамъ: ихъ (Coralli) знаютъ, обыкновенно рядомъ съ язигами, до передвиженія послѣднихъ на средній Дунай, Овидій e Ponto 4, 2, 37; 8, 83 и Валерій Флаккъ Argon. VI, 89. Сюда же я отношу и страбоновыхъ урговъ, никому, кромѣ Страбона, неизвѣстныхъ. Нѣсколько такихъ именъ скрывается, можетъ быть, въ спискахъ народностей у Плинія VI, 7, 19.

21. 22 и въ Птолемеевой Сарматіи. Ни одна изъ этихъ мелкихъ народностей не играла видной роли; онѣ всѣ исчезаютъ въ общей массѣ, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ. Въ виду этого, отсутствіе болѣе подробныхъ свѣдѣній о нихъ не представляется существеннымъ пробѣломъ въ общей этнологической картинѣ южно-русскихъ степей.

Гораздо болѣе ощутительно для насъ полное незнаніе Страбона относительно сѣверныхъ сосѣдей сарматскихъ кочевниковъ: онъ не знаетъ даже, есть ли люди къ сѣверу отъ роксоланской земли (см. выше стр. 91).

Тамъ, повидимому, все оставалось по старому, а если и произошли перемѣны, то лишь незначительныя, и онѣ не коснулись степнаго пространства, иначе онѣ едва ли остались бы незамѣченными: онѣ отразились бы на припонтійскихъ колоніяхъ и придунайскихъ краяхъ, т. е. двухъ областяхъ, которыя въ это время уже входили въ сферу римскаго вліянія и римскихъ государственныхъ интересовъ. Римская исторіографія начинаетъ всматриваться въ группировку варварскихъ народностей за дунайской пограничной линіей и слѣдить за ихъ движеніями, понявъ если не опасность, то, по крайней мѣрѣ, важность ихъ. Она отмѣчаетъ, поэтому, дальнѣйшія передвиженія въ припонтійскихъ краяхъ довольно точно.

Когда въ концѣ II или началѣ III в. въ южно-русскія степи явились готы, то они уже не застали здѣсь язиговъ: послѣдніе успѣли передвинуться на западъ, на средній Дунай, въ долину Тиссы, ср. Plin. IV, 12, 80. Такъ какъ Овидій въ указанномъ мѣстѣ знаетъ ихъ, подобно Страбону, только на побережьѣ Чернаго моря, тогда какъ по Тациту Annal. XII, 29. 30 они въ 50 году были уже на среднемъ Дунаѣ, то время ихъ передвиженія опредѣляется довольно точно: оно должно относиться ко времени между 20-ми и 40-ми годами по Р. Хр. Птолемей знаетъ двѣ народности этого имени: съ одной стороны на Мэотидѣ III, 5, 7 παρ' ὅλην τὴν πλευρὰν τῆς Μαιώτιδος Ἰάζυγες καὶ Ῥωξολανοί; а съ другой стороны, между Дунаемъ и Тиссой, III, 7, 1 язи-

говъ переселенцевъ Ἰάζυγες οἱ Μετανάσται. Тутъ, очевидно, скомпанованы вмѣстѣ данныя двухъ источниковъ, болѣе древняго и новаго. Характерно, что при болѣе подробномъ перечисленіи народностей на Азовскомъ морѣ III, 5, 10, опредѣляя группировку ихъ, онъ уже не называетъ язиговъ, тогда какъ имя роксолановъ повторяется нѣсколько разъ.

Прозвище среднедунайскихъ язиговъ, встрѣчающееся только здѣсь и у Марціана Geogr. min. I, 558, 24 s., заимствовавшаго это имя у Птолемея, придумано ad hoc самимъ Птолемеемъ или Мариномъ.

По уходѣ язиговъ на средній Дунай, роксоланы распространили свою власть дальше на западъ, ближе къ Дунаю же. Къ 70-му году по Р. Хр. относится ихъ нашествіе на Мезію, о которомъ повѣствуетъ Тацитъ Hist. I, 79; на нижнемъ Дунаѣ имѣлъ съ ними дѣло и Адріанъ въ первой половинѣ II вѣка Spartian. Adrian. 6.

По Іордану 12, 74 ихъ земля доходила на западѣ до Дакіи, т. е. до Карпатскихъ горъ. Здѣсь, точнѣе въ Поднѣпровьѣ, знаетъ ихъ Пейтингерова карта, здѣсь же, наконецъ, застали ихъ и готы. За ними, въ придонскихъ и прикаспійскихъ степяхъ кочевали другія иранскія-же орды, ср. Plin. VI, 7, 19 ss., Ptol. III, 5, 10. Между ними первое мѣсто принадлежитъ, наряду съ аорсами и сираками, аланамъ, о которыхъ впервые упоминаетъ Плиній IV, 12, 80 рядомъ съ роксоланами [1]). Ихъ родина — сѣверный Кавказъ, гдѣ до нашихъ дней сохранились ихъ прямые потомки въ лицѣ нын. осетинъ, ср. уже Zeuss, 701, 703 s. Они принадлежатъ къ той же ирано-персидской этнической группѣ, къ которой мы отнесли скиѳовъ и сарматовъ, являясь, такимъ образомъ, близкими родичами послѣднихъ [2]).

1) Имя алановъ (ср. санскр. araṇa дальній?) очень рано получило собирательное значеніе или имѣло таковое съ самаго начала. Къ нимъ принадлежали, можетъ быть, аорсы (ср. Ἀλανόρσοι Птолемея) и, во всякомъ случаѣ, роксоланы, т. е. свѣтлые аланы (отъ авест. raoχšna, осет. roxs-, см. Вс. Миллеръ 276). Впослѣдствіи ихъ имя получаетъ болѣе узкое значеніе.

2) См. Вс. Миллеръ, указ. статью, и Осетинскіе Этюды III, Москва 1887, стр. 39--101. Томашекъ 37 ss.

Сильный толчокъ, перебросившій сарматовъ черезъ Донъ, коснулся и алановъ: они заняли теперь прежнія сарматскія кочевья до Дона. За эту рѣку аланы въ узкомъ смыслѣ, кажется, пока не заходили. Во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ ясныхъ слѣдовъ ихъ присутствія на правомъ берегу Дона, если не считать роксолановъ, занимающихъ болѣе самостоятельное положеніе. Всю область между Дономъ и Днѣпромъ занимали мелкія сарматскія народности, подчиненныя сперва, вѣроятно, роксоланамъ, а впослѣдствіи готамъ. Ихъ застали здѣсь и гунны, когда они около 375 года явились въ низовья Днѣпра.

Съ III вѣка по Р. Хр. аланы оказались близкими сосѣдями готовъ и другихъ германцевъ, и такъ сжились съ ними[1]), что не отстали отъ нихъ и впослѣдствіи: значительные отряды ихъ принимаютъ участіе въ великомъ переселеніи народовъ. Мы находимъ ихъ въ обществѣ скировъ, бургундовъ, готовъ, въ особенности же вандаловъ, вмѣстѣ съ которыми они дошли до Африки. Вандальскіе короли именуютъ себя (съ 418 года?) оффиціально «королями вандаловъ и *алановъ*».

Все это дало, какъ извѣстно, поводъ къ мнѣнію, будто эти аланы — германская народность[2]).

Основанное только на внѣшнемъ сходствѣ историческихъ судебъ, мнѣніе это опровергается не только языкомъ нашихъ осетинъ и многочисленными, *вѣроятно*, аланскими именами въ надписяхъ, но и тѣмъ фактомъ, что изъ девяти дошедшихъ до насъ древнихъ, несомнѣнно аланскихъ собственныхъ именъ на западѣ только одно имя можетъ быть объяснено съ точки зрѣнія гер-

1) Очень вѣроятно, что эти аланы были осѣдлымъ, земледѣльческимъ, не кочевымъ народомъ: ср. слова Страбона, что часть сарматовъ занималась земледѣліемъ, выше стр. 91 и XI, 2, 1: οἱ μὲν νομάδες, οἱ δὲ καὶ σκηνῖται καὶ γεωργοί. Тамъ-же § 4: Μαιῶται γεωργοι. Ср. Eustath. ad Dionys. 163. 549.

2) Библіографическія указанія см. у F. Dahn, die Könige der Germanen. Band I, München 1861, p. 261 not. Уже Прокопій bell. Goth. I, 1; bell. Vand. I, 3 причисляетъ ихъ къ «готскимъ» народамъ (γοτθικὰ ἔθνη). K. Meyer. Die noch lebenden keltischen Völkerschaften 1863 считаетъ ихъ даже кельтами. Ср. Pallmann II, 121 not. Краткую исторію алановъ съ нѣкоторыми промахами въ частностяхъ даетъ Pallmann I, 169 ss.

манскаго языка, да и то съ натяжкой [1]). Это имя Eochar (Eochari, ferocissimo Alanorum regi, Vita S. Germani, Acta Sanct. Iul. VII, 227, 270). Но сомнѣніе въ германскомъ происхожденіи этого имени возбуждаетъ какъ eo- вм. eu-, такъ и -char вм. -harius, дат. -hario. Ср. съ одной стороны Euricus < *Ewareiks Iord. 45, 237 s. и еще въ IX вѣкѣ западногерм. Euhar Förstemann PN. 393; а съ другой стороны Vinitharius, Iord. 14, 79. Правильная восточногерм. форма V вѣка была бы *Ewaharji(s), что должно было бы дать въ латинской передачѣ *Euharius, дат. -hario. Если же принять Eochar за иранское имя, то во второй его части могло сохраниться авест. kāra, ср. Ἀχίχαρος «дѣлающій яснымъ»? (авест. āka). Первая-же часть остается подъ вопросомъ.

Изъ остальныхъ аланскихъ именъ два имѣютъ ясныя сарматскія параллели: Candac Iord. 50, 266 ср. Κάνδανον, codd. Κάνδαχον, городъ въ землѣ средне-дунайскихъ язиговъ Ptol. III, 7, 2; Respendial Greg. Turon. II, 9, p. 75 ср. Ρησπινδίαλος въ ольвійской надписи Латышевъ I, № 68, Justi 260, Rasparaganus въ двухъ надписяхъ II вѣка по Р. Хр., Mommsen въ DA. III, 118, ср. Justi 259. Затѣмъ четыре имени легко объясняются при помощи иранскихъ нарѣчій, а именно: Aspar Iord. 45, 239 [2]), Addax (abl. Addace, al. atace, addacher) Idat. Chron. a. a. 418, p. 19, Beorgor Cassiod Chron. a. a. 464, p. 158 (Beorgus Iord. 45, 236), Sangibanus Iord. 37, 194 s. (Sambida

---

1) Будучи долго сосѣдями готовъ, аланы могли, конечно, заимствовать готскія имена и слова. Напр. осет. mid (медъ) вѣроятно = готск. *midus; дигорское γau (деревня) = готск. gawi. Ср. ниже имя сына Аспара: Эрманарикъ. Съ другой стороны готск. ahaks (голубь) можетъ быть аланскаго происхожденія, ср. осет. axsinak, въ связи съ авест. aχšaena темносиній. См. R. Loewe въ Indogermanische Forschungen Bd. III (Strassburg 1894) стр. 146 s.

2) Объ Аспарѣ и его семьѣ см. Kőрке 151 s. Тамъ же всѣ цитаты. У Аспара было 3 сына: Ardaburius (—bures), Patricius (Patriciolus) и Эрманарикъ. Изъ за двухъ послѣднихъ именъ аланское происхожденіе перваго (Ardabures) подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію. Оно, впрочемъ, подтвердило бы только иранское происхожденіе алановъ, ср. авест. eredhwa, дрперс. arda-, лат. arduus. — Другой Ardabures cubicularius сосланъ Юстиномъ въ 519 г. Iord Rom. 360.

Prosp. Tiro a. a. 440?), ср. DA. III, 111 et not. 2, 115. 120, Justi 46. 2. 283. Наконецъ, остающіяся необъясненными два имени Goar Greg. Tur. II, 9 p. 75, Olympiod. ed. Bonn. 454, 17. и Paria Iord. 50, 266 носятъ, конечно, не германскій характеръ. Правда, Goar встрѣчается и на западѣ нѣсколько разъ, см. Förstemann PN. 528, но только до VI вѣка включительно; лишь какъ названіе мѣстностей оно сохранилось дольше, ср. нын. St.-Goar на Рейнѣ (уже въ IX вѣкѣ: in villa Goara ср. Förstemann ON. 647). Притомъ, это имя стоитъ тамъ совершенно особнякомъ, внѣ всякой связи съ германскимъ именословомъ. Все это приводитъ насъ къ заключенію, что Goar и на западѣ — не германское имя [1]). А что касается имени Paria, то оно не имѣетъ ни одной параллели на западѣ [2]).

Аланы западные, оторванные отъ родной почвы и окруженные иноплеменными народностями, не могли долго сохранить самобытность и политическую независимость. Потерявъ послѣднюю въ 418 году, они, вѣроятно, очень быстро слились съ вандалами: исторія позднѣйшаго вандальскаго государства совершенно забыла объ аланахъ; одинъ только оффиціальный титулъ королей напоминалъ о нихъ.

Тѣмъ не менѣе, самый фактъ выступленія алановъ на западѣ въ самостоятельной политической роли и то обстоятельство, что

---

1) Не кельтское ли? Ср. Goarec, мѣстечко въ Бретани (Dép. Côtes-du-Nord). Кельтское названіе на Рейнѣ не представляло бы ничего страннаго, конечно. Не невозможно даже кельтское имя у алановъ (отрядъ Goar'a находился именно на Рейнѣ), или, наборотъ, аланское на Рейнѣ и въ Бретани, хотя случайное совпаденіе, конечно, вѣроятнѣе.

2) По всей вѣроятности, Γωάρ = Γωβάρης Justi 116; Paria = Parixia Justi 243. Я оставляю совершенно въ сторонѣ Baza (Gunthicis qui et B. dicebatur Iord. 50, 266), такъ какъ принадлежность этого имени къ аланскому языку подлежитъ сомнѣнію, не смотря на авест. bāzu рука. Не аланскаго ли происхожденія имя аріанскаго епископа въ Африкѣ, въ началѣ VI вѣка, Pinta, въ Vita Fulgentii? См. Wrede, die Sprache der Wandalen, Strassburg 1886, p. 25. 75.—Относительно имени Alanoviiamuthis (gen.) Iord. 50, 266, вторая часть котораго напоминаетъ готск. *Wiljamōþs, нужно замѣтить, что рукописныя чтенія такъ разнорѣчивы, что было бы опасно основывать на немъ какіе бы то ни было выводы. Даже если форма, которую принялъ Моммзенъ, вѣрна,—

они съумѣли удержать ее въ теченіе почти полувѣка, доказываетъ силу этого народа и, можетъ быть, независимость его отъ готовъ въ первоначальной родинѣ. Объ этомъ намъ придется еще говорить подробнѣе ниже.

Господство сарматовъ надъ южно-русскими степями не исключаетъ, однако, возможности присутствія въ этихъ же краяхъ народностей не сарматскихъ. Тутъ, съ одной стороны, сохранились, какъ мы уже знаемъ, остатки прежняго, скиѳскаго населенія; а съ другой стороны, въ степи могли проникнуть и новые народы, не принадлежащіе къ иранской семьѣ. Мѣста было вдоволь: сарматскія кочевья не занимали, конечно, и сотой доли степного пространства отъ Карпатъ до Дона.

Мы знаемъ четыре примѣра [1]) такихъ вторженій, которыя всѣ относятся къ западнымъ окраинамъ интересующей насъ области и характеризуютъ какъ раздробленность и пестроту населенія этого края, такъ и вниманіе, съ которымъ римляне всматривались въ его составъ.

На первомъ мѣстѣ—какъ по времени, такъ и по значенію,—стоитъ появленіе въ южно-русскихъ степяхъ германской народности бастарновъ.

Исторіографія, какъ русская, такъ и западно-европейская, до сихъ поръ мало интересовалась бастарнами. О нихъ говорили мимоходомъ, довольствуясь опредѣленіемъ ихъ происхожденія, географическаго распространенія и внѣшнихъ судебъ, не приписывая имъ никакого культурно-историческаго значенія. Между

въ чемъ можно сомнѣваться — то мы, всетаки, имѣли бы тутъ дѣло съ искусственнымъ не народнымъ образованіемъ.

1) Строго говоря пять, такъ какъ и геты не были исконними жителями Бессарабіи. Мы коснемся ихъ исторіи ниже, въ связи съ вопросомъ о бессахъ.

тѣмъ, ихъ исторія имѣетъ, на нашъ взглядъ, не только теоретическій интересъ въ томъ смыслѣ, что бастарны первый германскій народъ, пришедшій въ прямое столкновеніе съ античнымъ міромъ: она имѣетъ и практическое значеніе. При рѣшеніи вопросовъ о культурномъ взаимодѣйствіи міровъ славянскаго, германскаго и кельтскаго, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что прямой путь отъ славянъ къ кельтамъ въ теченіе многихъ вѣковъ лежалъ чрезъ землю бастарновъ и что послѣдніе, вѣроятно, еще раньше были передовою на востокѣ германскою народностью. Эти соображенія побуждаютъ насъ обратить на бастарновъ особое вниманіе.

Бастарны появляются въ исторіи впервые въ началѣ II вѣка до Р. Хр. Въ 80-хъ и 70-хъ годахъ этого вѣка съ ними велъ переговоры Филиппъ Македонскій; въ 168 году бастарны союзники Персея Македонскаго въ борьбѣ съ Римомъ; въ первой половинѣ I вѣка они ставятъ вспомогательныя войска Митридату. См. Zeuss 128 s., DA. II, 104 ss.

Изъ данныхъ, относящихся къ этому періоду времени, отмѣтимъ прежде всего, что бастарны, съ перваго же появленія въ исторіи, представляются народомъ сильнымъ и многолюднымъ: они ставятъ Персею 20000 вспомогательнаго войска, т. е. 10000 пѣшихъ воиновъ и столько же всадниковъ Plut. Aem. Paul. XII, 2; Liv. 44, 26, 3. Среди многочисленныхъ союзниковъ Митридата они — ἀλκιμώτατον γένος Appian. Mithrid. 69. Но политическаго единства у нихъ нѣтъ: они распадаются на много мелкихъ политическихъ единицъ, εἰς πλείω φῦλα διῃρημένοι Strabo VII, 3, 17, во главѣ которыхъ стоятъ князья и царьки, nobiles Liv. 40, 5, 10. 57, 3; principes ibid. 58, 5; 44, 26, 6. 8; regulus 44, 26, 11; reges Böckh II, 82. Изъ ихъ среды выбирается на время войны общій предводитель, dux Liv. 40, 58, 8; 44, 26, 4; βασιλεύς Dio Cass. 51, 24, 4.

Они воинственны и смѣлы; не зная ни земледѣлія, ни скотоводства, ни мореплаванія, они занимаются одними военными упражненіями и думаютъ только о войнѣ Plut. Aem. Paul. XII, 2. 3;

въ сраженіи каждый всадникъ имѣетъ при себѣ пѣшаго воина, парабата Plut. ibid., Liv. 44, 26, 3. Въ походахъ, за войскомъ слѣдуютъ жены и дѣти на телѣгахъ Dio Cass. 51, 24, 4. Они хвастливы и такъ высоки ростомъ, что одинъ видъ ихъ наводитъ ужасъ на враговъ Plut. l. c. 3. Наконецъ, Dio Cass. l. c. 2 отмѣчаетъ еще ихъ чрезмѣрную любовь къ вину.

Все это — черты, одинаково свойственныя какъ германцамъ, такъ и кельтамъ, ср. Zeuss 129, DA. II, 106, вслѣдствіе чего онѣ должны быть совершенно оставлены въ сторонѣ при рѣшеніи вопроса о происхожденіи бастарновъ.

О мѣстоположеніи ихъ земли мы ничего точнаго, пока, не узнаемъ: они живутъ гдѣ-то на сѣверѣ, за Дунаемъ (aquilonia regio Liv. 40, 58, 8). Ни одинъ изъ древнихъ авторовъ до Р. Хр. не отмѣчаетъ также времени ихъ прихода въ эти края. Вѣроятнѣе всего, что они появились на нижнемъ Дунаѣ въ самомъ началѣ II вѣка до Р. Хр. Это могло бы считаться доказаннымъ, еслибъ не подлежала сомнѣнію догадка Мюлленгофа DA. II, 104, по которой стихъ, сохраненный у Scymn. 795, p. 402, взятъ послѣднимъ изъ утеряннаго сочиненія Димитрія Каллатіанскаго, писавшаго около середины II вѣка: въ этомъ стихѣ бастарны называются ἐπήλυδες, т. е. пришлыми, очевидно, недавно.

Всѣ авторы вплоть до непосредственнаго столкновенія римлянъ съ бастарнами называютъ послѣднихъ, между прочимъ, галатами, т. е. кельтами: Γαλάται, Galli. Эта неточность объясняется тѣмъ, что греки не знали исходнаго пункта бастарнскаго нашествія. Такъ какъ понятіе германцевъ, въ нашемъ смыслѣ этого слова, установилось, какъ извѣстно, впервые на западѣ, въ I вѣкѣ до Р. Хр., то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что греки перенесли на неизвѣстныхъ доселѣ, пришедшихъ съ сѣвера, варваровъ имя галатовъ, которымъ они обозначали кельтовъ, явившихся во Ѳракію съ сѣвера же, приблизительно за столѣтіе до прихода бастарновъ.

На основаніи этого Zeuss 61. 128, а за нимъ всѣ позднѣй-

шіе нѣмецкіе изслѣдователи, не исключая и Мюлленгоѳа, DA. II, 110 s., отожествили бастарновъ съ тѣми галатами, которые, по Протогенову псеѳизму, вмѣстѣ со скирами намѣревались напасть на Ольвію (Γαλάτας καὶ Σκίρους Inscript. ed. Latyschew I, p. 38) и дикости которыхъ такъ боялись ѳизаматы, скиѳы и саудараты. Недавно только (1892) Мухъ 35 усумнился въ правильности такого отожествленія, и если онъ, на нашъ взглядъ, и неправъ въ конечныхъ своихъ выводахъ, что скиры = сулоны = часть бастарновъ, l. c. 46, то все же нельзя не признать, что мнѣніе Zeuss'а стоитъ на шаткой основѣ. Время написанія псеѳизма, по одному только характеру письма, не можетъ быть опредѣлено точно [1]), а если оно и относится къ началу II вѣка, что вполнѣ возможно и даже вѣроятно, то тѣмъ не менѣе связь упомянутаго въ немъ событія съ нашествіемъ бастарновъ не можетъ быть доказана этимъ путемъ. Если подъ галатами надписи надо разумѣть германцевъ — бастарновъ, то союзъ καί, соединяющій ихъ въ надписи со скирами, становится непонятнымъ: вѣдь и скиры — германцы, слѣдовательно и на нихъ должно было быть распространено это названіе.

Бастарны были несомнѣнно многочисленнѣе скировъ, не играющихъ въ исторіи почти никакой роли. Мыслимо ли, чтобы ольвійцы назвали меньшую часть надвигавшихся на нихъ враговъ точнымъ ихъ именемъ, тогда какъ главную массу, наиболѣе опас-

---

1) Весьма поучительны, въ этомъ отношеніи, разсужденія такого авторитетнаго знатока дѣла, какъ В. В. Латышева въ его Изслѣдованіяхъ стр. 83. Такъ какъ онъ, слѣдуя Шмидту (см. ниже), видитъ въ галатахъ псеѳизма ѳракійскихъ кельтовъ III в., то всѣ его усилія направлены на то, чтобы доказать, что надпись *можетъ* относиться къ III в. до Р. Хр. Это ему вполнѣ удается. Но вотъ какъ осторожно онъ выражается: «Мы сами не находимъ ни въ общемъ характерѣ письма, ни въ начертаніи отдѣльныхъ буквъ серьезное препятствіе для отнесенія документа къ III в. до Р. Хр., только начертанія буквъ C и Ω могли бы показаться довольно поздними, но...»: слѣдуютъ соображенія, доказывающія, что эти C и Ω могли бы быть, пожалуй, отнесены и къ III в. Если будетъ доказано, что связь галатовъ надписи съ ѳракійскими галатами III в. болѣе чѣмъ сомнительна, то, конечно, и авторъ «Изслѣдованій» согласится съ нами, что принадлежность псеѳизма ко II в. гораздо болѣе вѣроятна.

ную, они обозначили общимъ и неопредѣленнымъ именемъ галатовъ? Всѣ эти соображенія приводятъ насъ къ мысли, что въ галатахъ ольвійской надписи слѣдуетъ разумѣть настоящихъ галатовъ. Въ появленіи ихъ подъ стѣнами Ольвіи нѣтъ ничего невѣроятнаго или невозможнаго: мы можемъ доказать присутствіе кельтскаго элемента на нижнемъ Дунаѣ еще въ I вѣкѣ по Р. Хр. (см. ниже).

Странно, что Мухъ, отрицающій, какъ мы, тожество бастарновъ съ галатами надписи, силится доказать, что псефизмъ знаетъ бастарновъ подъ именемъ скировъ, и что послѣдніе, составляя главный отрядъ бастарновъ, тожественны съ сулонами Птолемея III, 5, 8. Гипотеза эта имѣетъ исходною точкою ту же идею Zeuss'а, противъ которой мы только что возражали. Мухъ думаетъ дополнить ею предполагаемую имъ у Птолемея «спеціальную діатезу бастарнскихъ народностей», ср. выше стр. 61. Всматриваясь, мы найдемъ, что она вся основана на одной изъ тѣхъ фантастическихъ этимологій, съ которыми намъ уже приходилось имѣть дѣло. Sciri, Σκίροι, конечно, = герм. *Skīrōz, а это имя, относясь къ готск. skeirs, новонѣм. прил. schier, значитъ «чистые, блестящіе». Такъ называли себя, по Муху 46, сами скиры. Съ другой стороны, имя Σούλωνες находится въ связи съ готск. bisauljan μιαίνεσθαι, дрсакс. suljan, дрвхрнѣм. bisulen, и т. д. ср. новонѣм. besulbern пачкать, къ срврхнѣм. sulwen; слѣдовательно, значеніе этого имени «грязные, неопрятные». Это, по мнѣнію Муха, прозвище, данное скирамъ, въ насмѣшку, ихъ сосѣдями за Вислой, лугійскими манимами.

Врядъ ли кто-либо удовлетворится такимъ доказательствомъ. Противъ отожествленія бастарновъ со скирами говоритъ все, что мы знаемъ о дальнѣйшихъ судьбахъ послѣднихъ. Плиній IV, 13, 97 знаетъ ихъ еще на восточномъ берегу Вислы, рядомъ съ венедами, т. е. славянами. Если это извѣстіе и основано на болѣе древнемъ описаніи привислянскаго края, то все же болѣе, чѣмъ невѣроятно, чтобы отъ вниманія Плинія, хорошо знающаго бастарновъ IV, 14, 100, ускользнуло ихъ тожество со скирами, если

только послѣднее имя было въ живомъ употребленіи какъ названіе главной части бастарнскаго народа (Hauptstamm der Bastarnen Мухъ 46). А что это имя, дѣйствительно, не было забыто, доказывается дальнѣйшею исторіей южнорусскихъ степей. Что Птолемей о нихъ не упоминаетъ, это, конечно, ничего не доказываетъ: пятая глава третьей книги его труда переполнена подобными недочетами.

Однимъ словомъ, мы думаемъ, что ольвійская надпись въ честь Протогена даетъ любопытный матеріалъ для исторіи скировъ и придунайскихъ кельтовъ, но что она должна быть совершенно оставлена въ сторонѣ, когда рѣчь идетъ о бастарнахъ. Единственную возможность связать событія, упомянутыя въ надписи, съ нашествіемъ бастарновъ я вижу въ предположеніи, что галаты и скиры были сдвинуты съ мѣста именно этимъ нашествіемъ. Такъ оно, несомнѣнно, и было, см. ниже.

Въ разобранныхъ до сихъ поръ извѣстіяхъ о бастарнахъ мы не нашли никакихъ данныхъ для опредѣленія ихъ происхожденія и географическаго распространенія. Болѣе точныя и полныя свѣдѣнія о нихъ начинаются лишь съ того времени, когда нижнедунайскими дѣлами стали интересоваться римляне.

Первый писатель, который, на основаніи вполнѣ новаго, римскаго матеріала, рисуетъ картину южнорусской этнографіи, это— какъ мы уже знаемъ—Страбонъ. У него же мы находимъ впервые болѣе точное опредѣленіе бастарнской земли. Вотъ что онъ говоритъ VII, 3, 17:

ἐν... τῇ μεσογαίᾳ Βαστάρναι μὲν τοῖς Τυρεγέταις ὅμοροι καὶ Γερμανοῖς, σχεδόν τι καὶ αὐτοὶ τοῦ Γερμανικοῦ γένους ὄντες, εἰς πλείω φῦλα διῃρημένοι. Καὶ γὰρ Ἄτμονοι λέγονταί τινες, καὶ Σιδόνες, οἱ δὲ τὴν Πεύκην κατασχόντες τὴν ἐν τῷ Ἴστρῳ νῆσον Πευκῖνοι.

Такъ какъ островъ Πεύκη въ дельтѣ Дуная и земля тирегетовъ совершенно ясны (Ptol. III, 10, 2. 7; 5, 11), то пріуроченіе Страбоновыхъ указаній къ современной картѣ не представляетъ затрудненій.

Область между тирегетами и германцами за верхней Вислой[1]), это — нын. Галиція. Слѣдовательно, главная масса бастарновъ занимала сѣверовосточные склоны среднекарпатскаго хребта, заходя, отчасти, и за Бескиды, см. выше стр. 44 слѣд. Они дѣлились здѣсь на сидоновъ, ближе къ верховьямъ Вислы, и атмоновъ, ближе къ верхнему Днѣстру. Другихъ подраздѣленій мы не знаемъ[2]).

Здѣсь же, т. е. въ нын. Галиціи, слѣдуетъ искать и ихъ первоначальную, т. е. доисторическую область, которая доходила на сѣверѣ, можетъ быть, до Волынскихъ болотъ. Они пришли сюда не во II вѣкѣ до Р. Хр., а сидѣли здѣсь и раньше, являясь, такимъ образомъ, крайнимъ, на юго-востокѣ, аванпостомъ германскаго міра.

Очень раннее присутствіе германскаго элемента на самыхъ Карпатахъ доказывается тѣмъ, что названіе послѣднихъ перешло въ германскія нарѣчія еще до начала перваго (германскаго) перебоя, т. е. раньше 400 г. до Р. Хр. Я имѣю въ виду древ. Harfaða, правильно получившееся изъ названія Карпатъ. Исходный пунктъ этой формы бастарны; другихъ германцевъ мы, вплоть до начала христіанской эры, близъ Карпатъ не знаемъ. Замѣчу еще, что переходъ tenuis > spirans первый по времени актъ перебоя. Я не думаю, конечно, что Harfaða уже тогда проникло въ Скандинавію: вѣроятнѣе всего, что путь этому слову проложили готскіе эпическіе сюжеты эпохи переселенія. Но сами готы могли получить данное слово, въ этой именно формѣ, только отъ бастарновъ. Мы надѣемся, что намъ удастся, со временемъ, выяснить эти важныя отношенія на почвѣ историко-литературной.

Связь бастарновъ съ вандильскими германцами по ту сторону Вислы вѣроятна; но въ чемъ она выражалась, мы не знаемъ. Остатки бастарнскаго языка слишкомъ скудны, чтобы было

1) Римская исторіографія признаетъ Вислу восточной границей Германіи.
2) Впрочемъ, см. ниже объ омбронахъ и бургіонахъ.

возможно дать діалектологическое опредѣленіе этой связи. Плиній IV, 14, 100 выдѣляетъ ихъ и пеукиновъ въ особую группу, противополагая ихъ вандильцамъ.

Изъ Галиціи бастарны двинулись на югъ, какъ мы знаемъ, вѣроятно въ началѣ II в. до Р. Хр. Достигши нижняго Дуная, они вступили въ переговоры съ Филиппомъ Македонскимъ (см. выше стр. 100) и, по его приглашенію, переправившись черезъ рѣку, пошли на Θракію. Послѣ пораженія ихъ θракійцами, бо́льшая часть бастарновъ вернулась, однако, домой; за ними послѣдовали около 175 г. и послѣдніе 30,000, дошедшіе было до Дарданіи Liv. 40, 57 s.; 41, 19. 23, 12. При этомъ отступленіи часть народа осталась, однако, на нижнемъ Дунаѣ, занявъ островъ Πεύκη въ дельтѣ этой рѣки.

Таковою представляется намъ исторія бастарновъ до начала христіанской эры, если мы примемъ во вниманіе всѣ имѣющіяся на лицо данныя. Этой картинѣ не противорѣчатъ и слѣдующія по времени извѣстія о бастарнахъ. Плиній IV, 12, 81 знаетъ ихъ на сѣверныхъ склонахъ карпатскихъ горъ, т. е. именно въ Галиціи, въ тылу горцевъ-даковъ, отодвинутыхъ на сѣверо-востокъ язигами. У Птолемея подробности нѣсколько перепутаны, но и у него также нетрудно добраться до истины. Если онъ называетъ III, 5, 7 пеукиновъ и бастарновъ главными народами югозападной Сарматіи ὑπὲρ τὴν Δακίαν, то это вѣрно только относительно бастарновъ; пеукины же не были «надъ Дакіей», да и вообще не входили въ составъ его Сарматіи, а принадлежали къ римской провинціи Нижней Мезіи. Дѣйствительно, онъ называетъ ихъ тамъ неоднократно: III, 10, 4 τὰ... στόματα (τοῦ Ἴστρου ποταμοῦ κατέχουσι) Πευκινοί; ср. III, 10. 7. Свѣдѣнія въ послѣднемъ случаѣ тѣмъ болѣе надежны, что Птолемей, при изображеніи Нижней Мезіи, могъ пользоваться оффиціальными римскими данными: область отъ устьевъ Дуная до устья Днѣпра и вся нын. Бессарабія, Молдавія и Буковина входили въ составъ этой римской провинціи уже съ 55—56 г. по Р. Хр. и были окончательно предоставлены варварамъ лишь въ III вѣкѣ. Въ

Сарматію же Птолемея ошибка вкралась потому, что онъ воспользовался тутъ болѣе раннимъ, чѣмъ 55 г., источникомъ, относившимъ не только бастарновъ, но и певкиновъ къ Сарматіи.

Гора Πεύκη, отмѣченная Птолемеемъ III, 5, 5 подъ 51° долг. и 51° шир., ср. Πευκινὰ ὄρη III, 5, 9, принадлежитъ только его схематизирующей фантазіи, что явствуетъ изъ распредѣленія другихъ горныхъ цѣпей въ Сарматіи же. Но за то вѣрно указаны III, 5, 10 μεταξὺ... Πευκινῶν καὶ Βαστερνῶν Καρπιανοί: ихъ нужно только перенести на нижній Дунай. Дѣйствительно, мы находимъ ихъ здѣсь у Птолемея же III, 10, 7 подъ именемъ Ἄρπιοι, какъ южныхъ сосѣдей сарматовъ-тирегетовъ (см. ниже). Важно для насъ, наконецъ, то обстоятельство, что бастарны, въ узкомъ смыслѣ, не упоминаются Птолемеемъ въ Мезіи: такъ какъ это умолчаніе относится къ наиболѣе надежной части Птолемеевой картины интересующаго насъ края, то мы можемъ сдѣлать изъ него выводъ, что ихъ дѣйствительно тамъ не было, т. е. что земля бастарновъ-атмоновъ начиналась лишь за предѣлами римской имперіи; иначе говоря, мы приходимъ къ тому же выводу, что главная масса бастарновъ доходила лишь до Буковины. Ср. ниже разборъ Дакіи Птолемея.

Что касается певкиновъ, то малочисленность этого народца явствуетъ изъ незначительности занимаемой имъ земли; никто изъ древнихъ не знаетъ ихъ на материкѣ. Тѣмъ не менѣе, они сохранили свою самобытность въ теченіе столѣтій, не смотря на то, что они были отдѣлены отъ родичей иноплеменными народностями бритолаговъ, карповъ и другихъ (см. ниже). Генетическая связь ихъ съ бастарнами не была прервана, такъ какъ она сознавалась впослѣдствіи и римлянами, ср. между проч. Tac. Germ. 46: Peucini, quos quidam Bastarnas vocant. Римляне хорошо знали и закарпатскихъ бастарновъ. На Пейтингеровой картѣ Днѣстръ беретъ начало изъ Alpes Bastarnice: это, очевидно, Лѣсныя Карпаты, отдѣляющія Галицію отъ Венгріи. Къ востоку отъ нихъ отмѣчены Blastarni, конечно, вм. Bastarni. На той же картѣ верхній Днѣстръ носитъ названіе fl(umen) Agalingus, имя, по

образованію, чисто германское, вѣроятно бастарнское, см. ниже. Римскимъ войскамъ неоднократно приходилось сталкиваться именно съ закарпатскими бастарнами. Въ тѣхъ бастарнахъ, которые въ 60 г. до Р. Хр. пришли на помощь мезійскимъ гетамъ, на которыхъ неожиданно напалъ К. Антоній, римскій проконсулъ въ Македоніи, нужно видѣть, вѣроятно, певкиновъ, такъ какъ дѣйствіе происходитъ въ Добруджѣ: бастарны разбили римское войско подъ Истромъ (Istropolis), ἡ τῶν Ἰστριανῶν πόλις, Dio Cass. 38, 10, 3. Но за то бастарны, которые были союзниками даковъ въ борьбѣ послѣднихъ съ Римомъ при Октавіанѣ, принадлежатъ, кажется, къ закарпатской группѣ: базисомъ военныхъ дѣйствій, проэктированныхъ противъ нихъ Октавіаномъ въ 35 г. до Р. Хр., служитъ городъ Siscia (Segesta) нын. Sziszek, на средней Савѣ, Appian. Illyr. c. 23, Strabo IV, 6, 10. Когда на Балканскомъ полуостровѣ командовалъ М. Крассъ, т. е. въ 29 г. до Р. Хр., бастарны вмѣстѣ съ даками, перешедши черезъ Дунай, нападаютъ на Мезію, затѣмъ на трибалловъ и дардановъ, Dio Cass. 51, 23, 2 ss. Очевидно, и тутъ также исходный пунктъ ихъ не нижній, а средній Дунай, приблизительно между Видинымъ и Рущукомъ. Можетъ быть, бастарны входили въ составъ государства Бурвисты? См. ниже.

Во всемъ вышеизложенномъ, германское происхожденіе бастарновъ принималось нами a priori. Въ виду того, однако, что положеніе это неоднократно оспаривалось въ наукѣ, мы должны всмотрѣться и въ эту сторону вопроса, имѣющую существенное значеніе для нашихъ выводовъ.

Уже Страбонъ, въ указанномъ мѣстѣ, готовъ, на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ римлянами, причислить бастарновъ къ германцамъ, но онъ выражается еще осторожно: σχεδόν τι καὶ αὐτοὶ τοῦ Γερμανικοῦ γένους ὄντες. Плиній IV, 14, 100 уже совершенно ясно относитъ ихъ къ германцамъ, а Тацитъ Germ. 46 выражается еще энергичнѣе: Peucini, quos quidam Bastarnas vocant, sermone, cultu, sede ac domiciliis ut Germani agunt.

Если мы примемъ во вниманіе, что понятіе германства въ

эпоху Тацита уже успѣло выясниться вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ; что самъ Тацитъ, посвятившій германцамъ цѣлую книгу, можетъ считаться вполнѣ компетентнымъ судьей въ этомъ вопросѣ; если, наконецъ, мы будемъ имѣть въ виду, что онъ говоритъ, собственно, о пеукинахъ, входившихъ въ то время въ составъ римской имперіи и, потому, хорошо знакомыхъ римлянамъ, то мы естественно придемъ къ заключенію, что бастарны—германская народность. Приведенными цитатами и соображеніями вопросъ уже можетъ считаться рѣшеннымъ, не смотря на то, что самъ Тацитъ нашелъ нужнымъ оставить свой тезисъ подъ сомнѣніемъ, предоставляя самому читателю окончательное рѣшеніе. Но онъ тутъ же поясняетъ, почему онъ это дѣлаетъ, и его личное мнѣніе всетаки оказывается вполнѣ яснымъ и опредѣленнымъ. Вотъ что оно говоритъ въ началѣ 46-ой главы, если мы дополнимъ нѣкоторыми пояснительными вставками его сжатый стиль[1]).

«Тутъ конецъ Суевіи (т. е. въ данномъ случаѣ, Germania Magna въ римскомъ смыслѣ, до Вислы). Что касается пеукиновъ, славянъ и финновъ [живущихъ на востокѣ отъ предѣловъ Суевіи], то я колеблюсь, причислить ли мнѣ ихъ къ германцамъ или къ сарматамъ. Нельзя отрицать, что пеукины-бастарны какъ по языку, такъ и по всему образу жизни принадлежатъ къ германцамъ: [похожи они на германцевъ и тѣмъ, что] они живутъ въ грязи, и знать ихъ предается полному бездѣйствію[2]). [Но, съ

---

1) Hic Suebiae finis. Peucinorum Venedorumque et Fennorum nationes Germanis an Sarmatis ascribam dubito, quamquam Peucini, quos quidam Bastarnas vocant, sermone, cultu, sede ac domiciliis ut Germani agunt. Sordes omnium ac torpor procerum. Connubiis mixtis nonnihil in Sarmatarum habitum foedantur. Venedi multum ex moribus traxerunt; nam quicquid inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium erigitur, latrociniis pererrant. Hi tamen inter Germanos potius referuntur, quia et domos figunt et scuta gestant et pedum usu ac pernicitate gaudent: quae omnia diversa Sarmatis sunt in plaustro equoque viventibus. Fennis mira feritas, foeda paupertas: non arma, non equi, non penates..... Cetera jam fabulosa.

2) Слова sordes omnium ac torpor procerum не совсѣмъ ясны и переводятся различно, въ зависимости отъ знаковъ препинанія. Мой переводъ, какъ всѣ,

другой стороны], ихъ внѣшній видъ нѣсколько обезображенъ частыми браками съ сарматками. [Болѣе похожи на сарматовъ] славяне: [они] сходятся съ ними, [до извѣстной степени] и обычаями, ведя бродячую жизнь и живя грабежемъ. Тѣмъ не менѣе, я ихъ также скорѣе отнесъ бы къ германцамъ, такъ какъ они умѣютъ строить дома, знаютъ употребленіе щитовъ и, будучи проворными пѣшеходами, охотно ходятъ пѣшкомъ: всѣхъ этихъ чертъ нѣтъ у сарматовъ, которые, [ведя кочевую жизнь] живутъ на телѣгахъ и на коняхъ. Что касается, наконецъ, финновъ, то [у нихъ нѣтъ ничего общаго ни съ германцами, ни съ сарматами]; это народъ очень дикій и бѣдный до безобразія: они не имѣютъ ни оружія, ни лошадей, и у нихъ даже нѣтъ опредѣленныхъ жилищъ... [Строго говоря, ихъ нельзя относить ни къ сарматамъ ни къ германцамъ. Если я, тѣмъ не менѣе, говорю о нихъ здѣсь, то лишь потому что] за ними уже начинается область баснословнаго».

Мы привели все это мѣсто in extenso, въ виду его первостепеннаго интереса. Оно доказываетъ не только богатство и точность матеріала, имѣвшагося въ распоряженіи Тацита, но и вдумчивость и добросовѣстность этого писателя. Относительно бастарновъ оно не оставляетъ никакихъ сомнѣній: колебаніе, выраженное имъ въ началѣ, почти опровергается имъ же самимъ въ послѣдующемъ. Оно вызвано только тѣмъ, что внѣшній видъ бастарновъ не совсѣмъ такой, какъ у прочихъ, западныхъ германцевъ; но самъ Тацитъ удовлетворительно объясняетъ это отклоненіе отъ общаго типа браками съ сарматками, и мы, съ своей стороны, можемъ, не задумываясь, принять это объясненіе въ виду того, что бастарны, въ особенности-же певкины, къ кото-

нѣсколько произволенъ. Нѣкоторые издатели ставятъ передъ sordes точку, а послѣ procerum точку съ запятой (напр. Schweizer-Siedler). Въ такомъ случаѣ придется отнести грязь и лѣнь бастарновъ къ тѣмъ чертамъ, которыя связываютъ ихъ съ сарматами. Къ счастью, пунктъ этотъ не важенъ. Замѣчу еще, что другія (напр. Halm.) читаютъ torpor: ora procerum connubiis mixtis etc. Въ такомъ случаѣ, однако, колебаніе Тацита окажется еще болѣе лишнимъ.

рымъ, прежде всего, относятся слова Тацита, въ теченіи вѣковъ жили въ близкомъ сосѣдствѣ съ сарматами. Рѣшающее значеніе имѣютъ языкъ и образъ жизни бастарновъ, а въ этомъ они сходились съ прочими германцами, по рѣшительному и авторитетному заявленію Тацита. О языкѣ венедовъ послѣдній ничего не говоритъ; тѣмъ болѣе мы можемъ положиться на его слова относительно языка бастарновъ. Передъ нимъ былъ, очевидно, вполнѣ ясный матеріалъ, дававшій ему право высказаться относительно однихъ опредѣленнѣе, чѣмъ относительно другихъ.

Томашекъ GGA. 301 пытался умалить значеніе Тацитовыхъ словъ указаніемъ на слова Тацита же Germ. 45, по которымъ у айстовъ, т. е. предковъ литовскаго племени, ritus habitusque Sueborum, *lingua Britannicae propior*. Разъ тутъ допущена имъ грубая ошибка, то ничто не мѣшаетъ намъ видѣть и въ его опредѣленіи языка бастарновъ результатъ «поверхностнаго наблюденія».

Но эти два свидѣтельства совершенно несоразмѣримы. Въ первомъ, рѣчь идетъ о народѣ, къ которому сравнительно рѣдко заходили одни лишь римскіе купцы, а во второмъ о народѣ, жившемъ, отчасти, на римской территоріи и потому хорошо извѣстномъ въ Римѣ. Въ первомъ случаѣ ошибочная характеристика айстскаго языка вполнѣ возможна, и выводъ о сходствѣ его съ британскимъ, т. е. кельтскимъ, есть, дѣйствительно, результатъ поверхностнаго наблюденія и случайнаго сопоставленія, имѣющаго въ виду лишь ясное различеніе его отъ языка сосѣдей — готовъ; тогда какъ во второмъ случаѣ такой промахъ болѣе чѣмъ невѣроятенъ: о языкѣ и образѣ жизни певкиновъ должно было составиться въ Римѣ болѣе ясное представленіе, такъ какъ съ ними приходилось считаться и римской центральной администраціи.

Мы можемъ, впрочемъ, доказать справедливость Тацитова опредѣленія языка бастарновъ положительными лингвистическими данными, не смотря на то, что до насъ дошло всего 6, можетъ быть 7, несомнѣнно бастарнскихъ словъ, а именно:

3 собственныхъ личныхъ имени: Clondicus Liv. 40, 58, 8; 44, 26, 11.—Cotto Liv. 40, 57, 3.—Δέλδων Dio Cass. 51, 24, 4.

3 этническихъ названія: Bastarnae, Βαστάρναι Liv. Tac., Tab. Peut., Polyb., Plut. Aem. Paul., Strabo, Dio Cass. въ указанныхъ мѣстахъ (Basternae, Βαστέρναι Plin., Appian. Mithrid. въ указанныхъ мѣстахъ).—Ἄτμονοι и Σιδόνες Strabo VII, 3, 17.

Наконецъ, одно, вѣроятно, бастарнское[1]) названіе рѣки (Днѣстра) Agalingus на Tab. Peuting[2]).

Изъ этихъ именъ, первыя три, т. е. личныя Clondicus, Cotto и Δέλδων, опредѣленнаго рѣшенія не допускаютъ. Они всѣ принадлежать первому періоду бастарнской исторіи, т. е. времени до прямого столкновенія ихъ съ римлянами, и перешли въ труды греческихъ и римскихъ историковъ не прямо изъ устъ бастарновъ, а черезъ кельтскихъ или ѳракійскихъ посредниковъ; неудивительно, поэтому, что они дошли до насъ въ нѣсколько испорченной формѣ.

Тѣмъ не менѣе, Zeuss 143, вѣроятно, правъ, сопоставляя Clondicus съ кимврскимъ Claodicus Oros. V, 16[3]) и сравнивая его съ франкск. Hlodoveus и т. под. Мюлленгофъ DA. II, 109 указалъ еще на дрсакс. Hludico, дрврхнѣм. Hludihho, какъ на соотвѣтствующія формы западногерманскаго именослова. Ср. еще Förstemann PN. 691 ss.

Cotto напоминаетъ, правда, дакійскаго Cotiso Horat. od. III, 8, 18; Sueton. Octav. 63, и ѳракійскаго Cotys Liv. 42, 51, 10; 45, 42, 5 ss.; но, съ другой стороны, это имя можетъ быть сопоставлено съ западногерм. Chudo, Hudo, Hutto, Hozo, (всѣ—

---

1) Въ пользу бастарнскаго, не готскаго происхожденія этого имени говоритъ, во первыхъ. то, что Tab. Peut. еще не знаетъ готовъ на Днѣстрѣ, а во вторыхъ, исчезновеніе этого названія. Имя погибло вмѣстѣ съ народомъ, создавшимъ его.

2) Въ сторонѣ должны остаться, конечно, имена Πευχῖνοι, какъ позднее и чисто мѣстное, и Teutagonus Val. Flacc. Argon. VI, 97, какъ имя, вѣроятно придуманное самимъ поэтомъ. Ср. DA. II, 105 not. 3, 109 not. 1.

3) Любопытно, что и остальныя кимврскія имена имѣютъ кельтизированныя формы, ср. Boiorix, Cesorix Oros. l. c.

VIII вѣка) PN. 310. 700. 749 или, пожалуй, съ готск. Γῶδας Proc. bell. vand.

Наконецъ, Δέλδων можетъ быть сравнено съ одной стороны съ готск. (?) Dahilo, съ другой—съ такими именами какъ готск. (?) Sanieldo VI вѣка, Adhildus VII вѣка и друг. См. Förstemann PN. 325. 1071. 134.

При испорченности традиціи, трудно дать точное этимологическое разъясненіе этихъ именъ, такъ какъ представляются различныя возможности. Но оно намъ и не нужно. Мы можемъ, въ данномъ случаѣ, довольствоваться выводомъ, что разбираемыя имена безъ натяжки *могутъ* быть объяснены изъ германскаго.

Бо́льшее значеніе имѣютъ для насъ этническія названія Bastarnae, Ἄτμονοι и Σιδόνες, такъ какъ они морфологически яснѣе.

Bastarnae, точнѣе Basternae[1]), представляется прилагательнымъ, правильно образованнымъ посредствомъ суффикса -erno-, означающаго происхожденіе. Ср. нѣм. Dirne, дрврхнѣм. diorna, дрсакс. thiorna, дрсѣв. þerna, готск. *þiwairnō «служанка», собственно «дочь крѣпостнаго, раба», отъ основ. þiu̯a-, готск. þius, дрсѣв. þýr, агс. þeó, дрврхнѣм. deo «слуга» (откуда dienen, Demut и т. под.); готск. widuwaírna «сирота, собств. сынъ вдовы», отъ widuwō «вдова», и другія. Слѣдовательно, Basternae означаетъ «происходящихъ отъ *bast-». Къ объясненію этого основнаго слова Мухъ 37 привлекаетъ срангл. bast «внѣбрачное сожитіе, незаконный или смѣшанный бракъ», и видитъ въ имени бастарновъ прозвище, данное имъ въ насмѣшку сосѣдями, указывая притомъ на connubia mixta въ приведенной нами фразѣ Тацита, какъ на латинскую перефразировку этого прозвища.

Само по себѣ, такое объясненіе вполнѣ возможно и, на первый взглядъ, привлекаетъ своимъ остроуміемъ. Но если мы всмотримся въ него, то увидимъ, что оно предполагаетъ рядъ натяжекъ.

1) Совершенно схожее образованіе сохранилось въ имени западногерманскаго народа Cugerni.

Прежде всего мы въ правѣ спросить: кто могъ дать имъ такое прозвище? Конечно, не сами бастарны или пеукины, такъ какъ съ точки зрѣнія древняго германца происхожденіе отъ незаконнаго брака позорило человѣка, дѣлая его безправнымъ. Слѣдовательно, оно могло быть дано только членами другой германской народности. Но изъ бастарновъ одни только сидоны примыкали къ другимъ германцамъ, именно къ лугіямъ, на верхней Вислѣ и около Бескидовъ. Здѣсь, однако, такое прозвище возникнуть не могло, такъ какъ именно сидоны, живя въ горахъ далеко отъ сарматовъ, менѣе другихъ бастарновъ могли вступать въ бракъ съ сарматками. Если внѣшній типъ бастарновъ, дѣйствительно, измѣнился, то, конечно, не у сидоновъ. Отсутствіе политическаго единства среди бастарновъ дѣлаетъ также невозможнымъ предположеніе, что лугіи могли назвать своихъ сосѣдей сидоновъ именемъ, которое подходило лишь къ ихъ родичамъ на дальнемъ юговостокѣ.

Но допустимъ даже, что это имя возникло среди лугіевъ для обозначенія сидоновъ. Въ такомъ случаѣ пришлось бы также допустить, что лугіи имѣли слово bast въ срангл. значеніи. Но это предположеніе заключало бы въ себѣ явную натяжку. Дѣло въ томъ, что всѣ германскія нарѣчія, за исключеніемъ срангл., знаютъ это слово, готск. *bastus, агс. bæst, нѣм. голл. дрсѣв. bast, исключительно только въ первоначальномъ его значеніи «мочала, веревка». Отсюда до значенія «незаконный бракъ» еще очень далеко. Срангл. bast, въ послѣднемъ значеніи, взято не изъ агс., а изъ дрфранц. bast (fils de bast=bastard), гдѣ въ свою очередь оно отвлечено, путемъ народной этимологіи, отъ bastard, которое понималось въ смыслѣ «рожденнаго на сѣдлѣ», ср. нѣм. Bankert въ связи съ Bank. Народная этимологія имѣла, въ данномъ случаѣ, въ виду срлат. bastum, итал. исп. basto, пров. bast, франц. bast, bât «вьючное сѣдло, Saumsattel», которое произошло отъ выше приведеннаго общегерм. bast «веревка». На самомъ же дѣлѣ общероманское bastard (bastardo и т. д.), перешедшее и въ герм. нарѣчія (нѣм. Bastard, дрсѣв. bastarðr), слово кельт-

скаго происхожденія: ср. ирл. bais «прелюбодѣяніе» и кимр. tardd «отпрыскъ, потомокъ» (Kluge, Etym. Wört. s. v.).

Какъ ни запутаны эти отношенія, тѣмъ не менѣе ясно, что на лугійской почвѣ прозвище basterna возникнуть не могло, если мы примемъ предположеніе Муха, что connubia mixta Тацита намекаютъ на значеніе этого слова.

Но, можетъ быть, оно создано карпатскими или — что еще возможнѣе — нижнедунайскими кельтами для обозначенія певкиновъ, которые больше другихъ бастарнскихъ народностей подвергались опасности смѣшаться съ сарматами? Дѣйствительно, имя Basternae, по образованію своему, могло быть, пожалуй, и кельтскаго происхожденія, ср. напр. Arverni и Daleterni въ южной Галліи, Bastetani и Bastuli въ юговосточной Испаніи. Однако и это предположеніе болѣе чѣмъ неправдоподобно, во первыхъ потому, что бастарны при первомъ же появленіи въ исторіи носятъ это имя, а во вторыхъ, нужно имѣть въ виду, что кельты не знаютъ слова bast въ значеніи «сѣдла»: срлат. bastum и его романскія отраженія, какъ мы видѣли, не кельтскаго, а германскаго происхожденія; что-же касается испанскихъ Bastetani и Bastuli, то мы даже не знаемъ, кельты-ли они.

Остается предположить только одно: «Basternae» не прозвище, а имя, которымъ называли себя сами бастарны. Въ такомъ случаѣ, по приведенному уже соображенію, значеніе его должно быть другое, чѣмъ предполагаемое Мухомъ; а связь этого имени съ «connubia mixta» Тацита, — если таковая вообще существуетъ, что весьма сомнительно, — есть связь только народно-этимологическая, которая могла возникнуть, пожалуй, въ самомъ Римѣ, если вульгарный языкъ того времени уже зналъ слово «bastum». Во всякомъ случаѣ, она не выясняетъ первоначальнаго значенія этого имени.

Нашъ разборъ лишній разъ доказываетъ, какъ опасно браться за этимологическое объясненіе этническихъ именъ осѣдлыхъ народовъ. Происхожденіе ихъ, въ большинствѣ случаевъ, лежитъ далеко за предѣлами исторической традиціи, а при полномъ от-

сутствіи хронологическихъ данныхъ всякая этимологія будетъ стоять на очень шаткой основѣ и носить болѣе чѣмъ гадательный характеръ. Въ подобныхъ случаяхъ мы можемъ и должны довольствоваться морфологическимъ разборомъ. Разъ мы доказали, что имя бастарновъ по морфологическому строю носитъ чисто германскій характеръ, то этотъ результатъ представляется вполнѣ достаточнымъ для дальнѣйшаго вывода о германствѣ этого народа, если только мы, какъ въ данномъ случаѣ, успѣемъ доказать, что этимъ именемъ называлъ себя самъ народъ.

Установивъ эту основную точку зрѣнія, мы можемъ не задаваться вопросомъ о первоначальномъ значеніи имени бастарновъ, и перейти къ разбору остальныхъ дошедшихъ до насъ бастарнскихъ словъ.

Ἄτμονοι, т. е. герм. *Atmunōz, представляетъ собою правильное причастіе страдательнаго залога, съ суффиксомъ- muno- < *mn̥no-, подобно Herminones Tac. Germ. 2 изъ *Ermino- рядомъ съ *Ermuno-, ср. Hermunduri < *Ermúnudori, въ основѣ котораго лежитъ миѳическое имя (прозвище Ziu?) прагерм. *Ermunos < *Ermn̥nos. Ср. Müllenhoff ZfdA. N F. XI (1879), 12 ss. Правъ-ли Мухъ 36, отвлекающій отъ agс. atol, eatol «страшный и т. д.» глагольный корень at-, и думающій, что отъ этого, именно, корня образовано *Atmunōz, это для насъ, опять-таки, безразлично.

Что касается сидоновъ (Σιδόνες = *Sīdonez), то, каковъ бы ни былъ смыслъ основнаго слова (см. выше, стр. 37), морфологически это имя ясно: ср. Gotones, Vangiones, Burgundiones и т. под.

То-же самое мы можемъ сказать, наконецъ, и о бастарнскомъ имени Днѣстра, Agalingus. Мухъ 36 уже привелъ германскія параллели: нын. Elbing, дрсѣв. названія рѣкъ Ífing и Gilling, вполнѣ выясняющія морфологію интересующаго насъ имени.

Подводя итогъ, мы можемъ формулировать его такъ: морфологія всѣхъ дошедшихъ до насъ остатковъ бастарнскаго языка ясно указываетъ на германское ихъ происхожденіе, чѣмъ окон-

чательно устраняется сомнѣніе въ германствѣ этого народа. Несостоятельность другихъ возраженій Томашека, основанныхъ на названіяхъ городовъ Καρρόδουνον на Днѣстрѣ, Νουιόδουνον на Дунаѣ и т. д., будетъ доказана дальнѣйшимъ ходомъ нашего изслѣдованія.

Мы должны, пока, покинуть бастарновъ, чтобы познакомиться съ другими неиранскими народностями, явившимися въ южнорусскія степи до прихода сюда готовъ, т. е. со скирами, нижнедунайскими кельтами и карпами.

Всего меньше мы знаемъ о скирахъ. Тѣмъ не менѣе германское происхожденіе этого народа не можетъ быть оспариваемо. Оно доказывается не только всѣмъ ходомъ исторіи его, но и двумя единственными, дошедшими до насъ, несомнѣнно скирскими личными именами: Edica и Hunuulfus Iord. 54,277. Восточно- и западногерманскія параллели см. Förstemann PN 369 s., 757 ss., 762.

Скиры впервые упоминаются въ Протогеновомъ псефизмѣ, какъ народность, угрожающая, вмѣстѣ съ галатами, греческой Ольвіи (выше стр. 102). Но откуда они пришли—на это въ надписи нѣтъ даже намека. Лишь черезъ два съ половиною столѣтія объ нихъ снова упоминаетъ Плиній IV, 13,97: Quidam haec habitari ad Vistlam usque fluvium a Sarmatis, Venedis Scirisque tradunt [1]). Такъ какъ Плиній, при перечисленіи, идетъ съ юговостока на сѣверозападъ, то скировъ нужно искать на правомъ берегу средней или нижней Вислы, къ югу отъ готовъ.

Такъ, приблизительно, разсуждалъ, кажется, и Zeuss 156, думая, что въ «финнахъ» Птолемеева списка привислянскихъ народовъ (III, 5,8: Γύθωνες, εἶτα Φίννοι, εἶτα Σούλωνες κτλ.) скрываются скиры. Дѣйствительно, по точному смыслу Плиніевыхъ

1) Чтеніе Scirisque вм. рукописнаго Sciris, Hirris, принятаго всѣми новыми издателями, взято изъ Liber de mensura orbis terrae, авторъ котораго, ирландецъ Dicuil, писавшій ок. 810 г., имѣлъ передъ собою несомнѣнно лучшій текстъ Плинія. Hirris — нигдѣ болѣе не встрѣчающееся этническое названіе— есть, вѣроятно, глосса, рано попавшая въ текстъ. См. Zeuss 156, Pallmann II, 113 not. 5 и друг.

словъ, финны, повидимому, заняли тутъ мѣсто скировъ, хотя описка ΦΙΝΝΟΙ вм. ΣΚΙΡΟΙ, допускаемая Zeuss'омъ, едва-ли мыслима. Безъ всякаго сомнѣнія невѣренъ и его неожиданный выводъ, что скиры были восточными сосѣдями готовъ и жили около озера Спирдингъ въ восточной Пруссіи: это мѣсто, какъ мы знаемъ, уже занято готами. Ничего не доказываетъ тотъ фактъ, что скиры впослѣдствіи (въ V вѣкѣ) являются почти всегда въ обществѣ другихъ поморскихъ германцевъ, какъ-то руговъ, туркилинговъ, геруловъ: связь эта создана лишь этническимъ хаосомъ, наступившимъ въ южнорусскомъ и прикарпатскомъ краяхъ вслѣдствіе нашествія гунновъ, и еще до этого мы находимъ скировъ-же въ обществѣ приазовскихъ алановъ (см. ниже).

По той же причинѣ намъ кажется произвольнымъ мнѣніе Мюлленгофа DA. II, 87. 91, ищущаго родину скировъ гдѣ-то на Балтійскомъ морѣ, въ сосѣдствѣ руговъ и готовъ. Мнѣніе это находится въ связи съ его предположеніемъ, что туркилинги, которыхъ онъ, подобно Zeuss'у 155, отожествляетъ съ Ῥουτίκλειοι Птолемея, — ничто иное, какъ «die königliche Phyle der Skiren», DA. III, 319.

Всѣ эти догадки подсказаны желаніемъ открыть скировъ, хотя-бы подъ другимъ названіемъ, въ этнологическихъ спискахъ Птолемея, гдѣ ихъ нѣтъ подъ ихъ собственнымъ именемъ. Это-же желаніе вызвало, до извѣстной степени, и натяжки Муха, о которыхъ я говорилъ стр. 103.

Между тѣмъ, въ отсутствіи скировъ у Птолемея ничего страннаго нѣтъ. Вѣдь самъ же Мюлленгофъ DA. II, 91—100 неопровержимо доказалъ, что «вся внутренняя Сарматія представлялась Марину (= Птолемею) пустымъ пространствомъ, которое онъ наполнилъ именами съ безпримѣрнымъ въ древней географіи произволомъ» (l. c. 94 s.). Мы уже успѣли иллюстрировать этотъ выводъ нѣсколькими примѣрами и убѣдимся ниже, что только югозападный уголъ Сарматіи, оріентированный съ юга, на основаніи оффиціальныхъ римскихъ данныхъ, и сѣверозападная область на востокъ отъ готовъ, оріентированная съ

сѣвера, на основаніи сообщеній римскихъ купцовъ, даютъ болѣе или менѣе надежныя свѣдѣнія. Вся-же остальная бо́льшая часть Сарматіи Птолемея представляетъ почти непригодный, въ этнологическомъ смыслѣ, матеріалъ.

И такъ, молчаніе Птолемея о скирахъ нисколько не смущаетъ насъ. Мы принимаемъ за фактъ, что на Птолемеевой картѣ они не значились ни подъ этимъ, ни подъ инымъ именемъ, и считаемъ себя даже въ правѣ сдѣлать отсюда важный для насъ выводъ, что родину скировъ нужно искать именно въ Сарматіи, т. е. на востокъ отъ Вислы, такъ какъ умолчаніе о такомъ, сравнительно значительномъ народѣ на западъ отъ этой рѣки, т. е. въ области, въ общемъ хорошо извѣстной Птолемею, представляется болѣе чѣмъ невѣроятнымъ, почти невозможнымъ.

Мы нашли, слѣдовательно, у Птолемея косвенное подтвержденіе Плиніевыхъ словъ и возвращаемся, поэтому, къ точному смыслу послѣднихъ, помѣщая скировъ на правомъ берегу Вислы, между бастарнами и готами.

Правильность этой догадки подтверждается и дальнѣйшею исторіею скировъ. Появленіе ихъ подъ Ольвіей въ началѣ II вѣка до Р. Хр. не представитъ, съ этой точки зрѣнія, ничего невозможнаго: они двинулись на югъ по слѣдамъ бастарновъ, въ обществѣ которыхъ мы увидимъ и часть подкарпатскихъ кельтовъ. Но въ то время, какъ главная масса, обойдя Карпаты, направилась на югъ, чтобы скорѣе добраться до богатой, усѣянной греческими колоніями Ѳракіи, скиры, очевидно сохранявшіе полную независимость, вмѣстѣ съ галатами, отдѣлившись отъ бастарновъ, двинулись на востокъ, надѣясь на скорую добычу въ богатой и славной Ольвіи. Послѣ удачнаго отраженія ихъ нападенія на этотъ городъ (?), галаты, повидимому, снова хотѣли примкнуть къ бастарнамъ, но застряли — безразлично, теперь-ли, или на обратномъ пути вмѣстѣ съ певкинами, на нижнемъ Дунаѣ, гдѣ мы ихъ находимъ впослѣдствіи подъ именемъ бритолаговъ (см. ниже стр. 126 сл.). Что сталось со скирами, мы не знаемъ. Можетъ быть, и они также снова послѣдовали за бастарнами

и вмѣстѣ съ послѣдними вернулись домой, въ первоначальную родину, на Вислу? [1]) Ничто не мѣшаетъ намъ предположить, что на югъ двинулась только меньшая часть народа, тогда какъ бóльшая оставалась дома. Если принять эту догадку, намъ станетъ яснымъ, почему Плиній знаетъ ихъ еще на Вислѣ.

Правда, этотъ фактъ могъ бы быть объясненъ еще тѣмъ, что Плиній пользовался, въ данномъ случаѣ, источникомъ болѣе древнимъ, чѣмъ движеніе скировъ во II вѣкѣ. Но, во первыхъ, это предположеніе само по себѣ невѣроятно, а во вторыхъ, появленіе скировъ въ V вѣкѣ на среднемъ Дунаѣ рядомъ съ ругами и т. д. всего лучше объясняется, если мы предположимъ, что главная масса ихъ оставалась на Вислѣ и была увлечена лишь послѣдними восточногерманскими пришельцами съ сѣвера, т. е. именно ругами или гепидами. Можетъ быть, скировъ нужно разумѣть между прочимъ подъ тѣми aliae nonullae gentes, которыхъ побѣдили, послѣ низверженія бургундовъ, гепиды въ своемъ движеніи на югъ по слѣдамъ готовъ Iord. 17,97. Во всякомъ случаѣ, они оставались, пока, надъ Карпатами.

Къ этому же выводу приводитъ насъ еще другой, весьма интересный фактъ. Къ «списку римскихъ провинцій», впервые изданному Момзеномъ [2]) по веронской рукописи VII вѣка, прибавленъ въ концѣ, тою же рукою, любопытный списокъ народовъ, подъ отдѣльнымъ заглавіемъ: Gentes barbarae quae pullulauerunt sub imperatoribus. Народы перечисляются здѣсь далеко не въ строгомъ географическомъ порядкѣ; но если всмотрѣться, то мы замѣтимъ, что ихъ можно разбить на рядъ группъ, въ

---

1) Мнѣніе Муха 47, что они, т. е. скиры, остались въ дельтѣ Дуная на островѣ Пеуке, вслѣдствіе чего они получили потомъ имя певкиновъ, рѣшительно ни на чемъ не основано, кромѣ ихъ товарищества съ галатами. Противъ него говоритъ многочисленность скировъ (см. ниже), и тотъ фактъ, что певкины всѣми древними причисляются къ бастарнамъ, тогда какъ скиры всегда и всюду строго отличаются отъ нихъ.

2) Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin aus dem Jahre 1862. Berlin 1863. p. 489 ss.: Verzeichniss der römischen Provinzen, aufgesetzt um 297. Интересующій насъ этническій списокъ на стр. 492.

предѣлахъ которыхъ порядокъ соблюденъ. Напр. въ самомъ началѣ: scoti picti calidoni; rugi heruli saxones; нѣсколько дальше: iothungi armilausini marcomanni quadi taifruli (вм. taifali). Вслѣдъ за этими тайфалами идетъ рядъ: hermunduri uandali sarmatae sciri; затѣмъ carpi scitae gothi, откуда списокъ переходитъ уже въ Азію, продолжая: indii armenii и т. д.

Весь списокъ составленъ, очевидно, не позже середины IV вѣка, такъ какъ въ немъ еще нѣтъ гунновъ, а ихъ мѣсто, на крайнемъ востокѣ Европы, очевидно надъ Чернымъ моремъ, занимаютъ готы, какъ замѣтилъ уже Мюлленгофъ въ объяснительномъ приложеніи къ изданію въ указанномъ мѣстѣ, теперь DA. III, 311.

Такъ какъ вандалы по этому списку восточные сосѣди гермундуровъ, то они, очевидно, занимаютъ здѣсь мѣсто лугіевъ вообще, которыхъ списокъ не называетъ, а скировъ нужно искать на востокъ отъ нихъ, т. е. на средней или верхней Вислѣ. Что касается sarmatae, стоящихъ между ними, то они обозначаютъ, можетъ быть, лишь переходъ въ Сарматію, т. е. за Вислу (sarmatae: sciri). Или скиры уже сдвинуты съ мѣста и на Вислѣ стоятъ славяне? Что въ этихъ областяхъ къ началу IV вѣка уже произошли значительныя передвиженія въ составѣ народовъ — это не подлежитъ сомнѣнію (см. ниже). Конечно, тѣми же фактическими данными могъ бы воспользоваться и Мухъ, обосновывая свою идею о тожествѣ скировъ съ певкинами: онъ могъ бы отнести скировъ къ сосѣдству карповъ. Но по изложеннымъ уже причинамъ это тожество недопустимо, и наше объясненіе остается, поэтому, въ силѣ: скиры были извѣстны составителю списка еще въ первоначальной родинѣ на правомъ берегу Вислы или въ близкомъ сосѣдствѣ отъ нея[1]).

Когда въ 406 году вандалы окончательно покинули прикарпатскія области и отправились, вмѣстѣ съ суевами, на западъ,

---

1) Къ тому же выводу приходитъ, по другимъ соображеніямъ, и Мюлленгофъ DA. III, 311 ss.

то ихъ мѣсто подъ Карпатами заняли, повидимому, скиры вмѣстѣ съ ругами, съ которыми главная масса ихъ уже болѣе не разстается. Дальнѣйшая судьба скировъ насъ здѣсь уже не касается. Она гораздо яснѣе древнѣйшей ихъ исторіи, въ которой многія частности остаются темными, и даже главныя черты болѣе или менѣе гипотетичны.

Мы можемъ, впрочемъ, дополнить ее еще одною подробностью.

Выше мы оставили открытымъ вопросъ о томъ, куда дѣвались ольвійскіе скиры. Можетъ быть, отвѣтъ дастъ слѣдующее соображеніе.

Когда около 381 г. передовые гунскіе отряды, перешедши черезъ нижній Дунай, впервые напали на римскія владѣнія, то въ ихъ обществѣ мы находимъ и скировъ, рядомъ съ карподаками. Императоръ Θеодосій отразилъ ихъ нападеніе и заставилъ ихъ вернуться черезъ Дунай домой: Σκύρους γὰρ καὶ Καρποδάκας Οὔννοις ἀναμεμιγμένους ἠμύνατο (Θεοδόσιος) καὶ ἐλαττωθέντας τῇ μάχῃ περαιωθῆναι τὸν Ἴστρον καὶ τὰ οἰκεῖα καταλαβεῖν συνηνάγκασεν Zosim. IV, 34. Еще худшимъ пораженіемъ кончилась другая подобная же попытка ок. 409 г. Предводитель (ἡγούμενος) гунновъ Οὔλδις, принужденный отступить за Дунай, потерпѣлъ страшный уронъ, причемъ въ особенности пострадали скиры, составлявшіе часть его войска: (Σκιροί) ἔθνος... βάρβαρον, ἱκανῶς πολυάνθρωπον, πρὶν τοιᾷδε περιπεσεῖν συμφορᾷ Sozom. IX, 5. Они отчасти были перебиты во время общаго бѣгства, отчасти, захваченные въ плѣнъ, распроданы и розданы рабами въ дальнія провинціи имперіи.

Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло, кажется, не съ подкарпатскими скирами: послѣдніе жили слишкомъ далеко на сѣверозападъ, за горами, и не были еще подчинены гуннами. Скорѣе всего, скиры 381 и 409 гг. стояли до этого гдѣ-нибудь на востокѣ, такъ какъ они подпали власти гунновъ раньше самихъ готовъ. Послѣдніе въ это время еще не были покорены окончательно и не участвуютъ еще въ гунскихъ набѣгахъ, тогда

какъ скиры были сдвинуты съ мѣста первымъ-же толчкомъ со стороны гунновъ. Ихъ постигла та-же судьба, которая досталась на долю задонскихъ алановъ, отдѣльные отряды которыхъ участвовали уже въ борьбѣ остготовъ во Ѳракіи противъ императора Валента въ 378 г. Amm. Marc. XXXI, 11, 6; 12, 17.

Эти факты приводятъ насъ къ мысли, что въ моментъ гунскаго нашествія скиры распадались на двѣ ясно различимыя части: первая, сѣверозападная, сидѣла сначала на средней Вислѣ, а затѣмъ передвинулись на средній Дунай, тогда какъ вторую, юговосточную часть нужно искать въ южнорусскихъ степяхъ, въ приазовьѣ, въ сосѣдствѣ съ аланами [1]). Къ болѣе точному опредѣленію ихъ земли, къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ данныхъ.

Нашу догадку подтверждаетъ дальнѣйшая исторія скировъ. Среднедунайскіе скиры вмѣстѣ съ ругами подпали власти гунновъ и, послѣ смерти Аттилы, сбросивъ съ себя иго, заняли независимое положеніе рядомъ съ ругами и паннонскими остготами. Ихъ государство было разгромлено остготами Валамира, дяди Теодорика Великаго, Iord. 53, 275 s.; а когда скиры, чтобы отомстить за пораженіе, приняли участіе въ коалиціи всѣхъ среднедунайскихъ германцевъ противъ готовъ, то Тіудемиръ, отецъ Теодорика, снова разбилъ ихъ, Iord. 54, 277 s. Это пораженіе нанесло могуществу скировъ ударъ, отъ котораго они уже не могли оправиться. Самостоятельной роли они послѣ этого уже не играли: остатки народа появляются, какъ извѣстно, въ войскѣ Одоакра; а скопленіе мѣстныхъ именъ съ основнымъ Scir- (совр. Scheier-, Scheuer-, Schier-) въ юго-

1) Мысль эта такъ естественно вытекаетъ изъ сопоставленія фактовъ, что она должна придти на умъ всякому, всматривающемуся въ исторію скировъ. Дѣйствительно, уже Zeuss 487 замѣтилъ двоякое географическое пріуроченіе имени скировъ и близость восточной части къ аланамъ, но онъ объясняетъ эту близость невѣрно, считая южнорусскихъ скировъ — аланскою народностью. Неясность и сбивчивость толкованія, которое даетъ Pallmann II, 115 ss., объясняется его невѣрнымъ пониманіемъ аланской исторіи. Раздвоеніе скировъ не представляетъ, какъ извѣстно, единичнаго явленія: такая же судьба постигла напр. геруловъ (см. ниже) и, въ меньшихъ размѣрахъ, руговъ, что вытекаетъ изъ сопоставленія Iord. 50,266 съ 54,277.

восточной Баваріи подъ Дунаемъ, доказываетъ, повидимому, что и тутъ также были скирскія поселенія [1]).

Совсѣмъ другую судьбу имѣли скиры юговосточные. Они послѣ гунскаго погрома ни разу не выступаютъ въ самостоятельной роли. Ихъ сила была, дѣйствительно, сломлена пораженіемъ 409 г. Послѣ распаденія государства Аттилы, они окончательно поселились въ Нижней Мэзіи Jord. 50, 265: Scyri vero et Sadagarii et certi Alanorum cum duce suo nomine Candac Scythiam minorem inferioremque Moesiam acceperunt. Это тотъ самый Candac, у котораго дѣдъ Іордана, Paria, служилъ нотаріемъ: тѣмъ больше довѣрія внушаетъ эта мелкая замѣтка.

Что касается упомянутыхъ здѣсь садагаріевъ, то они, вѣроятно, тожественны съ Sadagis, qui inferiorem Pannoniam possidebant. Jord. 53, 272. Когда на ихъ землю напали паннонскіе остготы, то къ нимъ поспѣшилъ на помощь Dintzic, сынъ Аттилы, въ войскѣ котораго мы находимъ между прочимъ Angisciros. Въ послѣднемъ имени нужно, очевидно, видѣть обозначеніе части (восточныхъ) скировъ, которая была еще подвластна Динтцику и освободилась, именно, вслѣдствіе его полнаго пораженія остготами [2]). Такъ какъ годъ перехода скировъ, садагаріевъ и алановъ въ Мэзію не опредѣляется Іорданомъ 50, 265, то мы можемъ отнести это событіе ко времени послѣ пораженія Динтцика и видѣть въ этихъ скирахъ именно ангискировъ, которые нигдѣ болѣе не встрѣчаются, а въ садагаріяхъ — аланскую на-

---

1) Намекъ на возможную связь нын. Scheiern съ именемъ скировъ мы находимъ уже у Zeuss'а 156 not. Увѣреннѣе выражается Мюлленгофъ, Nordalbingische Studien I (Kiel 1844) p. 123. Сюда относятся 2 Scheuern (недалеко къ югу отъ Регенсбурга и около Rosenheim'а), и Scheyern подъ Pfaffenhofen'омъ около Фрейзинга. Всѣ три имени встрѣчаются уже въ X и XI вв. въ формахъ Skira, Skiran, Skiren, Sciri и т. д. Мы можемъ прибавить къ нимъ еще Scierstat X в. и Skirilinga X в. нын. Schierling, оба подъ Регенсбургомъ, и Skieremuntinga X в. нын. Schörging на сѣверовостокъ отъ Rosenheim'а. Источники см. у Förstemann'а ON. 1312 s.

2) Готскій aggwus, дрврхнѣм. angi, engi «узкій, незначительный», имѣетъ въ срврхнѣм. очень часто значеніе «малый». Слѣдовательно, Angisciri=Малые скиры? Ср. Gothi, qui dicuntur minores Iord. 50, 267.

родность[1]). Въ Сарматіи Птолемея III, 5, 10 мы находимъ народъ съ схожимъ именемъ Σαργάτιοι (al. Σαγάρτιοι) въ сосѣдствѣ алановъ. Ср. Amm. Marcell. XXII, 8, 38 Halani et Sargetae. Если они тожественны съ нашими садагаріями (Zeuss 703, DA. III, 99 s.), то иранское происхожденіе ихъ не можетъ подлежать сомнѣнію, ср. Πέρσαι... νομάδες... Σαγάρτιοι Herod. I, 125.

Въ товариществѣ скировъ и алановъ при общемъ переходѣ ихъ на римскую почву подъ предводительствомъ Кандака, несомнѣннаго алана, въ послѣдній разъ сказалась связь между этими народами, созданная ихъ вѣковымъ сосѣдствомъ въ приазовскихъ степяхъ. А такъ какъ намъ извѣстно только *одно* событіе, несомнѣнно раздвоившее скирскій народъ, — именно, движеніе бастарновъ во II вѣкѣ до Р. Хр. — то не слишкомъ смѣлымъ покажется и конечный выводъ, что въ скирахъ, напавшихъ на Ольвію, мы должны видѣть предковъ скировъ приазовскихъ. Въ силу своего географическаго положенія, они раньше готовъ подпали гунской власти и оставались подъ нею дольше своихъ германскихъ родичей, если они тожественны съ «Малыми скирами» въ войскѣ Динтцика. Мнѣ кажется, что и этотъ выводъ оправдывается фактами и соотвѣтствуетъ естественному теченію событій: сила этого, лишь «довольно многочисленнаго (ἱκανῶς πολυάνθρωπον)» народца, была уже подорвана пораженіями 381 и 409 г.; вотъ почему они освободились изъ-подъ гунскаго ига не собственною силою, а только вслѣдствіе полнаго обезсиленія гунновъ.

Конечно, мы признаемъ за своею догадкою лишь характеръ гипотезы. Нельзя, однако, не замѣтить, что она не только не противорѣчитъ имѣющимся на лицо даннымъ, но и примиряетъ противорѣчія, скрывающіяся въ дошедшихъ до насъ извѣстіяхъ о скирахъ, не прибѣгая къ предположеніямъ, лежащимъ внѣ

---

1) Jord. 50, 265. Нѣкоторыя очень древнія рукописи (ВХУ) даютъ чтеніе «ceteri Alanorum» (вм. certi Alanorum), принятое всѣми издателями до Момзена.

фактовъ и внося нѣкоторый свѣтъ въ очень темныя международныя отношенія интересующей насъ эпохи.

Мы исчерпали все, что мы знаемъ достовѣрнаго о скирахъ, и можемъ, поэтому, перейти къ нижнедунайскимъ кельтамъ.

Прежде всего замѣтимъ, что присутствіе кельтскихъ поселеній близъ дельты Дуная не подлежитъ сомнѣнію. О нихъ впервые говоритъ Птолемей III, 10, гдѣ онъ въ трехъ отдѣльныхъ параграфахъ 7. 8. 9 рисуетъ краткую картину той части «Нижней Мэзіи» надъ Дунаемъ, которая была пріобрѣтена римлянами сравнительно недавно (ср. выше стр. 106) и являлась крайнимъ, на сѣверовостокѣ, римскимъ владѣніемъ. Здѣсь у него отмѣчены Βριτολάγαι ὑπὲρ τοὺς Πευκινούς[1]). Такъ какъ надъ этими бритолагами живутъ Ἄρπιοι, южные сосѣди тирагетовъ, доходящихъ до Днѣстра, то опредѣленіе ихъ земли не представляетъ трудностей: она занимала узкую полосу надъ нижнимъ Дунаемъ отъ моря до Серета(?) на западѣ, и обнимала, можетъ быть, часть дунайской дельты, не занятую певкинами. Верстъ 25 къ сѣверу отъ Килійскаго Дуная уже начиналась область карповъ (см. ниже).

Это пріуроченіе подтверждается разночтеніемъ, которое даютъ нѣкоторыя рукописи, между прочимъ одна изъ лучшихъ, Миланская D 527 (S въ изд. Мюллера): Βριτογάλλοι δὲ ὑπὲρ τὰ στόματα (τοῦ Ἴστρου ποταμοῦ). См. изданіе Мюллера 463 прим. [2], 469 прим. [6].

Варіантъ этотъ интересенъ и по той формѣ, которую онъ даетъ имени даннаго народа: онъ доказываетъ, что уже средневѣковые переписчики Птолемеева труда узнали въ этомъ народѣ кельтовъ, хотя самъ Птолемей ихъ таковыми не называетъ. Можетъ быть, въ этомъ чтеніи сохранилась даже первоначальная форма?

Впрочемъ, какое бы чтеніе мы ни приняли, Βριτολάγαι, Βριγολάγαι, Βριτολάται[2]) или, наконецъ, Βριτογάλλοι, — каждая

1) На кельтскій характеръ бритолаговъ указалъ впервые Томашекъ GGA. 1888 p. 301.

2) См. Мюллера 468 прим. [1]. Не опечатка-ли тутъ?

изъ этихъ формъ носитъ явно кельтскій, именно кельтскій, отпечатокъ. Ср. многочисленныя этническія названія и имена городовъ, сложныя съ brit- и brig- во всѣхъ древне-кельтскихъ областяхъ и, кромѣ того, гальскихъ Latovici Caes. Bell. Gall. I, 5, 4, верхнепаннонскихъ Λατόβικοι Ptol. II, 14, 2, несомнѣнно кельтскихъ Mars Latobius, Latobius Augustus въ надписяхъ, найденныхъ въ Норикумѣ, въ землѣ кельтскихъ таурисковъ, CIL. III. № 5320 s., 5097 s.; и, пожалуй, еще рѣку Lagina, нын. Leine, притокъ Aller, впадающей въ Везеръ[1]).

Кельтское происхожденіе бритолаговъ подтверждается, кромѣ того, названіями двухъ городовъ, лежавшихъ въ ихъ землѣ, а именно Новіодунумомъ и Аліобриксомъ.

Городъ Νοουιόδουνον 54°40′ долг. 46°30′ шир. Ptol. III, 10, 5 стоялъ на мѣстѣ нын. Исакчи, на правомъ берегу Дуная. Очевидно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ аванпостомъ бритолаговъ къ югу отъ этой рѣки, гдѣ мы не встрѣчаемъ другихъ кельтскихъ поселеній. Это былъ очень важный, въ свое время, стратегическій пунктъ, вслѣдствіе чего о немъ часто упоминаютъ какъ историки, такъ и надписи, ср. изданіе Мюллера 467 прим.[3], 468 прим.[1]. Здѣсь между прочимъ была стоянка римскаго легіона (legio I Jovia) еще при Діоклетіанѣ; здѣсь-же переправился черезъ Дунай императоръ Валентъ, предпринимая въ 369 г. походъ противъ вестготовъ Amm. Marcell. XXVII, 5, 6.

Что Νοουιόδουνον кельтское имя, доказывается не только множествомъ извѣстныхъ кельтскихъ городовъ на — dunum, но и повтореніемъ всего имени въ несомнѣнно кельтскихъ областяхъ. Въ одной Галліи мы находимъ 4 города имени Noviodunum; нын. Neuvy en Bar, недалеко отъ Bourges; Noviodunum ок. нын. Mayenne Ptol. II, 8, 7; городъ съ тѣмъ же названіемъ въ землѣ свессіоновъ, нын. Soissons; и, наконецъ, нын. Nyon на зап. берегу Женевскаго озера. Ближе къ интересующей насъ области,

---

1) Первоначальная кельто-германская граница лежала на востокъ отъ Везера, см. DA. II, 232 ss.

у кельтовъ восточныхъ, Νοουιόδουνον въ Pannonia Superior, Ptol. II, 14, 4, вѣроятно нын. Новиградъ на Добрѣ, притокѣ Кульны, впадающей въ Саву; и, нѣсколько сѣвернѣе, въ той-же Панноніи, Neviodunum, ок. нын. Мункендорфъ, при впаденіи Гурки въ Саву, гдѣ найдено нѣсколько римскихъ надписей съ этимъ именемъ.

Что касается Аліобрикса, то имя это называется только одинъ разъ, въ припискѣ въ концѣ 10 главы III книги Птолемея (Moesia Inferior), и то только въ одной Ватиканской рукописи 191 (X у Мюллера), принадлежащей, однако, къ лучшимъ кодексамъ нашего автора: ἀπέναντι Νοουιδούνου πέραν τοῦ Δανούβεως ποταμοῦ ἐστὶ πόλις τῶν Γόθθων Ἀλιόβριξ (Мюллеръ 468 прим. [1]).

Приписка эта, конечно, принадлежитъ болѣе позднему времени чѣмъ самый текстъ, такъ какъ она предполагаетъ господство вестготовъ надъ этимъ краемъ. Но что это не готское, а кельтское поселеніе, явствуетъ изъ самаго имени: ср. множество городскихъ названій на — briga, этническихъ на — briges въ Испаніи, Галліи и т. д., въ особенности же Καιτόβριξ въ Hisp. Lusitania Ptol. II, 5, 2, нын. Setúbal; Βριξία Ptol. III, 1, 27 нын. Brescia; Βρίξελλον ibid. 42, нын. Brescello, близъ Пармы; и, наконецъ, извѣстныхъ гальскихъ аллоброговъ, иначе аллобриговъ (Ptol. II, 10, 7 Ἀλλόβριγες) съ главн. гор. Vienna, нын. Vienne.

Разбираемое нами имя находится въ ближайшемъ родствѣ съ послѣднимъ названіемъ, представляя лишь діалектическую разновидность вм. *Allobrix. Ср. ирл. aile, кимр. брет. all изъ пракельтск. aljo [1]).

Во всякомъ случаѣ, кельтское происхожденіе этого имени не подлежитъ сомнѣнію. Между Новіодунумомъ и Аліобриксомъ, на Дунаѣ, происходило, вѣроятно, свиданіе вестготскаго князя Атанарика съ императоромъ Валентомъ, о которомъ разсказываетъ Amm. Marc. XXVII, 5, 9.

Если, такимъ образомъ, бритолаги — кельты, въ чемъ, мнѣ

---

1) Не знаю, имѣемъ-ли мы право отнести сюда-же гор. Aliassus ок. нын. Köprükioj въ малоаз. Галатіи, въ землѣ тектосаговъ; и Alisca въ нижней Панноніи на Дунаѣ, близъ нын. Szegzard.

кажется, сомнѣваться нельзя, то намъ остается лишь рѣшить вопросъ, откуда, когда и при какихъ обстоятельствахъ этотъ народецъ могъ быть заброшенъ сюда, въ этотъ дальній уголокъ, такъ далеко отстоящій отъ центровъ кельтскаго міра.

Высказанная нами на стр. 103 догадка, что галаты ольвійской надписи предки нижнедунайскихъ бритолаговъ, дала уже отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но раньше чѣмъ окончательно остановиться на этомъ рѣшеніи и подробнѣе обосновать его, мы должны замѣтить, что мыслимы были бы еще другія объясненія: въ бритолагахъ можно видѣть кельтовъ Ѳракійскихъ или выходцевъ изъ земли скордисковъ между Савой и Дравой. Дѣйствительно, первое мнѣніе высказалъ еще въ 1834 г. A. Schmidt, второе — Böckh[1]). Они оба имѣли въ виду не бритолаговъ, а ольвійскихъ галатовъ; но это для насъ, конечно, безразлично. Всматриваясь, мы найдемъ, что ни то ни другое объясненіе не выдерживаетъ критики.

Кельты, занявъ ок. 400 г. до Р. Хр. восточные Альпы, двинулись тогда-же дальше на югъ и овладѣли почти всѣмъ сѣверозападнымъ угломъ балканскаго полуострова къ югу отъ Савы. Здѣсь исходный пунктъ того кельтскаго посольства, которое въ 334 г. явилось въ лагерь Александра Македонскаго, воевавшаго въ то время съ гетами на нижнемъ Дунаѣ. Ихъ нашествія на Ѳракію начались въ 281 г. Pausan. X, 19, 4, и были направлены, главнымъ образомъ, на западъ и югъ полуострова. Въ 279 г. огромное войско подъ начальствомъ Бренна дошло даже до Эллады, но было разбито, какъ извѣстно, при Дельфахъ Iustin. XXIV, 6—8; Pausan. X, 19, 5 ss. — 23. По преданію, остатки этого войска основали на обратномъ пути ок. 278 г. подъ начальствомъ Комонторія, государство въ юго-восточной

1) A. Schmidt, De fontibus veterum scriptorum in enarrandis expeditionibus Gallorum adversus Delphos susceptis. 1834 p. 22.—A. Boeckhius CJG. II (1843) p. 85 s. Къ мнѣнію Шмидта примкнулъ Латышевъ, Изслѣдованія стр. 66 сл.; къ мнѣнію Бёка — Диттенбергеръ, Sylloge inscr. Graecar. 363. Послѣдній допускаетъ, впрочемъ, также рѣшеніе въ пользу ѳракійскихъ кельтовъ.

Ѳракіи, съ главнымъ городомъ Τύλη (Τύλις Steph. Byz. s. v.) между Балканами и Византіей Polyb. IV, 45, 10; 46, 1 ss. Византійцы должны были платить имъ ежегодную дань для огражденія своего города отъ ихъ нашествій, пока, наконецъ, ихъ царство не было уничтожено возставшими ѳракійцами. При этомъ τὸ γένος αὐτῶν (scil. Γαλάτων) ἐξεφθάρη πᾶν, ὑπὸ Θρᾳκῶν ἐκ μεταβολῆς ἐπικρατηθέν. Polyb. l. c. Это событіе относится къ 213 г.[1]).

Вотъ съ этими то галатами и связываетъ Шмидтъ въ указ. мѣстѣ, а за нимъ и Латышевъ, галатовъ ольвійской надписи. Но возможно-ли это? О распространеніи кельтскихъ нашествій до устьевъ Дуная, а тѣмъ болѣе за эту рѣку, нѣтъ рѣшительно никакихъ извѣстій. Пораженіе гетовъ и трибалловъ галатами, о которомъ говоритъ Justin. XXV, 1, 2 s., имѣло мѣсто гораздо южнѣе и нанесено, вѣроятно, именно галатами Комонторія, гдѣ-нибудь около Балканскаго хребта, ср. DA. III, 144. А послѣ событій 213 г. они и подавно не могли дойти до Дуная. Не говоря уже о томъ, что они, по Полибію, всѣ были перебиты въ сраженіи, на что указалъ уже Duncker Origines 81, пришлось бы допустить, что уцѣлѣвшіе остатки ихъ проложили себѣ путь черезъ области, сплошь занятыя ихъ врагами, ѳракійскими гетами, только что нанесшими имъ пораженіе. Путь къ спасенію лежалъ не на востокъ, а на сѣверозападъ, гдѣ въ области Моравы сосредоточивались главныя силы балканскихъ кельтовъ.

Мы приходимъ, слѣдовательно, къ выводу, что бритолаги не могли явиться на нижній Дунай съ юга.

Очень неправдоподобно также мнѣніе Böckh'a, что галаты отдѣлились отъ скордисковъ на Савѣ. Оно предполагаетъ походъ вдоль Дуная, о которомъ не осталось никакихъ слѣдовъ въ трудахъ историковъ, такъ зорко слѣдившихъ за движеніями кельтовъ. Притомъ, такое предпріятіе невѣроятно и по причинамъ

---

1) Cp. Schmidt, Das olbische Psephisma zu Ehren des Protogenes, въ Rheinisches Museum für Philologie IV (Bonn 1835—36) p. 596.

внутреннимъ. Въ самомъ дѣлѣ, что могло побудить кельтовъ двинуться въ бѣдныя нижнедунайскія степи и, въ концѣ концевъ, даже поселиться тамъ, когда передъ ними лежала богатая Ѳракія? Мы уже замѣтили выше, что нашествія ихъ направлены, главнымъ образомъ, на югъ: это тактика вполнѣ понятная.

Наконецъ, еслибъ Schmidt или Böckh были правы, то какимъ образомъ ольвійскіе галаты могли оказаться въ обществѣ скировъ?

Однимъ словомъ, все приводитъ насъ къ заключенію, что галаты ольвійской надписи, т. е., какъ мы думаемъ, позднѣйшіе бритолаги, могли явиться сюда только съ сѣвера, и что къ сѣверу отъ Дуная лежитъ ихъ исходный пунктъ.

Отыскать послѣдній — не трудно: вся сѣверная, гористая Венгрія была, подобно Моравіи и Богеміи, нѣкогда заселена кельтскими народностями, тянувшимися непрерывною цѣпью отъ Рудныхъ Горъ до Лѣсныхъ Карпатъ. Занятіе этихъ обширныхъ областей кельтами было, безъ сомнѣнія, результатомъ того-же «похода Сиговеза», въ теченіе котораго они заняли восточные Альпы, иначе говоря, оно относится ко времени ок. 400 г. до Р. Хр. и было результатомъ, вѣроятно, *одного* движенія, не двухъ, какъ полагалъ Мюлленгофъ DA. II, 277. Дѣло въ томъ, что волковъ-тектосаговъ Юлія Цезаря Bell. Gall. VI, 24, 2 нужно искать не въ Богеміи, а въ Моравіи; они пришли не по слѣдамъ боіевъ въ покинутую ими Богемію, а предшествовали имъ въ движеніи на востокъ. Это неопровержимо доказывается тѣмъ, что вся область на западъ отъ Богеміи до Рейна была занята германцами еще до выселенія боіевъ въ Паннонію и Норикумъ, послѣдовавшаго ок. 60 до Р. Хр., ср. DA. II, 265; Мухъ 4 s., 10 s. Шварцвальдъ уже на Tab. Peut. носитъ названіе Silva Marciana, конечно, отъ герм. mark; а съ другой стороны, по свидѣтельству Юлія Цезаря, тектосаги не мѣняли разъ занятаго мѣста, Bell. Gall. VI, 24, 2: loca circum Hercy-

niam silvam... Volcae Tectosages occupaverunt atque ibi consederunt; quae gens ad hoc tempus his sedibus sese continet.

А если тектосаги заняли Моравію не позже начала IV в. до Р. Хр., то болѣе чѣмъ вѣроятно, что кельтскія народности, жившія дальше на востокъ, явились сюда около того-же времени, если не раньше. Съ одною изъ нихъ, именно съ котинами на верхнемъ Гранѣ, мы уже познакомились на стр. 45. Но они занимаютъ лишь центръ позиціи карпатскихъ кельтовъ. Если Тацитъ не знаетъ другихъ кельтовъ въ предѣлахъ Германіи (въ римскомъ смыслѣ этого слова), то это только потому, что западные, кельтскіе-же сосѣди котиновъ отчасти выселились (боіи), отчасти погибли (тектосаги) въ борьбѣ съ надвигавшимися съ запада и съ сѣвера германцами: квадами, марсингами, бурами. Да и сами котины потерпѣли уронъ въ этой борьбѣ, если Κότνοι въ сѣверовосточномъ углу Панноніи Ptol. II, 14, 2 дѣйствительно, часть этого народа, переселившаяся сюда вслѣдъ за боями, DA. II, 327 s., или спасшаяся бѣгствомъ отъ квадовъ, послѣ гибели тектосаговъ, Much 14. Котины-же на Гранѣ, не желая разстаться съ своей землей, богатой рудниками, подпали власти квадовъ (выше стр. 45).

Не такъ ясна, съ перваго взгляда, этнологія сѣверной Венгріи.

Чтобы разобраться въ очень сложномъ этнологическомъ составѣ прикарпатскихъ областей и въ географическомъ распредѣленіи его, мы не можемъ ограничиться разсмотрѣніемъ, съ этой точки зрѣнія, однихъ только сѣверныхъ комитатовъ Венгріи, а должны включить въ изслѣдованіе болѣе обширное пространство: всю Венгрію, Галицію съ Буковиной и Румынію, или, по терминологіи Птолемея: всю римскую Дакію, прилегающую къ ней на сѣверѣ южную полосу Сарматіи и, отчасти, нижнюю Мэзію. Это отступленіе отъ нашей ближайшей задачи будетъ нелишнимъ уже потому, что оно приведетъ насъ къ нѣкоторымъ важнымъ для насъ результатамъ, и потому еще, что оно касается области, впослѣдствіи вошедшей въ сферу готскаго вліянія.

Нѣкоторыя части только-что очерченнаго нами края уже выяснились намъ этнологически: надъ Лѣсными Карпатами въ нын. Галиціи, отчасти и въ Бескидахъ, мы нашли бастарновъ, жившихъ тамъ уже въ доисторическое время (стр. 105), а за Прутомъ на Днѣстрѣ мы отмѣтили тирагетовъ (стр. 91 слѣд.).

Такъ какъ наша задача хронологически опредѣляется III вѣкомъ до Р. Хр., то мы должны исключить изъ интересующаго насъ пространства суевовъ Ваннія и сарматскихъ язиговъ, которые заняли свои области почти одновременно и гораздо позже: первые — равнину надъ среднимъ Дунаемъ между Моравою и Эйпелемъ — въ 19 г. по Р. Хр. Tac. Annal. II, 63; вторые — равнину Тиссы — ок. 20 — 40 гг. нашей эры (см. выше стр. 94). До этихъ событій земля суевовъ была занята кельтами [1]), а земля язиговъ — несомнѣнно даками [2]). Этимъ значительно упрощается наша задача.

Главнымъ нашимъ источникомъ будетъ и здѣсь также Птолемей, который даетъ наиболѣе полную картину интересующаго насъ края. Правда, очерчивая эту картину и распредѣляя по ней народности, онъ имѣетъ въ виду Дакію II в. по Р. Хр. Но такъ какъ въ промежутокъ времени отъ вторженія кельтовъ ок. 400 г. до Р. Хр. вплоть до Птолемея большихъ народныхъ передвиженій въ нын. Венгріи, повидимому, не было, — за исключеніемъ только что отмѣченныхъ, — то мы имѣемъ право перенести Птолемееву картину и на III в. до начала христіанскаго лѣтосчисленія.

Всматриваясь въ рисунокъ Дакіи по Птолемею III, 8, 1. 2, мы замѣтимъ, прежде всего, что онъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности и далеко не точно передаетъ фактическія границы римскихъ владѣній. На югѣ его Дакія, правда, вѣрно ограничивается Дунаемъ (мы не говоримъ, пока, о не-

---

1) Всѣ среднедунайскіе города носятъ кельтскія названія, ср. Vindobona, Carnuntum, Arrabona, Brigetio.

2) Cp. Plin. IV, 12, 80: pulsi ab his (scil. Jazygibus Sarmatis) Daci.

правильности рисунка послѣдняго); но зато на западѣ границу составляетъ у него Тисса (Τιβίσκος), т. е. меридіанъ 46° до Карпатскихъ горъ (Καρπάτον Ὄρος), начало которыхъ отмѣчено подъ 46° долг. и 48° 30′ шир. (III, 5, 1); на сѣверѣ къ Дакіи примыкаетъ Сарматія по прямой линіи параллели 48° 30′ отъ Карпатъ до 53° долг., т. е. до средняго Днѣстра, гдѣ послѣдній поворачиваетъ на югъ (III, 5, 6); а на востокѣ границу составляетъ меридіональная линія отъ этого пункта до Серета (Ἱέρασος ποταμός) и теченіе этой рѣки до ея впаденія въ Дунай ок. Диногетіи (противъ нын. Галаца).

Въ дѣйствительности-же римская Дакія была значительно меньше, уже потому, что она не доходила на западѣ до средней Тиссы. Начинаясь на нижней Тиссѣ около нын. Csurog, верстахъ въ 70 отъ впаденія ея въ Дунай, граница направлялась на сѣверовостокъ, пересѣкала Марошъ подъ нын. Арадомъ, огибала дугообразной линіей съ сѣверозапада семиградскія горы и, вторично достигнувъ Тиссы въ верхнемъ ея теченіи подъ нын. Sziget'омъ, пересѣкала Лѣсныя Карпаты и, наконецъ, упиралась въ Днѣстръ повыше нын. Хотина [1]). Отсюда она шла по Днѣстру до ἐπιστροφή послѣдняго въ указанномъ пунктѣ. Мы увидимъ ниже, что подъ этимъ пунктомъ нужно разумѣть мѣсто между селеніями Сарацея и Бѣлочь, гдѣ въ Днѣстръ впадаетъ рѣчка Окны: здѣсь Днѣстръ, дѣйствительно, круто поворачиваетъ на югъ.

Правъ-ли Птолемей, указывая здѣсь крайнюю сѣверовосточную точку Дакіи, или-же не кончалась-ли Дакія уже у Хотина, гдѣ Прутъ очень близко подходитъ къ Днѣстру, либо въ точкѣ пересѣченія Прутомъ пограничной линіи въ нын. Буковинѣ — это вопросъ второстепенный. Онъ сводится къ тому, принадлежалъ-ли въ эпоху Птолемея сѣверозападный уголъ

---

1) Правильность этой линіи доказывается археологическими находками, историческими данными и т. д. См. любую историческую карту. Разногласія возможны только въ мелкихъ частностяхъ.

Бессарабіи къ Дакіи или къ провинціи Нижней Мэзіи. А это для насъ, конечно, безразлично.

Птолемей ошибся, вѣроятно, и въ томъ, что онъ указалъ Серетъ вм. Прута восточною границею Дакіи. См. объ этомъ ниже.

Но важнѣе то, что сѣверная граница римскихъ владѣній въ этой части карты, въ общемъ, вѣрно очерчена имъ: она, дѣйствительно, представляла почти прямую линію отъ устья Буга по крайней мѣрѣ до Хотина, въ сѣверной Бессарабіи (см. ниже), съ тою только разницею, что въ дѣйствительности эта линія идетъ съ юговостока на сѣверозападъ, тогда какъ у Птолемея она представлена прямою параллелью 48° 30′.

Мы должны теперь точнѣе опредѣлить эту сѣверную границу на всемъ ея протяженіи, чтобы выяснить неправильности всего рисунка и отношеніе его къ римской Дакіи. Мы не можемъ перейти къ этнологіи этого края, не рѣшивъ въ точности, что̀ именно Птолемей разумѣлъ подъ своей Дакіей.

Границу эту составляетъ у него, какъ мы уже знаемъ, продолженіе линіи, ведущей отъ устья Буга къ ἐπιστροφή Днѣстра. Съ легкимъ отклоненіемъ на сѣверъ, въ зависимости отъ теченія этой рѣки, она слѣдуетъ послѣдней приблизительно до Хотина (ἀπὸ ἐπιστροφῆς.... μέχρι τοῦ πέρατος, οὗ θέσις 49° 30′—48° 30′ III, 5, 6). Важно, что Птолемей говоритъ тутъ не объ источникѣ (πηγή) Днѣстра, а лишь объ одной точкѣ средняго его теченія. Дѣйствительно, граница покидаетъ здѣсь Днѣстръ, не достигнувъ его источника, и идетъ отсюда къ Карпатамъ до ихъ «начала» (ἡ ἀρχὴ τοῦ Καρπάτου ὄρους), подъ которымъ нужно разумѣть, какъ мы увидимъ, начало Лѣсныхъ Карпатъ, опредѣляемое теченіемъ Попрада, притока Дунайца. Верховья этой рѣки лежатъ на меридіанѣ устья Тиссы (20° 18′ отъ Гринича). Этотъ меридіанъ, идущій приблизительно, по Тиссѣ въ нижнемъ теченіи ея [1]), составляетъ западную границу его Дакіи. Пере-

1) Птолемей III, 7, 1 имѣетъ очень вѣрное и точное представленіе о теченіи этой рѣки.

сѣкая сѣверную днѣстровскую линію, онъ образуетъ съ нею острый уголъ, не прямой, какъ у Птолемея. Но причина этой ошибки ясна: карта Дакіи оріентирована съ юга, базисомъ служилъ Дунай и рисунокъ получился, въ общихъ чертахъ, вѣрный. Поднѣстровье-же оріентировано съ береговъ Чернаго моря, рисунокъ котораго невѣренъ по слѣдующей причинѣ.

Одна изъ немногихъ точекъ Европы, широта которой была опредѣлена астрономически почти совсѣмъ точно еще Пиѳеемъ въ IV в. до Р. Хр., это — Марсель (Ptol. II, 10, 5: 43° 5′, въ дѣйствительности 43° 17′). Она служила, поэтому, однимъ изъ основныхъ пунктовъ древней картографіи. Съ другой стороны Гиппархъ во II в. до Р. Хр., ища такую-же твердую точку опоры для восточной Европы, подвергъ опредѣленію, посредствомъ гномона, широту Византіи (Strabo I, 4, 4) и — сдѣлалъ грубую ошибку. Византія оказалась у него на той-же параллели 43° 5′, тогда какъ фактически она лежитъ подъ 41° 1′ шир.

Ошибку эту переняли у него всѣ позднѣйшіе географы, между проч. Маринъ и Птолемей, ср. Bunbury I, 661; II, 8. 562. Ясно, что она должна была повліять и на рисунокъ Чернаго моря, южное побережье котораго оказалось, вслѣдствіе этого, отодвинутымъ на сѣверъ на 2°. По западному берегу разность была, правда, уменьшена вслѣдствіе неточности дальнѣйшихъ вычисленій Птолемея, такъ что устье Днѣстра отмѣчено подъ 47° 40′ шир. (III, 10, 7) вм. 46° 5′, т. е. всего на 1° 35′ слишкомъ далеко на сѣверъ, а ἐπιστροφή его оказывается подъ 48° 30′ шир. вм. 47° 50′, т. е. разность уменьшена до 40′. Но тѣмъ не менѣе она и здѣсь такъ велика, что совсѣмъ видоизмѣнила рисунокъ Днѣстра, значительно приблизивъ широту ἐπιστροφή его къ параллели τῆς ἀρχῆς τοῦ Καρπάτου; а это дало Птолемею возможность изобразить сѣверную границу Дакіи въ видѣ прямой линіи по параллели 48° 30′, такъ какъ онъ передвинулъ начало Карпатъ на 40′ южнѣе, можетъ быть,

вслѣдствіе невѣрнаго рисунка Тиссы [1]) и неточныхъ вычисленій въ центральной Дакіи, или изъ желанія схематизаціи [2]). Во всякомъ случаѣ, меридіанъ въ предѣлахъ Венгріи оказался короче чѣмъ въ дѣйствительности: разстояніе отъ устья Тиссы до Карпатъ на его картѣ равно 2125 стадіямъ (1° шир.=500 стад.) т. е. 392,4 килом., фактически же оно равняется приблизительно 470 килом.

Съ другой стороны, и параллель также короче, опять-таки въ зависимости отъ неправильнаго рисунка Чернаго моря.

Извѣстно, что долгота мѣстности была, вслѣдствіе отсутствія точныхъ часовъ, почти неопредѣлима для древнихъ; она имѣетъ всегда лишь относительную точность. Неудивительно, поэтому, что гор. Тирасъ (нын. Аккерманъ) оказался у Птолемея III, 10, 8 на одномъ меридіанѣ съ Византіей, т. е. на 56° долг., тогда какъ въ дѣйствительности Византія лежитъ на меридіанѣ 29° отъ Грин. а Тирасъ на 30° 30′, т. е. на $1^1/_2$° восточнѣе. Вслѣдствіе этого, западный берегъ Чернаго моря получилъ почти меридіальное направленіе вм. значительнаго отклоненія сѣверныхъ частей его на востокъ; Днѣстръ оказался передвинутымъ на западъ на цѣлыхъ $1^1/_2$°, а это повлекло за собою съуженіе рисунка сѣверной Дакіи. При этомъ, ошибка должна была сказаться не въ восточной, а въ западной части пограничной линіи, отъ Хотина до «начала Карпатъ», которую Птолемей не могъ провѣрить на основаніи оффиціальныхъ данныхъ. Онъ начиналъ расчетъ съ береговъ Чернаго моря. Опредѣляя на картѣ важнѣйшіе пункты имперской границы отъ устья Буга до Хотина, онъ имѣлъ передъ собою, очевидно, точный геодезическій матеріалъ, т. е. расчетъ разстояній по стадіазмамъ. Дѣйствительно, разстояніе отъ ἐπιστροφή Днѣстра до Ольвіи и Тираса нанесено на карту совершенно вѣрно (см. ниже); точно

---

1) Устье Тиссы отмѣчено подъ 46° долг. 44°15′ шир. т. е. на 53′ южнѣе чѣмъ въ дѣйствительности (45° 8′ шир.).

2) Птолемей всегда старается схематизировать карту и придать каждой изъ ея частей прямолинейную фигуру.

также вѣренъ его расчетъ разстоянія отъ этого пункта до того мѣста надъ Хотинымъ, гдѣ римская граница покидала Днѣстръ.

Продолжая затѣмъ линію до начала Карпатъ, онъ уже не могъ опредѣлить длину этой части по стадіямъ, такъ какъ она лежала за предѣлами имперіи, т. е. мы имѣемъ *тутъ* дѣло съ линіей чисто геометрической, не геодезической. Разстояніе отъ πέρας Днѣстра до ἀρχή τοῦ Καρπάτου равно у него 3° 30′ долг.; а такъ какъ 1° долг. на данной шир. 48° 30′ на картѣ Птолемея равенъ 331,3 стад. (см. ниже), то, слѣдовательно, 3° 30′ = 1159,5 стад. = 214,1 кил. Фактически, однако, данное разстояніе равно приблиз. 423 кил. Слѣдовательно, ошибка выразилась въ 208,9 килом.

Этотъ минусъ, однако, слишкомъ великъ: указанная нами ошибка въ черноморскомъ рисункѣ оправдываетъ лишь минусъ въ $1^1/_2$° = 91,7 килом. Необъясненными остаются еще 117,2 килом. Мы могли бы помириться съ этимъ, такъ какъ на такихъ огромныхъ разстояніяхъ подобная разность можетъ казаться незначительною. Но, чтобы показать послѣдовательность Птолемея и тѣмъ какъ бы увеличить его научный кредитъ, мы объяснимъ и этотъ остатокъ.

Сдѣлать это не трудно. Черное море тутъ не при чемъ: основная ошибка кроется въ рисункѣ средняго Дуная отъ Κάρπις (въ точкѣ пересѣченія Дуная и меридіана 19° отъ Грин. на 47° 50′ шир.) до устья Тиссы. Между ними разстояніе по параллели 47° 50′ равно прибл. 97 килом., у Птолемея же, у котораго 1° долг. на широтѣ 48° равенъ 334,5 стадіямъ, а устье Тиссы лежитъ на 46° долг., Κάρπις на 42° 30′, это разстояніе = 1170,7 стад. = 216,2 килом., иначе говоря, меридіанъ устья Тиссы, на широтѣ 48°, проходитъ у Птолемея на 119,2 кил. восточнѣе фактическаго его меридіана. Считая все по той-же параллели, это представляетъ собою восточное отклоненіе въ 645,3 стад., т. е. 1° 55′. Такъ какъ «начало Карпатъ» лежитъ, по Птолемею, на меридіанѣ устья Тиссы то, слѣдовательно, и оно также отклонилось на востокъ на 1° 55′. Съ другой сто-

роны, на широтѣ 48° 30′, на которой лежитъ ἀρχὴ τοῦ Καρπάτου, 1° долг.=331,3 стад.; слѣдовательно, начало Карпатъ передвинулось на востокъ на 634,9 стад.=117,2 кил. Это тѣ самые 117,2 кил., которыхъ не хватало выше.

Мы поняли теперь рисунокъ Дакіи вполнѣ, выяснивъ причины неправильности его. А отсюда необходимо слѣдуетъ выводъ, очень важный для насъ: подъ ἀρχὴ τοῦ Καρπάτου ὄρους Птолемей разумѣлъ именно начало Лѣсныхъ Карпатъ ок. нын. селенія Muszyna на Попрадѣ, а подъ πέρας Днѣстра — нын. Хотинъ въ сѣв. Бессарабіи; т. е. его Дакія обнимаетъ, дѣйствительно, всю Венгрію на востокъ отъ меридіана нижней Тиссы (20°18′ Грин.), южный уголокъ Галиціи, всю Буковину и всю Румынію до Дуная.

Мы уже знаемъ, что эта его Дакія значительно больше римской провинціи этого имени. Но мы можемъ оправдать его рисунокъ и съ этой, такъ сказать, внутренней стороны. Онъ объясняется не однимъ только стремленіемъ его схематизировать всякую карту.

Птолемей даетъ, въ сущности, естественную границу Дакіи. Фактическая сѣверозападная граница послѣдней проходила, какъ мы видѣли, гораздо южнѣе, охватывая лишь юговосточную, горную область; но она, конечно, никогда не была намѣчена оффиціально измѣренной линіей, ни обезпечена, именно въ этомъ направленіи, договорами съ сосѣдями и т. д. Фактическіе слѣды римскаго владычества, находимые въ Венгріи, держатся всѣ въ указанныхъ нами предѣлахъ той области, въ которой, еще при Траянѣ, около 107 г., было введено провинціальное правленіе. Но не будь маркоманской войны въ концѣ II и вторженія германскихъ варваровъ въ III вѣкѣ, заставившихъ римлянъ отказаться отъ Дакіи въ 272 г., то, конечно, римское завоеваніе не остановилось бы здѣсь, а дошло бы, по меньшей мѣрѣ, до естественныхъ границъ, т. е. сѣверной части Карпатъ. Птолемей и его современники не могли, разумѣется, предвидѣть тотъ неожиданный оборотъ, который приняли въ III вѣкѣ дѣла въ Дакіи.

Правда, наступательная политика первыхъ императоровъ уже успѣла превратиться въ оборонительную, и само учрежденіе дакійской провинціи имѣло, прежде всего, оборонительную цѣль; но могущество имперіи именно тогда, къ серединѣ II вѣка, достигло зенита, и географъ, изображая на картѣ территоріальное выраженіе этого могущества, легко могъ, въ данномъ случаѣ, преувеличить его, замѣняя фактическія границы естественными. Притомъ, такое изображеніе едва-ли слишкомъ рѣзко противорѣчило дѣйствительности. Птолемей не могъ не знать, что широкая равнина Тиссы не входила въ составъ имперіи. Но, безъ сомнѣнія, римское политическое вліяніе было здѣсь очень велико. О прямыхъ враждебныхъ столкновеніяхъ Рима съ сосѣдями въ сѣверныхъ Карпатахъ мы, послѣ учрежденія провинціи, также ничего не знаемъ: очевидно, сношенія ихъ съ римскимъ правительствомъ были, въ общемъ, дружественны и носили характеръ федеративный [1]). Доказательствомъ этого можетъ служить, между прочимъ, надгробный памятникъ, поставленный койстобокскими царевичами въ Римѣ (см. ниже). Однимъ словомъ, мы думаемъ, что Птолемей былъ, конечно, неправъ, принимая сѣверныя Карпаты за оффиціальную границу римской провинціи Дакіи, но что, тѣмъ не менѣе, его карта соотвѣтствуетъ дѣйствительности гораздо больше, чѣмъ можетъ показаться на первый взглядъ. Въ интересахъ правительства было сохранять сѣверныхъ сосѣдей въ федеративной зависимости, если можно такъ выразиться. Они служили оплотомъ отъ сѣверныхъ варваровъ, не стоившимъ ни денегъ, ни войскъ. Послѣднія можно было сосредоточить въ горной части Дакіи, т. е.

---

1) Императоръ Адріанъ хотѣлъ отозвать легіоны изъ Дакіи, т. е. отказаться отъ этой провинціи Eutrop. VIII, 6, но не вслѣдствіе столкновеній съ сосѣдями, а въ силу общаго принципа его политики, стремившейся къ консолидаціи власти въ прежнихъ предѣлахъ. Онъ отказался изъ-за этого отъ Ассиріи, Месопотаміи и Арменіи, — провинцій, созданныхъ также его предшественникомъ Траяномъ. Завоевательная политика была ему совершенно чужда.

нын. Семиградьѣ; а защитить эту область было, сравнительно, легко.

Обращаясь теперь къ болѣе важному для насъ вопросу, къ этнологіи даннаго края, мы находимъ у Птолемея-же очень богатый матеріалъ. Ища географическое положеніе каждой изъ отмѣченныхъ имъ народностей, мы должны, конечно, имѣть въ виду не римскую провинцію, а всю Птолемееву Дакію въ выяснившихся намъ предѣлахъ.

Птолемей III, 8, 3 называетъ въ ней всего 15 этническихъ именъ, располагая ихъ на картѣ, по обыкновенію, схематически, т. е. въ три ряда, по пяти именъ въ каждомъ. Вслѣдствіе этого получается слѣдующая фигура:

Ἄναρτοι	Τευρίσκοι	Κοιστοβῶκοι
Πρεδαυήνσιοι	Ῥατακήνσιοι	Καυκοήνσιοι
Βίηφοι	Βουριδαυήνσιοι	Κοτήνσιοι
Ἀλβοκήνσιοι	Ποτουλατήνσιοι	Σήνσιοι
Σαλδήνσιοι	Κειάγισοι	Πιέφυγοι

Первый горизонтальный рядъ примыкаетъ къ сѣверной границѣ Дакіи, послѣдній—къ Дунаю. Мы увидимъ, что этотъ порядокъ, въ общихъ чертахъ, совершенно вѣрно передаетъ дѣйствительное расположеніе данныхъ народностей, хотя въ частностяхъ мы можемъ, конечно, отступать отъ схематическаго рисунка Птолемея.

Прежде всего, мы должны замѣтить, что большинство данныхъ именъ взято нашимъ авторомъ изъ новаго римскаго источника. На это указываютъ 9 разъ повторяющіяся формы на — ηνσιοι = лат. -enses. Очевидно, передъ нимъ былъ матеріалъ оффиціальный, такъ какъ формы эти доказываютъ, что мы имѣемъ тутъ дѣло не съ древними этническими названіями, а съ новыми, искусственно созданными, административными: населеніе названо какъ бы по уѣздамъ [1]). Buridavenses — жители округа

1) Ср. въ Moesia Inferior Ptol. III, 10, 4: Οἰτήνσιοι, Ὀβουλήνσιοι, Διμήνσιοι, Πιαρήνσιοι.

гор. Buridava, Potulatenses — населеніе уѣзда гор. Potula. Пріурочить эти два имени нетрудно: гор. Burridava, не встрѣчающійся у Птолемея, отмѣченъ на Tab. Peuting. между Castra Trajani (нын. Dragashani на Алутѣ въ Румыніи) и Ponte Alute (ок. нын. Златины?); а Potula, также не упоминаемый Птолемеемъ, встрѣчается у Geogr. Rav. IV, 14: это нын. Potelu, прямо къ югу отъ Burridava, почти на Дунаѣ [2]). Стало быть, Buridavenses совершенно правильно отмѣчены Птолемеемъ какъ сѣверные сосѣди Potulatenses. Но такъ какъ Potula лежитъ на южномъ рубежѣ Дакіи, то подъ ними уже нельзя искать указанныхъ тутъ Птолемеемъ Κειάγισοι. Если послѣдніе были, дѣйствительно, сосѣдями Потульскаго округа, то они жили, вѣроятнѣе всего, нѣсколько западнѣе. Военная дорога Пейтингеровой карты, ведущая съ сѣвера по Алутѣ черезъ Буридаву, поворачиваетъ около Potula на западъ, направляясь къ Drubetis (нын. Turnu—Severinu) на Дунаѣ; всего вѣроятнѣе предположить, что порядокъ, въ которомъ перечислялись, въ источникѣ Птолемея, народности, опредѣлялся именно этою дорогою. Въ такомъ случаѣ Σαλδήνσιοι придется отнести въ крайній югозападный уголъ Дакіи, къ нижней Тиссѣ, и невольно возникаетъ мысль, не попали-ли они сюда по ошибкѣ, т. е. не перенесены-ли они Птолемеемъ изъ сосѣдней Панноніи? Дѣло въ томъ, что въ Pannonia Inferior у Птолемея II, 15, 4 отмѣченъ городъ Σάλδες подъ 44° долг. 44° 40′ шир., фактическое существованіе котораго именно здѣсь обезпечено упоминаніемъ его въ Tab. Peuting. (Saldis): онъ лежалъ близъ нижней Савы ок. нын. Vrbanje (18° 58′ долг. Грин. 44° 58′ шир.) верстахъ въ 100 отъ устья Тиссы (Kiepert).

Относительно остальныхъ сосѣдей несомнѣнно вѣрно пріуроченныхъ нами Buridavenses и Potulatenses мы также должны ограничиться догадками, болѣе или менѣе правдоподобными. Ясны еще Ἀλβοκήνσιοι: ихъ имя указываетъ на нын. Albák

---

2) Эти два имени разгадалъ уже Мюллеръ, 444 not. 13.

22° 56′ долг. 46° 30′ шир. Но ихъ округъ, въ такомъ случаѣ, отмѣченъ Птолемеемъ невѣрно: они должны бы стоять на мѣстѣ Πρεδαυήνσιοι. Послѣднее имя, несомнѣнно образованное отъ чисто дакійскаго названія [1]) города *Predava, который, однако, ни однимъ изъ древнихъ географовъ не упоминается, напоминаетъ нын. селеніе Predeal 25° 32′ долг. 45° 30′ шир., въ имени котораго пришлось бы видѣть славянское осмысленіе древняго названія, ставшаго непонятнымъ. Predeal очень важный пунктъ, защищающій одинъ изъ немногихъ (трехъ) горныхъ проходовъ, ведущихъ изъ Румыніи въ Семиградіе. Здѣсь, безъ сомнѣнія, должна была находиться римская стоянка.

Если наше сближеніе вѣрно, то на сѣверозападѣ очистится мѣсто для Ἀλβοχήνσιοι, такъ какъ Predavenses придется перенести на юговостокъ. Наша догадка поддерживается еще однимъ обстоятельствомъ: Predavenses должны бы занять мѣсто Κοτήνσιοι, для которыхъ я здѣсь, въ юговосточной Дакіи, дѣйствительно, не нахожу ни одного болѣе или менѣе подходящаго сближенія, тогда какъ къ сѣверозападу отъ Albocenses ихъ пріурочить легко: здѣсь, въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, мы находимъ три мѣстности Kót, Kótegyán и Pankota (всѣ три въ четыреугольникѣ, образуемомъ меридіанами 21° и 22°, и параллелями 46°—47°), въ именахъ которыхъ, можетъ быть, сохраняется память о Птолемеевыхъ Κοτήνσιοι.

Мы позволили себѣ очень смѣлыя перестановки и должны сознаться, что мы ихъ никакими другими данными, кромѣ при-

1) Изъ 44 городовъ, названныхъ Птолемеемъ въ Дакіи, 14, т. е. почти 32% оканчивается на -dava. Къ нимъ можно еще прибавить рядъ другихъ, которыхъ нѣтъ у Птолемея, какъ напр. Burridava, Rusidava, Acidava въ Tab. Peut. Внѣ Дакіи я нахожу только 4 города на -dava. Изъ нихъ Σουκίδαυα (Sucidava Tab. Peut.) и Δαούσδαυα, оба въ нижней Мэзіи недалеко отъ Дуная (Ptol. III, 10, 5. 6),—очевидно, поселенія тѣхъ даковъ, которые въ числѣ 50000 были переведены на римскую территорію при Октавіанѣ Strabo VII, 3, 10.—Σετίδαυα въ Германіи (выше стр. 65) и Θερμίδαυα въ Иллирикѣ носятъ имена лишь случайно сходныя съ дакійскими, если, вообще, формы ихъ вѣрно переданы рукописями, что очень сомнительно, по крайней мѣрѣ, относительно Thermidava.

веденныхъ, подтвердить не можемъ. Къ счастью, этнологическія подробности южной и западной Дакіи для насъ и не важны, тѣмъ болѣе, что здѣсь предполагается сплошное дакійское населеніе. Мы можемъ, поэтому, оставить въ сторонѣ имена Βιήφοι, Ῥαταχήνσιοι, Σήνσιοι и Πιέφυγοι, для которыхъ я не могу указать удовлетворительныхъ сближеній. Замѣчу только, что въ первомъ и послѣднемъ изъ этихъ именъ слѣдуетъ, можетъ быть, видѣть туземныя, дакійскія названія мелкихъ народностей, уже отмѣченныхъ Птолемеемъ подъ новыми административными именами.

Мы переходимъ теперь къ остающимся четыремъ народамъ, имѣющимъ для насъ первостепенное значеніе. Это: Ἄναρτοι, Τευρίσκοι, Κοιστοβῶκοι и Καυκοήνσιοι. Мы стоимъ здѣсь на гораздо болѣе твердой почвѣ.

Какъ форма этихъ именъ, такъ и расположеніе ихъ доказываетъ, что римская граница проходила между первымъ и вторымъ горизонтальнымъ рядомъ Птолемея. Caucoenses, а можетъ быть и часть койстобоковъ, мы должны искать на римской территоріи, тогда какъ теуриски и анарты лежатъ всецѣло внѣ ея.

Прежде всего о Caucoenses, о которыхъ молчатъ всѣ извѣстные мнѣ изслѣдователи этого края. Послѣдніе не замѣтили, что это имя повторяется въ названіи горнаго locus Caucalandensis, куда бѣжалъ отъ гунновъ вестготскій князь Атанарикъ въ 376 г. Amm. Marcell. XXXI, 4, 13: (Athanarichus) ad Caucalandensem locum altitudine silvarum inaccessum et montium cum suis omnibus declinavit.

Zeuss 410 not.[2] пытался объяснить этотъ Caucaland возстановленіемъ готск. *Háuhaland «Hochland». Объясненіе это, само по себѣ, вполнѣ возможно, и въ -land, дѣйствительно, сказывается германизація имени; но основное Cauca — ничего общаго съ готск. háuhs не имѣетъ: Амміанъ Марцеллинъ всегда очень точно передаетъ герм. h-, ср. нѣсколько разъ повторяющееся у него Hariobaudes, франкск. Chariettо, Chnodomar и друг. Объясненіе Zeuss'а, слѣдовательно, невѣрно, тогда какъ

сближеніе съ Caucoenses объясняетъ все, и мы можемъ даже точно опредѣлить географическое положеніе этого Caucaland'a.

Атанарикъ, бѣжавшій отъ нашествія гунновъ, покинулъ свои владѣнія надъ нижнимъ Дунаемъ и двинулся на югозападъ, въ западную Румынію. Онъ находится теперь въ области Алуты и, не смѣя просить у императора позволенія перейти черезъ Дунай, по причинамъ, ясно изложеннымъ Амміаномъ въ указанномъ мѣстѣ, онъ круто поворачиваетъ на сѣверъ, чтобы укрыть себя и своихъ въ Семиградьѣ, въ горахъ котораго легко было защищаться отъ всадниковъ-гунновъ. Такъ-какъ при немъ находится цѣлое войско, то онъ не можетъ пойти по опаснымъ ущельямъ и горнымъ тропинкамъ, ведущимъ черезъ трансильванскій хребетъ, и ему представляется только одинъ выходъ: воспользоваться римскою дорогою вверхъ по Алутѣ (выше стр. 142). Онъ, дѣйствительно, направляется по этой дорогѣ и, перешедши черезъ горный хребетъ по ущелью, извѣстному Пейтингеровой картѣ подъ названіемъ (Caput) Stenarum (нын. ущелье «Красной Башни»), находится на время въ безопасности, со всѣхъ сторонъ окруженный высокими горами. Здѣсь-то, въ южномъ Семиградьѣ, въ области верхней Алуты, нужно искать Caucaland и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Птолемеевыхъ Caucoenses.

Дѣйствительно, я нахожу здѣсь, надъ самой Алутой, въ современной Венгріи два комитата подъ названіемъ Kokel (Gross- и Klein-Kokel; мадьярское имя, передѣланное изъ нѣмецкаго: Nagy- и Kis-Küküllö); они лежатъ на двухъ притокахъ Мароша, носящихъ тѣ-же названія; наконецъ, на рѣкѣ Kis-Küküllö лежитъ городъ Küküllövár, нѣм. Kokelburg подъ 24°10′ долг. 46°15′ шир. Очевидно, что во всѣхъ этихъ именахъ хранится память о древнемъ Каукаландѣ. Земля Caucoenses обнимаетъ, слѣдовательно, по меньшей мѣрѣ, часть нын. Семиградья.

Если наша догадка доказала существованіе древняго географическаго или этническаго названія съ основнымъ Cauca- въ центрѣ Карпатской горной системы, то она можетъ пролить свѣтъ и на одно имя въ нашей лѣтописи, которое до сихъ поръ

еще не получило удовлетворительнаго объясненія, см. Барсовъ 218. Это — названіе Карпатъ «Кавкаисинскія горы, рекше Угорскія». Ср. Лавр. 3: «Дунай, Днѣстръ и Кавкаисинскія (Кавкасійскія) горы». Первые славянскіе посельники могли застать тутъ остатокъ дакійскихъ *кавковъ или, во всякомъ случаѣ, ихъ имя въ опредѣленномъ географическомъ пріуроченіи.

Къ сѣверу отъ Caucoenses живутъ Κοιστοβῶκοι.

Они упоминаются и въ другихъ источникахъ, обыкновенно въ формѣ Κοστοβῶκοι, Costoboci; но принятая нами форма обезпечивается надписью, найденною въ Римѣ CIL. VI, 1, p. 406, № 1801: D. M. Ziai Tiati fil. Dacae uxori Piepori regis Coisstobocensis Natoporus et Drilgisa aviae cariss. b. m. fecer.

Надпись эта въ высшей степени интересна и по тому обстоятельству, что памятникъ былъ поставленъ въ Римѣ, гдѣ, очевидно, жили Натопоръ и Дрильгиза, внуки койстобокскаго царя Піепора. Сынъ послѣдняго уже не былъ царемъ. Отношенія совершенно ясны: царь койстобоковъ, Піепоръ, потерявъ свое царство — въ силу-ли мирнаго договора съ Римомъ или вслѣдствіе военныхъ неудачъ, это безразлично — переселился въ качествѣ медіатизированнаго государя въ Римъ, гдѣ онъ и его ближайшіе потомки живутъ «на пенсіи»: явленіе часто повторяющееся въ исторіи Рима; вспомнимъ напр. Гелимера. На указанной страницѣ CIL. имѣются еще 4 надписи, №№ 1797—1800, указывающія на совершенно схожія отношенія. Время сооруженія интересующаго насъ памятника, къ сожалѣнію, неизвѣстно; можетъ быть, что Піепоръ лишился царства въ первые же годы завоеванія Дакіи и учрежденія тамъ провинціи, т. е. при Траянѣ ок. 107 г. Ниже выяснится, что земля его была нужна римлянамъ для закругленія и сокращенія пограничной линіи отъ Семиградья къ Днѣстру, гдѣ она примыкала къ римскимъ владѣніямъ (т. е. сѣверной части Нижней Мэзіи, присоединенной уже при Неронѣ ок. 55 г.).

Изъ вышеизложеннаго уже явствуетъ, что часть койстобок-

ской земли входила въ составъ имперіи, но именно только часть, очевидно южная, царемъ которой былъ, въ свое время, Піепоръ. Другая же часть была еще свободна или находилась лишь въ федеративной зависимости отъ Рима. На это указываетъ, прежде всего, то обстоятельство, что койстобоки упоминаются Птолемеемъ-же III, 5, 9 далеко за предѣлами римской Дакіи, въ Сарматіи. Мы увидимъ ниже, какъ они попали туда; пока достаточно указанія на нихъ, доказывающаго, что Птолемей зналъ о существованіи свободной части народа. Къ этимъ же независимымъ койстобокамъ принадлежитъ, кажется, и та многочисленная шайка ихъ, которая во второй половинѣ II в. по Р. Хр. сдѣлала набѣгъ на балканскій полуостровъ и, не находя нигдѣ серьезнаго сопротивленія, дошла даже до центра Эллады, до Элатеи въ Фокидѣ Pausan. X, 34, 5. Это событіе относится ко времени маркоманской войны, которое вообще было временемъ критическимъ для свободныхъ койстобоковъ. Они приняли участіе въ коалиціи придунайскихъ народностей противъ Марка Аврелія, Capitol. Marc. Aur. 22, 1; но въ самомъ же началѣ войны случилось событіе, имѣвшее роковое значеніе для койстобоковъ. Въ подкарпатскую область явились съ сѣверозапада вандалы-азднинги, передвинутые на югъ тѣмъ же толчкомъ, который заставилъ и маркомановъ съ ихъ союзниками произвести давленіе на римскую придунайскую границу. Движеніе аздинговъ было направлено противъ римской Дакіи, но имъ не удалось проникнуть сюда. Тогда они силою овладѣли землею койстобоковъ: Dio Cass. 71, 12, 1 τὴν τῶν Κοστουβώκων χώραν τοῖς ὅπλοις κτησόμενοι, νικήσαντες δὲ ἐκείνους καὶ τὴν Δακίαν οὐδὲν ἧττον ἐλίπουν. Набѣгъ койстобоковъ на Элладу былъ, вѣроятно, слѣдствіемъ этого завоеванія.

Аздинги на время успокоились во вновь пріобрѣтенной ими землѣ и даже заключили договоръ съ римлянами, въ силу котораго они помогали потомъ послѣднимъ въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ Марка Аврелія противъ квадовъ и маркомановъ, Dio Cass. l. c., Petrus Patric. ed. Bonn. p. 124. Иначе

говоря, овладѣвъ землею койстобоковъ, они вступили въ тѣ же федеративныя отношенія къ Риму, которыя прежде связывали ихъ предшественниковъ во владѣніи, что подтверждаетъ высказанную нами выше догадку. Не при этой-ли сдѣлкѣ потерялъ свой престолъ и Піепоръ?

Съ этого момента, имя койстобоковъ исчезаетъ изъ исторіи и мы можемъ, поэтому, обратиться къ болѣе точному опредѣленію ихъ области.

Мы увидимъ ниже, что въ эти же края, т. е. въ восточныя Карпаты, нужно отнести и народъ Σαβῶκοι (не Σαβόκοι, какъ пишетъ Zeuss 262), которыхъ Птолемей III, 5, 8 помѣщаетъ въ Сарматіи, гдѣ имъ ни въ какомъ случаѣ мѣста нѣтъ. На связь ихъ съ койстобоками указываетъ, впрочемъ, уже само имя. Сопоставленіе этихъ двухъ этническихъ названій даетъ намъ право отвлечь, какъ основное имя всего народа, форму *Βῶκοι, и видѣть въ Κοιστο—и Σα—лишь приставки, служащія къ различенію отдѣльныхъ частей его [1]). Если это такъ, то мы естественно придемъ къ заключенію, что имя *Βῶκοι сохранилось въ нын. *Бук*овинѣ, которая означаетъ, слѣдовательно, «страну *бōковъ». Ср. Герцеговина.

Гипотеза Шафарика I, 206, объясняющая имя сабоковъ посредствомъ слав. бокъ и указывающая на Transmontani, Zagori, Zaporozi и т. д., должна быть окончательно оставлена. Еще Мюлленгофъ DA. II. 85 ss. счелъ нужнымъ подвергнуть ее серьезному обсужденію, въ концѣ котораго онъ приходитъ къ очень нерѣшительному выводу [2]). Между тѣмъ, эта гипотеза идетъ въ разрѣзъ со всѣми законами славянской фонетики. Слав. bok- могло произойти только изъ bāk-, bŏk- или bək-, ср. Brug-

1) Не сюда ли относятся и Ἀλβοκήνσιοι? Написаніе -βοκ- вм. -βωκ- могло бы быть объяснено тѣмъ, что Птолемей взялъ это имя изъ римскаго источника (Albocenses), на что указываетъ, вѣдь, и сама форма.

2) «Allein grosses vertrauen wird niemand auf diese deutungen setzen, der gewahrt, dass manche dakische.... namen sich unschwer aus dem slavischen deuten lassen», l. c. 87.

mann Grundriss I, 80. 95. 104. Мы же должны принять за исходную форму *bōk-, вполнѣ обезпеченную рукописными данными (Pausan., Dio Cass., Ptol.). Если это—древнѣйшая форма, то она должна была отразиться въ славянскихъ нарѣчіяхъ въ формѣ bāk-, bak-, но никакъ не bok-, Brugmann ibid. 87. Наконецъ, еслибъ мы даже приняли *bōk- за праславянскую форму эпохи славяно-балтійскаго единства, когда, дѣйствительно, индоевр. ō имѣло еще форму ō (ср. литовск. отраженіе ů, указывающее на слав.-балт. ō), то и тогда изъ нея не могло произойти bŏk, такъ какъ такое сокращеніе ō>ŏ въ слав. немыслимо.

Однимъ словомъ, мы и этимъ строго фонетическимъ путемъ приходимъ къ выводу, что между именами Κοιστοβῶκοι Σαβῶκοι и слав. бокъ ничего общаго быть не можетъ. Съ другой стороны, между *Βῶκοι и Буковиной есть связь несомнѣнная, созданная, однако, не органическимъ родствомъ, а заимствованіемъ: въ древнихъ заимствованныхъ словахъ чуждое ō *всегда* переходитъ въ слав. у. Въ дальнѣйшихъ частяхъ нашего изслѣдованія намъ придется иллюстрировать этотъ законъ многими примѣрами, теперь же укажемъ только на стр. 15 этой книги и на Миклошича Vergl. Gramm.[2] I, 177.

Слѣдовательно, къ отожествленію этихъ двухъ именъ никакихъ фонетическихъ препятствій не имѣется. Но кромѣ того, оно навязывается намъ и историко-географическими соображеніями: койстобоки и сабоки жили на верхнемъ Szamos'ѣ, притокѣ Тиссы, въ нын. Буковинѣ и, вѣроятно, въ прилегающихъ поднѣстровскихъ областяхъ южной Галиціи; южнѣе койстобоки, сѣвернѣе сабоки, никогда не принадлежавшіе къ имперіи. Этимъ оправдывается Птолемей, у котораго койстобоки сѣверные сосѣди кауковъ, и съ этимъ-же находится въ полномъ согласіи то, что мы знаемъ о военныхъ дѣйствіяхъ аздинговъ.

Думать о происхожденіи имени Буковины отъ букъ (дерева), нельзя уже потому, что въ Буковинѣ вовсе не преобладаютъ буковые лѣса: на доступныхъ мнѣ картахъ я не нахожу въ Буковинѣ ни одного селенія, получившаго названіе отъ этого де-

рева, тогда какъ такихъ именъ очень много во всѣхъ западно-славянскихъ земляхъ, напр. въ Богеміи. Правда, не нахожу я въ Буковинѣ и такихъ названій, которыя напоминали-бы имя койстобоковъ и сабоковъ, кромѣ развѣ очень сомнительнаго Kostestie 25° 35′—48°18′, которое произошло, безъ сомнѣнія, отъ собственнаго имени Константина въ народной передѣлкѣ или отъ румынск. costiş «склонъ горы», прилаг. «покатый», costiţă холмъ. Но это, конечно, ничего не доказываетъ противъ нашей гипотезы. Важно то, что названіе *народа* сохранилось въ имени *страны*.

Изъ вышеизложеннаго мы можемъ сдѣлать еще нѣсколько очень важныхъ для насъ выводовъ.

Первые пришедшіе въ этотъ край славяне застали здѣсь еще остатки *бōковъ, такъ какъ они заимствовали это имя непосредственно отъ нихъ или черезъ готовъ, но никакъ не черезъ бастарновъ. Мы видѣли, что бастарнскія поселенія на Карпатахъ очень древни; а такъ какъ такъ называемый первый перебой согласныхъ наступилъ сравнительно поздно, т. е. не раньше 400 лѣтъ до Р. Хр., а переходъ media>tenuis есть послѣдній актъ этого перебоя, наступившій лишь въ III в. [1]), то имя *бōковъ получило бы въ германскихъ устахъ форму *pōχōz, откуда не могла получиться слав. Буковина. Это доказываетъ, что въ моментъ появленія славянъ тутъ не было бастарновъ. Но ихъ не было и раньше. Еслибъ предшественники славянъ, готы, застали здѣсь бастарновъ, то они, конечно, заимствовали бы у нихъ и названіе *pōχōz. Очевидно, что и готы нашли здѣсь *бōковъ, имя которыхъ должно было остаться въ готскомъ языкѣ безъ перемѣны, такъ какъ въ эпоху готскаго нашествія (не раньше конца II в. по Р. Хр.) законъ перебоя давнымъ давно утерялъ свою силу: всѣ греческія и латинскія заимствованія остались въ готскомъ внѣ перебоя. Отсюда-же выводъ прямой:

---

1) Ср. Streitberg, Urgermanische Grammatik 1896, p. 132. 136 s. Литературу см. тамъ-же 135 s.

бастарнскаго осѣдлаго населенія въ Буковинѣ никогда не было. Мы нашли, слѣдовательно, новое подтвержденіе нашего опредѣленія бастарнской земли (выше стр. 105).

Но еще важнѣе другой выводъ.

Разъ славяне заимствовали отъ «бōковъ» ихъ имя и образовали изъ него названіе для обозначенія всей страны, то, слѣдовательно, койстобоки и сабоки не были славянами, а потому и койстобокскія личныя имена Pieporus, Natoporus, Drilgisa не должны быть объясняемы изъ славянскаго. Они, дѣйствительно, не поддаются славянскому объясненію. Не сопоставлять же, въ самомъ дѣлѣ, Natoporus съ слав. Надборомъ!

Съ другой стороны генетическая связь койстобоковъ съ древними даками не подлежитъ сомнѣнію, не смотря на то, что ни одинъ изъ древнихъ авторовъ объ этомъ не говоритъ, и что римская надпись называетъ Ziais, супругу Піепора, «Daca», какъ бы противуполагая ее этимъ національности ея супруга койстобока. Можетъ быть, Daca значитъ здѣсь «родомъ изъ Дакіи, т. е. римской»? Во всякомъ случаѣ, койстобоки могутъ быть только дакійскаго — въ древнемъ смыслѣ — происхожденія. Можно бы думать только еще о происхожденіи кельтскомъ. Но на это нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, а личныя имена прямо говорятъ противъ этого: — porus въ кельтск. именахъ немыслимо; вмѣсто него слѣдовало бы ожидать -or, Brugmann I, 77, 271, такъ какъ въ основѣ лежитъ индоевроп. *-poros. Ср. греч. имена на -πορος, германск. -fara; пракельтск. *orkos, дрирл. orc = лат. porcus, дрврхнѣм. farah и т. д. Въ пользу-же дакійской гипотезы мы можемъ привести хоть одинъ фактъ, кромѣ уже указанныхъ: а именно, въ именахъ Natoporus, Pieporus вторая составная часть, конечно, тожественна съ poris въ ѳракійск. Rhascuporis, Ῥασκούπορις Dio Cass. 54, 34, 5; 55, 30, 6, а Pie- въ Pieporus напоминаетъ Πιέφιγοι и Πιενγῖται Птолемея. Родство же даковъ съ гетами и другими ѳракійцами можетъ считаться доказаннымъ фактомъ. Оно явствуетъ не только изъ того, что Геродотъ IV, 49. 104. 125 относитъ древнѣй-

шихъ жителей Дакіи, агаѳирсовъ, къ ѳракійцамъ, и изъ прямого заявленія Страбона VII, 3, 10. 13, что даки, геты и ѳракійцы говорятъ однимъ языкомъ; наконецъ не изъ того только, что древніе историки часто смѣшиваютъ даковъ и гетовъ, ср. DA. III, 149 ss.: мы придемъ къ тому же выводу, всматриваясь въ нѣкоторыя дошедшія до насъ дакійскія личныя имена. Къ приведеннымъ уже койстобокскимъ именамъ можно прибавить еще дак. Cotiso Horat. Od. III, 8, 18, Sueton. Oct. 63 = ѳракійск. Cotys Liv. 44, 42, 2; дак. (гетск.?) Biessi (см. ниже)=ѳракійск. Bessi въ Родопскихъ горахъ, часто упоминаемые древними. Перенося, теперь, на все племя выводъ, полученный нами для одной изъ частей его — на что мы, въ подобномъ вопросѣ, имѣемъ полное право — мы можемъ самостоятельно рѣшить вопросъ, о которомъ такъ долго спорили: древнихъ ѳракійцевъ и даковъ нельзя относить къ славянскому племени.

Укажемъ, кстати, еще одно соображеніе, приводящее къ тому же выводу. Выше (стр. 145) мы указали, что въ имени рѣки Kokel сохранилась память о дакійскихъ каукахъ (Caucoenses, Caucaland). Позднѣйшіе славянскіе посельники назвали ее Тырнавой, именемъ, которое еще теперь употребляется окрестными румынами. Такая перемѣна въ наименованіи рѣки была бы немыслима, еслибъ этотъ край съ самаго начала былъ населенъ славянами. Чтò рядомъ съ этимъ могло сохраниться и древнее названіе, перешедшее впослѣдствіи къ мадьярамъ и нѣмцамъ, въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Едва ли славянское населеніе когда-либо было густо въ этихъ краяхъ; рядомъ съ нимъ могли и должны были сохраняться въ горахъ остатки прежняго дакійскаго населенія. Мы припомнимъ этотъ выводъ, когда рѣчь зайдетъ о прародинѣ славянъ.

Перейдемъ теперь къ послѣднимъ народностямъ Птолемеевой Дакіи, къ теурискамъ и анартамъ. Какъ западныхъ сосѣдей койстобоковъ, ихъ нужно искать, очевидно, въ сѣверной части Лѣсныхъ Карпатъ и въ горахъ Татры. Вопросъ о ихъ происхожденіи рѣшается проще: они, безъ всякаго сомнѣнія, кельты.

Относительно теурисковъ это доказывается уже ихъ именемъ, которое повторяется въ несомнѣнно кельтской области, въ восточныхъ Альпахъ (Noricum): Taurisci, Ταυρίσκαι, Τευρίσται Plin. III, 20, 133, Strabo VII, 3, 2 и друг. Сравнить можно еще Ταυρινοί Ptol. III, 1, 31, Taurini Plin. III, 17, 123 въ Лигуріи, хотя Плиній l. c. называетъ ихъ antiqua Ligurum stirpe, ср. Zeuss 230 not. Самъ Плиній называетъ ихъ-же III, 20, 134 Taurisci, и подъ этимъ именемъ встрѣчаются они и у Поливія II, 15, 8 (Γαλάται..... Ταυρίσκοι), Amm. Marc. XV, 9, 6 и друг. Кромѣ того ср. личн. имя Teuriscus, Zeuss Gram. Celt. 808; Ταυροέντιον, гор. въ Gallia Narbonnensis около Массиліи, Strabo IV, 1, 5, Ptol. II, 10, 5, и Ταύρουνον на устьѣ Савы въ Pannonią Inferior Ptol. II, 15, 3. Смѣна eu — au какъ въ часто повторяющихся teuto-—touto-. Кельтами считаютъ нашихъ теурисковъ и Мухъ 15, Томашекъ GGA. 301 и большинство другихъ изслѣдователей.

А если теуриски кельты, то таковыми же должны считаться и ихъ западные сосѣди анарты, такъ какъ немыслимо, чтобы между первыми и кельтскими-же котинами и волками могла появиться такая значительная некельтская народность. Ихъ знаетъ тутъ, въ сосѣдствѣ даковъ, уже Цезарь Bell. Gall. VI, 25, 2: (Hercynia silva) oritur ab Helvetiorum..... finibus rectaque fluminis Danuvii regione pertinet ad fines Dacorum et Anartium. Мюлленгофъ DA. II, 83 думаетъ на основаніи этого, что Юлій Цезарь употребляетъ имя анартовъ коллективно для обозначенія совокупности народовъ сѣверной Венгріи, и это вполнѣ возможно. Имя ихъ легко объясняется изъ кельтскаго. Въ основѣ лежитъ, безъ сомнѣнія, пракельтск. *artos, дирл. art камень, скала; префиксъ an(a)- = греч. ἀνά, готск. ana, такъ что имя анартовъ означаетъ какъ бы «нагорянъ», значеніе вполнѣ подходящее къ географическимъ условіямъ. Та же основа повторяется въ кельтскихъ названіяхъ какъ Artabri, sinus Artabricus, promontorium Artabrum, нын. Cap Ortegal (Ptol. II, 6, 2. 21: Ἄρταβροι, Ἀρτάβρων λιμήν); Artaunum гор. около Франк-

фурта на Майнѣ (Ptol. II, 11, 14 Ἄρταυνον [1]) гор. Ἀρτόβριγα, Artona нын. Artonne и въ личныхъ именахъ Art, Artgal и друг. ср. Fick II[4] p. 18 s.; Holder col. 222 ss.

Этимъ, однако, не исчерпываются соображенія, говорящія въ пользу кельтскаго происхожденія анартовъ и теурисковъ. Птолемеева карта этого края содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ городовъ, имена которыхъ явно кельтскаго происхожденія, свидѣтельствуя о широкомъ распространеніи кельтовъ подъ Карпатами. Сюда относится, прежде всего, Βόρμανον 43° 40′ долг. 48°15′ шир. Ptol. III, 7, 2. Такъ какъ городъ этотъ лежитъ въ самой сѣверной части земли язиговъ метанастовъ, то его нужно искать въ Татрѣ. Кельтское-же происхожденіе его, указанное уже Мухомъ 16, явствуетъ изъ сопоставленія его съ несомнѣнно кельтскими именами Borma, Bormanus, Deus Bormanicus, Lucus Bormani и т. под., довольно часто встрѣчающимися въ надписяхъ, найденныхъ во Франціи, Испаніи и другихъ кельтскихъ областяхъ [2]).

Можетъ быть, сюда же относится сосѣднее Ἀβίητα Ptol. ib. 43° 40′—48°. Морфологически это имя носитъ чисто кельтскій характеръ, ср. Bormeta отъ Borma, Berleta, Aveta и друг. Въ основѣ лежитъ, можетъ быть корень ab- течь (Fick II[4] 10), откуда *abona рѣка, Abobrica въ Hisp. Gall. ок. нын. Bayona, и кельтск. названіе Шварцвальда Abnoba (Ἄβνοβα Ptol. II, 11, 5); или основа avi- «хорошій»? Ср. Avicantus, Aviacus и друг. Holder 313.

Южнѣе Pessium Ptol. ibid. 44° 40′—47°, ср. Πεσσινοῦς Strabo XII, 5, 2, городъ кельтскихъ толистобоіевъ въ Галатіи.

Рядомъ съ ними мы находимъ, конечно, и имена не кельтскія, напр. сарматск. Κάνδακον (выше стр. 97), дакійск. Οὐσ-

---

1) Ἀρκτ- въ изд. Мюллера попало въ текстъ лишь благодаря искусственной конъектурѣ Укерта, см. изд. 272 not. [2]. Ср. впрочемъ DA. II, 220.

2) Becker. Beiträge zur römisch-keltischen Mythologie, въ Jahrbücher d. Vereins von Alterthumsfreunden im Rheinlande. Bonn. № 33—34 (1863) p. 15 ss., № 42 (1867) p. 90 ss. Теперь см. также богатый матеріалъ и объясненіе у Holder'a, 491 s.

κενον Ptol. III, 7, 2 ср. Uscana въ Илиріи, нын. Dibra въ Албаніи, Uscudama въ землѣ ѳракійскихъ бессовъ = Адріанополь, Amm. Marc. XIV, 11, 15. Iord. Rom. 221. Здѣсь вѣдь, въ южной Татрѣ, соприкасались завоеватели язиги съ вытѣсненными даками и горными кельтами. Не даромъ западныя Бескиды названы «Сарматскими горами», подъ которыми могла пониматься, конечно, вся горная область до начала собственныхъ Карпатъ.

Рядъ кельтскихъ именъ продолжается затѣмъ и въ Дакіи, заходя довольно далеко на югъ. Прежде всего, на самомъ сѣверѣ, Ῥουκόνιον 46° 30′—48° 10′ Ptol. III, 8, 4. Имена на -onium довольно часты въ кельтскихъ областяхъ, ср. Καρόνιον въ Hisp. Tarrac. Ptol. II, 6, 22, нын. La Coruña 8° 22′ зап. долг. 43° 21′ шир.; Κατουρακτόνιον въ Британніи Ptol. II, 3, 10, нын. Catterick 1° 37′ зап. долг. 54° 23′ шир., и друг. См. также ниже о Maetonium. Для основы можно бы указать на кельтск. rugha «Bergrücken», Obermüller II, 552.

Πορόλισσον 49°—48° Ptol. III, 8, 4, Tab. Peut. Porolisso, крайній сѣверный пунктъ, гдѣ кончается римская военная дорога, нын. Mojgrad въ комит. Szilágy, Mommsen CIL. III, 167. Это имя, означающее «торжище», сложное изъ poro < *qoro—отъ *qer покупать (ср. ирл. crenim, кимр. prynu и т. д.) и пракельт. *(p)l̥ssos «поселеніе, окруженное валомъ», ср. ирл. less, кимр. llŷs «aula, cura, palatium, forum judiciale» отъ корня plet-. Ср. Fick[4] II, 60. 247.

Patavissa 49°—47° 20′ Ptol. ibid.[1]), нын. Torda 23° 50′ долг. 46° 35′ шир. Ср. Patavium нын. Padua, Vindonissa нын. Windisch въ швейцарскомъ Ааргау ок. Brugg, Autissiodurum въ Галліи и друг.

Наконецъ, я нахожу въ Дакіи-же два города, въ именахъ которыхъ замѣчается странное смѣшеніе кельтскаго и дакійскаго элементовъ. Сюда я отношу

1) Рукоп. Πατρουίσσα, но наша форма обезпечивается Пейтингеровой картой и надписями, ср. Mommsen l. c. p. 172.

Σιγγίδαυα 48°—46° 20′ Ptol. III, 8, 4, въ которомъ окончаніе чисто дакійское (см. ниже), основа—кельтская. Ср. Singidunum въ Moesia Superior Ptol. III, 9, 3 и у друг., нын. Бѣлградъ.

Μαρκόδαυα 49° 30′—47° Ptol. ibid., ср. Marcodurum въ Gallia Belgica, нын. Düren 6° 29′—50° 48′; Marcomagus, на 30′ южнѣе, нын. Marmagen.

Не передѣланы-ли эти имена на дакійскій ладъ въ эпоху Бурвисты?

Итакъ, насколько вопросъ объ анартахъ и теурискахъ вообще рѣшимъ при настоящемъ положеніи дѣла, онъ рѣшается въ пользу ихъ кельтскаго происхожденія [1]).

А такъ какъ ихъ географическое пріуроченіе дано нами уже выше, то мы могли-бы теперь закончить нашъ разборъ Птолемеевой Дакіи, еслибъ не замѣченное нами повтореніе нѣкоторыхъ дакійскихъ именъ (Κοιστοβῶκοι Σαβῶκοι) въ его Сарматіи: повтореніе это наводитъ насъ на мысль, что и среди другихъ западно-сарматскихъ народовъ могутъ быть такіе, которые перенесены имъ сюда изъ Дакіи. Дѣйствительно, Ἀναρτόφρακτοι, отмѣченные имъ къ сѣверу отъ сабоковъ, находятся въ явной связи съ анартами въ Татрѣ. Очевидно, что весь рядъ, ведущій отъ авариновъ къ югу до язиговъ созданъ имъ искусственно, и причину объяснитъ взглядъ на его карту.

Мы уже видѣли выше (стр. 44 сл.), что онъ значительно растянулъ западную границу Сарматіи, отъ 42° 30′ долг. 48° шир. до 45°—56°, вслѣдствіе передвиженія на сѣверъ источника Вислы. Чтобы не оставлять пустымъ созданное имъ, такимъ образомъ, пространство въ восточной Германіи между

---

1) Мы убѣждены, что систематическое изслѣдованіе указало бы не мало кельтскихъ слѣдовъ въ современной географической номенклатурѣ сѣверной Венгріи и смежныхъ областей. Уже при бѣгломъ осмотрѣ нѣкоторыя формы поражаютъ своимъ чисто кельтскимъ характеромъ, какъ напр. Арва (притокъ Попрада), въ связи съ кельтск. *arvos быстрый. Имя Арвы повторяется въ Галліи какъ названіе рѣки нѣсколько разъ (Erve) и очень часто въ другихъ географическихъ именахъ. Ср. Holder col. 231 ss.

'Ασκιβούργιον ὄρος и 'Ορκύνιος δρυμός, онъ перенесъ сюда изъ сѣверозападной Венгріи сидоновъ и котиновъ, и создалъ по ошибкѣ небывалыхъ висбургіевъ, вслѣдствіе чего получился рядъ изъ 6 народовъ отъ источника Вислы до южной оконечности сарматскихъ горъ. Но то-же самое предстояло сдѣлать и по ту сторону пограничной линіи, т. е. въ западной Сарматіи, такъ какъ его схематизирующій пріемъ требовалъ такое-же число народовъ (6) и здѣсь, гдѣ ихъ не было да и быть не могло, такъ какъ Висла, отодвинутая имъ на сѣверъ на цѣлыхъ 2 градуса, на самомъ дѣлѣ беретъ начало въ Бескидахъ. Онъ помогъ дѣлу тѣмъ, что перенесъ сюда 6 народовъ изъ Дакіи, гдѣ они, взятые изъ другаго источника, казались лишними. Въ результатѣ получились три ряда, которые по стройной схематичности, вполнѣ соотвѣтствовали его манерѣ. Если мы ихъ выпишемъ, начиная съ самаго сѣвера, то получимъ слѣдующую картину:

М о р е.

'Ρουτίκλειοι		Οὐενέδαι	
Αἰλουαίωνες	и Сарматіи	Γύθωνες	Γαλίνδαι
Βουργοῦντες		Φίννοι	
Λοῦγοι 'Ομανοί		Σούλωνες	'Ιγυλλίωνες
Λ. Διδοῦνοι		Φρουγουδίωνες	
Λ. Βοῦροι		Αὐαρινοί	Κοιστοβῶκοι
Σίδωνες	Граница Германіи	"Ομβρωνες	Τρανσμοντανοί
Κῶγνοι		'Αναρτοφράκτοι	Πευκινοί
Οὐισβούργιοι		Βουργίωνες	Καρπιανοί
Κούαδοι		'Αρσιῆται	Βαστέρναι
Βαῖμοι		Σαβῶκοι	Τάγροι
'Ρακατρίαι		Πιενγῖται Βίεσσοι	Τυραγέται
		'Ιάζυγες	"Αναρτοι

Ясно, что весь рядъ отъ омброновъ до піенгитовъ и біессовъ долженъ быть изъятъ изъ Сарматіи, такъ какъ фактически подъ

обозначенія всего гето-ѳракійскаго племени, было бы допустимо только въ томъ случаѣ, если бы мы не имѣли другихъ указаній на существованіе бессовъ близь дельты Дуная. Извѣстно, что названіе Истра, обнимавшее первоначально весь Дунай, пріурочивается впослѣдствіи всегда только къ нижнему теченію этой рѣки. Она называется такъ приблизительно со впаденія въ него Савы Plin. IV, 12, 79; или съ пороговъ (Желѣзныхъ Воротъ) Strabo VII, 3, 13; еще болѣе съужено употребленіе этого имени у Птолемея III, 10, 1, по которому Дунай называется Истромъ лишь начиная съ гор. Аксіуполя (нын. Рассова въ Добруджѣ?). Наконецъ, у анонимнаго географа Geogr. Min. II, 496, § 9 это названіе пріурочивается къ одной только дельтѣ Дуная (Οὔδουνον вм. Νουιόδουνον).

То обстоятельство, что это имя сохранилось здѣсь, въ устьѣ, всего дольше, на нашъ взглядъ весьма знаменательно въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, оно доказываетъ, что тутъ именно, на устьѣ, нужно искать и исходный пунктъ его. Это вѣроятно уже потому, что греки впервые узнали это имя, конечно, въ устьѣ, а не на среднемъ теченіи рѣки, и сначала совершенно естественно перенесли его на все теченіе ея. А во вторыхъ это же обстоятельство приводитъ насъ къ выводу, что около дельты Дуная еще очень долго держались остатки первоначальнаго гето-ѳракійскаго населенія этого края, сохранявшіе свой языкъ еще въ то время, когда южные родичи ихъ давно уже были романизованы и приняли кельто-римское названіе Данувія. А если Іорданъ прямо заявляетъ, что имя Hister принадлежитъ языку бессовъ, то мы не имѣемъ никакой причины не довѣрять ему, а должны, напротивъ того, видѣть въ предполагаемыхъ нами остаткахъ нижнедунайскихъ гетовъ именно бессовъ, но не южно-ѳракійскихъ, а самостоятельную народность того-же гето-ѳракійскаго происхожденія. Они, вѣроятно, съ самаго начала были крайнимъ сѣверовосточнымъ аванпостомъ гетскаго племени, доходившимъ до нижняго Дуная. Отъ нихъ, дѣйствительно, греки должны были услышать названіе этой рѣки, впервые достигнувъ

Дунаецъ, Попрадъ) представляли цѣлый рядъ удобныхъ переходовъ, тогда какъ восточнѣе, черезъ Лѣсныя Карпаты, ведетъ лишь нѣсколько очень трудныхъ дорогъ по ущельямъ.

Затѣмъ идутъ арсіеты (Ἀρσιῆται al. Ἀρσυῆται). Ихъ имя этимологически неясно; но едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что арсіеты принадлежали къ дакійскому племени. Это подтверждается сопоставленіемъ ихъ имени съ ѳракійскими географическими названіями Ἄρσα, Ἄρσαζα, Ἄρσενα, ср. Томашекъ WSB 131, 54. А что касается области арсіетовъ, то пріурочить ихъ не трудно, такъ какъ память о нихъ сохранилась въ нын. Arszyka: такъ называется еще теперь часть сѣверозападныхъ склоновъ Лѣсныхъ Карпатъ, между Свицей и Ломницей, притоками верхняго Днѣстра.

Сосѣди ихъ — сабо̄ки въ южной Галиціи, гдѣ они примыкаютъ къ койстобо̄камъ. Южнѣе послѣднихъ — піенгиты, напоминающіе, а можетъ быть и тожественное съ Πιέφιγοι Птолемеевой Дакіи, и, наконецъ, біессы (Βίεσσοι) ближе къ устью Дуная.

Жили ли біессы здѣсь еще въ эпоху Птолемея, мы провѣрить не можемъ. Быть можетъ, они взяты имъ изъ болѣе древняго источника? Болѣе чѣмъ вѣроятно, что они были гетскаго происхожденія.

О гетахъ къ сѣверу отъ устьевъ Дуная мы имѣемъ рядъ совершенно ясныхъ свидѣтельствъ, см. DA. III, 134 ss., Латышевъ Изслѣдованія 72 сл. прим.[12]. Впервые о нихъ упоминаетъ Арріанъ въ разсказѣ о походѣ Александра Македонскаго на нижній Дунай въ 334 г., Anab. I, 2—4. Тутъ же упоминается о ихъ городѣ, отстоявшемъ приблизительно на одну парасангу отъ Дуная; отсюда они бѣжали въ степи (τὰ ἔρημα ср. Γετῶν ἐρημία Strab.). А въ послѣдній разъ мы слышимъ о существованіи задунайскихъ гетовъ отъ Justin. XXXII, 3 по поводу пораженія ихъ бастарнами во II в. до Р. Хр. Правда, послѣднее извѣстіе можетъ относиться и къ балканскимъ гетамъ, но, во всякомъ случаѣ, очень вѣроятно, что именно нашествіе бастар-

новъ положило конецъ гетской независимости къ сѣверу отъ нижняго Дуная. Мы о нихъ больше ничего не слышимъ, и находимъ намекъ на присутствіе гето-ѳракійскаго элемента въ Бессарабіи лишь въ словахъ Страбона VII, 3, 2, что бастарны, скиѳы и сарматы живутъ смѣшанно съ ѳракійцами: καὶ γὰρ νῦν ἀναμέμικται ταῦτα τὰ ἔθνη (Σκύθαι καὶ Σαρμάται) τοῖς Θρᾳξὶ καὶ τὰ Βασταρνικά, μᾶλλον μὲν τοῖς ἐκτὸς Ἴστρου, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἐντός.

Не подлежитъ сомнѣнію, что гетскій элементъ надъ дельтой Дуная былъ нѣкогда очень силенъ; этимъ только можетъ быть объяснена неоднократная удача ихъ въ борьбѣ съ греками (Зопиріономъ и Лисимахомъ). Что и послѣ прихода бастарновъ слѣды ихъ существованія не исчезли, доказывается вышеприведенными словами Страбона. Весь вопросъ въ томъ, слѣдуетъ ли видѣть въ Γετῶν ἐρημία этого писателя доказательство того, что геты фактически существовали еще тамъ, или же это названіе сохраняетъ лишь память о быломъ?

Первое предположеніе, думается намъ, вѣроятнѣе. Пейтингерова карта знаетъ надъ нижнимъ Дунаемъ народности Piti Gaete Dagae. Первое изъ этихъ именъ неясно, но во второмъ легко узнать нашихъ гетовъ, какъ въ Dagae — даковъ, т. е. карподаковъ. Изъ того же источника Cosmogr. Rav. IV, 5 взялъ patria... Getho-Githorum, гдѣ мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ дѣло съ диттографіей, попавшей въ текстъ, ср. DA. III, 218. Если у позднѣйшихъ историковъ и географовъ ихъ имя уже болѣе не встрѣчается, то не только потому, что задунайскіе геты потеряли свою политическую независимость. По всему видно, что римляне имѣли очень точныя свѣдѣнія о Бессарабіи, и было-бы очень странно, еслибъ они въ I и II в. по Р. Хр. не отмѣтили здѣсь остатковъ этого народа, нѣкогда многочисленнаго. Вѣдь и полное исчезновеніе ихъ до этого времени само по себѣ невѣроятно, если не предположить поголовное выселеніе ихъ обратно за Дунай. Конечно, они отчасти абсорбировались своими побѣдителями сарматами и бастарнами, но намъ думается, что исчез-

новеніе имени гетовъ еще не предполагаетъ полное исчезновеніе народа въ этихъ краяхъ: мы узнаемъ остатки его именно въ тѣхъ бессахъ, о которыхъ, между прочимъ, упоминаетъ Птолемей.

Послѣ паденія галатскаго царства во Ѳракіи ок. 213 г. балканскіе геты, вновь достигнувъ независимости, основали могущественное государство, съ которымъ долго еще пришлось бороться римлянамъ, см. DA. III, 144 ss. Къ этимъ-то гетамъ и было пріурочено общее этническое названіе, тогда какъ геты задунайскіе, въ отличіе отъ нихъ, называются теперь бессами.

Что послѣднее имя чисто ѳракійскаго происхожденія, доказывается повтореніемъ его къ югу отъ Гэма. Объ этихъ ѳракійскихъ бессахъ въ Родопскихъ горахъ часто упоминаютъ древніе авторы; они играли не послѣднюю роль въ исторіи Балканскаго полуострова, и ихъ нельзя смѣшивать съ бессами Бессарабіи.

О послѣднихъ мы имѣемъ рядъ свидѣтельствъ, ставящихъ ихъ существованіе внѣ всякаго сомнѣнія. Впервые о нихъ упоминаетъ Овидій Tristia III, 10, 5 и IV, 1, 67, гдѣ бессы появляются рядомъ съ гетами (Bessi Getaeque) въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ мѣстомъ его изгнанія, гор. Томи (нын. Анадолькой близь Кюстенджи). Конечно, тутъ идетъ рѣчь не о ѳракійскихъ бессахъ, а о нижнедунайскихъ. Затѣмъ, у Capitol. Marc. Aurel. 22, 1 въ именахъ народовъ, принимавшихъ участіе въ маркоманской войнѣ: Victualis, Sosibes, Sicobotes, Roxolani, Basternae etc. не трудно возстановить Victuales, Osi, Bessi, Saboces (?). У Исидора Севильскаго Etymol. IX, 2, 89 ss. рядомъ съ готами и даками называются Bessi, опять-таки, конечно, бессы Бессарабіи. Къ сожалѣнію, источникъ Исидора неизвѣстенъ.

Наконецъ, эти же факты бросаютъ свѣтъ на одну фразу Іордана 12, 75: (Danubius) lingua Bessorum Hister vocatur. Само собою разумѣется, что тутъ имѣются въ виду не южноѳракійскіе бессы, нигдѣ не доходившіе до Дуная; да и обычное объясненіе, что Іорданъ употребилъ здѣсь частное названіе для

обозначенія всего гето-ѳракійскаго племени, было бы допустимо только въ томъ случаѣ, если бы мы не имѣли другихъ указаній на существованіе бессовъ близь дельты Дуная. Извѣстно, что названіе Истра, обнимавшее первоначально весь Дунай, пріурочивается впослѣдствіи всегда только къ нижнему теченію этой рѣки. Она называется такъ приблизительно со впаденія въ него Савы Plin. IV, 12, 79; или съ пороговъ (Желѣзныхъ Воротъ) Strabo VII, 3, 13; еще болѣе съужено употребленіе этого имени у Птолемея III, 10, 1, по которому Дунай называется Истромъ лишь начиная съ гор. Аксіуполя (нын. Рассова въ Добруджѣ?). Наконецъ, у анонимнаго географа Geogr. Min. II, 496, § 9 это названіе пріурочивается къ одной только дельтѣ Дуная (Οὔδουνον вм. Νουιόδουνον).

То обстоятельство, что это имя сохранилось здѣсь, въ устьѣ, всего дольше, на нашъ взглядъ весьма знаменательно въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, оно доказываетъ, что тутъ именно, на устьѣ, нужно искать и исходный пунктъ его. Это вѣроятно уже потому, что греки впервые узнали это имя, конечно, въ устьѣ, а не на среднемъ теченіи рѣки, и сначала совершенно естественно перенесли его на все теченіе ея. А во вторыхъ это же обстоятельство приводитъ насъ къ выводу, что около дельты Дуная еще очень долго держались остатки первоначальнаго гето-ѳракійскаго населенія этого края, сохранявшіе свой языкъ еще въ то время, когда южные родичи ихъ давно уже были романизованы и приняли кельто-римское названіе Данувія. А если Іорданъ прямо заявляетъ, что имя Hister принадлежитъ языку бессовъ, то мы не имѣемъ никакой причины не довѣрять ему, а должны, напротивъ того, видѣть въ предполагаемыхъ нами остаткахъ нижнедунайскихъ гетовъ именно бессовъ, но не южно-ѳракійскихъ, а самостоятельную народность того-же гето-ѳракійскаго происхожденія. Они, вѣроятно, съ самаго начала были крайнимъ сѣверовосточнымъ аванпостомъ гетскаго племени, доходившимъ до нижняго Дуная. Отъ нихъ, дѣйствительно, греки должны были услышать названіе этой рѣки, впервые достигнувъ

ея дельты. За Дунай-же бессы двинулись, вѣроятно, лишь послѣ того, какъ ихъ союзникъ, Филиппъ Македонскій, разбилъ въ 339 г. скиѳскаго царя Аѳію.

Наконецъ, существованіе именно бессовъ надъ нижнимъ Дунаемъ доказывается еще тѣмъ, что они и теперь еще не забыты въ краѣ: память о нихъ сохраняется въ имени Бессарабіи.

Мысль эта часто высказывалась (въ послѣдній разъ Odobescu 1877), и такъ же часто оспаривалась (Hasdeu 1874). Общепринятое объясненіе ведетъ это названіе отъ имени извѣстной молдаванской княжеской династіи Bessaraba, начинающей играть роль съ XIV в., тогда какъ областное названіе Бессарабіи встрѣчается впервые въ 1671 г., ср. Egli 109 s. v. Едва-ли можно привести серьезное возраженіе противъ этого, но намъ кажется, что это объясненіе нисколько не противорѣчитъ и нашему предположенію: имя династіи должно быть объяснено изъ имени народа, нѣкогда здѣсь обитавшаго, и затѣмъ, въ свою очередь, дало названіе всей области. Возможность такого объясненія допускаетъ и Egli l. c.

Мы выяснили весь первый рядъ сарматскихъ народовъ Птолемея и могли убѣдиться, что послѣдній цѣликомъ перенесъ его изъ Дакіи: народности, составляющія его, тянулись почти непрерывною цѣпью въ порядкѣ, указанномъ Птолемеемъ, отъ устьевъ Дуная вдоль хребта Лѣсныхъ Карпатъ до начала послѣднихъ; а передовые члены всего ряда принадлежатъ еще къ области сѣверной Татры.

Что касается второго ряда, то неясными остаются для насъ только Τρανσμοντανοί и Τάγροι.

Искусственность имени первыхъ лишаетъ насъ возможности точно пріурочить ихъ, такъ какъ такое имя могло возникнуть какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ интересующей насъ области. Можетъ быть, Transmontani представляютъ собою лишь римское названіе народности, уже извѣстной намъ подъ собственнымъ туземнымъ именемъ; но какой именно, мы, конечно, рѣ-

шить не можемъ. Съ именами Transylvania, terra ultrasilvana, трансильванскія альпы и т. д. они ничего общаго не имѣютъ, такъ какъ послѣднія возникли гораздо позже, ср. уже Zeuss 756. Напомню только еще, что Amm. Marc. XVII, 12, 12 знаетъ какихъ-то Transjugitani, появляющихся въ 358 г. рядомъ съ квадами. Если они тожественны съ трансмонтанами Птолемея, то послѣднихъ придется также отнести къ сѣверной Венгріи.

Еще менѣе ясны тагры Ptol. III, 5, 11: ὑπὸ... τοὺς Βαστέρνας πρὸς τῇ Δακίᾳ Τάγροι. Въ виду сходства Γ и Τ можно бы предположить описку вм. ΤΑΤΡΟΙ (ср. Müller 431 not.[6]) и отнести ихъ къ Татрѣ? Это вполнѣ согласовалось бы съ географическимъ опредѣленіемъ Птолемея. Но, съ другой стороны, нельзя не вспомнить о сарматскихъ тагорахъ (Tagorae) въ придонскихъ степяхъ Plin. VI, 7, 22. Они скорѣе указываютъ на сарматское происхожденіе тагровъ, вслѣдствіе чего мы могли бы съ большимъ правомъ отнести ихъ къ язигамъ метанастамъ въ равнинѣ Тиссы.

Мы должны, очевидно, отказаться отъ разгадки, такъ какъ и въ географической номенклатурѣ Венгріи я не нахожу ни одного названія, которое напоминало бы имя тагровъ.

Возвращаясь послѣ такого значительнаго, но необходимаго отступленія къ нашему исходному пункту, т. е. къ нижнедунайскимъ кельтамъ, мы напомнимъ читателю, для возстановленія связи, наши важнѣйшія положенія относительно нихъ.

Бритолаги не могли явиться ни съ юга ни съ запада; ихъ родина лежитъ къ сѣверу отъ нижняго Дуная (стр. 131). Они тожественны съ галатами ольвійской надписи, которые пришли въ южнорусскія степи въ обществѣ скировъ (стр. 103). Такъ какъ относительно послѣднихъ весьма вѣроятно, что ихъ увлекли за собою бастарны (стр. 119), то мы могли перенести этотъ выводъ апріорно и на галатовъ-бритолаговъ.

Дѣйствительно, оказалось, что вся сѣверная Венгрія была нѣкогда занята кельтами, которые въ области Татры и сѣверной

части Лѣсныхъ Карпатъ непосредственно примыкали къ тылу бастарновъ (стр. 148). А изъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ получается выводъ, всесторонне, на нашъ взглядъ обезпечивающій нашу догадку относительно происхожденія и исторіи бритолаговъ: ихъ первоначальная родина — сѣверная часть Лѣсныхъ Карпатъ, которую они покинули, чтобы слѣдовать за своими сосѣдями бастарнами въ ихъ движеніи на югъ.

Главная масса ихъ родичей — кельтовъ оставалась въ Карпатскихъ горахъ и держалась здѣсь, вѣроятно, еще очень долго. Извѣстно, что нигдѣ населеніе не бываетъ такъ устойчиво, какъ именно въ горныхъ областяхъ. Здѣсь ихъ, безъ сомнѣнія, еще застали готы и гепиды. Хотя ихъ исторія и не знаетъ столкновенія съ кельтами, но зато въ ихъ языкѣ сохранился, кажется, слѣдъ близкаго сосѣдства въ этихъ, именно, краяхъ. Дѣло въ томъ, что сохраненіе имени волоховъ, заимствованнаго, какъ извѣстно, славянами изъ готск. *Walhōz = *U̯olkoį, древнегерманскаго обозначенія кельтовъ, вовсе не предполагаетъ ранняго и непосредственнаго перенесенія его на романизованныхъ жителей нижняго Дуная, а, напротивъ того, указываетъ скорѣе на присутствіе болѣе или менѣе значительныхъ кельтскихъ поселеній въ сосѣдствѣ готской земли второго періода, т. е. южнорусскихъ степей. Перенесеніе этого имени на волоховъ въ позднѣйшемъ смыслѣ, т. е. на румынъ, станетъ, во всякомъ случаѣ, понятнѣе, если мы вспомнимъ о бритолагахъ и карпатскихъ кельтахъ, ближайшихъ сосѣдяхъ готовъ: на нихъ, именно, могли перенести послѣдніе общегерманское названіе кельтовъ, созданное еще въ германской прародинѣ, до перваго перебоя. Не будь этихъ кельтовъ, имя *Walhōz едва ли было бы перенесено на романизованныхъ даковъ и гетовъ, отличныхъ отъ кельтовъ какъ по языку, такъ и по общему типу и строю жизни. Вѣдь готы имѣли слово *Rumōneis для обозначенія римлянъ, и имя *Walhōz исчезло бы изъ употребленія. Оно удержалось, очевидно, потому, что и въ новой родинѣ оно могло быть пріурочено къ настоящимъ кельтамъ. Тоже самое находимъ мы и въ западно-

германскомъ мірѣ: всюду посредствующимъ звеномъ были туземные кельты, которыхъ германцы заставали во вновь занимаемыхъ областяхъ; на нихъ, прежде всего, перенесено имя древнихъ вóлковъ, получившее затѣмъ, вообще, значеніе туземнаго, негерманскаго элемента. Лишь отсюда шагъ къ обозначенію всѣхъ романцевъ этимъ именемъ представляется понятнымъ, даже необходимымъ. Германецъ, перенесенный непосредственно въ чисто романскую или иную среду безъ кельтскаго элемента, едва ли назвалъ бы ее «волошскою».

Къ тому же выводу, что готы и славяне застали еще кельтовъ на нижнемъ Дунаѣ и въ Карпатахъ, приводятъ насъ еще другія соображенія.

Не сохранилась ли память о кельтахъ-галатахъ въ названіи Галиціи, какъ несомнѣнно въ малоазіатской Галатіи и, вѣроятно, также въ испанской Галиціи? Вопросъ этотъ сводится къ тому, откуда произошло имя города Галича, давшаго названіе Галицкому княжеству, Галичинѣ и галичанамъ. Форма «Галиція», конечно, поздняя, книжная.

Ономастическій и историческій матеріалъ, имѣющійся въ нашемъ распоряженіи при разсмотрѣніи поднятаго вопроса, не очень великъ.

Когда и кѣмъ основанъ Галичь (при впаденіи Луквы въ Днѣстръ), мы не знаемъ. Можетъ быть, онъ находился въ числѣ тѣхъ «иныхъ градовъ», которые, кромѣ Перемышля и Червени, занялъ Владиміръ въ 981 г. Наша лѣтопись упоминаетъ о галичанахъ впервые подъ 1138 г. (Лавр. 290), когда они были союзниками Ярополка Мономашича въ его борьбѣ съ Ольговичами. Стольнымъ городомъ Галицкаго княжества Галичь сталъ при Владимірѣ Володаревичѣ ок. 1141 г., и съ этого времени онъ даетъ имя всей землѣ.

Затѣмъ, имя Галича повторяется въ Маломъ Галичѣ на нижнемъ Дунаѣ, нын. Галацѣ, Galati румынъ. Безспорно и это — древнее поселеніе, хотя подлинность грамоты, данной этому городу Иваномъ Ростиславичемъ Берладникомъ въ 1134 г.,

весьма сомнительна какъ по языку, такъ и по обозначенію даты (ср. Барсовъ 286).

Далѣе, я нахожу двѣ деревни Halič и Welkà Halič (венг. Gács и Gácsfalva) въ Венгерскихъ Рудныхъ горахъ, въ Ноградскомъ Комитатѣ (Lipsky s. v.).

Наконецъ, именемъ Галича обозначается еще теперь часть Лѣсныхъ Карпатъ и спеціально гора, у которой беретъ начало Днѣстръ. Вотъ и весь матеріалъ [1]).

О происхожденіи имени Галича существуютъ двѣ гипотезы.

Одна изъ нихъ (Egli 339), имѣя въ виду «баснословное богатство солью», отличающее восточные склоны Лѣсныхъ Карпатъ, связываетъ это имя съ hal- < *sal-, общеиндоевропейскимъ обозначеніемъ соли, которое часто привлекалось, да и теперь еще иногда привлекается къ объясненію нѣм. гор. Halle. Гипотеза эта возможна фонетически лишь въ томъ случаѣ, если мы примемъ за исходную точку кельтское слово. Въ британской группѣ кельтскихъ нарѣчій (кимр. корн. брет.) s въ началѣ слова передъ гласнымъ, дѣйствительно, переходитъ въ h: пракельтск. *salannos, дрир. salann соль = кимр. halan; ср. корн. haloin, брет. holen < *salên, Fick[4] II, 291. А такъ какъ языкъ карпатскихъ галатовъ въ другомъ пунктѣ, именно въ отраженіи индо-

---

1) «Мерскій» Галичь Костромской губ. (въ лѣтописи впервые подъ 1237 г. Лавр. 441), конечно, сюда не относится. Его имя, всего вѣроятнѣе, финскаго происхожденія и лишь передѣлано на славянскій ладъ русскими завоевателями — колонистами по образцу днѣстровскаго Галича. Ср. ливонск. Galle, Kolle, Kollasch, Bielenstein 179. 261. 263 и схожія финскія образованія ниже. Въ Костромской губ., кромѣ мерскаго Галича и Сольгалича имѣется 3 селенія съ названіемъ Галашино, одно село Галанино, дер. Галецкая и Галецкое. — Если же Костромской Галичь основанъ русскими, то онъ, безъ сомнѣнія названъ такъ въ честь славнаго стольнаго города на Днѣстрѣ, ср. Нижній Новгородъ и друг.; у крымскихъ переселенцевъ на Азовскомъ морѣ имѣется не только Ялта, Мангушъ и т. д., но и село Константинополь, хотя среди нихъ не было ни одного уроженца этого города (см. мою статью въ Живой Старинѣ вып. II, стр. 82); наконецъ, швейцарскій Бернъ, основанный въ XII в., названъ такъ въ честь Вероны, нѣм. Bern (Dietrich von Bern). Къ тому-же, районъ костромскаго Галича напоминалъ Галичину и богатствомъ соли. О Галицкой соли см. уже въ Печерскомъ Патерикѣ: (Василько и Володарь) не пустиша гостеи изъ Галича... и не бысть соли во всей Роускои земли.

европ. q>p дѣйствительно совпадаетъ съ британской группой, расходясь съ гэльской (ср. выше стр. 155), то съ этой стороны затрудненій къ принятію этой этимологіи не представится. Мы можемъ допустить карпато-кельтск. *Haletio изъ Saletio (какъ Tinnetio, Brigetio и друг.), которое могло дать въ славянскихъ устахъ «Галичь». Дѣйствительно, кельтскій городъ Saletio значится на Tab. Peuting. и въ Itiner. 353 пониже Страсбурга на Рейнѣ; это — Saliso Amm. Marc. XVI, 2, 12, нын. Selz. Но именно эта прирейнская форма внушаетъ намъ и недовѣріе къ данной гипотезѣ, напоминая намъ, что древне-гальск. нарѣчія сохраняютъ s-. Ср. еще Salsulae fons non dulcibus aquis defluens sed salsioribus etiam quam marinae sunt, Mela II, 5,82; Salodurum Itin. 353 и много другихъ. Очевидно, что, принимая переходъ s->h- для карпато-кельтскаго языка, мы допускаемъ нѣкоторую натяжку, тѣмъ болѣе, что противъ этого говоритъ Singidunum на Дунаѣ.

Гипотеза эта невѣроятна, наконецъ, и потому, что она не объясняетъ Галича въ Рудныхъ горахъ, не имѣющихъ соли.

Больше довѣрія внушаетъ намъ другая гипотеза, высказанная Кетржынскимъ (Egli ibid.) и связывающая имя Галича съ польскимъ hala «гора».

Миклошичъ Etym. Wört. знаетъ только польск. hala, которое онъ переводитъ черезъ «Alpenweide» и возводитъ къ праслав. *galja. Слово это, дѣйствительно не встрѣчающееся въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, употребляется и въ польскомъ не повсемѣстно. Линде его не знаетъ. Оно распространено только въ части Татранской Польши, которой оно дало имя Подгалья. Б. Дембовскій, авторъ Słownik gwary Podhalskiej, Kraków 1894, даетъ въ этомъ отношеніи весьма любопытный матеріалъ [1]).

Podhále, читаемъ мы у него на стр. 56, kraj leżący u północnego tj. polskiego podnóża Tatr, ciągnie się na północ do

1) Указаніемъ его я обязанъ любезности акад. А. А. Шахматова.

Beskidow (Nowotarszczyzna). Podhalanie, mieszkańcy Podhála, o sobie mówią górale, o innych częściach Polski mówią równie, dólskie ziemie, a najczęściej lachy, lahy.

Въ основѣ лежитъ, конечно, hála, hále, которое на стр. 22 объясняется какъ doliny górskie w Tatrach, pastwiska górskie, czasem góry same. Миклошичъ взялъ свое hala, очевидно, отсюда, изъ подгальскаго говора.

Отсутствіе мѣстныхъ словарей лишаетъ насъ возможности прослѣдить распространеніе этого слова на востокъ. У Желеховскаго имѣется «гáлява, галя́вина, Lücke, Lichtung, Waldblösse, freier Raum», и мнѣ припоминается наша «прогалина», находящаяся, очевидно, въ связи съ галявой. Но эти слова едва-ли относятся къ тому же корню, отъ котораго образовано польск. hála. Мы коснемся этого вопроса ниже; теперь же, возвращаясь къ интересующему насъ польскому слову, мы не можемъ не замѣтить, что оно занимаетъ въ лексиконѣ совершенно обособленное положеніе и, не повторяясь въ другихъ славянскихъ языкахъ, не имѣетъ славянской этимологіи. Уже въ силу этого мы вправѣ считать его заимствованіемъ. Отыскивая его источникъ, мы легко найдемъ его въ германскихъ нарѣчіяхъ, имѣющихъ рядъ именныхъ образованій отъ корня *hel — *hal съ подходящимъ значеніемъ. Нелишне будетъ представить здѣсь всю эту семью, такъ какъ не одинъ, а нѣсколько членовъ ея перешли къ славянамъ, притомъ въ разное время, такъ что они могутъ служить хорошей характеристикой различныхъ наслоеній славяно-германскихъ заимствованій.

Въ основѣ лежитъ индоевроп. корень *qel — qol, имѣющій общее значеніе подъема; ср. лат. ex-cellere, collis, culmen, греч. κολωνός, лит. kélti поднимать, kálnas гора. Отъ него образованы:

1. Индоевроп. *qolnos (лит. kálnas, ср. лат. collis изъ *colnis) > прагерм. *χallaz > готск. *halls, дрсѣв. hallr скала, гора, камень (прасѣв. halaR въ рунической надписи V вѣка, найденной въ Steinstad, въ Норвегіи), агс. heall скала. Съ переходомъ въ основы на -u: готск. hallus скала.

2. Прагерм. осн. *χallja->готск. *halleis, агс. hyll, англ. hill холмъ. Сюда же относится дрсѣв. hellir горная пещера.

Изъ обоихъ словъ (*χalla- и *χallja-) могло получиться слав. польск. hála въ первую готскую (или бастарнскую?) эпоху. Къ тому же древнѣйшему слою заимствованій принадлежитъ русск. холмъ:

3. Индоевр. *ql̥mos (ср. лат. culmen)>прагерм. *χulmaz> дрсѣв. hólmr, древнѣе holmr, агс. англ. holm островъ въ рѣкѣ или бухтѣ, собств. «утесъ, выступающій изъ воды?», дрсакс. holm холмъ. Для бастарнскаго resp. готскаго мы можемъ предположить форму *hulms въ значеніи подъема почвы, холма, какъ въ дрсакс. А изъ *hulms получилось совершенно правильно русск. холмъ. Ср. гор. Холмъ, польск. Chełm Любл. губ. Предположенію, что холмъ заимствованъ изъ дрсѣв., препятствуетъ вполнѣ устойчивое значеніе, а принадлежность его къ древнѣйшему слою германскихъ заимствованій доказывается переходомъ h->x-. Во второмъ слоѣ h- даетъ г-, ср. русск. гридь изъ дрсѣв. hirð и

4. Прагерм. *χalljōⁿ>готск. *halljō, прасѣв. *hallio, дрсѣв. hella гладкій плоскій камень, что дало русск. галя, галька. Наконецъ,

5. Прагерм. *χalþaz>готск. *halþs, дрсѣв. hallr, агс. heald, дрврхнѣм. hald «наклонный», собств. «поднимающійся подъ наклономъ». Отсюда сущ. дрсѣв. hallr (совпавшее фонетически съ hallr подъ № 1), дрврхнѣм. halda, новонѣм. Halde склонъ горы. На языкѣ нѣмецкихъ рудокоповъ Halde обозначаетъ также «Hügel von Erde oder Gestein, beim Schacht aufgeschüttet» (M. Heyne, Deutsches Wörterbuch 1891 s. v.). Въ этомъ значеніи — очевидно, техническомъ — оно поздно перешло въ подгальск. hálnia (<*hald-nia?), которое по Дембовскому 22 значитъ «ziemia z kopalni wydobyta» [1]).

Мы уже указали выше, что съ польск. hála едва-ли можетъ

---

1) Въ подгальскомъ нарѣчіи г и х совпали въ h, см. Дембовскій 9 прим.

быть отожествлено, по корню, русск. га́лява, галя́вина, прогалина, къ которымъ можно отнести еще прога́ль, про́галь «чистое пространство, открытое мѣсто среди чего; незамерзающее мѣсто въ рѣкѣ, поляна въ лѣсу» и т. д., въ особенности, если принять во вниманіе глаголъ прога́лить, «открыть, дать куда проникнуть свѣту», и выраженія въ родѣ «на́-небѣ прогалило» (Даль). Связь съ прилаг. «голый» должна быть, кажется, отвергнута, хотя она и вно́сится народной этимологіей, ср. проголить лѣсокъ, вм. прога́лить. Съ другой стороны, ограниченность распространенія этихъ словъ (только въ русск. яз.) и обособленность ихъ въ словарѣ указываетъ на то, что мы и здѣсь также имѣемъ дѣло съ заимствованіемъ.

Дѣйствительно, основныя значенія «свѣтлый, ясный» и «разсѣкать» сливаются въ финскомъ корнѣ sal—hal. Ср. напр. суом. salava молнія, haleva, hallava свѣтлый, halkēn разсѣкать, halkio щель, salko, halko полѣно; вепс. halg полѣно, halgnen разсѣкать; эст. haljas свѣтлый, sale жидкій, тонкій (sale mets жидкій лѣсъ) и т. д. Относящіяся сюда слова см. у Donner'a II, 10 ss., въ особенности стр. 25.

Мнѣ кажется, что мы безъ затрудненія можемъ принять, въ данномъ случаѣ, заимствованіе изъ финскаго, тѣмъ болѣе, что формы въ родѣ суом. haleva и т. под. объясняютъ намъ и своеобразное «га́лява». Въ послѣднемъ, слѣдовательно, сливаются значенія «просѣка» и «просвѣтъ».

Возвращаясь, однако, къ польскому (и угрорусскому?) hála, мы а priori можемъ предположить, что оно должно было отразиться на географической номенклатурѣ Карпатскихъ областей. Дѣйствительно, оно встрѣчается здѣсь довольно часто въ формѣ Hala, сохранившейся въ оффиціальныхъ мадьяризованныхъ именахъ потому, что легко поддавалась объясненію изъ венгерскаго, ср. венг. hal рыба, halas богатый рыбой; hálás ночевка).

Вышеупомянутая гипотеза Кетржынскаго производитъ отъ того же слова и интересующее насъ имя Галича. Такое производство, конечно, вполнѣ возможно, и если мы, тѣмъ не менѣе,

предлагаемъ другое объясненіе даннаго имени, то лишь потому, что намъ бросаются въ глаза нѣсколько обстоятельствъ, не объясняемыхъ упомянутой гипотезой.

Во первыхъ — отсутствіе слова галя въ языкѣ той части русскаго племени, которой, несомнѣнно, принадлежитъ основаніе Галича.

Во вторыхъ, то обстоятельство, что два поселенія этого имени (Днѣстровскій и Малый Галичь) лежатъ не въ горахъ, да и Ноградскій Галичь находится въ крайнихъ южныхъ, уже низкихъ отрогахъ Рудныхъ горъ.

Наконецъ, въ третьихъ, имена эти пріурочиваются только къ такимъ мѣстностямъ, гдѣ мы предполагаемъ первоначальное кельтское населеніе: въ Рудныхъ горахъ сидѣли котины (см. выше стр. 45), на нижнемъ Дунаѣ бритолаги (стр. 126); наконецъ, въ Лѣсныхъ Карпатахъ теуриски и анарты, отдѣльныя поселенія которыхъ, безъ сомнѣнія, доходили до Днѣстра (ср. Eractum, Vibantavarium, и Carrodunum на Днѣстрѣ же).

Не кроется-ли объясненіе въ двойственности наименованія Galati, Galatz = Малый Галичь, и не есть-ли Галичь лишь славянизированная форма Галаца, въ которомъ ясно слышится этническое имя галатовъ? [1]). Что такая славянизація была возможна, доказывается галичанами нашей лѣтописи, гдѣ послѣдняя перечисляетъ народности Афетова колѣна (Лавр. 4): они стоятъ здѣсь между агнянами и волъхвою, и обозначаютъ прибрежныхъ жителей «галатскаго моря» персидскаго географа XIV вѣка, «варяжскаго моря» нашей лѣтописи (Барсовъ 214), т. е. населеніе Галліи и Испаніи, а не одной только испанской Галиціи, какъ думалъ Шлецеръ, Несторъ I, 103.

Съ другой стороны, обратный переходъ отъ Галича къ Ga-

---

1) Пракельтск. *Galatos храбрый Fick[4] II, 108; уже Zeuss Gramm. Celt. 997 s. not. далъ вѣрное объясненіе: viri pugnaces. Не подлежитъ сомнѣнію, что это имя служило общимъ обозначеніемъ восточно-кельтскихъ народностей. Названіе галловъ, обобщенное на западѣ, ничего общаго съ «галатами» не имѣетъ: оно произошло, повидимому, изъ *ghas-lo-s «чужеземецъ», ср. лат. hos-tis, гость, герм. *gas-ti-z и т. д. Fick l. c.

lati представляется невозможнымъ, такъ какъ ни румынскій, ни турецкій языки не даютъ подходящей народной этимологіи. Мы получаемъ, такимъ образомъ, удовлетворительное объясненіе лишь принимая за исходную форму Galati. А этимъ подтверждается наша догадка.

По многимъ соображеніямъ весьма вѣроятно, что первые славянскіе посельники — хорваты застали въ Карпатахъ еще остатки кельтовъ-галатовъ: въ горныхъ областяхъ населеніе всегда бываетъ устойчивѣе, чѣмъ въ равнинахъ. Застали они, какъ мы видѣли выше, и бастарновъ, что доказывается, между прочимъ, самымъ именемъ хорватовъ, которое, безъ сомнѣнія, находится въ связи съ Карпатами черезъ посредство бастарнской формы *Harfaþa < Καρπάτον.

Бастарны не могли быть, однако, посредниками между славянами и галатами при переходѣ имени послѣднихъ къ новымъ пришельцамъ. По закону перваго перебоя, кельтск. gal-, переходя къ бастарнамъ, должно было дать *kal-. [1]).

Съ другой стороны, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что славяне пріурочили имя туземцевъ къ нѣкоторымъ поселеніямъ послѣднихъ и къ одной изъ мѣстныхъ горъ. Русская географическая номенклатура испещрена наименованіями, въ которыхъ доселѣ хранится память о мери, мордвѣ и другихъ вымершихъ или вымирающихъ инородцахъ. Еще болѣе подходящую аналогію находимъ мы въ недалекомъ разстояніи отъ галицкой земли, въ Силезіи: славяне назвали именемъ вандаловъ-силинговъ, остатки которыхъ они здѣсь застали, не только всю страну, но и рѣку (Слѧза нын. Lohe) и одну изъ мѣстныхъ горъ (Mons Zlenz=Слѧзь, нын. Zobtenberg, см. выше стр. 47 прим.). Въ той же мѣстности имя города Nimptsch произошло отъ слав.

---

1) Не сохранилась ли такая бастарнская форма въ имени Калiусъ (Ипат. 180 подъ 1241 г.), нын. Калюшъ верстахъ въ 27 отъ Галича, ближе къ Карпатамъ? Не есть ли и нашъ Калишъ < Καλισία (выше стр. 59) древняя стоянка кельтскихъ купцовъ, основанная до перебоя въ германской (лугійской) землѣ?

«нѣмцы», ср. Титмара Мерзебургскаго VII, 44: Nemzi urbs olim a nostris (i. e. germanis) condita.

Мы вернемся къ Галиціи еще разъ при опредѣленіи распространенія готовъ II періода. Теперь же мы должны обратиться къ послѣднему народу, явившемуся въ южнорусскія степи до прихода сюда готовъ, именно къ карпамъ. Мы этимъ закончимъ задачу, намѣченную нами на стр. 99.

О карпахъ впервые упоминаетъ Птолемей дважды, подъ двумя различными названіями III, 10, 7: τὴν ἀπὸ τοῦ ἀρκτικωτάτου στόματος τοῦ Ἴστρου ποταμοῦ μέχρι τῶν τοῦ Βορυσθένους ποταμοῦ ἐκβολῶν καὶ τὴν ἐντὸς χώραν μέχρι τοῦ Ἱεράσου ποταμοῦ κατέχουσιν Ἄρπιοι... ὑπὸ τοὺς Τυραγέτας Σαρμάτας. III, 5, 10: μεταξὺ Πευκινῶν καὶ Βαστερνῶν Καρπιανοί.

Возможность повторенія одного и того же народа на Дунаѣ и въ Сарматіи уже выяснено нами выше на стр. 106 сл. Точное опредѣленіе земли карповъ даетъ первое изъ приведенныхъ нами мѣстъ: центръ ея — южная Бессарабія, но на востокѣ они едва-ли доходили до устья Днѣпра, тогда какъ Серетъ какъ западная граница ихъ вполнѣ возможна. Сосѣди ихъ на югѣ бритолаги и пеукины, на сѣверѣ тирагеты, которые, очевидно, прежде владѣли частью карпской земли и нѣсколько оттѣснены ими на сѣверъ. Въ ихъ области лежитъ городъ Ἄρπις 56° долг. 47° 15′ шир. Ptol. III, 10, 7, т. е. верстахъ въ 26 (151, 2 ст.) отъ крайняго сѣвернаго устья Дуная. Его слѣдуетъ искать ок. нын. селенія Эскиполосъ (= «древній городъ») у восточнаго конца нижняго Траянова вала (см. ниже). Вѣроятно, это тотъ самый Carporum vicus, въ которомъ императоръ Валентъ провелъ лѣтніе мѣсяцы 368 г., см. Amm. Marc. XXVII, 5, 5 [1]).

Что Ἄρπιοι тѣ-же Καρπιανοί, едва-ли подлежитъ сомнѣнію (см. уже Zeuss 698). Но откуда взялось птолемеево Ἀρπ- вм. Καρπ-? Всѣ позднѣйшіе авторы знаютъ только послѣднюю

1) О другихъ городахъ въ карпской землѣ, подтверждающихъ наше пріуроченіе послѣдней, см. ниже въ разборѣ птолемеевой Сарматіи.

форму. Птолемей черпалъ, очевидно, изъ двухъ разныхъ источниковъ, что явствуетъ и изъ двоякаго географическаго пріуроченія карповъ. Форма Сагріаnі явно римскаго происхожденія. Нельзя-ли видѣть въ Нагріі форму германскую, подвергшуюся первому перебою ($k < \chi$)? Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы, конечно, ожидать *Harfii; но въ Нагріі мы имѣемъ, можетъ быть, дѣло съ формою контаминаціонною, что было бы неудивительно при пестротѣ состава населенія даннаго края. Въ этомъ предположеніи я нахожу единственную возможность объяснить странное раздвоеніе имени. Конечно, форма *Harp- не могла возникнуть на нижнемъ Дунаѣ, куда германцы явились лишь послѣ перебоя. Но вѣдь и карпы пришли сюда сравнительно поздно [1]): ихъ имя явно связываетъ ихъ съ Карпатами; мы увидимъ, что тамъ, дѣйствительно, слѣдуетъ искать ихъ первоначальную родину. А въ Карпатахъ они были сосѣдями бастарновъ.

Карпы — народъ сильный и многочисленный. Еще въ III в. по Р. Хр. они genus hominum ad bella nimis expeditum, qui saepe fuere Romanis infesti Iord. 16, 91. Когда въ III в. готы стали получать отъ римскаго правительства ежегодные денежные подарки, то и карпы потребовали того-же: δότω ἡμῖν τοσαῦτα· ἡμεῖς γὰρ κρείττονες ἐκείνων (τῶν Γότθων) ἐσμέν Petr. Patric. p. 125. Они сохраняли въ это время, слѣдовательно, еще полную политическую независимость и были подчинены, кажется, лишь Остроготой. Они принимаютъ потомъ очень видное участіе въ готскихъ набѣгахъ на римскія провинціи.

Карпы — происхожденія дакійскаго. Zosim. IV, 34 прямо называетъ ихъ Καρποδάκαι еще въ эпоху гунскаго нашествія (выше стр. 122). Это явствуетъ, кромѣ того, изъ чисто дакійскихъ именъ городовъ, лежащихъ въ ихъ землѣ на Серетѣ

---

1) Καρπίδαι παρὰ τὸν Ἴστρον у Эфора Scymn. 841 ничего общаго съ карпами не имѣютъ. Ихъ имя описка вм. Καλπίδαι, т. е. Καλλιπίδαι Геродота. Непосредственно за Καρπίδαι идутъ Ἀροτῆρες и Νευροί. Вообще, Эфоръ находится въ полной зависимости отъ Геродота, котораго онъ отчасти повторяетъ дословно. См. DA. III, 45.

(Прутѣ?): Ζαργίδαυα, Ταμασίδαυα, Πιροβορίδαυα Ptol. III, 10, 8, ср. выше стр. 143 примѣч. Серстъ отдѣляетъ ихъ отъ прочихъ даковъ, съ которыми они стоятъ въ непрерывной связи: непосредственно за Серетомъ, въ Дакіи, мы находимъ города Καρσίδαυα, Πατρίδαυα, Οὐτίδαυα и т. д. Ptol. III, 8, 4. Ясно, что карпы крайній восточный аванпостъ даковъ. Весь вопросъ въ томъ, когда и откуда они явились сюда.

Событіе это не можетъ относиться къ царствованію Бурвисты, хотя послѣдній, соединивъ подъ своею властью, повидимому, всѣ дакійскія народности, предпринялъ рядъ походовъ за предѣлы Дакіи, между прочимъ и противъ римлянъ. Strabo VII, 3, 11 ss., Sueton. Caes. 44, Octav. 8 и друг. [1]). Мы знаемъ изъ 36 рѣчи Діона Хризостома, что онъ около 50 г. до Р. Хр. двинулся изъ Дакіи на востокъ, дошелъ до Ольвіи, взялъ этотъ городъ, и, свернувъ на югъ, опустошилъ все западное Черноморье, разграбивъ греческія колоніи вплоть до Аполлоніи во Θракіи. Тѣмъ не менѣе, мы затрудняемся отнести къ этому времени занятіе карпами той земли, которою они владѣли по Птолемею. Дѣло въ томъ, что Страбонъ, такъ хорошо знакомый съ этимъ краемъ, еще не знаетъ ихъ здѣсь. Страбонъ же писалъ ок. 18 г. по Р. Хр., см. Bunbury II, 272 ss. Съ другой стороны, они значились, вѣроятно, уже на картѣ Марина Тирскаго, до 114 г. [2]), отъ котораго они перешли къ Птолемею.

---

1) Что Бурвиста — царь даковъ, а не гетовъ, на мой взглядъ не подлежитъ сомнѣнію, не смотря на полемику Латышева Изслѣд. 149 сcл., ср. его выводы стр. 160. Къ этому приводитъ насъ уже внимательное разсмотрѣніе фактическаго матеріала въ извѣстіяхъ древнихъ, приведеннаго Латышевымъ же на стр. 153 сcл., въ особенности Strabo VII, 3, 11, VII, 5, 2. Къ этому же выводу пришли всѣ изслѣдователи, спеціально занимавшіеся этимъ вопросомъ: Bessell, Müllenhoff, Roesler, Mommsen. Библіографическія указанія см. у Латышева 150 сл. прим. 16 и 18. Хронологическое пріуроченіе рѣчи Діона и набѣга «гетовъ» у Латышева 148 сл. точнѣе и лучше, чѣмъ у его предшественниковъ.

2) Онъ не зналъ еще территоріальныхъ результатовъ войнъ Траяна противъ пареянъ, DA. II, 331. Это упустилъ изъ виду Bunbury II, 519 not., подчеркивая слова Птолемея I, 6, 1: Μαρῖνος ὁ Τύριος ὕστατος τῶν καθ'ἡμᾶς. Птолемей могъ выразиться такъ хотя бы 50-ю годами послѣ появленія въ свѣтъ труда Марина. Птолемей родился никакъ не позже 110—115 гг., такъ какъ нѣкоторыя астрономическія наблюденія его относятся къ 139 г., Bunbury II, 546. Слѣдовательно, въ моментъ его рожденія Маринъ былъ, вѣроятно, еще въ живыхъ.

Несомнѣнно также, что ихъ вторженіе относится ко времени до присоединенія Бессарабіи къ римской имперіи при Неронѣ, такъ какъ послѣ этого событія появленіе такой значительной народности на римской территоріи, конечно, не прошло бы безслѣдно; между тѣмъ, никто изъ историковъ объ этомъ не говоритъ.

Мы приходимъ, слѣдовательно, къ выводу, что передвиженіе карповъ должно относиться ко времени между 20 и 55 г. по Р. Хр.

Но къ этому, именно, времени (20—40 г. по Р. Хр.) относится, какъ мы видѣли на стр. 94, выселеніе язиговъ изъ Бессарабіи въ равнину Тиссы, о чемъ также ни одинъ изъ современныхъ историковъ не говоритъ. Эти факты наводятъ насъ на мысль, что между обоими событіями есть внутренняя связь. Появленіе многочисленнаго народа язиговъ въ равнинѣ Тиссы должно было произвести измѣненіе въ группировкѣ дакійскихъ народностей. Часть послѣднихъ—на нижней Тиссѣ—была, вѣроятно, порабощена, другая—вытѣснена, на что есть ясное указаніе у Плинія, см. выше стр. 133 прим.[2] Но въ это время римляне стояли уже на Дунаѣ; въ Татрѣ и въ сѣверныхъ Карпатахъ сидѣли сплошною массою кельты; на западѣ, за Эйпелемъ, крѣпкой стѣною поднималось недавно основанное сильное государство квада Ваннія. Очевидно, что дакійская волна, приведенная въ движеніе сарматскимъ нашествіемъ, могла отхлынуть только на востокъ, въ Бессарабію, гдѣ очистилось мѣсто вслѣдствіе ухода язиговъ. Такимъ то образомъ, дакійскіе карпы были выброшены за предѣлы собственной Дакіи, оставаясь, въ то-же время, въ непрерывной связи со своими родичами.

За принимаемую нами связь выселенія карповъ съ передвиженіемъ язиговъ говоритъ, наконецъ, и одно мѣсто у Geogr. Rav. I, 12, гдѣ Sarmatum patria, очевидно, обозначаетъ именно равнину Тиссы; а изъ этой области (ex qua patria), продолжаетъ географъ, gens Carporum, quae fuit ex praedicta, in bello egressa est.

Эти слова съ достаточной ясностью опредѣляютъ первоначальную родину карповъ. Болѣе точное опредѣленіе ея невозможно, хотя оно было бы весьма важно и для исторіи имени Карпатъ, находящагося въ несомнѣнной связи съ названіемъ карповъ.

Чтобы уже не возвращаться къ южнорусскимъ степямъ до прихода сюда готовъ, мы теперь-же всмотримся еще въ карту этого края у Птолемея.

Мы постараемся на этотъ разъ выяснить ее, такъ сказать, теоретически, при помощи математическихъ вычисленій, такъ какъ практическій пріемъ, которымъ мы могли пользоваться выше, изслѣдуя область Вислы и Одера, здѣсь непримѣнимъ.

Руководящею нитью должны служить разстоянія между отдѣльными пунктами, отмѣченными Птолемеемъ. Пріурочивая ихъ къ современной картѣ и провѣряя этимъ путемъ его данныя тамъ, гдѣ это возможно (Тирасъ, Ольвія и т. под.), мы получимъ твердые критеріи, которые дадутъ намъ возможность пріурочить къ нашей картѣ и тѣ пункты, память о которыхъ исчезла въ наши дни.

Птолемей нигдѣ не указываетъ разстояній между отдѣльными точками въ стадіяхъ, но каждый пунктъ опредѣляется географически въ градусахъ и минутахъ долготы и широты. Въ основѣ его вычисленій лежатъ, конечно, не астрономическія наблюденія, а расчетъ по стадіямъ, который онъ находилъ въ своихъ источникахъ. Наша задача сводится, слѣдовательно, къ обратному дѣйствію: къ переводу его астрономическихъ данныхъ на стадіи. Напримѣръ:

Ольвія лежитъ у него подъ 57° долг. 49° шир. (III, 5, 14), а гор. Тирасъ подъ 56° долг. 47° 40′ шир. Соединяя эти двѣ точки прямой линіей и проэктируя ее на плоскость, мы можемъ принять эту линію за гипотенузу прямоугольнаго треугольника, катетами котораго будутъ меридіональная линія 1° 20′ (49°—

47° 40′), и параллель въ 1° (57°—56°) на широтѣ 47° 40′. Если намъ даны будутъ эти двѣ величины въ стадіяхъ, то по Пиѳагоровой теоремѣ не трудно будетъ найти и гипотенузу, т. е. именно искомое разстояніе между Ольвіей и Тирасомъ. Иначе говоря, весь вопросъ въ томъ, чему равенъ въ стадіяхъ одинъ градусъ широты и долготы у Птолемея.

Земля представлялась послѣднему правильнымъ шаромъ; вслѣдствіе этого 1° широты всюду одинаково великъ, т. е. онъ равенъ всюду 500 стадіямъ, такъ какъ длина большаго круга (напр. экватора) равна 180,000 стад., по невѣрному вычисленію Посидонія, принятому Мариномъ и Птолемеемъ. (Strabo II, 2; Ptol. I, 7, 1; ср. Bunbury II, 95 s. 537). Слѣдовательно, большій катетъ нашего треугольника ясенъ: онъ равенъ 1° 20′= 666,6 стад.

Не такъ просто получается длина 1° долг., такъ какъ это — величина, уменьшающаяся по мѣрѣ приближенія къ полюсу. Лишь на экваторѣ 1° долг.=500 стад.; но уже на 36° шир. 1° долг. = 400 стадіямъ, Ptol. I, 20, 5 [1]). Птолемей опредѣляетъ длину 1° долг. лишь на четырехъ широтахъ: 16° 25′ (параллель черезъ Мероэ), 23° 50′ (черезъ Сіэну), 36° (Родосъ) и 63° (островъ Θούλη), и мы легко убѣдимся, что его расчетъ почти точно совпадаетъ съ результатами тригонометрическаго вычисленія. Мы должны, конечно, исходить при этомъ изъ того предположенія, что 1° большаго круга=500 стад.

Ptol. I, 24, 17: 1° долг. на шир. 16° 25′ содержитъ въ себѣ $4^5/_6$ такихъ частей, какихъ 1° большаго круга содержитъ 5. Т. е. $x : 500 = 4^5/_6 : 5$; откуда $x = 483{,}3$ стад.

Провѣряя этотъ расчетъ тригонометрически, мы воспользуемся общей формулой: длина 1° долг. (по параллели считая) на шир. n°=длинѣ 1° экватора, помноженной на Cos n°. Т. е.

1) Онъ прибавляетъ ἔγγιστα, т. е. почти, приблизительно. Дѣйствительно, по точному вычисленію, 1° долг. на шир. Родоса долженъ былъ уменьшиться не на 100, а лишь на 95,5 стад. См. ниже.

x на шир. $n^\circ = 500 \times \text{Cos. } n^\circ$; откуда
$\log. x = \log. 500 + \log. \text{Cos. } n^\circ$.

Намъ требуется узнать длину 1° долг. на шир. 16° 25′. Слѣдовательно, $\log. x = \log. 500 + \log. \text{Cos. } 16^\circ 25'$
$= 2{,}698970 + 9{,}981924 - 10$
$= 12{,}680894 - 10$
откуда $x = 479{,}6$ стад.

Итакъ, въ данномъ случаѣ Птолемей ошибся лишь на 3,7 стад., т. е. на 0,6401 версты [1]).

Еще меньше ошибка въ остальныхъ случаяхъ.

Ptol. I, 24, 17: 1° долг. на шир. 23° 50′ относится къ 1° экватора какъ $4^7/_{12}$ къ 5, т. е. онъ равенъ 458,3 стад. По тригонометрическому-же вычисленію мы получаемъ 457,3 стад., т. е. Птолемей ошибся на 1 стад. = 0,173 версты.

Ptol. I, 20, 8: на широтѣ 36°, 1° долг. содержитъ въ себѣ 93 части такихъ, какихъ 1° экватора содержитъ 115, т. е. онъ равенъ 404,3 стад. По тригонометрическому расчету онъ долженъ равняться 404,5 стад. Слѣдовательно, ошибка здѣсь всего на 0,2 стад. = 0,0346 версты. Наконецъ,

Ptol. I, 20, 8: x на широтѣ 63°: 500 = 52: 115, откуда x = 226,08 стад., тогда какъ онъ долженъ равняться 226,9 стад., т. е. онъ у Птолемея слишкомъ малъ на 0,82 стад. = 0,14186 верстъ.

Затѣмъ, Птолемей I, 24,5 ss. 18 s. даетъ очень точныя указанія, какъ проводить остальныя параллели, такъ что мы могли бы вычислить длину 1° долг. на любой широтѣ чисто геометрическимъ путемъ. Но мы можемъ и миновать этотъ слишкомъ затруднительный и опасный для насъ путь и ограничиться болѣе простымъ тригонометрическимъ вычисленіемъ: отклоненія отъ данныхъ Птолемея получатся, какъ мы видѣли, настолько не-

1) Въ основѣ нижеслѣдующихъ вычисленій лежитъ общепринятый теперь расчетъ: 1 стад. = 125 (124, 966) pass. rom. = 184, 7 метра = 0, 173 (0, 17313778) версты.

значительныя, что они не могутъ вредно повліять на наши конечные выводы.

Вотъ таблица искомыхъ величинъ въ широтахъ, могущихъ насъ интересовать:

1° долготы равенъ

на широтѣ	58°30′—261,2	стад.	на широтѣ	48°40′—330,2	стад.
»	57° —272,3	»	»	48°30′—331,3	»
»	56° —279,5	»	»	48°20′—332,3	»
»	55° —286,7	»	»	48° —334,5	»
»	54°40′—289,1	»	»	47°55′—335,1	»
»	54°20′—291,5	»	»	47°45′—336,1	»
»	54° —293,8	»	»	47°40′—336,7	»
»	53°30′—297,4	»	»	47°30′—337,7	»
»	53° —300,9	»	»	47°15′—339,4	»
»	52°30′—304,3	»	»	47° —340,9	»
»	52° —307,8	»	»	46°50′—342	»
»	51°30′—311,2	»	»	46°40′—343,1	»
»	51°15′—312,9	»	»	46°30′—344,1	»
»	51° —314,6	»	»	46°20′—345,2	»
»	50°30′—318,	»	»	46°15′—345,7	»
»	50°15′—319,7	»	»	46° —347,3	»
»	50° —321,3	»	»	45°50′—348,3	»
»	49°50′—322,5	»	»	45°45′—348,9	»
»	49°45′—323	»	»	45°30′—350,4	»
»	49°40′—323,6	»	»	45° —353,5	»
»	49°30′—324,7	»	»	44°30′—356,6	»
»	49°15′—326,3	»	»	44°15′—358,1	»
»	49° —328	»	»	44° —359,6	»
»	48°45′—329,6	»	»	43° 5′—365,1	»

Вернемся теперь къ нашей первой задачѣ, къ опредѣленію разстоянія между Тирасомъ и Ольвіей.

По приведенной нами таблицѣ, 1° долг. на шир.

47° 40′ = 336,7 стад. Слѣдовательно, искомая гипотенуза x $=\sqrt{666,6^2+336,7^2}=746,8$. Иначе говоря, на картѣ Птолемея Ольвія отстояла отъ Тираса на 746,8 стад. = 129,1 версты. Въ дѣйствительности же разстояніе это по прямой воздушной линіи равнялось приблизительно 123,7 верст., если же считать по берегу, принимая во вниманіе загибъ Одесской бухты, то оно равно 130 верстамъ. Т. е. Птолемей, опредѣляя разстояніе между Тирасомъ и Ольвіей, ошибся лишь на 5,4 resp. 0,9 версты [1]).

Провѣривъ, такимъ образомъ, нашъ расчетъ и убѣдившись, что онъ даетъ результаты почти вполнѣ точные, мы можемъ теперь обратиться къ разсмотрѣнію остальныхъ данныхъ Птолемеевой карты западнаго Черноморья и попытаться пріурочить къ современной картѣ тѣ пункты, которыя сами по себѣ не такъ ясны, какъ Ольвія и Тирасъ. При этомъ мы примемъ во вниманіе, конечно, и данныя другихъ источниковъ, провѣряя ими то, что сообщаетъ Птолемей.

Насъ интересуетъ, главнымъ образомъ, югозападная Сарматія и та часть нижней Мэзіи, которая лежитъ къ сѣверу отъ Дуная. Что касается дельты этой рѣки и Добруджи, то мы должны коснуться ихъ лишь постольку, поскольку онѣ могутъ выяснить намъ вопросъ о положеніи острова Πεύκη, оставленный нами открытымъ [2]).

1) При всѣхъ своихъ вычисленіяхъ я пользуюсь десятиверстной картой, изданной нашимъ Главнымъ Штабомъ въ 1889 и слѣд. гг. подъ редакціей ген.-маіора Стрѣльбицкаго. На этой картѣ я ставлю Ольвію, согласно съ Латышевымъ Изслѣд. 29, подъ 1° 34′ долг. (отъ Пулк.) 46° 41′ шир.; Тирасъ подъ 0° долг. 46° 11′ шир., т. е. въ томъ пунктѣ, гдѣ меридіанъ 0° отъ Пулкова пересѣкаетъ возвышенности, лежащія надъ нын. гор. Аккерманомъ. Послѣднее предположеніе имѣетъ въ виду лишь установить твердую точку опоры на картѣ. Оно нѣсколько произвольно, но едва-ли сильно расходится съ истиной.

2) Внѣ этого вопроса я позволю себѣ сдѣлать лишь одно замѣчаніе мимоходомъ. Въ извѣстномъ спискѣ русскихъ городовъ, составленномъ не позже конца XIV или начала XV вѣка (Барсовъ 111) и сохранившемся въ Воскресенскомъ лѣтописномъ сводѣ (П. С. Р. Л. VII, 240 сл.), мы находимъ, между прочимъ такой рядъ: Килія, Новосель, Аколятря на морѣ, Курнака и Варна. Изъ нихъ Килія и Варна ясны сами по себѣ; а что касается именъ Новосель, Ако-

Птолемей можетъ оказать намъ въ данномъ случаѣ лишь косвенную помощь. Дѣло въ томъ, что его рисунокъ Добруджи и дельты Дуная невѣренъ: онъ значительно растянулъ сѣверную линію, т. е. теченіе нижняго Дуная отъ Диногетіи до Священнаго Устья (1005,1 стад. = 173,8 версты вмѣсто прибл. 612,7 стад. = 106 верстъ), вслѣдствіе чего не только дорога изъ Troesmis въ Dinogetia должна была круто повернуть на сѣверозападъ, но и южная граница (линія Tomi — Axiopolis) сильно придвинулась къ сѣверной, такъ что напр. разстояніе отъ Аксіополя до Троэсмисъ, равное по Itiner. 82 m. p. = 656 стад. = 113,4 верст., имѣетъ у Птолемея лишь 328 стад. = 56,7 верст. Невѣрна, вслѣдствіе этого, и восточная, береговая линія. Разстояніе отъ Tomi до Istropolis дано почти точно (301,1 стад. = 52 в.). Ср. Arrian. Peripl. 300 ст. = 51,9 в., Strabo 250 стад. = 43,2 в., Tab. Peut. 40 m. p. = 320 стад. = 55,3 в., Itiner. 36 m. p. = 288 стад. = 49,8 в. Но за то сильно сокращена линія отъ Istropolis до Священнаго устья: 137,6 стад. = 23,8 в., ср. Arrian. Peripl. и Strabo 500 стад. = 86,5 в., Tab. Peuting. 60 m. p. = 480 стад. = 83 в. Невѣренъ, наконецъ, и рисунокъ дельты. У Птолемея разстояніе отъ Священнаго устья до самаго сѣвернаго (Θιάγολα ἢ Ψιλόν) по береговой линіи равно 423,4 стад. = 73,2 в. тогда какъ болѣе точный Арріанъ даетъ лишь 280 стад. = 48,4 в., что вполнѣ согласно съ Страбономъ, утверждающимъ, что то-же разстояніе равно *почти* 300 стад. = 51,9 в. Всѣ эти данныя заставляютъ насъ отказаться, на этотъ разъ, отъ руководства Птолемея: мы должны, въ дальнѣйшихъ нашихъ разсужденіяхъ, исходить изъ данныхъ, сообщаемыхъ другими источниками. Они также нѣсколько расходятся между собою, но ихъ колебанія не настолько

лятря и Курнака, которыя, по Барсову 114, «остаются для насъ неразъясненными», то въ нихъ слѣдуетъ, кажется, видѣть Noviodunum на Дунаѣ (выше стр. 127), Callatis на Черномъ морѣ (Strabo VII, 5, 12, Tab. Peuting., Ptol. III, 10, 3 и друг.; нын. Мангалія) и Cruni (Plin. IV, 11, 44; Pomp. Mela II, 2, Κρουνοί Strabo VII, 6, 1 и друг.; = Dionysopolis, нын. Ekrene ок. Бальчика въ Болгаріи?). Географическій порядокъ соблюденъ вполнѣ.

значительны, чтобы нельзя было ихъ примирить. Они-же дадутъ намъ ключъ къ объясненію ошибки Птолемея.

Извѣстно, что дельта Дуная изображалась древними различно. По Арріану Peripl. 35 и Діонисію ст. 301 она имѣла 5 устьевъ, по Птолемею III, 10, 2 и Плинію IV, 12, 79 шесть, а по Страбону VII, 3, 15 и Помпонію Мелѣ II, 7 даже семь. Эти данныя нельзя согласовать съ современной картиной дельты, знающей, строго говоря, лишь 3 гирла: Св. Георгія, Сулинское и Килійское. Но мы впали-бы въ грубую ошибку, еслибъ захотѣли пріурочить приведенныя извѣстія непосредственно къ современному рисунку дельты, ошибку, въ которую, впрочемъ, впадаетъ большинство изслѣдователей. Нужно помнить, что рисунокъ этотъ «ежедневно еще измѣняется, такъ сказать, на нашихъ глазахъ» (Брунъ I, 131). При этомъ, дельта увеличивается постепенными наносами, а не уменьшается. Если мы, съ другой стороны, примемъ во вниманіе, что со времени Арріана и Птолемея прошло слишкомъ 1700 лѣтъ, а съ эпохи Александра Македонскаго, когда мы впервые узнаемъ нѣкоторыя подробности о Πεύκη, даже свыше 2200, то намъ a priori станетъ яснымъ, что въ это отдаленное время дельта не выдвигалась въ море такъ далеко, какъ теперь, т. е. что мы въ своихъ вычисленіяхъ должны искать устья Дуная западнѣе, чѣмъ теперь.

Дельта начинается у Тульчи или, точнѣе, верстахъ въ 5 ниже Исакчи. Постепенно расширяясь, начиная съ того мѣста, гдѣ Георгіевскій Дунай отдѣляется отъ Килійскаго, она образуетъ почти равнобедренный треугольникъ, основаніе котораго равно теперь приблиз. 50 верстамъ, тогда какъ каждое изъ бедеръ равняется приблиз. 70 верстамъ. Къ этому треугольнику съ юга примыкаетъ еще довольно значительный разносторонній четыреугольникъ, также образованный постепенными наносами рѣки: стороны его Дунавецъ, Георгіевскій Дунай, море и озеро Расимъ.

Все это огромное пространство, обнимающее свыше 3000 квадр. верстъ, представляетъ собою сплошное болото, покрытое

тростникомъ, лишь изрѣдка прерываемое маленькими озерами и протоками или песчаными наносами, на которыхъ ютятся жалкія хижины рыбаковъ, образующія всего 5 деревень; у Килійскаго гирла 4, да на Георгіевскомъ островѣ одну. Въ средней и западной части дельты, а также въ южной между Дунавцомъ и моремъ нѣтъ ни одного человѣческаго жилища. О земледѣліи тутъ не можетъ быть рѣчи. Во время весеннихъ и осеннихъ разливовъ, вся дельта покрывается водою, изъ которой выдвигаются, въ видѣ песчаныхъ островковъ, лишь тѣ мѣста, на которыхъ стоятъ упомянутыя деревеньки.

Гдѣ тутъ искать островъ Πεύκη, на которомъ нашелъ убѣжище цѣлый, хотя-бы и немногочисленный народецъ? Если мы, притомъ, примемъ во вниманіе, что въ то время рѣка была гораздо полноводнѣе, чѣмъ теперь, то намъ станетъ ясно, что здѣсь, въ *современной* дельтѣ, его искать нельзя.

Дѣйствительно, это подтверждается разсказомъ Арріана, Anab. I, 2—4, о походѣ Александра Македонскаго противъ трибалловъ и нижнедунайскихъ гетовъ. На островъ Πεύκη, говорится здѣсь, спаслись оракійцы и Сирмъ, царь трибалловъ, съ частью своего войска, предварительно отправивши туда-же женщинъ и дѣтей. Александръ хотѣлъ-было, прежде всего, взять этотъ островъ, но долженъ былъ отказаться отъ этого плана, такъ какъ у него не хватало кораблей и приступъ затруднялся тѣмъ, что берега острова были круты и обрывисты, а теченіе рѣки, съуженной здѣсь высокими берегами, было стремительно и препятствовало переправѣ (I, 3,4: τῆς νήσου τὰ πολλὰ ἀπότομα ἐς προσβολήν, καὶ τὸ ῥεῦμα τοῦ ποταμοῦ τὸ παρ' αὐτήν, οἷα δὴ ἐς στενὸν συγκεκλεισμένον, ὀξὺ καὶ ἄπορον προσφέρεσθαι). Вслѣдствіе этого, Александръ высадился ночью на противуположный берегъ Дуная повыше острова и неожиданнымъ появленіемъ своимъ такъ напугалъ гетовъ, расположившихся въ своемъ плохо укрѣпленномъ городѣ (I, 4,4: πόλις κακῶς τετειχισμένη) на лѣвомъ берегу Дуная, что они, захвативъ женъ и дѣтей, бросились бѣжать вглубь степей.

Разсказъ Арріана не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что Πεύκη, островъ съ крутыми берегами, лежалъ внѣ современной дельты. Между тѣмъ, именно здѣсь искали его не только почти всѣ новѣйшіе ученые, но и большинство древнихъ географовъ. Уже у Scymn. 787 s. онъ лежитъ μεταξὺ τῆς θαλάσσης.... καὶ τῶν στομάτων. Тѣ-же слова повторяетъ анонимный авторъ Черноморскаго перипла V в. по Р. Хр. § 94. У Плинія IV, 12, 79 и Птолемея III, 10, 2 Πεύκη лежитъ между Георгіевскимъ Дунаемъ (ostium Peuces, Ἱερὸν στόμα) и слѣдующимъ къ сѣверу рукавомъ (Naracustoma, Ναράκιον στόμα), т. е. соотвѣтствуетъ Георгіевскому острову. У Діонисія (II в. по Р. Хр.) v. 301 островъ Πεύκη обнимаетъ всю треугольную дельту между крайними устьями: (Ἴστρος) ... πενταπόροις προχοῇσιν ἑλισσόμενος περὶ Πεύκην (ср. прозаическій пересказъ его Περιήγησις, а также комментаріи Евстаѳія). Въ этомъ же смыслѣ понялъ эпитоматоръ Страбона слова послѣдняго, говоря, что нашъ островъ, образуемый устьями Истра, имѣетъ форму треугольника, основаніемъ котораго служитъ самый сѣверный рукавъ, т. е. Килійскій Дунай. Эпитоматоръ, однако, понялъ слова Страбона невѣрно: этотъ, именно, авторъ даетъ намъ разгадку всего вопроса.

Πεύκη, говоритъ онъ VII, 3, 17, лежитъ *близъ* устьевъ (πρὸς ταῖς ἐκβολαῖς); кромѣ него, есть еще другіе острова меньшихъ размѣровъ, одни выше Πεύκη, другіе у моря (αἱ μὲν ἀνωτέρω ταύτης, αἱ δὲ πρὸς τῇ θαλάσσῃ). Стало быть, Πεύκη лежитъ не у моря. Дѣйствительно, по Священному устью нужно (отъ моря) проплыть разстояніе въ 120 стад. = 20,7 верст., пока достигнешь Πεύκη. Ясно, что если намъ удастся опредѣлить мѣсто, гдѣ находилось устье Георгіевскаго Дуная около времени Рождества Христова, то мы, тѣмъ самымъ, найдемъ и восточную оконечность острова. Мы уже знаемъ, что оно должно было находиться западнѣе современнаго устья.

Всматриваясь въ подробную карту этого края, я нахожу въ дельтѣ рядъ песчаныхъ насыпей, которыя тянутся почти пря-

мой линіей отъ нын. Вилкова (на Килійскомъ гирлѣ) на юго-западъ до Драповскаго лимана на крайнемъ югѣ; рядъ этотъ прерывается лишь современными рукавами, т. е. Сулинскимъ и Георгіевскимъ Дунаемъ, да гирломъ Тереца. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти насыпи лежали нѣкогда передъ устьями, а не за ними, какъ теперь. Онѣ представляли собою тогда такія же песчаныя мели, какія еще въ наше время образуются передъ устьями, увеличиваясь съ каждымъ годомъ. Намъ думается, что именно здѣсь, за этими насыпями, находились устья въ началѣ христіанской эры, т. е. на Килійскомъ Дунаѣ нѣсколько выше Вилкова, на Сулинскомъ тамъ, приблизительно, гдѣ къ нему съ юга примыкаетъ песчаная насыпь, идущая прямой линіей до гирла Тереца.

Провѣряя наше апріорное предположеніе на положительныхъ данныхъ древней географіи, мы приходимъ къ выводу, что послѣднія вполнѣ подтверждаютъ нашу догадку.

Мы должны взять исходной точкой расчетовъ единственный пунктъ древней карты, пріуроченіе котораго къ картѣ современной не представляетъ затрудненій. Это — Noviodunum = нын. Исакча. Отсюда до Священнаго устья черезъ Aegysum (Aegypsum и т. д.) и Salsovia 65 m. p. = 520 стад. = 89,9 верст. (Tab. Peuting. и Itiner.). То-же разстояніе равно у Птолемея по *прямой* линіи 477,5 стад. = 82,6 верст.

Ясно, что эти двѣ цифры обозначаютъ одно и то-же географическое разстояніе. Перенося, теперь, прямую линію Птолемея на нашу карту отъ Исакчи къ морю, мы получаемъ, съ ошибкою въ 5,6 верст. ту точку передъ песчаными насыпями, которую мы намѣтили выше какъ предполагаемое устье: она находится тамъ, гдѣ къ Георгіевскому Дунаю примыкаетъ лиманъ Еренчикъ. Отсюда до крайняго сѣвернаго устья по Страбону около 300, по Арріану 280 стад. = 48,4 верст. Дѣйствительно, отъ найденнаго нами пункта до предполагаемаго древняго устья повыше Вилкова 47 верстъ.

Приступаемъ теперь къ опредѣленію острова Πεύκη. Онъ

начинается въ 20,7 верст. отъ Священнаго устья, говоритъ Страбонъ. Перенося это разстояніе на нашу карту, считая отъ найденнаго нами древняго устья, мы получаемъ высоты около деревни Моругель надъ одноименнымъ озеромъ, какъ крайнюю восточную оконечность искомаго острова. Земля тутъ круто поднимается, образуя какъ бы мысъ въ окружающихъ болотахъ. Отсюда горы тянутся, возвышаясь и расширяясь, до Исакчи съ одной, Бабадагскаго озера съ другой стороны. Для римлянъ на нижнемъ Дунаѣ это былъ важный стратегическій пунктъ, и мы удивились бы, не находя здѣсь римской стоянки. Но стоянка тутъ была: здѣсь, безъ всякаго сомнѣнія, нужно искать Salsovia, которое по Tab. Peut. и Itin. 226 отстоитъ отъ Noviodunum на 41 m. p.=56,7 верстъ: дѣйствительно, намѣченный нами крайній сѣверо-восточный мысъ острова Πεύκη отстоитъ отъ Исакчи на 56,2 верст., т. е. римскіе итинераріи ошиблись лишь на полъ-версты.

Эти совпаденія достаточно доказываютъ правильность догадки, высказанной нами выше.

Островъ Πεύκη могъ лежать, конечно, только къ югу отъ линіи Исакча—Моругель, т. е. онъ обнималъ крайній сѣверовосточный уголъ Добруджи. Правыми оказываются, слѣдовательно, въ общихъ чертахъ Крузе, а за нимъ Брунъ I, 126, полагая, что нашъ островъ ничто иное, какъ горная Бабадагская область. Что она вполнѣ подходитъ къ описанію Арріана, въ этомъ убѣждаетъ насъ взглядъ на карту.

Но если Πεύκη дѣйствительно было островомъ, то нашъ выводъ предполагаетъ, по крайней мѣрѣ въ эпоху Александра, еще одно, впослѣдствіи закрывшееся устье къ югу отъ современныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, видъ береговой линіи между Георгіевскимъ Дунаемъ и Лиманомъ Синимъ, на которомъ лежало древнее Istropolis, уже самъ по себѣ предполагаетъ такое устье близъ нын. озера Расима. Болото, черезъ которое протекаетъ Дунавецъ и тянется песчаная мель черезъ Терецкое гирло къ Геор-

гіевскому Дунаю, не можетъ быть образовано послѣднимъ, точно также какъ и узкая коса, которая, расширяясь въ концѣ, отдѣляетъ Расимъ отъ моря и продолжается затѣмъ по ту сторону пролива Портица вплоть до возвышенностей материка.

Здѣсь въ двухъ мѣстахъ имѣются слѣды древняго устья: у лимана Головица, въ 20 верстахъ къ югу отъ Бабадагскаго озера, и затѣмъ у этого послѣдняго, въ болотѣ, соединяющемъ его съ озеромъ Расимомъ. У обоихъ пунктовъ могло быть древнее устье.

Окончательный отвѣтъ дастъ Плиній l. c.: Primum ostium Peuces, mox ipsa Peuce insula, in qua proximus alveus * appellatus XIX m. p. magna palude sorbetur; ex eodem alveo et supra Histropolin lacus gignitur LXIII m. p. ambitu, Halmyrin vocant.

На основаніи этихъ словъ, наиболѣе вѣроятное рѣшеніе то, что древнее русло шло къ Головицкому болоту; проливъ Портица — его устье. Отъ того же русла, гдѣ нибудь въ среднемъ его теченіи, отдѣлялся меньшій рукавъ (alveus *), который поглощался большимъ болотомъ, нын. Бабадагскимъ озеромъ, еще теперь въ двухъ концахъ кончающимся болотами. Протокъ, ведущій отсюда на востокъ, впадаетъ въ озеро Расимъ, т. е., по выраженію Плинія, ex eodem alveo lacus gignitur Halmyris.

Останавливаясь на такомъ рѣшеніи, мы, прежде всего, легко объяснимъ прихотливую форму берега въ этихъ мѣстахъ. Лиманы Головица и Змѣйка были нѣкогда, вѣроятно, такими-же болотами, какія мы находимъ теперь у Дунайскихъ устьевъ. Когда древній рукавъ, пересѣкавшій сѣверную Добруджу, былъ занесенъ пескомъ, и приливъ воды и илу съ этой стороны прекратился, то волны бурнаго Чернаго моря, не встрѣчая препятствія со стороны рѣки, залили все это пространство, вслѣдствіе чего и образовались означенные лиманы, отдѣленные другъ отъ друга и отъ моря узкими косами, представлявшими нѣкогда такіе-же песчаные острова, какъ отмѣченные нами въ современной дельтѣ.

Но этого недостаточно. Предлагаемое нами рѣшеніе даетъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ключъ къ уразумѣнію невѣрнаго рисунка Добруджи у Птолемея. Его изложеніе, также какъ и изложеніе Плинія, представляетъ собою контаминацію данныхъ двухъ разновременныхъ источниковъ: одного древнѣйшаго, знавшаго еще древнее Портицкое устье, и другого, новѣйшаго, начинавшаго перечень устьевъ лишь съ Георгіевскаго Дуная, древн. Священнаго устья. На послѣднее всѣ безъ исключенія географы перенесли то, что ихъ источники знали объ устьѣ Портицкомъ, древн. Πεύκη στόμα, ostium Peuces, въ ихъ время уже не существовавшемъ. Но слѣды послѣдняго все-же сохранились въ сбивчивомъ изложеніи Плинія и въ особенности у Птолемея.

Дѣло въ томъ, что Птолемей помѣщаетъ στόμα Ἱερὸν ἢ Πεύκη подъ 56° долг. 46° 15′ шир., т. е. въ 137,6 стад. = 23,8 верст. отъ Istropolis. Положеніе послѣдняго не удалось еще опредѣлить съ точностью, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ лежалъ на берегу Синяго лимана, вѣроятно близъ дер. Каранасупъ: на этотъ пунктъ указываютъ данныя Tab. Peut., Itiner., Strabo и Arrian., приведенныя выше на стр. 183. А отсюда до пролива Портицы, дѣйствительно, только 23 версты; иначе говоря, допуская наше предположеніе, что устье Πεύκη первоначально не совпадало съ Священнымъ, но что у Птолемея они слились, мы приходимъ къ выводу, что нашъ писатель ошибся лишь на 0,8 версты [1]). Совершенно также объясняется, почему разстояніе между крайними устьями Дуная у Птолемея значительно больше, чѣмъ въ дѣйствительности, т. е. равно 423,4 стад.=73,1 верст. Наконецъ, меридіанъ Византіи, проходящій, по Птолемею, черезъ Os Sacrum, въ дѣйствительности проходитъ черезъ Портицкое устье. Во всѣхъ этихъ случаяхъ

1) Уже названіе города Istros, Istropolis предполагаетъ бо́льшую близость его къ устьямъ Дуная. Еслибъ онъ съ самаго начала былъ основанъ почти въ 100 верстахъ отъ южнѣйшаго устья, то онъ едва-ли получилъ бы это имя. Дѣйствительно, Геродотъ II, 33 ставитъ нашъ городъ близъ устьевъ Дуная: τελευτᾷ δὲ ὁ Ἴστρος..... τῇ Ἰστρίην οἱ Μιλησίων οἰκέουσιν ἄποικοι. Очевидно, что онъ еще зналъ Портицкое устье.

Птолемей, какъ это часто съ нимъ случалось, не съумѣлъ примирить вполнѣ вѣрныя данныя своихъ древнѣйшихъ источниковъ съ неменѣе вѣрными данными источниковъ позднѣйшихъ, признававшихъ южнѣйшимъ устьемъ Дуная — Священное. Онъ помогъ себѣ тѣмъ, что отожествилъ послѣднее съ исчезнувшимъ въ его время, но упоминавшимся въ древнихъ источникахъ устьемъ Πεύκη, т. е. Портицкимъ, иначе говоря, онъ прямо вычеркнулъ изъ своей карты древній островъ Πεύκη, лежавшій между ними, вслѣдствіе чего и получилось, какъ у всѣхъ позднѣйшихъ географовъ, невозможное Πεύκη въ современной дельтѣ.

Но это сокращеніе должно было имѣть роковое послѣдствіе для всего рисунка Добруджи, придавъ ему именно тотъ видъ, который былъ охарактеризованъ нами уже выше на стр. 183, т. е. значительно сокративъ его длину и расширивъ его на сѣверѣ. Не очень добросовѣстенъ и Плиній, который, отожествивъ, какъ Птолемей, ostium Peuces съ Ostium Sacrum, вышелъ изъ затрудненія двусмысленнымъ выраженіемъ mox ipsa Peuce insula etc., сохранивъ при этомъ нѣкоторыя вѣрныя данныя древняго источника.

Не такъ поступилъ энергичный Страбонъ, который, основываясь на однихъ только новыхъ данныхъ, любитъ полемизировать со своими предшественниками: онъ совершенно отказывается отъ прежняго изображенія дельты, сохраняя лишь традиціонное названіе «острова» для обозначенія области, которую въ его время скорѣе слѣдовало назвать полуостровомъ. Что въ его время Портицкое устье уже не имѣло прямой связи съ Дунаемъ, не подлежитъ сомнѣнію: иначе отожествленіе его съ Священнымъ было-бы невозможно. Но такъ-же несомнѣнно и то, что въ эпоху Александра Македонскаго оно еще существовало: по нему проѣхали византійскіе корабли, призванные македонскимъ завоевателемъ, не по Георгіевскому Дунаю, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ они должны бы были объѣхать непріятеля съ тылу, безъ связи съ главнымъ войскомъ; а это болѣе чѣмъ невѣроятно.

Вопросъ о томъ, по какой линіи проходитъ предполагаемый нами рукавъ, послѣ всего сказаннаго, въ сущности, лишній. Никакихъ положительныхъ данныхъ для его рѣшенія мы не имѣемъ. Очень вѣроятно, что Александръ переправился черезъ Дунай именно у Новіодунума-Исакчи: здѣсь и впослѣдствіи обыкновенно переправлялись римскія войска (см. выше стр. 127), очевидно потому, что здѣсь удобное мѣсто для переправы. Вѣроятно также, что плохо укрѣпленный городъ гетовъ по ту сторону Дуная совпадаетъ съ дер. Карталъ (она-же = Аліобриксъ, выше стр. 128?). Такъ думалъ уже Брунъ I, 130 (ср. Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. I, 627), и въ пользу этого мнѣнія можно привести еще то обстоятельство, что, послѣ переправы, македонское войско, направляясь къ гетскому городу, имѣла Дунай на лѣвомъ флангѣ: Карталъ лежитъ нѣсколько выше по Дунаю, чѣмъ Исакча.

Такъ какъ Александру одинъ только разъ пришлось переправиться черезъ Дунай, то ясно, что развѣтвленія его дельты начинались ниже Исакчи, вѣроятно тамъ, гдѣ они начинаются и въ наше время, т. е. верстахъ въ 5 ниже Исакчи; тутъ начинается болото, черезъ которое течетъ, параллельно Дунаю, такъ называемое гирло Сомово, соединяя между собою нѣсколько мелкихъ болотистыхъ озеръ. Такимъ представлялось начало дельты и Птолемею III, 10, 2, у котораго πρῶτος μερισμὸς τῶν στομάτων находится подъ 54° 50′ долг. 46° 30′ шир., т. е. въ 57,3 стад. = 9,9 верст. ниже Новіодунума. Вѣроятно, что здѣсь, именно, отдѣлялся отъ главнаго теченія предполагаемый нами Портицкій рукавъ. Всматриваясь въ топографію сѣверовосточной Добруджи, намъ кажется, далѣе, вѣроятнымъ, что въ нижнемъ своемъ теченіи онъ шелъ по довольно широкой долинѣ, по которой еще теперь течетъ рѣчка, впадающая около дер. Чамурлы въ Головицкое болото. Около дер. Ортакіой, на шир. 45° 2′, отъ нея отдѣлялся proximus alveus Плинія: отсюда на юговостокъ ведетъ долина, по которой еще теперь течетъ рѣка (Таица), впадающая въ Бабадагское озеро. Верхнее теченіе уже неопредѣлимо.

Островъ Πεύκη, слѣдовательно, представлялъ собою пространство вполнѣ достаточное для застрявшей здѣсь части бастарновъ — позднѣйшихъ пеукиновъ.

Перешагнувъ теперь черезъ Дунай, мы остаемся пока еще въ предѣлахъ римской имперіи, и нашей первой задачей будетъ точнѣе опредѣлить сѣверную границу послѣдней отъ Буга до Карпатъ.

Рѣшеніе этой задачи предвосхищена нами уже выше на стр. 137 сл., но намъ остается оправдать наши опредѣленія разстояній отъ Буга до ἐπιστροφή Днѣстра и отсюда до той точки, гдѣ граница покидаетъ Днѣстръ, направляясь къ «началу Карпатъ».

Замѣтимъ, прежде всего, что мы имѣемъ здѣсь двѣ вполнѣ надежныя точки опоры, Тирасъ и Ольвію, взаимное разстояніе которыхъ, какъ мы уже знаемъ, почти вполнѣ точно опредѣлено Птолемеемъ. Онѣ-то и послужатъ намъ базисомъ для дальнѣйшихъ расчетовъ.

Отъ Тираса до загиба (ἐπιστροφή) Днѣстра на картѣ Птолемея 1092,6 стад. = 189 верстъ; отъ Ольвіи до той же точки 1348,5 стад. = 233,2 версты. Если мы перенесемъ эти двѣ линіи на нашу карту, считая отъ названныхъ городовъ, то онѣ встрѣтятся около с. Рыбницы, въ 8 верстахъ отъ пункта, гдѣ Днѣстръ, державшійся до того, въ общемъ, юговосточнаго направленія, дѣйствительно круто поворачиваетъ на югъ. Если мы примемъ этотъ пунктъ, т. е. мѣсто, гдѣ въ Днѣстръ впадаетъ рѣчка Окны, за ἐπιστροφή Птолемея, то отсюда до Тираса будетъ 192,7 в., до Ольвіи 232,6 версты; иначе говоря, Птолемей ошибся лишь на 3,7 геср. 0,6 версты. Этого достаточно, чтобы убѣдить насъ въ правильности нашего предположенія.

Отъ «загиба» до того пункта, гдѣ римская граница покидаетъ Днѣстръ, по Птолемею 1159,1 стад. = 200,5 верст. Линія эта идетъ по Днѣстру, такъ какъ между двумя конечными пунктами лежитъ городъ Maetonium на Днѣстрѣ-же. Мы дол-

жны, поэтому, принять во вниманіе значительный изгибъ рѣки около Калюса (между Хотинымъ и Могилевымъ), не слѣдуя, однако, мелкимъ извилинамъ ея. Днѣстръ здѣсь не судоходенъ, и римскій счетъ по стадіямъ, держась, въ общемъ, его теченія, не слѣдовалъ, конечно, всѣмъ мелкимъ его изгибамъ. Принимая это въ соображеніе, мы легко убѣдимся, что искомый пунктъ совпадалъ съ нын. Хотинымъ: отъ ἐπιστροφή до Калюса 142,7 в., а отсюда до Хотина 57,5 в. — итого 200,2 в., т. е. Птолемей ошибся лишь на 0,3 в.

Этимъ мы оправдали нашъ расчетъ на стр. 137 сл. и можемъ обратиться къ другимъ задачамъ, связаннымъ съ картой интересующаго насъ края у Птолемея.

Въ предыдущемъ мы могли убѣдиться, что Птолемей работалъ въ высшей степени добросовѣстно на основаніи точнаго матеріала. Это налагаетъ на насъ обязанность не удовлетворяться констатированіемъ той или другой ошибки его рисунка, а попытаться выяснить *причину* ея, кроющуюся, какъ мы видѣли, почти всегда въ неудачныхъ попыткахъ его примирить противорѣчивыя данныя его источниковъ. Что это необходимо—доказалъ нашъ разборъ дельты Дуная: ошибка Птолемея помогла намъ установить важное измѣненіе, происшедшее въ рисункѣ дельты въ промежутокъ времени отъ Геродота до начала христіанской эры. Тотъ-же принципъ мы постараемся примѣнять и далѣе, и если въ нѣкоторыхъ случаяхъ намъ не удастся окончательно и всесторонне выяснить тотъ или иной вопросъ, то лишь потому, что намъ недостаетъ данныхъ относительно его источниковъ.

Важенъ, прежде всего, вопросъ, оріентирована-ли вся его карта сѣверозападнаго Черноморья съ одного пункта, или нѣтъ. Естественно было бы ожидать, что онъ сперва начертитъ береговую линію, отмѣтитъ на ней важнѣйшія точки на основаніи существовавшихъ въ его время периплов, а затѣмъ приметъ ихъ за базисъ дальнѣйшаго рисунка. Этого, однако, онъ не сдѣлалъ: береговая линія его невѣрна, и невѣрна настолько, что

производитъ впечатлѣніе, будто онъ при своей работѣ и не пользовался периплами.

Отъ крайняго сѣвернаго устья Дуная (Θιάγολα) до устья Днѣстра по его расчету 390,1 стад. = 67,4 в.; на самомъ дѣлѣ это разстояніе, даже по прямой, не береговой линіи, равно приблизительно 88,5 в. Отъ того же дунайскаго устья до устья Днѣпра (у Очакова, см. ниже) на его картѣ 862,5 стад. = 149,2 в.; на самомъ же дѣлѣ ихъ ок. 187,4. Вся ошибка кроется въ линіи Дунай-Днѣстръ, такъ какъ дальнѣйшія очертанія вѣрны: отъ устья Днѣстра до Днѣпра по прямой линіи 572,5 стад. = 99 в., въ дѣйствительности 99,2; отъ Днѣпра до Херсонеса Таврическаго 1409,2 стад. = 243,7 в., въ дѣйствительности ок. 240 верстъ. И даже основаніе этого огромнаго треугольника, т. е. разстояніе отъ Thiagola до Херсонеса, которое у Птолемея равно 1619,2 стад. = 280,1 в., въ дѣйствительности немногимъ меньше 300 в.

Намъ остается, слѣдовательно, только объяснить ошибку, допущенную Птолемеемъ въ измѣреніи разстоянія отъ Дуная до Днѣстра.

Она произошла отъ того, что его меридіаны не совпадаютъ съ нашими, и что широта Византіи опредѣлена невѣрно.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, мы должны возстановить на нашей картѣ сѣть Птолемеевыхъ меридіановъ и параллелей. Она обусловливается линіей отъ ἐπιστροφή до πέρας Днѣстра (т. е. отъ впаденія въ него р. Окны — до Хотина), которая составляетъ сѣверную границу Moesia Inferior и принимается за параллель 48° 30′. Съ этой линіи Птолемей, очевидно, началъ свой чертежъ. Если мы нанесемъ ее на нашу карту, то она далеко не попадетъ въ устье Днѣпра, а пройдетъ сѣвернѣе и коснется сѣвернаго берега гавани г. Николаева. Проведемъ теперь такія-же параллели черезъ устье Днѣпра [1]), Аккерманъ и т. д., и пер-

1) Точка, принимаемая Птолемеемъ за устье Днѣпра, лежитъ въ устьѣ лимана, тамъ, приблизительно, гдѣ линія, соединяющая дер. Кинбурнъ съ Оча-

пендикулярно къ нимъ меридіаны черезъ тѣ-же точки — и сѣть готова.

Что она вѣрна, доказывается напр. тѣмъ, что Ordessos (на Тилигульскомъ лиманѣ близъ нын. села Коблева), съ ошибкою въ 2,3 в., дѣйствительно окажется на 57° долг., 48° 30′ шир., какъ у Птолемея, и отъ Аккермана до Днѣпра по меридіану будетъ ровно 72 в., какъ у нашего писателя. Послѣднее обстоятельство, между прочимъ, доказываетъ, что эта часть берега (отъ Днѣстра до Днѣпра) оріентирована совершенно вѣрно. За то отъ Аккермана до устья Дуная Thiagola (на Килійскомъ Дунаѣ, нѣсколько выше Вилкова, см. стр. 187), все по тому же меридіану, оказывается 95,5 в., тогда какъ на картѣ Птолемея значится только 40′=333,3 стад.=57,6 в. Мы, слѣдовательно, и этимъ путемъ приходимъ къ выводу, сдѣланному уже выше, что здѣсь, именно, кроется вся ошибка рисунка. Наша задача сводится, поэтому, къ рѣшенію вопроса, почему меридіональное разстояніе отъ гор. Тираса до Thiagola сокращено съ 95,5 до 57,6 верст., т. е. на 37,9 в.

Прежде всего, мы должны помнить, что устье Днѣпра передвинуто на сѣверъ до линіи Окны-Хотинъ, т. е. по меридіану на 47,8 в. Такъ какъ рисунокъ между Тирасомъ и Днѣпромъ, какъ мы видѣли, вѣренъ, то такому-же передвиженію, на то-же разстояніе, по меридіану подвергся и весь западный берегъ Чернаго моря съ Аккерманомъ включительно. Вслѣдствіе этого, между послѣднимъ пунктомъ и Thiagola оказывается уже не 95,5, а 95,5+47,8 =143,3 в. За то, съ другой стороны, южный берегъ сильно передвинутъ на сѣверъ вслѣдствіе невѣрнаго опредѣленія широты Византіи (см. выше стр. 136).

Въ дѣйствительности, древняя Византія лежитъ на 41°1′шир. (центръ современнаго города 41° 1′ 27″), Птолемей же, отожествляя ея широту съ широтою Марсели (въ дѣйствит. 43°15′),

---

ковымъ, пересѣкаетъ границу Таврической губерніи на 10-верстной картѣ Главнаго Штаба (изд. 1892 г.).

ставитъ ее на параллели 43° 5′, т. е. онъ дѣлаетъ ошибку, по *своему* меридіану, на 2° 4′=1033,3 стад.=178,7 в. Слѣдовательно, если мы проведемъ его меридіанъ на Византію, то на его картѣ этотъ городъ будетъ лежать по меридіану на 178,7 в. сѣвернѣе фактической Византіи. Отсюда до Thiagola, по его расчету, на меридіанѣ 3° 55′=1958,3 стад.=338,7 в. Слѣдовательно, отъ фактической Византіи Thiagola отстоитъ по меридіану на 517,4 в. Но въ дѣйствительности, по его меридіану отъ Византіи до Thiagola всего 443,1 в.[1]), иначе говоря, его Thiagola отодвинуто на сѣверъ отъ дѣйствительнаго Thiagola на 517,4—443,1=74,3 версты.

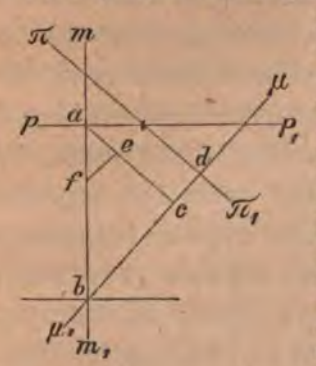
Итакъ, на это число сократился, вслѣдствіе передвиженія Византіи, меридіанъ отъ Тираса до параллели Thiagola. А такъ какъ этотъ меридіанъ, вслѣдствіе передвиженія Днѣпра, рав-

---

1) Это число получено нами слѣдующимъ образомъ.

Если мы проведемъ на нашей картѣ дѣйствительный меридіанъ Константинополя (29° отъ Грин.) и отъ точки, гдѣ онъ пересѣкаетъ параллель Thiagola, опустимъ перпендикуляръ на меридіанъ Птолемея, ведущій на Византію, то получимъ, при проекціи на плоскость, прямоугольный треугольникъ, одинъ изъ катетовъ котораго составляетъ часть искомаго разстоянія. Все дѣло въ томъ, чтобы найти длину этого катета, такъ какъ недостающая часть (до птолемеевой параллели Thiagola) можетъ быть установлена путемъ геометрическимъ.

Пусть на прилагаемомъ рисункѣ точка b будетъ Византія, mm_1 ея меридіанъ, а pp_1 параллель Thiagola на нашей картѣ; $\mu\mu_1$ меридіанъ Византіи и $\pi\pi_1$ параллель Thiagola на картѣ Птолемея. Вопросъ въ томъ, чему равно меридіональное разстояніе отъ Византіи до Thiagola по Птолемею, т. е. чему равна линія bd. Опустивъ на нее изъ a перпендикуляръ, получаю прямоугольный треугольникъ, въ которомъ легко узнать гипотенузу ab, равную фактическому меридіональному разстоянію между Константинополемъ и Thiagola. Такъ какъ Византія лежитъ прибл. на 41°1′ шир., а Thiagola на 45° 24′ 30″, то меридіональнаго разстоянія между ними 4° 23′ 30″; считая 1° шир. приблиз. въ 105 верстъ, получаемъ для ab=461,1 версты.—Чтобы узнать длину линіи ac, откладываю на ней отъ точки a любое разстояніе, напр. ae=35 верстъ. Перпендикуляръ ef раздѣлитъ гипотенузу на части пропорціональныя частямъ катета ac, при чемъ af будетъ равно 93,8 в., т. е. $ac : ae = ab : af$; $ac = \frac{ae \cdot ab}{af}$=172 версты.

На основаніи пиѳагоровой теоремы мы получаемъ теперь: $bc = \sqrt{461,1^2 - 172^2} = 427,8$. А такъ какъ $cd = 15,3$ версты, то искомая линія $bd = 443,1$ версты.

нялся, какъ мы видѣли, 143,3 в., то въ концѣ концовъ на его картѣ для этого пространства оставалось мѣста лишь въ 143,3—74,3=69 верстъ. Такъ какъ у него отмѣчено, вмѣсто этого, 57,6 верстъ, то въ конечномъ результатѣ оказывается, что Птолемей, на огромномъ разстояніи отъ Константинополя до Николаева, ошибся лишь на 11,4 версты.

То обстоятельство, что Птолемей допустилъ сокращеніе именно здѣсь, между Дунаемъ и Днѣстромъ, а не между Днѣстромъ и Днѣпромъ, доказываетъ, что по линіи, подвергшейся сокращенію, въ его время не было значительныхъ поселеній и что, вслѣдствіе этого, онъ не имѣлъ подробныхъ данныхъ объ этой части побережья. Дѣйствительно, его старшій современникъ Арріанъ, совершившій свое плаваніе вокругъ Чернаго моря въ 134 г. по Р. Хр., въ § 31 своего перипла прямо заявляетъ, что между гаванью Исіаковъ (нын. Одессой) и Узкимъ устьемъ (Ψιλὸν στόμα = Θιάγολα) Дуная, т. е. на разстояніи 1200 стад. = 207,6 верст., нѣтъ ни одного селенія: τὰ δὲ ἐν μέσῳ ἔρημα καὶ ἀνώνυμα. Онъ, конечно, ошибался. Въ это время еще существовалъ городъ Тирасъ, хотя онъ уже потерялъ свое прежнее значеніе. Правда, онъ лежитъ не на морѣ, но всетаки къ нему могло-бы быть примѣнено выраженіе ἐν μέσῳ при плаваніи изъ Одессы къ Дунаю. Арріанъ, очевидно, проѣхалъ открытымъ моремъ: это было бы новымъ доказательствомъ того, что здѣсь не было значительныхъ эмпорій. Этимъ-же я объясняю себѣ странную ошибку въ опредѣленіи разстоянія. Отъ Thiagola до Одессы открытымъ моремъ около 148 верстъ = 855,4 стад. Можетъ быть, 1200 стадій Арріана объясняются теоретическимъ расчетомъ, что береговое плаваніе увеличиваетъ разстояніе приблизительно на половину? Расчитывая такъ, онъ получилъ-бы круглымъ счетомъ именно тѣ 1200 стадій, о которыхъ онъ говоритъ.

Во всякомъ случаѣ, въ это время тутъ не было хоть сколько-нибудь значительныхъ поселеній. Вѣдь и Страбонъ VII, 3,15 ни одного имени здѣсь не называетъ, а замѣчаетъ только, что

между Дунаемъ и Днѣстромъ «есть два большихъ озера; одно изъ нихъ имѣетъ сообщеніе съ моремъ, такъ что имъ можно пользоваться какъ гаванью, тогда какъ другое не имѣетъ устья».

Этому нисколько не противорѣчитъ то, что говорятъ объ этомъ краѣ Плиній IV, 12, 82, относящій сюда oppida Cremniscos, Aepolium, и еще въ V в. по Р. Хр. анонимный авторъ перипла, который въ § 89 называетъ между Дунаемъ и Днѣстромъ τὰ Ἀντιφίλου, Κρημνίσκοι и τὰ Νεοπτολέμου. Онъ пользовался древними источниками, рисовавшими картину прошлой, лучшей поры черноморской торговли. А, можетъ быть, что подъ этими именами скрываются вовсе не селенія, а лишь пункты, такъ или иначе важные морякамъ какъ удобныя гавани, опасные рифы и т. под. Область между Дунаемъ и Днѣстромъ лежала въ сторонѣ отъ главныхъ торговыхъ интересовъ, сосредоточивавшихся между Днѣстромъ и Днѣпромъ.

На изслѣдуемомъ нами пространствѣ, Птолемей III, 10, 7 отмѣчаетъ только два пункта: Ἄρπις πόλις и Ἑρμώνακτος κώμη. Изъ нихъ только послѣдній встрѣчается еще разъ, у Страбона, рядомъ съ Неоптолемовою башнею на устьѣ Днѣстра. У Птолемея разстояніе его отъ устья также не велико, вслѣдствіе чего мы въ правѣ предположить, что пріуроченіе этого пункта дано именно его разстояніемъ отъ Днѣстра, а не отъ Harpis.

Послѣдній пунктъ, наоборотъ, мы должны искать близь Дуная, отъ послѣдняго устья котораго онъ отстоитъ, по Птолемею, лишь на 151,2 стад.=26,1 в. Я думаю, что Harpis совпадаетъ съ нын. дер. Эскиполосъ («древній городъ») на берегу озера Сасика («открытаго озера» Страбона), тамъ, гдѣ къ нему примыкаетъ нижній Траяновъ валъ: здѣсь уже апріорно можно предположить римскую стоянку. Отсюда до Thiagola лишь 33,5 в., а если мы будемъ считать отъ озера подъ дер. Жебріяны, которое питается дунайскими болотами и весною дѣйствительно играетъ роль крайняго сѣвернаго устья Дуная (Беккеръ), то получимъ до Эскиполоса ок. 25 верстъ, т. е.

почти въ точности то число (26, 1), которое даетъ Птолемей.

Между Harpis и Гермонактовой деревней лежитъ сокращеніе, выясненное нами выше. Нетрудно доказать, что числовыя данныя Птолемея вполнѣ отражаютъ дѣйствительность.

Гермонактову деревню, лежавшую рядомъ съ Неоптолемовой башней, мы, вмѣстѣ съ Беккеромъ 15 сл. и Бруномъ I, 240 прим.[7] должны искать на мысѣ, образуемомъ лиманомъ Шабалатскимъ (ин. Будацкимъ) и маленькимъ заливомъ Кимбецкимъ (Акембетскимъ?), гдѣ Беккеръ (точнѣе: Бюньонъ, см. Беккеръ 23 сл.) дѣйствительно открылъ слѣды древней башни. Въ древности не было еще пересыпи, отдѣляющей теперь Шабалатскій лиманъ отъ моря (ср. Neumann 355), и мѣсто, гдѣ мы предполагаемъ башню или, вѣрнѣе, маякъ Неоптолема и Гермонактову деревню, могло и, пожалуй, даже должно было считаться западной оконечностью Днѣстровскаго лимана. Это пріуроченіе окончательно доказывается, наконецъ, Птолемеемъ, у котораго отсюда до гор. Тираса 118,5 стад.=20,5 версты; въ дѣйствительности это-же разстояніе при береговомъ плаваніи равно 19,8 в., т. е. Птолемей сдѣлалъ ошибку лишь въ 0,7 версты.

Если мы теперь передвинемъ параллель Thiagola на сѣверъ на 37,9 в., т. е. выразимъ на картѣ выясненное выше сокращеніе меридіана Тираса и отмѣтимъ на 21,6 в. сѣвернѣе, все по тому же меридіану, или на 36 в. къ югу отъ Аккермана Птолемеевъ гор. Harpis, то отсюда до того пункта, гдѣ мы ищемъ Гермонактову деревню, будетъ по прямой линіи 25,9 в., вм. Птолемеевыхъ 26,1 в., т. е. мы замѣтимъ незначительную ошибку въ 0,2 в. Это совпаденіе можетъ служить лишнимъ доказательствомъ вѣрности нашихъ соображеній относительно сокращенія береговой линіи отъ Дуная до Днѣстра.

Нѣсколько труднѣе рѣшаются вопросы, связанные съ устьемъ и нижнимъ теченіемъ послѣдней рѣки, хотя и тутъ, въ большинствѣ случаевъ, Птолемей окажется болѣе точнымъ,

чѣмъ всѣ его предшественники; мы должны только вѣрно посмотрѣть на его данныя.

Такъ его опредѣленіе устья Тираса — на одной параллели съ одноименнымъ городомъ, въ 112,2 стад.=19,4 в. отъ послѣдняго, объясняется просто тѣмъ, что онъ не находитъ нужнымъ отмѣтить на своей картѣ ширину Днѣстровскаго лимана у его устьевъ. Если для моряка, плывущаго съ Дуная, Днѣстръ начинался уже у Неоптолемовой башни (Страбонъ), то, наоборотъ, для ѣдущаго съ сѣвера устье Днѣстра должно было находиться на противуположномъ берегу, тамъ, гдѣ, между нын. дер. Терновой и Буазъ берегъ начиналъ загибать къ лиману. Черезъ эту точку, дѣйствительно, проходитъ параллель Тираса съ ошибкою лишь въ 2 версты; отсюда, съ ошибкою въ 1,1 версты, дѣйствительно 19,4 в. до гор. Тираса; наконецъ, отсюда дѣйствительно ровно 15,2 в. до Гермонактовой деревни, какъ у Птолемея. Разстояніе отъ этой деревни до «устья» выражаетъ, слѣдовательно, лишь ширину лимана у его устья. Зналъ-ли Птолемей о ширинѣ послѣдняго, не находя лишь нужнымъ подробнѣе излагать положеніе дѣла, или-же мы имѣемъ дѣло съ недочетомъ, объясняющимся тѣмъ, что Птолемей опредѣлилъ устье Днѣстра на основаніи перипла, шедшаго съ сѣвера — это безразлично; важно лишь то, что онъ даетъ вполнѣ вѣрную картину этой части Черноморскаго побережья.

Но за то города, лежащіе на нижнемъ Днѣстрѣ или его лиманѣ, распредѣлены такъ невѣрно, что ошибки бросаются въ глаза съ перваго-же взгляда.

Положеніе главнаго города — Тираса — опредѣлено вѣрно (см. выше стр. 182), но отсюда до Офіусы 166,6 стад.=28,8 в.; отъ Офіусы до Никоніума 139,1 стад. = 24 в.; отъ послѣдняго города до Тираса по прямой линіи 274 стад.=47,4 в., до устья Днѣстра 250 стад.=43,2 в. Эти данныя невозможно помирить съ тѣмъ, что мы знаемъ о положеніи этихъ городовъ по другимъ источникамъ. Правда, при разборѣ послѣднихъ мы также наталкиваемся на нѣкоторыя затрудненія; но, тѣмъ не менѣе,

мы должны начать съ нихъ при опредѣленіи фактическаго положенія искомыхъ городовъ.

Страбонъ VII, 3, 16, полагающій устье Днѣстра у Гермонактовой деревни, считаетъ отсюда 140 стад.=24,2 в. до двухъ городовъ, лежащихъ другъ противъ друга: Νιϰωνία на правомъ, Ὀφιοῦσσα на лѣвомъ берегу лимана, считая отъ моря. Города Тираса онъ вовсе не называетъ, но его слѣдуетъ, конечно, разумѣть подъ Офіусой, представляющей лишь древнее названіе того-же города, ср. Plin. IV, 12, 82 ubi antea Ophiusa dicebatur; Steph. Byz. s. v. Τύρας. Затѣмъ отсюда въ 120 стад. = 20,7 в. выше по рѣкѣ [1]) лежитъ какой-то другой городъ, имени котораго Страбонъ, къ сожалѣнію, не называетъ.

Кромѣ него, одинъ только Peripl. Anon. § 87. 89 даетъ кое-какія свѣдѣнія, которыми мы можемъ воспользоваться съ легкой поправкой.

Дѣло въ томъ, что у него ἀπὸ Τύρα ποταμοῦ до Неоптолемовой башни 120 стад.=20,7 версты, и отсюда-же до Νιϰώνιον 30 стад.=5,1 в. Ясно, что тутъ разумѣется не *рѣка* Тирасъ, а одноименный съ нимъ городъ: если мы вставимъ πόλις вмѣсто ποταμός, то всѣ числовыя данныя вполнѣ подойдутъ къ дѣйствительности.

Ошибка безъименнаго автора, въ данномъ случаѣ, весьма характерна. Она указываетъ на причину неясности, несомнѣнно существовавшей въ представленіи древнихъ географовъ о Днѣстровскомъ лиманѣ: причина эта кроется, именно, въ одноименности города и рѣки. Неясность эта еще увеличивается тѣмъ, что тотъ-же городъ носилъ раньше другое названіе Ὀφιοῦσσα.

Когда и почему произошла эта перемѣна въ наименованіи, мы не знаемъ. Подчиненіе области Риму не могло быть ея причиною, такъ какъ уже Pomp. Mela II, 1 знаетъ городъ только подъ именемъ Tyra. Впослѣдствіи, это имя вошло въ исключи-

1) Конечно, выше, не ниже, какъ думалъ Гроскурдъ, Strabos Erdbeschreib. I, 538. Неправъ и Neumann 357, полагающій, что это число представляетъ лишь болѣе точную мѣру разстоянія Тираса отъ устья.

тельное употребленіе, и позднѣйшіе авторы знаютъ только его, тогда какъ нѣкоторое время употреблялось какъ то, такъ и другое, что явствуетъ изъ сличенія Мелы съ Страбономъ. Офіуса, однако, сознавалось какъ болѣе древнее имя (ср. Plin., Steph. Byz. ll. cc.).

Вотъ въ этихъ-то запутанныхъ отношеніяхъ и не съумѣлъ разобраться Птолемей; онъ самъ сознаетъ неясность и ненадежность своего пониманія, выражаясь очень осторожно и неопредѣленно: μεταξὺ τοῦ Ἱεράσου (καὶ τοῦ Τύρα) ποταμοῦ Νικώνιον Ὀφιοῦσσα Τύρας πόλις [1]).

Брунъ I, 88 сл. высказалъ догадку о существованіи древнѣйшей Офіусы не тамъ, гдѣ впослѣдствіи стоялъ Тирасъ, а сѣвернѣе, тамъ, гдѣ у Страбона лежитъ безъименный городъ. Отсюда, по мнѣнію того-же ученаго, жители переселились къ нын. Аккерману, и новый свой городъ назвали именемъ своего прежняго селенія.

Намъ думается, что Брунъ правъ, такъ какъ его гипотезой лучше всего объясняется, почему Страбонъ оставилъ сѣверный городъ безъ имени, не повѣривъ одноименности его съ новымъ поселеніемъ, и почему у Птолемея Офіуса лежитъ гораздо сѣвернѣе Тираса. Неправъ Брунъ только въ географическомъ пріуроченіи древней Офіусы: онъ полагаетъ, что она находилась близь нын. села Коротнаго, верстахъ въ 8-ми выше впаденія Кучургана въ Днѣстръ. Здѣсь, дѣйствительно, была найдена греколатинская надпись (l. c. 82 ss., CIL. III, 1 p. 147), относящаяся къ началу III в. по Р. Хр. Но, тѣмъ не менѣе, древняя Офіуса здѣсь лежать не могла, такъ какъ безъименный городъ отстоитъ отъ Тираса (Офіусы) по Страбону на 120 стад. = 20,7 в., по Птолемею отъ Тираса до Офіусы 166,6 стад. = 28,8 в., въ дѣйствительности-же отъ Аккермана до села Коротнаго даже по прямой линіи около 56 верстъ. Къ тому-же, най-

---

1) Слова, стоящія въ скобкахъ, вставлены издателемъ Мюллеромъ. Изъ рукописей однѣ даютъ только τοῦ Ἱεράσου, другія только τοῦ Τύρα ποταμοῦ.

денная надпись вовсе не предполагаетъ существованія здѣсь города: по всѣмъ признакамъ, памятникъ этотъ отмѣчалъ только сѣверную границу владѣній тирановъ (CIL. III, 2, 1009), т. е. черту, до которой простирались льготы, дарованныя имъ императоромъ. Если Брунъ, въ принципѣ, правъ, то мы должны искать древнѣйшую Офіусу гораздо ниже по Днѣстру. Измѣренія Страбона и Птолемея оба указываютъ на мѣстность, гдѣ теперь расположено село Маяки. Здѣсь, повидимому, находилось въ древности одно изъ устьевъ Днѣстра въ лиманъ (ср. Брунъ I, 79 сл.): мѣсто, очевидно, важное для торговли. Отсюда до Аккермана по прямой линіи ок. 22,5 в. (=Страбонъ 20,7); по берегу, если переѣхать отъ Аккермана къ нын. Овидіополю, ок. 29 в. (=Птолемей 28,8 в.). Наконецъ, если мы примемъ болѣе чѣмъ вѣроятное предположеніе Беккера 28 сл., Neumann'a 361 и Бруна 241, что древній Никоніумъ лежалъ близь нын. дер. Отарикъ, то отсюда до Маяковъ ок. 25 верстъ (=Птолемей 24 в. отъ Никоніума до Офіусы).

Неправильнымъ оказывается, слѣдовательно, лишь географическое соотношеніе послѣднихъ двухъ пунктовъ другъ къ другу и Никоніума къ Тирасу: Никоніумъ лежитъ, по Птолемею, на сѣверо-востокъ отъ Офіусы, тогда какъ въ дѣйствительности оно находилось на юго-востокъ отъ этого мѣста. Можетъ быть, вверхъ по Днѣстру, у устья Кучурганскаго лимана, дѣйствительно лежало какое нибудь селеніе, съ которымъ Птолемей смѣшалъ Никоніумъ вслѣдствіе равенства разстояній отъ Офіуса Дѣло въ томъ, что отъ Маяковъ до названнаго лимана ок. 27 верстъ, и у устья его лежитъ село Граденица, имя котораго указываетъ, можетъ быть, на стоявшее здѣсь древнее поселеніе Вопросъ этотъ мы, за неимѣніемъ данныхъ, должны оставить открытымъ, надѣясь на археологическія раскопки, которыя со временемъ, можетъ быть, дадутъ отвѣтъ на него.

Раньше, чѣмъ перейти къ Днѣпру, мы должны коснуться еще тѣхъ городовъ, которые отмѣчены Птолемеемъ въ Бессарабіи и по Днѣстру. Ученые изслѣдователи до сихъ поръ не об-

ратили на нихъ вниманіе: между тѣмъ, точное пріуроченіе хотя бы одного изъ нихъ было бы весьма важно для археологіи этого мало изслѣдованнаго края.

Въ области Прута, который Птолемей здѣсь несомнѣнно разумѣетъ подъ Ἱέρασος, лежатъ города Piroboridava, Tamasidava и Zargidava. Мы уже видѣли выше стр. 143 прим., что имена эти явно дакійскаго происхожденія, и вывели отсюда заключеніе, что въ городахъ, ими обозначаемыхъ, слѣдуетъ видѣть поселенія дакійскихъ карповъ (стр. 175 сл.). Первый изъ нихъ, Piroboridava, въ имени котораго, можетъ быть, слышится еще древнее названіе Прута (Herodot. IV, 48 Σκύθαι Πόρατα, Ἕλληνες δὲ Πυρετόν [καλέουσι]), отстоитъ отъ гор. Тираса на 758,9 стад.=131,2 в. и лежитъ на параллели Thiagola. Ища этотъ пунктъ на нашей картѣ, мы найдемъ дер. Карпешты верстахъ въ 12 отъ Прута. Отсюда до Аккермана 140,8 в., т. е. Птолемей ошибся лишь на 9,6 в., и черезъ этотъ же пунктъ проходитъ, съ ошибкою въ 8 в., птолемеева параллель Thiagola.

Изъ Пироборидавы до Тамасидавы 337,8 ст.=58,4 в. на сѣверъ. На нашей картѣ въ томъ же направленіи и въ 52,2 в. отъ Карпештъ лежитъ большое село Карпиняни на озерѣ, образуемомъ рѣкою Лопушною, впадающею въ Прутъ. Если мы отожествимъ это село съ Тамасидавой Птолемея, то допустимъ ошибку лишь въ 6,2 в.

Въ правильности нашихъ пріуроченій насъ убѣждаетъ поразительный и едва-ли случайный фактъ сохраненія имени карповъ въ обоихъ современныхъ наименованіяхъ.

Что касается третьяго города Zargidava, то точное пріуроченіе его, за неимѣніемъ данныхъ, невозможно. Онъ отстоитъ отъ Тамасидавы въ сѣверовосточномъ направленіи на 168,1 ст.= 29 в. Можетъ быть, его слѣдуетъ искать въ нын. Городкѣ, деревенькѣ, отстоящей отъ Карпинянъ на 30,5 в.: названіе ея указываетъ на древнее поселеніе. Впрочемъ, общій рисунокъ Бессарабіи у Птолемея такъ испорченъ вслѣдствіе невѣрной

оріентировки Прута и средняго Днѣстра, что весь верхній Прутъ исчезъ съ его карты. Очень можетъ статься, что Zargidava лежало именно въ этой части, въ которой также имѣются слѣды карпскихъ поселеній; такъ, на верхнемъ Прутѣ, тамъ, гдѣ его теченіе пересѣкается нашей параллелью 48°, стоитъ въ очень выгодномъ положеніи, на склонѣ горы, съ трехъ сторонъ окруженной рѣкой, дер. Карпачъ. Не здѣсь-ли слѣдуетъ искать Царгидаву Птолемея?

Наконецъ, по Днѣстру или, точнѣе, надъ Днѣстромъ (ὑπὲρ τὸν Τύραν ποταμόν), уже въ Сарматіи, лежитъ (III, 5, 15) 5 городовъ: Ἤρακτον, Οὐιβανταυάριον, Κληπίδαυα, Μαιτώνιον и Καρρόδουνον; изъ нихъ Maetonium, согласно рисунку, нужно искать на самой рѣкѣ, тогда какъ остальные лежатъ, повидимому, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея.

Относительно положенія первыхъ трехъ городовъ мы должны довольствоваться самыми общими предположеніями, такъ какъ мы не можемъ провѣрить указаній Птолемея ни данными современной карты, ни какими бы то ни было другими соображеніями.

Ἤρακτον отстоитъ отъ города Тираса на 884,4 стад. = 153 в., отъ ἐπιστροφή Днѣстра на 288,2 стад. = 49,8 в., отъ Ольвіи на 1058,7 стад. = 183,1 в. На основаніи этихъ данныхъ, его слѣдуетъ искать ок. нын. Ананьева на верхнемъ Тилигулѣ, откуда до Аккермана 158,8 в., до впаденія Окны въ Днѣстръ 65 в., до Ольвіи 172 в.

Οὐιβανταυάριον (до Тираса 979 стад. = 169,3 в., до Ольвіи 1167,6 стад. = 201,9 в., до ἐπιστροφή 185,3 стад. = 32 в.) всего вѣроятнѣе ок. нын. Балты на Кодымѣ, откуда до Аккермана 185 в., до Ольвіи 203 в., до Окны 42 в.

Κληπίδαυα (до Тираса 1277,9 стад. = 221 в., до ἐπιστροφή 185,3 стад. = 32 в., до Вибантаваріона 330,2 стад. = 57,1 в.), нужно искать, по даннымъ Птолемея, у нын. села Студенаго Подольск. губ. (до Аккермана 225 в., до Окны 33 в., до Балты 57 в.), или верстахъ въ 19 отсюда на сѣверовостокъ ок. села

Городище (до Аккермана 230,5 в., до Окны 43,5 в., до Балты 51 в.).

Всѣ эти пріуроченія, конечно, лишь гадательны. Болѣе твердую почву имѣемъ мы подъ ногами, отожествляя Μαιτώνιον съ нын. Могилевымъ на Днѣстрѣ: отсюда до Аккермана по прямой линіи 292 в. (Птол. 1734,2 стад. = 300 в.), до ἐπιστροφή 105 в. (Птол. 662,6 стад. = 114,6 в.), до Хотина 88,2 в. (Птол. 496,9 стад. = 85,9 в.), до Студенаго 79, до Городища 89 в. (Птол. 503,8 стад. = 87,1 в.).

Наконецъ, еще болѣе обезпеченнымъ кажется намъ тожество Καρρόδουνον съ нын. Каменецъ-Подольскимъ: отсюда до Хотина 18 в. (Птол. 83,3 стад. = 14,4 в.), до Могилева 86,5 в. (Птол. 503,8 стад. = 87,1 в.). Оно поддерживается еще тѣмъ, что меридіанъ Хотина, по Птолемею 49° 30′, пройдетъ какъ разъ черезъ Каменецъ-Подольскъ.

Какимъ народностямъ принадлежатъ эти города?

Мы не станемъ, пока, вдаваться въ разборъ этого вопроса, чтобы не отвлечься въ сторону отъ нашей ближайшей задачи, тѣмъ болѣе, что намъ придется вернуться къ нему ниже, при разборѣ географической номенклатуры поднѣстровья, которая дастъ намъ весьма цѣнный матеріалъ къ опредѣленію доисторическаго разселенія народовъ этой области. Замѣтимъ лишь мимоходомъ, что всѣ отмѣченные нами города за Днѣстромъ носятъ явно кельтскія имена, за исключеніемъ карподакійской Клепидавы.

Теперь-же мы должны, прежде всего, кончить географическій разборъ Птолемеевой Сарматіи и возвращаемся, поэтому, къ Черноморскому побережью.

Та часть послѣдняго, которая лежитъ между Днѣстромъ и Днѣпромъ, начерчена имъ, какъ мы видѣли, въ общемъ вѣрно. Онъ только отмѣчаетъ въ ней гораздо меньше пунктовъ, чѣмъ его предшественники. У него нѣтъ ни «гавани Исіаковъ», нын. Одессы (Беккеръ 56 сл., Neumann 362, Брунъ I, 238 s.), которую называютъ Arrian. Peripl. 31, Peripl. Anon. 87; ни «га-

вани Истріанъ» тѣхъ же источниковъ, ок. нын. Жевахова при древнемъ устьѣ Гаджибейскаго лимана (Беккеръ 54 сл., Neumann 363, Брунъ I, 238 сл.). Нѣтъ у него, наконецъ, и селенія (?) Σκόπελοι, которое, на основаніи Peripl. Anon. 87 нужно искать между Куяльницкимъ и Большимъ Аджалыкскимъ лиманами, приблизительно тамъ, гдѣ теперь находится селеніе Фонтанъ.

За то онъ отмѣчаетъ Φύσκη πόλις. Ея нѣтъ ни у одного изъ древнихъ, и это павело Neumann'а 364 на мысль, что ее слѣдуетъ искать не на берегу, а въ глубинѣ страны. Онъ едва-ли правъ. Указанное Птолемеемъ разстояніе этого селенія отъ устья Днѣстра (112,2 стад.=19,4 в.) заставляетъ насъ пріурочить его къ устью такъ называемаго Сухого Лимана, т. е. къ такой мѣстности, въ какой греки любили селиться, пріобрѣтая этимъ хорошую безопасную гавань и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удобное сообщеніе съ внутренней страной.

До Днѣпра намъ остается только еще Ἀξιάκης ποταμός и лежащій на немъ городъ Ὀρδησσός (Ptol. III, 5, 14). Положеніе послѣдняго легко опредѣляется при помощи Arrian. Peripl. 31, Peripl. Anon. 87: по словамъ обоихъ авторовъ, Ὀδησσός, конечно совпадающій съ Ордессомъ Птолемея и Плинія, отстоитъ на 80 стад.=13,8 в. отъ острова Березани (νῆσος σμικρά, μικροτάτη); мы должны искать его у сел. Коблева на Тилигульскомъ лиманѣ, нѣкогда открытомъ съ моря (ср. Neumann 363, Брунъ I, 237). Здѣсь, дѣйствительно, были найдены слѣды древняго поселенія. Выше (стр. 196) мы могли убѣдиться, что и Птолемей почти вполнѣ точно опредѣляетъ положеніе этого города; онъ ставитъ его притомъ въ 28,6 верстахъ отъ устья Днѣпра; на нашей картѣ отъ «устья» до Коблева, дѣйствительно, по прямой линіи около 27 верстъ, по берегу около 30. Однимъ словомъ, въ правильности отожествленія его съ Коблевымъ не можетъ быть сомнѣнія, а этимъ, въ сущности, уже рѣшается вопросъ о рѣкѣ Аксіакѣ, которая должна совпадать съ нын. Тилигуломъ. Ее знаетъ и Mela II, 1, 7 какъ Asiaces proximus (ab

Нураni). Между тѣмъ, Птолемей III, 10, 7 полагаетъ устье его въ 250 стад. = 43,2 в. отъ Ордесса, т. е. перемѣщаетъ его къ древнему устью Гаджибейскаго лимана и увѣряетъ III, 5, 6, что онъ протекаетъ по Сарматіи повыше Дакіи и беретъ начало въ Карпатахъ. Послѣднее увѣреніе, конечно, ошибочно; оно объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что теченіе Куяльника, который въ древности былъ рѣкой гораздо болѣе значительной, чѣмъ теперь, — параллельно Днѣстру, берущему начало въ Карпатахъ. Что же касается отожествленія Аксіака съ Гаджибейскимъ лиманомъ или, точнѣе, съ Куяльникомъ, то и тутъ причины ошибки ясны. Онѣ кроются, прежде всего, въ словахъ Плинія IV, 12, 82, по которымъ между нимъ и Ордессомъ помѣщаются еще Crobiggi, flumen Rhode, sinus Saggarius. Уже Neumann 364 и Брунъ I, 237 догадались, что кробинги, по крайней мѣрѣ, попали сюда по ошибкѣ изъ Ѳракіи, вслѣдствіе смѣшенія нашего Ордесса съ Одессомъ близь Варны. Птолемей этого, однако, не зналъ и, довѣряясь Плинію, долженъ былъ отодвинуть устье Аксіака на западъ. А Гаджибейскій лиманъ, именно, казался подходящимъ потому, что у его устья лежалъ вѣдь λιμὴν Ἰσιακῶν: созвучіе этого имени съ Аксіакомъ (Асіакомъ Мелы и Плинія) дало Птолемею мысль примирить разнорѣчивыя данныя его источниковъ перенесеніемъ сюда устья Аксіака, при сохраненіи вѣрнаго опредѣленія Ордесса какъ города, лежащаго на берегу этой рѣки [1]).

Перехожу теперь къ важнѣйшей части Птолемеевой Сарматіи, къ системѣ Днѣпра.

Взглядъ на карту убѣдитъ насъ, что направленіе его теченія указано Птолемеемъ невѣрно. Хотя ошибка его — сѣверное направленіе вмѣсто восточнаго — покажется намъ нѣсколько менѣе значительною, если мы вспомнимъ, что меридіаны Птолемея

1) Что Гаджибейскій лиманъ былъ нѣкогда доступенъ съ моря даже большимъ кораблямъ, доказывается тѣмъ, что въ немъ были найдены большіе якори о четырехъ лапахъ. См. Одесскій Вѣстникъ 1858, № 67; Брунъ I, 239 прим.

отклоняются сильно на востокъ, тѣмъ не менѣе она еще очень велика.

Не смотря, однако, на этотъ основной промахъ его рисунка, мы найдемъ, что подробности его поразительно вѣрны и даютъ богатый, вполнѣ точный историко-археологическій матеріалъ.

Въ томъ, что онъ называетъ устьемъ Днѣпра, слѣдуетъ видѣть устье лимана. Таковъ былъ общій взглядъ въ древности: какъ Arrian. Peripl. 31, такъ и Peripl. Anon. 87 отмѣчаютъ устье Днѣпра въ 60 стад.=10,3 в. отъ острова Березани. Отыскивая этотъ пунктъ на картѣ, мы найдемъ опредѣленную нами уже на стр. 195 сл. точку между дер. Кинбурнъ и Очаковымъ. Провѣркою могутъ служить слова Страбона VII, 3, 17, по которымъ Ольвія отстоитъ отъ устья Борисѳена на 200 стад.=34,6 в.: отъ найденнаго нами пункта до Ольвіи, дѣйствительно, 34,5 в. Что и Птолемей раздѣлялъ этотъ взглядъ, явствуетъ изъ полагаемаго имъ разстоянія Ордесса отъ устья Днѣпра (28,6 в.).

Отсюда на востокъ, на разстояніи 165,6 стад.=28,6 в., лежитъ, по Птолемею, устье Гипаниса — Буга. Дѣйствительно, откладывая данное разстояніе въ указанномъ направленіи по берегу, мы получимъ именно ту точку, гдѣ береговая линія рѣзко загибаетъ къ бугскому лиману; здѣсь, слѣдовательно, полагалъ Птолемей устье Буга. Но онъ не зналъ даже, что Бугъ впадаетъ въ Днѣпровскій лиманъ, вслѣдствіе чего его Гипанисъ превратился въ незначительную рѣчку къ востоку отъ Днѣпра и не играетъ никакой роли, если онъ не повторяется въ правомъ притокѣ Днѣпра, о чемъ ниже. Птолемей упоминаетъ о Гипанисѣ лишь какъ-бы мимоходомъ, отмѣчая его устье — и только.

Произошло это, конечно, отъ того, что онъ, какъ всѣ древніе, за исключеніемъ Геродота IV, 18, 53 и Діона Хрисостома (въ началѣ 36 рѣчи), считалъ Ольвію лежащею на Днѣпрѣ. См. Strabo VII, 3, 17; Plin. IV, 12, 82; Arrian. Peripl. 31; Ammian. Marc. XXII, 8, 40; нѣсколько ближе къ истинѣ Scymn. 804 ss., Peripl. Anon. 86, Steph. Byzant. s. v. Βορυσθένης. Объ

этомъ, а также о другихъ названіяхъ Ольвіи: Olbiopolis, Βορυσθενίς и Miletopolis см. Латышева Изслѣдованія 23 ss., 33 ss.

Оставляя, пока, въ сторонѣ вопросъ, почему Птолемей невѣрно опредѣляетъ разстояніе отъ Ольвіи до устья Днѣпра (51,8 в. вм. 34,5), будемъ помнить лишь, что весь Днѣпровскій лиманъ и часть Бугскаго до Ольвіи включались какъ имъ, такъ и его предшественниками въ теченіе Борисѳена, и прослѣдимъ, прежде всего, города, лежащіе по этой рѣкѣ, насколько ихъ положеніе явствуетъ изъ показаній Птолемея.

Что тутъ дѣйствительно были греческія селенія, доказали уже археологическія находки.

Отъ Ольвіи на разстояніи 51,7 в. вверхъ по теченію Днѣпра лежитъ, по Птолемею, городъ Μητρόπολις. Если мы отложимъ это разстояніе на нашей картѣ, то 52-ая верста приведетъ насъ къ дер. Бѣлозеркѣ на берегу озера Бѣлаго, образуемаго теченіемъ Днѣпра, верстахъ въ 12 по прямой линіи на западъ отъ Херсона. Здѣсь, дѣйствительно, найдены слѣды древняго селенія, «каменная мостовая въ 5 футахъ ниже горизонта земли», и мѣстное преданіе гласитъ, что здѣсь стоялъ нѣкогда «городъ Бѣлозерка, построенный владѣтельницею другого города сего имени.... по взятіи Мамаемъ сего города». (Брунъ I, 232 прим.). Все это—несомнѣнные признаки древняго поселенія, и мы не затрудняемся отнести сюда, именно, Метрополисъ Птолемея. Названіе свое городъ могъ получить отъ лежащаго по близости, ок. нын. Станислава, знаменитаго храма «Матери боговъ», о которомъ говоритъ уже Геродотъ IV, 53: ἱρὸν Μητρός [1]). Что культъ этой богини существовалъ въ Ольвіи, доказывается надписью у Латышева Inscrpt. I, № 107, p. 138. Совпадаетъ-ли этотъ городъ, называемый такъ однимъ только Птолемеемъ и Steph. Byz. s. v., съ древнѣйшимъ Борисѳенисомъ, котораго Mela II, 1, 6, Iord. 5, 32, Geogr. Rav. IV, 3. V, 11 и Guid. Cosmogr. 105 строго

1) Таково, однако, чтеніе лишь трехъ рукописей ABC. Остальныя читаютъ Δήμητρος. Надпись, изданная Латышевымъ, вновь ставитъ на очередь вопросъ о томъ, которое изъ двухъ чтеній вѣрнѣе.

отличаютъ отъ Ольвіи—это вопросъ нерѣшимый, но, къ счастью, и не важный. За эту гипотезу Бруна II, 18 сл. говоритъ само названіе; предполагая, что этотъ городъ рано потерялъ свое значеніе, мы легко могли бы объяснить перенесеніе этого названія на болѣе счастливую Ольвію. Противъ нея говорятъ, однако, слова Геродота IV, 17. 18, что ольвійцы назывались Βορυσθενεῖται, а ихъ городъ Βορυσθενεϊτῶν ἐμπόριον, а также свидѣтельство Діона Хрисостома въ 36-ой рѣчи, гдѣ Ольвія «получила названіе отъ Борисѳена». Лучше будетъ, поэтому, отказаться отъ этой догадки и объяснить позднѣйшее различеніе двухъ городовъ у Мелы и друг. простымъ недоразумѣніемъ, вызваннымъ двойственностью наименованія одного и того-же города.

Метрополисъ Птолемея оказывается, слѣдовательно, въ дельтѣ Днѣпра между Херсономъ и устьемъ въ лиманъ. Какъ при Дунаѣ (см. выше стр. 184), такъ и здѣсь мы въ правѣ предположить, что дельта эта въ началѣ нашей эры была гораздо меньше, чѣмъ теперь, т. е. что Метрополисъ лежалъ въ то время у самаго устья. И невольно напрашивается на умъ мысль, не полагалъ-ли одинъ изъ неизвѣстныхъ намъ источниковъ Птолемея *здѣсь*, именно, устье Борисѳена? Отсюда до Ольвіи, какъ мы уже знаемъ, 52 версты, а по Птолемею отъ Ольвіи до устья Борисѳена 51,7 в., Попыткою примирить этотъ фактъ съ данными прочихъ источниковъ очень легко объяснилась бы странная ошибка, допущенная нашимъ географомъ при опредѣленіи разстоянія этого города отъ устья Днѣпра; ошибка тѣмъ болѣе непонятная, что Ольвія принадлежала къ самымъ извѣстнымъ и наиболѣе посѣщавшимся пунктамъ сѣвернаго Черноморья.

Напрасно Брунъ II, 18 говоритъ, что Метрополисъ лежалъ по Птолемею III, 5 «при сліяніи обоихъ рукавовъ Борисѳенеса»: объ этомъ у нашего географа нѣтъ ни единаго слова, а сказано лишь (III, 5, 15) что слѣдующій затѣмъ городъ Νίοσσον лежитъ на безъименномъ правомъ притокѣ Днѣпра. Если мы пройдемъ

теперь разстояніе, полагаемое Птолемеемъ отъ Метрополиса до Ніоссона, т. е. 31,5 в. то оно приведетъ нась какъ разъ къ впаденію Ингульца въ Днѣпръ. Здѣсь, по соображеніямъ топографическимъ на лѣвомъ берегу Ингульца, близь нын. села Никольскаго, лежало, слѣдовательно, Νίοσσον, а споръ о пріурочевіи Птолемеева притока Днѣпра окончательно рѣшается въ пользу Ингульца.

Слѣдующій по Днѣпру городъ — Σέριμον, отстоящій отъ Ніоссона на 62,9 в.: разстояніе это приводитъ насъ къ кол. Мильгаузендорфъ, верстахъ въ 12 выше Бериславля, на правомъ берегу Днѣпра. Отсюда до устья Ингульца по Днѣпру ок. 60 в. Взглядъ на карту убѣдитъ насъ, что это мѣсто весьма выгодно для поселенія. Въ справедливости нашей догадки убѣждаетъ насъ и то обстоятельство, что именно здѣсь Днѣпръ круто поворачиваетъ на сѣверъ; на картѣ Птолемея Серимонъ лежитъ у крутого загиба Борисѳена.

За Серимономъ, на разстояніи 59,6 в. вверхъ по Днѣпру, слѣдуетъ городъ Σάρον: это либо нын. село Нижній Рогачикъ, у впаденія одноименнаго лѣваго притока въ Днѣпръ (58,5 в. отъ Мильгаузендорфа), либо нын. дер. Бабина, на семь верстъ выше. Не знаю, имѣются-ли здѣсь слѣды древняго селенія; на моей картѣ по близости деревни отмѣчено нѣсколько высокихъ кургановъ: изслѣдованіе ихъ окончательно рѣшитъ этотъ вопросъ. Что Саронъ, дѣйствительно, совпадаетъ съ дер. Бабиной, становится вѣроятнымъ еще потому, что и этотъ городъ лежитъ по Птолемею у рѣзкаго загиба Борисѳена: у Бабина Днѣпръ круто поворачиваетъ на востокъ. Допускаемая нами ошибка въ 6,1 верстъ, конечно, незначительна. Наконецъ, въ правильности этого пріуроченія окончательно убѣдятъ насъ дальнѣйшія данныя.

Выше Сарона, въ 21,6 в. отъ него, лежитъ городъ Ἀμάδοκα; отмѣряя это разстояніе на картѣ, мы должны пріурочить этотъ городъ къ такъ называемому Бѣлозерскому городку, близь нын. села Большой Знаменки между Бѣлозерскимъ лиманомъ и

Конкою; онъ отстоитъ отъ Бабина ровно на 22 в. Здѣсь еще теперь видны земляные окопы, каменная кладка и масса кирпича, а также найденъ рядъ богатыхъ золотыхъ предметовъ, погребальныя урны и т. д. Все это не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что тутъ, дѣйствительно, стоялъ нѣкогда греческій городъ. Планъ и описаніе его см. въ статьѣ Вертильяка, Зап. Од. Общ. Ист. и Др. IV (1858), стр. 143 сл. и таблица IV. Наконецъ, послѣдній городъ по Днѣпру, Ἀζαγάριον, отстоитъ отъ Амадоки на 14,4 в.; это разстояніе приводитъ насъ къ окрестностямъ Малой Знаменки, противъ Никополя, отстоящей отъ Большой Знаменки верстъ на 10, гдѣ также безъ всякаго сомнѣнія стоялъ греческій городъ. Тутъ еще теперь видны слѣды искусственныхъ каналовъ, водоемовъ и окоповъ, найдено не только рядъ погребеній, но и множество золотыхъ и другихъ предметовъ превосходной греческой работы. См. Уваровъ, Изслѣдованія 20 ссл., Терещенко, Очерки стр. 82 ссл. Намъ кажется, что, въ виду этихъ данныхъ, правильность нашего пріуроченія послѣднихъ двухъ городовъ не подлежитъ сомнѣнію, а этимъ, въ свою очередь, не только снова оправдывается наше довѣріе къ Птолемею, но и подтверждаются всѣ наши догадки относительно положенія городовъ между этими пунктами и устьемъ.

Чтобы закончить разборъ системы Днѣпра, намъ остается лишь еще остановиться на его правомъ притокѣ, которому Птолемей не даетъ особаго имени. Важенъ онъ потому, что и на немъ также лежитъ нѣсколько городовъ.

Мы могли уже убѣдиться выше, что Птолемей, отмѣчая его устье, несомнѣнно имѣлъ въ виду Ингулецъ. Послѣдній и теперь еще одна изъ самыхъ значительныхъ степныхъ рѣкъ (ср. Брунъ II, 15), а въ то время онъ, несомнѣнно, былъ еще гораздо значительнѣе, чѣмъ теперь. Само по себѣ вполнѣ возможно, что на немъ, именно, стояли города Σάρβακον и Λήϊνον, отмѣчаемые Птолемеемъ. Принимая цѣликомъ его данныя, мы должны бы пріурочить Сарбаконъ, отстоящій отъ Ніоссона на 62,9 в., къ

окрестностямъ нын. Малой Александровки или, если считать всѣ изгибы рѣки, приблизительно къ впаденію Висуна въ Ингулецъ. Обѣ точки топографически весьма выгодны для поселенія. Αηΐνον (въ 59,6 в. отъ Сарбакона) пришлось бы помѣстить либо на мѣстѣ нын. Кривого Рога, при впаденіи Саксаганя, либо ок. нын. Загродовки на Ингульцѣ. А что касается озера Амадока, изъ котораго рѣка беретъ начало, то мы могли бы отожествить его съ болотистою долиною, которая образуется Ингульцемъ въ верхнемъ теченіи, или съ болотами повыше Александріи.

Но всѣ эти догадки кажутся намъ самимъ крайне невѣроятными. Насъ смущаетъ, прежде всего, тотъ фактъ, что по другому лѣвому притоку Днѣпра, по Бугу, на картѣ Птолемея не отмѣчено ни одного города. Между тѣмъ, Бугъ былъ, есть и останется рѣкою во сто разъ болѣе значительной, чѣмъ Ингулецъ. Неужели-же на немъ не было греческихъ поселеній, кромѣ Ольвіи? Конечно, это немыслимо. Мы должны предположить въ этой части Птолемеевой карты значительный пробѣлъ или-же допустить недоразумѣніе, въ силу котораго города, лежащіе по Бугу, перенесены имъ на другой притокъ Днѣпра, Ингулецъ. Послѣднее кажется намъ болѣе вѣроятнымъ, почти несомнѣннымъ. Что Ингулецъ, Геродотовъ Παντικάπης, часто смѣшивался съ Бугомъ, объ этомъ мы имѣемъ прямое свидѣтельство Плинія IV, 12, 83: Quidam Panticapem confluere infra Olbiam cum Borysthene tradunt, diligentiores Hypanim.

Вотъ въ эту-то ошибку впалъ и Птолемей, превративъ Бугъ въ незначительную рѣчку на востокъ отъ Днѣпра. Онъ былъ введенъ въ нее цѣлымъ рядомъ совпаденій въ разстояніяхъ: Ингулецъ впадаетъ въ Днѣпръ въ 30 верстахъ отъ древняго устья у Метрополя; почти на томъ же разстояніи отъ устья Днѣпровскаго лимана (28,6 в.) впадаетъ въ него Бугъ; наконецъ, въ 30 верстахъ отъ Ольвіи въ Бугъ (Борисѳенъ) впадаетъ значительная рѣка Ингулъ. На основаніи всего этого, мы могли бы даже возстановить съ нѣкоторою вѣроятностью дан-

ныя источниковъ Птолемея, изъ комбинаціи которыхъ легко объяснились-бы всѣ сдѣланные имъ промахи, если только допустить высказанную нами уже выше догадку, что онъ нашелъ въ нихъ два различныхъ опредѣленія устья Днѣпра (лимана и рѣки).

Принимая это предположеніе, мы должны искать Сарбаконъ и Леинонъ, а можетъ быть и Ніоссонъ, на Бугѣ. Нельзя не замѣтить, что попытка пріуроченія ихъ приводитъ здѣсь къ результатамъ гораздо болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ при Ингульцѣ.

Ніоссонъ, въ 31,5 в. отъ Метрополиса, вѣрнѣе отъ Ольвіи (= Miletopolis), займетъ мѣсто нын. Николаева у впаденія Ингула (ок. 30 верстъ отъ Ольвіи); Сарбаконъ, въ 62,9 в. отсюда, придется отожествить съ нын. Вознесенскимъ [1]), однако, съ ошибкою въ 12,1 в.; наконецъ, Леинонъ совпадетъ съ Ольвіополемъ, отстоящимъ отъ Вознесенска по прямой линіи на 59,5 в. (по Птолемею отъ Сарбаконъ до Леинонъ 59,6 в.).

Озеро Амадока останется, въ такомъ случаѣ, необъясненнымъ. Но оно, можетъ быть, и не существовало вовсе, а представляетъ собою лишь результатъ теоретическаго взгляда, что всѣ значительныя рѣки берутъ начало либо изъ горъ, либо изъ озера. На это неоднократно указывалось изслѣдователями. Впрочемъ, можетъ быть, правъ Брунъ II, 26 сл., видя въ озерѣ, «матери Гипаниса», нижнее теченіе Кодыми, которая и теперь еще въ полую воду имѣетъ видъ обширнаго озера.

И такъ, въ вопросѣ о мѣстоположеніи Ніоссона, Сарбакона и Леинона мы не достигли вполнѣ яснаго, убѣдительнаго результата. Совпаденія взаимныхъ разстояній ихъ (62,9—59,6 в.) съ разстояніями между среднеднѣпровскими городами (Ніоссонъ 62,9 Серимонъ 59,6 Саронъ), уже сами по себѣ внушаютъ намъ нѣкоторое недовѣріе къ цифровымъ даннымъ относительно городовъ по притоку Днѣпра. Мы должны, поэтому, оставить

1) Такъ пріурочиваетъ Ніоссонъ и Сарбаконъ уже Брунъ II, 18 сл. прим.

этотъ вопросъ открытымъ, указавъ лишь наиболѣе вѣроятное его рѣшеніе. Нужно надѣяться, что археологическія находки дадутъ со временемъ окончательный отвѣтъ.

Мы переходимъ теперь къ послѣдней части нашей ближайшей задачи, къ разсмотрѣнію области, лежащей между нижнимъ Днѣпромъ, Сивашемъ и Азовскимъ моремъ. Край этотъ важенъ намъ потому, что и здѣсь также Птолемей называетъ въ глубинѣ степей шесть, а по берегу 4, т. е. всего 10 городовъ, изъ которыхъ только 2 извѣстны другимъ писателямъ (Navarum Carcine Plin. IV, 12, 84; Καρκινῖτις Herod. IV, 55. 99, Steph. Byz. s. v. со словъ Гекатея).

Всѣ сдѣланныя до сихъ поръ попытки географическаго пріуроченія послѣднихъ двухъ пунктовъ должны считаться вполнѣ неудачными, а остальныхъ городовъ изслѣдователи вовсе и не касались, не съумѣвъ воспользоваться богатыми и точными данными Птолемея. Мы увидимъ, что именно эти данныя проливаютъ неожиданный свѣтъ на прошлое этого края, важнаго уже потому, что здѣсь, вѣроятно, нужно искать страну Герросъ, гдѣ хоронились скиѳскіе цари.

Рисунокъ береговой линіи отъ Днѣпра до Перекопа у Птолемея совершенно невѣренъ: полуостровъ, кончающійся Ахилловымъ Бѣгомъ, растянутъ на югъ верстъ на 45. Я могу объяснить себѣ эту ошибку только тѣмъ, что ломанная линія западнаго берега полуострова, по недоразумѣнію, вытянута въ прямую [1]), и эта ошибка не была исправлена рисункомъ восточнаго берега потому, что моряки очень рѣдко причаливали къ этому негостепріимному берегу: Каркинитскій заливъ очень неглубокъ, и уже въ этомъ отношеніи представлялъ мореплавателямъ большія затрудненія (Neumann 365 s.); притомъ береговая линія его не имѣетъ ни одной удобной гавани, и значительныхъ греческихъ поселеній тутъ не было. Вотъ почему моряки, обо-

1) См. мою замѣтку «Нѣсколько словъ о Ὑλαία и Ἀχιλλέως δρόμος» въ Commentationes Philologicae. Сборникъ статей въ честь И. В. Помяловскаго. Спб. 1897, стр. 108.

гнувъ Таврическій полуостровъ, направлялись изъ Καλὸς λιμὴν (Акмечеть) прямо къ восточной оконечности Ахиллова Бѣга, минуя заливъ (Arrian. Peripl. 31, Peripl. Anon. 83). О самомъ заливѣ у нихъ были самыя неопредѣленныя представленія. По Страбону VII, 3, 19 онъ простирался къ сѣверу приблизительно на 1000 стадій =173 в., «но другіе, прибавляетъ Страбонъ, увѣряютъ, что до внутренняго угла залива втрое больше». Арріанъ вовсе не упоминаетъ о заливѣ, а Peripl. Anon. 83 утверждаетъ, что его окружность равнялась 2250 стад.=389,2 в. Птолемей же гораздо ближе къ истинѣ: разстояніе отъ восточной оконечности Ахиллова Бѣга до глубины залива равно у него приблиз. 87 верстамъ, что вполнѣ вѣрно, если только мы будемъ считать это разстояніе не по прямой, а по береговой линіи. Цифровыя данныя Птолемея вѣрны и для западнаго берега полуострова [1]).

Въ данный моментъ насъ интересуетъ, однако, не береговая линія, а глубь страны, гдѣ отмѣчены вышеупомянутые города.

Въ наше время пространство между Днѣпромъ и Молочной представляетъ собою глухую степь, не орошаемую ни одной хоть сколько-нибудь значительной рѣкой. Большихъ селеній тутъ очень мало, если не считать селъ по берегамъ Днѣпра, Конки и Молочной. Въ центральной части нѣтъ ни одного города, и одна лишь Сѣрогозская балка и ближайшія окрестности ея отличаются нѣсколько бо́льшимъ оживленіемъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что это не всегда было такъ, и что гидрографическая картина края подверглась, въ теченіе вѣковъ, очень значительнымъ измѣненіямъ. Это доказывается, прежде всего, довольно значительнымъ количествомъ болотъ («падовъ»), разсѣянныхъ по всему интересующему насъ пространству и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ [2]) образующихъ большія группы, которыя

1) См. объ этомъ вышеуказанную мою статью.

2) Между «Черной Долиной» и Сѣрогозской балкой, затѣмъ къ югу и, въ особенности, къ сѣверовостоку отъ послѣдней вокругъ села Гавриловки.

охватываютъ, съ незначительными промежутками, пространство въ десятки верстъ. Въ полую воду эти болота еще теперь сливаются между собою, образуя обширныя озера; въ древности, при бóльшемъ количествѣ влаги, они несомнѣнно круглый годъ имѣли видъ озеръ.

Къ тому-же убѣжденію — о значительныхъ гидрографическихъ измѣненіяхъ—приводитъ насъ разсмотрѣніе многочисленныхъ, мѣстами очень широкихъ и глубокихъ балокъ, вдоль и поперекъ перерѣзывающихъ степь. Наиболѣе значительная изъ нихъ — Сѣрогозская балка — нами уже названа выше. Она, конечно, представляетъ собою русло древней рѣки, нѣкогда довольно значительной, бравшей начало въ Гавриловскихъ болотахъ, непосредственно примыкающихъ къ ней съ сѣвера. Рѣка эта, направляясь къ морю, дѣлила край на двѣ почти равныя части.

Наконецъ, о томъ-же единогласно свидѣтельствуютъ всѣ историческія данныя.

Эфоръ (Scymn. 850) зналъ о существованіи озеръ «по ту сторону Пантикапа», такъ какъ одна изъ скиѳскихъ народностей этого края, часть скиѳовъ номадовъ, называется имъ Λιμναῖοι, «озерянами».

Что именно здѣсь слѣдуетъ искать и рѣку Ὑπάκυρις, о которой говоритъ Геродотъ IV, 47. 55, въ этомъ, я думаю, всѣ изслѣдователи теперь согласны. Показанія отца исторіи такъ ясны, что можно только удивляться, какъ эту рѣку могли искать то въ Ингулѣ, то въ Ингульцѣ, то въ другихъ мѣстахъ. Одного города Καρκινῖτις, лежащаго, по Геродоту 55, у его устья, достаточно для опредѣленія послѣдняго. Каркинитскій заливъ, о которомъ упоминаетъ и Страбонъ VII, 3, 18, отожествляя его съ Тамиракскимъ и указывая его близость къ Перекопскому перешейку (καθ' ὃν ὁ ἰσθμὸς τῆς μεγάλης Χερρονήσου), можетъ совпадать только съ тѣмъ заливомъ, къ которому пріурочиваютъ это названіе и наши карты, т. е. съ заливомъ, лежащимъ между сѣверозападнымъ берегомъ Крыма, Перекопскимъ перешейкомъ

и южнымъ берегомъ интересующей насъ степи до Ахиллова Бѣга. Это подтверждается и анонимнымъ периплюмъ § 83, по которому κόλπος Καρκινίτης начинается за Прекрасною Гаванью и простирается до Тамираки. Напрасно Брунъ II, 7 сл. и другіе изслѣдователи смѣшиваютъ Καρκινῖτις съ крымскимъ городомъ Κερκινῖτις или Κορονῖτις Arrian. peripl. 31, Peripl. Anon. 83, Crichiniri и т. д. итальянскихъ картъ. Послѣдній городъ совершенно вѣрно пріуроченъ Бруномъ въ указанномъ мѣстѣ къ Донгуславскому озеру, верстахъ въ 25 къ сѣверозападу отъ Евпаторіи [1]). Эту догадку высказалъ впервые Бурачковъ въ Зап. Од. Общ. IX. 122 сл. Но этотъ городъ Κορονῖτις — Κερκινῖτις съ Геродотовымъ Каркинитисомъ ничего общаго не имѣетъ. Слова Геродота IV, 99 истолкованы Бруномъ l. c. явно невѣрно. Даже имена не вполнѣ тожественны, и анонимный авторъ перипла l. c. совершенно правильно отличаетъ, по формѣ именъ, гор. Κορονῖτις ἤτοι Κερκινῖτις отъ Каркинитскаго залива за Прекрасною Гаванью.

И такъ, устье Гипакиря нужно искать по берегу между таврическимъ перешейкомъ и Ахилловымъ Бѣгомъ. А такъ какъ на этой линіи одинъ только Каланчакъ изливается въ море, то съ этой, именно, рѣкой мы и должны отожествить Гипакирь, какъ догадались уже Пейсонель и друг., ср. Брунъ II, 46. Каланчакъ дѣйствительно «протекаетъ среди земли скиѳовъ-номадовъ» и впадаетъ въ море, «оставляя вправо Гилею и Ахилловъ Бѣгъ» (Herod. IV, 55). Неяснымъ остается, пока, лишь «озеро», изъ котораго, по Геродоту, онъ беретъ начало. Брунъ II, 47 предлагалъ видѣть въ немъ Сивашъ или Гнилое озеро, точнѣе, ту часть его, которая называется Чокракскимъ лиманомъ: съ послѣднимъ еще теперь въ полую воду, при сильномъ восточномъ вѣтрѣ, сливается Каланчакъ.

---

1) Всю библіографію о Керкинитидѣ см. у Латышева, въ Матеріалахъ по Археологіи Россіи, издав. Императ. Археол. Комм. № 9 (1892) стр. 9 сл. См. теперь также статью Н. Ф. Романченка въ Зап. Импер. Русск. Археол. Общ. VIII, 1—2 (Труды Отдѣл. Русск. и Слав. Археол. I). Спб. 1896, стр. 219—236.

Но тогда Гипакирь превратился бы въ незначительную или, во всякомъ случаѣ, очень короткую степную рѣку. Между тѣмъ, Геродотъ IV, 47 называетъ его въ числѣ восьми наиболѣе значительныхъ рѣкъ Скиѳіи, да и все остальное, что онъ говоритъ о Гипакирѣ опровергаетъ догадку Бруна. Мы должны искать «озеро» въ другомъ мѣстѣ, и легко найдемъ его, если примемъ во вниманіе отмѣченное выше сочетаніе балокъ и болотъ нашей области.

Каланчакъ — нынѣ незначительная степная рѣчка — въ полую воду еще теперь «принимаетъ видъ значительной рѣки; тѣмъ болѣе она могла быть таковою въ дни Геродота». Отъ нынѣшнихъ его верховьевъ тянется широкая балка къ селу Чаплинкѣ, близъ котораго еще теперь видны остатки каменнаго моста (Брунъ II 46), очевидно, предполагающаго значительную рѣку. За селомъ балка идетъ все въ томъ-же направленіи до Чаплинскаго болота, входящаго въ составъ цѣлой группы болотистыхъ впадинъ, за которыми непосредственно начинается Сѣрогозская балка. Послѣдняя, безъ сомнѣнія, составляла часть теченія Гипакиря, а непосредственно примыкающая къ ней на сѣверовостокъ группа болотъ, имѣющая въ діаметрѣ ок. 25 верстъ, представляетъ собою именно то озеро, изъ котораго беретъ начало Геродотовъ Гипакирь.

Такимъ образомъ, на основаніи сличенія показаній Геродота съ современными намъ гидрографическими условіями края, мы уже приходимъ къ гипотезѣ, всесторонне удовлетворяющей всѣмъ требованіямъ: не противорѣча даннымъ традиціи, она выясняетъ ихъ безъ остатка. Но мы можемъ пойти еще дальше и превратить ее въ доказанный фактъ, при помощи указаній Птолемея. — На картѣ послѣдняго (III, 5,2), на берегу моря, лежитъ гор. Тамирака Ταμυράκη, въ 19 в. отъ устья рѣки Καρκινίτης; вверхъ по этой рѣкѣ (III, 5,13), въ 23,6 вер. отъ устья, городъ Κάρκινα, затѣмъ — 60,9 в. — Τόροκκα — 14,4 в.— Πασυρίς — 7,1 вер.— Ἔρκαβον — 43,2 в. — Τρακάνα—21,6 в. — Ναύαρον.

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что рѣка Каркинитъ, въ

данномъ случаѣ, ничто иное, какъ Геродотовъ Гипакирь. Память о прежнемъ наименованіи сохранился въ имени гор. Πασυρίς вм. *Παχυρίς [1]). Ср. Plin. IV, 12,84: sinus Carcinites appellatur, flumen Pacyris, oppida Navarum, Carcine. Принимая устье Каланчака за исходный пунктъ нашихъ измѣреній, мы, прежде всего, замѣтимъ, что оно находится на разстояніи 124,5 вер. по прямой линіи отъ устья Днѣпровскаго лимана: по Птолемею, отъ устья Каркинита до устья Борисѳена ровно 124 вер.

Это, можетъ быть, случайное совпаденіе; неважно также и то, куда мы помѣстимъ Тамираку. Данныя Птолемея указываютъ на глубину Карджинскаго залива, близъ нын. дер. Емануиловки. Недалеко отъ этого пункта лежитъ маленькое озеро: дѣйствительно, по Arrian. Peripl. 31 «внутри Тамираки есть небольшое озеро».

Гораздо важнѣе для насъ города, лежащіе, по Птолемею, по теченію Каркинита—Гипакиря.

У самаго устья Каланчака еще теперь видны слѣды древняго города или укрѣпленія, называемаго татарами Кале-кучукъ, отъ котораго, по словамъ обывателей, получили названіе какъ рѣка Каланчакъ, такъ и одноименное селеніе въ 7 верстахъ выше по рѣкѣ (Брунъ II, 7.45). Въ этомъ Кале-кучукѣ нельзя не узнать Καρκινῖτις Геродота.

Въ эпоху Птолемея, здѣсь, однако, уже не было города, или Птолемей его не зналъ. *Его* городъ Каркина лежитъ на 23,6 вер. выше по рѣкѣ, т. е. тамъ именно, гдѣ еще теперь въ глухой степи видны остатки каменнаго моста (выше стр. 221), близъ с. Чаплинки, отстоящаго на 25 в. отъ устья Каланчака.

Если наше предположеніе о дальнѣйшемъ теченіи древняго Гипакиря вѣрно, то мы должны искать въ 60,9 в. отсюда вверхъ по рѣкѣ городъ Торокка; и дѣйствительно, въ указанномъ направленіи, приблиз. на 65 в. отъ Чаплинки, лежитъ сел. Торгаевка, въ имени которой еще теперь ясно слышится древнее

---

1) Рукопись X (Vaticanus 191) читаетъ Παγυρίς.

наименованіе. Торгаевка — лишь славянизированное, не славянское имя: селеніе это лежитъ у самаго входа балки—т. е. древней рѣчки — Торгай въ Сѣрогозскую балку, т. е. въ Гинакирь. Сохраненіе древняго имени, въ данномъ случаѣ, высоко знаменательный фактъ, свидѣтельствующій о непрерывной преемственности населенія этого края отъ сарматскихъ временъ вплоть до нашихъ дней.

14,4 в. выше Торокки лежитъ гор. Пакирисъ (Пасирисъ): это нын. Нижнія Сѣрогозы, центръ которыхъ отстоитъ на 13 в. отъ Торгаевки.

Дальше въ 7,1 в. Эркабонъ — Верхнія Сѣрогозы, въ 7 вер. отъ Нижнихъ.

Верстахъ въ 18 отсюда уже начинается озеро-болото, дающее начало Гипакирю. Если перебраться черезъ это озеро, то въ 42 в. отъ Верхнихъ Сѣрогозъ лежитъ обширное село Большая Бѣлозерка: это Птолемеевъ городъ Тракана, въ 43,2 вер. отъ Эркабонъ.

Наконецъ, Навaронъ (21,6 вер. отъ Тракана) должно совпадать съ нын. сел. Балки па Конкѣ отстоящимъ отъ Большой Бѣлозерки на 21 версту.

Если мы вспомнимъ о малочисленности селеній въ центральной полосѣ изслѣдуемаго края и о распредѣленіи ихъ въ разстояніяхъ, далеко не равныхъ между собою; если мы, затѣмъ, сравнимъ рядъ Птолемеевыхъ разстояній

23 — 60 — 14 — 7 — 43 — 21

съ тѣмъ, что еще теперь даетъ дѣйствительность:

25 — 65 — 13 — 7 — 42 — 21

то мы, конечно, исключимъ всякую мысль о случайности и сочтемъ нашу догадку о теченіи Гипакиря и о расположеніи по нему городовъ — доказанною въ полномъ ея объемѣ.

Тракана и Навaронъ лежатъ, повидимому, уже не на самомъ Гипакирѣ. Это нисколько не противорѣчитъ Птолемею, который

III, 5, 13 говоритъ о пріуроченныхъ нами городахъ лишь, что они μεσόγαιοι ἐν ταῖς ποταμίαις περὶ τὸν Καρκινίτην ποταμόν.

Вполнѣ возможно, впрочемъ, что подъ «озеромъ», дающимъ начало Гипакирю, слѣдуетъ видѣть то обширное, пересѣкаемое безчисленными протоками и озерами, болото, которое образуется здѣсь Конкою и Днѣпромъ, и извѣстно подъ названіемъ «Великаго Луга».

Здѣсь еще въ 1772 г. найдены остатки древняго селенія, между прочимъ «жилые мраморомъ выложенные покои» (Уваровъ, Изслѣдованія 25; Брунъ II, 64). Гдѣ именно сдѣлана эта находка, мы въ точности не знаемъ; но такъ какъ Чертковъ въ своемъ письмѣ (Брунъ l. c.) прибавляетъ, что камни и т. д. найдены «близъ Александровской и Никитинской крѣпости (нын. Никополя) на пространствѣ 30 верстъ... по направленію къ великимъ пескамъ», т. е. къ интересующимъ насъ степямъ, то мы, вѣроятно, въ правѣ отнести ее къ окрестностямъ того мѣста, къ которому мы, по указаніямъ Птолемея, пріурочили городъ Наваронъ. Можетъ быть, слова «на пространствѣ 30 верстъ» въ письмѣ Черткова должны быть поняты въ смыслѣ: «на разстояніи 30 верстъ»? Отъ Александровска до сел. Балки около 37 верстъ по прямой линіи. Весь Великій Лугъ имѣетъ въ длину около 70 верстъ, при 25 верстахъ наибольшей ширины. Ср. Эварницкій, Запорожье I, 268. Если бы слова Черткова относились къ окрестностямъ Малой Знаменки, какъ думалъ гр. Уваровъ и, кажется, Брунъ въ указанномъ мѣстѣ, то онъ, безъ сомнѣнія, выразился бы точнѣе: «близъ Никитинской крѣпости». Неточнымъ остаются только выраженія «между Кучукумомъ и Конскою», которыя могутъ быть отнесены къ любому пункту Великаго Луга.

Получивъ такіе ясные и, на нашъ взглядъ, убѣдительные результаты относительно Гипакиря и городовъ, по его теченію расположенныхъ, мы можемъ теперь, съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ, взяться за рѣшеніе наиболѣе спорнаго и наиболѣе важнаго, въ археологическомъ отношеніи, вопроса о рѣкѣ Гер-

росѣ и одноименной области, въ которой въ эпоху Геродота (IV, 71) хоронились скиѳскіе цари.

Птолемей и въ этомъ случаѣ также не допускаетъ никакихъ сомнѣній: рѣка Герросъ совпадаетъ съ нынѣшн. Молочной. Доказать это не трудно.

Въ 14,4 в. къ сѣверу отъ наиболѣе узкаго мѣста таврическаго перешейка (невѣрно имъ измѣреннаго) лежитъ по Птолемею III, 5, 4, на берегу Сиваша, Νέον Τεῖχος, которое нужно, слѣдовательно, искать въ самой глубинѣ залива, приблизительно тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ дер. Перво-Константиновка, верстахъ въ 15 (по сушѣ) отъ Перекопа.

Отсюда 17,2 в. до устья рѣки Πασιάκης и 57,9 в. до города Λείανον. Такъ какъ Сивашъ несудоходенъ и никогда не былъ таковымъ (ср. Strabo VII, 4, 1), то мы, отмѣряя эти разстоянія на нашей картѣ, не должны принимать во вниманіе изгибы береговой линіи, а должны считать по сушѣ, приблизительно по линіи современной большой дороги, ведущей изъ Перекопа черезъ Перво-Константиновку и Громовку въ Геническъ. Нетрудно будетъ, въ такомъ случаѣ, установить тожество Пасіака съ незначительной, въ наше время, степной рѣчкой, впадающей въ Сивашъ около нын. Строгоновки, въ 17 в. отъ Перво-Константиновки (по Птолемею 17,2 в.). Городъ Лейанонъ нужно пріурочить къ пункту, теперь уже не имѣющему селенія, не доходя версты четыре до дер. Ново-Михайловки по указанной дорогѣ. Отсюда 57,9 в. до Перво-Константиновки (по Птолемею 57,9 в.) и 28,5 в. до Геническа, т. е. до устья Сиваша (Птол. 28,6 в. отъ Лейанонъ до устья Βύκου ποταμοῦ). Что Βύκης (λιμήν и ποταμός) совпадаетъ съ Сивашомъ, а его устье—съ Геническимъ проливомъ, извѣстно и по другимъ источникамъ, ср. Plin. IV, 12, 84. Данныя Птолемея, опредѣляющія разстояніе отъ Перекопа до Геническа въ 14,4+57,9+28,6=100,9 в., оказываются, слѣдовательно, вполнѣ точными.

Мы отнесемся, поэтому, съ довѣріемъ и къ наиболѣе важнымъ для насъ указаніямъ, непосредственно слѣдующимъ за этимъ.

Отъ Βύκου ποταμοῦ ἐκβολαί, т. е. Геническаго пролива, 17,1 в. до Ἄκρα πόλις, откуда 31,4 в. до Γέρρου ποταμοῦ ἐκβολαί.

Едва-ли Neumann 541 правъ, пріурочивая Ἄκρα къ нын. острову Бирючему[1]). Быстрое обмеленіе Азовскаго моря, указанное самимъ Нейманномъ 536 сл., внушаетъ намъ нѣкоторое сомнѣніе, существовалъ-ли этотъ островъ уже въ эпоху Птолемея. Мы, поэтому, скорѣе будемъ искать Акру на материкѣ, въ 17,1 в. отъ Геническа, т. е. на берегу Утлюцкаго лимана. Для опредѣленія устья Герроса это, впрочемъ, безразлично: къ какому бы изъ этихъ двухъ пунктовъ мы ни пріурочили Акру, мы непремѣнно придемъ къ выводу, что Герросъ, устье котораго отстоитъ отъ Акры на 31,4 в., совпадаетъ съ Молочной.

Такимъ образомъ, мы, на основаніи вполнѣ точнаго матеріала, можемъ доказать правильность догадки, неоднократно уже высказывавшейся въ наукѣ.

Но, можетъ быть, этому результату противорѣчитъ то, что говоритъ о Герросѣ и одноименной ему области наиболѣе надежный изъ всѣхъ нашихъ источниковъ, Геродотъ? Съ нимъ однимъ намъ придется считаться, такъ какъ всѣ остальные (Scymn., Mela, Plin.) берутъ свои свѣдѣнія изъ его труда и не могутъ, въ данномъ случаѣ, играть роль самостоятельныхъ источниковъ.

Если Геродотовы данныя окажутся несогласными съ тѣмъ, что говоритъ Птолемей, то придется допустить либо, что Птолемеевъ Герросъ другая рѣка, т. е. что въ этихъ краяхъ существовали двѣ рѣки этого имени, либо, что въ изложеніе Геродота вкралась ошибка. Отнести послѣднюю на счетъ Птолемея мы-бы всетаки не могли, такъ какъ указанія этого географа, столь блестяще оправдавшаго наше довѣріе, слишкомъ ясны и опредѣленны.

Но намъ не придется прибѣгнуть къ такому смѣлому предположенію, смѣлому потому, что и у Геродота до сихъ поръ ни

---

1) Очевидно, что онъ имѣетъ въ виду этотъ островъ, говоря о «косѣ Федотова». Послѣднее названіе примѣняется теперь лишь къ узскому, часто заливаемому водою острову между селомъ Горѣлымъ и островомъ Бирючимъ.

одной ошибки не оказалось. Мы увидимъ, что показанія отца исторіи не только не противорѣчатъ нашему выводу, сдѣланному на основаніи словъ Птолемея, но во всѣхъ пунктахъ подтверждаютъ его.

Въ виду важности вопроса, позволимъ себѣ привести всѣ мѣста, гдѣ Геродотъ говоритъ о рѣкѣ и области Герросъ, in extenso.

IV, 19: Τὸ δὲ πρὸς τὴν ἠῶ τῶν γεωργῶν τούτων Σκυθέων διαβάντι τὸν Παντικάπην ποταμὸν νομάδες ἤδη Σκύθαι νέμονται... ψιλὴ δὲ δενδρέων ἡ πᾶσα αὕτη [γῆ] πλὴν τῆς Ὑλαίης. οἱ δὲ νομάδες οὗτοι τὸ πρὸς τὴν ἠῶ ἡμερέων τεσσέρων καὶ δέκα ὁδὸν νέμονται χώρην κατατείνουσαν ἐπὶ ποταμὸν Γέρρον. (20) πέρην δὲ τοῦ Γέρρου ταῦτα δὴ τὰ καλεύμενα βασιλήιά ἐστι καὶ Σκύθαι οἱ ἄριστοί τε καὶ πλεῖστοι.

IV, 47: Ἥ τε γῆ [Σκυθική] ἐοῦσα πεδιὰς αὕτη ποιώδης τε καὶ εὔυδρός ἐστι, ποταμοί τε δι' αὐτῆς ῥέουσι οὐ πολλῷ τεῳ ἀριθμὸν ἐλάσσονες τῶν ἐν Αἰγύπτῳ διωρύχων. ὅσοι δὲ ὀνομαστοί τέ εἰσι αὐτῶν καὶ προσπλωτοὶ ἀπὸ θαλάσσης, τούτους ὀνομανέω. Ἴστρος μὲν πεντάστομος, μετὰ δὲ Τύρης τε καὶ Ὕπανις καὶ Βορυσθένης καὶ Παντικάπης καὶ Ὑπάκυρις καὶ Γέρρος καὶ Τάναϊς.

IV, 53. Μέχρι μέν νυν Γέρρου χώρου, ἐς τὸν τεσσεράκοντα ἡμερέων πλόος ἐστί, γινώσκεται [Βορυσθένης] ῥέων ἀπὸ βορέω ἀνέμου, τὸ δὲ κατύπερθε δι' ὧν ῥέει ἀνθρώπων οὐδεὶς ἔχει φράσαι· φαίνεται δὲ ῥέων δι' ἐρήμου ἐς τῶν γεωργῶν Σκυθέων τὴν χώρην· οὗτοι γὰρ οἱ Σκύθαι παρ' αὐτὸν ἐπὶ δέκα ἡμερέων πλόον νέμονται.

IV, 56: Ἕβδομος δὲ Γέρρος ποταμὸς ἀπέσχισται μὲν ἀπὸ τοῦ Βορυσθένεος κατὰ τοῦτο τῆς χώρης, ἐς ὃ γινώσκεται ὁ Βορυσθένης· ἀπέσχισται μέν νυν ἐκ τούτου τοῦ χώρου, οὔνομα δὲ ἔχει τό περ ὁ χῶρος αὐτός, Γέρρος, ῥέων δὲ ἐς θάλασσαν οὐρίζει τήν τε τῶν νομάδων χώρην καὶ τὴν τῶν βασιληίων Σκυθέων, ἐκδιδοῖ δὲ ἐς τὸν Ὑπάκυριν.

IV, 71: Ταφαὶ δὲ τῶν βασιλέων ἐν Γέρροισί εἰσι, ἐς ὃ ὁ Βορυσθένης ἐστὶ προσπλωτός.... ἐπεὰν.. πάντας περιέλθωσι τὸν νέκυν κομίζοντες, ἐν Γέρροισι ἔσχατα κατοικημένοισί εἰσι τῶν ἐθνέων τῶν ἄρχουσι καὶ ἐν τῇσι ταφῇσι.

Первый и основной вопросъ, отъ котораго зависитъ рѣшеніе всѣхъ остальныхъ, можетъ быть формулированъ такъ: до какого пункта Днѣпра доходили греки? По вышеприведеннымъ цитатамъ видно, что Геродотъ неоднократно пользуется этимъ пунктомъ при опредѣленіи географическаго положенія Герроса.

Мы уже получили отвѣтъ на этотъ вопросъ на основаніи данныхъ Птолемея, независимо отъ Геродота: крайнимъ греческимъ поселеніемъ вверхъ по Днѣпру [1]) оказался Навaронъ, на берегу «Великаго Луга»; послѣдній тянется почти до Александровска, гдѣ дѣйствительно прекращается судоходность Днѣпра. Дальше уже нѣтъ греческихъ селеній; иначе говоря, свѣдѣнія грековъ простираются только до этого мѣста.

Это всесторонне подтверждается словами Геродота.

Послѣдній ничего не зналъ о Днѣпровскихъ порогахъ, какъ неоднократно уже указывалось изслѣдователями (ср. напр. Neumann 211). Еслибъ онъ зналъ объ ихъ существованіи, то конечно не преминулъ бы упомянуть о нихъ при неоднократномъ сравненіи Борисѳена съ Ниломъ. Мы можемъ къ этому прибавить, что греки и послѣ Геродота не узнали о существованіи пороговъ. Такъ напр. Скимнъ, упомянувъ, что Борисѳенъ судоходенъ на пространствѣ около 40 дней пути, прибавляетъ 817 ss.: εἰς δὲ τοὺς ἄνω τόπους ἄπλωτός ἐστι κοὐ περάσιμος· ὑπὸ χιόνος γὰρ καὶ πάγων ἐξείργεται, т. е. причина дальнѣйшей несудоходности — снѣга и ледъ; о порогахъ опять — ни слова.

Геродотъ, отмѣчая IV, 18 распредѣленіе народовъ по Борисѳену, начиная отъ его устья, слѣдуетъ его теченію лишь на 14 дней пути. Если считать отъ устья Днѣпровскаго лимана [2]), принять во вниманіе многочисленные изгибы Днѣпра и помнить, что мы, вмѣстѣ съ Геродотомъ, идемъ *противъ* теченія Днѣпра, то мы поймемъ, что, проплывъ 14 дней, Геродотъ останавливается въ своемъ описаніи именно у Великаго Луга, т. е. тамъ,

1) Конка въ этомъ мѣстѣ представляетъ собою боковое русло Днѣпра.

2) Что такъ, именно, слѣдуетъ считать, доказывается тѣмъ, что Пантикапъ=Ингулецъ отстоитъ отъ устья Днѣпра на 3 дня пути, IV. 18.

гдѣ останавливается и Птолемей. За этимъ мѣстомъ, прибавляетъ Геродотъ, уже тянется пустыня.

Въ другомъ мѣстѣ, IV, 19 рѣчь идетъ о странѣ «которая лишена деревьевъ, за исключеніемъ Полѣсья». Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ лѣвымъ берегомъ Днѣпра и что безлѣсная страна совпадаетъ съ областью Гипакиря [1]).

Здѣсь живутъ скиѳы-номады «διαβάντι τὸν Παντικάπην ποταμόν, т. е. «если перейти черезъ Ингулецъ». Это значитъ лишь, что путь изъ Ольвіи — исходнаго пункта почти всѣхъ Геродотовыхъ указаній — къ номадамъ пролегалъ черезъ Ингулецъ, а не черезъ Днѣпровскій лиманъ къ Кинбурнскому мысу. Это мы могли-бы предположить и по соображеніямъ чисто топографическимъ: на песчаной береговой линіи между Кинбурномъ и дельтой Днѣпра негдѣ было пристать греческому кораблю, греческимъ торговымъ караванамъ было гораздо удобнѣе пройти сухимъ путемъ до Ингульца и уже за нимъ (около Берислава?) переправиться черезъ Днѣпръ. Этимъ значительно сокращался путь по глухой степи и, перешедши черезъ Днѣпръ, караванъ оказывался гораздо ближе къ центру земли номадовъ — къ опредѣленнымъ нами городамъ по Гипакирю.

Въ той же главѣ Геродотъ говоритъ, что въ этой странѣ номады занимаютъ область на 14 дней пути до Герра: это тѣ самые 14 дней, которые извѣстны ему на правомъ берегу, тѣ самые 14 дней, о которыхъ онъ говоритъ въ предыдущей главѣ. Именно по этому направленію (сѣверо-восточному, отчасти прямо восточному), вдоль берега Днѣпра, считаетъ онъ, и если въ главѣ 18, проплывъ 14 дней, онъ останавливается у Великаго Луга, то и здѣсь, конечно, мы должны принять то-же самое: скиѳы номады занимаютъ степи по лѣвому берегу Днѣпра на 14 дней пути, т. е. отъ Кинбурнской Косы до Великаго Луга — до того

---

1) О Полѣсьѣ, примыкающемъ къ безлѣсной степи на западѣ, см. нашу статью, указанную выше.

мѣста, гдѣ прекращаются греческія селенія и гдѣ къ Днѣпру примыкаетъ Герросъ.

Въ главѣ 53 говорится, что до земли Герросъ по Днѣпру сорокъ дней пути. Но тутъ, конечно, исходный пунктъ счета не устье Днѣпра, а предполагаемый на далекомъ сѣверѣ источникъ его. Большинство изслѣдователей стараются выйти изъ затрудненія при помощи предположенія, что въ текстъ Геродота вкралась описка τεσσεράκοντα вм. τεσσέρων καὶ δέκα ἡμερέων, и думаютъ, что здѣсь повторяется лишь указаніе на ту часть нижняго теченія, которая была извѣстна грекамъ. Но это предположеніе прямо невозможно.

Къ чему было Геродоту повторять лишній разъ указаніе, данное уже дважды: для праваго берега въ главѣ 18-ой, для лѣваго въ 19-ой? При томъ же непосредственно за этимъ онъ прибавляетъ, для большей ясности, что за этимъ пунктомъ, т. е., очевидно, внизъ по теченію, на 10 дней пути живутъ скиѳы земледѣльцы. Неужели-же онъ въ одной главѣ сталъ бы дважды говорить объ одномъ и томъ пространствѣ? Въ главахъ 18 и 19 онъ имѣетъ въ виду лишь ту часть Борисѳена, которая была извѣстна грекамъ, т. е. посѣщалась ими. Здѣсь, въ главѣ 53, онъ имѣетъ въ виду *весь* Днѣпръ и счелъ, поэтому, нужнымъ, сказать два слова и о верхнемъ его теченіи, хотя народы, черезъ земли которыхъ верхній Днѣпръ протекаетъ, ему неизвѣстны. Правъ-ли онъ, считая именно 40 дней пути до намѣченнаго пункта — это совершенно безразлично: Геродотъ хотѣлъ дать лишь приблизительное представленіе о длинѣ Борисѳена.

Противъ вышеозначенной поправки, предлагаемой большинствомъ ученыхъ, говоритъ и то, что Скимнъ (выше стр. 228) и Мела II, 1 также упоминаютъ о сорокадневномъ плаваніи по Борисѳену. Правда, оба писателя, взявъ свои свѣдѣнія изъ Геродота, поняли его превратно, какъ большинство новѣйшихъ ученыхъ, думая, что исходный пунктъ счета — устье Днѣпра. Но ихъ слова, во всякомъ случаѣ, доказываютъ, что уже въ тѣхъ

текстахъ Геродота, которыми они пользовались, упоминалось именно о сорока дняхъ. Ср. Брунъ II, 73.

Наконецъ, и построеніе всей фразы Геродота требуетъ именно предлагаемаго нами толкованія. Слова μέχρι μέν νυν Γέρρου χώρου, ἐς τὸν τεσσεράκοντα ἡμερέων πλόος ἐστι, γινώσκεται ῥέων ἀπὸ βορέω ἀνέμου и т. д.— могутъ быть переведены только такъ: «извѣстно, что онъ течетъ съ сѣвера до Герра на 40 дней пути, а черезъ чьи земли онъ протекаетъ — неизвѣстно. Мы знаемъ только, что онъ входитъ въ страну земледѣльцевъ, прошедши черезъ пустыню».

И такъ, область Герросъ примыкаетъ къ Днѣпру около Великаго Луга. Остается, слѣдовательно, только рѣшить, съ какой стороны.

Отвѣтъ дадутъ указанія Геродота о рѣкѣ Герросъ. Послѣдняя отдѣляетъ номадовъ отъ царскихъ скиѳовъ (гл. 56). Такъ какъ кочевья номадовъ занимаютъ степи на лѣвомъ берегу Днѣпра, то здѣсь нужно искать и Герросъ; а такъ какъ сюда, именно, пріурочиваетъ его и Птолемей, то этого, въ сущности, достаточно, для окончательнаго рѣшенія занимающаго насъ вопроса.

Геродотъ даетъ, однако, еще болѣе точныя указанія.

Молочная въ верхнемъ своемъ теченіи довольно близко подходитъ къ Днѣпру близъ Великаго Луга. Это-же, именно, говоритъ и Геродотъ въ 56-ой главѣ: Γέρρος ποταμὸς ἀπέσχισται ἀπὸ τοῦ Βορυσθένεος κατὰ τοῦτο τῆς χώρης, ἐς ὃ γινώσκεται ὁ Βορυσθένης: «Герросъ *отдѣленъ* (ἀπέσχισται, а не ἀποσχίζεται!) отъ Борисѳена въ томъ мѣстѣ, до котораго Борисѳенъ (намъ) извѣстенъ». Для большей ясности та-же мысль повторяется тутъ-же еще разъ: «ἀπέσχισται μέν νυν ἐκ τούτου τοῦ χώρου, οὔνομα δὲ ἔχει τό περ ὁ χῶρος αὐτός, Γέρρος»: передъ ἐκ тутъ, по смыслу, подразумѣвается «ῥέων», и мы получаемъ переводъ: «онъ отдѣленъ, вытекая изъ той-же страны (которою онъ отдѣляется отъ Борисѳена), и имя онъ носитъ тó-же, что и страна (дающая ему начало), т. е. Герросъ».

Глава 56 заканчивается, однако, словами, которыя никакъ

не могутъ быть согласованы съ нашимъ отожествленіемъ Герроса съ Молочной: Герросъ впадаетъ въ Гипакирь (ἐκδιδοῖ δὲ ἐς τὸν Ὑπάκυριν).

Эти-то слова и служили главной причиной разногласій между учеными въ вопросѣ о положеніи искомой рѣки. Молочная не впадаетъ и, повидимому, никогда не впадала въ Каланчакъ.

Тѣмъ не менѣе, мѣнять изъ-за этого Ὑπάκυριν въ Ὕπανιν, какъ предлагалъ Линднеръ 49, или искать Герросъ между Каланчакомъ и Днѣпромъ (Брунъ II, 48 сл.), гдѣ теперь уже нѣтъ рѣки, одинаково невѣрно. Да оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, и лишне: изъ самаго текста Геродота явствуетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ опиской или позднѣйшей вставкой. Въ той-же 56-ой главѣ онъ замѣчаетъ, что Герросъ отдѣляетъ номадовъ отъ царскихъ скиѳовъ ῥέων ἐς θάλασσαν: очевидно, «вливаясь въ море». Еслибъ онъ хотѣлъ сказать «направляясь къ морю», какъ обыкновенно переводятъ, то онъ навѣрное выразился бы иначе; онъ сказалъ бы ῥέων πρὸς или ἐπὶ, но никакъ не ἐς θάλασσαν; или онъ ограничился бы общимъ выраженіемъ въ родѣ ἀπὸ βορέω ἀνέμου, какъ про Борисѳена въ 53-ей главѣ. Употребленное имъ, въ данномъ случаѣ, выраженіе ἐς θάλασσαν такъ ясно, что не допускаетъ никакихъ колебаній. Неужели-же Геродотъ могъ дать въ одной и той-же фразѣ два столь рѣзко расходящихся указанія?

Эти соображенія уже достаточно выясняютъ дѣло. Но у Геродота IV, 47 есть еще одно лишнее указаніе на то-же самое: Герросъ называется здѣсь одною изъ наиболѣе значительныхъ рѣкъ, *доступныхъ съ моря* (ὀνομαστὸς καὶ προσπλωτὸς ἀπὸ θαλάσσης). Какъ примирить эту характеристику со словами ἐκδιδοῖ ἐς τὸν Ὑπάκυριν?

Правда, доступнымъ съ моря называется тамъ-же и Παντικάπης = Ингулецъ. Но тутъ условія совсѣмъ иныя: Ингулецъ впадаетъ въ самую значительную скиѳскую рѣку, въ которую, конечно, входили корабли, и впадаетъ, притомъ, близъ его устья. Гипакирь-же не можетъ быть сравненъ съ Днѣпромъ; если онъ и доступенъ съ моря, то все-же онъ посѣщался рѣдко грече-

скими моряками (ср. выше стр. 217 сл.), которые, во всякомъ случаѣ, не подымались далеко вверхъ по его теченію. Этимъ, отчасти, объясняется, почему торговый путь къ скиѳамъ номадамъ лежалъ черезъ Ингулецъ и шелъ все время сушей (выше стр. 229).

Если же принять предположеніе Бруна l. с., что Герросъ совпадаетъ съ Черной долиной и ея продолженіемъ, т. е. что онъ былъ доступенъ съ моря по Борисѳену, какъ Ингулецъ, то этимъ нарушится строгій географическій порядокъ, котораго держится Геродотъ при перечисленіи скиѳскихъ рѣкъ: онъ называетъ Герросъ между Гипакиремъ и Танаисомъ.

Однимъ словомъ, куда бы мы ни пріурочили Герросъ, изъ словъ самого отца исторіи явствуетъ, что слова ἐκδιδοῖ ἐς τὸν Ὑπάκυριν не могутъ принадлежать ему.

Предполагаемая нами описка или вставка принадлежитъ, однако, уже глубокой древности, такъ какъ она имѣлась уже въ томъ текстѣ Геродота, которымъ пользовался Мела II, 1, 4. Изъ другихъ авторовъ, имѣющихъ свѣдѣнія помимо Геродота, Плиній IV, 12, 84 въ счетъ не идетъ, такъ какъ онъ совершенно исказилъ картину интересующаго насъ края, перенесши сюда Hypanis=Кубань [1]). А что касается Птолемея, то мы уже знаемъ, что его показаніе служитъ наиболѣе вѣскимъ доказательствомъ противъ впаденія Герроса въ Гипакирь. Въ его текстѣ Геродота спорныя слова еще не значились, или-же онъ сознательно противорѣчитъ отцу исторіи, имѣя передъ собою ясный и неоспоримый матеріалъ. Въ обоихъ случаяхъ наша догадка подтверждается.

Если слова ἐκδιδοῖ ἐς τὸν Ὑπάκυριν позднѣйшая вставка, то мы можемъ не задаваться вопросомъ, отчего она произошла. Но намъ кажется, что мы имѣемъ дѣло скорѣе съ опиской, притомъ съ такою, причина которой еще довольно ясна.

---

1) Ср. Neumann'a 540 not., несомнѣнно вѣрно угадавшаго истину. Такое же смѣшеніе Буга съ Кубанью имѣется у Steph. Byz. s. v. Ὕπανις.

Недалеко (31,4 в.) отъ устья Герроса лежитъ, по Птолемею III, 5, 4 городъ Ἄκρα. Не стояло-ли въ текстѣ Геродота первоначальнаго ἐκδιδοῖ δὲ ἐς αὐτὴν (scil. θάλασσαν) ὑπ' Ἄκρᾳ «подъ Акрой»? Предполагая это, мы получаемъ безукоризненный оборотъ рѣчи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, легко объяснимъ описку [1]). А что Геродотъ *могъ* знать о существованіи Акры, т. е. что онъ имѣлъ свѣдѣнія объ этой части азовскаго побережья, доказывается упоминаніемъ гор. Κρημνοί въ главахъ 20 и 110 (см. ниже).

Вѣрна-ли предлагаемая поправка, или нѣтъ—тожество Герроса съ Молочной остается, тѣмъ не менѣе, обезпеченнымъ, а этимъ окончательно рѣшается и вопросъ о странѣ, одноименной этой рѣкѣ: страна Герросъ, отдѣляющая рѣку отъ Борисѳена, должна быть область къ сѣверу отъ верховьевъ Гипакиря, между Великимъ Лугомъ, верхней Молочной и средней Конкой. Можетъ быть, она простиралась еще нѣсколько дальше по верховьямъ послѣдней рѣки, но ни по ту ни по другую сторону ея она не доходила до моря, такъ какъ ни гор. Каркинитъ, ни гор. Кремны не лежатъ уже въ области Герросъ.

Что предполагаемый нами Герросъ усѣянъ курганами — и притомъ весьма значительными, — въ этомъ убѣждаетъ насъ взглядъ на подробную карту, помимо разсказовъ путешественниковъ, напр. гр. Потоцкаго. Этотъ фактъ, самъ по себѣ, конечно, ничего не доказываетъ, такъ какъ и другія мѣстности нашей степной полосы имѣютъ не меньше кургановъ. Но изслѣдованіе ихъ не дало еще ни одного погребенія Геродотовой поры (см. выше стр. 77 прим.), тогда какъ нашъ Герросъ представляетъ собою, въ археологическомъ отношеніи, почти еще нетронутую почву. Мы убѣждены, что заступъ археолога откроетъ именно здѣсь могилы царей, владѣвшихъ южнорусскими степями въ эпоху Геродота.

Судя по картѣ, область между средней Конкой и Молочной можетъ быть названа гористою въ сравненіи съ окружающими

---

1) Намекъ на возможность такого объясненія есть уже у Müller'a 417 not^e.

степями. Не находится-ли имя Γέρρος въ связи съ авест. gairi, санскр. giri «гора»?

Рѣшая вопросъ о Герросѣ, мы оставили въ сторонѣ одно замѣчаніе Геродота, какъ маловажное. Ради полноты, упомянемъ о немъ здѣсь.

Геродотъ IV, 71 говоритъ, что Герры — крайняя изъ подвластныхъ царскимъ скиѳамъ народностей: ἔσχατα κατοικημένοι τῶν ἐθνέων τῶν ἄρχουσι. Эта фраза могла бы насъ нѣсколько смутить, еслибъ въ той-же главѣ не было и обычнаго пріуроченія Герровъ къ тому мѣсту, до котораго судоходенъ Борисѳенъ. Чтобы понять слово ἔσχατα, намъ стоитъ лишь стать на точку зрѣнія ольвійскаго грека: отсюда герры дѣйствительно окажутся *«крайнимъ* изъ *подвластныхъ»* царскимъ скиѳамъ народовъ, такъ какъ непосредственно за этой землей начинаются уже кочевья самихъ царскихъ скиѳовъ, а другіе ихъ сосѣди на сѣверѣ и востокѣ (меланхлены, будины, савроматы) имъ не подвластны.

Иначе говоря, Геродотъ выражаетъ этимъ лишь мысль, которую онъ выразилъ уже въ главѣ 20 и затѣмъ повторяетъ еще разъ въ главѣ 56: что земля царскихъ скиѳовъ тянется съ востока до Герра, а по сю сторону этой рѣки, вплоть до Дуная, живутъ уже другія скиѳскія народности, подвластныя «царскимъ». Объѣхавъ, по смерти царя, съ трупомъ послѣдняго всѣ народы, которыми владѣлъ покойный, они, на обратномъ пути, останавливаются въ области послѣдняго изъ нихъ, непосредственно передъ границей собственныхъ владѣній: это и есть страна Герросъ; здѣсь — могилы ихъ царей.

Подводя итогъ подъ всѣ наши разсужденія о Герросѣ, мы сдѣлаемъ это всего лучше въ формѣ перевода тѣхъ мѣстъ Геродотова изложенія, которыя были приведены нами выше.

IV, 19: Если перейти черезъ Ингулецъ, то къ востоку отъ скиѳовъ-земледѣльцевъ живутъ скиѳы номады...; вся страна ихъ лишена деревьевъ, за исключеніемъ Полѣсья. А номады эти занимаютъ по направленію къ востоку [по Днѣпру] область на 14

дней пути, которая простирается до рѣки Молочной. (20) А по ту сторону Молочной находятся такъ называемыя царскія владѣнія и [тамъ обитаютъ] самые благородные и многочисленные скиѳы [т. е. царскіе].

IV, 47. Вся земля [скиѳская], будучи равниной, богата травою и обильна водою, и рѣки черезъ нее протекаютъ, по числу лишь немногимъ уступающія эгипетскимъ каналамъ. Я назову [только] тѣ изъ нихъ, которыя [самыя] славныя и доступны плаванію съ моря: Дунай пятиустный, затѣмъ Днѣстръ и Бугъ и Днѣпръ и Ингулецъ и Каланчакъ и Молочная и Донъ.

IV, 53. Извѣстно, что Днѣпръ течетъ съ сѣвера на 40 дней пути до страны Герросъ, а черезъ какія земли онъ выше [Герра] протекаетъ, никто сказать не можетъ; извѣстно [лишь], что онъ входитъ въ область скиѳовъ земледѣльцевъ, [прошедши] черезъ пустыню. Эти-же скиѳы [земледѣльцы] живутъ по его теченію [ниже страны Герросъ] на 10 дней пути.

IV, 56. Седьмая-же [рѣка Скиѳіи] Молочная отдѣлена отъ Днѣпра въ томъ мѣстѣ, до котораго [намъ] извѣстенъ Днѣпръ. Она отдѣлена [вытекая] изъ той-же страны [которая ее отдѣляетъ отъ Днѣпра], и имя она носитъ тó-же, что и страна [которая даетъ ей начало]; теча въ море, она отдѣляетъ землю номадовъ отъ [области] царскихъ скиѳовъ, впадаетъ же она въ него [т. е. въ море] подъ [городомъ] Акрой.

IV, 71. Гробницы-же царей находятся въ землѣ герровъ, до которой Днѣпръ судоходенъ... Когда [скиѳы, сопровождающіе печальную колесницу] объѣдутъ всѣхъ [подвластныхъ имъ], везя съ собою трупъ [царя], то они оказываются [наконецъ] у герровъ, самаго послѣдняго изъ подвластныхъ имъ народовъ, и у [находящихся тамъ царскихъ] могилъ.

Намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ.

Вдаваться въ разборъ сѣвернаго побережья Азовскаго моря мы не станемъ: это было бы совершенно безполезный трудъ. Примирить показанія древнихъ о Мэотидѣ съ современной кар-

тиной Азовскаго моря, нѣтъ никакой возможности, по двумъ причинамъ.

Во первыхъ, быстрое обмеленіе этого моря приводитъ еще теперь, на нашихъ глазахъ, къ значительнымъ и очень замѣтнымъ измѣненіямъ береговой линіи, особенно въ сѣверо-восточной части ея. Это явленіе было замѣчено уже древними, такъ что напр. Аристотель Meteorol. I, 14, 29 предвидитъ то время, когда Мэотида исчезнетъ, и Донъ будетъ впадать непосредственно въ Черное море. Но мы не можемъ даже приблизительно опредѣлить размѣры измѣненій, происшедшихъ со временъ грековъ до нашихъ дней.

Во вторыхъ, Мэотида вообще мало посѣщалась греками: плаваніе по ней представляло слишкомъ большія опасности и трудности, которыя не искупались торговыми выгодами. Торговля съ номадами и царскими скиѳами велась, повидимому, сухимъ путемъ изъ Ольвіи и Керчи. Осѣдлаго населенія, въ области котораго, ради поддержки непрерывныхъ сношеній, стоило строить эмпоріи, не было ни на сѣверномъ, ни — еще менѣе — на южномъ побережьѣ. Лишь одинъ пунктъ, устье судоходнаго Дона, представлялъ въ этомъ отношеніи большія выгоды, такъ какъ Донъ соединялъ бассейнъ Средиземнаго Моря съ системой Волги и съ Ураломъ: здѣсь, дѣйствительно, греки основали городъ, достигшій высокой степени благосостоянія и могущества. Остальныя-же части берега не были заселены греками. Страбонъ VII, 4, 5 прямо называетъ европейскій берегъ пустыннымъ: οὗτος μὲν οὖν ὁ παράπλους ἔρημος πᾶς ὁ παρὰ τὴν Εὐρώπην. Намъ кажется, поэтому, что Neumann 537 сл. правъ, думая, что этотъ берегъ посѣщался лишь рыбаками въ извѣстныя времена года, и что цѣлямъ рыболовства служили и тѣ немногіе пункты, которыхъ называетъ Птолемей. Ср. названіе одного изъ нихъ: Ἄλσος Ἁλίευμα Θεοῦ III, 5, 4. Болѣе значительнымъ поселеніемъ былъ, повидимому, только городъ Κρημνοί, о которомъ упоминаетъ уже Геродотъ IV, 20. 110, какъ о городѣ, лежащемъ въ землѣ свободныхъ, т. е. царскихъ скиѳовъ. По Птоле-

мею, онъ отстоитъ на 84,1 вер. отъ устья Молочной, т. е. его нужно искать около нын. Ногайска. Что до этого пункта, по крайней мѣрѣ, указанія Птолемея вѣрны, доказывается тѣмъ, что отъ Кремновъ въ 28,8 в. къ востоку на его картѣ выдвигается въ море значительный мысъ Ἄγαρον ἄκρον: въ 30 в. отъ Ногайска на востокъ, дѣйствительно, выдвигается очень широкій Бердянскій мысъ.

Но дальше на востокъ все невѣрно, т. е. растянуто вдвое противъ дѣйствительныхъ разстояній.

По изложеннымъ уже причинамъ, географы Греціи и Рима имѣли очень невѣрныя представленія о протяженіи Мэотиды. Правда, древнѣйшее изъ нихъ — будто Мэотида сливается на далекомъ сѣверѣ съ безграничнымъ океаномъ, рано было исправлено: уже Геродотъ зналъ, что она имѣетъ только одно устье — у Киммерійскаго Боспора, но онъ думалъ, что она лишь немногимъ меньше Чернаго Моря (IV, 86). Другія данныя собраны между прочимъ Neumann'омъ 535.

Единственный писатель древности, который даетъ почти точное свѣдѣніе о длинѣ Мэотиды, это — Плиній II, 108, 245: отъ устья Мэотиды до устья Дона онъ считаетъ 266 тыс. шаговъ= 2128 стад.=368,1 в. [1]). Это почти вѣрно, если считать не по прямой линіи (около 300 верстъ отъ Керчи до Ростова на Дону, близъ котораго находилась древняя Танаида), а принять во вниманіе объѣздъ Долгой Косы (около 340 в.). Близокъ къ истинѣ и Страбонъ VII, 4, 5, считая отъ Парѳенія (у входа въ Боспоръ) до Танаиды 2200 стад.=380,6 в.

Но Птолемей почему-то не принялъ этихъ данныхъ, а предпочелъ имъ болѣе древнія, но менѣе точныя цифры: разстояніе отъ Пантикапея до города Танаиды на его картѣ равно 609,2 в., отъ Парѳенія до того-же пункта 564,9 в. А если мы примемъ во вниманіе нашъ выводъ, что до Бердянской косы его счетъ

1) Но у него-же IV, 12, 78 то-же самое разстояніе равно 375 mil. pass. =3000 стад.=519 в.

вѣренъ, то ошибка окажется еще болѣе значительною: отъ Ἄγαρον ἄκρον до Танаиды по его счету 487 в., тогда какъ въ дѣйствительности отъ Бердянской косы до Ростова на Дону около 215 верстъ.

Отсюда ясно, что мы должны отказаться отъ точнаго пріуроченія отмѣченныхъ у Птолемея по этому берегу пунктовъ. Относительныя разстоянія между ними даютъ намъ лишь возможность угадать приблизительное ихъ положеніе.

Намъ кажется вѣроятнымъ, что Ἄγαρος ποταμός совпадаетъ съ нынѣшней Бердой, что Ἄλσος Ἁλίευμα Θεοῦ лежитъ въ бухтѣ подъ Бѣлосарайской косой. Можетъ быть, Λύκος ποταμός—нынѣшній Калміусъ, Ὑγρεῖς πόλις лежитъ близъ нынѣшней Кривой косы, Πόριτος ποταμός — нын. Міусъ. Наконецъ, возможно, что Καροία κώμη нужно искать около Таганрога. Такъ опредѣляютъ эти пункты большинство изслѣдователей, но прямыхъ доказательствъ въ пользу правильности этихъ опредѣленій мы привести не можемъ, такъ какъ одинъ только Птолемей называетъ искомые пункты, а его показанія явно невѣрны. Правда Appian. Mithrid. 88 называетъ Ἄγαροι σκυθικὸν ἔθνος; Dioscorid. III, 1 — сарматскую область Ἀγαρία; Плиній VI, 7,20 упоминаетъ о народности Cares близъ устьевъ Дона; но эти имена ничего намъ не даютъ, такъ какъ не сопровождаются болѣе точными географическими указаніями. А Геродотовы рѣки Λύκος, Ὄαρος, Σύργις, впадающія въ Мэотиду (IV, 123) и Ὕργις, притокъ Дона (IV, 57, ср. Ὑγρεῖς πόλις Ptol.) лишь затемняютъ вопросъ.

Подчиняясь хронологіи историческихъ извѣстій, мы начали разборъ Сарматіи съ юга. Между послѣднимъ и балтійскимъ побережьемъ — исходной точкой нашего изслѣдованія — лежитъ не только этнологическій, но и значительный хронологическій пробѣлъ, обнимающій около пяти столѣтій. Мы восполнили этотъ пробѣлъ, прослѣдивъ исторію степной этнологіи отъ начала тра-

диціи до того момента, когда приподнимается завѣса, покрывавшая сѣверъ.

Въ Черноморьѣ скиѳовъ замѣнили сарматы: ихъ кочевья занимаютъ широкую степную полосу надъ Понтомъ отъ Днѣстра до Каспія. Надъ ними, въ глуши средне-русскихъ лѣсовъ, тѣснятся финскія племена, къ которымъ на западѣ — повидимому, по всей линіи отъ степей до Финскаго залива — примыкаетъ славяно-балтійское племя.

Гдѣ проходитъ граница, отдѣлявшая здѣсь индоевропейскій міръ отъ финскаго?

Вполнѣ точный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать только «языкъ земли», географическая номенклатура. Довѣріе къ номенклатурному методу изслѣдованія историко-этнологическихъ вопросовъ было недавно нѣсколько поколеблено у насъ работою Филевича (Исторія древней Руси, Варшава 1896). Дѣйствительно, книга эта страдаетъ нѣкоторыми существенными недостатками: прежде всего, сбивчивой и, отчасти, прямо невѣрной постановкой основнаго вопроса; затѣмъ, невѣрнымъ примѣненіемъ метода въ томъ смыслѣ, что онъ привлекается съ цѣлью доказать предвзятую мысль. Но, рядомъ съ этимъ, книга Филевича имѣетъ и свои очень важныя заслуги: она напомнила нашимъ историкамъ и этнологамъ о блестящей иниціативѣ Надеждина, она энергично и краснорѣчиво указала на необходимость номенклатурныхъ изслѣдованій и, собравъ богатый матеріалъ, даже своими промахами доказала важность такихъ работъ. Если мы и не можемъ согласиться съ методическими пріемами и обусловленными ими выводами Филевича, то мы, тѣмъ не менѣе, примыкаемъ къ нему въ твердомъ убѣжденіи, что номенклатурнымъ работамъ принадлежитъ будущность русской историко-этнологической науки: онѣ однѣ нарисуютъ намъ ясную этнографическую карту древней Руси, онѣ однѣ дадутъ намъ возможность въ точности прослѣдить завоевательное и колонизаціонное движеніе русскихъ на сѣверъ, востокъ и югъ.

Первымъ и существеннѣйшимъ условіемъ успѣшнаго хода

такихъ работъ является полный географическій словарь Россіи — pium desiderium не однихъ только географовъ. До выполненія этой главной задачи лучше отложить всѣ номенклатурныя работы: онѣ дали бы только отрывочныя и, по существу, ненадежные выводы.

Намѣченная задача навязывается намъ современнымъ положеніемъ нашей науки съ непреодолимой силой. За какой историко-этнологическій вопросъ мы бы ни брались — всюду мы, въ концѣ концевъ, наталкиваемся на географическую номенклатуру и останавливаемся передъ неразгаданнымъ еще языкомъ земли. Историческій — въ узкомъ смыслѣ слова — матеріалъ болѣе или менѣе исчерпанъ; онъ, во всякомъ случаѣ, разработанъ настолько, что можетъ быть непосредственно примѣненъ къ рѣшенію вопросовъ номенклатуры. Мы уже имѣемъ нѣсколько хорошихъ примѣровъ успѣшной разработки номенклатурнаго матеріала въ связи съ исторіей соотвѣтствующаго края: вспомнимъ объ Очеркахъ русской исторической географіи Барсова (1873, [2]1885) и, въ особенности, о книгѣ Биленштейна (Die Grenzen des lettischen Volksstammes 1892). Но какъ ни полезны, какъ ни поучительны такого рода работы — онѣ отрывочны и неполны; ихъ выводы подлежатъ провѣркѣ, которую можетъ дать только полный географическій словарь.

Послѣдній долженъ быть построенъ на возможно широкомъ основаніи; въ него должны войти не только списки населенныхъ мѣстъ, но и названія урочищъ, пустошей, горъ и холмовъ, долинъ и балокъ, озеръ, болотъ, рѣкъ, ручейковъ и т. д. и т. д. И не только современную номенклатурную сѣть долженъ регистрировать онъ, но исчерпать, по возможности, также номенклатурные источники прошлаго.

Только въ такомъ видѣ географическій словарь послужитъ прочнымъ фундаментомъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, неисчерпаемымъ источникомъ богатѣйшаго матеріала для географа, историка, этнолога, лингвиста.

Взяться за выполненіе этой задачи должны, прежде всего,

филологи-лингвисты, притомъ представители различнѣйшихъ отраслей лингвистическаго знанія, которые сообща выработаютъ подробный планъ какъ подготовительныхъ работъ, такъ и самого словаря. Не имѣемъ-ли мы право надѣяться, что наше высшее ученое учрежденіе пойдетъ на встрѣчу указанной потребности нашей науки, что недалеко то время, когда, подъ эгидою нашей Академіи Наукъ, осуществится завѣтная мечта всѣхъ насъ, работающихъ въ этой области?

Возвращаясь къ вопросу, который нами поставленъ выше, т. е. къ вопросу о границѣ, отдѣлявшей въ доисторическую эпоху финскій міръ отъ славяно-балтійскаго, намъ кажется, что вѣрное рѣшеніе его, въ общей формѣ, уже намѣчено немногими изслѣдованіями, имѣющимися въ нашей наукѣ.

Надеждину (Опытъ 53) принадлежитъ заслуга перваго указанія на то, что на югѣ границею служило теченіе Днѣпра: всѣ лѣвые притоки его, за исключеніемъ Десны, носятъ финскія названія, въ противуположность къ правымъ съ названіями чисто славянскими.

Послѣ него, Барсовъ въ своихъ Очеркахъ 54 прослѣдилъ, на основаніи номенклатурнаго матеріала, распространеніе финновъ на западъ до Смоленской губерніи включительно. Далѣе на сѣверъ, по направленію къ Ильменю и Чудскому озеру, слѣды пока теряются: ихъ выведетъ на свѣтъ географическій словарь. Всего вѣроятнѣе, что граница на всемъ своемъ протяженіи до степей совпадала, въ общемъ, съ меридіаномъ 0° Пулк. Между нимъ, Вислою и Карпатами мы ищемъ колыбель славянскаго міра. Единственно-мыслимую естественную границу славянской прародины на юго-западѣ составляютъ Лѣсныя Карпаты, за которыя славяне едва-ли заходили когда-нибудь въ доисторическое время.

Но когда во II в. до Р. Хр. прикарпатскій край освѣщается первыми лучами исторіи, то славянъ на Карпатахъ уже не было: они оттѣснены на востокъ, и мы, кажется, еще въ состояніи опредѣлить, въ общихъ очертаніяхъ, время и причины

этого передвиженія и установить, такимъ образомъ, terminus a quo исторіи славянскаго міра.

Геродотъ IV, 105 повѣствуетъ о томъ, что невры, въ которыхъ мы узнали предковъ славянъ, за одно поколѣніе до похода Дарія на скиѳовъ должны были покинуть свою страну, принужденные къ этому громаднымъ количествомъ змѣй, которыя отчасти народились въ ихъ-же землѣ, но, главнымъ образомъ, явились съ сѣвера, изъ пустынныхъ земель надъ ними (ἄνωθέν σφι ἐκ τῶν ἐρήμων ἐπέπεσον). Геродотъ прибавляетъ, что они двинулись на востокъ и поселились въ странѣ будиновъ (οἴκησαν μετὰ Βουδίνων).

Мы не имѣемъ права не довѣрять этому преданію, представляющемуся намъ въ столь опредѣленной, хотя и нѣсколько легендарной формѣ. Очистивъ его отъ фантастическихъ прикрасъ, мы получимъ крупный историческій фактъ, подтверждаемый побочными соображеніями.

Неоднократно въ наукѣ уже высказывался взглядъ, что въ змѣяхъ неврскаго преданія слѣдуетъ видѣть враговъ, напавшихъ на землю невровъ съ сѣвера. Мы присоединяемся къ этому мнѣнію и думаемъ, что на невровъ дѣйствительно произвели давленіе какіе-то сѣверные варвары, заставившіе часть ихъ покинуть родину.

Выселилась, однако, именно только часть, такъ какъ Геродотъ знаетъ еще главную массу народа надъ скиѳами оратаями въ области Припети, см. выше стр. 73.

Переселеніе шло на востокъ, «къ будинамъ», говоритъ Геродотъ. Но вѣдь страна будиновъ лежитъ далеко на востокѣ за Дономъ, по очень ясному опредѣленію того-же Геродота IV, 21. Чтобы добраться до нихъ, переселенцамъ неврамъ пришлось бы пройти разстояніе въ 800 слишкомъ верстъ, черезъ земли, занятыя иноплеменными народностями, андрофагами, меланхленами. Очевидно, что передъ нами какое-то недоразумѣніе: будины неврскаго преданія не могутъ совпадать съ будинами за Дономъ; первыхъ мы, безъ сомнѣнія, должны искать много за-

паднѣе и допустить, что географическій горизонтъ Геродота обнимаетъ двѣ народности этого наименованія.

Такое предположеніе, само по себѣ, вполнѣ возможно, если мы вспомнимъ о частомъ повтореніи однихъ и тѣхъ-же этническихъ названій въ предѣлахъ одной и той-же племенной группы. Въ данномъ же случаѣ оно до очевидности подтверждается разсказомъ Геродота о походѣ Дарія.

Дарій дошелъ, по преданію, до страны будиновъ (IV, 122 ss.), сжегъ ихъ деревянный городъ и достигъ, наконецъ, пустыни, лежащей надъ будинскою землею; здѣсь онъ расположился лагеремъ на берегу Оара-Волги и началъ строить 8 большихъ стѣнъ (τείχεα μεγάλα). Не окончивъ, однако, эту постройку, онъ вновь отправился въ погоню за скиѳами, прошелъ земли меланхленовъ, андрофаговъ и невровъ, пока, наконецъ (IV, 128), скиѳы не измѣнили свою тактику и, совершенно истощивъ персидское войско, не перешли къ наступленію. Съ трудомъ добрался Дарій до Истра, потерпѣвъ страшный уронъ.

Вся обстановка, въ которой происходитъ походъ, уже сама по себѣ внушаетъ намъ нѣкоторое недовѣріе къ разсказу Геродота; но въ легендарности его мы убѣждаемся вполнѣ, когда узнаемъ, что весь походъ длился не многимъ дольше двухъ мѣсяцевъ: Дарій находится уже на обратномъ пути, онъ уже успѣлъ пройти черезъ земли меланхленовъ, андрофаговъ и невровъ, — а, между тѣмъ, назначенный имъ іонійцамъ срокъ въ 60 дней еще не истекъ (с. 133), не смотря на то, что персидское войско состоитъ главнымъ образомъ изъ пѣхоты (с. 136: τοῦ Περσικοῦ... τοῦ πολλοῦ ἐόντος πεζοῦ στρατοῦ).

Несостоятельность разсказа Геродота давно уже была замѣчена въ наукѣ (Kolster, Müllenhoff DA III, 3 ss. и друг.). Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что мы имѣемъ дѣло съ мѣстнымъ, скиоскимъ преданіемъ; весь вопросъ только въ томъ, какъ оно создалось. Мюлленгофъ l. c. 6 видитъ исходный пунктъ легенды въ томъ, что какіе нибудь поражавшіе своей величиной земляные валы близъ Волги ставились въ связь

съ походомъ Дарія, т. е. сооруженіе ихъ стало приписываться этому царю, вслѣдствіе чего и возникла легенда о томъ, что Дарій дошелъ до Волги. Намъ думается, однако, что этого недостаточно: гораздо болѣе правдоподобный исходъ найдемъ мы, если допустимъ двойное пріуроченіе имени будиновъ, которое предполагается и преданіемъ о выселеніи невровъ. Страну западныхъ будиновъ мы должны искать близь Днѣпра, въ сосѣдствѣ съ Невридою. До Борисѳена Дарій могъ дойти въ указанный Геродотомъ промежутокъ времени; позднѣйшее-же скиѳское преданіе, замѣнивъ будиновъ западныхъ на Днѣпрѣ восточными за Дономъ, растянуло походъ персовъ до Волги.

Подобную-же гипотезу о двойственности локализаціи имени будиновъ предложилъ, для объясненія неврскаго преданія, уже Томашекъ 5. Невѣрна лишь его ссылка на Птолемея; для оправданія нашей гипотезы совершенно достаточно разсказа Геродота, въ особенности, если мы прибавимъ къ этому, что у Страбона VII, 3, 14 мѣсто дѣйствія Даріева похода — только «гетская пустыня» между Дунаемъ и Днѣстромъ: по Страбону Дарій не дошелъ даже до Днѣпра. Что-же касается Птолемея, то мы уже знаемъ, что его этнологическая картина центральной Сарматіи скомпанована настолько произвольно, что строить на ней какіе бы то ни было выводы представляется невозможнымъ. Форма Βωδινοί большинства рукописей (al. Βοδινοί) ничего не доказываетъ; это несомнѣнно тѣ-же будины Геродота.

Останавливаясь на днѣпровскихъ будинахъ, мы должны признать и въ нихъ также финскую народность, вслѣдствіе полнаго тожества ихъ имени съ несомнѣнно финскими будинами на востокѣ. Имѣя въ виду возможность производства ихъ имени отъ *wud «вода» (выше стр. 85), мы невольно вспоминаемъ о «рѣчной области», въ которой лежитъ «градъ Днѣпра», т. е. Кіевъ (ср. выше стр. 8), а эта «рѣчная» область несомнѣнно совпадаетъ съ «водною страною», Oium (готск. *Aujōm) Іордана IV, 27, которую занимаютъ пришедшіе съ сѣвера готы. Намъ придется подробно разобрать всѣ относящіяся сюда данныя въ

одной изъ послѣдующихъ частей нашего изслѣдованія; намъ подтвердится тогда высказанное впервые Вигфуссономъ и поддержанное Веселовскимъ мнѣніе, что «градъ Днѣпра» скандинавскаго преданія есть именно Кіевъ, и мы выяснимъ, что большая рѣка, черезъ которую должны были перейти готы (Iord. ibid.), можетъ быть только Днѣпромъ. Чтобы не отвлекаться въ сторону, мы довольствуемся указаніемъ на этотъ конечный выводъ и воспользуемся имъ для опредѣленія земли днѣпровскихъ будиновъ: ее слѣдуетъ искать на среднемъ Днѣпрѣ, притомъ на лѣвомъ его берегу, такъ какъ правый уже былъ въ рукахъ невровъ. Выселеніе послѣднихъ въ страну будиновъ означаетъ, слѣдовательно, лишь переходъ ихъ черезъ Днѣпръ, подъ Кіевомъ, въ область Десны.

Мы указали выше стр. 242, что изъ лѣвыхъ притоковъ Днѣпра одна только Десна носитъ чисто славянское имя. Не указываетъ-ли и это обстоятельство на раннее заселеніе ея береговъ славянами? Въ именахъ притоковъ Десны вновь ясно выступаетъ финскій характеръ; въ одномъ изъ нихъ, именно въ Нерусѣ, впадающей въ Десну подъ Трубчевскомъ, прямо сохраняется память о древней мери. Это, конечно, не «не-русская рѣка», какъ понималъ ее Надеждинъ 54: переходъ *мер- въ Нер- здѣсь такой-же, какъ въ Нерской рѣчкѣ (на границѣ Владимірской и Рязанской губ.), которую лѣтопись подъ 1176 г. называетъ еще «Мерскою», ср. Барсовъ 54. Если наша догадка вѣрна, то поселенія невровъ на Деснѣ — эта первая по времени колонія славянъ внѣ древнѣйшей прародины — врѣзывались клиномъ въ сплошную финскую массу. Это могло бы также объяснить намъ, почему Геродотъ не упоминаетъ о нихъ.

Такъ какъ время этого передвиженія славянъ опредѣляется второю половиною VI вѣка, то остается спросить, чѣмъ оно могло быть вызвано.

Намъ кажется, что сопоставленіе фактовъ, намъ уже извѣстныхъ, дастъ удовлетворительный отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Мы видимъ непосредственную причину выселенія части

невровъ въ появленіи бастарновъ по сю сторону Вислы и Карпатъ, относящемся приблизительно къ тому-же самому времени, ср. выше стр. 105. Во всякомъ случаѣ, бастарнами, именно, славяне были отодвинуты отъ своихъ естественныхъ границъ— Лѣсныхъ Карпатъ. Это доказывается не только приведеннымъ выше стр. 173 фактомъ заимствованія славянами имени Карпатъ въ германской формѣ *Harȝáp- (resp. *Horȝáp-), но еще болѣе тѣмъ, что славяне заимствовали у германцевъ-же обозначеніе для кельтовъ-волоховъ. Еслибы они, т. е. славяне, въ моментъ занятія сѣверной Венгріи кельтами, стояли еще на Карпатахъ, то они несомнѣнно имѣли бы свое туземно-славянское слово для обозначенія своихъ новыхъ сосѣдей. Этотъ-же фактъ лишній разъ доказываетъ, что бастарны заняли сѣверную Галицію до прихода кельтовъ. Можетъ быть, въ броженіи среди кельтовъ центральной Германіи, несомнѣнно значительно предшествовавшемъ великимъ завоевательнымъ движеніямъ ихъ на востокъ, слѣдуетъ видѣть конечную причину передвиженія бастарновъ, отразившагося на выселеніи невровъ-славянъ въ область Десны.

Переходя теперь на сѣверъ, къ берегамъ Балтійскаго моря, мы снова можемъ воспользоваться данными Птолемея, свѣдѣнія котораго и здѣсь также довольно точны, по крайней мѣрѣ поскольку они относятся къ географическимъ контурамъ края.

Береговая линія, идущая отъ Вислы на востокъ, совершенно правильно поворачиваетъ на сѣверъ у устья Хроноса — Нѣмана (см. первую карту). Данное нами на стр. 31 пріуроченіе птолемеевыхъ рѣкъ къ современной картѣ вполнѣ подтвердится, если мы примѣнимъ и здѣсь также расчетъ разстояній. Отъ Vistula до Chronos по Птолемею 241,7 верстъ. Если мы отъ устья Вислы (подъ Данцигомъ) пройдемъ по берегу на востокъ, то 242-ая верста приведетъ насъ къ устью Куришгафа, которое до извѣстной степени можетъ считаться устьемъ Нѣмана въ море. Полная точность вычисленія Птолемея, въ данномъ случаѣ, не

должна насъ удивлять: именно эта часть балтійскаго побережья, мѣсто добыванія янтаря, наиболѣе часто посѣщалась купцами съ юга. Послѣдніе проходили, однако, и дальше, что явствуетъ изъ дальнѣйшихъ данныхъ Птолемея.

Отъ Хроноса до Рудона 168,8 верстъ: подъ Рудономъ, очевидно, слѣдуетъ разумѣть Виндаву, отстоящую отъ устья Куришгафа приблизительно на 182 версты. Дальше на сѣверо-востокъ въ 191,8 в. слѣдуетъ Turuntos = нынѣшняя Двина, устье которой находится приблизительно въ 205 верст. по берегу отъ Виндавы. Рижскаго залива Птолемей не отмѣчаетъ; его источники давали ему, очевидно, лишь разстоянія между устьями наиболѣе значительныхъ рѣкъ, по которымъ совершалась торговля съ внутренней страной.

Послѣдняя рѣка, извѣстная Птолемею на сѣверѣ,—Chesinos, въ 142,2 версты отъ Турунта: это нынѣшняя Пернава, устье которой отстоитъ отъ Двины на 145 верстъ. Географическія знанія древнихъ доходили, слѣдовательно, до Эстляндіи.

Приступая теперь къ выясненію этнологіи прибалтійскаго края, мы стоимъ передъ однимъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ русской этнологіи вообще. Онъ интересуетъ насъ, однако, не во всемъ своемъ объемѣ, и мы можемъ ограничиться опредѣленіемъ общаго географическаго отношенія славяно-балтійцевъ къ финскому міру съ одной, къ германцамъ съ другой стороны.

На первый изъ этихъ вопросовъ Биленштейнъ въ своей образцовой работѣ, о которой мы упомянули выше стр. 241, уже далъ вполнѣ убѣдительный отвѣтъ, окончательно доказавъ хронологическое первенство индоевропейскихъ айстовъ передъ финнами въ интересующемъ насъ краѣ (стр. 348 сл.), послѣ того, какъ уже Ширренъ, а за нимъ Коскиненъ [1]) высказали и отчасти обосновали ту-же мысль. Возраженія Бецценбергера [2]),

1) C. Schirren, Nachrichten der Griechen und Römer über die östlichen Küstenländer des baltischen Meeres, Riga. 1852. — Y. Koskinen, Sur l'antiquité des Lives en Livonie (Actes de la Société des Sciences de Finlande), Helsingfors 1866.

2) A. Bezzenberger, Bemerkungen zu dem Werke von A. Bielenstein über

касающіяся, впрочемъ, лишь сѣверовосточной части прибалтійскаго края, не только не опровергаютъ этихъ выводовъ, но скорѣе подтверждаютъ ихъ, такъ какъ результаты работы Томсена, на которые онъ ссылается, нисколько не противорѣчатъ положеніямъ Биленштейна; напротивъ того, лишь со стороны этихъ положеній выводы Томсена получаютъ надлежащее освѣщеніе.

Въ той части нашего изслѣдованія, которую мы посвятимъ спеціальному изученію доисторическихъ взаимоотношеній прибалтійскихъ народовъ, поскольку они выясняются заимствованіями въ области языка, мы должны будемъ вернуться къ этому вопросу. Теперь же намъ важно лишь установить исходную точку для дальнѣйшихъ нашихъ соображеній.

Мы можемъ воспользоваться выводами Биленштейна, однако, только въ томъ случаѣ, если вторженіе куроновъ и вообще начало передвиженій финновъ на югозападъ относятся ко времени болѣе позднему, чѣмъ Птолемей. Дѣйствительно, къ такому выводу приводитъ насъ сопоставленіе всѣхъ данныхъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, приведутъ впослѣдствіи и факты лингвистическихъ заимствованій. Коскиненъ 9.22 относилъ появленіе финновъ на берегахъ Балтійскаго моря лишь къ VIII вѣку по Р. Хр. Къ нѣсколько иному опредѣленію пришелъ Куникъ (см. его примѣчаніе на стр. 494 сл. книги Биленштейна), но и по его мнѣнію также финны появились въ Курляндіи и Лифляндіи лишь послѣ того, какъ готы покинули свои земли на Вислѣ. Въ дальнѣйшемъ намъ, можетъ быть, удастся опредѣлить это движеніе еще точнѣе.

Въ айстахъ Тацита и другихъ писателей этнологи уже давно узнали общее названіе всей балтійской группы, перешедшее впослѣдствіи къ чудскому населенію нашей Эстляндіи. Этотъ переходъ — фактъ немаловажный, доказывающій, что въ айст-

---

die ethnologische Geographie des Lettenlandes (Bulletin de l'Acad. Imp. des Sciences à St. Pétersbourg, Nouvelle Série IV [XXXVI], 1895, p. 502 ss).

скую область входила нѣкогда и часть южнаго побережья Финскаго залива, такъ какъ подобный переходъ въ значеніи имени необходимо предполагаетъ прямую географическую преемственность: эстляндская чудь могла получить новое наименованіе лишь какъ прямая преемница айстовъ во вновь занятыхъ земляхъ.

Когда, именно, произошла эта замѣна — для насъ безразлично, какъ безразлично и рѣшеніе вопроса, откуда взялось названіе айстовъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не протестовать, съ точки зрѣнія лингвистики, противъ этимологіи, предлагаемой Куникомъ и повторенной Биленштейномъ (373 и примѣч.[2]), по которой слово «айсты» содержитъ въ себѣ лишь географическое опредѣленіе, обозначая «людей, живущихъ на востокѣ». Дифтонгъ ai-, ae- никоимъ образомъ не можетъ быть «испорченъ (Entartung)» изъ au-; наоборотъ, aust- (поздн. ōst-) вм. aist- подсказывается германскою народною этимологіей. Не подлежитъ сомнѣнію, что такимъ, именно, путемъ возникли формы Eástland, Éste, употребляемыя Вульфстаномъ у Эльфреда Великаго Oros. I, 1,20, тогда какъ aist- должно было дать агс. *ást, а aisti-> *ǽste-. Скандинавы еще долго удерживаютъ правильныя древнія формы Eistir, Eistland, рядомъ съ народно-этимологическимъ Eystir, Eystland (цитаты см. DA. II, 15 not.[2]). Можетъ быть, правъ Мюлленгофъ l. c. 30, ставя имя айстовъ въ связь съ готск. aistjan «aestimare» и указывая, для объясненія, на характеристику ихъ у Iord. 5,36: Aesti... pacatum hominum genus omnino; ср. то, что Адамъ Бременскій IV, 18 говоритъ о жителяхъ Самландіи и о пруссахъ: Sembi vel Pruzzi homines humanissimi.

Какъ бы то ни было, названіе это служило нѣкогда къ обозначенію всей балтійской группы. Ср. Tacit. Germ. 45 Aestiorum gentes; Iord. 23,120 Aestorum... natio, qui longissimam ripam Oceani Germanici insident.

Птолемей не знаетъ этого общаго имени, но за то онъ III, 5, 10 даетъ рядъ названій составныхъ частей группы: отъ

Вислы на востокъ, за венедами, населяющими ближайшую часть побережья одноименнаго съ ними залива, онъ называетъ Οὐέλται, за ними по берегу Ὄσσιοι, наконецъ, на крайнемъ сѣверѣ извѣстной ему земли (ἀρκτικώτατοι) Κάρβωνες. Кромѣ того, подъ этимъ рядомъ имъ указывается нѣсколько названій, которыя безъ сомнѣнія относятся къ той-же этнической группѣ, а именно (III, 5, 9) рядомъ съ готонами Γαλίνδαι καί Σουδινοί καί Σταυανοί, и подъ ними Ἰγυλλίωνες.

Принадлежность двухъ изъ этихъ народностей — галиндовъ и судиновъ—къ айстской семьѣ самоочевидна.

Γαλίνδαι, безъ всякаго сомнѣнія, голядь нашей лѣтописи, о которой послѣдняя упоминаетъ впервые подъ 1058 г., по поводу побѣды, одержанной надъ ними Изяславомъ, ср. Барсовъ 43. Въ XIII в. названіе Галиндіи пріурочивается къ окрестностямъ озера Спирдингъ въ нынѣшней восточной Пруссіи, (Zeuss 271, DA. II, 19), гдѣ названія Goldap (рѣка и городъ), Goldapgar (озеро), можетъ быть, еще сохраняютъ память о нихъ въ народно-этимологической передѣлкѣ. Но для географическаго опредѣленія галиндовъ въ интересующую насъ эпоху эти данныя ничего не доказываютъ, такъ какъ они отражаютъ уже значительно болѣе позднее положеніе дѣла. Не подлежитъ сомнѣнію, что все айстское племя передвинулось на югъ передъ надвигавшимися съ сѣверовостока финскими эстами и ливами-куронами. Для галиндовъ мы предполагаемъ, поэтому, болѣе сѣверную родину: можетъ быть, они сидѣли въ началѣ христіанскаго лѣтосчисленія непосредственно за Прегелемъ, въ Самландіи, гдѣ нѣсколько мѣстныхъ названій (Goldbach, Goldschmiede, Galtgarben) могли бы быть такого-же происхожденія, какъ Goldap далѣе на югъ.

Во всякомъ случаѣ, галинды были нѣкогда передовою на западѣ айстскою народностью и ближайшими сосѣдями готовъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ не только Птолемей, ставящій эти двѣ народности рядомъ, но и поразительный фактъ сохраненія

собственнаго имени Galindo у вестготовъ въ Испаніи (ср. DA. II, 19)[1]).

Не менѣе ясны сосѣди галиндовъ, судины Птолемея: ихъ имя (въ формѣ Sudowenses, Sudowitae; Sudauen) сохранилось впослѣдствіи какъ названіе области, примыкающей съ востока непосредственно къ землѣ галиндовъ и тянущейся до Нѣмана, который составлялъ ихъ восточную границу (Zeuss, DA. l. c.). Порядокъ, котораго Птолемей придерживается при перечисленіи, оказывается, слѣдовательно, вѣрнымъ.

Переходя къ восточнымъ и сѣвернымъ сосѣдямъ судиновъ, мы уже теряемъ твердую почву подъ ногами.

Имя ставановъ не повторяется ни въ средневѣковой ни въ новѣйшей географической номенклатурѣ. Съ другой стороны, однако, само имя не подаетъ поводовъ къ сомнѣнію въ айстскомъ его происхожденіи; а въ пользу принадлежности этого народа къ айстской, именно, семьѣ говоритъ то обстоятельство, что Птолемей связываетъ его съ галиндами и судинами въ одну группу.

Поморяне Οὐέλται, Ὄσσιοι и Κάρβωνες сами по себѣ совершенно неясны. Во всякомъ случаѣ, Οὐέλται не можетъ быть опискою вм. Λετούαι, какъ полагалъ Мюлленгофъ DA. II, 24[2]), а Ὄσσιοι не могутъ имѣть ничего общаго съ островомъ Oesel'емъ (Osilia), какъ думалъ Zeuss 270[3]).

Что касается перваго изъ этихъ именъ, то намъ кажется почти необходимымъ измѣненіе его въ *Οὐένται. Съ точки зрѣ-

1) Собственныя личныя имена, повторяющія названіе сосѣдняго народа, встрѣчаются у германцевъ чрезвычайно часто, напр. Sido, князь квадовъ, Tacit. Ann. XII, 30, ср. бастарнскихъ Sidones выше стр. 116; Semno Zosim. I, 67, ср. Semnones; норвежск. JuþingaR (рунич. надпись изъ Reidstad'a), ср. Juthungi ниже; герульскій предводитель Ἄρουθ < *Haruþ ср. Harudes въ Ютландіи (см. ниже); вандалъ Ambri (см. ниже) ср. амброновъ, выше стр. 158; Ἴγιλλος (см. стр. 253) и множество другихъ. Ср. также такія имена, какъ готск. Vinitharius и его сынъ Vandalarius Jord. 14, 79 и passim, изъ *Vinida-hari и *Vandala-hari.

2) Древнѣйшая форма Lātawa. См. Куникъ, у Биленштейна, стр. 485 сл.

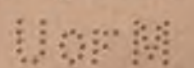
3) Oesel <дрсѣв. Eysýsla, см. DA. II, 350.

нія палеографіи, описка Λ вм. N объясняется легко. А что эта поправка болѣе чѣмъ вѣроятна, докажетъ нашъ экскурсъ о вентахъ-венедахъ въ нижеслѣдующемъ.

Если принимаемое нами чтеніе Ὄσσιοι (Müller Ὄσιοι, al. Ὄσιοι, Σόσσιοι) вѣрно, то можно бы сопоставить это имя съ названіемъ двухъ рѣкъ Ossa: одна изъ нихъ притокъ Вислы, другая—притокъ Laukne, впадающей въ Куришгафъ къ югу отъ Нѣмана, ср. DA. II, 350. Но какіе бы то ни было, выводы изъ этого сопоставленія невозможны по той-же причинѣ, по которой средневѣковая Галиндія едва-ли совпадаетъ съ древнѣйшей родиной этого народа.

Карбоновъ Птолемей помѣщаетъ на крайній сѣверъ, т. е. за Пернаву, въ Эстляндію. Это было бы ясно, даже еслибъ онъ не прибавилъ къ ихъ имени опредѣленіе ἀρκτικώτατοι. Его этническая цѣпь обрывается, конечно, тамъ, гдѣ кончается извѣстная ему земля, т. е. верстахъ въ 200 за Пернавой. Здѣсь, именно, въ Эстляндіи и нужно искать его карбоновъ. Но въ пользу ихъ принадлежности къ айстской семьѣ мы можемъ сослаться лишь на то, что мы сказали выше стр. 249 сл. о вѣроятной принадлежности Эстляндіи къ первоначальной родинѣ айстовъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о южныхъ сосѣдяхъ галиндовъ, игилліонахъ. Если мы вычеркнемъ на картѣ Птолемея финновъ, отдѣляющихъ игилліоновъ отъ Вислы, но оказавшихся здѣсь лишь по недоразумѣнію, то игилліоны по необходимости придвинутся къ Вислѣ, гдѣ они окажутся въ ближайшемъ сосѣдствѣ бургундовъ: одна только Висла отдѣлитъ ихъ отъ послѣднихъ. Что это пріуроченіе вѣрно, доказывается тѣмъ фактомъ, что у бургундовъ, именно, сохранилась память о нихъ въ собственномъ имени Ἴγιλλος: такъ называется одинъ изъ предводителей (ἡγούμενος) бургундо-вандальскаго отряда, съ которымъ столкнулся во второй половинѣ III в. императоръ Пробъ, Zosim. I, 68. То-же имя (въ формѣ Igila) повторяется у остготовъ въ Италіи, гдѣ мы находимъ его въ одной изъ подписей подъ извѣстною Неаполитанскою купчею крѣпостью. Оно не

имѣетъ ничего общаго съ Igo, Igmar, Igulf, стоящими за Ingo, Ingmar и т. д., тогда какъ рядомъ съ Igila нѣтъ ни одного восточно-германск. *Ingila. Встрѣчаемый у Goldast'а II, a, 116 (PN. 89) Ingilo несомнѣнный алеманнъ, на что указываетъ уже форма окончанія. Его не слѣдуетъ также смѣшивать съ готск. Agila, позднѣе Egila, особенно часто встрѣчаемымъ у вестготовъ въ VI—IX вѣкахъ, см. напр. Dietrich 31 not., PN. 22 s. Въ Ἴγϊλλος мы имѣемъ, кажется, дѣло съ такимъ же явленіемъ, какъ въ Sido, Semno, *Harud и др.

Вопросъ о принадлежности ихъ къ айстской этнической группѣ долженъ остаться открытымъ, такъ какъ мы никакихъ положительныхъ данныхъ для его рѣшенія не имѣемъ. По ихъ географическому положенію это вѣроятно, но не болѣе.

И такъ, мы полагаемъ, что все побережье балтійскаго моря было занято, въ эпоху Птолемея, айстскимъ, т. е. лито-латышскимъ племенемъ, вплоть до финскаго залива на сѣверѣ, а на востокѣ до той линіи, пока еще неопредѣлимой, по которой къ айстамъ примыкали финны. На западъ отъ Прегеля до Вислы обитаютъ между проч. и готы (ср. выше стр. 31 сл.). Но господство послѣднихъ простиралось, несомнѣнно, и дальше на востокъ. Прямые слѣды его укажетъ, со временемъ, разборъ географической номенклатуры этого края. Единичные попытки въ этомъ направленіи не дали и не могли дать надежныхъ результатовъ [1]), и мы, поэтому, не считаемъ возможнымъ входить

1) Я имѣю въ виду, напр., примѣчаніе Grewingk'а въ Sitzungsberichte der gel. estn. Gesellsch. 1885 (Dorpat 1886) p. 311. Здѣсь авторъ, со словъ Биленштейна, приводитъ 16 географическихъ названій Курляндіи, въ которыхъ, по его мнѣнію, слышится имя готовъ (Gudi), какъ-то Gudeni, Gudinji, Gudeneeki, Gûdi и т. под. Эти названія разсѣяны по всей Курляндіи и доходятъ до Двины.—Я не берусь рѣшать вопросъ, находятся-ли они въ связи съ именемъ готовъ. Такой авторитетный знатокъ дѣла, какъ Бецценбергеръ, въ докладѣ, читанномъ на Рижскомъ археологическомъ съѣздѣ 1896 г., высказался противъ связи лито-лат. *guda- («бродяга, бурлакъ», недругъ) съ готами, см. Археол. Изв. и Зам. изд. Импер. Моск. Археол. Общ. т. IV (1896) стр. 299. Предлагаемая имъ собственная этимологія этого слова (отъ русск. гуда, гудѣть), однако, еще менѣе удовлетворяетъ. Накопленіе указанныхъ географическихъ

теперь же въ обсужденіе такихъ вопросовъ, какъ о происхожденіи названій, въ родѣ Goldingen и т. под.

Сильное культурное воздѣйствіе готовъ — именно готовъ, а не скандинавовъ, опредѣлившихъ лишь послѣдующій культурный слой — на весь прибалтійскій край давно уже выяснилось на почвѣ языка, главнымъ образомъ благодаря извѣстнымъ работамъ Томсена, къ которымъ мы прибавимъ еще остроумныя замѣчанія Куника [1]), къ сожалѣнію, разсѣянныя по разнымъ изданіямъ и не дающія, поэтому, цѣльныхъ выводовъ. Мы должны однако, подчиняясь общему плану нашей работы, уклониться, пока, отъ обсужденія и этого вопроса, приберегая его для одной изъ слѣдующихъ частей нашего изслѣдованія. Оставаясь на почвѣ матеріала, намѣченнаго къ обслѣдованію въ предлагаемой книгѣ, мы можемъ привести къ выясненію занимающаго насъ вопроса лишь одно соображеніе.

Въ готскихъ преданіяхъ VI вѣка, сохранившихся у Іордана 23,116, въ составъ царства Эрманарика входилъ между проч. народъ, который у Іордана называется Thiudos Inaunxis (al. inauxis, inaunxes etc.), т. е., повидимому, «in Aunxis»: это — чудь между Ладожскимъ и Онежскимъ озерами (Aunuksen-maa), какъ уже въ 1862 г. догадался Коскиненъ 20, мнѣніе котораго было принято Мюлленгофомъ, Томашкомъ и друг. Готское преданіе приписываетъ покореніе этой чуди Эрманарику, т. е. относитъ его къ самому концу второго періода готской исторіи. Но едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что въ этомъ имени сохранился отзвукъ факта перваго періода, т. е. того времени, когда центръ тяжести готской власти лежалъ на нижней Вислѣ. Готская политика *второго* періода тяготѣла на югъ, а не на сѣверъ.

названій именно въ Курляндіи заставляетъ насъ задуматься и, по меньшей мѣрѣ, считать вопросъ открытымъ впредь до болѣе широкихъ и систематичныхъ номенклатурныхъ изысканій.

2) Ср. напр. экскурсъ Куника о kiligunda, эстонск. kihlakond, финск. kihlakunta въ книгѣ Биленштейна стр. 273—275 прим.

Правда, мы не знаемъ, можемъ-ли мы вѣрить этому преданію, поскольку оно говоритъ о прямомъ *подчиненіи* чуди. Но во всякомъ случаѣ оно доказываетъ, что сфера готскихъ политическихъ и культурныхъ интересовъ обнимала въ эту эпоху и Приладожье; тѣмъ болѣе въ нее долженъ былъ входить прибалтійскій край.

Мы приступаемъ теперь къ послѣднему вопросу, подлежащему разсмотрѣнію въ этой части нашего труда: къ вопросу о томъ, когда и откуда явились готы въ низовья Вислы.

Готское преданіе, сохраненное Іорданомъ 4,25 ведетъ ихъ родъ изъ Скандинавіи: ex... Scandza insula quasi officina gentium aut certe velut vagina nationum cum rege suo nomine Berig Gothi quondam memorantur egressi. То-же преданіе носитъ болѣе легендарный характеръ у Іордана-же 17,94 сл.: они прибыли къ устью Вислы на трехъ корабляхъ, при чемъ третій корабль занимала та часть переселенцевъ, которая впослѣдствіи получила названіе гепидовъ, отъ готск. gepanta «лѣнивый»: корабль этотъ присталъ къ берегу послѣднимъ.

Здѣсь, въ устьѣ Вислы, жили до этого островные руги (Iord. 4,26; ср. выше стр. 29 и 32), которые теперь были вытѣснены новыми пришельцами. Гепиды заняли дельту Вислы (17,96), готы поселились на востокъ отъ нихъ, и ихъ область получила названіе Gothiscandza.

Если мы отбросимъ легендарную окраску, въ которой это преданіе является у Іордана, то передъ нами остается крупный и несомнѣнно историческій фактъ: готы не считали себя автохтонами прибалтійскаго края; они знали, что ихъ предки выселились сюда сравнительно поздно.

Принимая во вниманіе общую склонность всѣхъ народовъ считать себя автохтонами той страны, въ которой окрѣпло ихъ національное самосознаніе, мы должны видѣть въ сохраненіи, до VI вѣка, преданія о переселеніи извнѣ доказательство въ

пользу того, что переселеніе это дѣйствительно произошло сравнительно недавно и что на Вислу они явились уже какъ готовый народъ, консолидировавшійся, какъ таковой, уже въ предшествующій періодъ. А если готское преданіе дополняетъ свой разсказъ даже нѣкоторыми косвенными хронологическими указаніями, то у насъ нѣтъ повода отнестись къ нимъ съ апріорнымъ недовѣріемъ; наоборотъ, мы должны видѣть въ этихъ указаніяхъ новое подтвержденіе нашей гипотезы.

Дѣйствительно, Іорданъ даетъ такого рода указанія, притомъ въ такой формѣ, что они исключаютъ мысль о произвольномъ построеніи съ его стороны: они не могутъ быть придуманы имъ ad hoc, а взяты имъ, безъ всякаго сомнѣнія, изъ труда Кассіодора, который, съ своей стороны, почерпнулъ ихъ изъ устъ народа, хотя бы и не непосредственно.

Первый готскій царь, котораго помнитъ народное преданіе, это — Беригъ (Berig 4,25 s., Berich 17,94), при которомъ произошло переселеніе на нижнюю Вислу. Какова бы ни была этимологія этого имени, не подлежитъ сомнѣнію, что это готское личное имя: при дворѣ Аттилы живетъ ἀνὴρ τῶν λογάδων (т. е. отборный мужъ = ближній служилый, дружинникъ?) по имени Βέριχος, Prisc. 203. 209, въ которомъ мы смѣло можемъ видѣть одного изъ многочисленныхъ готскихъ дружинниковъ гунскаго царя [1]).

И такъ, при Беригѣ произошло выселеніе на Вислу. Занятіе новыхъ земель, борьба за существованіе въ новой родинѣ стерли изъ народной памяти воспоминанія о его предшественникахъ: ихъ именъ преданіе не сохранило.

Слѣдующій по времени крупный фактъ, сообщаемый Іорданомъ 4,27, это дальнѣйшее передвиженіе готовъ на югъ, фактъ, происшедшій уже на памяти исторіи: мы въ правѣ отнести его ко второй половинѣ II вѣка по Р. Хр. (см. ниже). Онъ совершился при царѣ Филимерѣ, сынѣ Гадарика Великаго (Fili-

1) Уже Мюлленгофъ сопоставляетъ его съ Berig'омъ. См. Index къ Iord. ed. Mommsen, p. 147, s. v.

mer filius Gadarigis 4,26; безъ имени отца 5,39; Filemer 4,28; Filimer... Gadarici magni filius 24,121). Оба имени носятъ чисто готскія формы (вульф. *Filumērs, *Gadareiks).

Всего важнѣе, однако, хронологическое указаніе: Филимеръ pene quintus rex regnans post Berig.

Къ сожалѣнію, Іорданъ выразился не совсѣмъ удачно. Нарѣчіе pene у него всегда имѣетъ значеніе «почти», ср. 32,166; 34,178; 55,282; Rom. 132. 143 et passim. Но что значитъ «почти пятый царь послѣ Берига»? Моммзенъ въ своемъ изданіи Іордана стр. 194 замѣчаетъ, что этотъ авторъ употребляетъ интересующее насъ нарѣчіе всегда, когда онъ протестуетъ противъ данныхъ своего источника, полагая, что послѣдній преувеличиваетъ тотъ или иной фактъ. Иначе говоря, имъ просто выражается нѣкоторое недовѣріе Іордана къ источнику [1]). Если такъ, то мы въ правѣ предположить, что въ народной пѣснѣ, являющейся конечнымъ источникомъ разсказа, Филимеръ назывался просто пятымъ царемъ; а еще болѣе подходитъ къ народно-эпическому стилю предположеніе, что въ пѣснѣ приводились всѣ имена преемниковъ Берига до Филимера [2]) и что числовое выраженіе внесено лишь Кассіодоромъ, сократившимъ широковѣщательный эпическій разсказъ. Что это было дѣйствительно такъ, на это указываетъ сохраненіе имени отца Филимера, великаго Гадарика.

Сколько бы мы ни полагали лѣтъ на одно царствованіе, мы, относясь, по вышеприведеннымъ соображеніямъ, съ довѣріемъ къ даннымъ готской пѣсни, придемъ къ выводу, что народное преданіе относило занятіе готами привислянскаго края приблизительно къ серединѣ I вѣка по Р. Хр.

Что готы пришли къ нижней Вислѣ извнѣ и что они могли занять этотъ край лишь вытѣснивъ или покоривъ первоначаль-

1) Совершенно такъ же неудачно, какъ въ разбираемой фразѣ, выразился Іорданъ 10, 63: „Дарій выстроилъ мостъ изъ кораблей черезъ Боспоръ pene a Chalcedona usque ad Bizantium. Очевидно, и здѣсь также pene выражаетъ лишь недовѣріе.

2) Ср. генеалогію династіи амаловъ у Iord. 14, 79.

ныхъ жителей — это никогда никѣмъ не оспаривалось. Впрочемъ, это неопровержимо доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что не они дали Вислѣ ея имя. Каково бы ни было его происхожденіе, названіе этой рѣки германцы заимствовали у славяно-балтійцевъ, ср. DA. II, 207 ss., статью Брюкнера въ Ateneum за 1895, № VIII и друг. Слѣдовательно, прибывъ къ Вислѣ, они застали здѣсь славянъ или айстовъ.

Съ востока они, т. е. готы, прійти не могли; это ясно само собою. Они никогда не теряли географической связи съ остальными германцами, а прародина послѣднихъ лежитъ на западъ отъ Вислы.

Но невѣроятно также, чтобы они пришли прямо съ запада, такъ какъ они, побѣдивъ «островныхъ» руговъ въ дельтѣ Вислы, оттѣснили ихъ именно на западъ, см. выше стр. 29. 32.

Остаются сѣверъ и югъ, какъ возможныя исходныя точки перваго готскаго движенія. За сѣверъ говоритъ народное преданіе, и съ провѣрки его мы и должны начать разсмотрѣніе даннаго вопроса.

За послѣдніе годы это преданіе нашло среди нѣмецкихъ германистовъ-этнологовъ рядъ защитниковъ, между которыми наиболѣе энергичный и самоувѣренный — Kossinna въ своей статьѣ Die ethnologische Stellung der Ostgermanen, JF. VII (1896) p. 276—312. Намъ не лишне будетъ нѣсколько остановиться на этой статьѣ, такъ какъ въ ней всего лучше и полнѣе сгруппированы факты, говорящіе въ пользу готскаго преданія. Выводы Коссинны чрезвычайно категоричны.

Центръ германской культуры въ каменномъ и бронзовомъ вѣкахъ — Данія. Къ концу каменнаго вѣка, т. е. къ серединѣ II тысячелѣтія до Р. Хр., германцы уже успѣли занять, кромѣ Даніи, южную Скандинавію до южнаго берега Mälar, а на материкѣ Шлезвигъ и Гольштинію, Мекленбургъ и западную Померанію до Одера. Въ теченіе бронзоваго вѣка предѣлы германскаго міра значительно расширяются, такъ что въ концѣ этого періода, около 300 г. до Р. Хр., германцы дошли въ Скандина-

віи до Dalelf'a, на материкѣ — до Вислы, по крайней мѣрѣ въ нижнемъ ея теченіи (р. 279). Занятіе этой восточной полосы произошло при участіи скандинавовъ, при чемъ послѣдніе явились на материкъ не разомъ, а выселялись постепенно (281) изъ южной Скандинавіи и датскихъ острововъ Seeland, Möen, Falster и Laaland (285). Начало этихъ движеній относится ко времени между 600 и 300 гг. до Р. Хр. Жители югозападной Сканіи или Зеланда — вандалы, — и выходцы съ острова Борнгольма — бургунды — выселились на нижнюю Вислу, гдѣ между прочимъ основали поселеніе *Codaniska (ср. sinus Codanus, Mela, Plin.; это = Gothiscandza Іордана 4, 26; 17, 94, нын. Данцигъ), которое впослѣдствіи застали готы, выселившіеся изъ восточныхъ областей южной Швеціи (288 s.).

Эти выводы основаны почти исключительно на археологическомъ матеріалѣ. Насколько онъ надеженъ, насколько, прежде всего, безотносительныя хронологическія опредѣленія скандинавскихъ археологовъ, которыми Коссинна пользуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, могутъ считаться доказанными — это вопросы, которые далеко еще не нашли въ наукѣ окончательнаго рѣшенія. Мы должны, однако, отказаться отъ обсужденія ихъ, какъ не входящихъ въ нашу ближайшую задачу [1]).

Предположимъ, пока, что хронологическія грани, устанавливаемыя большинствомъ сѣверныхъ археологовъ, въ общихъ своихъ чертахъ вѣрны. Въ такомъ случаѣ все же передъ нами возникаетъ еще другой, не менѣе важный вопросъ, слишкомъ

1) Прежняя увѣренность въ хронологическихъ опредѣленіяхъ за послѣднее время даже среди скандинавскихъ археологовъ уступила мѣсто колебаніямъ и осторожнымъ оговоркамъ. Ср. напр. новѣйшій обширный трудъ въ этой области, связывающій весь матеріалъ въ одну картину: Sophus Müller, Nordische Altertumskunde. Deutsche Ausgabe (Jiriczek), I, Strassburg 1897. — Въ Германіи же ведутъ горячую борьбу другъ съ другомъ двѣ школы, изъ которыхъ одна, всецѣло принимая выводы скандинавскихъ ученыхъ, относитъ занятіе германцами Скандинавіи къ III тысячелѣтію до Р. Хр. (кромѣ Коссинны см. напр. F. Kauffmann въ AfdA. XVIII, 1892, p. 26 ss.), другая — къ послѣднимъ столѣтіямъ до начала христіанской эры (DA. II, pass., Bremer, AfdA. I. c. 413 ss).

легко упускаемый изъ виду при примѣненіи археологическихъ выводовъ къ рѣшенію задачъ этнологическихъ: совпадаютъ ли археологическія грани съ этнологическими?

Археологическія нити, связывающія отдѣльныя области между собою, иногда черезъ огромныя разстоянія, должны считаться непреложными свидѣтелями культурныхъ воздѣйствій. Но всегда ли онѣ доказываютъ связи этнологическія? Обозначаютъ ли эти нити пути, по которымъ двигались народы?

Что смѣна культуръ, даже рѣзкая, почти не имѣющая переходныхъ ступеней, не доказываетъ смѣны народовъ, въ этомъ должны были убѣдиться даже скандинавскіе археологи, принимавшіе прежде цѣлый рядъ переселеній въ Скандинавію для объясненія перехода отъ камня къ бронзѣ, отъ бронзы къ желѣзу; теперь, повидимому, окончательно установился взглядъ, что со времени каменнаго вѣка составъ населенія скандинавскаго сѣвера не мѣнялся, что современные скандинавы прямые потомки носителей скандинавской же неолитической культуры, и лишь вопросъ о носителяхъ палеолитическаго періода и эпохи «кухонныхъ отбросовъ» (kjøkkenmøddinger) остается, пока, открытымъ.

«Торговля и культурное общеніе легко влекутъ за собою переселеніе» (Коссинна 280), — конечно, это такъ. Но отъ возможности къ необходимости еще далеко; во всякомъ случаѣ, такими соображеніями даже не опредѣляется направленіе передвиженій. Если бронзовая культура проникаетъ на скандинавскій сѣверъ двумя путями — на западѣ черезъ Ютландію, а на востокѣ изъ Помераніи моремъ въ южную Швецію (Коссинна 279), то выводить отсюда заключеніе, что передвиженіе народовъ шло въ діаметрально противуположномъ направленіи, съ сѣвера на югъ, по меньшей мѣрѣ рисковано. Ужъ если принимать переселенія, то не вѣрнѣе ли было бы предположить, что народы двигались за культурою или вмѣстѣ съ нею, т. е. что материкъ выслалъ на сѣверъ часть своего населенія, а не наоборотъ?

Въ какое изъ этихъ положеній, основанныхъ на археологіи,

мы бы ни вдумывались, насъ не покидаетъ чувство, что подъ нами колеблется почва, и что мы должны искать другихъ устоевъ.

Неоднократно—между прочимъ, и Коссинной 281—указывалось, что готское преданіе поддерживается повтореніемъ нѣкоторыхъ восточно-германскихъ этническихъ названій на скандинавскомъ сѣверѣ.

Прежде всего, имя материковыхъ готовъ повторяется въ жителяхъ острова Готланда (Gutar); очень близко подходитъ и названіе жителей южной Швеціи (Gautar); можетъ быть, на сѣверѣ есть даже греутунги [1]). Но совпаденія этимъ далеко не исчерпываются: имя бургундовъ указываетъ на островъ Борнгольмъ (<Burgundarholm), имя силинговъ, думаетъ Коссинна, можно связать съ названіемъ Зеланда (<Silund путемъ народной этимологіи?); общее названіе вандаловъ несомнѣнно повторяется въ имени жителей сѣверной Ютландіи, въ вендлахъ; южнонорвежскіе Rygir повторяютъ материковыхъ руговъ; наконецъ, тацитовыхъ лемовіевъ (Lemovii, al. Lemonii) можно бы связать съ скандинавскими Λευῶνοι Птолемея II, 11, 16, что, дѣйствительно, и дѣлаетъ Коссинна 281 сл., предлагая принимать описку въ послѣднихъ вм. *Λεμῶνοι или въ тацитовыхъ лемовіяхъ вм. *Leuonii.

Всмотримся и въ эти доводы.

Изъ приведеннаго списка совпаденій мы должны, прежде всего, исключить нѣсколько случаевъ, полученныхъ лишь съ натяжкою и потому слишкомъ сомнительныхъ, чтобы можно было строить на нихъ какіе бы то ни было выводы.

Сюда относятся, прежде всего, лемовіи, въ пользу отожествленія которыхъ съ левонами говоритъ лишь та, именно, гипотеза, которую надлежитъ доказать. Тожество ихъ можетъ быть предположено,— именно, только предположено — если эта гипотеза превратится въ аксіому, но никакъ не можетъ быть приведено какъ доказательство.

1) Ostrogothae Iord. 3, 23 конечно=гауты.

Не лучше обстоитъ дѣло съ греутунгами. Имя ихъ получается въ Скандинавіи только путемъ довольно смѣлой коньектуры въ текстѣ Іордана 3, 22. Не подлежитъ сомнѣнію, что списокъ скандинавскихъ народностей у этого писателя 3, 19—24 взятъ изъ хорошаго источника; вѣроятно даже, что онъ записанъ со словъ южнонорвежскаго короля Родвульфа, бѣжавшаго къ Теодорику Великому въ Италію или посѣтившаго его тамъ (Iord. 3, 25). Но нѣкоторыя части этого списка искажены до неузнаваемости, и къ нимъ, именно, принадлежитъ то сочетаніе словъ, изъ котораго многіе изслѣдователи хотѣли вычитать имя греутунговъ. Но если Мюлленгофъ DA. II, 63 s. читаетъ «dehinc (послѣ Gautigoth acre hominum genus et ad bella promptissimum) mixti Evagreotingis», и видитъ въ Eva- такой же эпическій префиксъ какъ Here- въ Herescyldingas и т. под., то Момзенъ, въ своемъ изданіи, предпочелъ, на основаніи точнаго сличенія рукописей, чтеніе «dehinc Mixi, Evagre, Otingis»; Holder читаетъ dehinc Mistieuae Greotingique; Zeuss 503 читалъ mixti Evagrae Otingis и узнавалъ въ нихъ испорченныхъ Maurae Blecingi и т. д. и т. д.

Такимъ образомъ, и эта форма должна, пока, остаться подъ вопросомъ.

Наконецъ, болѣе чѣмъ сомнительна связь силинговъ съ Зеландомъ: имя этого острова произошло, путемъ поздней народной этимологіи, изъ *Selhund (Bugge Arkiv VI [N. F. II], 237 ss.) отъ selh «тюлень», съ которымъ имя силинговъ не можетъ имѣть ничего общаго.

Остаются, однако, имена готовъ, бургундовъ, вандаловъ и руговъ, къ отожествленію которыхъ съ соотвѣтствующими скандинавскими этническими названіями со стороны ихъ *формы* препятствій не встрѣчается.

Скандинавскіе руги (Rugi) встрѣчаются уже у Іордана 3, 24. Это, безъ всякаго сомнѣнія, дрсѣв. Rygir въ Rogaland'ѣ, югозападномъ углу Норвегіи, о которыхъ неоднократно упоминаютъ литературные памятники сѣвера. Мы находимъ тамъ даже

Hólmrygir Heimskr. I, 98. Что касается англосаксонскихъ Holmrygeas, надъ которыми, по Wídsíđ 22, царствовалъ Hagena, то неясно, относятся ли они къ Норвегіи или къ нижней Вислѣ. Въ стихѣ 69 того же памятника они называются просто Rugas. Въ обоихъ случаяхъ они стоятъ рядомъ съ загадочными Glommas. Но такъ какъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ними англосаксонская поэма называетъ исключительно материковыя народности (грековъ, финновъ v. 20, суевовъ 22, румваловъ 69, т. е. волоховъ? Rumwalum вм. Rumwalhum?), то мы скорѣе отнесемъ и этихъ «островныхъ руговъ» къ материку. Смѣна формъ агс. Rygeas дрсѣв. Rygir — агс. Rugas та же, какъ и на материкѣ Rugii (Tacit.) — Rugi (Jord.), т. е. прагерм. *Rugi̯ōz resp. *Rugīz — *Rugōz. Какъ бы то ни было, руги материка несомнѣнно повторяются именно въ этой формѣ на сѣверѣ.

Вендлы, въ древнѣйшей формѣ *Wandilōz,—жители области Vendill, нын. Vendsyssel на крайнемъ сѣверѣ Ютландіи, между Limfjord'омъ и моремъ. Въ дрсѣв. сагахъ они называются Vandilsbyggjar, Vendilfolk, у Саксона Грамматика область — Wendala, Wendila (481. 820), жители — Wendilenses (807. 908), и разъ даже Wandali (588), очевидно, подъ вліяніемъ имени материковыхъ вандаловъ. Относятся ли сюда и Wendlas Беовульфа 348, остается подъ сомнѣніемъ, ср. Müllenhoff, Beówulf 89 s.; Bugge PBB. XII, 7 s., ten Brink 203. То же самое слѣдуетъ замѣтить и о Wenlas (вм. *Wendlas) Wídsíđ 59: они стоятъ здѣсь между южными данами и варнами, но вслѣдъ за ними идутъ Gefþas т. е. гепиды, и Winedas, т. е. славяне.

Что касается бургундовъ и предполагаемой связи ихъ съ Борнгольмомъ, то мы тутъ наталкиваемся на весьма существенное затрудненіе. Дѣло въ томъ, что древнѣйшія формы имени острова Burgundarholm, Borghundarholm и т. под., но никогда не Burgundaholm, т. е. первая составная часть этого имени — gen. sing. личнаго имени, а не gen. plur. этническаго. На это указалъ уже Zeuss 465 not.[1], и его слова остаются въ силѣ и теперь. Ср. DA. II, 56 not., Much 42. Но допустимъ даже, что

первоначальная форма имени была Burgund [1]), откуда мыслимы агс. Burgendan у Эльфреда, и Burgundiones материка. Всетаки и тогда также останется рядъ сомнѣній. Дѣло въ томъ, что названіе Бургундъ далеко не единично: оно довольно распространено на сѣверѣ и встрѣчается также на материкѣ независимо отъ имени народа. Сюда относятся датскій островъ Borren<Borghund (около острова Möen), два норвежскихъ острова (Burgundö); въ Норвегіи же городъ Burgund и церковь того же имени; въ Швеціи, наконецъ, мелкое областное названіе Borna<Borghunda. Ср. Much 42, Коссинна 283. На материкѣ Burgunthart (VIII в.), въ Оденвальдѣ, ON. 366; фризское Burcund? (Zeuss 465 not.). Разъ это имя столь распространено, то оно, очевидно, могло возникнуть въ разныхъ мѣстахъ самостоятельно, и тожество имени бургундовъ материка съ жителями острова Борнгольма (агс. Burgendan) само по себѣ ничего не доказываетъ.

Остаются самые важные для насъ готы — гуты — гауты. Ихъ имена мы подробно разберемъ ниже. Предположимъ, пока, полное ихъ тожество и вернемся къ точкѣ зрѣнія Коссинны.

Онъ полагаетъ, какъ мы видѣли, что вся восточная Германія заселена выходцами изъ Скандинавіи. Дѣйствительно, если готы выселились оттуда, то необходимо принять то же самое и относительно руговъ, бургундовъ, вандаловъ и вообще лугіевъ, т. е. относительно всей восточной, вандильской, отрасли германскаго племени. Мы увидимъ ниже, что они связаны между собою тѣсными лингвистическими узами и уже въ I в. по Р. Хр. они выдѣляются изъ общаго состава германскихъ народовъ въ отчетливо обособленную вандильскую группу, см. Plin. IV, 14, 99: Vandili quorum pars Burgodiones, Varinnae, Charini, Gutones. Въ послѣдующіе вѣка эта обособленность лишь усилилась. Особенно поучительно то, что говоритъ о нихъ въ VI в. Прокопій, который, участвуя въ походахъ Велизарія противъ

1) Ср. Vambarholmr изъ Vömb, нын. Vomma, Коссинна 283.

вандаловъ и готовъ, могъ лучше другихъ историковъ того времени изучить готовъ и ихъ ближайшихъ родичей. Онъ объединяетъ ихъ подъ общимъ названіемъ Γοτθικὰ ἔθνη. Ихъ много, говоритъ онъ (bell. vandal. I, 2); они отличаются между собою именами, но во всемъ прочемъ они сходны: внѣшній видъ ихъ одинаковъ, и обычаи одни и тѣ же, и вѣра одна, такъ какъ они всѣ аріане; наконецъ, и языкъ у нихъ общій, такъ называемый готскій (φωνή.... Γοτθικὴ λεγομένη); они всѣ, повидимому, составляли нѣкогда одинъ народъ и дифференцировались лишь впослѣдствіи. Къ нимъ принадлежатъ готы въ узкомъ смыслѣ, т. е. остготы, затѣмъ вестготы, гепиды и вандалы (ср. bell. got. IV, 5). Кромѣ того, сюда же относятся руги (bell. got. III, 3). Бургундовъ Прокопій среди «готскихъ» народовъ не называетъ; они къ этому времени уже успѣли отдѣлиться, да и съ самаго начала они стоятъ нѣсколько въ сторонѣ, о чемъ см. ниже [1]).

На почвѣ языка мы можемъ прослѣдить процессъ обособленія довольно ясно. Первый, по времени, матеріалъ даютъ слова, заимствованныя финнами у германцевъ. Въ нихъ отчетливо выдѣляются два наслоенія: болѣе древнее, готское, и болѣе позднее, скандинавское.

Къ первому относятся такія слова какъ финск. miekka < готск. mēki (nom. mēkeis; ср. дрсѣв. mǣker < *mākiz, дрсакс. māki); niekla < готск. nēpla (дрсѣв. nál, resp. nǫ́l < *nāplō, дрврхнѣм. nādala). Оба слова, точно также какъ и слав. мьчь, предполагаютъ въ первоисточникѣ ẹ̄, т. е. такую звуковую ступень, черезъ которую соотвѣтствующій скандинавскій звукъ никогда не проходилъ.

Въ финскихъ словахъ, взятыхъ изъ скандинавскаго и также несомнѣнно весьма древнихъ (на что указываетъ сохраненіе древнихъ полныхъ окончаній), мы всегда находимъ уже ā <

---

1) На основаніи bell. vand. I, 3 и bell. got. I, 1 можно бы полагать, что Прокопій относитъ къ готамъ-же алановъ. Но въ первомъ изъ названныхъ мѣстъ γοτθικὸν ἔθνος должно быть отнесено къ Βανδίλοι, а во второмъ καὶ ἄλλα ἄττα Γοτθικὰ ἔθνη должно быть переведено: и другіе, *т. е.* готскіе, народы.

прагерм. ǣ: paanu < прасѣв. *spānuR, дрисл. spǫ́nn, готск. *spēnus.

Что niekla заимствовано именно изъ готскаго, а не изъ скандинавскаго, доказывается и его окончаніемъ. Только въ готскомъ языкѣ -ō въ подобныхъ случаяхъ перешло въ -a, тогда какъ въ скандинавскомъ и западногерманскомъ оно даетъ -u: прагерм. *geƀō (nom. sing.) > готск. giba, но дрсѣв. gjǫf, агс. giefu < *geƀu, ср. рунич. giƀu на Зеландскомъ брактеатѣ, An. Gr. I², 262. Это отличіе ясно отразилось на финскихъ заимствованіяхъ. Послѣднія имѣютъ -a, если источникъ ихъ вандильская форма: niekla, akana < готск. ahana (дрсѣв. ǫgn, агс. egenu) < прагерм. *aganō; но они оканчиваются на -u, -o, если въ основѣ лежитъ скандинавское слово: runo < сѣв. rún < прагерм. *rūnō; arkku < сѣв. *arku (-ō), дрисл. ǫrk и т. д.

Такъ какъ готы покинули прибалтійскій край не позже конца II в. по Р. Хр., то указанныя общефинскія заимствованія должны относиться къ эпохѣ болѣе ранней, значитъ и ẹ̄ было свойственно готскому языку уже въ I вѣкѣ по Р. Хр.

Въ это время западные германцы также имѣютъ еще ē (ср. Σεγίμηρος Strabo VII, 1, 4 Segimerus Tac. ann. I, 71, Inguiomerus ibid. XI, 16 и друг.), но ē *открытое*, какъ доказываетъ его дальнѣйшее развитіе въ чистое ā, которое появляется у ближайшихъ сосѣдей вандильцевъ на западѣ, у суевовъ, впервые во II в.: ср. маркоманновъ Βαλλομάριος Petr. Patr. 124, Marcomarus Aurel. Vict. de Caesar. 16. Болѣе отдаленные западные германцы (напр. франки) сохраняютъ ẹ̄ до VI вѣка. Обо всемъ этомъ см. статью Bremer'a, PBB. XI, 1 ss.

Что касается скандинавскихъ нарѣчій, то здѣсь переходъ ǣ > ā проведенъ вполнѣ уже въ древнѣйшихъ руническихъ надписяхъ (напр. Thorsbjærg: mariR); вообще эти надписи являютъ уже вполнѣ ясный скандинавскій характеръ. Съ другой стороны, единственная несомнѣнно готская руническая надпись, относящаяся, вѣроятно, еще къ III в. (Ковельскій наконечникъ копья: Tilarids, см. Henning 1 ss. и tab. I) даетъ, по крайней мѣрѣ въ

окончаніи им. пад. муж. р., специфически вандильскую форму съ выпаденіемъ краткаго a передъ s при сохраненіи послѣдняго. Въ скандинавской рунической надписи мы прочли бы въ этомъ словѣ *-ridaR, въ западно-германской *-rida, изъ прагерм. *-riđaz.

Такъ какъ мы увидимъ ниже, что и другія характерныя черты вандильскихъ нарѣчій выразились ясно не раньше I в. по Р. Хр., то сопоставленіе этихъ данныхъ приведетъ насъ къ выводу, что съ этого только времени вандильскіе германцы отдѣлились болѣе рѣзкою гранью отъ западныхъ сосѣдей. Это, конечно, не только не исключаетъ, но даже предполагаетъ извѣстное стремленіе къ отклоненіямъ въ сторону позднѣйшихъ звуковыхъ переходовъ уже въ предшествующую эпоху, т. е., скажемъ, въ I и II вв. до начала христіанской эры.

Но какъ вяжется этотъ выводъ съ мнѣніемъ сторонниковъ скандинавскаго происхожденія вандильцевъ? Если предки послѣднихъ прошли въ Скандинавію уже въ III тысячелѣтіи до Р. Хр. и, пробывъ здѣсь два тысячелѣтія, вернулись инымъ путемъ на материкъ, то мыслимо ли, чтобы они сохранили, въ теченіе этого огромнаго промежутка времени, свой языкъ настолько неприкосновеннымъ, что онъ ничѣмъ существеннымъ не отличался отъ языка ихъ новыхъ сосѣдей, суевовъ? Мыслимо ли, чтобы они, подождавъ еще нѣсколько столѣтій, только *тогда* стали замѣтно отклоняться отъ общегерманской нормы?

Но вѣдь позднѣйшія вандильскія звуковыя особенности распространились только на тѣ народности, которыя, по мнѣнію Коссинны, вышли изъ Скандинавіи, т. е. онѣ остановились на порогѣ вандильскаго мірка и не коснулись ни одного изъ западно-германскихъ народовъ, не коснулись напр. семноновъ, непосредственно примыкавшихъ къ бургундамъ съ запада. Уже это одно выдѣляетъ ихъ изъ общегерманскаго этническаго состава.

Если такъ, то необходимо предположить, что вандильцы составляли уже въ Скандинавіи болѣе замкнутую группу, и что они вынесли уже изъ этой своей родины зародыши звуковыхъ

особенностей своего позднѣйшаго языка. Само по себѣ, это вполнѣ возможно, хотя оно и не совсѣмъ вяжется съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что праязыкъ другихъ скандинавскихъ народовъ навѣрное никогда не проходилъ черезъ тѣ звуковыя ступени, которыя предполагаются въ правандильскомъ языкѣ. Мы можемъ, тѣмъ не менѣе, допустить, что уже въ Скандинавіи вандильская группа выдѣлилась кое-какими особенностями.

Это необходимо, однако, предполагаетъ, что они составляли на сѣверѣ одно географическое цѣлое, въ противуположность къ другой группѣ, скандинавской въ узкомъ смыслѣ этого слова.

Между тѣмъ, указанныя нами выше двойники материковыхъ германцевъ разсѣяны по всему сѣверу: гуты на Готландѣ, бургунды на Борнгольмѣ, силинги на Зеландѣ, вандалы въ Ютландіи, руги въ Норвегіи. Если совпаденія въ именахъ имѣютъ то значеніе, которое приписывается имъ Коссинною, то необходимо предположить, что и эта разбросанность по всему сѣверу есть уже результатъ позднѣйшихъ разселеній и что первоначально гуты Готланда соединялись съ ругами Норвегіи непрерывною цѣпью бургундовъ, силинговъ, вандаловъ. Это предполагается, впрочемъ, и одинаковымъ направленіемъ ихъ переселеній: еслибъ переселенцы пришли съ разныхъ пунктовъ скандинавскаго сѣвера, то стеченіе ихъ именно на нижней Вислѣ было бы необъяснимо, такъ какъ славою, которою пользовался янтарь, этихъ массовыхъ передвиженій не объяснишь.

Допустимъ, что это было именно такъ, т. е. что вандильцы уже въ Скандинавіи составляли замкнутую группу. Тогда возникаетъ вопросъ: гдѣ же жила эта группа народовъ? Небольшою областью мы ограничиться не можемъ. Если мы вспомнимъ, какую выдающуюся, первенствующую роль эти народности играли въ исторіи Европы въ теченіе III—VI вв., то мы, конечно, должны допустить, что уже въ моментъ переселенія онѣ составляли крупныя этническія единицы, тѣмъ болѣе, что онѣ обособились не на материкѣ, а въ Скандинавіи. На материкъ

выселились лишь *части* народовъ, а оставшіяся на родинѣ части ихъ были настолько еще значительны, что онѣ могли обезпечить существованіе народныхъ особей въ теченіе вѣковъ.

Они занимали, однако, не весь скандинавскій сѣверъ: рядомъ съ ними тутъ же жили могущественные шведы, силу которыхъ подчеркиваетъ ужъ Тацитъ Germ. 44; гауты, борющіеся съ ними не безъ успѣха (см. ниже), даны, не говоря уже о герулахъ на датскихъ островахъ (ср. Iord. 3, 23; Procop. bell. got. II, 15), ютахъ и другихъ болѣе мелкихъ народныхъ единицахъ.

Между тѣмъ, германская Скандинавія этого времени гораздо меньше нынѣшней: она лишь къ концу бронзоваго періода достигаетъ на сѣверѣ Dalelf'а. Да и въ этихъ сравнительно тѣсныхъ границахъ она на добрую половину состоитъ изъ морей и озеръ. Гдѣ тутъ могли умѣститься огромныя народныя массы, которыя предполагаются разбираемой гипотезой?

Допустимъ, однако, что мы преувеличиваемъ многолюдность данныхъ народностей въ доисторическую эпоху. Въ самомъ дѣлѣ, если выселеніе на материкъ относится къ VI—III вв. до Р. Хр., то, можетъ быть, въ это время онѣ и могли умѣститься, скажемъ, въ южной Швеціи рядомъ съ гаутами и шведами. Но какимъ образомъ, въ такомъ случаѣ, могли развиться вандильскія особенности въ языкѣ?

А когда имъ стало тѣсно въ южной Скандинавіи, то отчего выбрали они опасный путь черезъ море, хотя на сѣверѣ было еще довольно мѣста? Политика скандинавскихъ германцевъ, явившихся сюда черезъ Ютландію и датскіе острова, обращена фронтомъ на сѣверъ; медленно раздвигаютъ они въ этомъ направленіи свои границы, вытѣсняя, мало по малу, туземцевъ-финновъ [1]). Отчего же они вдругъ мѣняютъ фронтъ и отважно

1) Что область финновъ заходила далеко на югъ, доказывается тѣмъ, что еще въ историческое время въ центрѣ, нын. Götarike между Småland'омъ и Halland'омъ, небольшая область называется «финскою пустошью», Finneiði Knytl. saga c. 110 (Fornm. s. 11, 358), т. е. Finnheiði; у Саксона Грамм. 699 Finnia; ея жители у него же Finnenses, у Jord. 3, 22 Finnaithae, Adam. Brem. IV, 24

пускаются въ море? Готы и ихъ ближайшіе родичи никогда не были мореходами; въ I в. по Р. Хр., когда въ ихъ рукахъ была значительная часть южнаго побережья Балтійскаго моря, не они господствуютъ на этомъ морѣ, а шведы (Tacit. Germ. 44), на что неоднократно уже указывалъ Куникъ. Въ III и IV вѣкахъ, на югѣ Россіи, они могли предпринять свои морскіе набѣги только благодаря тому, что въ ихъ рукахъ оказались богатыя греческія колоніи съ ихъ привыкшимъ къ морю предпріимчивымъ населеніемъ. Тѣмъ не менѣе, они пускаются въ море, но не всѣ. Цѣлый рядъ народностей какъ то раздваивается. Одна за другою отдѣляются части бургундовъ, силинговъ, вандаловъ, руговъ, готовъ; не одновременно, но всѣ одинаково стремятся къ низовьямъ Вислы. Здѣсь они, какъ въ прародинѣ, вновь оказываются сосѣдями. А оставшіяся части тоже не остаются на мѣстѣ; они разбѣгаются во всѣ четыре стороны: готы и бургунды оказываются (или застряли по пути?) на Готландѣ и Борнгольмѣ, руги перебрасываются черезъ Скагеръ-ракъ въ южную Норвегію, вандалы черезъ Каттегатъ въ сѣверную Ютландію.

Откуда такой хаосъ? возможенъ ли онъ вообще? Передъ нами вѣдь не позднѣйшіе викинги, не знающіе предѣловъ своей удали, пробѣгающіе земли и моря въ исканіи добычи и славы; мы имѣемъ здѣсь дѣло съ переселеніемъ народныхъ массъ настолько значительныхъ, что онѣ несутъ съ собою не только имя и языкъ, но и національное самосознаніе, дающее имъ возможность основывать въ чужой землѣ національныя государства, которыя какъ таковыя призваны играть весьма видную роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ материка.

Возможенъ только еще одинъ исходъ, а именно, предположеніе, что шведовъ, гаутовъ, дановъ въ то время еще не было въ южной Скандинавіи, что они жили еще гдѣ нибудь западнѣе,

---

Finnedi al. Finvedi (Finnvið=Finnheiði). Очевидно, тутъ еще держалось нѣкоторое время первоначальное населеніе, когда окрестныя области уже были заняты германцами.

на датскихъ островахъ напр., или въ Ютландіи, и что вандильцы были, такъ сказать, передовымъ отрядомъ германскаго племени, который, прошедши черезъ датскіе острова, остановился на нѣкоторое время въ южной Швеціи, распался здѣсь на нѣсколько отдѣльныхъ народовъ, вырабатывая, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ и кое-какія общія черты, а затѣмъ двинулся дальше черезъ море, тѣснимый, можетъ быть, надвигавшимися съ запада шведами, гаутами, данами.

Такое предположеніе устранило бы, дѣйствительно, нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ нами возраженій. Но за то, съ другой стороны, намъ пришлось бы допустить смѣну въ населеніи Скандинавіи, отъ которой отказались даже археологи, и въ силѣ остались бы другія возраженія. Какимъ образомъ могли, въ такомъ случаѣ, руги оказаться въ Норвегіи, вендлы въ Ютландіи, когда именно съ запада надвигались все новыя и новыя народныя массы?

Наконецъ, если Скандинавія была для вандильцевъ не родиной, а лишь, такъ сказать, попутной станціей, и если съ самаго начала они отдѣлились не отъ скандинавской, въ узкомъ смыслѣ, семьи, а были самостоятельною вѣтвью германскаго племени, то къ чему, вообще, эта скандинавская гипотеза? Только для того, чтобы объяснить совпаденія въ этническихъ названіяхъ? Но дѣло въ томъ, что эти совпаденія, сами по себѣ, ничего не доказываютъ.

Намъ неоднократно уже приходилось указывать на случаи повторенія частныхъ этническихъ названій въ предѣлахъ одной племенной группы, хотя бы народности, обозначаемыя ими, не имѣли ничего общаго между собою, кромѣ принадлежности къ одной и той же племенной семьѣ. Въ германскомъ мірѣ подобные факты наблюдаются въ размѣрахъ не менѣе широкихъ, чѣмъ напр. въ мірѣ славянскомъ, гдѣ названія полянъ, древлянъ, лютичей и друг. встрѣчаются въ разныхъ областяхъ, см. Krek 330 not.[2].

Приведемъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ.

Птолемей II, 11, 7 называетъ въ средней Ютландіи народъ Χαροῦδες. Что это пріуроченіе вѣрно, доказывается тѣмъ, что ихъ имя сохранилось какъ областное названіе не только въ средніе вѣка (Hǫrð á Jótlandi), но еще и въ наше время: Harsyssel. Harudes встрѣчаются и въ войскѣ суева Аріовиста, Caes. bell. gall. I, 31. 37; они повторяются еще разъ въ юго-западной Норвегіи, гдѣ мы находимъ народъ Hǫrðar < *Haruðōz (= Arothi вм. Arochi Iord. 3, 24? Ср. DA. II, 66) и, наконецъ, въ центральной Германіи Harudi, Annal. Fuld. ad ann. 852. Ср. также Rothari genere Arodus (= Harodus? ср. Arudes вм. Harudes Oros. VI, 7, 7), Paul. Diac. IV, 42, 10; начальникъ герульскаго отряда въ войскѣ Нарзеса Ἄρουθ вм. Ἄρουθ, Proc. bell. got. IV, 26 и друг. Въ основѣ лежитъ, вѣроятно, то же слово, что въ имени лугійскихъ гаріевъ-хариновъ (выше стр. 62).

Не менѣе поучительный примѣръ представляютъ Eudoses Tac. Germ. 40. Это — Eucii, т. е. *Eutii въ письмѣ Теодеберта къ Юстиніану, Zeuss 357, позднѣе Iutae Beda I, 15, 36, Iuti ibid. IV, 16, 299, агс. Giótas, Geótas рядомъ съ Ýtas или Ýte Wídsíð 26, дрсѣв. Iótar, т. е. юты, см. ten Brink 204 ss., Much 208 s., Erdmann 19 ss. Ихъ имя повторяется на крайнемъ юговостокѣ въ Εὐδουσιανοί Peripl. Anon. 62 (ср. Εὐλυσία вмѣсто *Εὐδουσία Proc. bell. got. IV, 4) на кавказскомъ побережьѣ близъ Анапы (Σινδικὸς λιμήν); они — τῇ γοτθικῇ καὶ ταυρικῇ χρώμενοι γλώττῃ, несомнѣнные германцы, см. Loewe 19 ss. 32 ss. Если даже они герульскаго происхожденія, какъ полагаетъ этотъ ученый, то все же они съ тацитовыми Eudoses фактически не совпадаютъ. Замѣтимъ еще, что то же основное слово (*eu̯þo-) кроется еще въ алеманнахъ-ютунгахъ, Iuthungi Amm. Marc. XVII, 6, Ἰούθουγγοι Dexipp. ed. Bonn. p. 11 и т. д. = герм. *Eu̯þungōz. Въ свое время Мюлленгофъ ZfdA. X, 564 прямо отожествлялъ ихъ съ Eudusii. Ср. наконецъ рунич. личн. имя nom. sing. IuþingaR (Reidstad въ Норвегіи), An. Gr. I², 261; Burg 114.

Точно также имя варновъ одно изъ наиболѣе часто встрѣчаемыхъ въ германскомъ мірѣ. Въ области Вислы мы уже знаемъ (выше стр. 60 сл.) вáриновъ по Плинію и Птолемею (*Ṷarenōz = *Ṷarnōz). Птолемей же знаетъ въ сѣверной Германіи II, 11, 9 Αὔαρποι, повидимому, вм. Οὔαρνοι, ср. Warnemünde около Ростока. У Тацита Germ. 40 варны стоятъ за англами въ сѣверномъ Шлезвигѣ; это, кажется, тѣ же варны, о которыхъ упоминаетъ Proc. bell. got. II, 15, III, 35. Другихъ варновъ мы находимъ на Рейнѣ (ibid. IV, 20): съ ними, вѣроятно, воевалъ въ 595 г. франкъ Хильдебертъ, Fredeg. IV, 15.

Наконецъ, упомянемъ еще объ омбронахъ, имя которыхъ слышится на крайнемъ сѣверозападѣ и крайнемъ юговостокѣ германскаго міра (см. выше стр. 158); о маркоманнахъ въ Чехіи и Швеціи (дрсѣв. Markamenn), и о скандинавскихъ Hilleviones Plin. IV, 13, 96, повторяющихся, кажется, въ Helveconae вм. *Helveonae = Αἰλουαίωνες. См. выше стр. 51.

Эти и подобные факты лишаютъ готоскандинавскія совпаденія того значенія, которое имъ приписывается Коссинною. Мы имѣемъ дѣло, очевидно, съ общегерманскимъ этническимъ именословомъ, выработаннымъ еще въ прародинѣ, гдѣ бы послѣдняя ни находилась, и разнесеннымъ германцами по всему огромному пространству, по которому они впослѣдствіи разсѣялись. Для характеристики скандинаво-вандильскихъ отношеній они рѣшительно ничего не даютъ.

Этими соображеніями данный вопросъ, въ сущности, уже исчерпывается. Но мы не можемъ перейти къ другому, не разсмотрѣвъ его еще съ одной стороны, которой мы коснулись выше лишь мимоходомъ.

Связь вандильскихъ германцевъ съ Скандинавіей могла бы быть установлена вполнѣ лишь въ томъ случаѣ, если бы удалось доказать ее на почвѣ языка. Мы возвращаемся къ наиболѣе надежному критерію, убѣдившись, что всѣ остальные даютъ лишь шаткіе и ненадежные выводы.

Въ области общихъ разсужденій о большей близости гот-

скаго языка къ скандинавскому въ противуположность къ западногерманскимъ нарѣчіямъ интересующій насъ вопросъ, однако, не рѣшается. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ ученыхъ, дѣлящихъ всю совокупность германскихъ языковъ на двѣ только группы, объединяя вандильскіе и скандинавскіе языки въ одну группу (восточно-германскую, Ostgermanisch) и противуполагая ее западно-германской [1]). Но еслибъ мы даже приняли это дѣле-

---

1) Вопросъ въ томъ, слѣдуетъ ли дѣлить германскія нарѣчія на двѣ только группы, восточную и западную, включая въ первую и скандинавскія нарѣчія, или же вѣрнѣе выдѣлить послѣднія въ особую, третью группу, сѣверную, отдѣляя ее одинаково рѣзкою гранью какъ отъ восточной, такъ и отъ западной группъ. Перваго дѣленія, высказаннаго, кажется, впервые Holtzmann'омъ (Ad. Gr. I, 1, 1870 p. VI) держался Мюлленгофъ DA. II, 78 et pass., Шереръ ZGDS.[2] p. 7; попытка всесторонне научно обосновать такое дѣленіе была сдѣлана Циммеромъ ZfdA. XIX, 393 ss. Съ другой стороны, дѣленіе на три группы было проведено впервые Шлейхеромъ DS.[3] p. 91, за которымъ пошло теперь большинство новѣйшихъ ученыхъ, какъ напр. Brugmann Grdr. I, 10, Noreen An. Gr. I[2], 1 s., Streitberg Urg. Gr. 13 s. 17 и друг. Наконецъ, третья группа ученыхъ предпочитаетъ формулировать свое мнѣніе такъ осторожно, что оно опредѣленнаго отвѣта на вопросъ не дастъ: см. напр. Behaghel DS. p. 9, Kluge въ Paul Gr. I, 362 ss.—Въ сторонѣ отъ этихъ двухъ теорій стоятъ J. Grimm, который связывалъ готскій языкъ съ верхненѣмецкимъ, GDS. p. 482 et pass., и Joh. Schmidt, Vocal. II, 451, подчеркивающій черты, которыя связываютъ скандинавскія нарѣчія съ англосаксонскимъ, т. е. западногерманскимъ. Ср. также Förstemann KZ. XVIII, 163 s., Bezzenberger GGN. 1880, 152 ss., Kluge l. c. 363.

Изъ всѣхъ явленій, которыя приводились въ пользу обособленности гото-скандинавской группы, критику выдерживаетъ только одно, а именно развитіе, полученное прагерм. -u̯- между двумя гласными въ готскомъ и скандинавскомъ съ одной, въ западногерманскомъ съ другой стороны. Въ первыхъ двухъ оно одинаково дастъ -ggw-, тогда какъ въ западногерманскомъ развивается только -uu̯-: прагерм. *glau̯us, *treu̯as>готск. *glaggwus (cf. glaggwuba), triggws; дрсѣв. glǫggr, tryggr (acc. sg. tryggvan); — дрврхнѣм. glauuêr, triuui, агс. gleáw, дрсакс. glau (acc. sg. glauuan) и т. д. Нѣкоторыя частности западногерманскихъ отраженій см. Kögel PBB. IX, 523 ss. Фактъ, дѣйствительно, весьма важный, который не даромъ подчеркивается сторонниками готоскандинавской теоріи. Къ нему можно еще прибавить развитіе, въ томъ же положеніи, праг. -i̯- (* tu̯ei̯ō^{n})>готск. -ddj- (twaddjē), дрсѣв. -ggj- (tveggja), западногерм. -ii̯- (дрврхнѣм. zweio = zweijo), если только правъ Braune PBB. IX, 545 s., думая, что готск. -ddj- предполагаетъ болѣе древнее нѣбное -ggj-. Послѣднее, однако, лишь возможно, ничуть не обязательно. — Но даже принимая цѣликомъ эти доводы, мы затрудняемся строить на такомъ единичномъ фактѣ гипотезу о гото-скандинавскомъ единствѣ, такъ какъ, не говоря уже о возможности случайнаго совпаденія въ развитіи, этотъ фактъ допускаетъ и дру-

ніе, то все же мы не считали бы возможнымъ вывести изъ него какія бы то ни было заключенія относительно этнической генеалогіи, т. е. хронологической послѣдовательности выдѣленія той или иной частной группы изъ общей. Во всякомъ случаѣ, подобными критеріями не рѣшается вопросъ, въ данный моментъ насъ интересующій, не рѣшается вопросъ о томъ, вышли ли восточные германцы изъ Скандинавіи, такъ какъ тѣ же критеріи допускаютъ и обратное рѣшеніе, что колыбель готоскандинавскаго единства лежитъ на материкѣ и что отсюда вышли скандинавы.

Мы должны подойти къ вопросу съ другой стороны, намѣченной нами уже выше, на стр. 268 сл. Разбираемая нами гипотеза предполагаетъ, что вандильцы вынесли уже изъ скандинавской родины зародыши звуковыхъ особенностей своего позднѣйшаго языка. А это налагаетъ на насъ обязанность всмотрѣться въ древнѣйшіе памятники восточно-скандинавскихъ нарѣчій, чтобы убѣдиться, не имѣется ли здѣсь какихъ либо слѣдовъ тѣхъ звуковыхъ измѣненій, которыя характеризуютъ вандильскія нарѣчія материка. Лишь въ томъ случаѣ, если такіе слѣды найдутся, мы въ правѣ поставить рѣшающій вопросъ: перенесены ли они изъ Скандинавіи на материкъ, или наоборотъ?

Мы можемъ ограничиться южной Швеціей и Готландомъ. Въ болѣе западныхъ областяхъ уже въ древнѣйшихъ руниче-

гое еще объясненіе, намѣченное уже Holtzmann'омъ l. c. I, 1 p. 29. 42 s., 2 p. 60 s.: развитіе по направленіи къ ggw, ddj и т. д. несомнѣнно началось уже въ прагерманскомъ, остановившемся на ступени -uu-, -ii-, изъ которой готскій и скандинавскій языки, независимо другъ отъ друга, могли развить вышеуказанныя звуковыя сочетанія. Вѣдь и западногерманскія нарѣчія не оставили -u- и -i- безъ измѣненія. — Наконецъ, этотъ единичный фактъ блѣднѣетъ, когда мы всматриваемся въ многочисленныя совпаденія, связывающія скандинавскія нарѣчія съ западногерманскими, см. выше въ этомъ же примѣчаніи. Если, вообще, подобные факты не указываютъ только на географическую непрерывность въ расположеніи народностей, но допускаютъ и этнологическіе выводы въ смыслѣ генеалогіи народовъ, то мы, всматриваясь безъ предъубѣжденія въ указанныя отношенія, стали бы скорѣе на сторону гипотезы о ближайшемъ родствѣ скандинавовъ съ западными германцами. Ср. также Noreen въ Paul Gr. I, 419 s.

скихъ надписяхъ выступаетъ характерно-скандинавскій типъ, предполагающій подготовительный періодъ, рѣзко расходящійся съ вандильскимъ. Въ южной же Швеціи насъ должны заинтересовать гауты, вслѣдствіе близости ихъ названія къ имени готовъ материка, и въ особенности гуты острова Готланда, вслѣдствіе полнаго тожества именъ. Если гдѣ нибудь сохранились на сѣверѣ слѣды вандильскіе, то именно только здѣсь.

Гауты южной Швеціи встрѣчаются впервые уже у Птолемея II, 11, 16, гдѣ вмѣсто Γοῦται несомнѣнно слѣдуетъ читать *Γαῦτοι. Мы узнаемъ ихъ затѣмъ въ Gautigoth Iord. 3, 22, Ostrogothae ibid. 23, Γαυτοί Procop. bell. got. II, 15. Въ дрисл. памятникахъ они зовутся Gautar, ихъ страна Gautland, прилаг. gauzkr; въ дршведск. Gøthar, Østgiøtar, Wæstgiøtar, ср. нын. Götar, область Götarike, Östergötland, Wästergötland, Göteborg, рѣка Götaelf; у англосаксовъ Geátas, Wídsíð 58 между шведами и южными данами (въ Скандинавіи), Beówulf passim.[1]). Всѣ эти формы безъ исключенія указываютъ на прагерм. *Gau̯tōz, основа *gau̯ta-.

Жители острова Готланда называютъ свою родину Gutland, себя Gutar (Norrgutar, Sudergutar), род. пад. Gutna, чаще Guta; дршведск. Gutar, но чаще Gotar, род. Gotna и Gota, островъ Gutland, прилаг. gutisk; дрисл. Gotar, род. Gota, adj. gotneskr; агс. Gotland. Въ русскихъ памятникахъ Готы (ср. Куникъ, Caspia 244 not.). Въ основѣ лежатъ прагерманскія формы *Gutanez и *Gutōz (основы gutan- и guta-), при чемъ, однако, первая, повидимому, древнѣе. Ср. Gutnalþing<Gutna alþing (Gutasaga c. 1).

Представимъ, кстати, тутъ же для сравненія формы имени готовъ материка. Онѣ представляютъ такую же смѣну основъ на -a и на -n, какъ и имя гутовъ, при чемъ и здѣсь также основа на согласный явно древнѣе. Она исключительно господствуетъ

1) У историковъ они, конечно, часто смѣшиваются съ готами. См. напр. Adam. Brem. Descriptio ins. aquil. 23: Gothi occidentales и orientales, Westragothia, Ostrogothia. Уже раньше у Іордана Ostrogothae.

въ первый періодъ готской исторіи: Plin. IV, 14, 99 Gutones; Tacit. Germ. 43 Gothones, Ann. II, 62 Gotones; Strabo VII, 1, 3 Βούτωνες вм. *Γούτωνες; Ptol. III, 5, 8 Γύθωνες. Сюда же относятся агс. Gotan, род. Gotena, Hréðgotan (выше стр. 7 сся.); дрисл. прилаг. gotneskr (Guðrúnarkviða II, 16, 2: Grímhildr gotnesk kona). Всѣ эти формы указываютъ на основу *gutan-, которая исчезаетъ во второмъ періодѣ готской исторіи, уступая мѣсто основѣ на -a: Trebell. Poll., Flav. Vop., Amm. Marc., Idat., Iord. Goti, Gotti, Gothi; Zosim. и друг. Γότθοι, каковыя формы (-th-, -τθ-) вскорѣ устанавливаются окончательно. См. Wrede Ostgot. 44 ss. Сюда же относятся дрсѣв. Gotar, Reiðgotar и т. д. (выше стр. 7 сся.). Всѣ эти формы сводятся къ готск. *Gutōs, основа guta-. Слѣды древняго слабаго склоненія сохранились во второмъ періодѣ только въ Ostrogothae Iord. 5, 42 et pass., несомнѣнно изъ-за готскаго nom. sing. *guta, род. *gutins, ср. личное имя муж. р. Ostrogotha Iord. 14, 79, женск. р. Ostrogotho ibid. 58, 297. Единственныя дошедшія до насъ готскія свидѣтельства Gutþiuda (въ отрывкахъ готскаго календаря Cod. Ambr. A) и Gutaniowi (на Букарештской шейной гривнѣ) ничего не рѣшаютъ, такъ какъ могутъ указывать на обѣ формы основы.

И такъ, названіе жителей Готланда вполнѣ совпадаетъ съ именемъ готовъ материка: прагерманскіе прототипы одинаково *Gutanez, позднѣе *Gutōz.

Сложнѣе отношеніе этого имени къ гаутамъ южной Швеціи, имя которыхъ, въ основѣ, представляетъ собою, однако, лишь высшую ступень того же корня gut—gaut, ср. готск. giutan—gaut—gutum. Отношеніе совершенно то же, что въ дрисл. hlutr, агс. hlot, рядомъ съ дрисл. hlautr, готск. hlauts, дрврхнѣм. lōz (ср. глаг. дрсѣв. hlióta—hlaut—hlutom—hlotenn).

Весьма возможно, что мы имѣемъ дѣло съ дифференціаціей основъ въ зависимости отъ падежныхъ удареній въ предѣлахъ одного и того же слова, на что указалъ мимоходомъ уже Erdmann 18. Но тѣмъ не менѣе связь *Gautōz съ *Gutanez не такъ

ясна, какъ думаетъ этотъ ученый. Затрудненіе представляетъ основа на -n, которая на материкѣ предшествуетъ основѣ на -a, тогда какъ въ Скандинавіи нѣтъ слѣдовъ типа *Gautanez. Образованіе *gutan- морфологически совершенно ясно, ср. готск. nuta ловецъ, рыбакъ, отъ niutan. Но что касается значенія его, то ни одно изъ предложенныхъ до сихъ поръ толкованій не можетъ считаться удовлетворительнымъ. См. подробное изложеніе ихъ у Erdmann'а, стр. 1—11. Во всякомъ случаѣ, къ выясненію его нельзя привлекать дрсѣв. gotar, resp. gotnar, имѣющее въ языкѣ скальдовъ значеніе «мужи, воины»: это слово чисто эпическое; этническое имя, ставшее нарицательнымъ, см. Bugge NI. 153.

Намъ думается, однако, что не въ узко-германскихъ предѣлахъ слѣдуетъ искать рѣшенія вопроса о значеніи разбираемаго имени. Даже если мы примемъ за исходную точку вполнѣ возможныя параллели *Gautōz—*Gutōz, допустимъ переходъ послѣднихъ въ категорію основъ на -n, явленіе весьма частое въ германскихъ языкахъ, и затѣмъ обратный переходъ въ первичную форму, явленіе еще болѣе частое [1]), или, наоборотъ, предположимъ первоначальное *Gautanez рядомъ съ *Gutanez [2]),— въ обоихъ случаяхъ мы должны отнести двоякое обобщеніе смѣняющихся въ парадигмѣ основъ къ эпохѣ, лежащей за предѣлами германской жизни, такъ какъ прагерманскій языкъ уже болѣе не знаетъ свободной смѣны акцента въ зависимости отъ падежнаго ударенія, см. Streitberg 196 s., 211. Такое же точно двоякое обобщеніе съ послѣдующимъ переходомъ въ различныя категоріи основъ мы имѣемъ въ готск. qēns, рядомъ съ qinō, гдѣ мы можемъ доказать праиндоевропейское обобщеніе параллельными формами родственныхъ языковъ: qinō, дрсѣв. kona и т. д. (съ переходомъ, какъ въ *gutōz, въ категорію основъ

---

1) Впрочемъ, возможно также, что Gothi, Γότθοι неточно отражаютъ германскую форму. Ср. Franci, Φράγγοι = дрврхнѣм. Frankon.

2) Аналогичныя, хотя не совсѣмъ тожественныя параллели представляютъ *Ambronez—*Umbronez, см. выше стр. 158.

на -n) = слав. жена < праиндоевр. *g̃ĕnā; рядомъ съ нимъ qēns (дрсѣв. kuǽn) = дринд. jāniš, авест. jainiš < праиндоевр. *g̃ēnis.

Если такъ, то параллельныя формы gaut- и gut- существовали уже въ догерманскую эпоху и доказываютъ лишь, что уже тогда рядомъ съ гаутами стояли гуты.

Но вѣроятнѣе, что *gaúta- и *gután- съ самаго же начала ничего общаго между собою, кромѣ корня, не имѣли. Въ такомъ случаѣ тѣмъ болѣе нельзя опираться на сходство именъ въ вопросѣ о генеалогическомъ отношеніи двухъ интересующихъ насъ народностей. Вопросъ же о значеніи этихъ именъ становится лишнимъ [1]).

---

1) Лишнимъ считаемъ мы и подробный разборъ другихъ данныхъ, которыя могли бы быть приведены въ пользу ближайшаго родства гаутовъ съ готами. Впрочемъ, они и сами по себѣ не вѣски.

Въ германскомъ эпосѣ гауты всегда строго отличаются отъ шведовъ и дановъ. Граничащая съ Götarike на сѣверѣ область Södermanland, имя которой встрѣчается уже въ древнѣйшихъ сагахъ (напр. Ynglingasaga 40, cf. Zeuss 513), могло получить такое названіе конечно только съ точки зрѣнія шведской, въ противуположность къ гаутамъ. Послѣдніе составляютъ еще въ VI в. могущественное государство, которое то дружитъ, то вступаетъ въ борьбу со шведами. Очень ярко отразились гауто-шведскія отношенія въ поэмѣ о Беовульфѣ, въ которой геаты безъ всякаго сомнѣнія тѣ же гауты, не смотря на возраженія Fahlbeck'а въ ATfS. VIII (1884) и Bugge PBB. XII (1887), 1 ss. См. объ этомъ Müllenhoff'a, Beówulf 13 ss, ten Brink 207 ss. и друг. Вѣроятно вскорѣ послѣ описанныхъ въ поэмѣ событій гауты потеряли свою независимость и подпали власти шведскихъ королей. Точное хронологическое опредѣленіе этого событія не возможно, но намекъ даетъ Ynglinga s. 38. 40. Она разсказываетъ, что гауты были покорены королемъ Ingjald'омъ, убившимъ гаутскаго царя Allgaut'а, на дочери котораго Gauthild'ѣ онъ былъ женатъ. Ингьяльдъ — сынъ Ọnund'а, правнука царя Aðils'а, т. е. Eadgils'а, играющаго нѣкоторую роль въ историческихъ частяхъ Беовульфа и несомнѣнно относящагося къ первой половинѣ VI в. Считая 4 царя на столѣтіе, мы получаемъ середину VII в. какъ вѣроятную эпоху покоренія гаутовъ шведами. Ранней гибелью гаутскаго государства объясняется забывчивость позднѣйшихъ скандинавскихъ преданій, уже не помнящихъ о гаутахъ, какъ о независимыхъ сосѣдяхъ. Они быстро слились со шведами, и когда въ XIII вѣкѣ началось развитіе общешведскаго литературнаго языка, то особое значеніе для нарождающейся лингвистической нормы получило именно нарѣчіе гаутское (Östergötland), ср. Noreen An. Gr. II, 2 s. 21. Впрочемъ, уже раньше ихъ языкъ представляетъ лишь весьма незначительныя діалектическія особенности въ сравненіи съ шведскимъ въ узкомъ смыслѣ, см. Noreen l. c. 17. Руническихъ надписей, относящихся ко времени до паденія гаутскаго госу-

Совершенно иначе представляется, съ перваго же взгляда, отношеніе материковыхъ готовъ къ гутамъ на островѣ Готландѣ. Полное тожество именъ при довольно близкомъ географическомъ сосѣдствѣ не можетъ быть случайностью. Окончательное рѣшеніе вопроса дастъ намъ языкъ.

царства, немного. Въ Västergötland'ѣ ихъ двѣ: 1) на камнѣ, найденномъ въ Vånga, относящаяся къ первой половинѣ VI в., т. е. современная Беовульфу. Она читается HaukoþuR (собств. имя муж. р.) и имѣетъ какъ въ основѣ, такъ и въ окончаніи чисто скандинавскую форму, см. Burg 95 s., An. Gr. I², 266; во 2) на камнѣ, найденномъ въ Kinnevad: SiRaluh. О значеніи этой надписи см. теперь Bugge NJ. 162 ss., 232. Она содержитъ слово (alu), употребляющееся, кажется, только на сѣверѣ, ср. ibid. 165. — Изъ Östergötland'а сюда относится только знаменитый Рёкскій камень (выше стр. 7 примѣч. [3]), на которомъ, кромѣ поздней надписи X в., есть, на обратной сторонѣ, нѣсколько болѣе древнихъ руническихъ знаковъ; но они имѣютъ только значеніе стариннаго таинственнаго орнамента и, повидимому, ничего не означаютъ, см. Burg 97 s., Wimmer у него же стр. 162. — Наконецъ, ничѣмъ не выдѣляются изъ скандинавскаго типа также надписи, найденныя южнѣе въ Блекингіи Tjörkö (VI в.) Burg 86 ss.; Istaby (ок. 700 г.) Burg 80 ss., NJ. 98 s.; Gommor (того же времени) Burg 84 ss.; Sölvesborg (VIII в.) Burg 55 ss. — и въ Сканіи Lindholm (VI в.) Burg 54 s., NJ. 130. Сохраняя, въ общемъ, прагерманскій типъ, онѣ въ отклоненіяхъ отъ него носятъ исключительно черты, характерныя для скандинавскихъ нарѣчій.

Во главѣ генеалогіи амаловъ Jord. 14, 79 стоитъ Gapt, имя котораго обыкновенно принимается за описку вм. Gaut. Съ другой стороны, Гаутъ по Yngl. s. 38 первый царь — эпонимъ гаутовъ, что на первый взглядъ связываетъ послѣднихъ непосредственно съ готами материка. Но Gaut — Geát обычная фигура въ родословныхъ не только скандинавскихъ, но и англосаксонскихъ королей, см. Grimm. DM. III⁴, 377 ss, всегда въ связи съ Woden'омъ, то какъ предокъ, то какъ потомокъ его. Кентская генеалогія начинается съ Geta (т. е. Geáta) qui, ut ajunt. filius fuit dei, l. c. 387; совершенно также у Іордана въ указанномъ мѣстѣ Gapt... primus heroum, quos non puros homines, sed semideos id est Ansis vocaverunt. Передъ нами общегерманское божество или, точнѣе, общегерманское прозвище Одина-Вуотана, такъ какъ оно встрѣчается и у южныхъ нѣмцевъ въ формѣ Gôz, Caoz и т. д. въ многочисленныхъ личныхъ и географическихъ именахъ, см. ZfdA. VII, 30; PN. 495 ss., ON.² 622 ss. Здѣсь первоначальное значеніе его уже стерто; оно сохранилось на сѣверѣ, см. въ старшей Эддѣ Grimn. 54, 4, гдѣ Одинъ говоритъ о себѣ: hétomk... Gautr... meþ goþom; Vegtamskv. 2, 1. 13, 2: Óþenn aldenn gautr. Каково бы ни было его нарицательное значеніе, «творецъ» (отъ giuta), какъ думаютъ обыкновенно, или «sermones serens, sermocinator» (Egilsson Lex. poet. 226), можетъ быть, мы имѣемъ здѣсь исходный пунктъ этническаго имени гаутовъ. Ср. Skáldskaparm. 65. Впрочемъ, отношенія здѣсь неясны и требуютъ спеціальнаго изслѣдованія.

Къ сожалѣнію, всестороннее разслѣдованіе его исторіи пока не возможно, вслѣдствіе отсутствія необходимыхъ подготовительныхъ работъ. Такъ, современный языкъ острова вовсе еще не обслѣдованъ; нѣтъ въ научной литературѣ матеріала номенклатурнаго (кромѣ небольшого списка у Lindström I, стр. 47 сл.); имѣющійся рукописный матеріалъ (ibid. 38 s.) еще не изданъ, и т. д. Приходится довольствоваться тѣмъ немногимъ, что до сихъ поръ сдѣлано. Но и этого немногаго совершенно достаточно, чтобы выдѣлить языкъ острова изъ общаго состава шведскихъ нарѣчій и указать ему особое мѣсто не столько среди послѣднихъ, сколько рядомъ съ ними. Нореенъ, печатая въ прошломъ году первый выпускъ своей древнешведской грамматики, счелъ нужнымъ отмѣтить въ заглавіи ея, что она обнимаетъ древнешведскій языкъ «со включеніемъ древнегутскаго (An. Gr. II: Altschwedische Grammatik mit Einschluss des Altgutnischen. Lfrg 1; Einleitung, Sonanten 1897). На стр. 22 своей книги этотъ лучшій, въ наше время, знатокъ скандинавскихъ нарѣчій такъ характеризуетъ языкъ острова: «Древнегутское нарѣчіе настолько своеобразно, что оно отличается отъ языка древнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ шведскаго и датскаго сильнѣе, чѣмъ эти два языка расходятся между собою».

Этимъ опредѣляется отношеніе дргутск. языка къ ближайшимъ скандинавскимъ родичамъ: онъ представляетъ собою самостоятельную вѣтвь скандинавской семьи. Его оригинальность выступаетъ тѣмъ ярче, чѣмъ глубже мы уходимъ въ его прошлое. Но и теперь еще онъ сильно расходится съ шведскими нарѣчіями въ узкомъ смыслѣ этого слова. См. Lundell, Om de svenska folkmålen, p. 16 (NI. 154 not. [8]). Естественно возникаетъ вопросъ, вышелъ ли онъ вообще изъ скандинавскаго корня? Не привитъ ли онъ лишь впослѣдствіи извнѣ къ скандинавскому стволу? Если онъ мало по малу только превратился въ нарѣчіе, въ общихъ своихъ чертахъ скандинавское, то это можетъ быть результатомъ того подавляющаго культурнаго вліянія, которое имѣло на островъ Швеція съ древнѣйшихъ вре-

менъ. Не слѣдуетъ забывать, что готы покинули прибалтійскій край уже въ концѣ II в., что уже съ этого момента готландцы, слѣдовательно, были отрѣзаны отъ своихъ ближайшихъ вандильскихъ родичей—если они были таковыми—и, предоставленные сами себѣ, должны были оказаться беззащитными передъ все усиливавшейся шведской волной. Ср. NI. 154. Подобнаго рода явленія наблюдались и наблюдаются еще теперь, напр. въ Германіи, гдѣ нижненѣмецкія нарѣчія отступаютъ все дальше и дальше передъ надвигающимся на нихъ верхненѣмецкимъ языкомъ, налагая на него, однако, характерную мѣстную окраску.

A priori, мы, слѣдовательно, можемъ допустить такой переходъ. Весь вопросъ въ томъ, имѣются ли въ гутскомъ языкѣ данныя, которыя указывали бы на него.

Древнѣйшій памятникъ языка, найденный на Готландѣ — руническая надпись на фибулѣ изъ Айтеляйма (Etelhem). Всѣ изслѣдователи единогласно относятъ ее ко времени около 500 г., между прочимъ и Монтеліусъ, на основаніи чисто археологическихъ примѣтъ (NI. 154), такъ что это опредѣленіе можетъ считаться вполнѣ надежнымъ.

Что касается чтенія надписи, то и оно также должно считаться окончательно установленнымъ изслѣдованіемъ Bugge NI. 148 ss. Мы читаемъ, вмѣстѣ съ нимъ: mkmrlawrta [1]).

Бугге такъ дополняетъ недостающіе послѣ второй, третьей, четвертой и седьмой рунъ гласные звуки: «mik (или mek) Mārila worta» и переводитъ «меня Марила сдѣлалъ», всесторонне обосновывая свое пониманіе надписи палеографически, морфологически и синтаксически.

Не повторяя его вполнѣ убѣдительныхъ доводовъ, мы остановимся лишь на тѣхъ пунктахъ, которые важны для насъ въ данный моментъ: это—гласные элементы надписи, имѣющіе рѣшающее значеніе въ интересующемъ насъ вопросѣ. Относительно же согласныхъ замѣтимъ только, что отсутствіе h (worta

1) Noreen An. Gr. I², 258 и Kock, Undersökningar i svensk språkhistoria (Lund 1887), p. 108 ss. читали еще ekerlawrta. См. ниже.

вм. *worhta) вовсе не безусловный признакъ скандинавскаго языка, какъ думалъ еще Burg 111. Уже Бугге NI. 152 правильно указалъ, что и въ готскомъ часто недостаетъ, въ подобныхъ положеніяхъ, знака для h: uswaurts вм. uswaurhts II Кор. 9, 9, drausnos вм. drauhsnos Ев. отъ Іоанна 6, 12 и т. под. Не подлежитъ сомнѣнію, что по крайней мѣрѣ съ VI в. h передъ согласными вообще начинаетъ исчезать (см. теперь и Wrede Ostgot. 175), послѣ того какъ уже раньше оно выпадаетъ при извѣстныхъ условіяхъ, ср. готск. waúrstw<*wur*χ*stwa-. Впослѣдствіи, древнее h совершенно исчезло въ готскомъ; ср. крготск. seis=вульф. saíhs, ano=вульф. *hanjō и т. под. [1]). Съ другой стороны, въ норвежской надписи на камнѣ изъ Tune, которая приблизительно современна разбираемой, находимъ worahto, dohtriR Burg 125 ss., NI. 7. 26 s. 40.

Что касается гласнаго послѣ перваго m, то мы можемъ смѣло настаивать на i, не e: ср. Gutasaga c. 1 mir, mic, и ниже.

Неважно также, стояло-ли послѣ w—u или o, такъ какъ яснаго діалектическаго признака оно не даетъ, ср. worahto выше, wurte на брактеатѣ изъ Tjörkö VI в., готск. waúrhta. Вѣроятнѣе, что надо читать worta, такъ какъ въ дргутск. u>o передъ r+cons., см. ниже.

Нѣсколько труднѣе рѣшается вопросъ объ a, заканчивающемъ всю надпись. Окончаніе 3 л. ед. ч. слабаго претерита на -a немыслимо въ скандинавскихъ нарѣчіяхъ, такъ какъ прагерм. *-ēđ даетъ рунич. -e: wurte (Tjörkö), sate (Gommor). Это, въ сущности, единственный фактъ, который могъ бы говорить въ пользу толкованія Noreen'a и Kock'a (выше), такъ какъ въ первомъ лицѣ -a<*-ōm было бы правильно. Дѣло, однако, въ томъ, что такое пониманіе надписи идетъ въ разрѣзъ съ ихъ же хронологическимъ опредѣленіемъ. Если разбираемая надпись

1) Указываемые Bugge l. c. Gisebertus и т. д. ничего не доказываютъ, такъ какъ они отражаютъ латинское произношеніе. См. Seelmann, Aussprache 252 ss.

дѣйствительно относится ко времени не позже начала VI вѣка (Noreen An. Gr. I², 3: с. 500), то этимъ уже исключается подобное толкованіе: въ это время, древнее ō еще сохраняется во всѣхъ положеніяхъ. Ср. не только выше worahto, но и runoR (Varnum и Tjörkö VI в.) и еще около 700 г. род. пад. множ. ч. haiðRruno (Björketorp). Впервые сокращеніе ō>a встрѣчается на камнѣ изъ Istaby, т. е. около 200 лѣтъ послѣ Айтеляймской надписи. Noreen противорѣчитъ самъ себѣ, ставя An. Gr. I², 72 эти двѣ надписи на одну линію. Палеографически наша надпись должна быть отнесена къ древнѣйшему типу руническаго письма, что вполнѣ согласуется съ обычнымъ опредѣленіемъ. Предположить описку a вм. o, также не представляется возможнымъ: эти два знака никогда, въ древнихъ надписяхъ, не смѣшиваются. Мы должны, поэтому, вернуться къ первой точкѣ зрѣнія, видѣть въ -a отраженіе древняго -ē и согласиться, что оно не укладывается въ скандинавскія рамки. Единственный германскій языкъ, который знаетъ сокращеніе -ē>-a по меньшей мѣрѣ уже съ IV вѣка, это—готскій; только съ *готской* точки зрѣнія спорное worta нашей надписи представляется не только возможнымъ, но и необходимымъ (вульф. waúrhta). Естественно предположить, что передъ нами готская, не скандинавская форма (ср. Bugge NI. 152).

Этимъ, однако, вопросъ еще не рѣшается окончательно. Важнѣйшая часть всей надписи для насъ сочетаніе знаковъ mrla. Между r и l безусловно нужно предположить i: окончаніе -ila въ собственныхъ личныхъ именахъ встрѣчается у всѣхъ германцевъ (западногерм. -ilo) и неоднократно засвидѣтельствовано на сѣверѣ руническими надписями: ср. Wiwila (Veblungsnæs VI в.), Niuwila (Næsbjerg VII в.).

Но что предполагается между m и r? Въ этомъ важнѣйшемъ пунктѣ надпись отказываетъ въ отвѣтѣ. Читая Mārila мы получаемъ чисто скандинавскую форму; читая Mērila — типичную готскую.

Намъ думается, что не слишкомъ смѣло будетъ предполо-

жить послѣднюю форму: помимо worta, она поддерживается еще двумя другими соображеніями.

Пропускъ i въ mik и -ila легко объясняется тѣмъ, что оно стояло непосредственно передъ и послѣ сильнаго ударенія, т. е. само ударенія не носило и, можетъ быть, уже произносилось неясно [1]). Въ wrta r могло слышаться какъ главный носитель слогового ударенія, при безусловной краткости предшествующаго гласнаго (ur<r̥). Такого рода неточности встрѣчаются часто въ рунических надписяхъ. Ср. напр. на Мюнхебергскомъ копьѣ, вѣроятно готскомъ, но, во всякомъ случаѣ, вандильскомъ: ranīga вм. *raninga, Henning 9 ss.

Не въ такихъ условіяхъ стоитъ гласный послѣ второго m. Онъ былъ, во всякомъ случаѣ, долгъ и носилъ не только главное удареніе слова, но и логическое удареніе всей надписи. Пропускъ его я могу себѣ объяснить только тѣмъ, что писецъ не зналъ, какъ ее обозначить, т. е. не зналъ соотвѣтствующей руны. А если такъ, то необходимо предположить ē, а не ā, такъ какъ руна a была ему извѣстна.

Наконецъ, имя Mārila (позднѣе *Mǣrle) нигдѣ на сѣверѣ не встрѣчается; нѣтъ его и въ западногерманскомъ именословѣ. Кромѣ нашей надписи, оно встрѣчается всего одинъ только разъ еще, а именно у остготовъ въ Италіи. Подъ такъ называемой Неаполитанской купчей крѣпостью мы находимъ подпись: Ik Mērila bōkareis handau meinai ufmēlida. Подпись эта почти современна Айтеляймскимъ рунамъ: она совершена въ Равеннѣ ок. 550 г.

Конечно, мы и въ этомъ также не можемъ видѣть прямого доказательства готскаго происхожденія надписи, такъ какъ имена на -ila секундарнаго образованія и представляютъ собою лишь ласкательную форму отъ любого полнаго имени на -mār, -mērs, а таковыхъ у всѣхъ германцевъ сотни. Но они могли войти и въ оффиціальное употребленіе, что доказывается, кромѣ

1) Ср. позднѣйшую смѣну i—e внѣ ударенія, An. Gr. I², 76, II, 127.

только что приведенной подписи, еще множествомъ другихъ примѣровъ. Ср. Totila qui (et) Baduila Iord. Rom. 380 и т. под. Въ этомъ смыслѣ формы на -ila особенно въ ходу у готовъ, такъ что совпаденіе, въ данномъ случаѣ, можетъ быть знаменательно.

Сопоставленіе всѣхъ этихъ доводовъ даетъ намъ, на нашъ взглядъ, право, читать Айтеляймскую надпись Mik Mērila wor(h)ta и видѣть въ ней памятникъ чисто готскаго языка.

Но—мы и тутъ спѣшимъ оговориться. Фибула съ надписью могла быть занесена на островъ съ материка. За болѣе надежными критеріями мы должны обратиться къ тѣмъ памятникамъ дргутск. языка, которые несомнѣнно написаны на самомъ островѣ. А таковымъ представляется, прежде всего, рукопись cod. Holm. В 64, написанная ок. 1350 г. и содержащая въ себѣ древнѣйшую редакцію гутскихъ законовъ (Gutalag) и, въ видѣ приложенія, Гутасагу.

Не касаясь, пока, содержанія послѣдней, на которомъ намъ придется подробнѣе остановиться ниже, мы ограничимся характеристикой языка, выдвигая на первый планъ черты, привлекающія наше вниманіе съ точки зрѣнія «готской» гипотезы [1]).

Что намъ прежде всего бросается въ глаза при чтеніи дргутскихъ текстовъ, это — архаичность ихъ языка. Послѣдній значительно отсталъ въ своемъ развитіи отъ шведскаго, сохраняя болѣе древнія формы. Такъ, онъ не знаетъ перегласовки подъ вліяніемъ слѣдующаго u (u-Umlaut) или w; онъ сохранилъ древніе дифтонги ai и au (за немногими исключеніями, о

1) Памятниковъ дргутскаго языка немного. Кромѣ вышеназванной старшей редакціи Гуталагъ съ Гутасагой, имѣется еще младшая редакція ея, въ рукописи 1587 г. (копіи съ утерянной рукописи 1470 г.). О составѣ этихъ законовъ см. Amira въ Paul Gr. II, 2 p. 95 s. Руническій календарій 1328 г., также утерянный, существуетъ только въ изданіи 1626 г. (O. Worm. Fasti danici). Въ виду ненадежности текста я имъ не пользовался вовсе.—Gutalag съ Gutasag'ой изданы всего лучше Schlyter'омъ въ Corpus Juris Sueo-Gotorum Antiqui t. VII, Lund 1852, съ шведскимъ переводомъ и словаремъ. Томъ XIII этого изданія—glossarium (Lund 1877), куда вошелъ и лексическій составъ Gutalag'а, къ сожалѣнію, безъ точныхъ цитатъ. Хуже изданъ тотъ же текстъ у Säve, Gut-

которыхъ см. ниже), и т. под. Если мы сравнимъ получаемыя такимъ образомъ дргутскія формы съ соотвѣтствующими дршведскими и готскими:

дргутск.	дршведск.	готск.
þau	þó	þáuh
laupa	løpa	hlaupan
auga	ǿgha	augō
stain	stén (рунич. stin Herened)	stains
aiga	égha, ǽgha	aigan
stinqva	stiunka	stigqan

то сходство перваго ряда съ третьимъ не можетъ не поразить насъ. Гутскія формы производятъ, такъ сказать, готское впечатлѣніе. Но подобное сохраненіе древнихъ чертъ, конечно, не доказываетъ ближайшаго родства и можетъ быть объяснено географическою обособленностью острова (ср. Исландію).

Съ другой стороны, мы не можемъ не замѣтить и многихъ совпаденій въ развитіи съ скандинавскими и, спеціально, съ шведскимъ языкомъ. Сюда относится, въ области вокализма, знаменательный переходъ прагерм. ǣ>ā: ráþa, дршв. ráþa, готск. rēdan; полное проведеніе перегласовки подъ вліяніемъ i (i-Umlaut): namn — nemna, готск. namō, nom. pl. namna — namnjan, дршв. nam(p)n—næm(p)na [1]); въ консонантизмѣ пере-

niska Urkunder, Stockholm 1859, который за то даетъ текстъ всѣхъ руническихъ надписей (въ транскрипціи), найденныхъ на островѣ до выхода въ свѣтъ его книги, и интересное вступленіе. — Три отрывка Гуталага и начало Гутасаги вошли и въ Altschwedisches Lesebuch Noreen'a (Halle 1894) p. 36 ss.— Гутской фонетикѣ посвящена добросовѣстная, но теперь значительно устарѣлая работа Söderberg'a, Forngutnisk Ljudlära въ Lunds Universitets Årsskrift, t. XV, 1878—79. Кромѣ того см. Noreen въ Paul. Gr. I, 439 s., Bugge NJ. 148 ss.; послѣдняя работа въ этой области указанная выше дршведская грамматика Noreen'a An. Gr. II. Наконецъ, я пользовался еще Lindström'омъ, Anteckningar om Gotlands Medeltid, Stockholm 1892. Онъ, впрочемъ, даетъ мало матеріала для интересующаго насъ вопроса.

1) Сохраненіе въ полной чистотѣ группы -mn- вм. шв. -mpn-, приводимое Нореномъ Paul Gr. I, 440 какъ характерный признакъ дргутскаго, не можетъ считаться таковымъ, такъ какъ и дршв. далеко не всегда вставляетъ p: hæmna, næmna и т. под. Ср. впрочемъ и Noreen'a l. c.

ходъ z>R, r во всѣхъ положеніяхъ: lengr, дршв. længer, готск. laggiza; Graiþr, дршв. Gréþr, готск. *Graiþs; flairi, дршв. flére, готск. *flaiza-; наконецъ, въ области морфологіи напр. образованіе новаго mediopassiv'a посредствомъ личнаго resp. возвратнаго мѣстоименія: hailsas (уже въ рунич. надписи XII в. изъ Åkirkeby), дршв. hélsas; baiþas, дршв. bédhas и т. под.

Наконецъ, въ третьихъ, гутское нарѣчіе развиваетъ нѣкоторыя фонетическія особенности совершенно независимо отъ шведскаго съ одной, готскаго съ другой стороны. Такихъ чертъ, однако, немного; строго говоря, я вижу только два явленія, которыя безусловно должны быть отнесены къ этой категоріи: 1) древній дифтонгъ iu развивается въ iau: fliauga, дршв. flýgha, готск. *fliugan; diauþr, дршв. diuþer, dyuþer, готск. diuþs; и 2) дифтонги ai, au подвергаются сокращенію въ a передъ удвоеннымъ согласнымъ: adj. masc. braiþr — neutr. brat (<bratt)=дршв. brédher — bret, готск. braids (=þs) — braidata; masc. dauþr — ntr. datt = дршв. dǿþer — døt, готск. dauþs — dauþata.

Приведенная нами выше категорія совпаденій гутскаго съ шведскимъ побуждаетъ скандинавскихъ ученыхъ видѣть въ интересующемъ насъ языкѣ лишь своеобразно развившееся нарѣчіе шведскаго языка. Съ этой точки зрѣнія гутскій языкъ занялъ бы, такъ сказать, среднее положеніе между скандинавскими нарѣчіями съ одной и вандильскими съ другой стороны, примыкая къ первымъ извѣстными фонетическими и морфологическими нововведеніями и сохраняя вмѣстѣ со вторыми рядъ характерныхъ древнихъ чертъ.

Но на вопросъ о томъ, почему, при очень рано начавшемся и все возраставшемъ вліяніи шведскаго языка, не всѣ звуковые законы послѣдняго подчинили себѣ языкъ острова, могутъ быть только два отвѣта: либо, что эти законы были проведены и закончены раньше, чѣмъ гутское нарѣчіе подпало вліянію шведскаго; либо, что въ гутскомъ не было тѣхъ подготовительныхъ

звуковыхъ переливовъ, которые естественно должны предшествовать всякому замѣтному и отражающемуся въ письмѣ переходу, или, вѣрнѣе, что эти легкія звуковыя отклоненія шли тутъ въ иномъ направленіи. Въ обоихъ случаяхъ — совпадающихъ, въ концѣ концовъ, — мы должны предположить за началомъ письменной традиціи промежуточный фазисъ развитія, въ которомъ послѣднее не сходится, а расходится въ интересующихъ насъ языкахъ; періодъ же первоначальнаго общаго развитія придется отодвинуть далеко за предѣлы исторіи, въ эпоху общегерманскую.

На указанной промежуточной стадіи развитія должно быть сосредоточено все наше вниманіе; здѣсь, очевидно, мы должны искать рѣшенія, интересующаго насъ вопроса, и если намъ удастся доказать, что въ эту эпоху гутское нарѣчіе имѣло черты общія съ вандильскимъ и расходящіяся съ скандинавскимъ языкомъ, то тѣмъ самымъ мы докажемъ принадлежность гутскаго языка къ вандильской семьѣ.

Наиболѣе характерная черта, придающая всему вокализму вандильскихъ нарѣчій специфическую, имъ однимъ свойственную окраску, это — стремленіе къ крайнимъ точкамъ вокализаціи a, i, u; всѣ промежуточные звуки (e—o) во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ (æ, ę, ẹ, â, ǫ, ọ) какъ бы избѣгаются. Это стремленіе проведено всего рѣзче и стройнѣе въ языкѣ Вульфилы, гдѣ всѣ e и o перешли въ i и u [1]), всѣ $\bar{æ}$ и ē совпали въ ẹ̄ очень закрытомъ (ср. рукописныя чтенія azitizo Marc. X, 25 вм. azētizo, usdrebi ibid. V, 10 вм. usdribi и т. д. [2]); наконецъ, ō въ своемъ произношеніи приблизилось къ u, съ которымъ впослѣдствіи совпадаетъ (см. выше стр. 14 сл.).

Языкъ Вульфилы еще не довелъ этого движенія до конца: въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи всѣ ē достигли чистаго i,

---

1) Только передъ r и h индоевр. i, u, какъ и вновь возникшія изъ e, o, переходятъ въ ĕ, ŏ (aí, aú), очевидно подъ вліяніемъ гортаннаго произношенія r, h.

2) Всѣ относящіяся сюда описки см. Leo Meyer p. 536.

всѣ ō — чистаго u: ср. преобладающее уже съ VII в. написаніе собственныхъ именъ на -mīrus<-mērs; крымско-готск. schliepen, mine = вульф. slēpan, mēna; крымско-готск. stul, plut= вульф. stōls, blōþ. См. также выше стр. 15, Bremer PBB. XI, 7 ss., Wrede Wand. 91. 93 s., id. Ostgot. 161. 164.

Съ другой стороны, однако, переводъ Вульфилы — вѣроятно вестготскій въ основѣ — нѣсколько забѣжалъ впередъ въ развитіи краткаго e, по крайней мѣрѣ графически, сравнительно съ другими вандильскими нарѣчіями. Уже Шереръ ZGDS.[2] 51 s. not. догадался, что за однообразнымъ i Вульфиловой орѳографіи могутъ скрываться два различныхъ звука i и ẹ; и эта догадка была подтверждена подробнымъ разборомъ остготскаго именослова. Оказалось, что остготы въ Италіи еще въ VI в. фактически имѣли ẹ рядомъ съ ę (= вульф. ai) и i (индоевр. i и e передъ i, j), см. Wrede Ostgot. 162 s. Намъ нечего обращаться за аналогіей къ срврхнѣм. e, какъ это дѣлалъ Шереръ: болѣе близкую и вполнѣ подходящую аналогію представляетъ новонѣм. i — ie, которыя въ литературномъ произношеніи означаютъ два ясно различаемыхъ звука į (или ẹ̆) и ī: ср. ist, finden, tinte — schiesst, gibt, lied. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что именно въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать и замѣченную двойственность остготскаго i, съ тою только разницею, что тамъ закрытое произношеніе не предполагаетъ долготу звука, какъ въ нѣмецкомъ. Когда Вульфила писалъ swinþs, то онъ подразумѣвалъ то į, которое слышится въ нѣмецкомъ finden: это доказывается частою передачею готскихъ именъ Amalaswinþa, Mataswinþa черезъ Amalasuentha, Matesuentha. Объ этихъ именахъ см. Wrede Ostgot. 66. 96.

Такимъ образомъ, переходъ индоевр. e>i передъ n+cons. не только не есть прагерманскій законъ, но даже не можетъ считаться общегерманскимъ.

Но не подлежитъ сомнѣнію, что уже въ прагерм. началось съуженіе индоевр. e въ i при извѣстныхъ условіяхъ. Передъ į оно уже тогда успѣло перейти въ i (eį>iį>ī: готск. steigan,

дрсѣв. stíga, агс. stígan, дрфризск. stīga, дрсакс. дрврхнѣм. stîgan<прагерм. *stīga-<*steįgho-, ср. греч. στείχω и т. д.) [1]).

На этомъ остановилось прагерманское развитіе. Переходъ e>i передъ i, į слѣдующаго слога законченъ лишь на почвѣ обособленныхъ, но еще *всѣхъ* германскихъ языковъ. Ср. одно изъ древнѣйшихъ финскихъ заимствованій teljo изъ готск. *þeljō; у Тацита Segimerus, Segimundus. Къ тому же времени относится переходъ e>i передъ n+cons., проведенный, какъ мы видѣли, не такъ рѣзко. Ср. финск. rengas изъ праготск. *hrengas, вульф. *hriggs; у Тацита Fenni, тогда какъ у Птолемея уже исключительно Φίννοι.

Здѣсь остановилось общегерманское развитіе. То, что впослѣдствіи развилось въ такъ называемый i- Umlaut, уже началось; сюда относится напр. вышеуказанный переходъ e>i передъ i, į въ слѣдующемъ слогѣ. Въ другихъ положеніяхъ мы можемъ предположить уже общегерманскую палатализацію посредствующаго согласнаго, передавшаго затѣмъ палатальную окраску стоявшему передъ нимъ гласному звуку (Sievers, Phon.[4] p. 257). Этимъ, вѣроятно, объясняются слѣды перегласовки a>e въ вестготскомъ языкѣ VI и слѣд. вѣковъ. Примѣры см. у Bezzenberger'a A-Reihe p. 9. Ср. также Dietrich 61.

Дальнѣйшій шагъ переноситъ насъ уже на почву вполнѣ обособленныхъ языковъ, которые съ этого момента начинаютъ расходиться.

Съ одной стороны, въ вандильской группѣ продолжается процессъ съуженія открытыхъ гласныхъ, который приводитъ, какъ мы видѣли, къ крайнимъ результатамъ.

Съ другой стороны, скандинавскія и западногерманскія нарѣчія развиваются въ діаметрально противуположномъ направленіи, расширяя, въ извѣстныхъ случаяхъ, даже тѣ гласные звуки, которые первоначально были узки. Наиболѣе характернымъ проявленіемъ этого процесса представляется такъ назы-

1) Индоевр. ĭ въ абсолютномъ концѣ слова не перешло въ i, а отпало уже въ прагерманскую эпоху, см. Streitberg 55.

васмая перегласовка подъ вліяніемъ a (a-Umlaut, Brechung), въ силу которой всѣ индоевр. i и u основы переходятъ въ e, o, если въ слѣдующемъ слогѣ стояло ă, ǣ или ŏ [2]). Напр. индоевр. *u̯iros (рядомъ съ *u̯īros = дринд. vīras) > дрсѣв. verr, агс. дрсакс. дрврхнѣм. wer (готск. waír произошло изъ *wir изъ-за r); индоевр. *jugom (ζυγόν, jugum, иго)>дрсѣв. ok, агс. gioc, дрврхнѣм. joh (дрсакс. juk вслѣдствіе перенесенія основного гласнаго изъ тѣхъ падежей, гдѣ окончаніе не имѣло звука, производящаго данную перегласовку, напр. род. ед. ч.). Другіе примѣры см. Noreen Urg. Ltl. 18 ss., Streitberg 56. 58.

Вандильскія нарѣчія этого закона не знаютъ. Тацитовы Gotones и позднѣйшія формы Gothi, Γότθοι ничего рѣшительно не доказываютъ. Въ нихъ мы либо имѣемъ дѣло съ неточностью написанія, ставшею традиціонною въ литературѣ, либо o отражаетъ въ себѣ первоначально произношеніе посредниковъ между Римомъ и готами, т. е. западныхъ германцевъ. Имъ можно противупоставить болѣе раннихъ и доказательныхъ Gutones Плинія, *Γούτωνες Страбона и болѣе позднихъ Γύθωνες Птолемея, не говоря уже о готской формѣ *Gutans (Gutþiuda календаря, рунич. Gutanio на Букарештской шейной гривнѣ). Этотъ фактъ имѣетъ, какъ мы увидимъ, первостепенное значеніе для рѣшенія интересующаго насъ вопроса.

Другой законъ, отражающій въ себѣ то же стремленіе къ расширенію, мы уже знаемъ. Это переходъ ǣ>ā, опять-таки свойственный только скандинавскимъ и западногерманскимъ языкамъ. На сѣверѣ уже древнѣйшія руническія надписи не знаютъ ни одного æ.

За отсутствіемъ яснаго матеріала мы, къ сожалѣнію, не можемъ опредѣлить хронологію перехода ǣ>ę̄ въ вандильской группѣ. Что и этотъ переходъ относится къ эпохѣ общевандильской, доказывается, съ одной стороны, финскими заимствованіями (см. выше стр. 266), съ другой—проведеніемъ его въ ван-

1) Исключенія составляютъ, конечно, тѣ случаи, гдѣ за i слѣдовало i или u+cons. См. выше.

дальскомъ языкѣ, см. Wrede Wand. 91. Мы видѣли, однако, что процессъ съуженія здѣсь далеко не законченъ въ моментъ передвиженія готовъ на югъ.

Все сказанное до сихъ поръ относится къ гласнымъ подъ удареніемъ. Что касается тѣхъ же звуковъ внѣ главнаго ударенія, то они представляютъ нѣсколько иную картину.

Прагерм. $\bar{\bar{e}}$ даетъ первоначально во всѣхъ нарѣчіяхъ ē, которое въ готскомъ языкѣ сохраняется (nasidēs) или, въ абсолютномъ концѣ слова, переходитъ въ ă, см. выше стр. 285. Въ скандинавскихъ нарѣчіяхъ оно даетъ e, i, см. Noreen, An. Gr. I[3] 74. 76.

Прагерм. ō сохраняется какъ таковое въ готскомъ (gibōs) и переходитъ въ ă лишь въ абсолютномъ концѣ слова (gibă). Въ скандинавскихъ нарѣчіяхъ ō сохраняется въ древнѣйшихъ руническихъ надписяхъ еще во всѣхъ случаяхъ и лишь впослѣдствіи переходитъ въ a, resp. o (см. выше стр. 267).

Прагерм. ĕ даетъ во всѣхъ нарѣчіяхъ i, сохраняясь лишь передъ индоевр. r (Streitberg 54); совпавъ съ прагерм. i, оно затѣмъ видоизмѣняется въ зависимости отъ законовъ, дѣйствующихъ въ отдѣльныхъ языкахъ. Они для насъ уже не важны.

Прагерм. ŏ переходитъ въ ă во всѣхъ германскихъ языкахъ; оно сохраняется какъ ŏ только передъ m въ скандинавскихъ и западныхъ нарѣчіяхъ, тогда какъ въ готскомъ и въ этомъ положеніи также является a.

Остается замѣтить, что въ консонантизмѣ вандильскія нарѣчія сохраняютъ, въ общемъ, прагерманскій типъ; иначе говоря, для интересующаго насъ вопроса вандильскій консонантизмъ безразличенъ.

Подводя итогъ, мы подчеркнемъ положеніе, съ котораго мы начали характеристику вандильской группы: отличительная черта послѣдней—стремленіе къ крайнимъ точкамъ вокализаціи, сказывающееся весьма характерными фактами уже въ правандильскую эпоху, т. е. до переселенія готовъ на югъ и вызванныхъ имъ передвиженій другихъ вандильцевъ. Чѣмъ объяснить

эту звуковую окраску, налагающую на весь вандильскій вокализмъ такую специфическую печать, — объ этомъ два слова ниже. Пока, намъ достаточно установить этотъ фактъ, выдѣляющій вандильскую группу изъ общегерманской семьи. Въ то время, какъ остальныя германскія нарѣчія продолжаютъ жить общегерманскою жизнью, сообща проводя напр. a- Umlaut, вандильская группа уже остается въ сторонѣ, хотя географическое сосѣдство еще сохраняется. A- Umlaut'а вандильскіе языки потому и не провели, что въ это время указанная характернѣйшая черта ихъ уже развилась въ полной силѣ; не провели они, вслѣдствіе этого, и u- Umlaut'а и другихъ законовъ, характеризующихъ скандинавскіе и, отчасти, западногерманскіе языки. Въ эту эпоху обще-вандильской жизни — въ противуположность къ общегерманской, еще связывающей скандинавскія нарѣчія съ западными,—начался уже переходъ $\bar{\bar{e}}>\bar{e}$, по не законченъ; начался i- Umlaut, но остановился на первыхъ шагахъ; ĕ перешло въ ĭ, ŏ въ ŭ, сохраняя, однако, въ извѣстныхъ случаяхъ, болѣе открытую артикуляцію (į).

Обращаясь теперь къ гутскому языку, мы должны, очевидно, сосредоточить и здѣсь также наше вниманіе на вокализмѣ.

Уже Бугге NJ. 158 отмѣтилъ, что «гутскій языкъ вообще раздѣляетъ съ готскимъ тенденцію къ переходу отъ болѣе открытыхъ гласныхъ къ болѣе закрытымъ».

Основываясь на выясненныхъ нами особенностяхъ вандильскаго вокализма, мы можемъ теперь опредѣлить эту «тенденцію» точнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объяснить ее.

Мы дѣлимъ относящіеся сюда факты дргутскаго языка на двѣ категоріи.

I. Данныя, доказывающія, что въ гутскомъ вокализмѣ безусловно господствуютъ крайніе a, i, u во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они не были видоизмѣнены позднѣйшими звуковыми законами (переломомъ и т. под.).

1) Дргутскій языкъ вовсе не знаетъ краткаго ŏ, вмѣсто ко-

тораго всюду находимъ й, за исключеніемъ только случая, когда оно стоитъ передъ r+cons. Напр. mulka=дршв. molka, þunki=дршв. þokke, Gutar=дршв. Gotar, fulk=дршв. folk, bughi=дршв. boghi, ustr=дршв. oster [1]). Съ другой стороны, дргутск. bort=дршв. bort, vorþin=дршв. vurþin (vordhin). Другіе примѣры см. Söderberg 16 s. Нельзя не обратить вниманія на то, что дргутскій языкъ, превращая u>o передъ r+cons., слѣдуетъ чисто вандильскому закону, лишь нѣсколько съуживая его дѣйствіе, ср. напр. дргутск. partic. skurin отъ skiera, вульф. *skaúrans отъ *skaíra (откуда вульф. winþiskaúrō) изъ прагерманск. *skuranaz resp. *skurenaz.

Единственное исключеніе изъ указаннаго закона представляетъ дргутск. burg;—но это едва ли не одно изъ многочисленныхъ въ гутскомъ языкѣ заимствованій изъ нѣмецкаго (ср. гутск. kloster и т. под.), тѣмъ болѣе, что въ географическихъ названіяхъ мы находимъ правильное borg: Gullborg, Thorsborg, Wisborg (Lindström I, 51. 55).

Внѣ ударенія, древнія u и o сливаются въ дргутскомъ u: gangnum, handum, hafþu, gierþu и т. д. Строгое проведеніе этого закона представляетъ собою рѣзкую противуположность къ колебаніямъ, характеризующимъ внѣ ударенія дршведскую смѣну u—o, которая находится въ зависимости отъ сосѣднихъ гласныхъ и условій ударенія (Vokalharmonie и Vokalbalanz, Noreen An. Gr. II, 124 ss.) [2]).

2) Совершенно аналогичную судьбу имѣли въ гутскомъ языкѣ древнія e и i. Въ общемъ, e является въ гутскомъ только

---

1) Большинство относящихся сюда примѣровъ объясняется отсутствіемъ a- Umlaut'a, о которомъ см. ниже.

1) Случаи въ родѣ ok, os, tolf объясняются иначе. Ok<auk, еще исключительно господствующаго въ руническихъ надписяхъ до XII в., см. напр. надписи изъ Sjonhem'a, Hauggrän'a и друг., тогда какъ въ надписи изъ Atlingbo находимъ уже ok. Надписи эти см. Säve 44 s. Здѣсь, какъ въ os (изъ us), мы имѣемъ, вѣроятно, дѣло съ дѣйствіемъ проклизы. Знаменательно, что новогутскій языкъ знаетъ только uk и us! Что касается tolf (готск. twalif, дршв. tolf), то это слово имѣетъ свою особую исторію, см. ниже. Можетъ быть, впрочемъ, o развилось на почвѣ гутскаго языка правильно изъ -wa-?

какъ результатъ i- Umlaut'а изъ а: lengr=дршв. længer, segia=дршв. sæghia, sæya; тогда какъ въ отраженіяхъ прагерм. е безусловно преобладаетъ i, совпавшее, такимъ образомъ, съ древнимъ i, гдѣ его не видоизмѣнили позднѣйшіе звуковые законы, какъ-то преломленіе и т. под. Такъ, мы имѣемъ въ дргутск. dat. sing. mir, þir, sir=дршв. mær, þær, sær; дргутск. þinna, þitta = дршв. þænna, þætta; miþan, niþan = дршв. mæþan, nædhan; niþar=дршв. næþar и т. д. Само собою разумѣется, что передъ n+cons. также исключительно i: brinna, stinqva, drikka и т. д. Нельзя, однако, не замѣтить, что переходъ e>i проведенъ не такъ строго какъ o>u. Колебанія въ сторону е (сравнительно, впрочемъ, рѣдкія) отчасти объясняются дѣйствіемъ полной неударяемости (meþ), сводящей, въ концѣ концовъ, всѣ гласные внѣ ударенія въ шведскомъ языкѣ къ безразличному е (ср. An. Gr. II, 137 s.)[1]; отчасти же они должны быть отнесены къ заимствованіямъ изъ шведскаго, нося чисто шведскія формы, необъяснимыя съ точки зрѣнія гутскаго языка (lesa, fem и т. под.). Объ этомъ см. ниже.

Въ окончаніяхъ гутскій языкъ знаетъ только i, въ противуположность къ шведскому, смѣняющему е—i какъ u—o. Примѣры см. Söderberg 25.

3) ō подъ удареніемъ сохранилось: blota=готск. blōtan, дршв. blóta. Но что въ дргутск. это ō произносилось очень узко, какъ готск. ǭ, а не какъ дрсѣв. ó, доказывается тѣмъ, что оно подъ вліяніемъ i- Umlaut'а даетъ ȳ, а не ø̄ какъ въ шведскомъ; напр. byta=готск. bōtian, дршв. bǿta; fyþa (уже на рунич. надп. изъ Åkirkeby)=дршв. fǿþa. Иначе говоря, перегласовка дала здѣсь тотъ же результатъ, какъ при основномъ ū (дргутск. дршв. hús—hýsa).

ō внѣ главнаго ударенія дало u. Этимъ объясняются единичныя, не подпавшія шведской морфологіи формы nom. pl. augun, oyrun, сводящіяся непосредственно къ чисто готскимъ формамъ

1) Такъ, несомнѣнно, объясняются и совершенно незаконныя et, þet, вм. at, þat.

augōna, ausōna. Съ этой точки зрѣнія объясняется и загадачное, спеціально гутское окончаніе род. пад. ед. ч. основъ на -ōn: -ur (kirkiur и т. п.) изъ -ōs (gibōs), причемъ мы должны допустить перенесеніе его сюда изъ склоненія основъ на -ō.

4) ē подъ удареніемъ большею частью секундарнаго происхожденія (<ai и т. д.). Тамъ, гдѣ оно древне, ему соотвѣтствуетъ въ дргутск. i: дргутск. hier (<*hīr)=дршв. hǽr, прагерм. *hēr; Grikir, Grikland<прагерм. *Grēka-, готск. Krēks, дршв. Grækerr. Стремленіе перехода ē>i сказывается и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ē возникло позже. Такъ, дршв. hǽt (praeterit. отъ hæta) всегда соотвѣтствуетъ дргутск. hit (inf. haita; готск. háita—haíháit); дргутск. litu=дршв. lǽtu, дргутск. kni=дршв. knǽ. Передъ гласными ē всегда переходитъ въ i: sia=дршв. séa; Swiar=дршв. Swéar. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, находимъ колебанія: дргутск. fé=дршв. fǽ, готск. faíhu, но сложное дргутск. fileþi = дршв. fæelaþi, fæelædhe, вульф. *faíhu-lēdi.

II. Вторая категорія фактовъ древнегутскаго языка, еще болѣе доказательная, объяснима только съ точки зрѣнія готской гипотезы и можетъ быть подведена подъ слѣдующую общую формулу:

Когда гутскій языкъ, отдѣленный отъ вандильскихъ родичей, примкнулъ къ скандинавскому развитію, то онъ подпалъ не всѣмъ законамъ, опредѣлившимъ послѣднее, такъ какъ 1) нѣкоторые изъ этихъ законовъ были уже проведены вполнѣ и утратили свою силу, и 2) проведенію другихъ мѣшалъ развившійся въ вандильской прародинѣ вокализмъ, представлявшій совершенно неподготовленную почву для ихъ проведенія. Наконецъ, 3) вполнѣ проведены перегласовка подъ вліяніемъ i и однородная съ нею палатализація подъ вліяніемъ R, такъ какъ по крайней мѣрѣ первое изъ этихъ движеній началось уже въ общевандильскую эпоху.

1) Не проведенъ вовсе a- Umlaut, одинъ изъ древнѣйшихъ звуковыхъ законовъ, значительно видоизмѣнившій вокализмъ

скандинавскихъ и западногерманскихъ языковъ. Онъ проведенъ уже въ древнѣйшихъ руническихъ надписяхъ: horna (Gallehus), worahto (Tune) и друг. [1]). Когда къ скандинавскимъ языкамъ примкнулъ гутскій, то процессъ этотъ былъ, повидимому, уже законченъ; во всякомъ случаѣ, гутскій вокализмъ его не знаетъ. Самый яркій примѣръ Gutar въ сравненіи съ общескандинавскимъ Gotar; другіе примѣры см. выше стр. 296.

2) Не проведенъ также u- (resp. w-) Umlaut. Этотъ процессъ, начавшійся приблизительно въ VIII в. по Р. Хр. (ср. Noreen въ Paul Gr. I, 446) и продолжавшійся, съ перерывомъ, приблизительно до 1200 года (id. An. Gr. I², 54 ss.), относится, слѣдовательно, къ эпохѣ, когда Готландъ давно уже подпалъ шведскому вліянію. Если, тѣмъ не менѣе, онъ не былъ проведенъ на островѣ, то причину слѣдуетъ видѣть въ томъ, что языкъ послѣдняго не былъ подготовленъ къ нему, что здѣсь отсутствовала та склонность къ лабіализаціи гласныхъ, которая на сѣверѣ должна была предшествовать проведенію этой перегласовки. Такъ напр. не было вовсе древнихъ открытыхъ ę, такъ какъ они уже раньше перешли или приблизились къ i; а новое e, происшедшее изъ a вслѣдствіе вліянія слѣдующаго i, было закрытымъ. Примѣрами могутъ служить дргутск. hagga= дршв. hugga, дрисл. hǫggva, готск. *haggwan; дргутск. markum, lagum и т. д. См. Söderberg 26 ss.

Единственное исключеніе представляетъ собою дргутск. yx, предполагающее уже u-Umlaut *ǫxi, ср. дршв. øx, готск. aqizi. Въ виду единичности случая, мы должны предположить заимствованіе изъ шведскаго, подчинившееся затѣмъ спеціально-гутскимъ переходамъ ǫ>ọ>y.

3) Вполнѣ проведенъ i-Umlaut, такъ какъ этотъ законъ, представляющій собою палатализацію основныхъ гласныхъ, вполнѣ соотвѣтствовалъ общему движенію вандильскаго вокализма и начался, какъ мы видѣли, уже въ общевандильскую

---

1) Его считаютъ часто прагерманскимъ, см. напр. Noreen Urg. Ltl. 19 ss., Streitberg 56. 58. Ср., однако, съ этимъ Wrede, Ostgot. 164 s.

эпоху. Особеннаго вниманія заслуживаетъ отмѣченный нами выше стр. 297 фактъ, что i-Umlaut уже не засталъ древнихъ o, ō, успѣвшихъ настолько приблизиться къ u, ū, что они въ перегласовкѣ дали не ø, ǿ, какъ во всѣхъ скандинавскихъ нарѣчіяхъ, а y, ý, т. е. именно тѣ звуки, которые несомнѣнно получились бы и въ готскомъ, если бы въ этомъ языкѣ продолжался начавшійся въ прародинѣ процессъ палатализаціи. Примѣры см. выше стр. 297. Въ томъ же точно направленіи идетъ перегласовка подъ вліяніемъ R, дающая тѣ же результаты.

Что касается страннаго, на первый взглядъ, перехода (при i- и R-Umlaut) au>oy, напр. hoyra=дршв. høra изъ høyra, готск. hausjan; droyma = дршв. drøma, готск. *draumjan; oyra=дршв. ǿra, готск. ausō и т. д.—то вмѣсто oy слѣдовало бы ожидать ey (какъ въ дрисл.). Мы имѣемъ здѣсь, вѣроятно, дѣло съ секундарнымъ сближеніемъ компонентовъ дифтонга ey. Дѣйствительно, въ рунической надписи изъ Åkirkeby (ок. 1200 г.) встрѣчается еще правильное leysti, и еще въ младшей рукописи Гуталага døyr, очевидно вм. deyr. Оба случая сохранили древнюю форму и понятны только съ этой точки зрѣнія[1]).

Къ древнимъ звуковымъ законамъ, распространившимся изъ Скандинавіи на Готландъ, принадлежитъ переходъ ǣ>ā—единственный случай расширенія гласнаго, первоначально болѣе узкаго въ гутскомъ языкѣ. Для объясненія его мы должны вспомнить, что палатализація прагерм. ǣ не могла зайти далеко въ моментъ предполагаемаго нами отдѣленія готландцевъ отъ готовъ, разъ напр. въ остготскомъ языкѣ VI вѣка ē еще отличается отъ ī (см. Wrede, Ostgot. 161). Мы можемъ и должны предположить, что въ томъ нарѣчіи, которое принесли съ собою переселенцы, движеніе это еще не сказывалось такъ рѣзко, чтобы помѣшать возвращенію къ болѣе открытому звуку въ моментъ проникновенія на островъ скандинавскаго закона ǣ>ā. Во всякомъ случаѣ, древнее ǣ еще строго отличалось отъ древняго ē̦, давшаго правильно i, какъ мы видѣли на стр. 290 сл.

1) Noreen An. Gr. II, 117 отказывается отъ ихъ пониманія.

По мѣрѣ дальнѣйшаго развитія, сопротивленіе со стороны гутскаго вокализма, если можно такъ выразиться, уменьшается: болѣе позднія скандинавскіе законы проводятся цѣликомъ, какъ и на почвѣ консонантизма, гдѣ съ самаго начала сопротивленіе не сказывалось. Проводятся, напр., такъ называемое преломленіе (Brechung), причемъ, однако, снова сказалась особенность гутскаго вокализма въ томъ смыслѣ, что въ обоихъ случаяхъ (a-Brechung и u-Brechung) въ результатѣ получилось не ia, resp. iu, io, какъ въ дршведскомъ, а однообразное ie: iek=дршв. iak, mielk=дршв. miolk. Ср. въ рунахъ изъ Hauggrän (Säve 44) kierwa, bieru и друг.

И тутъ также мы наталкиваемся на единичныя исключенія: дргутск. iorþ, fiugur, tiugu=дршв. iorþ, fiugur, tiugu; дргутск. þiana, þianosta заимствовано изъ дрсакс. thianōn, thianust.

Эти факты приводятъ насъ къ послѣднему вопросу, котораго намъ остается коснуться.

Выше намъ неоднократно приходилось прибѣгать къ предположенію о заимствованіи готовыхъ словъ изъ шведскаго языка. Что при наличныхъ условіяхъ такія заимствованія были неизбѣжны, это ясно a priori, и мы въ правѣ предположить ихъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Прошли-ли они книжнымъ путемъ, встрѣчаясь только въ письменныхъ памятникахъ, или-же проникли и въ народный языкъ — это вопросъ иной, который можетъ быть рѣшенъ только путемъ изслѣдованія современнаго гутскаго нарѣчія, намъ, къ сожалѣнію, недоступнаго. Но заимствованія, во всякомъ случаѣ, были; ихъ пришлось бы предположить даже еслибъ мы считали гутскій языкъ органическимъ отпрыскомъ скандинавскаго, такъ какъ такія формы какъ flestr, iorþ, fem никоимъ образомъ не укладываются въ гутскія рамки, и намъ кажется, что съ этой точки зрѣнія заимствованій или исключеній пришлось бы предположить еще гораздо больше. Исходя же изъ «готской» гипотезы, мы получаемъ несомнѣнно болѣе стройную картину и можемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до извѣстной степени даже установить относительную хронологію

заимствованій, отличая болѣе древнія изъ нихъ, подпавшія послѣ перехода на островъ еще нѣкоторымъ особенностямъ гутскаго языка (ух), отъ тѣхъ, болѣе позднихъ, которыя сохранились въ полной неприкосновенности (lesa, iorþ и друг.). Наконецъ, за заимствованіе въ нашемъ смыслѣ слова говоритъ и то обстоятельство, что таковыми оказываются напр. рядъ однородныхъ, по значенію, словъ, имена числительныя tueir resp. tuēr, fiugur, fem, tolf, tiugu.

Если древнее wr- даетъ въ дргутск. то r- (raiþi), то ƀr- (ƀriska < готск. ga-wrisqan), то и здѣсь также мы должны видѣть въ сохраненіи w- въ видѣ ƀ- внѣшнее шведское вліяніе, а то обстоятельство, что новогутскій народный языкъ знаетъ больше случаевъ этого сохраненія, чѣмъ языкъ древней письменности (см. Säve XXVII: ƀrak, ƀrala, ƀräida), повидимому, подтверждаетъ высказанную выше догадку, что заимствованія шли двумя путями, книжнымъ и народнымъ.

Многое остается, пока, неяснымъ. Мы коснулись лишь немногихъ явленій гутскаго языка и не исчерпали даже имѣющагося у насъ древняго матеріала. Намъ важно было только указать на нѣкоторые основные законы гутскаго вокализма, достаточно, на нашъ взглядъ, подтверждающіе нашу гипотезу, что исторической жизни гутскаго языка предшествовалъ періодъ, въ который онъ, въ области вокализма, по крайней мѣрѣ, развивался въ направленіи противуположномъ скандинавскому развитію и совпадающемъ съ вандильскимъ. Всестороннее обсужденіе и разъясненіе всѣхъ относящихся сюда вопросовъ возможно будетъ лишь послѣ основательнаго фонетическаго, морфологическаго и лексическаго обслѣдованія современнаго гутскаго языка, — а за эту работу никто еще не брался. Тотъ матеріалъ, который уже собранъ въ этомъ направленіи, еще не изданъ и покоится въ рукописныхъ фоліантахъ въ библіотекахъ Копенгагена, Упсалы, Стокгольма и Висби (см. Lindström I, 38 s.). Съ привлеченія его слѣдовало бы начать работу. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ дастъ много фактовъ, интересныхъ не для одной только исторіи языка.

Возвращаясь къ послѣднему и подводя итогъ подъ наши разсужденія, мы могли бы раздѣлить исторію гутскаго вокализма на три періода:

1. Періодъ вандильскій. Система гласныхъ характеризуется чертами общевандильскаго вокализма, расходясь съ скандинавскими нарѣчіями. Это тотъ промежуточный фазисъ развитія, о которомъ шла рѣчь на стр. 290.

2. Первый скандинавскій періодъ. Проводится переходъ $\bar{æ} > \bar{a}$ и перегласовка подъ вліяніемъ i, подготовленная въ первый періодъ. Проведенію a-Umlaut и u-Umlaut препятствуетъ вандильская окраска вокализма. Слова, заимствуемыя изъ шведскаго, подчиняются гутскому типу.

3. Второй скандинавскій періодъ. Сопротивленіе со стороны гутскаго вокализма ослабѣваетъ; проводится преломленіе (Brechung) и друг. Къ концу этого періода гутскій языкъ принимаетъ все болѣе скандинавскій характеръ. Число заимствованій увеличивается, причемъ они остаются безъ измѣненій.

Самое важное заключеніе, представляющееся необходимымъ выводомъ изъ всего того, что мы сказали о гутскомъ языкѣ, это то, что готландцы пришли на островъ съ материка: здѣсь только могли развиться тѣ особенности вандильскаго вокализма, которыя, перенесенныя на Готландъ, до извѣстной степени опредѣлили дальнѣйшее развитіе гутскаго языка. Обратный ходъ событій былъ бы немыслимъ.

Къ тому же выводу приводятъ насъ, впрочемъ, и другія соображенія еще.

Bugge NI. 154 ss. указываетъ на нѣсколько гутскихъ словъ, которыя, отсутствуя въ скандинавскомъ лексиконѣ или имѣя здѣсь иное значеніе, повторяются въ готскомъ словарѣ въ болѣе схожей формѣ или съ болѣе близкимъ значеніемъ. Но они большею частью допускаютъ иное объясненіе, какъ сознаетъ самъ Bugge 158. Мы убѣждены, что болѣе внимательное разсмотрѣніе новогутскаго лексикона увеличило бы число такихъ совпаденій и тѣмъ самымъ отняло бы у нихъ характеръ случайности,

который имъ пока присущъ. Но для подобнаго рода работы необходимъ, прежде всего, словарь новогутскаго языка, котораго еще нѣтъ.

Не вдаваясь въ обсужденіе всѣхъ приводимыхъ Бугге случаевъ, мы остановимся лишь на трехъ изъ нихъ, для того, во первыхъ, чтобы внести легкую поправку въ его разсужденія, а во вторыхъ потому, что эти слова имѣютъ, на нашъ взглядъ, еще иное значеніе чѣмъ то, которое приписывается имъ Бугге.

Новогутск. lukarnastaki, дѣйствительно, несомнѣнно совпадаетъ съ lukarnastaþa (Ев. отъ Матѳ. V, 15. Марк. IV, 21, Лук. VIII, 16: подсвѣчникъ), хотя staki, конечно, не произошло изъ staþa: мы имѣемъ, очевидно, дѣло съ народно-этимологическимъ осмысленіемъ. Ср. staki Schlyter Gloss. s. v., аллитераціонная формула staki ok sten=нѣм. Stock (собств. Stecken) und Stein, тогда какъ staþa получило значеніе «остановки», см. ibid. s. v.

Что касается первой составной части, то готск. lukarn заимствовано не изъ вульгарной латыни, какъ думалъ Бугге NI. 155, а изъ кельтскаго, ср. дрир. lóchara, lúacharn. корн. lugarn. Оно, слѣдовательно, не доказываетъ, что готы, послѣ передвиженія на югъ, еще поддерживали связь съ родичами на далекомъ островѣ. Это одно изъ многихъ кельтскихъ словъ, перешедшихъ къ готамъ еще въ доисторическій періодъ; оно указываетъ намъ путь, по которому готландцы достигли острова: съ материка на островъ, а не наоборотъ.

О томъ же свидѣтельствуютъ и два остальныя слова: дргутск. kleti (Gutalag 17: til kletis) «förrådshus», нѣм. перев. «spicher», т. е. новонѣм. Speicher, кладовая, амбаръ; и новогутск. mausă «Flue», муха: оба слова несомнѣнно заимствованы изъ айстскихъ языковъ, см. лит. klētis, латыш. klēts (Sāve XXX); лит. musė, латыш. musa, прусск. muso.

Конечно, возможно, что каждое изъ этихъ словъ въ отдѣльности занесено съ материка, съ которымъ готландцы и впослѣдствіи также поддерживали живыя сношенія. Но сопоставленіе

ихъ съ lukarnastaki скорѣе приведетъ насъ къ предположенію, что всѣ три слова пришли на островъ, вмѣстѣ съ первыми переселенцами и ихъ языкомъ, съ материка, гдѣ лежитъ исходный пунктъ ихъ.

И такъ, изъ скандинавскихъ языковъ одно только нарѣчіе Готланда носитъ явные признаки ближайшаго родства съ вандильской семьей. Но выяснившееся намъ отношеніе его къ послѣдней таково, что оно никоимъ образомъ не можетъ служить доводомъ въ пользу гипотезы Коссинны и друг. о скандинавскомъ происхожденіи материковыхъ вандильцевъ, а скорѣе служитъ доводомъ противъ нея, такъ какъ оно расширяетъ и углубляетъ борозду, отдѣляющую вандильцевъ отъ скандинавовъ.

Указанными соображеніями, строго говоря, уже опровергается готское преданіе, — послѣдній доводъ, на которомъ намъ остается остановиться.

На первый взглядъ, та форма его, которую мы передали выше на стр. 256 со словъ Іордана, поддерживается и дополняется Гутасагой, повѣствующей между прочимъ о заселеніи Готланда и о позднѣйшемъ выселеніи части гутовъ на материкъ [1]).

Островъ Gutland, говорится здѣсь, до прихода перваго человѣка всплывалъ изъ моря только по ночамъ, тогда какъ днемъ онъ погружался въ морскія волны. Открылъ островъ нѣкій мужъ, который звался þieluar; онъ же первый принесъ сюда огонь, и съ тѣхъ поръ островъ больше уже не погружался въ море.

Первымъ поселился на островѣ сынъ Тьельвара Hafþi со своею женою Huitastierna (Бѣлая Звѣзда), и въ первую же ночь, которую они тамъ вмѣстѣ провели, женѣ приснился сонъ, «будто

1) Полный переводъ Гутасаги далъ Сыромятниковъ въ Живой Старинѣ, годъ 2-ой, вып. I (Спб. 1892) стр. 41—48.

три змѣи свились въ ея груди, и казалось ей, что онѣ выползли изъ груди ея». Этотъ сонъ разсказала она Гафти, мужу своему. Онъ истолковалъ сонъ этотъ такъ:

Все кольцами связано [1]).
Заселенной страной это (т. е. островъ) будетъ,
и будетъ у насъ три сына.

Имъ далъ онъ по имени всѣмъ (хотя еще) нерожденнымъ:

Guti будетъ Готландомъ владѣть,
Graipr будетъ зваться второй
и Gunfiaun третій.

Они раздѣлили потомъ Готландъ на три трети, такъ что Грайпъ, старшій, получилъ сѣверную треть и Гути среднюю треть, а Гунфіаунъ, младшій, получилъ южную. Потомъ отъ этихъ трехъ умножился народъ на Готландѣ такъ значительно въ долгое время, что земля не могла ихъ всѣхъ прокормить. Тогда назначили они по жребію (выселиться) изъ страны каждому третьему человѣку, съ тѣмъ, чтобы они (т. е. тѣ, на которыхъ палъ жребій) получили и увезли съ собою все, что они имѣли надъ землею (свое движимое имущество). Тогда хотѣли они (хотя) неохотно уѣхать, но пріѣхали въ Торсборгъ [2]) и поселились тамъ. Но не захотѣли земляки (land) ихъ терпѣть и прогнали ихъ оттуда. Потомъ поѣхали они на Faroy [3]) и стали тамъ жить. Но и здѣсь также они не могли прокормиться, а поѣхали на одинъ островъ около Айстланда, который называется Dagaiþi [4]) и поселились тамъ и соорудили городъ, который еще виденъ. Тамъ однако они также не могли удержаться, а поѣхали вверхъ къ рѣкѣ, которая зовется Dyna и вверхъ (по ней) черезъ Ryzaland».

1) Alt ir baugum bundit, т. е. во всемъ есть связь какъ въ кольцахъ-звеньяхъ цѣпи.
2) На восточномъ берегу острова.
3) Островокъ Fårö надъ сѣверной оконечностью острова Готланда.
4) Нын. Dagö.

Далѣе сага повѣствуетъ въ самыхъ общихъ чертахъ о дальнѣйшихъ судьбахъ переселенцевъ-готовъ.

«Такъ далеко проѣхали они, что они пришли въ Gricland». Они просятъ у греческаго царя (cunungr) позволенія остаться тамъ «отъ новолунія до ущерба луны». Царь позволилъ, думая, что они останутся только мѣсяцъ; но когда послѣдній прошелъ, переселенцы тѣмъ не менѣе остаются, увѣряя, что «отъ новолунія до ущерба луны значитъ — вѣчно». Между ними и царемъ возникаетъ споръ, который рѣшается царицею (drytning) въ пользу переселенцевъ. «Такъ поселились они тамъ и еще живутъ, и говорятъ еще на языкѣ схожемъ съ нашимъ» [1]).

Дальнѣйшій разсказъ, возвращающійся къ Готланду, насъ уже не интересуетъ.

Послѣдняя приведенная нами фраза Гутасаги весьма знаменательна: она доказываетъ, повидимому, что гуты знали о судьбахъ своихъ родичей на дальнемъ югѣ и что вплоть до выселенія готовъ на Балканскій полуостровъ въ V вѣкѣ между ними и гутами поддерживалась связь непосредственная, такъ какъ иначе замѣчаніе о ихъ языкѣ было бы необъяснимо. Дальній отголосокъ этой связи съ сѣверомъ находимъ мы еще столѣтіемъ позже, когда къ великому Теодорику въ Италію являются послы айстовъ, для поднесенія ему въ даръ янтаря. Ср. Cassiod. var. V, 2.

Но эта же фраза доказываетъ, что преданіе, отложившееся въ Гутасагѣ, возникло въ этой формѣ сравнительно поздно, т. е. не раньше V вѣка, когда готы дѣйствительно были уже î Griclandi и когда память о первоначальномъ отношеніи гутовъ къ готамъ уже должна была поблѣднѣть, вслѣдствіе чего дана была возможность новаго истолкованія этого отношенія.

Отожествленіе готландскихъ выходцевъ съ материковыми готами, впрочемъ, далеко не необходимо. Разсказъ Гутасаги скорѣе относится къ позднѣйшимъ колонизаціоннымъ выселені-

1) Oc enn hafa þair sumt af waru mali: «и еще имѣютъ они кое-что отъ нашего языка».

ямъ, на что указываетъ точное обозначеніе маршрута переселенцевъ: черезъ Торсборгъ на Faroy, отсюда на Dagaiþi и, наконецъ, къ устью Двины. Если этотъ маршрутъ и не обозначаетъ собою обычнаго пути гутскихъ купцовъ, — такъ какъ дорога изъ Готланда къ Двинѣ лежитъ не черезъ Dagö, — то во второй своей части онъ, во всякомъ случаѣ, отмѣчаетъ два пункта, къ которымъ преимущественно направлялась гутская торговля: черезъ Dagö на Новгородъ и черезъ Ригу по Двинѣ къ бассейну Днѣпра.

Гутасага не указываетъ страны, откуда вышелъ Тьельваръ и его сынъ. Мы съ одинаковымъ правомъ можемъ видѣть въ немъ скандинава или гота съ Вислы. Въ послѣднемъ случаѣ разсказъ Гутасаги вполнѣ примиримъ съ ходомъ историческихъ событій, выяснившимся намъ выше.

На этой почвѣ интересующій насъ вопросъ, очевидно, рѣшенъ быть не можетъ, такъ какъ онъ допускаетъ различные отвѣты. Мы должны нѣсколько раздвинуть рамки матеріала, чтобы получить болѣе надежный базисъ для нашего изслѣдованія.

Не одни готы считали себя выходцами изъ-за моря, и не они одни видѣли въ Скандинавіи свою родину: то же самое мы находимъ у лангобардовъ, суевовъ, бургундовъ и саксовъ.

Всего полнѣе это преданіе сохранилось у лангобардовъ, притомъ въ трехъ редакціяхъ[1]), сводящихся, въ концѣ концовъ, къ одному общему источнику — утерянной теперь Origo gentis Langobardorum, написанной около середины VII в. и прибавленной къ эдикту короля Ротари[2]). Она была извѣстна, въ первоначальной формѣ, Павлу Діакону, который внесъ ея содержаніе, повидимому, цѣликомъ въ свою «Исторію», разбивъ ее лишь на

1) То, что Prosp. Aquit. Chron. даетъ подъ 379 г., не имѣетъ самостоятельнаго значенія, такъ какъ оно вставлено лишь въ XV вѣкѣ, со словъ Павла Діакона и Іордана. См. MGH. Auct. antiquiss. IX, 1 p. 498. Изъ Павла же черпалъ отчасти Саксонъ Грамматикъ VIII, p. 418 s.

2) О взаимоотношеніи источниковъ см. L. Schmidt, Älteste Gesch. d. Lang. p. 8 ss. Тамъ же и другія библіографическія указанія.

части и снабдивъ ее нѣкоторыми объяснительными вставками (Hist. Lang. I, 1. 2. 3. 7—9. 13 ss.). Въ нижеслѣдующемъ мы назовемъ эту наиболѣе полную редакцію преданія А.

Нѣсколько сокращенную редакцію (В) даютъ три рукописи X—XI в., по которымъ текстъ Origo изданъ Waitz'омъ въ MGH. SS. Lang. et Ital. saec. VI—IX (1878) p. 1 ss. Такъ какъ эти рукописи расходятся между собою лишь въ неважныхъ для насъ мелочахъ, то мы можемъ принять цѣликомъ нормальный текстъ, возстановленный въ указанномъ изданіи. Редакція В особенно важна для насъ потому, что она, повидимому, въ точности передаетъ первоначальный текстъ Origo, по крайней мѣрѣ въ первой — наиболѣе важной для насъ — главѣ. Въ этомъ текстѣ изъ-за латинской фразы еще вполнѣ ясно просвѣчиваютъ формулы и аллитераціонные стихи древней народной пѣсни [1]), изъ которой неизвѣстный авторъ взялъ свой матеріалъ, переводя ее только на ученый языкъ, тогда какъ Павелъ Діаконъ парафразируетъ древній текстъ, придавая ему болѣе изящную латинскую форму.

Наконецъ, третья редакція (С) представляется одною только рукописью (Cod. Gothanus, XI вѣка, ed. Waitz l. c. p. 7 ss.). Она является, строго говоря, самостоятельною работою, написанною между 807—810 гг. и доведенною до паденія лангобардскаго государства. Изъ той части Origo, которая насъ, въ данный моментъ, интересуетъ, въ нее перешло лишь очень немного.

По всѣмъ тремъ версіямъ, первоначальное имя народа не лангобарды, а Winnili (иначе -iles, Winnoli, -uli: очевидно, въ связи съ дрврхнѣм. прилаг. winnul «воинственный»). Ихъ первоначальная родина Скандинавія (А: Scadinavia, Scandinavia, Scadanavia; В: Scadanan [вм. Scadanau=-awi].... in partibus aquilonis, ubi multae gentes habitant) [2]).

---

1) На это указалъ уже Kögel GddL. I, 1 p. 107 s. Попытку возстановить части древней пѣсни сдѣлалъ W. Bruckner 19 ss. и ZfdA. 43 (1899) p. 46 ss.

2) По С они первоначально жили на берегахъ Vindilicus amnis, откуда перешли въ Scatenauge Albiae fluvi ripa. Названіе Скандинавіи (въ нѣсколько

О причинѣ выселенія ихъ подробно разсказываетъ только А (Paul. Diac. I, 2 s.). Въ Скандинавіи народы такъ умножились, что они уже не могли жить вмѣстѣ (....populi dum in tantam multitudinem pullulassent, ut iam simul habitare non valerent...). Тогда они раздѣлили все населеніе на три части и бросили жребій, которой трети покинуть родину и искать новыхъ земель. Назначенная, такимъ образомъ, треть выбрала себѣ въ предводители двухъ братьевъ-юношей Ibor и Aio, у которыхъ была мать Gambara, mulier.... et ingenio acris et consiliis provida (ср. дрврхнѣм. cambrî sagacitas Graff Diut. IV, 208).

Переселенцы достигаютъ, прежде всего, страны, которая зовется Scoringa (ср. агс. score=ripa, Müllenhoff Nordalb. Stud. I, 141), и живутъ здѣсь нѣсколько лѣтъ. Но вотъ предводители (duces) вандаловъ Ambri и Assi, опустошавшіе въ то время сосѣднія съ лангобардами области, требуютъ и отъ винниловъ дани, грозя, въ случаѣ отказа, войною. Виннилы, по совѣту мудрой Гамбары, рѣшаютъ дать отпоръ и, дѣйствительно, побѣждаютъ болѣе многочисленныхъ и сильныхъ вандаловъ, благодаря хитрости богини Фреи, къ которой они обратились съ просьбою о помощи. Это же событіе дало поводъ къ тому, что виннилы стали называться лангобардами, т. е. длиннобородыми.

Однако, не смотря на побѣду, они недолго остаются въ Скорингіи: голодъ (famis penuria) снова заставляетъ ихъ покинуть эту страну. Прошедши черезъ Mauringa, гдѣ они справляются съ Assipitti, преграждавшими имъ путь, они послѣдовательно овладѣваютъ странами Golanda (Golada, Godolanda), Anthab (Anthaib, Antaib, Anthabus), Banthaib (Bantaib) и Vurgundaib (Burgundaib). Въ каждой изъ этихъ странъ они остаются по нѣсколько лѣтъ. Ibor и Aio умираютъ, и лангобарды выбираютъ

романизованной формѣ) перенесено на историческую родину лангобардовъ въ низовьяхъ Эльбы, такъ какъ Vindilicus amnis оказался родиной лишь вслѣдствіе смѣшенія винниловъ съ вандалами, обитающими на берегахъ этой рѣки по Isid. Etym. IX, 226. Cf. Waitz, ed. cit. p. 8, not. 2.

себѣ царемъ ad ceterarum instar gentium Агельмунда, сына Аіона, при которомъ они уходятъ дальше на востокъ, сталкиваются здѣсь съ амазонками (гл. 15) и болгарами (Vulgares, Bulgares, гл. 16 сл.) и достигаютъ, наконецъ, земли руговъ (Rugiland на Дунаѣ, гл. 19). Дальнѣйшій разсказъ насъ уже не касается.

Въ редакціи В разсказъ значительно упрощенъ. Надъ винилами уже въ Скандинавіи господствуютъ Ybor и Agio, сыновья мудрой Gambara. Къ прародинѣ же пріурочивается и эпизодъ борьбы съ вандалами, разсказанный здѣсь подробнѣе и лучше, т. е. ближе къ источнику — пѣснѣ (см. выше стр. 309). Послѣ побѣды, лангобарды, по неизвѣстной причинѣ, выселяются и приходятъ непосредственно въ Golaida, et postea possiderunt aldones Anthaib (Anthabus, Anthaip) et Bainaib (Banayb, Baynaib) seu et Burgundaib (Burgathaibus). При пятомъ царѣ послѣ Агильмунда они достигаютъ Rugiland'a.

Наконецъ, еще короче редакція С, представляющая и нѣкоторыя немаловажныя отступленія. Лангобарды вышли изъ прародины по совѣту Гамбары, изъ-за змѣй, народившихся тамъ (serpentibus.... breviati). О юношахъ-предводителяхъ здѣсь нѣтъ ни слова; опущенъ также эпизодъ борьбы съ вандалами, вслѣдствіе чего остается неяснымъ, почему они стали впослѣдствіи называться лангобардами. Объясненіе, что они были названы такъ «a prolixa barba et nunquam tonsa», взято изъ Исидора (см. выше стр. 310 прим.). Пробывъ нѣкоторое время въ Scatenauge, они переходятъ въ Saxoniae patria. Здѣсь они избираютъ Агельмунда, при которомъ они овладѣваютъ страною народа Beowinidi (т. е. Богеміей?), а затѣмъ переходятъ во Ѳракію, Паннонію, Rugiland (cod. Rudilanda).

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что Павелъ Діаконъ полнѣе другихъ передаетъ содержаніе древней Origo, хотя по формѣ онъ отступаетъ отъ нея сильнѣе редакціи В.

Если мы всмотримся въ его разсказъ, то намъ бросится въ глаза сходство его съ гутскимъ преданіемъ. Основная схема одна и та же: прародина въ Скандинавіи, голодъ, дѣленіе народа

на три части, выселеніе одной трети по жребію — вотъ общіе обоимъ мотивы. При полномъ тожествѣ послѣднихъ, мы должны предположить либо общій источникъ, либо заимствованіе ихъ однимъ народомъ у другого.

Оставляя въ сторонѣ первую возможность, которая будетъ опровергнута дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ, мы остановимся на второй.

О томъ, что первоисточникъ — лангобардское преданіе, заимствованное готами, думать нельзя. Лангобарды оказались въ сосѣдствѣ готовъ и вообще вандильскихъ германцевъ (гепидовъ) никакъ не раньше конца V вѣка, т. е. когда связь материковыхъ готовъ съ гутами прекращается окончательно и перенесеніе лангобардской саги на далекій островъ становится невозможнымъ.

Поэтому, обратный ходъ заимствованія представляется уже a priori болѣе вѣроятнымъ.

Но, независимо отъ этого, нѣкоторыя подробности преданія въ A доказываютъ то же самое.

По Павлу Діакону I, 15 ss. лангобарды, прошедши черезъ Vurgundaib, сталкиваются на какой то рѣкѣ съ амазонками (Amazones) и, за рѣкою, съ болгарами (Vulgares). Послѣднія два имени указываютъ далеко на востокъ, въ Сарматію, куда лангобарды фактически никогда не заходили. Эту часть преданія они, слѣдовательно, навѣрное заимствовали у другого народа, вѣроятнѣе всего у готовъ, знавшихъ, конечно, амазонокъ не только въ книжномъ, но и въ живомъ народномъ преданіи (Iord. 5, 44; 7, 49 ss.; 8, 56 s.; 24, 121 s.?). А что касается болгаръ, то, каково бы ни было отношеніе ихъ къ гуннамъ, имя ихъ было хорошо извѣстно готамъ. См. Iord. 5, 37: supra mare Ponticum Bulgarum sedes; Cassiod. Var. VIII, 10,4: Bulgares toto orbe terribiles. Ихъ побѣдилъ, между прочимъ, Теодорикъ, Ennod. Paneg. Theod. p. 266.

Такимъ образомъ, заимствованіе этой послѣдней части преданія изъ готскаго источника крайне вѣроятно.

Но и въ первой части есть такая же черта: это — борьба лангобардовъ съ вандалами, совершенно необъяснимая съ точки зрѣнія лангобардской, такъ какъ вандалы въ Силезіи находились далеко за горизонтомъ лангобардской земли, при чемъ совершенно безразлично, относится ли столкновеніе съ ними къ скандинавской прародинѣ (В) или къ Scoringa, «области на берегу моря» (А).

Съ другой стороны, столкновеніе *готовъ* съ вандалами не только вѣроятно по соображеніямъ географическимъ (см. ниже), но прямо засвидѣтельствовано исторически: по Iord. 4, 26 готы еще въ низовьяхъ Вислы побѣдили вандаловъ. Выраженіе Іордана: Vandalos iam tunc subiugantes оставляетъ открытымъ вопросъ, относится ли эта побѣда ко времени *до* окончательнаго занятія низовьевъ Вислы, или непосредственно послѣ него. Первое предположеніе, какъ мы увидимъ, вѣроятнѣе.

Что побѣда надъ вандалами послужила къ объясненію имени лангобардовъ, нисколько не противорѣчитъ нашей гипотезѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что объясненіе это — позднѣйшаго происхожденія, уже потому, что оно основано на невѣрномъ народно-этимологическомъ истолкованіи народнаго имени. Названіе лангобардовъ ничего общаго съ bard- (готск. *barda, агс. англ. beard, дврхнѣм. bart борода) не имѣетъ: оно выдѣляетъ лишь часть изъ общаго племеннаго имени «бардовъ», ср. Paul. Diac. III, 19 (въ стихотвореніи въ честь Droctulf'а) Bardi; Helmold I, 25 s. Bardi bellicosissimi; ихъ область на нижней Эльбѣ Bardangawi, городъ Bardanwich, Bardenwic, нын. Bardowick близъ Люнебурга, см. Bluhme 16. 22; ON.[2] 209 s. Ср. также географическія названія, сохраняющія память о бардахъ въ Англіи, у Bruckner'а стр. 32 прим. На другую этимологію указываютъ и агс. Longbeardnas рядомъ съ Heađobeardnas Wídsíđ 32. 49. 80, Beów. 2033. 2038. 2068 [1]).

1) Къ выводу о позднемъ происхожденіи эпизода борьбы съ вандалами въ лангобардскомъ преданіи приходитъ и Kögel GddL. I, 1, p. 108, по соображеніямъ внутреннимъ.

Этимъ, конечно, не отрицается древность самаго имени. Форма Langobardi засвидѣтельствована уже у Vell. Paterc. II, 106; ср. Strabo VII, 1, 3, Tacit. Germ. 40, Ptol. II, 11, 6. 9 и друг. Возможно также, что уже тогда существовало то народно-этимологическое объясненіе, которое мы находимъ въ А и В. Наша догадка предполагаетъ лишь, что объясненіе это пріурочено къ побѣдѣ надъ вандалами не раньше VI вѣка.

Если мы, такимъ образомъ, нашли какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ лангобардскаго преданія явные слѣды заимствованія его изъ готскаго, то мы въ правѣ предположить то же самое и для средней части.

Дѣйствительно, съ этой точки зрѣнія загадочныя доселѣ имена Golanda, Anthaib, Banthaib (Bainaib) и Vurgundaib (Burgundaib) [1]) получаютъ совершенно неожиданное освѣщеніе.

Golanda я понимаю какъ германскую народно-этимологическую передѣлку изъ слав. голѧдь, т. е. какъ страну айстскихъ галиндовъ [2]), о которыхъ была рѣчь выше на стр. 251.

Anthaib явно область антовъ, т. е. юговосточныхъ славянъ (Iord. 5, 34 et pass.).

Vurgundaib [3]) — земля вуругундовъ, тюркской народности

---

1) Я безъ колебанія принимаю для послѣднихъ трехъ именъ окончаніе -aib, такъ какъ оно, несомнѣнно, представляетъ собою древнвнѣм. eiba (pagus) въ Wedereiba, Wetareiba, нын. Wetterau; Wingarteiba. Ср. ON.[2] 1592. 1613; Waitz Verfssgsgsch. II[2], 327; L. Schmidt Ält. Gesch. 49.

2) Golanda — чтеніе огромнаго большинства рукописей Павла Діакона. В даетъ непонятное Golaida, изъ котораго исходятъ Мюлленгофъ Beow. 102 и Bruckner 94 (Gōlhaida = «das mit Freuden begrüsste, herrliche, Heideland», ср. готск. gōljan). Ихъ толкованіе кажется мнѣ искусственнымъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію. При нашемъ объясненіи единственнымъ затрудненіемъ представляется go- вм. ожидаемаго ga-; оно устраняется, однако, возможностью поздняго, сравнительно, перехода этого имени къ готамъ изъ *славянскаго* источника, предполагаемаго также второю частью -land.

3) Таково, безъ сомнѣнія, первоначальное чтеніе. Это явствуетъ не только изъ сопоставленія рукописныхъ разночтеній у Paul. Diac. I, 13 (ed. Waitz p. 54), но поддерживается еще и тѣмъ соображеніемъ, что имя бургундовъ — одно изъ наиболѣе извѣстныхъ именъ германскаго этническаго именослова — легко могло замѣнить, подъ перомъ переписчика, неизвѣстныхъ, почти, и давно исчезнувшихъ вуругундовъ, тогда какъ обратная замѣна немыслима.

близъ Мэотиды, съ которою готамъ неоднократно приходилось сталкиваться. Въ союзѣ съ готами, боранами и карпами уругунды (Οὐρουγοῦνδοι) опустошаютъ римскія владѣнія при императорахъ Галлѣ и Галліенѣ, Zosim. I, 27. 31. Около 290 г. ихъ разбиваютъ остготы; см. Mamert. Paneg. Genethl. Maxim. 17, гдѣ подъ Burgundii безъ всякаго сомнѣнія слѣдуетъ разумѣть вуругундовъ, какъ вѣрно догадался уже Zeuss 465. 695. Они живутъ въ сосѣдствѣ алановъ (Mamert. Alamanni), такъ какъ послѣдніе спѣшатъ къ нимъ на помощь [1]). Agathias V, 10 прямо причисляетъ Βουρούγουνδοι къ «скиѳамъ и гуннамъ». Колебанія между Βουρ- и Οὐρ- у греческихъ историковъ предполагаетъ въ первоисточникѣ *u̯ur-, что и передается вполнѣ вѣрно нашимъ Vurgundaib.

Не такъ ясно четвертое имя Bantaib, resp. Bainaib. Мюлленгоффъ ZfdA. IX, 243, исходя изъ послѣдней формы, объясняетъ ее изъ Bajina aib «страна боіевъ». Мы имѣли бы, въ такомъ случаѣ, параллель къ Beowinidi, въ областъ которыхъ заводитъ лангобардовъ версія C. Much 65, а за нимъ и Bruckner 99, связываютъ Bainaib съ агс. Báningas, Wídsíð 19. Этимъ, однако, вопросъ не разъясняется, а скорѣе осложняется. Въ наиболѣе надежномъ источникѣ, у Павла Діакона, мы находимъ только такія разночтенія, которыя единогласно указываютъ на первоначальное Bantaib, да и въ версіи В лучшая рукопись (Cod. Mutinens., ed. Waitz p. 3), читаетъ Banayb, повидимому, вм. Bantayb, и лишь два худшихъ кодекса даютъ ясное Bainaib.

Давать предпочтеніе именно этой формѣ передъ единогласнымъ свидѣтельствомъ лучшихъ источниковъ, это пріемъ по меньшей мѣрѣ неосторожный. Намъ кажется, поэтому, безусловно необходимымъ принять за исходную точку форму Bantaib.

Если наше пріуроченіе Vurgundaib къ вуругундамъ (герм. *Wurgundōz) вѣрно, и если, съ другой стороны, интересующій

1) Германскихъ бургундовъ Мамертинъ тутъ же называетъ Burgundiones.

насъ рядъ именъ взятъ изъ народной пѣсни — что едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, — то законъ аллитераціи требуетъ измѣненія Bantaib въ *Wantaib (aldonēz — Antaib, Wantaib — Wurgundōz), и мы имѣемъ передъ собою явное германское отраженіе славянскихъ вѧт-ичей, — имени, о которомъ подробнѣе будетъ рѣчь ниже. Формально, переходъ вѧт- > want- аналогиченъ переходу голѧдь > goland. По содержанію же мы получаемъ теперь стройный рядъ этническихъ наименованій голядь, анты, вятичи, вуругунды, въ которомъ, можетъ быть, сохраненъ даже строгій географическій порядокъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что онъ начинается съ голяди въ восточной Пруссіи и кончается вуругундами около Мэотиды.

Сопоставленіе же этого вывода съ тѣмъ, что мы сказали выше о вандалахъ, амазонкахъ и болгарахъ лангобардскаго преданія, даетъ намъ право вывести заключеніе, что весь этотъ рядъ этническихъ именъ заимствованъ лангобардами изъ *готскаго* преданія: передъ нами отзвукъ готской пѣсни, пѣвшей о побѣдахъ готовъ надъ вандалами, голядью, антами, вятичами, вуругундами, амазонками и болгарами; одной изъ тѣхъ пѣсенъ, о которыхъ говоритъ Іорданъ 4, 28, повѣствуя о передвиженіи готовъ на югъ: velut victores ad extremam Scythiae partem, que Ponto mari vicina est, properant, quemadmodum et in priscis eorum carminibus pene storicu ritu in commune recolitur.

Что касается имени винниловъ, то вопросъ о его источникѣ долженъ остаться открытымъ. Такъ какъ оно нигдѣ въ исторіи не встрѣчается, то мы, вѣроятно, въ правѣ видѣть въ немъ эпическое прозвище, на что указываетъ и ясность его значенія («воинственные», см. выше стр. 309): древнія этническія имена рѣдко бываютъ столь ясными по значенію, эпическія же прозвища почти всегда. Можетъ быть, и оно также взято изъ готскаго преданія; въ такомъ случаѣ, эпизодъ съ Воданомъ и Фреей (А. В) могъ быть присочиненъ впослѣдствіи къ мотиву о борьбѣ съ вандалами, какъ бы вводя готскій эпическій сюжетъ въ новое лангобардское русло.

Мы вовсе еще не коснулись трехъ именъ лангобардской саги: Scoringa, Mauringa и Assipitti (Paul. Diac. I, 10 ss.). Такъ какъ они не извѣстны ни B ни C, то ихъ, вѣроятно, не было и въ первоначальной Origo, и лишь Павелъ Діаконъ ввелъ ихъ въ общее теченіе разсказа. Дѣйствительно, они составляютъ здѣсь какъ бы эпизодическую вставку между выходомъ изъ Скандинавіи и переходомъ въ Goland, и по содержанію своему они указываютъ въ другую сторону, на другой источникъ.

Точку опоры даетъ второе имя — Mauringa. Каково бы ни было его происхожденіе и первоначальное значеніе [1]), не подлежитъ никакому сомнѣнію, что оно обозначаетъ центральную часть Германіи на правомъ берегу средней Эльбы; вѣроятно, болотистую область на Havel и Spree. Ср. Geogr. Rav. I, 11 patria Albis: Maurungani [2]). О готахъ тутъ не можетъ быть рѣчи.

Такъ какъ лангобарды пришли сюда изъ Scoringa, явно обозначающей «прибрежную страну» (выше стр. 310), и такъ какъ, съ другой стороны, лангобарды только въ своей родинѣ въ низовьяхъ Эльбы сидѣли на морѣ, которое они затѣмъ увидали вновь лишь въ Италіи, то отсюда, на мой взглядъ, возможенъ только одинъ выводъ: что переселеніе изъ Scoringa въ Mauringa отражаетъ въ себѣ историческій фактъ — передвиженіе лангобардовъ изъ родины близъ нижней Эльбы на юговостокъ, по правому берегу этой рѣки. Столкновеніе ихъ, въ этой странѣ, съ ассипиттами остается неяснымъ; можетъ быть, и оно также принадлежитъ исторіи, но даже приблизительное пріуроченіе этой народности къ какому нибудь опредѣленному пункту невозможно при имѣющемся на лицо матеріалѣ. О возвышенностяхъ Asse подъ Вольфенбюттелемъ (Bluhme 23) не можетъ быть рѣчи, какъ безусловно невѣрно и то, будто Moringa сохранилось въ нын. Moringen близъ Northeim'a (ibid.).

---

1) Вѣроятно «болотистая страна». См. Bruckner 106 s. Иначе толкуютъ это имя Мюлленгофъ DA. II, 97, Möller 26 ss. not., Much 82 s.

2) О славянскомъ характерѣ этой формы см. Heinzel WSB. 99, 23 ss.

Такимъ образомъ, оказывается, что разсказъ Павла Діакона о родинѣ и древнѣйшихъ судьбахъ лангобардовъ представляетъ собою контаминацію данныхъ двухъ источниковъ. Первый изъ нихъ — готское преданіе, сохранившееся у остготовъ въ Италіи и перешедшее, вѣроятно, лишь здѣсь къ лангобардамъ [1]) въ формѣ народной пѣсни. Изъ этого источника къ Павлу, или, точнѣе, въ утерянную Origo gentis Langobardorum, перешли Скандинавія, какъ прародина народа, Голандъ, земля антовъ и т. д.

Второй источникъ — пѣсни или, вообще, преданіе лангобардовъ, сохранявшее память о фактической родинѣ на Эльбѣ. Павелъ Діаконъ вставилъ этотъ эпизодъ въ разсказъ Origo въ томъ мѣстѣ, въ какомъ онъ казался примиримымъ съ общимъ ходомъ разсказа, между Скандинавіей и Голандомъ, перенесши сюда столкновеніе съ вандалами и повторивъ побудительную причину выселенія — голодъ.

Онъ, однако, этого второго источника, повидимому, не исчерпалъ, такъ какъ нѣкоторыя черты, сохранившіяся въ редакціи C, должны быть отнесены сюда же.

Авторъ этой редакціи въ первыхъ двухъ главахъ (Cod. Gothan. cap. 1. 2, ed. Waitz p. 7 s.), повѣствующихъ о древнѣйшихъ судьбахъ лангобардовъ, не зависитъ ни отъ Origo, ни, еще менѣе, отъ Павла Діакона. Онъ значительно сократилъ имѣвшійся передъ нимъ матеріалъ, произвольно комбинируя между собою имена и факты. Вслѣдствіе неудачнаго отожествленія винниловъ съ вандалами, исходнымъ пунктомъ передвиженій лангобардовъ оказывается Vindilicus amnis, обозначающій собою родину вандаловъ у Исидора (см. выше стр. 309 примѣч.), котораго авторъ C по ошибкѣ называетъ Іеронимомъ. Скандинавія, какъ прародина народа, этимъ уже исключалась и должна была очутиться на второмъ мѣстѣ. Дѣйствительно, съ береговъ рѣки Виндилика лангобарды переходятъ въ Scatenauge, но по-

1) Не подлежитъ сомнѣнію, что въ моментъ прихода въ Италію лангобардовъ (568 г.) здѣсь оставались еще многочисленные остатки готскаго народа, особенно въ сѣверной Италіи, позднѣйшей Ломбардіи.

слѣдняя тутъ же поясняется какъ Albiae fluvi ripa, т. е. отождествляется съ Scoringa лангобардскаго преданія. Слова «берега рѣки Эльбы» представляютъ собою лишь вѣрное поясненіе Scoringa, имени, ставшаго непонятнымъ. Того же пріема придерживается авторъ и въ послѣдующемъ, переводя Mauringa черезъ Saxoniae patria... locus ubi Patesprunа cognominantur. Падерборнъ же попалъ въ текстъ только потому, что этотъ городъ незадолго до этого прославился сеймомъ 777 года (ср. L. Schmidt, Ält. Gesch. 12 s.). Фактически, здѣсь лангобардовъ никогда не было и быть не могло, не смотря на Bluhme 22 ss.

Помимо этихъ переводовъ и поясненій, редакція С придерживается, слѣдовательно, лангобардскаго преданія, и мы въ правѣ отнести къ послѣднему и слѣдующую затѣмъ станцію лангобардовъ, страну народа Beowinidi, т. е. венедовъ-славянъ въ Baiohaim, черезъ которую они, по соображеніямъ географическимъ, должны были пройти, раньше чѣмъ обосноваться временно въ Ругиландѣ [1]). Съ этого момента С цѣликомъ слѣдуетъ Origo, внося лишь нѣкоторыя поправки и дополненія [2]).

Мы пришли, слѣдовательно, къ выводу, что лангобардское преданіе совершенно вѣрно, въ общихъ чертахъ, рисовало маршрутъ народа изъ низовьевъ Эльбы, по правому берегу этой рѣки, въ Богемію, откуда они (подъ давленіемъ баюваровъ или славянъ?) перешли въ Ругиландъ, незадолго до этого опустошенный Одоакромъ.

Какъ мотивировало преданіе выселеніе изъ прародины? Если наша догадка вѣрна, то мотивъ голода, выдѣленіе одной трети народа по жребію и т. д. принадлежатъ готамъ. Дѣйствительно, въ редакціи С—наиболѣе полномъ отраженіи *лангобардскаго* сказанія — выселеніе мотивируется иначе: лангобарды притѣсняются змѣями и, вслѣдствіе этого, покидаютъ родную

1) Ѳракія и Паннонія, оказывающіяся между Богеміей и страной руговъ, лишь предвосхищаютъ то, что въ главѣ пятой разсказывается болѣе подробно.

2) См. изданіе Waitz'а стр. 8 сcл., гдѣ эти вставки и поправки выдѣлены шрифтомъ.

страну. О дѣленіи народа на три части и т. д. здѣсь и рѣчи нѣтъ.

Мы можемъ остановиться на этомъ выводѣ, не входя въ обсужденіе подробностей, такъ какъ это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей ближайшей задачи. Мы оставимъ, поэтому, въ сторонѣ вопросъ о томъ, какова была роль юношей-предводителей въ первоначальномъ сказаніи, принадлежатъ ли они лангобардскому или готскому преданію. Не прослѣдимъ мы и нитей, связывающихъ лангобардскій мотивъ змѣй съ неврскимъ преданіемъ на почвѣ индоевропейскаго фольклора, и тройственность дѣленія готскаго народа съ тремя варяжскими братьями, основателями русскаго государства, съ одной стороны, и съ тремя кораблями англосаксовъ, завоевателей Британіи, съ другой. Всѣ эти вопросы требуютъ спеціальнаго изслѣдованія, которое мы думаемъ посвятить имъ въ будущемъ.

А пока, намъ достаточно будетъ вкратцѣ очертить дальнѣйшую исторію мотива о скандинавской прародинѣ.

Дѣло въ томъ, что итальянская Лангобардія послужила базисомъ дальнѣйшаго его распространенія.

Прежде всего онъ проникъ въ Данію, двумя путями, народнымъ и книжнымъ. Первый путь привелъ къ датской народной пѣснѣ (Grundtvig I, 321 ss.), передающей тотъ же фактъ въ нѣсколько осложненной формѣ. Дѣйствіе происходитъ въ Даніи въ царствованіе короля Snede (Snedigh); во время голода собраніе старшинъ (herre-dag, rigens raadt) рѣшаетъ убить треть народа, но мудрая жена Innger (Ingeborgh), родомъ съ Зеланда (Siellandt, Sellandt) совѣтуетъ лучше выселить эту треть. Переселенцы выбираютъ ея сыновей (безъименныхъ) въ предводители (høffuitzmenndt), которые и ведутъ ихъ черезъ Блекингію, или Галландію и Блекингію (Hallindt; Blegenn, Blegint) въ Ломбардію, «что лежитъ въ волошской землѣ (Lumerdi, Lunbardi, som liger i Vallanndt inde)». Ср. тотъ же разсказъ въ стихотворной хроникѣ XV вѣка у Grundtvig'a III, 797.

Сохраненіе имени Ломбардіи «въ Валандѣ» не оставляетъ

никакихъ сомнѣній относительно исходнаго пункта этого преданія, лишь пріуроченнаго теперь къ Даніи. А что пѣсня эта древняя, доказывается тѣмъ, что ею могъ воспользоваться Саксонъ Грамматикъ 418 s., который лишь дополнилъ ея разсказъ нѣкоторыми чертами и именами изъ Павла Діакона. Саксонъ самъ указываетъ на Павла, какъ на свой источникъ (Paulo teste). Во время голода, говоритъ онъ, народъ рѣшилъ-было сперва убить стариковъ и дѣтей, т. е. всѣхъ, кто неспособенъ носить оружіе и работать въ полѣ. Но мудрая Gambaruc, мать князей Aggo и Ebbo предупреждаетъ выполненіе этого безчеловѣчнаго рѣшенія совѣтомъ, чтобы часть народа, назначенная по жребію, выселилась изъ родины. Вторичное народное собраніе постановляетъ слѣдовать этому мудрому совѣту. Переселенцы идутъ черезъ Blekingia, Moringia, Gutlandia (=Goland), Rugia и достигаютъ наконецъ Италіи.

Изъ Даніи этотъ мотивъ переходитъ затѣмъ въ Исландію. Въ Vemundar saga ok Vígaskútu c. 7 (Islendinga sögur II, 248 s.) онъ пріурочивается къ Reykjardalr въ Исландіи, хотя въ нѣсколько поблѣднѣвшей формѣ, при чемъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является нѣкій Askell, по совѣту котораго отмѣняется жестокое постановленіе народнаго собранія. Отголосокъ того же мотива находимъ мы, наконецъ, и въ сагѣ объ Олафѣ Триггвасонѣ, гл. 226 (Fornmanna sögur II, 225 ss.).

На скандинавскій же источникъ указываетъ суевское преданіе въ анонимномъ отрывкѣ о происхожденіи суевовъ, изданномъ впервые Goldast'омъ (Suevic. rer. script. 1604 p. 15 ss.), затѣмъ Мюлленгофомъ въ ZfdA. XVII (1874), p. 57 ss.

Родина суевовъ, говорится здѣсь, лежитъ на морѣ (adiacet mari) и называется Суевіей. Суевы были язычниками и ежегодно приносили своимъ идоламъ въ жертву двѣнадцать христіанъ. Въ наказаніе за это, Богъ посылаетъ имъ голодъ. Тогда король ихъ, Růdolfus, собираетъ на совѣщаніе всѣхъ старшинъ (optimates) съ тѣмъ, чтобы они явились туда безъ своихъ сыновей. Собраніе приходитъ къ рѣшенію, чтобы всѣ отцы, имѣющіе нѣ-

сколько сыновей, убили ихъ всѣхъ за исключеніемъ одного, самаго любимаго. Въ собраніи принимаетъ участіе и нѣкто Anshelmus, у котораго 5 сыновей. Грустный приходитъ онъ домой, гдѣ одинъ изъ сыновей, Ditwinus, замѣтивъ его грусть, спрашиваетъ его, въ чемъ дѣло. Отецъ сперва отказывается дать отвѣтъ, но потомъ, уступая просьбамъ сына, разсказываетъ ему о состоявшемся рѣшеніи. Дитвинъ понимаетъ, что и ему грозитъ смерть, такъ какъ онъ не любимый сынъ. «Еслибъ я присутствовалъ въ собраніи, я далъ бы лучшій совѣтъ», говоритъ онъ. Когда черезъ нѣкоторое время царь созываетъ вторичное собраніе, чтобы объявить о рѣшеніи перваго (ut diram sententiam prioris sessionis...... promulgarent), Anshelm беретъ съ собою и Дитвина, которому легко удается убѣдить какъ царя, такъ и всѣхъ присутствующихъ, что лучше послать за море всѣхъ, кого рѣшено было убить. Тотчасъ же начинаются сборы, и когда все готово, то тѣ, что раньше были приговорены къ смерти, садятся на корабли и пускаются въ море. Сильной бурей ихъ прибиваетъ къ датскому берегу—eiecti sunt in portu Danorum in loco Sleswic nominato. Разбивъ всѣ корабли, — чтобы никто не могъ вернуться домой, — они идутъ дальше, черезъ всю страну дановъ (regio Danorum) и, перешедши черезъ Эльбу, разсѣеваются по окрестнымъ землямъ.

Дальнѣйшій разсказъ о томъ, какъ они помогаютъ франкскому королю Теодерику въ борьбѣ противъ тюринга Ирменфрида, уже не представляетъ для насъ интереса: онъ взятъ изъ саксонскаго источника, см. ZfdA. XVII, 63 ss. Что же касается пересказанной нами части, то на скандинавское происхожденіе ея указываетъ не только роль, которую въ ней играетъ Данія и portus Danorum, locus Sleswic, но и имя Anshelm'а, дающее намъ нѣкоторое основаніе связать этотъ изводъ съ исландской сагой (Islendingas. II, 248), въ которой главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, убѣждающимъ народъ не убить, а выселить лишнихъ, является Askell. Послѣднее имя, совершенно не извѣстное на материкѣ, было замѣнено здѣсь схожимъ по звукамъ Ans-

helm'омъ, особенно часто встрѣчающимся у алеманновъ-швабовъ. Суевское и исландское преданія восходятъ, очевидно, къ одному и тому же общему источнику [1]).

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, суевское преданіе дало сказаніе о шведскомъ происхожденіи нын. швейцарцевъ (Grimm DS. № 508), отразившееся въ драмѣ Шиллера (Wilh. Tell II, 2) и слышанное мною лично, въ нѣсколько сокращенной формѣ, въ Haslithal'ѣ еще въ 1885 году.

Отголосокъ того же преданія, но въ болѣе ученой обстановкѣ, находимъ мы въ Annolied'ѣ (конца XII в.), ст. 281: суавы, которыхъ побѣдилъ Юлій Цезарь, пришли когда-то изъ за моря (ubir meri) и поселились подъ горой Суебо (ane dem berge Suêbo), отъ котораго они и получили свое названіе Suâbo. Тутъ, повидимому, слышится вліяніе Плинія IV, 13, 96, у котораго mons Saevo.... immensus.... inmanem ad Cimbrorum usque promunturium efficit sinum, qui Codanus vocatur, refertus insulis, quarum clarissima est Scatinavia incompertae magnitudinis. На это указалъ уже Uhland VIII, 49. Посредствующимъ звеномъ могъ служить Исидоръ, который говоритъ (Etymol. IX, 413, 98), что суевы названы такъ a monte Suevo, qui ab ortu initium Germaniae facit.

Такъ распространяется древнее преданіе, возникшее у готовъ. Оно переходитъ между прочимъ къ саксамъ (Widukind I, 2). По Фрекульфу (IX в.) и франки также пришли съ острова Scanzia, de quo Gothi et caeterae nationes theotiscae exierunt, quod et idioma linguae eorum testatur. Въ житіи св. Сигизмунда (ed. Bolland. 1 Mai I, 88) оттуда же ведутся бургунды: Tempore Tiberii senioris Augusti.... egressa est quaedam gens de insula, quam mare Oceanum cingit, cui vocabulum est Scandania (Scanavia, Scandabia)—вѣроятно, подъ вліяніемъ Павла Діакона и его разсказа о лангобардахъ.

---

1) Въ датской хроникѣ (см. выше стр. 320) также встрѣчаются имена Eskildhoch Akildh.

Однимъ словомъ, выселеніе изъ Скандинавіи стало, очевидно, общимъ мѣстомъ средневѣковой историографіи, на что прямо указываютъ приведенныя слова Фрекульфа.

Разъ намъ выяснилось, что исходный пунктъ преданія лангобардовъ и другихъ материковыхъ германцевъ о скандинавской родинѣ, выселеніи по жребію вслѣдствіе голода и т. д. слѣдуетъ искать у готовъ и, конечно, у готовъ материка, а не Готланда, то и отношеніе Гутасаги къ этому материковому преданію представится намъ теперь въ иномъ свѣтѣ: она не дополняетъ, а повторяетъ его, притомъ въ формѣ болѣе полной, чѣмъ та, въ которую облекаетъ его Іорданъ въ VI вѣкѣ. А если это такъ, то отсюда необходимъ выводъ, что въ сознаніи какъ готовъ, такъ и гутовъ, островъ, изъ котораго вышелъ готскій народъ, былъ именно Готландъ, а не Скандинавскій полуостровъ.

Правда, у Іордана 4, 25 подъ Scandza insula [1]) разумѣется, конечно, скандинавскій полуостровъ, на что указываетъ какъ описаніе ея въ предшествующихъ параграфахъ, такъ и ея эпитеты: officina gentium aut certe velut vagina nationum. Но это, безъ сомнѣнія, позднее пріуроченіе, вызванное преувеличеннымъ представленіемъ о величинѣ и населенности полуострова, существовавшимъ у материковыхъ германцевъ и явно отражающимся въ повѣствованіи древнихъ историковъ и географовъ. См. Plin. IV, 13,96 (alter orbis terrarum), Tacit. Germ. 44 s. (Suionum civitates, Sitonum gentes), Ptol. II, 11, 16 и друг.

По содержанію, необходимо отличать Scandinavia отъ Scandia. Только первое имя всегда обозначаетъ скандинавскій полуостровъ, тогда какъ второе имѣло, первоначально, болѣе общее значеніе. Уже Плиній IV, 16,104 знаетъ не одну, а нѣсколько Scandiae (insulae). У Птолемея l. c. еще точнѣе *τέσσαρες νῆσοι αἱ καλούμεναι Σκανδίαι*, изъ которыхъ самый большой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый восточный, лежитъ *κατὰ τὰς ἐκβολὰς τοῦ Οὐιστούλα ποταμοῦ*. Но «противъ устьевъ Вислы» лежитъ не Скандинавія,

1) Scandza вм. Scandia, какъ Burgundzones вм. Burgundiones у Іордана же.

въ нашемъ смыслѣ этого слова, а прежде всего Готландъ. Мы имѣемъ здѣсь, повидимому, то же смѣшеніе Готланда съ Скандинавіей, которое предполагается нашей догадкой.

Наконецъ, и соотвѣтствующее агс. Scedeland обозначаетъ не одну только Скандинавію и употребляется обыкновенно во множественномъ числѣ, ср. Beów. 19.

Формально, Scandia, конечно, не можетъ быть отдѣлена отъ Scadin-avia (=-auja). Такъ какъ для послѣдняго имени правильность формы Scadi- доказывается не только сопоставленіемъ древнѣйшихъ греко-латинскихъ свидѣтельствъ, но и германскими данными (ср. агс. Scedeland, Scedenig <*scadi- и выше стр. 309), то мы и для Scandia должны предположить болѣе древнее *Scadnia, представляющее собою правильно образованное прилагательное. Объясненіе изъ финск. skadesi suolo (DA. II, 357 со словъ Томсена) несостоятельно, см. Much ZfdA. XXXVI (1892) p. 126. Удачнѣе была мысль Мюлленгофа DA. II, 56 связать это имя съ миѳическою Skaði, мысль, развитая дальше Мухомъ въ только-что указанной статьѣ.

Skaði олицетворяетъ собою зимнюю бурю и стужу; ея жилище на сѣверѣ въ Þrymheim'ѣ, странѣ вѣчнаго мороза. Ср. Meyer GM. 150 s. 154 s., Much l. c. 126 ss. Именемъ Скандій, т. е. «островъ Скади» могли быть названы, первоначально, всѣ острова къ сѣверу отъ материка, пока оно не было пріурочено къ одной только Скандинавіи въ нашемъ смыслѣ этого слова. Скандинавскій полуостровъ, такимъ образомъ, совершенно устраняется изъ первоначальнаго готскаго преданія: послѣднее связываетъ материковыхъ готовъ съ островомъ Готландомъ—и только; внесеніе же Скандинавіи въ сагу обозначаетъ собою лишь секундарную форму послѣдней.

А такъ какъ намъ выяснилось выше, что Готландъ былъ заселенъ съ юга, то этимъ уничтожается послѣдній доводъ, говорившій въ пользу скандинавскаго происхожденія готовъ, и намъ остается лишь отвѣтить на вопросъ, какимъ образомъ могло сложиться преданіе о выходѣ готовъ съ Готланда.

Оно представляетъ собою, очевидно, историческій фактъ на изнанку и предполагаетъ время, когда истинный ходъ событій уже успѣлъ поблѣднѣть въ народной памяти. При сохраненіи — съ одной стороны — воспоминаній о томъ, что готы не исконніе жители низовьевъ Вислы (выше стр. 256), и — съ другой стороны — при живыхъ сношеніяхъ материка съ Готландомъ (стр. 308), естественно могло возникнуть предположеніе, что этотъ, именно, островъ и есть прародина народа. На этомъ фазисѣ развитія стоитъ уже сказаніе въ Гутасагѣ, не знающей еще Скандинавіи; она добавила лишь географическія указанія при помощи обычныхъ маршрутовъ готландскихъ купцовъ (выше стр. 308).

Что такой процессъ образованія саги, ставящій историческій фактъ какъ бы на голову, вполнѣ возможенъ и, при извѣстныхъ условіяхъ, даже необходимъ, доказывается высокознаменательною аналогіею на западѣ. Въ Translatio Sancti Alexandri, памятникѣ IX вѣка, принадлежащемъ Рудольфу Фульдскому, мы читаемъ о саксахъ (MGH. Script. II, 674): Saxonum gens, sicut tradit antiquitas, ab Anglis Britanniae incolis egressa, per Oceanum navigans Germaniae litoribus studio et necessitate quaerendarum sedium appulsa est....

Для рѣшенія нашего вопроса совершенно безразлично, существовало ли у германцевъ вообще или у готовъ въ частности, уже до возникновенія гото-гутской саги, общій мотивъ о дѣленіи народа на три части, о выходѣ изъ родины вслѣдствіе голода и о выдѣленіи переселенцевъ по жребію, или же послѣдніе два мотива возникли у готовъ ad hoc для выясненія гото-гутскихъ отношеній. Первое предположеніе кажется, по нѣкоторымъ признакамъ, вполнѣ возможнымъ. Но какъ ни интересенъ этотъ вопросъ самъ по себѣ, мы должны отложить его разборъ до другого раза, такъ какъ, повторяемъ, онъ для частнаго вопроса, интересующаго насъ въ данный моментъ, безразличенъ. Замѣтимъ лишь мимоходомъ, что нѣкоторыя подробности западногерманскихъ преданій ставятъ послѣднія въ какую-то неясную,

пока, связь съ миѳомъ о Sceáf'ѣ, прототипѣ «рыцаря съ лебедемъ», Лоэнгрина. Sceafa, по Wídsíđ 32, правилъ лангобардами. По разсказу англосаксонскихъ лѣтописцевъ, у которыхъ Sceáf повторяется почти во всѣхъ генеалогіяхъ англосаксонскихъ королевскихъ династій, онъ мальчикомъ былъ нѣкогда, невѣдомо откуда, прибитъ волнами моря къ берегу Скандинавіи (Scandea, Scania и т. д.), спящимъ на кораблѣ безъ руля; впослѣдствіи онъ сталъ (первымъ) царемъ въ Slaswich (Sleswyk) [1]. Послѣднее имя встрѣчается, однако, и въ преданіи о выселеніи суевовъ изъ Скандинавіи, см. выше стр. 322. Здѣсь, въ Шлезвигѣ, слѣдуетъ, кажется, искать исходный пунктъ этого преданія, общаго лангобардамъ и саксамъ и слившагося впослѣдствіи съ мотивомъ о выходѣ всего народа изъ Скандинавіи. Онъ, можетъ быть, и далъ поводъ къ введенію готскаго мотива въ лангобардскую пѣсню.

Наше изслѣдованіе спѣшитъ къ концу.

Выше (стр. 258) мы высказали предположеніе, что готы заняли низовья Вислы не раньше начала христіанскаго лѣтосчисленія. Рядомъ съ этимъ, мы, на основаніи соображеній, приведенныхъ на стр. 259, пришли къ выводу, что исходный пунктъ готскаго движенія слѣдуетъ искать либо къ сѣверу, либо къ югу отъ той области, въ которой ихъ впервые застаетъ исторія въ первомъ вѣкѣ по Р. Хр.

Такъ какъ гипотеза о скандинавскомъ происхожденіи готовъ не нашла подтвержденія въ имѣющихся на лицо данныхъ, то необходимо предположить, что готы пришли съ юга.

Намъ остается теперь провѣрить этотъ апріорный выводъ, насколько такая провѣрка вообще возможна при скудости историческаго и лингвистическаго матеріала.

---

1) Англосаксонскій матеріалъ о Sceáf собранъ всего полнѣе у Grimm'a, DM.[4] III, 337 ss. Ср. также Simrock HddM.[5] 292 ss., Leo, Beów. 20 ss. и друг.

Первый фактъ, указывающій на то, что готы до прихода на устья Вислы сидѣли южнѣе, это—приведенное выше (стр. 313) свидѣтельство Іордана о побѣдѣ ихъ надъ вандалами. Область послѣднихъ лежитъ на лѣвомъ берегу верхняго Одера, въ нын. Силезіи (выше стр. 53). Послѣ занятія готами праваго берега нижней Вислы, они уже не были сосѣдями ихъ, и столкновеніе съ ними въ эту эпоху, когда готская политика естественно тяготѣла на востокъ, къ славяно-балтійцамъ и финнамъ, представляется болѣе чѣмъ невѣроятнымъ. Мы необходимо должны предположить, что столкновеніе это предшествовало занятію низовьевъ Вислы, т. е. произошло при передвиженіи готовъ на сѣверъ, когда они мечемъ прокладывали себѣ путь къ странѣ янтаря.

Правда, по точному смыслу Іордановыхъ словъ, вандалы были въ это время сосѣдями руговъ: (Ulmerugos) pepulerunt, eorumque vicinos Vandalos.... suis aplicavere victoriis. Но, не говоря уже о томъ, что подобная стилистическая погрѣшность (eorum вм. suos) вполнѣ мыслима у автора, пишущаго на языкѣ далеко не безукоризненномъ, — мы, можетъ быть, имѣемъ дѣло съ фактическимъ недоразумѣніемъ, возникшимъ въ эпоху, когда южная родина готовъ была уже забыта и лежавшая за предѣлами точныхъ историческихъ воспоминаній борьба съ вандалами могла быть объяснена лишь при условіи сосѣдства ихъ съ ругами. Во всякомъ случаѣ, такое сосѣдство идетъ въ разрѣзъ съ имѣющимися у насъ данными исторической географіи.

У насъ есть, однако, еще другія свидѣтельства, указывающія на югъ.

Когда при Октавіанѣ Августѣ маркоманъ Марободъ основалъ сильное государство, центръ котораго лежалъ въ Богеміи, то онъ подчинилъ себѣ рядъ окрестныхъ племенъ, между которыми Страбонъ VII, 1, 3 называетъ Λουίους τὸ μέγα ἔθνος, Ζούμους, Βούτωνας, Μουγίλωνες, Σιβινούς и, наконецъ, семноновъ. Текстъ Страбона въ этомъ мѣстѣ, очевидно, сильно испорченъ: ни одно изъ перечисляемыхъ имъ именъ въ этой формѣ не по-

вторяется въ другихъ источникахъ. Тѣмъ не менѣе, одни только мугилоны остаются совершенно неясными, тогда какъ въ остальныхъ не трудно узнать извѣстныя намъ въ сосѣдствѣ съ Богеміей народности. Такъ, въ луяхъ мы узнаемъ лугіевъ, въ зумахъ — дуновъ (? см. выше стр. 55), въ сибинахъ — сидиновъ (стр. 36 сл.), а въ бутонахъ — гутоновъ.

Если поправка *Γούτωνες вм. Βούτωνες вѣрна (она, дѣйствительно, принимается *всѣми* изслѣдователями), то передъ нами здѣсь первое упоминаніе имени готовъ, пріуроченнаго, очевидно, не къ нижней Вислѣ, а къ области гораздо болѣе южной.

Правда, въ войнѣ Маробода противъ Арминія (17 г. по Р. Хр.) принимаютъ участіе и лангобарды на нижней Эльбѣ, отстоящіе отъ центра маркоманскаго государства такъ же далеко, какъ готы на нижней Вислѣ. Но приравненіе ихъ, въ этомъ отношеніи, къ готамъ всетаки было бы неправильно. О связи лангобардовъ съ Марободомъ мы узнаемъ только по поводу борьбы, долженствовавшей рѣшить дальнѣйшую судьбу Германіи. Страбонъ не называетъ ихъ въ спискѣ народностей, подчиненныхъ Марободу; мы, очевидно, имѣемъ дѣло не съ подчиненіемъ, а съ союзомъ тѣмъ болѣе понятнымъ, что лангобарды были ближайшими сосѣдями херусковъ, вслѣдствіе чего имъ, въ случаѣ побѣды Арминія, могла грозить опасность съ этой стороны. Впрочемъ, какъ извѣстно, лангобарды въ рѣшительный моментъ отказались отъ союза съ маркоманами и вмѣстѣ съ семнонами перешли на сторону херусковъ (Tacit. Annal. II, 45).

Въ совершенно иномъ положеніи готы. Если они въ это время уже сидѣли за нижней Вислой, то ихъ политическіе интересы несомнѣнно тяготѣли въ другую сторону; разыгравшаяся въ центральной Германіи борьба за гегемонію не могла увлечь ихъ подобно лангобардамъ, и поводовъ къ союзу съ Марободомъ у нихъ не было никакихъ. Участіе ихъ въ этой борьбѣ мыслимо только при полномъ подчиненіи ихъ маркоманскому государю, засвидѣтельствованномъ Страбономъ; а это подчиненіе, въ свою

очередь, допустимо лишь въ томъ случаѣ, если они, въ это время, жили не за нижней Вислой, а на лѣвомъ берегу ея и притомъ южнѣе.

Наша догадка поддерживается, наконецъ, еще однимъ соображеніемъ, которымъ, кажется, окончательно рѣшается этотъ вопросъ.

Когда, вслѣдствіе пораженія херусками, сила Маробода была уже сломлена (fracto iam Maroboduo), то первымъ отложились отъ него готы (въ 19 г. по Р. Хр.) и тѣмъ окончательно погубили могущественнаго нѣкогда маркомана. Между готами (inter Gotones), разсказываетъ Тацитъ Annal. II, 62, былъ знатный юноша по имени Катуальда (nobilis iuvenis nomine Catualda) [1]), нѣкогда силою изгнанный (изъ своей страны) Марободомъ. Видя, что дѣла послѣдняго плохи, онъ рѣшилъ отомстить ему, повидимому, не безъ тайной поддержки Рима. Съ сильнымъ отрядомъ (valida manu) онъ вторгся въ область маркомановъ, подкупилъ нѣсколько маркоманскихъ вождей (primores) и взялъ резиденцію Маробода, послѣ чего послѣдній долженъ былъ бѣжать къ римлянамъ.

Эти отношенія мыслимы, опять-таки, лишь при условіи болѣе близкаго сосѣдства готовъ съ Богеміей.

Распаденіе государства Маробода несомнѣнно привело въ движеніе германскій міръ въ области верхняго Одера и Вислы. Если мы предположимъ, что оно, именно, послужило толчкомъ къ передвиженію готовъ на сѣверъ, то мы получимъ хронологическое соотношеніе, вполнѣ подтверждающее соображенія, высказанныя нами на стр. 258.

Но мы можемъ пойти еще дальше и дать, съ точки зрѣнія этой гипотезы, новое освѣщеніе географическимъ извѣстіямъ нашихъ древнѣйшихъ источниковъ, внося этимъ нѣкоторыя поправки въ наши выводы въ началѣ этой книги.

---

1) Ср. имя князя хаттовъ Catumēr Tacit. Annal. XI, 17.

Оказывается, что римская исторіографія прослѣдила готское движеніе на сѣверъ шагъ за шагомъ.

Первый писатель, упоминающій о готахъ, Страбонъ, умершій ок. 23 г. по Р. Хр., знаетъ ихъ, какъ мы видѣли, еще близъ верховьевъ Вислы. Двинувшись на сѣверъ, они прокладываютъ себѣ дорогу черезъ земли другихъ лугійцевъ: воспоминаніе объ этомъ сохранилось въ готскихъ пѣсняхъ въ формѣ преданія о побѣдѣ надъ вандалами. Выше лугійцевъ, — еще на лѣвомъ берегу Вислы — ихъ застаетъ Плиній старшій, закончившій свою «Естественную исторію» въ семидесятыхъ годахъ перваго вѣка. Снаряженіе, при Неронѣ, римскаго посольства на нижнюю Вислу, о которомъ говоритъ Плиній XXXVII, 3,45, вызвано, можетъ быть, этими передвиженіями, видоизмѣнившими политическую карту привислянскаго края, и имѣло цѣлью обезпечить свободное сообщеніе Италіи съ страною янтаря. Въ самомъ концѣ I в. по Р. Хр. Тацитъ Germ. 43 знаетъ ихъ все на томъ же мѣстѣ. Его осторожное выраженіе trans Lygios Gotones оставляетъ открытымъ вопросъ, сидятъ ли готы еще по лѣвому берегу Вислы: его новые источники (ср. выше стр. 26 сл., 47 сл.), очевидно, не давали ему отвѣта на него. Первый писатель, ясно свидѣтельствующій о совершившемся переходѣ готовъ черезъ Вислу—Птолемей III, 5, 8, во II в. по Р. Хр.

Мы получаемъ, слѣдовательно, выводъ, что готы появились на правомъ берегу Вислы и достигли моря не раньше второй половины I вѣка, выводъ, какъ нельзя болѣе подходящій къ тому хронологическому опредѣленію, который полученъ нами выше (стр. 258) инымъ путемъ.

Если онъ вѣренъ, то и вопросъ о птолемеевыхъ венедахъ на побережьѣ Балтійскаго моря получаетъ нѣсколько иное освѣщеніе, чѣмъ то, которое мы ему дали выше на стр. 28.

Первоначальный объемъ имени венедовъ неясенъ. Если впослѣдствіи оно и пріурочивается спеціально къ славянамъ, то, всетаки, раньше оно могло имѣть и болѣе общее значеніе, т. е. обнимать всю славяно-балтійскую семью. Широкое собиратель-

ное значеніе имѣетъ оно у Іордана 5, 34: ab ortu Vistulae fluminis per immensa spatia Venetharum natio populosa consedit. quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutentur, principaliter tamen Sclaveni et Antes nominantur. Иначе говоря, имя венедовъ обнимаетъ далеко не однихъ славянъ, въ узкомъ смыслѣ, и антовъ. Переходя отъ послѣднихъ къ видиваріямъ, въ дельтѣ Вислы, и къ айстамъ, Іорданъ въ указанномъ мѣстѣ не ставитъ рѣзкой грани, которая исключала бы возможность причисленія послѣднихъ къ венедамъ. Правда, нѣтъ такой грани и между айстами и акацирами; но едва ли самъ Іорданъ имѣлъ вообще ясное представленіе о родственныхъ взаимоотношеніяхъ тѣхъ народностей Сарматіи, о которыхъ онъ говоритъ. Приведенныя слова его не рѣшаютъ вопроса ни въ ту, ни въ другую сторону.

У Тацита айсты стоятъ рядомъ съ венедами и не причисляются къ послѣднимъ. Но и это не рѣшаетъ вопроса. Айсты могли и должны были выдѣлиться, въ сознаніи римскаго историографа, изъ общаго міра венедовъ потому, что они одни были ближе извѣстны въ Римѣ какъ обладатели балтійскаго побережья, родины янтаря. Сюда только направлялись римскіе торговые караваны, тогда какъ весь славянскій міръ оставался въ тѣни, сохраняя то названіе, которымъ германцы нѣкогда обозначали всѣхъ своихъ негерманскихъ сосѣдей за Вислой.

Что это дѣйствительно такъ, покажетъ разборъ самаго имени. На германской почвѣ оно этимологіи не имѣетъ. Всѣ догадки, высказанныя по этому поводу [1]), не удовлетворяютъ ни формально ни по содержанію. Остается предположить, что оно заимствовано германцами у славянъ. На заимствованіе указываютъ и колеблющіяся формы его въ древнѣйшихъ источникахъ: Tab. Peut. Venedi, Venadi; Plin. IV, 13,97 Venedi; Tacit. Germ. 46 Veneti; Ptol. III, 5,7 s. Οὐένεδαι; Iord. 5,34 Venethae; 23,119

1) Zeuss 67 not.[2]: готск. winja пастбище; Schade s. v. Winid: прагерм. *ųini-, дрверхнѣм. дрсакс. wini другъ.

Venethi (cod. B. uuinidae). Ср. еще Iord. 14,79. 48,246. 248 ss. Vinitharius (uenetharius).

Возстановить изъ этихъ чтеній первоначальную форму имени—нельзя. Можно лишь установить, что е передъ и послѣ n древнѣе чѣмъ i. Послѣднее могло возникнуть изъ е только на германской почвѣ, притомъ только передъ n+cons., а не передъ простымъ n (за исключеніемъ, конечно, готскаго, гдѣ всѣ е перешли въ i). Ср. готск. winds, дрврхнѣм. wint, агс. wind, дрсѣв. windr=лат. ventus; но дрсакс. дрврхнѣм. quena (готск. qinō)= дрирл. ben<праиндоевр. *genā. А такъ какъ, съ другой стороны, формы Venedi, Οὐένεδαι могутъ быть связаны съ дрсѣв. Vindir, дрврхнѣм. Winidā (ср. Beowinida выше на стр. 311) только при условіи d<ꝺ<þ, то мы съ математическою точностью можемъ установить, какъ исходную форму, *U̯ento-. Что же касается второго i (между n и зубнымъ), то оно возникло секундарно вслѣдствіе морфологическаго отожествленія имени *U̯inþōz съ многочисленными именными образованіями съ суффиксомъ -þ-<-t-, передъ которымъ развивается то i (resp. e), то u (resp. o). Ср. дрврхнѣм. helid, дрсакс. helith, агс. hæleþ, дрсѣв. hǫlꝺr; дрврхнѣм. leitid рядомъ съ leitud отъ leitan.

Что это дѣйствительно такъ, доказываютъ агс. Winedas, Winedaland рядомъ съ Weonodland (изъ *Winud-) у Эльфреда.

Такое подчиненіе суффиксу -iþ-, -uþ- объясняется, вѣроятно, желаніемъ отдѣлить этническое имя отъ нарицательнаго winds и т. д., съ которымъ оно вполнѣ совпадало: *Winþōz дало бы значеніе «вѣтры».

Мы получаемъ, слѣдовательно, какъ правильное отраженіе чуждаго *U̯ento-, прагерм. *U̯iniꝺōz, откуда непосредственно объясняются готск. *Winiꝺōs (Winitharius = *Winida-harjis), дрврхнѣм. Winidā и т. д.

Тацитовы Veneti, и Venethi, -thae Iордана находятся, безъ сомнѣнія, подъ прямымъ вліяніемъ кельтскихъ и иллирійскихъ венетовъ, тогда какъ Venedi, Οὐένεδαι передаютъ лишь нѣсколько неточно германскую форму *Winiꝺōz.

Находится ли имя венедовъ, древнее *Vento-, въ связи с
только что упомянутыми неславянскими венетами, какъ дума
Куникъ (Bielenstein 477 s.), это насъ здѣсь не касается. Ва
нѣе вернуться къ вопросу, поставленному нами выше: како
былъ объемъ этого имени въ интересующее насъ время?

Отвѣтъ вытекаетъ теперь самъ собою изъ возстановленн
нами исходной формы.

*Vento- сохранилось, безъ сомнѣнія, въ русскихъ вятича
(ват-), имя которыхъ, помимо секундарнаго суффикса, предст
вляется прямымъ и вполнѣ правильнымъ отраженіемъ найденн
нами древнѣйшей формы. Но важно не это, а то, что о
не ограничивается предѣлами славянскаго міра: мы находи
его и среди айстовъ, въ туземномъ (латышскомъ) названіи рѣ
и города Виндавы—Wenta, имѣвшаго въ средніе вѣка и облас
ное значеніе (Bielenstein 193 ss.). Жители этой области н
зываются еще теперь Wentiñi (ibid. 344). Отсюда вышли и т
венды, которые, переселившись въ Лифляндію, дали здѣсь сво
имя городу Вендену. Что они были айстскаго, а не финска
происхожденія, доказалъ Биленштейнъ 334 сл.

Кромѣ того, и южнѣе также, близь впаденія Миньи въ Нѣ
манъ, сидѣли Wentenēki: нѣмецкіе завоеватели выстроили п
сосѣдству свою Windenburg (Bielenstein 335). Звуковая групп
-nt- должна была, въ нѣмецкихъ устахъ, перейти въ -nd- [1]).

Разъ имя вентовъ сохранилось не только въ вятичахъ, но
въ рядѣ айстскихъ названій, то отсюда возможенъ только один
выводъ: что именемъ венетовъ или, точнѣе, *вентовъ обозначалось нѣкогда все славяно-балтійское племя. Впослѣдствіи значеніе его съузилось и осталось лишь за нѣкоторыми отраслями
славянской семьи (вятичами и нѣмецкими вендами) и айстскими
вентами подъ Виндавой, подобно тому, какъ имя вандиліевъ

---

1) Уже съ XI в. всѣ древнія -nt- перешли въ nd, ср. дрврхнѣм. bintan и
т. под. Этимъ объясняется и новонѣм. Wenden, представляющее собою новое,
сравнительно, заимствованіе, не прошедшее черезъ законы e+nas.+cons>i, и
t>þ>δ.

осталось за вандалами, имя славянъ за новгородскими словенами и т. д. Въ эпоху арабскихъ географовъ прежнее значеніе его уже давно исчезло; вотъ почему они и не знаютъ его. Переходную ступень представляетъ, можетъ быть, Іорданъ, который въ вышеприведенномъ мѣстѣ называетъ славянъ и антовъ частями племени венетовъ, тогда какъ въ другомъ (23, 119) онъ ставитъ венетовъ на одну линію съ антами и славянами.

Уже Куникъ (Bielenstein 477 s.) указалъ мимоходомъ на возможную связь «венедскаго залива» Птолемея съ Виндавой и т. д. Мы пришли инымъ и, кажется, болѣе надежнымъ путемъ къ тому же выводу, лишь нѣсколько иначе формулируя его. Птолемеевы венеды попали на берега Балтійскаго моря не по ошибкѣ, какъ намъ казалось выше; они здѣсь вполнѣ у мѣста, сохраняя древнее имя, нѣкогда общее славянамъ и айстамъ — исконнимъ жителямъ этого края. Если у Птолемея въ средней Сарматіи венеды отсутствуютъ совершенно, то это объясняется, вѣроятно, именно тѣмъ, что онъ зналъ ихъ на берегу моря.

Что же касается готовъ ὑπὸ τοὺς Οὐενέδας, то и они нисколько не противорѣчатъ нашему выводу. Мы, вѣроятно, были неправы, ища выше (стр. 29 сл.) точнаго опредѣленія готской земли. Не подлежитъ сомнѣнію, что готы, перешедши черезъ Вислу, застали и покорили здѣсь по крайней мѣрѣ часть айстовъ, pacatum hominum genus omnino. Но едва ли они достигли здѣсь, между Вислой, Нѣманомъ и Бугомъ, полной осѣдлости. Эта область служила лишь исходнымъ пунктомъ и базисомъ ихъ дальнѣйшихъ передвиженій и перекочевокъ по направленію къ сѣверо- и юговостоку. Лишь съ этой точки зрѣнія мы вполнѣ поймемъ теперь широкое политическое и культурное воздѣйствіе ихъ на *весь* славяно-балтійскій и финскій міръ, поймемъ также, почему они черезъ столѣтіе такъ легко снялись съ мѣста. Великое событіе, отдѣляющее первый періодъ готской исторіи отъ втораго, не есть неожиданное переселеніе всего народа разомъ, въ силу внезапнаго рѣшенія: оно обозначаетъ собою лишь перенесеніе центра тяжести готской силы съ сѣвера на югъ, съ ниж-

ней Вислы на средній Днѣпръ, послѣ того какъ отдѣльныя части народа, въ продолженіе своихъ перекочевокъ, уже раньше могли познакомиться съ благодатнымъ югомъ и увлечь, мало по малу, за собою и другихъ. Къ началу III вѣка главная масса народа уже оказывается на югѣ, сюда же переносится политическій центръ — и на горизонтѣ римской имперіи грозной тучей поднимается готская сила.

Перешедши черезъ Вислу, готы, однако, не теряли связи со своими родичами по ту сторону рѣки. Это доказывается фактами ихъ языка.

Характеризуя выше (стр. 290 сл.) отличительныя особенности вокализма вандильской діалектической группы, мы имѣли случай указать, что не всѣ онѣ проведены во всѣхъ нарѣчіяхъ съ одинаковой силой и интенсивностью. Тотъ фактъ, что всего рѣзче онѣ проведены въ готскомъ, доказываетъ, что здѣсь именно, на востокѣ, за Вислой онѣ и возникли. Отсюда онѣ постепенно распространяются на западъ. Чѣмъ дальше мы прослѣдимъ ихъ въ этомъ направленіи, тѣмъ болѣе ослабѣваетъ интенсивность ихъ проведенія.

Матеріалъ нашъ скуденъ, но его, тѣмъ не менѣе, достаточно для установленія границъ распространенія интересующихъ насъ звуковыхъ явленій, такъ какъ онъ относится почти исключительно къ крайнимъ западнымъ звеньямъ вандильской цѣпи, къ вандальскому и бургундскому [1]).

1) О языкѣ гепидовъ у насъ такъ мало данныхъ (всего 18 именъ), что мы не можемъ составить себѣ по нимъ ясное представленіе о гепидскомъ вокализмѣ. Отъ языка руговъ сохранилось еще меньше: всего 8 именъ. Наконецъ, о языкѣ лугійскихъ народностей, кромѣ вандаловъ и бургундовъ, традиція молчитъ совершенно. — Вандальскому языку посвящена работа Wrede, Wand., часто нами упоминавшаяся. Очеркъ у Förstemann'a GddSprst. II, 184—191 лишенъ всякаго значенія, точно также, какъ его характеристика языка бургундовъ тамъ же 191—205. О языкѣ бургундовъ мы имѣемъ устарѣлую теперь работу Wackernagel'я у Binding'a p. 331—404, и хорошую статью Kögel'я въ ZfdA. XXXVII (1893) p. 223—231.

На нѣкоторыя особенности вандальскаго вокализма мы уже указали.

Прагерм. ǣ подъ главнымъ удареніемъ сохранилось въ видѣ ē (Swesaon, Etemund); внѣ этого ударенія оно перешло въ ī (Geilamir, Witarith).

Прагерм. ō подъ удареніемъ произносится такъ закрыто, что оно пишется то ō (Godagisl), то ū (Blumarith); внѣ ударенія оно имѣетъ исключительно форму ū (Gamuth, Fronimuth), ср. выше стр. 15.

Древнее ĕ перешло въ ĭ, какъ въ готскомъ (Gibamund), но сохранилось въ дифтонгѣ eu (Theudarix). Равнымъ образомъ, древнее ŏ перешло, повидимому, въ ŭ, или, во всякомъ случаѣ, произносится очень закрыто, вызывая этимъ колебанія въ написаніи: Γοτθαῖος Proc.=ванд. Guþ-þeus, Stuzas Vict. Tunn. рядомъ съ Στότζας Proc. (ванд. Stutja?) и друг.

Передъ нами, очевидно, вокализмъ, котораго коснулось теченіе, идущее съ готскаго востока; но оно сказалось лишь въ легкой специфической окраскѣ гласной системы и не привело уже къ полному видоизмѣненію ея, какъ въ готскомъ.

Еще ярче сказывается это въ бургундскомъ языкѣ, представляющемъ во всѣхъ отношеніяхъ переходную ступень отъ вандильскаго типа къ западногерманскому. Недавно (1893) Kögel пытался доказать полную принадлежность его къ первому изъ нихъ; но большинство приводимыхъ имъ доказательствъ сводится къ сохраненію древнихъ фонетическихъ чертъ, которыя не говорятъ ни за ни противъ предлагаемаго имъ рѣшенія. Сюда относится напр. сохраненіе ƀ въ формѣ v (morginegiva, ср. готск. giba, т. е. giƀa, въ противуположность къ западногерм. geƀa, дрврхнѣм. morgangeba; nom. propr. Silva=дрврхнѣм. Selbo); или отсутствіе a-Umlaut'а (Gudomarus), сохраненіе древнихъ дифтонговъ ai (Aisberga, Gaisaldus) и au (Maurigutus, Audericus), отсутствіе западногерманскаго удвоенія согласныхъ подъ вліяніемъ слѣдующаго ḭ (Viliaric, Sunia).

Если же мы станемъ искать въ бургундскомъ языкѣ фоне-

тическихъ нововведеній, которыя одни только могутъ явиться рѣшающими критеріями, то мы получимъ слѣдующіе результаты:

Прагерм. $\bar{æ}$ подъ главнымъ удареніемъ сохранилось какъ ę, перешедшее потомъ въ ā, какъ въ западногерманскомъ и скандинавскомъ. Отсюда колебанія feramanni, Senila, Uuenaharius рядомъ съ fara, Vanaharius. Внѣ главнаго ударенія оно съуживается, какъ въ готскомъ, до ẹ̄, близкаго къ ī, въ которое оно, въ концѣ концовъ, переходитъ: Uindemeris, Uuiliemeris, Leuvera, Leuharedus,—позднѣе Augemirus, Uuistrimirus. Если, рядомъ съ этимъ, встрѣчаются формы вродѣ Leudomarus (надпись 547 г.), Uidemarus, Gundomares и т. д., то на нихъ сказалось вліяніе самостоятельнаго имени прилагательнаго *mārī, въ которомъ ā<$\bar{æ}$ правильно, въ силу только что указаннаго звуковаго закона.

Древнее е перешло, какъ въ готскомъ, всюду въ і (Ingildus, novigildus, -giva). Но оно сохранилось въ eu (leudus, Theudelinda).

Съ другой стороны, древнее ō сохранилось во всѣхъ положеніяхъ: Chrotechildis, Balthamodus, Theudemodus.

Сопоставляя всѣ эти данныя, мы получаемъ довольно ясную картину діалектическихъ переливовъ. На западной окраинѣ вандильскаго міра характерныя черты готскаго вокализма блѣднѣютъ, и бургундскій языкъ, со своимъ ā<$\bar{æ}$, представляетъ собою уже ступень переходную къ западногерманскому типу. А въ этомъ мы усматриваемъ новое доказательство того, что географическая связь между восточными и центральными германцами никогда не обрывалась, т. е. что бургунды, какъ и готы и вандалы, исконніе жители материка.

Выше намъ выяснилось, что особенности вандильскаго вокализма, возникающія, какъ мы сейчасъ видѣли, у готовъ, начинаютъ проявляться сравнительно поздно, т. е не раньше перваго вѣка по Р. Хр.; иначе говоря, начало выдѣленія вандильскихъ нарѣчій въ обособленную группу совпадаетъ, по времени, съ передвиженіемъ готовъ и переходомъ ихъ черезъ Вислу.

Естественно должна явиться мысль, что между обоими фактами существуетъ причинная связь.

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что скорость звуковыхъ измѣненій языка прямо пропорціональна силѣ и продолжительности географическихъ перемѣщеній народа, являющагося его носителемъ. Достаточно указать на литовскій языкъ съ одной, кельтскія нарѣчія съ другой стороны. Иллюстраціей того же основного закона можетъ служить, въ германскомъ мірѣ, нарѣчіе фризское.

Подобная зависимость жизни языка отъ внѣшней жизни народа объясняется, можетъ быть, извѣстными, неподдающимися, пока, точному опредѣленію психо-физіологическими процессами, которые вызываются бо́льшимъ напряженіемъ народныхъ силъ, какъ слѣдствіемъ передвиженій, занятій новыхъ земель, обостряющейся борьбы за существованіе и т. д. Но, помимо этого, меньшая устойчивость языка при подобныхъ условіяхъ должна быть объясняема, прежде всего, вліяніемъ тѣхъ новыхъ этническихъ элементовъ, съ которыми народъ приходитъ въ столкновеніе или смѣшивается при занятіи новыхъ земель. Языкъ побѣдителей подвергается вліянію языка побѣжденныхъ, если послѣдніе стоятъ на низшей ступени культурнаго развитія; если же бо́льшая культурная сила лежитъ на сторонѣ побѣжденныхъ, то языкъ послѣднихъ навязывается побѣдителямъ, принимая лишь сравнительно мало особенностей ихъ языка. Случай перваго рода мы имѣемъ въ языкѣ нѣмецкихъ завоевателей-колонистовъ нашего прибалтійскаго края, принявшемъ рядъ особенностей — особливо въ области вокализма, музыкальнаго акцента и ритма рѣчи — отъ покоренныхъ финскихъ и айстскихъ туземцевъ. Наоборотъ, случай второго рода представляетъ языкъ франковъ, завоевателей Галліи, уступавшихъ покореннымъ туземцамъ какъ въ культурномъ развитіи, такъ и въ численности. Наконецъ, если сталкивающіеся элементы равносильны, то въ результатѣ долженъ получиться смѣшанный типъ: примѣромъ можетъ служить языкъ Англіи послѣ норманскаго завоеванія.

Таковъ общій законъ. Примѣняя его къ объясненію интересующаго насъ явленія, мы a priori можемъ предположить, что возникшія не раньше I вѣка особенности готскаго вокализма находятся въ зависимости отъ особенностей вокализма тѣхъ народностей, съ которыми ихъ свела новая родина, т. е. айстовъ. Являясь сюда въ качествѣ завоевателей, болѣе сильные по своему культурному развитію и, во всякомъ случаѣ, съ окрѣпшимъ уже національнымъ самосознаніемъ (см. выше стр. 21), готы подчиняются языку побѣжденныхъ лишь въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ рѣчи, т. е. они подпадаютъ тому же закону, которому подпали черезъ тысячелѣтіе ихъ отдаленные родичи, явившіеся, какъ они, изъ-за Вислы, въ тотъ же прибалтійскій край. И результаты получились въ обоихъ случаяхъ почти одинаковые, по крайней мѣрѣ въ области вокализма, единственной, гдѣ мы можемъ провѣрить этотъ процессъ на его результатахъ, вслѣдствіе большей гибкости готскаго алфавита въ обозначеніи гласныхъ, нежели согласныхъ: т. е. въ результатѣ получилось какъ въ нѣмецкихъ говорахъ прибалтійскаго края, такъ и въ готскомъ,—общее стремленіе къ съуженію гласныхъ.

Насколько въ этомъ отношеніи въ интересующую насъ готскую эпоху сказалось вліяніе айстскаго вокализма, мы въ точности опредѣлить не въ состояніи, такъ какъ оттѣнки произношенія въ гласной системѣ праайстовъ во многихъ случаяхъ неизвѣстны. Но въ двухъ пунктахъ, притомъ весьма важныхъ и характерныхъ, мы можемъ указать въ айстскомъ языкѣ явленія, вполнѣ совпадающія съ отмѣченными нами особенностями вандильскихъ нарѣчій и, спеціально, готскаго языка:

Индоевроп. ē дало въ айстск. ė т. е. ẹ̄ настолько закрытое, что въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ оно едва отличается отъ y (=ī, ср. Brugmann I, 66).

Индоевроп. ō дало въ литовскихъ и латышскихъ говорахъ подъ удареніемъ ů (<ọ̑?); въ концѣ слова ō>u; -ōm, -ōn>*-ūn, откуда литовское ų.

Не здѣсь ли лежитъ исходный пунктъ движенія, превратив-

шаго прагерм. ǣ въ готск. ē̩, прагерм. ō въ готск. ō̩, близкое къ ū?

Мы прослѣдили исторію готовъ и ихъ сосѣдей отъ начала исторической традиціи до конца II вѣка по Р. Хр., т. е. до того момента, когда центръ тяжести готской силы переносится на средній Днѣпръ.

Съ перваго столкновенія готовъ съ римской имперіей близъ нижняго Дуная начинается второй періодъ готской исторіи.

Онъ продолжается недолго. Готы и въ южно-русскихъ степяхъ также не достигли полной осѣдлости, не создали прочнаго государственнаго организма; передвинулся лишь базисъ ихъ предпріятій, расширился лишь, вслѣдствіе этого, ихъ горизонтъ на югѣ: онъ обнимаетъ теперь весь бассейнъ Чернаго моря. Они прошли бы еще дальше, еслибъ имъ не преграждала путь грозная громада римской имперіи, все еще всесильной, хотя въ ней и сказываются уже признаки разложенія. Смѣло задуманнымъ и проведеннымъ набѣгамъ со стороны готовъ она уже не можетъ противупоставить ту силу и энергію, которая не довольствуется минутнымъ отпоромъ, а стремится обезпечить безопасность и на будущее время, отъ защиты переходя къ нападенію.

Пройдетъ лишь два столѣтія,—и сильный неожиданный толчекъ переброситъ готовъ черезъ Дунай. Широкой волной разольются они по западной Европѣ, и лишь въ Испаніи и Италіи они достигнутъ конца своего бѣга, начавшагося въ низовьяхъ Вислы. Здѣсь они создадутъ могущественныя государства, и, не смотря на кратковременность послѣднихъ, они внесутъ свою долю въ сокровищницу западноевропейской культуры, какъ они внесли ее въ культуру міра славянскаго.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Объяснительная записка къ картамъ.

Тѣ отдѣлы моей книги, которые относятся къ исторической географіи Сарматіи и прилегающихъ областей, являются въ значительной степени результатомъ внимательнаго изученія капитальнаго труда Птолемея Γεωγραφικὴ ὑφήγησις.

Слѣпое довѣріе, которымъ пользовался этотъ писатель въ послѣдніе два вѣка античнаго міра и въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, смѣнилось въ наше время, среди историковъ и этнологовъ, столь же слѣпымъ недовѣріемъ и даже полнымъ отрицаніемъ его достоинствъ. Достаточно указать на Мюлленгофа, который въ другихъ случаяхъ умѣетъ пользоваться самыми неясными указаніями и извлекать истину изъ комбинаціи самыхъ противорѣчивыхъ данныхъ традиціи: Птолемеемъ онъ почти никогда не пользуется и оправдываетъ свое отрицательное отношеніе къ нему весьма нелестной для нашего географа характеристикой послѣдняго. Его работа — «ремесленная, лишенная мысли», онъ — «настоящій пачкунъ древней географіи»: diese systematiker (т. е. Маринъ Тирскій и Птолемей) sind erst die wahren sudelköche der alten geographie, und alles, was der admiral Plinius etwa ähnliches geleistet hat, ist gegen sie nur ein kinderspiel (DA. III, 95).

Эти слова, высказанныя въ 1866 г., опредѣлили отношеніе большинства ученыхъ къ Птолемею, доходящее, какъ сказано,

до полнаго отрицанія: am besten wird man... thun, говоритъ въ 1884 г. L. Schmidt p. 7, seine (des Ptolemäos) Angaben überhaupt vollständig zu ignorieren, da dieselben zu leicht auf Irrwege führen können.

Подобное сужденіе производило бы въ ученомъ изслѣдованіи впечатлѣніе нѣкоторой наивности, еслибъ оно не являлось лишь рѣзкимъ выраженіемъ общей точки зрѣнія, установившейся среди ученыхъ на Птолемея.

Между тѣмъ, эта точка зрѣнія можетъ быть оправдана — и то лишь до извѣстной степени, — только по отношенін къ нѣкоторымъ этнологическимъ отдѣламъ его труда, напр. къ списку и размѣщенію народовъ въ центральной Сарматіи (ср. выше стр. 118). Отдѣлы эти составляютъ, однако, лишь второстепенную часть его работы; центръ тяжести послѣдней лежитъ на географіи въ узкомъ смыслѣ слова: его трудъ γεωγραφική, а не ἐθνογραφική ὑφήγησις. По отношенію же къ географическимъ даннымъ и ихъ группировкѣ, указанная точка зрѣнія представляется вопіющею несправедливостью. Не говоря уже объ огромномъ значеніи, присущемъ его труду въ исторіи картографіи вообще, мы должны, разъ на всегда, замѣтить, что оцѣнка фактическаго значенія его картъ не должна находиться въ зависимости отъ бо́льшей или меньшей вѣрности ихъ рисунковъ. Мы увидимъ ниже, что онъ не могъ дать дѣйствительно вѣрный рисунокъ какой бы то ни было области, даже при самыхъ совершенныхъ картографическихъ пріемахъ, которыхъ у него, конечно, не было и быть не могло. Главное значеніе его для историка-географа состоитъ не въ томъ, что его карты болѣе или менѣе вѣрно передаютъ дѣйствительность; важнѣйшая его заслуга въ томъ, что онъ сохранилъ огромный, собранный имъ или Мариномъ Тирскимъ [1]), матеріалъ во всей его точности,

1) Вопросъ объ отношеніи Птолемея къ Марину насъ здѣсь не касается. Въ общихъ чертахъ оно опредѣляется словами самого Птолемея I, 6 ss., въ особенности I, 19. Въ частностяхъ же вопросъ этотъ нерѣшимъ, вслѣдствіе того, что оригинальный трудъ Марина до насъ не дошелъ, Птолемей-же, къ сожалѣнію, не указываетъ источниковъ, давшихъ ему то или иное свѣдѣніе.

не внося никакихъ произвольныхъ поправокъ, а стараясь лишь примирять данныя своихъ источниковъ тамъ, гдѣ послѣдніе расходились въ своихъ показаніяхъ Если въ географическихъ частяхъ его труда есть нѣкоторый произволъ, то только въ этомъ; притомъ онъ настолько незначителенъ и, въ большинствѣ случаевъ, такъ прозраченъ и ясенъ, что онъ ничуть не нарушаетъ общей стройности и систематичности его работы.

Все дѣло въ томъ, чтобы съумѣть вѣрно воспользоваться этимъ огромнымъ матеріаломъ.

Всѣ попытки, дѣлавшіяся до сихъ поръ въ этомъ направленіи, (напр. Садовскимъ, Куно и мног. друг.), всегда оканчивались неудачей, т. е. давали въ результатѣ лишь предположенія и догадки, а не отчетливые выводы. Виноватъ въ этомъ, однако, не Птолемей, а изслѣдователи, которымъ не удалось найти ключъ къ его шифрамъ. Въ большинствѣ случаевъ, они видѣли свою главную задачу въ прінсканіи такой формулы приведенія птолемеевыхъ градусовъ долготы и широты къ соотвѣтствующимъ величинамъ нашей карты, которая была бы примѣнима ко всей картѣ Птолемея [1]). Нашедши ее и примѣнивъ къ тому или другому птолемееву рисунку, они переводили послѣдній, такъ сказать, на современный картографическій языкъ, радуясь весьма рѣдкимъ, совершенно случайнымъ совпаденіямъ и пожимая плечами надъ многочисленными промахами Птолемея, которые приходилось констатировать при этомъ. Но вѣдь это значитъ—переводить съ чужого языка на родной не живую мысль, облеченную въ живую форму, а мертвую фразу, притомъ даже не какъ синтаксическую фигуру, а какъ мертвое сочетаніе формъ, слово за словомъ. Можетъ-ли такой переводъ дать мало-мальски удовлетворительные результаты?

Такой пріемъ, очевидно, принципіально невѣренъ. Въ примѣненіи къ птолемеевой картографіи онъ былъ бы возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если-бы все отличіе птолемеевой карты

1) Такова, напр., формула Садовскаго, по которой 3^{0} долг. Птол. равны $2^{0}6'$ нашего счета.

отъ нашей заключалось только въ различномъ опредѣленіи объема земного шара, т. е. длины экватора. Между тѣмъ, дѣло вовсе не въ этомъ или, по крайней мѣрѣ, не въ этомъ одномъ. Коренное и принципіальное отличіе заключается въ пріемахъ составленія карты; а пріемы эти, съ своей стороны, обусловлены характеромъ имѣвшагося передъ нимъ матеріала.

Хорошій переводчикъ долженъ, прежде всего, всесторонне понять мысль, выразившуюся въ фразѣ, которую онъ собирается перевести, а затѣмъ уже примѣнить свой родной языкъ къ передачѣ той-же мысли,—именно мысли, а не готовой фразы; выражаемаго, а не выраженія. Принципъ этотъ цѣликомъ примѣнимъ и къ изслѣдованію птолемеевой карты. Выраженіе здѣсь—самый рисунокъ; его никоимъ образомъ «переводить» нельзя, такъ какъ онъ почти всегда искаженъ, по причинамъ, которыя выяснятся намъ ниже; необходимо вникнуть глубже въ дѣло, постараться всесторонне понять мысль, выражаемую рисункомъ, т. е. матеріалъ, который подлежалъ передачѣ на картѣ. Только этотъ матеріалъ можетъ быть переведенъ на нашъ картографическій языкъ, т. е. примѣненъ къ современной картѣ, а не готовый рисунокъ Птолемея. Къ возсозданію этого матеріала сводится вся задача изслѣдователя. А для выполненія ея послѣдній долженъ просто продѣлать ту-же работу, которую продѣлалъ самъ Птолемей, но только въ обратномъ направленіи, идя отъ готовой карты къ сырому матеріалу.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Птолемей имѣлъ передъ собою источники двухъ типовъ. Во первыхъ — труды своихъ предшественниковъ, географовъ и историковъ, дававшихъ матеріалъ уже въ обработанной формѣ, въ болѣе или менѣе стройной картинѣ. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ дошли до насъ (напр. Геродотъ, Страбонъ, Плиній и т. п.), другіе утеряны (Эратосѳенъ, Пиѳей, Гиппархъ, Артемидоръ и друг.)

Второй, наиболѣе важный для насъ рядъ источниковъ, наоборотъ, давалъ матеріалъ сырой: это были итинераріи путешественниковъ и купцовъ, таблицы разстояній и, можетъ быть,

карты въ родѣ пейтингеровой. Птолемей самъ, въ первой книгѣ своего труда, неоднократно указываетъ на итинераріи, какъ на важнѣйшіе свои источники. Точность его указаній въ особенности тамъ, гдѣ они относятся къ областямъ, входившимъ въ составъ имперіи, доказываетъ, что источники эти носили отчасти оффиціальный характеръ (ср. напр. выше на стр. 193 сл.); въ другихъ случаяхъ, относясь къ областямъ, куда, насколько намъ извѣстно, никогда не заходили римскіе легіоны, это были итинераріи купцовъ, дававшіе, въ общемъ, конечно, менѣе точныя указанія. Птолемей относился къ нимъ, впрочемъ, не безъ критики, хотя, конечно, строго-научной критики, въ нашемъ смыслѣ этого слова, отъ него ожидать нельзя. Но онъ ясно понималъ напр., что разстоянія, указанныя въ итинераріяхъ, нельзя переносить на карту цѣликомъ, въ видѣ прямыхъ линій, такъ какъ путешественники по сушѣ обыкновенно слишкомъ мало принимаютъ во вниманіе изгибы дороги, а мореплаватели — неблагопріятные вѣтры (I, 2,4). У него вырабатывается, путемъ наблюденій и провѣрокъ, вполнѣ опредѣленная точка зрѣнія на эти условія, и результаты его работы доказываютъ, что онъ былъ, въ общемъ, правъ (ср. выше стр. 222 сл.).

Таковъ былъ его матеріалъ. Его задача сводилась къ перенесенію его на развернутую поверхность земного шара, т. е. къ переводу стадіазмовъ на градусы и минуты долготы и широты; а для этого ему необходимо было, прежде всего, создать сложную сѣть меридіановъ и параллелей.

Мы не станемъ входить въ разсмотрѣніе того, при помощи какихъ пріемовъ Птолемей получилъ эту сѣть. Онъ самъ подробно излагаетъ эти пріемы въ первой книгѣ своего труда. Намъ же достаточно имѣть въ виду выяснившійся намъ выше (стр. 179 сл.) фактъ, что сѣть эта въ принципѣ вѣрна. Если она, тѣмъ не менѣе, не совпадаетъ съ нашей, то ошибка кроется въ основной посылкѣ, т. е. въ невѣрномъ опредѣленіи длины большого круга, перенятомъ у Посидонія; отношеніе-же параллелей къ меридіанамъ вычислено вполнѣ точно, или, по крайней

мѣрѣ, неточности настолько незначительны, что онѣ не могутъ вредно отозваться на нашихъ выводахъ: онѣ вызваны, очевидно, стремленіемъ Птолемея закруглять числа, т. е. считать всегда лишь круглыми десятками и пятками, избѣгая промежуточныя единицы и дробныя числа (ср. напр. выше примѣчаніе на стр. 179).

Такъ какъ онъ полагаетъ длину 1° экватора въ 500 стадій, т. е. 86,5 версты, тогда какъ въ дѣйствительности онъ равенъ 104,3 в., и такъ какъ, съ другой стороны, всѣ построенныя на этомъ дальнѣйшія вычисленія вѣрны, то получаемое здѣсь отношеніе его градусовъ къ нашимъ = 86,5 : 104,3 = 1 : 1,2 должно быть одинаково во всѣхъ частяхъ карты. Дѣйствительно, возьмемъ напр. 1° долг. на широтѣ 54°: у Птолемея онъ равенъ 293,8 стад. = 50,8 в., на нашей картѣ онъ-же = = 61,3 в.; т. е. мы получаемъ отношеніе 50,8 : 61,3 = 1 : 1,2.

Передъ нами, дѣйствительно, вполнѣ надежный и простой способъ «редукціи»: намъ стòитъ лишь увеличить сѣть Птолемея въ 1,2 раза или уменьшить нашу карту во столько же разъ, чтобы, при одинаковомъ масштабѣ, сдѣлать широты и долготы Птолемея равными картѣ нашей.

Еслибъ Птолемей нанесъ на свою карту всѣ отдѣльные пункты на основаніи точныхъ астрономическихъ данныхъ, то, возстановивъ его карту и увеличивъ ее въ 1,2 раза, намъ оставалось бы только наложить ее на современную карту, составленную въ томъ-же масштабѣ, — и мы дали бы разомъ наглядное рѣшеніе всѣмъ вопросамъ птолемеевой географіи. Но въ томъ-то и дѣло, что такихъ астрономическихъ данныхъ у него не было, или, вѣрнѣе, онъ имѣлъ таковыя только для двухъ пунктовъ Европы, для Массиліи и Византіи[1]).

На этихъ двухъ точкахъ, опредѣленныхъ безотносительно, построена вся карта нашей части свѣта; отъ нихъ исходятъ и къ нимъ же возвращаются, въ концѣ концевъ, всѣ линіи, опре-

1) Да и то широта Византіи была опредѣлена невѣрно. См. стр. 136, 196 сл.

дѣляющія какъ контуры рисунка, такъ и разстоянія всѣхъ пунктовъ его другъ отъ друга. Изъ подобныхъ линій составлена вся карта, такъ какъ матеріалъ, которымъ владѣлъ Птолемей, носилъ исключительно геодезическій характеръ, т. е. онъ опредѣлялъ лишь разстояніе одной точки отъ другой и, вѣроятно, давалъ указаніе на общее направленіе по странамъ свѣта. Притомъ, нужно помнить, что это были простые итинераріи, а не стройныя діатезы, оріентированныя съ опредѣленнаго, астрономически надежнаго базиса. Ему приходилось самому создавать этотъ базисъ для каждой части своей карты отдѣльно. Напр., для южной Сарматіи нуженъ былъ иной базисъ, чѣмъ даже для сѣверной Сарматіи, такъ какъ между ними лежитъ центральная полоса, о которой Птолемей рѣшительно никакихъ даже геодезическихъ свѣдѣній не имѣлъ. Идя съ юга и покоясь на линіи Черноморскаго побережья какъ на базисѣ, въ общихъ чертахъ правильномъ, его рисунокъ западной Сарматіи долженъ былъ остановиться на 53° шир., т. е. на широтѣ источника Борисѳена. Разстояніе отсюда до Балтійскаго побережья опредѣлилось чисто графически. Базисомъ рисунка сѣверозападной Сарматіи могла служить только береговая линія «Οὐενεδικὸς κόλπος», положеніе которой опредѣлено опять таки не астрономически, а геодезически, причемъ исходнымъ пунктомъ служило устье Вислы, которое въ свою очередь опредѣлялось линіей, идущей отъ Дуная (Κάρπις) черезъ Сарматскія горы къ Вислѣ. Что при такомъ способѣ черченія картъ грубые промахи были неизбѣжны, это ясно само собою. Въ большинствѣ случаевъ уже самый базисъ того или другого рисунка невѣренъ; кромѣ того, Птолемею часто приходилось передвигать его, во избѣжаніе пробѣловъ на картѣ, а этимъ измѣнялся, растягивался или съуживался и общій рисунокъ, получая иное направленіе по компасу. Иллюстраціей можетъ служить, напр., рисунокъ западнаго Черноморья и Дакіи (выше стр. 136 сл.).

Итинерарій даетъ всегда лишь одинъ рядъ пунктовъ, черезъ которые ведетъ дорога, не оглядываясь ни направо, ни налѣво.

Если онъ указывалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и общее направленіе пути и важнѣйшіе его изгибы, то перенести его на карту было нетрудно и общая правильность рисунка была обезпечена.

Иное дѣло, когда съ этимъ итинераріемъ нужно было сочетать другой, когда, напр., надлежало соединить въ одну картину правильную линію днѣпровскихъ городовъ съ не менѣе правильнымъ рядомъ стоянокъ на Каркинитѣ. Разстоянія отъ Torokka до Pasyris съ одной, Karkina съ другой стороны даны вѣрно (выше стр. 222 сл.); линія же, соединяющая тотъ-же городъ съ Ольвіей (492 стад. = 85,1 в.) невѣрна на цѣлыхъ 80 верстъ = 462,4 стадій, такъ какъ въ дѣйствительности эта линія равна приблиз. 165 верстамъ. Произошло это оттого, что эти два пункта не соединялись прямымъ торговымъ трактомъ и линія Ольвія—Торокка получилась, поэтому, на картѣ Птолемея путемъ графическимъ, т. е. путемъ сочетанія двухъ итинераріевъ при невѣрной оріентировкѣ какъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, такъ и общаго обоимъ базиса — береговой линіи Чернаго моря отъ устья Днѣпра до устья Каланчака (=Каркинита).

Эти соображенія налагаютъ на изслѣдователя обязанность всматриваться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ базисъ птолемеевой оріентировки и разсматривать его карту не въ цѣломъ ея составѣ, а разбивать ее, по возможности, на тѣ-же составныя части, изъ которыхъ ее, такъ сказать, склеилъ самъ Птолемей. Линіи, по которымъ склейка произошла, настолько еще ясны на его картѣ, что эта часть задачи существенныхъ затрудненій не представляетъ. Руководящими нитями явно служатъ теченія большихъ рѣкъ и береговыя линіи морей. Относительно тѣхъ и другихъ нужно, однако, замѣтить, что онѣ вѣрны лишь въ своемъ протяженіи, да и то не всегда (ср. выше стр. 195). Что-же касается ихъ изгибовъ, то они вѣрно переданы лишь въ самыхъ общихъ, грубыхъ чертахъ; мелкіе-же изгибы растянуты въ прямыя линіи, въ чемъ убѣдитъ насъ, напр., взглядъ на форму полуострова, къ которому примыкаетъ

Ἀχιλλέως δρόμος (ср. выше, стр. 217), или на западную часть Азовскаго моря (Βύκης λίμνη, выше, стр. 225).

Разъ подготовительная работа выполнена, т. е. карта Птолемея разбита на ея составныя части, и для каждой изъ нихъ опредѣленъ базисъ оріентировки, то изслѣдователь можетъ перейти къ главной части своей задачи, къ переводу птолемеевыхъ данныхъ на нашу карту. При этомъ ему представляются на выборъ два пріема.

Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ онъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ могъ убѣдиться въ правильности птолемеевой оріентировки, онъ можетъ воспользоваться пріемомъ чисто графическимъ, т. е. наложить рисунокъ Птолемея на соотвѣтствующую часть нашей карты и довѣриться, въ общемъ, получаемымъ такимъ путемъ совпаденіямъ. Само собою разумѣется, что этотъ пріемъ примѣнимъ лишь въ видѣ исключенія, и получаемые результаты не всегда могутъ быть приняты безъ оговорокъ; подчасъ они сами по себѣ неясны и требуютъ спеціальнаго разсмотрѣнія, причемъ субъективнымъ соображеніямъ изслѣдователя предоставленъ довольно значительный просторъ.

Гораздо надежнѣе, поэтому, второй пріемъ, который можетъ быть названъ геодезическимъ. Онъ примѣнимъ къ любой части птолемеевой карты и пользуется рисункомъ послѣдней лишь постольку, поскольку это необходимо для возстановленія геодезическаго матеріала, изъ котораго карта создалась подъ рукою Птолемея. Возстановивъ его въ видѣ таблицы разстояній [1]), изслѣдователь переноситъ его на современную карту, совершенно независимо отъ оріентировки Птолемея. Рисунокъ послѣдняго указываетъ лишь въ общихъ чертахъ направленіе, въ которомъ должно отмѣрять данное Птолемеемъ разстояніе, чтобы найти на нашей картѣ ту или иную точку его рисунка.

Само собою разумѣется, что указанные общіе пріемы часто окажутся недостаточными. Въ извѣстныхъ случаяхъ изслѣдова-

1) Примѣненный нами способъ вычисленія разстояній изложенъ нами выше, на стр. 178—182.

телю придется развить ихъ въ ту или иную сторону, принимая въ соображеніе детальныя условія каждаго отдѣльнаго случая. Причины той или иной ошибки или непослѣдовательности Птолемея всегда выясняются безъ особаго труда (ср. стр. 190 сл., 195 сл.): онъ работалъ строго-методически; обвиненіе въ «безпримѣрномъ произволѣ», къ счастью для насъ, ни на чемъ не основано.

Оба указанные пріема изслѣдованія Птолемея нашли примѣненіе въ моей книгѣ.

I. Графическій пріемъ иллюстрируется первою изъ прилагаемыхъ картъ («Область Одера и Вислы по современной картѣ и по картѣ Птолемея»).

Какъ указано выше, онъ можетъ быть примѣненъ только въ исключительныхъ случаяхъ, къ отдѣльнымъ частямъ — вырѣзкамъ изъ карты Птолемея.

Въ данномъ частномъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ областью, представляющею собою сравнительно узкую полосу, которая тянется отъ Чехіи прямо на сѣверъ до Балтійскаго моря. Она не входитъ въ сферу римскихъ политическихъ интересовъ, вслѣдствіе чего нашъ географъ могъ имѣть о ней лишь однородный матеріалъ, т. е. итинераріи купцовъ, шедшихъ съ юга за янтаремъ. Пути, по которымъ идутъ торговые караваны, тянутся въ общемъ въ одномъ только направленіи, параллельно другъ другу, безъ значительныхъ отклоненій на востокъ или западъ; едва-ли они скрещивались, едва-ли рѣзко расходились. Опасность невѣрныхъ указаній относительно направленія тракта по странамъ свѣта здѣсь, въ силу этого, сводится къ минимуму.

Эти соображенія уже выдѣляютъ данную область изъ общей карты Германіи какъ нѣчто цѣльное, скомпанованное отдѣльно отъ прочихъ частей карты и оріентированное съ одного базиса, т. е. съ юга, по одному направленію, на сѣверъ. Вотъ почему мы вправѣ примѣнить къ ней графическій способъ дешифровки, т. е. наложить карту Птолемея на современную и довѣриться совпаденіямъ, которыя получатся при этомъ.

Непосредственно сдѣлать это, однако, нельзя: необходима нѣкоторая подготовительная работа.

Прежде всего, требуется, чтобы проекція на обѣихъ картахъ была одна и та-же. Выбирая прямолинейную (меркаторовскую), которую, впрочемъ, примѣняетъ и самъ Птолемей для частныхъ картъ отдѣльныхъ областей, я имѣлъ въ виду лишь бо́льшую легкость практическаго исполненія карты. Что-же касается отношенія параллели къ меридіану, то базисъ обобщенія для нашей цѣли безразличенъ. Руководствуясь опять-таки соображеніями практическими, я обобщилъ на современной картѣ отношеніе параллели къ меридіану на широтѣ 54°, проходящаго черезъ дельты какъ Одера, такъ и Вислы (т. е. 1 : 1,701). На картѣ Птолемея также обобщена мною параллель, проходящая черезъ устья этихъ рѣкъ (т. е. птолемеевъ 56°), причемъ, однако, длина ея градусовъ получилась графически. Дѣло въ томъ, что, для наложенія птолемеева рисунка на нашъ, намъ необходимы по меньшей мѣрѣ три общія точки опоры, лежащія не на одной линіи. Такихъ точекъ, однако, птолемеева карта не даетъ, даже еслибъ мы увеличили ее въ 1,2 раза (ср. выше стр. 348). Приходится, поэтому, создать ихъ искусственно, нѣсколько жертвуя точностью рисунка Птолемея. Первыми двумя пунктами естественно представляются устья Одера и Вислы. Но ихъ нѣсколько. Выбирая по одному для каждой изъ этихъ рѣкъ, мы, очевидно, не можемъ обойтись безъ нѣкотораго произвола.

По соображеніямъ топографическимъ и гидрографическимъ, древнѣйшимъ устьемъ Одера представляется самое восточное (Камминское) подъ 14° 48′ 30″ долг. Грин., и 54° 1′ 30″ шир.; важнѣйшимъ же устьемъ Вислы несомнѣнно было самое западное (Данцигское) подъ 18° 39′ 30″ долг. Грин., и 54° 24′ шир. Соединяя эти двѣ точки прямою линіею, я принимаю ее за параллель 56° Птол. и кладу ее въ основаніе всего рисунка.

Меридіаны создать не трудно. Черезъ отмѣченныя точки пройдутъ, конечно, меридіаны 39°30′ resp. 45° Птол. (см. Ptol. II, 11,2). Раздѣливъ лежащую между ними параллель на 5°30′,

мы проведемъ черезъ точки дѣленія прямыя линіи, перпендикулярныя къ ней, и меридіаны готовы. Они-же дадутъ намъ и необходимую третью точку опоры. Дѣло въ томъ, что птолемеевъ меридіанъ 42°30′ пройдетъ на нашей картѣ какъ разъ черезъ тотъ рѣзкій загибъ Дуная, въ которомъ, по Птолемею, лежитъ Karpis: а Птолемей II, 11,3 отмѣчаетъ этотъ загибъ именно подъ 42°30′ долг. Это поразительное совпаденіе оправдываетъ нашъ рисунокъ и сглаживаетъ допущенный нами на сѣверѣ произволъ.

Разъ загибъ Дуная подъ Karpis оказался надежной точкой, то мы можемъ воспользоваться имъ для проведенія параллелей. Черезъ эту точку пройдетъ параллель 48° (Ptol. II, 11, 3); намъ остается лишь раздѣлить меридіанъ между нею и параллелью 56° шир. на 8 равныхъ частей, которыя и обозначутъ собою градусы широты.

Получаемое этимъ путемъ отношеніе параллели къ меридіану (= 1 : 2) несовсѣмъ точно. При обобщеніи 56° шир., вѣрнѣе было бы отношеніе 279,5 : 500 = 1 : 1,788. Но эта неточность вознаграждается другими, уже отмѣченными выгодами, представляемыми такимъ именно рисункомъ, который, впрочемъ, и съ точки зрѣнія геодезической не сильно расходится съ истиной. На картѣ Птолемея отъ Вислы до Одера по прямой линіи 265,8 версты, на нашей — около 237 верстъ; иначе говоря, мы расширили рисунокъ Птолемея, при сравнительно значительномъ разстояніи Одера отъ Вислы, лишь на 28,8 в. Что же касается меридіановъ, то здѣсь ошибка еще меньше: на картѣ Птолемея разстояніе отъ Karpis до параллели 56°, по меридіану,—692 в., а на нашей картѣ около 681 в., т. е. мы допускаемъ, на огромномъ разстояніи, ошибку лишь въ 11 верстъ.

Всматриваясь теперь въ получаемыя при этомъ наложеніи совпаденія, мы приходимъ къ результатамъ, уже отмѣченнымъ нами на стр. 59, 63—68.

Они, конечно, неточны. Лишь въ очень немногихъ случаяхъ полученныя пріуроченія подтверждаются сходствомъ или тоже-

ствомъ именъ, какъ въ Καρρόδουνον (al. Κρόδουνον) — Grodisko, Καλισία—Калишъ. Тѣмъ не менѣе, подобный графическій пріемъ имѣетъ и свои выгодныя стороны: онъ ярко оттѣняетъ достоинства и недостатки птолемеевыхъ картъ и можетъ служить къ выясненію и оцѣнкѣ его картографическихъ пріемовъ. Независимо отъ этого, получаемые такимъ путемъ фактическіе результаты далеко не безцѣнны, напр., по вопросу о горныхъ цѣпяхъ, отмѣчаемыхъ Птолемеемъ. Что-же касается городовъ, то мы должны довольствоваться догадками; наши пріуроченія могутъ претендовать лишь на бóльшую или меньшую степень вѣроятія, за исключеніемъ, конечно, случаевъ въ родѣ Καλισία и т. под.

Провѣрка этихъ выводовъ при помощи геодезическаго пріема, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подтвердитъ намъ наши догадки, въ другихъ—она приведетъ насъ къ болѣе точнымъ пріуроченіямъ.

Asanka, которое мы на стр. 65 искали близъ Тешена, мы пріурочимъ теперь точнѣе къ городку Iablunkau на Ольсѣ, съ которымъ птолемеевъ городъ совпадаетъ и графически. Здѣсь могла быть первая стоянка послѣ перехода черезъ горы. Отсюда до Гродиско 109,2 в., тогда какъ у Птолемея отъ Asanka до Karrodunon 102,5 в., т. е. имъ сдѣлана ошибка въ 6,7 верстъ.

Отъ Karrodunon до Arsonion 84,9 в. Отожествляя послѣдній городъ съ нын. Росоржъ (верстахъ въ 12 на сѣверозападъ отъ Велюна), отстоящимъ отъ Grodisko на 77 верстъ (по прямой линіи, а съ обходомъ верховьевъ Просны, приблизительно на 85 верстъ), мы допускаемъ ошибку лишь въ 7,9 resp. 0,1 в. и получаемъ совпаденіе, поддерживаемое нѣкоторымъ сходствомъ именъ (*arso- > *roso- ?). Кромѣ того, за это пріуроченіе говоритъ то обстоятельство, что и въ другую сторону отъ него получается удовлетворительный результатъ: отъ Arsonion до Kalisia по Птолемею 45,2 в., — отъ Росоржа до Калиша около 50 в., т. е. Птолемей ошибся лишь на 4,8 в.

Отъ Kalisia путь идетъ на сѣверъ до Setidava, котораго достигаетъ черезъ 59 верстъ: это несомнѣнно нын. Коло, какъ мы уже предположили на стр. 65. Онъ лежитъ на одномъ изъ

важнѣйшихъ древнихъ бродовъ черезъ Варту и отстоитъ отъ Калиша на 56 верстъ, т. е. Птолемей ошибся въ опредѣленіи этого разстоянія лишь на 3 версты. Отъ Setidaua дорога достигаетъ, прошедши 64,8 в., города Askaukalis. Сохраняя для этого города пріуроченіе къ нын. Скульску (выше, стр. 65 сл.), мы должны допустить ошибку въ 29,3 в., слишкомъ значительную для даннаго небольшого разстоянія, даже если допустить необходимость далекихъ обходовъ вокругъ Гоплинскихъ болотъ. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ остановиться на этомъ, вспомнивъ, что рисунокъ всей этой области скомпанованъ по даннымъ двухъ источниковъ, изъ которыхъ одинъ шелъ, въ своемъ изложеніи, съ сѣвера на югъ, другой — въ обратномъ направленіи (ср. выше, стр. 43) Линія, гдѣ обѣ діатезы сталкивались, должна пройти приблизительно черезъ среднюю Варту, вслѣдствіе чего и могло произойти удлиненіе разстоянія между Коло и Скульскомъ, если только допустить, что два источника Птолемея не сходились въ своихъ показаніяхъ и что онъ равномѣрно пользовался обоими.

Дальнѣйшій путь на сѣверъ обозначенъ, кажется, точнѣе. Отъ Askaukalis до Skurgon 82,2 в. Едва-ли послѣдній пунктъ слѣдуетъ искать на окраинѣ такъ наз. Tucheler Heide (выше, стр. 66) около нын. Цемпельбурга, куда указываетъ графическое совпаденіе. Вѣрнѣе пріурочить Skurgon къ нын. Корсину или Крушину между Бромбергомъ и Накелемъ, близъ одного изъ важнѣйшихъ въ древности переходовъ черезъ болота, окружающія верхнюю Нетцу. Корсинъ и Крушинъ находятся отъ Скульска первый въ разстояніи 76 в., второй — 75,5 верстъ; т. е. мы допустили ошибку только въ 6,2, resp. 6,7 в. Догадка эта, повидимому, подтверждается тѣмъ, что отъ Skurgon до устья Вислы у Птолемея 131,6 в., а отъ Корсина до Данцигскаго устья 140, отъ Крушина 136 верстъ; иначе говоря, мы имѣли бы дѣло съ ошибкою въ 8,4 resp. 4,4 в. Наконецъ, если Skurgon лежитъ около Бромберга, то это могло бы намъ служить указаніемъ на направленіе, которое имѣло, на оригинальной картѣ Птолемея, теченіе Вислы.

Таковъ, кажется, главный трактъ. Дороги, проходящія западнѣе, менѣе ясны.

Если Budorigon = нын. Herrenstadt (стр. 68), то Limiosaleion, дѣйствительно, должно совпасть съ нын. Шримъ: между означенными двумя городами Птолемея 72 версты разстоянія, а между тѣми пунктами нашей карты, къ которымъ мы ихъ пріурочиваемъ—62 версты, т. е. мы допустимъ ошибку въ 10 в. Что-же касается Leukaristos, отстоящаго отъ Budorigon на 39,3 в., а отъ Arsonion на 96,8 в., то вопросъ о немъ долженъ остаться открытымъ.

Наконецъ, крайняя западная линія идетъ слѣдующимъ образомъ:

Galaigia — 128,3 в. — Kolagkoron — 38,6 — Susudata — 139,9 — Viriton — 109,3 — Skurgon.

Сохраняя наши пріуроченія, полученныя на основаніи графическихъ совпаденій (стр. 67 сл.), за исключеніемъ Skurgon, принимаемаго нами теперь за Корсинъ или Крушинъ близъ Бромберга, мы получаемъ:

Румбургъ — 119 в. — Кроссенъ — 45 — Франкфуртъ — 137 — Чарниковъ[1]) — 92 — Бромбергъ, т. е. ошибки выразятся въ такихъ цифрахъ:

9,3, — 6,4 — 2,9 (resp. 0,4) — 17,3 в.

Центральный путь соединялся съ западнымъ, повидимому, линіей Limiosaleion—86,5 в.—Virition, т. е. на нашей картѣ Шримъ—87,5—Брисенъ.

Чтобы уже не возвращаться къ нашей первой картѣ, прибавимъ тутъ-же списокъ народностей, обозначенныхъ на ней римскими цифрами:

---

1) Вѣрнѣе, можетъ быть, Брисенъ (=Virition?), въ 2,5 в. на востокъ отъ Чарникова, т. е. въ 139,5 в. отъ Франкфурта.

I готы	VII манимы	XIII буры
II гепиды	VIII силинги	XIV марсинги
III руги	IX (ди)дуны	XV сидоны
IV лемовіи (?)	X гаріи	XVI котины
V бургунды	XI аздинги	XVII осы.
VI гельвеконы	XII варины	

II. Геодезическій пріемъ. Наша вторая карта (Южная часть Европейской Сарматіи и прилегающія къ ней области по Птолемею), служащая къ уясненію его, составлена нами непосредственно по тексту Птолемея II, 11 (Γερμανία Μεγάλη), 15 (ἡ κάτω Παννονία); III, 5 (ἡ ἐν Εὐρώπῃ Σαρματία), 6 (ἡ Ταυρικὴ Χερσόνησος), 7 (Ἰάζυγες οἱ Μετανάσται), 8 (Δακία), 10 (ἡ κάτω Μυσία).

Обобщая отношеніе параллели къ меридіану 11 : 20, имѣющее мѣсто на 56°38′ шир. (274,99 : 500), я имѣлъ въ виду частный рисунокъ Сарматіи самого Птолемея, который чертитъ карту этой страны съ этимъ именно обобщеніемъ.

Еслибъ мы имѣли возможность съ полною графическою точностью возстановить карту Птолемея, то мы могли-бы считывать съ нея всѣ разстоянія, какъ мы ихъ считываемъ съ карты современной, при помощи масштаба, извѣстнаго намъ и для карты Птолемея. Но такъ какъ подобная задача представляла бы слишкомъ значительныя графическія затрудненія [1]), то мы предпочли болѣе легкій и надежный, хотя и очень утомительный способъ вычисленія разстояній, изложенный нами выше на стран. 178—182. Къ тому, что мы сказали тамъ, намъ остается добавить лишь нѣсколько словъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Птолемей закруглялъ цифры при перенесеніи ихъ на карту, подобно тому, какъ и въ астрономическихъ указаніяхъ наименьшая величина, съ которою онъ считается, — 5′. Такъ напр., если мы получаемъ по нашему рас-

1) Я сдѣлалъ попытку такого возстановленія для таврическаго полуострова и думаю издать ее въ недалекомъ будущемъ.

чету разстоянія въ 151 стад. (Harpis-Hermōnaktos kōmē), 299,8 (Olbia—Borysthenēs), 1058,7 (Olbia — Erakton), 1397,5 (Chronos—Rudōn), то мы, вѣроятно, подошли бы ближе къ счету Птолемея (или его источниковъ), еслибы считали 150—300—1060—1400. Но такія закругленія всегда носили бы характеръ произвола; притомъ въ большинствѣ случаевъ мы бы не знали, въ какомъ направленіи слѣдуетъ закруглять. Такъ, если по нашему расчету отъ Ольвіи до Tamyrakē 812,4 стадія, отъ Mētropolis до Sarbakon 547,4, то мы можемъ предположить у Птолемея 810 или 815, 545 или 550 стадій. Вотъ почему мы предпочли разъ на всегда сохранять точныя цифры нашихъ вычисленій, останавливаясь въ нихъ на десятыхъ доляхъ, также, какъ и при переводѣ стадій на версты.

Для справокъ и въ видахъ облегченія провѣрки нашихъ выводовъ, мы прилагаемъ еще таблицу разстояній на картѣ Птолемея, какъ тѣхъ, которыя вошли въ нашъ текстъ, такъ и тѣхъ, которыя были вычислены нами попутно, но не нашли примѣненія въ самомъ изслѣдованіи. Вторыя поучительны не менѣе первыхъ: они, большею частью, мѣтко характеризуютъ ошибки птолемеева рисунка и дадутъ читателю возможность провѣрить общія положенія, изложенныя нами на стр. 346 сл.

Приложеніе II.

ТАБЛИЦА РАЗСТОЯНІЙ

НА КАРТѢ ПТОЛЕМЕЯ.

Южная и сѣверозападная Сарматія. Сѣверовосточная часть нижней Мэзіи. Сѣверовосточная Германія.

Имена расположены въ алфавитномъ порядкѣ. Такъ, напр., разстояніе отъ Ольвіи до Тираса слѣдуетъ искать подъ Olbia; отъ Ольвіи до Метрополиса подъ Mētropolis. Имена городовъ и вообще поселеній не обозначены особо; отмѣтка pol. (=πόλις) прибавлена лишь въ немногихъ случаяхъ, чтобы отличить городъ отъ одноименной рѣки (Tanaïs, Tyras). Если при именахъ рѣкъ, всегда помѣченныхъ отмѣткою pot. (=ποταμός, —οῦ) нѣтъ другого указанія, то имѣется въ виду устье. Словомъ stoma (στόμα) отмѣчены лишь устья Дуная.

Принимаемыя мѣры: 1 стад.=125 pass. roman.=184,7 метра= 0,173 версты.

ОТЪ	ДО	СТАДІИ.	ВЕРСТЫ.
Agaron akron	Agaros pot.	446,9	77,3
» »	Krēmnoi.	167	28,8
» »	Neon Teichos.	965,1	166,9
» »	Tanais pol.	2815,2	487
» »	Zēnōnos Chersonēsos.	458,3	79,2
Agaros pot.	Alsos Halieuma theū.	378,7	65,5
» »	Gerros pot.	587,4	101,6
Akra	Bykēs pot.	99,3	17,1
»	Gerros pot..	181,9	31,4
»	Neon Teichos	500	86,5
Alsos Halieuma theū .	Lykos pot.	162,7	28,1
Alsos Hekatēs	Borysthenēs pot. . . .	503,5	87,1
» »	Hieron akron	257,4	44,5
» »	Hypanis pot.	410,9	71
» »	Isthmos tū Achilleōs dromu.	173,3	29,9
Amadoka limnē	Lēinon.	165,1	28,5
Amadoka pol.	Azagarion	83,3	14,4

ОТЪ	ДО	СТАДІИ.	ВЕРСТЫ.
Amodoka pol.	Saron	125	21,6
Arsonion.	Kalisia.	261,3	45,2
»	Karrodunon (Germ). .	490,8	84,9
»	Leukaristos.	560	96,8
Asanka.	Hēgētmatia.	1114,5	192,8
»	Karrodunon (Germ.) .	592,9	102,5
»	Setouia	231,4	40
Askaukalis	Setidaua.	375	64,8
»	Skurgon	475,3	82,2
Axiakēs pot.	Borysthenēs pot. . . .	300,7	52
» »	Fyskē	200,8	34,7
» »	Ordēssos	250	43,2
Axiupolis	Karsum	71,4	12,3
»	Tomoi.	236,2	40,8
»	Troismis.	313,9	54,3
Boreion stoma	Pseudostomon	88	15,2
» »	Thiagola stoma	88	15,2
Borysthenēs pot.. . . .	Chersonēsos	1409,2	243,7
» »	Hypanis pot..	165,6	28,6
» »	Olbia.	299,8	51,8
» »	Ordēssos.	165,6	28,6
» »	Tamyrakē.	607,3	105
» »	Thiagola stoma	862,5	149,2
» »	Tyras pot.	572,5	99
Budorigon.	Hēgētmatia.	932,8	161,3
»	Leukaristos.	227,4	39,3
»	Limiosaleion	416,7	72
»	Lugidunon *).	463,9	80,2
»	Stragona	719,1	124,4
Bykēs pot.	Leianon	165,6	28,6
» »	Neon Teichos	420,2	72,6
Byzantion	Thiagola.	1960,2	339,1

*) Lugidunon берется здѣсь въ томъ положеніи, въ которомъ оно значится у Птолемея, т. е. подъ 39°30′ долг. 52°30 шир.

ОТЪ.	ДО.	СТАДИИ.	ВЕРСТЫ.
Chersonēsos.	Thiagola.	1619,2	280,1
Chesinos pot.	Turuntos pot.	822,4	142,2
Chronos pot.	Rudōn pot.	976,2	168,8
» »	Uistula pot.	1397,5	241,7
Dinogeteia.	Nouiodunon.	522,8	90,4
»	Troismis.	332,8	57,4
Erakton	Olbia.	1058,7	183,1
»	Tyras pol.	884,4	153
»	Tyras pot. epistrofē. .	288,2	49,8
»	Uibantauarion	110	19
Erkabon	Olbia.	507,6	87,8
»	Pasyris	41,6	7,1
»	Trakana.	250	43,2
Fyskē.	Tyras pot.	112,2	19,4
Galaigia	Kolagkoron.	741,7	128,3
»	Lugidunon *).	616,6	106,6
»	Stragona	659	114
Gerros pot.	Krēmnoi	486,2	84,1
» »	Nauaron.	810,4	140,1
Harpis	Hermōnaktos kōmē. .	151	26,1
»	Nouiodunon.	592,5	102,5
»	Thiagola stoma	151,2	26,1
»	Tyras pol.	208,3	36
Hēgētmatia.	Karrodunon (Germ.) .	976,3	168,8
»	Stragona.	349,2	60,4
Hermōnaktos kōmē . .	Tyras pot.	87,9	15,2
Hieron akron.	Isthmos tū Achilleōs dromu.	402,6	69,6
» »	Mysaris akron	647,3	111,9

*) См. примѣчаніе на стр. 362.

ОТЪ	ДО	СТАДІИ.	ВЕРСТЫ.
Hieron (Peukē) stoma.	Istros pol.	137,6	23,8
» » » .	Narakion stoma	71	12,2
» » » .	Nouiodunon.	477,5	82,6
» » » .	Sitioenta	367,6	63,5
» » » .	Tomoi	403,6	69,8
» » » .	Troismis.	692,6	119,8
Hygreis	Lykos pot.	523,6	90,5
»	Poritos pot.	393,8	68,1
Hypanis pot.	Leianon.	761,3	131,7
» »	Neon Teichos.	832,3	143,9
» »	Olbia.	415	71,7
» »	Ordēssos	331,3	57,3
» »	Tamyrakē.	441,7	76,4
» »	Torokka.	299,8	51,8
Isthmos tēs Taurikēs Chersonēsu 60°20′ long. 48°20′ lat. . .	60°30′ long. 48°30′ lat..	99,9	17,2
Isthmos tū Achilleōs dromu.	Kalos limēn.	173,3	29,9
Isthmos tū Achilleōs dromu.	Mysaris akron.	266,5	46,1
Istros pol.	Nouidunon	476	82,3
» »	Tomoi	301,1	52
Istru pot. prōtos merismos	Nouiodunon.	57,3	9,9
Kalisia.	Leukaristos.	612	105,8
»	Setidaua.	341,6	59
Kalon stoma	Narakion stoma	88,1	15,2
» »	Pseudostomon	83,3	14,4
Kalos limēn.	Tamyrakē.	379,1	65,5
Karkina	Karkinitēs pot.	136,6	23,6
»	Olbia.	833,4	144,1
»	Tamyrakē.	136,6	23,6

отъ	до	стадіи.	версты.
Karkina	Torokka.	352,5	60,9
Karkinitēs pot..	Tamyrakē.	110,4	19
Karoia	Poritos pol.	291,7	50,4
»	Tanais pol.	833	144,1
»	Tanais pot. dytikon stoma.	575,1	99,4
Karpaton oros	Tyras pot. peras 49°30′ long. 48°30′ lat.	1159,5	200,5
Karpis	Setouia	1000	173
»	42°30′ long. 56° lat.	4000	692
Karrodunon (Sarmat.).	Klēpidaua.	990,6	171,3
» » .	Maitōnion.	503,8	87,1
» » .	Tyras pot. peras 49°30′ long. 48°30′ lat.	83,3	14,4
Karsum	Troismis.	256,6	44,3
Klēpidaua	Maitōnion.	503,8	87,1
»	Tyras pol.	1277,9	221
»	Tyras pot. epistrofē. .	185,3	32
»	Uibantauarion	330,2	57,1
Kolagkoron	Susudata.	223,3	38,6
Leianon	Neon Teichos.	335	57,9
Lēinon.	Olbia.	1165,7	201,6
»	Sarbakon	344,7	59,6
»	Tyras pot. epistrofē.	935,6	161,8
Leukaristos	Limiosaleion	474,7	82,1
Limiosaleion	Uiritiou	500	86,5
Lugidunon*)	Stragona	419,8	72,5
Maitōnion	Tyras pol.	1734,2	300
»	Tyras pot. epistrofē.	662,6	114,6
»	Tyras pot. peras 49°30′ long. 48°30′ lat.	496,9	85,9
Mētropolis	Nauaron.	695,8	120,3

*) Lugidunon берется здѣсь въ томъ положеніи, въ которомъ оно значится у Птоломея, т. е. подъ 39°30′ долг. 52°30′ шир.

ОТЪ	ДО	СТАДІИ.	ВЕРСТЫ.
Mētropolis.	Niosson	182,4	31,5
»	Olbia.	298,9	51,7
»	Sarbakon	547,4	94,7
»	Saron	408,6	70,6
»	Serimon.	298	51,5
»	Torokka.	702	121,4
»	Tyras pol.	931,9	161,2
Nauaron	Olbia.	701,4	121,3
»	Serimon.	481,9	83,3
»	Trakana.	125	21,6
Neon Teichos.	Pasiakēs pot.	99,8	17,2
» »	Tamyrakē.	395,8	68,3
Nikōnion.	Ofiussa	139,1	24
»	Tyras pol.	274	47,4
»	Tyras pot.	250	43,2
Niosson	Olbia.	467,6	80,8
»	Sarbakon	363,9	62,9
»	Saron	291,6	50,4
»	Serimon.	363,9	62,9
»	Tyras pol.	1000	173
Nouiodunon.	Piroboridaua.	339,2	58,6
»	Sitioenta	114,7	19,8
»	Tamasidaua	512,9	88,7
»	Thiagola stoma	598,7	103,5
»	Tomoi	352,4	60,9
»	Troismis.	244	42,2
»	Tyras pol.	742,1	128,3
»	Zargidaua.	625	108,1
Ofiussa.	Tyras pol.	166,6	28,8
»	Tyras pot.	200,8	34,7
Olbia.	Ordēssos	250	43,2
»	Pasyris	499	86,3
»	Sarbakon	824,8	142,6
»	Serimon.	500	86,5

отъ	до	стадіи.	версты.
Olbia..	Tamyrakē.	812,4	140,5
»	Torokka.	492	85,1
»	Trakana.	618,6	107
»	Tyras pol.	746,8	129,1
»	Tyras pot. epistrofē. .	1348,5	233,2
»	Uibantauarion	1167,6	201,9
Pantikapaia.	Tanais pol.	3521,5	609,2
Pasyris.	Torokka[1].	83,3	14,4
Peukē stoma v. Hieron stoma.			
Piroboridaua	Tamasidaua.	337,8	58,4
»	Thiagola stoma	767	132,6
»	Troismis.	333,3	57,6
»	Tyras pol.	758,9	131,2
Rudōn pot.	Turuntos pot.	1108,9	191,8
Rugion.	Skurgon.	362,7	62,7
»	Uiadua pot.	166,6	28,8
»	Uirition.	727,8	125,9
»	Uistula pot.	724,4	125,3
Sarbakon	Saron	344,7	59,6
»	Serimon.	642,6	111,1
Saron.	Serimon.	344,7	59,6
Sitioenta.	Tomoi	333,3	57,6
Skurgon	Uirition	632,1	109,3
»	Uistula pot.	760,7	131,6
Suēbos pot.	Uiadua pot.	838,5	145
Susudata.	Uirition.	809,2	139,9
Tamasidaua.	Tyras pol.	568,9	98,4
»	Zargidaua.	168,1	29
Tamyrakē.	Torokka.	372,3	64,4
Tanais pol.	Tanais pot. anatolikon stoma.	83,3	14,4

ОТЪ	ДО	СТАДІИ.	ВЕРСТЫ.
Tanais pol.	Tanais pot. dytikon stoma.	255,9	44,2
Thiagola stoma.	Tyras pot.	334,5	57,8
Tomoi	Troismis.	428,7	74,1
Tyras pol.	Tyras pot.	112,2	19,4
» »	Tyras pot. epistrofē	1092,6	189
» »	Tyraspot.peras49°30′ long. 48°30′ lat.	2227,7	385,3
» »	Uibantauarion	979	169,8
» »	Zargidaua.	450,8	77,9
Tyras pot.	Tyras pot. epistrofē. .	1197,1	207
Tyras pot. epistrofē. .	Uibantauarion	185,3	32
» » » . .	Zargidaua	674	116,6
Uiadua pot.	Uistula pot.	698,7	120,8

Поправки и дополненія.

Стран.	Строка (сверху).	
6	2	вм. снова читай основа.
»	4	вм. Раулдъ чит. Руалдъ.
8	14 сл.	«Градъ Днѣпра въ Рѣчной области... въ то время главный городъ въ странѣ Reiðgot'овъ.
»	17	вм. произощло чит. произошло.
11	8-10	«Въ то время весь материкъ, которымъ онъ (Óдинъ) владѣлъ, назывался страною Reiðgot'овъ, а всѣ острова страною островныхъ готовъ, что теперь называется Даніей и Швеціей».
17	28	вм. Готландіи чит. Готланда.
28 сл.		Разсужденіе о венедахъ-славянахъ на балтійскомъ побережьѣ должно быть исправлено на основаніи стр. 331—336: венеды совершенно вѣрно отмѣчаются Птолемеемъ на берегу моря, но этимъ именемъ обозначаются здѣсь не славяне, а айсты.
29	25	вм. с. 3 чит. IV,26.
»	28 сл.	Опредѣленіе земли готовъ и восточной ея границы (стр. 30 сл.) должно быть измѣнено согласно стр. 335 сл.: готы не достигли въ низовьяхъ Вислы полной осѣдлости.
41	2	вм. Малые... Бѣлые чит. Малыя... Бѣлыя.
43	12	вм. Ορχύνιος чит. Ὀρχύνιος.
55	17	вм. Σούμους... р. 290 чит. Ζούμους... VII,1,3.
62	13	вм. Varini чит. Varinnae.

Стран.	Строка (сверху).	
65	1-4	Ἀσάνκα вѣроятно тождественно съ гор. Яблунковымъ на Ольсѣ, см. стр. 355.
65	14-16	Ἀρσόνιον вѣроятно нын. Росоржъ, въ 12 верстахъ отъ Велюна. См. стр. 355.
66	16-17	Σκούργον вѣрнѣе пріурочить къ нын. Корсину или Крушину близъ Бромберга. См. стр. 356.
68	20-22	Οὐιρίτιον вѣроятно нын. Брисенъ близъ Чарникова. См. стр. 357.
79	12	вм. G. и чит. и G.
80	примѣч.	вм. Hyponis-Кубанъ чит. Hypanis-Кубань.
83	4	вм. al. Норцы чит. al. Нарцы.
87	6	О суффиксѣ -ma въ финскихъ этническихъ названіяхъ см. замѣчаніе Куника, у Биденштейна стр. 463.
88	2	вм. названені чит. названіе.
93	12	вм. Plyaen чит. Polyaen.
97	6	вм. s. и чит. s., Evarix Greg. Turon. II,25, и
»	18	Возможно, однако, что мы въ Eochar имѣемъ дѣло съ *кельтскимъ* именемъ, въ виду дрбрет. Euhocar Fick II⁴ p. 23. Ср. стр. 98 примѣч. [1].
100	29	уничтожить цитату reges Böckh II,82.
114	1	вм. дять чит. дать.
»	3 сл.	вм. незаконнаго чит. незаконнаго или смѣшаннаго.
116	17	вм. *Ermunudori чит. *Ermunoduri.
123	9	вм. передвинулись чит. передвинулась.
144	20 сл.	Когда стр. 144 уже была отпечатана, я замѣтилъ, что уже Roesler въ Romänische Studien стр. 72 связываетъ Caucoenses съ Caucaland. Впрочемъ, онъ не входитъ въ обсужденіе вопроса, хотя и пріурочиваетъ Caucaland къ области Kokel.
151	23	послѣ немыслимо прибавить: (ср. уже Мухъ 17).
156	2	вм. ниже чит. выше стр. 143.
162	10	вм. Аксіуполя чит. Аксіополя.

Стран.	Строка (сверху).	
193	32	вм. 1159,1 чит. 1159,5.
206	8	вм. Царгидаву чит. Заргидаву.
213 сл.		Производя лѣтомъ 1898 г., по порученію Императорской Археологической Коммиссіи, курганныя раскопки близъ Большой Бѣлозерки (см. стр. 223 и дополненіе къ ней), я имѣлъ случай посѣтить Большую и Малую Знаменку на Днѣпрѣ (Конкѣ) и долженъ, на основаніи личнаго знакомства съ мѣстностью, внести легкую поправку въ мои пріуроченія Амадоки и Азагаріона. Послѣдній городъ несомнѣнно вѣрно пріуроченъ мною къ кучугурамъ близъ Малой Знаменки (Каменки) противъ Никополя. Подъ громадными песочными насыпями, покрывшими весь древній, повидимому довольно обширный городъ, еще видны слѣды мостовой широкой улицы, пересѣкающей городище, кажется, во всю его длину. Мѣстами виднѣются остатки большихъ каменныхъ сооруженій, домовъ и городской стѣны (?). Вся площадь кучугуръ усѣяна здѣсь безчисленными черепками древнихъ красноглиняныхъ амфоръ, бронзовыми и кремневыми наконечниками стрѣлъ; часто встрѣчаются также черноглиняные черепки и древнія ольвійскія, херсонесскія и друг. монеты. Сильные вѣтры, разнося песочные холмы, нерѣдко обнаруживаютъ древнія погребенія, и мѣстные обыватели разсказываютъ чудеса о богатыхъ золотыхъ предметахъ, которые когда-то здѣсь были находимы. Въ этомъ (1899) году мѣстный учитель села Каменки, Д. Я. Сердюковъ, подарилъ Императорской Археологической Коммиссіи небольшую коллекцію вещицъ и монетъ, найденныхъ имъ самимъ въ предѣлахъ древняго

Стран. Строка (сверху).

городища и свидѣтельствующихъ о существованіи города въ древнегреческую эпоху (см. отчетъ Коммиссіи за 1899 г.). Ему же Коммиссія поручила въ этомъ году развѣдочныя раскопки, которыя, будучи произведены въ незначительныхъ лишь размѣрахъ, не привели, пока, къ выясненію топографіи древняго города. Я убѣжденъ, что болѣе обширныя раскопки выяснятъ планъ Азагаріона и дадутъ интересныя и богатыя находки греческаго дѣла.—Къ библіографическимъ указаніямъ о Каменскихъ кучугурахъ на стр. 214 нужно добавить еще статью Соколова «Бѣлозерское городище на Днѣпрѣ» въ «Дѣлѣ» за 1892 г., и статью Д. Сердюкова «Каменскіе кучугуры и ихъ древности», въ Крымскомъ Вѣстникѣ отъ 3 апрѣля 1896 г. (№ 73). — Что же касается валовъ и окоповъ, описанныхъ Вертильякомъ (см. стр. 214), то они болѣе поздняго происхожденія и сооружены лишь въ прошломъ вѣкѣ Минихомъ, какъ сообщилъ мнѣ Д. Я. Сердюковъ. Въ древности здѣсь находился, можетъ быть, поздній некрополь Азагаріона, такъ какъ мѣстность эта отдѣлена отъ городища лишь узкимъ рукавомъ, соединяющимъ Бѣлозерскій лиманъ съ Конкою. Этимъ объяснились бы находки урнъ и т. под. въ этомъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, къ нему нельзя пріурочивать птолемеевой Амадоки, тѣмъ болѣе, что и указанное Птолемеемъ разстояніе этого города отъ Азагаріона (14,4 в.), какъ я могъ лично убѣдиться, не подтверждаетъ моего пріуроченія. Амадока находилась несомнѣнно верстахъ въ 10 ниже по Днѣпру, въ противоположномъ концѣ Большой Знаменки, гдѣ

Стран.	Строка (сверху).	
		теперь виднѣется такъ наз. «Мамаево городище» и гдѣ, по разсказамъ обывателей, также сдѣлано не мало находокъ древнегреческихъ предметовъ и монетъ. Пріурочивая Амадоку къ этому мѣсту, мы получаемъ почти вполнѣ точное разстояніе отъ Азагаріона, т. е. около 12 верстъ. Надо надѣяться, что заступъ археолога и здѣсь также окончательно рѣшитъ занимающій насъ вопросъ.
215	13	вм. лѣвому чит. правому.
222 сл.		Мои опредѣленія городовъ по Гипакирю вполнѣ подтвердились мнѣ, когда я, лѣтомъ 1897 и 1898 гг., лично посѣтилъ этотъ край. Большіе греко-скиѳскіе (точнѣе, вѣроятно, сарматскіе) курганы сгруппированы именно около тѣхъ только селъ, къ которымъ мною пріурочены птолемеевы города. Такъ какъ въ Мелитопольской степи около другихъ, новѣйшихъ селъ (какъ-то Гавриловки, Демьяновки и т. д.) такихъ кургановъ нѣтъ, то этимъ неопровержимо доказывается, что именно только на мѣстахъ нын. Торгаевки, Нижнихъ и Верхнихъ Сѣрогозъ и т. д. существовали поселенія въ греческую пору. Около *Нижнихъ Сѣрогозъ* высится величественный курганъ Огузъ, раскопанный Н. И. Веселовскимъ въ 1891—1894 гг. и представляющій еще теперь, послѣ раскопки, одну изъ самыхъ значительныхъ насыпей нашего юга. Въ $1^1/_2$ верстахъ отъ него, ближе къ селу, находился такъ наз. Дѣевъ курганъ, скрывавшій въ своихъ нѣдрахъ богатѣйшее женское погребеніе съ замѣчательными золотыми предметами греческаго дѣла III—II вв. до Р. Хр. и дослѣдованной въ 1897 г. К. Е. Думбергомъ. Имъ же въ томъ же году

ан. Строка (сверху).

раскопанъ третій курганъ, близъ Огуза, также съ глубокою катакомбою и золотыми предметами того же, приблизительно, времени. Между Нижними и *Верхними Сърогозами* и около послѣдняго села мною разслѣдовано лѣтомъ 1898 г. нѣсколько кургановъ, къ сожалѣнію, уже разграбленныхъ въ древности, но относящихся, судя по плану находившихся подъ ними катакомбъ, приблизительно къ той же культурной эпохѣ. — Близъ *Большой Бѣлозерки* находится очень значительный курганъ «Цымбалка», раскопанный въ 1867—1868 гг. Забѣлинымъ и давн[illegible] также богатыя находки скиѳо-сарматской поры. Въ двухъ верстахъ отъ него, около самаго центра села, мною раскопанъ лѣтомъ 1898 г. большой курганъ, носящій въ народѣ названіе «Чмыревой могилы». Хотя центровая катакомба въ немъ и оказалась раззоренною въ древности, тѣмъ не менѣе боковое конское погребеніе, найденное мною нетронутымъ, дало богатѣйшія золотыя, серебряныя и бронзовыя украшенія конской сбруи, превосходной греческой работы, относящіяся приблизительно къ II—III в. до Р. Хр. и во многомъ напоминающія предметы, найденные въ знаменитомъ Чертомлыцкомъ курганѣ. Въ ½ верстѣ отъ Чмыревой могилы стоитъ еще не изслѣдованная, довольно значительная «Орлова могила». — Что касается, наконецъ, села *Балокъ* на Конкѣ, то и около него также сгруппировано большое количество высокихъ кургановъ. Всѣ они находятся на частной землѣ и ни одинъ изъ нихъ, пока, не изслѣдованъ научно. О находкахъ въ самомъ селѣ я, несмотря на разспросы, ничего не могъ узнать. Зато меня

Стран. Строка (сверху).

чрезвычайно заинтересовалъ камень, находящійся на одномъ изъ крестьянскихъ дворовъ села: камень этотъ представляетъ собою продолговатую четырехугольную плиту изъ Днѣпровскаго известняка; съ одной стороны гладкій, онъ съ другой стороны превосходно отдѣланъ глубокими желобами и производитъ впечатлѣніе триглифа. Во всякомъ случаѣ, онъ — остатокъ зданія, какихъ теперь не строятъ въ степи и не строили со временъ греческихъ. Имъ иллюстрируется то, что говоритъ Чертковъ въ своемъ письмѣ (см. стр. 224) и подтверждается мое пріуроченіе упоминаемой имъ находки къ селу Балки. По разсказу крестьянина-владѣльца, камень этотъ найденъ имъ въ полѣ, въ ½ верстѣ отъ села. Такъ какъ тамъ стояла высокая рожь, то я не могъ осмотрѣть мѣсто находки, и недостатокъ времени не позволилъ мнѣ продолжать мои изысканія. Я убѣжденъ, что тщательные розыски приведутъ и здѣсь, въ крайнемъ пунктѣ греческой жизни на Днѣпрѣ, къ интереснымъ и важнымъ результатамъ. — Подробныя свѣдѣнія о вышепоименованныхъ раскопкахъ читатель найдетъ въ отчетахъ Археологической Коммиссіи за соотвѣтствующіе годы.

223 3 вм. Гинакирь чит. Гипакирь.

225 23 вм. пе чит. не.

253 8 вм. было, выводы чит. было выводы

270 пр. 2 вм. центрѣ, нын. чит. центрѣ нын.

273 14 вм. ᾿Αρουϑ чит. Ἄρουϑ.

281 пр. 24 вм. Grimn. чит. Grimm

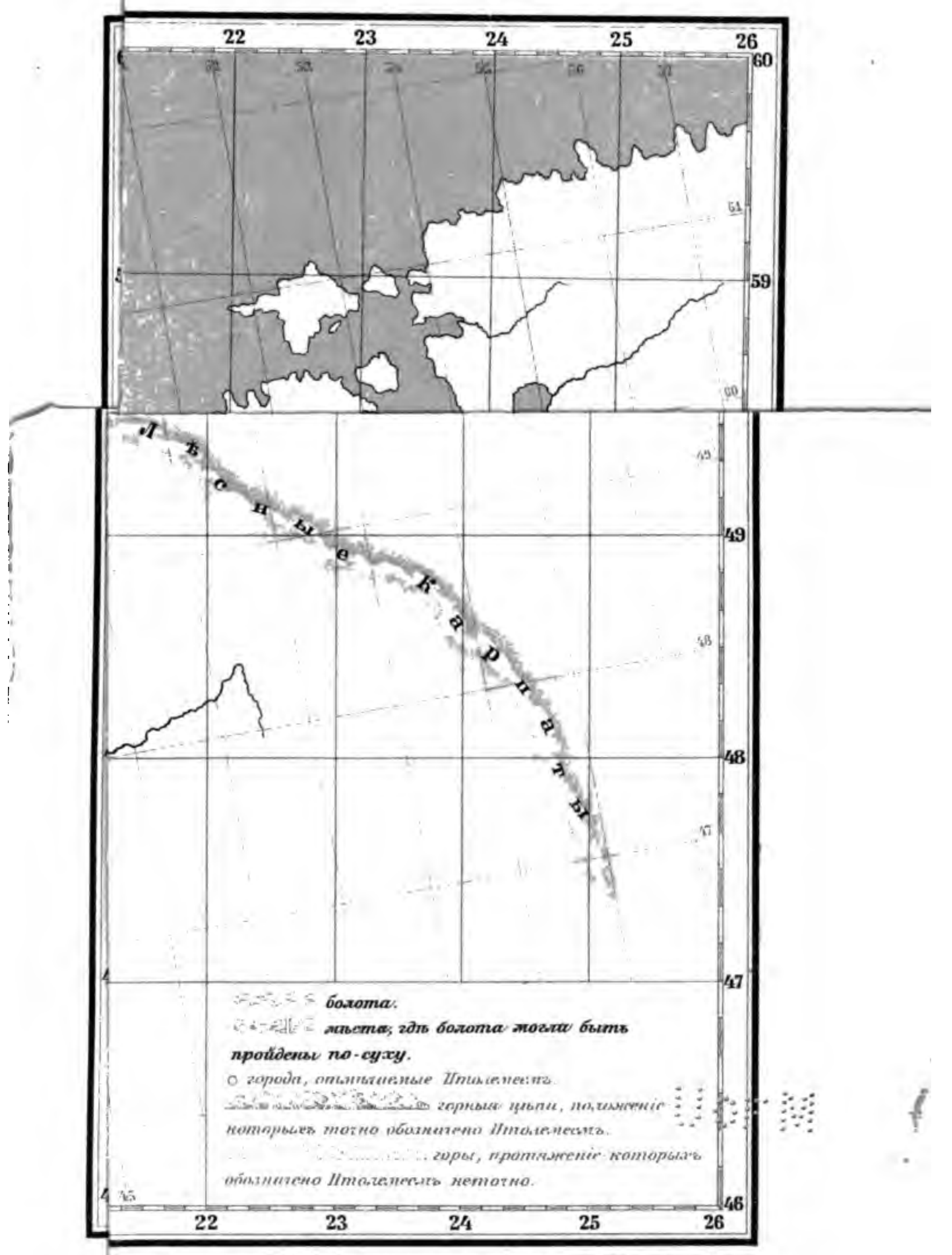
» » 33 сл. «звался я Gautr среди боговъ».

286 23 сл. «Я Мерила книжникъ рукой моей подписалъ».

Стран.	Строка (сверху).	
303	24	Что Готландъ заселенъ не изъ Скандинавіи, а съ юга, доказывается и археологическими данными. См. H. Hildebrand. Das heidnische Zeitalter in Schweden, übers. v. Mestorf, Hamburg 1873 p. 179 s.
320	13	вм. Британіи чит. Британніи.
323 пр.		вм. Eskildhoch чит. Eskildh och.
334	15	послѣ точки вставить: А это даетъ намъ право читать у Птолемея III,5,10 вм. Οὐέλται—Οὐένται (см. выше стр. 252) и пріурочить этотъ народецъ именно къ этому пункту балтійскаго побережья: у Птолемея они, дѣйствительно, отмѣчены между Рудономъ и Турунтомъ, т. е. между Виндавой и Западной Двиной.

УКАЗАТЕЛЬ.

Слова расположены по русскому алфавиту, причемъ греч. Ζ, ζ см. подъ з; греч. η подъ -е, э-; лат. h, греч. ʽ подъ г; греч. χ подъ х; ξ подъ kc; υ подъ и, i; герм. þ подъ т. Діакритическіе знаки (, ʹ и т. п.) въ расчетъ не приняты. Числа, выдѣленныя шрифтомъ, указываютъ на важнѣйшія страницы.

Печатано въ артистическомъ заведеніи А. Ф. МАРКСА, СПБ.

